

Весь

ШЕКИ

ДЕСЯТАЯ
ЖЕРТВА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

ВОССТАНИЕ

1998

Весь
ШЕКЛИ

Весь

ШЕКИ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

ОБМЕН РАЗУМОВ

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

ДЕСЯТАЯ ЖЕРТВА

ЛАБИРИНТ МИНОТАВРА

ОШЫ-ОСНОВАТЕЛИ

ОТЦЫ — ОСНОВАТЕЛИ

Роберт

ШЕКЛИ

ДЕСЯТАЯ
ЖЕРТВА

Москва
ЭКМО
2004

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Ш 40

Robert SHECKLEY
THE TENTH VICTIM
VICTIM PRIME
HUNTER/VICTIM
AGENT X
THE ALTERNATIVE DETECTIVE
DRACONIAN NEW YORK
SOMA BLUES

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Шекли Р.
Ш 40 Десятая жертва: Романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2004.— 960 с. (Серия «Отцы-основатели. Весь Шекли»).

ISBN 5-699-03906-6

В четвертый том собрания сочинений знаменитого американского фантаста включены популярные циклы романов «Десятая жертва» и «Агентство «Альтернатива», а также иронический шпионский роман «Агент X, или Конец игры».

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© Robert Sheckley, 1956...2003. Публикуется с разрешения автора.

© Перевод. С. Кононцев, И. Почиталина, Д. Прошункина, И. Тогоева, А. Филонов, А. Хромова, 2003

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2003

ISBN 5-699-03906-6

ДЕСЯТАЯ ЖЕРТВА

Она могла бы погубить любого мужчину. Кэролайн Мередит, тонкая, гибкая молодая женщина, задумчиво сидела за высокой стойкой бара из красного дерева, изящно переплетя стройные ноги и склонив узкое, словно выточенное из слоновой кости лицо к загадочным глубинам картины. Похожая на статуэтку, но волнующе живая, одетая в прекрасные шелка и с пелериной из черного как смоль соболя, небрежно наброшенной на роскошные плечи, она олицетворяла все то, что манило и влекло в этом непостижимом городе Нью-Йорке.

По крайней мере так думал приезжий. Он стоял на улице в десяти футах от огромного окна бара, за стойкой которого прекрасная Кэролайн изучала глубины своего бокала. Это был китаец — продавец ласточкиных гнезд¹ из Квейпина. Он был одет в белый костюм из плотной ткани, чесучовый галстук и парчовые туфли. На шею висел большой фотоаппарат «Броника».

Азиат с подчеркнутой небрежностью поднял камеру и сфотографировал точную канаву слева и какой-то котлован справа. Затем направил объектив на Кэролайн.

Потом он проделал с камерой какие-то манипуляции, внутри нее что-то зажужжало, загудело, и сбоку открылась створка.

Загадочный житель Небесной империи с ловкостью фокусника вставил в отверстие пять патронов с разрывными пулями и закрыл его. Теперь камера перестала быть только фотоаппаратом; она превратилась не то в стреляющую камеру, не то в фотографирующее оружие и могла выполнять две не связанные друг с другом функции.

Вооружившись таким образом, желтый охотник быстрыми, легкими шагами направился к цели. Он казался совершенно спокойным, только слегка затрудненное дыхание могло выдать его волнение.

Прелестная Кэролайн продолжала сидеть в той же позе. Она крутила в руках бокал; внутри него не было прорицательницы, способной предсказать ей будущее, — на дне лежало крохотное зер-

¹ Китайское национальное блюдо.

кальце. Глядя в него, Кэролайн с интересом следила за действиями убийцы из Квантуна.

Развязка наступила скоро. Китаец прицелился — и Кэролайн, продемонстрировав молниеносную реакцию, швырнула бокал в окно за секунду до выстрела.

— Вот те на! — только и смог вымолвить ошеломленный китаец; хоть он и родился на левом берегу Хуанхэ — опыта набрался в «Хэрродс».

Кэролайн не произнесла ни слова. В фуге над ее головой в оконном стекле красовалось маленькое отверстие, от которого лучами расходились трещины. Не дожидаясь, когда китаец опомнится, Кэролайн соскользнула с высокого табурета и стремглав, словно летучая мышь из ада, бросилась к черному ходу.

Бармен, следивший за происходившим, восхищенно покачал головой. Футбольный болельщик, он тем не менее обожал хорошую Охоту.

— Молодец, малышка! — воскликнул он вдогонку убежавшей Кэролайн.

Тут в бар ворвался продавец ласточкиных гнезд и бросился к черному ходу вслед за прекрасной беглянкой.

— Добро пожаловать в Америку! — успел крикнуть ему бармен. — И счастливой Охоты!

— Спасибо, я очень благодарный, — вежливо отозвался на бегу преследователь.

— Вот этого у них не отнимешь, у этих китаез, — заметил бармен, обращаясь к посетителью, сидевшему за стойкой. — Это у них есть — воспитание.

— Еще двойной мартини, — ответил посетитель. — Только не кладите лимон в бокал, положите рядом. Терпеть не могу, когда в коктейле болтается здоровый кусок лимона, как в «Пунше плантатора» или каком-нибудь другом гадком пойле.

— Конечно, сэр. Прошу прощения, сэр, — с готовностью произнес бармен.

Он тщательно смешал коктейль, но не мог выбросить из головы восточного охотника и его американскую жертву. Кто кого одолеет? И чем, интересно, это кончится?

Посетитель, казалось, читал его мысли.

— Предлагаю ставку — три к одному, — сказал он.

— На кого?

— Цыпочка ухлопает китаезу.

Бармен заколебался, затем улыбнулся, покачал головой и подал готовый коктейль.

— Пять к одному, — ответил он. — Сдается мне, малышка знает толк в Охоте.

— Заметано, — согласился мужчина — он тоже считал себя знатоком — и выдавил каплю лимонного сока в бокал с мартини.

Стремительно перебирая ногами, зажав под мышкой пелерину из соболя, Кэролайн мчалась мимо кричащих витрин Лексингтон-авеню. На углу 69-й улицы и Парк-авеню ей пришлось продирааться сквозь толпу, собиравшуюся поглазеть, как сажают на огромный гранитный кол преступника, уличенного в попытке выбросить мусор. Никто даже внимания не обратил на бегущую Кэролайн; зеваки глаз не сводили с гнусного нарушителя, деревенщины из Хобокена, у ног которого валялась предательская улика — обертка «Херши», — а руки были перемазаны шоколадом. С каменными лицами они слушали стенания и жалкие мольбы. Когда два палача подняли его за руки, чтобы посадить на Кол Злодеев, лицо преступника стало серым.

Публичные казни были недавним нововведением; последнее время их горячо обсуждала общественность, не проявляя такого же интереса к смертельным играм охотников и жертв.

...Светлые волосы Кэролайн развевались на бегу, словно яркий сигнальный флаг. Позади, футах в пятидесяти, задыхаясь, мчался вспотевший китаец, сжимая в безволосых руках свою стреляющую камеру. Казалось, он бежал не особенно быстро, но понемногу, дюйм за дюймом, с терпением, свойственным детям Востока, достигал девушку.

Стрелять он пока не решался. Открывать огонь на людной улице было чревато последствиями: задел прохожего, неважно, что случайно, — штраф в крупном размере, не говоря уже о позоре...

Поэтому китаец не стрелял и на бегу крепко прижимал к груди свой аппарат, способный благодаря извращенной изобретательности человека одновременно создавать копию и уничтожать оригинал. Внимательный прохожий наверняка заметил бы дрожь в руках охотника, обратил бы внимание на неестественно напряженные шейные мышцы. Но этого следовало ожидать — в полном списке китаяца Джона значились всего две Охоты, он был новичком в этом деле.

Кэролайн выскочила на угол Мэдисон-авеню и 69-й улицы, быстро оглянулась и побежала мимо «Пугливого цыпленка» («Обслуживаем пятьдесят человек, цены договорные»), но вдруг остановилась, тяжело, но так пленительно дыша. Заметив за «Пугливым цыпленком» открытую дверь, она взбежала по лестнице на второй этаж и оказалась на лестничной площадке, на которой толпились люди. Надпись на стене гласила: «Галерея Амели. Objets

de pop-or revisite»¹. Кэролайн сразу поняла, куда она попала, — ей всегда хотелось побывать здесь, хотя и при несколько иных обстоятельствах...

Однако «убивают, где получится, а умирают, где приходится», — гласит старинная поговорка. Поэтому, не оглядываясь, Кэролайн пробралась ко входу, не обращая внимания на протесты любителей искусства, и показала контролеру свою карточку. Тот взглянул на карточку — такие выдавались каждой Жертве и каждому Охотнику и давали им право повсюду беспрепятственно входить и выходить, если они предпринимали законные меры по спасению своих жизней или уничтожению чужих, — и кивнул. Схватив карточку, девушка вбежала в зал.

Здесь Кэролайн пришлось перейти на шаг, она взяла каталог и попыталась отдышаться. Потом надела очки, накинула на плечи пелерину и пошла по залам галереи.

Ее дымчатые очки — модель-новинка «Смотри кругом» — позволяли видеть происходящее на 360 градусов, кроме небольших слепых пятен на 42 и 83 градусах, а также зоны искажения прямо перед собой от 350 до 10 градусов. Несмотря на то что очки были неудобны и от них сильно болела голова, польза от этого изобретения была несомненной, поскольку Кэролайн сразу заметила своего Охотника футак в тридцати сзади.

Да, это был он, «азиатская чума», в белом костюме, потемневшем от пота под мышками, с чесучовым галстуком, сбившимся на сторону. Его смертоносная камера была прижата к груди; он двигался вперед походкой хищного зверя, прищуriv и без того узкие глаза и нахмуriv высокий лоб.

Кэролайн шла по залу с небрежным спокойствием, пытаясь не привлекать к себе внимания. Но китаец Джон заметил ее и направился прямо к кучке людей, за которой спряталась Кэролайн. Его губы были крепко сжаты, а глаза сузились еще больше, так, что, казалось, вообще исчезли с лица.

Подойдя поближе, китаец обнаружил, что Кэролайн скрылась, ускользнула от него... Ах вот как! Уголки рта преследователя искривились в улыбке. В конце зала была дверь. Долгое логическое мышление Запада, как правило, несвойственно детям Востока: только глянув на дверь, китаец понял, куда скрылась его жертва. Он кошкой проскользнул в конец помещения, решительно распахнул дверь и оказался в зале восковых фигур.

Фигуры, похоже, были сделаны из настоящего воска — материала, которым пользовались художники в далеком прошлом. Китаец, широко открыв глаза, уставился на них. Все фигуры изобра-

¹ Посетите еще раз — выставка нестарееющего поп-арта (фр.).

жали женщин, очень привлекательных (на западный вкус) и почти раздетых (на любой вкус). Они, по-видимому, демонстрировали различные па какого-то танца. «Стриптиз» — было написано на плакате. «Обманчивая метаморфоза. 1945 — «Век невинности»; 1965 — «Моль и ржавчина»; 1970 — «Возрождение основ»; 1980 — «Непринужденное пренебрежение формальностями».

Китаец обескураженно вглядывался в неподвижные фигуры, и рассудок, привычный к красоте лаковых лесов, к застывшему покою бутафорских рек и стилизованных аистов, не мог постичь смысла открывшейся взору картины.

У ног третьей слева фигуры, лицо которой было наполовину скрыто длинной белокурой прядью, лежала... черная соболья пелерина.

Житель Поднебесной больше не колебался. Он поднял камеру, прицелился — и нажал на спуск. Три пули поразили красавицу в верхнюю часть живота — отличная работа, что ни говори.

Итак, Охота закончена, он победил, жертва мертва, он... И вдруг одна из восковых фигур в дальнем конце зала ожила. Это была Кэролайн. На ней был странный металлический бюстгальтер, похожий на тот, что носила Вильма, легендарная жена Бака Роджерса, с той лишь разницей, что у Кэролайн эта часть гардероба оказалась более практичной. Не успел пораженный Охотник опомниться, как из каждой чашечки одновременно вылетело по пуле. Китаец еще успел пробормотать: «Так-так... Теперь, кажется, все...» — и рухнул на пол, бездыханный, словно вчерашняя скумбрия в рыбной лавке.

Свидетелями происшедшего оказались несколько посетитель. Один из них заметил:

— По-моему, это вульгарное убийство.

— Ничуть, — ответил тот, к кому обратились. — Я считаю, что это классическое убийство, — уж простите мне этот архаизм.

— Ловкая работа, но неизящная, — настаивал первый. — Впрочем, можно назвать ее *fin de siecle*¹, а?

— Конечно, — отозвался второй, — если имеешь вкус к дешевым аналогиям.

Первый наблюдатель хмыкнул, отвернулся и принялся разглядывать ретроспективную выставку изделий НАСА.

Кэролайн подняла соболью пелерину (в которой несколько женщин из числа зрителей узнали, впрочем, мех ондатры), по очереди дунула в стволы однозарядных пистолетов, скрытых в бюстгальтере, привела в порядок одежду, накинула пелерину на плечи и сошла с подставки.

¹ Конец света (фр.).

Большинство посетителей не обратили внимания на происшедшее; это были главным образом подлинные ценители искусства, не любившие, когда процесс эстетического созерцания нарушался мелкими досадными инцидентами.

Прибывший полицейский не спеша подошел к Кэролайн и спросил:

— Охотник или Жертва?

— Жертва, — ответила она и подала ему свою карточку.

Полицейский кивнул, наклонился над трупом китайца, достал его бумажник, извлек оттуда карточку и перечеркнул ее крест-накрест. На карточке Кэролайн полицейский сделал звездообразную просечку под рядом таких же и вернул ее.

— Участвовали в девяти Охотах, верно, мисс? — произнес он почтительно.

— Совершенно верно, — сдержанно ответила Кэролайн.

— Ну что ж, у вас это здорово получается, да и сегодня вы убили его аккуратно и со знанием дела, — одобрил полицейский, — без лишней жестокости, как некоторые. Лично я люблю наблюдать, как работают настоящие профессионалы: убивают ли они, готовят ли пищу, чинят обувь или еще что-нибудь... А что делать с призовыми деньгами?

— Пусть министерство перечислит их на мой счет, — бросила Кэролайн.

— Я сообщу им, — пообещал полицейский. — Вы успешно провели девять Охот! Осталась всего одна, а?

Кэролайн кивнула. Вокруг нее постепенно собралась целая толпа, оттеснившая полицейского. Это были одни женщины: женщины-Охотники встречались довольно редко, а потому привлекали внимание.

Послышались возгласы одобрения, и Кэролайн, вежливо улыбаясь, выслушивала их в течение нескольких минут. Наконец она почувствовала усталость — нормальному человеку трудно привыкнуть к эмоциональному напряжению Охоты.

— Очень вам благодарна, — сказала она, — но сейчас мне нужно отдохнуть. Господин полицейский, вас не затруднит прислать мне галстук Охотника? Я сохраню его как сувенир.

— Слушаюсь и повинуюсь, — ответил полицейский.

Он помог Кэролайн пробраться сквозь восторженную толпу и проводил до ближайшего такси.

Пять минут спустя в зал вошел невысокий бородатый мужчина в вельветовом костюме и лакированных туфлях. Он посмотрел по сторонам, удивляясь пустоте залов: почему говорили, что на

эту выставку трудно достать билеты? Ну да ладно. Мужчина начал осматривать экспонаты.

Разглядывая картины и скульптуры, он многозначительно кивал, якобы со знанием дела. Подойдя к труппе китайца, распростертому посреди зала в луже крови, мужчина остановился. Он долго и задумчиво смотрел на труп, потом заглянул в каталог, обнаружил, что там его нет, и пришел к заключению, что экспонат прибыл слишком поздно, а потому не попал в список. Он еще раз внимательно посмотрел, углубившись в размышления, и наконец высказал вслух свою точку зрения:

— Ничего, кроме структурных достоинств... Производит определенное впечатление, пожалуй, хотя излишне бьет на эмоциональность.

И проследовал в следующий зал.

Глава 2

Что может быть приятнее июньского дня? Мы можем ответить на этот вопрос. Намного приятнее середина октября в Риме, когда Венера входит в дом Марса, и туристы, подобно леммингам, завершили свою ежегодную миграцию, и большинство из них отправилось домой, в свои холодные туманные страны, где родились.

Впрочем, некоторые из этих искателей солнечного света и тепла остаются. Они приводят свои жалкие оправдания: спектакль, вечеринка, концерт, который не хотелось пропустить, свидание. Однако настоящая причина иная: у Рима есть особая атмосфера, наивная и несравнимая. В Риме можно стать главным действующим лицом в драме своей собственной жизни. Это, разумеется, не более чем иллюзия, однако северные города не могут похвастаться и этим.

Барон Эрик Зигфрид Рихтоффен ни о чем таком не думал. Его лицо выражало привычное раздражение. Германия вызывала у него неодобрение (отсутствие дисциплины), Франция — отвращение (грязь), а Италия одновременно и раздражала, и вызывала отвращение (отсутствие дисциплины, грязь, эгалитаризм, декадентство). Он приезжал в Италию каждый год; несмотря на неисправимые недостатки, эта страна казалась ему наименее отталкивающей среди остальных. К тому же здесь ежегодно проводилась международная выставка лошадей на Пьяцца ди Сиенна.

Барон слыл блестящим наездником. Это его предки втапывали в грязь крестьян коваными копытами своих боевых коней.

В конюшне барона были слышны звуки фанфар, сопровождавших парад конных карабинеров в сверкающих мундирах на площади.

Барон был крайне раздражен, поскольку стоял в одних носках и ждал, когда кто-нибудь из грумов — когда эти парни нужны, их невозможно найти! — принесет ему сапоги. Проклятый грум отсутствовал уже восемнадцать минут тридцать две секунды, если верить часам на руке барона. Сколько нужно времени, чтобы навести глянец на пару сапог? В Германии, точнее, в замке Рихтоффенштейн, который барон считал последним осколком истинной Германии, пару сапог приводят в почти идеальное состояние в среднем за семь минут и четырнадцать секунд. Подобное промедление вызывает желание зарыдать, или впасть в ярость, или сорвать зло на ком-то, или сделать что-то еще...

— Энрико! — завопил барон так, что его можно было услышать на Марсовом поле. — Энрико, проклятье, где ты?

Глас вопиющего в пустыне... На площади щеголеватый пижон-мексиканец кланяется судьям. Наступает очередь барона... Но у него нет сапог, черт побери, нет сапог!

— Энрико, мерзавец, немедленно иди сюда или этим вечером прольется кровь! — снова загремел барон.

Выкрикнуть такую длинную фразу единым духом нелегко, и он едва перевел дыхание. Ожидая отклика, барон прислушался.

А где же таинственный Энрико? Под трибунами наводит окончательный блеск на пару сапог для верховой езды, сапог настолько великолепных, что они не могут не вызывать зависти у любого всадника. Энрико был худым и морщинистым стариком, уроженцем Эмилии, привезенным в Рим по требованию общественности. Все единодушно признавали, что никто не может сравниться с ним в искусстве чистки сапог. Это относилось даже к тем знатокам, которые привносили принципы «дзэн 175-буддизма» в Искусство Чистки и Полировки.

Энрико увлеченно трудился, сосредоточив внимание на сверкающих шпорах. Он наморщил от усердия лоб и осторожно покрывал блестящий металл серебристым веществом.

Он был не один. Рядом, наблюдая за его действиями с определенным интересом, находился человек, которого можно было принять за двойника Энрико. Оба мужчины были одеты совершенно одинаково, до мельчайшей детали. Единственным различием было то, что второй Энрико был связан и во рту у него был кляп.

Снаружи донеслись восторженные крики толпы, приветствовавшей мастерство мексиканца. Перекрывая их, раздался вопль барона, вполне пригодный для полковых плацев:

— Энрико!

Энрико-1 поспешно встал, последний раз осмотрел сверкающие сапоги, похлопал Энрико-2 по лбу и быстро захромал под трибунами к своему хозяину.

— Ха! — выдохнул барон при виде слуги и сопроводил это восклицание потоком немецких слов, непонятных, но, без сомнения, обидных для скромного Энрико.

— Ну что ж, посмотрим, — наконец произнес барон, когда его гнев остыл.

Он осмотрел сапоги и увидел, что придраться не к чему. Тем не менее барон обмахнул их замшевой тряпкой, которую постоянно носил в кармане как полезную вещь, предназначенную для того, чтобы ставить самодовольных грумов на место.

— Немедленно надень на меня сапоги! — скомандовал барон и вытянул мощную тевтонскую ногу.

Надевание сапог, сопровождаемое проклятиями, наконец было завершено. И как раз вовремя, потому что мексиканский наездник — у него были напомажены волосы! — выезжал с поля под гром аплодисментов.

В блестящих сапогах, с моноклем в глазу, держа под уздцы верного коня — знаменитого Карнигора III от Астры из Асперы, — барон шагнул вперед, чтобы предстать перед судьями.

Остановившись ровно в трех шагах от судейской ложи, барон вытянулся по стойке «смирно», склонил голову на четверть дюйма и молодежато щелкнул каблуками. Раздался громкий взрыв, и барона окутало облако серого дыма. Когда дым рассеялся, все увидели барона: он лежал лицом вниз перед трибунами, мертвый, как пикша, выловленная на прошлой неделе.

Поднялась паника, казалось, охватившая всех зрителей, кроме одного англичанина в твидовом костюме с пузырями на коленях, сделанными еще на фабрике, и грубых ботинках из шотландской кожи весом по два и три четверти фунта каждый, который громко крикнул: «Как лошадь? Не случилось ли чего с лошадью?»

После того как его заверили, что лошадь барона ничуть не пострадала, англичанин сел на место, недовольно бормоча, что не следует взрывать бомбы поблизости от лошадей и что в некоторых странах виновник такого безобразия тут же стал бы объектом внимания полиции.

Но и в этой стране злоумышленник немедленно привлек внимание полиции. Он вышел из конюшни и сбросил маску грума. Это был Энрико-1, он же Марчелло Поллетти, мужчина лет сорока, а может быть, тридцати девяти, с привлекательным меланхолическим лицом, грустной улыбкой, ростом чуть выше среднего. У него были высокие скулы, говорящие о глубоко скрытой страст-

ности, сдержанная усмешка скептика и карие глаза с тяжелыми припухшими веками — явная примета человека, любящего безделье. Его увидели несколько тысяч зрителей на трибунах и тут же оживленно принялись обмениваться впечатлениями по поводу случившегося.

Поллетти изящно поклонился приветствовавшей его толпе и предъявил лицензию на право Охоты ближайшему полицейскому. Тот проверил ее, сделал просечку, отдал честь и вернул Поллетти.

— Все в порядке, сэр. Разрешите мне первым поздравить вас с убийством, одновременно волнующим и эстетически безукоризненным.

— Вы очень любезны, — ответил Марчелло.

Их окружила толпа репортеров, искателей острых ощущений и доброжелателей всех видов и сортов. Полиция отогнала всех, кроме журналистов, и Марчелло начал отвечать на вопросы со спокойным достоинством.

— Почему, — спросил французский репортер, — вы решили нанести взрывчатку на шпоры?

— Это было необходимо, — ответил Поллетти. — На нем был пуленепробиваемый жилет.

Журналист кивнул и записал в блокноте: «Щелканье каблукми, принятое у прусских офицеров, сегодня, по иронии судьбы, привело к гибели одного из аристократов. Смерть в результате исполнения символически высокомерного жеста — этот жест предполагает наличие исключительных достоинств, — несомненно, должна означать смерть экзистенциальную. Таким по крайней мере было мнение Охотника Марела Поети...»

— Как вы думаете, насколько удачным будет исполнение вами роли Жертвы в следующей Охоте? — спросил мексиканский репортер.

— Я, право, не знаю, — ответил Марчелло. — Но, несомненно, исход станет смертельным для одного из двух участников.

Мексиканец улыбнулся и написал: «Мариелло Поленци убивает, не теряя спокойствия, и относится к грозящей ему самой гибели хладнокровно. В этом мы видим универсальное утверждение «мачизма», мужественности того сорта, когда жизнь постигается только через безусловное принятие смерти...»

— Вы считаете себя жестоким? — спросила американская журналистка.

— Ни в коем случае, — отозвался Марчелло.

Она записала: «Нежелание хвастаться вместе с полной уверенностью в своей силе делает Марчелло Поллетти человеком

особым, совершенно приемлемым для американской модели поведения...»

— Вы боитесь, что вас могут убить? — поинтересовался репортер из Японии.

— Конечно, — ответил Марчелло.

«Учение «дзэн», — начал писать репортер, — по крайней мере с одной авторитетной точки зрения, является искусством видеть вещи такими, каковы они в действительности. Марчелло Поллетти, спокойно воспринимающий страх перед смертью, можно сказать, сумел победить его методом чисто японским. Но сумел ли? Неминуемо встает вопрос, является ли признание Поллетти страха перед смертью великолепным преодолением непреодолимого или простым принятием неприемлемого?»

...Поллетти приобрел довольно широкую известность. В конце концов, не каждый день Охотник взрывает свою жертву на международной выставке. Дела такого рода становятся сенсацией. Разумеется, имело значение и то, что Поллетти был привлекательным мужчиной, скромным, утратившим вкус к жизни, мужественным и, самое главное, заслуживающим того, чтобы его взгляды интересовали читателей.

Глава 3

Гигантский компьютер жужжал и щелкал, на его панели мелькали красные и синие огни, выключались белые и загорались зеленые. Это был игровой компьютер, огромная машина, аналог которой находились во всех столицах цивилизованного мира. Именно он занимался судьбами всех Охотников и жертв. Он подбирал пары противников, регистрировал результаты их единоборств, присуждал денежные призы победителю или посылал соболезнования семье проигравшего, менял ролями уцелевших игроков, делая Охотника Жертвой, а Жертву Охотником, и следил за их непрерывным участием в Охоте до тех пор, пока один из них не достигал желанной цифры — десять убийств.

Правила были просты: к участию в Охоте допускались все мужчины и женщины в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет, независимо от цвета кожи, вероисповедания и национальности. Изъявившие желание участвовать были обязаны пройти все десять Охот, поочередно становясь пять раз Охотниками и пять — Жертвами. Охотники получали имя, адрес и фотографию Жертвы, Жертва — всего лишь уведомление, что ее преследует Охотник. Все убийства требовалось совершить лично, причем за убийство не того человека следовало суровое наказание. Сумма денежного приза увеличивалась в зависимости от количества совершенных

убийств. Победитель, успешно прошедший весь путь, получал в награду практически неограниченные гражданские, финансовые, политические и моральные права. Так просто.

После введения Охот прекратились все крупные войны; их заменили миллионы маленьких войн, количество соперников в которых было сведено к минимуму — двум.

Охота была делом совершенно добровольным, и ее цель отвечала самой практической и реалистичной точке зрения. Если кто-то хочет убить кого-то, гласили аргументы в ее пользу, почему не дать ему такую возможность при условии, что мы сумеем найти кого-то, желающего того же. Таким образом, они могут охотиться друг за другом и оставят нас в покое.

Несмотря на то что создавалось впечатление полной новизны, охотничьи игры были, в принципе, стары как мир. Это было качественно измененным возвращением к древним, более счастливым временам, когда наемники воевали друг с другом, а гражданские лица оставались в стороне и разговаривали об урожаях.

Для истории характерна цикличность. Когда накапливается слишком много явлений с одним знаком, он неминуемо переходит в противоположный. Время профессиональной — и часто бездействующей — армии прошло, наступил век массовой армии. Фермеры больше не говорили про урожаи, вместо этого они воевали за них. Даже если у них не было урожаев, которые следовало защищать, им все равно приходилось воевать. Рабочие оказались вовлеченными в хитроумные византийские интриги в заокеанских странах, а продавцы обувных магазинов с оружием в руках пробирались сквозь сумрачные джунгли и по вершинам гор, покрытым вечными снегами.

Почему они делали это? В те дни все казалось таким ясным. Приводилось множество причин, и каждый находил объяснение, отвечающее его чувствам. Однако то, что казалось столь очевидным, со временем утратило ясность. Профессора истории спорили между собой, эксперты в сфере экономики сомневались, психологи позволяли себе не соглашаться, а антропологи считали нужным напомнить.

Фермеры, рабочие и продавцы обувных магазинов терпеливо ждали, когда кто-нибудь скажет им: с какой стати, собственно, они подвергают свою жизнь опасности? Когда ясного ответа не последовало, они начали испытывать раздражение, недовольство и даже ярость.

Иногда они обращали оружие против правителей своих стран.

Растущая непримиримость народа, дополненная технологической возможностью умертвить всех и все, привела к излишне-

му накоплению факторов с одним знаком, и тот перешел в противоположный. Этого, конечно, нельзя было допустить.

На исходе пяти тысяч лет человеческой истории люди начали наконец что-то понимать. Даже правители, славившиеся тем, что неохотнее всех соглашались на перемены, осознали их неизбежность.

Войны не приводили ни к чему и не приносили никакой пользы; однако проблема склонности людей к насилию, которую не сумели искоренить долгие годы религиозного принуждения и полицейского обучения, все еще оставалась нерешенной. Решение было найдено в узаконенной в настоящее время Охоте.

Таким было по крайней мере одно объяснение возникновения этого явления. Справедливости ради следует отметить, что не все соглашались с подобным толкованием. Как всегда, профессора истории спорили между собой, эксперты в сфере экономики сомневались, психологи позволяли себе не соглашаться, а антропологи считали нужным напомнить.

Таким образом, если принять во внимание их возражения, у нас не остается ничего, кроме непреложного факта существования самой Охоты — факта такого же странного, как похоронные обряды древних египтян, такого же обычного, как обряды посвящения индейцев племени сну, и столь же непостижимого, как нью-йоркская фондовая биржа. В результате существования Охоты можно объяснить только ее существованием, поскольку, согласно по крайней мере одному авторитетному мнению, ничто оправдывает существование чего-нибудь.

Мелькали огни, включались контуры, шелкали реле, вращались диски. Перфокарты мелькали, как белые голуби, — и игровой компьютер соединил две жизни.

Охота АСС1334ВВ: Охотник — Кэролайн Мередит, Жертва — Марчелло Поллетти.

Глава 4

— Кэролайн, — произнес мистер Фортинбрас, — хочу поздравить вас с весьма изящным убийством.

— Спасибо, сэр, — ответила Кэролайн.

— Оно было, насколько я помню, девятым?

— Совершенно верно, сэр.

— Значит, осталось всего одно, а?

— Да, сэр. Если сумею.

— Сумеете, — заверил ее Фортинбрас. — Сумеете, потому что я, Дж. Уолстод Фортинбрас, говорю, что сумеете.

Кэролайн скромно улыбнулась. Фортинбрас ухмыльнулся.

Он был боссом Кэролайн, главой компании «Телеплекс Ампуорк». Обладая небольшим ростом, он пытался найти величие в грандиозном, и его пристрастие к вульгарному отступало только перед наслаждением всем подлым и гнусным. Он откинулся назад, смахнул что-то с рукава куртки, сделанной из настоящей замши, поднес ко рту большую сигару, сплюнул на бесценный бухарский ковер с трехдюймовым ворсом, вытер рот кружевным платком, сплетенным нищими браминами у погребальных костров Ганга, и потер лоб полированным ногтем, стремясь показать, что думает.

Он не думал, разумеется; он пытался — и делал такие попытки на протяжении многих лет — продемонстрировать свой характер. Дело, однако, заключалось в том, что у мистера Фортинбраса характер отсутствовал. Превосходные специалисты трудились годами, стараясь исправить этот недостаток, но тщетно. Это было единственным проклятием в жизни Фортинбраса.

— Сейчас вы будете Охотником, верно? — спросил он у Кэролайн.

— Да, сэр.

— А вам уже сообщили, кто является вашей следующей Жертвой?

— Сообщили, сэр. Это мужчина по имени Марчелло Поллетти, житель Рима.

— Рима в штате Нью-Йорк?

— Нет, Рима в Италии, — учтиво поправила его Кэролайн.

— Ну что ж, это еще лучше, — заметил Фортинбрас. — Там, наверное, более живописно. Так вот, моя идея заключается в следующем, и я хочу, чтобы вы обдумали ее очень тщательно и сообщили мне свое мнение честно и прямо. Поскольку у нас, в нашей компании, есть потенциальный победитель в десяти Охотах, почему бы не попробовать снять документальный фильм о десятом убийстве? А?

Кэролайн задумчиво кивнула. Кроме нее и Фортинбраса, в кабинете находились еще трое мужчин — все молодые, красивые, мышленные и несносные.

— Да, да! — воскликнул Мартин.

Занимая пост старшего исполнительного заместителя продюсера, он был единственным (за исключением самого Фортинбраса), кому разрешалось пользоваться восклицательными знаками.

— Вы попали в самую точку, босс, — тихо заметил Чет.

Насколько он помнил, в прошлом году было снято тридцать семь документальных фильмов о различных аспектах Охоты.

— Лично я не уверен, — произнес Коул.

Будучи самым младшим исполнительным помощником, Коул

знал, что на его долю выпал несчастливый долг расхотиться во мнениях с шефом, поскольку Фортинбрас испытывал отвращение к людям, во всем поддакивающим ему, и не хотел, чтобы его окружали одни подхалимы. Коул ненавидел свою работу, потому что чувствовал, что Фортинбрас всегда прав. Он мечтал о времени, когда наймут четвертого исполнительного помощника, что позволит ему говорить «да».

— Трое против одного, — сказал Фортинбрас, омерзительно смачивая слюной конец сигары. — Видимо, вы остались в меньшинстве, а, Коул?

— Пожалуй, это к лучшему, — удовлетворенно отозвался Коул. — Я считаю своим долгом выражать собственную точку зрения, но уверяю вас, что я с ней не согласен.

— Мне нравится ваша прямота, — заметил Фортинбрас. — Честность и здравый смысл помогут вам сделать карьеру, пусть у вас не будет сомнений на этот счет. Итак, посмотрим. Что, если мы назовем фильм «Момент истины»?

Присутствующие умело скрыли гримасу отвращения. Фортинбрас продолжал:

— Впрочем, это название чисто рабочее; я просто, так сказать, примерял его. А вот еще одно: «Миг откровенности». Как вы считаете?

— Мне очень нравится! — тут же отозвался Мартин. — Прямо в десятку, босс.

— Здорово, очень здорово, — поддержал его Чет, наслаждаясь ужасом названия с полузакрытыми глазами.

— Я считаю, что в названии чего-то не хватает, — произнес Коул несчастным голосом.

— Не хватает? Чего именно? — спросил Фортинбрас.

Коула никогда еще не просили объяснять, почему его точка зрения иная. Он почувствовал, как у него перехватило дыхание и ледяная дрожь прошла через желудок. Он превосходно понимал, что эти симптомы предвещают наступление безработицы.

Мартин, о доброте сердца которого ходили легенды аж до 10-й авеню, пришел на помощь.

— Мне кажется, что Коул имел в виду одно из старомодных забористых названий. Что-то вроде простого названия «Десятый».

— А может быть, он не это имел в виду, — тут же пришел на помощь Мартину Чет.

— Думаю, что-то вроде этого пришло мне в голову, — поспешил поддержать их Коул. — Я понимаю, конечно, что такие короткие забористые названия теперь устарели...

Он замолчал. Фортинбрас, прижавший средний палец пра-

вой руки к точке на дюйм выше едва заметных бровей, погрузился в медитацию. Шли секунды. Фортинбрас закрыл глаза неопределенного цвета и снова открыл их.

— «Десятый»... — произнес он еле слышным голосом.

— Старомодно, — заметил Мартин. — Однако такие названия через некоторое время снова обретают звучание.

— «Десятый», — сказал Фортинбрас, смакуя это слово, как леденец.

— В этом что-то есть, — признал Чет, — хотя, конечно, нужно помнить...

— «Десятый!» — раздался торжествующий возглас Фортинбраса. — Да-да, «Десятый!» Это название взывает ко мне, джентльмены, по-настоящему взывает. Н-да... — Он снова затаился своей отвратительной сигарой, затем спросил: — Была хотя бы одна женщина, сумевшая достичь цифры десять?

— Нет, насколько мне известно, — ответил Мартин. — По крайней мере в Соединенных Штатах.

— Что ж, тогда все, — сказал Фортинбрас. — А вот женщин, убивших девятерых, было несколько, правда?

— Последней была мисс Амелия Брэндоум, — сказал Мартин. — Она добилась этого статуса восемь лет назад.

Он ознакомился с этой информацией прошлым вечером, предвидя сегодняшние события. Мартин стал старшим исполнительным заместителем продюсера именно потому, что умел предвидеть.

— И что с ней стало? — спросил Фортинбрас.

— Ее подвела самоуверенность. Во время десятой попытки жертва прикончила ее. Она, вернее, он, потому что жертвой оказался мужчина, воспользовался дробовиком, заряженным кормом для птиц.

— Подобное оружие не кажется мне таким уж смертоносным, — покачал головой Фортинбрас.

— В данном случае оно оказалось смертоносным, — сказал Чет. — Выстрел был произведен с расстояния примерно в два дюйма.

— Надеемся, что вы не проявите такой самоуверенности, Кэролайн, — хихикнул Фортинбрас.

— Да, сэр, я тоже надеюсь, — ответила Кэролайн.

— В противном случае вы окажетесь без работы, — добавил Фортинбрас, делая жалкую попытку пошутить.

— Да и без жизни, — заметила Кэролайн.

Остроумие Кэролайн пришлось всем по вкусу. Когда смех утих, Фортинбрас перешел к делу.

— О'кей, ребята, — начал он, — приготовьтесь к перелету и

действуйте побыстрее. У нас есть свободных полчаса в эфире послезавтра от десяти до половины одиннадцатого утра, так что передача будет вестись напрямую, живьем — или, наоборот, вмертвую? Хе-хе. В общем, ребята, вы знаете, какой тон выбрать для передачи, — абсолютно серьезный, но с легким юмором. Не беспокойтесь о всяких там фонах, просто излагайте ход Охоты в живой впечатляющей манере, но с достоинством и, как я уже сказал, с юмором. Вы ведь знаете, что я имею в виду, правда, Мартин?

— Думаю, что сумею разобраться, сэр, — сказал Мартин.

За последние три года он все время думал за Фортинбраса, с того самого момента, как стал старшим исполнительным заместителем продюсера. К следующему году Мартин надеялся занять место Фортинбраса.

Вряд ли можно было отрицать, что Фортинбрас был действительно глуп; однако он не был абсолютным болваном. Он собирался уволить Мартина сразу после завершения предстоящего задания. Но это оставалось его маленькой тайной, которой он не поделился ни с кем, даже со своим психиатром.

Глава 5

Министерство Охоты в Риме находилось в огромном современном здании, выстроенном в псевдороманском стиле с элементами готики. По его широкому белым ступеням из античного камня быстро поднимался Марчелло Поллетти, тот самый Поллетти, который вчера убил барона фон Рихтоффена. Когда он поднялся, от балюстрады отошли какие-то зловещие фигуры, одетые в черное, и окружили его.

— Эй, мистер, — обратился к Поллетти один, — не хотите ли купить карманный металлодетектор?

— Он не сможет обнаружить пистолет из пластика, — ответил Марчелло.

— Между прочим, — заметил второй, — у меня есть детектор и для пластика.

Поллетти улыбнулся, пожал плечами и пошел дальше.

— Извините меня, сэр, но, похоже, вам требуется хороший наблюдатель.

Поллетти, не останавливаясь, покачал головой.

— Но ведь вам нужен наблюдатель, — настаивал мужчина. — Каким образом вы надеетесь опознать своего Охотника, если не прибегнете к услугам отлично подготовленного Наблюдателя? Что касается меня, я окончил курсы в Палермо и продолжил подготовку, повышая квалификацию, в Болонье. У меня есть письменные рекомендации от многих благодарных клиентов.

Он взмахнул пачкой потрепанных бумаг перед носом Поллетти. Тот пробормотал что-то вроде: «Мне очень жаль...» — и проскользнул мимо. Поллетти подошел к огромным бронзовым дверям Министерства, и мужчины, одетые в черное, безропотно вернулись на свои места у балюстрады.

Поллетти шел по коридорам мимо пыльных витрин, где были выставлены различные виды оружия, применявшиеся в Охоте, мимо карт мира, отражавших географию Охот, мимо групп туристов и школьников, которым плохо выбритые гиды в мятой, поношенной форме нудно рассказывали про историю Охоты. Наконец он нашел кабинет, который искал.

Войдя, Поллетти пулей устремился к столу, на котором стояла табличка «ВЫПЛАТА». За столом сидел чиновник, ведающий вопросами платежей, специально выбранный для этой работы из-за чопорной, высокомерной манеры поведения и характерной внешности: сгорбленные плечи, худая шея и очки в стальной оправе.

— Я хочу получить призовые деньги, — сказал Поллетти, вручая чиновнику свое удостоверение. — Вы, может быть, уже слышали о том, как я взорвал барона Рихтоффена на выставке лошадей. Сообщения об этом напечатаны во всех газетах.

— Никогда не читаю газет, — заявил чиновник, — а также не увлекаюсь болтовней о велосипедных гонках, футбольных матчах и Охотах. Как ваше имя?

— Поллетти, — отчетливо произнес Поллетти, слегка оробев.

Чиновник повернулся к шкафу с картотекой, где хранились досье на всех Охотников и всех Жертв в Риме. Быстрыми пальцами, привыкшими обращаться с бумагами, словно курица, клюющая зерна кукурузы, он перебрал карточки и ловко выхватил ту, что принадлежала Поллетти.

— Да, — наконец произнес он, сравнив фотографию Поллетти на карточке с фотографией на удостоверении и внимательно изучив настоящего (или якобы настоящего) Поллетти, стоявшего перед ним.

— Все в порядке? — спросил Марчелло.

— В полном, — ответил чиновник.

— Значит, я могу получить призовые деньги?

— Нет. Их уже получили.

Поллетти остолбенел. Однако он быстро взял себя в руки.

— Кто их получил?

— Ваша жена, синьора Лидия Поллетти. Она действительно ваша жена?

— Была... — сказал Поллетти.

— Вы развелись?

— Да. Два дня назад.

— Требуется неделя, иногда десять дней, чтобы данные об изменении в семейном положении попали ко мне. Вы, разумеется, можете подать жалобу.

На лице чиновника появилась самодовольная улыбка, и стало ясно, что он думает о шансах Марчелло когда-либо получить эти деньги.

— Теперь это не имеет значения.

Марчелло повернулся и вышел. Бесплезно демонстрировать свои чувства перед чиновником. Однако Марчелло деньги были нужны не меньше, чем самому клерку, может, даже больше. Вот так Лидия! Когда дело касается денег, она действует просто-таки молниеносно.

Выйдя из здания Министерства, Марчелло медленно пошел через улицу. Вдруг какая-то прелестная блондинка подбежала к нему, обняла за шею и страстно поцеловала. Марчелло изумился. Такие вещи случаются нечасто, а когда случаются, то в неподходящем месте и тогда, когда у него нет соответствующего настроения.

Марчелло попытался высвободиться из объятий, но девушка прильнула к нему и зарыдала:

— Пожалуйста, пожалуйста, сэр, проводите меня через улицу до входа в Министерство!

И тут Марчелло понял, что происходит. Он осторожно снял руки девушки со своей шеи и сделал шаг назад.

— Я ничем не могу помочь вам, — произнес он. — Это противоречит закону. Видите ли, я сам принимаю участие в Охоте.

Прелестная юная девушка (ей было лет девятнадцать-двадцать, самое большее — двадцать восемь) посмотрела вслед удалявшемуся Марчелло и поняла, что осталась один на один со смертельной опасностью на этой широкой солнечной улице. Она повернулась и побежала к Министерству.

Внезапно из переулка выскочил «Мазерати» — эту модель еще называли «преследователь», — который помчался прямо на девушку. Она увернулась от автомобиля, как матадор от быка. Но у этого «быка» оказались дисковые тормоза, на которые водитель нажал изо всех сил. В результате машина описала полукруг и остановилась перед девушкой. Ее лицо окаменело. Из сумки на плече она выхватила тяжелый пистолет-пулемет, щелкнула вставшим на место прикладом, перевела предохранитель в положение «огонь» и выпустила по автомобилю длинную очередь.

Тут же стал очевидным печальный факт, что девушка не сочла нужным позаботиться о бронебойных пулях. Ее выстрелы не

причинили никакого вреда сверкавшему «Мазерати», в то время как водитель, воспользовавшись представившейся возможностью, выскочил с другой стороны автомобиля и прямо изрешетил девушку пулями из древнего пулемета системы Стэна.

Когда перестрелка закончилась, из двери неподалеку появился полицейский, вежливо отдал честь, проверил карточку Жертвы, затем удостоверение Охотника, в котором сделал просечку.

— Поздравляю, сэр, — вежливо произнес он. — Примите также мои извинения. — И протянул мужчине квитанцию.

— А это что? — недоуменно спросил мужчина.

— Штраф за нарушение правил уличного движения, сэр, — объяснил полицейский, сделав жест в сторону «Мазерати», стоявшего поперек улицы и мешавшего движению.

— Но, приятель, — запротестовал мужчина, — я не смог бы ее убить, не затормозив мгновенно.

— Возможно, — согласился полицейский. — Но мы не делаем исключений даже для охотников.

— Возмутительно! — воскликнул мужчина.

— Девушка тоже нарушила правила, — заметил полицейский, — поскольку пересекла улицу на красный свет. Но в данном случае мы не можем взыскать штраф, поскольку нарушитель мертв.

— А если бы убили меня? — спросил мужчина.

— Тогда я оштрафовал бы ее, — пояснил полицейский, — оставив без внимания ваше нарушение.

Поллетти пошел дальше. Споры из-за пустяков надоедали ему так же, как и споры по важным вопросам.

Не успел он пройти и квартала, как ярко-красный спортивный автомобиль с опущенным верхом остановился рядом, скрипнув тормозами. Поллетти инстинктивно вздрогнул и оглянулся вокруг, ища убежища. Как всегда, скрыться было некуда. Через несколько секунд он обнаружил, что за рулем машины сидит Ольга.

Это была стройная, темноволосая, элегантная молодая женщина, изящно, хоть и чуть броско, одетая. Ее глаза, большие, черные, светились, как у волка, внезапно освещенного ярким фонарем. Ее можно было бы назвать очень привлекательной — если вам по душе такой тип женщин, — правильнее всего было охарактеризовать ее как параноидального шизофреника, одержимого манией убийства, с едва уловимыми кошачьими манерами.

Мужчины любят играть с опасностью, но не каждый день. Поллетти играл с Ольгой почти двенадцать лет.

— Я все видела, — произнесла Ольга многозначительно и мрачно.

Она всегда говорила многозначительно и мрачно, за исключением тех случаев, когда ее тон был истерическим.

— Видела? Что же ты видела?

— Все.

Поллетти вымученно улыбнулся.

— Если ты видела все, значит, ты все поняла.

Он хотел коснуться плеча Ольги, но та включила задний ход и отъехала на несколько ярдов. Поллетти опустил руку и пошел за ней.

— Милая, — начал он, — раз ты действительно видела все, то поняла, конечно, что между мной и этой несчастной девушкой нет ничего общего.

— Разумеется, — сказала Ольга. — Теперь.

— Не только теперь, а вообще, — продолжал убеждать Поллетти. — Поверь мне, Ольга, я видел ее впервые в жизни!

— У тебя на лице губная помада, — мрачно заметила Ольга.

Она была на грани истерики.

Поллетти поспешно вытер рот тыльной стороной ладони.

— Милая, уверяю тебя, что я даже не был знаком с этой несчастной девочкой...

— Тебе всегда нравились такие молодые, правда?

— ... и потому никак не мог встречаться с ней, никак.

— Значит, тебе приходилось только мечтать о таких встречах, а, Марчелло?

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Ольга ждала дальнейших оправданий, которые намеревалась с ходу отвергнуть. Поллетти просто молчал. Его лицо изменилось, на смену ритуальному выражению мольбы пришла гримаса обычной скуки. Мужчина, конечно, в долгу перед женщиной, с которой прожил двенадцать лет, но все же есть предел.

Внезапно он отошел от автомобиля и стал озираться, ища такси. Ольга включила сцепление и направила машину прямо на него, затормозив всего в каких-то двух дюймах.

Не говоря ни слова, Поллетти сел рядом с ней.

— Марчелло, ты лгун и обманщик, — произнесла Ольга.

Поллетти кивнул, закрыл глаза и откинулся на спинку мягкого сиденья.

— Если бы я так тебя не любила, то могла бы убить.

— Не спеши, твоя очередь еще придет, — пробормотал Поллетти, не открывая глаз.

— Весьма вероятно, — согласилась Ольга. — Но сначала ты должен увидеть меня в новом платье. — Она засмеялась и стиснула его руку. — Я уверена, что оно понравится тебе, Марчелло. А в нем и я.

— Не сомневаюсь.

— Почему мужчины такие свиньи?! — воскликнула Ольга.

Не получив ответа, она включила зажигание и помчалась по улице, словно за ней гнался ураган. Поллетти молчал, не открывая глаз, погруженный в свои мысли.

Глава 6

В небе над Римом пролетел огромный пассажирский реактивный самолет. Получив команду с земли, он зашел на посадку в аэропорту Фьюмичино. Из гигантских крыльев выдвинулись закрылки, включились воздушные тормоза, выскочил маленький хвостовой парашют, а за ним и большой. Пробежав по взлетной полосе, гигант неохотно остановился. В кабине пилотов послышались благодарственные молитвы.

Двери открылись, и на бетонное поле начали спускаться пассажиры. Среди них выделялась группа, состоявшая из трех странно похожих друг на друга мужчин и поразительно красивой женщины. Стюардесса повела их к стоявшему поблизости вертолету, тогда как остальных пассажиров посадили в автобусы и повезли к зданию аэропорта.

Четверка села в вертолет. Винт тут же пришел в движение, и неуклюжая машина стала карабкаться в небо. Кэролайн заняла место рядом с пилотом, а мужчины уселись на узкое сиденье в хвосте. Мартин, назначенный старшим исполнительным продюсером по съемкам на натуре — высокий, хотя и временный пост, — что-то писал в блокноте. Чет, следующий по старшинству, задумчиво кусал губы. Коул, самый младший, выглядел полным оптимизма и энергии.

Мартин оторвался от записной книжки и взглянул под ноги сквозь прозрачный плексигласовый пол.

— Это что, собор святого Петра?

— Совершенно верно, — подтвердил Чет.

— Как вы думаете, мы сможем арендовать его на день-другой? Вот если бы нам удалось заснять убийство именно здесь...

— А я могла бы переодеться монашкой, — мечтательно произнесла Кэролайн.

— Боюсь, собор святого Петра арендовать не удастся, — возразил Чет.

Будучи старшим исполнительным заместителем Мартина по съемкам, он был в курсе многого.

— Я имею в виду не саму церковь, — сказал Мартин. — Нам будет достаточно площади, ну и, может быть, нескольких видов собора для создания атмосферы.

— Нам не позволяют этого, — произнес Чет.

— А почему бы не провести съемки в павильоне? — спросил

Коул.

Оба старших по должности недовольно посмотрели на него.

— Забудьте об этом раз и навсегда, — произнес Мартин сурово. — Это документальный фильм, ясно? Вы что, забыли? Все должно быть как в жизни.

— Извините, — сказал Коул. — А это что?

— Фонтан Треви, — ответил Мартин. — Прелестное место. — Он повернулся к Кэролайн. — Как твое мнение, беби? Ты убиваешь его у фонтана, наплыв, труп Поллетти в воде, затем на экране снова появляешься ты, на лице торжествующая, но немного грустная улыбка, бросаешь в фонтан пару монет. Тут включаем громкий шум улиц, ты покидаешь площадь, медленно уходя по длинной мощеной улице, изображение затухает.

— Насколько я помню, вокруг фонтана Треви нет мощеных улиц, — заметил Чет.

— Ну и что? Сделаем мощеную улицу, — нетерпеливо произнес Мартин. — А если это не понравится, сразу после съемок бульжник будет убран.

— Действительно, производит впечатление, — задумчиво сказал Чет. — Производит немалое впечатление.

— Классная мысль, — поддержал Коул. — По-настоящему классная.

Все посмотрели на Кэролайн.

— Нет, — ответила девушка.

— Послушай, крошка... — начал Мартин.

— Нет, это ты послушай, — перебила Кэролайн. — Это мое убийство, мое десятое убийство, и я хочу, чтобы все выглядело блестяще. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Блестяще, — повторил Мартин.

Чет задумчиво пожевал губами. Коул по-прежнему выглядел энергичным и полным оптимизма.

— Совершенно верно, блестяще, — подтвердила Кэролайн.

В ее голосе послышались стальные нотки, которые никто раньше не замечал. Такая твердость встревожила Мартина. Ему не нравилась подобная самоуверенность. Стоит женщине совершить несколько убийств, и она начинает думать, что ей позволено все.

— У нас нет времени для подготовки, — объяснил он. — Съемки будут проводиться завтра утром.

— Это ваша проблема, — бросила Кэролайн.

Мартин приподнял солнечные очки и потер глаза. Работать с

женщинами всегда нелегко, а с женщинами-убийцами — просто невозможно. Раздался нерешительный, тихий голос Чета:

— Э-э, у меня появилась мысль о месте съемок. Что, если мы воспользуемся Колизеем? Вот он, прямо под нами.

Вертолет опустился пониже, и все принялись рассматривать массивный полуразрушенный овал.

— Я не знал, что он такой огромный, — произнес Коул.

— Мне нравится, — сказала Кэролайн.

— Ну конечно, это было бы великолепно, — согласился Мартин. — Но послушай, беби, чтобы организовать съемки в таком месте, нужно время, а его-то у нас и нет. Может быть, ты все-таки согласишься на фонтан Треви или сады Боргезе?

— Я убью его здесь. — Голос Кэролайн звучал непреклонно.

— Но для организации...

— Видишь ли, Мартин, — вмешался Чет, — я подумал, что тебе может понравиться это место, и потому осмелился заранее обо всем договориться. Понимаешь, так, на всякий случай.

— Вот как?

— Да, эта мысль пришла мне в голову вчера вечером. Я, конечно, не хотел делать такой шаг без твоего разрешения, но будить тебя не решился: в конце концов, этот план мог оказаться несбыточным. Ну, я позвонил в Рим и обо всем договорился. Поверь, Мартин, поступать так без твоего одобрения...

— Ну что ты, — произнес Мартин, хлопнув его по плечу. — Ты поступил совершенно правильно.

— Ты так думаешь? — озадаченно спросил Чет.

— Ну конечно, совершенно правильно. Кэролайн довольна, мы все тоже, так что давайте приниматься за работу. Поставим съемочные камеры и подумаем, как использовать танцовщиц ансамбля «Рой Белл», а также все остальное. Ну что, ребята, решено?

— Итак, я совершу убийство в Колизее! — На лице Кэролайн появилась блаженная улыбка. — Господи, наконец-то осуществится голубая девичья мечта.

— Обязательно осуществится, — кивнул Мартин. — Только нужно действовать как можно энергичнее, все установить и согласовать, отыскать этого Поллетти, сделать так, чтобы он появился в нужный момент...

— Это я беру на себя, — произнесла Кэролайн.

— Превосходно, — улыбнулся Мартин. — Однако и всем остальным тоже придется немало потрудиться. Эй, шофер, двигай побыстрее!

Вертолет начал снижаться по направлению к Виа Венето. Пассажиры откинулись на спинки, улыбающиеся и довольные. Мартин думал, что пришло время избавиться от Чета, пока Чет не избавился от него. Получение права на использование Колизея, причем без согласия продюсера, было слишком удачной мыслью.

Глава 7

Поллетти двигался в полной темноте. Кроме того, было совершенно тихо. Так тихо бывает в склепе — эта мысль казалась вполне естественной человеку в его положении. Он чувствовал себя одиноким, ощущал приближение смерти, был испуган, нервничал... и скучал одновременно. Поллетти жевал чуингам и нижнюю губу: увидеть его можно было только через инфраскоп. Согнув руки на уровне бедер, на расстоянии трех дюймов от тела, как предписывалось правилами, он осторожно продвигался вперед, в любой момент ожидая нападения.

Внезапно он уловил едва заметное движение позади и слева от себя. Поллетти стремительно повернулся, стараясь выйти из предполагаемой зоны обстрела. Это был оборонительный маневр номер три, первая часть. В то же время он ударил правой рукой по нагрудному карману, и специальная кобура выбросила ему в ладонь пистолет. Теперь он видел противника — коренастого хмурого мужчину, державшего в вытянутой руке «люгер». Поллетти бросился на землю и несколько раз выстрелил, завершив таким образом вторую часть оборонительного маневра номер один. Ему удалось выполнить все действия в удивительно короткое время. Он был радостно возбужден и испытывал чувство удовлетворения от отлично выполненной работы...

Фигура противника исчезла, и над головой вспыхнул свет. Поллетти лежал на пыльном полу гимнастического зала. Перед ним на табурете рядом с панелью управления сидел старик в грязном комбинезоне. Он скорчил недовольную мину и покачал головой.

— Ну что? — спросил Поллетти, вставая и отряхиваясь. — Как на этот раз? Ведь я ухлопал его, правда?

— Ты отреагировал, — ответил старик, — медленнее почти на десятую долю секунды.

— Я действительно пожертвовал скоростью, — пояснил Поллетти, — ради точности.

— Неужели? — ехидно поинтересовался старик.

— Да, — кивнул Поллетти. — Это мой принцип, профессор.

— В таком случае можешь плюнуть на свои принципы, — заявил профессор Сильвестре. — Ты промахнулся на 3,2 сантиметра.

— Но это очень близко, — заметил Поллетти.

— Недостаточно близко.

— А как мой оборонительный маневр номер три? — спросил Поллетти. — Мне показалось, что я исполнил его очень неплохо.

— Действительно неплохо, — согласился профессор, — причем именно так, как рассчитывал противник. Даже корова могла бы

повернуться быстрее. Он убил тебя первый раз, когда ты поворачивался, и второй раз, когда ты приготовился к стрельбе лежа. Если бы это было не трехмерное объемное изображение противника, а настоящий Охотник, ты был бы дважды убит.

— Вы уверены в этом?

— Посмотри на показания приборов.

— Подумаешь, — пожал плечами Поллетти. — Это же не настоящая Охота.

— Разумеется, — саркастически промолвил профессор. — Когда решающий момент наступает на самом деле, человек действует еще медленнее. Ты помнишь, сколько раз выстрелил противник?

— Два, — тут же ответил Поллетти.

— Пять, — поправил его профессор.

— Неужели?

— Так говорят приборы. Я сам установил последовательность действий.

— Значит, меня сбило с толку эхо, — с горечью заметил Поллетти. — В таком помещении невозможно отличить выстрелы от эха.

Профессор Сильвестре поднял правую бровь так высоко, что она коснулась бы волос, если бы они у профессора были. Он потер небритый подбородок и встал с табурета. Профессор был невероятно мал ростом и походил на безобразного гнома. Даже его лучший друг — если бы он у него был — не мог бы считать Сильвестре привлекательным человеком.

У многих преподавателей техники защиты и нападения на теле имелись следы, говорившие о том, как они приобретали свой опыт. У профессора Сильвестре их было больше, чем у других. Его правая рука была сделана из нержавеющей стали; кроме того, профессор имел дюралюминиевый подбородок, пластмассовую левую щеку, а также серебряную пластинку в черепе и коленную чашечку из золота пятьдесят восьмой пробы. Ходили слухи, что и некоторые другие, не столь заметные части его тела были сделаны из заменителей.

Долгое время психологи придерживались мнения, что люди, утратившие значительную часть своих органов, склонны к цинизму. Сильвестре не был исключением.

— Как бы то ни было, — заключил Поллетти, — мне кажется, что я совершенствуюсь. Неужели вы не согласны со мной, профессор?

Профессор попытался поднять правую бровь, но обнаружил, что она уже поднята, тогда он опустил ее и закрыл левый глаз. Стало ясно, что профессор воздерживается от выражения своей точки зрения.

— А теперь, — деловито заявил он, — переходим к следующему экзамену.

Он нажал одну из кнопок на панели управления. В стене открылся люк, оттуда выскочил миниатюрный бар и остановился так резко, что полдюжины бокалов для шампанского попадали на пол и разбились. Поллетти вздрогнул.

— Я ведь просил механика, чтобы он смягчил остановку, — покачал головой профессор Сильвестре. — Сейчас никто не заботится о качестве работы. Итак, Поллетти, приступаем к следующему испытанию.

Он искусно смешал коктейль, наливая понемножку из разных безымянных бутылок, и подвинул стакан к Поллетти.

Тот осторожно понюхал жидкость, задумчиво нахмурился и произнес:

— Джин с ангостурой, немного соуса табаско.

Профессор молча смешал еще один коктейль и подал Поллетти.

— Водка с молоком и лимоном, — заявил Поллетти, — пара капель уксуса из эстрагона.

— Ты уверен?

— Совершенно.

— Тогда выпей.

Поллетти поднял стакан, взглянул на Сильвестре, еще раз понюхал и поставил стакан на стол.

— И правильно, — согласился профессор. — То, что тебе показалось запахом уксуса, было запахом мышьяка — его в коктейле солидная порция.

Поллетти смущенно улыбнулся, обнаружив, что переминается с ноги на ногу, как школьник, и сказал:

— У меня сегодня насморк. Разве можно надеяться...

Профессор взглядом заставил его замолчать, затем нажал кнопку на панели. Из стены выскочил диван и едва не снес стену. Оба сели.

После короткой, но многозначительной паузы Сильвестре произнес:

— Марчелло, до сих пор ты удачно избегал смерти.

— Разве это не относится к большинству людей? — быстро возразил Поллетти. — Я хочу сказать, что природа самой жизни случайна и необъяснима...

Профессора невозможно было отвлечь от выбранной темы.

— В первый раз тебе повезло — жребий оказался счастливым: ты стал Охотником, а в Жертвы компьютер выбрал слабоумного англичанина.

— Он был не слабоумным, — возразил Поллетти, — а рабом своих привычек.

— Неважно... Англичанин оказался легкой добычей, — продолжал Сильвестре, — мечтой любого Охотника. Затем ты стал Жертвой, а твоим Охотником был девятнадцатилетний юноша, страдавший от безответной любви. И снова убийство не составило для тебя особых трудностей; между прочим, по-моему, бедный мальчуган просто искал такой способ самоубийства, против которого не возражало бы общество.

— Ничего подобного, — ответил Поллетти. — Юноша оказался немного рассеянным.

— А когда ты стал Охотником в третий раз, в качестве Жертвы тебе попался этот нелепый немецкий барон, думавший только о лошадях.

— Действительно, справиться с ним было нетрудно, — признался Поллетти.

— Справиться со всеми было нетрудно! — воскликнул Сильвестре. — Неужели ты думаешь, что так будет продолжаться вечно? А теория вероятности? Просто тебе еще ни разу не попался хороший противник! Больше ты не сможешь одерживать победы, не используя умственные способности, быстроту реакции, интуицию, без тщательной подготовки.

— Послушайте, профессор, я не так уж плох. Смотрите, уже почти двадцать четыре часа, как я являюсь Жертвой в своей четвертой Охоте, и еще ничего не произошло.

— За тобой уже наверняка следят, — заметил Сильвестре. — Твой Охотник изучает тебя, манеру твоего поведения, выбирает наилучший момент для нанесения удара. А ты даже не подозреваешь об этом.

— Очень в этом сомневаюсь, — возразил Поллетти с чувством достоинства.

— Вот как? Он сомневается! Ну что ж, посмотрим, как ты справишься с опознанием.

Профессор Сильвестре снова нажал кнопку. В зале стало темно. Он нажал на другую кнопку. У противоположной стены возникли пять человеческих фигур. Четверо из них были подставные «ангелы», по терминологии Охоты, — многие выражения сохранились со времен легендарной Второй мировой войны. Один был убийцей, и Поллетти предстояло его опознать.

Поллетти внимательно посмотрел на фигуры. Они изображали полицейского, швейцарскую стюардессу, священника-иезуита, носильщика из отеля и иорданского араба. Они медленно подошли к дивану и исчезли.

Сильвестре включил свет.

— Ну? Кто из них был Охотником?

— Нельзя ли взглянуть еще раз? — попросил Поллетти.

Профессор отрицательно покачал головой.

— Я и так дал лишнюю секунду.

Марчелло потер подбородок, взъерошил волосы и нерешительно произнес:

— Араб показался мне каким-то подозрительным...

— Неправильно!

Сильвестре снова нажал кнопку, и у дальней стены возник иезуит, фигура которого в освещенном зале казалась прозрачной, но была хорошо видна.

— Взгляни, — сказал Сильвестре. — Иезуит, вне всякого сомнения, не тот, за кого пытается выдать себя. Буква «И», первая буква в названии его ордена, видна как на правой, так и на левой стороне груди. Ведь это сразу его выдает!

— Я никогда не обращал внимания на иезуитов, — пробормотал Поллетти, вставая и звеня монетами в кармане.

— Но в Риме они попадают на каждом шагу! — воскликнул Сильвестре.

— Именно поэтому я никогда не обращал на них внимания.

— Как раз поэтому ты должен был замечать их! — В голосе Сильвестре звучало возмущение. — Фальшивая деталь в традиционной одежде — самый верный признак и сразу должна вызвать подозрение. — Он печально покачал головой. — Когда я принимал участие в Охоте, мы обращали на подобные вещи особое внимание. Ничто не ускользало от моего взгляда.

— Ничто, кроме банана со взрывчаткой, — подхватил Поллетти.

— Верно, — согласился профессор. — Этот парень из Нигерии узнал о моем пристрастии к тропическим фруктам.

— Насколько я помню, у вас были и некоторые другие ошибки, — уколол учителя Поллетти.

— А я и не скрываю, — голосом, полным достоинства, произнес Сильвестре. — Мне всегда не везло, поэтому теперь я стараюсь научить других избегать моих ошибок. У меня были весьма способные ученики. Боюсь, Марчелло, ты к ним не относишься.

— Пожалуй, — согласился Поллетти.

— Ты закончил полный курс обучения. Нельзя сказать, что у тебя начисто отсутствуют способности. Но какое-то глубоко засевшее безразличие, равнодушие мешает тебе вложить душу и сердце в самое благородное занятие человека — Охоту!

— Пожалуй, вы правы, — признался Поллетти. — Почему-то интерес к этому у меня быстро исчезает.

— Наверное, в твоём характере есть какой-то серьёзный не-

достаток, — печально произнес профессор Сильвестре. — Какая судьба ждет тебя, мой мальчик?

— По-видимому, я умру, — заметил Поллетти.

— Да, пожалуй, — согласился Сильвестре. — Но тут возникает другой вопрос: как ты умрешь? Будет ли твоя смерть велико-лепной, как гибель камикадзе, или жалкой, как у загнанной в угол крысы?

— Не вижу особой разницы.

— Что ты! Между этими смертями колоссальная разница! — воскликнул профессор. — Раз уж ты не можешь хорошо убивать, сумей по крайней мере красиво умереть. В противном случае ты навлечешь позор на свою семью, друзей и на школу тактики жертв профессора Сильвестре. Никогда не забывай лозунг нашей школы: «Умирай не хуже, чем убиваешь!»

— Постараюсь запомнить. — Поллетти встал.

— Мой мальчик! — Сильвестре тоже поднялся и положил стальную руку на плечо Поллетти. — Твое кажущееся равнодушие — всего лишь прикрытие глубоко скрытого мазохизма. Ты должен бороться не только с Охотником, угрожающим твоей жизни, но и с более опасным врагом внутри себя.

— Постараюсь. — Поллетти попытался подавить зевоту. — Но сейчас я должен спешить, у меня назначена встреча...

— Конечно, конечно, — сказал профессор. — Однако нам следует решить небольшую проблему платы за обучение; этим можно заняться прямо сейчас. После сегодняшнего урока сумма составляет триста тысяч лир. Если ты можешь...

— В данный момент не могу, — поспешно ответил Поллетти, заметив, что рука профессора из нержавеющей стали находится всего в дюйме от его сонной артерии. — Но завтра утром, как только откроются банки, я заплачу все.

— Ты мог бы сейчас выписать мне чек, — предложил Сильвестре.

— К сожалению, у меня нет чековой книжки.

— К счастью, у меня есть.

— Мне очень жаль, но я не могу выписать чек сейчас, потому что деньги хранятся в банковском сейфе.

Сильвестре пристально посмотрел на упрямого ученика, пожал плечами и снял стальную руку с плеча Поллетти.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра? Честное слово?

— Честное слово, — подтвердил Поллетти.

— Закрепим наше джентльменское соглашение рукопожатием. — И профессор протянул свою стальную руку.

— Пожалуй, не стоит, — возразил Поллетти.

Профессор улыбнулся и протянул здоровую руку. Поллетти с

чувством пожал ее. Внезапно Сильвестре отдернул руку и уставился на ладонь. На ней красовалась капля крови.

— Видите? — Марчелло показал крошечный блестящий шип, прикрепленный к ладони. — Как вы справедливо заметили — фальшивая деталь... Если бы этот шип был смазан ядом кураре...

Добродушно посмеиваясь, он направился к выходу.

Сильвестре сел и поднес к губам раненую руку. Он чувствовал себя несчастным. Этому Поллетти с его дурацкими выходками наверняка предстоит скорая встреча с кладбищем. Но, напомнил себе профессор, такая же судьба ожидает всех людей, тогда как его, профессора Сильвестре, отвезут скорее всего на свалку металлолома.

Глава 8

В бальном зале Борджиа римского «Хилтона» Кэролайн репетировала танец, который собиралась исполнить сразу после убийства Поллетти с танцовщицами ансамбля «Рой Белл». В зале царил полная тишина, изредка прерываемая возгласами вроде: «Я просила включить розовый направленный прожектор, а не яркий верхний свет! Неужели тебе это не ясно, тупой, ни на что не способный кретин?»

Мартин, Чет и Коул сидели в первом ряду спешно выстроенного зрительного зала, задумчиво теребя верхние губы. Они видели, что Кэролайн далеко не Павлова, но этого от нее и не требовалось. Недостаток способностей она компенсировала подлинным женским обаянием, которое прямо-таки обволакивало зрителей. Танцовщицы ансамбля искусно изображали различных женщин, тогда как Кэролайн не требовалось ничего изображать — она была Женщиной, обладающей каким-то особым магнетизмом. Иногда она казалась вампиром, иногда — валькирией. Ее стройное тело было не способно на неуклюжее движение или жест, а длинные светлые волосы ниспадали на плечи подобно золотому дождю.

— Как танцовщица она ничем не выделяется, — произнес Мартин, дергая себя за верхнюю губу, — зато какая женщина!

— Просто удивительно, — кивнул Чет. — Глядя на нее, видишь то вампира, то валькирию.

— Это верно, — поддакнул Коул, убрав пальцы от верхней губы. — А вы обратили внимание, что ее стройное тело кажется не способным на неуклюжее движение или жест и как ее длинные светлые волосы ниспадают на плечи подобно золотому дождю?

— Цыц! — проворчал Мартин, не переставая теребить верхнюю губу.

Он собирался произнести именно эти слова, и какой-то мо-

локосос опередил его. Он решил уволить Коула вместе с Четом. Мартину не нравились умники.

Танец закончился. Слегка запыхавшись, Кэролайн сошла со сцены и опустилась в кресло рядом с Мартином.

— Ну? — спросила она. — Как?

Трое мужчин начали восторженно бормотать комплименты.

— В Колизее все готово к завтрашнему утру? — Кэролайн повернулась к Мартину.

— Абсолютно, — уверил ее Мартин. — Освещение, сцена, микрофоны с дистанционным управлением, пять кинокамер и две запасные. Есть даже специальный микрофон узконаправленного действия, чтобы записать предсмертный хрип Жертвы.

— Прекрасно. — Кэролайн на мгновение задумалась, и ее лицо, в танце походившее на лицо вампира или валькирии, стало лицом Дианы, безжалостной богини охоты. — А теперь давайте взглянем на фотографии этого Поллетти.

Мартин передал ей пачку цветных снимков, восемь на десять дюймов, сделанных несколько часов назад и уже проявленных, обработанных, увеличенных и доставленных сюда благодаря магической силе денег.

Кэролайн внимательно рассматривала фотографии.

— Сколько ему лет? — внезапно спросила она.

— Около сорока, — ответил Мартин.

— Под каким знаком он родился?

— Под знаком Близнецов, — тут же сказал Чет.

— Он хитер, — объявила Кэролайн. — Вот эти морщинки вокруг глаз...

— Мне кажется, он прищурился, когда наш человек начал фотографировать, — робко заметил Коул.

— Морщины есть морщины, — безапелляционно заявила Кэролайн. — Но мне нравятся его руки. Вы обратили внимание? Его пальцы расширяются на концах, кроме левого безымянного.

— Ты совершенно права, — согласился Мартин. — Раньше я как-то не заметил.

— Вы, наверное, не спрашивали мнения френолога?

— Господи, мисс Кэролайн, — произнес Коул, — у нас просто не было времени.

— Разве так уж важно, какие шишки у него на голове? — спросил Мартин. — От тебя требуется всего лишь убить этого парня.

— Мне хочется побольше знать о людях, которых я убиваю, — объяснила Кэролайн. — Это делает мою работу более увлекательной.

Мартин недовольно покачал головой. Ох уж эти женщины! Они все время пытаются притянуть чувства. Он решил уволить Кэро-

лайн, как только займет должность Фортинбраса, но с легким чувством тревоги осознал, что после десятого убийства Кэролайн станет настолько влиятельной, что без труда сумеет настоять на увольнении его самого.

— Я понимаю тебя, — заметил Мартин, поспешно перенося недовольство девушкой на себя самого. — Действительно, интересно знать что-то о Жертве, и, если бы у нас была возможность получить заключение френолога относительно Поллетти, Чет, несомненно, придумал бы, как это сделать.

Кэролайн хотела ответить, по-видимому, что-то язвительное, но ее прервал металлический голос из небольшого монитора, стоявшего у ног Чета.

— Алло, алло, — донесся голос. — Это передвижная камера три, мы двигаемся примерно на юго-юго-запад и находимся в точке к западу от Виа Джулия. Вы слышите меня, центральный командный пункт, вы слышите меня?

— Да, мы слышим вас хорошо, — ответил Мартин.

Он ненавидел скучные формальности почти так же, как и неформальную фамильярность.

— Вижу объект на расстоянии примерно в тридцать семь и четыре десятых фута. Считаете ли вы необходимым, чтобы я приблизился на максимально близкое расстояние, или начинать действовать отсюда?

— Начинать действовать? — воскликнула Кэролайн. — Он что, не знает, кто Охотник?

— Он имеет в виду не стрельбу, — пояснил Мартин. — Он всего лишь спрашивает, вести ли ему телевизионную передачу с расстояния, на котором находится, или приблизиться. Я не выношу этих бывших командиров эсминцев, однако Фортинбрас берет их на работу целыми экипажами. — Он шелкнул переключателем на мониторе. — Сохраняйте позицию, передвижная камера три, и ни под каким видом — повторяю, ни в коем случае — не приближайтесь к объекту. Начинать передачу с того места, на котором находитесь.

— Понятно, приступаю к исполнению, — послышался голос из монитора, такой решительный, что, казалось, все увидели, как ошетинились рыжие усы говорившего.

Серый экран монитора стал белым, затем красным с извилистыми зелеными и малиновыми полосами. Наконец экран прояснился, и на нем появились прелестная грустная девушка и трое усатых мужчин, голос диктора произнес по-итальянски: «А сегодня мы покажем очередной эпизод из странных запутанных жизней...»

— Эй, передвижная камера три, в чем дело? — крикнул Чет.

— Извините, сэр, — ответила третья камера. — Небольшая путаница при всенаправленном приеме.

— Вы считаете это оправданием? — грозно спросил Мартин.

— Никак нет, сэр. Просто объясняю. Приступаем, сэр.

Экран стал черным, затем снова ожил. Теперь на нем был отчетливо виден Марчелло Поллетти, который медленно брел по улице, опустив плечи.

— Налицо внешние признаки хронической депрессии, — тут же заметил Чет.

— Может быть, он просто устал, — высказала предположение Кэролайн, внимательно разглядывая Поллетти.

— Он кажется мне идеальной Жертвой, — произнес Коул с мальчишеским энтузиазмом.

— Идеальная Жертва — это мертвая Жертва, — холодно сказала Кэролайн. — Думаю, он просто лентяй.

— Это хорошо? — спросил молодой Коул с надеждой в голосе.

— Нет, плохо. Ленивые люди непредсказуемы. — Не отрываясь от экрана, она еще несколько секунд изучала Поллетти. — Но в нем есть что-то еще: не лень, не депрессия и не усталость. Он не пытается спрятаться или скрыться от слезки, как это делают большинство Жертв. Он идет по оживленной улице, представляя собой идеальную цель.

— Действительно странно, — согласился Мартин.

— Ты уверен, что он получил официальное уведомление?

— Сейчас проверю.

Мартин шелкнул пальцами. Чет нетерпеливо махнул рукой, Коул вскочил, бросился к ящику с оборудованием, принес телефонную трубку и подключил ее.

Мартин набрал телефон Министерства Охоты в Риме, некоторое время пытался преодолеть своим английским поток итальянских слов и наконец беспомощно повернулся к помощникам.

— Э-э, знаете, шеф, — сказал Чет, — я прошел курс гипнообучения итальянскому языку в течение одной ночи, полагая, что это может пригодиться. Так что, если хотите...

Мартин передал ему трубку. Заговорив на безупречном итальянском языке с флорентийским акцентом, Чет быстро выяснил, что В.27.38, Марчелло Поллетти действительно получил лично официальное уведомление о том, что в этой Охоте он является Жертвой.

— Странно, — недоумевающе произнес Мартин. — Определенно странно. Куда он идет?

— Входит в дом, — сказала Кэролайн. — Ты полагаешь, он станет весь день разгуливать по улицам, чтобы облегчить работу твоей съемочной группы?

Поллетти вошел в подъезд, и на экране монитора появилась закрытая дверь.

Мартин нажал кнопку на панели монитора.

— Все в порядке, камера три. Объект скрылся из виду, так что можете пока выключиться. Вы сумеете держать под наблюдением дом объекта на протяжении часа или двух, не вызывая подозрений?

— Так точно, — прохрипел голос из динамика на панели монитора. — Я действую с заднего сиденья «Фольксвагена». До сих пор, как мне кажется, никто даже не взглянул в мою сторону.

— Превосходно, — отозвался Мартин. — Назовите адрес дома... Хорошо, записал. Через час, максимум через два, мы вас сменим. Оставайтесь в машине; если заметите, что вызываете подозрение, немедленно уезжайте. Понятно?

— Так точно.

— Пока.

— Конец связи.

Мартин нажал кнопку на панели монитора и повернулся к Кэролайн.

— Ну что ж, милочка, мы нашли твоего парня и узнали, где он живет. Сейчас три часа тридцать четыре минуты и тридцать секунд дня. Тебе нужно привести его в Колизей к завтрашнему утру. Справишься? Это не самая простая работа в мире.

— Думаю, что справлюсь, — произнесла Кэролайн сладким голосом. — А ты как считаешь?

Мартин взглянул на нее, затем задумчиво потеревил верхнюю губу.

— Да, — кивнул он, — пожалуй, ты сможешь сделать это. Знаешь, Кэролайн, а ты здорово изменилась.

— Я тоже это заметила, — согласилась Кэролайн. — Может быть, это влияние Рима, или моего десятого убийства, или того и другого. Или чего-то еще. Я буду поддерживать с вами связь, мальчики.

Она повернулась и величественно вышла из бального зала Борджиа.

Глава 9

Квартира Марчелло Поллетти была яркой, шикарной... и временной, как и сам хозяин. Мебель была низкой, удобной, но не стильной, да и ценность ее была сомнительной. В квартире находились три внутренние лестницы: одна вела на террасу, другая в спальню, а третья почему-то упиралась в белую кирпичную стену. Это как нельзя лучше отражало характер хозяина квартиры.

Поллетти вытянулся на щегольской малиновой тахте. На груди у него сидела маленькая красно-синяя игрушечная обезьянка (на транзисторах, перезаряжающиеся батарейки, пятилетняя гарантия, можно мыть в ванне, доставляет удовольствие всей семье!). Он рассеянно почесывал ее за ухом, и механическая обезьянка вздрагивала от удовольствия и оживленно болтала. Потом Поллетти перестал почесывать обезьянку и принялся за глубокое дыхание, однако после трех циклов «вдох-выдох» бросил тренировку, потому что, как и от многих других вещей, от этого у него кружилась голова и начинало подташнивать. К тому же он знал, что должен радоваться тому, что вообще еще дышит. В его ситуации глубокое дыхание было проявлением излишней самонадеянности, поскольку должно было основываться на том, что у Поллетти сколько угодно времени для дыхания.

По лицу Поллетти пробежала легкая улыбка: он придумал афоризм.

У противоположной стены на кронштейне, вделанном в стену, стоял телевизор. Рядом находился низкий кофейный столик, где лежали шесть книг, газета, пятнадцать комиксов, бутылка виски, револьвер «смит-энд-вессон» с алюминиевым корпусом — модель ХСВ-3, известная под названием «Мститель», — заряженный, но без бойка. (Поллетти уже давно собирался заняться его ремонтом.) Здесь же валялся хитроумный небольшой крупнокалиберный пистолет, однозарядный, длиной всего 1,2 дюйма, исключительно удобный, отличавшийся точным боем на расстоянии, не превышающем трех футов. Рядом с ним лежали еще два пистолета сомнительного происхождения и не менее сомнительной практической ценности. На угол стола был повешен пуленепробиваемый жилет, самая последняя модель, изготовленная два года назад фирмой «Хайтри и Оулди» (производитель пуленепробиваемых жилетов, поставщик двора Ее Величества Королевы). Жилет весил двадцать фунтов и защищал от любой пули, за исключением новых «Супер Пенитрекс 9 мм. Магнум», выпущенных в прошлом году компанией «Маршлэндс оф Фиддлерс Корт» (производитель боеприпасов, поставщик двора Его Величества Короля). Патронами «Супер Пенитрекс» пользовались теперь все Охотники.

Рядом с жилетом валялись три смятые пачки из-под сигарет и пачка «Рэдджиз», где еще были сигареты. На самом краю стола стояла недопитая чашка кофе.

В заданное время таймер включил телевизор. Начинаясь программа «Международный час Охоты», которую нужно было обязательно смотреть, чтобы знать, кто убивает, кого и как.

Сегодняшняя передача велась из Далласа, штат Техас. В этом городе проживает больше «охотничьих птиц», как их любовно

называют, на душу населения, чем в любом другом мегаполисе мира. По этой причине Даллас слывет раем для убийц и является чем-то вроде Мекки для любителей насилия.

Диктором был приветливый молодой американец. Его манера говорить, сочетавшую в себе естественное дружелюбие и непринужденную фамильярность, трудно копировать и легко невзлюбить.

«Привет, ребята, — произнес он. — Я особенно рад приветствовать всех агрессивных мальчишек и девчонок, которые станут в будущем Охотниками и Жертвами. Вам, ребята, мне хочется сообщить нечто особенное. Я не буду читать нравоучения, а просто напомню вам, мальчишки и девчонки, что с моральной точки зрения не следует убивать своих родителей, даже если вам кажется, что у вас для этого есть веские причины. Кроме того, это преследуется законом. Так что, ребята, серьезно, не делайте этого. Пойдите лучше к своему преподавателю физкультуры, и он устроит для вас схватку с кем-нибудь вашего роста и веса, с использованием дубинок, кастетов или булав, в зависимости от вашего возраста и успехов в учебе. Я знаю, что это еще не всерьез, понимаю, что многие из вас думают, будто несколько сломанных костей и сотрясение мозга — для молокососов. Однако, поверьте мне, это все-таки настоящий спорт, он поможет вам вырасти крепкими и сильными, развить рефлекс и снимет излишнюю агрессивность. Я знаю, многие из вас, ребята, придерживаются точки зрения, что лишь пистолет или граната — настоящее оружие. Такие мысли возникают у тех, кто никогда не пользовался чем-то другим. Позвольте напомнить вам, что древние гладиаторы в Риме дрались кастетами, а ведь их никто не считал маменькиными сыночками. В Средние века рыцари умели драться на булавах, и вряд ли кто-нибудь смеялся над ними. Так что, ребята, попробуйте, а? Вдруг вам это понравится».

— Как бы мне хотелось снова стать ребенком, — пробормотал Поллетти.

— Ты и есть ребенок, — раздался замогильный голос откуда-то сверху.

Поллетти не оглянулся: он знал — это Ольга. Она тихо спустилась по лестнице.

«А теперь последние новости и сообщения из мира Охоты, — раздавался голос диктора. — В Индии возрождается древний культ удушения. Это официально подтверждено Министерством иностранных дел в Дели. Представитель правительства заявил сегодня...»

— Марчелло, — произнесла Ольга.

Поллетти нетерпеливо махнул рукой. На экране появились виды Бомбея.

«...что практиковавшееся на протяжении многих веков удушение с помощью шелкового или в крайнем случае хлопчатобумажного шарфа...»

— Марчелло, — повторила Ольга, — я хочу попросить прощения.

Она стояла на середине лестницы, тяжело опираясь на перила.

«...является одной из немногих форм убийства, доступных для представителей всех слоев общества и не нарушающих заповедь, недвусмысленно запрещающую проливать кровь. Такая заповедь существует почти во всех крупнейших религиях мира. Различные буддистские секты в Бирме и на Цейлоне проявили интерес к этой концепции, тогда как представитель советского правительства, выступая в Кремле, охарактеризовал ее как — цитирую — «сухую казуистику». Эта точка зрения, однако, вызвала протест правительства Китайской Народной Республики. Его представитель назвал, по сообщению Телеграфного агентства Нового Китая, удушающий шарф (или шейный воротник «тсингтао») настоящим народным оружием, и потому...»

— Марчелло!

Поллетти нехотя повернул голову. Ольга стояла на нижней ступеньке лестницы. Ее распущенные черные волосы ниспадали на плечи и напоминали змей на голове Медузы Горгоны; губы, накрашенные малиновой помадой, имели прямоугольную форму, как диктовала новая мода, а огромные черные глаза казались безжизненными и тусклыми, как у волка, раненного в живот.

— Марчелло, — произнесла она, — ты можешь простить меня?

— Разумеется, — быстро ответил Поллетти и снова повернулся к телевизору.

«...Недавно избранный президент Бразилии Гильберт открыл второй этап Мировых Олимпийских игр торжественным заявлением. Обращаясь к миллионам зрителей, собравшимся на Центральном стадионе Рио, он сказал, что подлинный эмоциональный катарсис, должным образом направляемый в процессе Охоты, еще недоступен всем, тогда как олимпийские состязания гладиаторов, представляющие собой наиболее чистую и мощную форму вторичного эмоционального катарсиса, доступны многим. Далее он заявил, что присутствие на Играх является долгом каждого гражданина, искренне желающего не допустить массовой гибели людей, как во время войн прошлого. Вежливые аплодисменты были ответом на его выступление. Первая схватка сегодня прошла между Антонио Абруцци, трехкратным чемпионом Европы в боях своеобразного стиля на боевых топорах, и известным фин-

ским бойцом-левшой Аэзиром Дринги, одержавшим победу в прошлогодних полуфинальных боях североевропейской зоны. Все указывало на то, что приближается сенсация...»

— Я была вынуждена так поступить, — сказала Ольга. Ее колени вдруг начали подгибаться, а рука, стискивавшая перила, побелела от напряжения. — Извини меня, Марчелло, я так виновата перед тобой.

Правая рука Ольги соскользнула с перил, а из левой выпал коричневый флакончик, в содержании которого не приходилось сомневаться. Поллетти сразу узнал его: там Ольга хранила снотворное — точнее, раньше хранила, потому что сейчас в нем не было пробки, и пустая коричневая бутылочка покатилась по полу.

Стало ясно, что бог сна Морфей вступил в смертоносный союз со своим братом Танатосом, демоном смерти.

— Я приняла большую дозу снотворного, — произнесла Ольга, чтобы избежать ненужных вопросов. — Думаю... думаю...

Несчастная замолчала и безвольно опустила на темно-серый ковер.

«...тогда как в схватках на палатах Николай Гроупопополис из Греции добился решительной победы, нанеся смертельный удар снизу вверх претенденту на победу Эдуарду Комт-Куше из Франции, смелому, но явно уступающему ему в мастерстве. В соревнованиях по удушению в среднем весе неожиданную победу одержал Ким Сил Кул из республики Центральная Корея».

— Извини меня, — виновато произнес Поллетти, отворачиваясь от экрана. — Ты сказала, что не можешь уснуть?

«В группе В классической борьбы с применением двойных стилетов была объявлена ничья между Хуанито Ривера из Оаксака, Мексика, и Джулио Карерри из Палермо, Сицилия, тогда как...»

— Я сказала, — произнесла Ольга слабым, но отчетливым голосом, — что приняла большую дозу снотворного.

«...В соревнованиях по метанию гранат, средний вес, Майкл Борнштейн из Омахи, Небраска, несмотря на растяжение мышц плеча, взорвал своего соперника...»

— Я не расклинаюсь, — продолжила Ольга. — Это ты, Марчелло, довел меня до этого своим равнодушием, и ты, если в твоей бесчувственной душе сохранились остатки совести, будешь испытывать мучения худшие, чем те, что я испытываю сейчас, и когда-нибудь поймешь, что бездействие является искаженной формой действия, а отсутствие внимания — это своего рода внимание, и когда наступит этот день...

— Ольга, — перебил ее Поллетти.

— Да? — спросила она; ее голос был едва слышен на фоне дыхания Чейн-Стокса.

— Извини меня, но я забыл получить в аптеке твоё снотворное по рецепту.

Ольга грациозно встала с пола, взяла сигарету со столика и закурила. Она глубоко затянулась, выпустила к потолку облако дыма и спросила:

— Марчелло, почему ты все время забываешь выполнять мои просьбы? Вчера ты проходил мимо аптеки.

Поллетти наморщил лоб. Он всегда восхищался способностью Ольги выходить из самой неловкой ситуации без малейшего смущения.

«...а в соревнованиях специальных бронированных автомобилей «Астон-Мартин Вулкан-5» первым добился исключительно точного и поразительно удачного попадания в фаворита состязаний «Мерседес-Бенц Мертвая Голова-32»».

Ольга подошла к вазе с искусственными розами и несколькими легкими умелыми движениями создала отвратительную композицию из цветов. Она почти все делала с блеском, несмотря на то, что делала почти все не так, как следует.

— Марчелло, — её голос звучал игриво и небрежно, как всякий раз, когда Ольга начинала говорить о самых серьезных проблемах, — почему бы нам не пожениться? Это было бы так хорошо, честное слово, Марчелло, очень хорошо.

— Я женат, — ответил Поллетти.

— Но если бы ты не был женат?

— Тогда мы смогли бы рассмотреть этот вопрос с более реалистической точки зрения, — заметил Поллетти с осторожностью, приобретенной за двенадцать лет, прожитых с одной и той же любовницей.

Ольга печально улыбнулась и стала подниматься по лестнице, ведущей на террасу. На верхних ступенях она остановилась.

— У меня создалось впечатление, что ты больше не женат. Ведь ты уже получил извещение о расторжении брака, правда, Марчелло?

— К сожалению, не получил, — ответил Поллетти серьезным, честным и мужественным тоном, к которому прибегал, когда требовалось очень правдоподобно солгать. — В таких вещах нельзя торопить власти. Да и вообще брак могут не расторгнуть.

— Но его уже расторгли! Признайся.

Марчелло отвернулся и принялся играть со своей маленькой электронной обезьянкой. Она напоминала ему его самого. На телевизионном экране демонстрировали третий круг состязаний на выбывание в групповых рукопашных схватках: по шесть человек с рапирами и в кожаных доспехах с каждой стороны. Испанцы, по-видимому, одерживали верх над немцами.

Ольга поднялась еще на одну ступеньку и подошла к тяжелой терракотовой вазе, которую поставила здесь накануне. Вид этой вазы и лежавшего на тахте Поллетти почему-то привел ее в ярость.

— Скотина! Свинья! Буйвол! — закричала она, схватила вазу и швырнула вниз.

Поллетти даже не пошевелился. Ваза пролетела в дюйме-двух от его головы и разбилась. Бедняжка всегда промахивалась. Ей не везло: с попаданием в цель, с преданной любовью, мужьями, свиданиями, встречами со своим психоаналитиком — ей не везло всегда. Доктор Хоффгауэр сказал ей, что она является ярко выраженной мазохисткой, пытающейся компенсировать стремление к самоуничтожению псевдоспонтанными садистскими действиями, которые, разумеется, никогда не осуществляются благодаря ее явно выраженной жажде смерти. Это очень плохо. Однако, напомнил доктор, Поллетти находится в еще худшем положении, поскольку его жажда смерти не смягчается, по-видимому, импульсами садизма, помогающими удержать ее в разумных рамках.

«Международный час Охоты» закончился, и таймер выключил телевизор. Поллетти, спокойный обладатель ничем не ограниченной гипотетической жажды смерти, встал, смахнул с головы терракотовую пыль и пошел к двери.

— Куда ты собрался? — строго спросила Ольга.

— Подышу свежим воздухом, — ответил Поллетти.

— Тогда возьми меня с собой.

— Не могу. Я иду в клуб Охотников. Туда пускают только зарегистрированных Охотников или Жертв.

— Туда можно заходить всем!

— Только не в зал номер один, он лишь для членов клуба, — возразил Поллетти, — а я направляюсь именно туда.

— Но ведь ты только что заявил, что хочешь подышать свежим воздухом.

— Совершенно верно. После того, как подышу свежим воздухом, я пойду в клуб.

— Свинья! — крикнула Ольга.

— Чао! — ответил Поллетти и вышел на улицу.

Глава 10

— Передвижная камера один вызывает Центральную. Вы слышите меня, Центральная, вы слышите меня? Прием.

— Слышу вас хорошо, — ответил Мартин.

Это он был Центральной. Едва ли не первое, что они сделали после прибытия в Рим, — организовали командный пункт. Ему

всегда хотелось этого — иметь командный пункт, в котором он будет главным под кодовым наименованием «Центральная». И вот он осуществил свою мечту: в его распоряжении находилось радио- и телевизионное оборудование стоимостью в четверть миллиона долларов, размещенное в углу бального зала Борджиа. Он сидел среди этого оборудования с микрофоном в одной руке и сигаретой в другой, с наушниками на голове и был очень доволен.

— Докладывает передвижная камера два. Но мне не о чем докладывать.

— Тогда продолжайте действовать, как раньше, — строго распорядился Мартин.

Танцовщицы ансамбля «Рой Белл», закончив очередную репетицию, отдыхали на сцене, пили черный кофе и обсуждали различные способы предохранения ногтей от трещин. Кэролайн читала книгу об уходе за коккер-спаниелями. Положив книгу, она подошла к командному посту Мартина.

— Передвижная камера три включается.

— Вы хотите сказать: докладывает, — поправил Мартин.

— Извините. Передвижная камера три докладывает о том, что докладывать не о чем.

— Понятно, — коротко бросил Мартин, затыгиваясь сигаретой и вытирая лоб.

Наушники немилосердно жали ему уши, но он не собирался снимать их из-за такой мелочи. Ерунда, Мартин знал, что другим приходилось выдерживать кое-что похуже.

— Докладывает передвижная камера четыре. Послушай, Мартин, как относительно...

— Не Мартин, — перебил Мартин. — Мой позывной «Центральная».

Он раздраженно покачал головой. Это был Чет. По-видимому, он недоволен, что ему приходится работать в качестве наблюдателя, к тому же четвертого. Но это было необходимо, иногда такое в жизни случается. К тому же Чет не должен был пользоваться преимуществами их двенадцатилетней дружбы и фамильярно обращаться к нему по имени, особенно после того, как Мартин разъяснил всем необходимость использования позывных в подобной операции.

— Докладывайте, передвижная четыре! — рявкнул Мартин.

— Не о чем докладывать, Центральная, — сообщил Чет. — Передвижная камера четыре просит разрешения сделать перерыв на обед.

— В разрешении отказано, — твердо заявил Мартин.

— Но послушайте, Центральная, у меня не было времени даже на завтрак...

— А вот чтобы арендовать Колизей, время нашлось, — заметил Мартин.

— Послушай, я ведь уже все объяснил. Я не собирался...

— В просьбе отказано! — завопил Мартин. И более спокойным голосом добавил: — Я чувствую, что сейчас должно что-то произойти. В такой обстановке отпустить вас на обеденный перерыв не могу, передвижная четыре, никак не могу.

— Ну хорошо, — ответил Чет, или передвижная четыре. — Буду вести наблюдения до тех пор, пока не поступят иные указания. Связи конец. То есть, я хочу сказать, конец связи.

Мартин судорожно сжал микрофон. Господи, как он ненавидел легкомыслие, разболтанность, фамильярность, неповиновение и все такое! До сегодняшнего дня он не задумывался над этим, но теперь, когда он возглавил доверенную ему операцию, положение изменилось. Он даже немного сочувствовал мистеру Фортинбрасу.

— Смотри-ка, сколько здесь всякого оборудования, — произнесла Кэролайн голосом, в котором полностью отсутствовал интерес.

— Это только самое необходимое, — пояснил Мартин. — Нельзя руководить такой крупной операцией с помощью двух консервных банок и куса бечевки.

Он попытался мужественно затянуться сигаретой, но обнаружил, что раздавил ее, когда стиснул микрофон. Он достал другую сигарету, закурил и мужественно затянулся.

— Что это за прибор слева? — спросила Кэролайн.

Мартин не имел ни малейшего представления, но сразу же ответил:

— Это многофазовый реостат переменной нагрузки.

— Вот как? — произнесла Кэролайн. — Он играет важную роль?

Мартин широко улыбнулся, и на его лице появилась мужественная улыбка.

— Важную? Да вся эта панель, собранная на скорую руку, разлетится на части без многофазового реостата. Так что я действительно назвал бы его важной частью всей системы.

— А почему панель может разлететься на части? — не унималась Кэролайн.

— Главным образом из-за непостоянства фактора резонанса линейного напряжения, — объяснил Мартин. — Вообще-то здесь имеет место очень интересное физическое явление. Если интересно, я мог бы объяснить подробнее.

— Не стоит, — сказала Кэролайн.

Мартин кивнул. Иногда ему казалось, что он может покорить весь мир.

— Говорит передвижная камера один! — послышался вопль в наушниках. — Объект выходит из дома! Повторяю, объект...

— Не повторяйте, я понял, — произнес Мартин. — И не кричите так в микрофон, а то я оглохну.

— Извините, Центральная. Просто после стольких часов ожидания я взвинчен до предела.

— Ну хорошо, хватит. Другие группы заметили его?

— Докладывает передвижная камера четыре. Я вижу его.

— Докладывает передвижная камера три. Объект нами не замечен.

— Передвижная камера два: то же самое.

— Что значит «то же самое»?! — рявкнул Мартин.

— То же, что у передвижной камеры три. То есть я тоже не вижу объекта.

— Все в порядке, — вздохнул Мартин. — Камеры два и три, оставайтесь на месте. Передвижная камера один, вам нужно...

— Вызывает Си Кью, вызывает Си Кью, — послышался в наушниках Мартина четкий, ясный голос.

Мартин никогда не слышал этого голоса, очень удивился и тут же заподозрил шпионаж или контрразведку.

— В чем дело? — ответил он быстро.

— Привет, — послышался голос. — Это станция 32ZOZ4321, зовут меня Боб, мне тринадцать лет, я веду передачу по любительскому каналу из Веллингтона, Новая Зеландия, с помощью реконструированного передатчика «Хаммарлунд 3ВВС21», работающего через восьмидесятифутовую антенну типа «Аркейн» с механическим приводом, снабженную устройством Дормейстера, использующим принцип узкого луча, отражающегося от слоев стратосферы. Я буду рад вести радиопереговоры со всеми коллегами-радиолобителями, хотя особенно интересуюсь радиолобителями из Бухары, Каира и Мукдена, с которыми хочу обменяться позывными и вообще поболтать. Как слышите меня? За последнее время у меня возникли трудности с устройством Дор-мейстера, но мне кажется, что причиной являются возмущения на Солнце. Прием.

— Немедленно покиньте эту частоту! — разъяренно заорал Мартин.

— У меня не меньше прав на радиосвязь, чем у вас, — с достоинством ответил 32ZOZ4321.

— Вы влезли на специально выделенную коммерческую частоту, — заявил Мартин, — и глушите меня в критически важный момент. Прием.

Наступила короткая пауза.

— Извините, мистер, вы правы! Мой 3ВВС21 — отличный

передатчик, но иногда уходит с установленной частоты. Это объясняется главным образом тем, что я не мог позволить себе приобрести настоящие детали. Прошу прощения, мистер, вы уж извините меня. Прием.

— Ничего страшного, я сам когда-то был мальчишкой. А теперь, пожалуйста, покиньте мою частоту. Прием.

— Ухожу с вашей частоты. Извините, мистер, надеюсь, вы не станете никуда сообщать об этом недоразумении. Прием.

— Не буду, если вы сейчас же уйдете с этой частоты. Прием.

— Ухожу, мистер. Большое спасибо. Скажите, как было меня слышно? Прием.

— Слышно было отлично. Конец связи, — ответил Мартин.

— Спасибо, сэри. Конец связи.

— Конец связи, — повторил Мартин.

— Конец связи, — тут же отозвалась первая передвижная камера.

— Нет, не с вами! — воскликнул Мартин.

— Но вы сказали...

— Не имеет значения, что я сказал. Как там с объектом?

— Вижу его, — сообщила первая передвижная камера. — Он идет по Виа Кавур... подошел к ее пересечению с Виа дей Фори Имперали... остановился... Черт побери! Его загородил от меня автобус.

— Докладывает передвижная камера четыре, — заговорил Чет. — Вижу его. Он все еще стоит на углу. Руки в карманах, и плечи опущены. Он смотрит вверх, очень пристально...

— На что? — выкрикнул Мартин.

— На облако, — сообщила передвижная камера четыре. — Больше на небе ничего нет.

— С чего бы это ему смотреть на облако? — спросил Мартин у Кэролайн.

— Может быть, ему нравятся облака, — пожала плечами Кэролайн.

— Докладывает передвижная камера три. Я вижу его, Центральная! Объект идет по улице с неразборчивым названием в направлении на северо-северо-восток, пересекает Форум Траяна, который был спроектирован Аполлодорусом из Дамаска и отлично сохранился после тысячи восьмисот лет различных злоключений.

— Передавайте мне только те сведения, которые относятся к делу, передвижная камера три, — потребовал Мартин. — Но мне нравится ваше рвение.

— Докладывает передвижная камера три. Вижу его! Эта улица с неразборчивым названием — Виа Куаттро Новембре. Объект

остановился приблизительно в тридцати семи ярдах от Санта Мариа ди Лорето.

— Принято, — сказал Мартин.

Быстро повернувшись к огромной настенной карте Рима и окрестностей, он провел жирную черную линию, отметив маршрут Поллетти, и пунктиром красного цвета набросал возможные направления его движения.

— Докладывает передвижная камера один. Вижу объект. Он все еще стоит на месте.

— Что он делает? — спросил Мартин.

— Мне кажется, чешет нос.

— Надеюсь, вы уверены в достоверности своих докладов, — зловещим голосом произнес Мартин.

— Передвижная камера два докладывает. Мы подтверждаем сведения передвижной камеры один. Объект, видимый через бинокль фирмы «Цейсс» 8x50, установленный на треноге, действительно почесывает нос... Дополнительные данные: объект только что прекратил указанное действие.

— Докладывает передвижная камера два. Объект снова движется в направлении к северу по Виа Пессина к перекрестку с Виа Сальваторе Томмаса.

Мартин снова повернулся к карте, сердито посмотрел на нее, прищурился и вернулся к микрофону.

— Не могу обнаружить на карте этих улиц, передвижная камера два. Сообщите названия еще раз.

— Слушаюсь. Объект идет... Извините, Центральная, кто-то положил передо мной не ту карту. Улицы, которые я называл, находятся в Неаполе. Не могу представить, как это могло случиться...

— Успокойтесь, — произнес Мартин. — Сейчас не время для паники. Кто-нибудь видит его?

— Си Кью, Си Кью, вызывает Си Кью, это 32ZOZ4321...

— Вы снова сбились со своей частоты! — завопил Мартин.

— Прошу прощения, — произнес 32ZOZ4321. — Конец связи.

— Докладывает передвижная камера четыре. Он свернул на Виа Бабуина.

— Как он мог попасть туда? — спросил Мартин, посмотрев на карту. — У него что, крылья или еще что-то?

— Вношу поправку. Я имел в виду Виа Барберини.

— Принято. Но как он попал в тот район?

— Докладывает передвижная камера один. Объект подвез маленький толстый лысый мужчина, сидевший за рулем синего автомобиля марки «Альфа-Ромео», модель XXV-1, с открывающимся верхом, тройными хромированными выхлопными трубами и турбонаддувом Моррисона — Чалмерса. Объект и

маленький толстый лысый мужчина казались друзьями или по крайней мере знакомыми. Они подъехали к площади Испании, где объект вышел из машины.

— Иногда они двигаются очень быстро, — пробормотал себе под нос Мартин, помечая на карте новые координаты объекта.

— А что после этого делал маленький толстый лысый мужчина? — произнес он в микрофон.

— Он уехал в направлении Виа Венето.

— Кто-нибудь следит сейчас за объектом?

— Докладывает передвижная камера два. Я вижу его. В данный момент он стоит прямо перед или, точнее, слегка слева от здания «Американ Экспресс».

— Что он делает?

— Смотрит на плакат в витрине. Плакат представляет собой рекламу туристической поездки в Грецию, конкретно: Афины, Пирей, Гидра, Корфу, Лесбос, Крит...

— Греция! — простонал Мартин. — Он не имеет права так меня подвести. Я ничего там не подготовил. Нам придется...

— Докладывает передвижная камера четыре. Объект двигается вновь. Он прошел несколько ярдов и сидит теперь на ступеньках Испанской лестницы.

— Вы уверены в этом? — быстро спросил Мартин.

— Абсолютно. Он сидит на седьмой снизу ступеньке и с подчеркнутым вниманием смотрит на двух блондинок, расположившихся соответственно на пятой и четвертой ступеньках.

— Он хитрее, чем кажется с первого взгляда, — произнес Мартин. — Теперь никто не ходит к Испанской лестнице. Неужели он пытается...

— Докладывает передвижная камера три! Объект встал и пересекает площадь Испании... Я потерял его из виду. Нет, вот он. Теперь объект на Виа Маргумма, прошел примерно половину квартала, остановился и вошел в здание.

— Что за здание?! — крикнул Мартин.

— Клуб Охотников, — сообщила третья камера. — Нужно ли мне следовать за ним?

Кэролайн следила за поисками, глядя на экран монитора. Теперь она взяла микрофон из рук Мартина и скомандовала:

— Всем передвижным камерам оставаться на местах! Я сама найду его в клубе Охотников.

— По-твоему, это правильный шаг? — спросил ее Мартин.

— Может быть, и нет, — заметила Кэролайн, — зато интересный.

— Послушай, беби, этот парень вооружен и опасен.

— И очень привлекателен, — добавила Кэролайн. — Я хочу лично посмотреть, что представляет собой этот Поллетти.

— Мистеру Фортинбрасу это может не понравиться, — сказал Мартин.

— Мистеру Фортинбрасу не нужно никого убивать, — бросила Кэролайн. — А мне придется.

Ответить на такое замечание было нечего. Когда Кэролайн вышла из зала, Мартин пожал плечами. Затем он мужественно усмехнулся и устало откинулся на спинку вращающегося кресла. Ему приходится иметь дело с примадоннами и неумелыми сотрудниками — людьми, которым не по силам выбраться из бумажного мешка, не говоря уж о том, чтобы решать сложные задачи. Он должен сам заботиться обо всем. И что получает в награду? Ничего! Совершенно ничего, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы.

— Всем передвижным группам! — передал Мартин. — Приступайте к выполнению плана «Изи Бейкер», повторяю, плана «Изи Бейкер». Конец связи.

Он встал и пошел прочь от передатчика, все еще мужественно улыбаясь. Потухшая сигарета свисала из угла его рта.

Танцовщицы ансамбля «Рой Белл» давно уехали, и огромный бальный зал был пуст. Передатчик тихо жужжал, затем что-то шелкнуло. Прошло несколько секунд, и из приемника послышался голос:

— Говорит 32ZOZ4321, вызываю Си Кью. Меня зовут Боб. Слышит меня кто-нибудь?

В огромном зале царил тишина, в нем никого не было.

Глава 11

Римский клуб Охотников размещался в изящном здании неовенецианского стиля. Поллетти вошел, миновал холл и поднялся на лифте на третий этаж. Здесь он подошел к двери, на которой висела табличка: «Вход только членам клуба (мужчинам)». Это было одно из немногих мест в Риме, где мужчина мог сбросить напряжение, покурить, почитать газеты, поговорить, обсудить различные проблемы Охоты и даже выспаться, будучи уверенным, что в помещение неожиданно не ворвется его жена. Более того, мужчина всегда мог заявить, что провел время здесь, — неважно, где он находился на самом деле. В помещении не было телефонов, а лояльность члены клуба считали величайшей из добродетелей.

Охотники-женщины постоянно жаловались на это стремление мужчин к уединению и обособленности, поэтому клуб выде-

лил и для них собственное помещение на первом этаже, на двери которого красовалась надпись: «Вход только членам клуба (женщинам)». Это их не удовлетворило вообще-то, но, как однажды заметил Волтер, что может удовлетворить женщину?

Поллетти опустился в удобное кресло и ответил на приветствия шести-семи друзей. Их интересовало, как происходит Охота, и Поллетти совершенно откровенно ответил, что не имеет ни малейшего представления.

— Это плохо, — констатировал Витторио ди Люкка, седой миланец, на счету которого было восемь убийств.

— Может быть, — ответил Поллетти и добавил: — Но я все-таки еще жив.

— Действительно, — согласился Карло Савицци, толстый молодой мужчина, который учился с Поллетти в школе. — Но это вряд ли твоя заслуга, правда?

— Пожалуй, ты прав, — сказал Поллетти. — Однако едва ли я могу что-нибудь предпринять.

— Ты много чего можешь сделать, — заявил здоровенный широкоплечий старик с поседевшими черными волосами и лицом, напоминавшим плохо выдубленную кожу.

Поллетти и остальные замолчали. Этот старик был Джулио Помбелло — единственный, сумевший достичь цифры «десять» Охотник, которым мог сейчас похвастаться Рим. К Охотнику, убившему десять соперников, следовало относиться с уважением, даже если он нес чепуху, что обычно и делал старый Помбелло.

— Прежде всего нужно организовать оборону, — произнес Помбелло, взмахнув правой рукой, словно защищаясь. — Существует немало схем надежной обороны, равно как и много отличных тактических схем их преодоления Охотниками. Разумеется, главным является правильный выбор; Жертва не должна прибегать к тактике Охотника, равно как и Охотник допустит ошибку, полагаясь на оборону. Вы считаете это правильным или я ошибся в оценке ситуации?

Раздался шепот, выразивший единодушное мнение, что слова маэстро (Помбелло нравилось, когда его так называли) верны и удивительно точно соответствуют действительности. Но в глубине души у каждого появилось страстное желание, чтобы Помбелло лишился дара речи или был немедленно вызван по телефону, к примеру, на Корсику.

— Таким образом, мы разложили проблему на составные элементы, — продолжал маэстро. — Вот ты, Поллетти, Жертва, поэтому нуждаешься в защите. Нет ничего проще. Нам остается решить, какие из наиболее надежных методов защиты лучше всего использовать в твоём случае.

— Вообще-то я не слишком стремлюсь к защите, — заметил Поллетти. — Да и о нападении как-то не очень задумывался, — добавил он, помолчав.

Маэстро привычно не обратил ни малейшего внимания на его слова, поскольку всегда игнорировал высказывания собеседников.

— Лучше всего, — заявил он, — если ты возьмешь на вооружение метод глубинной последовательности концентрических полей Хартмана.

Присутствующие одобрительно закивали. Старый Помбелло действительно неплохо разбирался в Охоте и имел в этом деле глубокие познания.

— Что-то не припомню такого метода, — возразил Поллетти.

— В нем нет ничего сложного, и разобраться в этом методе очень просто, — произнес маэстро. — Сначала выбираешь большую деревню или, может быть, город. Следует предварительно убедиться, что ни твой Охотник, ни его родственники не живут там, в противном случае оборона утрачивает свою эффективность. Но отыскать нужный город не так уж сложно.

— Это верно, — вмешался Витторио. — Как раз на прошлой неделе я читал...

— Отыскав такой город, — невозмутимо продолжал маэстро, — ты селишься там и живешь в течение недели или месяца, пока твой Охотник не узнает, где ты находишься. И как только он решает нанести удар, ты убиваешь его. Проще некуда.

Все дружно закивали в знак согласия.

— А что, если Охотник найдет меня первым, или сумеет подкрасться, предварительно переодевшись, или...

— А-а, я упустил из виду решающую деталь метода глубинной последовательности концентрических полей Хартмана. — Маэстро улыбнулся своей рассеянности. — Охотник не сможет найти тебя первым, какой бы искусной ни была его маскировка. Не сможет он и подкрасться незамеченным. Стоит ему появиться в городе — и он в твоих руках.

— Почему? — спросил Поллетти.

— А потому, — пояснил маэстро, — что ты предварительно заплатишь каждому мужчине и ребенку в городе, каждой женщине, и они станут твоими наблюдателями; более того, ты пообещаешь премию тому, кто первым обнаружит Охотника. Остроумно, правда? Вот и все.

Маэстро откинулся на спинку кресла, самодовольно улыбаясь. Среди присутствующих послышался одобрительный шепот.

— Значит, нужно заплатить всем мужчинам, женщинам и детям, живущим в городе, — произнес Поллетти. — Но для этого

потребуется немало денег. Даже если город совсем небольшой или деревня с тысячей обитателей, понадобится...

Маэстро нетерпеливо махнул рукой.

— Думаю, нужно будет заплатить несколько миллионов лир. Но что такое деньги по сравнению с жизнью?

— Ничего, — согласился Поллетти. — Но у меня нет нескольких миллионов лир.

— Это печально, — заметил маэстро. — Последовательность Хартмана является, по моему мнению, лучшей системой защиты от любого Охотника.

— Может быть, если удастся получить кредит...

— И все-таки не следует впадать в отчаяние, — подбодрил его маэстро. — Мне кажется, я припоминаю, что статическая защита Карра показала себя с лучшей стороны, хотя сам я никогда не прибегал к ней.

— Как раз на прошлой неделе я читал о ней, — вступил в разговор Витторио. — При статической защите Карра ты запираешься в комнате, полностью сделанной из стали; у тебя есть источник кислорода, вода, получаемая по замкнутому циклу, большой запас продовольствия и книг. Фирма «Аберкромби и Фитч» продает полный комплект, причем стены выполнены из трехдюймовой гиперстойкой стали, безусловно, гарантированной от любых внешних вторжений вплоть до ядерного взрыва мощностью в мегатонну.

— Я смогу купить такую комнату в рассрочку? — спросил Поллетти.

— Сможешь, пожалуй, — сказал Карло. — Но должен предупредить тебя, что компания «Фортнум и Мейсонс» пустила в продажу мультиволновой вибратор, гарантирующий уничтожение всего живого, находящегося внутри такой комнаты. — Он вздохнул и потер лоб. — Именно это случилось с моим несчастным кузеном Луиджи в самый первый раз, когда он был Жертвой.

Раздался шепот сожаления.

— Что касается меня, — произнес маэстро, — мне никогда не нравилась статическая защита. Она слишком статическая; ей не хватает гибкости. А вот мой племянник воспользовался однажды очень любопытной защитой, основанной на открытости.

— Никогда не слышал о таком методе, — покачал головой Поллетти.

— Вообще-то это восточная форма защиты, — пояснил маэстро. — Японцы называют ее «неуязвимость, основанная на кажущейся уязвимости». Китайцы говорят о ней как о «сантиметре, вмещающем десять тысяч метров». По-моему, у нее есть и индийское название, только сейчас я не могу припомнить его.

Наступило молчание. Все ждали. Наконец маэстро сказал:

— Ладно, название не имеет значения. Суть этой защиты, как объяснил мне племянник, заключается в открытости. Да, в открытости!

Все закивали и подались вперед.

— Для своей защиты мой племянник арендовал несколько квадратных миль пустыни в Абруцци, заплатив до смешного мало. В середине этого участка он установил палатку, откуда мог видеть все на несколько миль вокруг. Взял напрокат у одного из своих друзей радиолокационную установку и купил у торговца подержанным оружием батарею зенитных орудий. Ему даже не пришлось платить за оружие наличными: он просто обменял их на свой автомобиль. По-моему, он где-то нашел прожекторы и в течение двух дней сумел установить все. Ну как, Марчелло, а?

— Весьма хитроумно, — задумчиво произнес Поллетти. — Похоже, что это действительно надежная защита.

— И мне так казалось, — кивнул маэстро. — К сожалению, Охотник, преследовавший моего племянника, проявил коварство, купил у фирмы «Арамко», торгующей излишками военного имущества, землеройную машину, прокладывающую туннели, пробил подземный ход прямо под палатку племянника и взорвал его.

— Да, это очень печально, — вздохнул Витторио.

— Какой удар для всей нашей семьи! — произнес маэстро. — Однако сама идея разумна. Видишь, Марчелло, если ты воспользуешься ею, слегка модернизируешь — ну, скажем, возьмешь в аренду участок, расположенный на гранитном плато вместо песчаной равнины, установишь сейсмографическое оборудование, — такая защита может оказаться весьма эффективной. Разумеется, у нее останутся определенные недостатки: старые зенитные орудия не смогут устоять против современных ракетопланов. К тому же Охотник может купить гаубицу или танк, и в таком случае достоинства принципа открытости защиты станут его недостатками.

— Это верно, — согласился Поллетти. — К тому же я вряд ли успею вовремя все подготовить.

— А как ты относишься к засаде? — спросил Витторио. — Я знаю несколько отличных схем засад. Лучшие из них требуют много времени на подготовку и денег, разумеется...

— У меня нет денег. — Поллетти встал. — Да и времени, по видимому, тоже. Но мне хочется поблагодарить всех за предложения, в особенности вас, маэстро.

— Не стоит, не стоит, — ответил маэстро. — Так что же ты собираешься предпринять?

— Ничего, совершенно ничего, — сказал Поллетти. — В конце концов, следует оставаться верным своей природе.

— Марчелло, ты сошел с ума! — воскликнул Витторио.

— Отнюдь нет. — Поллетти остановился в дверях. — Я просто пассивен. До свидания, джентльмены, желаю хорошо провести вечер.

Он вежливо поклонился и вышел. Оставшиеся некоторое время молчали, глядя друг на друга с выражением ужаса и жалости.

— У него появилась жажда смерти, — заявил наконец маэстро. — Это, по моему мнению, типичное душевное состояние римлян, против которого нужно бороться всеми силами. Симптомы этого заболевания совершенно очевидны для опытного глаза; они заключаются в следующем...

Присутствующие слушали его, устремив перед собой тупые, бессмысленные взгляды. Витторио страстно желал, чтобы великого старца сбил автомобиль, желательно «Кадиллак», и чтобы старик провел следующие год или два на больничной койке. Карло заснул с широко открытыми глазами, но даже в этом состоянии он ухитрился бормотать «гм-м» всякий раз, когда маэстро делал паузу, и даже затягивался сигаретой. И никто не знал, как он это делает.

Глава 12

Кэролайн посмотрела на часы. Ручные часы «Дик Трэси» со встроенным радио были фамильной реликвией, переходившей от одного поколения Мередитов к другому. Ей предлагали сменить часы, приобрести новые, поменьше размером, более совершенные, более надежные в эксплуатации. Но Кэролайн категорически отказывалась расстаться с дорогой сердцу вещью. Шли они прекрасно, к тому же Кэролайн испытывала к часам сентиментальную привязанность.

— Мартин, — прошептала она в часы, — что значит «Беллеца ди Адам»?

— Одну минуту, сейчас узнаю. — Голос Мартина едва доносился из крохотного динамика часов. Ответ последовал почти сразу: — Чет говорит, что это значит «Косметический кабинет Адама», вроде тех, что есть у нас в Нью-Йорке. Он говорит, что Поллетти заходит сюда каждые два дня, чтобы побрить кисти. После этого он обедает в баре или выпивает коктейль.

— Чет знает очень много, — заметила Кэролайн.

— Совершенно верно, — согласился Мартин. — Между прочим, есть люди, которые считают, что он знает слишком много. Но почему ты спрашиваешь об этом Адаме?

— Потому что сейчас там находится Поллетти, — объяснила Кэролайн. — Я подошла к Клубу Охотников в тот самый момент, когда он выходил на улицу, и дошла с ним до «Адама». Однако женщинам неприлично заходить в мужской косметический кабинет, правда?

— Да, по крайней мере в тот, где бреют кисти. Но бар открыт для всех посетителей.

— Отлично, — ответила Кэролайн. — Я зайду в бар и взгляну на него.

— Ты считаешь это необходимым? — спросил Мартин. — Я хочу сказать, может быть, это не так уж необходимо. У нас появились кое-какие соображения относительно того, как заманить этого парня завтра утром в Колизей.

— Я хорошо знакома с вашими соображениями, — произнесла Кэролайн, — и, если говорить откровенно, не принимаю их всерьез. Я сама приведу Поллетти. К тому же мне хочется взглянуть на него поближе. И, если удастся, познакомиться с ним.

— Зачем?

— Затем, что так будет гораздо приятнее, — ответила Кэролайн. — За кого ты меня принимаешь, Мартин? За патологического убийцу? Мне хочется знать человека, которого я убиваю. Это цивилизованный способ, и он мне нравится.

— О'кей, беби, ты играешь главную роль. Но будь осторожна: он может прикончить тебя раньше, чем ты его. Ты шутишь с огнем.

— Да, я знаю. Но в этом и заключается особый интерес.

Кэролайн выключила часы-радио и вошла в «Беллеца ди Адам». Она миновала кабинет, где бреют кисти, и в баре-закусочной сразу увидела Поллетти. Он только что закончил обедать и теперь сидел в кресле с чашкой кофе и журналом комиксов.

Кэролайн села за соседний столик, заказала тарелку тушеного мяса с водорослями по-милански, достала сигареты, поискала спички в сумочке и обернулась к Поллетти со смущенной улыбкой.

— У меня, похоже, нет спичек, — произнесла она извиняющимся тоном.

— Попросите официанта, он принесет, — ответил Поллетти, не отрываясь от комиксов.

Он увлеченно хихикал и быстро перелистывал страницы, торопясь узнать, чем кончается история в картинках.

Кэролайн нахмурилась. Она выглядела очаровательно, когда хмурилась, как, впрочем, и в любое другое время. Однако ее красота не производила впечатления на мужчину, который прилип к своим комиксам. Она вздохнула и вдруг заметила, что на каждом столе стоит телефон. Загадочно улыбнувшись — это ей всегда

удалось великолепно, — Кэролайн набрала номер столика Поллетти.

Однако Поллетти, казалось, не замечал звонившего телефона. Наконец он обернулся и посмотрел прямо на Кэролайн.

— Я ведь сказал вам, что официант принесет спички.

— Видите ли, я просто хотела поговорить с вами, — ответила Кэролайн, очаровательно краснея. — Дело в том, что я американка и хочу познакомиться с мужчиной-итальянцем.

Поллетти сделал рукой небрежный жест, словно говоря, что Рим полон мужчин-итальянцев, и снова склонился над журналом.

— Меня зовут Кэролайн Мередит, — вкрадчиво произнесла Кэролайн.

— Ну и что? — Поллетти по-прежнему не отрывался от комиксов.

Кэролайн не привыкла к такому обращению, но тем не менее продолжала:

— Вы свободны сегодня вечером?

— По-видимому, сегодня вечером я буду мертв, — ответил Поллетти.

Он достал из кармана карточку и, не поднимая головы от журнала, протянул Кэролайн.

На карточке было написано: «ОСТОРОЖНО! Я ЖЕРТВА!». Это было стандартное предупреждение, напечатанное на шести языках.

— Господи боже мой! — воскликнула Кэролайн. — Вы Жертва и сидите так спокойно, не прячетесь. Поразительно смелый поступок!

— А я ничего не могу предпринять, — ответил Поллетти. — У меня нет денег, чтобы защищаться.

— А вы не могли бы продать свою мебель? — спросила Кэролайн.

— Ее увозят, — сказал Поллетти. — Я не смог выплатить взносы. — Он перевернул страницу, и на его лице появилась широкая улыбка.

— Ну что вы, — заметила Кэролайн, — должен же быть какой-то выход...

Вдруг раздался какой-то шум, и Кэролайн умолкла. В бар вбежал маленький мужчина с лицом, как у крысы. Он пересек зал и остановился у стены. Он был так чем-то напуган, что у него тряслись даже бакенбарды. Через несколько мгновений появился еще один, очень высокий и худой. Его длинное морщинистое лицо было настолько обветренным, что напоминало цветом перуанское седло. На нем была очень большая белая шляпа, узкий чер-

ный галстук, кожаный жилет, джинсы и ковбойские сапоги. А по бокам висели два револьвера системы «кольт» в открытых кобурах.

— Ну что ж, Блэки, — вкрадчиво произнес высокий. — Вижу, нам довелось встретиться снова.

— Действительно, — согласился мужчина с крысиным лицом.

Его бакенбарды перестали дрожать, однако страх не исчезал с неприятного лица.

— Я думаю, — продолжал высокий мужчина, — что мы можем решить нашу маленькую проблему прямо здесь, раз и навсегда.

Кэрролайн, Поллетти и остальные посетители немедленно полезли под столы.

— Но нам нечего решать, Дюк, — дрожащим голосом ответил маленький мужчина. — Абсолютно нечего.

— Ты так считаешь? — произнес худой как палка Дюк. Притворная вкрадчивость его голоса уже никого не могла обмануть. — Ну что ж, может быть, у нас просто различные представления о жизни. Я, например, слишком старомоден и не люблю, когда через мое лучшее пастбище прокладывают железную дорогу, а моя невеста выходит замуж за хилого бостонского банкира с крысиными бакенбардами и медовой речью, который к тому же выигрывает все мои деньги в карты, которые, между прочим, крапленые. Вот как я смотрю на жизнь, Блэки, и потому стараюсь предпринять что-то, чтобы исправить положение.

— Подожди, Дюк! — взмолился Блэки. — Я все объясню!

— Хватит, — произнес Дюк. — Ну ты, трусливый умник, берись за оружие!

— Дюк, пожалуйста! У меня ведь даже нет револьвера!

— Вижу, мне не остается ничего иного, как первым взяться за него.

Правая рука Дюка начала опускаться к рукоятке «кольта».

В это мгновение бармен оправился от испуга и закричал:

— Нет, сэр, нет! Только не здесь!

Дюк обернулся и нарочито вежливо ответил:

— Сынок, советую тебе не совать свой длинный нос в чужие дела; в противном случае какой-нибудь очень нервный гражданин может оторвать его.

— Я совсем не хочу вмешиваться в ваши личные дела, сэр, — с достоинством произнес бармен. — Мне просто хочется сообщить вам, что в нашем баре убивать запрещено.

— Послушай, мальчуган. — Мягкость исчезла из голоса незнакомца. — Я являюсь официально утвержденным Охотником, а эта дрожащая крыса, вон та, — моя официально одобренная

Жертва. Мне пришлось потратить немало времени и пойти на хитрости, чтобы добиться этого, но теперь все бумаги оформлены должным образом, так что прошу тебя уйти отсюда, чтобы не попасть под пули.

— Сэр, прошу вас! — воскликнул бармен. — Я не подвергаю сомнению ваш статус Охотника. Каждому с первого взгляда ясно, что вы достойный джентльмен и имеете полное право убивать. К сожалению, наш бар объявлен местом, где запрещены все убийства, юридически оформленные или нелегальные.

— Разрази меня гром! — воскликнул Дюк, не скрывая раздражения. — Сначала запрещают убивать в церкви, затем в ресторане, потом объявляют запрещенной территорией парикмахерские, и вот теперь — закусовые. Видимо, скоро наступит время, когда мужчине не останется ничего другого, как сидеть дома и ждать смерти от старости!

— Мне кажется, пока дело не так уж плохо, — произнес бармен, стараясь успокоить Охотника.

— Может быть, пока, сынок, но все быстро идет к тому. Скажите, у вас не будет возражений, если я прикончу этого мерзкого хоряка в переулке у черного хода?

— Мы сочтем это за честь, сэр, — ответил бармен.

— О'кей. — На лице Дюка появилась зловещая улыбка. — Блэки, у тебя есть время обратиться к Создателю в последний раз, перед тем как... А куда делся Блэки?

— Он смылся, пока вы разговаривали с барменом, — сказал Поллетти.

— Он скользкий, как уж, этот Блэки. — Дюк раздраженно щелкнул пальцами. — Ничего, я его найду.

Он повернулся и бросился к выходу. Посетители закусовой вылезли из-под столов и снова расселись по местам. Поллетти опять взялся за журнал. Бармен принялся готовить двойной мартины.

Завонил телефон на столе Поллетти. Он сделал жест Кэрролайн, предлагая ей ответить на звонок. Довольная, что ей удалось достичь хотя бы такого уровня близости со своей загадочной Жертвой, она сняла трубку.

— Алло? Минутку, пожалуйста. — Она повернулась к Поллетти. — Вызывают Марчелло Поллетти. Это вы?

Поллетти перевернул последнюю страницу журнала и спросил:

— Это мужчина или женщина?

— Женщина.

— Тогда скажите, что я только что ушел.

— Мне очень жаль, но он только что ушел, — сказала Кэрро-

лайн в трубку. — Да, совершенно верно, здесь его нет. Что значит «вы лжете»? Зачем мне лгать? Что? Как меня зовут? Это не ваше дело. А как вас зовут? Что вы сказали? И тебе то же самое, сестричка, совковой лопатой! До свидания! Что? Да, он действительно только что ушел.

Кэролайн с негодованием бросила трубку и повернулась к Поллетти. Но его кресло было пустым.

— Куда он делся? — спросила она бармена.

— Он только что ушел, — был ответ.

Глава 13

Поллетти сидел за рулем автомобиля «Бьюик-Оливетти XXV», который позаимствовал у щедрого племянника одного из приятелей своей сестры. Ему не нравился автомобиль, потому что он был ярко-пурпурного цвета, а у Поллетти этот цвет почему-то ассоциировался с брюшным тифом. И все-таки им пришлось воспользоваться, потому что только эту машину удалось достать.

В двух милях от Рима Поллетти остановился у заправочной станции. Небрежным жестом он велел наполнить бак, затем открыл дверцу и вышел из машины.

Вдруг за спиной раздался дикий визг тормозов. Поллетти стремительно обернулся — прямо на него мчался «Лотус» кофейного цвета. От неожиданности Поллетти застыл на месте.

Не снижая скорости, спортивный автомобиль обогнул его идеальным иммельманом и остановился как вкопанный. Из кабины вышла Кэролайн. Аромат ее духов пробивался сквозь запах горелой резины.

— Привет, — сказала она.

На подобное заявление можно было найти немало остроумных ответов, но Поллетти не воспользовался ни одним из них.

— Почему вы преследуете меня? — прямо спросил он. — Что вам от меня нужно?

Кэролайн подошла ближе, запах ее духов действовал на раздраженного Поллетти, как парфянский мед¹. Заметив это, он тут же вернулся в свой автомобиль.

— Вы не могли бы уделить мне пару минут? — спросила Кэролайн.

— Нет.

— Одну минуту?

— Я опаздываю, у меня нет времени, — ответил Поллетти, расплатившись со служителем и включая двигатель.

¹ Алкогольный напиток, приготовляемый из меда и воды.

— Послушайте...

— Позвоните мне на будущей неделе.

— Тогда будет слишком поздно, — заметила Кэролайн. — Видите ли, я приехала в Рим, чтобы провести исследование сексуальных привычек итальянских мужчин. Моя фирма интересуется всеми необычными явлениями...

— Тогда вы обратились не по адресу, — прервал ее Поллетти.

— ...но мы, разумеется, проявляем еще больший интерес ко всем обычным явлениям, — быстро добавила Кэролайн.

Поллетти нахмурился.

— Исследование проводится в узких рамках индивидуальной специфики, разумеется, — пояснила Кэролайн. — Именно по этой причине я и заинтересовалась вами. Оно будет заключаться в телевизионном интервью в Колизее. Я буду задавать вам вопросы...

— Одному мне? — спросил Поллетти.

Кэролайн кивнула.

— Но вы сказали, что это исследование.

— Да, индивидуальное исследование, — сказала Кэролайн. — Глубокий научный анализ мужской сексуальности вместо поверхностного подхода.

Поллетти недоуменно моргнул.

— Не понимаю, почему именно я потребовался вам для этого исследования.

Кэролайн улыбнулась и опустила взгляд. В ее голосе зазвучало смущение.

— Потому что вы привлекаете меня, — сказала она. — В вас есть что-то, какая-то едва уловимая слабость, дразнящая хрупкость...

Поллетти понимающе кивнул и улыбнулся. Кэролайн протянула руку к дверце автомобиля. Поллетти мгновенно включил сцепление, и машина с ревом сорвалась с места.

Глава 14

Поллетти мчался по старой прибрежной дороге, ведущей к Чивитавеккиа. Справа от дороги тянулся бесконечный ряд кипарисов, слева — побережье, усеянное камнями. Водитель яростно давил ногой на педаль газа «Бьюика-Оливетти XXV» и не собирался останавливаться перед каким-либо препятствием, одушевленным или нет. Тот факт, что старый автомобиль был не способен развить скорость больше тридцати одной мили в час, выводил Поллетти из себя.

Наконец он подъехал к участку побережья, огороженному забором из проволоочной сетки. Над воротами красовалась надпись: «ПОКЛОННИКИ СОЛНЕЧНОГО ЗАКАТА». Появился служи-

тель и открыл ворота с таким глубоким поклоном, что это выглядело насмешкой. Поллетти кивнул и въехал на участок.

Он затормозил перед небольшим домиком из готовых панелей. На берегу моря стояли трибуны, на которых собралось множество людей. Над морем, почти касаясь поверхности воды, висело огненно-красное солнце. Поллетти взглянул на часы. Шесть часов сорок две минуты. Он вошел в домик.

За столом сидел его компаньон Джино и что-то считал.

— Сколько на этот раз? — спросил Поллетти.

— Четырнадцать тысяч двести тридцать три посетителя, оплативших входные билеты, — ответил Джино. — И еще пять полицейских, двадцать три бойскаута и шесть племянниц Витторио — все по контрамаркам.

— Придется сказать Витторио, чтобы он сократил число племянниц, — решил Марчелло. — Я занимаюсь этим делом не ради развлечения. — Он сел на складной стул. — Значит, всего четырнадцать тысяч? Этого едва хватит, чтобы заплатить за аренду трибун.

— Не то что в прежнее время, — согласился Джино. — Помню, когда...

— Ладно, неважно, — сказал Поллетти. — Ты проверил: ни у кого нет с собой оружия?

— Конечно, — кивнул Джино. — Мне совсем не хочется видеть, как тебя прикончат во время работы.

— Мне тоже, — пробормотал Поллетти, мрачно глядя вдаль.

Наступила непродолжительная неловкая пауза.

— Уже шесть часов сорок семь минут, Марчелло, — нарушил молчание Джино.

— Неужели? — язвительно отозвался Поллетти.

— Тебе скоро выходить. Осталось меньше пяти минут. Как ты себя чувствуешь?

Поллетти молча состроил зверскую гримасу.

— Знаю, знаю, — сказал Джино. — Ты всегда так чувствуешь себя перед выходом к аудитории. Но мы ведь можем легко справиться с этим настроением, правда? Проглоти вот это.

Он протянул Поллетти стакан воды и крошечную овальную красную таблетку. Это был лимниум, один из новых наркотиков, способных усиливать так называемый «фактор экспансивности» в человеческой психике.

— Мне он не нужен... — запротестовал Поллетти, однако проглотил таблетку и запил водой.

Затем, примирившись с судьбой, проглотил таблетку с пурпурно-белыми полосами гнейа-Па — недавно созданный препарат для повышения обаяния, выпускаемый фабриками кон-

церна «Фарбен». Далее последовали: маленький золотой шарик дармаоида — средство ограничения человеческого общения, производимое лабораториями Хайдарабада, затем тщательно рассчитанная по времени действия ампула лакримола в форме слезы и, наконец, капсула гипербендикс в виде фигурки волка — новейшее лекарство, повышающее психическую энергию.

— А теперь как ты себя чувствуешь? — спросил Джино.

— Как-нибудь справлюсь, — ответил Поллетти.

Он наморщил лоб и взглянул на часы. Принятые лекарства начали действовать. Он вскочил со стула и бросился к гримировальному столику в углу домика. Там он снял костюм и натянул белую пластиковую тогу, повесил на шею копию барельефа Солнца индейцев майя, сделанную из металла, имитирующего бронзу, и надел белый кудрявый парик.

— Как я выгляжу? — бодро спросил он.

— Великолепно, Марчелло. Ты выглядишь просто великолепно, — ответил Джино. — Откровенно говоря, ты еще никогда не выглядел так хорошо.

— Это ты серьезно?

— Клянусь всем, что мне дорого в жизни, — привычно произнес Джино и посмотрел на часы. — Осталось меньше минуты! Иди, Марчелло, и потряси всех!

— Мне кажется, сегодня я произведу настоящую сенсацию, — заметил Марчелло и величественной поступью двинулся к двери.

Джино смотрел ему вслед, чувствуя, как у него перехватывает горло. Он знал, что видит перед собой настоящего бойца; кроме того, его беспокоили болезненные спазмы, предвещающие расстройство желудка.

Поллетти торжественно шествовал к своей аудитории. Его взгляд был спокоен, шаги неторопливы. Слышались нежные звуки «O Sole Mio», дополняющие атмосферу ожидания.

Перед трибунами стояла красная кафедра. К ней и направился Поллетти. Поднявшись на нее и поудобнее приладив микрофон, Поллетти с пафосом произнес:

— Сегодня, на закате дня, так похожего и так не похожего на другие дни, в хрупкой ладье, мы, смертные, путешествуем по бурным водам вечности и думаем о будущем...

Слушатели, загипнотизированные его словами, склонили головы. И вдруг Поллетти увидел, что с первого ряда ему улыбается Кэралайн. Он смешался, несколько раз моргнул, но сразу оправился и продолжал:

— Эти последние лучи умирающего, но бесконечно возрождающегося солнца приходят к нам с расстояния в сто сорок де-

вять миллионов километров. О чем это говорит? Такое расстояние является божественным и непостижимым, неумолимым и одновременно иллюзорным, потому что разве можно предположить, что наш огненный отец не вернется к нам?

— Вернется, обязательно вернется! — слышался хор голосов.

Поллетти печально улыбнулся.

— А когда он вернется, встретим ли мы его здесь, чтобы наслаждаться его животворным великолепием?

— Кто может сказать? — мгновенно откликнулась аудитория.

— Действительно, кто? — вопрошал Поллетти. — И все-таки нас утешает мысль, что наш дорогой отец не умер; нет, сейчас он мчится по собственной орбите к Лос-Анджелесу.

Солнце тонуло в морских волнах. Слушатели на трибуне плакали. Только несколько человек, которые всегда встречаются в такой толпе, спорили о различных аспектах доктрины солнечного круговорота. Казалось, проповедь произвела сильное впечатление даже на Кэролайн. Произнося заключительную часть проповеди на греческом языке, Поллетти тоже пустил слезу.

Уже совсем стемнело. Под радостные возгласы и проклятия Поллетти спустился с кафедр.

В темноте его вдруг схватила чья-то рука. Это оказалась Кэролайн. Ее лицо было мокрым от слез.

— Марчелло, это было так прекрасно! — воскликнула она.

— Пожалуй, действительно неплохо, — ответил Поллетти, все еще заливаясь слезами, — если тебе нравятся солнечные закаты.

— А тебе не нравятся?

— Не то чтобы очень, — пожал плечами Поллетти. — Мне приходится этим заниматься, ведь я проповедник.

— Но ты тоже плачешь! — воскликнула Кэролайн.

— Это реакция, вызванная медицинскими препаратами, — объяснил Поллетти и вытер глаза. — Скоро пройдет. В таком деле нужно переживать вместе с клиентами, а это непросто, если не испытываешь аналогичных чувств. Впрочем, это всего лишь бизнес.

— Ну и как бизнес в сфере солнечных закатов? — спросила Кэролайн.

— Так себе. Раньше было куда лучше, — ответил Поллетти. — Но теперь... — Он замолчал и посмотрел на нее. — А почему ты спрашиваешь? Это связано с интервью или всего лишь праздное любопытство?

— Пожалуй, и то, и другое.

— Ты все еще хочешь провести свое исследование? — внезапно спросил Поллетти.

- Ну конечно, — отозвалась Кэролайн.
- Хорошо, я согласен, — ответил Поллетти. — За соответствующий гонорар, разумеется.
- Скажем, триста долларов, — предложила Кэролайн.
- Поллетти недоуменно посмотрел на нее, повернулся и пошел к домику. Кэролайн последовала за ним.
- Пятьсот, — сказала она.
- Поллетти продолжал идти. Кэролайн повысила цену до тысячи.
- Сколько времени на это потребуется?
- Час, от силы два.
- И когда?
- Завтра утром, в десять часов, в Колизее.
- Хорошо, — кивнул Поллетти. — По-моему, я свободен в это время. Но мне следовало бы получить аванс.
- Удивленная, Кэролайн открыла сумочку, достала новенькую хрустящую банкноту в пятьсот долларов и вручила Поллетти. Тот снял парик, расстегнул замок-«молнию» в подкладке и сунул туда деньги.
- Спасибо. Увидимся позже. — И Поллетти спокойно вошел в домик.

Глава 15

Поллетти переоделся и минут десять сидел, рассматривая правый указательный палец. Раньше он никогда не замечал, что указательный палец у него гораздо длиннее безымянного. Подобная асимметрия в другое время просто позабавила бы его, но на этот раз вызвала раздражение. Раздражение привело к депрессии, и ему вдруг стали мерещиться гильотины, топоры с зазубренными краями, кривые ятаганы, бритвенные лезвия с пятнами крови...

Он резко потряс головой, взял себя в руки, проглотил солидную дозу инфрадекса — лекарства, предназначенного для смягчения последствий приема наркотиков. И через несколько секунд Поллетти превратился в прежнего унылого себя. Это привело его в равновесие, и он вышел из хижины почти спокойным.

И в темноте вдруг почувствовал, как что-то или кто-то коснулся его рукава. Молниеносно отреагировав, он стремительно обернулся, выполняя оборонительный маневр номер три, часть первую. Правой рукой он попытался выхватить из кобуры пистолет. Но в этот момент споткнулся о корень кипариса и так сильно грохнулся на землю, что порвал пиджак.

Вот и все, подумал Поллетти. Всего одно мгновение, потеря бдительности — и смерть, которую он ждал так долго, наступила так неожиданно! В этот ужасный момент, беспомощно распро-

стершись на земле, Поллетти понял, что невозможно приготовиться к собственной смерти. Смерть опытна и коварна, она застает людей неожиданно и лишает самообладания.

Оставалось только умереть с достоинством. Поллетти вытер губы и жалко улыбнулся.

— Боже мой, — раздался голос Кэролайн, — я совсем не хотела напугать тебя. Ты не ушибся?

— Ничто не пострадало, кроме чувства собственного достоинства, — произнес Поллетти, вставая и отряхиваясь. — Тебе не следует неожиданно наталкиваться на Жертву — может убить.

— Ты прав, пожалуй, — согласилась Кэролайн. — Если бы ты выхватил пистолет и не упал... Какой ты неуклюжий.

— Лишь в тех случаях, когда теряю равновесие, — улыбнулся Поллетти. — А почему ты здесь околачиваешься, а?

— Я не хочу объяснять, — ответила Кэролайн.

— Понятно, — с циничной улыбкой заметил Поллетти.

— Нет, совсем не по той причине, о которой ты подумал.

— Разумеется, — еще циничнее улыбнулся он.

— Мне просто хотелось поговорить с тобой.

Поллетти кивнул и улыбнулся самым циничным образом, затем, поскольку ненавидел крайности в поведении, пожал плечами и равнодушно произнес:

— Хорошо, давай поговорим.

Они пошли рядом по пляжу вдоль кромки воды. Небо на востоке стало сине-черным. На западе угасающее солнце спускалось в стальные волны Тирренского моря. В темном небе уже кое-где вспыхнули звезды.

— Смотри, какие прелестные звезды, — сказала Кэролайн с непривычной застенчивостью. — Особенно вон та, маленькая и странная, слева.

— Это альфа Цефея, — пояснил Поллетти. — Вообще-то это двойная звезда, и основная звезда в связке принадлежит к типу В, что соответствует температуре поверхности порядка пятнадцати тысяч градусов.

— Я этого не знала, — сказала Кэролайн, садясь на влажный песок.

— А вот у маленького спутника альфы Цефея, — продолжал Поллетти, — температура поверхности всего шесть тысяч градусов, плюс-минус несколько градусов. — Он сел рядом с девушкой.

— Мне это кажется почему-то печальным, — заметила Кэролайн.

— Да, пожалуй, — согласился Поллетти.

Он испытывал какое-то странное чувство. Может быть, потому, что звезда, которую он так уверенно назвал альфой Цефея,

была на самом деле бетой Персея, известной также под названием Алгол, — звездой демонов, чье влияние осенью на людей с определенным темпераментом слишком хорошо известно.

— Звезды такие красивые, — задумчиво произнесла Кэролайн.

Подобное замечание Поллетти в другое время считал бы банальным, но сейчас оно показалось ему милым.

— Да, пожалуй, — согласился он. — Так приятно видеть их на небе каждую ночь... Послушай, мы пришли сюда не для того, чтобы беседовать о звездах. О чем ты хочешь поговорить со мной?

Кэролайн ответила не сразу. Она задумчиво смотрела на море. Длинная прядь светлых волос упала ей на щеку, смягчая точеные черты лица. Она мечтательно зачерпнула пригоршню песка, и тонкие песчаные струйки побежали между ее длинными пальцами. Законченный циник, Поллетти внезапно почувствовал какую-то странную боль, словно укол иглы, проникший в самую глубину его души. Почему-то вспомнились маленький домик с соломенной крышей в горах близ Перуджи и полная седая улыбающаяся женщина, стоящая у двери, вокруг которой вилась лоза, с глиняным кувшином в руке. Он видел мать только раз, на фотографии, которую прислал ему Витторио. Тогда это не произвело на него впечатления, но теперь...

Кэролайн повернулась к нему, и в ее огромных глазах отразился последний розовый отблеск умирающего солнца. Поллетти вздрогнул, несмотря на то что температура воздуха и воды была семьдесят восемь градусов по Фаренгейту¹ и с юго-запада дул ласковый бриз со скоростью пять миль в час.

— Мне хочется узнать о тебе побольше, — произнесла Кэролайн.

Поллетти заставил себя рассмеяться.

— Обо мне? Я самый простой человек и прожил самую обычную жизнь.

— Расскажи о ней, — попросила Кэролайн.

— Мне нечего рассказывать, — ответил Поллетти.

И вдруг он заговорил о своем детстве и первом опыте в сексе и убийстве; о своей конфирмации; страстной любви к Лидии, поначалу безмятежной и счастливой, но превращенной женитьбой в невыносимую скуку; о том, как он встретил Ольгу и стал жить с ней, как узнал, что ее странное поведение вызвано врожденной неустойчивостью характера, а не страстной независимостью, но было уже слишком поздно.

Кэролайн сразу поняла, что жизненный опыт принес Пол-

¹ Около 25° С.

летти горечь и разочарование. Те радости, которые в юности казались ему редкими и недостижимыми, став доступными, превратились в бесконечную вереницу безотрадных и отчаянно скучных повторений. И тогда, увидев изнанку радужных надежд, он забрался в скорлупу мрачных переживаний. Печально, подумала она, но не безнадежно.

— Вот и все, больше нечего рассказывать, — как-то неловко закончил Поллетти.

Лишь теперь он понял, что болтал, как чокнутый, как мальчишка. И тут же подумал, что это не имеет значения, что его не интересует мнение Кэролайн о нем.

Кэролайн молчала. Она повернула к нему лицо, такое таинственное в темноте, окруженное ореолом светлых волос. Ее черты, всегда казавшиеся классическими и холодными, сейчас были живыми и теплыми. Кэролайн поразительно красива, но в темноте она казалась еще более привлекательной.

Поллетти беспокойно пошевелился, вспомнив, что люди, утратившие иллюзии, часто легко поддаются зову романтики. Он закурил и сказал:

— Пошли отсюда. Может быть, сумеем найти местечко, где можно что-нибудь выпить.

Этой сухой прозаической фразой он хотел нарушить очарование вечера. Но этого не случилось, потому что Алгол все еще ярко сиял на южном небе.

— Марчелло, мне кажется, что я люблю тебя. — Голос Кэролайн был едва слышен в шуме прибора.

— Не говори глупостей, — буркнул Поллетти, стараясь казаться равнодушным и скрывая за грубостью волнение.

— Я люблю тебя, — повторила она.

— Не валяй дурака, — сказал Поллетти. — Эта сцена на берегу очень романтична, но давай не будем заходить слишком далеко.

— Значит, ты тоже любишь меня?

— Это не имеет значения, — ответил Поллетти. — В данную минуту я могу сказать что угодно и даже поверить этому — но только на минуту. Кэролайн, любовь — это чудесная игра, которая начинается с веселья и счастья и заканчивается женитьбой.

— Разве это плохо?

— Судя по моему опыту, да, очень плохо, — отозвался Поллетти. — Семейная жизнь убивает любовь. Я никогда не женюсь на тебе, Кэролайн. Не только на тебе, а вообще. По-моему, весь институт брака является фарсом, пародией на человеческие отношения, злой шуткой с зеркалами, абсурдной ловушкой, в которую люди сами загоняют себя...

— Почему ты так много говоришь? — вдруг спросила Кэролайн.

— Я разговорчив по натуре, — ответил Поллетти. Внезапно ему захотелось обнять девушку. — Я так люблю тебя, Кэролайн, — сказал он. — Я обожаю тебя, несмотря на то что мой внутренний голос предостерегает меня от этого.

Он поцеловал ее, сначала нежно, затем страстно. И тут понял, что действительно любит ее; это удивило его, наполнило бесконечной радостью и глубокой печалью. Он знал, что любовь — это отклонение от нормы, одна из форм временного безумия, непродолжительное состояние самовнушения.

Любовь представляет собой состояние, которого умные люди благоразумно стараются избегать. Но Поллетти никогда не считал себя особенно умным, да и благоразумие не относилось к числу его добродетелей. Он потакал себе во всех желаниях, что само по себе было своеобразной мудростью. По крайней мере он так думал.

Глава 16

В Колизее царила глубокая ночь. Она, словно водоросли, льнула к древним камням. Ее благоговейная целостность нарушалась светом дуговых ламп, установленных в несколько рядов.

Внизу, на песке арены, впитавшем когда-то так много крови, полдюжины операторов хлопотали у своих кинокамер. Танцовщицы ансамбля «Рой Белл», расположившись на специально выстроенной сцене, отдыхали после репетиции и обсуждали животрепещущую проблему — как избежать сечения волос. Недалеко от них, в автобусе, набитом приборами и аппаратурой, сидел Мартин, в последний раз проверяя углы захвата съемочных камер. В этот новый командный пункт он перебрался из бального зала Борджиа. В зубах у Мартина была зажата тонкая черная сигарета. Время от времени он вытирал слезившиеся глаза.

Позади него у маленького столика сидел Чет. Он раскладывал пасьянс, что свидетельствовало о колоссальном нервном напряжении.

Коул сидел за спиной Чета. Свидетельством его колоссально-го нервного напряжения было то, что он спокойно дремал в своем кресле. Внезапно он проснулся, потер глаза и спросил:

— Где она? Почему не поддерживает с нами связь?

— Успокойся, малыш, — произнес Мартин, не оборачиваясь.

Он уже в сотый раз проверял углы действия своих съемочных камер, и это свидетельствовало о нервном напряжении, ничуть не меньшем, чем у других, менее значительных людей.

— Но она уже давно должна была выйти на связь! — раздраженно сказал Коул. — Тебе не кажется...

— Мне ничего не кажется, — перебил его Мартин и велел камере номер три отодвинуться назад на полтора дюйма.

— Клади черную десятку на красного валета, — подсказал Чет Коул.

— Тебе не кажется, что не следует совать свой нос в мои дела? — заметил Чет ласково-зловеще.

— Успокойтесь, парни, — добродушно произнес Мартин.

Прирожденный руководитель, он инстинктивно чувствовал, когда следует ободрить подчиненных, а когда осадить. Спокойным голосом он распорядился наклонить камеру один на полтора градуса.

— Но ведь она должна была уже выйти на связь! — повторил Коул. — Она не докладывала о развитии событий с момента приезда на пляж поклонников солнечного заката. С тех пор прошло шесть или семь часов! Она не отвечает на вызовы. Что угодно могло с ней произойти, поверьте мне, что угодно! Вам не кажется...

— Возьми себя в руки, — холодно скомандовал Мартин.

— Извините, — пробормотал Коул, поднося дрожащие руки к бледному лицу и потирая глаза. — Это все из-за напряжения, ожидания... Со мной будет все в порядке. Я сразу приду в себя, как только начнется работа.

— Разумеется, малыш, — согласился Мартин, — на всех нас влияет ожидание, — и рывкнул в микрофон: — Прекратите наклон, камера один, и поднимитесь ровно на полдюйма! И, черт побери, двигайтесь медленно!

— Красная двойка на черную тройку, — подсказал Коул Чет.

Чет не ответил. Он уже принял решение убить Коула сразу после того, как добьется увольнения Мартина. Кроме того, он решил убить мистера Фортинбраса и Кэролайн, а также своего шурина в Канзас-Сити, который без конца изводил его: «Ну, как дела у создателя образов?» Кроме того, он решил...

Дверь автобуса открылась, и вошла Кэролайн.

— Здравствуйте, парни! — произнесла она приветливо.

— Здорово, малышка! — небрежно отозвался Мартин. — Как дела?

— Все прошло гладко, — ответила Кэролайн. — Я сразу раскусила его, поговорила с ним, и он согласился на телевизионное интервью утром.

— И никаких трудностей? — равнодушно поинтересовался Чет.

— Никаких. Он согласился почти без уговоров, с самого начала все шло по-деловому. Аванс — пятьсот долларов и пятьсот долларов утром перед началом съемки.

— Отлично, просто великолепно, — обрадовался Мартин. — Но чем ты занималась после этого? Я хочу сказать, что прошло пять часов с момента, когда ты должна была выйти на связь, и мы, вполне естественно, беспокоились о тебе.

— Дело было так, — начала Кэролайн. — Я уже собиралась уходить, но решила познакомиться с ним поближе, поэтому и вернулась. Мы выпили по коктейлю, затем пошли на прелестный маленький пляж, сидели, разговаривали и смотрели на звезды.

— Очень хорошо, — улыбнулся Мартин. Угол его левого глаза начал подергиваться в нервном тике. — Какое у тебя создалось о нем впечатление после близкого знакомства, а?

— Он чудесный человек, — произнесла Кэролайн с мечтательным выражением на лице. — Видишь ли, он пытался расторгнуть свой брак в течение двенадцати лет, а тем временем жил с этой безумной Ольгой, а теперь, когда брак расторгнут, он не хочет жениться на Ольге.

— Очень интересно, — сказал Мартин.

— Между прочим, он не хочет больше ни с кем вступать в брак, — сообщила Кэролайн, — даже со мной.

Чет выпрямился так внезапно, что рассыпал карты.

— Что ты сказала? — спросил он.

— Я сказала, что это похоже на любовь, — ответила Кэролайн.

— Что значит «любовь»? — произнес Чет. — В твоём контракте четко и ясно сказано, что тебе запрещается влюбляться в кого бы то ни было во время подготовки и осуществления твоего десяти убийства. Более того, там особо оговорено, что тебе запрещается влюбляться в свою Жертву.

— Любовь, — спокойно заметила Кэролайн, — существовала задолго до появления контрактов.

— Зато контракты, — вмешался Мартин, не скрывая ярости, — обладают гораздо большей юридической силой, чем любовь. А теперь послушай, беби, ведь ты не собираешься подвести нас, правда?

— Нет, наверное, — покачала головой Кэролайн. — Он сказал, что тоже любит меня... Но если он не собирается на мне жениться, ему лучше умереть.

— Вот что значит сила воли! — одобрительно отозвался Мартин. — Только никогда больше не забывай об этом, ладно?

— Не забуду, можешь не беспокоиться, — холодно бросила Кэролайн. — Но тебе не кажется...

— Мне ничего не кажется, — сказал Мартин. — Послушай, давай немного поспим, чтобы к утру быть свежими и отдохнувшими. Согласна? Вот и хорошо.

Никто не возражал. Мартин отдал распоряжения, и дуговые

лампы медленно погасли. Операторы и танцовщицы уехали. Мартин, Чет, Коул и Кэролайн разместились в «Роудраннере XXV», взятом Мартином напрокат, и отправились в отель.

Черная непроницаемая ночь нависла над Колизеем. Мрак пронизывали только редкие лучи рогатой луны, приближавшейся к полнолунью, которые проникали сквозь облака. Из древних камней сочилась тишина, и ощущение неминуемой смерти окутывало арену, которое будто поднималось от песка, давным-давно пропитанного кровью гладиаторов.

Из сводчатого прохода вышел Поллетти. Его лицо было суровым. Следом шел Джино.

— Ну? — спросил Поллетти.

— Все ясно, — ответил Джино. — Она — твой Охотник. В этом нет сомнений.

— Разумеется. Я убедился в этом, когда она шла за мной к морю. Убийство перед телевизионными камерами!.. Какая реклама! Очень по-американски.

— Я слышал, что так поступают теперь и в Милане, — заметил Джино. — И, конечно, немецкие Охотники, особенно в Руре...

— Знаешь, что она сказала мне сегодня? — спросил Поллетти. — Она сказала, что любит меня. А сама все время думала о моем убийстве.

— Женское вероломство общеизвестно, — сказал Джино. — А что ты сказал ей?

— Я ответил, что тоже люблю ее, — ответил Поллетти.

— А ты случайно не любишь ее на самом деле?

Поллетти задумался.

— Тебе это может показаться странным, но она действительно очень мила. Хорошо воспитанная девушка, очень застенчивая.

— Она убила девять человек, — напомнил ему Джино.

— Стоит ли винить ее в этом? Такие нынче времена.

— Может быть, ты и прав, — согласился Джино. — Но что ты собираешься предпринять, Марчелло?

— Попробую осуществить контрубийство, в точности, как запланировал, — ответил Поллетти. — Интересно, удалось ли Витторио организовать рекламу?

— У него было очень мало времени, — покачал головой Джино.

— Ничего не поделаешь. Думаю, он сумеет отыскать одного-двух спонсоров.

— Да, ему, наверное, что-то все-таки удастся сделать, — согласился Джино. — Но послушай, Марчелло, а вдруг она догадается, что тебе все известно? Ее поддерживает крупная организа-

ция, богатая и могущественная... Может быть, стоит убить ее при первой возможности и не рисковать?

Поллетти достал из кармана пиджака револьвер, проверил патроны и сунул обратно.

— Не беспокойся, — сказал он. — Завтра в девять утра она придет ко мне для репетиции. Как ты думаешь, она подозревает меня?

— Не знаю, — пожал плечами Джино. — Мне известно лишь одно: женское вероломство безмерно.

— Ты уже говорил это. Но мужское вероломство ничуть не уступает женскому. Все будет именно так, как я запланировал. Очень жаль, что она такая милая.

— Женская прелесть, — заявил Джино, — как раз скрывает за собой вероломство.

— Пожалуй, — кивнул Поллетти. — Как бы то ни было, я возвращусь. Мне нужно выспаться. А ты позаботься, чтобы Витторио ничего не напутал с подготовкой.

— Ладно, — ответил Джино. — Спокойной ночи, Марчелло, — и желаю удачи.

— Спокойной ночи, — ответил Марчелло.

Они расстались. Марчелло сел в машину и поехал обратно на пляж, а Джино направился к ближайшему ночному кафе.

Наконец Колизей опустел. Луна скрылась за облаками, стало совсем темно. Спустился белый туман, и на песчаной арене, казалось, появились призрачные тени, души погибших гладиаторов. Над пустыми трибунами носился ветер. В его порывах слышались приглушенные голоса: «Убей его!»

Наконец сквозь неясный мрак на востоке стал проступать утренний свет. Начался новый неведомый день.

Глава 17

Марчелло крепко спал в сборном домике. Он не услышал, как дверь медленно, с тихим скрипом, приоткрылась. Не увидел он и длинный, странной формы ствол, просунувшийся в приоткрытую щель и направленный ему в лицо. Послышалось шипение, из дула вырвалась едва видимая струя газа — и сон Поллетти стал еще глубже.

Прошло несколько секунд, и в домик вошла Кэролайн. Она коснулась плеча Поллетти, потом потрясла его. Поллетти продолжал спать. Кэролайн подошла к открытой двери и сделала кому-то знак, после чего вернулась к кровати и села рядом со спящим.

Вдруг домик начал раскачиваться, словно утратил под собой

опору и повис в воздухе. Он резко наклонился в сторону, и Кэролайн пришлось придержать Поллетти, чтобы тот не упал на пол. Через несколько секунд тряска прекратилась.

Поллетти продолжал спать. Кэролайн приоткрыла дверь и выглянула. Мимо проносились улицы Рима. Она бы удивилась, если бы не знала, что домик, вместе с ней и Поллетти, стоит в кузове грузовика, который Мартин ведет к Колизею. Часы показывали восемь часов сорок шесть минут.

Спустя полчаса Поллетти зашевелился, протер глаза и сел.

— Сколько времени? — спросил он у Кэролайн.

— Двадцать две минуты десятого, — ответила она.

— Боюсь, что я проспал.

— Это не имеет значения.

— Но у нас еще есть время для подготовки? — спросил Поллетти.

— Думаю, мы справимся и без нее, — сообщила Кэролайн.

Ее лицо было непроницаемым, и говорила она спокойно, без всяких эмоций. Отвернувшись от собеседника, она достала крошечный туалетный прибор и занялась своей внешностью. Поллетти зевнул и протянул руку к телефону. И вдруг увидел, что провода перерезаны. Кэролайн следила за ним в зеркальце пудреницы. Поллетти потянулся, стараясь казаться совершенно спокойным, и достал из кармана пиджака, висевшего на спинке стула, сигареты и спички. При этом он незаметно провел рукой по нагрудному карману. Револьвера на месте не было.

Закурив, Поллетти ласково улыбнулся Кэролайн. Не получив ответа, он улегся на кровать и глубоко затынулся. Потом он опустил руку и нашел на полу свою маленькую электронную обезьянку. Какое-то время он машинально гладил ее, размышляя, затем быстро встал, надел брюки и спортивную рубашку, снова лег на кровать и взял на руки обезьянку.

Кэролайн так и не повернулась к нему. Она следила за его движениями в зеркальце.

Поллетти вытянулся на кровати.

— Знаешь, о чем я сейчас думаю? — спросил он. — Мне пришла в голову мысль: почему бы нам с тобой не поехать куда-нибудь? Только ты и я. Мы могли бы отлично жить вдвоем, Кэролайн. Могли бы даже пожениться, если бы ты захотела.

Кэролайн захлопнула пудреницу и повернулась. Она держала палец на замочке пудреницы, словно на спусковом крючке. Это, несомненно, пистолет, подумал Поллетти. Сейчас трудно найти что-нибудь, не являющееся пистолетом.

— Тебе неинтересно мое предложение? — спросил он.

— Я не в восторге от твоей лжи, — ответила Кэролайн.

Поллетти кивнул, продолжая играть с обезьянкой.

— Да, — согласился он, — я слишком часто лгал в жизни. И не потому, что любил обманывать, уверяю тебя, просто этого требовали обстоятельства. Но с тобой, Кэролайн, я хочу быть честным. Я могу говорить правду, все еще могу. Может быть, мне даже удастся доказать свою искренность.

Кэролайн покачала головой.

— Слишком поздно.

— Отнюдь нет, — возразил Поллетти. — У меня есть друзья, готовые поручиться за меня. Например, — он показал электронную обезьянку, — ты еще не познакомилась с Томмасо?

— Это именно тот свидетель, который может поручиться за тебя? — спросила Кэролайн.

— Томмасо — очень искренний маленький зверь, — сказал Поллетти.

Он поставил обезьянку на пол. Электронный зверек тут же попытался вскарабкаться по ее ноге.

— Твой Томмасо не интересуется мной.

— Ты несправедлива к нему. Посмотри, какой он ласковый. Мне кажется, ты ему нравишься. Томмасо очень разборчив в выборе друзей.

Кэролайн улыбнулась, подняла обезьянку и посадила себе на колени.

— Погладь его, — попросил Поллетти. — И потрогай за нос. Ему это очень приятно.

Кэролайн погладила электронного зверька и осторожно тронула его носик.

Внезапно животное перестало двигаться. В следующее мгновение на его груди открылась панель, за которой скрывалось дуло крупнокалиберного револьвера.

— Ты знал об этом? — спросила Кэролайн.

— Конечно, — улыбнулся Поллетти. — Я знаю и еще кое-что: ты мой Охотник.

Кэролайн застыла и, не мигая, уставилась на Поллетти.

— Это доказательство моей искренности. То, что я показал тебе, где спрятан револьвер, доказывает, что я честен с тобой... что я не хочу убивать тебя.

Кэролайн закусил губу и крепко стиснула револьвер внутри электронной обезьянки.

В это мгновение стены домика затряслись, отделились от пола и стали подниматься вверх. Кэролайн даже не пожелала взглянуть на необычное зрелище. Ее пристальный взгляд был по-прежнему устремлен на Поллетти. А тот с нескрываемым интересом

следил, как стены взмывают в воздух и за ними открывается вид на древние развалины.

— Это потрясающе, Кэролайн, — произнес он. — Просто здорово.

Верхняя часть домика взлетела куда-то вверх. Подняв голову, Поллетти увидел, что стены на прочном тросе «найлорекс» уносятся в небо вертолет, окрашенный в красный, белый и светло-коричневый цвета компании «Телеплекс Ампуорк».

Операторы в бейсбольных шапочках нацелили на Марчелло свои камеры, над головой повисли микрофоны, словно связка бананов. Танцовщицы «Рой Белл» получили команду притовтвиться. Красные огоньки аппаратуры мигали, словно злобные глаза циклопов. Раздавался голос Мартина, отдававшего распоряжения на таком техническом жаргоне, что один Чет понимал его и переводил тем, кому они были адресованы.

Поллетти восторженно наблюдал за этим зрелищем, не веря своим глазам. Он повернулся к Кэролайн и легкомысленно заинтересовался:

— Мне не следует сказать несколько слов в микрофон?

Кэролайн мрачно взглянула на него. Ее глаза были похожи на молочное вулканическое стекло.

— Тебе следует лишь умереть!

Револьвер в ее руке был направлен прямо на Поллетти. Это был тот самый револьвер, который Кэролайн вытащила из кармана пиджака Поллетти, пока он спал.

Оркестр — а для такого случая был специально приглашен Загребский филармонический оркестр — заиграл зловещий пасодобль. Танцовщицы прекратили дискуссию о лаке для волос и закружились в отчаянном танце. Камеры двигались вперед и назад на длинных операторских кранах, похожие на гигантских жуков-богомолов.

Последовала новая команда. Из-за полуразрушенной арки служитель выкатил маленький столик на колесах, на котором стояли чайник и чашка. То и другое выглядело самым обыкновенным, кроме искусственного пара, поднимающегося из чашки. У арены служитель столкнулся со стройной темноволосой элегантной молодой женщиной, изящно, хотя и чуть броско одетой, с большими черными глазами, светившимися как у волка, внезапно освещенного ярким фонарем в темноте.

— Типичный параноидальный шизофреник, одержимый манией убийства, с едва уловимыми кошачьими манерами, — проормотал служитель.

Этой женщиной была Ольга. Диагноз, поставленный Ольге служителем, был удивительно точен.

— Чай! — воскликнул Поллетти, когда служитель подкатил к нему столик. — Мне что, нужно его выпить?

— Это она будет его пить, — прошептал служитель. — А ты стой рядом, постарайся умереть, как подобает, и не умничай.

Он повернулся и ушел; служитель был большим профессионалом в своей области и не выносил легкомысленных шуток.

«Потрясающий чай дяди Минга! — раздался громоподобный голос диктора с другой стороны Колизея. — Дамы и господа! Потрясающий чай дяди Минга является единственным чаем, который обожает вас и готов вступить с вами в брак и воспитывать маленькие пакетики чая — если дядя Минг согласится».

Поллетти рассмеялся. Он не слышал этой рекламы, которая в прошлом году завоевала тройной золотой приз рекламного совета за благопристойность, вкус, остроумие, оригинальность и массу прочих достоинств.

— Что так развеселило тебя, Марчелло? — прошипела Кэролайн, словно гадюка с Центрального Борнео.

— Здесь все так забавно, — ответил Поллетти. — Я говорю, что люблю тебя, что хочу на тебе жениться, а ты собираешься меня убить. Неужели тебе это не кажется смешным?

— Кажется, — кивнула Кэролайн, — если ты не обманываешь.

— Нет, конечно, — произнес Поллетти, — но пусть это тебе не мешает.

«...И вот из глубин своей мучительной, безнадежной любви потрясающий чай дяди Минга взывает к вам: «Пей меня, мистер Потребитель, пей меня, пей меня, пей меня!» — закончил диктор. Он замолчал, стало тихо, через несколько секунд раздались записанные на пленку неуверенные хлопки, и, наконец, разразилась единодушная овация, также записанная на пленку.

— Две горсти до приводнения! — объявил Мартин.

— Осталось десять секунд, — перевел Чет. — Девять, восемь, семь...

Кэролайн застыла как изваяние, и только едва заметное дрожание руки, сжимавшей оружие, выдавало ее волнение.

...Шесть, пять, четыре...

Поллетти стоял, спокойно улыбаясь, словно находил забавным то, что по непонятным причинам оказался главным действующим лицом чужой человеческой драмы. Его лицо выражало одновременно не свойственное ему терпение и врожденное достоинство, несмотря на то что застрявший в зубах кусочек телятины ужасно действовал ему на нервы.

...Три, два, один. Огонь!

Кэролайн вздрогнула всем телом и медленно, словно сом-

намбула, подняла револьвер. Дуло смотрело прямо в лоб Поллетти. Палец Кэролайн застыл на спусковом крючке.

— Приводнение! Приводнение! — завопил Мартин.

— Огонь! Огонь! — закричал Чет.

— Осуществить немедленно! — взревел Мартин.

— Стреляй сейчас же! — подхватил Чет.

Но ничего не изменилось. Напряжение, царившее на арене, не поддавалось описанию. Впечатлительный молодой Коул упал в обморок; у Чета вдруг схватило судорогой бицепс, трицепс и боковой разгибатель правой руки; даже Мартин, закаленный профессионал, почувствовал резкую боль в горле, что было признаком начала жестокой изжоги.

Ждали режиссеры и операторы, танцовщицы ансамбля «Рой Белл» и музыканты Загребского филармонического оркестра; ждала и огромная телевизионная аудитория во всем мире, кроме тех неисправимых, кто отправился на кухню за банкой пива. Ждал Поллетти, а растерянная Кэролайн обнаружила, что ждет своих собственных действий.

Трудно сказать, как долго продлилась бы эта сцена, если бы внезапно в ситуацию не вмешался неожиданный элемент. Из-под арки выбежала Ольга, пробралась сквозь толпу обеспокоенных киношников, вспрыгнула на пол домика и выхватила у Кэролайн револьвер.

— Итак, Марчелло, — сказала она, — я снова застала тебя с другой женщиной!

Ответить на это безумное обвинение было нечего, к тому же в нем — как это часто бывает у душевнобольных — была доля правды.

— Ольга! — воскликнул Поллетти, не зная, что сказать.

— Я двенадцать лет ждала! — взвизгнула Ольга. — А ты так поступаешь со мной! — И она направила дуло револьвера прямо ему в лоб.

— Пожалуйста, Ольга, не стреляй! — взмолился Поллетти. — Ты пожалеешь, если выстрелишь. Давай поговорим спокойно.

— Я уже говорила сегодня — с Лидией! — заявила Ольга. — Твоя бывшая жена призналась, что документы о разводе оформлены — не сегодня, не вчера, а три дня назад!

— Да знаю я, знаю, — ответил Поллетти. — Но позволь мне объяснить...

— Потом объяснишь! — воскликнула Ольга и нажала на спусковой крючок.

Грохнул револьверный выстрел. Ольга замерла, потом покачнулась, поднесла слабеющую руку к груди, недоумевающе посмотрела на окровавленные пальцы, упала на землю и замерла, как птеродактиль за стеклом музея.

— Это трудно будет объяснить, — пробормотал Поллетти.

Кэролайн села на кровать и схватилась руками за голову. Коул пришел в себя и с гордостью подумал: «Смотри-ка, я и впрямь потерял сознание». Чет запустил в эфир программу «Величайшее телешоу 1999 года» с участием Ле Мар де Вилля, Роджера и Лэсси.

К домику подошел Мартин и все понял с первого взгляда.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Откуда-то взялся полицейский, который не сумел разобраться в происшедшем с первого взгляда, и спросил:

— Кто здесь Охотник?

— Я, — сказала Кэролайн и, не поднимая головы, протянула свое удостоверение.

— А Жертва?

— Я, — ответил Поллетти, также протягивая свое удостоверение.

— Значит, эта мертвая женщина не имеет отношения к Охоте?

— Не имеет, — подтвердил Поллетти.

— В таком случае почему вы убили ее?

— Я? Я никого не убивал, — возразил Поллетти. Он наклонился и поднял револьвер. — Смотрите! — Он показал полицейскому небольшое отверстие под курком.

— Ну и что?

— Это отверстие и есть настоящее дуло револьвера, — объяснил Поллетти. — Револьвер стреляет не вперед, а назад, понимаете? Это мое изобретение. Я сам сконструировал эту штуку.

Кэролайн вскочила. Ее глаза метали молнии.

— Ах ты скотина! — воскликнула она. — Ты подстроил, чтобы я забрала револьвер из твоего пиджака! Ты подбросил его мне, чтобы я убила себя!

— Только в том случае, если бы ты попыталась убить меня, — напомнил Поллетти.

— Болтун! — выкрикнула Кэролайн. — Да разве я могу верить тому, что ты говорил мне?

— Давай обсудим это позже, — предложил Поллетти. — Милая, все это легко объяснить...

— Сначала вы объясните все мне, — прервал его полицейский, — а потом будете оскорблять эту молодую леди. — Он галантно улыбнулся Кэролайн, взглянувшей на него с раздражением. — Но сначала я сообщу о происшедшем в участок. — Он отстегнул от пояса портативную рацию. — А потом выслушаю ваши объяснения.

Но ему так и не удалось осуществить свои намерения, поскольку началось светопреставление, и полицейскому пришлось приложить все усилия, чтобы сохранить хотя бы видимость порядка.

Первыми в Колизей прорвались туристы, сломив сопротивление охраны. Они были настроены решительно и во что бы то ни стало желали увидеть, что происходит, и сделать снимки на память. Следом откуда ни возьмись появились несколько десятков адвокатов и сразу стали угрожать судебным преследованием Поллетти, Кэролайн, компании «Телеплекс Ампуорк», Мартину, Чету, танцовщицам ансамбля «Рой Белл», Коулу, римской полиции и всем остальным участникам события. Наконец прибыли шесть представителей «Хант Интернэшнл» — компании, организующей Охоту. Они потребовали немедленного ареста Кэролайн и Поллетти, обвиняя их в незаконном отказе от убийства.

— Ну хорошо, хорошо, — бормотал полицейский, окончательно сбитый с толку. — Сначала самое важное. Я арестую так называемого Охотника и так называемую Жертву. Где они?

— Они были здесь всего пару секунд назад, — произнес Коул. — А вы знаете, я действительно потерял сознание.

— Но где они сейчас? — спросил полицейский. — Почему никто не следил за ними? Быстро перекрыть все выходы! Они не могли далеко уйти!

— А почему они не могли далеко уйти? — поинтересовался Коул.

— Не путайте меня! — рявкнул полицейский. — Скоро выясним, далеко ли они убежали.

И скоро — но не очень скоро — он это выяснил.

Глава 18

Управляемый умелыми руками Кэролайн, маленький вертолет, до этого незаметно стоявший в углу огромной арены Колизея, рядом с аркой Траяна, летел высоко над Римом. Желто-серый овал Колизея остался позади. Узкие извилистые улицы Вечного города уступили место пригородам, затем внизу показались деревни. Наконец и они остались позади.

— Ты великолепна! — заявил Поллетти. — Скажи, ты задумала все это с самого начала, верно?

— Разумеется, — ответила Кэролайн. — Это показалось мне разумной предосторожностью на случай, если ты действительно говорил правду.

— Милая, ты не представляешь, как я тобой восхищен! — воскликнул Поллетти. — Ты спасла нас обоих от смерти и суда, и теперь мы летим в великолепном воздушном пространстве к девственной природе, где нет электрических бритв и холодильников...

Он посмотрел вниз и увидел, что вертолет начинает снижаться над унылой, пустынной местностью.

— Скажи, мое сокровище, нас еще что-то ожидает? — спросил Поллетти.

Кэролайн весело кивнула и умело посадила вертолет на полянку у подножия горы.

— Главным образом вот это. — Она обняла Поллетти и поцеловала его с энтузиазмом и страстью, которыми отличались многие ее поступки.

— М-м-м, — пробормотал Поллетти. Внезапно он поднял голову и прислушался. — Странно...

— Что странно? — спросила Кэролайн.

— Должно быть, послышалось... Как будто звон церковных колоколов.

Кэролайн отвела взгляд в сторону с забавным намеком на кокетство, характерным даже для самых простых ее жестов.

— Да, звон колоколов! — воскликнул Поллетти. — Вот, снова!

— Пошли посмотрим, — предложила Кэролайн.

Они выбрались из вертолета и, держась за руки, обогнули выступающую скалу. Ярдах в двадцати под нависающим гранитным утесом стояла маленькая церковка. В дверях церкви виднелась черная фигура священника. Он улыбнулся и приветливо махнул рукой.

— Как интересно! — Кэролайн потянула Поллетти за руку.

— Очаровательно, потрясающе, необычно, — отозвался Поллетти. В его голосе было меньше энтузиазма, чем раньше. — Да, интересно, — добавил он более уверенным тоном, — но вряд ли заслуживает доверия.

— Пошли-пошли, — сказала Кэролайн.

Они вошли в церковь и приблизились к алтарю. Девушка встала перед священником на колени, после недолгого колебания Поллетти последовал ее примеру. Откуда-то послышалась органная музыка. Священник просиял и начал церемонию.

— Согласна ли ты, Кэролайн, взять этого мужчину, Марчелло, себе в мужа?

— Да, — пылко ответила Кэролайн.

— А ты, Марчелло, согласен взять эту женщину, Кэролайн, себе в жены?

— Нет, — убежденно отозвался Поллетти.

Священник опустил Библию. Поллетти увидел, что он заложил нужную страницу дулом автоматического «кольца» сорок пятого калибра.

— Согласен ли ты, Марчелло, взять эту женщину, Кэролайн, себе в жены? — повторил святой отец.

— Да... пожалуй, — ответил Поллетти. — Я хотел лишь подождать несколько дней, чтобы на церемонии могли присутствовать мои родители.

— Мы еще раз устроим венчание для твоих родителей, — заявила Кэролайн.

— Ego conjungo vos in matrimonio...¹ — начал священник.

Кэролайн быстро подала Поллетти кольцо, и они обменялись кольцами в классической старинной церемонии, которая всегда казалась Поллетти такой трогательной.

За стеной стонал и жаловался ветер пустыни; Поллетти молчал и улыбался.

¹ Соединяю вас в браке... (лат.)

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

Правила Охоты

Участвовать в Охоте может любой достигший восемнадцатилетнего возраста, независимо от национальности, пола и религиозных убеждений.

Вступивший в Клуб Охотников обязан принять участие в десяти Охотах — пять раз в роли Жертвы и пять раз в роли Охотника.

Охотникам сообщается имя и адрес Жертвы, а также выдается ее фотография.

Жертвам лишь сообщается, что на них ведется Охота.

Все убийства должны осуществляться только лично, то есть либо Охотником, либо Жертвой, любая замена запрещена.

Ошибочное убийство строго преследуется по закону.

Победитель всех десяти Охот наделяется практически неограниченными гражданскими, финансовыми, политическими и сексуальными правами.

Ритуал Охоты претерпел многочисленные изменения с момента возникновения в начале 1990-х годов.

Своим зарождением Охота обязана близкому всякому человеку принципу искоренять любое зло при помощи жестокости и насилия.

В самом начале все хотели быть только Охотниками, никому не хотелось выступать в роли Жертвы. Особые социальные и психологические преимущества Жертвы были обнаружены лишь на промежуточном этапе, когда Охота стала проводиться на основе случайного выбора и компьютерного составления пар Охотников и Жертв.

В давние времена, в связи с малым количеством желающих выступить в роли Жертвы, Охотничья организация выбирала первых добровольцев среди тех социальных групп, где жестокость поведения считалась повседневным явлением. В основном это были члены отрядов смерти и политические убийцы всех мастей — прирожденные агрессоры, с которыми мало кто хотел связываться.

Тогда Охотничья комиссия приняла решение отказаться от существующей практики официально оповещать Жертву за день до начала Охоты.

Это шло вразрез с этическими принципами Охоты. И Охотничьей организации приходилось искать «мотивированных убийц», невзирая на соображения этики и морали, чтобы найти желающих принять участие в убийствах.

В те времена Охотниками становились только те, кого мы сейчас называем «мотивированными убийцами». В те далекие годы мало кто понимал истинную чистоту Охоты, ее аскетическую этику. Понадобилось немало времени, чтобы Охота стала восприниматься как высшая степень искусства, а ее правила исключали присутствие любых личных мотивов убийства.

Сегодня мы можем понимать ее духовный смысл. Сегодня мы понимаем истоки современного мироощущения, желание достичь исключительной чистоты, сознательное восприятие того, что в

нашем мире неукоснительно действует единый принцип — убей или убьют тебя.

Уже на заре возникновения Охоты четко определились основные структурные особенности: например, призовой фонд, пополнявшийся за счет пожертвований богатых либералов, а также использование Наводчиков, помогающих Охотнику или Жертве обнаружить своих противников. Даже в то давнее время Охотничий комитет старался хоть в какой-то степени обеспечить «справедливость» убийства.

Уже тогда стало очевидным, что Охота имеет огромную ценность: она сможет уберечь человечество от привязанности к войне, заменив ее двусторонней смертельной дуэлью. И это делало Охоту панацеей от всех бед и несчастий.

Сегодня война кажется такой же абсурдной, какой казалась Охота в начале девяностых годов.

На промежуточном этапе, во время внезапного расцвета Эсмеральды, были установлены новые правила, но в них до сих пор вносятся изменения. Возможно, некоторая двойственность в данном вопросе была необходима: Охота еще не распространилась на весь мир. Она была узаконена только в одной островной республике — Эсмеральде в Карибском море, где она считалась не только национальным развлечением, но и была основным источником дохода. В казну текли деньги от туристов, которые прилетали на остров со всех континентов — одни, чтобы принять участие в Охоте, другие — чтобы поглазеть на небывалые кровавые поединки. Люди получали удовольствие, наблюдая за чужой смертью, а международная аудитория следила за постыдными Играмми с их шокирующей Великой Расплатой. Следила и наслаждалась.

На раннем этапе Охотникам приходилось мириться с мыслью, что еще не все население одобрительно относилось к Охоте. Хотя многим она казалась довольно привлекательной в той или иной мере, представители закона и правопорядка постоянно досаждали участникам. В те времена полиция приравнивала Охотников к обычным уголовникам и убийцам.

Через несколько столетий мы наконец нашли способ сдерживать катастрофический рост населения. Ведь сама природа делает это по старинке, убивая людей.

Как много места в литературе двадцатого и двадцать первого веков уделялось теме одиноких людей, постепенно стареющих и влачащих жалкое существование! Сейчас такое даже трудно себе представить. Уровень Охоты поднялся настолько, что старики теперь долго не живут: у них нет достаточной сноровки, чтобы уво-

рачиваться от пуль, которые как дождь поливают улицы наших городов.

А дети, наоборот, стараются как можно быстрее оказаться на линии огня.

Теперь уже никто не спрашивает: «Когда же прекратятся эти убийства?» Теперь мы знаем, что они прекратятся только тогда, когда прекратится сама жизнь.

Глава 1

Осенние сборы общественности города Кин-Уэлли, штат Нью-Йорк, одобрили предложение вооружить Хэрольда Эрдмана лучшим в поселении револьвером «смит-энд-вессон» 44-го калибра и отправить его на южный остров Эсмеральда, чтобы он смог принять участие в Охоте.

Кандидатуру Хэрольда одобрили потому, что он сам этого хотел: ни родных, ни жены у него не было, он отличался крепким здоровьем, умел постоять за себя, и его считали достаточно честным, чтобы верить — он выполнит свою часть договора: пришлет городу половину выигранной в Охоте суммы, если, конечно, не погибнет раньше, чем ему удастся получить деньги.

Добираться до Охотничьего Мира надо было сначала попутной машиной, а потом уже на автобусе вдоль американского побережья до самого Майами. А оттуда уже можно вылететь на Эсмеральду — маленький островок на юго-востоке Багамского архипелага, где Охота официально разрешена законом.

Хэрольд прекрасно понимал, что путешествовать из штата Нью-Йорк до Флориды очень опасно. Ходили слухи про необычайно жестоких бандитов, которые, жаждая крови, устраивали засады на дорогах и убивали всех подряд. Про покрытые зловонным туманом опустошенные земли, где раньше располагались свалки промышленных отходов, а теперь стоит только неосторожно шагнуть, как из-под ног вырываются фонтаны ядовитых газов, будто сама земля старается избавиться от ужасного бремени концентрированных химических веществ и радиоактивных продуктов распада. От такого выброса человек погибал на месте. А тем, кому и это удалось преодолеть, оставались еще дикие места Юга, где проживали существа, которых навряд ли уже можно было считать людьми. Убивая на своем пути всех встречных, они забирали вещи Жертвы, а иногда и лакомились ее мясом.

Вот такие слухи ходили про те места, обрастая со временем новыми неправдоподобными подробностями, которые иногда оказывались чистой правдой.

Хэрольда все это не особенно волновало. Он был готов идти на любой риск, лишь бы покинуть свой умирающий город, который ютился возле одного из каньонов отравленных Адирондакских гор. Ему хотелось сделать что-нибудь в своей жизни, и Охота была единственной для него возможностью.

Хэрольд отличался высоким ростом и для своего сложения двигался довольно легко и бегал быстрее, чем можно было ожидать. На круглом лице этого приятного деревенского паренька всегда играла улыбка, но по глазам было видно, что своего он никогда не упустит. Длинные спутанные волосы падали на воротник старенького пиджака из красной шотландки, а лицо покрывала двухдневная щетина. В начале путешествия ему исполнилось двадцать восемь лет, и он немного походил на разбуженного посреди зимней спячки медведя. Здоровый, сонный, но проворный парень. Однако разве по внешности можно судить о человеке?

Глава 2

— Значит, ты все-таки решился, — сказал Алан. — Действительно собираешься на Эсмеральду?

Хэрольд кивнул. Прошел уже час после сбора общественности. Они только что поужинали вдвоем и теперь сидели на веранде дома Алана на Спрус-хилл. Солнце опускалось за вершины гор.

Алан был лучшим другом Хэрольда. Он тоже мечтал стать Охотником, но у него были мать и две сестры. Бросить их в такое время означало бы обречь на верную смерть. А у Хэрольда не было никого. Мать умерла от туберкулеза, когда ему исполнилось пятнадцать. Отец — грустный, тихий человек — вскоре после ее смерти отправился на Юг в поисках работы. Больше его никогда не видели.

— Говорят, там, в Карибском бассейне, целый год лето, — мечтательно сказал Алан. — И все у них новое и современное. Как в тех старых журналах, которые нам показывали в школе. У всех дома ванны с горячей и холодной водой. Есть там и рестораны, где готовят блюда из натуральных продуктов. Все красиво одеты и счастливы.

— Потому что они занимаются только одним — убивают друг друга, — ответил Хэрольд.

— Ну и что тут такого?

— Не знаю. Я еще никогда никого не убивал. Ну ничего, как-нибудь привыкну.

— Главное, чтобы тебя самого не убили, — заметил Алан.

— Точно.

— Там Нору встретишь.

Хэрольд кивнул. Нора Олбрайт уехала из Кин-Уэлли два года назад, когда из Монреаля в Нью-Йорк еще ходил автобус, делая остановку в Платсбурге. Вместе с четырьмя подругами она отправилась на поиски работы. Смазливой девушке всегда легче устроиться, чем мужчине, хотя иногда ее работе и не позавидуешь. Обеспеченные иностранцы — особенно из Азии — с удовольствием нанимали хорошеньких американок домашней прислугой, как когда-то сами американцы нанимали миловидных немок и англичанок домработницами и нянями. Несколько девушек из Кин-Уэлли нашли работу на Юге. Нора же отправилась на Эсмеральду — независимый остров в Карибском море, где правил закон Охоты. Оттуда она регулярно присылала деньги.

— Будь осторожен, ладно? — попросил Алан.

— Хорошо.

— А Норе от меня привет передай.

— Конечно.

Они еще немного посидели, наблюдая, как садится солнце и темнеет небо, пока не стало прохладно. В Адирондакских горах всегда были чудесные закаты. Хэрольд внезапно подумал, что он, возможно, никогда уже их не увидит. Солнце будет садиться бесчисленное количество раз, но уже в другом месте.

Глава 3

На следующий день Хэрольд покинул родной город, имея при себе «смит-энд-вессон», тридцать четыре патрона к нему и двести семьдесят пять долларов семьдесят три цента, которые люди собрали ему на дорогу. Хотя сентябрь еще не закончился, в воздухе чувствовалось дыхание зимы, которая на севере штата Нью-Йорк наступала так стремительно, будто бы осени не существовало совсем.

Все свои вещи Хэрольд сложил в легкий рюкзак, «смит-энд-вессон» засунул за пояс, а патроны ссыпал в правый карман, чтобы удобней было доставать. Он надел свой единственный, практически неизнашиваемый костюм из толстой, тяжелой шерсти, доставшийся ему от дяди Люка, который прошлой весной умер от Т-вируса.

Последний раз он посмотрел на горы, на солнечные лучи, отражавшиеся от гладких валунов, на несколько уцелевших после последнего кислотного дождя деревьев и бросил рюкзак в кабину пикапа Биллингса. Машина тронулась с места, и Хэрольд ни разу не обернулся назад.

Джо Биллингз направлялся в Глен-Фоллз, где надеялся разжиться запасными частями для тракторов фермерского кооператива. Со временем стало тяжело поддерживать в рабочем состоянии старые «макормики», а урожаи были такими скудными, что возникала мысль: нужны ли машины вообще? Впрочем, коней и ослов тоже не хватало, а яков, которых совсем недавно принялись разводить в этих местах, было еще недостаточно, чтобы значительно улучшить положение.

В конце двадцать первого века человеческая близорукость в конце концов проявилась и в Америке. Исчезли леса. Погибли перенасыщенные нитратами поля. В Средней Америке появились бесконечное количество мертвых зон на местах свалок химических и радиоактивных отходов. В почве прекратились восстановительные процессы. Даже воздух стал портиться. Невозможно было найти работу, и у людей не хватало денег. Изнашивалось оборудование и ремонтные средства. И самое страшное — никому до этого не было дела.

«Холодная война» до сих пор не прекратилась, и государства время от времени бряцали оружием. Но это уже никого не интересовало. Все больше и больше людей желали, чтобы наконец были сброшены эти проклятые бомбы, и на этом все закончилось. Разве это жизнь? Лучше поскорее ее закончить. Старушка Земля летела в тартарары.

Зря вырубались леса и джунгли. Надо было срочно что-то предпринимать для защиты от кислотных дождей. Хэрольд еще помнил те дни, когда на склонах Адирондакских гор росла зелень. Но по-настоящему правительство начало заниматься проблемами экологии лишь пятьдесят лет назад. Но было уже поздно, к тому же денег не хватало. Земля была большой и поэтому выдерживала нескончаемое своеволие людей, пока те не зашли слишком далеко.

В сухих пустынях, на месте которых когда-то шумели леса, почти не осталось зверей. Сначала погибли крупные животные в Африке и Америке. А потом и вся уравновешенная экологическая система стала трещать по швам.

Когда-то плодородные прерии и саванны превратились в пустыни, теперь их покрывала сухая пыль. Опустошение продолжалось, и одна беда тянула за собой другую с такой быстротой, что их даже посчитать было трудно. Возникали эпидемии гриппа и других болезней. Те, кому удалось выжить, расползались по Соединенным Штатам в надежде продержаться до лучших времен. Но наступят ли когда-нибудь лучшие времена? По правде говоря, на это уже никто не надеялся.

Над Североамериканским континентом висела угроза смерти, смерти от голода, болезней и бесконечной цепи бед, в которых люди сами были виноваты.

И все равно людей было больше, чем Земля могла прокормить. Человечество увеличивалось, не имея возможности обеспечить себя едой. Общая гибель была неизбежной. Смерть стала таким привычным явлением, что обязательно должны были возникнуть города наподобие Охотничьего Мира, где как парадоксальная реакция на тяжелые времена возникла ситуация, когда люди аплодировали смерти, платили тем, кто играл с ней в прятки, и награждали победителей.

Глава 4

В Глен-Фоллз Хэрольду пришлось голосовать. Его согласился подвезти владелец магазинчика «Нью-Стенли СТИМЕР», где торговали женским бельем. Они проезжали незасеянные поля, где острые камни торчали из пыльной земли, на которой ничего не росло с тех пор, как ядерные отходы отравили Гудзон, а озеро Чемплэйн превратилось в помойку.

После захода солнца продавец женского белья высадил его на перекрестке дорог на юг от Честертауна среди пустых полей и чахлах сосен. Хэрольд решил остановиться где-нибудь на ночлег, потому что голосовать ночью на шоссе было небезопасно.

Вечер был теплым. Хэрольд подкрепился жареным мясом, выпил воды из фляжки. Ему удалось обнаружить защищенную от ветра лошину, незаметную с дороги. Не стоило привлекать к себе внимание.

Но его все же заметили. Уже темнело, когда на краю лошины появились трое с собакой. У двоих были бороды. Невысокого роста, крепкие, одетые в нечто бесформенное серо-коричневого цвета, они нахлобучили шляпы на глаза. Третий из этой компании был высокий и стройный, даже выше Хэрольда. На нем были потертые джинсы и выцветшая пилотка времен гражданской войны. Неестественная кривая ухмылка придавала его лицу выражение умалищенного.

Собака была похожа на гончую, вся в белых и черных пятнах. Увидев Хэрольда, пес ошетинился, но лаять не стал.

— Спокойно, Дилси, — приказал человек в пилотке. — Он вам ничего плохого не сделает, мистер, он у нас только за птицами охотится.

— Хорошая собачка, — пробормотал Хэрольд. Он сидел, прильнув к дереву спиной, а рюкзак лежал возле его ног.

— Впервые в наших краях? — поинтересовался человек в пилотке.

— Да, я с севера.

— Собираешься здесь остаться?

— Я иду на юг, — ответил Хэрольд.

— После того, как там прошел Т-вирус, там нечего искать.

— Я слышал об этом, — ответил Хэрольд.

Двое уселись на землю по обе стороны от него на расстоянии пяти футов, а человек в пилотке сел на корточки напротив Хэрольда.

— Может, ты собираешься во Флориду, чтобы наняться рыбаком?

— Может быть.

— Забудь об этом. Рыба там вся передохла, даже вода воняет. Когда-то можно было уехать далеко на юг и жить там, обрабатывая землю. Но теперь, поверь мне, там уже не выжить. Оставайся лучше здесь, с нами. Это Карл, а тот — его брат Дэйл. Меня зовут Тэг Сэндерс.

— Рад с вами познакомиться, мистер Сэндерс. Меня зовут Хэрольд Эрдман. Спасибо за ваше любезное предложение, но лучше я пойду дальше на юг.

— Как хочешь, — сказал Тэг. — Уже поздно, так что будь так добр — брось нам свой рюкзак и выверни карманы. Мы возьмем все, что нам надо, и пойдем своей дорогой. Одежду можешь оставить себе. Как тебе такой вариант?

— Очень любезно с вашей стороны, но дело в том, Тэг, что у меня не так уж много вещей и все они мне нужны.

Тэг покачал головой и вздохнул.

— Все так говорят. Все всем нужно! Но мне и моим парням без этого тоже не обойтись.

— Вам придется довольствоваться вещами кого-нибудь другого.

— Но мне кажется, — продолжал Тэг, — что нас трое, а ты один, хотя и здоровенный. Думаю, что с моей стороны было довольно благородно оставить тебе одежду и жизнь. Как вы считаете, ребята? Но некоторые люди такие невоспитанные. Теперь у тебя только два выхода — или ты отдаешь нам рюкзак и выворачиваешь карманы, или мы это сделаем за тебя.

Братья подвинулись еще ближе. Хэрольд поднялся. В сумерках тускло блеснул «смит-энд-вессон», который он держал в руке.

— Не пойдет. Я буду делать то, что мне нужно, а вы — то, что нужно вам. Это самое лучшее, что я могу предложить. А теперь вставайте и валите отсюда.

Тэг с братьями немного отступили. Однако, казалось, оружие их не слишком напугало.

— В наше время у каждого есть оружие, — процедил сквозь зубы Тэг, — но не у каждого есть патроны. А у тебя, Хэрольд, они есть?

— Лучше это не выяснять.

Тэг рассмеялся.

— Надо же, какой он агрессивный! Чем больше угроз, тем меньше патронов. Дилси!

Собака бросилась на Хэрольда. Прозвучал выстрел — пуля попала в грудь собаке. Упав, Дилси катался по земле и выл, пока Тэг не присел рядом и не перерезал ему горло большим складным ножом.

— Бедный старина Дилси, — сказал Тэг, вставая и вытирая лезвие ножа о траву. — С его помощью мы проверяли наличие патронов. Ты первый, кто их имел и осмелился использовать. У тебя есть еще или это был последний?

— У меня их достаточно, — невозмутимо ответил Хэрольд.

— Тогда мы, конечно, уйдем. Ты же не станешь стрелять нам в спину, правда? Ладно, ребята, разворачиваемся и тихо-мирно уходим. Ладно, Хэрольд?

В этот момент Тэг внезапно бросился на Хэрольда, замахнувшись ножом, пытаясь нанести смертельный удар. Но тот ждал такого поворота событий. В штате Нью-Йорк тоже водились грабители, хотя не так уж и много — грабить было нечего, — но все знали, что так просто они не сдаются. Бандиты считали, что добропорядочные граждане не любят стрелять, даже если у них есть оружие, поэтому, когда нападали на вооруженного человека, рассчитывали на его нерешительность. Когда Тэг с криком бросился на Хэрольда, тот выстрелил ему в плечо, почувствовав отдачу своего «смит-энд-вессона». Братья завопили, будто он попал не в Тэга, а в них, и бросились наутек. Грабитель закрутился на месте и от резкой боли упал. Но тут же вскочил и побежал за братьями.

Хэрольд не стал их преследовать. Стрелять в темноте было делом почти безнадежным, и, кроме того, ему не хотелось никого убивать. Пока ему не станут платить за это деньги, как, по слухам, заведено в Охотничьем Мире.

Хэрольд собрал вещи и минуту постоял над телом собаки.

— Прости, Дилси, у меня не было другого выбора. Что ж, придется искать другое место для ночлега. По правде говоря, спать рядом с мертвой собакой мне не очень-то нравится.

Пройдя полмили, он обнаружил еще одну ложбину, где и устроился на ночлег. Никто в Кин-Уэлли не назвал бы Хэрольда агрессивным; просто у него была цель, к которой он упорно шел, преодолевая любые препятствия.

Глава 5

На следующий день Хэрольду удалось доехать на попутной машине до Олбани. Там он выяснил, что ближайший автобус в южном направлении ожидается только через четыре дня и придется ждать. Хэрольд остановился в приюте Армии спасения, бывшем ранее складом, где ютились более двухсот женщин и мужчин. Хозяйева кормили каждого, но суп был таким пресным, что почти не утолял голода. Свободных мест в приюте не оказалось, поэтому Хэрольд получил лишь тарелку супа и приглашение переночевать во дворе.

...Наконец пришел автобус. Это был видавший виды «Грэй-хаунд», обитый с двух сторон листами брони. В безлюдных районах штата промышляли банды грабителей. Диспетчер уверял, что местная полиция полностью контролирует местность, но этому никто не верил. Битком набитый старый автобус двигался по шоссе 1-95 на удивление быстро. До самого Сафферна, города на границе со штатом Нью-Джерси, ехали спокойно.

Когда автобус подкатил к местной автостанции, на платформе не было ни души. Внезапно из помещения станции выбежал коротышка в лохмотьях и забарабанил кулаком в дверь.

— Откройте! — завопил он. — Опасность!

— Где? — спросил водитель, открывая двери.

— Вот здесь, — ответил коротышка, вынимая из кармана автоматический пистолет. — Руки за голову, если вам дорога жизнь!

Хэрольд, как и все остальные пассажиры, подчинился приказу. Револьвер торчал у него за поясом, но он не мог его быстро вытащить — мешал рюкзак, лежавший на коленях. Коротышка что-то крикнул на непонятном языке — испанском, как оказалось потом, — и в автобус вошли еще двое тоже с пистолетами в руках. На голове у одного из них красовалась стетсоновская шляпа, когда-то серая, а теперь такого же непонятного цвета и грязная, как и вся его одежда. Одна нога у него была забинтована окровавленным бинтом, и он мог ходить, лишь опираясь на кого-то из своих спутников.

Поднявшись в автобус, он оскалил зубы в ухмылке, снял шляпу и закричал:

— Приветствую вас, леди и джентльмены! Сейчас мы будем вас грабить. Прошу вас, подчиняйтесь моим людям — и все будет хорошо. Comprende? — У него было противное, почти обезьянье лицо, разве что не такое волосатое. А тело казалось прямо созданным для лохмотьев, которые он носил. Правда, улыбка была приятной. — Хуан Лопес, или Малыш-кошкодав, — представился

он. — Полагаю, вы уже поняли, что нам от вас нужно. Сейчас мои друзья пройдут между рядами и заберут все, что им понравится. Отдавайте все без сожаления, если не хотите, чтобы мы начали сердиться. Эй, ты! — небрежно бросил он Хэрольду.

— В чем дело? — спросил тот, готовясь выхватить пистолет.

— Вставай, амиго. Бери свой рюкзак. Пойдешь с нами. Но твою пушку я заберу.

Оказывается, он заметил револьвер. Забрав оружие Хэрольда, он сунул его в карман.

— Что вам от меня надо? — возмутился Хэрольд.

— Ничего плохого мы тебе не сделаем, — сказал Малыш-кошкодав, — просто я ранен в ногу, и ты мне немного поможешь.

Грабители закончили обход пассажиров и вылезли из автобуса, прихватив Хэрольда. Малыш свистнул. Из здания станции выбежал тощий человек.

— Сейчас, амиго, — сказал Малыш Хэрольду, — ты посадишь меня на свои широкие плечи, и мы отправимся восвояси.

Сделав красноречивый жест пистолетом, он улыбнулся. Хэрольд осторожно посадил грабителя на плечи. Малыш-кошкодав тихо ойкнул от боли в потревоженной ноге.

— Чато! — закричал он. — Быстро в машину, заводи мотор! А ты, — он похлопал Хэрольда по плечу, — vamos caballo!¹

Они бросились к стоянке. Чато, толстяк лет восемнадцати, первым добежал до старого «Бьюика». Когда все остановились возле машины, он попытался завести мотор, но безуспешно.

— Хватит шутить, — сказал Малыш. — В чем дело?

— Я же тебя предупреждал, что карбюратор ни к черту не годится, — стал оправдываться Чато. — Нужны запчасти.

— Но ты же уверял, что машина еще продержится, пока мы ее неотремонтируем.

— Я надеялся.

Мотор совсем заглох. Наверное, сел аккумулятор. Со станции донеслись чьи-то крики. По команде Хэрольд снова поднял Лопеса на плечи. Они засемили к лесочку за автостоянкой. Позади раздались выстрелы.

— Черт побери, Эстебан! — закричал Малыш-кошкодав. — Как же мы попали в такую переделку? Смотри под ноги, амиго, — сказал он Хэрольду, — не хватало только, чтобы ты упал.

Хэрольд изо всех сил бежал к лесочку. Добежав до опушки, он бросился в густые заросли. Лопес едва успевал наклонять го-

¹ Поехали, лошадка! (исп.)

лову, чтобы ветки не били по глазам. Тоненькая ветка хлестнула Малыша по голове, а ветка потолще выбила пистолет из руки.

— Пстой! — завопил он.

— Некогда! — прокричал в ответ Хэрольд.

Не снижая скорости, он бежал что было сил почти полмили, потом сбавил шаг, а вскоре и вовсе остановился. Опустив Лопеса на землю, он забрал у бандита свой револьвер и засунул за пояс.

— Ты сможешь как-нибудь собрать своих приятелей?

Малыш кивнул.

— Тогда зови их скорее. Вряд ли те люди со станции до сих пор нас преследуют. Одним словом, нам надо собраться всем вместе и подумать, как действовать дальше.

Малыш-кошкодав приложил ладонь к губам и пронзительно застрекотал.

— Крик сороки, — объяснил он. — Как, неплохо?

— Может, и неплохо, только ни одной сороки, кроме тебя, здесь нет.

Вскоре показались остальные трое грабителей. Они вышли из-за деревьев, целясь в Хэрольда из пистолетов. Малыш махнул рукой, и они опустили оружие.

— Когда я потерял пистолет, ты мог бы меня сбросить и вернуться к автобусу, — обратился он к Хэрольду. — Почему ты этого не сделал?

— По двум причинам. Во-первых, мне показалось, что хотя ты и *bandido*, но человек честный. Я не мог бросить тебя на произвол судьбы. Если бы пассажиры тебя поймали — не миновать бы тебе виселицы.

— А во-вторых?

— Когда людей разозлят, как сейчас, кровь ударяет им в голову и они уже ничего не соображают. Я подумал, что они могут и не вспомнить, что я не из вашей шайки. И, может быть, даже подумают, что специально подсел в автобус.

Малыш одобрительно посмотрел на Хэрольда.

— Правильно рассуждаешь. Но ты все равно рискуешь.

— Жизнь — штука рискованная, — ответил Хэрольд.

— Хочешь присоединиться к нам?

— Я не против, если вы направляетесь в сторону Флориды.

Малыш-кошкодав рассмеялся.

— Конечно, мы двигаемся на юг. На севере нет ничего, кроме голода. Ну что, пойдешь с нами? Мы хотим добраться до коммуны Ла-Испанидад — это где-то возле озера Окичоби. Там много кубинцев и есть врачи, которые смогут вылечить мою ногу. А теперь нам нужно найти машину. Неплохой план?

— Вроде ничего, пока мы никому не делаем зла.
 — Это уж от нас не зависит, — сказал Лопес. — Лично мне никого трогать не хочется. Эстебан, дай мне пистолет. Пора двигаться.

Хэрольд посадил Малыша на плечи.

— Andale caballo! — крикнул Лопес, и его «конь» без перевода уяснил, что по-испански это означает «Но!».

Глава 6

Пройдя между холмами, они вышли на шоссе. У въезда в городок Лейквилль стояла бензоколонка. Какой-то парень как раз заправлял свой разбитый «Форд». Не успел он рассчитаться и уехать, как перед ним возникли четверо грабителей и наставили на него пистолеты. Пятым был какой-то здоровяк. Владелец бензоколонки тут же скрылся в помещении станции и запер за собой дверь.

— Эй, парень, это твоя машина? — спросил Малыш-кошкодав.

— Нет, сэр. Она принадлежит мистеру Уиллингзу, владельцу зернохранилища.

— А твой хозяин неплохой человек?

Парень пожал плечами.

— Вроде неплохой.

— Пускай таким и остается. Но уже без машины. Вылазь, парень, и продолжай свой путь пешком.

Тот вылез, отдал Малышу ключи и стал смотреть, как пятеро бандитов садятся в машину.

— Эй, — внезапно сказал он, — а можно и я с вами?

— Ты что, рехнулся? — спросил Малыш. — Или жизнь надоела?

— Здесь никто долго не живет. Я хочу поехать с вами.

— Придется тебе попроситься к кому-нибудь другому. Больше пятерых эта колымага не выдержит. — Лопес повернулся к Хэрольду. — Я мог бы набрать целую армию вот таких парней, которые хотят к нам присоединиться. Так бы я и сделал, если бы было кого грабить. Но люди с большими деньгами знают, где их прятать, и нам всегда достаются только крохи, которые мы забираем у бедняков.

Усевшись в машину, они тронулись с места. Парень на дороге глядел им вслед.

— Вперед! — крикнул Лопес. — Малыш-кошкодав снова на коне! Я — испанский Джесси Джеймс! Если бы только не простреленная нога. Но это мелочи, главное — добраться куда надо, а там уже доктор меня вылечит. Надеюсь.

За рулем сидел толстяк Чато. У Лопеса оказалась целая куча автомобильных карт. Он приказал ехать окружными путями в Пенсильванию. Хэрольд поинтересовался, почему они едут туда — ведь Флорида на юге.

— Все очень просто. Нам следует держаться в стороне от так называемого Северо-Восточного коридора. Придется за сто миль объезжать Нью-Йорк, Нью-Джерси, Балтимор, Вашингтон, Ричмонд и другие города. Потому что там полиция и полувоенные формирования останавливают все машины для проверки документов. А это нам ни к чему. А возле побережья слишком высокий радиационный фон после какого-то взрыва, который произошел еще до моего рождения. Туда я вообще ни ногой. Слишком уж у меня нежные соjones¹.

Им понадобилось два дня, чтобы пересечь Пенсильванию и добраться до Вирджинии. Вечерами они съезжали с шоссе и укладывались спать возле машины. Погода стояла теплая, еды хватало. Однако каждый день приходилось останавливаться для заправки, и это был самый опасный момент. Но совсем не потому, что их разыскивают, как пояснил Лопес. У полиции и так дел полно — где уж ей заниматься какой-то украденной машиной.

— Так в чем же тогда дело? — удивился Хэрольд.

— В наше время полиция останавливает тебя для обычной проверки документов, находит оружие, выясняет, что ты не местный, — и твоя песенка спета.

— Что ты имеешь в виду? Тюрьму?

— Зачем держать людей в тюрьме, где их нужно кормить? Ты каждый день видишь мертвецов вдоль дороги, и большинство погибли не от руки бандитов.

— Ходят такие слухи, но я никогда не верил, что полиция убивает людей.

— Поверь мне, так оно и есть.

Лопес много рассказывал про Ла-Испанидад, коммуну, в которую они направлялись.

— Я много слышал про это местечко еще в Нью-Джерси, откуда мы все родом. Это коммуна во Флориде возле озера Окичоби. Там вообще много коммун, но эта — кубинская. Порядки как в израильском кибуце — у каждого есть право голоса, все много работают днем, а вечерами танцуют до упаду. Неплохо, правда? Лично мне это по душе.

Объезжая главные дороги, они проехали Вирджинию и Северную Каролину, потом повернули на юго-восток, направляясь

¹ Яйца (исп.).

к побережью. Все шло хорошо до Лисвилля, городка в Южной Каролине, расположенного недалеко от побережья.

Лисвилль оказался обыкновенным городком с высокими старыми деревьями, пока еще живыми. Путешественники зашли в придорожное кафе, чтобы подкрепиться. Они заказали себе гамбургеры и жареную картошку. А когда вернулись к машине, возле нее стоял полицейский фургон. Толстый небритый полицейский опирался на капот их «Форда».

— Ну-ка, ребята, покажите-ка свои удостоверения личности.

С некоторых пор удостоверения стали использоваться по всей стране. Документ Лопеса полицейский рассматривал дольше всех.

— Так, ребята, повернитесь, руки на капот, ноги расставить. Сейчас я вас обыщу. — И он вытащил из кобуры пистолет — полицейский «кольт позитив» 38-го калибра.

— В чем дело? — возмутился Лопес. — Мы просто путешествуем.

— Делай, что тебе приказали! — рявкнул полицейский. У него был высокий, почти детский голос. — То ли вы, то ли кто-то очень похожий на вас наделал дел в одном из местных банков.

— Никаких банков мы не грабили, — искренне запротестовал Лопес.

— Тогда вам нечего волноваться. Расставьте ноги и не заставляйте меня повторять.

— А вот этого не хочешь? — крикнул Лопес.

Все это время он держал руку на пистолете. И выстрелил, не вынимая его из кармана. Пуля попала полицейскому в бедро — тот застонал и упал.

Тут начался настоящий ад. Не успел Хэрольд опомниться, как на улицу выскочили вооруженные люди. Казалось, жители Лисвилля только и делали, что сидели дома с ружьями наготове и ждали, когда начнется какая-нибудь заварушка. Загремели выстрелы, и путь к машине оказался отрезан.

Бандиты бросились за угол здания и пустились наутек. Хэрольд с Лопесом на плечах бежал к лесу, который начинался сразу же за городом. За ним еле-еле успевал Чато.

— Черт возьми! — внезапно выругался толстяк.

У него хлынула кровь изо рта, и он упал. За ним упал Маноло. Начался лес. Хэрольд бежал один, размахивая одной рукой, а другой поддерживая Лопеса.

Лес закончился, и потянулось болото. Идя по шиколотку в мутной жиже, Хэрольд слышал, как стихают звуки погони. Вскоре Хэрольд оказался возле небольшой речушки или заболоченного рукава — трудно сказать. На берегу виднелось что-то наподо-

бие деревянного причала, к которому была привязана одна-единственная лодка. Вокруг не было ни души.

— Что ж, Лопес, — сказал Хэрольд. — Придется становиться моряками.

Но бандит молчал. Взглянув на него, Хэрольд понял, почему тот смотрит на него стеклянными глазами. Получив три пули в спину, Малыш-кошкодав спас ему жизнь, хотя совершенно не собирався этого делать.

— Черт возьми, — выругался Хэрольд, осторожно опуская Лопеса на землю. — Прости, друг, — сказал он трупу. — Жаль, что ты так и не увидишь своей коммуны. Придется кому-нибудь другому похоронить тебя, иначе мне никогда не добраться до Эсмеральды.

Он отвязал лодку, взял весло и оттолкнулся от берега.

Глава 7

Хэрольд греб целый день. В зеленоватой слизкой воде плавали стволы деревьев и ветки. Это не то что дома, где вода была кристально чистой, хотя и неживой. Хэрольду впервые пришлось взять в руки весло, но он быстро сообразил, как с ним управляться. Пистолет был спрятан в рюкзак. Больше он останавливаться не собирався. Если эта река тянется до Флориды, то он преодолеет весь путь на лодке.

Но как Хэрольд ни старался, больше двух миль в час сделать не удавалось. Если так и дальше пойдет, то он и за год не доберется до Флориды. Но все равно лучше держаться воды, пока он не окажется на безопасном расстоянии от Лисвилля.

Вечером он привязал лодку к манговому дереву и проспал в ней всю ночь. Утром Хэрольд доел последний кусок мяса и снова тронулся в путь. Пришлось грести весь день. Ближе к вечеру он почувствовал голод, но еды осталось мало. Пришлось лечь спать без ужина.

Утром он снова взялся за весло и скоро оказался в болоте. Грести становилось все труднее и труднее. Часто мимо проплывали трупы.

Увидев на берегу речки одинокий причал, он направил к нему лодку. Привязав ее, Хэрольд выбрался на берег.

К полудню он дошел до развалин какого-то города. Наверное, Саванны. Город простирался на несколько миль и на первый взгляд казался безлюдным. Но Хэрольд заметил, что неподалеку, за рядами обвалившихся зданий, кто-то прячется от него, распушивая крыс и мышей.

Он нашупал в кармане свой «смит-энд-вессон», но не стал его вытаскивать, пока прятанный не предстал перед ним, выйдя из прохода между двумя сгоревшими зданиями. Это был невысокий старик с облачком седых волос вокруг лысины. Он был похож не на бандита, а скорее на сумасшедшего.

— Вы дружески настроены? — поинтересовался он.

— Конечно, — ответил Хэрольд. — А вы?

— Я опасен лишь в словесных стычках, — объявил старик.

Они уселись возле развалин бывшего кафе. Человек, который назвался профессором, оказался ученым-путешественником и читал лекции во всех городах, которые ему приходилось посещать. Оказалось, что им с Хэрольдом по пути.

— О чем ваши лекции? — поинтересовался Хэрольд.

— Обо всем, — ответил старик. — Одна из моих самых любимых — тема номер тридцать два: «Почему человечество не способно развиваться стабильно».

— Какое смешное название, — заметил Хэрольд.

— Вы же рассудительный молодой человек и, я думаю, меня поймете, — сказал профессор. — Как раз в этой лекции я привожу доказательства, что стабильно развиваться мы сможем лишь тогда, когда освободимся от неверия в собственные силы. Когда люди поверят в себя, они поймут, что все их предыдущее существование было просто никчемным. Никчемность — враг рода человеческого, страшнее самого дьявола. Можно легко доказать, что великие цивилизации доколумбовой Америки исчезли только потому, что поняли, насколько они никчемны по сравнению с испанскими конкистадорами. Индейцы видели в испанцах нечто такое, чего не могли понять умом и даже не пытались этого сделать. Поэтому испанцы их всех уничтожили. Отсюда вывод — никчемность ведет к гибели цивилизаций. Индейцы считали испанцев богами, поскольку находились на низком уровне развития. Они полагали, что их покорили не люди, а боги.

Хэрольд кивнул.

— Ничего не поделаешь, когда тебя уничтожают боги.

— Они потерпели поражение от Weltanschauung¹ новой технологии. Новая технология меняет существующий мир, давая возможность одерживать все новые и новые победы над природой, — продолжал профессор.

— К стати, нет ли у вас чего-нибудь поесть, профессор?

— Я как раз собирался задать вам аналогичный вопрос.

— Тогда можно идти дальше.

¹ Мировоззрение (нем.).

— Несомненно. А я могу вам процитировать избранные места из лекции номер шестнадцать: «Про утерю автономий».

— С удовольствием послушаю, — ответил Хэрольд. — Ваши лекции начинают мне нравиться, профессор.

— Люди пытаются найти забвение при помощи любви, войны, охоты, различных веселых или жестоких развлечений, лишь бы только не думать про то, что они не могут существовать автономно, что они не боги, а всего лишь звено в бесконечной цепи, которая состоит из людей, амеб, гигантских газовых образований и всего прочего. Существует масса доказательств того, что распад самовлюбленных индивидуалистичных западных рас произошел исключительно из-за недочетов в собственной философии. Они слишком верили в интеллект. Его подвергли испытаниям — и он предал людей. Интеллект должен стать конечной точкой эволюционного развития.

— А что будет дальше? — спросил Хэрольд.

— Никто не знает, что сейчас происходит. Вернее, мы знаем, что происходит в каждой местности отдельно, но не понимаем значения этих процессов — если они вообще имеют какое-нибудь значение. Миф о совершенстве человека рухнул. Продолжительность нашей жизни никогда уже не будет такой, как сто лет назад. Слишком уж много стронция в наших костях. Слишком много цезия в печенке. Наши внутренние будильники заведены на слишком короткий срок. Наша находчивость уже ничем не может нам помочь. Сейчас мы напоминаем пациента, который, умирая на операционном столе, пытается строить планы на будущее.

— Мысль глубокая, — заметил Хэрольд, — но что все это значит?

— Не следует относиться к этому слишком серьезно. Просто мои слушатели любят, когда я изъясняюсь высокопарным стилем.

— И все-таки мне нравятся ваши лекции. Некоторые мысли напоминают мне те странные картины, которые иногда появляются в моем воображении. Никогда бы не подумал, что человек может задумываться над такими вещами. Я имел в виду, что для меня они вообще не существуют.

— А что же тогда существует? — поинтересовался профессор. Хэрольд задумался.

— Ну, сначала надо представить, чем ты хочешь заняться, а потом думать, как идти к цели.

Профессор кивнул.

— Правильно, но неужели у вас нет внутреннего «я», которое за всем следит и подвергает сомнению все ваши решения?

- Нет, не думаю.
- Тогда, возможно, вы социопат — человек, неспособный чувствовать, — констатировал профессор.
- Полагаю, что вы снова ошибаетесь, — невозмутимо ответил Хэрольд.
- Тогда вы — Новый Человек, — сказал профессор таким тоном, что невозможно было понять, шутит он или говорит серьезно.
- Может быть. А сейчас давайте поищем что-нибудь съедобное.
- Психическое раздвоение личности, — объявил профессор. — Благодарите Бога, что вы неагрессивны.

Они шли через развалины нефтеочистительного завода, которые тянулись на несколько миль. Завод не действовал уже много лет. Трубы проржавели. Асфальт на гигантских автостоянках потрескался. Завод выглядел кладбищем мертвых машин. Хэрольду было непонятно, зачем здесь использовалось так много техники.

Пройдя завод, они достигли места, где переплетение автострад образовывало развязку в форме листка клевера, но теперь дороги заросли травой и даже небольшими деревьями. Рядом с шоссе 95 росли маленькие яркие цветочки. Заросшая автомагистраль своими правильными кольцами напоминала сад, спланированный каким-то великаном.

Путешественники добрались до невысоких зеленых холмов, перевалили через них и спустились к полю, через которое шла тропинка к невысоким строениям.

— Это Мэйплвуд, — сказал профессор.

В центре городка стояло длинное и низкое здание, которое могло одновременно вместить сотни, а может быть, и тысячи людей. Такого Хэрольд еще никогда не видел.

— Это торговый центр — самая большая святыня американской жизни, — объяснил профессор. — Для американца он был тем же, чем для римлянина атриум или рыночная площадь для испанца. Здесь собирались люди, чтобы исполнить ритуал покупки еды, назначали свидания лицам противоположного — хотя и не всегда — пола.

— Профессор, — сказал Хэрольд, — у вас действительно очень странные взгляды на многие вещи. Лучше пойдете в город и поговорим с горожанами. Может, у них найдется что-нибудь съестное.

Глава 8

Из города донесся барабанный бой, извещающая о появлении чужаков. Большинство маленьких американских городков были отрезаны от остального мира и для передачи информации пользовались барабанами, как когда-то в незапамятные времена индейские племена, а прирожденная клановость требовала от белых, цветных и латинов делать так, как полагается настоящему племени. То есть использовать барабаны. У местных жителей это получалось неважно, ведь здесь в основном жили белые, у которых не хватало чувства ритма. Но они относились к делу очень серьезно и с большим энтузиазмом.

— Вы прибыли как раз во время великой потакавы, — сказал один из представителей местной власти, выходя из толпы и обращаясь к чужакам.

— Прекрасно, — сказал Хэрольд. — А что такое «потакава»?

— Потакава, — охотно принялся объяснять тот, — это старинное индейское слово, обозначающее День сезонной распродажи. В этот день согласно давним традициям нашего племени можно было что-нибудь купить со скидкой.

— Тогда мы действительно пришли вовремя, — согласился Хэрольд.

— Мы всегда рады покупателям-чужеземцам, — уверил их представитель власти. — Ваше появление — большая честь для нашей деревни.

— Вроде нормальные люди, — высказал свое мнение Хэрольд, когда они через некоторое время уже отдыхали в тихой местной гостинице.

Путешественники поели жареного мяса опоссума и угрей со стручками перца.

Городок назывался Мэйплвуд, то есть «Кленовый лес», гостиница — «Кленовая поляна», а комната, в которой они остановились, — Кленовый зал.

— А доски-то сосновые, — обратился к профессору Хэрольд, постукав костяшками пальцев по стене.

— Это не имеет никакого значения, — ответил старик. — Мэйплвуд не означает какой-то определенный вид древесины — в данном случае кленовой, — а является названием данного города.

— Да, — вздохнул Хэрольд, — мне надо еще многому научиться. А что мы будем делать дальше?

— Насколько я понял, они ждут, чтобы мы сделали какую-нибудь покупку, — высказал свое предположение профессор.

— Ну это не так уж и сложно.

— Самое главное — купить то, что нужно, иначе мы нанесем им оскорбление.

— Но не убьют же они нас за это?

Профессор пожал плечами.

— Кто знает? Кого тут интересует судьба каких-то чужеземцев? Жизнь здесь ценится недорого.

— Тогда, — сказал Хэрольд, — пойдем и купим то, что нужно.

А что это может быть?

— Эта вещь меняется каждый год, — хмуро объяснил профессор.

В эту секунду в комнату просунулась голова уже знакомого им представителя власти.

— Время делать покупку, — широко улыбаясь, сообщил он.

Хэрольд с профессором встали и пошли за ним к ярко украшенному супермаркету. Их сопровождающий был при полном параде — по традиции племени он надел дорогой шерстяной пиджак, брюки фирмы «Голливуд» и туфли, изготовленные на известной фабрике «Том Макэнн». Так одевались в больших городах крупные бизнесмены, исполняя никому не понятные теперь действия еще тогда, когда существовали те большие города.

Втроем они зашли в супермаркет. Полки в магазине оказались пустыми. Хэрольд удивился, но профессор напомнил ему, что они принимают участие в символическом ритуале покупки. Настоящие товары не здесь, а во дворе, где им придется делать выбор между жизнью и смертью.

За супермаркетом стояли ряды палаток, напоминавшие восточный базар. На манер индейских вигвамов, они были сделаны из искусственных оленьих шкур, натянутых на металлические каркасы, которые покрасили под дерево. Перед каждой палаткой, скрестив ноги, сидел хозяин, а рядом стоял кто-то из его семьи — жена, сын или дочь, — чтобы в любую секунду помочь обслужить покупателя. По давней индейской традиции к покупателям относились с большим уважением.

На низких столиках перед палатками были навалены вещи, которые сильно отличались от тех, что продавал в своем магазине мистер Смит в Кин-Уэлли. Мистер Смит, например, никогда не торговал битыми электролампочками, а тут их была целая куча. В другой палатке продавали поломанную мебель, рядом — битую фарфоровую посуду. Была также палатка, битком набитая лоску-

тами разноцветного полотна. Предлагали и безнадежно покаленную технику для сельскохозяйственных работ.

Хэрольд обнаружил, что на всем рынке нет ни одной целой или полезной вещи. По словам профессора, все здесь было «число символическим». Но тем не менее от них ждали покупки. Но какой?

Хэрольд наморщил лоб. Почему бы профессору не выбрать самому? Он человек образованный и должен разбираться в таких вещах.

Бросив взгляд на своего спутника, Хэрольд понял, что все его надежды напрасны. На лице старика было написано: «Выбирай сам».

Хэрольду было знакомо такое выражение лица. Взгляд раба, означающий: «Я боюсь выбирать, выбери ты за нас обоих».

Хэрольд резко повернулся, подошел к ближайшей палатке и вытащил из кучи предметов погнутый лом длиной фута в три.

— Сколько стоит? — спросил он сопровождающего.

Тот обратился к продавцу на каком-то непонятном языке. В этом городке наряду с испанским и английским языками говорили на своем собственном диалекте.

Продавец изобразил на лице гримасу, должно быть, стараясь показать, как он желает угодить покупателю, и ответил:

— Сегодня День сезонной распродажи, кроме того, мне нравится твое лицо, поэтому я возьму с тебя всего два доллара.

Увидев, что Хэрольд вытаскивает из заднего кармана вытертых почти добела джинсов потрепанный кошелек, зеваки подошли поближе. Он не спеша открыл его, а любопытные, разинув рты, подвигались все ближе и ближе. Можно было подумать, что они никогда не видели, как кто-то что-то покупает. Для них происходящее имело религиозный смысл, и надо было это учитывать. Профессор затаил дыхание, когда Хэрольд протянул продавцу два доллара.

— А теперь, — объявил сопровождающий, — ты должен ответить на один вопрос.

— Хорошо, — согласился Хэрольд. Его лицо было спокойно.

— Зачем ты купил лом?

Хэрольд улыбнулся. Он стоял перед толпой, выше и шире в плечах любого из присутствующих. Сжав в кулаке лом, он положил его на плечо. Толпа отступила.

— Я купил его для того, чтобы размозжить череп любому, кто мне пристанет.

Несколько минут царил мертвая тишина. Толпа переваривала его слова.

— Кроме того, — продолжал Хэрольд, — я родом из тех мест, где существует традиция покупать полезные вещи.

Секунду толпа обдумывала его слова, а потом люди облегченно вздохнули. Этот звук напоминал «Аминь!». Хэрольд произнес волшебные слова, которые делали его — хотя и временно — братом общины. Он дал понять, что пришел оттуда, где, как и в Мэйплвуде, существуют обычаи.

Глава 9

Несколько часов спустя, попрощавшись с профессором, Хэрольд добрался до шоссе и стал голосовать.

Через два дня он пересек границу штата Флорида. Если учесть состояние дорог, двигался он довольно быстро. Водители грузовиков охотно брали его с собой, потому что он был достаточно силен, чтобы помочь грузить вещи, да и вид у него был неагрессивный. С первого взгляда становилось ясно, что Хэрольд — свой парень.

Последний раз он остановил машину перед разрушенной военной базой «Мыс Канаверал». В кузове грузовика лежали доски и какие-то металлические детали, которые водитель хотел продать или обменять на еду. С ним Хэрольд и проехал остаток пути до Майами.

Город выглядел еще хуже, чем предполагал Хэрольд. От величественных зданий вдоль Флэглер-бульвар остались только бетонные каркасы, опаленные огнем. По улицам ходили угрюмые люди в лохмотьях. Т-вирус наделал здесь немало дел. Кое-где вдоль дорог попадались мертвые тела. Даже карликовые пальмы выглядели настолько утомленными, что, казалось, могли завянуть в любую секунду. Хэрольда угнетала мысль, что на юге жизнь оказалась такой же паскудной, как и на севере. Но он не собирался здесь оставаться. Он собирался на Эсмеральду, где Охота была официально разрешена и где человек имел возможность заработать на хлеб.

Остров находился в двухстах милях к юго-востоку от Майами, недалеко от Кубы и Гаити, и принадлежал к Багамскому архипелагу. Расспросив дорогу, Хэрольд отправился в доки Диннер-Ки. Он рассчитывал наняться на какое-нибудь судно, направляющееся на Эсмеральду. Но чернокожие рыбаки не понимали английский язык и только качали головами, когда он пытался заговорить с ними на ломаном испанском.

Потратив на уговоры три дня и проведя три ночи на пляже с пистолетом в руке на всякий случай, Хэрольд решил купить билет

на самолет на те деньги, которые ему собрала община в Кин-Уэлли. Самолет, на котором он вылетел, раньше использовался для транспортировки скота.

Глава 10

Салон был забит до отказа. Через проход от Хэрольда сидели трое мужчин среднего возраста. Двое из них все время подтрунивали над третьим — «добрым старым Эдом», — намекая на его желание стать Охотником, что тот категорически отрицал. Это был хмурый мужчина в клетчатом костюме фирмы «Монтгомери Уорд», с простым обветренным лицом крестьянина и шапкой седых волос. Он казался старше своих приятелей. Видно было, что шутки друзей ему не очень нравятся, и он уже стал немного нервничать.

Хэрольду быстро надоели их разговоры, и он отправился в небольшой грязный бар. От самого Кин-Уэлли он не тратил денег, а потому решил теперь позволить себе бутылку пива. Он опорожнил ее уже почти наполовину, когда в бар зашел «добрый старый Эд». Взглянув на Хэрольда, он сел рядом и тоже заказал пиво. Отпив глоток, он обратился к Хэрольду:

— Надеюсь, мы не очень шумели?

— Мне это ничуть не мешало, — пожал плечами Хэрольд.

— Им нравится надо мной подшучивать, — продолжал Эд, — но их шутки не злые. Мы знакомы с детства. И все трое живем в двадцати пяти милях от Седар-Рэпидс, штат Айова. Они нападают на меня потому, что я увлекаюсь оружием. На Среднем Западе я выиграл несколько соревнований на быстроту реакции. Естественно, я выигрывал у машин, а не у живых противников. Но, как я понял, для соревнований в Охотничьем Мире одной реакции маловато. Это дело не для меня. Я еду туда как турист.

В баре сидели и другие посетители, и вскоре завязался общий разговор. Старик, чье лицо напоминало мятый бумажный пакет, заявил, что нынешний Охотничий Мир не что иное, как жалкая пародия на Охоту старых добрых времен, когда ее еще не запрещали в Соединенных Штатах.

— Тогда Охотничий компьютер был богом. Справедливым богом. Одинаково справедливым для всех. Правила были простыми и обязательными для каждого. Честные правила. Не то что теперь — какие-то Карточки Предательства, Карточки Вендетты и другие идиотизмы. Сейчас все это превратилось в коммерцию самого низкого пошиба, а правительство Эсмеральды закрывает

на все глаза. Я даже слышал, что некоторые перестрелки там планируются заранее.

Мужчина с правильными чертами лица в надвинутом на лоб стетсоне перевел взгляд со стакана на собеседников.

— Сомневаюсь, что перестрелки можно запланировать. Трудно предугадать, когда начнется стрельба, если обе стороны вооружены.

— Сейчас люди способны на все. Кстати, меня зовут Эд Макгро. Я из Айовы.

— Текс Дразз из Вако, Техас.

Спор продолжался, когда Хэрольд допил пиво и вернулся на место. Его сосед — полный загорелый мужчина в гавайской рубашке — дремал от самого Майами. Внезапно он проснулся и спросил:

— Что, уже прилетели?

В этот момент уставшая стюардесса в костюме грязно-зеленого цвета объявила по шипящей радиосети:

— Леди и джентльмены, посмотрите в иллюминаторы направо. Под нами остров Эсмеральда.

Через поцарапанный плексиглас Хэрольд увидел темное пятно на блестящей поверхности моря, которое увеличивалось в размерах. Поросшие деревьями холмы, песчаные пляжи, на которые набегали пенистые волны. А дальше виднелся силуэт другого, более крупного острова.

— А это что за остров? — спросил Хэрольд у своего соседа.

Тот искоса посмотрел на него и пожал плечами.

— Что-то... Гаити.

Самолет быстро снижался над Эсмеральдой, разворачиваясь над Моргантаунским аэропортом, расположенным возле залива Мошуар.

Зажглись надписи «Не курить» и «Пристегнуть ремни», а стюардесса объявила:

— Леди и джентльмены, через несколько минут наш самолет совершит посадку на острове Эсмеральда. Прошу вас воздержаться от курения. Спасибо. Желаю вам приятно провести время в Охотничьем Мире.

Глава 11

В отличие от майамского, это был отменный аэропорт, сиявший чистотой. Пальмы в кадках, высокие потолки с флюоресцентным освещением, пастельные цвета, настенные фрески в карибском стиле. Таможенные и иммиграционные службы работали быстро. Правда, казалось, их совсем не интересовало, кто приле-

тел этим рейсом. Полицейский в форме с иголочки даже не взглянул на грязный от пота и пыли костюм Хэрольда и пропустил его вместе с остальными пассажирами в здание аэровокзала. Наконец-то он здесь — в центре Охотничьего Мира.

Из переполненного аэровокзала Хэрольд вышел на стоянку такси и автобусов. В очереди стояли человек сто, поэтому Хэрольд закинул рюкзак на плечо и пошел по дороге, надеясь добраться до города на попутке. Впрочем, он был готов проделать весь путь пешком. Он уже свернул за угол аэровокзала, когда рядом с ним затормозил белый спортивный автомобиль.

— Если вам в город, — сказал водитель, — то вы идете в противоположную сторону.

— Черт поberi! — выругался Хэрольд. — А может, вы меня подбросите?

Водитель открыл дверцу. Это был крупный загорелый мужчина ростом почти с Хэрольда, но гораздо более приятной наружности, с классическим итальянским лицом — кожа оливкового цвета, карие глаза и темная щетина на подбородке. На нем были спортивного покроя куртка из верблюжьей шерсти и синий шерстяной шарф.

— На Охоту приехали? — поинтересовался он.

— Еще не решил.

— Разрешите представиться, — сказал водитель. — Майк Альбани. Меня все знают. Я первоклассный Наводчик.

— Наводчик? А что это значит?

— А я-то думал, что все знают, кто такие Наводчики, — показал головой Альбани. — Это, так сказать, советники Охотников. Мы обеспечиваем их всем: машинами, оружием, патронами и, самое главное, информацией. Мы организуем для вас убийство или узнаем, кто на вас охотится, когда придет ваша очередь быть Жертвой.

— А что вы получаете взамен?

— Такая помощь обойдется вам в четверть взноса за вступление в Охоту плюс накладные расходы. Поверьте мне, игра стоит свеч. Или вы думаете, что, купив телефонную книгу и дорожный атлас, вы сами сможете все рассчитать? Кто будет ломать голову над организацией вашей охраны, кто узнает, насколько защищен ваш противник? Это мое дело, и тут я — непревзойденный мастер. Так что, если вы решите стать Охотником, предлагаю обратиться ко мне.

— Спасибо за совет, — поблагодарил Хэрольд. — Буду иметь в виду.

— Может, вы хотите осмотреть город? Я могу организовать экскурсию и знакомство с ночной жизнью Эсмеральды.

— Вы считаете, что меня пустят в ночной клуб в таком виде?

Альбани осмотрел дешевый костюм Хэрольда и стоптанные башмаки, заляпанные грязью штата Джорджия.

— Откуда мне знать — может, вы эксцентричный человек. Иногда так одеваются миллионеры.

— Если бы я был эксцентричным миллионером, — ответил Хэрольд, — я бы одевался, как вы.

— Кто знает, может, вы и разбогатеете. За Охоту хорошо платят. Куда вас подвезти?

— Не знаю, — ответил Хэрольд. Сначала он решил поехать к Норе, но передумал. Он уже неделю не брился, а его кожа стала такой же серой, как костюм. — Есть тут какой-нибудь дешевый отель?

— «Эстрелья дель Сур», как раз в центре. Расценки выше, чем в Южных доках, но там вашу комнату не ограбят. По крайней мере, пока вы в ней находитесь.

— Спасибо за предупреждение.

Они ехали по четырехрядному шоссе, которое пересекало равнину. За окном автомобиля мелькали магазины сувениров и фабрики с плоскими крышами. Дорожные щиты рекламировали гостиницы, рестораны, масло для загара, сигареты. Повсюду росли пальмы, напоминая о близости Карибского моря. Такого процветания Хэрольду еще не приходилось видеть, разве что по телевизору в программах про американскую жизнь до того, как все полетело вверх тормашками и природа-мать стала затягивать петлю на шею человечества. Через несколько минут они оказались в столице — городе Эсмеральде. Хэрольда поразила чистота улиц и отсутствие нищих.

— Тут и правда живут богатые люди, — заметил он.

— У нас круглый год туристы. Эсмеральда пользуется огромной популярностью у европейцев, а в последнее время стали приезжать и азиаты. Туризм — основа нашей экономики.

— А много людей приезжает, чтобы участвовать в Охоте?

— Да нет, — скривил губы Альбани, — большинство приезжает, чтобы посмотреть. Они не хотят никого убивать. Нет-нет, им только хочется попасть на остров, где мужчины носят оружие, устраивают дуэли и охотятся друг на друга. Им нравится, ничем не рискуя, наблюдать за происходящим через пуленепробиваемые стекла кафе и ресторанов. Так они утверждают. Но что удивительно — многие из них потом становятся Охотниками. Наверное, что-то есть в здешнем воздухе. Нам выгодно, чтобы они при-

езжали сюда убивать. Если бы количество Охотников постоянно не пополнялось за счет приезжих, через год на острове не осталось бы ни души. Видите ли, у нас очень низкий прирост населения. Сюда приезжают не семьи создавать.

Альбани остановил машину возле ветхого четырехэтажного здания. Выцветшие буквы на фасаде сообщали, что это гостиница «Эстрелья дель Сур».

— До свидания, — попрощался Альбани. — А если решите принять участие в Охоте, кто угодно вам скажет, как меня найти. Я один из лучших Наводчиков и беру недорого.

Глава 12

Эсмемальда — продолговатый плоский островок, расположенный в юго-восточной части Багамского архипелага недалеко от Большого Инагуа. Отсюда легко добраться до Гаити. В 2021 году обанкротившееся багамское правительство продало все права на этот остров консорциуму международных инвесторов, штаб-квартира которого находилась в Берне, в Швейцарии. С точки зрения генерала Ласаро Руфо, который возглавил военный переворот на Багамах, это был необходимый шаг, так как правительство позарез нуждалось в свободно конвертируемой валюте. Что там какой-то островок, тем более такой безлюдный, как Эсмемальда, когда тебе надо заботиться еще о семистах других! За никомушний клочок суши были заплачены большие деньги.

Но только не для корпорации «Охотничий Мир» — международного консорциума состоятельных бизнесменов, которые придерживались одного принципа — получение максимальных доходов при быстром обороте средств. Убийство было идеальным товаром, даже лучше наркотиков, ибо тот, кто его производил, сам поставлял все необходимое — свою жизнь, свое оружие, свою смерть. Убийство по всем правилам, исполненное по-деловому и по обоюдному согласию, было даже социально приемлемым актом. И, кроме того, в нем был заложен огромный потенциал спортивного азарта для тех, кто уже все перепробовал.

Много разных стран хотели разместить Охотничий Мир на своей территории, но совет директоров консорциума решил создать для него собственную страну. Таким образом, все проблемы, которые могли бы возникнуть с правительством, они решали, создав свое собственное правительство. Еще одним стимулом для вкладчиков стал тот факт, что вместо уплаты налогов они могут собирать их сами.

С самого начала проект Охотничьего Мира разрабатывался с

привлечением лучших умов, на него выделялись бешеные ассигнования. Моргантаун — маленькую занюханную столицу острова — сровняли с землей, создав на его месте архитектурный проект совершенно нового города, и в кратчайшие сроки вдохнули в него жизнь. Новый город — Эсмемральда — отличался от кроличьих нор из стали и стекла, которые после долгой борьбы за освобождение от хорошего вкуса стали венцом архитектуры современной урбанистики.

Эсмемральда напоминала средневековый городок, тут даже возле супермаркетов не было автомобильных стоянок. Почти половину зданий построили из светлого известняка, залежи которого были обнаружены на острове. А для самых главных строений, таких, как Охотничья академия и Колизей, использовали импортируемый известняк и итальянский мрамор. Поэтому с самого начала Эсмемральда походила на колониальный город прежних времен, город эпохи Возрождения, который, как мираж, появился на плоском коралловом острове.

Мягкий тропический климат острова в сочетании с прекрасно стилизованным под старину городом был и так прекрасной приманкой для туристов, даже без официально разрешенных убийств. На Эсмемральде можно было наслаждаться блеском минувших времен, пользуясь при этом всеми достижениями современности.

Не только забавы и опасности посреди невероятной красоты природы притягивали туристов в Охотничий Мир, приезжали сюда и серьезные ученые. На острове располагались всемирно известные музеи ассирийского и хеттского искусств, полностью выкупленные у обанкротившейся Англии и перевезенные на Эсмемральду для придания острову еще большего шика. Здесь также размещались известные курорты с гостиницами — «Рокфеллер Хилтон», «Холидей Форд», «Дорадо дель Сур», «Кастильо», «Кантинфлас», — площадки для гольфа, теннисные корты, были непревзойденные возможности для подводной охоты и кухня всех пяти континентов.

А если на вашем электронном банковском счету не хватало средств на отпуск по первому классу, Охотничий Мир предлагал более дешевый вариант — карнавальное поселение на пляже Де Ланси, разместившееся на южном берегу острова. Именно тут ежегодно происходили современные Сатурналии — смесь эсмемральдского карнавала с Марди Гра.

Главным компонентом этой мешанины была Охота, то необычное человеческое занятие, когда люди рисковали своей жизнью, сражаясь один на один в соответствии с установленными

правилами. Охота являлась чем-то вроде контролируемого беззакония, которое возвеличивало самые низкие инстинкты. То, что было официально разрешено в Охотничьем Мире, человечество пыталось искоренить с самого начала своего существования. Но напрасно.

Весь мир приходил в упадок, а Охотничий Мир продолжал процветать. В него отовсюду стекались люди, чтобы собственными глазами увидеть отказ от моральных устоев и чудо экономической стабильности. Убийство всегда было хорошим бизнесом. Охотничий Мир не обошел вниманием и секс с наркотиками, завершив таким образом круг своих инвестиций в те вещи, которые нравятся людям.

Почти во всем мире люди не доверяли переменам и чурались всего нового. Художники стремились использовать уже известные мотивы, а не творить что-то свое. мода почти исчезла. Понемногу люди стали и одеваться, и действовать одинаково. Конформизм стал нормой. Наука совсем захирела. Медицина радикально изменилась с фаустовских времен двадцатого столетия. Врачи уже не стремились спасти чью-то жизнь. Теперь речь шла о спасении замученного болезнями населения в целом, а его численность постоянно уменьшалась.

Теоретическая физика вот уже почти целое столетие не предлагала ни одной новой важной космогонической теории, а за последние тридцать лет не было открыто ни одной новой элементарной частицы.

Наука задыхалась от недостатка ассигнований, но это никого не волновало. Люди даже радовались, что ее развитие застопорилось. Ведь всем известно, что наука — штука опасная. В конце концов, именно она вытащила атомные бомбы и все остальные беды из ящика Пандоры с гениальными идеями. Не пришло ли время установить мораторий на гениальные идеи и постараться что-нибудь исправить или хотя бы сделать из всего этого какие-нибудь выводы?

Современный относительно спокойный период мировой истории стал результатом ядерной войны 2019 года между Бразилией и Южной Африкой. Кто бы мог подумать, что какое-то мелкое недоразумение касательно прав на вылов рыбы приведет к войне, которая унесет двенадцать миллионов жизней на двух континентах и едва не подтолкнет все человечество к самоуничтожению? Нынешняя эра застоя началась после прекращения военных действий между Южно-Американской федерацией во главе с главным проводником новой — хотя и недолговечной — идеоло-

гии Карлосом Эстебаном Саенсом и Южной Африкой, возглавляемой чернокожим правителем Чарльзом Граатцем.

Война, получившая название Рыбной, закончилась 2 июня 2021 года после внезапной смерти Саенса, причины которой не установлены и по сей день. Смерть диктатора через несколько часов после повторного обмена стран ядерными ударами вызвала страшную панику в правящем кабинете Южной Америки. Ранее запланированное вторжение в район Замбези пришлось отложить до выборов нового главы правительства. Перед африканцами открылись невиданные возможности.

Однако случилось неожиданное. Хотя во вражеском стане и царила суматоха и кто угодно сразу бы использовал данное преимущество, Чарльз Граатц удивил всех. Вместо того чтобы немедленно воспользоваться ситуацией, он в одностороннем порядке прекратил боевые действия, объявив, что африканцы больше не собираются спорить из-за прав на вылов рыбы.

Якобы он сказал: «Стремление воспользоваться преимуществом в такой ситуации было бы сумасшествием. Зачем уничтожать весь мир из-за какой-то рыбы? Если ни одна страна не захочет поступаться своими интересами — разве что в случае полного поражения, — война станет постоянным явлением. От имени моих зулусских избирателей, а также от имени наших белых, черных, цветных и других меньшинств я официально заявляю — если американцам это так важно, пусть ловят свою рыбу».

Следовало отдать должное и Южной Америке во главе с новоизбранным генералом Реторио Торресом. Торрес заявил, что в рыбном споре для них был важен принцип, а не рыба. И со своейственной ему рассудительностью предложил, чтобы в этом конфликте разобралась ООН.

Кризис закончился быстро и неожиданно, и мир оказался в удивительной ситуации, когда не существовало ни одного кризиса, который бы требовал срочного решения и посредством которого можно было развязать новую войну. И ни одна страна не стала спешить создавать кризисную ситуацию, как это случалось раньше. Несмотря на все прогнозы, на земле воцарился мир.

Люди устали жить под дамокловым мечом, устали бояться оказаться на грани уничтожения. Когда-то важные вопросы национальностей, рас, религий, политики, социальных теорий и политической власти стали теперь никчемными перед лицом нового всеобщего императива — «Не раскачивайте лодку».

Все человечество, внезапно оказавшись в состоянии мира — неслыханное дело за всю историю цивилизации, — решило, что наступило время оставить все так, как есть, забыть про все наци-

ональные интересы и подождать конца периода полураспада радиоактивных элементов, оставленных в наследство двадцатым веком, не прибавляя к ним новых.

Настало время, когда наконец можно было уделить внимание атмосфере и дать возможность планете со всеми ее обитателями спокойно дышать чистым воздухом.

Время размышлять, отдыхать, заниматься своими домашними делами.

Так начался период мира, который называли по-разному: «Перемирие», «Время великого застоя», «Начало нового средневековья».

И вот какая появилась тенденция — люди в расцвете сил, которым уже не нужно было погибать в очередной бессмысленной войне, стали искать новые средства смерти.

Будто какая-то часть человечества не могла жить без того, чтобы время от времени не уничтожать себя по тому или другому поводу или без повода вообще.

Безумие — но никуда от него не денешься. А иначе как еще можно объяснить процветание такого места, как Охотничий Мир?

Глава 13

Хэрольд уже собирался зайти в гостиницу, когда внезапно услышал крики и чьи-то торопливые шаги. Развернувшись, он увидел мужчину, который выскочил из бокового входа. За ним метрах в пяти бежал второй мужчина с пистолетом в руке.

Вжавшись в стену, Хэрольд услышал, как что-то просвистело рядом с его головой и ударилось о гранит. Пуля просвистела чуть ли не в дюйме от него. Хэрольд посмотрел на выбоину в стене. А преследуемый и преследующий уже завернули в переулок.

Портье, загорелый блондин в замызганных белых штанах и майке, оторвал взгляд от газеты.

— Пять долларов в день, — сообщил он. — Деньги вперед. Душ в коридоре.

— Я только что чуть не погиб, — пожаловался Хэрольд.

— Надо быть осторожным, — посоветовал портье. — Тут ужасное движение.

— Нет, я чуть не погиб от пули.

— А, Охотники, — махнул рукой портье, как бы говоря: «Дети есть дети». — Вам нужна комната? Вот тут распишитесь.

В комнате с белыми занавесками на окне, небольшой, но довольно чистой, стояла односпальная кровать и умывальник. Окно выходило на площадь, где красовался какой-то памятник.

Взяв рюкзак, Хэрольд прошел в душ, находившийся в конце коридора, вымылся, побрился, выстирал костюм и переоделся в джинсы и синюю рубашу. Вернувшись в комнату, он нашел в шкафу вешалку и повесил одежду сушиться.

Заметив в комнате телефон, Хэрольд достал из потрепанного кошелька клочок бумаги с номером телефона Норы. Пришлось подождать, пока соединят через коммутатор гостиницы, и это показалось ему вечностью. Наконец на том конце подняли трубку.

— Нора? Это ты?

— Кто это?

— Угадай!

— Не собираюсь играть в эти игры. Это ты, Фрэнк?

— Черт возьми, Нора, ты действительно меня не узнала?

— Хэрольд? Неужели это ты? Здесь, в Охотничьем Мире?

— А кто же еще, как не я?

— А как ты... Ладно, об этом можно поговорить и потом. Может, заглянешь ко мне? Ты не хотел бы чего-нибудь выпить?

— Это все равно что спросить у свиньи — не хочет ли она поваляться в грязи.

— Тогда приходи, — сказала Нора и рассказала, как к ней добраться.

На улицах было людно, в воздухе пахло поджаренным на растительном масле мясом, острыми приправами, сладким вином и еле уловимым, но навязчивым запахом бездымного пороха. Люди были одеты в самые удивительные наряды. Встречались прохожие в меховых шубах, купальниках, греческих туниках, римских тогах, с прическами времен Возрождения, в набедренных повязках американских индейцев и турецких шароварах. Были тут и другие костюмы, происхождение которых Хэрольд так и не смог определить. Все здесь говорило о достатке, и Хэрольд с удовольствием глазел по сторонам. Ему еще никогда не приходилось видеть такой сияющий чистотой город. Вдоль тротуаров росли деревья, и на них было приятно смотреть. Говорили, что на острове есть даже целый лес, и он решил обязательно там побывать.

Прежде чем он добрался до небольшой площади, про которую говорила Нора, пришлось несколько раз расспрашивать прохожих. Он сразу же нашел ее дом с каменной аркой. Пройдя под ней, Хэрольд поднялся на второй этаж и нажал кнопку звонка первой двери справа.

Дверь открыла Нора.

— Ну заходи, — сказала она.

За те два года, что они не виделись, Нора почти не изменилась — такая же невысокая, с хорошей фигурой, милостивым личиком и гладкими, коротко подстриженными волосами, как у девушек с рекламных плакатов парикмахерских. У нее была небольшая, но аккуратная квартирка. Нора предложила ему пива.

— Как же ты попал сюда, Хэрольд? У тебя ведь была такая хорошая работа на фабрике синтетического мяса. Я никогда не предполагала, что ты можешь ее бросить.

У старого Клэймора никогда не было лучшего специалиста по обогащению искусственного мяса жиром. Эту работу приходилось проделывать вручную, так как оборудование было ветхим и все время ломалось, а автоматическая линия жиροобогащения вообще никогда толком не работала. Отремонтировать машины не было никакой возможности, потому что ближайшая мастерская располагалась в Олбани. Хэрольд целыми днями простаивал возле конвейера, обрабатывая прямоугольные куски мяса, которые проезжали мимо на загаженной мухами ленте. Каждый кусок мяса имел размер шесть кубических дюймов и весил ровно один килограмм. Все куски были одинакового розового цвета. После Хэрольда куски мяса направлялись дальше по конвейеру к структуралистам.

— Если говорить правду, то не я бросил работу, а она меня, — сказал Хэрольд. — Знаешь, что сделал со мной старый Клэймор? Со мной, лучшим на фабрике жиροобогатителем? Решил на некоторое время перестать обогащать жиром искусственное мясо и посмотреть, вызовет ли это жалобы. Якобы слишком дорого ему обходилось обогащать те желатиновые куски натуральным жиром. Хотя он и придает им какой-то вкус. Вот меня и уволили. А как ты сама знаешь, работу сейчас в Кин-Уэлли не найдешь.

Нора кивнула.

— Кто-кто, а я-то прекрасно знаю. До того, как приехать сюда, я по двенадцать часов в день работала в магазине Симмонса в Лейк-Плэсиде и еле-еле сводила концы с концами.

— Фреда Симмонса уже нет, — сообщил ей Хэрольд. — Упал в один из старых карьеров. Теперь магазин перешел к его сестре.

— Нельзя плохо говорить про покойников, — вздохнула Нора, — но он был ужасный скупердяй. Хэрольд, но ты зачем сюда приехал?

— Общественность города поручила мне проверить, как ты тут себя ведешь.

— А серьезно?

— Мне нужны деньги. Я приехал сюда, чтобы посмотреть, смогу ли я тут немного подработать.

— Охотой?

— Ну, если ты считаешь, что легче ограбить банк...

— Забудь про это. Тут разрешено убийство, но ограбление считается преступлением и карается очень строго.

— Я просто пошутил, — успокоил ее Хэрольд. — Я не имею в виду ограбление банка. Забыл тебе сказать — на Сэма Кэнзайла, который гулял с дочкой Бергера, накинута сая диких собак и разорвала его на клочки.

— Всегда приятно услышать новости из дома. А как вы там сейчас развлекаетесь?

— Ночная жизнь мало чем отличается от той, что была до твоего отъезда. Пьем кофе в кафе у мисс Симпсон. Иногда, когда на душе становится паскудно, я влезаю на старый террикон, насыпанный когда-то шахтерами. Мне кажется, что сейчас это самое достойное для человека место — вершина кучи мусора, которую создал сам вместе со своими соседями.

— Говорят, тот террикон радиоактивный.

— А все остальное разве не радиоактивное, черт возьми? Говорят, что радиация когда-нибудь на нас скажется, если какая-нибудь зараза раньше не сведет в могилу.

— С тобой всегда так ужасно весело, — сказала Нора. — Именно поэтому я и уехала из Кин-Уэлли. Там мне никогда не было весело, и люди разговаривали только о грустном.

— Тебе надоели разговоры про смерть? — удивился Хэрольд. — Надо же, а я-то полагал, что уж в Охотничьем Мире этого добра навалом.

— Это действительно так. Но здесь смерть — развлечение, а дома — печальное и неинтересное событие.

— Ты права, моя дорогая.

Нора засмеялась и пошла на кухню.

Хэрольд встал с кресла и принялся разглядывать комнату. На стенах висели фотографии в рамках. Снимки родителей Норы, виды долины Уэлли и Лейк-Плэсида. А также портрет какого-то незнакомца — загорелого мужчины среднего возраста с уже обозначившейся лысиной. У него были суровые черты лица; он заговорщицки улыбался в объектив камеры.

— А это кто? — спросил Хэрольд, когда девушка вернулась в комнату.

— Джонсон.

— Действительно Джонсон. Как это я сразу его не узнал. Нора, черт возьми, кто такой этот Джонсон?

Девушка рассмеялась.

— Мой парень. Мы познакомились в Майами и приехали сюда вдвоем. Это его квартира. Вернее, была его.

— А чем он занимался?

— Он был Охотником. Очень хорошим Охотником. Его последняя Охота оказалась такой комичной. Джонсону выпало быть Жертвой, а тот, кто на него охотился, оказался индийцем. Не американский индеец, а индеец из Индии, представь себе только! Ведь у них в крови отвращение к убийствам. Правда? Такой смуглолицый толстяк в чалме. В чалме! Уму непостижимо! Джонсон сказал, что, если бы он заранее знал, что тот тип будет в чалме, он не стал бы даже тратиться на Наводчика.

— У твоего Джонсона было хорошее чувство юмора.

— Да, веселиться он действительно умел. А вот его трофеи.

Хэрольд подошел к стене. Там на отлакированных пластинках из черного дерева блестели четыре бронзовых диска. Каждый из них официально свидетельствовал, что их владелец совершил Убийство.

— А где же сейчас этот весельчак Джонсон?

— На Бут-хилле, местном кладбище. Его подстрелил какой-то очкарик из Портленда, штат Оклахома. Трудно поверить, правда?

— Точно. Слушай, Нора, нет ли у тебя чего-нибудь поесть? Деньги у меня есть, я заплачу.

— Мы сделаем гораздо лучше, — предложила девушка. — Я тут знаю одно местечко, где неплохо кормят, к тому же владелец этого заведения мне должен.

— За что? — поинтересовался Хэрольд.

— Оставь свои вопросы. Каждый зарабатывает на жизнь по-своему.

Внезапно она подбежала к нему и бросилась на шею.

— Хэрольд, я действительно рада тебя видеть!

Глава 15

Чтобы попасть в ресторан, нужно было пройти до конца извилистую улочку, вымощенную булыжником, свернуть в тупик и спуститься в подвал. Несколько посетителей в тирольских коротких кожаных штанах распевали тирольские песни. Играло цыганское трио. Небольшой пятачок для танцев освещался яркими красными лампочками. В зале было тесно, в воздухе плавали клубы дыма, слышались обрывки разговоров на пяти языках. Владелец забегаловки подмигнул Норе, провел их к столику рядом с танцплощадкой и даже прислал им бутылку вина.

Хэрольд был слишком голоден, чтобы вести беседу, и прямо-таки набросился на еду — чертовски вкусную маринованную рыбу под названием «севиче». Следующее блюдо — бифштекс из натурального мяса — он ел уже не так быстро, поэтому смог задать вопросы.

— Слушай, Нора, а как платят за Охоту?

— Две тысячи долларов за вступление в клуб Охотников. Три тысячи — за первое убийство. Но это только начало.

— А потом?

— Сумма вознаграждения постоянно увеличивается.

— А если меня убьют?

— Правительство бесплатно похоронит тебя на Бут-хилле.

— Пять тысяч — деньги немалые.

— Это правда, но если ты умрешь — это навсегда.

— Согласен, — пробормотал Хэрольд. — Но человеку все равно приходится умирать, даже если он и не собирается никого убивать, но в этом случае ему никто не платит пять тысяч.

— Не думай, что эти деньги даются легко, — предупредила Нора. — За Охоту хорошо платят, потому что она притягивает туристов и способствует процветанию Охотничьего Мира. Однако уровень смертности среди Охотников-новичков чрезвычайно высок. Обычно счастье улыбается тем, кто занимается этим постоянно.

— Но ведь когда-то им пришлось начинать, как и мне сейчас.

— Ты прав.

— Говорят, сюда приезжают люди со всего мира, чтобы убивать тех, кого они даже не знают. Это правда?

— Да. Хотя звучит как-то дико. Я прочитала интересную теорию в одном журнале. Там шла речь о так называемом «синдроме Охотничьего Мира», хотя я так и не поняла, что это такое. А может, это называется «Охотничий способ мышления». Там говорилось, что жажда убийства возникла в результате перенаселения планеты.

— Какая чушь! Я всегда считал, что мир терпит лишения от опустошения или недонаселенности — или как это там называется?

— Это если сравнивать с количеством населения сто лет тому назад. Но сейчас слишком многие хотят поделить между собой то, что осталось от Земли. А этого наследства на всех не хватает. Все чего-то хотят, никто не производит ничего нового, денег не хватает, большинство даже никуда не ездит. Исключение составляют разве что Охотники.

— Значит, есть смысл стать одним из них. Пять тысяч долларов — бешеные деньги. Думаю, чтобы получить их, я готов убить

кого угодно. Если он идет на это по собственному желанию, как и я. Так что я не против.

— А если он убьет тебя? — спросила Нора.

— Мою смерть можно будет считать издержками профессии.

— Разве можно называть убийство профессией?

— А почему бы и нет?

— Профессия убивать людей... Пять тысяч за особь. Одно скверно — тебя тоже могут убить. Но для развлечения не так уж и плохо.

...После ужина Хэрольд проводил Нору домой.

Возле дверей она спросила:

— А ты не хотел бы пожить у меня, Хэрольд?

— Я и не надеялся, что ты мне это предложишь.

— Тебе не хватит денег на гостиницу. У меня пустует одна маленькая комната. Ты можешь поселиться там. Я дам тебе ключ от квартиры. Можешь приходить когда угодно.

— С удовольствием переберусь к тебе, — согласился Хэрольд. — Я заплатил в гостинице за один день, так что сегодня переночую там. Присмотрю за своими вещами и еще раз вымоюсь. А завтра переберусь к тебе.

Девушка протянула ему ключ.

— Хэрольд, меня часто не бывает дома. Ну, ты сам понимаешь...

— Не беспокойся, Нора. Что бы ты ни делала, я не собираюсь тебя осуждать. По пути сюда я убил собаку, продырявил одному типу плечо, а скоро буду заниматься еще худшими вещами. Такие вот дела.

— Не спеши становиться Охотником. Смертность среди новичков действительно очень высока.

— Все равно когда-то надо начинать.

— Ты прав, — грустно кивнула девушка.

Глава 16

Майк Альбани вылез из белого «Ламборджини» с откидным верхом, приветливо помахал рукой привлекательной соседке, которая катала в коляске трехлетнего малыша, и подошел к дверям своего дома. По привычке он несколько раз обернулся — все знают, что семьи погибших Жертв часто пытаются отомстить Наводчику, хотя это и противоречит гражданскому и моральному кодексу. Не заметив ничего подозрительного, он быстро отворил дверь и проскользнул внутрь.

Его жена Тереза смотрела телевизор. Как раз передавали «Хро-

нику марсианской колонии» — передачу, которая ежедневно транслировалась с Марса, принималась антеннами Земли и показывалась по кабельному телевидению. Терезу ужасно волновали подробности повседневной жизни в экзотических местах. Терпения у нее было хоть отбавляй. Могла часами сидеть в саду и наблюдать, как растут помидоры.

— А как у тебя сегодня дела? — поинтересовалась она.

Альбани со вздохом опустился на стул. И куда только подевалась его блестящая самоуверенность?

— Подвез одного парня из аэропорта. Если он решит стать Охотником, то, возможно, возьмет меня Наводчиком.

— Прекрасно. А как там тот, которому ты сейчас помогаешь?

— Джеффрис? — Лицо Майка немного оживилось. — Сегодня он взял выходной. Говорит, что ему надо отдохнуть перед финальным этапом. А на завтра я придумал чудесную западню. Не волнуйся, Жертва от нас никуда не убежит.

— Что вообще представляет собой этот Джеффрис?

— Пока на его счету лишь одно удачное Убийство. Однако ходят слухи, что ему просто повезло — пуля попала в Жертву рикошетом.

Тереза вздохнула.

— Тебе действительно придется искать клиентов самому, так?

— Джеффриса я не искал. Он сам меня нашел. Придется пока поработать на этих неудачников, пока мне не попадется такой Охотник, который исполнит красивое Убийство. Тогда мы получим дополнительную награду. Пусть тебя это не волнует.

Тереза пожала плечами. Альбани налил себе бокал вина. Забот у него хватало, потому что дела действительно шли из рук вон плохо. Фортюна повернулась к нему спиной.

Тридцатишестилетний Майк Альбани был родом из Дорчестера, штат Массачусетс. Его отец — Джанкарло Альбани, итальянский эмигрант с Капельмаре, — прежде чем переехать в Дорчестер, работал механиком в Провиденсе. У Джанкарло и его жены Марии было шестеро детей. Мать Майка работала в химчистке на соседней Непонсет-авеню. Братья и сестры Майка жили в различных концах Соединенных Штатов, но их уже осталось только четверо. Анжело погиб при попытке ограбить банк в Шайенне, штат Вайоминг, а Тито — в автокатастрофе возле водопада Сью.

В раннем детстве у Майка проявился талант организатора мелких краж. Поэтому в Дорчестере, а потом и в Бостоне ему жилось неплохо, пока один из членов его банды — Бешеный Пес Лонниган — не попался на ограблении обувного магазина «Том

Макэнн» в Бруклине и не заложил Майка, надеясь, что за это ему скостят срок. Об этом Майк узнал из надежных источников и вовремя смылся. В 2081 году он приехал в Охотничий Мир.

Некоторое время он перебивался случайной работой, а потом пошел в ученики к Луиджи Ванилли — старому, опытному Наводчику, родом из Сицилии. Когда Ванилли погиб от пули соседа, с которым постоянно ссорился из-за персикового дерева, которое росло на соседском дворе, а ветви склонялись через забор на его участок, Тереза получила в наследство всех клиентов отца, дом и белый «Ламборджини». Они с Майком давно уже встречались и скоро сыграли свадьбу.

Первый год самостоятельной работы принес Майку небывалый успех. Его второе Убийство занесли в Книгу рекордов. А потом ему посчастливилось работать с непревзойденным Убийцей — Хулио Санчесом из Коста-Рики. Через два года после приезда на Эсмеральду у Альбани было все, о чем только может мечтать человек.

А потом Санчеса подстрелили — рано или поздно это случается даже с талантливыми Убийцами, — и дела пошли все хуже и хуже. По городу поползли слухи, что Альбани утратил чутье и фантазию, которые делали его засады такими хитроумными. Кое-кто предполагал, что у него «наводческий срыв». Никто не хотел пользоваться услугами Наводчика-неудачника. Дела пошли настолько скверно, что Альбани приходилось ошиваться в аэропорту, предлагая свой талант новичкам.

В Охотничьем Мире взлеты и падения происходят с молниеносной быстротой. Альбани был готов на все, лишь бы снова подняться на гребень успеха. Пока его единственным клиентом был Джеффрис, но этот эксцентричный англичанин не подавал почти никаких надежд.

Альбани был нужен успех. Наводчикам за каждое Убийство платили не только клиенты, а — как и Охотникам — государство. С другой стороны, если Охотник погибал, с Наводчика брался штраф в размере выигрыша плюс десять процентов на судебные издержки. Поэтому сейчас Альбани ходил по лезвию бритвы. Трех предыдущих клиентов Майка убили. Каждая неудача увеличивала размер штрафа. Если Джеффрису повезет, Майку удастся отсрочить банкротство еще на некоторое время. А если англичанин проиграет, Майка снова оштрафуют, что приблизит его к окончательному краху.

Крах в Охотничьем Мире означал прохождение через формальную процедуру лишения гражданских прав, после чего человека провозглашали рабом, все его имущество переходило в соб-

ственность государства, а ему самому приходилось выполнять определенную правительством принудительную работу — например, убирать свинарники.

— Микеланджело, — внезапно сказала Тереза, — давай вернемся в Дорчестер.

Альбани покачал головой.

— Там меня до сих пор разыскивает полиция.

— Тогда поедем в какой-нибудь другой город в Америке.

— Чтобы влечить жалкое существование и голодать? Даже не говори мне про это! Просто мне нужно переждать тяжелые времена. Найти бы еще какого-нибудь Санчеса...

— Санчес был настоящим профессионалом, — согласилась Тереза. — Ты тоже тогда блистал. Но Санчеса убили. А после него появился этот Антонелли.

— Я не хочу слышать это имя!

— Майк, что же нам теперь делать?

— Джеффрис исполнит Убийство, и я снова окажусь на вершине славы. Или тот парень — Хэрольд — наймет меня, и мы еще ухватим счастье за хвост благодаря его способностям Убийцы.

— А если нет?

— Если ничего не выйдет, я воспользуюсь правом на самоубийство, и тогда все останется тебе.

— Опять пустые разговоры, — вздохнула Тереза. — Ты всегда обещаешь наложить на себя руки, когда у тебя депрессия.

— В этот раз я настроен решительно, — сказал Альбани, поднимаясь со стула. — Покончу с собой прямо сейчас. Кому тогда ты будешь жаловаться?

Хотя Тереза и подозревала, что все эти угрозы — чистой воды блеф, она испугалась.

— Нет, Альбани, — дрожащим голосом сказала она, — не надо выбирать право на самоубийство.

— Ладно, — ответил Майк, снова садясь на стул. — Я просто хотел показать, что забочусь о тебе.

Глава 17

«Дорогой Алан!

Вот наконец я и добрался до Охотничьего Мира, и меня чуть не убили в первый же день. Если не считать этого случая, то видел я тут не особенно много. Я-то думал, что здесь вооруженные люди бегают прямо по улицам, как в том старом фильме, снятом еще до официального разрешения Охоты. Кажется, он назывался «Десятая Жертва». Время от времени я слышу что-то похожее на стрель-

бу, но ни одного Убийства пока не видел. Наверное, не успеваю в нужное место в нужное время.

Сегодня случайно встретился с человеком, который вместе со мной летел из Майами. Его зовут Текс Драза. Если бы в Техасе остались ковбои, его можно было бы назвать ковбоем. Он именно из тех краев. Мы остановились поговорить, а потом зашли пропустить по стаканчику в один уютный ресторанчик под названием «Слоппи Джо», где на стенах развешаны фотографии известных людей, которые были его посетителями. Мы с Тексом заказали по «Зомби» — старинному напитку, который пили еще в двадцатом веке. Эта смесь различных сортов рома с добавлением некоторых химических веществ сразу бьет в голову.

Знаешь, сейчас весь город украшают, повсюду развешивают флаги, транспаранты и гирлянды. Ведь я попал сюда как раз накануне самого главного эсмеральдского праздника. Называется он Сатурналии. В этот день каждый старается одеться так, чтобы всех переплюнуть. Мужчины и женщины позволяют себе всякие вольности, так мне намекнул Текс. С нетерпением жду начала праздника. Интересно будет посмотреть.

Текс рассказал, что во время Сатурналий устраиваются приемы, парады, регаты, спортивные состязания, танцы, а также «Передача эстафетной палочки» — это местное развлечение.

Эстафетная палочка — небольшой медный цилиндр с красной отметкой на боку. Внутри находится маленькая, но мощная бомба с часовым механизмом, которая может разнести в клочья кого угодно на расстоянии одного-двух футов. Никто не знает, когда именно бомба взорвется. Известно только, что это произойдет во время Сатурналий.

И знаешь, Алан, что с ней делают? Ты не поверишь — передают из рук в руки. Нечто похожее на «русскую рулетку», где вместо револьвера — бомба. Чем дольше человек держит ее в руке, прежде чем передать дальше, тем большую храбрость он проявляет. Туристы могут не брать эстафетную палочку, но большинство все равно это делает. Они похожи на туристов в одном из произведений Хемингуэя, которые бегали с быками наперегонки по улицам Памплоны.

Вчера вечером видел Нору. Она прекрасно выглядит. Живет в живописном районе рядом с центром города. Пока не найду себе постоянное жилье, поживу у нее. В том районе улицы такие узкие и запутанные, что машины там не ездят. Эсмеральда кажется старинным городом, все здания из камня и такие необычные, даже забываешь, что ее только недавно построили. Большая часть Эсмеральды была построена в последние семьдесят лет.

Город мне ужасно нравится. Улицы извилистые, расходятся

под странными углами. Тут есть на что посмотреть. Эсмеральда — счастливый город, хотя нехорошо говорить так про место, предназначенное для Убийства, но это действительно так.

Я расспрашивал, какие требования предъявляются к Охотникам. Кажется, можно рискнуть. Скоро я приму участие в Охоте, только сначала не мешало бы немного оглядеться. Передай Калебу и всем остальным, что пришлю деньги, как только получу вознаграждение.

Пишу тебе, сидя за столиком в баре. Я только что увидел своего знакомого — он позавчера подвез меня из аэропорта. Он Наводчик, и его зовут Майк Альбани. Закончу письмо позже».

Глава 18

Альбани сидел на обитом красной кожей табурете и потягивал белое вино. На нем был модный блейзер синего цвета, серые фланелевые брюки и начищенные до блеска черные штилеты. Когда Хэрольд подошел к стойке, на приятном загорелом лице Наводчика расцвела улыбка.

— Хэрольд! Рад тебя видеть! Надеюсь, тебе не приходится скучать на нашем маленьком острове?

— У вас тут очень хорошо. Мне ужасно нравится.

— А наша Охота тебе нравится?

— Интересно бы самому принять в ней участие, лишь бы только никто не убил.

— Опытный Наводчик поможет тебе остаться в живых. Что-нибудь выпьешь?

— Спасибо. Того же, что и у вас.

— Еще один стаканчик белого, Чарли! — крикнул Альбани бармену в белом кителе.

Хэрольд устроился на соседнем табурете.

— Вы сегодня не встречаете самолеты?

— Нет. Сейчас у нас праздничная горячка перед Сатурналиями. Большинство людей в эту пору теряют интерес к прекрасному искусству Охоты. Они заняты лишь тем, чтобы напиться, найти себе женщину, наделать как можно больше шума, чтобы было потом о чем рассказать соседям дома. Разумеется, ничего плохого тут нет, и я их ничуть не осуждаю. Но все равно мне жаль старого доброго времени.

— А как было раньше?

Альбани задумчиво улыбнулся. Достав из серебряного портсигара сигарету с золотым ободком, он прикурил и предложил Хэрольду.

— Возьми, попробуй. Смесь виргинского и турецкого таба-

ка с небольшой добавкой препарата для поднятия настроения «Кайф-32». Не вызывает никаких галлюцинаций и придает ощущение бодрости.

Хэрольд взял сигарету, прикурил, затянулся и тут же закашлялся. Потом затянулся еще раз, не очень глубоко. У дыма был странный пряный привкус, сначала не особенно приятный, но Хэрольд быстро к нему привык.

— Можно и не пускать дым в легкие, — сказал Альбани. — Можешь даже не вдыхать его. Активные частички попадают в кровяной поток через слизистую оболочку рта. Продукт абсолютно безвредный, не вызывает привыкания и, разумеется, официально разрешен для продажи. Впрочем, ты интересовался, как обстояли дела в старые добрые времена? Еще двадцать лет тому назад Охота считалась почти религиозным ритуалом. Каждый глава семейства хоть раз в году должен был принять в ней участие. Люди нанимали целые семьи Наводчиков в те времена, когда деньги можно было заработать намного легче, чем сейчас. Такие Наводчики становились собственной командой Охотника. Это было нечто большее, чем просто толпа служащих. Они были почти членами его семьи, несмотря на то что ему и приходилось им платить. Это немного напоминает обычай, имевший место среди знатных семей эпохи Возрождения, когда каждый состоятельный человек имел свой собственный почетный караул.

— Здорово, — заметил Хэрольд.

Альбани кивнул, а в его блестящих карих глазах засветилась грусть.

— Тогда у опытного Наводчика было столько работы, что он не мог справиться. Иногда он так много получал от своих клиентов, что сам становился Охотником.

— Разве это так дорого? — удивился Хэрольд. — Я думал, для этого надо лишь иметь оружие.

— Дорого обходится не сама Охота. Главное — не относиться к ней настолько серьезно, чтобы забывать обо всем остальном. Для большинства Охотников выступать лишь в этой роли довольно трудно. Необходимость работать где-то еще оставляет меньше времени на Охоту, заставляет жить по жесткому графику, человек срывается, попадает в ловушки и засады. И все из-за того, что надо работать! Мы в Охотничьем Мире не очень-то любим работать.

— А как же вы живете?

— Каждый год налоговое управление производит расчет, сколько бы получал каждый зарегистрированный Охотник, если бы уделял все время Охоте, и правительство выплачивает ему определенную сумму. Так называемый отрицательный налог на доход.

Почти все его получают. Кроме того, за каждое зарегистрированное Убийство выплачивается премия.

— А как же правительство может себе такое позволить? Ведь оно, наверное, поддерживает таким образом половину населения!

— Все рассчитано до мелочей. Охота — главная приманка для туристов и основная статья доходов. Благодаря ей на Эсмеральду стекаются деньги, поэтому правительство делает все возможное для сохранения фондов поддержки Охотников и Наводчиков. К сожалению, это лишь капля в море, я по себе знаю.

— Правда? — удивился Хэрольд. — А вид у вас — как у преуспевающего человека.

— Надо же марку держать. Но сейчас я сижу на мели. Почти все деньги потратил на развлечения. К ним привыкаешь быстрее, чем к Убийству. Я предаюсь самому сильному из пороков — карточной игре.

— А разве вы не можете бросить играть?

— Наверное, нет. Во всем мире нет таких правил игры, как на Эсмеральде. Азартные игры на нашем острове не только разрешены, но иногда и обязательны.

— Правительство заставляет вас играть?

— Большинство из нас заставлять не приходится. Тяга к риску у крови каждого эсмеральдца.

— А что происходит с теми, кто проигрывает?

— Если они проигрывают слишком много, их ждет банкротство.

— А потом?

— Те, кто оказался полным банкротом, занимают места на самой нижней ступеньке социальной лестницы. У них нет денег, им никто не дает в долг, все их имущество переходит в собственность государства, а сами они становятся государственными рабами.

— Рабами? Не может быть! В наше время рабства не существует!

— Разве? — иронично спросил Альбани и повернулся к бармену: — Чарльз, расскажи мистеру Эрдману про рабство.

— С удовольствием, — радостно откликнулся тот.

Это был лысый мужчина с огромным животом и плоским, как тарелка, лицом. Бармен вытер здоровенные красные руки о замызганный фартук в синюю и белую клеточку.

— Я расскажу вам все, как оно есть на самом деле. Видите кольцо? — Он протянул Хэрольду ладонь. — Это знак государственного раба.

На вид это было обычное кольцо из какого-то черного блестящего материала — возможно, эбонита — с блестящим камешком.

— Весной исполнится три года, как я стал рабом, — продолжал Чарльз. — Пять карточных долгов — вот как я сюда попал. Во время туристского сезона должен работать в этой гостинице. В остальное время проверяю грузы на государственной таможне.

Хэрольд не знал, что и сказать. Как можно расспрашивать раба, как тот относится к рабству? Было бы понятно, если бы он испытывал стыд. Но у Чарльза и мысли об этом не было. У Альбани тоже.

— В таком месте без рабства не обойтись, — сказал Майк. — Наши граждане только и делают, что развлекаются или ищут новые развлечения. Поэтому для обычной работы просто не хватает людей, некому поддерживать существующий строй. Тяжело даже найти желающих на некоторые должности в местном правительстве. Большинство его членов — тоже рабы. Рабство — единственный способ заставить людей заниматься серьезными вещами, такими, как охрана здоровья или строительство.

— Вот это да! — только и сказал Хэрольд.

— Рабовладельческая система всем по душе, — добавил Чарльз. — Можешь сколько угодно рисковать и развлекаться, не опасаясь, что тебя подстерегает какое-то несчастье, разве что убить могут. Самое страшное, что может произойти, — когда прокутишь все деньги и будешь вынужден сам зарабатывать себе на жизнь.

— Но даже в этом случае, — добавил Альбани, — это не навсегда. Естественно, рабы начинают с самой грязной работы или добывают в карьерах соль. Но если повезет, можешь подняться по административной линии. Рабы, которые являются членами администрации, зарабатывают кучу денег. Можешь представить, какие оклады они себе назначают. Поэтому государственный раб очень быстро может себя выкупить.

— Все это мне кажется довольно странным, — признался Хэрольд. — Хотя здесь и присутствует здравый смысл. Единственное, чего я никак не могу понять, — зачем богатым людям рисковать, принимая участие в Охоте?

— Для того чтобы это понять, надо обладать определенным складом ума, — сказал Альбани. — Думаю, со временем ты сам все поймешь. Многие из нас считают, что куда лучше быть хорошим Охотником, чем кем-либо иным.

— А что нужно, чтобы стать хорошим Охотником?

— Крепкие нервы и везение. Тут ничего не стоят всякие военные глупости, такие, как владение оружием, быстрая реакция, умение незаметно куда-то проползти и тому подобное. Главное в Охоте — уметь жить среди опасностей своей обычной жизнью.

— Тут у вас, наверное, полно всяких злодеев.

Альбани это не понравилось.

— Ничего подобного. Большинство Охотников составляют люди, стремящиеся досконально изучить человеческую психологию.

— Убедили вы меня или нет, но мне это все необходимо как следует обдумать, — сказал Хэрольд.

Зазвенел стоявший на дальнем конце стойки телефон. Чарльз взял трубку. Сказав несколько слов, он позвал Альбани. Тот подошел к телефону, поговорил несколько минут и вернулся.

— Я бы с удовольствием продолжил нашу дискуссию, но меня ждут дела. — Он посмотрел на часы. — Ровно через двадцать минут я должен быть в засаде. Но если нам по дороге, могу подкинуть.

— А где эта засада? — поинтересовался Хэрольд.

Он закурил еще одну сигарету с наркотиком, в голове прояснилось, и на все стало наплевать.

— А, это за городом, на Кватранангских высотах, недалеко от Тюльпанового дворца и зоопарка. Очень живописная местность, если ты еще там не бывал.

— Поехали! — согласился Хэрольд.

Глава 19

Пурпурное солнце, проглядывавшее сквозь облака, окрасило белоснежные дома Эсмеральды в розовый цвет. Усевшись в машину рядом с Альбани, Хэрольд услышал шелест пальмовых крон, колыхавшихся от вечернего бриза на Океанском бульваре. В такой чудесный вечер, проезжая по бульвару с пальмами, вряд ли думаешь, что будешь делать, когда приедешь в место назначения. Главное — ехать. Какая разница, куда приведет тебя дорога — на свадьбу или на похороны.

Свежий ветер с моря пах солью и йодом. С берега несло затхлым запахом водорослей, выброшенных приливом на пляжи. Альбани вел машину уверенно, мимо пролетали бело-розовые предместья Мальдорадо и Инчбурга.

Выехав за город, они свернули с шоссе на дорогу, которая поднималась к Ланширским высотам. Мелькнул указатель «К зоопарку», и скоро начался небольшой лесок. Они продолжали подниматься, воздух становился все холоднее. Внезапно их глазам открылась панорама равнинной Эсмеральды — разбросанные по зеленому полю фермы, тянувшиеся до блестящей поверхности моря.

Альбани затормозил возле входа в зоопарк.

— Можешь выходить. Зоопарк у нас действительно хороший.

Единственный на весь Карибский бассейн, где еще остались дикие звери. Отсюда в город ходит автобус.

— Мне, конечно, хочется посмотреть, но как-нибудь в другой раз. Вы не против, если я пойду с вами? Я никогда еще не был в засаде.

— С удовольствием возьму тебя с собой.

Альбани проехал еще немного и свернул на грунтовую дорогу. Не рассчитанная на такое покрытие, машина подпрыгивала на кочках, днище скреблось об острые камни. Кое-как дотянув до поворота, Альбани остановился, выключил мотор и включил сигнализацию охраны.

— Дальше придется идти пешком, — сказал он.

Они направились к лесу по узенькой тропинке. Продравшись через густые заросли, они вышли на вершину горы, с которой открывался вид на дорогу, петляющую в ста футах ниже. Перед ними на краю ущелья находилась похожая на деревянный ковш V-образная конструкция, доверху заполненная валунами. Под ковшом виднелась платформа с зубчатыми шестеренками какого-то странного механизма.

— Стоит только крутануть ручку, и вся эта груда камней свалится на дорогу, — объяснил Альбани. — Тонкий расчет, не правда ли? Мои помощники соорудили эту засаду еще несколько месяцев тому назад. Люди подстерегают друг друга на маршрутах, которыми обычно пользуются. А опытный Наводчик должен предвидеть развитие событий.

— И что же случится? — спросил Хэрольд.

— Скоро по этой дороге проедет машина. В ней будет сидеть Жертва — мистер Драз из Техаса.

— Эй, — сказал Хэрольд. — Да я же вместе с ним прилетел сюда на одном самолете!

— Он приезжает на Эсмеральду каждый год. По-моему, это у него уже шестая Охота. И последняя. Когда я крутану ручку, камни высыплются перед его автомобилем, перекрыв дорогу. Дразе придется выйти. Пока он сообразит, что к чему, Охотник — некто мистер Скотт Джеффрис, на которого в настоящее время я работаю, изрешетит его пулями.

— Не слишком ли это сложно? Неужели его нельзя убить более простым способом? — удивился Хэрольд.

— Можно, — презрительно скривил губы Альбани. — Но такие засады являются частью традиции Охоты. К тому же благодаря им сохраняется потребность в Наводчиках. А теперь нам осталось проверить, все ли в порядке.

Альбани вынул из кармана пиджака миниатюрный радиопередатчик и вытащил длинную гибкую антенну.

— Мистер Джеффрис, вы на месте?

В динамике послышались статические разряды.

— Да, я готов, — высоким возбужденным голосом отозвался

Охотник.

Альбани взглянул на дорогу.

— Отлично, он появился именно тогда, когда я и рассчитывал.

С такой высоты серебристая машина, в которой приближалась Жертва, казалась игрушечной. Альбани наклонился вперед, держа руку на рычаге механизма. Хэрольд стоял в нескольких футах от него и наблюдал. Внезапно краем глаза он заметил какое-то движение позади себя. Что-то блеснуло на поросшем лесом склоне горы чуть правее от них. Хэрольд обернулся. Снова что-то блеснуло. А потом он увидел, как что-то, словно тень, движется среди деревьев.

Хэрольд не знал, кто это и что это все означает, но весь напрягся, и кровь застучала у него в висках.

— Ложись! — закричал он и сбил Альбани с ног.

Через долю секунды послышался звук выстрела из мощной винтовки. Пуля попала в камень, возле которого только что стоял Альбани.

Хэрольд стал подниматься. Альбани дернул его за руку. С одинаковыми интервалами прозвучали еще четыре выстрела. Откуда-то снизу донесся рев мотора, потом звук стал понемногу стихать и пропал совсем — машина проехала мимо засады.

— Что нам теперь делать? — растянувшись на земле, спросил Хэрольд.

— Будем ждать. Все понятно: где-то тут в лесу прячется Наводчик. Он не имел права в нас стрелять. Так никогда не поступают. С профессиональной точки зрения это просто неэтично.

— А разве вы не можете выстрелить в ответ?

— Я никогда не ношу с собой оружия. Наводчикам это не разрешается. Но даже если бы у меня и был пистолет, я бы не стал нарушать правила из-за какого-то негодяя. Просто будем лежать. Скоро сюда поднимется Джеффрис, и Наводчик уйдет.

— А он не станет убивать Джеффриса?

— Нет, конечно. Наводчикам запрещается убивать Охотников.

Через несколько минут на холм взобрался Джеффрис, держа в руках винтовку. Он был невысокого роста, с лицом цвета слоновой кости, напомаженными черными волосами, маленькими усиками и родинкой над верхней губой.

— С вами все в порядке, Альбани? — поинтересовался он.

— Да, вроде все в порядке. Но, судя по всему, меня выследили. И хуже того, предвидели все мои действия. Честно говоря, я чувствую себя морально уничтоженным.

— Не принимайте этого близко к сердцу, друг Альбани, — успокоил его Джеффрис. — Такое с каждым может случиться.

— Но ведь я сорвал вам Убийство, — в отчаянии ломая руки, продолжал Альбани.

— Даже не думайте про это. Что-то у меня нет сегодня интереса к Охоте. Мой врач утверждает, что я надышался кордита. Так что не обращайтесь внимания. А это кто?

— Друг. Мистер Хэрольд Эрдман из Америки. Он спас мне жизнь.

— Молодец, — похвалил Джеффрис. — Мне бы не хотелось вас потерять, Альбани. Не так уж много нас осталось из старой гвардии. Пора возвращаться. Пристрелим его в следующий раз. Договорились, Альбани?

— Можете не сомневаться.

— Позвоните, когда придумаете что-нибудь новенькое. И лучше всего в городе. Мне не нравится лазить по горам. Рад был с вами познакомиться, Эрдман.

Повернувшись, Джеффрис стал спускаться по склону.

По дороге в город Альбани не сказал ни слова. И только оставив машину возле входа в «Эстрелью», произнес:

— Хэрольд, ты мне очень помог. Как ты узнал, что там кто-то прячется?

— Я увидел, как блеснуло стекло его оптического прицела.

— На таком расстоянии? Ну ладно. У тебя прекрасная реакция. В нашей игре ты станешь победителем. Слушай, не хочешь ли ты завтра пойти на прием?

— На прием? — спросил Хэрольд. — К кому?

— На Охотничий бал. Его проводят раз в год перед началом Сатурналий. Попасть в число гостей практически невозможно. На него приходят все Охотники и, как всегда, артисты, рок-звезды, сенаторы и так далее. Будет про что рассказать друзьям...

— Никаких планов на завтра у меня нет, — признался Хэрольд. — А девушку я могу с собой взять?

— Конечно. — Наводчик вынул бумажник и достал оттуда приглашение на двоих. — Это в Охотничьей академии. Приходите к десяти, когда начнется самое интересное.

Глава 20

Рейс 461 из Атланты задерживался уже на целый час, и Луэйн Добрей почти кипел от злости. Сейчас он с головой ушел в Охоту, что, как он и предвидел, вытянет из него все соки, а кузина Джекинс — студентка последнего курса Беннингтонского университета — в последнюю секунду решила приехать к нему на каникулы.

Визиты Джекинс всегда приходились на самое неудобное

время. В прошлом году она также решила приехать в последнюю минуту, и Луэйн знал наверняка, что она поступила так, чтобы заставить его лишний раз понервничать, поспешно договариваясь о комнате для нее. Тогда это выбило его из колеи, и Убийство вышло такое неудачное, что его критиковали не только газеты, но и всегда относившееся к нему с симпатией «Охотничье шоу», телепередача, в которой ведущий Гордон Филакис обозвал его случайной вивисекцией, добавив, что Луэйн действовал с изяществом кобылы, упавшей на крота.

Впрочем, так оно и было. Жертвой был мужчина в очках с толстыми линзами, а Луэйн попытался срубить ему голову на скаку, однако тот погиб лишь потому, что кобыла Охотника испугалась и упала на Жертву. Луэйн не любил вспоминать этот случай. С тех пор его стали преследовать неудачи.

Сначала он было решил послать вместо себя в аэропорт Суэра, своего Наводчика, но ему пришла в голову мысль, что Джекинс может обидеться и пожаловаться его матери. Мать Луэйна, которая после смерти мужа жила одна в Шароне, штат Коннектикут, получила в наследство все семейное состояние, и сын полностью от нее зависел.

Сара Добрей не принимала философии Охотничьего Мира. Она неоднократно утверждала, что убивать друг друга должны лишь бедняки, а жизнь богатых людей — слишком большая ценность, чтобы приносить ее в Жертву. Однако Луэйн, как либерал, был убежден, что кто угодно имеет право убивать кого угодно, все равно, богатого или бедного.

Лучшей подругой Сары Добрей была Эллен Джоунз, мать Джекки. Если кузина дома расскажет, что он был так занят Охотой, что не мог сам ее встретить... Ну, может, ничего и не случится, но зачем рисковать такой важной вещью, как деньги?

Вот почему он и сидел в зале ожидания аэропорта, куря одну сигарету за другой до тех пор, пока в ясной голубизне карибского неба не показался самолет. Он снижался, оставляя за собой темный шлейф выхлопов.

А вот и Джекинс. Двадцатилетняя стройная девушка среднего роста с короткими, модно подстриженными блестящими волосами, симпатичным личиком и тонкими малиновыми губками.

— Луэйн, дорогой, как хорошо, что ты меня встретил! Мне страшно хотелось снова тебя увидеть!

Нельзя сказать, что она сильно любила Луэйна, просто ей нравилось бывать в Охотничьем Мире, особенно во время Сатурналий. К тому же у Луэйна была прекрасная квартира как раз рядом с Центральной площадью.

— Как я рад, Джекинс! — Он всегда называл ее полным име-

нем. — Если ты не против, дорогая, мы сразу же поедem домой. Понимаешь, я как раз сейчас охочусь... Твой багаж привезут позже.

Тридцатичетырехлетний Луэйн Добрей был среднего роста, со светлыми волосами и тонкими, почти незаметными бровями. Его отец, удачливый биржевой маклер из Нью-Хэвена, штат Коннектикут, бросив дела, стал известным на Эсмеральде Охотником, который имел на счету двенадцать Убийств до того, как какой-то сопляк, переодетый официантом, не пригвоздил его автоматной очередью к столу, уставленному итальянскими блюдами.

Сара, мать Луэйна, светская дама, гордившаяся тем, что в ее жилах течет одна восьмая ирокезской крови, осталась в Шароне, чтобы заправлять семейными финансовыми делами и держать антикварную лавку. Ей всегда хотелось этим заниматься. У Луэйна была шикарная квартира в Эсмеральде и небольшая вилла за городом. Ему было доступно все, о чем только может мечтать женщина, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы.

Проводив Джекинс в ее комнату, он вернулся в гостиную и сел за стол. Луэйну нравилось рассматривать свое оружие. Больше всего ему нравились три пистолета: «уэбли-мартин 303», двухствольная крупнокалиберная «беретта», стрелявшая патронами от «сорокчетверки» и длинноствольный револьвер 22-го калибра. На столе у него лежали еще несколько пистолетов, остальные были спрятаны в навесном шкафчике из черного дерева. В комнате пахло оружейным маслом.

В гостиную вошла Джекинс Джоунз. Она разлеглась на диване, высоко задрав ноги в чулках, и положила зажженную сигарету в пепельницу на журнальном столике. Луэйну было видно лишь копну черных волос и ноги в красных чулках, которыми кузина лениво покачивала, листая страницы купленного в самолете журнала мод.

Зазвонил телефон. Луэйн потянулся к нему, но Джекинс уже схватила трубку параллельного аппарата, который стоял на столике рядом с ней.

— Салли? Это ты, дорогая? Да, я только что прилетела! Да, чудесно! Разумеется, я буду на Охотничьем балу. Ты что наденешь?

Луэйн корчил страшные гримасы, показывая на телефон.

— Лучше поговорим потом, — сказала Джекинс, — Луэйн ждет звонка. До встречи. — Она положила трубку и спросила: — Теперь доволен?

— Извини, но мне должен позвонить Наводчик.

— На этот раз ты Охотник или Жертва?

— Охотник. Моя Жертва — Фред С. Хэррис.

— Что-то не слышала про такого.

— Он не местный. Приехал из Нью-Джерси. Это его третья Охота. Очень ловкий парень с седыми волосами. Насколько мне известно, он какой-то киношник. Мне удалось узнать, что его большими руками не возьмешь.

— А Наводчик у тебя до сих пор Отто Спренглер?

Луэйн покачал головой.

— Нет. Он погиб во время штрафной «Отчаянной езды».

— Мне, наверно, никогда не понять этого обычая.

— Не все обычаи требуют объяснений.

— И кого же ты нанял на сей раз?

— Эда Сузера. Ты его знаешь. Толстяк с головой, похожей на арбуз. Он приехал сюда из Ки-Уэста.

Джекинс покачала головой.

— Похоже, я его не знаю, да он меня совершенно не интересуется. А почему не Том Дрэймор? Ты всегда так его расхваливал.

— На этой неделе он очень занят.

— Даже для тебя? Что-то мне не верится, ведь ты столько платишь.

— Он не нуждается в работе. В последнее время ему очень везет. Я попытался его нанять, но его никогда не бывает дома, а на мои звонки он не отвечает. Скорее всего просто избегает меня.

— Но почему?

— Тебя здесь очень долго не было, Джекинс. Ты не видела моей последней Охоты.

— Ты как раз готовился к ней, когда я вернулась в Бенningтон. Что случилось? Ты же убил его, не так ли?

— Конечно. Иначе бы я сейчас не сидел с тобой, правда?

— Тогда в чем дело?

— Охотничьи судьи назвали это незлегантным убийством. Лишь потому, что я пристрелил Жертву.

— Но ведь это не противоречит правилам?

— Конечно, нет. Все абсолютно законно. Они просто разозлились, что я прикончил его как раз перед Зданием гостеприимности прямо под носом у туристов. Несколько иностранных турбюро отказались от контрактов. А я-то тут при чем? Чего они еще ждали? Если они такие чувствительные, вообще не надо сюда ездить. Господи, разве это тайна, чем мы занимаемся в Охотничьем Мире?

— А за незлегантное убийство существует какое-нибудь наказание?

— Нет. В Охотничьем кодексе ясно сказано, что Жертву можно убивать где угодно. Однако существуют требования стиля, а также ежегодная премия за лучшее убийство «Бойцу года» и Великая Расплата. Таких вершин мне никогда не достигнуть.

— Бедный Луэйн, — вздохнула Джекинс.

— Я ведь не шучу. Ты же ничего не знаешь про мои первые Убийства. Люди утверждали, что никогда не видели ничего лучшего. Тогда я использовал только пистолет 22-го калибра и мог стрелять обеими руками. Я укладывал свои Жертвы на месте, прежде чем они соображали, кто в них стреляет. Мне сулили самые высшие награды. Про меня писали в газетах, и телевидение тоже не обходило вниманием. А потом как будто сглазили. На тренировках я был не в худшей, чем обычно, форме. А вот в настоящих стычках меня как будто заклинивало — не мог попасть ни в голову, ни в сердце, и, черт побери, чуть сам не стал Жертвой. Вот какие у меня сейчас неприятности, Джекинс. Но дело не во мне, а в семейной чести.

— Может, на сей раз тебе повезет.

— Очень надеюсь. Я уже хотел обратиться к психиатру. Ты первая, кому я об этом рассказываю. Иногда мне кажется, что я просто старею.

— Стареешь? В тридцать четыре года? Не говори глупостей, — фыркнула Джекинс, хотя мысленно отметила, что Луэйн действительно стал понемногу сдавать.

— Я не чувствую себя старым, — продолжал Луэйн, — но...

В этот момент зазвонил телефон. Схватив трубку, Луэйн что-то выслушал, ответил: «Хорошо, Сузер», — и положил ее на рычаг. Потом быстро надел специальный жакет с внутренними карманами для оружия.

— Мне надо бежать, — сказал он Джекинс.

— А мне с тобой можно?

— Нет. Увидимся позже.

— Возьми меня с собой, Луэйн! Я так давно тут не была, и мне будет интересно посмотреть, как ты охотишься. Может, я принесу тебе счастье.

— Наоборот, — возразил Луэйн. — Присутствие женщины на Охоте — плохая примета. Когда вернусь, все тебе подробно расскажу.

И он нетерпеливо отстранил ее от двери. Джекинс никогда не видела его таким нервным. Если и это Убийство окажется таким же плохим, настроение у него совсем испортится. Мужчины все такие.

Глава 21

Луэйн встретился с Сузером в кафе Блэйка в районе городского аквариума. Тот извинился за задержку, объяснив, что Жертва, мистер Фред С. Хэррис из Саммита, штат Нью-Джерси, провозился с обедом гораздо дольше, чем предполагалось, а потом спутал все карты, отправившись в отель поспать после еды. Но

потом он снова появился, свежий и выбритый жизнерадостный толстяк с тоненькими усиками, которые уже начинали седеть.

— И где он сейчас? — спросил Луэйн.

— В книжном магазине на противоположной стороне улицы.

Он заглядывает туда каждый день. Хотя только один раз купил там книгу.

— Какую?

Вытащив из заднего кармана блокнот, Сузер сказал:

— Библию Охотника, издания 2091 года.

— Символично, правда? Как он вооружен?

Сузер перевернул страничку.

— У него при себе «магнум руджер редхок ДА» 44-го калибра в мексиканской кожаной кобуре под мышкой и «торус» 85-й модели, калибр 38, на бедре. К левой ноге привязан длинный охотничий нож фирмы «Боуи».

— Ничего не скажешь, ты действительно все знаешь. Может, тебе известно, какого цвета у него трусы?

Сузер полистал блокнот.

— Наверно, где-то записано.

— Это мне не нужно, — сказал Луэйн. — Как он стреляет?

— Закрывает глаза и нажимает на спусковой крючок.

— Приятно слышать, — сказал Луэйн и тут же помрачнел. —

Однако иногда таким стрелкам везет.

— Только не этому парню, — возразил Сузер. — Он — настоящая ходячая смерть. Только и ждет, чтобы его пристрелили. Предлагаю план А, прямое сближение. Сразу, как он выйдет из книжного магазина, следуй за ним. Пусть он увидит тебя уже возле Ферфакса. Тогда он повернет в переулок между Софрито и Мэйн, куда выходит дверь запасного хода ресторана Шульца. Он будет думать, что там устроит тебе засаду. Но попадет в нее сам.

— Убийство обещает получиться что надо, — сказал Луэйн, обращаясь скорее к себе, чем к Сузеру.

— Все в твою пользу, — продолжал Сузер. — Прекрасный узенький переулок, свет прожектора, который ослепит его, и та маленькая неожиданность, которая будет подстергать его возле дверей. Все рассчитано до мельчайших подробностей. Какое оружие ты собираешься использовать?

— «Уайдли», — сказал Луэйн, вытаскивая автоматический пистолет из-под мышки. — Тяжеловатый, правда. Пятьдесят одна унция, ствол шесть дюймов, и топорщится под спортивной курткой, но стреляет чертовски точно, а в обойме — четырнадцать патронов.

— А какие у тебя патроны?

— Девятимиллиметровые «винчестер магнум», я также возьму «Смит-энд-вессон» 59-го калибра. Так, на всякий случай.

— Правильно, надо всегда иметь что-нибудь про запас, — согласился Сузер. — Смотри, он выходит!

Фред С. Хэррис вышел из книжного магазина и быстро зашагал по Мэйн-стрит. Выхватив из кобуры «уайдли», Луэйн схватил его в руку и выскользнул из кафе. Он почти бежал, пока не оказался в двадцати футах от Хэрриса, и лишь тогда сбавил шаг. Приятно было ощущать в руке «уайдли» — мощное, надежное оружие. Сняв пистолет с предохранителя, он загнал патрон в патронник. Хэррис как раз перед глазами. Луэину хотелось выстрелить, но было еще рано: слишком много народу вокруг, а за выстрел в прохожего сурово наказывали.

Хэррис его заметил и тоже вытащил пистолет. Но стрелять не стал, а продолжал идти быстрым шагом, а потом побежал. Его седые волосы развевались на ветру. Он петлял, словно заяц, стараясь затеряться в толпе. Луэйн тоже бежал, чувствуя, как в висках стучит кровь, как усиленно выделяется адреналин и распространяется по всему организму, как это случается в те наиважнейшие моменты жизни, когда весь мир вокруг тебя как бы замирает и ты чувствуешь себя бессмертным.

Хэррис свернул в переулок, как и предполагал Сузер. Сузер разгадал план Хэрриса. Тот хотел заманить Луэйна в переулок, а потом через заднюю дверь заскочить в ресторан Шульца. В двери было сделано отверстие, как раз достаточное, чтобы просунуть дуло. Сама дверь была обшита стальными листами. Хэррис думал, что под прикрытием стальной брони он легко подстрелит незащищенного Луэйна в переулке. Эту идею ему, наверно, продал какой-нибудь придурковатый дисквалифицированный Наводчик. Лучше уж заплатить деньги, но иметь наилучшего.

В тот момент, когда Луэйн свернул в переулок, Хэррис как раз подбежал к двери. Он дернул за ручку, но дверь оказалась запертой. Сузер все продумал. Когда Хэррис нажал кнопку звонка, включился мощный прожектор, также установленный Сузером. Яркий свет ослепил Хэрриса, и тут до него дошло, что он в ловушке. Он вслепую попытался привести оружие в боевую готовность. Луэйн остановился, крепко сжимая пистолет обеими руками, и начал стрелять.

Хэррис выстрелил один раз, не целясь. А потом оступился и упал назад на мусорный бак.

Будучи в состоянии крайнего возбуждения, Луэйн выстрелил еще несколько раз и только потом понял, что берет слишком высоко. Он немного спустил дуло, не прекращая стрельбы, — и вне-

запно пистолет дал осечку: кончились патроны. Черт побери, он расстрелял всю обойму!

Луэйн стал рыться в кармане, обливаясь холодным потом. Как это его утраздило так быстро расстрелять все патроны! Теперь Хэррис запросто может его убить. Все, что ему нужно сделать, — это выставить дуло из-за мусорного бака и выстрелить.

Однако Хэррис не шевелился. Когда Луэйн нашел обойму и зарядил пистолет, выяснилось, что Хэррис мертв, а Луэйн поразбивал много окон по обе стороны переулка.

Итак, он снова выиграл. Зажмурившись, Охотник стоял совершенно неподвижно, а напряжение и энергия вытекали из его тела. Когда он открыл глаза, в переулке он уже был не один. Луэйн не сразу разглядел шляпу защитного цвета и голубой эмалевый знак Учетчика, который с блокнотом и карандашом склонился над баком, готовясь записать данные о статусе погибшего в Охоте.

— Сколько раз я в него попал? — поинтересовался Луэйн.

— Ни разу. На нем ни царапины.

— Шутите. Он же мертв, не так ли?

— Конечно, мертв. Но не от твоей руки. Посмотри сам.

Луэйн подошел ближе. На лице Фреда С. Хэрриса из Саммита, штат Нью-Джерси, застыло выражение спокойствия, которое часто бывает у покойников.

Учетчик выпрямился.

— Скорее всего он упал на бак с мусором и сломал себе шею. Люди просто не представляют себе, как легко сломать шею, упав спиной на цилиндрический предмет. Придется написать, что смерть произошла по естественной причине.

— Подождите! — выкрикнул Луэйн. — Вы не можете так написать в рапорте.

— Почему это?

— Потому что я не получу премию за Убийство.

— Я записываю лишь то, что вижу, — возразил Учетчик, держа в зубах огрызок карандаша.

Луэйн сунул пистолет в кобуру. Его рука полезла в карман и вытащила оттуда другое могущественное оружие — деньги. Учетчик жадно посмотрел на них — и покачал головой.

— Я не могу написать, что ты его убил. Крови нет. Меня об этом могут спросить, и тогда неприятностей не оберешься.

— О крови я позабочусь, — сказал Луэйн, вытаскивая «уайд-ли» и целясь в Хэрриса. — Он все равно ничего не почувствует.

— Слишком поздно, — возразил Учетчик. — Появились свидетели.

Пожилый мужчина и крашеная блондинка, очевидно его жена,

в платье какого-то жутко яркого цвета уже стояли в нескольких футах от них и щелкали фотокамерами, снимая сначала труп, потом Луэйна с Учетчиком, а потом друг друга.

— Туристы, — сказал Учетчик. — Так надоели, но что бы мы без них делали?

Луэйн злобно смотрел им вслед, пока они не скрылись за углом. Тогда он насильно засунул несколько банкнот в руку Учетчика.

— Пишите что угодно, только не позорьте меня.

Учетчик кивнул, положил деньги в карман, на минуту задумался и написал: «Умер от перелома позвоночника, который получил, пытаясь спастись от неминуемой смерти от руки своего Охотника, мистера Луэйна Добрея».

Ничего особенного, но этого было достаточно, чтобы Луэйн получил стандартное подтверждение успешной Охоты. И причитающуюся награду он тоже получит.

Домой Луэйн вернулся полностью разбитый, чувствуя отвращение к самому себе. Джекинс куда-то ушла. Он сидел в полутемной гостиной и предавался мрачным раздумьям. Как же он мог не попасть ни разу из четырнадцати выстрелов?

Он включил телевизор, чтобы посмотреть «Новости Охоты». Гордон Филакис, ведущий «Охотничьего шоу», как раз делал обзор сегодняшних Убийств. Дойдя до Луэйна, он сказал: «Лишь потому, что Жертва поскользнулась, никто не заметил, как поскользнулся Луэйн Добрей. Может, в следующий раз Жертва не будет такой услужливой».

Со стороны Филакиса это была огромная подлость, и Луэйн раздраженно выключил телевизор. Черт возьми, просто ему не повезло. Луэйн решил, что своей следующей Охотой он докажет, чего стоит. В следующий раз его Убийство будет отличаться изысканным стилем. Он рассчитает все до мелочей и не совершит ни малейшей ошибки. Наймет самого лучшего Наводчика. Проблема лишь в том, чтобы найти подходящую Жертву.

Глава 22

Испытания для Охотников проводились ежедневно с девяти до четырех в отделении Охотничьей академии, невысоком бетонном здании. Нора настояла, чтобы проводить Хэрольда до самой двери.

— Слушай, Хэрольд, — сказала она, — ты уверен, что тебе этого действительно хочется? Если ты пройдешь испытания, ты — Охотник, и обратного пути нет. Через несколько дней компьютер при-

шлет тебе имя твоего первого противника. Тебе не разрешат покинуть остров, пока ты его не убьешь, или он... сам знаешь.

— Я все знаю, Нора, — ответил Хэрольд. — Я приехал сюда, чтобы охотиться и зарабатывать деньги, и именно этим собираюсь заняться.

— У меня тут есть несколько друзей. Я уверена, что мне удастся найти тебе место бармена. Здесь дают неплохие чаевые. У тебя получится.

Хэрольд покачал головой.

— Не для того я столько сюда добирался, чтобы работать в баре.

— Я не хочу, чтобы тебя убили!

Она бросилась к нему на шею. В ее голубых глазах блеснули слезы. Он обнял девушку, а затем сделал шаг назад.

— Лучше жди меня дома. Когда все закончится, я сразу же вернусь. Сегодня мы идем на прием.

— На какой прием?

— Альбани сказал, Охотничий бал. Якобы очень-очень интересное мероприятие.

— Охотничий бал? Это же самое главное торжество года! О Хэрольд, как здорово! Но ведь мне нечего надеть.

— Что-нибудь найдешь. Увидимся позже.

Нежно поцеловав девушку, Хэрольд зашел в здание.

Чиновник по имени Бакстер помог ему заполнить анкеты. Бакстер, огромный пузатый мужчина, казалось, вот-вот был готов родить арбуз. У него были черные кучерявые волосы, а на носу поблескивали узкие очки. Когда Хэрольд закончил писать, он провел его через двери с надписью «Испытания Охотников» и дальше по коридору до большой комнаты, залитой флюоресцентным светом ламп, висевших на потолке. В дальнем конце комнаты виднелась ярко окрашенная дверь с надписью «Вход в аттракционы».

— Тебе туда, — показал Бакстер. — Проходи через дверь и иди по коридору. Двигаться можно только в одном направлении, ты не заблудишься. Но как только туда зайдешь, возвращаться уже нельзя.

— А что я там должен делать?

— Что угодно, лишь бы защититься. Тебе понадобится вот это. — Он снял с полки кувалду с длинной ручкой и протянул Хэрольду. — Я встречу тебя возле выхода, если с тобой, разумеется, ничего не случится.

Хэрольд кивнул, взвесил в руке кувалду и посмотрел на дверь.

— А что там такое?

— Сам увидишь. Больше мне ничего нельзя тебе говорить.

— И это единственное оружие, которым мне можно пользоваться?

— Да.

— А когда я получу задаток?

— Сразу же после испытаний. Если ты окажешься раненым, но не настолько, чтобы тебя нельзя было поставить на ноги, тебе оплатят лечение. Если ты погибнешь, деньги перейдут лицу, которое ты указал в анкете как наследника.

Своей наследницей Хэрольд назначил Нору.

— Как часто люди погибают во время испытаний? — поинтересовался он.

— По мере необходимости, — ответил мистер Бакстер.

— Простите, не понял?

— Я имею в виду, как это надо статистике. Мы не рассматриваем отдельные испытания.

— Тогда что вы имеете в виду под статистикой?

— Тебе следовало бы прочитать нашу брошюру, — сказал мистер Бакстер. — Совет Охотничьего Мира устанавливает количество Охотников и Жертв, которые могут одновременно противостоять друг другу в нашем городе. Если позволить охотиться в одно и то же время большому количеству людей, начнется хаос. Поэтому, меняя степень сложности испытаний, мы контролируем количество игроков в зависимости от увеличения или уменьшения спроса на Охотников.

— Вроде бы понял, — сказал Хэрольд. — А какая степень сложности сейчас?

— Ноль семьсот двадцать пять тысячных.

— Высокий уровень?

— Не такой, как три года назад.

— Это хорошо.

— Но выше, чем в любом другом году с тех пор. Кстати, тебя будут записывать на видеопленку. Если все пройдет хорошо, увидишь свое представление в сегодняшнем выпуске вечерних новостей. А теперь — вперед.

Хэрольд вошел в комнату аттракционов.

Постоял немного в проходе, чтобы глаза привыкли к темноте. Дверь с лязгом закрылась за ним. Он прислонился к ней спиной. Она запиралась автоматически. Так он и предполагал.

Откуда-то с потолка доносилось жужжание видеокамеры. Стены слабо светились в темноте. Коридор тянулся еще футов на десять, а потом резко поворачивал влево. Послышался чей-то хохот. Это был записанный смех.

Он пошел вперед, крепко сжимая кувалду. Почему ему дали именно ее?

Откуда-то сверху за его спиной послышалось хлопанье крыльев, и Хэрольд развернулся на месте, инстинктивно втянув голову в плечи. Мимо него пролетело какое-то существо с короткими широкими крыльями и длинным клювом. Оно сделало круг и снова приготовилось к атаке. Он успел заметить, что это какая-то механическая птица с красными мигающими глазами, стальным клювом и когтями. Хищная, но неповоротливая. Он сбил ее кувалдой и растоптал. Было слышно, как хрустят сломанные детали.

Он пошел дальше по коридору. И сразу же услышал какое-то влажное сопение, доносившееся из темноты. Похоже на медведя, но этого не могло быть, так как медведи остались разве что в зоопарке. Еще одна механическая игрушка, подумал Хэрольд.

Повернув за угол, он увидел какую-то тварь с телом козы, головой льва и змеиным хвостом. Только потом он узнал, что это была реконструкция сказочной химеры из древнегреческих мифов.

С химерой справиться было гораздо сложнее, чем с птицей. Ее компьютерный мозг, казалось, был рассчитан на большее количество движений. Уклоняясь от ударов, она бросилась на Хэрольда, изрыгая пламя. Хэрольд отступал, предчувствуя, что следует ожидать новых сюрпризов. Долго ждать не пришлось. С другой стороны появился огромный скорпион, похожий на тех, которых когда-то изображали в японских фантастических фильмах.

Хэрольд подобрался к скорпиону сбоку и ударил по нему кувалдой, но не так сильно, чтобы уничтожить, а чтобы развернуть его в сторону химеры. Две огромные игрушки набросились друг на друга, а Хэрольд, обойдя их, пошел дальше по коридору.

Потом на него напали какие-то крысopodobные твари и летучие мыши. Они были очень неприятные; с ними он справился без труда. Так он пробирался между всякими созданиями, которым иногда все-таки удавалось его укусить, и в конце концов миновал их без потерь для своего здоровья.

Теперь Хэрольд почувствовал себя увереннее. Может, даже слишком уверенно. Потому что чуть не угодил в следующую ловушку. Прямо перед ним с потолка спустился робот, с головы до ног одетый в черное. Хэрольд попятился — и чуть не лишился головы, когда тот принялся размахивать широким мечом. Тогда он пришел в себя и замахнулся кувалдой. Ему удалось зацепить конец меча и развернуть робота к стене. Не успел тот повернуться обратно, как Хэрольд разбил его на куски.

Повернув в следующий, уже освещенный коридор, он был готов к любым неожиданностям. Но впереди засиял солнечный свет. Все кончилось, и он увидел мистера Бакстера, который что-то записывал в тетрадь.

— Ну как я?
 — Не так уж и плохо. Но испытания были легкими. В этом году требования что-то сильно занижены.

— Тогда зачем вы пугали меня с самого начала?

— Чтобы проверить твои нервы. Мы хотели, чтобы у тебя даже в мыслях не было выйти из игры, раз уж ты решил стать Охотником.

— А что, и такое бывает?

— Конечно. Кое-кто считает, что можно быстро пройти испытания, получить деньги и тут же смыться.

— А что же им мешает это сделать?

— Наша полиция, что же еще? Никто, вступив в игру, не покидает Эсмеральду, не выполнив всех обязательств.

Они вернулись в приемную, где Хэрольду выдали пластиковый значок-свидетельство, который следовало носить не снимая и который придавал ему статус полноправного Охотника. Хэрольду объяснили, что ему следует ждать извещения о своей первой Жертве. Он получит его на этой неделе, если компьютер не будет слишком загружен.

Мистер Бакстер предложил ему для начала «люгер П-38», но Хэрольд от пистолета отказался. Ему хватало собственного «смит-энд-вессона». Он был ему по руке, и Хэрольд к нему привык.

Кроме того, он получил чек на две тысячи долларов. Как только он его подписал, мистер Бакстер сразу же обменял его на двадцать хрустящих стодолларовых банкнот. Выйдя из здания испытаний, Хэрольд направился на почту. Там он телеграфом отослал тысячу долларов Калебу Отту из Кин-Уэлли, штат Нью-Йорк, и вернулся домой, чтобы вместе с Норой собраться на прием.

Глава 23

Альбани встретился с Охотником Джеффрисом в табачной лавке города, недалеко от здания суда. Джеффрис выглядел более взволнованным, чем обычно. Это означало, что он готов действовать.

— Мои информаторы сообщают, что ваша Жертва проходит тут каждый день, — сказал Альбани. — Он всегда обедает в одном и том же месте. Вон там, на той стороне улицы, — «Алама Чили Хаус». Он утверждает, что может есть только их блюда.

— А чем там кормят?

— Бобами с острым соусом и непрожаренной говядиной.

— То есть он специально заказывает себе такую гадость?

— Он из Техаса, — сказал Альбани. — А техасцы — народ

особый, они не могут долго обходиться без привычной для них кухни.

— И как же мне с ним встретиться?

— Вообще-то он парень не промах, — сказал Альбани. — Пообедав, он выходит из «Аламо» — всегда с зубочисткой во рту, — проходит квартал и заглядывает выпить пива в бар «Лонгборн», что в конце улицы.

— А какой сорт он предпочитает?

— Разве это имеет какое-то значение?

— Возможно, это поможет мне понять его характер.

— Импортное пиво «Судетский Пльзень».

— Ага, тогда он действительно парень сообразительный, а не такой простак, как может показаться с первого взгляда. Это очень важно. Запомните, Альбани. Ну и какой у вас план?

— Выпив пива, ваша Жертва возвращается в гостиницу. На нем, как всегда, солнцезащитные очки, благодаря которым он видит, что происходит сзади.

— Плохо, — огорчился Джеффрис.

— Нет, хорошо. Он считает, что очки гарантируют ему полную безопасность. Я обнаружил, что, дойдя до перекрестка Нортрап и Молл, именно там, где надо поворачивать на Сэджуик, он оказывается возле участка, который не попадает в поле его зрения. Днем там такая игра света.

— И большой этот участок?

— Достаточный, чтобы вы на нем уместились, мистер Джеффрис. Вы будете у него за спиной и немного слева. Пистолет он носит с правой стороны. Пройдет он в десяти футах от вас. Стрелять будет очень легко.

— Звучит неплохо, — согласился Джеффрис. — А какое у него оружие?

— Кольт «магнум 357» под мышкой и «Х энд Р» пяти с половиной дюймов модели 6Бб в сапоге.

— Мощная штука.

— У него не будет возможности ее использовать.

— Вы уверены насчет этого участка?

— Конечно! Там на тротуаре я сделал пометку мелом. Становитесь на нее, и, проходя мимо, он вас не заметит.

— Звучит неплохо, — снова сказал Джеффрис. — Действительно неплохо. Думаю, на этот раз все получится как надо. — Он проверил патронник своего пистолета «моссберг абилен магнум» 44-го калибра. — Я готов.

— Подождите, пока он выйдет из «Аламо». Ну, с богом!

Джеффрис пригладил волосы, положил «моссберг» в карман и вышел на улицу. Завернув за угол, он занял боевую позицию на

указанном месте. Жертва в ковбойской шляпе и сапогах с высокими каблуками, которые отличали этого человека среди других прохожих, вышла из «Аламо», как и предполагалось, повернула налево и зашагала по улице. Завернула за угол. Джеффрис пропустил ее вперед и поднял пистолет.

В этот момент тротуар под ним взорвался.

Альбани со всех ног бросился к месту происшествия. Он не мог поверить в случившееся. Что произошло? На тротуаре лежал Джеффрис, вернее, то, что от него осталось, размазанное по асфальту. Жертва вытащила из кармана длинную тонкую сигару, откусила кончик и прикурила. Раздался звук сирены. Рядом с ними затормозила машина официальной «Службы учета Убийств», из которой вылез Учетчик.

— Ваше имя? — обратился он к Жертве.

— Текс Драз.

— Тут у вас прямо море крови, — сказал Учетчик. — Что вы использовали?

— Противопехотную мину под асфальтом.

Альбани приблизился.

— Такие вещи не разрешаются. Есть специальный запрет правительства на использование случайных способов Убийства.

— Эта мина никогда бы случайно не взорвалась, — возразил Драз. — Она была запрограммирована на вес именно этого Охотника.

— Никогда про такое не слышал, — признался Учетчик.

— Эту штуку приготовили для меня мои друзья из Вако. Только что она прошла полевые испытания. Мне кажется, она будет пользоваться здесь спросом — как вы считаете?

— Я протестую! — выкрикнул Альбани.

Учетчик покачал головой.

— Мне кажется, что все было законно. Вы были Наводчиком этого парня? — Он указал на мокрое пятно на асфальте.

— Что? Я, так сказать, являлся его советником, — сказал Альбани. — Предупреждал его, что этот план никуда не годится, так нет же — он все-таки сделал так, как ему хотелось. Я не могу нести за него ответственность.

— Разберетесь в Судейской коллегии, — сказал Учетчик. — Мое заключение: это Убийство вполне законно.

Альбани поспешил уйти. Никогда в жизни ему еще не было так горько. Он ненавидел сброд, наводнивший Охотничий Мир всякими нововведениями, от которых менялась сама суть Охоты. Надо что-то с этим делать. Теперь ему придется заплатить еще один штраф. Ну и денек сегодня выпал! Слава богу, сегодня вечером Охотничий бал. Альбани решил напиться и забыть про все несчастья.

Глава 24

Нора слушала рассказ про испытания и радовалась за Хэрольда. Было приятно, что ее земляку так повезло. И деньги тоже не лишние. Хэрольд заставил ее вытащить из пачки двести долларов и взять их себе.

— Положи в банк под проценты, — посоветовал он. — Не волнуйся, это не последние деньги, заработанные таким путем. После первого Убийства я снова получу вознаграждение.

— Зарабатывать деньги таким образом — рискованное дело, — возразила Нора.

— Наоборот, это очень легко. Конечно, все это может разом прекратиться, если не повезет. И все равно это гораздо лучше, чем сидеть дома. Слушай, Нора, я неплохо поработал и хочу это отпраздновать. Ну как, идем на Охотничий бал?

— Минутку, я только переоденусь.

Переодевание, естественно, продлилось гораздо дольше, но, когда Нора вышла из спальни, ее трудно было узнать в белом вечернем платье с синтетическим мехом на плечах и с аккуратной прической.

— Как я выгляжу?

— Просто чудесно, леди, — ответил Хэрольд. — Кстати, что такое Охотничий бал?

— Это одно из самых главных событий года на Эсмеральде. После Охотничьего бала начинаются Сатурналии.

— Что ж, всегда интересно сходить на вечеринку.

— Тем более на такую. Там подаются чудесные блюда, любые напитки, все наркотики, которые только известны человеку.

— Я к ним не очень-то и привык. Иногда, правда, покуриваю травку.

— Тебя никто не заставляет это делать. Я просто рассказываю, что там будет.

— Выбор достаточно богатый. Может, мне нужна новая одежда?

Хотя его шерстяной костюм почистили и выгладили, вид у него все равно был жалкий.

— У меня тут остались вещи Джонсона, — вспомнила Нора. — Он был немного ниже тебя, но шире в плечах. Рубашки и пиджаки должны подойти. И, может, мне удастся удлинить брюки.

— Черт возьми, разве я не могу купить себе новый костюм?

— Побереги деньги, Хэрольд Эрдман, — насмешливо сказала Нора. — Тебе еще понадобятся оружие и Наводчик.

— Я тут столько всяких удивительных пистолетов видел, но все равно мой старый «смит-энд-вессон» для меня лучше всех.

А что касается Наводчика, познакомился я тут с одним по имени Альбани. По его словам, очень хороший Наводчик. Кажется, он без работы. Поэтому, может, и возьмет недорого.

Охотничий бал проводился во дворце мэра, который примыкал к Охотничьей академии. Слуги в униформе указывали прибывающим гостям места на автостоянке и открывали дверцы такси. Многочисленные окна дворца были ярко освещены. Хэрольд чувствовал себя немного неловко в белом смокинге Джонсона, но его массивная фигура все равно производила впечатление.

Они вышли из такси и вошли во дворец.

Нора тут многих знала и скоро уже весело болтала с друзьями. Хэрольд слонялся по залу один, проклиная неудобный смокинг, однако его настроение от этого не испортилось. К нему приблизился официант с бокалами на подносе и предложил выпить. Хэрольд взял бокал с жидкостью зеленого цвета. На вкус она отличалась от мятного коктейля. Потом он узнал, что это был «Зеленый дьявол» — смесь кокосового и ананасового соков с новым испанским амфетамином, который имел вкус корицы. Наркотические вещества сразу стали действовать, и если у Хэрольда сначала было просто хорошее настроение, то теперь он чувствовал себя просто прекрасно.

Повсюду толпились хорошо одетые люди, играли оркестры, работали буфеты, нескончаемым потоком сновали официанты с полными диковинных напитков подносами. Взяв еще один «Зеленый дьявол», Хэрольд заворуженно наблюдал, как отражается от женских плеч свет хрустальных люстр. Он прислушивался к журчанию чужой речи и почти ничего не понимал. Ему казалось, что здесь у людей какая-то странная манера говорить.

Внезапно он обнаружил, что разговаривает с какой-то очень красивой девушкой с копной черных блестящих волос. На ней было красное платье, плотно облегавшее фигуру и оставлявшее открытыми великолепные плечи и большую часть упругих грудей. Ее звали Джекинс.

— Охота — спасательный клапан всего мира, — говорила она. — Нереализованные импульсы все равно выйдут на поверхность, но уже в худшем варианте. Этого психологического закона достаточно, чтобы оправдать существование Охотничьего Мира.

— Именно так я и думал, — кивнул Хэрольд.

— Не прикидывайся дураком, — весело рассмеялась девушка. — Хорошо известно, что та группа эмоций, которые мы обозначаем словами «Охота», «Убийство», «Защита» и так далее, требует постоянной стимуляции, необходимой для здоровой личной и общественной жизни. Это известно каждому.

— О да. Конечно, — согласился Хэрольд.

— Очевидно, — продолжала девушка, — что эмоции современного человека атрофировались. На протяжении столетий Охота заменяла людям борьбу друг с другом. И вот население стало возрастать, увеличились размеры урбанистических центров и число их жителей. Всех животных уничтожили. А потом прекратились войны, и человек потерял возможность всякого насилия. Этот вакуум и заполнил Охотничий Мир.

— Невероятно! — воскликнул Хэрольд. — Где ты всего этого набралась?

— В Беннингтоне.

— Там, наверное, действительно хорошо учат.

Вечер был в самом разгаре. В воздухе висел голубовато-желтый дым от наркотиков. Из гигантских колонок ревели оглушительная музыка, от которой у Хэрольда вибрировали кости. Жители Эсмеральды оценивали приемы по количеству производимого шума и тому, насколько удачно присутствующие корчили из себя идиотов.

Хэрольд никогда не стал бы здесь победителем. Он никогда не напивался, а наркотики ему вообще не нравились. И хоть у него все уже плыло перед глазами, он не терял контроля над собой. Ему приходилось низко склоняться к Джекинс, чтобы слышать ее слова. Его ухо почти касалось ее накрашенных губ. Он чувствовал прикосновение ее упругих грудей, когда ее нечаянно толкали проходившие мимо.

Внезапно кто-то потянул ее за руку, и Хэрольд увидел мужчину лет тридцати. Это был худошавый блондин с серыми глазами и нервным привлекательным лицом.

— Джекинс, — сказал он, — если ты уже закончила облизывать ухо этого человека — или что ты там с ним делала, — Том и Мэнди заказали для нас столик на втором этаже.

— Я как раз излагала ему некоторые теории Охоты, — сказала Джекинс. — Хэрольд, это мой друг Луэйн.

— Рад познакомиться, — протянул руку Хэрольд.

Луэйн посмотрел на нее, как на скользкую лягушку, и смерил Хэрольда взглядом с головы до ног.

— Если вы уже закончили тереться о Джекинс, то мы пойдем, позволив вам снова утонуть в своей анонимности, которой вы, несомненно, заслуживаете.

Хэрольд смотрел на него и не мог понять, понравилось ему это или, наоборот, рассердило. И выбрал нечто среднее.

— Слушай ты, ублюдок! По крайней мере, я считал бы тебя таковым, если бы не знал про общеизвестное гостеприимство жителей Эсмеральды. И никогда бы не понял, что ты пошутил. Если

бы кто-то сказал мне такое серьезно, мне пришлось бы бить его до тех пор, пока он не сменил бы тон.

Произнеся эту тираду, Хэрольд широко улыбнулся, но испортил все впечатление, потеряв равновесие и упав на официанта, который расплескал все свои напитки. Луэйн схватил Хэрольда за руку и помог подняться.

— Было очень приятно с вами познакомиться, — сказал он. — Все в шутку, значит? Смотрите больше не падайте. Пойдем, Джекинс.

Послав Хэрольду воздушный поцелуй, девушка пошла за Луэйном. Почесав затылок, Хэрольд отправился искать Нору.

Глава 25

— Похоже, Хэрольд тебе не понравился, — сказала Джекинс.

Они ушли с бала и теперь лакомились устрицами с пивом в одном из баров на набережной.

— С чего ты взяла? Наоборот, он мне очень понравился. Он подходит как нельзя лучше.

— Для чего? — удивилась Джекинс.

— Из него получится великолепная Жертва. Его неповоротливость просто радует меня.

Джекинс задумалась.

— Он мне кажется немного... наивным. Он только что прошел испытания и получил значок Охотника. Ты знал об этом?

— Интересно, — задумчиво произнес Луэйн. — Он действительно может стать чудесной мишенью. Кстати, я опять записался на участие в Охоте.

— Так ты же недавно охотился?

— Но в этот раз у меня не вышло эффективной Охоты. Я должен доказать раз и навсегда, что я еще не растерял былую форму.

— Представляешь, как было бы забавно, если бы компьютер выбрал тебе в соперники именно Хэрольда?

— Да, действительно. Ничего лучшего я бы и не пожелал.

— Хотя вряд ли такое может случиться.

Луэйн кивнул, и разговор перешел на другие темы. Но он никак не мог отделаться от мысли, что он охотится на Хэрольда. Большая и крупная цель. Это хорошо, ведь Луэйн при стрельбе всегда брал немного вверх.

Глава 26

На следующий день с самого утра Луэйн поехал искать дядю Эзру. Он взял свою городскую машину — «Бьюик Трицератопс» с бронированным стеклом, специальными непробиваемыми ши-

нами, мягкой эластичной обивкой салона на случай аварии и оборудованием для подачи кислорода на случай газовой атаки. Машины на Эсмеральде делали очень функциональными. К тому же у «Бьюика» был V-образный двадцатичетырехцилиндровый двигатель мощностью в две тысячи лошадиных сил. Потому что только сильный мотор мог сдвинуть с места машину с броней толщиной в дюйм.

Конечно, иметь такую машину сплошная морока — одного только бензина сколько расходует, — но в таком месте, как Охотничий Мир, без нее не обойтись. Всегда найдется какой-нибудь идиот, который не удержится и бросит под колеса ручную гранату.

Существовала еще одна причина иметь бронированный автомобиль — в Эсмеральде люди ездили на огромной скорости, не имея навыков вождения и пренебрегая правилами. Отсюда и бесконечные аварии. Страхование же полностью отсутствовало, потому что даже фирма «Ллойд» в Лондоне отказалась страховать Охотничий Мир со всеми его учреждениями.

И, наконец, существовала кошмарная вероятность столкновения с водителем, наказанным «Отчаянной ездой».

Луэйн оказался в бесконечной пробке, которые всегда возникали возле Министерства Охоты. Его остроносый обтекаемый «Бьюик» позволял ему протиснуться между другими, не такими маневренными машинами. Это сопровождалось скрежетом металла, который страшно действовал на нервы, но в звукопроницаемой кабине почти ничего не было слышно.

Остановив машину в безопасном месте возле пожарного гидранта, где уже стояли впритык два автомобиля, он бегом поднялся по мраморным ступеням Министерства Охоты, пугая голубей, и даже не заметил, как раздавил ногой бутерброд с арахисовым маслом и вареньем, который бросила птицам маленькая девочка.

Какой-то чиновник сообщил, что дяди Эзры на месте нет. Скорее всего он в Колизее, где наблюдает за подготовкой праздничных боев.

Луэйн снова сел в машину и помчался к Колизею. Дорогой, скорее случайно, чем намеренно, он сбил калеку в инвалидной коляске с газовым моторчиком, когда у того своевременно не сработал тормоз. Это дало Луэйну сто дополнительных очков, чтобы стать Лучшим водителем года, и, хотя он страшно спешил к дяде, все же остановился и дождался появления дорожного Учетчика, который засвидетельствовал Убийство.

И только тогда Луэйн поехал дальше. Пустячный случай поднял ему настроение. Может, судьба снова повернется к нему лицом. Удалось бы только уговорить дядю Эзру оказать ему одну маленькую услугу.

Глава 27

Луэйн остановил машину возле восточных ворот Колизея и пошел внутрь. Гигантский амфитеатр напоминал настоящий Колизей в Риме. Он прошел под аркой внешней четырехэтажной стены с коринфскими колоннами и вышел на арену.

Круто вверх поднимались зрительские ряды. Рабочие деловито приделывали над ними навесы, которые защитят присутствующих от жаркого эсмеральдского солнца. На арене творилось нечто невообразимое. Все смешалось — осветители, звуко- и телеоператоры, актеры, агенты, черные электрические кабели и незаконченные декорации. Еще больше суматохи возникало из-за мальчишек-разносчиков, которые крутились под ногами, предлагая бутерброды и напитки.

На арене Луэйн увидел дядю Эзру. Это был лысый мужчина невысокого роста с кустиками седых волос над ушами. Краснощекий, с орлиным носом и косматыми, как у мопса, бровями. Он сидел перед столом, заваленным ксерокопиями и планами, на которые, чтобы не разлетелись, были положены два револьвера.

Дядя Эзра был одним из Старейшин Охотничьего Мира. Своего положения он достиг благодаря куче денег, заработанных в Лондоне и Париже на торговле, которые, отойдя от дел, он полностью вложил в Охотничий Мир. Теперь он был одним из тех, кто определял его политику. В данное время он увлеченно работал над подготовкой Великой Расплаты. Она должна была состояться в конце недели и ознаменовать начало Сатурналий.

Сатурналии были самым главным праздником года на Эсмеральде. Как Марди Гра и карнавалы в других местах, Сатурналии сопровождалась песнями и всеобщей пьянкой. По улицам двигались помосты с полуголыми девушками, которые повсюду разбрасывали цветы. В ресторанах подавались удивительнейшие блюда, которые можно отведать лишь во время Сатурналий — в остальное время года они были запрещены, дабы сделать Сатурналии действительно особым праздником.

Одной из обязанностей дяди Эзры как Старейшины была постановка разнообразных шоу на арене — дуэлей, рукопашных схваток, поединков не на жизнь, а на смерть и, разумеется, популярных спектаклей клоунов-самоубийц.

Эсмеральдские игры перещеголяли даже древнеримские бои гладиаторов, которые являлись образцом вульгарного и бессмысленного кровопролития. У древних римлян отсутствовали двигатели внутреннего сгорания, и поэтому они были не в состоянии организовать действительно интересные бои на колесах. И ради

такого зрелища, как столкновения боевых колесниц на огромной скорости, можно было бросить все и бежать смотреть.

В отличие от древнеримских гладиаторских боев, в эсмеральдском амфитеатре не использовали зверей. Никому не хотелось видеть, как убивают животных. Их и так было слишком мало, даже в зоопарках. А вот кого всем хотелось видеть мертвыми, так это тех двуногих млекопитающих с развитым мозгом, которые довели мир до его теперешнего состояния.

Ежегодное зрелище должно было напоминать предыдущее, однако с некоторыми отличиями, так чтобы тех, кто их придумывал, нельзя было обвинить в отсутствии фантазии. Эзра тратил много времени на консультации с декораторами смерти, референтами по авариям, продавцами сценариев наименее популярных убийств и так далее.

Кульминацией всей этой кропотливой работы должна стать Великая Расплата. Пара Охотников, выбранных среди участников Охот, происходивших в данное время на Эсмеральде, должна завершить свой поединок в Колизее на глазах многотысячной толпы. Это и есть самое главное событие Игр, и никто не знал, какие условия и оружие выберут на этот раз.

Луэйну всегда хотелось выступить в Великой Расплате. Выиграешь или проиграешь — в любом случае это самый короткий путь к бессмертию. Но дядя Эзра не имел ни малейшего отношения к подбору кандидатов. Постановкой Великой Расплаты всегда занималось телевидение Охотничьего Мира, и выбор делал любитель публики конферансье Гордон Филакис.

— Как хорошо, что я тебя встретил, дядя Эзра, — поздоровался Луэйн.

— А, Луэйн, я тоже рад тебя видеть. Вчера просмотрел запись твоего последнего Убийства в ночных «Охотничьих новостях». Очень смешно, вынужден признаться.

— Я бы не сказал.

— А зря. Ты ведь не можешь не согласиться, что на самом деле смешно, что твоя Жертва грохнулась на мусорный бак, а ты перебил все стекла в округе.

— Слушай, может, мы поговорим на другую тему?

— Конечно, мой мальчик. О чем?

— Я собираюсь начать новую Охоту.

— Прекрасная идея. А ты не считаешь, что для начала тебе следовало бы закончить курсы повышения охотничьей квалификации?

— Я стреляю не хуже, чем всегда, — возразил Луэйн. — Просто мне все время не везет.

— Такое с каждым может случиться. Пройдет.

— Я хочу исправиться.

— Прекрасное отношение к делу.

— Мне понадобится твоя помощь.

Эзра внимательно посмотрел на племянника.

— Если дело в том, чтобы организовать чью-то смерть, то я в прошлый раз предупреждал тебя, чтобы ты больше меня об этом не просил.

— Мне надо кое-что другое, — сказал Луэйн. — Я и сам могу убить кого угодно, так что в этом смысле мне помогать не надо, спасибо.

— Тогда в чем дело?

— Может, ты согласишься со мной, что для хорошего поединка нужен хороший соперник? Так в давние времена говорили испанские тореадоры.

— Уверен, что в этом есть здравый смысл. Но какое отношение к этому имею я? Если ты думаешь, что я могу устроить тебе поединок с быком...

— Нет, — перебил его Луэйн. — Мне нужна от тебя одна пустяковая услуга. В городе есть парень по имени Хэрольд Эрдман. Вот-вот должна состояться его первая Охота. Я хочу выступить в паре с ним.

— Это противоречит правилам, — произнес дядя Эзра.

— Но не их идее.

— А как ты можешь различить такие тонкости?

— Идея требует хорошего поединка. Если ты мне поможешь, гарантирую — поединок будет отличный.

— А что с тем парнем? Нога у него сломана или что?

— Нет-нет, он абсолютно здоров. Но он новичок. Это будет его первая Охота. Он еще заторможенный и неповоротливый. И, наоборот, не очень сообразительный.

— Считай, что мы договорились. И где ты только таких берешь? Из него выйдет прекрасная Жертва.

— В этот раз пускай он охотится на меня. Он же не будет знать, что мне уже все известно.

— Это даст тебе существенное преимущество, — возразил Эзра.

— Верно, но я это делаю не ради себя, а во имя шоу-бизнеса и сохранения чести нашей семьи, чтобы люди не смеялись, глядя на мои Убийства.

— Не люблю нарушать правила, однако действительно мы не можем позволять над нами смеяться, даже если в твоём последнем Убийстве и было над чем посмеяться.

— Так ты сделаешь это для меня, дядя?

Дядя Эзра подмигнул.

— Посмотрим. А теперь мотай отсюда. Я занят.

Глава 28

Через несколько дней Хэрольд, прогуливаясь по городу, вышел к базару под открытым небом, который раскинулся возле порта у старой рагуши. Это было живописное место; всюду на прилавках лежали горы одежды, разнообразных продуктов питания, под покрашенным в бело-розовые полосы ржавым навесом продавали цветы. Выставленные тут товары привозили со всего света, а некоторые даже импортировали из колонии на Марсе.

У Хэрольда было прекрасное настроение. На деньги, оставшиеся от охотничьего аванса, он купил себе кое-что из одежды, запасные патроны к «смит-энд-вессону» и снял небольшую меблированную квартиру в Старом квартале, недалеко от дома Норы.

Подойдя к навесу с цветами, он заметил девушку, с которой познакомился на Охотничьем балу. Ее звали Джекинс. Ей очень шло простое белое платье. Хэрольд в жизни не встречал такого экзотического создания с модно подстриженными черными волосами и чересчур яркими губами.

Джекинс поинтересовалась, чувствует ли он себя счастливым в Охотничьем Мире.

— Мне еще никогда не было так хорошо, как здесь, — кивнул Хэрольд.

— Ты, наверно, из тех, у кого нет никакой поддержки, — сказала Джекинс. — Я бы все возненавидела, если бы мне пришлось так жить. Но, слава богу, у меня богатая семья.

Отец Джекинс был владельцем разбросанной по всей стране сети мясных магазинов. Спрос на натуральное мясо был огромный, в Соединенных Штатах его всегда не хватало, поэтому бизнес приносил астрономические прибыли. Джекинс никогда не приходилось ломать свою хорошенькую головку над тем, где найти средства, чтобы позволить себе все свободное от учебы время путешествовать первым классом. И она была этому рада, потому что, если бы ей пришлось думать о деньгах, она не смогла бы оставаться такой веселой и красивой.

Хэрольд и Джекинс пообедали в одном из маленьких симпатичных кафе возле базара, а потом он предложил ей посмотреть свою новую квартиру. Это была обыкновенная однокомнатная квартира со всеми удобствами, стальными жалюзи на окнах и смонтированной в дверь системой сигнализации.

В почтовом ящике они обнаружили письмо. На нем стояла официальная печать Охотничьего Мира — два скрещенных револьвера на фоне мечей.

— Это уведомление об Охоте! — воскликнула Джекинс. — Как интересно!

Итак, первая Охота Хэрольда официально началась. Он разорвал конверт. Его первой Жертвой был человек по имени Луэйн Добрей.

Джекинс прочитала уведомление, и ее без того большие глаза расширились от удивления.

— Луэйн? Ты будешь соревноваться с Луэйном?

— Вот это совпадение! — сказал Хэрольд. — Он один из тех немногих, кого я здесь знаю. А теперь мне придется его убить... Впрочем, не так уж близко мы с ним знакомы.

Джекинс над чем-то задумалась и вскоре ушла. Ее мучила мысль, как из множества возможных комбинаций Охотников в Охотничьем Море первой Жертвой Хэрольда компьютер выбрал именно Луэйна. Она слышала, что существует около двадцати пяти тысяч или даже двадцати пяти миллионов возможных комбинаций Охотников и Жертв. В следующем году, когда она начнет изучать арифметику, она подсчитает вероятность такого совпадения.

Глава 29

Раздалась трель дверного звонка. Тереза пошла открывать.

— Кто там? — крикнул из комнаты Альбани.

— Говорит, что его зовут Хэрольд.

Развалившись в шезлонге, Альбани листал страницы «Мировой энциклопедии в комиксах». Он любил сочетать полезное с приятным. Но тут он вскочил, потуже затянул пояс бежевого в разводах халата из шелка, расправил плечи, растянул губы в улыбке и поспешил к двери.

— Хэрольд! Рад тебя видеть. Заходи.

Он кивнул Терезе, что означало: «Принеси вина и пирожных», и провел Хэрольда в комнату.

— Неплохо проводишь время, а?

— Не жалуюсь, — неторопливо ответил Хэрольд своим самым приятным голосом.

— Будем надеяться, что так будет и дальше, — сказал Альбани, суеверно скрестив пальцы. — Садись, где тебе удобнее. Тебе повезло, что ты приехал именно сейчас. Во время Сатурналий тут действительно весело. Можно весь мир обойти, но лучшего места для смерти, чем Эсмеральда во время Сатурналий, не найдешь. Я не имею в виду, что ты умрешь, — просто так у нас обычно говорят. Ты уже получил уведомление об Охоте?

Кивнув, Хэрольд вытащил из кармана карточку. Альбани внимательно прочитал ее, и его лицо сразу же помрачнело.

— Луэйн? Тебе выпало состязаться с Луэйном? Вот это да!

— А что тут такого?

— Просто невероятно, чтобы противником человека, который здесь всего несколько дней, компьютер выбрал для первой Охоты одного из его немногих знакомых.

— Джекинс это тоже удивило, — сказал Хэрольд. — Но, черт возьми, ничего тут не поделаешь. Он так же, как и я, подписал обязательство убить или быть убитым. Нравится мне это или нет, но я вынужден охотиться на него. Честно говоря, мне бы хотелось покончить с этим как можно скорее, поэтому я и пришел к тебе, Майк. Будь моим Наводчиком.

Вошла Тереза, неся вино и пирожные с маком.

— Хэрольд просит, чтобы я помог ему охотиться, — сообщил Альбани.

— Лучшего Наводчика ему все равно не найти, — преданно ответила Тереза.

— Это действительно так, — кивнул Альбани. — Его противником будет Луэйн.

— Слышала про такого. Это тот, кто так неаккуратно работает?

— Очень небрежный Охотник, — согласился с ней Альбани. — В последней Охоте Жертва умерла потому, что случайно сломала себе шею.

— Я в этом пока ничего не понимаю, но в одном уверен совершенно — небрежностей я не допущу, — заявил Хэрольд.

— Главное, что ты счастливый. Впрочем, хотя Луэйн и небрежный Охотник, ему все время везет. Оказывается, это не такая уж и плохая комбинация.

Хэрольд пожал плечами.

— Думаю, что я тоже везучий.

— Посмотрим, — сказал Альбани и бросил выразительный взгляд на Терезу. Та тут же вышла из комнаты.

Мужчины неторопливо пили вино и ели пирожные. Наконец Альбани сказал:

— У меня сейчас довольно напряженный график, на носу Са-турналии, полно дел. Однако, думаю, смогу выкроить время и для тебя.

— Рад слышать. Думаю, мы сработаемся.

— Если бы ты только знал, как я на это надеюсь! Ну а теперь перейдем к самому главному. Я имею в виду мой гонорар.

— Тут есть небольшая проблема, — сказал Хэрольд.

— Какая еще проблема? Ты ведь только что получил вознаграждение, не так ли?

— Да, но я уже все истратил, и, пока не совершу первое Убийство, денег мне взять абсолютно негде.

— Проклятие! — воскликнул Альбани. — Так деловые люди не поступают, хотя это довольно типичный случай.

— Когда я прикончу Луэйна, я рассчитаюсь с тобой сполна. С процентами.

— Это делает тебе честь, — сказал Альбани. — Только ты хотел сказать «если» вместо «когда».

— Уверен, что с таким Наводчиком, как ты, мне нечего сомневаться.

Альбани сразу понял, что Хэрольд старается ему польстить. Но все равно ему это понравилось. Единственно, что ему не нравилось, — перспектива работать задаром. Но ведь работа на дороге не валяется, и, если у Хэрольда действительно получится хорошее Убийство, это поможет решить большую часть проблем.

— Ладно, — сказал он, — раз выбора нет, придется согласиться на твои условия.

— Я так и предполагал.

Альбани пожал ему руку и позвал Терезу.

— Унеси его бокал, — приказал он. — И принеси воды. С сегодняшнего дня у нас начинаются серьезные тренировки. Сначала мы выберем подходящее оружие, а потом как следует поупражняемся в стрельбе.

— А разве я не могу просто найти Луэйна и спокойно прикончить его?

— Не спеши, — остановил его Альбани. — Какая у тебя, однако, горячая кровь.

Глава 30

Альбани привел Хэрольда в государственный тренировочный центр, где все Охотники и Жертвы могли упражняться бесплатно. Там были баскетбольные и волейбольные площадки, плавательный бассейн и, разумеется, множество тренажеров.

Они прошли мимо узких фехтовальных дорожек, где мужчины дрались на рапирах и шпагах. У некоторых в руках были длинные кинжалы. Другие использовали разнообразные дубинки, булавы, топоры и другие орудия убийства. Еще дальше находились души и массажные кабинеты.

— А вот и учебный тир, — сказал Альбани.

— Не хотелось бы выглядеть наивным, — сказал Хэрольд, — но зачем им биться врукопашную? Просто ради спортивного интереса или для поддержания формы? Не представляю, как эти навики могут помочь спастись от огнестрельного оружия.

— Вот тут ты ошибаешься. Некоторые из наших самых выда-

ющихся Охотников вообще никогда его не используют. Они охотятся с голыми руками или с ножом.

— На вооруженного человека?

— У огнестрельного оружия есть свои недостатки, — объяснил Альбани. — Если ты не уложишь свою Жертву на месте с первого выстрела, то можешь оказаться в весьма незавидной ситуации. Раненый противник может представлять большую опасность, если он к тому же принял дозу берсеркиума.

— Чего?

— Берсеркиум относится к наркотикам локального действия. Многие принимают его перед Охотой. Его не чувствуешь, пока тебя не ранят или ты не окажешься в стрессовой ситуации. Наркотик начинает действовать от шока, стимулируя дополнительное выделение адреналина в кровь. Благодаря активизации берсеркиума человек способен с огромной силой ломать и крушить все на своем пути. Действие наркотика продолжается всего несколько минут, а потом ты словно выжатый лимон.

— А что представляет из себя Луэйн в рукопашном бою?

— У него несколько разрядов по кунг-фу, он умеет драться на ножах, дубинках, мечах и на чем-то еще. Иногда даже выступает в роли тренера.

— Вот это да!

Альбани принес с собой небольшой кожаный чемоданчик с медными уголками.

— Это тебе, — сказал он, открывая его. — Отдашь после Охоты.

Внутри на красном бархате лежал «ССК-45-70» с четырнадцатидюймовым стволом.

— Возьми, — велел Альбани. — Чувствуешь, как приятно держать его?

Тяжелый пистолет легко уместился в ладони Хэрольда. Это было действительно смертоносное оружие с отполированной вороненой поверхностью, украшенной инкрустацией. Хэрольд восторженно покрутил его в руках — и положил на место.

— Хорошая штука, — сказал он. — Но мой «смит-энд-вессон» все равно лучше.

На лице Альбани отразилось сомнение.

— Мне не хотелось бы плохо отзываться о твоём пистолете, но достаточно лишь раз взглянуть на него, чтобы понять, какой он старый. К тому же, судя по всему, за ним плохо следили. А если осечка или спусковой крючок откажет? Лучше уж взять «ССК».

— Может, я покажусь слишком упрямым, но на крючок нажимать мне, поэтому я имею полное право выбирать, на каком пистолете быть этому крючку.

— Да, с тобой не поспоришь. Что ж, сейчас посмотрим, насколько метко ты стреляешь.

Оказалось, что стреляет он неважно. И Хэрольд тренировался до тех пор, пока Альбани не остался им доволен. Когда они подошли к мишеням, выяснилось, что у Хэрольда на самом деле острый глаз и твердая рука. Первые пули попали далеко от «яблочка», но потом положение улучшилось.

— У тебя прекрасная реакция, — похвалил Альбани. — Со всем неплохо для первого раза.

— А как стреляет Луэйн?

— Когда в форме, очень хорошо. Так, как бы ты стрелял через несколько месяцев, а может, неделю.

— Но ведь у меня нет столько времени!

— У тебя его вообще нет. Лучше пойдем поговорим с моим другом и послушаем, что он посоветует.

Он провел Хэрольда через тир в небольшой кабинет, где сидел высокий, очень старый китаец с длинными тонкими усами, в шляпе с поднятыми полями, которая придавала ему сходство с Чарли Ченом из старинных кинофильмов. По маленькому монитору китаец наблюдал за тем, что творилось в зале.

— Мистер Чан, позвольте вам представить моего хорошего друга и клиента Хэрольда Эрдмана.

— Очень рад познакомиться, — ответил Чан с сильным британским акцентом. — Я видел твоего протезе на экране.

— Мистер Чан — самый главный специалист по Убийствам и выживанию. Если тебе кто-то и поможет, так это он.

— Оставь меня с мистером Эрдманом наедине, — попросил Чан.

Поклонившись, Наводчик вышел из кабинета. Когда они остались вдвоем, Чан предложил Хэрольду сесть и налил ему чай в чашку из тонкого фарфора.

— И как ты оцениваешь свои шансы?

— Я могу победить.

— А почему ты так уверен?

— Не знаю, — ответил Хэрольд. — Просто уверен, и все.

— А если я посоветую тебе как можно скорее сматываться отсюда, пока цел?

— Предложу вам посоветовать то же самое моему противнику.

— Тебе нравятся экстренные ситуации? — поинтересовался Чан.

Хэрольд кивнул.

— Да. Я немного нервничаю, но в нужный момент могу собраться.

— Учить тебя каким-нибудь боевым искусствам нет времени. Поэтому остается только одно. Слушай меня внимательно. В минуты опасности только неожиданные действия могут дать тебе преимущество.

— Я и раньше об этом знал.
— Самые глубокие истины всегда лежат на поверхности. Их не только следует знать, но и уметь использовать. Твоя Жертва Луэйн?

Хэрольд кивнул.

— Тогда советую тебе покончить с ним как можно быстрее. — Чан повернулся к двери: — Альбани!

Майк вошел в кабинет.

— Слушаю вас, мистер Чан.

— Парень хоть и неопытный, но у него холодное сердце. Чем быстрее пройдет его первая Охота, тем лучше. Не играй с Жертвой. Иди и убей ее как можно скорее. Больше я ничего не буду говорить. Удачи вам!

Они вышли. Собирая свои принадлежности, Альбани о чем-то напряженно размышлял.

— Что будем делать теперь? — прервал его раздумья Хэрольд.

— Сначала я узнаю, где находится Луэйн. А потом ты его убьешь.

— Так просто?

— Дай бог, чтобы так и случилось.

Глава 31

— Ну, как твой новый клиент? — спросила Тереза, когда Альбани вернулся из тренировочного центра.

Она взяла за правило интересоваться делами мужа, когда тот вечером возвращался домой, чтобы дать ему возможность немного похвастаться и приглушить угрызания совести, что он постоянно ставит под удар их жизни. Этой женской мудрости научила ее мать.

— Очень собранный человек, — ответил Альбани. — И твердо знает, чего хочет добиться.

— А как он стреляет?

Альбани слегка напрягся.

— У него острый глаз и рука не дрожит, когда он нажимает на спусковой крючок. Хотя опыта у него никакого. За полгода он стал бы лучшим стрелком в городе.

— У него быстрая реакция?

— Пока не очень. Но через некоторое время...

— Майк, — с растущей тревогой сказала Тереза, — но ведь у него нет времени. Он должен охотиться сейчас.

Альбани кивнул, подошел к холодильнику, взял банку пива и, сопя, направился в гостиную. Тереза поняла, что он от нее что-то утаивает.

Отложив вязание, она сказала:

— Ты нашел еще одного клиента-неудачника. Да или нет, Микеланджело?

— Совсем нет, Тереза. Парень просто создан для этого.

— Для чего?

— Каждый для чего-то рождается, — сказал Альбани. — Есть прирожденные художники и прирожденные автомеханики. Прирожденные лесорубы и прирожденные пловцы. Прирожденные Наводчики, как я. Вот что я имею в виду, когда говорю, что он для этого создан.

— Рожден быть Охотником?

— Даже больше, Тереза. Я больше чем уверен, что Хэрольд — прирожденный убийца.

— А разве не все Охотники — убийцы? — удивилась Тереза.

— Разумеется, всем им приходится убивать. Однако от этого они не становятся убийцами. Настоящими убийцами. Большинство из них играют, как дети, даже если у них настоящие пули. Пиф-паф — и ты мертвый. А вот Хэрольд... Нет, он не играет. Он серьезный молодой убийца и далеко пойдет. И это не только мое мнение. Чан наблюдал, как он стреляет. И увидел в нем потенциал, который еще никто, кроме нас двоих, не заметил.

— Что ж, рада слышать, что у него есть хоть какой-то шанс. Ты его Наводчик, поэтому...

— Все, кроме нас с Чаном, считают его просто идиотом.

— Могу себе представить, — согласилась Тереза.

— Букмекеры ставят на него один против двадцати. Ты когда-нибудь слышала о чем-нибудь подобном?

Тереза встревожилась. Она почувствовала, что сейчас узнает что-то плохое.

— Тут такой шанс! Я все поставил на Хэрольда, тем более что Чан со мной согласен.

Тереза встала, вязание упало на пол.

— Поставил? Но, Майк, у нас нет денег. Только не говори, что букмекеры стали давать в кредит.

На лице Альбани промелькнула тревога.

— Конечно, нет. Я заложил наш дом.

— Не может быть! Ведь это все, что у нас осталось!

— Слушай, что я за Наводчик, если не могу поставить на собственного клиента? Я все равно не смог бы выполнить «Обязательства при азартных играх», не нарушив «Акт финансовой безрассудности».

— Майк, тебе не следовало закладывать дом. Если Хэрольд проиграет, это означает рабство для нас обоих. Ты ведь знаешь, правительство не разрешает спать на улицах.

— Но Хэрольд победит. Я уверен. Я никогда еще не был так уверен. Поэтому, как говорится, я и сжег за собой все мосты.

— Майк, было бы лучше, если бы ты сначала посоветовался со мной.

Альбани тяжело вздохнул.

— Дело в том, Тереза, что я еще побился об заклад на десять тысяч долларов с букмекером Толстым Фредди, заложив тебя в качестве движимого имущества. Хотя, разумеется, ты ему никогда не достанешься. Потому что Хэрольд...

— Я не ослышалась? — спросила Тереза, не двигаясь с места. — Ты на самом деле подписал Толстому Фредди на меня закладную, чтобы пойти на спор ради этого идиота — твоего клиента?

— Именно так я и поступил. Если Хэрольд проиграл, меня ждет рабство и, возможно, работа в свинарнике. А ты останешься у Толстого Фредди, что не так уж и плохо, если как следует подумать. Только не говори, что я о тебе не забочусь.

— О Альбани! — простонала Тереза.

— Не волнуйся, он победит.

Тереза взяла себя в руки. И внезапно решила, что сделает. Если Хэрольд проиграл, она убьет своего мужа, освободив его таким образом от рабства и недостойной грязной работы в свинарнике. А Толстый Фредди не такой уж и противный, если не принимать во внимание выражение его лица. Кроме того, говорят, он хорошо обеспечивает своих содержанок.

— Хорошо, — сказала она. — Тебе лучше знать. Надеюсь, все выйдет по-твоему.

И пошла на кухню готовить ужин.

— Иначе и быть не может, — сказал Альбани, в который раз поздравляя себя, что выбрал такую умную жену.

Любая другая женщина ругала бы его на чем свет стоит, что он заложил ее ради какого-то неизвестного и неопытного Охотника. Только не Тереза.

На кухне Тереза готовила ужин — бифоида под острым псевдотоматным соусом, любимое блюдо Альбани. Как странно, думала она, что скоро ей, возможно, придется готовить для Толстого Фредди. По словам одной ее подруги, Толстый Фредди ненавидел бифоида в любом виде. Ему нравились отбивные из искусственной телятины или свинины. Если Хэрольд не выиграет, ей, может быть, уже никогда не придется готовить бифоида. Странная штука жизнь.

Глава 32

С ногами усевшись на подоконник, Нора смотрела на улицу. Она выглядела просто великолепно — свет подчеркивал красоту ее правильных черт, волосы блестели.

- Хэрольд, — произнесла она, — а как называлась та коммуна?
 — Какая?
 — Та, про которую ты мне рассказывал. Туда еще собирался Малыш-кошкодав.
 — А-а. По-моему, Ла-Испанидад. Возле озера Окичоби.
 — Там хорошо? Что он про нее тебе рассказывал?
 — По его словам, неплохо. А почему ты спрашиваешь?
 — Как ты думаешь, а мы могли бы жить в таком месте?
 Хэрольд рассмеялся.
 — Коммуна — это всего лишь другое название фермы. С меня такой работы достаточно.
 — Но ведь там все будет по-другому. Там все работают вместе, всем делятся друг с другом.
 — И поют испанские песни? Черт возьми, Нора, как ни посмотри, а это все равно сельскохозяйственная работа.
 — А ты с ней покончил навсегда?
 — Мне нравится здесь. К городской жизни не так уж трудно привыкнуть. А ты что, Нора, собралась в испанскую коммуны во Флориде?
 . Она покачала головой и слезла с подоконника.
 — Я просто решила немного пофантазировать. Мне на Эсмеральде тоже нравится. Особенно теперь, после твоего приезда.
 — Очень приятно слышать от тебя такие слова, — сказал Хэрольд.

Глава 33

Джекинс с дядей Эзрой обедали в отдельном кабинете Охотничьего клуба. Они ели натуральные, а не искусственные продукты, которые во всем мире производились фабриками съедобных концентратов. Нельзя сказать, что Джекинс любила натуральную еду — в университете она жила только на одних зербургерах, лишенных каких-либо калорий и углеводов. Но она знала, что натуральные продукты — дороги, поэтому и решила заставить себя к ним привыкнуть. В университете ее учили, что вкус к дорогим вещам можно выработать, надо лишь как следует постараться.

Они сидели на крыше самого высокого в Эсмеральде двадцатизэтажного здания, откуда открывалась прекрасная панорама всего острова.

На стене перед ними висел огромный экран. Транслировали «Охотничье шоу». В кадре появился залитый кровью перекресток, где толпа зевак рассматривала бесформенное тело. Оно до сих пор лежало в луже крови, которая время от времени становилась ярко-зеленой, потому что на цвета мониторов влияли атмосфер-

ные помехи. Зазвучал голос за кадром: «Привет, говорит Гордон Филакис. Я сделаю обзор основных охотничьих событий дня. Сегодня утром Лютеру Фабиусу Кингу из Берлинсбурга, Западная Германия, было засчитано чистое Убийство Биффа Эдмондсона из Калгари, Канада. Если меня слушает кто-нибудь из родственников или знакомых Биффа, сообщаю — он погиб отлично, как того и добивался. Эл Мактэггорт из Бойсе, штат Айдахо, который имеет на своем счету три Убийства, победил Эрнана Ибаньеса, бывшего пятикратного победителя из Буэнос-Айреса. Кроме того, Эл Смит из Лансинга, штат Мичиган, только что подстрелил Эдварда Грига из Оаху, Гавайи, но был оштрафован на десять очков, потому что его автомат, сломавшись, ранил нескольких прохожих. Эл, если у тебя так и дальше пойдет, никогда тебе не стать Охотником года...

А сейчас менее важные события: Максвелла Сантини, официанта гостиницы «Супероружие», убили на пороге номера мистера В. С. Миклстона из Лондона. Держа в руках поднос с едой, он открыл дверь и получил удар ножом в грудь. Миклстон оправдывается тем, что Сантини не постучал, прежде чем зайти, поэтому и стал мишенью для его старого стилета. Профсоюз, членом которого был Сантини, убежден, что это сделано специально, и передал дело в суд. Решением суда, который состоялся сегодня же, мистер Миклстон оправдан со следующей формулировкой: «Чего стоит жизнь какого-то официанта?»

Протянув руку, Джекинс выключила телевизор — ей уже порядком надоело крикливое «Охотничье шоу».

— Весь этот примитивный юмор действует мне на нервы, — сказала она. — И Луэйну тоже.

— А? — встрепетнулся дядя Эзра, используя безличное обращение, свойственное пожилому населению Эсмеральды. — Надеюсь, у него все в порядке?

— Может быть, пока еще ничего не произошло. Странно, что компьютер выбрал такую комбинацию. Ведь это случайность, что им придется соревноваться друг с другом?

Улыбнувшись, Эзра подмигнул девушке.

— Дядя, уж не ты ли приложил руку, чтобы поставить их в одну пару?

— Ничего я не делал, — ответил Эзра. — Я только попросил Охотничий компьютер сделать мне небольшое одолжение. А ведь ему известно, с чьей помощью он получает, так сказать, питание.

— Я считала, что с компьютером договориться невозможно.

— Можно, если ввести в него специальную программу кодовой записи.

— Ты обманул компьютер, чтобы противником Луэйна стал Хэрольд? Старый негодяй!

Эзра засиял. Ему нравилось, когда молоденькие девушки называли его старым негодяем.

— Но ведь я это сделал по просьбе Луэйна. Мальчику нужно легкое Убийство, чтобы он снова поверил в свои силы. Он был очень хорошим Охотником, Джекинс, очень хорошим. Долгое время в городе не было ему равных. Если ему немножко помочь, он снова станет классным Охотником.

— То, что ты сделал, — обман, — сказала Джекинс.

— Разве ради семьи нельзя пойти на маленькую хитрость?

...В квартиру Луэйна Джекинс вернулась в глубоком раздумье. Перед ней стояла дилемма. Девушка не была уверена, что обман, пусть даже ради чести семьи, допустим. Особенно если в результате погибнет Хэрольд, парень, который ей нравился и которому она решила назначить свидание, как только найдет подходящий повод сделать так, чтобы тот сам ее об этом попросил.

Чем больше она раздумывала, тем более скверным ей этот обман казался. Она не знала, что ей делать. Ответ не находился, и это ее ужасно расстраивало. Сначала она хотела бросить монетку, но потом решила отложить этот вопрос на завтра и приняла снотворное.

Глава 34

Хэрольд решил немного подремать в своей новой квартире, когда раздался телефонный звонок. Звонил Альбани.

— Хэрольд? Ты мне срочно нужен.

— Что случилось?

— Нечто важное. Быстро приезжай. И не забудь револьвер. — Альбани повесил трубку.

Хэрольд не успел раздеться, поэтому ему понадобилось лишь надеть туфли и проверить обойму в своем «смит-энд-вессоне».

Альбани все-таки заставил Хэрольда отнести его к оружейнику. Тот заменил ствол и вседвигающиеся части. Проверив револьвер в действии, Хэрольд был вынужден признать, что стрелять из него стало лучше. Но самое главное, что чувствовать его в руке было так же приятно, как и до ремонта.

Когда он приехал к Альбани, Тереза провела его в подвал, где размещался кабинет Майка. По стенам были развешаны подробные карты Эсмеральды и всего острова. Здесь же находился мощный радиопередатчик с коммутатором на несколько линий. На рабочем столе Альбани стояла небольшая бронзовая копия родеоновского «Мыслителя». Это была почетная награда «Мастер —

убийца года», вручаяшаяся лучшему Наводчику года. Но ей исполнился уже пятый год: Альбани получил ее, когда был еще жив знаменитый Санчес.

Альбани жевал одну из миниатюрных пицц Терезы и разговаривал по телефону. Он жестом указал Хэрольду на стул. Отодвинув кипу старых журналов «Убийца», тот сел.

— Ага, — сказал Альбани. — Ну... Ага... Ага...

— Вам принести пиццу? — обратилась к Хэрольду Тереза.

— Да, мадам. Спасибо.

— Есть с анчоусами и с паприкой. Вам какую?

— Какую принесете, — ответил Хэрольд таким тоном, что стало ясно — он съел бы обе.

Тереза принесла ему по две каждого вида и стакан пива.

— Никакого пива! — сказал Альбани. — Хэрольду надо тренироваться. — И снова закричал в трубку: — Да! Да!

— Вкусная пицца, — похвалил Хэрольд.

— Мамин рецепт, — ответила Тереза. — С Сицилии.

— Ладно, — сказал Альбани в трубку. — Едем. Следующий сеанс связи по пятому каналу УКВ.

Повесив трубку, он повернулся к Хэрольду:

— Кажется, я его поймал.

— Луэйна?

— А кого еще? Зау Питтс? Именно Луэйна, этого спесивого болвана. Он только что зашел в бар «Ле Пти Моэ» в Латинском квартале и заказал двойной клубничной дайкири со льдом. Он там как на ладони, и мы прихлопнем его как комара.

— Как, прямо сейчас?

— А ты думал, в следующий четверг? Револьвер с собой? Заряжен? Дай посмотрю.

— Ладно уж, — сказал Хэрольд.

— Я твой Наводчик и должен все проверить.

Осмотрев «смит-энд-вессон», он вернул его Хэрольду.

— А как получилось, что он спокойно сидит в кафе? — поинтересовался Хэрольд. — Может, не получил уведомления об Охоте?

— Не стоит на это надеяться. Но такое иногда случается.

— А разве честно убивать человека, который не подозревает, что на него охотятся?

— Вполне честно, — ответил Альбани. — Я потом все тебе объясню.

Он снял со стены мощную охотничью винтовку с инфракрасным снайперским прицелом, проверил боеприпасы и сунул ее в специальную сумку.

— А это зачем? — удивился Хэрольд.

— Возможно, Господь в своей бесконечной милости позво-

лит нам сделать хороший выстрел на расстоянии, недоступном для пистолета.

— Не богохульствуй, Микеланджело, — нахмурилась Тереза.

— Кто богохульствует? Я молюсь. Пошли, Хэрольд. Не будет же он сидеть там вечно, даже если заказал двойной дайкири.

Огромная стеклянная витрина кафе «Ле Пти Моз» выходила прямо на улицу. Альбани, рядом с которым стоял Хэрольд, внимательно разглядывал ее через мощный бинокль, спрятавшись в тени другого бара на противоположной стороне улицы.

— Это он, — сказал Альбани. — Посмотри сам.

Хэрольд взял бинокль и увидел длинноносый профиль Луэй-на, склонившегося над бокалом ярко-красного напитка.

— Хорошо, что ты прихватил винтовку, — сказал Хэрольд. — Я пристрелю его через витрину.

— И не думай. Она пуленепробиваемая. Лучше посмотри налево. Боковая дверь кафе открыта. Обойдешь квартал и найдешь с другой стороны. И окажешься у него за спиной. Самая лучшая позиция — возле почтового ящика. Тебе надо будет выстрелить ему в спину через открытую дверь. Револьвер вытащишь в самый последний момент. Нам не нужны зеваки, которые все испортят. Понял?

— Понял, — ответил Хэрольд.

— Тогда иди и прихлопни его.

Некоторое время Хэрольд стоял абсолютно неподвижно, и Альбани подумал было, что на парня напал столбняк. Только этого ему не хватало: новичок, который боится поединка. Черт, надо было все-таки потребовать деньги вперед.

Но тут Хэрольд быстро кивнул и выскользнул в дверь. Наводчик смотрел ему вслед, и в его душе появилось какое-то непонятное чувство. С этим парнем будет все в порядке.

Луэйн никак не мог понять, какого черта он заказал двойной клубничный дайкири со льдом. Может, потому, что бокал с напитком выглядел таким большим и ярким, что даже такой тупой Наводчик, как Альбани, заметил бы его. Он сделал глоток. Как всегда, слишком сладко. Луэйн моргнул, когда в ухе, где был спрятан миниатюрный приемник, что-то затрещало. Это был Сузер, который занял наблюдательный пост на крыше.

— Я их вижу, — сообщил он. — Альбани и Эрдман. Они стоят в дверях бара напротив. Обсуждают план действий.

— Скорее бы уж, — еле слышно произнес Луэйн в закреплен-

ный на шею ларингофон. — У меня от этого пошла уже разболелась голова.

— Эрдман вышел, — проинформировал Сузер. — Он обходит квартал, как я и предполагал. Ты готов?

Луэйн кивнул, но вспомнил, что Сузер не может видеть его через пять этажей стали и бетона.

— Да, готов.

— Зеркало нормально?

— Все отлично.

Сузер заранее повесил перед Луэйном телескопическое зеркало. Благодаря ему Луэйн мог видеть улицу, по которой пойдет Хэрольд. В руке он держал небольшой передатчик, замаскированный под пачку сигарет, который приведет в действие дробовик, установленный Сузером в прорези почтового ящика. Луэйну оставалось лишь нажать на кнопку, как только Хэрольд появится в зеркале. Выстрел из двух стволов на расстоянии десяти футов завершит дело.

Отличный план. К тому же им просто повезло, что Альбани на него купился. Луэйн очень надеялся, что возле почтового ящика никого не окажется, когда Хэрольд получит двойной заряд дробовика. Дяде Эзре пришлось немало попотеть, чтобы все уладить, когда во время одной из предыдущих Охот Луэйн бросил в свою жертву ручную гранату в переполненном универсаме, убив при этом нескольких покупателей. По иронии судьбы это случилось у отдела, где торговали бронежилетами.

— Он поворачивает за угол, — сообщил Сузер. — Внимание, он в десяти футах от почтового ящика, он...

— Что? — воскликнул Луэйн. — Что случилось?

— Он остановился.

— Что значит остановился? Он не мог остановиться. Что там такое происходит?

— Он с кем-то разговаривает. О боже!

— В чем дело? С кем он там разговаривает?

— С этим проклятым Гордоном Филакисом!

Глава 35

В Охотничьем Мире имелось семь телевизионных каналов. По шести из них по спутниковой связи транслировались передачи из Соединенных Штатов. А седьмой, полностью отданный круглосуточному освещению охотничьих событий, назывался «Охотничье шоу», и вел его всем известный Гордон Филакис.

У Филакиса было смуглое квадратное лицо с массивной нижней челюстью и коротко подстриженные волосы. Его речь всегда

лилась непрерывным потоком. Он всегда находил, о чем говорить, даже в тех случаях, когда говорить было не о чем, что так часто случалось в прямом эфире.

— Привет, друзья, Гордон Филакис со своей передачей «Охотничье шоу» приветствует вас из самого сердца Столицы Убийств, доброй старой Эсмеральды в солнечном Карибском море. Итак, друзья, вы смотрите прямую трансляцию местного телевидения про Убийства, после которой последует выпуск международных новостей. Трансляцию нашей программы некоторые правительства пытались запретить в своих странах, полагая, что вас, друзья, следует оберегать от показа настоящего, реального Убийства в жизни и что вам достаточно фальшивых детективов, которые до сих пор продолжают снимать наши киностудии. Однако вы им этого не позволили, и я снимаю перед вами шляпу. Когда они пытались нас запретить, вы покупали видеокассеты с нашими программами из-под полы, потому что прекрасно знали, что в сценах насилия нет ничего страшного, если их участники — взрослые люди.

Итак, леди и джентльмены, наша съемочная группа сейчас находится на улицах Эсмеральды, чтобы взять для вас несколько интервью у Охотников, которые в настоящий момент принимают участие в Охоте, и донести до вас все страхи и ужасы прекрасного мира насилия.

Простите, сэр, я вижу у вас значок Охотника. В руке у вас «смит-энд-вессон», не так ли?

— Что? Да. Простите, но я...

— Сколько Охот на вашем счету, мистер...

— Эрдман. Хэрольд Эрдман. Эта первая.

— Охотник-новичок! Как вам это нравится, друзья? Откуда ты, Хэрольд?

— Послушайте, — перебил его Хэрольд, — в другой раз я с удовольствием поговорил бы с вами, но сейчас...

Филакис понимающе улыбнулся.

— Нервничаете, или, как мы тут говорим, «охотничья тошнота» напала?

— Дело совсем не в этом.

— Ну так расскажи, в чем дело. Мы все простые люди и все пойдем. Может, у тебя свидание с какой-нибудь смазливой куколкой?

— Ладно, если уж вам так интересно, я как раз собираюсь кое-кого убить.

— Да ты охотишься! Надо было сразу сказать. Не волнуйся, прихлопнешь свою Жертву как-нибудь в другой раз. Ты ведь не сердись на нас, Хэрольд, не правда ли?

Хэрольд хмуро улыбнулся.

— Может, оно и к лучшему. Знаете, что-то мне сегодняшней план совсем не нравится.

Филакис торжествующе кивнул.

— Охотничий инстинкт. Он всегда присутствует у хороших Охотников. Кто твой Наводчик, Хэрольд?

— Майк Альбани.

— О, мы знаем этого уважаемого представителя старой гвардии. В последнее время ему не особенно везет, но мы надеемся, ты изменишь ситуацию.

— Сделаю все от меня зависящее.

— Слушай, Хэрольд, мне немного обидно, что из-за нас ты, возможно, упустил шанс совершить хорошее Убийство. Поэтому я хочу загладить свою вину. Ты уже обедал?

Хэрольд еще не ел.

— Прекрасно! А что, если мы попросим тебя на некоторое время стать нашим обозревателем в программе «Ресторан Охотничьего Мира»? Пойдем с нами. Тебя угостят самым лучшим на острове обедом, к тому же мы немного развлечемся.

Взяв Хэрольда под руку, Филакис повел его по улице, следом за ним устремились теле- и звукооператоры, а также зеваки, которые во что бы то ни стало хотели попасть в объектив телекамеры, чтобы потом увидеть себя в вечернем выпуске новостей.

Вскоре они подошли к ресторану «Ле Морганто». Филакис, Хэрольд, операторы, осветители, девушки-статистки, ассистенты режиссера, подсобные рабочие столпились в вестибюле, куда проникали восхитительные запахи. Тут же появился маленький человечек с встревоженными глазами и в белом смокинге.

— Привет, Гордон! — воскликнул он.

— Привет, Том, — ответил Филакис. — Сегодня мы решили провести твой ресторанчик.

— Господи боже мой!

— Я привел с собой гостя. Познакомься, Том, с мистером Хэрольдом Эрдманом, который недавно прибыл на наш солнечный остров и уже стал полноправным Охотником и твоим гостем на сегодняшний вечер. Хэрольд, все, что от тебя потребуется, так это есть и делиться своими впечатлениями о подаваемых блюдах.

Том провел Хэрольда к столику, и осветители принялись устанавливать софиты. Официанты принесли серебряные вилки и ножи, разложили салфетки. Подали бутылку красного вина с французской этикеткой. Разлили по бокалам. Хэрольд поднес бокал к губам и медленно сделал глоток.

— Ну, Хэрольд? — поинтересовался Филакис. — Как тебе? — И заговорщицки подмигнул.

Хэрольд все понял. В жизни каждого человека случаются моменты, когда интуиция помогает ему забыть про добропорядочность и честность, которые ему привили с детства.

Быстро смекнув, что к чему, Хэрольд ответил:

— Совсем неплохо...

Филакис бросил на него красноречивый взгляд, опасаясь, что Хэрольд все испортит.

— ...для мытья полов.

И тут началось настоящее веселье.

Одно за другим он высмеивал все блюда, поспешно ища подходящие сравнения, чтобы его никто не принял за деревенщину. Некоторые из его грубоватых шуток были не такими уж и плохими, если учесть, что он выдавал их экспромтом. Так, суп из черепашьего мяса он назвал «зловонным болотом».

Филакис тоже старался не отставать, высмеивая интерьер, официантов, обслуживание, оркестр, владельца ресторана, его жену и даже хозяйского кокер-спаниеля.

Пока все это шло в эфир, «Амбалы Охотничьего Мира» — четверка накачанных парней в купальных костюмах — крушили все вокруг бейсбольными битами, не трогая лишь столик, где Хэрольд ел сгере *suzett*, которое он сравнивал с отбросами, годными лишь для кормежки свиней.

А когда в конце ужина он выплюнул кофе, публика устроила ему настоящую овацию.

Наконец, когда уже не осталось ничего, что можно было бы съесть или испоганить, Филакис нежно обнял Тома за плечи и назвал «классным парнем». Безусловно, студия оплатит все убытки. А в качестве компенсации за все, что хозяину пришлось вытерпеть, Филакис подарил Тому билет в ложу на Охотничьи Игры.

— А тебе, Хэрольд, большое спасибо, — сказал он. — Ты молодец, понимаешь все с полуслова. Надеюсь, мы скоро с тобой снова встретимся, и я услышу про твое удачное Убийство.

Глава 36

Вернувшись домой, Альбани раздраженно кинул на стул куртку из верблюжьей шерсти. Не отрывая взгляда от экрана телевизора, Тереза спросила:

— Ну, как у тебя сегодня дела?

— Кошмар. Мы уже почти пришепнули Жертву, когда внезапно появился этот чертов Гордон Филакис со своим «Охотничьим шоу» и стал брать у Хэрольда интервью. Вся работа насмарку.

— Не расстраивайся, дорогой. Прикончите свою Жертву в следующий раз.

— Только на это я и надеюсь.

— А как держался Хэрольд?

— Отлично. Думаю, по крайней мере на одно хорошее Убийство он вполне способен. Нам позарез нужно именно хорошее Убийство.

— Это улучшит наше положение? — с надеждой спросила Тереза.

— Честно говоря, это мне может здорово помочь. Слишком многие пристально наблюдают за мной. Ходят слухи — и не пытайся убеждать меня в обратном! — что я потерял свою былую хватку.

— Как они осмеливаются так говорить! — возмутилась Тереза.

— Они приводят в пример мои последние неудачные засады и утверждают, что я уже совсем ни на что не способен.

— Знаешь, — сказала Тереза, — может, кое в чем они и правы... Вспомни хотя бы Джеффриса...

Альбани недовольно скривился.

— Или твоего предыдущего клиента — как там его звали?

— Антонелли. О господи, лучше не напоминай мне об этом! — Альбани расслабил узел галстука. — Антонелли. Такой щедрый человек. Я действительно старался организовать для него особое Убийство. Хотел отблагодарить. Его Жертвой была шестнадцатилетняя девушка — можешь себе такое представить? Девственница. Я имею в виду, что это была ее первая Охота.

— Да, теперь от детей можно ожидать чего угодно, — произнесла Тереза.

— Все было проще простого. Антонелли загнал ее в угол. Ему оставалось только нажать на спусковой крючок. Однако этот чертов сибарит решил не спешить. Хотел как следует насладиться своим Убийством. Ведь мысленно он уже видел ее мертвой. На ней не было никакой одежды. Антонелли считал, что он в полной безопасности. Он же видел, что у нее нет никакого оружия. Именно на это она и рассчитывала. Ей хватило одной секунды, чтобы задушить его прочной лентой, которой у нее были подвязаны волосы.

— Не понимаю, как ей могли дать разрешение на использование такого оружия? — заметила Тереза.

— Это не имеет никакого значения. Главное, что я не предусмотрел такую возможность. Еще одно пятно на моей репутации. Так ты полагаешь, что я действительно потерял хватку?

— Это не твоя вина, — сказала Тереза. — Лучше подумай о предстоящих делах. У этого Хэрольда есть хоть какой-нибудь шанс?

— Кто знает? Кого это волнует? — картинно взмахнул руками Альбани. — Нет, шансов у него никаких. Но нужно, чтобы он победил. Придется мне что-нибудь придумать. Ведь от этого за-

висит мое будущее, что гораздо важнее, чем чья-то никудышная жизнь. Не правда ли?

— Полностью с тобой согласна, дорогой. Ты обязательно что-нибудь придумаешь. А теперь пойдем ужинать:

Глава 37

Вернувшись домой, Луэйн погрузился в размышления. Ему было ужасно досадно, что сорвалась такая прекрасная возможность подстрелить Хэрольда. Пришла Джекинс. Увидев, что он сидит задумчивый за письменным столом, переоделась и снова куда-то ушла. Луэйн сам приготовил легкий ужин — вареные хвосты амаров на поджаренных ломтиках хлеба.

Чуть позже пришел Сузер, налил себе выпить, уселся в кожаное кресло с хромовыми подлокотниками и принялся ждать, когда Луэйн обратит на него внимание.

Наконец Луэйн потянулся. Встал, подошел к телефону, взял записную книжку, полистал ее, нашел то, что искал, и, оттопырив губу, кивнул.

— Сузер, — позвал он.

— Слушаю, босс.

— Ты ведь знаком с Хортоном Футом?

— Конечно.

— Ты знаешь, где его найти? Прямо сейчас.

— Скорее всего он сейчас в баре «Клэнси» на Трокадеро, пытается утопить свою печаль в стакане.

— Я хочу, чтобы ты пошел туда и привел его ко мне. Немедленно.

— Конечно, босс. Но ведь вы прекрасно знаете, что с Футом лучше не связываться. Кроме того, это ваш самый заклятый враг на острове.

— Именно это и делает его самой подходящей кандидатурой.

— Ясно, — сказал Сузер.

На самом деле он ничего не понимал, но задавать вопросы было бесполезно. Босс обожал всяческие тайны.

Он направился к двери, но Луэйн остановил его:

— Да, вот еще что.

— Что, босс?

— Скажи привратнику, пусть заправит мою машину. Не «Бьюик», а «Мерседес».

Сузер хотел спросить, что затеял его босс, но передумал. Луэйн не отходил от телефона, обзванивая всех друзей в городе. Он как раз повесил трубку, когда появился Фуг.

Он был невысокого роста, лет под сорок, со смуглым, обвет-

ренным лицом. На нем был замызганный белый костюм, на голове — «федора», а на ногах стоптанные сандалии.

— Садись, — предложил ему Луэйн. — Налей себе чего-нибудь. Тебе, наверно, интересно, зачем я тебя позвал?

— Только потому я и пришел, — ответил Фут. И налил себе самого дорогого виски.

— Я знаю, что ты меня ненавидишь. Думаешь, что я убил твоего брата нечестным образом.

— А разве не так?

— Между нами говоря, — доверительно сказал Луэйн, — именно так.

Фут не сразу нашел что ответить. Сначала он кивнул, потом произнес:

— Что ж, я так и знал. — Он изо всех сил пытался рассердиться.

— Насколько я припоминаю, ты никогда не пылал любовью к своему брату, — сказал Луэйн.

— Я ненавидел этого сукиного сына и мечтал увидеть его в гробу! — возбужденно воскликнул Фут. — Но это тебя не касается. Я никому не позволю безнаказанно убивать моих родственников. Тебе не кажется это справедливым?

— Ладно, — перебил его Луэйн. — Я пригласил тебя к себе, чтобы помириться.

— И как же ты собираешься это сделать? — презрительно хмыкнул Фут.

— Удовлетворив две твои самые пламенные страсти.

— Какие именно?

— Первая из них — деньги.

— Деньги, — мечтательно повторил Фут, чувствуя, как от этого слова у него замирает сердце. — Ты хочешь предложить мне деньги? — Его лицо немного просветлело.

— Конечно, нет, — ответил Луэйн. — Это было бы для тебя слишком оскорбительно.

— Может быть, — снова нахмурился Фут.

— Я предлагаю тебе их заработать.

— О! — еще больше расстроился Фут.

— Но, работая на меня, ты сможешь удовлетворить свою вторую пламенную страсть.

— Какую?

— Предательство.

Фут откинулся на спинку кресла. В конце концов, жизнь не такая уж и безнадежная штука. Случается, что судьба начинает улыбаться тебе, и удача приходит, когда ее совсем не ждешь.

— Да, ты меня хорошо знаешь, — сказал он.

— Тебе ведь действительно необходимо предательство, — продолжал Луэйн. — Без него ты просто жить не можешь.

— Тоже мне, психолог выискался! Мой психоаналитик говорит, что мне обязательно нужно кого-нибудь предавать, чтобы сохранить душевное равновесие. Он утверждает также, что лучше всего мне поможет хладнокровное Убийство, но это не для меня. Так можно и самому концы отдать. Ты уж не обижайся, но каждому свое.

— А я и не обижаюсь, — сказал Луэйн. — Предлагаю тебе пять тысяч долларов за то, что доставит тебе огромное блаженство.

— Лучше десять, — сказал Фут. — Тогда я испытаю настоящее райское удовольствие.

— Остановимся на семи с половиной, — предложил Луэйн. — Ведь, несмотря на вражду, мы с тобой старые друзья.

— Согласен, — ответил Фут. — Кого мне надо предать?

— Одного из твоих друзей — Микеланджело Альбани.

— Альбани! — воскликнул Фут. — Но ведь мы с ним большие друзья. Предать его было бы просто ужасно.

— Ну и что из того? В этом-то вся суть предательства.

— Это действительно так, — согласился Фут. — Ты прав, Луэйн. Тот скромно пожал плечами и рассказал, в чем состоит его план.

Фут кивнул, но в последний момент в его душу закрались сомнения.

— Для Альбани это означает полный крах. Если он сейчас проиграет, от банкротства ему не уйти. Ты знаешь, что это означает?

— А в противном случае Хэрольд — его клиент — убьет меня, а Альбани получит вознаграждение и славу, в которой он так сейчас нуждается. Признайся честно, какое тебе дело, обанкротится Альбани или нет?

Фут задумался.

— Честно говоря, если Альбани станет государственным рабом, я смогу заполучить Терезу. Ты видел ее, Луэйн? Этот ревнивец даже не выпускает ее из дому. Такая куколка...

Луэйн прервал его нетерпеливым взмахом руки с ухоженными ногтями.

— Мы тут не свидания обсуждаем. Речь идет о деньгах и предательстве.

— Я полностью к твоим услугам. Как мне лучше действовать?

Луэйн подошел к стене, на которой в серебряных рамках под стеклом висели свидетельства о его победах. Сняв одну из них, он вытащил прямоугольный листок, протянул его Футу, а рамку повесил на место.

— Ты знаешь, что это такое?

— Карточка Предательства. Никогда не держал ее в руках, но знаю, как она выглядит.

— Слушай внимательно. Вот что тебе надо сделать.

Глава 38

На следующее утро из хорошо осведомленных источников Альбани узнал, что Луэйн вместе с самыми закадычными друзьями сел в свой большой бронированный «Мерседес» и укатил на загородную виллу, чтобы устроить там вечеринку в канун Сатурналий. Альбани позвонил в «Информационную службу Наводчиков» и попросил, чтобы ему прислали с нарочным план виллы и карту прилегающей местности. Опасения подтвердились — вилла Луэйна надежно охранялась.

Он как раз размышлял над этим препятствием, когда зазвонил телефон и один из информаторов сообщил интереснейшую новость. По его словам, у одного из друзей Альбани — Хортон Фута — каким-то образом появилась Карточка Предательства, и он собирался ее продать.

— Карточка Предательства! То, что нужно!

Альбани пытался дозвониться Футу, но у того был отключен телефон. Тогда он стал звонить его приятелям. Один из них сообщил, что видел, как Фут бродил по зоопарку в длинном черном пальто, которое надевал лишь в период депрессии. Информатор также добавил, что вид у Фута такой, будто он готов в любую минуту отдаться на съедение львам, но боится, что хищники не станут есть его из отвращения. Другой информатор видел Фута в Восточных доках, где тот стоял, прислонившись к тумбе, и наблюдал за плавающим в воде мусором, словно раздумывая, не присоединиться ли к нему.

— Судя по всему, дела у него совсем неважные, — сказал Альбани Хэрольду, когда они вместе обедали. — Похоже, у него появилось желание покончить счеты с жизнью. Нам это кстати. Нужно обязательно купить у него Карточку Предательства.

— Не понимаю, — сказал Хэрольд. — Что еще за Карточка Предательства?

— Государство иногда печатает их и рассылает по наугад выбранным адресам. Имея Карточку Предательства, ты можешь заставить кого угодно действовать против человека, которому тот искренне предан. Это ключ, который поможет тебе пробраться на виллу Луэйна.

— А потом?

— А потом прихлопнуть его. — Альбани посмотрел на часы. — Неужели уже три часа? Нам следует торопиться. Вечеринка состоится сегодня. Согласно моим источникам, завтра утром Луэйн вернется в город, чтобы подготовиться к Сатурналиям. Ты должен пробраться на его виллу сегодня же и застать его врасплох. Нельзя упустить такой подарок судьбы.

— Ладно, — сказал Хэрольд. — Я готов.

— Но сначала надо отыскать Хортона Фуга. Разделимся. Я поеду в зоопарк. Может, он все еще там. А ты давай в Восточные доки. Как только заполучим Карточку Предательства, тут же отправляемся на виллу и покончим с Луэйном.

Глава 39

В ужасном расположении духа Альбани сел за руль своего белого «Ламборджини» и направился в сторону зоопарка. Его не просто одолевала депрессия. Наводчик подозревал, что ему снова не повезло — он зря поставил на неудачника, на идиота, который не знает, чего ему бояться, и не умеет быстро пользоваться предоставляющимися возможностями. Хотя, как ни странно, новичкам довольно часто удавалось побеждать умудренных опытом Охотников. Может, потому, что атмосфера постоянного риска снижала у тех ощущение опасности. И они действовали небрежно.

Луэйн, несмотря на свой внешний вид, был осторожным и находчивым противником. Одно из его первых Убийств было самым настоящим шедевром. Переодевшись хирургом, он пристрелил свою Жертву — латыша с грустными глазами — в операционной больницы Сестер милосердия, прежде чем тот успел открыть огонь из своего двустольного протеза. Разве Хэрольд когда-нибудь достигнет таких высот? Не стоит ждать изысканного Убийства от деревенского парня. Может, Карточка Предательства даст ему хоть какой-то шанс.

Альбани настолько был поглощен своими проблемами, что почти не обращал внимания на дорожные знаки и вел «Ламборджини» автоматически. Он обратил внимание на свою небрежность лишь тогда, когда за его спиной раздался звук сирены. Он остановился у обочины, рядом с ним затормозила патрульная машина. Из нее вылез полицейский в отглаженной форме цвета хаки, начищенных до блеска башмаках и солнцезащитных очках. На широком кожаном поясе у него висели две кобуры с «магнумами» 44-го калибра.

— Уж не слишком ли медленно ты ехал? — с притворной вежливостью поинтересовался полицейский. — Или знак не заметил?

— Заметил, офицер, — сказал Альбани. — «Опасный поворот — увеличить скорость». Я как раз собирался это сделать, но по ошибке вместо газа нажал на педаль тормоза. С каждым такое может случиться.

— Я давно за тобой наблюдаю, — продолжал полицейский. — Ты через весь город проехал со скоростью, на десять миль мень-

ше положенной. В чем дело? Решил посмеяться над нашими правилами опасного дорожного движения?

— Да вы что? Я один из самых рискованных водителей на всем острове!

Полицейский усмехнулся. Ему не раз приходилось слышать подобные оправдания. Он обошел машину, пытаясь найти вмятины и царапины. Альбани не повезло, потому что за своим «Ламборджини» он следил гораздо тщательнее, чем того требовали существующие на острове правила. Полицейский увидел, что фары и поворотные огни в полном порядке, что противоречило закону небезопасного вождения.

— Все понятно, — сказал он. — Придется наложить штраф «Отчаянная езда».

Альбани напрасно пытался уговорить полицейского, пока тот укреплял специальное приспособление на контрольной панели компьютера. Наводчик умолял оштрафовать его в следующий раз и даже предложил солидную взятку. Но и здесь ему не повезло — в тот день был Неподкупный вторник.

Закончив возиться с панелью, полицейский заглянул в окошко, убеждаясь, что ремень безопасности не на месте.

— Удачи тебе, приятель, — пожелал он. — Я оштрафовал тебя всего лишь на десять минут, к тому же движение сегодня не такое интенсивное.

Когда устройство в машине Наводчика сработало, полицейский резко отскочил в сторону. Педаль газа «Ламборджини» до конца ушла вниз, и машина со страшным скрежетом рванула вперед. В воздухе запахло паленой резиной.

Слух о том, что кого-то наказали «Отчаянной ездой», быстро распространился среди остальных водителей. Легковушки, грузовики и автобусы тут же свернули на тротуары. Пешеходы попрятались по подъездам и специальным противоавтомобильным укрытиям. А Альбани несся вперед в своем ревущем «Ламборджини». Ему чудом удалось свернуть влево на шоссе, ведущее из города. Когда он вырулил из потока машин, ускорение вдавило его в спинку кресла. Тут на устройство поступила команда «Вихляние», и машина принялась выписывать зигзаги на шоссе, съехала в поле, а потом на грунтовую дорогу. Альбани, словно человек, борющийся с удавом, пытался крутить руль, давил на тормоза, которые вот-вот могли полностью сгореть.

Но самое главное испытание ожидало его впереди — в сотне ярдов от себя он увидел пробку. Там скопилось столько машин, что объехать их не было ни малейшей возможности. Альбани крепко сжал руль и закрыл глаза.

В этот момент срок действия штрафа закончился, и педаль

газа прыгнула вверх. Альбани тут же выпустил парашют — средство безопасности, которым на Эсмеральде снабжались все машины. Ему повезло — он остановился в нескольких футах от забитого машинами перекрестка.

Зато потом он уже ехал к зоопарку с весьма умеренной скоростью. Водителям, которым удавалось уцелеть после «Отчаянной езды», полагалась награда — двадцать четыре часа безопасности, когда они могли ездить с любой скоростью. Альбани теперь не превышал двадцати километров в час.

Служитель зоопарка долго чесал в затылке, но, получив хрустящую купюру в пять долларов, сразу вспомнил, что похожий на Хортон Фуга человек долго стоял возле клетки с бабуинами и ушел из зоопарка полчаса назад.

Глава 40

Альбани тут же помчался обратно в город, нарушив столько правил дорожного движения, что им остался бы доволен даже самый придирчивый полицейский.

А Хэрольд тем временем как раз добрался до порта. Ему сообщили, что Фут имеет обыкновение проводить время в баре Мэллигана «Последний шанс», который одновременно служил ночлежкой для портовых бродяг и располагался в высоком узком здании недалеко от причала.

— Фут? — задумчиво переспросил владелец бара. — Такой невысокий худой парень в длинном черном пальто? Да, иногда заходит. Однако я понятия не имею, где он сейчас.

— Мне нужно его найти, — сказал Хэрольд.

— На вашем месте я бы искал его возле причала для рыболовных судов на углу Лейкхерст и Вьянде. Иногда он там нанимается работать весовщиком, когда фабрика искусственной свинины закрыта.

Хэрольд отправился на причал, где стояли огромные корабли, прибывшие с Кубы, Гаити и Багамских островов. Над ними в полуденном небе с криками летали чайки. Маленькие шаланды качались на волнах, их мачты жалобно скрипели от порывов свежего бриза. В преддверии Сатурналий большинство суденышек уже было украшено. Завтра должен состояться большой фестиваль, которым и ознаменуется начало праздника. Ночью в освещенной огнями фейерверков гавани проплывет процессия кораблей, сверкающая разноцветными огнями иллюминации.

На причале Хэрольд увидел старого, одетого в лохмотья человека, который сидел на швартовочной тумбе и смотрел на воду.

— Фут? — переспросил он. — Хортон Фут? Если ты знаешь, куда исчезает утренний туман, его ты обнаружишь без труда.

— Что-что? — удивился Хэрольд.

— Это Киплинг, — объяснил человек в лохмотьях. — Тебе очень важно найти этого Фута?

— Да.

— Двадцать баксов не пожалеешь?

Хэрольд заплатил. Оборванец повел его задворками в лабиринт запутанных переполненных улиц и переулков старого города Эсмальды. От канав несло зловонием, скворцы дрались с бешеными крысами за лакомые куски отбросов. Откуда-то сверху, с балкона, доносился женский голос, поющий старую как мир, жалобную песню про то, как грустно каждый день хлопотать по хозяйству, зная, что твой милый никогда уже не вернется.

Местные жители — одни круглолицые и небритые, другие — узколобые, с похотливыми глазами — подпирали спинами двери домов, держа руки в карманах, а глиняные трубки — в зубах, и как будто ждали, что вот-вот появится Гольбеин и увековечит их на своих картинах. Зажглись газовые фонари, и вокруг каждого из них возник светящийся нимб — архитекторы Эсмальды скопировали это из старого фильма Лерда Крегера. Завершилась вечерняя молитва, и голубые сумерки наконец сменились наполненной шорохами ночью.

— Вон он там сидит, — буркнул провожатый и исчез в переулке.

Хэрольд посмотрел в указанном направлении. На другой стороне улицы перед ярко освещенной витриной кафе, которое благодаря зеркалам казалось менее убогим, чем на самом деле, сидел за крайним столиком человек в черном пальто и потягивал из бокала напиток, который при более внимательном рассмотрении оказался лаймовым коктейлем. А рядом с ним, попивая «негрони», сидел не кто иной, как Микеланджело Альбани.

— А, привет, Хэрольд, — небрежно бросил Альбани. — Присаживайся к нам. Я сам только что подошел. Хортон, познакомься с моим другом Хэрольдом Эрдманом. Ему тоже абсолютно не нужна Карточка Предательства.

Альбани многозначительно посмотрел на Хэрольда, призывая придерживаться именно этой линии.

— Именно, — подтвердил Хэрольд, беря стул и садясь за столик. — Ваша карточка мне абсолютно ни к чему. — Он повернулся к Альбани: — Какие новости?

— Представляешь, меня сегодня оштрафовали — назначили «Отчаянную езду». К тому же, как назло, сегодня Неподкупный

вторник. Ладно, не везет в одном, повезет в другом. А ты чем сегодня занимался?

— Эй, приятель, хватит лапшу на уши вешать, — вмешался Фут. — У меня есть свои источники информации. И они утверждают, что вам позарез нужно купить у меня Карточку Предательства.

— Да ты меня насквозь видишь, — признался Альбани. — Ты прав, Фут. Я хочу ее купить. Не сейчас, разумеется. Может, через пару недель или, самое большее, через месяц. Тогда, может быть, я смогу заплатить тебе кругленькую сумму.

— Я не могу ждать несколько недель, — заявил Фут.

— Мне уже об этом рассказывали, — вкрадчивым голосом сказал Альбани.

— Я подозреваю, что и вам ждать не с руки.

Хэрольд закашлялся, выдав себя с головой, но ведь у него не было такого опыта, как у Альбани, который умел держать себя в руках при любых обстоятельствах. Фут, невысокий отталкивающий тип с красно-коричневой родинкой в форме летучей рыбы под левой подмышкой, задумчиво потер нос.

— Сколько ты за нее хочешь? — спросил Альбани.

— Двести долларов.

— Согласен, — сказал Хэрольд.

Альбани бросил на него укоризненный взгляд, но тот уже вытащил бумажник.

Когда они отошли от кафе на один квартал, Альбани сказал:

— Я бы смог сбить цену до пятидесяти.

— Да, но уже слишком поздно.

Альбани взглянул на часы и только теперь заметил, что день закончился и наступила ночь.

— Проклятие! Надо поспешить, если мы хотим добраться до виллы Луэйна сегодня. А мы еще не забрали наши маскировочные костюмы.

Глава 41

Джекинс так резко затормозила возле дома Луэйна, что шины ее красного спортивного автомобиля завизжали. Приятные вечерние сумерки только начали спускаться на Эсмеральду. Но чудесный вечер не отразился на настроении девушки — ее голубые глаза потемнели от гнева.

Хлопнув дверцей, она направилась ко входу быстрой походкой, насколько ей это позволяли обтягивающие мини-юбка и жакет-болеро. Звонить она не стала. Просто вставила в замок ключ,

полученный от Луэйна, когда между ними были хорошие отношения, и зашла в квартиру.

— Луэйн? — позвала она.

Но лишь молчание было ей ответом.

Включив свет, она подошла к шкафу с одеждой. Пропали замшевый пиджак Луэйна, твидовая шляпа и охотничья трость. Итак, он действительно уехал на виллу со своими друзьями, не только не пригласив, но даже не предупредив ее об этом. Его охотничьи дела не могли служить оправданием. Она знала по крайней мере десять человек, которых Луэйн пригласил на сегодняшнюю вечеринку. А о ней даже не подумал.

Хотя ее всю трясло от возмущения, Джекинс задумалась, почему Луэйн так внезапно решил устроить вечеринку и почему — даже не учитывая их личных отношений — все же не пригласил ее с собой.

Она села в огромное мягкое кресло и закурила сигарету со слабым наркотиком. Она вспомнила, как Луэйн отзывался о Хэрольде. Называл его превосходной Жертвой.

А затем, как ни странно, Охотничий компьютер из тысяч всевозможных комбинаций выбрал именно ту, которая необходима Луэйну. Что-то здесь не так. И почему он пригласил на виллу целую толпу народа, а про нее даже не вспомнил?

Ладно, надо как следует во всем разобраться. Луэйн поехал на виллу с друзьями, чтобы заманить туда Хэрольда. Но ведь Хэрольд и его Наводчик Альбани не такие идиоты, чтобы самим полезть в капкан. Они ни за что не появятся в той части острова, где Луэйн благодаря своей щедрости пользовался любовью и уважением крестьян.

Что-то здесь не то. В этой головоломке не хватает какой-то важной детали. Но какой именно? Девушка встала с кресла и принялась мерить шагами комнату. Внезапно ее взгляд остановился на свидетельствах об охотничьих победах Луэйна, которые висели в рамках на стене. Подойдя ближе, она присмотрелась к ним повнимательней. Да, одна из маленьких рам — серебряная с причудливой гравировкой — была пуста. Что же в ней было? Она никак не могла вспомнить. Джекинс уже решила выбросить всю эту историю из головы, как внезапно ей пришла мысль перевернуть рамку. На обороте аккуратным почерком Луэйна было написано: «Эта Карточка Предательства досталась мне в наследство от дяди Освальда, царствие ему небесное».

Луэйн забрал Карточку Предательства? Интересно. Но зачем она ему понадобилась на вилле, где все на его стороне? Вся эта таинственная история запуталась до такой степени, что девушка решила выпить. Она подошла к бару. Рядом на телефонном сто-

ликe лежал листок бумаги. На нем было записано имя и номер телефона. Хортон Фут. Один из заклятых врагов Луэйна.

Опять тупик. С чего бы Луэйн стал звонить человеку, который — и это ни для кого не секрет — ненавидит его и презирает.

Джекинс снова затянулась сигаретой и уселась в кресло. И тут ее осенило. Этот пройдоха Луэйн мог позвонить своему врагу потому, что никому и в голову не могло прийти, что Фут работает на него.

Скорее всего Луэйн договорился с Футом, щедро вознаградив его, чтобы тот продал Карточку Предательства Хэрольду. А неопытный Охотник подумает, что она даст ему преимущество и поможет незаметно пробраться на виллу, где на самом деле его поджидает хозяин с оружием в руках.

Девушке это не понравилось. От поступка Луэйна дурно пахло. Надо же, выбрал себе легкую Жертву, сделал так, чтобы оказаться с ней в паре, а теперь при помощи Карточки Предательства хочет заманить в ловко устроенную засаду! Хитрость необыкновенная, но такие вещи идут вразрез с этикой Охотничьего Мира!

Вот поэтому Луэйн и не пригласил ее на вечеринку — он опасался, что она раскроет все его подлые планы.

Открыв верхний ящик стола, она вытащила записную книжку Луэйна. Среди других был там и номер телефона Хэрольда, записанный аккуратным почерком Луэйна. Никаким честным путем Луэйн не смог бы так быстро узнать, кто на него охотится!

Сняв трубку, Джекинс набрала номер Хэрольда. Это был телефон квартиры Норы. Она же взяла трубку.

— Послушайте, — сказала Джекинс, — мы с вами почти не знакомы. Меня зовут Джекинс Джоунз, и мы встречались на Охотничьем балу. Вы ведь приятельница Хэрольда, не так ли?

— Да, — ответила Нора. — А в чем дело?

Джекинс вкратце рассказала про то, что ей удалось обнаружить.

— Я давно дружу с Луэйном. Сейчас он ведет нечестную игру. Он решил схитрить, а это мне не по душе. Поэтому я вам и позвонила, чтобы вы предупредили Хэрольда. Ему следует позаботиться о своей безопасности.

— О, господи! — воскликнула Нора. — Будем надеяться, что они еще не уехали и у нас еще осталось время. Они сейчас у Альбани. Я немедленно позвоню туда. Спасибо, Джекинс!

Нора, стоя в одной ночной рубашке, с мокрыми после душа волосами, нашла номер телефона Альбани и сняла трубку.

— Квартира Альбани, — ответила на том конце провода Тереза.

— Мне срочно надо поговорить с мистером Альбани или с Хэрольдом.

— Они сейчас в подвале, обговаривают важные дела. Мне приказано ни в коем случае их не беспокоить. А кто это?

— Нора Олбрайт. Хэрольд одно время жил у меня на квартире. Мы с ним из одного городка.

— Да, он рассказывал про вас. Может, передать ему что-нибудь? Он позвонит вам сразу, как только освободится.

— Послушайте, я звоню по чрезвычайно важному делу. Мне только что стало известно, что ему готовят ловушку при помощи Карточки Предательства. Я узнала, что некто Хортон Фут продал ее Альбани. А Фут работает на Луэйна! Все это специально подстроено! Как только Хэрольд окажется на вилле, ловушка захлопнется.

— Господи! — воскликнула Тереза. — Майк не переживет потери еще одного клиента.

— Лучше позовите их из подвала, я поговорю с кем-нибудь из них.

— Простите, — сказала Тереза, — но их там нет. Я сказала неправду.

— Зачем?

— Так приказал мне Майк. Чтобы все думали, что они с Хэрольдом все еще в городе.

— То есть они уже поехали на виллу?

— Час назад. Неужели ничего нельзя сделать? Может, стоит сообщить властям, чтобы те остановили Охоту?

— Нет, — сказала Нора. — Луэйн не нарушил никаких законов. Его поступок противоречит лишь этике и морали. Дайте подумать... Я кладу трубку, у меня возникла одна мысль.

Нора положила трубку на рычаг. Связаться с Хэрольдом или Альбани она не может. Обогнать их и приехать на виллу Луэйна раньше — тоже. Оставалось только одно. И она надеялась, что ей это поможет. Нора набрала телефон «Охотничьего шоу».

Глава 42

Альбани не любил надолго расставаться со своей машиной. Не так много времени отпущено человеку, чтобы сидеть за рулем «Ламборджини», и Майк Альбани желал наслаждаться каждым таким мгновением. Однако профессиональная необходимость переборола личную привязанность. Став обладателем Карточки Предательства, он быстро нашел подходящие маскировочные костюмы для Хэрольда и для себя. Приехав на Центральный вокзал,

они как раз успели на поезд в 19.15, отправлявшийся в Санта-Марту, небольшую деревушку, где располагалась вилла Луэйна.

Вагон был битком набит крестьянами в одеждах черного цвета с плетеными корзинами, полными салями и плодов хлебного дерева, которые в изобилии произрастали на острове.

После получения Охотничьим Миром независимости его основатели задумали первым делом выселить с острова всех коренных жителей и начать все с нуля в демографическом отношении. После долгих споров было решено, что острову необходимы крестьяне. Но не просто какие-нибудь там крестьяне — Эсмеральда нуждалась в крестьянах, которые были бы довольны своей жизнью и не завидовали окружающему их богатству и роскоши. Основатели понимали, что по-настоящему хорошие крестьяне обойдутся недешево, но ничто другое не могло создать на острове обстановку терпимости, которая так ценится в современном мире.

После горячих дебатов было принято решение привезти из Южной Европы крестьян, которые носят береты.

Основатели установили контакты с испанскими и итальянскими агентствами, которые поставляли рабочую силу из Андалузии и Мецподжорно, провели беседы с претендентами, и самые талантливые из них были направлены в пользующуюся заслуженной репутацией Крестьянскую школу в городке Цуг, Швейцария, для окончательной полировки.

Крестьяне на Эсмеральде на самом деле почти не занимались никакой работой, а исполняли декоративные функции. Всю тяжелую и грязную работу выполняли государственные рабы: пахали, сеяли, унавоживали поля и убирали урожай. От крестьян требовалось лишь танцевать перед гостями Эсмеральды по воскресеньям, а в остальные дни недели пить слоуг — мешанину из вина и пива, которую тщетно пытались разрекламировать эсмеральдские виноделы.

А еще они хвастались своим богатством и мужскими способностями, пока их жены поджаривали дома фаршированных кукурузой поросят.

Традиционные крестьянские костюмы разработал сам Джинки из Голливуда: длинные юбки, шаровары и плотно зашнурованные корсажи.

Разумеется, возникали проблемы с крестьянскими детьми, как и с любыми другими, но по достижении совершеннолетия их отправляли в торговые школы Кашмира, и все оставались довольны.

Наблюдательный человек наверняка бы заметил две личности в широких плащах, которые сошли на станции Санта-Мартадель-Кампо, располагавшейся в пятидесяти милях от города.

Они тут же направились в «Голубой Бофор» — самую большую таверну в деревне — и стали вполголоса о чем-то договариваться с владельцем. Один из незнакомцев — молодой парень с пышной фальшивой бородой — показал ему листок бумаги, который крепко сжимал в руке. Хозяин таверны от удивления открыл рот, а затем на его лице появилась хитрая усмешка.

— Не, ну я-то тут при чем, а? — Год учебы в школе для сельских барменов на севере Англии сильно сказался на его речи.

— Мы хотели бы поговорить с Антонио Фериа, — сказал бородатый.

— Он сейчас занят по горло — следит за подготовкой вечеринки на вилле.

— Это нам известно. — В руке бородач появился хрустящий банкнот. — Будь хорошим парнем, отведи меня к нему.

Хозяин взял деньги, изобразил на лице благодарность и пошел к телефону.

Глава 43

Вернувшись вечером из школы, младший Фериа — Джанго — увидел двух незнакомцев, сидевших в гостиной матери. У того, что ростом повыше, была фальшивая борода. Другой — темноволосый, весь в черном, в мягких невысоких кожаных сапогах. Его голубые глаза излучали такую решимость и непоколебимость, что Джанго застыл на месте.

— Кто это? — поинтересовался он.

— Заткнись! — прикрикнул на него отец, Антонио Фериа.

Только тогда Джанго заметил, что на отце белая рубашка с кисточками, которую тот надевал только на похороны и праздники. Наверно, эти незнакомцы очень важные персоны, подумал Джанго, но задавать вопросов больше не стал, потому что хорошо усвоил уроки в Крестьянской школе: не думать о том, о чем тебя не просят.

Тут в комнату вошла его старшая сестра Миранда. Она остановилась, подбоченилась и слегка оттопырила нижнюю губу. Волосы ее были наспех прихвачены лентой. Она была высокой для крестьянки, но ниже, чем настоящие аристократки. Небольшие, но упругие груди распирали грубое полотно крестьянской сорочки. Ноги скрывала длинная юбка, но они тоже наверняка были что надо.

— Папа, что ты натворил? Кто эти люди?

Хотя в ее голосе звучала тревога, по ее лицу было видно, что она с удовольствием оказалась бы в объятиях одного из этих мужчин, а может, и двух, только не одновременно.

Сидевший за грубо сколоченным деревянным столом Антонио Фериа почесал небритый подбородок и налил себе стакан узетта. В его глазах отражалась борьба гнева и усталости.

— Все очень просто, — сказал он. — Этот человек, — он слегка шевельнул покалеченной правой рукой в сторону Хэрольда, — пойдет сегодня на виллу сеньора Луэйна, чтобы прислуживать ему на банкете. Он подаст жареных цыплят вместо Джовио, нового крестьянина, которого сеньор еще не знает в лицо. Ты будешь вместе с ним — понесешь традиционные пироги со шкварками. Понятно?

— Он не местный, — с любопытством разглядывая Хэрольда, заметила Миранда. — Или это новый крестьянин?

— Нет, он Охотник и приехал издалека.

— Охотник? И на кого же он охотится?

Антонио ответил взгляд в сторону. Его лицо исказила гримаса.

— Он охотится на сеньора Луэйна, эль патроне, — наконец выдал он из себя и снова наполнил свой стакан.

— Отец! Как ты можешь предать сеньора Луэйна, который столько сделал для тебя и для всей деревни?

Антонио Фериа что-то неразборчиво пробормотал и зашаркал по земляному полу. Его деревянные башмаки, несколько пар которых он дешево купил на рынке в Санта-Каталине, уже почти сносились от шарканья по грязному двору.

— Но у меня нет другого выбора! — с жаром воскликнул он. — Дело в том, что у него есть Карточка Предательства. Ты же знаешь, что государство карает тех, кто отказывается предавать по требованию владельца такой карточки.

— Тогда у тебя действительно нет другого выбора, — согласилась Миранда. — Но как ему пройти мимо охраны?

— Мы дадим ему документы Джовио.

— Отец, но Джовио ростом всего лишь пять футов!

— Значит, ему придется сутулиться. А ты пококетничаешь с охранниками. Соседи говорят, у тебя это неплохо получается. Кроме того, ты должна научить его шаркать ногами.

Миранда повернулась к Хэрольду:

— Пойдем. Посмотрим, что у тебя получится.

— Минутку, — сказал Хэрольд и посмотрел на Альбани. — Ну, я пошел.

— План виллы не забыл? — спросил Наводчик. — В поезде у нас не хватило времени как следует его изучить из-за этой неразберихи с бутербродами и того придурковатого заклинателя змей.

— Я все помню. Думаешь, получится?

— Конечно, получится! До того, как ты пустишь ему пулю в

лоб, он не будет ни о чем подозревать. Помнишь, как обращаться с костюмом-хамелеоном? Пистолет с тобой? Заряженный?

— Да, да. А ты где будешь?

— Я вернусь в таверну, — ответил Наводчик. — Буду пить черный кофе и грызть ногти, пока ты не придешь и не скажешь, что все в порядке.

— Или пока кто-нибудь другой не скажет, что у меня ничего не вышло.

— Не говори так, ты можешь сглазить. Удачи тебе, Хэрольд. Как говорится, ни пуха!

Миранда взяла Хэрольда за руку.

— Пойдем, — сказала она хрипловатым, но на редкость женственным голосом.

Глава 44

— Не так, — сказала Миранда, — надо еще больше согнуться, голову втянуть в плечи, а ногами как можно сильнее шаркать по полу.

Они находились в ее спальне — небольшой хижине ярдах в двадцати от отцовского дома, именно на таком расстоянии полагалось строить жилье для не слишком набожных крестьянских девушек брачного возраста. Тут она пыталась научить Хэрольда «крестьянскому шарканью». Естественно, нечего было и надеяться, что он осилит эту науку за одну ночь. Ведь в Цуге — в Крестьянской школе один только курс раболепия и низкопоклонства занимал целый семестр. Слава богу, что Хэрольду не требовалось учить всякие тонкости, благодаря которым сразу можно определить социальный статус крестьянина, потому что скорее всего ему не придется ни с кем встречаться. А в сумерках его сторбленная фигура вряд ли привлечет внимание пьяных охранников в полосатых двубортных костюмах, которые слонялись вокруг виллы, куря сигареты и отпуская сальные шуточки в адрес женщин.

— Так лучше? — спросил Хэрольд, согнувшись и втянув голову в плечи.

— Теперь ты похож на регбиста, который собирается передать пас.

— А сейчас?

— На подстреленного медведя, который готов разорвать в клочья любого, кто попадет в его лапы.

Хэрольд выпрямился.

— От этого сгибания у меня уже спина разламывается.

Миранда кивнула, любуясь его крепким мускулистым телом, хотя перед этим дала себе зарок не воспринимать Хэрольда как

мужчину. «*Capriesti dil dnu!*» — мысленно произнесла она старинное ругательство, которое не следовало знать воспитанным девушкам. Он был такой красивый. Миранда задержала на нем взгляд гораздо дольше, чем следовало, а потом отвернулась. А секундой позже она совсем не удивилась, когда он подошел к ней вплотную. Близость этого огромного, немного неуклюжего парня не просто волновала ее. Миранда чуть не лишилась чувств от запаха его пота, смешанного с ароматами жасмина и бугенвиллеи, которые легкий ветерок разносил по сонному тропическому острову.

— Когда нам нужно быть на банкете? — спросил Хэрольд после непродолжительного молчания, от которого у девушки чуть не остановилось сердце.

Она оценила его откровенность и бросила на него молниеносный взгляд темных глаз, в котором содержался древний как мир призыв к действиям, понятный без всяких слов.

— Мы можем прийти туда за час до начала, поэтому у нас достаточно времени, — сказала она, четко произнося каждое слово, чувствуя, что сердце готово вырваться из груди.

— Тогда давай устроимся поудобнее, — предложил Хэрольд, ложась на кровать.

Сомнения Миранды длились лишь долю секунды. Может, ее удерживала мысль о том, что сейчас она распрощается со своей девственностью — это всегда имеет важное значение для всякой женщины. «Черт побери его вместе с его неуклюжей соблазнительностью!» — подумала девушка. Она перестала бороться с желанием, которое переполнило ее душу, поднимаясь из каких-то новых, до сих пор неизвестных ей глубин, и бессильно легла рядом с ним на кровать, хотя эта слабость и была ее силой.

— Сладкоголосый негодяй, — прошептала она.

Ее губы скользнули по его длинному прямому носу и жадно впились в его уста.

Глава 45

В мире, где не существует табу на секс, пьянство, наркотики или убийство, трудно найти что-нибудь такое, что не станешь делать каждый день, а позволишь себе лишь на вечеринке. Необычные развлечения — вот что позарез требовалось тем, кто устраивал банкеты на Эсмеральде.

В Древнем Риме типичный состоятельный устроитель вечеринок, которому так же не хватало скромности, как и его современному последователю в Охотничьем Мире, угощал своих гостей таким редким и неперевариваемым блюдом, как языки индюков с трюфелями, которые подавались вместе с кусочками охлажден-

ного жира рабов, как об этом беспристрастно сообщает папирус, найденный в Геркулануме.

В те времена гость, который не отставал от моды, должен был с радостью запихать эту еду в глотку, а потом стремглав нестись в vomиториум, выbleвать все, вытереть рот, справить малую нужду и вернуться к следующему блюду.

Но, разумеется, вряд ли древнего римлянина можно считать утонченным ценителем. Луэйн всегда старался выдумать для своих вечеринок нечто совершенно новое, чтобы наповал сразить присутствующих и бросить вызов среднему классу, почти уподобляясь дадаистам.

Раз людям на Эсмеральде разрешалось все что угодно, надо было заставить гостей удивляться обычным вещам, используя для этого законы парадокса и превращая шекотание нервов в интеллектуальное занятие. Именно этим и руководствовался Луэйн, придумав стриптиз-наоборот, который стал пользоваться необычайной популярностью.

Это извращенное представление было показано сразу же после кофе со шербетом в большом обеденном зале. Гости Луэйна сидели за столами, расставленными в форме подковы. С внешней стороны столов сновала прислуга, которая разносила блюда, наполняла бокалы, предлагала кокаин (он до сих пор пользовался популярностью, хотя сила его действия — чего не скажешь про цену — таинственным образом уменьшилась после его официального разрешения в Соединенных Штатах).

Слугами были крестьяне из соседней деревни, которые ради такого праздника переоделись в воскресные одежды — широкие юбки и короткие кожаные штаны на подтяжках. Если бы кто-нибудь пригляделся повнимательней, то увидел бы среди толпы прислуги одного человека, выше всех на голову и слишком неуклюжего даже для крестьянина. Тирольский камзол слуги, или кем он там был, сильно оттопыривался с одной стороны. Может, он прятал там украденную бутылку вина, которую решил выпить потом в таверне со своими неотесанными друзьями. А может, это было нечто еще более страшное, например огромная опухоль. Такие вещи демонстрировали приезжим кинооператорам крестьяне, проживавшие в отдаленных уголках острова. Это мог быть даже «смит-энд-вессон» в наплечной кобуре.

Но в этот момент взоры всех гостей были прикованы к обнаженной девушке, которая только что вошла в обеденный зал и поднялась на небольшую эстраду, которую окружали столбы. За собой она везла блестящий чемодан фирмы «Самсонайт» на колесах. В зале послышались вялые аплодисменты. Но на самом деле ее появление ничуть не заинтересовало гостей. Чемоданы, пусть даже на колесах, все видели не раз.

Но когда она сладострастным жестом открыла замки и перед собравшимися явился настоящий гардероб, в зале послышался возбужденный шепот — гости поняли, что девушка собирается одеваться, а такого представления почти никто из них никогда не видел.

Медленными дразнящими жестами она достала из открытого чемодана лифчик, трусики и чулки. Напряжение усилилось, когда она нерешительно замерла, выбирая платье, и наконец остановилась на ярко-красной накидке из шелка, через которую просвечивались только что прикрытые изгибы ее тела. Гости перешептывались с растущим возбуждением, хотя трудно было определить, настоящее оно или наигранное.

Теоретически каждый знал, что возрастание сладких эротических чувств можно было повернуть в обратном направлении и получить интеллектуальное наслаждение от волшебства укрывания женских прелестей. Главным здесь, как и во многом другом, было заставить себя почувствовать то, что требовалось чувствовать в подобных случаях.

В конце, когда стриптизерке-наоборот — теперь уже полностью и со вкусом одетой (не обошлось даже без длинных, по плечи, белых перчаток) — настало время набросить на себя натуральную шубу, от аплодисментов не могли удержаться даже самые равнодушные. Гости понимали, что происходит нечто очень эстетическое и интеллектуальное, и решили полностью насладиться этим чувством.

Наконец девушка набросила на плечи боа из голубого русского соболя, поклонилась и покинула эстраду. В зале началась овация. Вечеринка Луэйна, как всегда, удалась на славу.

Скоро веселье подошло к концу. Гости хотели побыстрее вернуться домой, потому что завтра их ждал особый день: бои в Коллизее, автомобильные стычки, клоуны-самоубийцы и Великая Расплата, конец которой ознаменует начало Сатурналий.

Гости разезжались на мощных лимузинах. Немного погодя виллу покинули и слуги на никудышных «Фиатах». Луэйн пошел в спальню, потому что планировал встать рано, чтобы утром уже быть в городе. Автоматически включилась сигнализация, в доме погасли огни, и наступила ночь.

Глава 46

Ночь, таинственная и темная, ласковая и всепроникающая, заполнила виллу Луэйна. В свете, который посылали на землю звезды и узкий серп луны, на сером фоне темнели силуэты деревьев.

В доме было еще темнее. В кладовке рядом с кухней одна из до сих пор неподвижных теней вдруг пошевелилась. Внезапно блеснувшая молния, столь нетипичная для этого времени года, осветила через зарешеченное окошко груды мешков с картошкой. Один из них двигался.

Хэрольд разогнулся и сбросил с себя мешок. Крестьянскую одежду он снял еще раньше и теперь стоял в костюме-хамелеоне, который Альбани в последнюю минуту все-таки успел подобрать по его росту.

Костюм-хамелеон, который еще иногда называли «кимонониндзя», или *traje de invisibilidad*¹, выгодно отличался от использовавшихся ранее коричнево-зеленых маскхалатов, которые могли помочь остаться незамеченным разве что в сумерках посреди лиственного леса. Костюм-хамелеон делал человека незаметным на любом фоне. Он представлял собой стеклянно-волоконистый телеэкран, которому техники-портные придали форму цельного гидрокостюма с капюшоном и маской.

Фотонмикричный материал, из которого он был изготовлен, при помощи особых свойств стекловолокна и лазерного покрытия мог принимать любые оттенки и цвета поверхности, на фоне которой находился его владелец.

Эффективнее всего он действовал, разумеется, ночью, так как подстроиться под черный цвет было гораздо легче. На ярком фоне изображение иногда казалось темнее на пять-десять спектральных линий. Иногда на нем появлялись непонятные голубовато-холодные вспышки, что создавало определенные трудности, особенно на равнинной местности. Разумеется, в костюме имелась система автоматической настройки цветности. На Хэрольде же была новая модель с автоматической подстройкой яркости или — когда необходимо — тусклости.

Хэрольд тихо двигался через темную гостиную, а его костюм повторял рисунки светотеней на стенах, двигавшиеся, как кольца на воде. В руке он сжимал свой верный «смит-энд-вессон».

Внезапно послышалось глухое рычание, и Хэрольд замер. Посмотрев через инфракрасные очки в угол комнаты, он увидел грозный силуэт добермана-пинчера. Заметив хищный изгиб собачьей спины, Хэрольд понял, что перед ним так называемый Бешеный Убийца, которых боялись все, не исключая владельцев.

Про добермана ему никто не сказал. Хэрольду не хотелось убивать еще одну собаку. Кроме того, прицелиться в темноте было трудно даже в инфракрасных очках.

Доберман приблизился и обнюхал Хэрольда. Затем собака из-

¹ Костюм-невидимка (*исп.*).

дала хриплый звук, как человек, пытающийся собраться с мыслями, и улеглась возле ног Охотника.

Лишь потом Хэрольд узнал, что грозный пес принадлежал не Луэйну, а Антонио Фериа и ему дали команду «сегодня никого не убивать». Однако хозяин не позаботился о том, чтобы предупредить об этом Хэрольда. Этакая крестьянская шуточка.

Фериа приказал собаке не трогать Хэрольда не из-за особого расположения к Охотнику, а лишь потому, что этого требовал закон. Недавно Верховный суд Охотничьего Мира принял постановление, согласно которому животные, принадлежащие человеку, идущему на предательство, и переданные во временное пользование другим людям, тоже не должны сохранять верность.

Обойдя лежащего зверя, Хэрольд продолжил свой путь по гостиной. Благодаря инфракрасным очкам он не налетел ни на один из низких столиков, уставленных антикварными безделушками, иначе натворил бы немало шума. На цыпочках он обошел роликовые коньки Луэйна, которые валялись посреди комнаты, небрежно брошенные хозяином. Тоненькие голубые лучики света из крохотных лампочек на потолке отражались на поверхности пистолета, который Хэрольд крепко сжимал в руке. В теплом воздухе пахло жареным мясом, йоркширским пудингом и гаванскими сигарами — именно такие ароматы остаются после удавшейся вечеринки. Впереди виднелась дверь, ведущая в спальню Луэйна.

Вытащив специальную магнитную карточку, которую дал ему Альбани, Хэрольд осторожно сунул ее в прорезь замка. Понесся едва слышимый звук, как будто что-то хрустнуло или клацнуло. Прошептав старинную охотничью молитву — «Все будет хорошо», — Охотник проскользнул в комнату.

Через инфракрасные очки он различил в углу комнаты кровать, на которой кто-то лежал. Он поднял пистолет и коснулся пальцем спускового крючка. И в этот момент вспыхнул свет.

Глава 47

Хэрольд увидел, что на кровати лежит старый спальный мешок Луэйна, набитый рубашками. А сам Луэйн сидит в удобном кресле в нескольких футах за его спиной.

— Никаких резких движений, приятель! — приказал он. — Я держу тебя на прицеле автоматической винтовки «ремингтон-1100» 20-го калибра с полным магазином патронов, в каждом из которых пуля номер восемь весом в одну унцию и одиннадцать с половиной граммов пороха «красная точка». И оба ствола заряжены.

— Зачем ты все это мне рассказываешь?

— Хочу, чтобы ты понял: одно неосторожное движение — и я размажу тебя по стенам.

— Это твои стены, — ответил Хэрольд.

— Их потом можно покрасить заново.

Но было заметно, что такая перспектива Луэйну не особенно нравится.

— Наверно, хочешь, чтобы я бросил пистолет на пол?

— Как раз наоборот. Мне лучше убить тебя, когда ты держишь оружие в руках. По правде говоря, если бы ты бросил пистолет, я бы заставил тебя поднять его.

— А что ты сделаешь, если я не выброшу пистолет?

— Я все равно тебя убью, — ответил Луэйн. — Ведь это конечная цель моей операции — не так ли? Но сначала я хочу немного насладиться этим моментом.

Хэрольд по привычке как следует обдумал слова Луэйна.

— Что ж, — наконец сказал он. — Думаю, это твое законное право.

— Но я не смогу получить истинного наслаждения, если не увижу твое лицо. Медленно повернись, пистолет направь вниз.

Хэрольд выполнил приказ. На Луэйне был шелковый халат белого цвета с вышитыми китайскими драконами. Он спокойно развалился в кресле — так может сидеть в своей спальне человек, направивший дуло винтовки в сердце грабителя.

— Я все придумал сам, — гордо сообщил Луэйн. — Сузер помог мне лишь в некоторых мелких деталях. Но сама идея принадлежит исключительно мне: подготовить Фута продать Карточку Предательства этому идиоту Альбани, заманить тебя на виллу, отключить сигнализацию, чтобы ты смог пробраться в спальню. С самого начала ты был обречен. Потому что я умный. Очень умный. Ты вынужден со мной согласиться, правда?

— Ты действительно умен, — кивнул Хэрольд. Он никогда не кривил душой, если кто-то действительно заслуживал похвалу. — Поздравляю тебя, Луэйн.

— Спасибо.

Воцарилась напряженная тишина.

— Это не так уж и просто, — наконец произнес Луэйн.

— Что именно?

— Взять и убить тебя. Когда ты просто стоишь. А ты не мог бы сделать какое-нибудь угрожающее движение?

— Это уж слишком, — ответил Хэрольд.

— Да, тут ты прав. Слушай, может, ты отключишь свой костюм-хамелеон? От этих переливов цветов у меня уже в глазах рябит.

Хэрольд выполнил просьбу и расстегнул «молнию». Костюм был цельным, стекловолокну не пропускало воздух, и Хэрольд порядком вспотел.

— Ладно, — сказал Луэйн, — времени и так мало. Очень плохо. Ты мне нравишься, Хэрольд.

Он поднял винтовку. Хэрольд пристально смотрел Луэйну в глаза.

— Не надо так на меня смотреть, — попросил Луэйн.

Хэрольд закрыл глаза.

— Нет, так еще хуже.

Хэрольд снова открыл их.

— Дело в том, что мне еще никогда не приходилось убивать таким образом. Всегда какие-то погони и прочее. Ты меня понимаешь?

— Конечно, — ответил Хэрольд.

— Нет, это совсем не годится, — решил Луэйн. — Слушай, может, ты откроешь окно и попытаешься выпрыгнуть?

— А ты что будешь делать?

— Подожду пару секунд, а потом пристрелю тебя.

— Я так и думал, — сказал Хэрольд.

Ему внезапно пришло в голову, что, возможно, таким образом у него появится шанс выстрелить раньше, чем Луэйн. Если ему улыбнется судьба, они оба погибнут и никто не будет победителем.

Он прошел через всю комнату и сел на кровать Луэйна. Хэрольд рассчитывал, что хозяин не станет убивать его здесь — слуги уже разъехались по домам, так что Луэйну самому придется менять простыни.

— Ладно, — сказал Луэйн, — еще немножко поразвлекаюсь, а потом пора с тобой кончать, даже если мне сегодня придется спать в комнате для гостей.

Значит, у него не осталось ни малейшего шанса! Хэрольд напрягся, ожидая, что Луэйн расслабится на какое-то мгновение и тогда ему удастся сделать первый выстрел.

Внезапно в комнате вспыхнул яркий свет и раздался оглушительный грохот. Испугавшись, Хэрольд тут же перекатился через кровать и плюхнулся на пол с другой стороны. Луэйн выстрелил, но у него не было времени как следует прицелиться, и, как всегда, он взял немного вверх. Пуля попала в люстру. Где-то за стеной истерично залаял доберман. В комнате запахло кордитом.

И тут раздался усиленный громкоговорителем голос:

— Эй, вы! Официальное заявление! Немедленно прекратить стрельбу! Дуэль отменяется!

— Что происходит? — спросил Хэрольд, обращаясь к Луэйну.

— Понятия не имею. Дуэль никогда не отменяется, разве что...

— Что?

Дверь в спальню распахнулась. В сопровождении звукооператоров и осветителей в комнату вошел Гордон Филакис, ведущий «Охотничьего шоу».

— Привет, друзья! — сказал он. — Итак, мы находимся на вилле Луэйна Добрея, изобретателя стриптиза-наоборот, очень решительного, но в последнее время не совсем везучего Охотника. Не так ли, Луэйн? Рядом с ним — Хэрольд Эрдман, молодой Охотник-новичок. Это его первая Охота. Вы, вероятно, помните его из нашей вчерашней передачи. Как дела, Хэрольд?

— После вашего прихода гораздо лучше. Но зачем вы сюда приехали?

— Твоя подружка — Нора Олбрайт — позвонила нам в студию и расхвалила тебя как могла. Когда нам стали известны кое-какие детали... — он многозначительно посмотрел на Луэйна, — мы решили на этот раз отказаться от нашей традиции выбирать кандидатов при помощи компьютера. Джентльмены, поединок откладывается до завтра... когда вы оба появитесь в Колизее для Великой Расплаты!

Через толпу протиснулся Альбани. Обняв Хэрольда за плечи, он гордо произнес:

— Все вышло так, как я предполагал.

— Ты хочешь сказать, что все это ты запланировал? — удивился Хэрольд.

— Скорее предвидел ход событий, как и полагается хорошему Наводчику. Самое главное, ты не проиграл. Великая Расплата! Награда в десять тысяч долларов! И пять тысяч Наводчику!

— И это еще не все, — добавил Луэйн. Подойдя к ним, он взял Хэрольда за руку. От волнения его голос стал хриплым. — Ты новичок, Хэрольд, и не знаешь, что такое Великая Расплата для настоящего Охотника. Это наивысшая честь, о которой он может только мечтать: возможность убить противника на глазах у тысяч зрителей и обрести бессмертие на видеокассетах. Это настоящая слава, Хэрольд, и я ждал ее всю жизнь. Спасибо тебе, увидимся завтра.

Он дружески похлопал Хэрольда по плечу и направился к Гордону Филакису, который как раз брал интервью у Антонио Ферри. Крестьянин рассказывал, что именно ему принадлежал весь план операции.

— Пойдем отсюда, — сказал Альбани.

— Куда?

— Где-нибудь поужинаем и как следует выпьемся. Ты попал в шоу-бизнес, Хэрольд, и завтра состоится твоя премьера.

Глава 48

С утра день выдался солнечный и безветренный, на небе — ни облачка. Идеальный день для Убийства. Толпы людей заранее стали стекаться к Колизею. По арене маршировали колонны с оркестрами, каждая несла флаг своего кантона.

А под ареной располагался целый лабиринт мастерских, автомобильных ям, раздевалок для бойцов и других участников представлений, оружейных комнат. Попасть туда можно было через люки на арене или проходы с внешней стороны амфитеатра. Ремонтные бригады ожидали там как людей, так и машины. Ждали и служители в черном, которые отвозили павших эсмеральдских воинов на кладбище Бут-хилл.

К полудню на трибунах не осталось ни одного свободного места. Они делились на солнечные и теневые секторы, как и на испанской корриде. Секторы, где размещались ложи для почетных гостей, были снабжены специальными козырьками от солнца.

День был чудесный. Солнце стояло в зените. Все женщины были одеты в яркие праздничные платья. В воздухе пахло жареным мясом и чесноком. По проходам сновали разносчики, предлагая зрителям хот-доги, бурритос, сэндвичи, сладости, разнообразные напитки, наркотики, программки и футболки с изображениями участников представлений. Между рядами весело бегали дети. Лаяли собаки. Кругом царил непринужденная атмосфера, которая часто бывает там, где полностью отсутствует хороший вкус.

С одной стороны арены, где располагалась площадка для Убийств, виднелась застекленная комментаторская кабина. Телекамеры были расположены таким образом, чтобы дать возможность операторам снимать одновременно и события на поле, и выражения лиц зрителей. Возле микрофона в зеленом спортивном пиджаке с гербом Охотничьей академии на лацкане сидел сам мистер Охотничий Мир — Гордон Филакис.

— Приветствую вас, друзья! С вами снова Гордон Филакис. Какой прекрасный день для кровавых поединков! Вы согласны со мной, любители спорта? Как всегда, все билеты на этот главный спортивный праздник Эсмеральды раскуплены до единого. Вы увидите все, что происходит на арене, самые захватывающие моменты будут сниматься крупным планом и повторяться в замедленной съемке. Но прежде всего разрешите представить вам нашего старого друга, полковника Рича Фаррингтона, человека, который, как никто иной, разбирается в искусстве убивать.

— Спасибо, Гордон. Я очень рад, что ты пригласил меня сюда.

Фаррингтон оказался высоким худощавым мужчиной с ежиком седых волос, орлиным носом и тонкими бескровными губами.

— Ты командовал Международной бригадой наемников, самой пестрой бандой профессиональных убийц за всю мировую историю, не так ли, Рич?

— Да, Гордон, это были незабываемые деньки. Дело в том, что последняя война была не полностью ядерной. Несмотря на скоротечность и безликость, она породила несколько чудесных битв, где принимали участие и люди.

— Ты со своими парнями участвовал в кампании Литтл-Чако, правда, Рич?

— Конечно, Гордон, и уверяю тебя, что Южная Америка — хотя там давно уже нет джунглей — до сих пор остается чудесным местечком. Мы с ребятами также прикрывали отход наших войск возле Лимпопо. Это такая река в Африке. Да, там было на что посмотреть! Чего стоили одни только пулеметы и гранатометы!

— Я не раз видел кинохронику этих событий, полковник, как, впрочем, и наши зрители. Битва при Лимпопо до сих пор считается самой популярной. Кстати, в следующем сезоне наша студия начинает трансляцию военной кинохроники от первого до последнего дня войны. Не пропустите ни одной серии, друзья. Программа будет называться «Чудесный мир кровопролития».

— Да, это была хорошая война, — сказал полковник Фаррингтон. — Однако должен признать, что вы — граждане Охотничьего Мира — по-своему дали мне возможность тихо и спокойно наслаждаться прекрасными и жестокими сценами насилия. Ничего более замечательного я никогда еще не видел. Я не отношу себя к критикам-искусствоведам, но могу с уверенностью сказать, что кое-что из того, чему я стал свидетелем здесь, несет в себе довольно осязаемый элемент сюрреализма. Я, конечно, не интеллеktуал — упаси боже! — однако считаю, что здесь, в Охотничьем Мире, люди обладают большим талантом и приносят зрителям гораздо больше наслаждения, чем те так называемые художники Европы и Америки, которые размазывают по полотну блеклые краски и даром марают бумагу своими бессмысленными словами. Прости, Гордон, я, кажется, немного ушел в сторону.

— Не надо извиняться, полковник. Ты наш парень. Нам тоже нравится лишь то, что мы в состоянии понять. Например, Убийство. Так что ничего страшного. Спасибо, что заглянул к нам, Рич.

— Мне очень приятно, что ты меня пригласил, Гордон. Я всегда приезжаю посмотреть на Великую Расплату и начало Сатурналий. Ни за что на свете не пропущу это чудесное зрелище!

— Еще раз спасибо, Рич. Ну, я вижу, все уже готово к пред-

ставлению. Вот-вот на арене появятся клоуны-самоубийцы, которые имели бешеный успех в прошлом году. Вы снова станете свидетелями игр пешеходов, автомобильных стычек, соревнований на молниеносных серпоциклах и, наконец, Великой Расплаты. Надеюсь, что вы запаслись достаточным количеством пива, чтобы не пропустить ни одной секунды этого захватывающего зрелища.

Глава 49

В отгороженной занавесями ложе в дорогом теновом секторе сидели Микеланджело Альбани, его жена Тереза и Нора Олбрайт. Альбани был одет в куртку из легкого серого шелка, на голове у него красовалась традиционная для Наводчиков соломенная шляпа с черно-белой ленточкой. Нора была в белом платье и красной шляпке с откинутой черной вуалью, которая закроет ее лицо, если Хэрольд проиграет поединок.

Норе даже не верилось, что Хэрольд — парень, которого она знала еще по Кин-Уэлли, штат Нью-Йорк, — будет принимать участие в Великой Расплате. Надо же, ему посчастливилось попасть на самое престижное представление Охотничьего Мира! И все равно он остался тем же старым приятелем, неуклюжим, самонадеянным и ужасно везучим.

— Волнуешься? — спросила Нору Тереза.

Нора кивнула.

— Мне так хочется, чтобы он победил! Но я за него ужасно боюсь. Майк, как ты думаешь, у него есть шансы на победу?

— И довольно неплохие, — ответил Альбани. — Ты просто гениально поступила, позвонив Гордону Филакису и рассказав ему про фокус-покус с Карточкой Предательства. Только благодаря этому мы попали в Великую Расплату — самую главную дуэль года. Хэрольд уже психологически настроился на бой, его уже ничто не остановит. Расслабься и постарайся получить удовольствие от игр.

— Постараюсь. — Нора вытерла глаза крохотным носовым платочком. — Но не знаю, смогу ли.

— На арену выходят клоуны-самоубийцы, — сообщил Альбани. — Они же тебе нравятся, не так ли?

Лицо Норы прояснилось.

— Конечно, они всегда такие забавные.

— Тогда расслабься и наслаждайся зрелищем. А я пойду вниз готовить Хэрольда к поединку. Не беспокойся за него, дорогая. Ему ужасно везет, а везение во все времена ценилось куда больше, чем способности.

Глава 50

Появление на арене клоунов-самоубийц было встречено бурными аплодисментами. Желających оказаться среди них было хоть отбавляй, заявки поступали со всего мира. Некоторые люди считали, что, если их смерть принесет кому-нибудь радость, — она не напрасна.

— Сегодня, — объявил Филакис, — нам повезло. С нами — мистер Томми Эдвардс, директор и режиссер Школы клоунов-самоубийц Охотничьего Мира. Мы вдвоем прокомментируем их веселое представление. Привет, Томми!

— Привет, Гордон! Что ж, до спектакля остались считанные минуты.

— Да, Томми. Рабочие возводят посреди арены двухэтажное здание. Это копия старинного банка. Чувствую, номер будет что надо. А как называется спектакль?

— Номер называется «Ограбление банка». Это пародия на старинный телесериал «Кейстонские полицейские».

— Прекрасно, — сказал Филакис. — В банке полно кассиров и клиентов в клоунских костюмах. Якобы это обычный рабочий день в банке небольшого американского городка лет сто назад. А вот появляются и грабители на двух шикарных автомобилях. На них забавные костюмы, лица разрисованы красками. Грабители врываются в банк, размахивая оружием. Один из кассиров пытается оказать сопротивление. Грабитель стреляет в него. Кассир отдает Богу душу, посылая публике воздушные поцелуи. Отличная идея, Томми.

— Спасибо, Гордон. Теперь, прихватив добычу, аккуратно упакованную в небольшие брезентовые мешочки со знаком доллара, бандиты выбегают из банка и прыгают в машины. С другой стороны арены появляется еще один старинный автомобиль с откидным верхом. Это патрульная машина, в которой сидят кейстонские полицейские. Под градом пуль автомобили грабителей срываются с места. Убиты несколько ни в чем не повинных прохожих. Разумеется, их тоже играют клоуны-самоубийцы.

— Машины гоняются одна за другой по всей арене, — подхватил Филакис, — они пытаются избежать препятствий, которые устанавливают на их пути рабочие сцены. Грабители и полиция обмениваются выстрелами, кидают друг в друга ручные гранаты. Наконец грабители снова останавливаются возле банка. Забежав на последний этаж, они устраивают баррикаду на лестнице. Появляются клоуны-самоубийцы в комичных полицейских костюмах. Начинается осада. Полиция устанавливает тяжелые пулеметы и гранатометы. Тела клоунов-самоубийц разрыва-

ются в ключья и разлетаются в разные стороны. Зрители в восторге. Мы потом еще посмотрим видеозапись, но могу уже сейчас сказать с полной уверенностью — такой кровавой бойни мне давно уже не приходилось видеть. А ты что скажешь, Томми?

— Полностью согласен с тобой, Гордон. Знаешь, я до сих пор поражаюсь, сколько пуль способно выдержать человеческое тело и все равно двигаться, нажимать на спусковой крючок, посылая пули в другие тела. На душе становится приятно, когда видишь такую мощь человека, не так ли?

— Ты прав, Томми.

— Еще раз хочу напомнить нашим зрителям, что погибнуть в канун Сатурналий перед камерами «Охотничьего шоу» — предел мечтаний для любого самоубийцы.

— Томми, на арене осталось всего восемь клоунов. Тебе не кажется, что их энтузиазм немного порастрагился? По правде говоря, они и так уже немало потрудились, учитывая такую сложность трюков.

— О, мои парни никогда не выходят из игры, Гордон. Не для того мы с ними работаем в Школе клоунов-самоубийц.

— Томми, пока клоуны перезаряжают оружие, почему бы тебе не рассказать нам про знаменитую Школу клоунов-самоубийц?

— Ну, как ты знаешь, Гордон, со времени принятия закона о разрешении самоубийств большинством стран этика претерпела значительные изменения. Почти везде перестали наказывать неудачников, которые не довели дела до конца из-за отсутствия мужества или по каким-нибудь другим причинам. Но мы в Охотничьем Мире твердо уверены: если уж принимается закон, то его требуется неукоснительно выполнять. Если человек становится членом Школы клоунов-самоубийц, он подписывает обязательство уйти в мир иной в то время и при таких обстоятельствах, как решат директор, режиссер или его ассистенты. Ведь несовершенное самоубийство — самое настоящее фиаско.

— Может, ты нам расскажешь, как вам удается заставлять людей выполнять подписанные ими контракты? Я имею в виду, если какой-нибудь клоун-самоубийца откажется покончить с собой или позволить это сделать с ним кому-то иному, как того требует директор. Что вы делаете в этом случае? Казните его?

— Конечно, нет. Ведь ему только того и нужно — чтобы кто-то другой взял на себя ответственность за его смерть. Нет, Гордон, если клоун-самоубийца начинает дрожать, следует очень простое наказание. Ему полагается по закону до конца своих дней красить нос в красный цвет и носить на спине надпись «Трус».

И жить как можно дольше. Могу тебя уверить, такое случается крайне редко.

— Я в этом убежден, Томми, — согласился Гордон Филакис. — Я вижу, клоуны-самоубийцы уже перезарядили пистолеты и снова готовы ринуться в бой. Грабители выходят из банка с оружием в руках, но пока не стреляют. Они образуют круг вместе с полицейскими. На середину выходит главный клоун. У него на голове высокий черный цилиндр из шелка. Он снимает его. Оттуда вылетает голубь. Это условный сигнал.

Все одновременно начинают стрельбу! Прощитые пулями тела падают на землю! Вот это да, настоящее море крови! Ого, веселье почище, чем в аду! Только послушайте, какие овации!

Смотрите, главному клоуну каким-то образом удалось остаться в живых, хоть он стоял в самом центре круга. Истекая кровью, он все же поднимается на ноги. Он приветствует публику и надевает цилиндр...

Внезапно цилиндр взрывается! Там находилась бомба! Сначала голубь, а потом бомба! О Томми, какой замечательный финал! Как тебе удалось придумать такое чудо?

— Совсем нетрудно, Гордон. Гораздо сложнее на репетициях.

Глава 51

Внизу, под ареной, в артистической уборной со звездой на дверях Альбани растирал Хэрольду спину и давал последние указания.

— Я не знаю, как именно будет проходить дуэль. Каждый год придумывают что-нибудь новое. Старейшины Охотничьей академии принимают решение в последнюю минуту. Поэтому не забывай слова Чана. Будь готов к самому неожиданному. Чувствуешь себя нормально?

— Знаешь, — сказал Хэрольд, — для меня это настоящее развлечение. Я имею в виду Охоту. Одно только плохо — кто-то обязательно должен погибнуть. Конечно, я знаю, что без этого не обойтись, но все равно это очень плохо.

— Если ты не выкинешь из головы эту мысль, можешь сразу попрощаться с жизнью, — предупредил Альбани.

— Я не позволю ему убить меня, — решительно произнес Хэрольд.

В противоположном конце помещения для актеров, в другой уборной, тоже со звездой на дверях, находился Луэйн со своим Наводчиком Сузером. Рядом с ними сидел Джон Сэкс — тренер, которого Луэйн нанял специально для этого мероприятия.

Сэкс был толстый, тупой, невоспитанный, и от него разлило потом. Но все эти недостатки перевешивало его единственное достоинство. Шурин Сэкса — Хостилиус Вира служил главным оружейным мастером Охотничьих игр. Это означало, что Вира первым узнает, какое оружие и какие специальные приспособления будут использоваться для Великой Расплаты. А так как Вира всегда помогал семье и сочувствовал своей сестре Петрилле, Сэкс мог узнать от родственника, каким оружием следует запастись.

— Ну где же твоя информация? — спросил Луэйн, от волнения произнося «н» немного в нос.

— Не знаю, почему он задерживается, — стал оправдываться Сэкс. — Вира никогда меня не подводил. Он обещал позвонить еще полчаса назад.

— Желательно, чтобы он поторопился, — сказал Луэйн. — Иначе все это барахло окажется совершенно бесполезным. — Он кивнул в сторону двух огромных мешков, которые он с Сузером пронесли сюда, подкупив охранника. — Скоро начнется поединок, а я еще не знаю, что меня ожидает.

— Все будет в порядке, босс, — противно зашевелил толстыми губами Сэкс, словно пачкая слова, чтобы ими уже никто не смог воспользоваться.

В этот момент зазвонил телефон.

Глава 52

— А сейчас к нам присоединится, — сказал Гордон Филакис, — Мэл Протт, трехкратный чемпион в соревнованиях на серпоциклах — мотоциклах с объемом двигателя до тысячи кубических сантиметров, оснащенных серпами. Рад, что ты сегодня с нами, Мэл.

— Я с радостью принял твое приглашение, Гордон, — ответил Мэл, мускулистый кучерявый блондин. На нем, как и на Филакисе, был зеленый пиджак с эмблемой Охотничьего Мира на правом лацкане.

— Я вижу, что барьеры для Игры пешеходов уже расставили. Для тех, кто смотрит это представление впервые, хочу объяснить, что сейчас на арене строят так называемый лабиринт. Это довольно несложное сооружение, ширина коридоров как раз достаточна для того, чтобы по ним мог проехать спортивный автомобиль. Повороты тут крутые, но они из мягкого материала, поэтому водители могут преодолевать их на высоких скоростях. Послушай, Мэл, может, ты немного расскажешь нам, что сейчас произойдет?

— Все довольно просто, — ответил Мэл, — в лабиринте одновременно находятся пешеход и водитель. У водителя есть маши-

на, а у пешехода ручные гранаты. Они охотятся друг за другом по лабиринту. Только один из них выйдет или выедет из него.

— У пешехода пять гранат, не так ли, Мэл?

— Да, Гордон. По одной в руке и три на поясе. Встречались пешеходы, у которых была еще шестая граната — в зубах, но большинство экспертов утверждают, что это мешает двигаться с достаточной скоростью.

— Следует обратить внимание тех, кто смотрит представленные впервые, — сказал Гордон Филакис, — что кое-где в стенах есть ниши, в которых может поместиться человек. Это очень кстати, когда прямо на тебя на огромной скорости мчится машина.

— Тебе также следует упомянуть, — добавил Мэл Протт, — что граната разрывается не сразу, а через полторы секунды. В ней установлена специальная линия задержки. Но можно сократить это время до полусекунды, если нажать на чеку большим пальцем.

— И это здорово помогает, не правда ли, Мэл?

— Еще бы, — ответил Мэл. — Пешеход может бросить гранату прямо под колеса машины и тут же нырнуть в нишу, чтобы взрывом его не убило вместе с водителем. Уверяю вас, для этого требуется точный расчет.

— Машина с водителем въезжает в лабиринт, — сказал Филакис. — Серебряная поверхность автомобиля блестит на солнце. Это «Порш-1600», одна из тех старых моделей, которыми так удобно давить пешеходов. Теперь в лабиринте находятся и водитель, и пешеход, они обмениваются выстрелами из пистолетов 22-го калибра, отчего публики приходит в еще больший восторг. Водитель выезжает из-за поворота, пешеход тут же прячется в одну из ближайших ниш, потом снова выходит, оказываясь позади автомобиля, который движется довольно медленно. Пешеход замахивается, он хочет кинуть гранату. Но что такое?..

— Водитель ожидал именно этого, — подхватил Протт. — Для таких состязаний нужна долгая и кропотливая подготовка. Надо быть готовым к любым неожиданностям. Водитель включает задний ход и стремительно надвигается на пешехода. Тот бросает гранату, но слишком высоко, и она разрывается в воздухе. Сейчас он лихорадочно пытается выбраться из коридора, находит нишу, прячется в нее, но его, по-моему, ослепил отблеск от переднего бампера.

— Он растерян и ослеплен, — продолжил Филакис. — Из-за угла снова появляется «Порш». Пешеход выходит из ниши, нащупывает рукой гранату...

— Слишком поздно, — закончил Протт.

«Порш» снова дал задний ход и скрылся за углом. Пешеход

растерянно оглядывается по сторонам, пытаюсь определить, куда пропала машина. Внезапно она с ревом выскакивает с другой стороны. Толпа захлебывается в радостном крике.

Пешеходу некуда деваться. Он пытается найти нишу, но все они слишком далеко. Конвульсивным движением он швыряет в машину гранату. Однако он неправильно рассчитал время, и, перекатившись через крышу машины, граната взрывается позади автомобиля, не причинив ему ни малейшего вреда.

В тот момент, когда разорвалась граната, пешеход уже был мертв, как прошлогодняя селедка, превратившись в кровавую массу, размазанную по капоту автомобиля. Появились рабочие, собрали остатки пешехода, смыли из шлангов кровь на месте столкновения, расчистив место для следующего поединка.

Глава 53

— Наконец лабиринт убрали, — сказал Гордон Филакис. — Настало время для автомобильных поединков. Какая блестящая процессия подвижного оружия! Вряд ли у человека есть что-нибудь дороже в жизни, чем его собственная боевая машина. Мэл, почему бы тебе не рассказать поподробнее про эти соревнования?

— В основном все это напоминает традиционные дерби с уничтожением машин, — начал Протт. — Только в отличие от него боевые машины не просто гоняются друг за другом, пытаюсь стукнуть соперника как можно сильнее, — на них вдобавок ко всему установлены пушки и другое вооружение. И так, у вас есть возможность понаблюдать за настоящей танковой битвой.

— Думаю, следует добавить, — сказал Филакис, — что все боеприпасы, которые используют участники игры, изготовлены оружейниками Охотничьей академии и разрываются на расстоянии двадцати футов от дула. Поэтому зрители застрахованы от несчастных случаев — никакой шальной снаряд не долетит до трибун.

— Это не ракетная установка там, на крыше «Линкольна»? — спросил Протт.

— Именно. Автоматическая и самонаводящаяся, — сказал Филакис. — А у «Тойоты», я вижу, пушки установлены по обе стороны.

— А вот и «Паук Мурлан», — продолжал Протт. — У него двигатель в две тысячи лошадиных сил. Его гигантская клешня приводится в действие специальным краном, закрепленным позади машины. Клешней манипулирует компьютер в панели управления автомобиля.

— Вот появился «Баран Эдди», — прокомментировал Фила-

кис. — Его машина напоминает одного из вымерших ящеров. Стегозавра, если не ошибаюсь. Такие формы всегда привлекали конструкторов. Со всех сторон она защищена броней и имеет перископ. Все машины выезжают на стартовую позицию. Звучит сигнал! Битва боевых машин началась!

— «Баран Эдди» не теряет времени, — заметил Протт. — При помощи мощного магнита он схватил «Монстра Максвелла». Сбоку открывается панель, и из «Барана» высовывается циркулярная пила с суперпрочными зубьями. Она, как нож сквозь масло, проходит через броню «Монстра». А теперь телескопическая рука робота закладывает в образовавшееся отверстие заряд взрывчатки.

— Вот это красота! — восхищенно сказал Мэл.

— А вот приближается «Скорпион Келли». Он чрезвычайно маневрен и может развивать фантастические скорости, как старинные автомобили из «Формулы-1». Он низкий, обтекаемой формы, его трудно схватить или ударить.

Битва на желтом песчаном поле продолжалась. Когда машины тормозили и разворачивались, стреляя друг в друга из пушек, в сияющее голубизной небо поднимались облака дыма. Повсюду валялись рваные куски железа; кровь и машинное масло лились рекой. Лопались шины, отрывались дверцы, машины носились по арене, пытаясь прижать соперников к бортам.

Вскоре битву продолжили лишь две оставшиеся на ходу машины — «Скорпион» и «Яйцеклад».

— Это две абсолютно разные машины, — объяснил Филакис. — Может, ты расскажешь нам про их принцип действия, Мэл?

— Своей удивительной подвижностью «Скорпион» напоминает колибри на колесах. Все его четыре колеса способны разворачиваться на триста шестьдесят градусов, и автомобиль может продолжать движение под самым неожиданным углом. Он запрограммирован на спонтанное движение, поэтому компьютерам машин-соперников чрезвычайно трудно предугадать траекторию его движения. Впереди у него тяжелый пулемет, стреляющий длинными очередями. Но его основное вооружение — тяжелая пушка, закрепленная над задним бампером.

— В отличие от него «Яйцеклад», — продолжил Филакис, — сконструирован совершенно по другому принципу. Снаружи он напоминает черное матовое яйцо. Двадцатичетырехмиллиметровая броня делает его слишком тяжелым, но зато он абсолютно неуязвим, если стрелять в него в упор. «Яйцеклад» вроде бы не имеет никакого наступательного вооружения — не видно ни амбразур, ни пушечных башен, ни торчащих стволов. У него отсутствует даже антенна. Он защищается тем, что устанавливает мины на пути противника.

«Скорпион», как золотистая молния, проскочил мимо «Яйцеклада». Развернувшись, он выстрелил из тяжелой пушки прямо в бок соперника. В этот момент земля под «Скорпионом» взорвалась. Машина подскочила футов на двадцать в воздух и раскололась на шесть крупных и бесчисленное количество мелких кусков.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул Филакис. — Мне кажется, «Скорпион» недооценил способность «Яйцеклада» молниеносно подкладывать мины и был уверен на все сто, что атака с фланга принесет ему победу. Теперь машина делает почетный круг по арене. Да, тут предстоит большая уборка. Но какой блестящий финал!

— Несомненно, — согласился Мэл. — Мне всегда нравилось, как машины уничтожают друг друга. Сегодня механики в гаражах умоются кровавыми слезами при виде своих разбитых детищ.

Глава 54

— Ты уверен? — спросил Луэйн у Сэкса.

— По крайней мере, так мне сказал мой шурин.

— Проклятье! — воскликнул Охотник. — Такого я не ожидал. Кому только в голову могла прийти такая чушь? У нас есть что-нибудь подходящее для такой ситуации?

Сузер улыбнулся.

— Я ждал нечто такое. Поэтому захватил все необходимое.

Он развязал один из полотняных мешков.

— Надо торопиться, босс. Скоро ваш выход.

Глава 55

— А теперь начинаются соревнования на серпоциклах, — сказал Гордон Филакис. — Мэл, может, ты что-нибудь нам расскажешь? Ты ведь трехкратный чемпион в этом виде спорта.

— Конечно, Гордон. Как вы заметили, друзья, у каждого мотоцикла к ступицам крепятся острые, как лезвие бритвы, серпы, как на боевых колесницах древних римлян. Пешие участники вооружены сеткой и трезубцем, наподобие римских гладиаторов. Смысл поединка заключается в том, сможет ли пеший участник победить мотоциклиста раньше, чем тот прикончит его. Разумеется, я все слишком упрощаю, но в этом состоит вся суть соревнований.

— Некоторым может показаться, что у мотоциклистов гораздо меньше шансов на победу, — сказал Гордон Филакис. — Ведь им, кроме всего прочего, нужно еще сохранять равновесие. Когда

пеший участник бросает сеть, мотоциклист теряет равновесие, даже если она его и не задела, и у гладиатора достаточно времени, чтобы, не обращая внимания на смертоносные серпы, встать позади противника и пронзить его своим трезубцем.

— Все это правильно, Гордон, — ответил Мэл, — но и у мотоциклистов есть своя стратегия. Их небольшие, легкие и мощные мотоциклы способны останавливаться на любой скорости, делать невероятные повороты и крены. Их можно прижимать к земле и мгновенно выравнивать, поднимаясь на заднем колесе. Можно задом наперед подъехать к пешему гладиатору и подкосить его серпами. Иногда мотоциклистам удается ухватиться за сетку, не потеряв при этом равновесия, и протянуть гладиатора за собой по всей арене, пока тот не превратится в кучу лохмотьев, простите меня за это сравнение. Так что преимущества есть не только у пеших гладиаторов.

Соревнования начались. Мотоциклы рычали и визжали, некоторые из них теряли управление и падали. Их водители попадали в сети, где крутились и вертелись, напрасно пытаясь уклониться от смертоносных трезубцев. На песчаной арене лежало и несколько пеших участников; они громко кричали, когда серпы резали их на части.

По всей арене валялись головы и различные части тел.

Зрители уже устали от переживаний, когда в живых остались лишь двое участников — один с сеткой, другой на серпоцикле, — которых и провозгласили победителями соревнований.

Глава 56

Затем объявили короткий перерыв, чтобы зрители смогли перекусить и сходить в туалет. За это время рабочие натянули канат, на котором должна была состояться дуэль канатоходцев.

Дуэлянты ступили на канат, натянутый на высоте ста футов над ареной. Каждый из них был одет в цельный, плотно облегающий тело костюм из блестящего атласа. Их острые рапиры поблескивали на солнце. Они стали сближаться. На шее у каждого из дуэлянтов была веревка, которая другим концом крепилась к большому кольцу. Оно легко перемещалось по канату, не мешая участникам двигаться взад-вперед. Но если бы кто-нибудь из дуэлянтов потерял равновесие, он бы пролетел вниз только на пятьдесят футов — именно такой была длина веревки. Резко дернувшись, он бы сломал шею.

Это было необычайное состязание даже для Эсмеральды и требовало от участников специальной подготовки. К счастью,

человечество до сих пор не нашло чего-нибудь настолько ужасного, опасного и фривольного, чтобы оно не привлекало массу желающих попробовать свои силы.

Соперники встретились на середине каната, скрестили рапиры — и дуэль началась.

В подобных условиях фехтования движения должны быть минимальными и точными. Делать выпады и защищаться от них тоже надо легко. Лучше иногда позволить себя уколоть, чем, слишком энергично защищаясь, повеситься на веревке.

Слева находился Августин Смайлз, двукратный победитель предыдущих игр из города Слот, штат Северная Дакота. Он легко перемещался по канату, и его рапира двигалась подобно змеиному жалу. Его противник, Жерар Гато из Парижа, Франция, был новичком. Никто не знал, чего от него можно ожидать.

Смайлз сделал резкий выпад. Перед таким натиском фехтовальщика из Северной Дакоты Гато отступил. Француз сначала отразил удар, а потом замахнулся рапирой на Смайлза, словно саблей. Правилами это не воспрещалось, но на практике такого еще не случалось — из-за резкого колебания каната можно было самому свалиться вниз. Вместо того чтобы погасить колебания, Гато бросился вперед, усиливая их еще больше.

Филакис был одним из немногих, кто знал, что Гато является одним из основателей новой теории дуэлей на канате, которая стала столь популярной во Франции. Сидя за столиками парижских кафе на улице Сен-Дени, Гато и ему подобные утверждали, что колебания каната являются не чем иным, как своеобразной формой покоя. Но так как они утверждали это по-французски, в Англии и Америке их никто не понимал.

Теперь Гато прибыл на Охотничьи игры, чтобы подтвердить свои убеждения на практике.

Смайлз, хмурый уроженец Северной Дакоты, пытался изо всех сил удержать равновесие. Напрасно, стабильности, на которую он так рассчитывал, уже не существовало. Взмахнув руками, он упал с каната.

Толпа восторженно охнула. А потом послышались восхищенные возгласы, потому что, как только Смайлз начал падать, Гато пронзил его сердце, чтобы тот погиб более почетно, чем сломав себе шею.

Но колебания каната поставили в сложное положение и самого победителя. Пришла его очередь размахивать руками, чувствуя, что эти колебания становятся слишком сильными. Какое-то мгновение он удерживал равновесие, пытаясь не упасть, но канат извивался, как скакалка в руках двух шкодливых дочерей великана.

И Гато упал. Но и в этот момент хладнокровному французу не изменила выдержка. Бросив рапиру, он ухватился обеими руками за веревку, остановив падение, пока это еще можно было сделать. Он повисел несколько секунд, дрыгая ногами в ответ на подбадривания зрителей, а потом не спеша снова залез по веревке на канат.

Подождав, пока стихнут аплодисменты, он указал на дрожащий канат.

— Видите? И все-таки он движется!

На следующий день в газетах много спорили о том, что же Гато имел в виду.

Затем начались соревнования «Смертельные тарелочки». Оба игрока вышли на середину арены, поприветствовали зрителей и судью, с ног до головы закованного в броню. Он взмахнул клетчатым флажком, и поединок начался.

Тарелки для этих соревнований изготавливались из легких стальных пластин, края которых были острыми, как лезвия бритвы. Игроки были одеты лишь в плавки и спортивные туфли. Единственным средством защиты им служили кожаные рукавицы, внутренняя поверхность которых была покрыта тремя слоями стальной сетки. Только такой рукавицей можно было поймать смертоносную тарелочку.

Тарелочки планировали, выписывали дуги, летая по всей арене. Игроки часто кидали их как бумеранг — не попав в цель, тарелка возвращалась в рукавицу своего владельца. Оба соперника отлично умели бросать тарелочки так, чтобы они сначала летели над самой землей, а потом резко взмывали вверх в самый неожиданный момент.

Блестящие стальные тарелочки летали, сверкая на солнце, жужжа, как рой рассерженных шмелей, и разлетались во все стороны, как летучие мыши на фоне заката.

Некоторое время ничего интересного не происходило. Зрители молча и сосредоточенно наблюдали за игроками. Не было слышно ничего, кроме лязга металла, когда тарелочки попадали в защитную рукавицу. У каждого игрока за спиной висел кожаный мешок с запасными тарелочками.

Фаворитом этого года был Оскар Шабо. Он сражался с Мануэлем Эчеверрия по прозвищу Манос, испанским баском из Бильбао. Эчеверрия тренировался втайне от всех, и никто не знал, на что он способен.

С самого начала стало заметно, что испанец ловит тарелочки не так профессионально, как Оскар. К тому же казалось, что Ма-

нос не совсем уверенно держится на ногах, как будто с перепоя, что, впрочем, соответствовало действительности.

Мощный венгр почувствовал свое преимущество и стал наступать, тесня противника серией блестящих бросков — тарелки осатанело летали по арене, как стая взбесившихся скворцов. Манос отступал, подпрыгивая и уклоняясь от смертоносных дисков, которые летели на него со всех сторон, хватал их рукой в защитной перчатке и пытался не потерять равновесия.

Казалось, что пьянице баску приходит конец. Но настоящие любители, которые видели выступления Маноса в Европе, толкали в бок своих менее искушенных приятелей и говорили: «Подождите, всему свое время».

Действительно, когда Маноса, казалось, уже ничто не могло спасти, он внезапно сделал два шага в сторону, вытащил из мешка две тарелочки и одновременно швырнул их в противника. Оказывается, хитрый баск одинаково хорошо владел обеими руками и прекрасно освоил искусство двойной атаки!

Блестящие смертоносные тарелочки с бешеной скоростью налетели на Шабо с разных сторон, почти одновременно достигнув его под разными углами.

Бритоголовый венгр в отчаянии упал на спину, чтобы подкованными туфлями отбить тарелочки, которые жужжали, словно рассерженные мухи в июне.

Даже из этого неудобного положения Шабо умудрился сделать безнадежный бросок, который в прошлом году обеспечил ему победу. Его тарелочка зазвенела в воздухе, долетела до зрительских рядов, развернулась и под косым углом полетела в Маноса.

Баск был готов принять вызов. Брошенная левой рукой тарелка Маноса столкнулась с тарелкой противника на полдороге. Посыпались искры, и обе тарелочки упали на землю.

Затем Манос трижды повернулся вокруг своей оси, как дискбол, и бросил две тарелочки одновременно.

Они высоко взмыли в небо, развернулись и с разных сторон полетели в Шабо, как несущиеся под откос локомотивы. Одну венгру удалось поймать, а другая отрезала ему руку по локоть.

Несмотря на травму, Шабо попробовал сделать последний бросок. Но не успел он этого сделать, как новая пара тарелочек налетела на него с разных сторон.

Одна пролетела мимо. Другая вошла в череп над самыми бровями.

Микрофон поймал его предсмертный хрип и усилил, на радость зрителям.

Затем настало время Великой Расплаты.

Глава 57

С арены убрали остатки мусора после соревнований на серпоциклах.

— А теперь, леди и джентльмены, — произнес Гордон Филакис, — состоится то, чего вы так долго ждали и после чего официально начнется праздник Сатурналий. Итак, друзья, настало время Великой Расплаты. Знаю, вы все старались угадать, какой она будет в этом году. Что ж, не будем терять время. Ребята, начинайте.

На арену вышли четверо мужчин в белых трико, которые катили большую платформу на колесах, огороженную канатами на манер боксерского ринга. Увидев его, зрители разочарованно загнули губы.

— Подождите минутку, — сказал Филакис, — это совсем не то, что вы думаете. Наверно, вы полагаете, что сейчас — как и в прошлом году — вы станете свидетелями обычного поединка гладиаторов? Совсем нет! В этом году мы придумали нечто получше и надеемся, что вам понравится. Но сначала позвольте представить вам наших счастливых финалистов. Давайте сюда, парни!

Хэрольд и Луэйн вышли с разных концов на арену под бешеный шквал аплодисментов. Оба были в костюмах-трико черного цвета.

Одновременно с ними вышли четверо ассистентов Великой Расплаты, неся огромный деревянный ящик.

— Вот они стоят перед вами, друзья, — продолжал Филакис, — двое соперников в Великой Расплате. Наш местный парень Луэйн Добрей и его противник Хэрольд Эрдман, прибывший на наш остров издалека. Только один из них покинет этот ринг живым и станет нашим новым Королем Сатурналий. Как настроение, ребята? Ну каково, Луэйн, чувствовать себя участником Великой Расплаты? Я слышал, ты давно мечтал о такой чести.

— Я могу только сказать, — произнес Луэйн, — что, хотя я этого и не заслуживаю, я прекрасно понимаю, какая мне оказана честь, и обещаю показать вам великолепный поединок.

— Вот это слова настоящего Охотника! — воскликнул Филакис. — А что ты скажешь, Хэрольд?

— Что? То же самое, что и Луэйн. Только я действительно так считаю.

— Ну что ж, желаю вам обоим удачи, а теперь давайте посмотрим на оружие.

Ассистенты открыли ящик и достали оттуда два блестящих кинжала.

— Это для ближнего боя, — объяснил Филакис, — а теперь основное оружие.

Ассистенты вынули из ящика два боевых топора с короткими рукоятками и обоюдоострым лезвием. Они подняли их над головами, чтобы каждый мог как следует рассмотреть. Камеры показывали оружие крупным планом и со всех сторон.

— Просто красота, не правда ли? — говорил Филакис. — Это точные копии древнорвежских топоров. Они изготовлены в оружейных мастерских Охотничьего Мира и наточены так, как их никогда бы не удалось наточить древним норвежцам. В этом у меня нет никаких сомнений. Копии этих боевых топоров в натуральную величину вы сможете приобрести на выходе из Колизея сразу же после окончания соревнований. Но это все потом. А сейчас соперники выйдут на ринг и покажут нам чудесное представление. Как вам это нравится, друзья?

В ответ раздалась громкие аплодисменты.

— А теперь, друзья, — продолжал Филакис, — я вижу, что кое-кто из вас с трудом скрывает разочарование. Вы, наверно, думаете: ладно, боевые топоры совсем неплохо, но чем это все отличается от прошлогоднего подводного поединка на мечях? Но Старейшины Охотничьего Мира долго и напряженно думали, как сделать, чтобы сегодняшний поединок оказался совершенно неожиданным событием. Ладно, ребята, покажите нам остальное снаряжение.

Ассистенты, неподвижно стоявшие возле платформы, стали стягивать с нее брезент. Взорам зрителей открылась блестящая полированная поверхность. От нее ослепительно отражались солнечные лучи. Толпа одобрительно зашумела.

— Так вот, друзья, эта сверкающая штука — то, что мы на Эсмеральде встречаем разве что в наших бокалах с коктейлями. Это, леди и джентльмены, лед. Супертвердый, супергладкий, он находится в таком состоянии благодаря специальным охлаждающим системам, расположенным под платформой. А теперь поаплодируем авиакомпании «ТВА», которая доставила нам это чудо из Ледяного дворца в Майами.

Зрители захлопали в ладоши.

— А теперь самое главное. — Филакис махнул рукой ассистентам, которые стояли с деревянным ящиком позади Хэрольда и Луэйна. Те открыли его и вытащили оттуда две пары коньков на шнуровках.

Сначала кое-где послышался смех, а когда до зрителей дошел замысел соревнований, раздалась восторженные аплодисменты.

— Да, друзья мои! — воскликнул Филакис. — Став на коньки,

противники начнут сражение на боевых топорах! Как тебе это нравится, Мэл?

— Мне не раз приходилось видеть Великую Расплату, — хриплым от возбуждения голосом ответил тот, — но это действительно нечто особое. Я могу с уверенностью сказать, что в этот раз крови и веселья будет предостаточно!

— Я уверен в этом, Мэл. А теперь почему бы нам не поприветствовать наших дизайнеров, которые изготовили коньки точно по размерам участников!

Аплодисменты усилились.

— Ребята, ваши имена написаны на коньках. Примеряйте их!

Глава 58

День клонился к вечеру. Ринг ярко освещался лучами мощных прожекторов. Судья подал команду соперникам, стоявшим в разных концах ринга.

Хэрольд медленно поехал к центру, думая лишь о том, как сохранить равновесие. Дома он катался на коньках только иногда, но, наверно, гораздо больше, чем Луэйн за всю свою жизнь. Если принять во внимание его рост и вес, такого рода состязание имело для него определенные преимущества.

Однако он подозревал, что Луэйн прячет в рукаве козырную карту. Его противник, судя по всему, ничуть не волновался и даже ухмылялся, глядя Хэрольду в лицо!

И катался он ничуть не хуже Хэрольда.

Рефери напомнил, что никакие раунды и перерывы не предусмотрены и разрешается применять к противнику любые приемы. Поединок будет остановлен лишь в том случае, если оба участника получат смертельные ранения и не смогут продолжать сражаться. В этом случае судья бросит монету, которая решит, кто из них станет победителем, а кто — побежденным. Живым с ринга уйдет лишь один.

Хэрольд откатился в свой угол. Альбани стал массировать ему плечи, как это с давних времен делают все тренеры.

— Не забывай, — давал он последние указания Хэрольду, — что каждое действие вызывает противодействие. Это имеет большое значение, когда ты размахиваешь боевым топором.

— Меня волнует только одно, — сказал Хэрольд. — Такое впечатление, что Луэйн ничуть не сомневается в своих силах. И на коньках держится неплохо.

— Он просто блефует, чтобы напугать тебя.

Но на самом деле Наводчик тоже обратил на это внимание. Слава богу, он все равно получит свою награду независимо от

того, победит Хэрольд или нет. Дело не в том, что Альбани совсем не интересовал исход поединка, просто он был практичным человеком.

— Такое впечатление, что Луэйн знает нечто такое, чего мы не знаем.

— Если я заподозрю что-то противоречащее правилам, — уверил Охотника Альбани, — я тут же подам протест. Конечно, это будет слишком поздно, но твоя репутация будет спасена.

Раздался удар гонга.

— Что бы там он от нас ни скрывал, — сказал Альбани, — у тебя гораздо больше шансов на победу. Ты победишь, Хэрольд! Иди и прикончи его, парень!

Хэрольд покатил к центру ринга.

Глава 59

Сидя в своем углу ринга, Сузер наблюдал, как соперники осторожно кружат по льду, выдерживая безопасную дистанцию. Луэйн прекрасно стоял на коньках. Не зря он всю зиму провел на катках в Швейцарии. Хэрольд тоже был неплох, но ему не хватало артистизма.

Дуэли на коньках проводились на Эсмеральде и раньше. Поэтому Сузер был готов к такому повороту событий. При помощи приятеля-механика он изготовил для Луэйна специальные коньки.

К закругленной носовой части лезвия были приварены острые как иголки стальные шипы. Становясь на цыпочки, Луэйн получал несравненное преимущество над противником и мог нанести ему смертельный удар, крепко воткнув шипы в лед. Самое главное — сохранить равновесие. Больше ему ничего не требовалось.

К тому же он прекрасно владел искусством боя на топорах и даже представлял свою страну в этом виде спорта на прошлых Олимпийских играх.

В таком небольшом государстве, как Эсмеральда, это необязательно означало, что его можно было считать специалистом экстра-класса. Но это давало ему ощутимое преимущество. Хэрольду же оставалось уповать лишь на собственное везение, которого у него почти уже не оставалось.

Луэйн и Хэрольд стали двигаться быстрее, описывая круги, разворачиваясь и скользя, как будто исполняя настоящее па-де-де смерти на льду под сопровождение оркестра Охотничьего Мира, исполнявшего фрагменты из «Лебединого озера» Чайковского.

Боевые топоры отсвечивали синевой в свете прожекторов. Дуэлянты использовали обманные маневры, съезжались, разъезжались, поднимали над головами топоры, останавливались, чтобы с новыми силами начать все сначала.

Луэйну удалось зацепить топором левое плечо Хэрольда, на котором тут же выступила кровь.

Хэрольд, почти не целясь, принялся яростно размахивать топором.

Луэйн отскочил в сторону, снова приблизился, занес было боевой топор, но потерял равновесие и упал на канаты, а когда поднялся, увидел кружившегося вокруг него Хэрольда, готового в любое мгновение нанести удар.

Гордон Филакис каким-то образом умудрялся комментировать, пытаясь перекричать рев толпы. Зрители повскакивали с мест и возбужденно кричали. Даже карманные воры на некоторое время оставили свои дела, наблюдая за кульминацией самого главного спектакля года на Эсмеральде.

Сузер мог точно предугадать, когда Луэйн нанесет свой смертельный удар. На лице Охотника появилось особое выражение. Через секунду Луэйн снова был готов к бою. Размахивая топором, он загнал Хэрольда в угол. Затем встал на цыпочки. Боевой топор поднялся над его правым плечом. Изо всех сил он обрушил грозное оружие на противника — человеку, стоящему на коньках, от такого удара не уйти.

Хэрольд спасся, используя для этого единственную возможность. Плюхнувшись на живот, он проехал по льду.

Рука, в которой Луэйн держал топор, снова поднялась. На стальных шипах Охотник побежал к Хэрольду, намереваясь избить противника на отбивные.

Расстояние между дуэлянтами сократилось до нескольких футов — Хэрольд все еще лежал, отчаянно барахтаясь на скользкой поверхности. И тогда он сделал единственное, что ему оставалось. Размахнувшись, он бросил топор по льду.

Крутясь, топор полетел к ногам Луэйна. Чтобы увернуться от удара, Луэйн отпрыгнул назад и приземлился на коньки. Его ноги разъехались в разные стороны.

Хэрольд наконец перестал барахтаться, поднялся, но снова упал. Он не видел, куда улетел его топор. Парня охватило отчаяние. Закрыв голову руками, он ждал, когда на него обрушится сокрушительный удар.

Но Луэйн тоже неподвижно лежал на льду. Лежал в луже крови, которая медленно увеличивалась...

Толпа заревела. До Хэрольда не сразу дошло, что Луэйн упал

на острие топора. Одно лезвие топора застряло во льду, другое впилось Охотнику в спину.

Встав на четвереньки, Хэрольд пополз к сопернику и взял обеими руками голову Луэйна. Он почувствовал, как его охватила жалость.

— Все будет хорошо, — сказал он Луэйну.

Тот надрывно закашлялся.

— Честно говоря, я так не думаю. Рана не такая глубокая, как колодец, и не такая широкая, как церковные ворота, но мне и такой хватит. Я всегда считал Меркуцио самым привлекательным шекспировским героем. Он был не чета этому слюнтяю Ромео.

— О Луэйн, — сказал Хэрольд, — как жаль, что мне пришлось тебя убить. Ты мне уже стал нравиться, черт тебя возьми!

— И ты мне тоже. Но мы никогда не смогли бы стать друзьями, потому что постоянно старались бы убить друг друга. Странно, правда? Прощай, Хэрольд... Да, чуть не забыл...

— Что? — спросил Хэрольд, низко склоняясь над умирающим, чтобы разобрать едва слышные слова.

— Скажи, пусть меня похоронят под моим индейским именем. Ан-Ко-Пи-Кас — «Тот, Кто Смеется Первым» на языке алгонкинов.

— А откуда у тебя индейское имя? — удивился Хэрольд.

Луэйн слабо усмехнулся.

— Жаль, у меня нет времени рассказать тебе...

Его веки дрогнули и застыли, как упавшие мотыльки.

Хэрольд закинул голову назад и завыл от скорби, ярости и триумфа. А потом на ринг ворвалась толпа. Люди подхватили его и понесли на руках, чтобы короновать как нового победителя Великой Расплаты и Короля Сатурналий.

ОХОТНИК - ЖЕРТВА

*Хочу выразить благодарность за оказанную мне помощь:
Норману Шварцу из отеля «Норман» Майами, штат Флорида;
Огастину «Оги» Энрикесу из боевого отряда в Портланде, штат Орегон;
сержанту Эду Кишу из Бивертон, штат Орегон.
особая благодарность Н. Ли Вуду.*

Правила Охоты

Участвовать в Охоте может любой достигший восемнадцатилетнего возраста, независимо от национальности, пола и религиозных убеждений.

Вступивший в Клуб Охотников обязан принять участие в десяти Охотах — пять раз в роли Жертвы и пять раз в роли Охотника.

Охотникам сообщается имя и адрес Жертвы, а также выдается ее фотография.

Жертвам лишь сообщается, что за ними ведется Охота.

Все убийства должны осуществляться только лично, то есть либо Охотником, либо Жертвой, любая замена запрещена.

Ошибочное убийство строго преследуется по закону.

Победитель всех десяти Охот наделяется практически неограниченными гражданскими, финансовыми, политическими и сексуальными правами.

Часть I

СТАНОВЛЕНИЕ ОХОТНИКА

Глава 1

Большую часть своего последнего дня в Париже Фрэнк Блэквелл и его жена Клэр провели в гостиничном номере, ругаясь друг с другом. Это была одна из тех нескончаемых ссор, когда супруги не помнят, с чего она началась, но зато точно знают, что противоположная сторона виновата, и стараются изо всех сил доказать это. Ссора дошла до той стадии, когда оба супруга выговорились. Блэквелл молча качал головой, словно жаловался невидимым зрителям на странное и непонятное женское поведение, а Клэр ушла куда-то в пространство на особый манер женщин всех времен и народов.

За зашторенными окнами Париж варился в собственном соку тумана и выхлопных газов.

— А вчера в метро? — спросила Клэр, внезапно вспомнив, почему рассердилась на Фрэнка.

— В метро? Что в метро? — удивился Блэквелл.

— Ну та девушка, которой ты уступил место. Та шлюха в черных чулках, от груди которой ты не мог оторвать взгляд. Ну та самая.

— Ах, та, — сказал Блэквелл. — Что плохого в том, что я уступил ей место?

— Но ведь вагон был полупустой! — воскликнула Клэр. — Она могла бы сесть где угодно в этом проклятом вагоне!

— По-моему, она не могла этого сообразить, — сказал Блэквелл. — И вообще она показалась мне какой-то наивной.

— Наивной? Ах ты, ублюдок! — сказала Клэр и с ненавистью посмотрела на мужа.

Он ответил ей взглядом полного непонимания.

Самое смешное, что никто из них не любил ссориться. Каждому из супругов казалось, что все семейные проблемы возникают потому, что другая сторона постоянно ищет повод для ссоры. Как и у всех пар, у них имелся свой собственный набор неприятных тем, каждая из которых влекла за собой другую.

Тем не менее они очень любили друг друга.

Блэквелл был чуть выше среднего роста. Можно сказать, высокий. Стройный, с коротко подстриженными волосами мыши-

ного цвета. За стеклами очков в стальной оправе — близорукие карие умные глаза. Клэр была смазливой блондинкой — тип официантки из Гринвич-Виллидж. Ей нравились акварели Тернера и иностранные фильмы (конечно, недублированные). Это была поистине замечательная женщина. В ней чувствовался класс, который она и продемонстрировала, сказав то, что вряд ли можно было ожидать в такой момент:

— О, Фрэнк! Это ведь так глупо, правда? Почему бы нам не оставить эту ссору и не пойти пообедать?..

Их парижское путешествие трудно было назвать удавшимся.

Три первых дня не переставая лил дождь.

Потом от обильной и непривычной еды у Клэр заболел живот. Таким образом, четвертый и пятый дни тоже пропали.

Затем у Фрэнка вытащили из кармана пиджака их дорожные чеки — очевидно, когда он торговался на уличном базарчике в толпе между Монпарнасом и Сен-Жерменом. К счастью, он помнил номера. Но для того чтобы восстановить чеки, им пришлось убить добрую половину дня. Теперь Клэр носила деньги и паспорта в кожаной сумочке и ни на секунду не выпускала ее из рук.

Их гостиница «Лебедь», небольшая и уютная, находилась лишь в нескольких кварталах от Нотр-Дам. Это было чудесное строение в той степени запущенности, которую французы довели до совершенства. Вы входили в небольшой коридор, освещенный пятнадцативаттной лампочкой. Консьержка, полная женщина, постоянно ходившая в черном платье, жила в каморке у входа и дверь в свою комнату все время держала открытой, чтобы знать, кто и когда приходит и уходит, а потом сплетничать с соседями и жандармами. Назвав свое имя, вы получали ключ, прикрепленный к здоровенной резиновой груше, которую вы никак не могли сунуть по забывчивости в карман и уйти. Итак, с ключом в руке вы поворачивали налево и поднимались по спиральной лестнице, скрипевшей так, будто вот-вот провалится под вами. Поднимались, скажем, на пятый этаж. Зайдя в номер и пройдя по кафельному полу, вы могли открыть высокое французское окно, занавешенное белой портьерой, и посмотреть на крыши Парижа. Ради этих чудесных, неповторимых мгновений можно было стерпеть любые неудобства.

Фрэнк и Клэр спустились по скрипучим ступенькам и отдали ключ от номера мадам. Гостиничный счет был оплачен, чемоданы лежали в камере хранения. Оставалось взять их, сесть в такси и отправиться в аэропорт. Времени оставалось достаточно, чтобы в последний раз пообедать и выпить вина в их любимом кафе за углом.

Кафе «Ле Селект» занимало одну сторону маленькой площа-

ди, мощенной бульжником и окруженной зданиями с небольшими магазинчиками. Самый настоящий оазис спокойствия, где не слышно шума и гама большого города. В кафе стояло с дюжину столиков, большинство которых было занято: другие туристы тоже прослышали о прелестях этого уютного маленького кафе. Метрдотель в черном фраке и с напомаженными усами усадил Блэквеллов за столик. Насладившись белым вином, вкус которого заслуживал самой высокой похвалы, они заказали дежурный обед: салат, отбивные, *rommes frites* и паштет — бессмертное лакомство галльского народа. Между столиками ходил аккордеонист в полосатой рубашке и наигрывал одну из тех жалобных элегий, которые делают французскую народную музыку столь неповторимой.

Все было чудесно. Фрэнк Блэквелл почувствовал, как на него снисходит умиротворение. Он ощущал какую-то связь с древним удивительным миром.

— Дорогая, — сказал он, взяв Клэр за руку, — прости, я не уверен, что сделал что-то не так, но я сожалею, если обидел тебя.

Клэр ласково улыбнулась.

— Ты меня тоже прости, — сказала она. — Иногда я даже не знаю, что на меня находит.

С другой стороны мощеной площади послышалась музыка. Она звучала все громче и громче. Звуки гитар, мандолин, мелодичные голоса. Затем во дворик кафе зашли музыканты. Их было четверо. Одетые в средневековые костюмы — чулки, пышные штаны и длинные накидки. То, что они пели, Блэквелл принял за старинную балладу. Молодые люди с бледными бородами лицами, они пели неважно.

— Что это за ребята? — спросила Клэр.

— Студенты, наверно, — ответил Блэквелл, припомнив предыдущие посещения Столицы мира. — Они поют в кафе, а люди дают им мелочь.

— А на каком языке они поют?

Блэквелл не мог разобрать. И не английский, и не французский, и не немецкий. Он знал, что в Париже полным-полно южноамериканских студентов, но этот язык был и не испанским. Музыканты закончили петь, и Блэквелл стал рыться в карманах. Внезапно один из студентов отбросил полу накидки, и в его руках оказался небольшой автомат. Блэквелл только успел сказать Клэр:

— Смотри-ка, этот парень вооружен.

И тут остальные студенты сбросили накидки, достали автоматы и начали расстреливать посетителей кафе.

Фрэнк схватил Клэр за руку и потянул под стол. Пули градом

осыпали дворик кафе, отскакивали от серо-черных булыжников, впивались в темно-желтые стены зданий. Посетители с воплями метались по кафе, пытались спрятаться, и падали, как осенние листья на ветру. Аккордеонист помчался к выходу и едва успел выскочить, как за ним, жужжа, устремился целый рой стальных шершней. Оставшийся лежать аккордеон издал последний жалобный стон, когда пули впились в его мехи.

Блэквелл скрючился за перевернутым столом. Внезапно он почувствовал, как Клэр с силой выдернула у него руку. Дрожа от страха и ярости, он огляделся по сторонам и увидел, что она лежит в пяти футах от столика. Ее разорвало напополам. Часть Клэр в простой юбке лежала отдельно от части, одетой в роскошный жакет из магазина «Блумингдэйл». Блэквелл уставился на жену и через несколько секунд увидел, как в том месте, куда попали пули, появились пять пятнышек крови, которые стали расплзаться и наконец слились в одно большое кровавое пятно.

Воздух во дворике посинел от кордитного дыма. Восемь посетителей лежали мертвыми. Студенты — или кем они там были? — скрылись. То были члены балканской террористической группировки, которая боролась за освобождение Черногории, и этим актом хотели привлечь к себе внимание. В «Ле Селект» они появились потому, что ожидали встретить там югославского посла с женой. Французская полиция схватила террористов двумя днями позже в Кан-сюр-Мер на Средиземноморском побережье, когда они пытались бежать на катере в Африку. В перестрелке все четверо балканцев были убиты.

Но об этом Блэквелл узнал позже. А теперь он стоял целый и невредимый посреди этого кровавого кошмара, сжимая в руках кожаную сумочку Клэр.

Приехала полиция — и допросила свидетелей. Затем появились фотографы — и сделали снимки. Репортеры записали для будущего банальные возмущенные высказывания оставшихся в живых. Прибыла машина «Скорой помощи» — и санитары убрали мертвых, засунув каждого в черный пластиковый мешок с «молнией». Увезли и Клэр.

Представитель американского посольства выразил соболезнования и вручил Фрэнку свою визитную карточку. Он заверил Блэквелла, что займется необходимыми формальностями по отправке останков Клэр на родину. Блэквелл поблагодарил его.

Наконец все разошлись. За исключением Блэквелла, которому некуда было идти и который не знал, что же теперь ему делать. Официант, оставшийся в живых, спросил у Фрэнка, не хочет ли тот выпить.

Фрэнк хотел, но не знал, что заказать. Официант предложил шампанское, самое лучшее, которое только было в кафе. Не каждый же день у тебя убивают жену, а ты чудом остаешься в живых, и вся твоя жизнь летит вверх тормашками. Официант ушел за шампанским, а Фрэнк попытался открыть сумочку Клэр, в которой лежали его паспорт, дорожные чеки и билеты на самолет. Сумочка не открывалась. Фрэнк увидел, что два пальца Клэр все еще крепко сжимали застежку. Он огляделся. Никто не смотрел на него.

Он попытался разогнуть пальцы. Сначала осторожно, а потом с силой. Пальцы внезапно разжались и упали на вымощенную бульжником мостовую.

Вернулся официант с шампанским.

Фрэнк нашел носовой платок, завернул в него пальцы и сунул их в карман. Из глаз у него потекли слезы.

Официант положил руку на плечо Блэквеллу.

— Courage, — сказал он.

Блэквелл повернулся к официанту и сдавленно произнес:

— Кто-то заплатит за это.

Так говорят все Жертвы.

Глава 2

Фрэнк Блэквелл покинул Париж, увозя небольшую металлическую урну с прахом своей жены. В аэропорту де Голля служба безопасности не хотела пропускать его, но Блэквелл предъявил свидетельство о смерти, выданное префектурой, которое доказывало, что в урне находятся останки Жертвы, а не какое-то приспособление, чтобы сделать Жертвами пассажиров самолета.

Блэквелл прилетел в международный аэропорт Ньюарка и через три часа сел на автобус, следующий в Саут-Лейк, штат Нью-Джерси. Поездка на автобусе заняла еще три часа. Все это время Блэквелл смотрел в окно в никуда, то есть на штат Нью-Джерси.

Родители Клэр ждали его возле магазина скобяных товаров, который одновременно служил местной автобусной станцией. Мистер Ниестром, аккуратно одетый мужчина невысокого роста, стоял, опираясь на бамбуковую трость. Он никогда с ней не расставался. Впервые Фрэнк увидел его в костюме. Глаза мистера Ниестрома были красными. Миссис Ниестром, полная женщина с едва заметными усиками на верхней губе, увидев Фрэнка, разрыдалась.

— Кто это сделал, Фрэнк? — спросил мистер Ниестром, когда они уселись в машину.

— Четверо молодых людей. Черногорские террористы.

— Именно так и передали в новостях, — произнес мистер Ниестром. — Но я так, черт возьми, и не понял, что это за Черногория, будь она проклята.

— Это такая страна, — объяснил Блэквелл. — Или когда-то была страной. Сейчас трудно сказать.

— Одна из тех стран, где живут черномазые?

— Нет, на Балканах. Между Албанией и Югославией. Или она раньше была там. Я имею в виду, как независимая страна.

— А я подумал, что с таким названием она должна находиться где-то в Африке.

— Ну, это распространенное заблуждение, — сказал Блэквелл.

Он никак не мог понять, где кончается искренняя скорбь отца Клэр и начинается лицемерие. Когда-то Клэр сказала ему: «Ведь ты выбираешь себе жену, а не тестя».

— Они убили этих ублюдков, — произнес мистер Ниестром. — Не так ли, Фрэнк?

— Да, именно так.

— Честно говоря, мне жалко, что они мертвы. Знаешь почему, Фрэнк?

— Нет, мистер Ниестром. Почему? — спросил Блэквелл, надеясь, что ему в последний раз приходится общаться с этим человеком.

— Потому что я сам с удовольствием убил бы их.

Однажды Клэр рассказала Фрэнку, что отец часто бил ее в детстве. Миссис Ниестром снимала с нее очки, а мистер Ниестром хлестал дочь ремнем. За то, что та плохо себя вела, или за что-нибудь еще.

«И откуда только сила бралась у такого тщедушного человека!» — смеялась Клэр.

— Бедная моя девочка, — всхлипнула миссис Ниестром и снова залилась слезами.

Ужин в тот вечер показался Блэквеллу невыносимым.

Фрэнк переночевал в небольшом отеле на краю города, чтобы наутро принять участие в панихиде в лютеранской церкви, которую Клэр давным-давно не посещала. Фрэнк немного жалел, что убили не его, а Клэр, и из-за этого ему приходится хоронить ее, иметь дело с ее родителями, и пытался сообразить, как же ему теперь жить. Он никак не мог избавиться от этого неприятного чувства.

Нет, дело совсем не в том, что он не радовался, оставшись в живых.

Вообще-то.

Глава 3

После панихиды Блэквелл зашел в местное отделение агентства «Развалюхи напрокат» и взял машину, собираясь вернуться в Нью-Йорк. Выхав на 101-е шоссе, он вспомнил про бар Поляка, что между заправочной станцией «Мобайл Флаинг А» и мебельным магазинчиком Этьена Аллена. Они с Клэр частенько бывали там, и теперь он решил заглянуть туда последний раз, чтобы вспомнить былое.

Поляк выглядел по-прежнему — этакий здоровяк с окаймляющими лысину густыми волосами. А поскольку в его жилах текла польская кровь, то он носил закрученные вверх усы и имел брюшко, по конфигурации напоминавшее шар для кегельбана. Пучеглазый, он ходил, выворачивая ступни, как герой мультфильмов — утенок Дональд. Выглядел он очень забавно, и жители Саут-Лейка не принимали его всерьез, даже немного презирали. Но только до случая с Томми Трамбелли, или, как его здесь называли, Томми Забиякой.

Это случилось два года назад. Томми Забияка был заведующим складом компании «Сиерз», что располагался в пяти милях по 123-му шоссе от Нетконга. В тот день Томми стал победителем ежегодного турнира по армреслингу в честь Дня Гарibaldi в Сэддл-Ривер. Чертовски довольный собой, он начал смеяться над Поляком, подражая его походке и славянской манере медленно произносить слова. Но Поляк лишь улыбался, продолжая протирать стаканы. Вообще, если живешь в Нью-Джерси, то постепенно начинаешь привыкать к горлопанам из доков.

Потом Томми стал насмехаться над традиционной «келбасой», которую Поляк нарезал на кусочки и, воткнув в них зубочистки в красной целлофановой обертке, бесплатно выставлял посетителям, к их вящему удовольствию. На сей раз Поляк слегка покраснел, но промолчал.

Затем Томми спросил Поляка, когда его предки перестали жить на деревьях — до или после Второй мировой войны? На что Поляк, глубоко вздохнув и вытерев свои здоровенные красные ручищи о фартук, добродушно ответил:

— Все, Томми, хватит. Заткнись, иначе я набью тебе морду.

Томми имел рост выше среднего, но казался ниже из-за мускулистого тела, делавшего его похожим на медведя. Он увлекался тяжелой атлетикой, обладал черным поясом по карате и в колледже считался первоклассным игроком в бейсбол.

— Хорошо, Поляк, если ты меня хорошенько попросишь,

может, я и отстану от тебя. Но приказывать мне ты не можешь — понял?

— Я приказываю тебе, — сказал Поляк. — Вали из моего бара и не смей появляться, пока не научишься прилично себя вести.

Томми поставил на стол бокал с пивом «Миллер Хай Лайф», поправил футболку с изображением Брюса Спрингстина и спросил:

— Ты хочешь вышвырнуть меня из своей забегаловки?

— Да, — ответил Поляк, — именно это я и хочу сделать.

Он снял фартук и вышел из-за стойки. Все расступились. Со всем некстати из музыкального автомата зазвучала старая добрая песня Кола Портера «Давай-ка станцуем». Томми принял боксерскую стойку и принялся подпрыгивать на носочках, пытаясь достать противника кулаками. В школе для малолетних правонарушителей он считался хорошим средневесом и, может быть, стал бы профессионалом, если бы не связался с мафией. Впрочем, речь сейчас не об этом.

Поляк стоял неподвижно, опустив руки. Томми нанес ему мощный удар в лоб, но Поляк устоял, шагнул вперед и наступил Томми на ноги огромными желтыми башмаками. Томми взвизгнул — то ли от боли, то ли от неожиданности — и согнулся пополам. Поляк ударил его по затылку обеими руками, на этом драка и закончилась.

Еще долго жители Саут-Лейка судачили о том, где Поляк научился таким приемам. Одни утверждали, что он в свое время был профессиональным борцом сумо в японском квартале Варшавы. Но ведь все знали, что при коммунистах в Польше не существовало профессионального спорта. В конце концов Джо Дагган, водитель тяжелого девятиосного грузовика, рассказал, что когда-то видел фотографию Поляка в старом номере журнала «Солдат удачи». Тогда Поляк удостоился почетного титула — «Наемник месяца».

Спрашивается, что он делал в штате Нью-Джерси за стойкой бара в Саут-Лейке? Никто этого не знал. Да никто и не спрашивал.

Повинуясь желанию выпить еще, которое редко посещает равнодушных к алкоголю людей, Блэквелл залпом опрокинул вторую рюмку двойного бурбона, усилием воли подавил подступившую к горлу тошноту и знаком заказал третью. Поляк подошел с бутылкой, но наливать не стал.

— Послушай, Фрэнк, — сказал он с шипящим польским акцентом, — это, конечно, не мое дело. Но, по-моему, тебе станет плохо.

— А я не хочу, чтобы мне было хорошо, — ответил Блэквелл.

— Мне жаль Клэр. Прими мои искренние соболезнования, Фрэнк.

— Спасибо, Поляк.

Они замолчали. Лучи заходящего солнца, висевшего в мареве промышленных испарений заводов Нью-Джерси, пробивались сквозь грязные окна бара, бросали блики на красное дерево отделки. В золотистых полосках света плясами радиоактивные пылинки.

— Это правда, что ты был наемником? — спросил Блэквелл.

— Да, — ответил Поляк, — я был наемником.

— Ну и как?

— Вначале мне это нравилось. Но потом стало все труднее находить хоть какое-нибудь оправдание тому, чем я занимался. Нам приходилось убивать слишком много людей, вся вина которых заключалась в том, что они встречались на нашем пути. Поэтому я и решил открыть бар в Нью-Джерси и выработать у себя польский акцент.

— Послушай, — продолжал Блэквелл, — а как мне стать наемником?

— А зачем тебе это, Фрэнк?

— Иногда события складываются так, что все твои чувства оказываются в полном смятении. Только лишив кого-то жизни, ты можешь вернуться в нормальное состояние. Поляк, мне нужно кого-нибудь убить.

Славянская ладонь Поляка с толстыми короткими пальцами легла на плечо Блэквелла.

— Поверь мне, Фрэнк, существуют другие, более приемлемые способы.

— Какие именно, Поляк?

В тот момент в бар зашли три посетителя — два толстяка и один худой. Поляк подвинул к Блэквеллу записную книжку и огрызок карандаша.

— Черкни свой номер телефона, Фрэнк. С тобой свяжутся.

Глава 4

Охотники связались с Фрэнком Блэквеллом в один из дождливых ноябрьских вечеров, когда под свинцовыми небесами ньюйоркцы тоскливо ждали Дня Благодарения и того праздничного сумасшествия, которое было уже не за горами. Скоро наступит день, когда придется веселиться, и поэтому одинокие люди во всех концах Нью-Йорка уже начинали раздумывать, что лучше

выбрать — алкоголь, наркотики или самоубийство, — чтобы забыть, что будущее им ничего не сулит.

Фрэнк сидел в своей квартире на Гринвич-авеню, ел вареную картошку и вспоминал, как Клэр готовила свое фирменное блюдо — буженину с трюфелями. Как ему не хватало подобных мелочей! Смех в ванной, слезы в спальне, какие-то особые дни, как, например, ежегодные походы в Китайский квартал, чтобы полакомиться экзотическими блюдами.

Фрэнк как раз предавался воспоминаниям, когда раздался звонок домофона. Он покосился на аппарат с подозрением. В девять вечера никто не звонит тебе в дверь, заранее не предупредив о своем визите. Таким образом, у Фрэнка появились основания для беспокойства.

Он нажал на кнопку.

— Кто там?

— Доставка пиццы.

Блэквелл что-то не припоминал, что заказывал пиццу.

— Какая пицца?

— С двойным сыром и сладким перцем.

Блэквелл нахмурился. После телевизионного сериала «Смертельная пицца» название этого популярного когда-то сорта прозвучало немного зловеще.

— Уходите. Я не заказывал никакой пиццы.

— Вы уверены?

— Я почти уверен, и для меня этого достаточно.

— На самом деле я совсем не разносчик пиццы, — признался голос. — Это шутка. У меня для вас очень важное сообщение насчет одного дела, которое дважды мы вам предлагать не собираемся.

— Изложите мне все в письме, — заявил Блэквелл и вернулся к своему ужину.

Полчаса спустя Фрэнк покончил с десертом — растворимые хлопья марки «Борден», политые жидким мармеладом из настоящих химикалиев, — и бросил пластиковую посуду в мусоропровод, чтобы она смогла проделать свой путь к мусорной горе на Стэтн-Айленде. Он уселся перед телевизором и вознамерился посвятить просмотру передач остаток вечера. Но едва Блэквелл устроился в продавленном кресле, как в спальне раздался какой-то странный звук. Трудно сказать, что это было, но именно такой звук издает стальной прут, когда им взламывают замок на железной решетке окна спальни.

Блэквелл вскочил с кресла и стал лихорадочно озираться в поисках какого-либо оружия. Он нашел кухонный нож с пластиковой ручкой. Для обороны сойдет. Блэквелл пожалел, что не

купил себе набор самодельных гранат, который недавно видел на распродаже в магазинчике активных средств защиты. Обойдя груды газет на полу, которые Клэр выбрасывала раз в месяц, он бесшумно направился к темной спальне.

Из темноты вышел мужчина.

— Привет, — весело произнес он. — Меня зовут Симмонс. Поляк сказал, что вас интересуют убийства.

Обойдя Блэквелла, он прошел в гостиную и уселся в кресло.

Несколько секунд Блэквелл нерешительно переминался с ноги на ногу, затем положил нож на буфет и последовал за незнакомцем.

— Как вы попали в мою квартиру? — спросил Блэквелл.

Симмонс показал ему пару резиновых присосок в форме колокола с ремешками и застежками. Блэквелл сразу узнал в них «скалолазки» — приспособление, специально созданное для лазания по вертикальным пористым поверхностям старых нью-йоркских зданий.

— Вообще-то глупый трюк, — признался Симмонс, — но очень полезный, чтобы привлечь внимание перспективных клиентов.

Это был мужчина крепкого сложения, лет сорока пяти. Очки без оправы, ежик седоватых волос, небольшой курносый нос и бесцветные брови. Обычный парень с улицы в сером деловом костюме, не слишком новом и не слишком модном. Из тех, для кого анонимность — главная цель. Выглядел Симмонс так безобидно, что Блэквелл сразу понял — этот человек действительно опасен.

— Первым делом, — начал Симмонс, — позвольте мне выразить самые глубокие соболезнования в связи с ужасной гибелью вашей жены.

— Если вы работаете вербовщиком наемников, — сказал Блэквелл, — у вас чертовски сложный подход.

— О, я не имею ничего общего с наемниками, — ответил Симмонс. — Я принадлежу к совершенно другой организации. Мы занимаемся гораздо более опасными делами. И гораздо более приятными. Врубаетесь? Прошу прощения за выражение.

— Расскажите-ка поподробнее, — попросил Блэквелл.

— Люди, на которых я работаю, охотятся на самого большого, самого хитрого и самого мерзкого зверя. На человека. Я представляю организацию Охотников.

Конечно же, Блэквелл слышал про Охоту. Впрочем, кто про нее не слышал? Секретная организация, имеющая много сторонников, несмотря на характер своей деятельности. Сообщения о ней в последние годы часто появлялись на первых полосах газет. Она устраивала свои Охоты во всех крупных городах страны, не-

редко под носом у полиции, которая, казалось, не хотела или не могла ничего поделать. А Охота была довольно популярна среди американцев. Ходили даже слухи, что скоро она станет действовать на законной основе, особенно после того, как Конгресс принял Акт нормализации самоубийства, согласно которому добровольный уход из жизни перестал классифицироваться как уголовное преступление, если совершался в собственном доме и не нарушал гражданских прав других людей.

— Не знаю, — задумчиво произнес Блэквелл. — Мысль о том, что можно выйти на улицу и убить незнакомого тебе человека, довольно привлекательна — но какое отношение это может иметь к Клэр?

— Некоторое, — ответил Симмонс. — Обычно для Охоты мы проводим случайный отбор среди добровольцев. Но в последнее время из-за некоторого дисбаланса в соотношении Охотник — Жертва, а также учитывая ту социальную роль, которую мы играем в обществе, наша организация решила несколько расширить программу за счет уничтожения убийц, террористов и профессиональных наемников, у которых имеются друзья в высших сферах. Именно эти люди ответственны за смерть вашей жены.

— Но убийцы Клэр мертвы, — возразил Блэквелл.

— Да, но только те, кто нажимал на спусковой крючок. А что вы скажете о том классе людей, которые, оставаясь в тени, управляют политическими и экономическими убийствами?

— Вы хотите сказать, что я смогу охотиться на людей, которые устроили бойню в Париже?

— Не на них конкретно, но на тех, кто занят подобной работой. Дело в том, что осуществление личной мести не может быть целью Охоты.

Блэквелл обдумал слова Симмонса и нашел идею довольно привлекательной. Ему действительно хотелось кого-то убить, и особенное удовлетворение ему принесло бы убийство человека, виновного в смерти Клэр. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и то, что его самого могли убить. Но зачем думать о негативных факторах, пока еще ничего не началось?

— Ладно, — сказал Блэквелл. — Меня это привлекает. Я хочу узнать побольше о вашей организации.

— Отлично! — сказал Симмонс. — Почему бы вам не посетить одно из наших секретных собраний, посмотреть, как мы работаем, и принять окончательное решение?

— Хорошо, — согласился Блэквелл. — Куда я должен пойти?

— О, этого я вам сказать не могу, — улыбнулся Симмонс. —

Сами понимаете — тайна! Но мы позвоним вам через день или два и все обговорим.

— Идет, — ответил Блэквелл. — Я полагаю, у вас есть мой рабочий телефон?

— Разумеется. — Симмонс пожал руку Блэквеллу. — Рад был познакомиться.

Блэквелл проводил гостя до двери и отпер замки. Симмонс растворился в ночи. Приключение началось.

Глава 5

В ту судьбоносную осень Фрэнк Блэквелл работал внештатным редактором в «Эльсинор пресс», небольшом издательстве, размещавшемся на 23-й улице недалеко от 7-й авеню. Симмонс позвонил ему туда через два дня и продиктовал адрес на углу 60-й улицы и 9-й авеню. Они договорились встретиться в восемь часов.

До Коламбус-Серкус Блэквелл доехал на метро. Так как время еще позволяло, он зашел в закусочную «Кэжун» на углу 58-й улицы и Бродвея, где съел сэндвич с креветками по-гавайски, пакетик жареного картофеля и выпил чашку кофе. Затем отправился по указанному адресу.

Перед новым многоквартирным домом Блэквелл в замешательстве остановился, не зная, что делать дальше. Но тут дверца стоявшего неподалеку автомобиля отворилась, и оттуда вышел темнокожий мужчина с длинными бакенбардами и в шоферской униформе.

— Мистер Блэквелл?

— Да.

— Я шофер. Меня прислал мистер Симмонс. Пожалуйста, садитесь в машину.

— Но Симмонс велел мне прийти сюда, — сказал Блэквелл, указывая на здание.

— О, это только первый этап. Безопасность, сами понимаете. Остаток пути вы проделаете со мной.

— Остаток пути куда?

— Туда, где вас ожидают мистер Симмонс и другие.

Блэквелл почувствовал легкое раздражение.

— К чему такая таинственность? Неужели это необходимо?

Шофер печально улыбнулся:

— Видите ли, сэр, мы ведь секретная организация.

— А... Ну ладно, — сказал Блэквелл, устраиваясь на заднем сиденье «Кадиллака». — И куда же мы направляемся?

— В Джерси, — ответил шофер, поправляя пальцем тугой накрахмаленный воротничок-стойку, врезавшийся в шею.

— Господи, — вздохнул Блэквелл.

Шофер нажал на газ, и автомобиль резко тронулся с места в сторону Линкольновского туннеля.

В начале августа 1827 года Джон Фэрли Тодд, племянник недавно скончавшегося Томаса Джефферсона, бродил по Аппалачским горам.

Это было довольно популярное занятие в те далекие дни. Он начал свой поход в Монтеселло, штат Нью-Джерси, откуда направился на юг с рюкзаком и альпенштоком. Тодд пересек горный хребет Киттатайни, вышел к Делаварскому каньону и продолжил свой путь в сторону беспорядочно разбросанных Фрэнклинских высот.

Через некоторое время он наткнулся на ущелье между двумя скалистыми холмами. Там, где соединялись два пласта породы, под буйной растительностью Тодд, геолог-любитель и известный молодой адвокат из Кэмдема, обнаружил узкую расщелину, ведущую в глубь земли. Он сделал запись о находке в своем дневнике, назвав ее довольно романтично «глубокой, зияющей раной на холме, поросшем кедровником», хотя, кроме сосен и елей, там ничего не росло. До сих пор этот дневник является самым ценным экспонатом в Охотничьих архивах.

Тодд стал спускаться. В косых лучах солнца плясали пылинки. По мере погружения Тодда в «мрачное циклопическое чрево земных глубин» становилось все темнее и темнее. Наконец он очутился в огромной пещере, расположенной глубоко под землей. Стены пещеры покрывал светящийся лишайник, от которого исходило «светло-голубое мерцание, загадочное и таинственное».

Изумленно озираясь по сторонам, Тодд вспомнил слова своего знаменитого дядюшки, которые тот произнес 4 июля 1826 года, за неделю до своей кончины: «Пока что эта страна, мой мальчик, находится на гребне успеха, и здесь можно жить счастливо и свободно. Но ростки справедливой власти люди часто затаптывают в грязь в погоне за прибылью. Кто знает, может, уже недалек тот день, когда людям доброй воли понадобится прибежище, где они смогут собраться и разработать планы борьбы против интервенции или подлого заговора внутри страны. Если тебе когда-либо удастся найти подобное место, положи все силы, чтобы сохранить

его расположение в тайне до тех дней, когда потребность в нем даст о себе знать».

Смысл слов Джефферсона и даже точность их цитирования неоднократно становились темами жарких споров. Но как бы то ни было, Тодд приобрел участок местности, где обнаружил тайную пещеру. Его потомок, Эдвард Тодд Джексон, состоятельный Охотник с либеральными взглядами, решил передать ее в пользование Охотничьей корпорации.

Но об этом Фрэнк Блэквелл узнал гораздо позже. А пока он ехал в «Кадиллаке» мимо небольших городков Нью-Джерси, через бескрайние поля, а затем тряся несколько миль по разбитой грунтовой дороге. Наконец машина остановилась возле строения, которое показалось Блэквеллу заброшенной шахтой.

Из сторожевой будки вышли мрачные охранники и принялись о чем-то шептаться с шофером. Они долго рассматривали Блэквелла. Затем один из них вручил ему пластиковую карточку с надписью «ПОСЕТИТЕЛЬ — НАДЕЖНОСТЬ НЕИЗВЕСТНА» и велел приколоть ее к лацкану пиджака.

— Вам это понадобится там, внизу, — сказал он.

— Я вижу, охрана у вас на высоте, — сказал Блэквелл, чтобы не молчать.

— Иначе нельзя, — ответил охранник. Он всегда отвечал подобным образом на замечания посетителей о строгой проверке.

Он провел Блэквелла к грузовому лифту, решетки которого были сделаны в стиле «арт деко», и жестом велел зайти в кабину.

— Но я не знаю, на какую кнопку нажимать, — забеспокоился Блэквелл.

— Не волнуйтесь, — ответил охранник. — Я сам нажму.

Его слова прозвучали зловеще. Кабина лифта стала спускаться в земные глубины.

Глава 6

Наконец лифт мягко остановился. Двери автоматически открылись. Блэквелл оказался в просторном сводчатом помещении, вырубленном в гранитной скале. Искусственный свет, исходящий от светильников в нишах на каменном потолке, делал это место похожим на таинственное подземелье в фильме «Тарзан в забытом городе Орфир».

Прямо перед ним за стойкой из стекла и стали сидела красивая девушка-администратор, от которой так и веяло холодом. Она оглядела Блэквелла с высокомерием, присущим всем административным работникам подземных секретных объектов. Затем

взяла пропуск и посмотрела его на свет. Убедившись в наличии необходимых водяных знаков, она кому-то позвонила и быстро переговорила с невидимым собеседником.

— Вы можете пройти, — сказала она, указав Блэквеллу на дверной проем, в котором был виден отделанный деревом коридор с репродукциями Курьера и Ивза на стенах.

В конце коридора стоял вооруженный охранник. Прежде чем направить Блэквелла по другому коридору, он тоже проверил его пропуск. В этом коридоре Блэквелл встретил секретарш, которые порхали из кабинета в кабинет с пачками документов в руках и оживленно судачили друг с другом, начальников, которые пили черный кофе в окружении помощников и разговаривали по радиотелефонам. В конце коридора очередной охранник в зеленой форме с золотистыми нашивками поставил на пропуск печать и указал на дверь с табличкой «Вход воспрещен».

Едва Блэквелл приблизился к двери, она автоматически открылась и, как только он вошел, сразу закрылась. В глубине комнаты за столом из орехового дерева сидел господин Симмонс в бледно-желтом костюме и пестром жилете.

— А, Блэквелл, хорошо ли доехали? — Он встал и тепло пожал руку Блэквеллу. — Я понимаю, что штаб-квартира нашей компании расположена не очень удобно. Далековато от Нью-Йорка. Мы просто не смогли найти подходящую пещеру под Манхэттеном. Присаживайтесь. Что-нибудь выпьете? Может, коктейль? Не очень крепкий? С лимончиком, без оливок. С джином «Бифитер». Ну что, угадал? — Он лукаво подмигнул. — Манипенни!¹ На пороге появилась секретарша.

— Два коктейля, один специально для нашего друга Джеймса Бонда.

— Его фамилия Блэквелл, — ответила секретарша, ясно давая понять, что она не в первый раз слышит эту шутку.

— Боже мой, конечно! — Симмонс шлепнул себя ладонью по лбу. — Временное умопомрачение. Ну конечно, вы — Блэквелл. Все в голове перемешалось.

— Это от постоянного фантазирования, — объяснила секретарша. — Я вам уже говорила.

— Да, Дорис. Вы свободны.

Секретарша изобразила на лице улыбку и быстро вышла из комнаты. Блэквелл и Симмонс какое-то мгновение молча смотрели на закрывающуюся дверь.

— Потрясающая девушка, — заметил Симмонс. — А сзади

¹ Фамилия секретарши из фильмов о Джеймсе Бонде.

вообще класс... Наверно, считает меня дураком. Ничего, пусть думает, что я немножко не в себе. Надеюсь, вы никому об этом не расскажете.

— Никогда, — заверил Блэквелл.

— Пойдемте, я покажу вам кое-что.

Он привел Блэквелла в большую комнату, где в несколько рядов стояли персональные компьютеры. За дисплеями сидели мужчины и женщины.

— Это наш компьютерный зал, так сказать, мозговой центр. Люси, если вы позволите...

Молодая женщина с рыжеватыми вьющимися волосами и приятным лицом без тени макияжа беспрекословно уступила свое место. Симмонс сел. Его пухлые пальцы бодро застучали по клавиатуре, время от времени останавливаясь, чтобы воспользоваться «мышью» и активировать то или иное меню программы. Все компьютеры были сделаны фирмой «Макинтош», вот уже несколько лет господствовавшей в компьютерном бизнесе. Наконец, на экране появилось несколько таблиц.

— Это программа связи с нашими информаторами. Все больше и больше людей, которые по тем или иным причинам не могут или не хотят участвовать в Охоте, считают своим моральным долгом снабжать нас информацией о возможных кандидатах. Здесь — основная база данных о всех Охотах, прошлых и настоящих. Она обновляется ежечасно. Тут же хранится список лиц, из которых мы выбираем Жертв. Это вам может показаться интересным. Список смертников.

— Да, действительно интересно, — подтвердил Блэквелл.

— Не беспокойтесь: о каждом из них мы знаем абсолютно все. При необходимости мы можем проникнуть в любую компьютерную базу данных. Мы имеем доступ к закрытой информации государственных органов, в том числе полиции. На основании информации, которая стекается сюда со всех концов света и которую обрабатывают наши лучшие психологи и программисты, мы составляем список пятидесяти самых ужасных преступлений. Разумеется, его мы тоже постоянно обновляем.

— Непростая работа, — заметил Блэквелл.

— Да, очень трудная. В будущем мы надеемся существовать на законных основаниях. Мы станем организацией, которую будут знать и уважать во всем мире. Мы — отцы-основатели нового порядка. — В порыве вдохновения он на миг стал похож разом на Маркса, Ленина и Энгельса с картины, где они были изображены выступающими с облака перед аплодирующими матросами броненосца «Потемкин». — Но это в будущем. А пока нас

интересует, готовы ли вы выследить и убить какого-нибудь профессионального убийцу?

— Да, — ответил Блэквелл, — нет проблем. Но скажите, разве существуют профессиональные убийцы?

— Да, существуют. Наши социологи доказали, что с момента появления цивилизации в каждом поколении рождаются люди, которые любят выполнять приказы и обожают насилие. В жизни такие люди выбирают профессии, которые предоставляют возможность убивать себе подобных. Их ценит начальство, потому что они готовы взяться за любое гнусное дело, стоит лишь их уверить, что в конечном итоге это принесет добро. Интеллектуальные проблемы их не волнуют, и большинство из подобных типов служат в спецвойсках. Было бы лучше, если бы они убивали друг друга. Но так не бывает. Мы, участники Охоты, хоть и исповедуем идеалы совершенно чистой Охоты, тем не менее верны своему общественному долгу. И вы, господин Блэквелл, — если решите присоединиться к нам, — будете охотиться на одного из убийц-профессионалов.

— Что нужно сделать, чтобы стать членом вашей организации?

— Выполнить несколько требований. На период Охоты вы должны отказаться от привычного образа жизни. В этом мы можем вам помочь. Но уж если вы начали Охоту, то обязаны довести ее до конца.

— Что случается с Охотниками, которые бросают Охоту, так и не убив Жертву?

— С ними обычно происходят ужасные несчастные случаи, — ответил Симмонс. — Об этом лучше знать с самого начала. Если вы решите присоединиться к нам, то получите у нас лучшую в своем роде специальную подготовку. У вас будет Наводчик, который поможет вам организовать убийство. Короче, мы поможем вам абсолютно во всем, кроме, естественно, самого убийства.

— Интересно, к какому типу людей относится категория Охотников? — спросил Блэквелл.

Симмонс мягко улыбнулся.

— Истинный Охотник — это старомодный человек, который стремится вернуться к мирозданию, в центре которого стоит личность. Это спортсмен, который хочет участвовать в смертельно опасной игре. Это экзистенциалист, который пытается зафиксировать свое бытие в мгновении. Это ребенок, размахивающий мечом. Это верный сторонник идеи, время которой пришло. Вот что такое Охотник, господин Блэквелл.

— А считается ли Охотником тот, кто жаждет справедливого возмездия?

— Да, господин Блэквелл.

— Тогда я хочу стать членом вашей организации.

Глава 7

После того как Блэквелл ушел, чтобы — как он сказал — вернуться в Нью-Йорк и тщательно подготовиться к длительной Охоте на свою Жертву, Симмонс подошел к стене и нажал потайную кнопку. За отошедшей в сторону панелью оказался лифт. Симмонс вошел в кабину и нажал кнопку «Вниз».

Пройдя по короткому проходу, вырубленному в скальной породе, он оказался возле двери, над которой висела обыкновенная электрическая лампочка. Симмонс снял туфли и тихонько проскользнул в небольшую, освещенную одной свечой комнату, которая очень походила на келью монаха.

В дальнем углу комнаты лицом к стене на черной прямоугольной подушке в позе дзен-медитации сидел старик в халате из грубой ткани. Хрупкая болезненная фигура с решительно расправленными плечами. Не поворачивая головы, старик сказал:

— Добрый вечер, Симмонс.

— Как вы узнали, что это я?

Для Симмонса этот трюк был не нов, но он любил поиграть на земном честолюбии Мастера Охоты.

Мастер Охоты улыбнулся:

— Ты двигался очень тихо, тише, чем змея, но даже тишину можно услышать, если успокоить разум.

— Ну а если вы все-таки не услышите мою тишину?

— Я узнаю тебя по запаху.

— А если я залезу в плотный мешок, который не пропускает запахи?

— Тогда я узнаю тебя по ауре.

— А если моя аура исчезнет?

— Все, что исчезает, оставляет след.

Симмонс глубоко вздохнул. Мастер Охоты всегда побеждал в словесных баталиях «мондо»¹.

— Я пришел доложить, Мастер, что нанял нового Охотника. Того, о котором мы уже говорили.

— Блэквелла? Хорошо.

— Но есть кое-какие затруднения, — замялся Симмонс.

— Серьезно?

— Выполняя ваш приказ, я скрыл от него основную цель его участия в Охоте.

— Противоположность истины — тоже истина, — отрезал Мастер Охоты.

Он грациозно поднялся, полы его халата зашуршали. В мер-

¹ Спор-диалог в дзен-буддизме.

цающем свете четко вырисовывались линии его лица. Иногда он мог быть надоедливым — Симмонс знал это слишком хорошо. Но он был отцом-вдохновителем философии Охоты, Фомой Аквинским убийства, святым Франциском насилия.

— Чай? — предложил Мастер Охоты.

И, не дожидаясь ответа, подошел к низкой металлической жаровне в углу комнаты. Помешав тлеющие угли, старик подкинул пару щепок. Когда огонь разгорелся, он повесил на крючок старый медный чайник.

— Не считает ли Мастер возможным объяснить, почему столь важно использовать в Охоте именно этого человека? — спросил Симмонс.

— Его важность — позиционная. Благодаря ему и будет реализован наш план. Я объясню на аналогичном примере. В шахматах все пешки равны, не правда ли?

— Да, — согласился Симмонс.

— Но это не совсем так. Пешка может преградить путь атакующему ферзю, может заставить отступить робкого короля.

— То есть в данной конкретной ситуации Блэквелл имеет больший потенциал, чем любой другой Охотник?

— Именно так, но это всего лишь аналогия. Каждая пешка отрабатывает свою маленькую задачу в общей стратегии. Действия Блэквелла заставят другую сторону предпринять ответные действия, хотя, конечно, нельзя точно предугадать, каким образом они прореагируют на его вступление в игру.

— Не подвергаем ли мы Блэквелла излишней опасности?

— Конечно, подвергаем. Но он тоже должен рисковать, если не по своей воле, то принудительно. Пришло время действовать решительно. Америка быстро меняется. Уже действуют законы, легализующие различные аспекты наркобизнеса. Самоубийства больше не являются противозаконными. Все чаще убийцы официально освобождаются от ответственности за свои преступления. В этом году наши друзья в Конгрессе предложат законопроект о легализации Охоты. Мы весьма близки к тому, чтобы выйти из подполья. Поэтому на данном этапе нам необходимо рискнуть, чтобы потом уже никогда не рисковать.

Симмонс кивнул. Его снова поразило умение старика тонко чувствовать ситуацию. Нет, не зря Мастера Охоты называют кардиналом Мазарини человеческой бойни.

— И все-таки, — возразил Симмонс, — не окажется ли эта задача слишком сложной для Блэквелла?

Взгляд Мастера Охоты смягчился.

— Возможно, ему даже удастся остаться в живых. Мир изменился.

Глава 8

Распрощаться с привычным образом жизни оказалось на удивление легко. Клэр погибла, а всем остальным было все равно, жив Блэквелл или мертв. Последней его работой было редактирование сборника «Самая вредная пища Европы специально для вас». Его работодательница Марция Готтшалк, как обычно, поблагодарила его за усердие и велела заглянуть месяца через два: может, появится новая работа. С помощью Тайного Охотничьего фонда Блэквелл заплатил арендную плату за дом на полгода вперед. В соответствии с инструкциями, взяв с собой небольшой чемодан, он вылетел в Феникс на самолете компании «Дельтоид».

В аэропорту его встретил молчаливый тип в желто-коричневой широкополой шляпе. Они сели в помятый пикап и направились в тренировочный лагерь Охотников, расположенный в горах Суеверия, штат Аризона. В лагере Блэквеллу выделили комнату, показали место в столовой, выдали одежду и снаряжение. На следующий день началась подготовка.

Первого инструктора звали Мак Нэб. Это был негр, который говорил с явным шотландским акцентом. Он почему-то невзлюбил Блэквелла. Вообще-то довольно трудно составить непредвзятое мнение об этих типах из тренировочного лагеря в горах, которые обучали искусству убивать и всему, что с этим связано.

— Вот что, дружок, — объяснял Мак Нэб, — наше дело состоит не в том, чтобы просто подойти к Жертве и, вставив дуло пистолета в ухо, сделать пиф-паф. И забудь про снайперскую винтовку. Это просто только в кино, а в реальной жизни таскать всюду с собой такой аппарат — самая настоящая глупость. Тем более если тебе придется работать за границей. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя задержали на таможне. Так что забудь про винтовки. Для ближней стрельбы тебе придется использовать пистолет или одну из тех штучек, которые производит наш отдел разработок. По мне, так лучше тросточка или зонтик. — Мак Нэб мастерски владел зонтиком. — Я не имею в виду зонтик со стилетом внутри. Это очень опасная улика. Сразу видно, что оружие. Я говорю о простом зонтике с деревянной или бамбуковой ручкой, хотя у нас есть зонты и с ручкой из хирургической стали. Можно заточить кончик. Можно сделать свинцовый набалдашник на ручку. Раз-два, и смертельное оружие готово.

Огромный — под два метра ростом — черный как смоль негр показал несколько основных движений: когда открываешь зонтик, выпад в сторону Жертвы, комбинацию укулов зонтиком, удар

тяжелым набалдашником. Блэквелл исправно тренировался по несколько раз в день и достиг определенных результатов, хотя, конечно, не мог сравниться с Мак Нэбом, который почти всю жизнь провел в странах с дождливым климатом.

Хьюстон Джеймс, лысый громила с рыжей бородой, вел курс стрелкового оружия.

— Нельзя заикливаться на каком-то одном типе оружия, — объяснял он Блэквеллу. — Профессиональный убийца должен уметь использовать любое стрелковое оружие. У нас нет времени детально изучать все существующие типы. Достаточно, чтобы вы умели зарядить любой попавшийся под руку пистолет, снять предохранитель и выстрелить. Убивать из пистолета очень легко, но только если вы знаете, как его заряжать, как взводить курок, как вести автоматический огонь и так далее. После моего курса вы сможете пользоваться любым из пятидесяти двух обычно применяемых типов пистолетов, винтовок и автоматов.

В классе рукопашного боя инструктор, маленький, вечно угрюмый бангладешец, учил курсантов лишь одному приему.

— Поскольку времени мало, чтобы научить вас приемам карате, айкидо или тибетского мунг-хо — самой лучшей системы рукопашного боя, — я вас обучу только одному. Бейте в пах, господа, бейте в пах! — Далее инструктор пояснил, почему пах — идеальная мишень: — Не бейте в челюсть. Вы можете покалечить себе руку. Не надо пытаться бросить противника через плечо. Так можно повредить мышцы спины. Если ты не мастер, ничего у тебя не получится. Поэтому бейте в пах, господа. Если перед вами женщина, все равно делайте то же самое.

В классе подрывного дела Блэквелл получил самые общие знания о взрывных устройствах. Инструктор, низенький лысеющий человек, сказал им с ирландским акцентом:

— У нас нет времени научить вас делать собственные взрывные устройства. Хотя, конечно, жаль — это прекрасное искусство, но не стоит пытаться разобраться в нем самому. Для этого нужны долгие годы учебы у мастера своего дела. В противном случае можно подрваться. Я вам покажу, как нужно обращаться со взрывными устройствами, которые могут вам повстречаться.

Никто из инструкторов не доверял стрелковому оружию. Один из них сказал:

— В бою оно не столь эффективно, как кажется. К тому же все полиции мира имеют специальную аппаратуру для обнаружения огнестрельного оружия, идентификации его типов и видов боеприпасов. Следовательно, если вы пользуетесь стрелковым

оружием, то играете на руку полиции. Но как же лучше убить Жертву? — спросите вы. Например, возьмем яды. Они имеют больше недостатков, чем преимуществ. У нас есть быстродействующие препараты. Достаточно, скажем, лишь уколоть Жертву булавкой или бросить порошок ей в лицо, и она уже на том свете. Но может повернуться иначе, и тогда вперед ногами вынесут вас. Такое случается часто. Главное — подойти к Жертве поближе, выбрав удачный момент. Нужно быть решительным, внимательным и прежде всего ловким.

Глава 9

Через полтора месяца Симмонс появился в комнате у Блэквелла.

— Ну как? — спросил он.

— Мне нравится, — ответил Блэквелл, — но иногда кажется, что подход к делу тут неправильный. Впрочем, мне это, наверно, только кажется.

— Да нет, подход правильный. Не стыдитесь наслаждаться убийством — и результатом, и процессом. Далекое прошлое человечества — время охотников и убийц. И это прошлое гораздо длиннее, чем история цивилизованного человека. Вы вообще как — настроены сделать то, что собирались?

— Думаю, что да, — ответил Блэквелл. — Хотелось бы с этим справиться. Собственно, я не верю, что буду это делать. Что убью человека. Да, я знаю, что собираюсь сделать это, но полностью не могу поверить.

— Большинство из нас глубоко в душе ненавидит убийство себе подобных, — сказал Симмонс, — однако мы убиваем. Вообще любой Охотник должен преодолеть отвращение.

— И что, всем Охотникам удается?

— Некоторым удается, некоторым нет. Даже некоторые с железной волей пасуют, когда приходит решающий момент.

— И что тогда?

— Обычно Жертвы убивают их.

— Я постараюсь справиться, — заверил Блэквелл.

— Постарайтесь. Мы подготовили вашу Жертву. Вот ее досье. Это богатый человек. Его хорошо охраняют. Вот почитайте.

Он подал Блэквеллу компьютерную распечатку. Альфонсо Альберто Гусман Торрес. Родился в 1933 году в небольшом городке к югу от Манагуа. Его отец, армянский торговец, был весьма богат, но незнатен. Юный Альфонсо учился в лучших школах

и в 1949 году, когда ему исполнилось 16 лет, поступил в Никарагуанское военное училище. В 1952 году он его закончил, преисполненный желания сделать карьеру в полиции. Он поехал в Перу и четыре года учился в Национальной академии гражданской гвардии, постигая различные науки, которые не пришлось изучать дома.

После возвращения в Никарагуа Гусман поступил в полицию Манагуа и был назначен в службу национальной безопасности. Вскоре о его способностях, политической благонадежности и холодной безжалостности узнали, и он стал начальником образцово-показательной тюрьмы в Манагуа. Дослужившись до полковника, в 1970 году он женился на донье Катерине Лопес из знаменитой семьи Лопес, которая владела поместьями в Ля-Флор и Эль-Кастилье, одной из четырнадцати влиятельнейших семей в Никарагуа. Когда в апреле 1979 года его превосходительство президент Республики Никарагуа Анастасио Сомоса потерял власть, Гусман с доньей Катериной и тремя детьми бежал в Гватемалу на транспортном самолете никарагуанских ВВС. В Гватемале Гусман вступил в «Никарагуанский революционный фронт» (НИКРЕФ), одну из первых организаций контраст, но вскоре перешел в более активные «Никарагуанские демократические силы» (НИДЕС), которые стали главной организацией контраст, поддерживаемой США. После провала наступления контраст Гусмана сначала перевели в «Демократические вооруженные силы», а затем в «Антикоммунистические боевые отряды». Его способность безразлично относиться к чужой боли вместе с мастерством владения стрелковым оружием и ведения тайных операций сделали его идеальным командиром «эскадрона смерти».

Он знал, что занимается грязным делом, но терпел. Посылая в небесный «коммунистический рай» «левых» из индейских деревень в Кордильера-де-Йолайна или с кукурузных плантаций в Бокайе, он понимал, что это не его работа — но кто-то должен ее делать.

Попав в засаду, устроенную бойцами сандинистского Фронта национального освобождения, Гусман был ранен. Стараниями его заместителя и друга детства Эмилио Сальвадора Аранды Гусмана доставили через Рио-Коко в Данли в Гондурасе, затем агенты ЦРУ перевезли его в больницу в Майами.

Вместе с ним в США приехал Эмилио — теперь уже благодаря стараниям Гусмана. С ним также приехал Тито, здоровенный мужик, довольно умный для ублюдка-сержанта образцово-показательной тюрьмы Манагуа. Гусман не вернулся в Никарагуа —

сандинисты приговорили его к смертной казни, назначили цену за его голову и объявили преступником-садистом, а не солдатом. Он остался в Майами, принял американское гражданство (что оказалось довольно легко, учитывая его прошлые заслуги и связи с ЦРУ) и в начале 1982 года вызвал жену и детей.

В Майами с помощью друзей и денег семьи жены, заранее расчетливо вложенных в коста-риканскую кофейную промышленность, он занялся строительным и кораблестроительным бизнесом.

Одновременно он продолжал заниматься своим старым ремеслом — убивать людей. В Майами живет очень много разговорчивых никарагуанцев, которых необходимо было заставить молчать, желательно с помощью быстрозастывающего цементного раствора. И Гусман со своими людьми занялся этим. Кроме того, он играл важную роль в поставках оружия различным правым группировкам в Центральной Америке.

— И что я должен делать? — спросил Блэквелл. — Съездить в Майами и выяснить, смогу ли я убить его?

Симмонс покачал головой:

— Гусман к этому готов. Мы уже пробовали, но пока безрезультатно. Мы должны пододвинуть вас к нему как можно ближе.

— Может быть, мне просто прийти к нему и предложить купить книгу? Энциклопедию, например?

— Он никогда не открывает двери сам. За него это делают другие. У него большой дом в Южном Майами, оснащенный новейшей системой сигнализации. Там полно телохранителей, собак, забор с сигнализацией. Никто не может подойти к нему незаметно.

— Но из дому-то он выходит?

— Конечно. Иногда он посещает латиноамериканский гандбол «хай-лай», рестораны, навещает «Бискэйн Клуб». Но ничего регулярного. Он ничего не планирует заранее, поэтому никто ничего не знает. Он просто вызывает телохранителей и идет куда хочет. Против него ничего нельзя организовать.

— Так как же мы сможем подобраться к Гусману?

— Как раз над этим мы и работаем. Они вообще крепкие орешки — эти старые хрычи из «эскадронов смерти». Просто поразительно, сколько у них друзей и сочувствующих, несмотря на все то, что они натворили. Они обычно в хороших отношениях с местным правительством и органами правопорядка. Да и на благотворительность они не скупятся.

— Да, нелегкая задача, — заметил Блэквелл.

— А в округе Дэд, в окрестностях Майами, — трудная вдвойне. Там на обширной территории — в огромной тропической трущобе — живет чертовски много людей. Если не считать нескольких больших домов в центре, неподалеку от Западного Флэглера и Бискайского залива, там целыми милями тянутся одно- и двухэтажные домишки. Десятки крошечных земельных участков занимают все пространство от Хоумстеда до Норт-Майами-Бич. Почти все они принадлежат темнокожим или испаноговорящим. Появись в тех местах незнакомец, особенно белый, он сразу начнет бросаться всем в глаза. А люди в тех местах чрезвычайно подозрительны. Там высокий уровень безработицы и преступности. Многие промышляют торговлей наркотиками и оружием, немало незаконных иммигрантов. Там часто убивают — каждые несколько дней полиция находит в придорожной ирригационной канаве машину, а когда вытаскивает, внутри труп. Но прежде чем тот попадает в морг, до него обычно добираются сухопутные крабы, и тогда уже не определишь даже причину смерти, не говоря уже об уликах.

— Жаль, что внешность у меня не испанская, — заметил Блэквелл. — Это облегчило бы мне задачу.

— Вовсе нет, — возразил Симмонс. — Если только вы не родились и не выросли в окрестностях Майами. И даже окажись ваша внешность самой что ни на есть подходящей, в вас сразу признают чужака, едва вы произнесете несколько слов. А тогда вы станете дважды подозрительным.

— Здорово вы меня подбодрили.

— Просто хотел рассказать вам о реальной ситуации. Но мы сталкивались с задачами и потруднее этой. Осталось лишь дождаться подходящего «окна» для начала операции.

— А что это значит?

— Этим термином мы обозначаем те несколько часов или дней, когда Жертва становится уязвима. Такой момент может наступить очень скоро, так что советую быть наготове. А пока продолжайте тренировки. Но находитесь в постоянной готовности — когда потребуется, действовать придется очень быстро. Назначу вам специальный курс «Маскировка и методы убийства в тропиках». Там обучают кое-каким приемам, которые вам пригодятся в районе Майами. А заодно курс обеспечит вас тем, что иметь совершенно необходимо, если не желаешь выглядеть настоящей белой вороной.

— Чем же?

— Отличным загаром.

Часть II

НАЧАЛО ОХОТЫ

Глава 10

Пока Блэквелл проходил курс специальной подготовки, за сотни миль оттуда, в Гондурасе, происходили события, которые в конце концов сделали возможной встречу Блэквелла с его Жертвой.

На горной, черной от пыли дороге близ Сан-Франциско-дела-Пас сидели два дозорных контрас. Они охраняли лагерь повстанцев «Змеи», которыми командовал Мигелито. Лагерь располагался на лысом холме на берегу мутной Рио-Телика. Цыганский беспорядок в лагере делал его похожим на ночлежку в центре Порт-о-Пренса. Несмотря на отсутствие элементарных удобств, лагерь был нормальным, с точки зрения никарагуанцев, которые жили за рекой и продолжали поддерживать «левый» режим, угрожавший американским интересам. Такая поддержка была ошибкой, за которую никарагуанцы и расплачивались.

Двое контрас сидели, расстегнув рубашки и расшнуровав ботинки, то есть как все партизаны в мире, ведущие боевые действия в тропиках. В голубом небе висели розоватые облака — пришельцы с Мексиканского залива, — которые принесли обильные дожди. Видно, быть хорошему урожаю.

Один из дозорных, низкорослый бородач, подвижный парень по имени Валериано когда-то учился в университете городка Сильвес, что в восьмидесяти километрах от Манагуа. Там он изучал средневековую английскую литературу до тех пор, пока однажды вербовщики контрас не вломились в общежитие и насильно не записали его в «армию освобождения». Его друг Панфило жил с ним в одной комнате и был помолвлен с Пилар, сестрой Валериано. Его тоже взяли в «армию освобождения», и сейчас он был напарником Валериано в дозоре.

С тех пор прошло двенадцать лет. И вот Панфило в расстегнутой рубашке стоит, привалившись к огромному камню, и, покуривая мексиканскую сигарету «Деликадо», лениво глядит на своего друга Валериано, который в мощный цейсовский бинокль рассматривает черную ленту дороги.

Вдруг позади послышались шаркающие шаги, и друзья мгновенно обернулись, держа «АК-47» наготове. Но это оказался всего лишь Жан-Клод, повар лагеря, толстый коротышка в белом фартуке.

— Ну что там, в лагере? — спросил Валериано.

— Ужасно, — промямлил Жан-Клод, — мне пришлось убраться из лагеря, чтобы прийти в себя.

Он присел на камень. Его руки дрожали. Затем он встал и стал расхаживать взад-вперед.

— Успокойся, дружище, — сказал Панфило, — по-моему, ты принимаешь все слишком близко к сердцу.

— Потому что мне нужно все время быть начеку, — ответил Жан-Клод. — Что я могу сделать, если все в лагере одурели от наркотиков? Мигелито смотрит на это сквозь пальцы. Я сам не люблю наркотики. Но больше всего меня волнует эта свинья.

Два бывших университетских товарища посмотрели на повара, как на сумасшедшего.

— Ты имеешь в виду кого-то из наших общих знакомых? — спросил Панфило.

Жан-Клод запнулся и пробормотал:

— Да нет, я имею в виду поросенка для праздника.

Панфило и Валериано разом хлопнули ладонями себя по лбу, точно так, как это делают итальянцы. Ну конечно же, праздник! Их потому и поставили сюда, чтобы не прозевать Рамона де лас Касаса, представителя контра в Майами. В его честь будет устроен праздник, и Жан-Клод имел в виду жареного поросенка, которым все говорящие на испанском народы потчуют важных гостей, даже если последние вегетарианцы.

— Ну, и что с поросенком? — поинтересовался Валериано. — Недостаточно хорош?

Жан-Клод сжал губы. И эти туда же. Рубашки расстегнуты до пупа. А еще образованные — не в европейском смысле, конечно, но для латиноамериканцев достаточно.

— Поросенок хорош. Сам выбирал. Проблема в том, что наш гость опаздывает. Я говорил Мигелито, что наш гость опоздает — эти гости всегда опаздывают. Я сказал Мигелито, что нельзя начинать готовить поросенка до тех пор, пока на дороге не увидим машину с гостем из Сан-Франциско-де-ла-Пас. Но я ведь всего лишь повар. Вы когда-нибудь слышали, чтобы команданте по прозвищу Бандера Негра прислушивался к совету повара? Начинать готовить, и все тут. Ведь он — команданте, а я просто повар. Я работал в лучшей гостинице Бордо, «Холидей Инн». Если бы не скандал с той одиннадцатилетней эстонкой, никогда бы не оставил место и не эмигрировал.

— И что ты сделал с поросенком? — спросил Валериано.

Жан-Клод пожал плечами:

— Что я мог сделать? Приказ есть приказ. Я начал готовить.

— Так в чем проблема? Ты забыл рецепт?

Губы Жан-Клода скривились.

— Кто? Я? Забыть рецепт, который я сам придумал и который только что был опубликован в последнем номере журнала «Гурман»? Да никогда! Я сделал все как нужно. Нафаршировал поросенка листьями мексиканской магвы, смоченными соком пьянящей текилы, а также специями, пряностями и хлебцами из кукурузной муки. Потом полил его своим фирменным соусом и свежайшим оливковым маслом из Севильи. Надел поросенка на вертел и заставил помощников поворачивать вертел на огне через определенные — точно по секундомеру — промежутки времени. Они делали так до тех пор, пока шкурка поросенка не приобрела матовый темно-золотистый цвет, а мясо не стало таять на языке — таким должен быть настоящий жареный поросенок.

— А нам кусочек не перепадет? — спросил Панфило.

— Вы не понимаете, — продолжал Жан-Клод, — поросенок уже готов. Еще десять минут на огне — и шкурка почернеет, а мясо станет жестким.

— Ну так сними его с огня! — не удержался Панфило.

— Тогда он остынет раньше времени, и к столу я подам холодное мясо с застывшим жиром.

— Почему бы тебе не завернуть поросенка в фольгу? — с издевкой спросил Валериано. Он не был приглашен на праздник, и поросенок ему явно не предназначался.

— Ты же знаешь, что ее тут не найти, — ответил повар. — Вот если бы я остался в Текусигальпе. Какая была гостиница! Если бы не случай с немецкой туристкой и ее ребенком...

Валериано, который пристально смотрел туда, где дорога сливалась с горизонтом, вдруг резко поднял руку.

— Тихо! Они едут!

Вдали на дороге появилось облачко пыли, которое оказалось легковым автомобилем, мчащимся на большой скорости. Это был «Плимут» пепельного цвета — такси из Сан-Франциско-де-ла-Пас.

— Праздник спасен! — закричал Жан-Клод и побежал к лагерю.

— И не только праздник, — сказал Валериано. — Теперь бойцы получают дополнительную порцию перуанского кокаина, которую обещал Мигелито. Я представляю, как у них заблестят глаза, когда они узнают, что приехал де лас Касас.

— Все-таки приехал. А ведь многие сомневались, что он почтит нас своим посещением.

И несостоявшиеся литературоведы улыбнулись друг другу, вытерли носы и пошли докладывать начальству.

«Плимут» свернул с каменистой дороги, вдоль которой тор-

чали пеньки недавно срубленных деревьев, и въехал в лагерь с протяжным сигналом. Разряженные контрасы, выстроенные для торжественной встречи, радостными криками приветствовали машину, подбрасывая в воздух головные уборы и вытирая обшлагами носы. Latinoамериканский квинтет из Табаско заиграл веселую мелодию. С заднего сиденья машины слез Рамон де лас Касас, представитель СФНО (контрас) в изгнании, организации, которая ставила своей целью освобождение Никарагуа и восстановление режима недавно приконченного Тача Сомосы и его распущенной «гвардии насиональ», хотя, конечно, на сей раз в более мягких формах.

На де лас Касасе был великолепный белый костюм с черным узким галстуком. Тщательно ухоженное лицо и кучерявые седые волосы делали его похожим не то на Боливара, не то на святого Мартина.

Команданте Мигелито, или команданте Бандера Негра, вышел лично встретить знатного гостя. Они крепко обнялись. У Мигелито — огромного верзилы без передних зубов — горел в глазах безумный огонь. Корреспондент «Нью-Йорк тайме» назвал его: «нечто среднее между наемным убийцей и вождем варваров Аттилой».

Они направились в палатку Мигелито. Касас сел на брезентовый стул. Мигелито налил в небольшие, украшенные орнаментом чашечки сероватую чичу¹.

— Надеюсь, поездка была не очень утомительной?

— Совсем нет. А я надеюсь, что к вам благополучно добрались те женщины, которых я прошлым месяцем направил через нашего агента в Гватемала-Сити.

— Да, мои ребята вам чрезвычайно признательны.

— Женщины были что надо?

— Конечно, у вас превосходный вкус, дон Рамон... — Мигелито запнулся.

— Что такое? — встревожился Касас. — Слишком худые? Понятно. Но ты ведь знаешь, как трудно найти непотасканных шлюх, которые согласились бы ехать сюда. Наш агент в Панаме Манче-го де Кесадильо просит понять его и простить.

За распахнутым пологом палатки виднелись темно-фиолетовые горы Сьерра-де-Агальта с золотистыми вершинами. Густую тропическую жару разогнали набежавшие облака. Несколько крупных капель упали на палатку.

— Черт! — воскликнул Мигелито. — Похоже, что сезон дождей в этом году начнется раньше обычного. А мы живем в дыря-

¹ Слабоалкогольный напиток.

вых палатках на этом богом забытом холме. Ни тебе фильмов, ни даже толстых шлях, которые помогли бы одолеть скуку и одиночество центральноамериканской ночи. Слава богу, хоть свиньи есть.

Снаружи кто-то радостно произнес с французским акцентом:

— Поросенок готов! Прошу к столу!

— И последнее, перед тем как мы сядем за праздничный стол, — остановил гостя Мигелито. — Я просил вас приехать не только затем, чтобы отведать поросенка, хотя этот праздник — в вашу честь. Я хочу вам сказать, что мы наконец готовы.

Касас насупился.

— Ты имеешь в виду, что вы готовы быть готовыми?

Мигелито на мгновение закрыл глаза — незаметный, но весьма красноречивый жест.

— Так сколько у тебя людей в отряде?

— Мне досталось почти четыре тысячи первоклассных бойцов из отряда команданте Гато Азула. Он отошел от дел и занялся акварелями во Флезоле, поэтому все его бойцы пришли ко мне. Мне хорошо платили, но я все равно был вынужден израсходовать всю помощь от ЦРУ плюс все то, что мы добыли на армейских складах Тумбупу прошлой осенью.

— Четыре тысячи — это хорошо, — сказал Касас, — но...

— Подождите, это еще не все. Я договорился с командирами других повстанческих отрядов. Им надоело сидеть без дела, и они согласились наступать вместе со мной. Рамон, на этот раз у нас получится.

— Мигелито, я восхищаюсь тобой — ты поработал на славу.

Мигелито усмехнулся:

— Теперь вы понимаете, почему меня называли Эксихеньте¹, прежде чем я взял имя Бандера Негра. Рамон, я думаю, что мы справимся. Мы перейдем реку в Дос-Охетес, обойдем Вирден-Горда-Лайн, разобьем батальон в Долсес-де-Муэрте и соединимся с Норге Энсен Дадорой и его «Оранжевыми гусеницами» в Морена-де-Чурри.

— Превосходно! — воскликнул Касас. — А потом что?

— А потом мы выполним план Хончо Азула, который, как вы помните, мы обсуждали в прошлом году на съезде повстанцев на Ямайке. Как раз именно там я имел удовольствие познакомиться с вашей подружкой и ее полоумным младшим братом. Так вот, объединившись, мы малыми группами проберемся в Тасо-Энчилада, откуда выступим на Манагуа.

— Гениально, — заявил Касас. — Нет, правда, Мигелито. Не-

¹ Требовательный (*исп.*).

удивительно, что тебя называют Наполеоном провинции Бокачича.

— Но мне для этого кое-что нужно.

— А, знаю. Толстые шляхи.

— Нет, хотя они тоже нужны. Но я имел в виду оружие.

Касас посерьезнел.

— Это всегда большая проблема. Особенно если учесть количество, которое ты просишь.

— Нам понадобится несколько зенитных пушек. Кстати, несколько танков тоже не помешают.

— Эй, полегче. Сейчас ты начнешь просить спальный мешок и новую пару обуви для каждого из твоих бойцов.

— К этому добавьте еще санитаров и врачей. Они тоже нужны моим людям.

— Мигелито, я бы с радостью исполнил все твои просьбы, но не я решаю. Только Революционный совет национальной свободы в изгнании может принимать подобные решения. Но у него все равно нет столько денег. — Касас быстро посчитал в уме. — Ты просишь около двадцати миллионов долларов. Это не шутки. Прости, конечно, если мои слова показались тебе обидными.

На лице Мигелито застыло недоуменное выражение.

— Я знал, что этим кончится. Это называется пустая болтовня.

— Мигелито, — сказал Касас, — мы с тобой старые друзья. Ты же говоришь с Рамоном. Ты меня понимаешь, дружище. Скажи, твои ребята будут воевать?

— Будут ли они воевать? — ошетинился Мигелито. Его голос прозвучал как удар хлыста в тишине центральноамериканского заката. — Они у меня все повязаны и потому будут воевать с кем угодно. Наркотики здорово помогают в этом деле. Мы как-то в горах задержали контрабандистов с грузом кокаина. Эти идиоты замаскировались под съемочную группу журнала «Нэшнл джио-грэфик». Мы конфисковали товар, и с тех пор я даю своим людям кокаин. Так что они готовы. Вы, наверно, заметили пеньки срубленных деревьев вдоль дороги на подъезде к лагерю. Это мои ребята штыками баловались. Мы через джунгли пройдем — деревьев не останется, а вы говорите — в бой. Они будут воевать, Рамон. Их нужно лишь постоянно подпитывать, и тогда они пойдут в бой с радостными криками. Но надо выступать — иначе, когда у меня закончатся наркотики, они начнут убивать друг друга. А потом прикончат меня и девочек.

— Послушай, — начал Рамон, — если бы я тебе дал все, что ты просишь...

— Я стал бы президентом нашей страны! — закончил Миге-

лито. — Я не политик, я просто хочу стать бессменным главнокомандующим вооруженных сил нашей любимой родины.

— Ну что ж, будем считать этот вопрос решенным.

— Да ну вас, Рамон. Либо наступаем, либо бросаем это дело, берем с собой все, что нужно, и уезжаем в Испанию. Я устал сидеть на этом холме и развлекать тысячи ублюдков солдат, да еще без помощи толстых девочек.

Тут в палатку ворвался возбужденный Жан-Клод с всклокоченными волосами и дико горящими глазами.

— Мой дорогой друг, — обратился Мигелито к шеф-повару, — в чем дело?

— Прошу прощения, что помешал, команданте Бандера Негра, — медленно, чеканя слова, как актер в традиционной японской опере, ответил Жан-Клод, — но если вы и ваш гость сейчас же не сядете за праздничный стол, я уйду в другой отряд, где вы же ценят качественную еду.

— Ну зачем же так, — засмеялся Мигелито. — Мы идем есть поросенка и съедим его без остатка. Да, Рамон?

— И не только его, — ответил Касас.

— Точно? — спросил Мигелито.

Их взгляды, взгляды хищников, встретились. Касас кивнул и обнял Мигелито за плечи.

— Все в порядке, мой друг, — сказал он. — Этим мы и займемся.

Глава 11

Рамон де лас Касас покинул лагерь сразу после праздничного ужина с поросенком. Он не забыл поблагодарить Жан-Клода, который позже в предисловии к своей кулинарной книге «Контрастурман» упомянул об этой благодарности.

Представитель СФНО(к) приказал водителю ехать в аэропорт Сан-Леандро в Тегусигальпе. В здании аэропорта было мало пассажиров, но очень много вооруженных солдат и несколько женщин-индианок с детьми, завернутыми в пестрые одеяла. Касас до утра просидел в зале VIP¹, попивая кофе с коньяком. В семь утра он сел на самолет компании «Пан-Америкэн», выполняющий рейс в Гватемала-Сити. Туда он прибыл за несколько минут до начала еженедельного заседания руководящего совета СФНО(к), или на европейский манер — Никарагуанской свободной республиканской либерально-демократической партии.

Делегаты собрались в опаловых апартаментах отеля «Уеспедес», аляповатого здания, построенного в испанском стиле. Боль-

¹ Особо важных гостей.

шинство делегатов были небольшого роста, в строгих костюмах, белых рубашках и галстуках умеренных тонов. Обувь у всех была тщательно начищена, некоторые держали в руках потертые портфели. Несколько человек носили очки.

Под мерный шум медленно вращающихся вентиляторов Касас в рубашке с закатанными рукавами хриплым от волнения голосом изложил свое предложение: используя кредит, предоставляемый Никарагуа, закупить оружие для контраст Мигелито. Он сказал, что игра стоит свеч, так как одним ударом можно будет решить все проблемы.

Разумеется, не обошлось без возражений.

— А что скажут Соединенные Штаты? — спросил Патрисио Сегудия, человек с водянистыми глазами, министр иностранных дел в изгнании, в клубных туфлях, обладавший дурной привычкой постукивать по стакану с водой.

Сегудия заявил, что последние опросы общественного мнения показали, что семьдесят девять процентов американских избирателей против активной поддержки контраст и всяких других «партизанос»; что восемьдесят семь процентов не могут отличить центральноамериканские страны друг от друга, а восемьдесят два процента вообще не желают знать о Центральной Америке.

— Не беспокойтесь об американцах, — сказал Касас. — Они знают, что мы единственная партия, которая, придя к власти, предоставит нашу промышленность в распоряжение их гигантских корпораций. Так что они согласятся.

— Как вы можете говорить с такой уверенностью? — возмутился Сегудия.

Тут встал Гарсиласо Вегас. Это был молодой симпатичный человек, делегат из Чокутепе.

— Думаю, что могу вас успокоить, — сказал он. — Я представлю ЦРУ в вашей организации. И уполномочен заверить вас в нашей полной поддержке, но только если вы поднимете свои задницы и начнете воевать.

После этого прошло голосование. Единогласно решили, что де лас Касас может обратиться в Багамскую корпорацию, международному спонсору незаконной торговли оружием, за кредитом в двадцать пять миллионов долларов (кое-что должно было перепасть и руководящему совету) под залог движимого имущества Никарагуа.

Глава 12

Корпорация «Багамы» была странным порождением того страшного периода, когда цивилизация приближалась к своему очередному тысячелетию. Это была частная фирма, в которой ра-

ботали первоклассные ученые-идеалисты. Они стремились достичь своих возвышенных целей незаконными путями. Потребность в такой организации стала вполне очевидной, когда сообщество ученых мира стала все больше и больше беспокоить угроза гибели человечества в результате неразумной индустриализации. Эти люди были уверены, что даже если исчезнет угроза ядерной войны, то через пятьдесят-сто лет планета все равно станет пригодной для жизни лишь тараканов и электрических угрей. Фантасты предлагали покинуть планету на борту гигантского звездолета. Но все почему-то были уверены, что конец наступит гораздо раньше, чем такой звездолет создадут.

Население росло, вместе с ним росло и загрязнение окружающей среды — «цивилизованные звери» перешли границы дозволенного. Они разрушили все, что только можно было разрушить, они убили всех крупных животных, израсходовали накапливавшиеся в течение миллионов лет запасы пресной воды, нефти, угля и других минералов. Хрупкое равновесие экологических систем в различных уголках Земли было нарушено, часто непоправимо. Планета безостановочно двигалась к своей гибели. А народы продолжали ссориться и воевать из-за пустынок, отстаивая свои экономические, религиозные и социальные доктрины. Перспективы процветания больших и малых стран ставились в прямую зависимость от наращивания мощи и оснащения вооруженных сил. Люди были своего рода муравьями-воинами, которые обеспечивают всем необходимым более сильных насекомых.

Для сохранения глобальной экосистемы, которая поддерживала жизнь на всей Земле, нужно было принять срочные меры. Для этого прежде всего нужно было рассматривать Землю как единое целое. Такой подход давал возможность сохранить жизнь на планете хотя бы еще на сто-двести лет.

Однако человечество XX века завязло в самоубийственной рутине. Нельзя было предпринять какие-либо шаги до тех пор, пока угрозы не становились реальными. Но часто уже было поздно — последствия становились необратимыми. Ведущие ученые признали необходимость следования нетрадиционными путями ради спасения Земли от людского безумия — иными словами, путями незаконными.

Для решения данной проблемы были созданы группы заинтересованных ученых. Ключевой проблемой спасения Земли признали недостаток финансовых ресурсов. Для решения глобальных задач нужны были астрономические денежные суммы. Откуда могли появиться миллионы, миллиарды и даже триллионы долларов? Ни одно государство, а тем более частная корпорация не могли предоставить необходимой суммы.

Для поиска источника финансирования и была создана корпорация «Багамы».

Однако существовала некая структура, которая могла весьма быстро накапливать большие суммы денег. Имя ей — организованная преступность.

Естественно, научное сообщество было против. Многие ученые, будучи честными людьми, не могли себе позволить скрыть хотя бы небольшую часть доходов от налогового инспектора. Единственным «серьезным» нарушением закона, которое они могли себе позволить, было вождение автомобиля в нетрезвом состоянии. Тем не менее, как люди умные, они были вынуждены считаться с неумолимой логикой и реалиями создавшейся ситуации, которая толкала законопослушных граждан на сотрудничество с организованной преступностью. Это было лучше, чем сотрудничать с политиками, чьи планы вели планету прямой дорогой к уничтожению.

Таким образом родилась корпорация «Багамы», которая объединила тех ученых всего мира, для которых сохранение Земли как среды обитания человека было важнее различий в религиозных, политических или экономических взглядах. Корпорация занялась раздачей ссуд под огромные проценты клиентам мирового уровня. При этом национальная американская и международная китайская мафии не жалели времени и сил для поддержки ее операций.

Вскоре выяснилось, что корпорации вообще не нужна помощь. Людям, которые с легкостью разбирались в физике элементарных частиц, хроматографии или квантовой теории, оказалось совсем не трудно уяснить, как «проворачиваются» незаконные сделки.

Специальная группа изучила требования потребителей наркотиков к «идеальному» наркотику и вывела гибрид марихуаны, который был в двадцать-сорок раз мощнее, чем обычная «травка». Его называли «суперзелень». Он обладал еле уловимым запахом и внешне походил на бобовые побеги. Большое начинается с малого. Корпорация «Багамы» успешно завладела мировым рынком сбыта марихуаны.

«Суперзелень» не разрушала слизистую носа. Одной дозы было достаточно для нескольких часов кайфа. Но самое главное — можно было, завернув наркотик в тонкую ткань и пропитав ткань силикагелем, получить густую массу, которая легко закреплялась под крыльями автомобилей. В пункте назначения «товар» в целости и сохранности легко изымали.

Но это было впереди. А пока корпорация «Багамы» зарабатывала выдачей ссуд. И однажды интересное предложение поступи-

до в адрес ее представительства в западном полушарии в местечке Отер-Бей, что в ста шестидесяти милях от города Нассау на Багамских островах.

...Занавески на окнах в зале заседаний были опущены, и лучи закатного солнца, пробиваясь сквозь них, покрывали бронзовыми бликами стены зала. Кондиционеры, потихоньку потрескивая, оведали прохладой членов комитета в темно-синих шерстяных фирменных куртках.

Председательствовал доктор Альвас Дал. Образование он получил в Нидерландах. Через два года после окончания университета в Утрехте он начал работать на линейном ускорителе в Физическом центре Стэнфорда. После четырех лет в Беркли его пригласили в Мичиганский университет преподавать физику. Годом раньше после неожиданной смерти Ганга Касторна Секретный совет ученых в Женеве назначил его директором научно-исследовательского института корпорации. Дал был крупным блондином с красной веснушчатой кожей, которая не поддавалась загару.

— Главный вопрос сегодняшней повестки дня, — объявил председатель Дал, — запрос Рамона де лас Касаса из СФНО(к) на двадцать пять миллионов для закупки вооружения, предназначенного для свержения нынешнего правительства Никарагуа. Я думаю, что вы ознакомились с материалами.

Пятеро из присутствующих кивнули, другие продолжали бездумно циркать в записных книжках.

— Я хотел бы услышать ваши мнения, — объявил Дал.

Исао Якитори, бывший сотрудник Национального геодезического центра США, специалист в интерферометрии, взял слово:

— Возврат денег не гарантирован. Касас потратит их на оружие. Вспомните, сколько оружия эти люди уже получили, а результата никакого. Их обещание вернуть деньги за счет пятидесятипроцентного повышения налогов в Никарагуа, так называемой «платы за мир», звучит хорошо — но что мы будем делать, если они не придут к власти?

— Я думаю, мой коллега обратил внимание лишь на минусы этой сделки, — заметил Эдуард Макиделли, профессор химии и биохимии Колорадского университета. — Риск велик, но и доход велик. Двести процентов за пять лет — совсем неплохо.

— Если они придут к власти, — вставил Якитори.

— Вы что, не понимаете, что наши деньги вернуться к нам? — продолжал председатель Дал. — Одно из условий нашего соглашения с СФНО(к) состоит в том, что их представитель в Майами Альфонсо Гусман будет покупать оружие у нашего дилера в Майами Ицхака Фрамиджяна. Таким образом наши же деньги вернуться к нам. Фактически мы заключаем сделку с самими собой. К нам

вернутся наши двадцать пять миллионов плюс проценты. Мы не проиграем даже в том случае, если СФНО(к) не захватит власть в Никарагуа.

— Если нет прибыли, то нечего заниматься бизнесом, — заявил Марк Клэнси, профессор анатомии и зоологии Иллинойского университета. — Кто такой этот их представитель Гусман? Можно ли на него положиться?

— Когда речь о деньгах, то он человек чести, как все эти старые ублюдки из «эскадронов смерти», — ответил Макиделли.

— Опять мы лезем в политику, — заметил Якитори. — Политики — люди ненадежные. Почему бы нам не продолжить финансирование террористических операций? До сих пор это было надежным и выгодным делом.

— Некоторые из вас не понимают главного, — сказал Дал. — Доход от сделки будет выражен не только в деньгах, но и в возросшем влиянии в международных кругах, после того как мы проведем операцию по финансированию переворота. Это веление времени. С точки зрения «расширения производства» террористические операции — не очень-то перспективное дело. Нужно начинать что-нибудь новое. Финансирование революций — будущее частного капитала. Этой теме посвящен доклад нашей аналитической службы.

— Неплохая перспектива, — сказал Якитори. — Надеюсь, последствия вашего решения не станут мучить вас кошмарными снами.

— Я тоже думал об этом, — вставил Макиделли, ослабившись.

Дал улыбнулся, но почувствовал внутри холодок страха. Председатель корпорации «Багамы» не имеет права на ошибку. Даже на одну. Ошибка означает смещение с поста. В корпорации «Багамы» председателя руководящего совета «смещают» в бетонную усыпальницу на дне океана. А аналитическая служба до сих пор не решила, как незаконная организация может участвовать в законной смене власти в какой-либо стране.

Результаты голосования показали, что все члены Совета высказались за предоставление кредита СФНО(к) на оговоренных условиях. После заседания председатель Дал поехал домой.

Глава 13

Перед Гусманом на столике лежала телеграмма, в которой извещалось, что сумма в двадцать миллионов долларов переведена на его счет в Панаме. Из кедровой коробки на столе он достал сигару «Монте-Кристо». Закурив, он пожалел, что на свете не суще-

ствует более дорогих сигар. Тогда можно было бы как следует отпраздновать такое событие — двадцать миллионов! Хотя большая часть суммы пойдет на оплату сделки с Фрамиджяном, да еще миллион с небольшим уйдет «друзьям», «официальным лицам», «экспедиторам» и другим посредникам. И все равно доход немалый. Неплохо для сына армянского торговца.

Итак, он сидел в кожаном кресле в белой комнате на втором этаже своего розового дома причудливой архитектуры в Южном Майами, наслаждаясь торжественным моментом. Однако всему свое время — пора заниматься делами. Он снял трубку и набрал номер.

— Господин Блэйк? Буду рад встретиться с вами. Есть вопрос, который необходимо с вами обсудить. Неотложное дело.

— Неотложное для кого, Альфонсо? — ровным металлическим голосом осведомился Блэйк.

— Для нас обоих, мой друг. Речь идет об осуществлении нашей великой мечты. Мечты двух наших великих народов. Которая, кстати, сулит значительные прибыли всем участникам.

— Великолепно, Ал. — В голосе Блэйка прозвучали ироничные нотки. — Но зачем было звонить мне? Не лучше ли сразу дать объявление в «Майами геральд»?

— Это надежная телефонная линия, — заверил Гусман своего собеседника.

— Откуда ты знаешь?

— Ну вы же сами сказали, — недоуменно ответил Гусман, чувствуя, что попал впросак.

Блэйк всегда разговаривал с Гусманом как с идиотом, с удовольствием насмехаясь над жадностью армянина. За это Гусман ненавидел его лютой ненавистью.

— А если я тебе скажу, что в твоём саду зарыта кубышка с золотом, ты тоже мне поверишь?

— Прошу прощения, Блэйк.

— Слушай, ты что там, обкурился травкой? — спросил Блэйк. — Какой-то ты сегодня странный. У тебя серьезное дело или опять фантазии на тему «отдых в знойном Рио»?

— Нет, это очень важно, — настойчиво сказал Гусман. — Поверьте мне, мистер Блэйк.

— Ну хорошо, — согласился Блэйк. — Я выслушаю тебя. Встретимся в спорткомплексе «Дания». В почтовом ящике ты найдешь приглашенный билет.

— Постойте, — забеспокоился Гусман, — а мы не можем встретиться у меня дома? Вы же знаете, что после того придурка колумбийца с мачете в прошлом месяце я стараюсь как можно реже выходить из дому.

— Не сходи с ума, Ал, — ответил Блэйк. — Если хочешь встретиться, встретимся сегодня вечером в спорткомплексе. Посмотрим матч «хай-лай». Это все, малыш. — Блэйк повесил трубку.

Гусман медленно положил трубку на рычаг. Потом вынул шелковый носовой платок и вытер влажный лоб. Если бы его спросили, что подарить ему на Рождество, он бы ответил, что лучшим подарком была бы голова Блэйка на тарелке с яблоком во рту и подливкой из центральноамериканской юкки. Но его никак нельзя убить, его просто нельзя убить. Может, организовать несчастный случай...

Нет, тоже нельзя.

Может быть...

Он встал. Всего несколько слов с Блэйком — и как не бывало радости по поводу миллионной прибыли. Он нажал кнопку селектора.

— Тито!

Тито Герера как раз зашел в комнату секретаря. Услышав голос хозяина, он поспешил к нему в кабинет.

Тито, огромный метис родом из Сан-Хуан-дель-Нортэ, служил сержантом у Гусмана, когда тот занимал должность начальника образцовой тюрьмы в Манагуа. У Тито было одутловатое лицо со следами от ножа. У него имелась коллекция высушенных ушей, уникальная как с точки зрения формы и цвета экспонатов, так и в смысле количества. Он очень любил свою старую мать, живущую в Панама-Сити. Последнее позволяло Гусману все-таки воспринимать его как человеческое существо. С другой стороны, Гусман знал, что более надежного телохранителя ему никогда не найти.

— Сегодня вечером мы идем в спорткомплекс «Дания», — объявил Гусман Тито. — Поедем туда на «Ламборджини».

— Слушаюсь, хозяин. Считайте, что вы уже там, — ответил Тито.

Он хорошо говорил по-английски, потому что большую часть свободного времени проводил, прокручивая по видею американские гангстерские фильмы. Тито медленно и задумчиво побрел к двери.

— В чем дело?

— Это, конечно, не мое дело, хозяин, но с точки зрения безопасности... Вы понимаете, что я имею в виду.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Будь начеку и смотри в оба. А теперь давай за машиной...

Однажды вечером, почти месяц назад, Гусман сидел в своей гостиной и смотрел по видеомангнитофону «Касабланку». Глухо прозвучавший взрыв можно было принять за землетрясение. Это

был короткий толчок, по двадцатисемидюймовому экрану телевизора пошли полосы, затем сработала система автоматической подстройки.

Дон Альфонсо выключил видеосистему, подошел к небольшой тумбочке из экзотического твердого дерева, достал из верхнего ящика девятимиллиметровый «браунинг» и проверил обойму. После чего замер на несколько мгновений в ожидании второго взрыва. Затем спустился вниз.

В прачечной все было перевернуто вверх дном. Прачка, пожилая тетушка Тересита, и накопившееся за неделю грязное белье были размазаны по стенам. Зрелище напоминало сюрреалистическую картину абстракциониста, исполненную с помощью мотка колючей проволоки. Даже бывший начальник образцовой тюрьмы Манагуа не смог смотреть на это без содрогания.

Он прошел в гостиную. Там на мягком кресле билась в истерике жена.

Через мгновение в комнате появился зевающий и потягивающийся Хуанито, двадцатичетырехлетний племянник Гусмана. Когда прозвучал взрыв, он спал на топчане возле бассейна.

— Все нормально, — заявил Гусман, — это всего лишь неприятный инцидент. Не надо паниковать. Хуанито, позвони сначала в погребальную контору «Сиело де Корасон», чтобы они позаботились о Тересите, а потом в «Транскарибское бюро по найму» и попроси прислать новую прачку. А после вызова водопроводчиков. По-моему, не работают разбрызгиватели на газонах.

— Разбрызгиватели? — уточнил Хуанито, неловко улыбаясь.

— Вероятней всего, взрыв повредил трубы для подачи воды.

Поэтому не работают разбрызгиватели. Можешь убедиться сам. Декоративная трава, которую в прошлом месяце посадили садоводы из «Гил энд Эдди», может завянуть. А она обошлась мне в десять тысяч долларов. Номер найдешь в телефонной книге.

Хуанито пошел к телефону в соседний с гостиной кабинет. Жена Гусмана, донья Катерина, пришла в себя и поднялась с кресла.

— Нужно заказать панихиду по этой бедной женщине.

Дону Гусману почему-то в голову пришли слова из фильма, который он смотрел до взрыва.

— Накажите настоятелю помолиться за упокой ее души.

— Что? — переспросила донья Катерина.

Это была высокая худошавая женщина с царственной осанкой. Всем своим видом она напоминала испанских королей прошлого века — Изабеллу ла Католику или скорее всего Хану ла Локу.

— Ничего, дорогая, просто шутка, — ответил Гусман.

Он не мог позволить себе не считаться с ней, по крайней мере

открыто. Ведь она была официальной владелицей ценных бумаг, на которых основывался весь бизнес Гусмана.

Из этого потрясения он, несомненно, вышел с честью. Но след все-таки остался. Он так и не узнал, кто заложил бомбу и каким образом она оказалась в прачечной. Слишком многим хотелось отправить его в лучший мир. Были предприняты дополнительные меры предосторожности, а Тито «позаботился» о нескольких подозреваемых. Гусман стал реже выходить из дому. А теперь этот чертов Блэйк со своим «хай-лаем». «Вот покончу с этим и больше не буду выходить из дому, — подумал Гусман. — Клянусь. Пускай с воздуха бомбят, если хотят меня убить».

Глава 14

Гусман, задумавшись, сидел на заднем сиденье машины, которую вел Тито. Они свернули на бульвар Дания-Бич, в квартал, сиявший люминесцентными огнями, как туристический лайнер. Тито въехал на клубную стоянку спорткомплекса. Оставив машину швейцару, они вошли в здание. Гусман всегда старался приехать пораньше, чтобы пообедать в клубе — он просто обожал суп с зажаренными в оливковом масле мидиями, базиликом, чесноком, петрушкой и помидорами, который подавали в фигурной супнице. Но сегодня они опоздали, и Гусман сразу пошел в зал для «хай-лая». Он был в превосходном настроении. Неожиданно служитель у входа в зал попросил предъявить пригласительный билет, который Гусман забыл вынуть из почтового ящика. Узнав, что у посетителя нет билета, служитель предложил Гусману покинуть здание.

Этому парню, даже если он новичок, следовало бы знать Альфонсо Гусмана в лицо, а не устраивать скандал. Неужели он сразу не мог сообразить, кто стоит перед ним? Ну хотя бы по виду Тито, который словно тень следовал в двух шагах от хозяина. Однако служитель допустил еще один промах. Не обращая на него внимания, Гусман прошел в зал и занял место для почетных гостей. Вспомнив эпизод с туповатым парнем, он улыбнулся. И тут служитель спросил его, что, черт возьми, тут смешного. Гусман пообещал объяснить. И прежде чем бедолага служитель сообразил, в чем дело, над ним нависла двухметровая безобразная туша Тито.

— Он вас беспокоит, хозяин? — тихим голосом спросил Тито.

И тут до служителя дошло, кто перед ним. Грузный Гусман в темном дорогом плаще, Тито в белой ветровке, с эмблемой команды «Майамские дельфины», ладно сидевшей на огромном теле. Служитель решил, что над ним нависла смертельная опасность, но он был слишком мелкой сошкой, чтобы с ним возиться.

Гусману нравилось внушать людям страх. Это тешило его самолюбие.

— Пошел отсюда, — сказал он и отвернулся.

Некоторое время он наблюдал за тем, что происходило на площадке длиной сто семьдесят восемь футов, с трех сторон обнесенной стенками из прозрачного пластика. «Баски» в красных шлемах, белых штанах, теннисных туфлях и цветных майках с номерами на спинах отсалютовали, и матч начался.

На соседнем ряду для избранных сидели четверо кубинцев. Они ставили на игроков один к пяти, и один из них, пузатый, с черными вьющимися волосами, бил свернутой газетой по голове своего соседа всякий раз, когда его команда вырывалась вперед. Для межсезонья зрителей собралось довольно много, большинство из них — белые. Они криками поддерживали игроков, на которых поставили. «Давай, второй!» Имена игроков были указаны в программке — но кто сможет выговорить такие баскские имена, как Горричо, Уррета, Ларрууска, Ассис Третий, Чаз? Гораздо легче выкрикивать номера.

Чтобы хоть как-то проявить интерес к игре, Гусман решил сделать ставку один к трем в следующем раунде. И тут к нему подсел Блэйк. Это был невысокий мужчина с резкими чертами лица и коротко подстриженными волосами песочного цвета, которых у него оставалось не так уж и много. Он был одет в светло-серые брюки тропического образца с тонким ремнем из кожи аллигатора, дакроновый пиджак в коричневую и голубую полоску и белые штиблеты «Сэкс» с кисточками.

В такую жару даже легкий пиджак казался излишеством, но Блэйк надел его, чтобы скрыть пистолет — плоский, короткоствольный 32-го калибра, не очень мощный, но незаменимый в схватках лицом к лицу. Пистолет лежал в специальной кобуре из тонкой замши.

Партнер Блэйка, Коэлли, был высок, почти сто девяносто сантиметров, и весил слишком много даже для своего роста. Над белой гуайберой виднелось круглое скорбное лицо. Никаких пиджаков — он спрятал свой пистолет за голенище высокого сапога.

— Ну, приятель, как дела? — спросил Блэйк.

Коэлли сел сзади, рядом с Тито, который неодобрительно хмыкнул.

— Рад видеть вас, мой друг, — сказал Гусман.

— Не сомневаюсь, — ответил Блэйк.

Он взглянул на табло — пятый раунд подходил к концу.

— Кто, по-твоему, станет фаворитом в шестом раунде?

Гусман относился к «хай-лаю» с глубоким безразличием. Ему

больше нравился баскетбол, и он болел за «Майамских дельфинов». Но он сделал вид, что внимательно изучает программку.

— Номер второй и номер пятый, — наконец сказал он. — Гутьеррес силен в этом сезоне, а лучше Браса защитника не сыскать.

— Думаешь, стоит на них поставить?

— Да. Один к пяти.

Блэйк обернулся:

— Анжело, поставь за меня пару долларов. И захвати с собой Тито. Можешь угостить его пивом.

Тито покачал головой:

— Я останусь здесь.

Козэлли посмотрел на Блэйка. Тот пожал плечами. Тогда Козэлли тяжело встал и пошел делать ставку.

— Итак, приятель, — сказал Блэйк. — Как идут дела? Как поживает сеньора?

— Спасибо, хорошо, — ответил Гусман.

Он не стал спрашивать про семью Блэйка. Он даже не знал, есть ли у того семья. Зачем вообще таким людям семьи?

— Чему обязан честию встретиться с тобой в этом дворце спорта?

— Один наш проект наконец-то стал раскручиваться, — ответил Гусман.

— А теперь повтори это на английском, ладно?

— Мигелито готов действовать.

— О каком Мигелито идет речь? — поинтересовался Блэйк. — О том, что в Ель-Юнке, или о том, что в Сан-Франциско-де-ла-Пас?

— О том, что в Сан-Франциско, в Гондурасе. Его еще называют Бандера Негра.

— Как же, помню, — сказал Блэйк. — Он присутствовал на прошлогодней конференции контраст на Ямайке. Правильно? Коротышка с большими амбициями.

— Мигелито собрал под свое крыло повстанцев из трех различных групп. Теперь под его командованием состоит пять тысяч хорошо обученных бойцов. Другие отряды пообещали оказать ему помощь. СФНО тоже поддерживает его. В течение этого месяца он готов предпринять наступление на Санта-Клару. Это необходимо сделать до начала сезона дождей.

На площадку вышли игроки, начался шестой раунд «хай-лая». Козэлли вернулся и вручил Блэйку два пятидолларовых билета.

— Какова вероятность выигрыша? — спросил Блэйк.

— Три к одному.

— Слабовато. Надеюсь, Ал все же окажется прав. Итак, Мигелито готов действовать? Прекрасно. Надеюсь, он сообщил об этом нашему резиденту.

— Разумеется. Но у него есть одна проблема.

— Проблемы существуют всегда, — философски заметил Блэйк.
 — Ему необходимо оружие и боеприпасы.
 — Всегда одни и те же проблемы.
 — Прошу прощения, однако на сей раз все обстоит иначе.
 Сейчас он действительно готов сражаться и, несомненно, одержит победу. На этот раз, Блэйк, мы уверены в успехе, тем более что нас должны поддержать войска Анхеля де Гойо, сконцентрированные возле гватемальской границы.

— Тебе и об этом известно? — удивился Блэйк.
 — У меня тоже есть свои источники.
 — Так в чем же нуждается Мигелито?
 — Ему необходимо вооружить пять тысяч бойцов.

Блэйк присвистнул.

— Речь идет о больших деньгах, амиго.

В этот момент зрители зашумели. На площадке осталась только одна пара. Именно та, на которую поставил Блэйк. Агент принялся с интересом наблюдать за финальной игрой. Один из игроков с силой послал мяч к стене.

— Отличный удар, — прокомментировал Блэйк.

Соперник слабо отбил отскочивший мяч, и первый игрок поставил точку классическим ударом. Игра закончилась.

— Замечательно! — воскликнул Блэйк. И передал билеты Коэлли. — Анжело, получи, пожалуйста, выигрыш в кассе. — Затем он повернулся к Гусману: — Ты действительно разбираешься в играх.

— Я разбираюсь в военных делах тоже. Мигелито одержит победу.

— И он хочет получить оружие через меня?

Гусман кивнул.

— Им это обойдется недешево.

— С деньгами у них все в порядке. Можете на этот счет не волноваться. Но мне хочется знать ваше мнение.

— Что ж, — ответил Блэйк, — действуй по плану. Свяжись с Фрамиджяном. Он, как всегда, устроит все наилучшим образом. И, надеюсь, ты не забудешь, как обычно, внести благотворительный взнос в фонд помощи ЦРУ до того, как поставят оружие?

— Разумеется! Спасибо, мистер Блэйк.

— Пожалуйста. Чего не сделаешь ради праведного дела.

Глава 15

Ицхаку Фрамиджяну, невысокому, крепкого сложения мужчине со смуглым цветом кожи недавно исполнилось сорок семь лет. Он был израильтянином, выросшим в кибуце возле города Эйлат. Торговлей оружием он занялся еще в юности. Его отец по-

ставлял вооружение противоборствующим сторонам в конфликте между иргунами и хаганами во время освободительной войны. Когда старший Фрамиджян погиб во время террористической акции в секторе Газа, Ицхак взял семейный бизнес в свои руки.

В течение долгого времени молодая нация остро нуждалась в оружии, что обеспечивало Фрамиджяну солидный доход. Но после Шестидневной войны необходимость в экспорте вооружения из-за рубежа отпала. Израиль стал строить свои оружейные заводы и скоро сам превратился в крупнейшего мирового поставщика смертоносного товара.

Когда в пригороде Тель-Авива и Хайфы эти фабрики стали расти как грибы, а доходы Фрамиджяна резко пошли на убыль, он эмигрировал в Соединенные Штаты.

Там он пришел к выводу, что человек со связями в Африке, Европе и на Ближнем Востоке может неплохо устроиться в Америке. Он поселился в Майами, возобновил старые контакты и стал заниматься прежней деятельностью, если не совсем легально, то по крайней мере с молчаливого согласия такой организации, как ЦРУ, которой как раз был нужен человек, имеющий возможность поставлять оружие тем клиентам, которые по закону не имели права получать его от американского правительства. Успешная деятельность Фрамиджяна не ускользнула от внимания Багамской корпорации. Фрамиджян предпочитал работать в одиночку, но ему сделали такое выгодное предложение, от которого он просто не мог отказаться, подкрепленное угрозой, которую он не мог проигнорировать. С помощью Багамской корпорации он стал зарабатывать гораздо больше, причем особенно не рискуя. Но Фрамиджян твердо знал, что наступит день, когда он снова сможет работать самостоятельно.

Продаваемое Фрамиджяном оружие использовалось для усмирения гаитян, доминиканцев, чилийцев, аргентинцев и многих других. Оно применялось в закончившейся провалом высадке антикубинского десанта в бухте Кочинос. Поставляемые им автоматы, возможно, попадали даже в руки бойцов Организации освобождения Палестины, которые убивали из них израильтян. Трудно догадаться, куда именно попадет то или другое вооружение. Оружие в этом плане похоже на деньги, уследить за которыми просто невозможно. Фрамиджян знал, что не несет абсолютно никакой ответственности за то, каким образом используется поставляемое им оружие. Разве можно винить в чем-то продавца обувного магазина в Мюнхене в тридцатые годы, продавшего пару сапог покупателю, который потом избил ими до смерти старого еврея в темной аллее?

Гусман позвонил Фрамиджяну в пятницу. Фрамиджян никогда особо не придерживался религиозных ограничений и как раз наслаждался салатом чоу-мейн из луизианских крабов, который ему доставили по заказу из только что открывшегося китайского ресторана «Кэйджан». Одновременно он смотрел по телевизору «Кинозал по пятницам».

Они давно уже занимались совместным бизнесом. После обычного обмена любезностями Гусман сказал, что через пару недель собирается давать банкет и хочет, чтобы Фрамиджян занялся поставкой фруктов. Фрамиджян был владельцем компании по импорту и экспорту фруктов, что обеспечивало ему надежную крышу и давало возможность говорить об оружии, используя названия фруктов.

— Сколько гостей?

— Около пяти тысяч.

Фрамиджян присвистнул от удивления. Он никогда еще не совершал таких крупных сделок.

— Так много? — удивился он. — Это обойдется недешево.

— Знаю. Но я всего лишь организую банкет. Мой клиент желает иметь самые лучшие продукты.

Это означало, что речь идет о новых образцах оружия, а не о тех запасах, которые хранились на складах со времен вьетнамской войны.

— Я полагаю, — сказал Фрамиджян, — что каждый гость должен получить по яблоку? — Под яблоком подразумевалась автоматическая винтовка «М-16» или автомат аналогичного класса.

— Да, но на случай, если кто-нибудь окажется голодным, надо приготовить побольше яблок. Скажем, тысяч шесть.

— Ясно, — ответил Фрамиджян. — Думаю, виноград тоже окажется не лишним? — Это означало боеприпасы. Одна гроздь — двести патронов.

— По пять гроздей на каждое яблоко. (Тысяча патронов.) И по два граната на каждого гостя. (Двадцать ручных гранат.)

— Хорошо, мистер Гусман. Заказ довольно большой, но с доставкой проблем не будет. Вам это обойдется... — Он быстро посчитал в уме. — Около двадцати долларов на каждого гостя.

Обсуждая финансовую сторону вопроса, они обычно опускали по два нуля. Фрамиджян имел в виду, что на каждого солдата придется по две тысячи долларов, а в целом сумма составит двенадцать миллионов долларов.

— Довольно приемлемая цена, — сказал Гусман. — Когда вы можете организовать доставку?

— Через пару дней, мистер Гусман. Позвоните мне послезавтра. Вечером.

 Глава 16

Пока Гусман разговаривал по телефону с Фрамиджаном, его кучерявый племянник Хуанито сидел в своей комнате в конце правого крыла Розового дворца и подслушивал разговор дяди при помощи телефонного «жучка». Подслушивающее устройство было подключено к магнитофону «Сони», которым Хуанито пользовался исключительно в подобных целях. Он прослушивал разговоры Гусмана уже в течение нескольких месяцев, но пока ничего интересного не узнал. Дядя Альфонсо был чрезвычайно осторожным человеком. Но в этот раз речь, несомненно, шла о сделке, и эта информация могла оказаться кое для кого крайне интересной.

У Хуанито были причины поступать таким образом.

Несмотря на привлекательную внешность, у Хуанито существовали проблемы. Он занимал важное положение в обществе, но не имел никаких источников дохода.

Думаете, легко быть племянником самого богатого никарагуанца в Южном Майами? Если так, то вы ничего об этом не знаете. Вы, наверно, считаете, что неплохо, когда твоя девушка — Талия Суарес, «Мисс Латинский квартал», королева Южного Майами, с упругими грудями и умопомрачительной задницей? Она однажды снималась в сериале «Майами Вайс», в эпизоде с перевоплощением инкского принца во время операции «Могамбо».

Конечно, быть племянником крупного воротилы — здорово, но за это никто не платит тебе зарплату. А Хуанито очень нуждался в деньгах, чтобы утвердить свой статус в Маленькой Гаване.

И дело совсем не в том, что Хуанито не работал. Работал, да еще как, выполняя задания своего дяди. В доме Гусмана постоянно гостили его старинные приятели из Южной и Центральной Америки. Два-три раза в неделю он приглашал выпить своих соратников по Национальной гвардии, которые неизменно оставались на ужин. В такие дни стол ломился от угощений. Но не по волшебству все это получалось. Кто-то должен был дать распоряжение поварам, кто-то — проинструктировать служанок насчет гостевых комнат, кто-то должен был припарковать автомобили на стоянке, кто-то должен был заниматься всеми мелочами. Кто-то должен был за всем следить, и этим «кем-то» никак не мог быть Эмилио. Эмилио был советником, а советникам профсоюз не разрешает делать ничего, кроме как ходить в плащах с поднятым воротником и иметь угрожающее выражение лица. А жена Гусма-

на, донья Катерина, совсем не хотела брать на себя обязанности хозяйки. Она давно отошла от мирских дел, проводя все время в душеспасительных беседах со священниками и монахинями. Разумеется, о Тито вообще речь не шла. Тито был телохранителем и известным убийцей — и разве можно ожидать, что человек, у которого самая большая в Майами — может, даже во всей Флориде — коллекция сушеных ушей, станет звонить в компанию «Бендер и сыновья», чтобы сделать заказ на поставку продуктов к ужину. Остался Хуанито, и он занимался всеми этими делами. Что и делало его незаменимым.

Но о своей незаменимости знал только Хуанито. Дядя Ал считал его просто полезным. Давал ему сотню в неделю и полагал, что вознаграждение весьма щедрое. Что он оказывает племяннику большую услугу.

Так что Хуанито приходилось довольствоваться этой мелочевкой и выписывать счета слугам, механикам в гараже, садовникам, поставщикам продуктов. Ему исполнилось двадцать пять лет, и у него не было иного будущего, кроме того, чтобы продолжать шестерить для дяди Ала.

Найти выход из такого сложного положения помог ему Бендер. Тот самый лысый, как бильярдный шар, Бендер из компании «Бендер и сыновья», которому перевалило за семьдесят пять и который ходил, опираясь на две палки, разговаривал на ломаном английском и заправлял всеми делами компании. Его сыновья лишь выполняли приказы старика.

Бендер встретился с Хуанито, когда тот выбирал в винном магазине «От А до Я», что на Алтон-роуд, новые сорта вин для дяди Ала. Старик пригласил Хуанито выпить и поговорить кое о каком деле. И так, они зашли в бар «Руджейро» возле Линкольн-Молл, и Бендер не стал терять времени на лишние разговоры.

— Раньше мы всегда были вашими единственными поставщиками, — сказал Бендер, — а теперь вы все время обращаетесь к Вашенскому. Нет, я не жалею, у нас свободная страна, и каждый имеет право пользоваться услугами той компании, которая ему больше нравится. Просто я хотел узнать, в чем мы провинились.

У старого Бендера имелись достаточные основания, чтобы интересоваться такими вещами, потому что Гусман питал слабость к еврейской кухне. Такой человек — просто мечта для любого поставщика кошерной еды. Представьте себе заказчика, который тратит по две сотни долларов в неделю на римскую пастрами, цыплят в горшочках, фрикасе, маринады. Это так, на каждый

день, а прибавьте еще сюда вечеринки, которые случаются не реже двух-трех раз в месяц.

— Не думаю, что вы в чем-то провинились, мистер Бендер, — ответил Хуанито. — Просто вы находитесь в Саут-Бич, а братья Вашенские — в Майами. Поэтому они быстрее доставляют нам заказы.

— Вы хотите, чтобы ваши заказы выполнялись еще быстрее? Я вам это обеспечу, — сказал Бендер. — Недавно я приобрел несколько новых фургонов и нанял водителей, которые ездят с сумасшедшей скоростью. А наши продукты вот уже двадцать семь лет отличаются превосходным качеством, и хотя мне не хочется говорить ничего плохого про моих конкурентов по бизнесу, братьев Вашенских, но всем известно, что их мацу даже нельзя назвать кошерной, потому что раввин, которого они держат в штате, реформист, а не ортодокс. Может, ты, Хуанито, и не разбираешься в таких тонкостях, но твой дядя — настоящий знаток еврейской кухни.

— Ну, если будет время, я скажу ему о ваших словах, — произнес Хуанито.

— А что, ему все равно, кто поставяет продукты?

— Да, он поручает мне заниматься такими вещами.

— Послушай, — сказал Бендер, — раз вы наши особые клиенты и учитывая то, что мы стараемся расширить свою деятельность по продаже еврейских продуктов в латинских общинах, я готов предложить тебе скидку. Десять процентов от общей стоимости. Что скажешь?

— Отлично, — равнодушно ответил Хуанито.

— Эту скидку мы не будем указывать в чеках, — продолжал Бендер. — Там будет фигурировать вся сумма. А ты сможешь раз в неделю — или как тебе удобнее — приходить в нашу центральную контору на Артур-Годфрей-роуд и получать разницу в цене наличными.

— Довольно удобно, — сказал Хуанито. — А расписку я буду отдавать дяде потом.

Бендер пожал плечами:

— Зачем усложнять жизнь такими мелочами? Я делаю эту скидку исключительно для тебя. Лично. Это будет наш маленький секрет. Я не стану распространяться. Ты же знаешь евреев — как только они узнают, что кто-то получает скидку, сразу потребуют того же. И дяде твоему об этом знать совсем не обязательно. Зачем ему это надо? Ведь ты занимаешься всеми закупками и платишь по счетам. Я просто буду отдавать деньги тебе. Десять про-

центов, нет, даже пятнадцать. Ты никому не скажешь, я никому не скажу, и все останутся довольны.

— Все, кроме братьев Вашенских, — сказал Хуанито.

— Вашенские заслуживают этого, потому что продают всякую дрянь под видом кошерной еды гоям, которые в этом абсолютно не разбираются. Кстати, чтобы у тебя не оставалось никаких сомнений по поводу моих добрых намерений, прошу принять небольшой аванс.

Бендер вытащил из бумажника два хрустящих стодолларовых банкнота, сунул их в руку Хуанито и прикрыл сверху своей рукой. Так все и началось.

Бендер открыл Хуанито глаза. Тот узнал, что вокруг полным-полно людей, которые хотели бы оказывать дяде Алу различные услуги. Ради этого они буквально из кожи вон лезли. Хуанито даже не требовалось ничего им говорить. В крайнем случае он небрежно ронял: «Я подумываю о том, чтобы передать заказ кому-нибудь другому» — и мгновенно получал солидную прибавку к своей зарплате. Но этого оказалось недостаточно. Чтобы поддерживать свой новый статус, ему приходилось тратить все больше и больше. И он стал искать пути, как еще заработать на дяде Але.

Поэтому Хуанито заинтересовался, когда один коротышка с Севера, угостив его выпивкой в «Кафе дез Арт» на Саут-Бич, сказал, что готов платить большие деньги за любую информацию о дяде Але. От Хуанито требовалось только установить подслушивающее устройство, к которому прилагалась инструкция на английском и испанском языках, и подсоединить его к великолепному магнитофону «Сони», который дал ему коротышка.

Хуанито согласился. Это произошло два месяца назад. Он уже несколько раз звонил коротышке и сообщал о всяких незначительных изменениях в хозяйстве дяди Ала. Тот расплачивался наличными — стодолларовыми купюрами, — которые высылал до востребования на почтовый ящик Хуанито в Коконат-Гров. И еще коротышка сказал, что за действительно интересную информацию он заплатит Хуанито гораздо больше.

Телефонный разговор с Фрамиджяном как раз и был такой интересной информацией.

В тот же вечер Хуанито направился в свое любимое кафе «Сорс» в Коконат-Гров. Он подошел к телефону-автомату, набрал нью-джерсийский номер. Разговор — за счет абонента — длился лишь несколько минут.

Глава 17

Человек с пистолетом был одет в черную форму командос. Черного цвета вязаная шапочка оставляла открытыми только глаза. В руках он держал небольшой автоматический пистолет «школа» 22-го калибра — смертельное оружие в ближнем бою, — дуло которого смотрело в грудь Блэквелла. Он стоял в трех футах от Блэквелла и пружинисто подпрыгивал. На ногах у него были черного цвета кроссовки.

— Ну, сопляк, давай!

— Что-то я не в настроении, — ответил Блэквелл и отвернулся.

— Нет, ты смотри на меня, ублюдок! — завопил человек в черном, делая шаг вперед.

Как только он перенес вес на левую ногу, Блэквелл стремительно развернулся и, резко взмахнув рукой, ударил нападающего по запястью. Тот рванулся, пытаясь ускользнуть от Блэквелла, но не тут-то было. Блэквелл произвел захват и заломил ему руку за спину.

— Ну ладно, — сказал человек с пистолетом. — Нормально получилось. — Блэквелл отпустил его. — У тебя довольно неплохо получается прием с фронтальным разоружением. Играл когда-нибудь в бейсбол?

— Крайним слева, — ответил Блэквелл. — Но не очень хорошо.

— Лучше всего этот прием получается у баскетболистов. Они действительно умеют поворачиваться на месте. Но у тебя тоже неплохо вышло.

— А что, если бы пистолет оказался заряжен? Если бы ты действительно хотел меня застрелить?

— Разумеется, я бы тебя пристрелил, — ответил инструктор. — Но не забывай, я знал, какой прием ты станешь применять, потому что сам тебя ему научил. А другого человека ты точно застанешь врасплох. Так сказать, сработает элемент неожиданности. По крайней мере, я на это надеюсь. Ладно, теперь иди к Скелли, он научит тебя некоторым приемам с ломом.

Они находились на покрытой матами платформе, расположенной посреди широкого поля. Неподалеку виднелись низкие здания ранчо, а на горизонте маячили снежные верхушки гор. В голубом небе одиноко кружил ястреб. Каким только приемам тут не научился Блэквелл, прежде чем сдал зачет! А вон на том искусственном озере его обучали ездить на водных лыжах и управлять скоростным катером. На берегу озера размещался зал для тренировок с холодным оружием.

Оставляя за собой шлейф пыли, к Блэквеллу подъехал джип.

За рулем сидел Фриц, один из младших инструкторов по использованию зонтиков в качестве оружия.

— Садись. Симмонс хочет видеть тебя.

Симмонс сидел в своем кабинете, который находился в главном административном здании. Одетый, как всегда, безукоризненно. Блестящий с отливом пиджак, узкий шелковый галстук черного цвета. Он расположился в кресле эпохи королевы Анны, а напротив сидел крупный мужчина с уродливым, но добродушным лицом.

— Поляк!

— Как дела, Фрэнк?

— Что ты здесь делаешь?

Поляк ухмыльнулся:

— Я когда-то тут работал.

— Но ты же сказал мне, что никогда не имел ничего общего с Охотниками!

— Я соврал.

— Так что же ты сейчас здесь делаешь?

— После того как мы с тобой расстались, я крепко задумался.

И мне пришло в голову, что тебе может понадобиться надежный помощник. И, честно говоря, мне уже порядком наскучило стоять за стойкой бара. Поэтому я вызвался быть твоим Наводчиком. Если ты, конечно, не против.

— Лучше его Наводчиков нет, — сказал Симмонс.

— Я и сам знаю, — сказал Блэквелл. — Разумеется, Поляк, я хочу, чтобы ты стал моим Наводчиком.

— Отлично, считаем, что этот вопрос решен, — сказал Симмонс. — Поздравите друг друга потом. А сейчас я расскажу, в чем заключается наш план. Времени осталось в обрез. Фрэнк, ты вылетаешь завтра в Ньюарк в одиннадцать утра.

— К чему такая спешка? — удивился Блэквелл. — Я тут уже шесть недель занимаюсь физкультурой, и вдруг мне куда-то надо срочно лететь.

— Помнишь, я говорил тебе, что должно открыться «окно», и нам нельзя упустить такую возможность? Так вот, оно открылось, но долго открытым оставаться не будет.

— Значит, пора за дело? — спросил Блэквелл.

Симмонс кивнул:

— Не раздумал еще?

— Есть небольшая неуверенность, — признался Блэквелл, — но я готов действовать, если вы приведете меня к тому парню и обеспечите шанс уйти живым после того, как я его убью.

— Пойдемте в соседнюю комнату. Я покажу вам карту и объясню все детали плана.

Часть III

МАЙАМИ

Глава 18

Фрэнк Блэквелл прилетел в международный аэропорт Майами рейсом «Истерн Эйрлайнс» из Ньюарка. В своем наряде — темные очки на пол-лица, легкие брюки, кроссовки «Найк» и полосатая футболка — он мог сойти за туриста, частного детектива, террориста и даже за торговца рубашками. Зайдя в зал ожидания, он попал в мир искусственного освещения, кондиционированного воздуха и синтетической музыки. Спустившись по эскалатору, он направился в багажное отделение, где и получил свои вещи. Затем он подошел к стойке проката автомобилей «Херц», и там ему вручили ключи от машины, которую он заказал из Ньюарка — белого «Шевроле-Кавалер» с откидывающимся верхом и автоматической коробкой передач. Закинув вещи в багажник, Блэквелл выехал из сумрачного аэропорта на солнечные улицы Майами.

В городе было жарко и влажно, на голубой эмали неба висели облака, как приклеенные над горизонтом кусочки ваты. Блэквелл свернул на боковую дорогу, ведущую в Бискейн, а потом повернул на юг. На 37-й улице он въехал на стоянку «Терфрайдера» — нового пятиэтажного отеля из алюминия и стекла, построенного в виде пирамиды.

Вдоль подъездной аллеи отеля выстроились коридорные — все как на подбор в блестящих куртках а-ля Майкл Джексон, — демонстрирующие раболепие в наивысшей его форме. Они встречали подъезжающие машины, с поклоном открывали дверцы и, приветливо улыбаясь, приветствовали дорогих гостей, когда те проходили через двери из дымчатого стекла в куполоподобный холл «Терфрайдера». Внутреннее убранство отеля было вполне в стиле мексиканского модерна. Посреди холла на бронзовом пьедестале возвышалась каменная копия ацтекского календаря в натуральную величину. Одну из стен занимали фрески Давалоса, изображающие крестьянский танец со шляпами. Гости в дорогой одежде курили сигары и белозубо улыбались. Все вокруг двигалось медленно и даже изысканно, как актеры в бродвейском мюзикле «Деньги под соусом тако».

В номере Блэквелла были высокие французские окна и балкон с видом на Бискайский залив. Он аккуратно распаковал багаж, принял душ и переоделся. Теперь на нем были светло-кре-

мовые брюки, спортивного покроя рубашка и белый пиджак. Блэквелл позвонил портье и поинтересовался, нет ли для него каких-либо сообщений. Никаких сообщений не оказалось. Никто ему не звонил. Очевидно, рейс Поляка задерживался. Они взяли билеты на разные рейсы, руководствуясь соображениями безопасности.

У Блэквелла давно урчало в животе, к тому же ему хотелось немного размяться. Выйдя из отеля, он краем глаза заметил слева от себя подозрительное движение. Блэквелл не был абсолютно уверен, но ему показалось, что, как только он ступил на тротуар, кто-то вышел из-за толстой пальмы в кадке, стоявшей возле здания отеля.

Он повернул направо и двинулся в сторону 8-й улицы. Вечернее небо радовало глаз бархатной синевой. В небе желтела огромных размеров луна, заслоняемая черными силуэтами пальм. В Майами даже небо используется в качестве рекламы. Блэквелл повернул на 8-ю улицу, главную улицу Латинского квартала Майами. Трудно было определить, следил кто-нибудь за ним или нет. У Блэквелла имелись на этот счет подозрения, но точно сказать он не мог. Он знал, что ему пора привыкнуть к тому, что в дальнейшем частенько придется сомневаться по разным поводам. Неуверенность можно смело отнести к издержкам профессии. Уж слишком много народу толпилось вокруг, слишком много шума и жары.

За Блэквеллом увязался какой-то мужчина. Щуплый, темно-волосый, невысокого роста, он зашагал рядом. В левой ноздре у него красовалось серебряное колечко, а одет он был в цветастую ковбойскую рубашку, перепоясанную кожаным ремнем с серебряными кончос — или как их там называют? Высокие, сшитые на заказ сапоги с острыми, как иглы, носками, дополняли наряд незнакомца. Красный шейный платок был перехвачен серебряным кольцом, инкрустированным бирюзой. Заметить его в толпе не составляло никакого труда.

Подмигнув Блэквеллу, он спросил:

— Эй, приятель, поразвлекься не желаешь?

— Вали отсюда, — ответил Блэквелл.

— Да ладно тебе, приятель. Меня зовут Эдди Лопес. Или просто Быстрый Эдди, как в кино.

Блэквелл подошел к ресторану с неоновой вывеской «Флоридита». С одной стороны тянулась стойка, с другой располагались кабинки. В подобных заведениях обычно подавали тамали с черными бобами и сэндвичи с ветчиной и сыром, которыми вечер-

ком так любили полакомиться кубинцы. Блэквелл сел за столик в одной из кабинок. Лопес уселся напротив.

— Эй, друг, тебе нравится кубинский кофе?

— Лучший в мире.

Он заказал два кофе.

— Как тебе Майами? Если чего надо, спрашивай у меня, ладно? Не хочу показаться назойливым, но если тебе понадобится женщина или мальчик...

— Да ты что! — возмутился Блэквелл.

Лопес ничуть не смутился.

— Многим бизнесменам это нравится. Даже если они и не пользуются такими услугами, им нравится, когда у них об этом спрашивают.

— Полагаю, что и наркотики у тебя водятся.

— Конечно, приятель. самого лучшего в мире качества.

— Отлично. Что еще можешь предложить?

— Может, хочешь вложить на выгодных условиях деньги в строительство жилого небоскреба на Маратон Шорс? Через три года будешь владельцем шикарной квартиры.

— Быстрый Эдди, ты надоел мне своей болтовней.

— Ну что ж, как хочешь, — сказал Лопес. — Мы еще увидимся. — Он быстро встал и вышел из ресторана.

Лопес повернул направо, прошел квартал и остановился возле «Понтиака» последней модели с работающим двигателем, припаркованного в неполюженном месте. Лопес сел на заднее сиденье, и «Понтиак» рванул с места. От сидевшего возле окна Блэквелла не ускользнула ни одна деталь. Это могло означать что-то важное, а могло вообще ничего не означать. Когда ты в чем-то не уверен, то трудно сделать какой-то вывод. Вернувшись в отель, Блэквелл обнаружил записку. Никаких имен. Только адрес.

Глава 19

Отель «Немо» находился в южной части Майами-Бич. Это было приземистое лимонного цвета здание с длинной деревянной верандой, на которой в креслах-качалках сидели пожилые люди. Пара куриц вяло копалась в куче мусора, впрочем, они скорее всего пришли сюда из «Нуэва Буэнависта» — отеля, что располагался по соседству. А в лазурном небе висело раскаленное солнце.

Управляющего на месте не оказалось. Но одна из пожилых женщин, сидевших на веранде в широкополой соломенной шляпе с надписью «Бермудский сувенир», подняла голову и спросила у Блэквелла, чем она может помочь.

— Мистер Поляк? Вчера вселился. — Ей больше ничего не

оставалось делать, как следить за новыми гостями и запоминать, как они выглядят на случай, если к ней обратятся из полиции. — Такой здоровый мужчина с лысой головой и большим носом, да? Лицо у него в веснушках, так что вряд ли ему следует подставлять его солнцу. На нем гавайская рубашка красного цвета с черными силуэтами трех пальм на фоне желтой луны. У него комната на втором этаже. Номер двадцать три. Такой спокойный, вежливый. Это ваш брат?

— Просто приятель, — ответил Блэквелл.

— Я так сразу и поняла, — сказала старуха. — Он совершенно на вас не похож.

Блэквелл поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж и прошел по узкому коридору, освещаемому пятнадцативаттной лампочкой. Стены с облупленной штукатуркой напоминали кожу человека после сильного солнечного ожога. Вокруг царил атмосфера отчаяния, и пахло консервированным грибным супом «Кэмпбел Голден Машрумз».

Блэквелл постучал в двадцать третий номер — дверь ему открыл Поляк. Крохотная комнатка едва вмещала кровать и два комода, на одном из которых стояла электрическая плитка. В углу приютился миниатюрный холодильник, годный разве что для охлаждения вина в достаточном количестве, чтобы напиться до полного забвения. В комнате стоял устойчивый запах кофе, виски и морских водорослей.

— Рад тебя видеть, — сказал Поляк.

— Что ты делаешь в такой дыре? — поинтересовался Блэквелл.

— Дело в том, что этот отель принадлежит моему дяде. Поэтому я остаюсь тут бесплатно.

— Даже бесплатно — слишком много за такие удобства.

— Может, ты и прав, — ответил Поляк. — Пойдем, я отведу тебя в кафе «Гелиогабалус», где нас накормят специальным завтраком.

— Но уже вторая половина дня, Поляк.

— Не беспокойся, они кормят специальным завтраком весь день.

Оранжевое освещение бросало тусклые блики на посетителей, средний возраст которых составлял примерно сто десять лет. Официантки, родившиеся в начале века, разносили сэндвичи, устало шаркая ногами. Хозяин заведения по имени то ли Макс, то ли Гарри сидел в огромном потертом кресле возле кассового аппарата, радостно улыбаясь при звоне монет и недовольно мор-

щадь, когда Марезлитос роняла на кухне посуду. Вдоль длинной раздаточной стойки стояли металлические контейнеры, где под неплотно прикрытыми крышками прели листья тушеной капусты, куски говядины, ножки индейки и утиные потроха. Тут же стояло множество судков с подливой, потому что нет ничего лучше подливы, чтобы хоть как-то протолкнуть в глотку зажаренное до смерти мясо.

Блэквелл заказал сэндвич с плавленым сыром, а Поляк попросил принести черный хлеб, несколько ломтей ветчины, тосты и кофе.

— Слушай, Поляк, что мы зря время теряем? Пора приниматься за работу. Где ты, черт возьми, пропал все это время?

— К чему такая спешка, приятель? Не так уж часто приходится бывать в Майами. Да и куда нам торопиться?

— Я полагал, что у нас времени в обрез. Помнишь, ты говорил, что должно открыться «окно» и нам нельзя упускать такую возможность?

— Но мы всегда можем выкроить время, чтобы позавтракать и провести пару часов на пляже.

— А как насчет экипировки? — спросил Блэквелл.

— У меня в отеле.

— Может, нам сначала стоит ее проверить?

— Нет времени. Мы двинемся сегодня вечером. Это для тебя достаточно скоро?

— Да, вполне, — ответил Блэквелл. И почувствовал, как внутри у него все сжалось.

Глава 20

Вскоре после полуночи они взяли такси у перекрестка 67-й улицы и Индиан-Крик-роуд. Там находилась одна из достопримечательностей Майами-Бич — таверна Нормана, уютный полуосвещенный салун с шахматными столиками в задней комнате. Над стойкой бара из темного полированного дерева висели литографии Домиера. Но главным образом заведение отличалось своей музыкой. Владельцы большинства ресторанов и кафе просто подключали к радиоточке динамик и потчевали посетителей не рассчитанной на изысканный вкус музыкой — завываниями типа «Я люблю тебя, беби, йе, йе, йе!» или тому подобными произведениями, хотя и популярными, но начисто лишенными какого-либо интеллектуального содержания. Некоторые заведения, как, например, рестораны в Коконат-Гров, пытались привлечь избранную публику при помощи старого испытанного джаза и диксиленда. Молодежные бары глушили подростков «тяжелым ме-

таллом». Только у Нормана можно было послушать игру на ситаре и турецкий прогрессивный джаз в исполнении «Стамбульской пятерки».

Завсегдатаями таверны Нормана были люди самые разные — от портовых грузчиков из Ки-Ларго до «белых воротничков» из компании «Бэйкерс Холовер», промышлявших время от времени контрабандой. Короче, у Нормана можно было встретить кого угодно. И никого не интересовало, кто ты такой и чем занимаешься. Главное, чтобы ты выполнял основную заповедь — не поступать непорядочно по отношению к Норману. А если кто и пытался это сделать, то бармен по кличке Здоровяк Кэйт обычно улаживал проблему в два счета. Сам же Норман, человек богемы, сидел в углу таверны, одетый в неизменные черную водолазку и узкие «Ливайс», и наблюдал за посетителями.

Норман вежливо поздоровался с Поляком, кивнул Блэквеллу, провел их к свободному столику и приказал принести два пива за счет заведения.

— Этот парень нас запомнит, — сказал Блэквелл.

— Норман знает обо всем, что происходит в этом городе, — ответил Поляк. — Но никому ни о чем не рассказывает. Где твоя сумка?

Они вошли в бар с огромными сумками из черного нейлона.

— Под столом.

— Хорошо. Теперь слушай меня внимательно...

Блэквелл полностью доверял Поляку. Но когда они окунулись в темные, маслянистые воды канала Интеркостал Уотервей в трех кварталах от таверны Нормана, надели маски и респираторы и отправились в полуторамильный подводный поход к сточной трубе, выходящей из дома Фрамиджяна с другой стороны Индиан-Крик, Блэквелла впервые посетили сомнения.

Глава 21

Блэквелл плыл, стараясь не тратить зря силы. За собой он тащил водонепроницаемую сумку, в которой находились его оружие, одежда, сигареты, мелочь и перочинный нож. Солоноватая вода противно пахла кофейной гущей. Жужжа, как гигантские насекомые, проезжали машины по проходившей неподалеку 79-й улице.

Блэквелл плавал довольно хорошо. Он держался позади Поляка, который, подняв голову над водой, мерными гребками двигался вперед. Мимо Блэквелла проплыла апельсиновая кожа и

дохлая чайка. Затхлый запах водорослей, смешанный с вонью выхлопных газов, был таким привычным, что, казалось, его придумала сама природа-мать.

В одном месте ширина канала достигала почти полмили. Блэквелл пытался найти знакомые ориентиры, но это оказалось чрезвычайно сложно. Вдоль берега тянулась цепочка огней. В двадцати ярдах от них проплыла рыбацкая шхуна, откуда гремела рок-музыка. Блэквелл нырнул и оставался под водой до тех пор, пока шхуна не скрылась вдали.

Вода была теплой, а температура воздуха превышала двадцать пять градусов. Блэквелл ощутил то пьянящее чувство, которое возникает всегда, когда бездумно пускаешься в какую-нибудь опасную авантюру.

Мимо них проплыл катер, битком набитый пьяными подростками. Они снова нырнули, а потом продолжили свой путь. Вскоре они оказались около другого берега канала возле искусственных островков Майами. Двигаясь в хитросплетении Нормандских островов, Блэквелл поражался способности Поляка ориентироваться в этом лабиринте. Все ответвления канала казались Блэквеллу одинаковыми, как и дома на берегу за высокими живыми изгородями.

Внезапно Поляк остановился и жестом подозвал к себе Блэквелла.

— Что случилось? — спросил тот.

— Тут все такое одинаковое.

— Ты что, заблудился?

— Нет, я не заблудился. Просто немного потерял ориентировку. Тут следовало бы расставить дорожные знаки, которые можно разглядеть из воды.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, где мы находимся?

— Что ты, я знаю, но не совсем точно.

— И что же нам теперь делать?

— Думаю, лучше всего нам выйти на берег и спросить, какой это район.

На Нормандских островах, соединенных друг с другом дорогами и мостами, было тихо и безлюдно. Лишь кое-где за деревьями светились окна домов. Луна скрылась за облаками, и в сумерках было невозможно определить, что это за район. Поляк обнаружил пологий отрезок между двумя жилыми участками, и пловцы вылезли на берег.

Улица, на которой они оказались, заканчивалась тупиком. По обе ее стороны стояли автомобили. В окнах домов голубели блики телеэкранов. Приятели сняли ласты, маски, трубки, уложили их в водонепроницаемые сумки и зашагали вдоль улицы в

поисках дорожных знаков или указателей. Улица петляла и извивалась под немислимыми углами. Здесь было полно фонарей, но ни одного дорожного указателя.

Внезапно они заметили человека, шедшего им навстречу. Невысокого роста, в белых шортах и футболке, он вел на поводке собаку неопределенной породы. Увидев Поляка и Блэквелла, мужчина замер на месте. В черных прорезиненных костюмах, с огромными черными сумками за плечами, они были похожи на разведчиков людей-рыб, вступивших на путь войны с человечеством. Мужчине невыносимо захотелось оказаться в этот момент где-нибудь в другом месте, скажем, в каком-нибудь баре в Нагочосе, штат Техас. Он понял, что его часы сочтены, когда один из людей-рыб в мокром резиновом костюме подошел к нему и спросил:

— Простите, сэр, вы не скажете, как называется эта улица?

Услышав подобный вопрос, мужчина понял, что, как только он ответит этим двум психам в мокрых резиновых костюмах, они его тут же прикончат. И правильно сделают, потому что он сам в этом виноват. Какой же он идиот, что вышел из дому без своего «кольта» 45-го калибра!

— Это Си-Грэйп-лайн, — выдавил он, ожидая самого худшего.

Почувствовав опасность, собака прижалась к его ногам и жалобно заскулила.

— Ага, — удовлетворенно сказал посланник людей-рыб. — Конечно же, Си-Грэйп! А Фламинго-драйв, должно быть, слева, в двух кварталах отсюда.

— Правильно, — ответил владелец собаки. — Сразу же за Доффин-Шорс.

— Так я и думал. Спасибо, мистер.

Двое психов в резиновых костюмах развернулись и зашагали туда, откуда пришли, — в сторону канала. А незадачливый владелец собаки помчался туда, откуда пришел он, то есть домой. Причем собака бежала впереди и тащила его за собой. Господи, когда двое сумасшедших в черных резиновых костюмах расхаживают по улицам и задают идиотские вопросы, следует поскорее вернуться домой, запереть все двери и зарядить «кольт». А если собаке надо сделать свои дела, пускай делает их на ковре.

...На этот раз Поляк уверенно поплыл налево, затем повернул в правое ответвление канала.

— Все, приплыли, — сказал он Блэквеллу.

Тот высунул голову из воды и увидел на берегу дом за железным забором высотой не менее десяти футов. На заборе висела табличка: «Частная собственность. Охраняется компанией «Мидас Тандерболт». Внимание! Забор под высоким напряжением». В зло-

вещем свете луны огромный дом на холме казался гигантским зверем, щиплющим траву на поле сражения.

— Ладно, — сказал Поляк. — Давай искать сточную трубу. — Натянув маску, он скрылся под водой. Через минуту вынырнул. — Мне нужна твоя помощь, Фрэнк. Посвети мне фонариком.

Они нырнули. При ярком свете водонепроницаемого фонаря Блэквелл увидел широкую трубу, отверстие которой было закрыто железной решеткой. Поляк вытащил из кармана отвертку и, поковырявшись несколько секунд, жестом велел Блэквеллу вынырнуть на поверхность.

— Что случилось? — спросил Блэквелл.

— Мне нужна крестовая отвертка.

— Я полагал, что ты захватил все необходимые инструменты.

— Откуда я мог знать, что эта штука прикручена крестовыми винтами?

— В моем перочинном ноже есть крестовая отвертка, — сказал Блэквелл. — Но нож в сумке.

— Ну и что? Доставай его скорее.

С помощью Поляка Блэквелл расстегнул «молнию» на нейлоновой сумке. Тухлая вода сразу же хлынула внутрь. Блэквелл отыскал перочинный нож и протянул его Поляку. Через несколько минут Поляк снял решетку со сточной трубы. После чего злоумышленники быстро проползли по довольно широкой трубе и оказались в открытом бетонном резервуаре на территории собственности Фрамиджяна. Они вылезли наружу, проверили оружие и направились к дому, который возвышался перед ними, как молчаливый сфинкс.

Глава 22

С тех пор как Розалия, его жена-американка, ушла от него с двухлетней дочерью Ханной, Фрамиджян жил один в своем доме на Венецианском острове. Участок занимал площадь почти в целый акр и включал в себя пляж, тянувшийся на сто футов вдоль канала. Он был окружен забором из колючей проволоки, на котором крепились наисовременнейшие датчики. Густые заросли живой изгороди прятали забор от посторонних глаз. Возле дома располагался пятидесятиметровый плавательный бассейн. В саду между деревьями стояли мраморные скульптуры.

Хотя Фрамиджян слыл осторожным человеком, он не придавал большого значения вопросам безопасности. У него никогда не возникали трения с клиентами. Кому охота портить отношения с торговцем оружием, у которого полно влиятельных и могущественных друзей? Стены гостиной дома Фрамиджяна украша-

ли абстрактные картины в стиле кубизма. На полках стояли книги в дорогих переплетках — «Классика Гарварда» и «Сто лучших книг». Лучи утреннего солнца преломлялись в графинах с редкими и дорогими сортами виски. В специальном помещении рядом с кухней хранились вина многолетней выдержки, которые сделали бы честь любому ресторану.

Фрамиджян, худощавый мужчина невысокого роста с круглой головой, покрытой коротко стриженными вьющимися волосами с легкой сединой, зашел в гостиную. Он что-то весело напевал себе под нос. Часы показывали десять тридцать утра, время, когда он обычно просыпался. На нем были шелковый халат голубого цвета и шлепанцы из мягкой кожи. На груди блестела старинная римская золотая монета на изящной цепочке венецианского плетения. Все торговцы наркотиками носили такие монеты в этом сезоне, и Фрамиджян не хотел отставать от моды.

Внезапно Фрамиджяну показалось, что в комнате что-то не так. Но он никак не мог понять, что именно. Все выглядело как обычно, и все же что-то было не так. Он мысленно принялся сравнивать, соответствует ли расположение вещей сегодня тому, как они располагались вчера относительно друг друга, стен, потолка, пола. Так ли они освещались лучами солнца, проникающими через висящие на окнах жалюзи.

Вот в чем, оказывается, дело! Что-то не так с освещением.

И тут Фрамиджян заметил, что венецианские жалюзи были слегка подняты. Совсем чуть-чуть, на дюйм или полтора, но достаточно для того, чтобы солнце могло проникнуть в ту часть комнаты, куда оно обычно не проникало. Мозг Фрамиджяна лихорадочно работал. Несомненно, в комнате находился кто-то чужой. И этот чужак наверняка явился сюда с нехорошими намерениями.

Переход от умиротворенного блаженства к панике произошел с молниеносной быстротой. На лбу Фрамиджяна выступили капли пота. Не больше секунды прошло с тех пор, как он заметил приподнятые жалюзи. Он понял, что необходимо что-то предпринять, причем таким образом, чтобы не выдать своих намерений пробравшемуся в дом чужаку. Фрамиджян заставил себя сделать еще один шаг вперед в комнату, которая внезапно превратилась в смертельную ловушку. В этот момент у него в голове созрел план. Он обернулся и хлопнул себя по лбу, как человек, который что-то забыл и собирается вернуться. Фрамиджян направился к выходу в коридор, где в ящике стола из темного ореха лежал «магнум-357».

Вдруг он обнаружил у себя на пути человека в черном резиновом костюме для подводного плавания. В руке человек держал пистолет. Как, черт побери, он здесь оказался? Откуда-то по-

явился еще один человек в резиновом костюме. Чужаки бесшумно ступали по толстому ворсистому ковру. Фрамиджян испуганно заморгал, когда один из них, тот, что покрупнее, направил дуло пистолета прямо ему в лоб.

Фрамиджян открыл рот, но не смог произнести ни звука. Он упал на колени. Чужак уперся дулом пистолета в переносицу Фрамиджяну. Фрамиджян видел, как напрягся палец на спусковом крючке, как стал подниматься курок. Глаза Фрамиджяна наполнились слезами. Он не мог отвести их от пистолета. Его била крупная дрожь.

— Ради бога, — с трудом произнес он, — дайте хоть прочесть молитву.

Палец нажал на спусковой крючок.

Курок шелкнул по пустому затвору.

У Фрамиджяна подкосились колени, и он рухнул на ковер.

Кто-то потряс его за плечо.

— Не вздумай упасть в обморок, — сказал здоровяк. — Держи себя в руках, если хочешь остаться в живых.

— Хорошо, — поспешно согласился Фрамиджян, пытаясь бороться с желанием погрузиться в бессознательное состояние.

— Это была репетиция, — с серьезным выражением лица сказал здоровяк. Он вогнал обойму в рукоятку пистолета. — В следующий раз все будет по-настоящему. Понял?

— Да, — прошептал Фрамиджян, чувствуя, что его сердце готово выскочить из груди.

— Возможно, тебе удастся остаться в живых, Фрамиджян, — сказал здоровяк. — Но для этого тебе придется делать все так, как прикажут. Одно неверное движение, и ты — труп. Понял?

Фрамиджян кивнул, вытер слезы и попытался взять себя в руки. Его все еще била крупная дрожь, но здравый смысл подсказывал, что можно уже не опасаться за свою жизнь. Он несколько раз глубоко вздохнул, чтобы голос не дрожал.

— Дайте мне подняться, — сказал он. Потом встал с пола и плюхнулся в мягкое кресло. — У кого-нибудь найдется закурить? По-моему, у меня на столе лежат сигареты.

Здоровяк протянул ему пачку сигарет и зажигалку. Фрамиджян закурил. В голове у него звучали слова молитвы, но она уже вряд ли понадобится.

— Видите ли, — сказал Фрамиджян, — я реалист. И понимаю, что полностью в вашей власти. Скажите, что вам надо, и я с радостью это выполню. Ладно? — Никто ему не ответил. Фрамиджян продолжал: — Если бы вы захотели меня убить, то пристрелили бы еще раньше. Значит, вам требуется нечто другое. Что бы это ни было, я вам его отдам. Думаю, что, если вам это понра-

вится, у меня есть шансы остаться в живых. Зачем вам убивать меня, если я стану выполнять все, что вы захотите. Понятно, что я чертовски рискую, но другого выхода у меня нет. Что скажете?

- Неплохо, — пробормотал здоровяк.
- Вы ведь не грабить меня пришли?
- Правильно, — ответил тот, что помоложе.
- Но вам от меня что-то надо?

— Снова угадал.

— Так чем я могу вам помочь? — спросил Фрамиджян. — Что мне надо сделать?

— Моему другу необходимо встретиться с Альфонсо Гусманом, — ответил здоровяк.

Фрамиджяну понадобилась пара секунд, чтобы усвоить информацию. Затем он понял, что этим парням известно о намечающейся сделке. И существовала только одна причина, по которой им мог понадобиться Гусман.

— Это можно организовать, — сказал Фрамиджян. Он почувствовал себя гораздо лучше. Слава богу, всегда находится какой-нибудь выход. — Пойдемте на кухню. Я сварю кофе, и мы обо всем потолкуем.

Через полчаса, держа в руках чашку с дымящимся «эспрессо», Фрамиджян сказал:

— Итак, вы хотите прикончить Гусмана. Вот что нам надо сделать. Вы пойдете к нему как мой представитель. И договоритесь о времени и месте, где он получит оружие и передаст деньги. Как вам это нравится?

— Неплохо, — сказал здоровяк. — Совсем неплохо.

— Тогда давайте как следует обдумаем все детали. Может, поставить еще кофе? Нам придется как следует пошевелить мозгами.

Фрамиджян мог приспособиться к любой ситуации.

Глава 23

Гусман позвонил ровно в девять вечера.

— Как дела? — спросил он.

— Все отлично, — ответил Фрамиджян. — Лучше и быть не может.

Дуло пистолета, который держал в руке здоровяк, упиралось Фрамиджяну в левый глаз. В свете настольной лампы Фрамиджян мог заглянуть в маслянистый черно-синий канал ствола, казавшийся ему туннелем в преисподнюю. Парень помоложе сидел в кресле с томиком Аристотеля в руках.

— Нам надо встретиться, — сказал Гусман, — и окончательно обговорить детали.

— Да, — ответил Фрамиджян. — Именно об этом я и думал. Я пришлю к тебе своего человека.

— Человека? — сразу же насторожился Гусман. — А почему сам не придешь?

Фрамиджяну пришлось быстро придумывать подходящий повод. Это нечестно, что ему не дали достаточно времени, чтобы сочинить правдоподобную историю. Надо было как-то выкручиваться.

— Мне придется полежать в постели несколько дней, — сказал Фрамиджян. — Слышал когда-нибудь про подагру?

— Что это такое? — спросил Гусман.

— Болезнь большого пальца ноги.

Будь у него побольше времени, Фрамиджян посмотрел бы в словаре, как подагра называется по-испански. Хотя и маловероятно, чтобы бывший начальник образцово-показательной тюрьмы в Манагуа знал название подагры на испанском языке. Вряд ли ему приходилось с ней встречаться в период исполнения своих обязанностей.

— А... Знаю, знаю. — Гусман иногда просто поражал своей осведомленностью.

— Это наследственная болезнь. У меня иногда случаются приступы. Вот и сейчас прихватило. Сажу в постели, держу ногу на подушках и пью лекарства. Придется проваляться дня три, а то и целую неделю.

— Жаль, конечно, — сказал Гусман.

— Но по телефону мы можем разговаривать в любое время. А к тебе я пришлю Фрэнка. Это муж моей сестры. Я доверяю ему, как самому себе. Вот увидишь, он тебе понравится.

— Откуда взялся этот Фрэнк? — спросил Гусман. — Ты никогда о нем не рассказывал.

— Действительно, не рассказывал. Он американец, но все время жил с моей сестрой в Хайфе. Блюл наши семейные интересы в порту.

— А по-английски он говорит?

— Разумеется, — сказал Фрамиджян. — Я же тебе сказал, что он — американец.

— Ты уверен, что на него можно положиться?

— На все сто, — ответил Фрамиджян. — Поэтому я и приказал ему вернуться в Америку и стать моим помощником.

— Ладно, — сказал Гусман. — Пришли его ко мне завтра к обеду.

Гусман повесил трубку. Фрамиджян тоже опустил трубку на

рычаг, стараясь не звенеть наручниками, которыми он был прикован к трубе радиатора. Потом поднял глаза на Поляка.

Поляк слушал весь разговор по параллельному телефону.

— Молодец, — похвалил его Поляк. — Продолжай в том же духе, если хочешь остаться в живых.

— Я же пообещал, что выполню все ваши приказания, — сказал Фрамиджян. — Может, снимете с меня наручники?

— Я не хочу вводить тебя в соблазн.

— А как насчет ужина? — спросил Фрамиджян. — Ведь пленников полагается кормить? И потом, как мне ходить в туалет?

— Обсудим эти вопросы через пару минут, — ответил Поляк. — А пока мне следует кое о чем потолковать со своим напарником. Ты не против, если мы воспользуемся твоей столовой?

— Чувствуйте себя как дома, — сказал Фрамиджян, взмахнув скованными руками.

— Все в порядке, — сказал Поляк Блэквеллу. — Завтра ты обедаешь со своей Жертвой. Знаешь, как к нему добаться?

— Я взял напрокат машину, — ответил Блэквелл.

— Отлично. Теперь слушай меня внимательно. Мне кажется, будет совсем неплохо, если ты уже завтра сумеешь прикончить Гусмана. Скажем, после кофе. И после того, как получишь у него чек. А потом положишь чек в этот конверт и отошлешь его по почте.

На конверте был указан номер почтового ящика в Моррисоне, штат Нью-Джерси. Блэквелл сунул конверт в карман.

— Я как раз хотел у тебя спросить, — сказал Блэквелл, — каким образом мне его убить? Я ведь буду находиться на его собственной территории. Поэтому, если я начну стрелять в него из пистолета, людям мое поведение покажется весьма подозрительным.

Поляк обиделся.

— Не забывай, кто у тебя Наводчик! Неужели ты думаешь, что я разрешу тебе пользоваться пистолетом в такой сложной ситуации? Ты пойдешь туда безоружным. А Гусмана уберешь при помощи одного нового способа. Тебе показывали трюк с дорожной картой?

— Мне так и не удалось пройти курс новых способов убийства, — ответил Блэквелл.

— Не имеет значения, все очень просто. Хорошо, что у меня есть с собой такая карта.

Порывшись в водонепроницаемой сумке, Поляк вытащил

конверт, завернутый в промасленную бумагу. Надев перчатки, он открыл конверт и достал оттуда карту.

— Пока ничего не трогай. Вроде бы обычная дорожная карта графства Дэйд, правильно? А вот и нет. Один из краев карты острый как бритва. Весь трюк заключается в том, чтобы протянуть карту ничего не подозревающей Жертве и попросить показать то или иное место. Скажем, где находится Морской аквариум. Когда Гусман возьмет карту в руки, ты слегка дернешь за нее. Будто случайно. Край карты порежет ему палец. Такое случается каждый день, ничего особенного.

— Но в этом-то все и дело?

— Именно. Край карты пропитан веществом «Казак-3», новым советским ядом, который получают из блошиных экскрементов. Действие яда напоминает клиническую картину гриппа в сочетании с ипохондрией. Симптомы начинают проявляться только через несколько часов — так что ты сможешь спокойно уйти. В чем дело?

— Да я вот думаю, — признался Блэквелл, — что, наверное, невежливо убивать человека в первый день знакомства. Тем более после того, как он угостит меня обедом.

— Не беспокойся о манерах, — нахмурился Поляк. — Ведь ты — Охотник.

— Я знаю. Просто мне это ни с того ни с сего пришло в голову, — сказал Блэквелл.

— Сейчас выйдешь из дома и окажешься на 79-й улице. Там темно, и никто из соседей тебя не увидит. Возьмешь такси и вернешься в отель. Как следует выпись: тебе предстоит трудный день. Запомни, убьешь Гусмана только после того, как он передаст тебе чек. Наша организация находится на самофинансировании. После убийства позвонишь мне сюда. Тогда мы придумаем, как действовать дальше.

Пока они обсуждали детали предстоящей операции, Фрамиджян нашел в ящике стола завалившийся шоколадный батончик и принялся его жевать, улыбаясь своим мыслям. Его похитители считали себя умными, но кое-чего не знали наверняка. Они понятия не имели, что в его спальне за специальной панелью находится мощный радиопередатчик. Они не знали, что каждую ночь ровно в двенадцать часов Фрамиджян должен посылать условный сигнал.

А раз они этого не знали, то откуда им было знать, что если Фрамиджян такой сигнал не пошлет, то кое-кому в Отер-Бей это сильно не понравится.

И вот тогда начнется самое интересное.

Глава 24

Радиомачта была самым высоким строением в Отер-Бей. Вращающиеся при помощи электрических моторов тарелки спутниковых антенн могли принимать сигналы со всего мира. Основной задачей станции являлся прием ежедневных сигналов из западного полушария от оперативников Багамской корпорации. Сигналы обычно посылались в виде концентрированных двухсекундных импульсов, которые нельзя было расшифровать без специального дешифровального оборудования. Эти ежедневные сигналы означали, что у оперативников все в порядке и дела идут по-прежнему. Отсутствие сигнала считалось чрезвычайным происшествием. Если кто-то не мог послать сигнал в установленное время, то он обязан был послать его ровно через два часа. Потом, на ежегодном региональном собрании, такому оперативнику приходилось подробно докладывать о причинах, которые помешали ему вовремя выйти на связь.

Когда в двенадцать ноль пять по местному времени от Фрамиджана не поступило никаких сообщений, начальник радицентра проинформировал об этом самого директора Дала. Дал выждал положенное по инструкции время, а затем, как того требовали правила, позвонил в компанию, которая как раз занималась подобными случаями.

Провести расследование поручили оперативному агенту Мерседес Бранниган. Она как раз «закрывала» дело в Виктории, столице независимого государства Саламбак.

Глава 25

Представьте себя в огромном обеденном зале тропического ресторана, где все сделано из бамбука и ратанга. Лопастные вентиляторы под потолком медленно вращаются, разгоняя горячий влажный воздух. Повсюду в кадках из застывшей вулканической лавы стоят экзотические растения тропиков — банановые и фиговые деревья. Между столиками бесшумно снуют официанты. По красным в черную полоску тюрбанам опытный путешественник сразу определит, что они — бажу, представители одной из народностей, населяющей эту часть Борнео.

Не так много лет назад они считались людоедами и охотниками за головами. Ходили слухи, что они промышляют этим и поныне. Хотя вряд ли правительство Саламбака, крошечного независимого государства, могло поощрять подобные наклонности. Зал почти пуст. Посетители в основном люди пожилые. Это один из самых старых и дорогих ресторанов на восточном побережье.

Не многие могут позволить себе обедать в таком заведении. Все сегодняшние посетители — оставшиеся в живых представители старой аристократии, которую уничтожили во время беспорядков, последовавших за свержением правительства два месяца тому назад и установлением нового режима во главе с Хитером Дьялом, свежеепеченным Вечным Президентом Североборнеоской Республики Саламбака.

А вот входит и сам Вечный Президент. На его пальцах — массивные золотые королевские кольца с огромными рубинами из Альтенбакских копей, что в джунглях Саламбака. Кроме рубинов, в Саламбаке немало других богатств. Например, редкие деревья, растущие во влажных предгорных долинах.

Бывшее правительство было довольно консервативным. Когда Дьял со своей разношерстной армией захватил королевскую казну, там еще оставалось немало золота. Революция началась так внезапно, что бывший премьер-министр не успел перевести все деньги на свой счет в швейцарском банке. Изрешеченный пулями, он остался лежать среди чековых книжек, когда его вертолет уже стоял с включенным двигателем на аккуратно подстриженной лужайке президентского дворца. Судя по тому, какими богатствами располагала страна, можно было предположить, что правительство выплатит все свои внешние долги, по крайней мере срочные. Однако ничего подобного не произошло. Страна лежала в развалинах — так, по крайней мере, говорил новый президент всем кредиторам. Один из кредиторов — Багамская корпорация — потребовала объяснений, а потом послала на остров своего представителя, мисс Мерседес Бранниган, чтобы она разобралась что к чему.

А вот, кстати, и она. Потрясающей красоты женщина с иссиня-черными волосами, которые иногда встречаются у кельтов, и с оливкового цвета кожей, которая досталась ей в наследство от бабушки-испанки. Мерседес вошла в зал ресторана в безукоризненном льняном костюме белого цвета.

Хитер Дьял поднялся и поприветствовал ее. Президента вряд ли можно было назвать чистокровным даяком, так как некоторые его предки жили на Андаманских островах, другие обитали на Патане. В его жилах текла и британская кровь. Это объяснялось тем, что его прапрабабушка — отчаянная женщина, обожавшая приключения, — была маркитанткой у англичан во время второй афганской войны. Именно от нее Хитер Дьял унаследовал утонченные манеры.

— Моя дорогая мисс Бранниган! Или я могу называть вас Мерседес? Как я рад, что имею честь лично приветствовать вас от имени правительства и от своего имени. Мы пришли в такой восторг,

когда в нашем министерстве иностранных дел получили телеграмму, извещающую о вашем прибытии. Надеюсь, у вас не было никаких проблем с таможей?

— Абсолютно никаких, — ответила Мерседес. — Ваши люди даже не взглянули на мои чемоданы.

— Разумеется! Так и должно быть! Я же сказал людям из вашей корпорации, что на нашем черном рынке чудесно идут поддельные «Ролексы». Можете рассказать об этом всем своим друзьям. Друг Багамской корпорации — мой друг.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответила Мерседес, искусно скрыв удивление. Надо же, президент думает, что может купить ее так дешево.

— Вы также можете привозить сюда любое количество валюты. Наркотики: как для своих нужд, так и на продажу. Наши подrostки их охотно раскупают. К тому же их развелось столько, что, если от ваших наркотиков кое-кто умрет, мы будем только рады. Надеюсь, что мои слова вас не шокируют.

— Ваше величество, — с легким отчаянием сказала Мерседес, — я приехала сюда не для того, чтобы торговать поддельными «Ролексами» или наркотиками. Багамская корпорация подобными вещами не занимается.

— А я этого и не утверждаю, — ответил Дьял. — Я прекрасно знаю, что вы оказываете финансовую поддержку революциям. Надо признать, что я пришел к власти лишь благодаря вашей помощи. За что я, кстати, бесконечно вам благодарен. Просто если кто-то из ваших людей захочет подзаработать на стороне...

— Нам надо только одно, ваше величество, — твердо сказала Мерседес, — чтобы нам вернули ссуду, которую мы дали вам на приобретение оружия для ваших людей, установку подслушивающих устройств в президентском дворце и подкуп высших военных чинов.

— Разумеется, мы вернем вам деньги, — сказал Дьял. — Пришлите нам чек, и мы мгновенно его оплатим.

— Мы уже послали вам чек, ваше величество.

— Разве?

— Не один раз, к тому же заказными письмами, в получении которых вы собственноручно расписывались. У меня в сумочке лежат копии расписок.

— Тут, наверно, какая-то ошибка, — с улыбкой заметил Дьял. — Вам же прекрасно известно, что я всегда держу слово.

— В этом нет никаких сомнений, — ответила Мерседес, — но Багамская корпорация всегда твердо придерживается своих пра-

вил. После того как третий чек возвращается неоплаченным, они посылают меня.

— И что же вы делаете, моя дорогая?

— Я закрываю счет.

Дьял криво ухмыльнулся, что придавало его плоскому лицу с узкими глазами весьма зловещее выражение. Он оглянулся и увидел на галерее второго этажа своих телохранителей и снайперов, державших Мерседес на мушке.

— Надеюсь, вы не собираетесь прибегать к насилию над моей персоной в моей собственной стране? — спросил Дьял. — Мои телохранители пристрелят вас, едва я шевельну пальцем. Вам не уйти отсюда живой, если вы попытаетесь меня убить.

— Не говорите глупостей, — возмутилась Мерседес. — Вы ведь заплатите по счету наконец?

— О, разумеется, как только мы закончим подсчеты. Самое позднее в конце недели вы получите свои деньги.

— Прекрасно, будем считать, что вопрос исчерпан. А теперь, может, закажем что-нибудь из тех блюд, которые готовит ваш шеф-повар? Честно говоря, это одна из причин, по которой я сюда приехала.

— Вы слышали о нашем шеф-поваре? — засиял от удовольствия Дьял.

— Конечно. Я читала о нем в журнале «Великие кулинары Азии». И мне всегда хотелось попробовать его коронное блюдо — диббелбиккер.

— Так вы и об этом знаете? — обрадовался Дьял. — Да, это самое лучшее блюдо нашей старой доброй каннибальской кухни. Сейчас мы, конечно, не употребляем в пищу человеческое мясо, однако существует множество замечательных блюд, которые можно приготовить с добавлением особых специй, чтобы по вкусу они напоминали то, что мы ели раньше. Сургийный порошок, например, почти неотличим от мелконаструганных ногтей, а чтобы приготовить настоящее жаркое из метатарсов... Впрочем, как вы знаете, настоящие метатарсы давно уже вымерли. Это были такие зверюшки, похожие на небольших кабанчиков. Но мы и им нашли замену. Сравнительная филогения — такая замечательная штука, не правда ли?

— Очень интересно, — сказала Мерседес. — Ваш повар, должно быть, настоящий гений. По крайней мере, так утверждают все кулинарные журналы.

— Разумеется, он первоклассный специалист. Это единственный повар, который владеет секретом приготовления настоящего

диббелбиккера. Многие мои соотечественники так никогда и не пробовали этого блюда.

— Почему?

— Потому что каннибализм под запретом, а продукты, заменяющие человеческое мясо, очень дороги. А вот и наш шеф-повар!

Пухленький человечек в белом халате и таком же белом колпаке подошел к их столику.

— Ваше величество, я счастлив приветствовать вас в нашем ресторане.

Мужчины обменялись серией сложных жестов, а затем приветливо кивнули друг другу.

— Ну как, угощение готово? — спросил Дьял.

— Возникли кое-какие трудности, — признался шеф-повар.

— Что за трудности?

— Сэр, я должен показать вам это лично.

И он повел заинтригованного президента на кухню. Мерседес осталась за столом одна. Она сидела, выпрямив спину. Так ее научили сидеть в детстве. Она посмотрела на галерею и увидела телохранителей, целившихся в нее из винтовок. Мерседес обратилась к одному из них на правильном даякском языке, правда, с небольшим замбонганским акцентом.

— Пожалуйста, направьте свои винтовки куда-нибудь в другую сторону.

На узкой галерее плечом к плечу стояли шестеро телохранителей. Все они были одеты в камуфляжную форму и вооружены старыми «спрингфидами» с ручным затвором. Самый высокий, с ремнем из акульей кожи, выдававшим в нем начальника, подозрительно посмотрел на Мерседес.

— Где босс? — спросил он тихим, бесстрастным голосом, и его пальцы сжались на прикладе «спрингфида».

Это не укрылось от пронизательных глаз черноволосой женщины, сидевшей в двадцати футах от него во внезапно опустевшем зале ресторана.

— Босс сейчас вернется, — ответила Мерседес. — Он пошел в туалет.

На лице телохранителя отразилась напряженная работа мозга, ослабленного постоянным употреблением марихуаны и бетеля. Он пытался сообразить, как же ему следует вести себя в сложившейся ситуации. Возможно, в отсутствии босса нет ничего подозрительного. Он действительно мог захотеть в туалет. Но, с другой стороны, когда босс шел в туалет, он всегда давал об этом знать, поднимая указательный палец. Что же делать?

В этот момент из кухни вышел шеф-повар, держа огромную супницу, из-под крышки которой распространялись ароматы какого-то необычного мясного блюда, приготовленного с лимонным соусом и корицей.

— Друзья мои, — обратился он к шестерым телохранителям, — благодаря чудодейственным современным микроволновым печам и скороваркам я имею честь предложить вам стать первыми даяками вашего поколения, которым посчастливится отведать легендарное блюдо наших предков — самый настоящий диббел-биккер. — Он кивнул в сторону стола, накрытого на шесть персон. — Спускайтесь с галереи и насладитесь угощением. А затем вы можете обменяться рукопожатиями с моим братом Эрном, нашим новым президентом.

Из кухни вышел Эрнот, невысокий лысоватый человек с радостной улыбкой на лице. Он приветственно помахал всем рукой. Телохранители смекнули, что произошла смена власти. Они, конечно, могли отомстить за президента Дьяла и перестрелять всех присутствующих — такая мысль действительно пришла им в голову, — но они достаточно быстро пришли к выводу, что лучше продемонстрировать свою лояльность новому режиму. К тому же они всегда мечтали попробовать блюдо настоящей каннибальской кухни. Они со сдержанной радостью выкрикнули здравицу в адрес нового президента Саламбака и спустились в обеденный зал.

Эрнот, брат шеф-повара, с благодарностью пожал руку Мерседес.

— Мы вам чрезвычайно признательны, мисс Бранниган. Вы помогли нам избавиться от этого тирана Дьяла.

— Я обязана была поступить подобным образом, — ответила Мерседес. — У нашей компании чрезвычайно строгие правила. Ссуды должны выплачиваться в установленные сроки. Нам все равно, откуда должник берет деньги, — главное, чтобы он заплатил. Только так можно заниматься нелегальным бизнесом, но Дьял забыл об этом правиле.

— Он полагал, что в его собственном ресторане ему ничто не может угрожать, — улыбнувшись, заметил Эрнот.

— Пусть это станет предупреждением для всех, — сказала Мерседес. — Не думайте, что я имею в виду вас, но никому не позволено шутить с Багамской корпорацией.

— Но ведь я вам уже заплатил, — поспешно сказал Эрнот. — Помните, я выписал вам чек в офисе?

— Конечно, — ответила Мерседес. — Вам не о чем беспокоиться.

— Может, вам надо доплатить? — спросил Эрнон, доставая чековую книжку. — Так сказать, за хлопоты.

— Не стоит, — ответила Мерседес. — Я не могу принимать деньги для себя лично. Я — представитель Багамской корпорации, и мы берем лишь то, что нам причитается.

— Да благословит вас Аллах, — сказал Эрнон. — Вы присоединитесь к нам?

Мерседес отрицательно покачала головой:

— Нет, спасибо, Дьял и так уже надоел мне по горло.

Эрнон вежливо поклонился. В этот момент в зал вбежал рассыльный:

— Мисс Бранниган! Для вас телеграмма!

Мерседес разорвала конверт и прочитала: «Прибыть в сектор «танго чарли два» срочно».

На сборы Мерседес понадобилось лишь несколько минут. Дело было закончено. В роли оперативного агента Багамской корпорации за последние два года ей пришлось побывать в самых невероятных уголках земного шара. Сейчас ей приказали прибыть на Багамы. Она не почувствовала никакого возбуждения. Когда твоя работа заключается в том, чтобы убивать людей, постепенно это занятие приедается, и теряешь к этому всякий интерес.

Глава 26

В огромном лазурном небе Багам появился небольшой гидросамолет, жужжащий, как гигантский комар.

— Отер-Бей прямо под нами, — сказал пилот, поворачиваясь к Мерседес.

Его звали Джеффри Блэр, и он работал летчиком в «Соуки Филд», одном из частных аэропортов Нассау. Мерседес наняла его для перелета на остров.

Она посмотрела в потрескавшийся пластиковый иллюминатор. Внизу на морщинистой голубизне океана виднелся островок, залитый ярким карибским солнцем. По форме он напоминал креветку.

— Длина семь с половиной миль, ширина две мили, — сообщил Блэр. — Искусственная гавань глубиной десять футов.

Самолет описал круг над поросшей мангровыми зарослями южной оконечностью острова, и Мерседес увидела длинное приземистое здание, окруженное высокими кокосовыми пальмами. Рядом виднелись несколько бунгало и хозяйственные постройки.

— Надеюсь, у вас есть приглашение, — сказал Блэр. — Тут не особо жалуют чужаков. Это частное владение.

— Знаю, — ответила Мерседес.
 — Странное место, — продолжал пилот. — Тут вроде собрались ученые со всего света. Наверно, здесь какой-то мозговой центр?
 — Вроде того, — сказала Мерседес.
 — И вы тоже такой работой занимаетесь?
 — Иногда.
 — Ничего себе занятие — сидишь себе целый день и думаешь, — сказал пилот. Чувствовалось, что сам он этим занимается крайне редко. — Везет же людям. Никаких тебе забот, да?
 — Как в башне из слоновой кости, — подтвердила Мерседес.
 Блэр приземлился на небольшую посадочную полосу возле бухты. Чардар, непальский микропалеолог из гималайского отделения компании, встречал Мерседес возле трапа. Он взял у нее багаж и отвел в главное здание. Стоя на веранде, они наблюдали, как самолет поднялся в небо и скрылся в его безграничных просторах.

— Давайте я покажу вам свое удостоверение, — сказала Мерседес.

— Мне это ни к чему, мисс Бранниган, — ответил Чардар. — Мы вас ждали. Возможно, доктор Дал захочет взглянуть на него.

— А где доктор Дал?

— Он проводит заседание проектного комитета. Проводить вас к нему?

— Нет, я не хочу ему мешать. Может, я смогу подождать доктора Дала в его апартаментах?

— Разумеется. Сюда, пожалуйста, — сказал Чардар.

Главное здание Багамской корпорации представляло собой длинное строение, одну часть которого занимали рабочие кабинеты, а вторую — жилые комнаты с террасами и видом на океан. На берегу стояло несколько пляжных домиков. Доктор Дал проживал в пятикомнатных апартаментах. Мерседес сняла строгий деловой костюм и надела купальник, который выгодно подчеркивал ее фигуру. Плавательный бассейн, расположенный прямо возле веранды, притягивал ее как магнит. Она раздвинула стеклянные двери и направилась к бассейну. Она никогда не упускала возможности поплавать между убийствами.

Полевой агент, сотрудник поддержки — называйте его как хотите — всегда играет исключительно важную роль в любой нелегальной организации. Сначала Багамская корпорация нанима-

ла для грязной работы людей, так или иначе связанных с преступными кругами. Но результаты не оправдывали ожиданий. Преступники не имели никаких идеологических принципов, а для такой идеалистической организации, как Багамская корпорация, это имело большое значение.

Тем более что не только они могли выполнять такую работу. Секретное исследование, проведенное Багамской корпорацией, показало, что некоторые весьма уважаемые члены научного общества вполне были способны на любое преступление, если оно совершалось ради благой цели. Как Мерседес.

Англичанка по происхождению, она получила образование сначала в Кембриджском, а затем в Оксфордском университете. Затем Мерседес продолжила учебу в США и Канаде. Это была активная молодая женщина со спортивной фигурой, любившая быструю езду на спортивных машинах и стрельбу из автоматического оружия. В секретном научном центре Багамской корпорации досконально изучили ее досье. Было принято решение установить с ней контакт при первом же удобном случае.

И такой случай представился летом. Мерседес отправилась на один семестр в Италию, для изучения изящных наук в Римском университете. Именно там она познакомилась с Артуром Селкиром, лауреатом Нобелевской премии в области астрофизики и одним из руководителей секретного научного центра. Встреча, казалось, произошла случайно, однако Селкирк организовал ее самым тщательным образом. Во время разговора с Мерседес Селкирк отметил в ней такие положительные качества, как бесстрашие и отвага, честность и воспитанность, честолюбие и самообладание.

Во время следующей встречи Селкирк обрисовал ей цели Багамской корпорации, объяснил, в чем будет заключаться ее работа, и предложил шестьдесят две тысячи в год.

— Разумеется, это только начало, — сказал он. — Мне весьма неудобно, что приходится называть такую смехотворную цифру, но устав нашей компании предусматривает испытательный срок в течение года для всех новых сотрудников. А потом мы платим им столько, сколько они действительно заслуживают.

— И сколько же они могут заслуживать? — поинтересовалась Мерседес.

— Как говорится, пределов не существует. Не так уж и легко найти исполнительного работника, который может убивать людей, когда ему прикажут, и к тому же хорошо воспитан и умеет разговаривать на безукоризненном английском.

— Я хочу внести свой вклад в спасение Земли, — сказала Мерседес. — Где мне расписаться?

С тех пор прошло почти три года. Она прошла курс обучения сначала в Женеве, потом стажировалась в лондонском отделении компании в Кингсбридже. Ее первые два задания заключались в том, чтобы оказывать поддержку Кристал Картер, самой беспощадной убийце восьмидесятых годов. Они жили вместе в небольшой квартирке на улице Алле в Париже. Мерседес тогда не пришлось никого убивать: Кристал сама любила нажимать на спусковой крючок.

А потом Кристал погибла в случайном дорожно-транспортном происшествии, когда возвращалась домой после бойни в Малаге. И основным полевым оперативником стала Мерседес. Успешное завершение дела на Борнео упрочило ее авторитет в Багамской корпорации. А теперь Мерседес предстояло убить кого-то в Майами. Довольно большая ответственность лежала на плечах этой двадцатичетырехлетней женщины.

Дал встретился с ней возле бассейна и объяснил ситуацию. Багамской корпорации необходимо было узнать, что случилось с их торговцем оружием Ицхаком Фрамиджяном, почему это случилось, и сделать так, чтобы подобного больше никогда не повторялось.

Мерседес познакомилась с досье Альфонсо Гусмана. Ее также снабдили списком людей в Майами, которые могли оказать помощь в случае необходимости. Дал посоветовал ей отправиться в Нассау на почтовом самолете завтра утром, а оттуда вылететь в Майами рейсовым самолетом одной из коммерческих авиакомпаний. Но у Мерседес оказались другие планы.

— Я воспользуюсь моторной лодкой, которая стоит возле причала.

— Вряд ли это разумно. Гольфстрим в это время года непредсказуем.

— Не беспокойтесь. Я справлюсь с любыми неожиданностями.

Через два часа, когда уже сгущались сумерки, Дал помахал рукой Мерседес, отплывавшей из бухты на моторной лодке. Мерседес рассчитала, что если ей не будет мешать встречный ветер, то часам к десяти утра она доберется до Майами.

Глава 27

Быстрая и легкая моторная лодка легко рассекала океанские волны. В ночном небе зажегся Орион, с темных гребней волн слетали пена и приятный запах соленой воды. Сквозь облака проглядывала желтая луна.

Войдя в Гольфстрим, Мерседес взяла курс на север. Как приятно находиться одной в безбрежных просторах океана! Перед рассветом она увидела огни Флориды. Скоро Мерседес поняла, что находится на уровне Бэйкер Хэлувер, то есть чуть выше Майами. Она ошиблась в расчетах миль на десять и пропустила Майамский пролив. Развернувшись, она направила моторку на юг и к полудню приблизилась к проливу. Но там постоянно сновали взад-вперед грузовые суда. Она продолжила путь на юг и вошла в Бискайскую бухту через Медвежий пролив. Затем обогнула южную оконечность Вирджиния-Ки, пересекла бухту и причалила к пирсу яхт-клуба Форбса в Силвер Блафф, чуть севернее Диннер-Ки-Марина.

Мерседес прошла в кабинет управляющего и заплатила за место у причала. Потом взяла напрокат машину в агентстве «Авис» и направилась в Коконат-Гров, где у Багамской корпорации имелся собственный дом.

Первым делом Мерседес включила кондиционер, затем приняла душ и переоделась в элегантное платье с открытой спиной. После чего позвонила Фрамиджяну.

— Фрамиджян слушает, — ответил ей голос в телефонной трубке. — Кто это?

Мерседес молча положила трубку на рычаг и нахмурилась. Потом подошла к бару и приготовила джин с тоником.

Фрамиджян не вышел на связь в положенное время. Он также не предпринял никаких попыток установить контакт с Багамской корпорацией в последующие двадцать четыре часа. Однако он дома и отвечает на телефонные звонки. Вывод: если это действительно был Фрамиджян, значит, кто-то держал пистолет возле его виска. Человек, который ничего не знал о радиосигналах.

Именно для этого и служили радиосигналы. Теперь ей предстояло выяснить, что происходит и кто это все устроил. А потом принять необходимые меры.

Мерседес достала список адресов в Майами, пробежала его глазами, а затем позвонила Антонио Альваресу. Представившись, она вкратце объяснила, что ей необходимо.

Глава 28

Антонио Альварес жил в шикарнейшей квартире на крыше небоскреба в Брикле возле Элис-Вэйнрайт-парк, а бизнесом занимался в ночном клубе «Тропикабана», что на 17-й улице.

Он подъехал к клубу на своем «Порше-912», приказал швей-

цару припарковать машину, швырнул кашемировое пальто гардеробщице и на лифте поднялся в личный кабинет.

Антонио Альварес не был похож на утрюмых усатых гангстеров, орудовавших в этих местах два десятка лет тому назад. Альварес родился в Майами и считался стопроцентным американцем, хотя его родители были родом из Гондураса. Он вырос в бедном районе Хайлах, где компании подростков проводят время не под фонарями на углах, а под пальмами. В шестнадцать лет он примкнул к банде Пепито Браги «Лос компанерос де ла муэрте»¹, состоящей в основном из молодых кубинцев, которые ради утверждения своего авторитета прибегали к жестоким формам насилия. Когда Брага погиб во время пьяной разборки с каким-то залетным *machete* из Гватемалы, Альварес стал правой рукой Педро Гутьереса-Флореса, толстого и жизнерадостного убийцы из Мексики, работавшего на Анхеля Паса и терроризировавшего в течение нескольких лет центральноамериканскую общину в Южной Флориде.

Некоторое время дела у Альвареса шли гладко, но затем началась война между враждующими группировками в Майами. Гутьереса обнаружили мертвым в перевернувшейся машине, лежащей в канаве возле 144-й авеню. Полиция сразу же отменила версию о самоубийстве — напичканное свинцом тело Гутьереса лежало в багажнике автомобиля.

А затем и Анхель Пас закончил свою недолгую карьеру. Его нашли повешенным на железных воротах Малекона после того, как он неудачно съездил в Гавану. Видя, как стремительно развиваются события, Альварес решил больше не испытывать судьбу. Внезапно ему захотелось изменить образ жизни и заняться не такими опасными делами. И когда Багамская корпорация предложила ему бросить свои гангстерские игры и заняться более солидными и, что самое главное, безопасными делами, Альварес с радостью согласился.

Альварес был худощавым мужчиной невысокого роста со смуглой кожей. Длинные бакенбарды и аккуратно подстриженные усы придавали его лицу приятное выражение.

Он отодвинул стенную панель, чтобы следить за тем, что происходит на сцене «Тропикабаны». Молодые девушки исполняли номер «Я улетаю в Рио», и Альварес некоторое время наблюдал за ними, напевая себе под нос. Затем достал из кармана платиновую коробочку с кокаином и через полую страусиную косточку вдохнул приличную дозу. Потом нажал на кнопку звонка.

¹ Друзья смерти (*исп.*).

Манитас да Кордоба, щуплый человек со скорбным выражением лица, вошел в кабинет в своей неизменной белой гуайабере — украшенной вышивкой рубашке навыпуск. Он работал в «Тропикабане» вышибалой и время от времени выполнял поручения Альвареса. Альварес объяснил ему, какую задачу им предстоит выполнить. Кордоба сказал, что можно приступить к делу немедленно, только сначала надо переодеться в рабочие комбинезоны.

Глава 29

Около часу дня возле дома Фрамиджяна остановился старенький пикап с надписью «Ремонт телефонных линий». Из него вышли двое мужчин в синих комбинезонах и с кожаными сумками на ремнях, из которых торчали плоскогубцы и отвертки. Один из них надел «кошки» и взобрался на телеграфный столб. Пока его напарник следил за дорогой, первый мужчина достал небольшой, но мощный бинокль и навел его на дом Фрамиджяна. Со столба он мог рассмотреть гостиную Фрамиджяна, окна которой выходили на канал.

Детально рассмотреть комнату ему мешали полуопущенные жалюзи. Минут пять он наблюдал, но, услышав предупреждающий свист напарника, спрятал бинокль и принялся орудовать инструментами. Когда почтовый фургон скрылся за поворотом, он снова достал бинокль и в течение пятнадцати минут наблюдал за домом Фрамиджяна. После чего спустился вниз.

— Что ты там увидел? — спросил Альварес.

— Не очень много, — ответил Кордоба, — но самое главное, я видел Фрамиджяна.

— Ты уверен?

— На все сто.

— А кого еще видел?

— Больше никого.

— Отлично, — сказал Альварес. — Ты отлично поработал.

— Но я видел, — продолжал Кордоба, — что Фрамиджян с кем-то разговаривал.

— Ты видел, с кем именно?

— Нет.

— А ты уверен, что там был кто-то еще?

— Да — если, конечно, Фрамиджян не репетировал речь перед зеркалом.

Подумав, Альварес покачал головой:

— Нет, Фрамиджян никогда не произносит речи. Молодец, Манитас. Теперь нам надо позвонить.

Часть IV

ПОДГОТОВКА УБИЙСТВА

Глава 30

Мужчина, спустившийся на лифте в подземную штаб-квартиру Охотничьей организации в Нью-Джерси, выглядел весьма представительно. Темно-синий костюм с красной искрой сидел на нем безукоризненно. Его отличительными чертами были седые волосы и длинная — почти четыре дюйма — окладистая борода. Но на бороду не стоило обращать внимания, потому что, оказавшись внизу, мужчина тут же отцепил ее и спрятал в кейс.

Симмонс вышел к лифту как раз в тот момент, когда посетитель закрывал медные застежки кожаного кейса.

— Сенатор Баренжер! — воскликнул Симмонс. — Как я рад вас видеть! Пойдемте в мой кабинет.

Он провел Баренжера по коридору в свой кабинет, где дорогая мебель гармонировала с обоями мягких зеленых тонов.

— Чем обязан такой чести? — спросил Симмонс.

Баренжер потер ладонью лицо, чесавшееся от клея, на котором держалась фальшивая борода.

— Я жду не дождусь, когда уже можно будет обходиться без этого маскарада, — заметил он.

— К сожалению, сейчас это необходимо, — сказал Симмонс. — Что подумают избиратели, если увидят сенатора от штата Иллинойс здесь, в самом сердце нелегальной организации? Что-нибудь выпьете, сенатор?

— Немного ирландского виски, — ответил Баренжер. — Говорите, нелегальной организации? Да, Охотничья организация до сих пор вынуждена действовать нелегально, и все это благодаря чертовым либералам из Вашингтона. Но скоро все изменится, Симмонс. Помяните мое слово. Последние опросы населения свидетельствуют о том, что люди по всей стране сыты по горло ситуацией, когда всякие там террористы убивают ни в чем не повинных людей. Граждане этой страны хотят радикально изменить такое положение — они хотят убивать сами. Законное убийство — вот что требуется нашим соотечественникам. Наше время не за горами.

— Мы стараемся, чтобы это время наступило как можно быстрее, — сказал Симмонс. — Хотя и нелегально, но Охота идет полным ходом.

— Я как раз и пришел сюда, чтобы посмотреть, какого про-

гресса вы достигли за последнее время, — сказал Баренжер. — Мои коллеги и друзья из коалиции «Конгрессмены за свободное убийство» хотят убедиться, что Охотничья организация действует согласно утвержденным планам.

— Могу вас заверить, что мы руководствуемся исключительно вашими планами. Давайте пройдем в ситуационную комнату, и вы увидите это своими глазами.

Они вышли из кабинета, и Симмонс провел сенатора по коридору в просторный зал, уставленный рядами компьютеров. Экраны на стенах выдавали различную информацию. На огромной карте мира мигали разноцветные огоньки.

— Это Охотничья карта мира, — пояснил Симмонс. — Первоначально мы отмечали лампочками каждую Охоту. Но потом, когда число Охот возросло с двух десятков до пяти сотен, мы решили кое-что изменить. Теперь мы используем лампочки с разной степенью освещенности для обозначения интенсивности. Вот здесь вы можете увидеть соотношение индексов убийств среди Охотников и Жертв. Информация обновляется каждый час. А вот это специальный список необъявленных Охот против террористов и главарей отрядов смерти. Так сказать, наша гражданская обязанность.

Сенатор Баренжер принялся рассматривать табло с особым вниманием. Его взгляд остановился на Майами, где горела одна единственная зеленая лампочка.

— А это что за Охота? — поинтересовался он.

— Один из наших людей охотится на известного убийцу — мистера Альфонсо Гусмана.

— Рад, что вы решили покончить с этим негодяем. А что означает желтый огонек, который только что появился рядом с зеленой лампочкой?

Симмонс с удивлением уставился на желтую лампочку.

— Желтый цвет, — медленно произнес он, — означает, что Жертве послали уведомление об Охоте.

— А мне казалось, что вы не уведомляете убийц о том, что на них объявлена Охота.

— Это действительно так. — Симмонс поджал губы. — Произошла ошибка. Простите, сенатор, мне надо выяснить, что случилось. — Быстрым шагом Симмонс направился к узлу связи. Подняв трубку, он приказал: — Соедините меня со Стивенсоном. Быстро!

В трубке шелкнуло, и через пару секунд Симмонсу ответили.

— Стивенс слушает.

— Стивенс, проверьте ваш файл на Охоту номер 23441А.

— Минутку, сэр. Так... вроде все в порядке. Хотя, подождите...
 — Жертве послали уведомление.
 — Да, сэр. Это действительно так.
 — Как вы это можете объяснить? Я ведь приказал действовать строго по инструкции. Вы же знаете, что эти профессиональные убийцы действуют безжалостно. Если им становится известно, что на них охотятся, наши Охотники лишаются последнего шанса на победу.

— Я знаю, сэр. Это либо саботаж, либо чья-то ошибка.
 — Кто программировал эту Охоту?
 — Бвитинс, сэр. Вызвать его?
 — Я разберусь с ним потом. А вы проверьте все остальные Охоты самым тщательным образом. Может, у нас еще есть возможность каким-то образом перехватить уведомление. — Он положил трубку на рычаг, а затем снова вызвал оператора. — Соедините меня с Бвитинсом из почтовой службы Охоты.

Через несколько секунд ему ответили.

— Уведомление 32241В уже ушло? — спросил Симмонс.
 — Думаю, что да, сэр.
 — Его уже вручили получателю?
 — Думаю, что еще нет, сэр.
 — Слушайте меня внимательно. Я хочу, чтобы это уведомление немедленно отменили.

— Отменили? Но письмо уже в пути.
 — Речь идет о жизни одного из наших Охотников, — спокойно произнес Симмонс. — Вы должны перехватить письмо до того, как его доставят по адресу.

— Понял, сэр, — сказал Бвитинс. — Сделаю все, что в моих силах. Какую степень насилия я могу применить при исполнении вашего приказа?

— Вплоть до третьей, — ответил Симмонс. — Невыясненные обстоятельства.

— Понял, сэр, — хмуро отозвался Бвитинс. — Приступаю к действиям.

Симмонс обернулся к Баренжеру.

— Сенатор, я рад, что вы заметили ошибку. Надеюсь, у нас достаточно времени, чтобы ее исправить.

— Мне пора возвращаться в Сенат, — сказал Баренжер. — К великому сожалению, мое время истекло. Но я хочу сказать, что здесь, в этой истинной цитадели свободы, работают поистине замечательные люди.

— Мы делаем все от нас зависящее, — скромно ответил Симмонс.

Как только сенатор ушел, Симмонс поспешил к Мастеру Охоты. Он ворвался к нему, даже не постучав.

— Зачем? — спросил он.

Мастер Охоты сидел с непроницаемым лицом.

— Чашку чая? — предложил он Симмонсу.

— Перестаньте, — нетерпеливо сказал Симмонс. — Я же знаю, что это ваших рук дело. Вы приказали Бвитинсу отправить Гусману письмо. Почему?

— Так надо, — ответил Мастер Охоты. — Чтобы поторопить события.

— Надо для кого? Уж не для Блэквелла ли?

Мастер Охоты прищелкнул языком.

— Несомненно, это доставит Блэквеллу немало неприятных минут. Но Поляк присмотрит за ним.

— А с какой целью понадобилось торопить события?

— Скоро ты сам это увидишь. Наш самолет готов к вылету?

— Конечно. А куда мы летим?

— Не надо задавать сразу так много вопросов, — сказал Мастер Охоты. — Просто будь все время начеку. Мы можем отправиться в путь в любую секунду. Так как насчет чая?

Глава 31

В пять часов вечера какой-то пьяница или псих умудрился пробраться в раздевалку 512-го отделения связи в Ньюарке. Двум бригадам добровольной пожарной службы Ньюарка пришлось сражаться с огнем, потому что в раздевалке вспыхнул пожар. После того как пожар удалось погасить, обнаружили, что кто-то украл мешок с почтой, пришедшей из северной части Нью-Джерси.

...Бвитинс быстро пропустил мешок с почтой сквозь инфракрасный сканнер. Сортировочная машина надрывно гудела, пропуская письма через кожух сканнера. Когда процесс закончился, Бвитинс выругался. Нужного документа, помеченного невидимым магнитным кодом, в мешке не оказалось. Он снял трубку телефона и позвонил своему агенту в Майами.

Альберт Гирс почти три года работал почтальоном в Южном Майами. Гирсу нравилось разъезжать на голубом джипе с надписью «Почтовая служба США». Каждый день он развозил по адресам почту второго класса и всегда имел при себе баллончик с газом, чтобы отпугивать собак — заклятых врагов каждого почтальона. Ничем особенным он не выделялся. И это придало еще больше таинственности факту его исчезновения в Западном Майами. А вместе с ним пропал и мешок с почтой. Каких только теорий не существовало на этот счет! Но почему-то никто не об-

ратил внимания на самую существенную деталь — Гирс пропал сразу же после того, как доставил почту в резиденцию Гусмана.

А если кто и задумался над таким обстоятельством, то вряд ли смог сделать рациональный вывод, не имея остальных ключей к разгадке таинственного исчезновения Гирса. А именно: кто-то хотел помешать доставке почты в резиденцию Гусмана, но опоздал всего на пять минут.

Глава 32

— Всего хорошего, сэр!

Блэквелл сунул портье чаевые и сел в машину, которую подогнали прямо к подъезду отеля. Руль так накалился от солнца, что к нему невозможно было притронуться, но портье догадался включить кондиционер, и прохладный воздух уже начал циркулировать в салоне. Пристегнувшись ремнем, Блэквелл тронулся с места и выехал на Брикел-авеню. По обе стороны улицы возвышались высокие здания из стекла и алюминия, перемежающиеся с королевскими пальмами. Следуя дорожным указателям, Блэквелл без труда нашел нужный поворот и выехал на 6-е шоссе. Вскоре позади остались Коконат-Гров и Корал Гэйблз. За 72-й улицей начался район Южного Майами. Выехав на 55-ю авеню, Блэквелл свернул на Твин-Лейкс-драйв. В конце тупиковой улицы за высоким забором из металлической сетки виднелось огромное приземистое здание.

Блэквелл подъехал к воротам, назвал охраннику свое имя и сказал, что у него имеется приглашение. Охранник куда-то позвонил, получил разрешение и открыл тяжелые ворота из кованого чугуна. К главному зданию вела длинная подъездная аллея, по обе стороны которой росли высокие пальмы. Здоровяк с непроницаемым лицом молча кивнул Блэквеллу и жестом указал, где припарковать машину.

Дом Гусмана, уродливое сооружение кораллово-розового цвета, стоял на пятиакровом участке, обнесенном высоким забором с самыми современными датчиками охраны. Вдоль забора бегали черные доберманы. В испаноговорящей общине этот дом называли Розовым дворцом дона Альфонсо. В нем сочетались черты архитектур всех времен и народов, начиная от древнегреческой и кончая современным европейским стилем. С разных сторон Розовый дворец напоминал французское шато, английскую усадьбу, испанский колониальный особняк и итальянский средневековый замок. Без преувеличения его можно было назвать музеем исторической архитектуры.

Тито открыл входную дверь, быстро обыскал Блэквелла и

пропустил в дом. В просторном холле уже ждала одетая в черно-белую форму горничная, которая повела Блэквелла дальше. Он пошел за ней по длинному сводчатому коридору, явно позаимствованному у Борджиа, и оказался возле огромного плавательного бассейна.

В цветастом шезлонге полулежал мужчина. Его смуглая кожа блестела от лосьона и пота. Узкое прямоугольное лицо наполовину закрывали зеркальные очки в дорогой оправе «Гуччи». Издали он напоминал фигурку индейца, вырезанную из железного дерева.

Альфонсо Гусман был невысоким, мускулистым мужчиной с широкой грудью, заросшей седыми волосами. На темно-коричневой коже блестели капельки пота. Рядом с ним сидели трое мужчин. Один, высокий и стройный, в легких белых брюках и расстегнутой до пояса белой рубашке. Другой, средних лет толстяк с усталым морщинистым лицом с черными бандитскими усами, был одет в шелковый халат с вышитыми на спине драконами. Третий, юноша с курчавой головой, неуверенно улыбался. И, конечно же, здесь была Мерседес, невообразимо красивая в своем бледно-желтом купальном костюме.

— Рад вас видеть, мистер Блэквелл. Это мои друзья — Диего Гарсия и Чако. А это Мерседес Банниган, друг семьи.

Мерседес мило улыбнулась.

— Хотите чего-нибудь выпить? — спросил Гусман.

— Минеральной воды и побольше льда, — ответил Блэквелл.

Гусман шелкнул пальцами.

— Хуанито, сбегай.

Юноша вскочил, кивнул Блэквеллу и направился к бару под тентом.

— Пойдемте, я покажу вам свои владения, — пригласил Гусман.

Дон Гусман обожал свой дом, потому что ему нравилась экстравагантность. К тому же ему льстило, когда гости восхищались его поместьем. Он всегда начинал экскурсию с гостиной, где показывал друзьям обширную коллекцию стрелкового оружия. Рядом с гостиной располагался тир, где Гусман мог продемонстрировать свои незаурядные способности в стрельбе из любого вида оружия. Но больше всего он любил свой плавательный бассейн с удобными шезлонгами, где он мог отдохнуть с друзьями, попивая прохладные коктейли, курия кубинские сигары («Табак вне политики», — часто говаривал Гусман) и вспоминая о старых добрых временах.

Когда они вернулись к бассейну, Гусман сказал:

— Обед подадут через пару минут. Может, хотите чего-нибудь нюхнуть? Эй, Хуанито, живо принеси сюда перуанского кокаина

«Император Инка» и заверенный чек на миллион долларов, из которого мы сделаем трубочку. Видите, амиго, у нас тут все на высшем уровне.

— Я пас, — сказал Блэквелл. — Никогда не употребляю наркотики перед обедом.

— Мы пообедаем внутри, — сказал Гусман, — в так называемом ланас (ланай — крытая гавайская веранда). Мне хочется узнать ваше мнение о моем шеф-поваре. А вот и моя жена. Сейчас я вас познакомлю.

Катерина Гусман была высокой стройной женщиной с бледным неулыбчивым лицом, одетой в длинное серое платье. На груди у нее висело распятие из слоновой кости. Ее матовая кожа свидетельствовала о том, что она, мягко говоря, недолюбливала яркое солнце и компанию тех, кто любил позагорать. Ее строгая осанка резко контрастировала с вальяжными позами собравшихся здесь любителей вина, табака и острой латиноамериканской пищи и словно напоминала о грядущем дне Страшного суда. Она на мгновение коснулась руки Блэквелла холодными пальцами, взглянула в его глаза фанатичным взглядом, прошептала: «*Timor mortis conturbat me*»¹ — и, развернувшись, пошла прочь.

— Она очень набожна, — пояснил Гусман. — Ну ладно, пойдемте есть.

— А разве сеньора к нам не присоединится? — спросил Блэквелл.

Гусман отрицательно покачал головой:

— У нее свои дела.

Гусман повел всех в ланай. Своей походкой он напоминал Блэквеллу игуану. Гусман был похож на карикатурного генерала из какой-нибудь центральноамериканской страны, но Блэквелл внезапно вспомнил, что этот кофейного цвета коротышка со смешными усами и тщательно зачесанными волнистыми волосами когда-то командовал бригадой 432, которую после бойни у Тунбунку называли Бригадой негодяев. Потом Гусман возглавил «Грингитос де Соледадес», отряд смерти в Тегусигальпе, а затем три года был начальником образцово-показательной тюрьмы в Манагуа, о которой ходили такие страшные слухи, что даже Комиссия ООН по правам человека не верила в их правдоподобность.

Хоть Гусман казался со стороны забавным, следовало помнить, что ему не раз приходилось смотреть смерти в глаза, и справиться с ним будет не так-то и просто. Блэквелл потрогал свернутую дорожную карту, лежащую во внутреннем кармане пиджака.

Ланай оказался просторной комнатой с затененными жалюзи

¹ Страх смерти тревожит меня (лат.).

окнами и бамбуковой занавеской у входа. Гусман уселся в кресло, стоявшее во главе стола, посадив Блэквелла по правую руку. Мерседес села слева. Потом расселись Эмилио, Хуанито и остальные гости: профессор экономики из Парагвая — невысокий бородастый мужчина в очках, — и его жена, шуплая смуглая женщина с растрепанными волосами. Диего Гарсия и Чако уселись на противоположном конце стола.

Сначала подали салат из крабов с майонезом и зеленью, потом раков по-креольски с чесноком, красным перцем, соусом пирипири и ломтиками манго. Затем настала очередь джамбалайи с пюре из новоорлеанского картофеля и миниатюрными початками отваренной кукурузы. После принесли салат из креветок с горчичным соусом. Лимонный пирог оказался таким вкусным, что Блэквелл не удержался и положил себе второй кусок. Затем, как обычно, последовали кофе, бренди и сигары.

После кофе парагвайский профессор с женой отправились отдохнуть, сразу же после них поднялись из-за стола Эмилио и Хуанито, а через пару минут их примеру последовали Гарсия и Чако. За столом остались только Блэквелл, Гусман и Мерседес. Хотя Блэквелл чувствовал тяжесть в желудке, он знал, что это не помешает ему совершить убийство. Разумеется, после того, как он получит чек.

Поднявшись, Гусман обратился к Блэквеллу:

— Может, прогуляемся немного по саду? Ты уж извини нас, дорогая.

...Блэквелл и Гусман шли по тропинке ухоженного сада. Белое солнце висело на джинсово-голубом небе. Они подошли к искусственному пруду, постояли немного на мостике, выполненном в японском стиле, и полюбовались плавающими внизу золотыми рыбками.

— Теперь можно и поговорить, — сказал Гусман. — Когда я получу оружие?

— Завтра вечером, — ответил Блэквелл.

— Где?

— Надеюсь, у вас есть грузовое судно?

— Да, «Эспириту де Гуанохуато» в порту Эверглейдс.

— Завтра вечером на него погрузят оружие.

— Откуда оно?

— Это уже мое дело, мистер Гусман.

— Но мы раньше не имели общих дел, мистер Блэквелл, — заметил Гусман. — Хочу вам напомнить, что этот груз имеет для меня особую ценность. О цене мы договорились. Я хочу получить хороший товар.

— Само собой разумеется.

— Не совсем. В этом городе полным-полно нечестных людей. Они могут пообещать вам что угодно. Но смогут ли они прожить достаточно долго, чтобы потратить полученные деньги, — в этом я глубоко сомневаюсь.

— Это угроза, мистер Гусман?

— Ни в коем случае. Я просто хочу предупредить, что на вашем пути могут встретиться нечестные люди. А теперь, я полагаю, вы хотели бы получить деньги?

— Мистер Фрамиджян сказал, что это обычная процедура.

Гусман сунул руку в карман и достал конверт. Открыв его, он вытащил чек. Блэквелл заметил, что чек на сумму девять миллионов долларов был выписан на получателя.

— Я полагал, что речь шла о двадцати миллионах, — сказал он.

— Здесь только половина. Остальное вы получите завтра.

— Но девять миллионов — это не половина от двадцати, — заметил Блэквелл.

— Я ведь должен получить свои комиссионные, — ответил Гусман. — Разве я этого не заслуживаю?

Блэквелл ничего не знал о комиссионных и о том, что ему выплатят лишь половину суммы. Когда же ему убивать Гусмана — сейчас или потом? Наверное, сейчас. Пора приступать к трюку с картой. Сложив чек, он засунул его во внутренний карман пиджака.

— Что ж, мне пора идти, — сказал Блэквелл. — Извините, что так быстро, но у меня куча дел.

— Конечно. Я прекрасно вас понимаю. Приходите завтра вечером. Я устраиваю большую вечеринку. Будет полно еды, выпивки, женщин, наркотиков, музыки и веселья. Тогда и получите вторую часть суммы.

— Идет, — ответил Блэквелл. — Может, вы покажете мне дорогу? — Он вытащил из кармана отравленную карту.

— Разумеется. Куда вы собираетесь поехать? — спросил Гусман, протягивая руку к карте.

— К Морскому аквариуму, — ответил Блэквелл. — Я слышал, там потрясающие дельфины. Я от них просто балдею.

Прежде чем Гусман успел дотронуться до карты, другая рука взяла ее у Блэквелла. Рука в длинной белой перчатке. Рука Мерседес.

— Морской аквариум? Вы должны были проезжать мимо, когда направлялись сюда из Майами. Это вот здесь. Вы действительно интересуетесь рыбами, мистер Блэквелл?

— О да, — поспешно ответил Блэквелл. — Но больше всего мне нравятся дельфины.

— Я как раз туда еду, — сообщила Мерседес. — Можете следовать за моей машиной.

— Прекрасно, — сказал Блэквелл.

И с облегчением вздохнул при мысли, что ему не придется убивать Гусмана прямо сейчас. Вдруг действительно завтра надо будет забрать оставшиеся девять миллионов.

Блэквелл осторожно взял карту из рук Мерседес. И они вместе направились к машинам.

Глава 33

Служанка убрала со стола остатки обеда. Проследив за этой процедурой, Эмилио пошел за почтой. Она всегда лежала на изящном небольшом столике из красного дерева в центральном холле возле полой слоновьей ноги, в которой стояли зонтики. Эмилио бегло просмотрел конверты. Как всегда, пачка счетов. Это для Хуанито. Предвыборные листовки от различных политических кандидатов и проспекты новых ресторанов. В мусор. На столике лежало еще одно письмо в твердом ворсистом конверте кремового цвета. Оно выглядело официальным и каким-то европейским. Без обратного адреса.

Эмилио, служивший адъютантом Гусмана в карательном отряде смерти в старые добрые времена, а теперь исполняющий обязанности телохранителя, взял письмо мозолистыми пальцами. Должно быть, каким-то шестым чувством старый ветеран учуял опасность, потому что встряхнулся, как мокрый пес, прикусил нижнюю губу и только после этого понес письмо хозяину.

Дон Альфонсо сидел в старинном деревянном кресле в своей любимой оружейной комнате с тяжелой от похмелья головой и распухшим от постоянного нюхания кокаина носом. Он взял кремового цвета конверт и нахмурился. Затем при помощи штык-ножа вскрыл конверт и достал сложенный листок бумаги. Письмо оказалось коротким:

«Сим официально извещается о присвоении вам статуса Жертвы в Охоте № 23441А.

*Желаем удачи.
Охотничий комитет».*

— Эмилио! — заорал Гусман.

Эмилио прибежал из соседней комнаты, где терпеливо ждал, когда Гусман позовет его.

— Прочитай, — сказал Гусман, — и скажи, что все это значит?

Глава 34

Сидевший в машине Альварес поднял телефонную трубку.

— Откуда вы мне звоните?

— Из Морского аквариума, — ответила Мерседес. — До этого у меня не было никакой возможности добраться до телефона. Что там происходит?

— Пока все тихо. Фрамиджян в доме. Я видел его пару раз и уверен, что там есть кто-то еще. Только я пока не знаю, кто именно. Манитас сидит на телеграфном столбе и пытается рассмотреть, что делается внутри. Мы лазим туда по очереди. Слушайте, я без сигарет, а тут поблизости нет ни одного киоска. Долго нам еще тут торчать?

— Пока не узнаете, что происходит в доме.

— У меня вечером свидание. Я могу на него опоздать!

— Забудь о свидании. Багамская корпорация платит тебе достаточно за то мизерное время, в течение которого мы тебя используем. Будете наблюдать за домом до тех пор, пока не выясните, что там происходит.

Альварес повесил трубку и медленно выругался. И как это он забыл бросить в бардачок пару пачек сигарет? А как быть с Лолой Мартинес, которой он сегодня назначил свидание?

Вдруг краем глаза он заметил какое-то движение. Повернувшись, Альварес увидел женщину, направляющуюся в сторону дома Фрамиджяна. Альварес был уверен, что она пройдет мимо, но женщина подошла к двери.

«Кто она такая и что тут забыла?» — подумал Альварес.

Глава 35

— Бью восьмеркой, — сказал Фрамиджян.

Он со звоном положил карты на стол. Это звенела цепь, которая была пропущена через наручники и крепилась к ножке стола.

— Сукин сын! — воскликнул Поляк. — Как тебе удастся все время меня обыгрывать?

— Я, приятель, родом из Майами, — сказал Фрамиджян. — А у нас в Майами самые лучшие игроки в джин-рамми. Но у вас тоже неплохо получается.

— Спасибо большое, — ответил Поляк. — Итак, я тебе уже должен четыре сотни.

— Шесть сотен, — уточнил Фрамиджян. — В последней сдаче мы удвоили ставки.

— Просто я засыпаю, — сказал Поляк. — Сколько я уже не сплю? Двадцать часов.

— А ваш молодой напарник надежный парень?

— Конечно. Просто он новичок. Не такой крутой профессионал, как я.

— Что ж, надеюсь, так оно и есть на самом деле. Только почему он не звонит? В этой игре, как я понимаю, наши интересы совпадают. Неужели вы думаете, что я целую вечность смогу водить за нос своих друзей, рассказывая неправдоподобную историю о мнимой болезни, которая приковала меня к постели?

— Именно таким неправдоподобным историям люди верят чаще всего. Поверь моему опыту, мне не раз приходилось брать заложников.

— Ну если вы так в этом уверены. — Фрамиджян пожал плечами. — Слушайте, а может, я дам вам взятку, и мы прекратим весь этот балаган? Миллион и сто тысяч. И вечная дружба Ицхака Фрамиджяна. Ну как?

— Заманчивое предложение, — ответил Поляк, — и я бы принял его с благодарностью. Но, увы, не могу.

— Почему?

— Потому что я никогда не изменяю своим принципам, — с гордостью заявил Поляк.

— Ну почему же мне всегда так не везет, — вздохнул Фрамиджян. — Еще партию сыграем?

— Конечно. Сдавай.

— Мне трудно сдавать в наручниках.

— Ничего, у тебя неплохо получается, — ответил Поляк.

Фрамиджян потянулся за картами и вдруг замер. Поляк тоже весь напрягся. Они услышали, как в замке поворачивается ключ.

— У кого есть ключи от твоего дома? — требовательно спросил Поляк.

— Ни у кого. Разве что...

Дверь распахнулась. В комнату вошла невысокая грудастая женщина в ярко-зеленом костюме и с рыжими волосами.

— Розалия! — воскликнул Фрамиджян.

— Я не могла больше выносить одиночества, — сказала Розалия. — Ты ведь знаешь, я до сих пор люблю тебя. Что это за тип?

— Так, приятель, — ответил Фрамиджян.

— Если это твой приятель, то почему ты сидишь в наручниках?

— Это у нас такая игра.

— Понятно, — ответила Розалия. — Ты что, не рад меня видеть?

— Розалия, крошка, я вне себя от радости. Ты ведь знаешь, что я все время просил тебя вернуться. Но, видишь ли, сейчас не очень подходящий момент. Тебе бы следовало сначала позвонить. Я тут — как бы тебе объяснить? — улаживаю одно дельце.

— В наручниках?

— Забудь ты про эти наручники. Мы просто играем в такую игру. А где Ханна?

— С моими родителями.

— Передай ей, что я ее очень люблю. Я закончу с этим делом, и тогда мы снова соберемся все вместе.

— Ты сказал, что, если я вернусь, мы начнем новую жизнь!

— Так оно и будет. Дай мне только закончить с этим делом.

— Но именно так все и было в прежней жизни!

— Розалия, почему бы тебе не прийти ко мне как-нибудь в другой раз?

Розалия не могла понять, что происходит с Фрамиджяном. Он вел себя как-то странно. Раньше он всегда говорил при ней о всех своих делах. Она посмотрела на сидящего напротив Фрамиджяна мужчину. Высокий, широкоплечий, с неприветливым лицом. Что-то в нем было необычное. Да, он выглядел слишком угрожающе. Потом перевела свой взгляд на наручники. Что это за игра у них такая?

Что-то здесь не так, решила Розалия и внезапно поняла, что эта мысль должна была прийти ей в голову еще пять минут назад.

Но лучше поздно, чем никогда.

— Ну ладно, было очень приятно познакомиться, мистер как-вас-там, — сказала Розалия. — Простите, что пришла так некстати. Вернусь попозже.

— Нет, вы никуда не пойдете, Розалия, — наконец принял решение Поляк. — Присоединяйтесь к нашей компании. В карты сыграем. Как насчет подкидного? Мы можем играть втроем.

— О чем это вы? — удивилась Розалия.

И тут она увидела в его руке пистолет.

С минуту все помолчали, выражая свое уважение оружию.

— Давайте сделаем так, — сказала наконец Розалия. — Я забуду обо всем, что тут видела. Я не сделаю ничего такого, что могло бы принести вред Фрамиджяну.

— Садись, Розалия, — приказал Поляк.

Розалия посмотрела на Фрамиджяна. Тот пожал плечами и слабо улыбнулся. Она перевела взгляд на Поляка. Он был похож

на одного из тех негодяев, которые запросто могут пристрелить даже ребенка. Розалия подошла к креслу и села.

— Зря я не послушала свою мамочку, — пожаловалась она Поляку. — Она всегда советовала мне держаться подальше от Фрамиджяна. Говорила, что он умрет рано и не своей смертью. А я, такая дура, не послушала ее.

— Розалия, все будет хорошо, — сказал Фрамиджян.

— Ты играешь в подкидного? — спросил у нее Поляк.

— Нет, — ответила она. И вздохнула. А затем улыбнулась вымученной улыбкой. — Но я могу научиться.

Розалия была нервной женщиной, но отходчивой.

Глава 36

Зазвонил телефон. Фрамиджян снял трубку.

— Фрамиджян слушает, — произнес он согласно полученным инструкциям.

— Я хочу поговорить с другим парнем, — сказал Блэквелл.

— С каким еще другим парнем?

— С тем, который рядом с тобой.

— А кто вы?

— Я был с ним вчера вечером.

— Ах, с тем парнем! Видите ли, ваш друг ушел за пищей, но сказал, что скоро вернется.

Блэквелл удивился. Неужели Поляк сошел с ума? Но тут он услышал глухой звук, как будто кого-то стукнули по голове, и тут же раздался голос Поляка:

— Как дела, малыш? Не пришил его?

— Не смог. Но завтра мне представится такая возможность на вечеринке, которую устраивает Гусман.

— Где ты сейчас?

— В Коконат-Гров с одной дамочкой по имени Мерседес. Думаю, она тоже в этом деле замешана, так что мне надо ее проверить.

— Давай, — сказал Поляк. — Тебе все равно нечего делать до завтрашнего вечера. А я буду играть в подкидного с Фрамиджяном и Розалией.

— Кто такая Розалия?

— Жена Фрамиджяна. Нашла время мириться.

— Какой у нас план?

— Встречаемся в восемь у меня в «Немо». Там и обговорим все детали.

Глава 37

Блэйк и Коэлли подъехали к федеральному зданию пятого округа, расположенному на Флэгер-стрит, 346.

Сидевшая за секретарским столом мисс Эусташио нажала кнопку интеркома.

— Они здесь, сэр.

— Пускай зайдут, — приказал Дикерсон, пытаясь скрыть нетерпение.

Он положил свежий номер журнала «Коллекционер-антиквар» в ящик стола из железного дерева.

Предстояло серьезное дело.

Дикерсон был новым окружным директором оперативного отдела ЦРУ в Южной Флориде, и его владения простирались от Форта Лорендаль до Ки-Вест. Плотно сложенный, он всегда носил белые костюмы и панаму с загнутыми полями. Его агенты постоянно бились об заклад, роль какого героя пытается играть их шеф. Блэйк полагал, что он старается изобразить Уолтера Хьюстона из фильма «Сокровища Сьерра-Мадре», где Хэмфри Богарт чистит туфли Хьюстону и выпрашивает у того мелочь, а Хьюстон кидает ему серебряный доллар и велит больше никогда у него ничего не кланчить. А потом Богарт на этот доллар покупает лотерейный билет и на следующий день выигрывает деньги, которых хватает, чтобы отправиться в горы на поиски золота вместе с Тимом Холтом и Уолтером Хьюстоном, где его в конце фильма убивают индейцы, когда богатство было уже почти рядом.

Дикерсон действительно носил с собой серебряный доллар и иногда глубокомысленно подкидывал его на ладони, когда надо было принять важное решение, например, куда отправиться ужинать.

Никто не знал, пытается он подражать Уолтеру Хьюстону или нет, потому что никто не состоял с директором в достаточно дружественных отношениях, чтобы спрашивать его об этом.

Дикерсон не относился к тем людям, которые поощряют фамильярность.

— Что вам известно об Альфонсо Гусмане? — спросил он.

Дикерсон был новичком в этом оперативном районе. Его недавно перевели из Феникса, где он долго мучился, прежде чем запомнил длинный список испанских имен. А теперь здесь, в Майами, ему опять надо зубрить новые испанские имена, не говоря уже о гаитянских.

— Гусман — один из наших людей. Он служил в Национальной гвардии при Сомосе. У него до сих пор хорошие контакты с

антисандинистскими отрядами в Центральной Америке. Он покупает для них оружие.

— С нашей помощью?

— Разумеется, сэр. Такова была политика вашего предшественника, сэр, мистера Брайфорта, а он получал приказы от кого-то из Белого дома. А что, сэр, у Гусмана какие-то неприятности?

— Это я как раз и пытаюсь выяснить, — сказал Дикерсон. — Только что мне позвонили из дома Гусмана.

— Сам Гусман, сэр?

— Нет, один парнишка. Он сказал, что звонил из телефонной будки. Разумеется, мы прослушиваем тот телефон. По крайней мере, мой предшественник установил там подслушивающее устройство, а у меня все никак руки не доходят, чтобы убрать его от туда.

— И что сказал этот парнишка? — спросил Блэйк.

— Он хотел поговорить с тобой. Очевидно, один из твоих информаторов. Я сказал, что тебя нет на месте и что он может оставить свое сообщение мне.

— Мне не хотелось бы выглядеть невежливым, сэр, но никому не разрешается разговаривать с информаторами, кроме самих агентов.

— Если этот агент находится на месте. Почему ты не носишь с собой бипер?

— Я ношу, сэр, — сказал Блэйк. — Но я как раз покупал себе новый бипер. Дело в том, что «Фонсвифт» не записывал оставленные мне сообщения, и я решил перейти на «Фонотел». Наверно, Хуанито как раз и позвонил в тот момент, когда я на короткое время остался без бипера.

— Он не назвал своего имени, — сказал Блэйк.

— Наверняка это Хуанито, племянник Гусмана. Это мой единственный источник в доме. Не могли бы вы сказать, сэр, что он вам сообщил?

— Он сказал, что его дядя только что получил очень странное письмо. От какой-то группы, которая называет себя Охотничьим комитетом. Они сообщили Гусману, что тот избран Жертвой в какой-то там Охоте. Блэйк, ты что-нибудь об этом знаешь?

— Я слышал про Охотничью корпорацию, сэр.

— Какая-то воинствующая организация?

— Не совсем так, сэр. Они считают себя либералами, выступающими за легализацию убийства. Представители так называемого крайне левого анархистско-либерального движения в поддержку законного убийства. По крайней мере, у меня такие сведения. Если они, конечно, вообще существуют.

— Так существуют они или нет?

— Может быть, и нет. Сама мысль, что существуют какие-то Охотники, многим кажется просто бредовой. Но когда-то и существование мафии тоже ставили под сомнение. Кто мог представить себе кучку каких-то сицилийцев-деревенщин, контролирующих все крупнейшие профсоюзы в Соединенных Штатах, порты, грузовые перевозки, не говоря уже об игорном бизнесе и проституции? Кто мог поверить, что они заключали сделки с правительством США во время высадки союзников в Сицилии во время Второй мировой войны?

— Значит, ты думаешь, к Охотникам стоит относиться серьезно?

— Я уверен в этом, сэр. Те представители правоохранительных органов, которые утверждали, что мафии не существует, давно уже уволены на пенсию. Они показали себя неспособными к перестройке мышления.

— Как додо, — сказал Коэлли.

— Что? — переспросил Дикерсон.

— Вымершая птица, — смущенно ответил Коэлли, как ученик, которого застали за неподобающим занятием. — Я думаю, тут уместна подобная параллель.

Дикерсон посмотрел на Блэйка — тот пожал плечами.

— Коэлли не силен в аналогии, но он у нас самый лучший оперативник.

— Я в этом ничуть не сомневаюсь, — сказал Дикерсон. — Итак, представим себе, что Охота действительно существует, хотя и нелегально, и что эти Охотники, кем бы они там ни были, действительно послали наемного убийцу, чтобы покончить с Гусманом. Но мы же не хотим, чтобы Гусмана убили, не правда ли, Блэйк?

— Абсолютно правильно, сэр. Нам необходимо продолжать снабжение контрас оружием. Они, конечно, ублюдки, но это наши ублюдки. И лучше всего снабжать их через Гусмана. Таким образом нам не надо создавать собственные группы контакта с партизанами и самим сбрасывать грузы в сельве. Мы покончили с такой практикой после фиаско в 1986 году, если вы помните, сэр.

— Конечно, помню, — ответил Дикерсон. — Я с самого начала был против такой практики.

— Я тоже, сэр, — сказал Блэйк. — Все это произошло из-за ошибок вашего предшественника, который неправильно понял чьи-то указания из Белого дома. Но такого больше не повторится. Самое главное для нас в настоящее время — не упустить Никарагуа и вообще не оступиться в Центральной Америке. Мы бу-

дем выглядеть очень глупо, если в день победы в столице Никарагуа окажется не наш кандидат.

— Мне об этом никто не говорил, — сказал Дикерсон. — Почему мне никто не прояснил обстановку заранее?

— Не было необходимости прояснять вам обстановку заранее, — сказал Блэйк.

— Но ведь я окружной директор!

— А вы знаете, сколько окружных директоров за последние десять лет оказались двойными агентами?

— Блэйк, если ты хочешь сказать...

— Ни в коем случае, сэр! Я просто хотел указать на то, что в последнее время отмечены случаи утечки важной информации, и теперь все данные сообщаются только тем, кому об этом полагается знать.

— Ладно. Ситуация постепенно проясняется. Наше оружие уходит партизанам через Гусмана.

Блэйк сделал движение головой, которое можно было принять за кивок.

— И в этот раз ожидается отправка довольно большой партии.

Теперь Блэйк два раза моргнул, что можно было посчитать за знак согласия.

— Но теперь в деле оказался замешан какой-то Охотник, — заметил Блэйк.

— Все указывает именно на это, — согласился Дикерсон.

— Раз вы прибыли сюда из Вашингтона, — сказал Блэйк, — то, может быть, в курсе нашей новой политики по отношению к Охоте?

— Может быть, — сказал Дикерсон.

Ему не хотелось признаваться, что он ни разу не видел своего нового шефа и даже не знал, как того зовут. Он лишь несколько раз получал от него инструкции по телефону, и то лишь после обмена сложными кодами, меняющимися каждый день. Дикерсон несколько секунд не мигая смотрел на Блэйка, и агенту стало не по себе. Наконец он сказал:

— Блэйк, ты ведь причисляешь себя к старой гвардии, воспитанной на идеологии, правда?

— Думаю, вы можете считать меня идеологическим агентом, — ответил Блэйк. — Да, у меня есть свои принципы, но я действую очень гибко. Действовать согласно обстановке — вот мой девиз!

— Очень хорошо. Именно поэтому ты до сих пор на службе. Все вокруг постоянно меняется.

- Да, сэр.
- Меня сюда направили из Вашингтона. Я могу кого угодно набирать в свой отдел и могу кого угодно уволить.
- Да, сэр.
- Запомни, Блэйк, никакая идеология нам тут не нужна. По крайней мере при этой администрации. Думаю, что раньше ты хорошо работал, хотя меня это абсолютно не интересует. Все было связано с идеологией, в которой мы больше абсолютно не заинтересованы. Так что больше никакой идеологии, понятно? У нас теперь другие принципы.
- Да, сэр. А какие это другие принципы?
- Новая администрация заинтересована в прагматизме и финансовой самоокупаемости.
- Простите, сэр?
- Чем бы мы ни занимались — я имею в виду все федеральные учреждения, — нужно приносить прибыль.
- Это понятно.
- И чем больше мы будем стараться, тем больше у нас будет прибыли.
- Конечно, сэр. Я полностью согласен с нашими новыми принципами. Я всегда верил в то, что финансовая ответственность — единственная дорога к счастью.
- Наше агентство тоже должно приносить прибыль.
- Разумеется. Это секретная директива, не так ли? Я просто хочу быть уверен, что понял вас абсолютно правильно. Я вполне готов работать в таких условиях. К тому же, честно говоря, у нас уже случались подобные прецеденты. Я работал на прибыль и при старой администрации, по крайней мере некоторое время.
- Может, ты и работал, — заметил Дикерсон, — но не в таком масштабе, в каком мы собираемся работать теперь. Теперь целесообразность любой операции будет определяться лишь объемом вероятного дохода.
- Что вы хотите, чтобы я сделал с Охотником?
- Узнай, кто он такой, держи его под наблюдением, но не трогай. По крайней мере до тех пор, пока не получишь инструкции на этот счет.

Глава 38

Мерседес поселилась в маленьком домике, принадлежавшем Багамской корпорации, посреди миниатюрных джунглей. Вокруг росли банановые пальмы, эвкалипты и другие экзотические деревья. На веранде стояли кресла-качалки. Защищенный от шума

тропической растительностью, домик утопал в тиши, которую лишь изредка нарушало жужжание огромных насекомых.

— Присаживайся в кресло-качалку, — сказала Мерседес. — Я приготовлю что-нибудь выпить. Как насчет легкого коктейля из рома?

Блэквелл уселся в кресло, и оно приятно затрещало. Он забросил ноги на перила — судя по истертой поверхности, ему не первому пришла в голову подобная идея. Сложив руки за головой, он вздохнул. Стояла невыносимая жара, и он чувствовал себя усталым. Однако он с удивлением обнаружил, что это была приятная усталость. В воздухе пахло влажными гниющими листьями. Казалось, Флорида принадлежала к другой эпохе и вот-вот могла вернуться обратно в палеозойскую эру. Золотистые лучи солнца пробивались через сплетения ветвей и лиан. Мерседес вернулась через пару минут, держа в руках два запотевших бокала с янтарной жидкостью. Блэквелл отпил из бокала и почувствовал, как на него снизошла благодать. Золотистый день постепенно уступал место бархатному вечеру.

Через несколько часов Мерседес спросила у Блэквелла:

— А чем ты занимаешься, кроме продажи оружия?

Блэквелл погладил Мерседес по голове, покоившейся на его плече. Они лежали в огромной двуспальной постели Мерседес. В спальне было темно, и лишь в гостиной горела неяркая настольная лампа. Часы показывали половину первого ночи. В окне темнели силуэты пальм.

— А ты умеешь хранить секреты?

— Конечно.

— У меня в Нью-Йорке школа карате.

Глава 39

— Еще раз рыпнешься, и я тебя урою, — сказал с телеэкрана Клинт Иствуд¹.

— Классная фраза, — сказал Фрамиджян. — Она мне всегда нравилась. «Я тебя урою». Круто сказано. Правда, крошка?

Сидевшая в кресле Розалия устало приоткрыла глаза.

— Отличная фраза, дорогой, но ты уже третий раз мне об этом говоришь.

¹ Популярный американский киноактер, исполняющий роли «крутых» полицейских.

— Ну и что? — удивился Фрамиджян. — А тебе, парень, нравится эта фраза?

Поляк сидел в кресле напротив, уронив голову на грудь. Стрелки часов показывали половину четвертого утра, и он уже забыл, когда спал в последний раз. Он медленно поднялся, зевнул и с хрустом потянулся.

— Да, неплохо сказано. Но с меня хватит фильмов.

— Может, поиграем еще в джин-рамми?

Поляк отрицательно покачал головой:

— Я думаю, пора наконец поспать.

— Вот это замечательная мысль, — воскликнул Фрамиджян. — Если хочешь, можешь занять комнату для гостей. Там стоит кровать с японским водяным матрацем. Будешь спать как младенец. А мы с Розалией ляжем в своей спальне. Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что ты считаешь меня круглым идиотом, — ответил Поляк.

Фрамиджян протестующе поднял руки, насколько позволяла цепь.

— Эй, ты совсем не так меня понял. Я никогда не считаю идиотом человека, у которого в руках пистолет. Я отношусь к орудию с уважением. Я сам занимаюсь этим бизнесом.

— Он не хотел сказать ничего плохого, — добавила Розалия.

Ей ужасно хотелось спать, и она надеялась, что Фрамиджян не собирается сделать какую-нибудь глупость. Этот здоровяк, похоже, продумывал все на несколько ходов вперед. Розалии казалось, что он не станет их убивать, если они будут выполнять все, что он им прикажет. Хотя особой уверенности у нее на этот счет не было. Но все же это лучше, чем пытаться его обмануть. Интересно, что на уме у Фрамиджяна?

— Так что ты предлагаешь? — спросил Фрамиджян и зевнул во весь рот. Денек выдался довольно трудный.

— Вы будете спать здесь, на диване, чтобы я все время мог вас видеть, — сказал Поляк. Он вытащил из кармана ключ от наручников. — А теперь замри. Мне придется сделать это одной рукой, потому что в другой у меня пистолет. Не дай бог, мне покажется, что ты захочешь забрать его у меня.

Орудя левой рукой, он открыл замок на наручниках. В правой руке он держал свой «MAG-50». Указательный палец все время лежал на спусковом крючке. Фрамиджян сидел абсолютно неподвижно, пока Поляк приковывал его к Розалии.

— Удобно? — спросил он.

— Довольно уютно, — ответил Фрамиджян. — Правда, крошка?

— Мне бы хотелось поскорее лечь, — сказала Розалия.

— Прошу прощения, — сказал Поляк. — Это вряд ли получится. Осталась последняя деталь.

Он порылся в своей сумке и вытащил какое-то устройство, напоминающее будильник. Нажав несколько кнопок, он установил стрелки и положил устройство на диван рядом с Фрамиджаном.

— Что это? — поинтересовался тот.

— Небольшая противопехотная мина. Карманная модель. Отключается автоматически через двенадцать часов.

— А зачем она нужна тут, на диване?

— Внутри у нее находится балансируемый механизм, — объяснил Поляк. — Поэтому, если ее задеть, она тут же взорвется. Это на тот случай, если ты решишь встать с дивана и пойти за пистолетом, который у тебя спрятан где-то в комнате.

— Нет у меня никакого пистолета! — возмутился Фрамиджан.

— Может, нет, а может, и есть. У меня нет времени проводить тут обыск. А эта штука заставит тебя сидеть спокойно.

Фрамиджан пытался протестовать, но Поляк уже принял решение и молча ушел в другой конец комнаты, где улегся на ковер. Заведя будильник на наручных часах, он положил пистолет под голову, закрыл глаза и мгновенно уснул.

— Ты думаешь, он блефует? — через некоторое время спросил Фрамиджан.

— Ты о чем?

— Ну о том, что это мина. Я никогда не видел мин такой странной формы. А уж я-то знаю в них толк.

— Ты думаешь, стоит рисковать жизнью, чтобы узнать, настоящая мина или нет?

— Я почти в этом уверен. Много бы я отдал за возможность опрокинуть на этого ублюдка пару столов.

— Не забывай, что я сижу рядом с тобой, — испуганно произнесла Розалия.

— Не беспокойся, я не стану подвергать тебя опасности.

Из противоположного угла донесся мерный храп Поляка.

— Этот сукин сын еще и храпит! — возмущенно сказал Фрамиджан. — В таких условиях мне ни за что не удастся заснуть. Ты слышишь меня, Розалия?

Но в ответ он услышал лишь мерное посапывание. Розалия заснула.

— Черт! — в сердцах выругался Фрамиджан и осторожно переменял позу.

Он все еще продолжал думать о том, что никогда не заснет, когда его глаза закрылись, и он крепко заснул.

Часть V

ВОЛЬШАЯ ОХОТА

Глава 40

Эмилио не знал, что думать об этом письме от представитель «Охоты», но он знал, что нужно делать. Он позвонил в юридическую фирму «Барнз Ассошиэйтс», которая располагалась в федеральном здании на аллее Линкольна в Майами-Бич. Эта контора оказывала юридические услуги Гусману. Для них он был весьма ценным клиентом. На этот раз ему ответили, что они такими делами обычно не занимаются, но посмотрят, что можно сделать, и ответят утром.

Звонок прозвучал ровно в девять. Эмилио поговорил по телефону, после чего прошел к Гусману в кабинет.

— Ну, что ты узнал? — спросил Гусман.

— Юристы говорят, что есть такая игра — «Убийца», в которую играют в студенческих городках. Она описана в рассказе Роберта Шекли «Седьмая Жертва». Есть еще фильм, снятый по мотивам этого рассказа, — называется «Десятая Жертва».

— Я видел этот фильм, — сказал Гусман. — В программе для полуночников. Это идиотская история про то, как одна баба охотится за мужиком в Риме и в конце они влюбляются друг в друга. По-моему, так. Но ведь все это выдумка, Эмилио.

— Нет, — ответил Эмилио. — Это правда. Я имею в виду игру. По всей Америке студенты играют в нее. С водяными пистолетами и мешочками с мукой. Уже двадцать лет играют.

— Ну и что?

— Целое поколение выросло на игре «Убийца». Наверное, кто-то из них решил играть в нее по-настоящему.

— Но ведь это безумие!

— С вашего разрешения, — сказал Эмилио, — я хотел бы отметить, что безумием было то, что мы делали в Энкантадо, не говоря уже о Санта-Инэс и 61-м номере.

— Не надо об этом, — попросил дон Альфонсо. — То были дикие времена.

— А что сейчас? Почти то же самое. Посмотрите, дон Альфонсо, что мы делаем сейчас. Думали ли вы когда-нибудь, что станете заниматься вдали от родины убийствами политических диссидентов?

— Я не выбирал, — ответил Гусман. — Мужчина делает то,

что от него требуют обстоятельства. Всю эту работу я выполнял чисто.

— В бытность свою начальником образцовой тюрьмы вы пытались людей.

— Конечно. Это делает любой начальник тюрьмы в Центральной Америке. И делает чисто, то есть со знанием дела.

— Тем не менее некоторые считают это безумием, — возразил Эмилио.

— Потому что они там никогда не были, — твердо сказал Гусман.

— Дон Альфонсо, я просто хотел сказать, что с точки зрения нашей работы и нашего опыта то, что корпорация «Охота» занимается убийствами, не выглядит странным. То есть многие организации убивают людей по тем или иным причинам — почему же корпорация «Охота» не может иметь достаточных причин, чтобы делать то же самое? Они не безумнее других. Все станет ясно, если учесть интенсивную радикализацию всех слоев населения на планете.

Гусман поднял руки вверх.

— Эмилио, избавь меня от своего умничания. Тебя не зря выгнали из партии за поражение и негативизм.

— Да, это так. Но, ми команданте, пожалуйста, отнеситесь серьезно к этому предупреждению. Даже если эти ребята — психопаты. С момента изобретения пороха психопаты стали весьма опасными.

Гусман и без Эмилио это знал. И это волновало его до вечера, когда позвонил врач Мачадо-Ропас. Гусман совершенно забыл, что пришло время медицинского обследования, которое проводилось каждые полгода.

Мачадо-Ропас, маленький толстячок с козлиной бородкой и в очках с затемненными стеклами, приступил к медицинскому обследованию пациента.

После осмотра Мачадо-Ропас собрал саквояж и обратился к Гусману:

— Что вас беспокоит, дон Альфонсо?

— Ничего не беспокоит, — ответил тот. — Как мои анализы?

— Судя по результатам лабораторных исследований, вы в полном порядке. Вот только давление повышено. Для вас это опасно. Неужели вы мне не скажете, что с вами? Я ваш семейный врач. И хочу помочь.

— Вы ничем не можете помочь. У меня есть проблема. Но на свете нет ничего такого, с чем бы я не справился.

— Происходили ли в вашей жизни какие-нибудь серьезные изменения? Я имею в виду, за последнее время.

— Да нет. Хотя появился тут один...

— Новый человек? Он надежен?

— Не знаю. Проблема в другом.

— И это вас беспокоит?

— Пожалуй, да.

— Тогда, дорогой Альфонсо, убейте его и избавьтесь от головной боли.

— Вы думаете, так просто убить того, кто вам действует на нервы? — спросил Гусман.

— Я не сказал, что легко. Для меня не важно, легко это или тяжело. Как ваш врач я лишь советую вам избавиться от источника расстройства.

— Я думаю, что не моему доктору советовать мне, как избавляться от опасных людей. Это все равно что спрашивать у юриста, как мне подстричься.

— Не вижу связи, — заметил Мачадо-Ропас.

— Вы буквалист, доктор, — сказал Гусман. — Мне это нравится в вас. Для вас мое здоровье должно иметь первостепенное значение, а не быть условием чего-то другого. Простите, старина, если я вас обидел. А о том человечке я позабочусь, когда представится удобный случай.

— То же самое вы постоянно говорите о курении, — возразил врач, снисходительно улыбаясь.

Она знали друг друга с детства. Всех друзей и врагов мы приобретаем в детстве. Пациентов тоже. Альфонсо Гусман долго выбирал в коробке сигару «Монте-Кристо № 1». Затянувшись, он погрузился в размышления.

«Я выбирал то, к чему меня подталкивали обстоятельства. Мне нечего стыдиться. Мой разум протестует, я не верю самому себе. Я знаю, к чему это может привести. Я знаю, что мое сознание переполнено чувством вины. Это появляется в тот момент, когда боль уже невозможно терпеть. Но настоящий мужчина должен смотреть трудностям в лицо, преодолевать их и идти дальше. Так поступают мужчины. Заметь, так поступают настоящие мужчины. Я делал то, что должен был делать. Потом пришло время остановиться. И я мог, как говорится, спрятать пистолет в ящик письменного стола. Но ведь я ничего больше не умел делать. Прекрати я убивать своих врагов и признай то, что мы делали, ошибкой, все друзья отвернулись бы от меня. Тем более я не считаю это ошибкой. Не все так просто. Я не могу это объяснить. Ты рождаешься, и у тебя появляются друзья и враги. Так что ж, признать

себя моральным трупом и сесть под домашний арест где-нибудь на Северном полюсе?»

Гусман объяснил Эмилио ситуацию.

— Хозяин, что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил Эмилио. — Хотите, я найду этого Блэквелла и перекрою ему кислород?

— Не так быстро, — ответил Гусман. — Ты знаешь древнюю китайскую поговорку: «Ловец обезьян крадетса тихо и мягко»?

Эмилио задумался.

— Вы хотите, чтобы я использовал глушитель? — неуверенно спросил он.

— Нет, — ответил Гусман.

— А при чем тут обезьяны? — полюбопытствовал Эмилио.

— Да забудь ты эту старую китайскую поговорку. Будем действовать по плану.

— Хозяин, но ведь этот парень, возможно, планирует ваше убийство! Я не понимаю, зачем вам-то рисковать.

— Я тебе объясню, — ответил Гусман. — Победа Мигелито, успех всего нашего дела и наши барыши от сделки с оружием — вот ради чего я рискую.

— Вы считаете, что он сдержит обещание?

— Конечно.

— Почему вы так думаете?

— Потому что это делает сам Фрамиджян. Фрамиджян всегда идет до конца.

— Может, они уже добрались и до Фрамиджяна.

— Это неважно. Меня это не волнует. Фрамиджяна поддерживает корпорация «Багамы». Их представитель, госпожа Бранниган, работает здесь. Корпорация гарантирует проведение этой операции. Я был бы дураком, если бы сейчас отступил только потому, что какой-то маньяк прислал мне письмо с угрозами. Люди скажут, что Гусман стал похож на старуху, что с ним лучше не иметь никаких дел. Нравится тебе это?

— Нет, — ответил Эмилио, подумав. — Но я не хочу, чтобы нас убили.

— Кто предупрежден — вооружен.

— Еще одна старая китайская поговорка, хозяин?

— Я просто хочу сказать тебе, Эмилио, что мы будем делать все, как запланировали. С небольшим дополнением. Перед тем как Блэквелл сделает свой ход — если, конечно, он его вообще делает, — мы его придавим.

— А, — воскликнул Эмилио, — это я понимаю. Как в старые добрые времена.

Глаза Гусмана заблестели.

— Старые добрые времена в Центральной Америке! Когда

меня называли Белым Кошмаром, а тебя — сержант Мучительная Смерть!

— Да, хозяин, были времена, — согласился Эмилио.

— Такое не повторяется, дружище. Но сегодня вечером у нас есть шанс поразвлечься.

Глава 41

Выйдя из федерального здания округа, Блэйк поспешил к ближайшей телефонной будке и позвонил Джонни Ромеро. Это был его агент, который работал под прикрытием в латиноамериканской общине Майами. Блэйк кратко описал внешность Блэкуелла и приказал Ромеро немедленно выяснить его местонахождение. Он добавил, что ответ должен быть дан из телефонной будки, которая находится возле фирменного магазина «Рексал» на пересечении 8-й и 17-й улиц Юго-Запада.

Джонни Ромеро по «телеграфу» передал приказ в латиноамериканские кварталы, которые разбросаны по всему Большому Майами, как язвы по телу заболевшего «центральноамериканистом», болезнью, при которой креолы превращались в мулатов, коричневый кофе — в черный, картофель уступал место фасоли, а свинина заменяла говядину. Приказ был адресован жителям пестрых местечек и поселков болотистой Южной Флориды. Колумбийцы, завсегдатаи кофейни на 21-й улице Юго-Запада, узнав о приказе, передали его гватемальцам, которые под звуки гитары попивали пультке¹ в игорном клубе на пересечении проспекта Южный Дикси с Берд-авеню. Один из последних имел друга-никарагуанца из местечка Изабелла-ла-Вьеха по имени Данилио Томасильо, ночного сторожа в казино «Ипподром». Они, кстати, состояли в дальнем родстве по линии матери. Данилио, проведя свои поиски, зашел в подпольный притон, замаскированный под бакалейный магазинчик, и позвонил оттуда Джонни Ромеро. Ромеро связался с Блэйком и сообщил, что сейчас подъедет.

— Ты знаешь что-нибудь об этих Охотниках? — спросил Коэлли у Блэйка, когда тот вышел из телефонной будки.

Они стояли на углу 8-й улицы Юго-Запада и 17-й авеню перед «Рексалом», который демонстрировал латиноамериканскую душу, танцующую, гарцующую, жеманную, прихрамывающую в ритме зажигательных мелодий сальсы, усиленных динамиками в отделе радиоаппаратуры. Это напоминало кадры из фильма «Ошеломленный», в котором одна ирреальность отступает на задний план, давая дорогу другой, еще более запутанной ирреаль-

¹ Мексиканский алкогольный напиток из сока агавы.

ности, а может, и реальности. Короче говоря, реальность 8-й улицы вплотную подобралась к той границе, за которой лежала самая настоящая ирреальность.

— Конечно, знаю, — ответил Блэйк. — Я ничего не сказал об этом Дикерсону, хотя в прошлом месяце был в Таллахассе на инструктаже, как раз перед твоим прибытием. — Он замолчал. — У тебя допуск к работе с секретной информацией с грифом АА?

Коэлли кивнул.

— Это положено знать только тем, у кого есть допуск ААА. Если тебе дадут такой допуск, то я смогу информировать тебя в большем объеме.

— Боже мой! — воскликнул Коэлли. — Я ведь твой партнер. Я должен владеть всей информацией, чтобы в случае чего заметить тебя.

— Хорошо, — согласился Блэйк. — Думаю, что мне действительно придется довериться тебе. Заметь, в этом деле не все так просто. «Охота» — это тебе не игрушки. Мы уверены, что будет еще очень много Охот — так они называют политические убийства.

...Коэлли доедал желто-зеленые хрустящие палочки, когда к нему подъехал Джонни Ромеро на желтом «Форде» с красной полосой по бокам.

— Ну, что?

— Вечеринка, — ответил Ромеро. — Сегодня на ней будет Блэквелл.

— Едем туда.

Глава 42

Блэквелл окинул взглядом незнакомую спальню. По полу была раскидана одежда. В основном женская. Он узнал и свою одежду. Выходило, что он лежит голый в чьей-то постели. По длинным теням от окон он понял, что уже часа три пополудни.

Из другой комнаты послышался голос Мерседес:

— О, ты уже проснулся? Хочешь кофе?

— Да, пожалуйста, — ответил Блэквелл.

Мерседес принесла к кровати дымящуюся чашечку. На ней было вязаное трико зеленоватого цвета. Как будто она собралась провести пару недель где-нибудь в пустыне, или высоко в горах, или за штурвалом яхты в бушующем океане.

Пока Блэквелл одевался, Мерседес убирала на кухне. Этой ночью она тщательно обследовала одежду и тело Блэквелла. Яркий ярлык фирмы «Бамбергерз» из Ньюарка вообще-то подтвердил слова Блэквелла, что он из Нью-Джерси. При нем было очень хорошее оружие — пистолет в форме часов «Ролекс». Мерседес

решила, что стоит попросить корпорацию «Багамы» снабдить ее таким же. Но на кого же работает этот парень?

Блэквелл посмотрел на часы.

— О, мне пора возвращаться в гостиницу. До вечеринки мне надо закончить кое-какие дела.

— У меня тоже полно дел. Увидимся вечером.

Он оказался гораздо интереснее, чем показался ей поначалу. От него исходили какие-то флюиды. Так называемые «невидимые признаки», про которые она читала в любовных романах, но с которыми никогда не сталкивалась в жизни. Даже не надеялась. Слава богу, что она не рассказала ему все про себя в те сладкие мгновения их любви, особенно после необычных манипуляций с осьминогом и с суши¹, одно воспоминание о которых заставляло ее краснеть. Но она все еще не знала, на кого он работает. Ты же не можешь в моменты наивысшего наслаждения вдруг взять и спросить: «Дорогой, черт побери, кто ты на самом деле такой?»

Мерседес подождала, пока Блэквелл уедет, выпила еще кофе и позвонила Альваресу.

Глава 43

День близился к вечеру. Золотистые лучи пробивались в гостиную Фрамиджяна через неплотно закрытые жалюзи на окнах. Поляк переоделся в светлые брюки из тонкой ткани и гавайскую рубашку спортивного покроя. Костюм для подводного плавания он запихнул в большой пластиковый пакет. Скованные наручниками Фрамиджян и Розалия сидели на диване и молча наблюдали за действиями Поляка. Они понимали, что настал самый опасный момент. Что он сделает перед тем, как уйти?

— Наверно, вы думаете: а что он сделает перед тем, как уйти? — сказал Поляк.

— Ничего подобного, — с напускным равнодушием ответил Фрамиджян. — Мы же все время безропотно выполняли ваши приказы. И, как я уже пообещал, мы не предпримем никаких действий в течение двадцати четырех часов. Мы скованы одной парой наручников. Мы не можем двигаться и вообще ничего не можем. Значит, все в порядке, правда?

Поляк вытащил из сумки длинный кинжал с узким обоюдоострым лезвием.

— О нет! Пожалуйста, не надо! — воскликнула Розалия.

— Простите, мэ, но мне все же придется это сделать.

¹ Блюдо японской кухни, представляющее собой небольшие кусочки свежей рыбы.

Поляк направился в другой конец комнаты и перерезал телефонный провод. Затем он задумчиво посмотрел на Фрамиджяна и Розалию.

— В чем дело? — спросил Фрамиджян.

— Я вот думаю, а нет ли тут у вас каких-нибудь припрятанных инструментов. Я уйду, а вы через пять минут освободитесь от наручников.

Фрамиджян искренне возмутился.

— Я же дал вам слово, что не сдвинусь с места в течение двадцати четырех часов!

— Конечно, — подтвердил Поляк, — что еще вы можете сделать при таких обстоятельствах? И все же мне придется прибегнуть к дополнительным мерам предосторожности. Так, на всякий случай.

Порывшись в сумке, Поляк вытащил небольшой пакет и извлек из него прямоугольный предмет размером с пачку сигарет. На сделанном из черного металла корпусе были два циферблата и два переключателя. Поляк щелкнул одним переключателем, установил стрелки на циферблатах в нужное положение, подошел к Фрамиджяну и Розалии, осторожно положил предмет на диванную подушку и щелкнул вторым переключателем.

Розалия тихонько заскулила, а Фрамиджян принялся ей подвывать.

— Не волнуйтесь, ничего плохого не произойдет, — сказал Поляк. — Это просто страховка. Все будет в порядке, если вы не будете двигаться.

— А что это такое? — спросил Фрамиджян.

— Небольшая бомба. Совсем не похожа на ту, что я использовал вчера. Тут начинка другая — «С-27». Она сама отключится через двадцать четыре часа — если, конечно, вы не активируете ее раньше.

— А что нам делать, чтобы не активировать ее? — спросил Фрамиджян.

— В бомбе установлен конус, в котором расположен сверхчувствительный маятник. Пока вы будете сидеть смирно, ничего с вами не произойдет. Но если вы начнете шевелиться, подушка двинется, и бомба взорвется. Эту штуку еще называют «неподвижница».

— Эй, минутку! — завопил Фрамиджян. — А если кто-нибудь из нас чихнет?

— Чихайте себе на здоровье, только не сильно. Надеюсь, что ничего не случится, — ответил Поляк.

— Вы не можете оставить нас здесь с этой бомбой! — прохрипел Фрамиджян.

— Это гораздо лучше, чем быть мертвым, — ответил Поляк. — А ты бы им давно уже стал, если бы я не придерживался этических принципов.

И он ушел, осторожно закрыв за собой дверь.

Глава 44

Дверной звонок снова заиграл. При нажатии кнопки он исполнял различные мелодии. Фрамиджян давно хотел его заметить, да все как-то руки не доходили. Он посмотрел на Розалию, причем постарался сделать это одними глазами, не поворачивая головы. Бомба по-прежнему лежала между ними на диванной подушке.

— Как ты думаешь, мы сумеем встать одновременно? — спросила Розалия.

— И думать забудь, — ответил Фрамиджян. Он откашлялся и закричал: — Помогите!

В дверь снова позвонили. На этот раз более настойчиво.

— Кто бы там ни был, спасите нас скорее! — завопила Розалия.

— Они нас не слышат, — сказал Фрамиджян, — так что можешь не стараться.

— Когда я кричу, мне становится легче, — ответила Розалия.

Они услышали за дверью какой-то шорох.

— Что это такое? — спросила Розалия.

— Они пытаются взломать замок. Но у них ничего не получается.

Через некоторое время они услышали глухие удары, как будто в дверь били чем-то тяжелым. Послышалось натужное завывание мотора. Фрамиджян и Розалия вжались в спинку дивана, причем сделали это с максимальной осторожностью. Внезапно дверь слетела с петель и упала на ковер в гостиной. На ее месте возник прямоугольник солнечного света, частично заполненный «Бьюиком» последней модели «Бушмастер» с погнутым бампером. Именно им и выбили дверь.

— Кажется, я сейчас потеряю сознание, — прошептала Розалия.

— Сейчас не время, — предупредил ее Фрамиджян. — Не забывай, что у нас тут бомба.

— Именно поэтому я его и потеряю!

— Постарайся хоть немного продержаться.

Машина отъехала назад. В комнату ворвались двое мужчин. На одном из них была белая рубаша гуайабера, а на другом — фиолетовая футболка с золотыми полосами. В руках они сжимали пистолеты.

— Стойте! — закричал Фрамиджян. — Тут бомба!

Оба мужчины вбежали с такой скоростью, что, казалось, вот-вот врежутся в диван. Но в последнее мгновение им все-таки удалось затормозить.

— Где бомба? — спросил Альварес.

— Здесь, на диване, — ответил Фрамиджян.

— И что мне надо с ней сделать?

— Ничего не делай! Пусть твой напарник придержит ее, чтобы не шевелилась, а ты поможешь мне и Розалии встать с дивана.

Пока Манитас держал бомбу, Альварес помог Фрамиджяну и Розалии подняться. Он вывел их из дому на безопасное расстояние, а потом позвал Гуччарди.

— Что мне делать с этой штукой? — раздался из дома голос Гуччарди.

— Просто положи ее на пол, dolce — понятно? — и поскорее выходи.

— Сейчас, босс. Эта штука совсем не похожа на бомбу. Я таких еще никогда не видел. Сейчас я положу ее на пол и... Ой!

От мощного взрыва обвалился фасад дома.

Несколько секунд все ошарашенно смотрели на дымящиеся обломки.

— Ну что ж, — наконец заговорил Фрамиджян. — Вот вам и ответ на вопрос — была ли это настоящая бомба. Пошли, Альварес, нам нельзя терять время.

Альварес все еще не мог прийти в себя после взрыва. Его очень огорчила смерть Гуччарди, из которого получился бы первоклассный преступник, если бы не его фатальная неуклюжесть.

— Сейчас я сниму с вас наручники, — сказал он Фрамиджяну.

— Этим можно заняться и попозже, — ответил тот. — У тебя есть машина? Тогда поехали.

— Куда?

— Я хочу разыскать этих ублюдков, — сказал Фрамиджян. — Они еще меня узнают с плохой стороны. Я их с землей сровню!

— Ицхак! — воскликнула Розалия. — Если ты сейчас меня бросишь, между нами все кончено.

— Отвези нас в «Фонтенбло», — сказал Фрамиджян. — Надо же нам где-то жить, пока не отремонтируют дом.

Глава 45

Блэквелл встретился с Поляком в номере отеля «Немо». Поляк выглядел деловым и невозмутимым. Блэквелл же был на взводе и жутко нервничал.

— Так, «Ролекс» с тобой? Отлично. А зажигалка «Зиппо» со шрапнелью? Хорошо. Вот, возьми еще и это.

Он открыл изящный кейс из тонкой флорентийской кожи, который приготовили на тот случай, если Гусман заплатит остаток наличными. Поляк показал Блэквеллу потайную кнопку на ручке. Блэквелл нажал на нее, и верхняя часть кейса сдвинулась в сторону. Под ней в пластиковой форме лежал небольшой плоский автоматический пистолет «спектр SMG», со скорострельностью девятьсот выстрелов в минуту, только что с итальянской фабрики «Сайтс С. П. А.». В четырех обоймах вмещалось пятьдесят патронов.

— Точность стрельбы невелика, — заметил Поляк, — но в толпе эта штука просто незаменима. Ее нельзя обнаружить даже при помощи рентгеновских лучей. Кроме ствола, весь пистолет выполнен из пластмассы. Использует 9-миллиметровые патроны от «парабеллума». Синусоидальные нарезки предохраняют внутреннюю поверхность ствола от изнашивания. Впрочем, нам сейчас не об этом надо беспокоиться. Берешь его в руку вот так. Первый патрон уже в патроннике, боек взведен. Нажимаешь на эту защелку и можешь стрелять. Никакой перезарядки не требуется. Просто нажимаешь на спусковой крючок, вот и все. Эту штуку даже не надо смазывать. Все детали изготовлены из самосмазывающихся материалов.

Блэквелл взвесил пистолет в руке. Приятно держать такое совершенное оружие. Он положил пистолет обратно в футляр и задвинул верхнюю часть кейса.

— Ладно, — сказал он совершенно спокойным голосом.

Поляк удивился. Только что Блэквелл нервничал, а теперь казался совершенно апатичным.

— Что-нибудь не так? — спросил Поляк.

— Все нормально. Просто... Ну, довольно трудно выхватить пистолет и убить человека, даже если он этого заслуживает.

— Знаю, — ответил Поляк. — Так называемая ковбойская этика. Пусть у противника будет шанс. Пусть он первым выхватит оружие. А уж тогда можно его и убить. Все это чепуха. Забудь об этом как можно скорее.

— Постараюсь, — ответил Блэквелл.

— Вспомни, ты же готовился стать наемником. А наемники никому не дают шанса на победу. Наемник подписывает контракт, по которому обязуется убивать, и убивает людей без всяких сомнений. То же самое и в Охоте.

— Я не подведу, — пообещал Блэквелл. — Ты тоже там будешь?

— Я все время буду поблизости. Если у тебя начнутся непри-

ятности, я тебя прикрою. Чуть что, и я уже рядом. Стоит тебе пасть в беду, и я тебя оттуда вытащу. Поэтому не беспокойся.

— Поляк, меня, кажется, сейчас стошнит.

— Тогда иди проблуйся, и все пройдет.

Блэквелл поспешил в ванную. Через несколько минут он вышел.

— Ну, как теперь себя чувствуешь? — спросил Поляк.

— Теперь все в порядке. Но мне кажется, что моя первая Охота окажется для меня и последней.

— Первая Охота всегда самая трудная, — сказал Поляк. — Время. Нам пора.

— Будь осторожен, — ни с того ни с сего сказал Блэквелл, вышел из гостиницы, сел в машину и уехал.

Поляк наблюдал за ним в окно. У классных Охотников всегда такой темперамент. Но актеры из них никудышные. Главное, чтобы Блэквелл выполнил свою работу. Тогда все пойдет как по маслу. Поляку нравился Блэквелл. Жаль только, что ему нельзя рассказать все. Эта Багамская корпорация затеяла чертовски хитроумную игру.

Глава 46

— Если этот педик еще раз ко мне прикоснется, — сказал Коэлли, — я ему рожу разобью.

— Он не педик, — сказал Блэйк. — Многие латины носят такие рубашки с кружевами.

— И за задницу щиплют?

— Он просто хотел, чтобы ты чувствовал себя как дома. Не бери в голову.

Блэйк и Коэлли прибыли на вечеринку на «Тойоте» модели прошлого года. Она казалась развалюхой рядом с «Мазератти» и «Феррари», не говоря уже о «Кадиллаках» и «Бьюиках». Двое парней в униформах занимались только тем, что парковали машины. Гости прибывали непрерывно. Многие мужчины были в кружевных рубашках, а женщины казались орхидеями на каблуках.

Тито проверял гостей по списку, когда увидел Блэйка.

— Ваших фамилий тут нет, но, думаю, против вашего присутствия никто возражать не станет.

— Пусть только попробуют, — сказал Коэлли, обращаясь к Тито.

Они посмотрели друг на друга тяжелым взглядом. Им обоим было важно сохранить репутацию крутых парней. Блэйк жестом отказался от услуг парковщика и сам поставил машину на стоянку.

— А у них здесь совсем неплохо, — заметил Коэлли.

Агенты вошли в комнату и принялись с интересом глазеть по сторонам. В дальнем конце зала играл бразильский ансамбль — гитара, саксофон и три вида барабанов разных размеров. Разряженные музыканты напоминали бабочек-махаонов в брачный период, а солистка — черноволосая красавица с умопомрачительными грудями — пела таким томным и хрипловатым голосом, что у Коэлли кое-что зашевелилось в штанах. Стиснув зубы, он отвернулся.

— Ага, — произнес Блэйк, — а вот и хозяин вечеринки.

Гусман приблизился к агентам и пожал им руки.

— Рад видеть вас у себя, мистер Блэйк.

— Мне здесь нравится, — сказал Блэйк. — Все нормально?

— О да. Разумеется. Вы тут всех знаете?

— Кто вон та смазливая дамочка в черном бархатном платье?

— Мерседес Бранниган. Она работает на Багамскую корпорацию.

— И сейчас тоже? — полюбопытствовал Блэйк.

— А тот ссутулившийся парень с озабоченным лицом, — продолжал Гусман, — это Блэквелл, партнер одного нашего общего знакомого, мистера Фрамиджяна.

Блэйк кивнул с глубокомысленным видом.

— Я хотел бы поговорить с тобой наедине. Ты не против, Ал? — И, повернувшись к Коэлли, приказал: — Жди меня здесь.

Проводив глазами Блэйка и Гусмана, Коэлли взял у проходившего мимо официанта запотевший бокал с ромом. Через пару минут к нему подошел Хуанито.

— Добрый вечер, — поздоровался он.

Коэлли кивнул в ответ.

— Кто тут Блэквелл? — спросил он.

— Вон тот тип у противоположной стены.

Коэлли окинул Блэквелла изучающим взглядом. Ничего особенного. Справиться с таким — раз плюнуть.

Блэквелл был вынужден признать, что вечеринка удалась на славу. Едва он переступил порог, как ему тут же сунули в руку две сигареты с марихуаной. Потом откуда ни возьмись перед ним появилась девушка. Симпатичная, улыбающаяся, с упругими грудями, которые едва не выскакивали из глубокого выреза красного бархатного платья.

— Ты как раз вовремя, — сообщила она.

— Вовремя для чего? — удивился Блэквелл.

— Для этого, — ответила она и сунула ему в рот оранжевую капсулу.

Блэквелл попытался вытащить ее из-за щеки пальцем, но капсула лопнула. Он почувствовал на языке горьковатый привкус.

— Что это такое? — спросил он, но девушка уже ушла запикивать капсулы в рот другим гостям.

Не один Коэлли оказался облапанным. Хотя Мерседес в дни своей юности не пропускала ни одной вечеринки, такого веселья она еще никогда не видела. Она переходила из комнаты в комнату, постоянно держа Блэквелла в поле зрения. Потные руки шарили по ее телу, когда она проходила мимо бесчисленных гостей. Мерседес чувствовала, как в ней постепенно закипает злость. В самом начале она приняла немного кокаина и не обращала на приставания никакого внимания, но потом действие наркотика прошло, что, разумеется, сказалось на ее настроении.

Пузатый мужчина с черными кучерявыми волосами крепко схватил ее за левую грудь и что-то пробормотал на каком-то непонятном языке, очевидно, гуарани, судя по фрикативному «т». Повернувшись к мужчине, Мерседес схватила его за яйца. Тот расплылся в улыбке, но, когда чувство боли все-таки пробилось в мозг, затуманенный дикой смесью кокаина, амфетаминов и ЛСД, у него закатились глаза, и он рухнул на пол.

Наркотиков на вечеринке было видимо-невидимо. Что за радость считаться богачом и преступником, если ты не можешь как следует угостить своих гостей отборными наркотиками? Взять, к примеру, марихуану. Каких сортов тут только не было, включая два вида «орегонских бутончиков», один из которых для пушечного эффекта вдобавок пропитали химикатами. Вдоль стены стояли пластиковые мешки для мусора, доверху набитые самыми популярными сортами травки: красная панамская, золотая акапульская, зеленая мичоасканская, рыжая ньюджерсийская. ЛСД был представлен в двух видах — в порошке и разведенный в алкоголе. К некоторым вещам Гусман относился очень консервативно, даже с некоторой долей тоски по прошлому.

От капсулы, которую девушка в красном бархатном платье сунула Блэквеллу в рот, ему внезапно сделалось очень хорошо. Он вдруг поймал себя на том, что может одновременно следить за ходом доносящихся со всех сторон разговоров, которые показались ему преисполненными глубочайшего смысла.

— ...Сказал Маноло, что бык зайдет слева, но нет, он даже

слушать не стал. Смотри, говорит он, и все на Пласа Мехико повскакивали с мест, крича во всю глотку, и тут...

— ...Разогнался до ста пяти миль в час, и катер просто заскользил над волнами, как летающая тарелка, а легавые на своих лодках остались далеко позади. У них-то скорость не больше сорока пяти миль, и я уже стал приближаться к Уотервею, когда вдруг вижу, что впереди они заблокировали путь бочками. Тогда я...

— ...И тогда он мне говорит: «Что, крошка, попробуем сделать это по-кубински?» А я говорю: «Что значит по-кубински?» А он говорит: «Пойдем со мной, крошка» — и тащит меня в комнату, где стоит чан с бобами и один парень с мачете лушит стручки. Ты понимаешь, что мне вдруг все это разонравилось, но он...

— ...Вылетает бык, этакая тонна мяса, копыта, как штамповочные машины, рога — как кинжалы, а Маноло лежит себе на спине и улыбается, а мулету держит пальцами ног, а толпа просто беснуется, потому что бык...

— ...Резко бросаю катер в сторону, окатив их водой с ног до головы, лечу к мосту, а наперерез мне мчатся еще несколько полицейских. Мало того — они еще и с берега открыли стрельбу, а движок у меня уже раскалился докрасна...

— ...Слава богу, бобы оказались едва теплыми, и он залез со мной в этот чан. Там бобов было ему по волосатую задницу, а дружки его стали растирать нас маслом. Я себе говорю, на что только не пойдешь ради пяти сотен...

— ...Мчится, как локомотив по смазанным жиром рельсам, крик стоит, как в Судный день, люди падают от сердечных приступов, а Маноло стоит на голове, зажав мулету в зубах...

— ...Ладно, говорю я себе, хотите по-плохому — будет вам по-плохому. И направил катер прямо на корабль береговой охраны, а сам прыгнул в воду. К счастью, на мне был противоперегрузочный летный костюм, потому что удар о воду на скорости больше ста миль в час — удовольствие не из приятных...

— ...Тут одним махом он вскакивает, подпрыгивает в воздух, бык пронесется под ним, и в этот момент Маноло, черт побери этого сукиного сына, вонзает быку шпагу прямо в то место на затылке размером с четвертак. Лезвие прошло, как раскаленный нож сквозь масло, на трибунах творится нечто невообразимое, и в этот самый момент генерал Обрегон решил начать революцию...

— ...Приходи еще, говорит он и засовывает в вырез блузки еще пару сотен, мы попробуем это по-монгольски в котле с горячей водой...

— Ну как, мистер Блэквелл, вам нравится здесь?

— Все отлично, — ответил Блэквелл, пытаясь перекричать пуэрто-риканский оркестр, который сменил бразильцев.

— Развлекайтесь, — сказал Гусман, похлопал Блэквелла по плечу и скрылся в толпе.

Тут Блэквелл внезапно осознал, что вряд ли ему представится лучший случай прикончить свою Жертву. Он пошел за Гусманом через кухню, где суетились слуги, разнося подносы с жареной на вертеле свининой, дымящейся южкой, выставяя бутылки с кашосой, которую доставил Гусману его собственный бутлегер из Баии, размешивая в здоровенных котлах рис и фасоль, поджаривая маис, одним словом, делая все то, что положено делать слугам.

Блэквелл чувствовал себя не очень уверенно. Он никак не мог сообразить, зачем ему понадобилось принимать столько наркотиков. Во время тренировок в лагере «Охоты» ему постоянно вдалбливали, что в ответственный момент он должен полностью контролировать свои чувства. Но человеческим существам всегда хочется чего-то большего, хочется ощутить себя такими полубогами — а что лучше вселяющего уверенность кокаина, расширяющего границы сознания ЛСД и умиротворяющего эффекта марихуаны?

Но Блэквелл должен был отказаться от всего этого. По крайней мере сделать такую попытку. Насколько Блэквелл сейчас мог припомнить, он нюхал кокаин всего лишь раза три-четыре, чтобы не выглядеть белой вороной. Так, еще капсула, а потом он выкурил косячок марихуаны размером с сигару «Монте-Кристо Император», затем проглотил пригоршню амфетаминов. Ага, еще он пробовал гашиш, черный из Афганистана и золотистый из Кашмира. Порядочно загрузился, но ничего страшного. Все будет в порядке.

Блэквелл шел по залу, вернее, летел, потому что у него появилось ощущение, что он парит над толпой, двигаясь лишь усилием мысли. В голове у него звучали два разных оркестра — тот, который играл на сцене, и тот, что орал из стереосистемы.

Лучше места для убийства и не придумаешь. Большая толпа, телохранители не успевают за всем углядеть, все либо пьяные, либо накурившиеся, грохочущая музыка заглушит выстрелы из его двухзарядного «Ролекса», который был не только смертельным оружием, но мог еще показывать время даже под водой на глубине в двести футов.

Итак, Блэквелл передвигался из комнаты в комнату, а вернее, плыл по воздуху за Гусманом. Внезапно он почувствовал, что

у него удлиняется шея и он стал видеть далеко вперед. Затем шея снова приняла нормальный размер, и тут Блэквелл обнаружил, что потерял Гусмана из виду. Наверное, тот ушел вперед. Перед Блэквеллом тянулась нескончаемая анфилада комнат, как в книге «Последний год в Мариенбаде». Он прошел мимо расположенного прямо в доме плавательного бассейна и оказался перед двойной дверью, из-за которой доносился мужской голос. Блэквелл снял «Ролекс» с предохранителя и вошел в комнату.

Глава 47

— Мистер Блэквелл, что вы здесь делаете? — спросила сеньора Гусман.

Застигнутый врасплох Блэквелл с удивлением услышал свой голос:

— Я пришел, чтобы еще раз взглянуть на вас.

Сначала сеньора Гусман уставилась на него, а потом рассмеялась.

— Вам следовало бы родиться латиноамериканцем. Вы прекрасно выходите из трудных ситуаций: допустив оплошность, тут же придумываете романтическое оправдание. Познакомьтесь, это отец Филус. Он как раз читал мне вслух отрывки из книги «Души и цветы» о жизни отца Педро Мурьеты Чихуахуа. Прошу прощения, отец. Я хотела бы немного поговорить с моим гостем.

Отец Филус, высокий бородатый мужчина, неодобрительно нахмурился.

— Но мы ведь как раз дошли до места, где отец Мурьета, дабы спасти жизни двадцати пяти монашек, вызывает на поединок Вахуа, вождя племени апачей, известного под именем Не-Моргун.

— Я знаю, но мы можем почитать об этом позже.

Отец Филус ушел, что-то бормоча себе под нос.

— Расскажите, что вы собираетесь сделать с Альфонсо, — попросила Катерина.

По выражению ее лица Блэквелл понял, что эта женщина прекрасно осведомлена о его планах убить Гусмана. В голове у него роилось много вариантов ответов, но Блэквелл понимал, что никакая ложь ему не поможет. Обмануть эту женщину с ястребиным взглядом просто невозможно.

Блэквелл медлил с ответом, пытаясь выиграть время, а потом вдруг брякнул:

— По правде говоря, мэм, я собираюсь прикончить его сегодня вечером.

— О, как прекрасно! — воскликнула донья Катерина.

— Простите?

— По закону я не могу с ним развестись, а убийство поможет мне решить эту проблему. К тому же я все равно никак не могу вам помешать. Вы приняли решение, и, если я стану на вашем пути, вам придется убить меня, чтобы реализовать свои планы. Ведь так действуют все наемные убийцы?

— Вообще-то я пошутил, — сказал Блэквелл.

— Мне известно о вас абсолютно все, — заявила Катерина.

— Ну и как же вы собираетесь поступить в этой ситуации, сеньора Гусман?

— Как я собираюсь поступить? Я просто ничего не стану делать. Я вне себя от радости. Дело в том, что вышла я замуж за Гусмана только из-за Гектора.

— Гектора?

— Гектор — это сын моего отца от первого брака с небезызвестной Имельдой. Мы с Гектором выросли вместе. Он всегда был немного чокнутым. Интеллектуал, одним словом, но все мы его очень любили. А потом отец послал его в Парижский университет.

— Прямо в Париж?

— Да, и Гектор вернулся оттуда с полной головой всяких бредовых идей о том, что все люди равны, даже индейцы-мискито. Отец устроил его инспектором грузов в порт Ла-Уньон, но Гектор бросил эту работу и отправился в Васпам, жуткую дыру на Рио-Коко, где стал активистом МИСУРАСА.

— Активистом чего? — переспросил Блэквелл.

Он вдруг почувствовал себя неважно. Блэквелл знал, как убить Гусмана, но не знал, как избавиться от сеньоры Катерины, не убивая ее и не оскорбляя ее чувств.

— Это начальные буквы от мискитос, сумус, рамас¹ и сандинистас. В то время левацкая организация, хотя потом ее возглавили контрасты. Как бы то ни было, Гектор пару раз выступил с речами в их пользу, за что был арестован Национальной гвардией и посажен в образцовую тюрьму в Манагуа. А это, мистер Блэквелл, совсем неподходящее место для утонченных интеллектуалов. Даже привыкшие к тяжелым условиям крестьяне редко протягивали до шести месяцев.

Мой отец знал, что начальник тюрьмы — полковник Гусман, а уж про страсть Альфонсо ко мне было известно всем. Он влюбился в меня, еще когда мы вместе ходили в школу Святых мучени-

¹ Индейские племена в Никарагуа.

ков на 42-й улице в предместье Сантьяго-де-Очоабамба. Я вообще не обращала на него никакого внимания, потому что происходила из знатной семьи, а он был всего лишь сыном армянского торговца. Но ради Гектора мне пришлось выйти замуж за Альфонсо.

— Видите ли, — сказал Блэквелл, — все это, конечно, очень интересно, но мне нужно...

— Сначала все складывалось довольно неплохо, — продолжала донья Катерина. — При помощи одного из своих дружков из ЦРУ Альфонсо отправил Гектора в Майами и купил для него небольшой домик, с одной стороны которого находилось поле для гольфа, а с другой — тренировочный лагерь контрабандистов. Но Гектор сбежал оттуда, и через шесть месяцев мы получили известие, что его арестовали при попытке ограбить банк в Ки-Ларго и внести украденные деньги в фонд «Гринписа». Сейчас его держат в тюрьме Тальяхассе, и во всем этом виноват Альфонсо. Ведь это он отправил Гектора во Флориду. Так что, если вы действительно собираетесь убить его — я имею в виду Альфонсо, — я вам мешать не собираюсь. Если вы это сможете сделать.

— Что значит, если смогу?

— Убить Гусмана не так уж и легко. В отличие от вас, мистер Блэквелл, ему ничего не стоит убить человека. Вы полагаете, что охотитесь на него, но не питайте на сей счет излишних иллюзий. Альфонсо играет в эту игру уже давно.

Блэквелл вышел из комнаты сеньоры Катерины и отправился на поиски Гусмана. Лица людей плясали перед ним, как в калейдоскопе. Уже третий оркестр, на этот раз с Гаити — сплошные барабаны, флейты и черные мускулистые тела в шелковых рубашках, — наполнял дом бешеными ритмами. Эта музыка родилась еще тогда, когда Панамский канал был всего лишь болотом, Суэцкий — существовал только в проектах, а миллионы бородатых заключенных еще не начали рыть Волго-Донской.

Внезапно Блэквелл обнаружил, что находится в спальне. В голове у него все еще шумело. На застеленных медвежьими шкурами постелях несколько гостей, весело смеясь, пытались раздеть друг друга. Перед глазами Блэквелла мелькали ноги в шелковых чулках и обнаженные груди. Блэквелл проплыл мимо них, движимый лишь силой мысли.

Паря в коридоре, Блэквелл вдруг заметил приоткрытую дверь, а за ней — лежащего на кровати Гусмана.

Мерседес никак не могла найти Блэквелла. Казалось, он просто испарился. Она прикинула, куда он мог пойти, и решительно отправилась на поиски. Она шла по коридору, из стен которого торчали руки с факелами. У декоратора этого дома был своеобразный вкус.

Наконец она увидела Блэквелла. Он стоял, нагнувшись над кроватью, и разглядывал что-то лежавшее на медвежьей шкуре. Мерседес вытащила из сумочки миниатюрное духовое ружье. Оно выглядело точь-в-точь как серебряный мундштук, только находящаяся в нем сигарета предназначалась отнюдь не для курения. Тонкий слой табака скрывал от постороннего взгляда металлическую стрелу. Стоило лишь взять мундштук в рот, направить сигарету в сторону противника, пользуясь носом, как прицелом, резко дунуть — и смертоносная стрела летела в цель. Это было оружие ближнего действия, как раз для вечеринок. Затылок Блэквелла, поросший черным пухом, представлял собою идеальную мишень. Мерседес глубоко вздохнула и сунула мундштук в рот.

Лежащий ничком на постели человек не шевелился. Его ноги в лакированных штиблетах свисали с кровати. Без всякого сомнения, это был Гусман, но Блэквелл хотел убедиться наверняка. Ему ужасно не хотелось убить по ошибке кого-либо другого. Ведь он прекрасно знал, что в пылу охотничьей страсти любой затылок кажется затылком Жертвы. Тем не менее он приготовил оружие. Не «Ролекс», а двухзарядный «смит-энд-вессон», спрятанный в пряжке ремня. Один заряд представлял собой капсулу с нервно-паралитическим газом, а второй — патрон 22-го калибра с пулей из мягкого свинца, которая при попадании производила такой же эффект, как и пуля 45-го калибра, выпущенная с расстояния двадцати футов. Блэквелл переключил пистолет на газ — лучше не оставлять никаких следов.

Но прежде всего он решил перевернуть человека, чтобы убедиться в том, что перед ним именно Жертва, а не кто-нибудь другой.

— Простите, мистер Гусман, я хотел у вас спросить...

Он перевернул лежащего на кровати человека. Только это оказался не человек, а искусно выполненный манекен, как две капли воды похожий на Гусмана.

Блэквелл ошарашенно попятился и вдруг увидел Мерседес, стоящую в дверях с каким-то идиотским мундштуком во рту.

— Я только хотел поблагодарить хозяина за чудесную вече-

ринку, — пробормотал Блэквелл и почувствовал, как у него подгибаются колени.

В глазах у него потемнело, и он полетел в зияющую пасть водоворота. Обычный эффект от ЛСД, особенно в сочетании с другими наркотиками.

Глава 48

— Пошли отсюда, — сказал Блэйк. — Нам надо торопиться.

— К чему такая спешка? — спросил Коэлли с набитым ртом. — Эта кубинская — или какая там? — еда довольно вкусная.

— Заверни с собой в салфетку.

Они вышли из дома Гусмана и сели в машину. Устроившись на заднем сиденье, Коэлли закурил сигарету.

— Я думал, что мы должны были заниматься этим типом — Блэквеллом.

— Мы им и занимаемся, — ответил Блэйк.

— Тогда какого же черта мы тут сидим?

— Главное правило нашего агентства — смыться, как только начинается какая-нибудь заваруха.

— Тогда почему же мы никуда не уезжаем?

— Мне хочется посмотреть, чем это закончится.

Глава 49

Блэквеллу снился прекрасный сон. В голубоватой дымке маячила какая-то собака, а потом появилась девушка. Очень похожая на Мерседес, но не Мерседес. Сон был очень приятным, и Блэквеллу хотелось, чтобы он никогда не кончался. Бывают такие прекрасные сны, когда не хочется просыпаться и возвращаться к реальной жизни. Сны, которые заставляют сомневаться в реальности так называемой настоящей жизни. Помните, как Чунг-Цзе приснилось, будто он превратился в мотылька, и когда проснулся, то долго не мог понять, кто он на самом деле — Чунг-Цзе или мотылек. Вот и Блэквелл, проснувшись, некоторое время лежал с закрытыми глазами, раздумывая, а стоит ли их вообще открывать. Потому что у него возникло ощущение или предчувствие, что едва он их откроет, как начнутся страшные неприятности.

Блэквелл сел и обнаружил, что укрыт пестрым мексиканским одеялом. Он находился в небольшой комнатке, которую видел впервые в жизни. На стене висел календарь двухгодичной дав-

ности, который раньше, наверное, украшал какую-нибудь мясную лавку. Верхняя часть календаря изображала панораму Пласа Майор в Мадриде. Единственное окошко в комнате было наглухо закрыто ставнями, запертыми на огромный висячий замок. Возле стены стоял туалетный столик, на котором валялся иллюстрированный журнал на испанском языке. «Новедадес». Блэквелл встал, подошел к двери и подергал на ручку. Закрыто. Он огляделся по сторонам и заметил стенной шкаф. Блэквелл открыл его и обнаружил ворох женского барахла.

Он уселся за туалетный столик и посмотрел на себя в зеркало. Лицо выглядело довольно помятым. Болела правая коленка. Очевидно, он ударился, когда потерял сознание.

Следующий вопрос: где он находится? Ответ знал кто-то другой, так как Блэквелл на этот счет не имел никаких соображений. Правда, судя по тому, что он обнаружил в комнате, напрашивался вывод, что он пленник молодой девушки, любительницы хлопчатобумажных блузок. Других ключей к разгадке у него не имелось.

Походив некоторое время по комнате, Блэквелл уселся на кровать. Следующий ход должен сделать кто-то другой.

Глава 50

Гусман, сидя за столом, наблюдал за действиями Блэквелла по небольшому монитору. Он установил потайную телекамеру, когда в этой комнате жила Кончита, самая красивая из всех служанок, которые когда-либо на него работали. Гусман установил камеру под тем предлогом, что Кончита якобы ворует столовое серебро. Но все прекрасно знали, что Гусману просто нравилось наблюдать, как она раздевается. Теперь, когда Кончита уволилась, а Франческа — новая служанка — поселилась в спальне возле гаража, комната оказалась как нельзя кстати, чтобы держать там пленников. Гусман был доволен, что может использовать ее не только для того, чтобы рассматривать упругие груди Кончиты с большими коричневыми сосками. Теперь он мог следить за Блэквеллом.

Гусман свернул огромную самокрутку, набил ее марихуаной, посыпал сверху кокаином и скрепил листки папиросной бумаги гашишным маслом. Гусман не увлекался наркотиками, но уж если хотел побалдеть, то любил делать это по высшему классу.

— Он уже проснулся?

Тито отвернулся от телевизора.

— Шляется по комнате.

— Так, слушай внимательно. Ни слова про Охотников. Ясное дело, Блэквеллу и в голову прийти не может, что я знаю о его связи с ними. Будем вести себя так, будто думаем, что он просто торговец оружием. Вроде мы полагаем, что Фрамиджян хотел нас нагреть. Кстати, возможно, так оно и есть на самом деле. Мы проверили наши источники. Часть оружия отгрузили с правительственных складов в Опа-Лака. Возникает вопрос: где оно теперь? Второй вопрос: где мои девять миллионов аванса? Одним словом, пусть Блэквелл думает, что все о'кей. Пусть надеется, что сможет уйти отсюда живым. Мы не выпустим его из поля зрения до тех пор, пока не получим обратно деньги или оружие. Лучше и то, и другое. Потом пустим его в расход.

— А если он не расколется?

— Думаю, мы заставим его говорить. Мерседес, что ты об этом думаешь?

Мерседес, сидевшая возле противоположной стены с бокалом содовой в руке, нахмурила брови.

— С точки зрения Багамской корпорации, — сказала она, — самое главное — узнать, кто его хозяин и кто все это задумал. Также необходимо узнать, против кого направлена эта операция — против тебя или против нас.

— Какие тут могут быть сомнения? — воскликнул Гусман. — Это же очевидно. Блэквелл охотится на меня.

— Ничего очевидного тут нет, — заметила Мерседес. — У него не раз появлялась возможность убить тебя. Если бы он охотился только на тебя — зачем ему было подвергать себя ненужной опасности?

— Так кто же тогда Охотник? — удивился Гусман.

— А с чего ты взял, что должен появиться какой-то Охотник? Получил письмо от какого-то психа, а ведешь себя так, будто к тебе в дверь ломятся казаки.

— Казаки? Какие казаки? — всполошилась донья Катерина.

— Пожалуйста, не надо использовать сравнения в присутствии моей жены, — попросил Гусман. — Она их не понимает. Послушай, мне совсем не хочется, чтобы Багамская корпорация подумала, будто я отказываюсь от сотрудничества. Вот что мы сделаем — мы пригласим мистера на дружеский ужин и по-хорошему зададим ему пару вопросов.

— А если он на них не пожелает отвечать?

— Тогда мы зададим их по-плохому.

Глава 51

Итак, все семейство собралось поужинать. Даже не поужинать, а так, просто перекусить. Собрались на кухне, потому что дворецкий и его дети отправились на пару дней в Диснейленд. Только свои люди: Альфонсо, Катерина, Хуанито, Тито, Эмилио, Чако и, конечно же, уважаемые гости — Мерседес и Фрэнк.

Прислуживал за столом Хуанито. Он принес оставшиеся от обеда китайские блюда, предварительно разогрев их в микроволновой печи. «Жратвы у нас хоть завались», — сообщил он. Поджаренные ребрышки по-китайски с какой-то подливкой, похожей на смесь мармелада с соевым соусом. Картонные коробочки с нарезанным по диагонали сельдереем в собственном соку. И на десерт — лимонное печенье.

Кухня была суперсовременной — датская фарфоровая духовка, микроволновая печь, комбайн, посудомоечная машина, всякие электрические приспособления и кафельный пол.

Мерседес задумчиво жевала с непроницаемым лицом.

Блэквелл почти ничего не ел, так как у него возникло предчувствие, что собравшиеся здесь люди скоро начнут плясать у него на животе. Такая перспектива показалась ему не очень привлекательной.

— Нам не нужны никакие сложности, — сказал Гусман, всем своим видом показывая, что обеспокоен судьбой Блэквелла и поддружески хочет ему помочь. — Не знаю, что ты там обо мне слышал, но все это гнусная ложь. Я делал только то, что был вынужден делать. Ни больше ни меньше. А теперь я бы хотел поговорить с тобой честно и откровенно. Зачем нам становиться врагами? Тебе лишь надо сказать, где находится оружие. И у кого теперь мой чек на девять миллионов долларов. А все остальное мы уладим сами. Мы же с тобой можем делать бизнес вместе. Я с удовольствием возьму такого ловкого парня, как ты, в свою организацию. Деньги будешь грести лопатой. Что скажешь, Фрэнк?

Это был приятный момент. Как будто Блэквелл действительно сидел на семейном ужине с Гусманом и Катериной. И с Мерседес напротив. Блэквелл подумал, что он действительно может работать в организации Гусмана. Он может забыть Клэр, забыть Охотников, забыть Поляка. Он сможет спасти свою жизнь и заниматься тем, что уготовит ему судьба. Трудно избавиться от подобного соблазна. К тому же Блэквелл знал, что последует за его нежеланием отвечать. Сначала ему сделают очень больно. А потом убьют.

Все ждали его ответа. Он посмотрел на лица присутствующи-

щих. Такие милые люди. Это тот самый охотничий кризис, о котором предупреждал его Симмонс. Настает время, когда после долгого общения с Жертвой начинаешь смотреть на мир ее глазами. Отождествлять себя с ней. Сочувствовать ей.

Ведь Гусман дело говорит. Что плохого в его предложении?

Охваченный подобными чувствами, Блэквелл удивился, услышав свой голос:

— Чтоб ты подавился собственным дерьмом, Гусман!

Тито саданул его по затылку рукояткой автоматического пистолета, и Блэквелл снова провалился в темноту.

Глава 52

Мужчины понесли бесчувственное тело Блэквелла в подвальную комнату. Сидевшие напротив Мерседес и Катерина взглянули друг другу в глаза.

— И что ты собираешься делать? — спросила донья Катерина. — Что тебя связывает с этим человеком?

Иногда, поздно вечером, в моменты стресса, находясь далеко от дома, две женщины могут говорить с такой откровенностью, какая при других обстоятельствах казалась бы просто невыносимой.

— Мне надо узнать, на кого он работает.

— А потом?

Мерседес вздохнула и пожала плечами.

— Finita.

— Я так и думала.

— Проблема в том, что этот парень мне немного нравится.

— В таком случае, как же ты сможешь его убить?

— Ну, такая уж у меня работа. Я хочу сказать, в этом нет ничего личного.

— А любовь?

— Что любовь?

— Разве любовь для тебя ничего не значит?

— О чем ты?

— О том чувстве, которое ты испытываешь к этому человеку. Оно называется любовью, дитя мое.

— Это же просто смешно, — ответила Мерседес. — Подумаешь, провели с ним одну ночь, вот и все.

— Когда Тито свалил Блэквелла на пол, в твоих глазах было больше эмоций, чем ты хочешь признать.

Мерседес поджала губы.

— Он действительно привлекательный парень. Будь моя воля, я

бы оставила его в живых. Но тогда мне самой несдобровать. Я не могу рисковать своим будущим. И настоящим. Если ты когда-нибудь слышала про Багамскую корпорацию, ты меня поймешь.

Катерина пожала плечами. Затем встала и направилась к двери, но на полпути остановилась.

— Знаешь, а ведь он любит тебя.

— Откуда ты знаешь?

— В бреду он постоянно твердил твое имя.

— Да? Правда?

— Да. Все время.

— И что же он говорил?

— Он говорил: «Клэр, Клэр...»

— О, господи, — пробормотала Мерседес.

— А может: «Эклер, эклер». Иногда я совсем не понимаю ваш английский язык.

— Какая в принципе разница, — сказала Мерседес, надеясь, что верит этому сама.

Глава 53

В штаб-квартире «Охоты», находящейся в северной части Нью-Джерси, раздался телефонный звонок. Дежурный поднял трубку. Узнав имя звонившего, он поджал губы и тут же переключил линию на личные апартаменты Мастера Охоты.

Через несколько минут в роскошно обставленной спальне Симмонса зазвонил телефон.

— Да, Мастер... Да, я понимаю...

Дисциплинированный Симмонс не стал задавать никаких вопросов. Он спрыгнул с постели и быстро оделся. Затем позвонил на аэродром «Охоты».

— Григорий? Готовь самолет. Мы с Мастером Охоты вылетаем через полчаса.

Затем он набрал еще один номер и связался с секретной европейской штаб-квартирой, расположенной в старом складском помещении в швейцарском городе Базель. Он назвал себя и произнес судьбоносную фразу:

— В семь ноль-ноль утра по вашему времени начинайте план «Диоскуры».

Он подождал, пока дежурный на другом конце провода повторит инструкции, и лишь после этого повесил трубку.

На его лице не отражалось никаких эмоций, но Симмонс чувствовал, как неистово бьется в груди сердце. Пробыл час. Сам Мастер Охоты выходит на тропу войны.

Глава 54

— Ты знаешь, что уже четыре утра? — спросил Коэлли.

Блэйк зажег очередную тонкую сигару.

— И что из этого?

— А то, что мы сидим возле дома Гусмана вот уже три часа.

— Ну и что?

— А то, что мне надо отлить.

— Иди и сделай свои дела за машиной.

— Меня могут засечь, когда я буду выходить.

Блэйк покачал головой:

— Не бойся. Я разбил лампу уличного фонаря. Просто не поднимай голову, вот и все.

— Не знаю, какого черта мы тут сидим, — сказал Коэлли. — Мне показалось, ты сказал, что Гусман сам справится со своей проблемой.

— А может, Гусман не знает, в чем заключается эта проблема, — ответил Блэйк.

Коэлли такая мысль показалась интересной, но Блэйк не стал развивать ее дальше.

Стоя с расстегнутой ширинкой возле бампера «Тойоты», Коэлли увидел падающую звезду и загадал желание — чтобы все стало как прежде и он поехал в Балтимор играть в высшей бейсбольной лиге, отказавшись от предложения ЦРУ. Но теперь было уже слишком поздно.

Глава 55

— Эй, босс! Взгляни-ка вот на это, — воскликнул Тито, протягивая Гусману красочный журнал комиксов.

Тито с Гусманом сидели в гостиной и обсуждали варианты пыток. Пытки — мужская работа, поэтому женщины остались в кухне поболтать о том, о чем всегда болтают женщины, когда их мужчины придумывают различные пытки.

Даже Хуанито отправили прогуляться. Он был еще слишком молод.

— Что там? — спросил Гусман.

— Классная пытка в этом номере «Пытки в комиксах». Правда, требуется специальное оборудование. Яма. Маятник.

— Забудь об этом. У нас нет времени для таких сложных постановок.

— Может, тогда попробуем «Железную гусеницу на зеленом листе», как мы это делали в Манагуа?

Гусман отрицательно покачал головой:

— Пытка чудесная, но для нее нужны длинные бамбуковые щепки. Где нам их взять сейчас?

— А как насчет «Крысы с тонущего корабля»?

— То же самое. Нужны специальные приспособления. Где мы найдем герметичный резервуар?

Тито нахмурил лоб и погрузился в глубокие раздумья. Внезапно его лицо просветлело.

— Знаю! Сейчас я принесу свою дрель, и мы поиграем в «Вырви зуб через нос»!

— Я не переносу звука, когда сверло проходит через перегородку носа, — поморщился Гусман. — Нет, я никогда не забуду слова того старого мафиози. Он сказал, что паяльная лампа и пара плоскогубцев развяжут язык кому угодно.

— Это все есть у нас в мастерской! — воскликнул Тито. — Сейчас принесу!

Гусман выпустил к потолку облачко дыма. Он только что закурил сигару и теперь наслаждался ее ароматом.

— Дадим ему еще пару минут, — сказал он. — Заодно проверим на деле новую систему психологической пытки, которую разработал доктор Мачадо-Ропас.

Развернувшись в кресле, Гусман взял с полки кассету с надписью «Спецэффекты», вставил ее в высококачественный стереомагнитофон и нажал кнопку «Воспроизведение».

Блэквелл пришел в сознание и обнаружил, что находится в комнате размером десять на пятнадцать футов. Стены и потолок покрывали металлические листы. Цементный пол шел под уклоном к центру, где зияло сточное отверстие. Металлические шкафчики, болтами прикрученные к стенам. Единственная лампочка, закрытая плексигласовым плафоном, ярко освещала помещение. Аккуратно свернутый красный пластиковый шланг, одним концом надетый на водопроводный кран.

На одной из стен висел динамик, а под ним — красная кнопка. Из динамика раздался голос с едва уловимым испанским акцентом.

— Внимание, вы находитесь в камере пыток. Здесь вам предстоит вынести немислимые страдания и жуткую боль. Министерство здравоохранения предупреждает, что пытки отрицательно сказываются на вашем здоровье и могут повлечь за собой хронические заболевания и даже смерть. Вы вели себя довольно глупо, раз попали в такое положение. Почему бы вам не прислушаться к голосу разума и не облегчить свою участь? Людям, которые заперли вас в этой комнате, необходима кое-какая информация. Поэтому не обрекайте себя на ужасные страдания и правди-

во ответьте на все заданные вам вопросы. Если вы согласны, нажмите на кнопку под динамиком, и к вам придут, чтобы записать показания. Если вы не нажмете кнопку, то примерно через пятнадцать минут начнется первая попытка.

Блэквелл огляделся по сторонам. Ничего такого, что можно использовать в качестве оружия. Кроме, конечно, красного шланга. Но его не обучали, как превратить пластиковый шланг в смертельное оружие, если такое вообще возможно. Негде даже спрятаться, чтобы внезапно накинуться на того, кто зайдет в камеру. Оставалось только одно — когда дверь откроется, броситься к ней изо всех сил в надежде, что тебя тут же пристрелят. Не особенно приятная мысль, но, по крайней мере, так можно избавиться себя от пыток. Может, позже в голову ему придет мысль получше.

Гусман в последний раз с наслаждением затянулся, погасил сигару в пепельнице и поднялся с кресла.

— Пора приниматься за дело, — сказал он Тито.

— Я готов, босс. — Тито вскочил, и его лицо расплылось в улыбке. — Не беспокойся, я такое ему устрою!

— Не сомневаюсь. Только без крови.

— Как же без этого? — изумился Тито.

— Постарайся работать почище. Иначе служанки отказываются убирать камеру. Так что пускай кровь только в том случае, когда по-другому получить информацию не удастся.

Пытки без крови. Эта мысль показалась Тито довольно интересной. Настоящий вызов. Что ж, он принимает его. И Тито зашагал к выходу.

Внезапно Блэквелл услышал скрежет ключа, поворачивающегося в замочной скважине. Он вжался в стену, готовый к броску. Дверь открылась. Зажмурив глаза, Блэквелл ринулся вперед и налетел... на сеньору Гусман.

Даже лежа на спине с задранными юбками, из-под которых виднелись бледные ноги и черное белье в белых крестиках, донья Катерина не потеряла присущего ей самообладания. Она с достоинством поднялась с пола и привела одежду в порядок.

— Что вы здесь делаете? — спросил ее Блэквелл.

— Я пришла спасти вас.

— Спасти меня? Почему?

— Так мне велел Господь.

— А, тогда понятно. А что мне делать дальше?

— Идите за мной и старайтесь не шуметь.

Блэквелл последовал за ней по длинному коридору.

Они шли на цыпочках по истертому линолеуму под ярким светом ламп. Хуанито ждал их возле двери черного хода. Он был в свитере из белой ангоры. Закатанные рукава обнажали мускулистые, гладкие, без единого волоска руки.

Внезапно на лестнице, ведущей в камеру пыток, послышались чьи-то тяжелые шаги. А потом яростный крик. И недовольные возгласы.

— Вперед, — сказал Хуанито и побежал к машине.

Блэквелл ринулся за ним. Задняя дверца открылась, и Блэквелл нырнул на сиденье автомобиля, придавив сидевшего там человека. Хуанито захлопнул дверцу и побежал обратно к дому. Водитель вдавил педаль газа, и машина рванула вперед к воротам. Откуда ни возьмись появились двое охранников с автоматами. Но водитель и не думал останавливаться. Автомобиль зацепил крылом одного из автоматчиков, и Блэквелл услышал истошный вопль.

Затем они свернули на темную дорогу, идущую вдоль канала.

— Парни, вы вовремя появились, — сказал Блэквелл. — Поляк, это ты за рулем?

Водитель обернулся с кривой ухмылкой. Панама, небрежно сдвинутая на затылок, придавала его лицу зловещее выражение.

— Нет, — ответил Альварес, — это я и еще один твой приятель.

Машина как раз проезжала мимо уличного фонаря, и Блэквелл успел разглядеть сидящего рядом с ним человека. Фрамиджан. Тот ткнул Блэквелла в ребра чем-то тупым и металлическим, очевидно дулом дробовика.

Глава 56

Занималась заря, и ее кровавые пальцы заалели над горизонтом. Альварес вел машину по пустынному шоссе на огромной скорости, направляясь на юг. Фрамиджан напевал себе под нос мелодию «Хатиквы». В салоне автомобиля пахло контрабандными кубинскими сигарами.

— Откуда вы взялись, ребята? — поинтересовался Блэквелл.

— Отдавая должное дону Альфонсо, тем не менее надо признать, что он частенько убивает человека, так и не получив от него никакой информации. У нас есть свои жизненные интересы. Мы решили дать тебе шанс помочь нам.

— Помочь вам? Как это понимать?

— Твой приятель, который разбил лагерь в моем доме, похитил у меня товар на сумму примерно в десять миллионов долла-

ров, — сказал Фрамиджян. — А я не получил ни цента, потому что Альфонсо отдал чек тебе.

— Честно говоря, нам такие штучки не нравятся, — не поворачивая головы, заметил Альварес, — и уж тем более тем, на кого мы работаем.

— Мы хотим, чтобы ты помог нам вернуть все на свои места, — сказал Фрамиджян. — И побыстрее. Можешь начать с того, кто ты такой и на кой черт тебе понадобился Гусман?

— Я простой гражданин, которого на этот путь толкнули отчаяние и безысходность, — сказал Блэквелл. — Вы должны меня понять.

— Ты ведь Охотник?

— Охотник? О чем вы?

— Гусман навел кое-какие справки, когда люди из «Охоты» прислали ему письмо. Нам все известно. И то, что ты Охотник, — тоже. Тебя, приятель, подставили твои же люди. Так что выкладывай нам все.

В салоне воцарились тишина. Только приглушенно урчал кондиционер, выкачивая из салона невыносимую флоридскую духоту и заменяя ее приятной прохладой. Машина въехала в район Хоумстед. По обе стороны дороги тянулся плоский и невыразительный пейзаж Эверглейдс. Изредка мелькали щиты, рекламирующие «Делл Форд», «Холидей Инн», «Пэррот Джангл», «Запчасти Дэйд», «Макдональдс», «Компьютер Экспресс». Небо стало джинсово-голубым, на горизонте появились облака. Машина пролетала мимо «Самурая», призывающего отведать свиную отбивную и жареного цыпленка всего за семь долларов семьдесят пять центов, «Оружейного магазина Тамайами», «Уэнди» с самыми лучшими в мире обоями, «Видео-Сити» и «Дикси Рибс» — мясо на жаровне и бесплатная стоянка. Затем они свернули на асфальтовую дорогу с двусторонним движением, по обе стороны которой росли пальмы и лишь изредка встречались отдельные постройки. Небо постепенно темнело. Порывы ветра раскачивали пальмы.

Впереди маячило низкое строение, одиноко стоящее на фоне пустынного горизонта. Красным неонem светилось название кафе — «Кебабургеры Шалила».

— Приехали, — сказал Фрамиджян.

Альварес въехал на бетонную площадку и выключил двигатель. Кроме них, на стоянке никого не было.

— Зайдем и поговорим, — сказал Фрамиджян. — Владелец кафе — наш друг. Ему все равно, что мы с тобой сделаем.

— Если поведешь себя благоразумно, — сказал Альварес, — мы даже угостим тебя гамбургером.

— А если нет, — добавил Фрамиджян, — то мы из тебя сделаем гамбургер.

Под почерневшим от грозовых туч небом они повели Блэквелла к дверям кафе.

Глава 57

Блэйк и Коэлли следовали за Альваресом и Фрамиджяном на безопасном расстоянии.

— Здесь остановись, — приказал Блэйк.

Машина остановилась напротив «Кебабургеров Шалила». Через несколько минут к забегаловке подъехал голубой «БМВ» и остановился рядом с белым «Линкольном» Альвареса.

— Это станвится интересным, — заметил Блэйк. — Позвони в справочный отдел и узнай, кому принадлежит этот номер.

— Мира? Как твои дела? Послушай, золотце, не подскажешь, на кого зарегистрирована машина со следующим номером? — Он приставил к глазам цейсовский бинокль с тридцатикратным увеличением и продиктовал номер. — Если можно, побыстрее. Мы тут сидим в засаде и не знаем, в кого стрелять в первую очередь.

— Они выходят из машины, — сказал Блэйк. — Двое парней.

Он открыл потайное отделение под приборной доской и вытащил оттуда длинноствольный «парабеллум L-25», который использовал для стрельбы по целям на среднем удалении. Для серьезной стрельбы на дальнюю дистанцию у него над головой был закреплен «винчестер-400» с прицелом ночного видения «баум и ломб».

Коэлли уже вытащил свой автоматический пистолет новой модели «M1911A2», который разработали в строжайшей тайне после того, как старый добрый «кольт 1911A1» 45-го калибра заменили надежной, но не очень интересной 9-миллиметровой моделью «9ZSB-F». Друзья Коэлли из форта Орд подарили ему новый «кольт», пообещав достать еще один и для Блэйка.

— Ага, — сказал в трубку Коэлли, — давай, Мира. О'кей, спасибо. — Он положил трубку. — Хорошая девчонка эта Мира.

— Только зря она все время ходит в этих черных кроссовках.

— De gustibus¹, — рассеянно заметил Блэйк, изучая фасад ресторана через прицел ночного видения «баум и ломб».

— Если хочешь, я могу сходить и посмотреть, в чем там дело, — предложил Коэлли.

Блэйк отрицательно покачал головой.

¹ Первая часть латинского выражения «De gustibus non (esi) disputandum» (о вкусах не спорят).

- Там сейчас такое начнется. Сиди и смотри.
 — Я не против, — пожал плечами Коэлли. — Знаю я это местечко. Никудышные тут гамбургеры.

 Глава 58

Шалилу Бею, тучному ливанцу средних лет, мечтавшему еще в детстве открыть собственное дело в каком-нибудь экзотическом западном городе, и в голову не могло прийти, что он станет владельцем дешевой придорожной забегаловки где-то между Хомстедом и Эверглейдс.

Он хотел совсем не этого, когда приехал в Америку из разрушенного бомбежкой городка Соук-эль-Фара неподалеку от Тира, чтобы войти в пай со своим двоюродным братом Имми, крутым парнем из Триполи, и качать деньги в Майами, который арабы называли американским Ливаном. А теперь он оказался в этом вонючем кафе на площадке из потрескавшегося бетона. Мало того, что он застрял в забытой богом глухомани, ему еще приходилось присматривать за Джамшидом — идиотом племянником, о котором он обещал заботиться в обмен на бесплатный авиабилет до Штатов. Еще у него имелась жена Лейла. Толстая, послушная, круглолицая Лейла с черными усиками на верхней губе не шла ни в какое сравнение с длинноногими красавицами на пляжах, чьи упругие груди и крутые бедра напоминали ему о мире, из которого он когда-то бежал, но куда — в глубине души — всегда хотел вернуться. Плюс ко всему он завел роман с девушкой из трейлерного городка возле Ки-Ларго и содержал ее на деньги, которые получал от типов вроде Альвареса и Фрамиджяна, предоставляя им надежное место, где те могли пускать людей в расход. Но Беттина Сью с каждым днем становилась все нетерпеливее, угаривая Шалила переехать жить к ней и вложить все сбережения в операцию по сбыту наркотиков в доле с одним из ее дружков. Как же ему поступить? Надо бы посоветоваться с Ирмаком, гуру из местного отделения церкви Мудрости Хаджи и главой «Группы действия».

Трое мужчин сидели в одной из обшитых красным дерматином кабинок и о чем-то ожесточенно спорили. Они так увлеклись, что не услышали, как на стоянку въехал «БМВ». Шалил сначала хотел им об этом сказать, но потом передумал. Ведь ему не платили за то, чтобы он сообщал о подъезжающих «БМВ» или других машинах, следующих за «БМВ».

Дверь распахнулась, и человек из «БМВ» зашел в кафе. Он держал в руках предмет, знакомый Шалилу еще с детских лет, —

«АК-47». Шалил едва успел нырнуть за спасительную стойку бара, как автоматная очередь разбила у него над головой полку с бутылками.

Альварес среагировал мгновенно и убрал Чако, стоявшего в дверях и поливавшего зал очередями из своего «калашникова». Пули из «MAG-50», который появился в руках Альвареса, заплясали по пластиковым столикам, разнесли вдребезги музыкальный автомат, игравший песенку Синди Лопер «Девчонкам лишь бы развлекаться», прошили грудь Чако и заставили его немного подергаться, прежде чем изуродованный труп свалился на кафельный пол.

Тито с автоматическим дробовиком перепрыгнул через бездыханное тело Чако. Его смуглое лицо расплылось в такой широкой ухмылке, что стали видны даже серебряные пломбы на коренных зубах. Он двумя выстрелами уложил Альвареса и сам упал замертво, перерезанный очередью «узи» Фрамиджана.

Блэквелл выскочил наружу через боковую дверь. За ним кто-то бежал, кричали «Стой!». Он запрыгнул в «Линкольн» и увидел ключ в замке зажигания. Пули свистели со всех сторон, когда он завел машину и рванул ее с места.

Глава 59

«Линкольн» шел на приличной скорости, но вороненого цвета «Ламборджини» быстро сокращал расстояние между ними. Блэквелл порывлся в бардачке и обнаружил там «смит-энд-вессон» 38-го калибра с двухдюймовым дулом. Он сунул пистолет в карман. Дождь хлестал по ветровому стеклу, вокруг не было ничего, кроме, конечно, ландшафта. Впереди асфальтовая дорога расширялась, и «Ламборджини» пошел слева на обгон. Когда его бампер оказался почти вровень с выхлопной трубой «Линкольна», Блэквелл повернул руль влево. «Ламборджини» резко затормозил и остановился. Блэквелл развернулся на двух колесах и съехал на грунтовую дорогу.

Но «Ламборджини» продолжал висеть у него на хвосте, и, как только он снова поравнялся с Блэквеллом, тот резко бросил «Линкольн» влево, совершая маневр, который удался ему в первый раз. «Линкольн» встал на два передних колеса. Его задняя часть поднялась вверх, а потом со стоном опустилась на асфальт. «Ламборджини» закрутился на месте, но остался на шоссе.

Не успел Блэквелл поздравить себя с удачным маневром, как одно из колес «Линкольна» отвалилось, и машина сползла с дороги в болота Эверлейдс.

Часть VI

 БОЛЬШОЕ УБИЙСТВО

 Глава 60

Дикерсон сидел в своем кабинете и изучал секретные донесения. Он посвящал уйму времени этому занятию, потому что ему полагалось знать массу секретов с различными грифами секретности: «секретно», «совершенно секретно», «для ограниченного пользования» и тому подобное. Ему также полагалось знать, какие секреты уже рассекречены и о них можно говорить с друзьями и соседями. Очень часто Дикерсон забывал, с каких дел снят гриф секретности, а какие дела все еще продолжали оставаться секретными. Упомнить все было очень трудно, поскольку часть памяти приходилось уделять таким вещам, как свое имя, номер карточки социального страхования, домашний адрес, список продуктов, которые необходимо купить в супермаркете, имена друзей, жен, детей, программу телепередач на вечер, государственные и религиозные праздники и тому подобное. Дикерсон постоянно боялся, что его перегруженная секретами и несекретами память когда-нибудь даст сбой, и он забудет что-нибудь такое, чего ни в коем случае нельзя забывать. Например, скажет своему парикмахеру: «А вы знаете, что один из наших резидентов стал недавно министром финансов Сомали? Не так уж и плохо для местного парня, правда?»

Разумеется, ничего подобного с Дикерсоном просто не могло случиться, потому что он никогда не говорил о своих делах, избегал праздных разговоров, никогда не напивался и не обкуривался наркотиками. А благодаря специальной тренировке подсознания он научился избегать в речи любых обмолвок. Но вероятность катастрофической ошибки все равно продолжала угнетать Дикерсона. Чем больше он узнавал секретов, о которых никому нельзя говорить, тем чаще им овладевало извращенное желание выдать эти секреты, рассказать о них случайному собутыльнику в баре или — просто кошмарный сон, *faux pas*¹ — встретиться с одним из знакомых агентов КГБ, пригласить его на ужин и сказать: «Я покажу тебе свое, если ты мне покажешь свое». Разумеется, такого просто не могло случиться, потому что он такого никогда не допустит. Но почему же тогда его одолевают нездоровые фантазии? Его психоаналитик, доктор Менш, назвал это чувство «стремле-

¹ Опрометчивый шаг (*фр.*).

нием к извращенности». Просто расслабьтесь, посоветовал доктор Менш. Чем больше вы боретесь с этим чувством, тем сильнее оно проявляется.

Просто расслабьтесь. Доктору Меншу легко говорить, ведь ему приходится иметь дело не с настоящими секретами, а со всякими отклонениями человеческой психики. А когда речь идет о вопросах национальной безопасности...

Дикерсон говорил с доктором Меншем о своих проблемах с секретами, но не о самих секретах, хотя доктор Менш считался лояльным и благонадежным гражданином, как показала проверка, которую Дикерсон приказал провести перед тем, как записаться к нему на прием. Да, безусловно, доктор Менш был лояльным гражданином, но у него не имелось допуска к секретной информации. Ему даже не полагалось знать, что Дикерсону известны какие-то секреты.

У Дикерсона стало еще больше проблем с тех пор, как у него появился новый начальник отдела, все сведения о котором содержались в строжайшей тайне. Дикерсон никогда не встречался с ним, а лишь разговаривал по телефону после сложного обмена кодовыми фразами, которые обновлялись каждый день.

Дикерсон нервничал еще и потому, что вчера ему позвонил шеф и хриплым голосом с чикагским акцентом — скорее всего поддельным — приказал, чтобы Дикерсон приготовился к немедленным действиям. Приближается большое-большое дело, сказал он.

Дикерсон смотрел на телефон, как на спящую кобру. Ему казалось, что аппарат может проснуться в любой момент, впиться в него зубами, заразить его интеллектуальным эквивалентом яда, заставить свернуть с проторенной дороги спокойных будней на опасную тропу, ведущую в неизвестность.

Дикерсону наконец удалось убедить себя, что ничего не произойдет, что телефон не зазвонит, что шеф просто решил проверить его бдительность. Помнится, кто-то утверждал, что если смотреть на телефон, то тот никогда не зазвонит.

В этот момент красный телефон зазвонил.

Сердце Дикерсона чуть не выскочило из груди. Он закрыл глаза и постарался взять себя в руки, повторяя мантру, которой научил его доктор Менш: «Ом мане падма хамн, я ненавижу англичан».

Удивительно, как такое простое предложение может принести облегчение, впрочем, довольно кратковременное.

Дикерсон снял трубку.

— Слушаю. — Он внимательно выслушал кодовую фразу,

произнесенную хриплым голосом. Затем произнес ответную фразу, и лишь после этого начался разговор: — Да, сэр. Конечно, сэр. Извините, сэр, повторите еще раз, пожалуйста. Да, сэр. Теперь я понял.

Трясущейся рукой Дикерсон положил трубку на рычаг. Он еще раз повторил мантру, чтобы успокоиться, затем подошел к желтому телефону и позвонил Блэйку в машину.

— Блэйк? Коэлли с тобой? Немедленно отправляйтесь в аэропорт. Знаете какой. Бросайте все к черту и быстро туда. Встречаемся через полчаса.

Дикерсон повесил трубку и тяжело вздохнул. Скоро свершится то, чего он так всегда боялся. Он увидит своего шефа. Ему придется узнать гораздо больше, чем хотелось бы.

Дикерсон ткнул клавишу селектора.

— Мисс Манипенни, пусть Фридрих подгонит машину к боковому выходу. Если мне кто-нибудь позвонит, скажите, что я вернусь не скоро.

Если вообще вернусь, мрачно подумал Дикерсон.

Глава 61

За время работы на «Охоту» Зейлу не раз приходилось совершать посадки в довольно необычных местах, но сейчас он с тревогой смотрел на лежащий внизу аэродром. Он с трудом посадил самолет на узкую полосу битого ракушечника. Они находились на южной оконечности острова Отер-Бей.

Дикерсон, Блэйк и Коэлли расстегнули ремни безопасности.

— Ты, Зейл, оставайся в самолете, — приказал пилоту Дикерсон. — И будь готов немедленно подняться в воздух. Возможно, наша встреча окажется не совсем дружеской.

Зейл кивнул, хотя не совсем понял, как Дикерсон сможет вернуться к самолету, если те, с кем он собирается встречаться, не пожелают его отпускать. А чтобы помешать самолету взлететь, достаточно посадить в засаде человека с базуккой где-нибудь в джунглях, зеленеющих по обе стороны взлетной полосы, и тот с легкостью выполнит это задание. Однако, будучи дисциплинированным пилотом, Зейл оставил все эти мысли при себе, чтобы в будущем использовать их в своих мемуарах.

Блэйк и Коэлли проверили обоймы в своих автоматических «спектрах».

— Надеюсь, он отдает себе отчет, что делает, — вполголоса сказал Коэлли Блэйку.

— О чем это вы там шепчетесь? — спросил Дикерсон, обладавший сверхчувствительным слухом.

— Я сказал, что собачку надо подкрутить, — брякнул Коэлли.

— Какую еще собачку? — удивился Дикерсон.

Коэлли вытаращил глаза, пытаясь придумать какое-нибудь объяснение. На выручку ему пришел Блэйк:

— Он говорит о пулемете, сэр. Собачкой называется скоба муфты безоткатного затвора новой модели «МСХ».

— Сейчас не время для праздных разговоров, — оборвал его Дикерсон. — Будете меня прикрывать, понятно? Смотрите в оба и действуйте только при необходимости. Но уж если начнете стрелять, не останавливайтесь до тех пор, пока мы не окажемся в самолете.

Агенты кивнули и спрятали миниатюрные «спектры» под пиджаки.

— Открывай дверь, Зейл, — приказал Дикерсон.

Зейл открыл дверцу и спустил трап.

На посадочной полосе возле трапа стоял доктор Дал. Представитель местного отделения Багамской корпорации был в легкой рубашке навыпуск, под которой не было никакого оружия, зато виднелся загорелый волосатый живот.

— Добро пожаловать на Отер-Бей, — сказал Дал. — Позвольте провести вас в дом для гостей, где вас ждут прохладительные напитки.

— Ага, а что еще? — прошептал Блэйк Коэлли.

Глава 62

Машина Блэквелла сползла с дороги и перевернулась. Теперь она лежала в десяти футах ниже асфальтового полотна, частично погрузившись в воду. Слегка ошарашенный Блэквелл вылез из «Линкольна», сжимая в руке «смит-энд-вессон», который обнаружил в бардачке. Его «Ролекс» с потайным пистолетом все еще находился у него на запястье, хотя Блэквелла совершенно не интересовало, который сейчас час, да и стрелять было не в кого.

Он стал выбирать на пологий берег, но замер, услышав рокот мотора и скрежет тормозов. Прямо над ним остановилась машина.

Блэквелл огляделся по сторонам, ища, куда бы спрятаться. Здесь Флоридская бухта соединялась с Эверглейдс. Неподалеку виднелись несколько островков, возвышавшихся всего на несколько дюймов над поверхностью воды и покрытых зарослями мангровых кустарников, тамаринда и диким виноградом. Дно было илистым, но достаточно твердым. Блэквелл побрел к ближайшему мангровому островку и едва успел спрятаться за него, как дверцы машины открылись.

— Эй, Блэквелл, ты там? — послышался голос над водой.

Блэквелла так и подмывало ответить: «Меня тут нет!» — но он подавил в себе это желание. Он замер и стал ждать.

Мерседес резко остановила свой «Порш» рядом с автомобилем Гусмана. Прежде чем выйти из машины, она открыла сумочку и проверила обойму длинноствольного «магнума-357». И лишь после этого присоединилась к Гусману.

Альфонсо Гусман стоял у кромки воды и всматривался в темные воды Флоридской бухты. Он был одет в оливкового цвета брюки с широким армейским ремнем и выцветшую охотничью куртку. В руках он сжимал «манлихер-302» с оптическим прицелом. Подмышкой в кобуре висел «узи» с двумя запасными обоймами. На его смуглом лице сияла довольная улыбка: он радовался, как школьник, которого пораньше отпустили с уроков. Он погладил отполированный приклад винтовки, словно это были одновременно собака, лучший друг и любовница.

— Эй, Блэквелл! — позвал он. — Я знаю, что ты там, *hombre*. Ты ведь Охотник, не так ли?

Он подождал несколько секунд. Ветер трепал его коротко подстриженные волосы и хлопал полами куртки.

— Отвечай, Блэквелл! Если ты скажешь, что ты не Охотник, то я уйду. Но если ты все же Охотник, настало время признаться в этом. Как ты считаешь?

— Да! — крикнул Блэквелл, и его голос зазвенел над водой. — Я Охотник, а ты — Жертва!

Гусман повернулся к Мерседес.

— Видишь, я сыграл на его самолюбии. Заставил обнаружить себя. — Он снова повернулся в сторону, откуда раздался голос Блэквелла. — Все поменялось местами, *hombre*! Теперь я Охотник, а ты — Жертва. Как тебе это нравится, *gringo*?

Грязный «БМВ» резко затормозил возле машины Гусмана, подняв облако пыли. Оттуда выскочил Эмилио, держа в руках «винчестер» с охотничьим прицелом. На плече у него висел двухствольный обрез.

— Попался, да? — спросил Эмилио. — Отлично, пошли за ним, *mi colonel*¹. Я справа, ты — слева. Судя по тому, как он улетывал, с оружием у него напряженка.

— Неплохой план, — сказал Гусман, — все как в старые добрые времена. Но сегодня ты останешься здесь, верный друг. Я пойду за ним один.

— Босс, вряд ли это самое удачное решение, — заметил Эмилио.

¹ Мой полковник (*исп.*).

— Ты не понимаешь, — ответил Гусман, — это тапо а тапо, классическая дуэль не на жизнь, а на смерть. К тому же я давно уже не веселился как следует.

— Босс, — сказал Эмилио, — я знаю, что ты настоящий тигр, но все же позволь мне пойти с тобой.

— Ты можешь прикрывать меня сзади, — сказал Гусман. — Но ни в коем случае не стреляй в него. Он мой, *tu sabes*?¹ Я лично должен его прикончить. — Он сошел с берега на мелководье и, крикнув: — Эй, Блэквелл, *yo vengo*², — направился к мангровому островку.

— Он всегда отличался упрямством, — с восхищением пробормотал Эмилио.

Он покачал головой и пошел за Гусманом. После секундного колебания за ними последовала и Мерседес.

Глава 63

В комнате было прохладно. Под потолком медленно вращались широкие лопасти вентиляторов. Дикерсон и Дал сели в конце длинного стола. Блэйк и Коэлли стояли, прислонившись к стене, покрытой рогожей из листьев ротанговой пальмы, готовые выхватить оружие в любую секунду. Пока такой необходимости не было. Дал смешал два коктейля из рома и протянул высокий запотевший стакан Дикерсону.

— Чин-чин, — сказал Дикерсон и сделал глоток.

— Господи, неужели люди до сих пор так говорят? — удивился Дал.

— Какая разница, как они говорят. Перейдем лучше к делу.

— Разумеется. Вы, как я понимаю, мистер Дикерсон, глава резидентуры в Южной Флориде, второй оперативный отдел ЦРУ?

Дикерсон коротко кивнул.

— А вы — Дал, начальник карибского сектора Багамской корпорации. На вас и вашу организацию у нас имеются солидные досье.

Дал улыбнулся:

— У нас на вас тоже.

— Думаю, что мне следует сразу уточнить наши позиции, — сказал Дикерсон, — чтобы не оставалось никаких недомолвок. Мы считаем деятельность Багамской корпорации незаконной. Она ведет к огромным штрафам и длительным тюремным заключениям.

— Конечно, мы вне закона, — сказал Дал. — Но наше дело

¹ Здесь: ты понял? (*исп.*).

² Я иду (*исп.*).

благородное и справедливое. И никто не сможет ничего нам сделать на нашем собственном острове. Я полагаю, мистер Дикерсон, что в вашем положении не стоит прибегать к угрозам.

— А я и не собирался вам угрожать, — ответил Дикерсон. — Просто мне хотелось внести ясность.

— Вы назвали нас незаконной организацией, — сказал Дал. — Но на самом деле мы — последняя надежда человечества.

— Ладно, пусть будет так, — согласился Дикерсон. — А теперь давайте о деле.

На лице Дала появилось удивленное выражение.

— Что вы имеете в виду?

— Ведь это вы настаивали на нашей встрече? — спросил Дикерсон.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — произнес Дал. — Относительно вас я не получал никаких инструкций. Ваше появление на острове для нас полнейшая неожиданность, хотя мы и не собираемся отказывать вам в гостеприимстве.

Собеседники устали друг на друга. Дал откашлялся. Рука Дикерсона непроизвольно дернулась — очевидно, это было физическое проявление подавляемых долгое время страхов проговориться о чем-либо секретном, — и опрокинула бокал с коктейлем. Прежде чем кубики льда упали на стол, Блэйк и Коэлли выхватили из-под пиджаков автоматы. В потолке открылся люк, и оттуда высунулось дуло «АК-47», которое медленно повернулось в сторону Блэйка и Коэлли. Затем боковая дверь в зал распахнулась, и на пороге появился Зейл в сопровождении двух лаборантов из Лос-Анджелесского университета, одетых в футболки с изображением шенка Снуппи.

— Что случилось, Зейл? — сдавленным голосом спросил Дикерсон. — Я вроде приказал тебе оставаться на корабле... тьфу! — на самолете.

— Я посчитал, сэр, что следует доложить о том, — сказал пилот, — что на остров только что приземлился еще один самолет.

Дикерсон и Дал недоуменно воззрились друг на друга.

Глава 64

Тишина висела над покрытым пятнами островов заливом, где Флоридская бухта соединяется с болотистым берегом Эверглейдс. Вода и земля образовали здесь одно целое — нечто вязкое, густое и хлюпающее. Шоссе походило на черный шрам, зияющий на поверхности мелководья. На краю дороги стояли две машины. Под ними, частично погрузившись в воду, лежала третья. Вдали, ближе к Мексиканскому заливу, виднелась рыбацкая шхуна, идущая под парусами в направлении Ки-Вест. За ней тя-

нулся белый пенный след. Чуть ближе — почти рядом с берегом — плыла плоскодонка. Рыбак в широкополой соломенной шляпе отталкивался от дна шестом.

Гусман повесил «манлихер» на плечо, больше доверяя автомату «узи». Держа его наготове, он осторожно подошел к островку, внимательно всматриваясь в густые заросли мангрового кустарника, железных деревьев и тумбо-лимбо. И остановился.

— Эй, Блэквелл! Выходи поиграть! — крикнул Гусман.

— Иди сюда и поймай меня! — крикнул Блэквелл с другой стороны острова. — Я здесь, сукин ты сын. Кончилось твое время.

— Мое время? Да как ты со мной разговариваешь, сопляк? Тебе хоть раз приходилось убивать? Думаешь, у тебя это получится? — Гусман замолчал, прислушиваясь.

Внезапно Блэквелл появился из-за островка с перекошенным от злости лицом. В руке он сжимал короткоствольный «смит-энд-вессон» 45-го калибра. Гусман нажал на спусковой крючок и выпустил автоматную очередь из своего «узи». Правая рука Блэквелла тут же окрасилась в красный цвет. Револьвер выпал из разжавшихся пальцев. Блэквелл наклонился, чтобы поднять его, но новая очередь из автомата заставила его поспешно юркнуть в спасительные мангровые заросли.

Глава 65

Дверь в зал заседаний Багамской корпорации распахнулась. Дикерсон и Дал вскочили. Блэйк и Коэлли застыли возле противоположной стены, словно барельеф гангстерского саркофага.

На пороге появился Симмонс. А за ним — невысокий, стройный Мастер Охоты с приятной улыбкой на лице.

— Я знаю, кто вы такой, — медленно произнес Дал. — Мы имеем на вас солидное досье. Но я никогда не предполагал, что мы можем встретиться.

— Вы и ваши люди любыми способами пытались предотвратить подобную встречу, — сказал Мастер Охоты. — Как видите, напрасно вы старались. Встреча все же состоялась.

— У нас с вами разные пути, — сказал Дал. — Наша организация пытается спасти мир от самоубийственной близорукости и безумия. Вы же и ваша «Охота» являетесь частью этого безумия.

— Вряд ли вы сами в это верите, — сказал Мастер Охоты. — Мы в «Охоте» предлагаем человечеству единственное решение — заменить войну законным убийством на добровольной основе. Вам ведь прекрасно известно, что человек никогда не может полностью удовлетвориться, пока кого-нибудь не убьет. Люди не могут по-настоящему наслаждаться пейзажем, если там не двигается нечто такое, во что можно выстрелить.

Нельзя отключать инстинкты, которые ведут нас к войне и прогрессу. Это лишь приведет нашу расу к полнейшему вымиранию. Мы — человеческие существа — рождены для охоты, мистер Дал, но теперь у нас совсем не осталось дичи. Нам не остается ничего другого, как убивать друг друга. А мы должны убивать. Поэтому нам просто необходимо упорядочить процедуру убийства.

— Но мы все же можем добиться выполнения цивилизованных законов! — воскликнул Дал.

— Вы прекрасно понимаете, что это невозможно, — заметил Мастер Охоты. — Может, через несколько столетий, но не в обозримом будущем. Мой дорогой Дал, наша первейшая и наиглавнейшая задача — возвращение к первоначальному экологическому равновесию. Этим как раз занимаетесь вы и ваша Багамская корпорация. Наша же миссия заключается в том, чтобы отвлечь человечество от войны, предоставив ему не менее захватывающую альтернативу. Без нас и нашей Охоты ваши высокоинтеллектуальные ученые останутся лишь горсткой мечтателей, живущих в своем воображаемом мире, в то время как беснующиеся политики творят свои грязные дела. Будьте практичным, Дал. Давайте действовать сообща.

— В ваших словах есть зерно здравого смысла, — согласился Дал. — Я не могу не отметить, что в наших научно-исследовательских разработках действительно существуют кое-какие недостатки. Дело в том, что люди стали такими равнодушными. Если не происходит никаких катастроф типа Лав-Кэнал¹ или Чернобыля, идея сохранения экосистем Земли абсолютно не привлекает внимания людей. Да, люди хотят заниматься более интересными делами, и пусть уж лучше они добровольно занимаются бессмысленными убийствами, участвуя в Охоте, чем миллионами погибают в не менее бессмысленных войнах. Если бы это зависело только от меня... но, увы! Я всего лишь региональный директор, всего лишь один из тех десяти, кто принимает окончательное решение в Багамской корпорации.

— Я возьму на себя смелость заметить, — сказал Мастер Охоты, — что такому рассудительному человеку, как вы, давно уже пора занять пост главного директора корпорации. Мы, разумеется, окажем вам всестороннюю помощь.

Дал рассмеялся:

— Вынужден признать, что ваша идея весьма заманчива. Но, уверяю вас, это абсолютно невозможно.

— О, все в нашей власти, — ответил Мастер Охоты, и его лицо расплылось в улыбке. — По правде говоря, ничего другого вам

¹ Название города, построенного на месте захоронения смертоносных химических отходов.

и не остается. Я взял на себя смелость информировать вашу уважаемую организацию, что вы перешли на нашу сторону.

— Они никогда вам не поверят!

— Поверят. Мы уже приступили к исполнению плана «Диоскуры». В данный момент команда наших специально обученных убийц уничтожает ваших главных чиновников.

— Вы не посмеете! — воскликнул Дал.

— Ни вы, ни я не в силах этому помешать. К исходу дня ваша компания окажется без руководства. Так что давай, Дал, не стесняйся, пользуйся случаем! Неужели ты не понимаешь, что мы вдвоем можем свалить правительство США! И у тебя, и у нас есть могущественные друзья в Конгрессе. Объединим наши усилия — и это станет началом нового порядка для человечества.

Дал прищурился, пытаясь проанализировать возможные варианты своих действий. Да, действительно, выбора у него не было.

— Ну, честно говоря, — сказал он, — мне наплевать, сколько человек погибнет в вашей дурацкой Охоте. Главное, что мы с коллегами сможем спасти мир. Ладно, Мастер, я с тобой.

Дикерсон слушал весь этот разговор, хмурясь все больше и больше. Он шагнул вперед, маленький человек, преисполненный решимости.

— Если вы думаете, что вам это удастся, вы глубоко ошибаетесь! Блэйк! Коэлли!

Агенты тут же выхватили оружие. Ствол «АК-47» с потолка поочередно взял всех на мушку. Казалось, вот-вот начнется нечто невообразимое.

— Прежде чем совершить нечто такое, о чем вы пожалеете, — сказал Мастер Охоты, — подумайте, не говорит ли вам о чем-нибудь следующая фраза: «Апельсин, альфа 323, метла и подошвы»?

— Это же сегодняшний пароль! — воскликнул Дикерсон. — Откуда, черт возьми, вы его знаете?

— В этом нет ничего странного, — ответил Мастер Охоты, внезапно заговорив хриплым голосом с чикагским акцентом, который так хорошо был знаком Дикерсону.

— Босс! — просипел Дикерсон.

— А теперь выполняйте мои приказы, — сказал Мастер Охоты.

— Да, сэр. Но, сэр, зачем мы это делаем?

— Ради блага нашей страны, — ответил Мастер Охоты.

Услышав подобное объяснение, Дикерсон облегченно вздохнул. Он боялся оказаться втянутым в предательский заговор. Это могло привести его к внутреннему конфликту, а доктор Менш советовал ему избегать конфликтов.

— Теперь вы видите, — сказал Мастер Охоты, обращаясь к Далю, — почему наш план увенчался успехом. Все основные силы на нашей стороне. Через год Охоту узаконят в Америке, а затем ее

примеру последует и весь мир. А уж потом мы посвятим себя переустройству мира.

Дал и Мастер Охоты пожали друг другу руки. Симмонс, Блэйк и Коэлли заулыбались, радуясь, что они на одной стороне. «АК-47» исчез из отверстия в потолке.

— А что с Охотником? — спросил Коэлли.

— С Блэквеллом? — уточнил Симмонс. — Думаю, он уже убил свою Жертву.

— Все не так просто, — сказал Дал. — Боюсь, у меня для вас плохие новости. Когда все это началось, мы послали своего представителя узнать, что произошло с нашим поставщиком оружия, и исправить положение. Боюсь, это означает, что мистера Блэквелла должны ликвидировать.

— А разве нельзя отозвать представителя обратно? — поинтересовался Симмонс.

Дал покачал головой:

— Она не поддерживает с нами связь по радио.

— В таком случае, — сказал Мастер Охоты, — Блэквеллу придется позаботиться о себе самому. Я не меньше вас сожалею о его судьбе, но в борьбе за новый мировой порядок Жертвы неизбежны.

Глава 66

Эмилио услышал стрельбу и ринулся вперед, теряя в вязкой жиже туфли, но не решимость. В нескольких ярдах позади, с трудом передвигая ноги, шла Мерседес. Плоскодонка подплыла ближе, и рыбак в соломенной шляпе выпрямился, с любопытством наблюдая за происходящим.

— Вали отсюда! — закричал Эмилио, размахивая пистолетом.

Рыбак направил лодку в сторону, а затем внезапно повернулся. Шляпа слетела, и стали видны славянские черты лица. Поляк!

Короткими очередями из двух «узи» он уложил Эмилио наповал. Лодка качнулась. Чтобы удержать равновесие, Поляк замахал руками. В этот момент он представлял собой замечательную цель. Мерседес подняла свой «магнум-357» и всадила Поляку пулю прямо в грудь.

Глава 67

Гусман медленно приблизился и остановился в трех футах от островка, крепко сжимая в руке свой «узи». Блэквелл лежал в воде, держась левой рукой за раненое плечо и изо всех сил пытаясь не потерять сознание. Шок уже прошел, и теперь боль волнами расходилась от плеча по всему телу. Вскоре к Гусману подошла

Мерседес. Ее костюм из светлого полотна был запачкан грязью, а длинные темные волосы спутались.

— Ну как, понравилось тебе охотиться, щенок?

Блэквелл ничего не ответил. Что он мог сказать?

— Прощай, пустая голова, — произнес Гусман, направляя на Блэквелла дуло «узи».

— Нет! — воскликнула Мерседес и нажала на спусковой крючок. Пуля из «магнума-357» разворотила Гусману затылок. Он рухнул ничком в воду. Этакий коктейль из человеческих мозгов для крабов.

Мерседес опустилась на колени рядом с Блэквеллом. Она продолжала держать «магнум» в непосредственной близости от головы Охотника.

— Я не могла позволить, чтобы этот толстый подонок пристрелил тебя, — сказала Мерседес. — Это позор — умереть от руки человека, который смазывает свои волосы вазелином.

— Мерседес, — прошептал Блэквелл. — Я тебя люблю. Все это похоже на какое-то сумасшествие, правда? Теперь мы можем быть вместе, ты и я. Уедем куда-нибудь далеко, где никто никогда не слышал про Охоту, скажем, в Новую Гвинею. Мы поженимся и будем вечно любить друг друга. Как это будет прекрасно. Что скажешь?

— Если бы я только могла! — воскликнула Мерседес. По ее лицу текли слезы. — Я без ума от тебя, Фрэнк! Ты такой приятный, такой беззащитный, такой прямолинейный. Я еще никогда не встречала такого мужчину. Но у нас ничего не выйдет, дорогой. Забавно, что ты упомянул Новую Гвинею. Я как раз только что вернулась оттуда. Пришлось прикончить там одного парня, который решил нарушить правила Багамской корпорации.

— Скажи им, что Гусман убил меня. Что я утонул. Что ты искала меня, но не смогла обнаружить. Мы найдем какой-нибудь далекий уголок. Вот что, встретимся через месяц возле Скидморского фонтана в Портленде, штат Орегон. Никому и в голову не придет искать нас в таком месте.

— Я бы с удовольствием, радость моя, но после каждого задания мы проходим проверку на детекторе лжи. Это обязательная процедура, и мне от нее никак не отвертеться. Прости, но лучше это сделаю я, чем кто-нибудь чужой. Закрой глаза. Ты ничего не почувствуешь.

— Мерседес! — воскликнул Блэквелл. — Не шути так!

Склонившись над ним с убийственной нежностью, Мерседес приставила дуло пистолета к его виску. Блэквелл дотянулся до запястья правой руки и нажал на кнопку завода своего смертоносного «Ролекса». Пуля оцарапала щеку Мерседес и срезала локон роскошных черных волос.

— М-да, — произнесла она, поджав губы. — Может, в конце концов, ты не такой уж и приятный человек.

— Дорогая, давай поговорим спокойно!

Губы Мерседес сжались еще больше, а указательный палец напрягся на спусковом крючке. Блэквелл зажмурил глаза. Раздался выстрел...

Глава 68

Через шесть месяцев Блэквелл снова оказался в секретной штаб-квартире, расположенной на севере Нью-Джерси. На лифте он спустился на оперативный уровень. Секретарша провела его к Симмонсу. Тот вышел из своего кабинета и лично проводил его в апартаменты Мастера Охоты.

— Рад тебя видеть, Фрэнк, — сказал Мастер Охоты. — Как плечо, уже зажило?

— С плечом все в порядке, — ответил Блэквелл.

— Думаю, тебе уже рассказали, что Конгресс только что проголосовал за принятие Акта о законном убийстве совместно с Актом об охране окружающей среды. Настал новый день в истории человечества.

— Да, сэр, — сказал Блэквелл. — Я чрезвычайно этому рад.

— Все еще сердисься, да?

— Да, сэр. Это так.

— Я думаю, пора забыть давние обиды. Я хочу, чтобы вы помирились.

Мастер Охоты сделал жест рукой, и из темного угла вышел Поляк.

— Здорово, приятель, — сказал он. — Я хотел навестить тебя в больнице, но мне передали, что ты отказываешься меня видеть.

Лицо Блэквелла напряглось.

— Я и сейчас не желаю тебя видеть. Ты сказал, что прикроешь меня. Но когда мне понадобилась твоя помощь, тебя не оказалось.

— По крайней мере, я могу объяснить тебе причину моего опоздания.

— Не нужно мне твоих объяснений, — сказал Блэквелл. — Ты был моим другом и моим Наводчиком. Я доверял тебе. А тебя не оказалось там в нужный момент.

— Это я приказал, — произнес Мастер Охоты.

Он шелкнул пальцами, и из затемненной части комнаты вышли двое мужчин. Низкого роста, в соломенных шляпах и с тонкими усиками. Валериано и Панфило выглядели сейчас гораздо лучше, чем в лагере контрабас неподалеку от Сан-Франциско-дела-Пас.

— Прости своего друга, сеньор, — сказал Валериано. — Он опоздал лишь потому, что доставлял нам оружие. Да, он действительно рисковал твоей жизнью. Но если бы мы не получили вовремя оружие, наша революция потерпела бы поражение.

— Что-то я никак не пойму, — сказал Блэквелл. — Я считал, что контрас проиграли.

— Так оно и есть на самом деле, — ответил Панфило. — Только мы никогда не были контрас. Мы с Валериано сразу же после университета стали секретными агентами «Охоты».

— Это правда, — подтвердил Валериано. — Люди из подполья смогли вовремя раздать оружие всем нашим последователям. Восстание началось на следующий день. К нашему правому делу присоединились бойцы как сандинистского фронта, так и контрас. Мы выступали за светлые идеалы, право на законное убийство, а также за умеренное перераспределение имущества среди различных слоев населения. Так что лишь благодаря вашему другу, сеньор, в начале той недели «Охота» получила статус законной организации во всех странах Центральной Америки, которые объединились теперь под нашим руководством.

— К тому же, — добавил Поляк, — я появился как раз вовремя, чтобы спасти твою жизнь!

— Ты не должен был ее убивать! — воскликнул Блэквелл.

Поляк покачал головой:

— Я должен был это сделать, Фрэнк. Она собиралась пристрелить тебя.

— Мерседес не собиралась это делать. Она просто шутила.

— Черт возьми, Фрэнк! Она собиралась сделать именно это. А если она и шутила, то как я мог определить это, находясь от нее в тридцати ярдах?

— Ты мог бы просто ранить ее, а не убивать.

— Ты что, рехнулся? Лежа с простреленной ногой и почти без сознания? Тебе крупно повезло, что я вообще попал в нее, будучи в таком состоянии.

Блэквелл помотал головой.

— Поляк, она ведь любила меня, — дрожащим голосом произнес он.

Поляк обнял Блэквелла за плечи.

— Может, и так, приятель, может, она действительно тебя любила. Но в ней было нечто такое, что заставило бы ее убить тебя несмотря на то, что она тебя любила, в чем, честно говоря, я сильно сомневаюсь.

Блэквелл ссутулился, черты лица заострились, а в потухших глазах появилась безысходность.

— Что ж, — произнес он, — все кончено. Сначала Клэр, а теперь Мерседес. Почему мне всегда так не везет с женщинами?

Все время их убивают. Но что самое обидное, мне в жизни больше не к чему стремиться.

— Нет, приятель, есть, — с заговорщицкой улыбкой сказал Поляк.

— О чем ты?

— Ну-ка взгляни на это.

Поляк протянул Блэквеллу листок бумаги. Тот взял его и пробежал глазами. Затем перечитал во второй раз более внимательно.

— Охота? Мы с тобой снова собираемся охотиться? Но ведь я ничего не подписывал.

— Я взял на себя смелость сделать это за тебя, — сказал Поляк. — Разумеется, ты вправе отказаться. Но тогда мне придется искать другого Охотника, чтобы служить ему Наводчиком.

— Не знаю, почему мне разрешили принять участие еще в одной Охоте, — сказал Блэквелл. — В прошлой Охоте я ведь показал себя не с лучшей стороны. В том смысле, что не я убил Жертву, а Мерседес. — Он помолчал, а потом хриплым голосом добавил: — Она сделала это ради меня, Поляк!

— Не начинай все сначала, Фрэнк. Да, в последний раз у тебя дела шли не очень-то удачно. Но в тебе есть потенциал Охотника. Поверь мне, уж я-то в этих делах разбираюсь. Многим первая Охота служит только разминкой, а уж потом они разворачиваются вовсю.

— Ты действительно так считаешь? — хрипло переспросил Блэквелл.

— Еще бы, — усмехнулся Поляк. — Стал бы я иначе рисковать своей репутацией, снова идя к тебе Наводчиком?

— Ладно, Поляк, — сказал Блэквелл, и на этот раз его голос звучал твердо. — Поохотимся вместе, но на этот раз все будет как надо.

После того как они ушли, а Панфило с Валериано отправились на прием, устроенный в их честь, Симмонс повернулся к Мастеру Охоты.

— Я рад, что с Блэквеллом все обошлось, — сказал он. — Вообще-то не стоит принимать такие вещи близко к сердцу, но я волновался за этого парня.

— Зря, — ответил Мастер Охоты. — Я с самого начала знал, что он не подведет. К тому же счастье или несчастье отдельно взятого индивидуума не идет ни в какое сравнение с теми социальными изменениями, которые он вызвал своими действиями. Теперь Охота стала законной, Симмонс, и человечество станет жить по новым законам. Война побеждена! Земля спасена! Наконец-то настал золотой век человечества!

**АГЕНТ X,
ИЛИ
КОНЕЦ ИГРЫ**

День выдался длинный и трудный. У меня были встречи в самых разных местах Парижа: возле Оперы, потом на той стороне Сены, на улице Ванв, потом снова на этом берегу, в предместье Сент-Оноре, и опять недалеко от Оперы. Результат: ноль.

Было уже около семи, когда я вышел из метро на станции Кюньи. В Париже стоял апрель; по бульвару Сен-Мишель нескончаемым потоком неслись дизельные грузовики. Лил холодный, безнадёжный дождь. Я устал, ноги болели, настроение — хуже некуда. Язык распух от переговоров по-французски с мрачными секретарями. Хотелось забраться к себе в берлогу, сварить яйцо... Но я обещал Джорджу встретиться с ним и выпить за компанию.

Он ждал меня в убогом маленьком кафе возле Эколь Нормаль. Мы немного поболтали о погоде. Потом он спросил, не нашел ли я работу, и я ответил, что не нашел. Он глубоко задумался.

Я знаю Джорджа со старших классов школы, но между нами мало общего. Джордж — мужчина приземистый, решительный и чрезвычайно практичный. Я же довольно высокого роста и склонен к неожиданным поступкам и сомнительным приключениям. Джордж приехал в Европу, чтобы занять скромный пост сотрудника какой-то государственной конторы. А я ни от кого никаких конкретных предложений не ждал.

И поскольку я готов был взяться за любую работу, мне, разумеется, никакой работы не подворачивалось. Вскоре я понял, что в Париже у меня нет будущего, да и настоящее — продажа местного издания «Геральд Трибьюн» — тоже оставляло желать лучшего. Один раз меня наняли водителем (нелегально, естественно), чтобы перегнать новенький бьюик из Гавра в Париж. Потом я нашел работу контрабасиста в маленьком французском джаз-оркестрике на Монмартре. Но для того чтобы получить это место, нужно было сперва раздобыть разрешение, за которым я и обратился в отдел трудовых ресурсов Министерства труда. Оттуда меня, мягко выражаясь, поперли — ведь если бы эта работа досталась мне, значит, ее лишился бы какой-нибудь вполне заслуженный французский контрабасист.

Я был разочарован, но не озлобился. Мне нравилось в Европе, и я хотел здесь остаться. Я мечтал жить в Риме, в апартаментах с ледяными мраморными полами, скверным отоплением, без

холодильника, но с лоджией и с патио, и чтобы в квартире были французские окна от пола до потолка и балкон с видом на сады Боргезе. В крайнем случае, я готов был отказаться от лоджии.

Но увы, даже эта скромная мечта, по всей вероятности, была для меня неосуществима. Мои финансы окончательно истощились; как только они исчезнут совсем, я тоже буду вынужден исчезнуть.

— У меня вроде бы есть для тебя работа, — произнес Джордж после продолжительных размышлений.

— Да неужели?

Джордж оглянулся по сторонам. Мы были совершенно одни, если не считать сотен трех студентов. Понизив голос, он сказал:

— Билл, не хочешь ли ты помочь нам поймать одного шпиона?

— С удовольствием! — откликнулся я.

— Я ведь серьезно говорю.

— Я понял. Я тоже вполне серьезно. А мне дадут длинный плащ и пистолет с кобурой, что носят под мышкой?

— Никаких пистолетов, — сказал Джордж.

— Но, по крайней мере, я буду работать в паре с прелестной и таинственной леди?

— И этого не будет.

— М-да, пока что звучит не слишком привлекательно, — заметил я. — Может, мне лучше предложить свои услуги МИ-5 или Сюрте Женераль?

— Послушай, — сказал Джордж сердито, — я вовсе не шучу.

Улыбка вовремя сползла у меня с губ. За пятнадцать лет, что мы с Джорджем знакомы, он шутил всего несколько раз, а на эту тему — и вовсе никогда.

— Да-да, я прекрасно это понимаю.

— Но это действительно серьезное предложение!

Я откинулся на спинку стула и посмотрел прямо на него. Меня всегда интересовало, как становятся секретными агентами. Теперь все стало ясно: человека в эту сферу бизнеса просто приглашает приятель, который там уже работает.

— Так что? — спросил Джордж, немного помолчав.

— Ты о чем?

— Тебя это интересует?

— Я ведь уже ответил: да, интересует. Когда приступать?

— Было бы лучше, — сурово произнес Джордж, — если бы ты сперва немного подумал, прежде чем принимать подобное решение.

Ну, я немного подумал — просто чтоб доставить ему удовольствию. Интересно, гоюсь ли я для того, чтобы вести полную приключений жизнь секретного агента? Я довольно метко стрелял из винтовки М-1, умел водить спортивные машины, правда, с весьма умеренной скоростью. Как-то я помог довести парусную яхту

С-класса из Манхассета в Порт-Джефферсон¹, и один раз мне доверили управление моторной лодкой. Я способен был объяснить-ся на ломаном французском, испанском и итальянском; прошел трехчасовой (ускоренный) курс дзюдо. И, конечно же, всегда взахлеб читал все о жизни разных замечательных людей на страницах многих, ныне уже прекративших свое существование макулатурных журнальчиков. Короче, я вроде бы подготовлен был неплохо.

Я также подумал о том, насколько интересной может оказаться подобная работа, как мало у меня осталось денег и как безрадостна перспектива остаться безработным в Париже. А возвращаться в Штаты вовсе не хотелось. Я понимал, что Джордж говорит серьезно, он даже несколько помрачнел из-за моей неуместной веселости; но я никак не мог настроиться на нужный тон. Я не раз слышал, что в Европе полно секретных агентов любых национальностей, полов и возрастов — в общем, всех типов и мастей; но идея выступить в подобном качестве вместе с Джорджем представлялась мне совершенно нелепой.

— Ну, хорошо, — сказал я, — я подумал.

— По-моему, у тебя совершенно неадекватная реакция, — холодно заметил Джордж. Наверное, я все-таки его оскорбил.

— Извини, — сказал я. — Не сумел сразу свыкнуться с мыслью, что ты агент ЦРУ. А ты давно там работаешь?

— Я работаю в самостоятельной организации. Хотя, конечно, мы сотрудничаем с ЦРУ.

— Но почему ты обратился ко мне? Как-то странно... Разве такую работу можно доверять кому-то не из ваших?

— Обычно мы посторонних действительно не привлекаем. Но сейчас нам нужен человек, ранее не имевший с нами никаких контактов. Как и с ЦРУ, и прочими службами.

— Зачем?

— Чтобы поймать одного шпиона. Для этого нужна свежая наживка.

Звучало крайне неприятно, но вряд ли можно было винить в этом Джорджа.

— И еще, — добавил Джордж. — Нам нужен человек примерно твоего возраста и внешности. Которому можно было бы доверять. Ты мой старый друг, и я тебе полностью доверяю.

— Спасибо, — сказал я.

— Ну, хорошо. Если ты согласен, тебя нужно представить шефу. Он сам тебе обо всем подробно расскажет.

Джордж расплатился и, уже направляясь к выходу, добавил:

— Кстати, не рассчитывай так уж особенно заработать. У нас с бюджетом туго. Да и задание у тебя будет простенькое и короткое.

¹ Оба на северном побережье Лонг-Айленда, на расстоянии около 60 км.

— А я и не рассчитываю, наше дело — что? Служить! — Возможно, это прозвучало недопустимо легкомысленно, но так уж получилось: слишком Джордж выглядел надутым и серьезным.

Мы отправились к нему в офис на бульвар Осман. Там со мной побеседовал некий полковник Бейкер. Это был небольшой аккуратный человечек с лицом цвета хаки, серо-стальными глазами и иронично улыбающимся маленьким ртом. Ногти у него были все обгрызены. Он мне сразу очень понравился.

Мне объяснили задачу. Дело касалось некоего Антона Кариновского, румына по происхождению и русского агента по профессии. Этот человек — под разными именами и в разном обличье — уже в течение нескольких лет доставлял массу хлопот секретным службам стран Западной Европы. Полковник Бейкер получил задание как-то его приструнить.

За этим последовал длительный период всякой переписки, наружных наблюдений и просто ожидания. Наконец, организации Бейкера удалось — с достаточной вероятностью — выявить человека, который, как они полагали, и является Кариновским.

После чего долго разрабатывались разные планы, затем началась длительная и хитрая слежка, ну а теперь уже требовалась просто некая ловкость рук. Все было сведено в единый план, в просторечии именовавшийся «Западня». Было известно, что через два дня Кариновский сядет на поезд, идущий в Барселону. Мне следовало попасть на тот же поезд. Я должен был послужить наживкой; на профессиональном жаргоне Службы я изящно именовался «сыром».

— Мне, в общем-то, все равно, — заявил я, — но должен предупредить, оружия я не держал в руках с тех пор, как демобилизовался.

— Разве Джордж вас не предупредил? — спросил Бейкер с легким раздражением. — Никакого оружия!

— Он мне не говорил... Впрочем, это не имеет значения. Но вот будет ли ваш Кариновский играть по правилам?

— Никаких мер насилия не планируется, — заявил Бейкер. — Вам нужно просто следовать полученным указаниям.

— Слышать — значит повиноваться, — отвечал я. И машина завертелась.

Через двадцать четыре часа некий американский бригадный генерал, находившийся в отпуске в Памплоне, получил срочный запрос от своего начальника, двухзвездного генерала, командующего 22-й американской моторизованной дивизией, размещенной в Сангуэсе. Первый генерал срочно перерыл все свои бумаги, обнаружил отсутствие нужной и отправил срочное шифрованное сообщение в свой штаб в Париже. Вскоре после получения его телеграммы некий штатский, весьма представительный молодой

человек, посетил штаб Третьей армии на авеню де Нейи, где в одном из кабинетов на третьем этаже некий насупленный полковник вручил ему портфель. Молодой человек неторопливо вышел из здания, небрежно огляделся по сторонам и подозвал такси. На нем были спортивная рубашка, брюки в полоску, итальянский шелковый пиджак и начищенные до блеска шотландские башмаки. Только его платок серо-оливкового, точно мундир новобранца, оттенка не был неоспоримо штатского происхождения.

Этим представительным молодым человеком был я, по уши вляпавшийся в хитросплетение интриги, затеянной полковником Бейкером. По его задумке, я должен был делать вид, что пытаюсь незаметно доставить некие бумаги своему красномордому генералу. Кроме того, я должен был притвориться, что стараюсь ни в коем случае не походить на американского военного атташе. Это являлось самой трудной частью моего сценического перевоплощения. Как Кариновский обо всем этом догадается, моему пониманию было совершенно недоступно. Я считал весь этот план безнадежно пересложненным. Конечно, я ничего не понимаю в хитроумных шпионских делах. Впрочем, Бейкер сказал, чтобы я по этому поводу не волновался.

Я добрался до Лионского вокзала и вскоре уже сидел в купе первого класса «Южного экспресса», набитого стремящимися в Памплону отпускниками, среди которых, как всегда в это время года, преобладали гринго. Итак, «сыр» вступил в игру; удивительным было то, что «мышь» и впрямь следовала за ним по пятам.

Мне не пришлось разыскивать Кариновского; он, как и ожидалось, нашел меня сам. Мы с ним ехали в одном купе. Он оказался мужчиной средних лет, с грубыми чертами почти квадратного лица. У него были темные усы, мешки под глазами, сломанный нос, коротко стриженные седые волосы и здоровенные уши. В общем, тип защитника из американской футбольной команды, или венгерского пехотного полковника, или даже сицилийского бандита. Однако он представился как швейцарский коммивояжер, занимающийся продажей часов, по фамилии Шонер. Я назвал заместителем менеджера одной туристической фирмы и сказал, что зовут меня Лаймингтон.

Мы немного поболтали. Вернее, болтал Кариновский. Он оказался страстным футбольным болельщиком и без конца анализировал шансы швейцарской команды в предстоящем матче в Милане. Мы докурились до того, что воздух в купе стал синим; крепкий запах его «Голуаз» напрочь забил мой «Честерфилд». Поезд мчался вперед через зеленые поля и перелески Франции. К тому времени, когда он подъехал к Виши, мы полностью исчерпали тему футбола и перешли к автогонкам на Гран-при. У меня

всегда разгораются глаза, стоит мне услышать рев моторов «Феррари», «Астон-Мартин», «Альфа-Ромео» и «Лотусов». За пару часов я прикончил пачку сигарет и начал другую. В купе было жарко. Я промокнул лоб своим предательского цвета платком, и мне показалось, что в маленьких мутных глазках Кариновского блеснул роковой огонек. Однако монолог свой он не прервал. Мочевой пузырь у меня уже готов был взорваться (обычная профессиональная неприятность у шпионов, как я узнал позднее), а во рту был такой вкус, словно я проглотил содержимое пепельницы или погребальной урны. Кажется, мы подъезжали к Перигу, когда Кариновский принялся рассказывать о своих коммивояжерских приключениях и буквально заговорил меня до смерти. Нервы мои были на пределе; я уже с трудом выносил его сухой, монотонный, скрипучий голос и совершенно отупел под лавиной спортивной информации, идиотских комментариев и бородатых анекдотов.

У меня даже возникло опасное желание врезать ему, чтоб наконец заткнулся, но я не стал этого делать, а, извинившись, отправился в сортир. Портфель я, разумеется, взял с собой. Вернулся я минут через пять, и мы, конечно же, продолжили беседу. Но поезд — наконец-то! — замедлил ход: мы подъезжали к пограничному пункту в Ади.

Кариновский тоже замедлил темп. И стал нервно жевать ус. Потом вдруг покрылся пятнами и заявил, что ему что-то нехорошо. Пришлось мне пойти за проводником, а когда я вернулся, Кариновский сидел, согнувшись и держась за живот, и его трясло, как в лихорадке. Мы с проводником решили, что у него приступ аппендицита.

В Ади мы помогли ему сойти с поезда. А когда поезд снова тронулся, я решил проверить содержимое своего портфеля. И тут же увидел, что портфель не мой, хотя и похожий. Кариновский, должно быть, подменил его, пока я ходил за проводником. Тот, что он мне оставил, был набит газетами. А в том, который он забрал с собой, находились сводки о военных маневрах под грифом «для служебного пользования». Там же лежала тысяча долларов в дорожных чеках. Пока что все шло по плану.

Я доехал до следующей остановки — до Масса. Там я сошел, отправился в ближайшее кафе, которое называлось «Голубой олень», и уселся ждать телефонного звонка. Я прождал три часа, но никакого звонка так и не дождался. Тогда я сел на поезд, идущий обратно в Париж, и хорошенько пообедал.

На следующий день я явился в офис полковника Бейкера. Полковника и Джорджа буквально распирало от восторга. Бейкер откупорил бутылку шампанского и рассказал мне, что происходило дальше.

Они с Джорджем и еще кое-кто из их людей ждали в Ади, когда Кариновский сойдет с поезда, а потом вежливо, но твердо предложили ему пройти в одно тихое кафе, где и предъявили ему все компрометирующие факты и улики. А именно:

Кариновский выкрал портфель, в котором находились важные военные документы и тысяча американских долларов. Портфель нетрудно идентифицировать; свидетели имеются; владелец портфеля ждет в Массе и готов дать соответствующие показания под присягой и предъявить иск в полном соответствии с французскими законами. А это означает по крайней мере десять лет во французской тюрьме.

Кариновский понял, что его заманили в ловушку. И был готов к деловому разговору.

Все условия удалось обсудить в течение следующего получаса. Бейкер не сказал мне, о чем именно они договорились, но, по всей видимости, считал достигнутые соглашения вполне удовлетворительными.

И тут Джордж сказал:

— Но ты еще не знаешь самого интересного!

— Не уверен, что нам следует его об этом информировать... — задумчиво проговорил Бейкер.

— Почему же нет? — удивился Джордж. — В конце концов, он ведь тоже участвовал в этом деле.

— Наверное, вы правы, — сказал Бейкер и с облегчением откинулся на спинку стула. Ласково смотревшие на меня глазки его затуманились воспоминаниями. — Так вот, — сказал он, — еще в кафе, едва Кариновский понял, в каком неприятном положении оказался, он стал лихорадочно соображать, где совершил ошибку и каким образом кому-то удалось так ловко заманить его в капкан. Думал он, честно говоря, довольно долго, а потом с ужасом и удивлением посмотрел на нас и воскликнул: «Господи! Так это тот армейский недоумок!.. Значит, это был ваш человек?.. Верно?»

Бейкер нежно улыбнулся ему и спросил: «Вы имеете в виду нашего мистера Ная?»

Кариновский сник и пробормотал: «И как я раньше не догадался! Теперь-то мне понятно, что этот идиот — из ваших».

«Не совсем, — отвечал Бейкер, испытав внезапный прилив вдохновения. — Вы были бы ближе к истине, сказав, что подчиненными этого идиота являемся мы».

Кариновский разинул рот. «Я вам не верю!» — заявил он. Но уже было ясно, что он во все поверил.

И тут Бейкер понял: ему удалось создать у Кариновского неожиданную иллюзию, внушив ему, что в ловушку его заманил

некто, обладающий выдающимся интеллектом и высочайшим профессионализмом.

Будучи абсолютным прагматиком, Бейкер сразу ухватился за сей неожиданный подарок судьбы. В конце концов, его работа всегда так или иначе связана с миром иллюзий, и он решил, что в данном случае иллюзия может оказаться весьма полезной, особенно если Кариновский вздумает упрямитесь. Личностный подход, в конечном итоге, всегда играет главную роль; следовательно, во всех отношениях выгоднее (и надежнее) создать у Кариновского впечатление, что над ним навис грозный призрак «секретного суперагента Ная», а не какой-то безликой организации. Помимо этого, чисто практического соображения возникли и другие привлекательные возможности, болотными огоньками мерцавшие впереди: агент-призрак способен выполнять куда более опасные задания, нежели его соперники во плоти. Призрак нельзя поймать обычными методами.

Да, для «агента Икс», как Бейкер уже начал именовать его, работенка всегда найдется. Агент Икс в действительности воплощал собой тот закон человеческой природы, согласно которому обманщик сам легче всего становится жертвой обмана. Бейкер решил назвать это «законом самообмана»; железное правило, в соответствии с которым милостивая Природа превращает самую сильную сторону хищника в его фатальную слабость и таким образом в конечном итоге губит его.

Так все это представлялось Бейкеру, опьяненному успехом и полагавшему в тот миг, что для него не существует неразрешимых задач. Одно его слово — и целые армии фантомов маршируют куда следует, а реальные люди из плоти и крови дрожат от страха при виде этих фантомов.

И он чрезвычайно ласково спросил Кариновского: «Ну что? Провел вас наш мистер Най?»

«Мне казалось, я разбираюсь в людях, — отвечал Кариновский. — Я готов был поклясться, что мой попутчик — полный нуль, ничтожество, которое и во внимание-то принимать не следует. Никак не думал, что это профессионал!»

«Най всегда отлично умел произвести именно такое впечатление, — с удовольствием сообщил ему Бейкер. — Это один из его особых талантов».

«Если это действительно так, — заметил Кариновский, — то он просто феноменальный оперативник. Хотя — вряд ли. Все-таки, скорее всего, вы сами спланировали эту операцию?»

Бейкер припомнил многомесячные отупляющие бдения, скучную рутину, доведенную до совершенства координацию действий агентуры и собственные, близкие к гениальным усилия, по-

зволнившие создать план, скроенный исключительно под Кариновского, и ни под кого другого. Он хотел было поведать об этом Кариновскому, но удержался. Пожертвовал кратким мигом упоения собственной победой в интересах только что созданной им иллюзии.

«Мне, право, тоже очень бы хотелось, чтоб это было так, — сказал он. — Но дело в том, что я с самого начала был против подобного плана. Считал, что он не сработает. А Най меня переубедил. И, как обычно, оказался прав. — Бейкер горько усмехнулся. — С победителем ведь не поспоришь, не так ли?»

«Так, — отвечал Кариновский. — Не поспоришь». И глубоко вздохнул.

Вот так оно все и получилось. Мы откупорили вторую бутылку шампанского и выпили за успех. Джордж спросил меня, как я себя ощущаю в роли суперагента, и я ответил, что прекрасно (причем это соответствовало истине). Полковник Бейкер предавался приятным размышлениям насчет грядущих действий, а затем заявил, что всегда хотел создать своего собственного, личного, агента-фантома. Настоящие ведь едва способны найти дорогу домой в темноте. И он поведал мне несколько интересных историй в подтверждение своих слов.

Вскоре после этого мы разошлись. У меня в кармане лежал простой белый конверт. А в нем — пятьсот долларов, какую сумму я полагал вполне адекватным вознаграждением за один день работы.

Подходящая работенка! И, конечно же, в те мгновения я был абсолютно уверен, что все уже позади.

Глава 2

В последующие полтора месяца я перепробовал множество других видов деятельности. Несколько выходных работал барменом (нелегально) в одном заведении возле площади Вогезов. Я бродил по набережным Сены, по острову Св. Людовика, по мрачному саду, что за Сен-Жермен-де-Пре. В одном книжном магазинчике на Рю де ля Юшетт я раскопал гигантские запасы макулатурного чтива о войне в воздухе и как голодный набросился на эти книжонки, подумывая, а не написать ли мне эссе об Эпохе Военно-Воздушной Невинности, когда боевые самолеты изобретены еще не были? Но ничего я писать не стал, а вместо того предложил себя в качестве редактора и консультанта в новый французский журнал научной фантастики. Меня туда даже

взяли, а потом я стал свидетелем и участником полного развала предприятия, когда у потенциального издателя кончились деньги.

Таким образом, мое положение в целом осталось практически неизменным, когда позвонил Джордж. Я уже говорил — это было через шесть недель после «дела Кариновского». Оказалось, что меня хочет видеть полковник Бейкер. Я сразу отправился к нему. Наша последняя сделка была более чем удовлетворительной. Не знаю, сколько обычно получают секретные агенты, однако при ставках, предложенных Бейкером, я был готов продолжить эту новую для меня карьеру.

Полковник сразу перешел к делу:

— Дело касается того типа, которого вы прихватили месяц назад, — сказал он.

Мне очень понравилась эта фраза. Очень мило с его стороны.

— А что с ним такое? — спросил я.

— Он хочет перебежать к нам.

— Довольно-таки странное развитие событий.

— Не очень. Кариновский — профессионал. И, будучи профессионалом, склонен менять хозяев, если имеется соответствующий побудительный мотив.

— Понятно, — сказал я.

— Вы, вероятно, догадываетесь, — продолжал Бейкер, — что в прошлый раз мне удалось кое о чем договориться с Кариновским? Мне были нужны некие сведения, и он их мне передал. Это, конечно же, послужило способом еще больше привязать его к нам. Потом мне понадобилась от него еще кое-какая информация. Потом еще и еще... Я стал поистине ненасытен! — Бейкер гнусно ухмыльнулся. — Теперь Кариновский стал практически двойным агентом; потенциально это очень опасно. Рано или поздно его хозяева все равно узнают об этом. И он решил перейти на нашу сторону, что было бы для нас крупной удачей.

— Ну, что ж, сэр, — бодро сказал я, — это очень неплохие новости!

— Естественно, все не так просто. Операцию нужно провести с большой осторожностью. Нам потребуется послать агента, способного контролировать претворение этого плана в жизнь и оказать физическое содействие, если потребуется. В данном случае, Кариновский попросил себе в помощь конкретного агента. Вас.

— Меня, сэр?

— Да, вас. Конкретно и исключительно вас. Это, как я полагаю, вполне предсказуемый результат нашей маленькой хитрости. Кариновский сейчас в Венеции, и ему нужно оттуда поскорее убраться. Он хочет, чтобы ему помог в этом наш лучший агент — грозный Икс. И не просто хочет — он рассчитывает на это. При

сложившихся обстоятельствах мне неудобно было бы сообщать ему, что агент Икс — всего лишь плод нашего воображения.

— Зачем же сообщать! — воскликнул я. — Я вполне готов оказать ему любую необходимую помощь.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Бейкер. — На это я и надеялся. Но должен предупредить: это задание содержит некий неизбежный элемент опасности. Опасность эта не слишком велика, как мне представляется, но все равно с ней приходится считаться.

— Меня это не пугает, сэр.

Полковник был явно обрадован:

— На самом деле все довольно просто. Кариновский в Венеции. Он уже вошел в контакт с нашим резидентом, его зовут Маркантонио Гуэски. Вам нужно только приехать туда и связаться с ним. Он все устроит и вывезет вас с Кариновским из Италии. Вся операция займет день-два. От вас требуется просто выполнять указания Гуэски.

Я был слегка разочарован. Полковник явно планировал использовать меня всего лишь как подставное лицо. Я, разумеется, не рассчитывал, что он поручит мне возглавить операцию — опыта у меня мало, карьера моя только еще начинается — но все же надеялся, что на меня возложат хоть какую-то ответственность.

— Что ж, прекрасно, — сказал я.

— Очень рад, — кивнул Бейкер. — Кстати, хорошо бы сохранить ваше имя в тайне. Даже Гуэски необязательно знать правду относительно агента Икс. То есть я-то не сомневаюсь в ваших способностях, но вот Гуэски...

— А что, если он заведет чисто профессиональный разговор?

— Не заведет. А если такое и случится, то, согласно вашей легенде, вас только что перевели сюда с Дальнего Востока. А здесь никто вообще не знает, чем там наши ребята занимаются. Думаю, впрочем, там тоже никто этого не знает.

— Хорошо, — сказал я.

— Нет, все действительно довольно просто, — повторил Бейкер. — Единственное осложнение — бывшие хозяева Кариновского. Они наверняка постараются его не отпустить: истории с перебежчиками отрицательно сказываются на общем боевом духе и весьма скверно выглядят в архивных документах.

— А что они могут сделать?

— Скорее всего попробуют его убить. Очень хотелось бы этого избежать...

— Хорошо, сэр, я понял. Их там много?

— Человек шесть-восемь. У вас до отъезда будет возможность

изучить досье. По большей части это просто недоумки с пудовыми кулаками. За исключением Форстера.

— А кто такой Форстер?

— Форстер возглавляет оперативную группу советской разведки в Северной Италии. Страшный человек! Огромный, мощный детина, владеет любым оружием и весьма талантливо планирует свои операции. Его несомненно ждет большое будущее. Но, я подозреваю, он чересчур уверен в себе.

— Как мне с ним себя вести?

Полковник подумал немного и изрек:

— По-моему, лучше всего его избегать.

Звучало не очень утешительно. Форстер, похоже, пользовался устрашающей репутацией. Но, коли на то пошло, у меня ведь тоже была устрашающая репутация. Хотя его реальные достижения вполне могли оказаться столь же незначительными, что и мои — ведь в этой сфере бизнеса все возможно. К тому же, говоря откровенно, элемент опасности меня скорее заинтриговывал, нежели отпугивал. Как-то странно пугаться заранее, сидя в уютном офисе на бульваре Осман, зато так легко мечтать о прекрасной Венеции, о голубях, взлетающих с площади Сан-Марко, о моторных лодках, мчащихся наперегонки по Большому каналу, представлять, какходишь в ресторан Дони с полными карманами денег...

Некоторое время мы с полковником оживленно обсуждали денежный вопрос. В итоге я получил полторы тысячи долларов за работу, которая не должна была занять и двух дней. По-моему, очень неплохо. Мне даже неловко было брать такую сумму за столь легкое задание.

В последующие сорок восемь часов я был очень занят, изучая различные досье, рассматривая карты Венеции и набивая себе голову всякой необходимой информацией. Потом Бейкеру пришло сообщение от Гуэски: Кариновский перешел на нелегальное положение; его побег полностью подготовлен. На следующее утро я вылетел в Венецию.

Глава 3

Самолет приземлился в венецианском аэропорту «Марко Поло» в 11.30 утра. Таможню и паспортный контроль я миновал без каких-либо затруднений и вышел из здания аэропорта.

День был теплый и ясный. Прямо впереди виднелся причал, где толпились лодочники, предлагая самые разнообразные суденышки, на которых можно пересечь лагуну и напрямую добраться до площади Сан-Марко. А за сверкающей полосой воды под-

нималась и сама Венеция, ее дивный силуэт — покосившиеся шпили, как бы заваливавшиеся набок четырехугольные башни, остроконечные крыши, каминные трубы, скособоченные, горбатые дома, зубчатые стены...

Моя первая реакция была полностью связана с литературными аллюзиями и фантазиями: я думал об Атлантиде, о Порт-Ройале, об островах Арморики. Потом я наконец обратил внимание на гигантский элеватор и тут же заметил, что все эти сказочные силуэты связаны между собой линиями электропередач и телевизионными антеннами. Теперь волшебный город казался мне подделкой, неким неуклюжим и упрямым анахронизмом. Но и это, однако, не соответствовало истине.

Такой двойственный эффект свойствен исключительно Венеции. Город этот всегда и на всех действовал чересчур ошеломляюще — и в то же время казался ненастоящим! Когда видишь, как Светлейшая Республика любит и восхищается собственным отражением в зеркале грязной воды, это неизбежно вызывает раздражение. Однако сколько бы вы ни порицали самонадеянность и тщеславие этой старой дамы, если вы честный человек, то не сможете не признать ее чар.

Мне ужасно хотелось направиться прямо к ней в объятия, но, согласно полученным инструкциям, я сперва должен был ехать в городок Местре, расположенный на материке, встретиться там с Гуэски и обсудить стратегию дальнейших действий. Я с сожалением повернул на запад, где поднимавшийся вдалеке огромный столб жирного дыма указывал мне направление движения.

Зелено-черный «фиат», из окошка которого мне улыбался молодой человек с прилизанными блестящими волосами и в янтарного цвета рубашке, притормозил рядом со мной.

— Сколько до гостиницы «Эксельсиор» в Местре? — спросил я.

— Сэр, я возьму совсем недорого...

Тут меня оттолкнули в сторону — какой-то огромный толстяк с гигантской фотокамерой, одетый в светлый деловой костюм и при галстуке ручной работы. За толстяком следовал носильщик с двумя кожаными чемоданами, весьма дорогими на вид.

— Отвезите меня в Местре, — потребовал он. — И побыстрее! — Напористый тон и произношение нараспев выдавали в нем моего соотечественника.

— Такси занято, — заметил водитель.

— Черта лысого! — заявил толстяк, протискиваясь на сиденье, точно червяк в узкую щель.

— Но такси занято! — повторил водитель.

Тут толстяк впервые заметил меня. И решил продемонстрировать вежливость.

— Вы не против? — спросил он. — Я, правда, чертовски то-роплюсь.

Я был против, но не очень.

— Валяйте, — сказал я ему и поднял свой чемодан.

Однако прилизанный молодой человек решительно замотал головой и придержал меня, положив руку мне на запястье.

— Нет, — сказал он твердо. — Ведь вы меня уже наняли!

— Слушай, он же сказал, что не против! — возмутился толст-тяк.

— Но я-то не говорил, что я не против, — ответил ему водит-ель. Он уже не улыбался. Он был небольшого росточка, ужасно нервный; к тому же сейчас его явно оскорбили в лучших чувст-вах. У меня не было никаких инструкций насчет такси, однако теперь без вооруженного сопровождения я не поехал бы с этим шо-фером даже на другую сторону улицы. Можете считать это пред-чувствием.

Толстяк уже удобно устроился на заднем сиденье. Он вытер мокрый лоб и сказал водителю:

— Слушай, кончай базарить, поехали.

— Никуда мы не поедem, — заявил тот. Выглядело это так, словно он всю жизнь мечтал отвезти меня в Местре, а толстяк пытался насильно лишить его такого удовольствия.

— Поехали, — угрожающим тоном повторил толстяк, — или я позову полицию!

— Вот еще! — не смутился водитель. — Это я позову поли-цию, если вы немедленно не выйдете из машины!

— Зови, — благодушно сказал толстяк. И подмигнул мне: дескать, экие наглецы эти туземцы!

Тут подъехало еще одно такси, и я направился к нему. При-лизанный молодой человек на секунду сжал мое запястье, но, ви-димо, все же осознал неизбежность потерять меня как пассажи-ра. Взгляд его при этом словно говорил: а ведь мы могли бы стать друзьями! Он отпустил меня и, скрестив руки, оперся о бампер своей машины.

Я влез в другое такси. Как только мы выехали на шоссе, я, ог-лянувшись, увидел, что толстяк злобно орет на молодого таксис-та, а тот неподвижно стоит в прежней позе. Других такси побли-зости видно не было.

Мой новый водитель оказался мужчиной средних лет с личи-ком милой обезьянки. Он вел свой «Фиат» с приличной скорос-тью и болтал не умолкая, что дало мне возможность проверить на нем свою легенду.

— Вы первый раз в Венеции?

- Нет, я здесь уже бывал.
- А! Вы турист?
- Нет, я представляю одну торговую фирму.
- А, вот, значит, зачем вам в Местре!
- Угу.
- А чем вы торгуете?
- Офисным оборудованием.
- Офисным оборудованием? Пишущими машинками, значит? Понятно. Вы продаете пишущие машинки и поэтому приехали сюда аж из самой Америки?
- Примерно так, — сказал я. Моя легенда с трудом выдерживала неожиданную проверку.
- Вы, наверное, продаете сразу оптом? — продолжал мой водитель.
- Да, довольно большую партию.
- Больше, чем «Оливетти»?
- Пока что нет, но хотим их обогнать.
- «Оливетти» — отличная машинка! — убежденно заявил водитель. — Мне так племянница сказала, она в адвокатской конторе работает.
- М-м-м, — с сомнением протянул я.
- А ваша машинка как называется?
- «Адамс-Финетти».
- Никогда не слышал.
- Наша фирма больше известна своими счетными машинами, — сказал я.

Шофер перестал задавать вопросы: он был занят обгоном трамвая на перекрестке, который удачно обошел. Впереди вроде бы было пусто, но тут слева к нам вдруг пристроился «Ситроен де-шво», справа — какой-то хмырь на «Альфа-Ромео», а сзади — «Бентли» с турбонаддувом, тройной выхлопной трубой и низкой подвеской, тоже явно надеявшийся на обгон.

Мой таксист выжал газ до предела и стремительно рванул вперед, ловко объезжая все неподвижные препятствия на проезжей части — старушек, детские коляски и тележки разносчиков. Я откинулся на спинку сиденья, делая вид, что абсолютно спокоен.

В туннеле мы шли впереди. «Де-шво», явно попав не в свой класс, отстал. «Бентли», ревя выхлопными трубами, шел по пятам. Однако мой водитель занял среднюю полосу, противопоставив свой опыт лошадиным силам оппонента. Он даже начал напевать, видимо, подражая великому гонщику Пастафаццу, который, как известно, всегда пел, проходя самые опасные участки трассы «Формулы-1» в Ле-Мане.

Потом с нами поравнялся мотоцикл. Он ревел рядом с моим

окном, и я мог рассмотреть мотоциклиста, одетого, как Марлон Брандо в одном из его ранних фильмов: черные кожаные штаны и куртка, усеянный заклепками широкий пояс, перчатки с рас-трубами, высокие резиновые сапоги и противоударный шлем. Лица видно не было — только огромные очки и рот. Мотоцикл был огромный и мощный «Индиэн».

Некоторое время он тоже смотрел на меня, потом прибавил газу и унесся вперед, затерявшись в транспортном потоке.

Похоже, мною интересовалась куча народу! А я все старался убедить себя, что на столь раннем этапе операции это вряд ли возможно.

Мы добрались до окраин Местре, и водитель резко свернул в узкую улочку, тесно заставленную жилыми домами. Я нахмурился и сел прямо. Таксист улыбнулся мне и прибавил газу.

Мы мчались мимо гаражей и магазинов. Казалось, все здесь замерло; даже тротуары были пусты. Я представил себе, как люди сидят в тесноте за своими тяжелыми деревянными ставнями и ждут очередного сезонного всплеска насилия на залитых солнцем улицах города. Я ощутил легкую тревогу: стремительно несущаяся вперед машина, опустевшие среди бела дня улицы, тот агрессивный толстяк, странный таксист, мотоциклист в коже...

Шофер резко нажал на тормоз, и машина остановилась прямо посреди улицы. Двое мужчин одновременно выскочили из подъездов по обе стороны улицы и ввалились в такси, зажав меня в тиски. Таксист рванул с места, и мы понеслись дальше.

Глава 4

Тип слева от меня был в спортивных коричневых брюках, бежевой спортивной рубашке, пижонском пиджаке из шелка-сырца и в туфлях из крокодиловой кожи. В руке он держал револьвер 38-го калибра с ореховыми щечками на рукояти. Он упер ствол револьвера мне в бок, как ребенок, играющий в полицейских и воров. У него было узкое, гнусное личико, над верхней губой в разные стороны торчали мерзкие усики.

— Сиди спокойно, — сказал он. — Не дергайся. И не вздумай орать. Понял?

— Понял, — кивнул я.

— Видишь? — продолжал он, отшелкивая и демонстрируя мне барабан своего револьвера. — Полностью заряжен. Предохранитель снят. Стоит только на спуск нажать. Ясно?

— Вполне, — ответил я.

— Беппо, — обратился он к своему дружку, сидевшему справа от меня, — покажи ему свою пушку.

— Да ладно, — сказал я. — Я и так верю.

— С чего бы это? — удивился тот, что был слева. — А может, я вру? Нет, Беппо, ты уж покажи ему!

Беппо, бандюга весьма мощного сложения, с кислым видом извлек свой револьвер у меня из-под ребер, открыл его, подождал, пока я кивну, и снова защелкнул.

— Здорово вы вооружились, ребята, — восхитился я.

— Рады вам угодить, мистер Най, — сказал хмырь слева. —

Кстати, можете звать меня Карло.

— Потому что это не настоящее твое имя? — спросил я; голова у меня уже шла кругом.

— Точно, — сказал Карло, ощерившись во весь рот.

— Он тоже участник спектакля? — спросил я, ткнув в сторону водителя.

— Ага! И к тому же большой юморист, — сказал Карло. — Так ведь, Джованни?

— Я знаю кучу смешных анекдотов, — сообщил псевдотаксист. — Вот, к примеру: слышали историю про двух священников и дочку садовника?

— Сто раз! — недовольно буркнул Беппо. — У тебя все анекдоты с бородой.

Карло засмеялся, я тоже. Состояние у меня было несколько истерическое. Я узнал их — я видел фото этих типов в досье, которое мне давал полковник Бейкер. А это означало, что я оказался в пренеприятнейшем положении.

— Так, — сказал Карло, прослезившись от смеха и все еще продолжая смеяться, — вот мы и приехали!

Такси свернуло в переулок, въехало в какой-то просторный двор, миновало пересохший бетонный бассейн с фонтаном и протиснулось в следующий двор. Джованни остановил машину, и мы вылезли наружу.

С трех сторон двор окружали полуразрушенные кирпичные стены домов с окнами, забитыми досками. С четвертой стороны высилось здание, на первом этаже которого размещалась мастерская по ремонту велосипедов, а два верхних этажа были украшены изящными французскими окнами и узкими балкончиками.

— Вот мы и дома, — повторил Карло, щелкнул предохранителем и убрал револьвер в замшевую кобуру, подвешенную у него слева под мышкой. Беппо по-прежнему сжимал револьвер в кулаке.

— Сюда, — сказал Беппо и взял меня за локоть.

Стоило ему коснуться меня, как я вырвал руку и бросился бежать.

Но Карло успел преградить мне путь, снова выхватив свой револьвер.

— Стой, или я прострелю тебе правую коленку, — сказал он. Очень отрезвляющее заявление. Я остановился.

— Руки за голову! — велел он мне.

Я повиновался. Карло подошел ближе, что-то сердито буркнул и ударил меня по лбу стволом револьвера.

И тут я услышал, как наверху кто-то аплодирует. Мы все дружно задрали головы.

Одно из французских окон было распахнуто. На узком балконе стоял человек. Он еще раза три с издевательским видом хлопнул в ладоши; его аплодисменты эхом отразились от кирпичных стен.

— Вот ведь странная вещь, — заметил человек на балконе без особого выражения, — до чего же на некоторых действует сам факт обладания оружием — прямо-таки опьяняюще, верно, Карло? Прямо-таки разума лишает, да?

— Он же пытался бежать! — возразил Карло.

— А кому я втолковывал: ни в коем случае не повредить товар? — мягко спросил тот, на балконе. — Вооруженный человек должен знать, что нельзя стрелять по тем, кто обеспечивает ему хлеб насущный.

— Извините, мистер Форстер, — смиренно сказал Карло.

Человек на балконе милостиво пригласил меня:

— Прошу вас, мистер Най, поднимайтесь сюда. Здесь нам удобнее будет спокойно все обсудить.

Форстер повернулся и вошел в комнату, а Карло и Беппо взяли меня в клещи с обеих сторон и быстренько поволокли в велосипедную мастерскую. Таксист вытащил из кармана тряпку и принялся полировать капот своей машины.

Глава 5

— Добро пожаловать в солнечную Италию, — приветствовал меня Форстер.

— Спасибо. Я счастлив, что оказался здесь, — ответил я, чувствуя себя вовсе не так беспечно, как старался им показаться.

Мы находились в большой мрачной гостиной над мастерской. Карло и Беппо обыскали меня на предмет оружия, ничего не нашли, и Форстер велел им исчезнуть. Не знаю, был ли он сам вооружен; выглядел он так, словно никакое оружие ему в жизни нужно не было.

Я узнал его сразу — вспомнив фото в досье. Грубоватое красное лицо, крупные черты, на губах усмешка, откровенно-роко-

вой взгляд широко поставленных глаз: все в точности как я запомнил. Что меня поразило, так это его невероятные габариты и вес. В досье было указано, что рост у него шесть футов и два дюйма, а вес — 220 фунтов. Но выглядел он по крайней мере на тридцать фунтов тяжелее и на дюйм выше.

Здоровенный детина. Согласно досье, он был буквально помешан на культуризме, а также являлся чемпионом по стрельбе из пистолета и имел черный пояс по карате. Учитывая все эти обстоятельства, я решил: лучше пока с ним не связываться и уж тем более не пытаться его задушить.

— Мистер Най, — сказал он, — у меня просто нет слов, чтобы выразить, с каким огромным нетерпением я ждал нашей встречи!

— Да неужели? — молниеносно парировал я.

Форстер кивнул, точно подтверждая сказанное.

— Я и поверить не мог, что когда-нибудь мне удастся познакомиться со знаменитым агентом Икс.

А вот это уже, пожалуй, звучало угрожающе. Видимо, слухи о моих выдающихся способностях распространялись с поразительной быстротой. Полковник Бейкер получал неплохие дивиденды с изобретенного им оперативника-фантома. Он-то явно был в выигрыше, а вот что было делать мне?

— А кто такой агент Икс? — спросил я.

Форстер сочувственно покачал головой и сказал:

— Мне очень жаль, старина, но ваша легенда сгорела. Вам придется смотреть действительности в лицо. Что, конечно, весьма неприятно для человека с вашей репутацией. Извините, но так уж получилось.

Это, и правда, было весьма неприятно. Мало того, ситуация, на мой взгляд, была чревата фатальным исходом. Но я решил ни за что и ни в чем не признаваться.

— Не понимаю, о чем вы, — сказал я.

— Ответьте мне только на один вопрос: где найти Кариновского?

— Рад был бы помочь, но я такого человека не знаю.

— Значит, не скажете?

— Я же не могу сказать вам то, чего и сам не знаю.

Форстер вытянул губы трубочкой и некоторое время обдумывал мой ответ. Судя по акценту, он был либо немцем, либо австрияком, но стремился вести беседу в легком, даже игривом тоне, за которым, впрочем, чувствовалась угроза. Видимо, сказывалось влияние Италии. К сожалению, в целом получалось довольно плохо — тупо и тяжело. Рапира — явно не его оружие, решил я; ему куда больше подходит дубина. Да и чувство юмора у него было какое-то тяжеловесное, тевтонское. Таких людей многие

вообще считают лишенными способности воспринимать шутки. Я понял, что это человек, в общем, довольно нелепый, но чрезвычайно опасный.

— Най, — сказал он спокойно, — а вы не слишком далеко зашли? Вы ведь, несомненно, знаете: в нашем мире трудно хранить секреты. Форд прекрасно знает, чем занимается «Дженерал Моторс», а все планы «Кока-колы» известны «Пепси». То же самое и в секретных службах разных стран. В конце концов, наша профессия имеет и свои определенные традиции. Неписанные, правда, и, может быть, недостаточно четко обозначенные, но все-таки традиции.

Я с интересом слушал. Все это было для меня ново.

— Шпионы всегда шпионят друг за другом, — продолжал Форстер. — Причем даже больше, чем за правительственными чиновниками или военными. И если агент попадает в руки противника и если он оказался, несомненно, уличенным в содеянном и в принадлежности к определенному государству, предполагается, что он — в соответствии с добрым спортивным духом — признает свое поражение и расскажет все, что должен рассказать, оставив позу неприступного молчальника профессиональным патриотам. Живи и давай жить другим — вот наш лозунг; история — штука длинная, а жизнь — короткая. Такие у нас традиции. И в этом есть определенный смысл, не правда ли, мистер Най?

— Вполне определенный, — сказал я.

Форстер улыбнулся с видом победителя.

— Я могу понять ваши чувства. У вас потрясающая репутация; и вы желали бы сохранить ее. Но я надеюсь, что гордыня — не ваш порок. Все мы люди, все мы время от времени совершаем ошибки; даже человек с вашим опытом от них не застрахован. И в случае неудачи, несомненно, следует отнестись к ней разумно и постараться сохранить жизнь, чтобы иметь возможность продолжить бой на следующий день. А вы как думаете, мистер Най?

Это была самая лучшая проповедь, которую я когда-либо слышал. Я чуть не заплакал от умиления.

— Целиком и полностью с вами согласен, — заявил я.

— Тогда скажите, где найти Кариновского.

— Но я не знаю, где он находится.

— А что вы агент Икс — это вы, по крайней мере, признаете?

— Конечно. Я все что угодно могу признать — что я агент Икс, Игрек, Зет — лишь бы доставить вам удовольствие. Но я все равно не знаю, где находится Кариновский.

— Извините, но вы должны это знать, — заявил Форстер. — В конце концов, это ведь ваша совместная операция.

— Нет, не моя, — отвечал я. Черт, сорвалось с языка! Но он все равно уже знал про Гуэски.

— Не может быть, чтобы всем этим заправлял один Гуэски, — сказал Форстер. — Он же совершенно некомпетентен.

Теперь было самое время выяснить, действительно ли это так.

— Впрочем, Гуэски можно сбросить со счетов, — продолжал Форстер. — Операцией командуete вы, и у вас, разумеется, есть вся относящаяся к делу информация.

— Но я не знаю, где Кариновский, — повторил я чуть ли не в пятнадцатый раз.

Форстер несколько минут изучающе глядел на меня. Потом сказал:

— Мистер Най, я взываю к вашему спортивному духу. Умоляю, не заставляйте меня прибегать к э-э-э... насилию.

Он говорил вполне искренне. Я всем сердцем разделял его убеждения. И действительно желал избавить его от неприятной необходимости причинять мне боль.

— Мне бы очень хотелось вам помочь, — сказал я. — Но не могу. Можете поверить мне на слово?

Форстер еще некоторое время изучающе смотрел на меня. Потом сказал:

— Хорошо, мистер Най. Я поверю вам на слово. Можете идти.

Я встал, чувствуя себя несколько неловко.

— Вы хотите сказать, что я могу просто так уйти отсюда?

Форстер кивнул.

— Я же сказал, что верю вам на слово. Вполне возможно, что в настоящий момент вы действительно не знаете, где находится Кариновский. Но вам придется это выяснить. И когда вы выясните, мы с вами снова встретимся и поговорим.

— Вы так в этом уверены?

— Да. Пока вы в Венеции, я могу вас разыскать в любой момент. И могу сделать с вами все, что мне заблагорассудится. Венеция — моя оперативная база, Най. Не ваша, а моя! Помните об этом.

— Постараюсь не забыть.

Я встал и направился к двери. Форстер сказал мне в спину:

— Я вот все думаю, действительно ли вы такой классный агент, как утверждается в вашем досье? Говоря откровенно, мне вы опасным не кажется. Обычный человек счел бы вас весьма непрофессиональным. И все же ваши дела на Дальнем Востоке свидетельствуют об обратном... Специалист по партизанской войне. Классный стрелок из всех видов ручного оружия. Опытный диверсант и подрывник. Имеет удостоверение пилота-истребите-

ля. Водил гидропланы, мастер по подводному плаванию... Я что-то пропустил?

— Вы забыли упомянуть мои медали за победы в матчах по лакроссу и джай-алай, — ответил я, проклиная про себя полковника Бейкера и его чрезмерно развитое воображение. Слишком уж много сусального золота положил он на мой образ. В своем стремлении создать образцового суперагента он умудрился выпустить на волю какое-то пугало.

— Фантастические данные! — сказал Форстер. — Однако в них трудновероятно поверить.

— Иной раз мне и самому это трудновероятно, — заявил я, отворяя дверь.

— Нет, мне действительно очень хочется проверить вас в деле, — заметил Форстер.

— Возможно, вам такая возможность еще предоставится.

— Буду с нетерпением ждать этого часа, — сказал Форстер. — До свидания, мистер Най.

Я вышел из дома и пересек двор. Таксист по-прежнему полировал кузов своей машины. Он мне дружески кивнул, когда я проходил мимо него. По спине у меня ползали мурашки, но я продолжал идти. Никто в меня так и не выстрелил, и я неожиданно оказался на улице.

Я был цел и невредим. И тут мне вдруг пришло в голову, что хорошо бы сесть на первый же самолет и убраться отсюда восвояси, вернуться в Париж. Работа секретного агента уже не казалась мне столь привлекательной. Я так задумался, что даже не заметил мотоциклиста, притормозившего у тротуара рядом со мной.

Мотоцикл был тот самый, мощный и огромный «Индиэн», да и мотоциклист, одетый в черную кожу, показался мне знакомым.

Глава 6

Большую часть его лица по-прежнему закрывали темные очки, из-под которых видны были тонкие усики и толстая нижняя губа. Сидя верхом на мотоцикле, он представлялся мне великаном, но когда слез на землю, оказалось, что росту в нем не больше пяти с половиной футов, грудь как у цыпленка и округлый животик.

— Спички не найдется? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Зажигалка устроит?

— «Ронсон»?

— Нет, «Зиппо».

Он одобритительно кивнул.

— Рад вас видеть, мистер Най.

— Я тоже, мистер Гуэски. — Болтовня насчет спичек и зажигалок, естественно, включала пароль и ответ. Как видите, пароль был таков, что любой, его услышавший, решил бы, что это случайный разговор двух прохожих. Секретные службы любят такие вот умные штучки.

— Здесь нам разговаривать нельзя, — заявил Гуэски. — Встретимся в Венеции через час.

Я подумал, не сказать ли ему, что я прямо отсюда еду в аэропорт «Марко Поло» и вылетаю назад в Париж. Но, откровенно говоря, мне вдруг стало стыдно. (Человек — единственное существо, чей страх оказаться в смешном положении может превозмочь инстинкт самосохранения.) К тому же со мной ведь ничего особенного пока что не произошло. И я решил подождать и посмотреть, что за план разработал Гуэски. В конце концов, смуться ведь я успею в любой момент, правда?

— Где именно в Венеции? — спросил я.

— Сейчас объясню, — сказал Гуэски. — Пройдете по этой улице, сядете на автобус номер шесть — не в такси, а в автобус! — и поедете по дамбе через лагуну до пьяцале Рома. Там сойдете с автобуса и пойдете пешком до Фондамента делла Кроче, а там сядете на речной трамвай номер один, два, четыре или шесть — не в гондолу, а на речной трамвай! — и он вас довезет до остановки Сан-Сильвестро. Это первая остановка справа после моста Риальто. Вы хорошо знаете Венецию?

— Да.

Гуэски поглядел на меня с сомнением, однако продолжил:

— Вы окажетесь на Фондаменто деи Вино. Вернитесь назад, к мосту Риальто, и на перекрестке Фондаменто с Калле деи Парадизо увидите кафе «Парадизо». Займите столик снаружи, на тротуаре, и ждите меня. Понятно или надо повторить?

— Понятно, я найду это кафе.

Гуэски кивнул, пробормотал «Желаю удачи», и его мотоцикл с ревом умчался прочь. Я же куда спокойнее и тише проследовал к остановке автобуса. Вскоре я уже ехал по дамбе, и Венеция поднималась из волн мне навстречу.

Я не знал, как мне воспринимать Гуэски, и меня это беспокоило. Очень важно было понять, что он за человек. От этого, вполне возможно, зависела моя собственная жизнь.

Первое впечатление было не таким уж неблагоприятным. Гуэски, как мне показалось, любил точность, был осторожен и довольно скучен, однако вполне способен тщательно — даже чересчур тщательно! — разработать план любой операции.

Как выяснилось впоследствии, я очень и очень заблуждался.

Глава 7

Серый и суетливый городок Местре я покинул в тревоге и смятении: в душе царил мрак; меня преследовали видения такси, домов, где была устроена засада, перед глазами плыла паутина трамвайных путей. Лицо у меня посерело от страха; я вздрагивал при виде светофоров; в башке все время крутилась одна и та же навязчивая мелодия — «Арриведерчи, Рома!»; я даже начал напевать ее себе под нос. А потом вдруг все это прекратилось: я наконец добрался до Венеции.

Как только автобус повернул на Понте делла Либерта, у меня даже в волосах прибавилось блеска. Прыщи на физиономии совершенно исчезли, стоило мне пересечь канал Санта-Клара. А когда я наконец достиг пьядцале Рома, то абсолютно преобразился, хотя находился все еще на автовокзале, где жутко воняло бензином и рядами стояли хищные «жуки-Фольксвагены». Я постарался побыстрее уйти оттуда, путая следы и сворачивая в вымощенные каменными плитами переулки. Наконец я добрался до Кампаццо Тре Понти, где целых пять мостов немыслимыми зигзагами пересекают сразу три древних запущенных канала, и тут с меня слетела последняя чешуйка старой кожи, и я вновь обрел возможность дышать полной грудью.

Вот что с человеком делает любовь!

Никто бы не стал задавать мне глупых вопросов, если бы я вдруг объявил о своей огромной, прямо-таки мистической любви к Таити или к Тибету. Но Венеция?! Вы сказали, Венеция?! Этот Диснейленд на Адриатике? Милый мой, да как вы можете выносить толпу сумасшедших торговцев, безвкусную пищу, чудовищные цены, орды туристов? Как вам удалось выдержать кошмарную эксцентричность этого города?

Друзья мои, я прекрасно все это выдерживаю и запросто переносу! Мало того, я все это обожаю! Влюбляются ведь, не слушая голоса рассудка и не принимая во внимание принципы хорошего вкуса; влюбляешься — и все, а уж потом изобретаешь разные оригинальные причины возникшего чувства. Влюбленность — вещь абсолютно фатальная, будь предметом вашей страсти женщина или город. А любые фатальные исходы легко объяснить, проследив их причинную связь с событиями детства.

В детстве, среди зеленых холмов штата Нью-Джерси, я мечтал о каналах — вдалеке от озера Хопатконг и еще дальше от моря. В те дни я, вероятно, был самым выдающимся двенадцатилетним строителем к востоку от Скалистых гор. Мой первый проект имел целью украсить родной город с помощью простого и смелого ре-

шения: нужно затопить это проклятое место! Причем, по моим подсчетам, средняя глубина там должна была достигать десяти футов.

...При этом исчезли бы железнодорожная станция, обувной магазин Купера, заправочная станция «Шелл», греческий магазинчик гастрономических товаров и ряд других не менее раздражающих глаз достопримечательностей. Протестантская церковь, стоявшая на откосе, вся ушла бы под воду за исключением шпиля. А уж начальная школа утопла бы вместе со всеми учениками.

...Зато после потопа мы, пережившие его, жили бы вполне счастливо прямо в озере; многими домами можно было бы по-прежнему пользоваться; можно было бы, например, выплывать на лодке из затопленной гостиной прямо на превратившуюся в канал улицу и, подняв паруса, плыть дальше меж рядами деревьев, стволы которых скрывались бы под водой, а кроны стали бы похожи на огромные цветочные клумбы...

Годы спустя, впервые приехав в Венецию, я увидел свои детские мечты воплощенными в жизнь — причем куда лучше, чем я мог себе когда-то представить. Этот город был полон невообразимых чудес. Каменные львы, например, у входов в венецианские дома выглядели куда внушительнее, чем две наши пушки времен гражданской войны. И мне гораздо больше удовольствия доставляли огромные, пропитанные водой дворцы, чем американские дома в неокOLONиальном стиле; а покосившиеся столбы с обвивавшей их бело-красной полосой — вывески парикмахеров, к которым также причаливали гондолы — значительно выигрывали по сравнению с рядами парковочных счетчиков у нас на автостоянках. И только в Венеции я впервые понял, сколь завораживает это чарующее разнообразие суденышек: пожарные лодки, барки молочников, моторки «Скорой помощи» с сиренами, суда для вывоза мусора и доставки овощей, черные с золотом похоронные барки с печальными бородатыми ангелами на корме...

В этом-то и была вся фатальность моей встречи с Венецией: я увидел воплощение своей детской мечты о превращении мира городских улиц в мир воды. И сейчас, когда я шел по Салиццада ди Сан-Пателеоне, настроение у меня было приподнятое. Меня окружали каналы Венеции, я проталкивался сквозь толпы венецианцев, церкви Венеции смотрели на меня. И мне уже казалось, что Форстер остался где-то далеко в серой суете Местре, а Венеция принадлежит только мне.

Поэтому я плюнул на инструкции Гуэски и направился в кафе «Парадизо» совсем другим путем. Там я занял столик, заказал бокал вина и начал постепенно трезветь. Мои детские мечта-

ния быстро таяли, утекали куда-то, просачиваясь между серыми каменными плитами мостовой. К тому времени, когда Гуэски нашел меня, я уже полностью вернулся к реальности.

Гуэски заказал бокал муската «Слезы Христовы» и выпил за мое здоровье. Потом спросил:

— Что у вас там, черт возьми, произошло в аэропорту? Почему вы позволили им заманить вас в ловушку?

Мне не понравились ни его тон, ни его самонадеянные умо- заключения. Агента с моей репутацией нельзя обвинять столь поспешно.

— А с чего вы взяли, что меня куда-то заманили? — холодно осведомился я.

Не имею понятия, что я хотел этим сказать. Но мне явно угрожала опасность потерять доверие Гуэски, а это могло поставить под угрозу всю операцию, и я пошел дальше.

— Я ведь прекрасно знал, кто они такие, — сказал я. — Это же было совершенно очевидно.

— Тогда почему вы позволили им увезти вас силой?

— Да потому что именно этого я и добивался, — ответил я, скривив губы в легкой усмешке.

— Но зачем?!

Действительно, зачем? Я отпил вина и сказал:

— Хотел лично убедиться, на что способен Форстер. А лучший способ для этого — с ним встретиться.

— Как странно! — вскричал Гуэски. — Он же мог не выпустить вас!

— Нет, это полностью противоречило бы его интересам.

— А если бы все-таки не выпустил?

— В таком случае, — сказал я, — я был бы обязан... — Тут я сделал паузу и закурил сигарету, а затем поднял глаза и жестко усмехнулся. — Да-да, был бы обязан тем или иным способом переубедить его.

Мне такое объяснение показалось вполне приемлемым. Я ждал, как на него отреагирует Гуэски. Он нахмурился, подумал и... согласно кивнул. А потом с каким-то завистливым уважением сказал:

— Видимо, все истории о вас, мистер Най, соответствуют действительности. Лично я никогда бы не решился встретиться один на один с Форстером.

— О да, это весьма внушительная фигура, — заметил я. — Даже если сведения о нем, в общем, и преувеличены.

Гуэски глядел на меня с раздражением и восхищением одновременно. Потом он улыбнулся, пожал плечами, словно отменяя

прежние мысли, и похлопал меня по плечу. Думаю, он подозревал, что я блефую; но это был блеф по-крупному, яркий и безоглядный, что явно ему нравилось. Как он признавался мне потом, его раздражала в людях только мелочность. Его привлекали и радовали яркие цвета, быстрое движение, всяческое многообразие и изменчивость. В этом отношении он был настоящим венецианцем. Как и многие другие подданные Светлейшей Республики, он предпочитал стиль содержанию, искусство — жизни, видимость — реальности и форму вещей — их сути. Он одновременно верил и в предначертания судьбы, и в свободу воли. Он смотрел на жизнь, как на своего рода мелодраму эпохи Возрождения, полную внезапных появлений и исчезновений героев, захватывающих дух поединков, нелепых совпадений, переодеваний и двойников, близнецов-подменышей и тайн происхождения; и все эти элементы должны были вертеться вокруг не совсем ясного и вызывающего черную меланхолию понятия о чести. И, конечно же, он был тогда абсолютно прав в отношении меня.

Гуэски заказал для меня номер в «Эксельсиоре», куда мы и направились, допив вино. Сквозь муслиновые занавески на окнах я видел неясные отражения в водах Большого Канала драконов, украшавших носы гондол. Гуэски развалился в шезлонге, полуприкрыв глаза, точно священная храмовая кошка; сигарету он держал по-болгарски — горящим концом в кулак — и выглядел сейчас ужасно старым и мудрым. Он сбросил с себя излишнюю деловитость — наверное, оставил ее в седельной сумке своего мотоцикла. В результате передо мной оказался довольно приятный, хоть и несколько напыщенный представитель местного населения, попавший сюда, похоже, напрямиком из шестнадцатого века.

Я спросил, как он планирует вывезти Кариновского из Венеции. Вопрос мой со всей неизбежностью верг Гуэски в полет дискурсивной философской мысли.

— Бежать из Венеции, — заявил он, — задача серьезная и практически неразрешимая. Если рассматривать ее в реальном смысле, то можно сказать: никто не может бежать из Венеции, ибо город этот — лишь отражение мира, даже хуже — мираж.

— Раз так, значит нам следует бежать от Форстера, — предложил я.

— Боюсь, это не поможет, — печально заметил Гуэски. — Если считать Венецию миром живых, то Форстер — извечный антагонист этого мира, тот, кого мы именуем Смертью. Нет, друг мой, в абсолютном смысле побег отсюда так или иначе невозможен.

— А что, если попробовать бежать в относительном смысле?

— Полагаю, именно так нам и придется поступить. Однако и с этим связаны большие трудности. По самой своей сути этот город против нас. Венеция существованием своим обязана исключительно искусству иллюзий — а это составная часть черной магии. Венеция — город зеркал и отражений; каналы отражают здания, окна — каналы. Расстояния не ясны, вода и земля как бы проникают друг в друга, сливаются... Венеция, скрывая истину, выставляет напоказ фальшивые личины. В таком городе нельзя ПРЕДВИДЕТЬ развитие событий, как, например, в Генуе или в Милане. Все относительное и условное стремится здесь стать абсолютным и неотвратимым.

— Все это ужасно интересно, — сказал я, — однако не могли бы вы все же попытаться — хотя бы гипотетически, условно — определить, каким образом — в относительном смысле, разумеется, — мы будем отсюда выбираться?

Гуэски вздохнул.

— Сразу видно, вы — человек действия! Мой дорогой агент Икс, вам еще только предстоит узнать всю тщетность погони за славой. Хотя, как я понимаю, вам не терпится пустить в ход ваши широко разрекламированные таланты.

Я покачал головой.

— Я просто хочу вытащить Кариновского отсюда самым простым и безопасным способом.

— Эти условия противоречат друг другу, — заметил Гуэски. — В Венеции то, что просто, редко бывает безопасным, а безопасное зачастую оказывается слишком сложным даже для рассмотрения. Однако у меня есть некоторая надежда. Завтра ночью у нас, видимо, появится возможность бежать. Простая и безопасная. Относительно, конечно.

— Расскажите поподробнее.

— Несколько дней назад у меня умер кузен. Завтра его будут хоронить на общинном кладбище. На Сан-Микеле.

Я кивнул. Сан-Микеле — это маленький квадратный остров к северу от Венеции.

— Мы планируем пышную похоронную церемонию, — продолжал Гуэски. — Я заказал все самое лучшее. Мой кузен из семьи Росси, это их родовое имя, оно записано в Золотой книге Венеции. А умер он в Риме — где учился. Но хоронить его, конечно же, будут в Венеции.

— Хорошо, но какое это имеет отношение к Кариновскому и ко мне? — спросил я.

— Я намереваюсь перевезти вас на похоронной барке на кладбище, а там вы пересядете на рыбацью лодку, которая доставит

вас в Сено ди Тессера. А как только вы окажетесь на материке, все сразу станет гораздо проще.

— Стало быть, вы нас туда переправите в гробу?

— Да, я планировал именно это, — сказал Гуэски.

— А это не стеснит вашего кузена?

— Вообще нет, — отвечал Гуэски. — Он по-прежнему в Риме, очень даже живой, готовится к экзаменам. Я просто, с разрешения его семейства, взял, так сказать, его смерть в займы.

— Отличный план! — признал я.

Гуэски только отмахнулся.

— Да нет, совсем простенький, но, думаю, как раз нам подойдет. При условии, конечно, что у нас будет шанс им воспользоваться.

— А почему же нет?

— А именно потому, что он чересчур простой и четкий. План такого рода можно полностью осуществить, например, в Турине; в Венеции же подобные построения обычно кончаются ничем.

— Но, по-моему, попробовать все же надо.

— Безусловно, — подтвердил Гуэски, выпрямился и обрел прежнюю деловитость. — Итак, договорились. Завтра вы встретитесь с Кариновским и вместе с ним отправитесь на Картьере Гримани. Там, напротив Казино дельи Спирити, вас будет ждать гондола, на которой вы доберетесь до Сакка делла Мизерикордиа, а там пересядете на похоронную барку. Я вам потом объясню, как добраться до Казино. Вы вооружены?

Полковник Бейкер вообще не поднимал вопрос об оружии, видимо, опасаясь, что я могу нанести больший ущерб себе, нежели противнику. Но этого я сказать Гуэски, естественно, не мог. Я лишь покачал головой, слабо улыбнулся и посмотрел на собственные пустые руки — безжалостные руки агента Икс.

— Я так и думал, — сказал Гуэски. — Было бы глупо тащить оружие через таможню. Поэтому я взял на себя смелость позаботиться об этом.

Он сунул руку во внутренний карман и достал огромный, зловещего вида автоматический пистолет. Нежно похлопал его рукой по стволу и протянул мне. Я взял его довольно неохотно. Надпись на стволе гласила: французское производство, фирма МАБ, калибр 0,22, название «Ле шассер»¹.

— В вашем досье указано, что вы предпочитаете спортивные пистолеты малого калибра, — сказал Гуэски. — Это лучший из тех, что я мог достать за такой короткий срок. У него длинный ствол, 168 миллиметров, как вы привыкли. Вот только я не смог

¹ «Охотник» (франц.).

найти патроны со сверхскоростными пулями — вы ведь такие предпочитаете.

— Это не имеет значения, — сказал я. Полковник Бейкер явно не пожалел усилий, создавая образ агента Икс. Интересно, подумал я, а какую марку виски я предпочитаю и какой тип женщин — блондинок или брюнеток?

— Лично я таким оружием не владею, — сообщил Гуэски, смущенно посмеиваясь. — Обхожусь вот этим. — И он вытащил из-за пояса компактный короткоствольный бескурковый револьвер.

— У него пули повышенного останавливающего действия, что и требуется для таких неважных стрелков, как я, — сказал он. — Точность стрельбы, правда, невысока — но чего и ожидать от ствола длиной всего в два дюйма.

Я кивнул и попробовал засунуть массивный пистолет в карман пиджака. Он там не помешался. В конце концов я заткнул его за пояс, надеясь, что эта дура не выстрелит самопроизвольно и не прострелит мне ногу. Но вот если дело дойдет до перестрелки, тут я окажусь в неприятном положении.

— Где мы встретимся с Кариновским? — спросил я.

— В Палаццо Дукале¹ Кариновский будет ждать вас на нижней галерее, сразу за подземной темницей, возле склепа.

Я не стал ему говорить, что мы могли бы встретиться и на парадной лестнице дворца, и на Канале д'Оро. Этим я попросту оскорбил бы саркастический гений Гуэски и его мрачноватое чувство юмора. Те, кому предстоит играть главную роль в пышной похоронной процессии, естественно должны встречаться только возле склепа!

Глава 8

На следующий день после обеда я вышел из гостиницы «Эксельсиор» и направился к площади Сан-Марко. Я отдал дань восхищения этой почти гротескной площади, возобновил знакомство с голубями и направился к Палаццо Дукале. Тяжеленный автоматический пистолет я с собой не взял. Перед тем как выйти из гостиницы, я заявил Гуэски, что у «ле шассера» сбита прицельная рамка. Он поверил мне на слово без колебаний, и теперь у меня в кармане лежал его удобный маленький револьвер.

Войдя во дворец, я присоединился к небольшой группе туристов из Гетеборга. Все они были на одно лицо: толстые, медлительные мужчины с фотоаппаратами и их жены в цветастых платьях и прочных туфлях, с милыми чистыми лицами, полностью

¹ Знаменитый Дворец Дожей.

лишенными косметики. Они с важным видом внимательно рассматривали экспонаты, словно стараясь целиком впитать их эстетическую ценность. Никто не мог обмануть таких людей, всучив им меньше духовной пищи, чем они оплатили. Рядом с ними я чувствовал себя усталым циником, неспособным к решительным действиям, словно эти варвары грубо вторглись в пределы моей древней и совершенно беззащитной родины. Я догадался, что это одна из иллюзий, которыми Венеция так любит вводить в заблуждение своих гостей.

Этот город-хитрюга давал неистошимые возможности для самообмана. Сам похожий на лабиринт, он провоцировал столь же заумное, точно закрученное по спирали мышление. Именно колдовские чары Венеции заставляли Гуэски быть максимально хитрым и коварным, однако эффект от применения этих его качеств был минимальным. Нас изначально ждал бы фатальный исход, если бы Форстеру не были свойственны те же слабости. Но он, как и Гуэски, принимал чрезмерную сложность за глубину. Вечный романтик, в попытке найти сомнительные современные заменители для плаща и кинжала, он избрал этот сказочный город как сцену для развеселого и ужасного карнавала в своей собственной постановке.

Гид вел нас по узким проходам под арками, через полуразрушенные залы, куда-то вниз по каменным винтовым лестницам, по бесконечным высоким галереям со стенами, увешанными картинами, объясняя, что изображено на каждой...

Слабый послеполуденный свет начинал угасать. Ноги у нас гудели от усталости, но мы продолжали углубляться в прошлое Венеции. В одном из переходов я уловил отчетливый запах апельсиновых корок и стоячей воды и понял, что под нами течет Рио де Каноника ди Палаццо и что мы идем к старой тюрьме. Вскоре мы спустились туда по грубо отесанным каменным ступеням. Сильно пахло мокрой, разлагающейся штукатуркой. Мои спутники вдыхали этот аромат с мрачным наслаждением. Гид что-то толковал о Казанове и о Совете Десяти.

В темнице мы стали заглядывать в подземные камеры сквозь зарешеченные окошки. Внутри светились голые электрические лампочки, и можно было различить тяжелые цепи на скобах, вбитых в кирпичные стены. Склеп находился в самом конце коридора, но Кариновского я пока что не заметил и уже начинал нервничать.

Миновав склеп, мы подошли к знаменитой камере пыток Дворца Дожей — здесь только в прошлом году была открыта новая огромная экспозиция. Мы добрались туда по узкой винтовой лестнице через две жуткие двери, утыканные здоровенными же-

лезными гвоздями. Это было небольшое помещение с низким, давящим потолком, освещенное единственной электрической лампочкой. Я увидел и опознал дыбу и гарроту. В углу, опустив взор долу, стояла Железная Девственница. По каменным стенам были развешаны разнообразные клещи, щипцы, зажимы и тиски огромных размеров, которые дополняла приличная коллекция оков.

Наш гид подробно рассказал нам о некоторых прелестных методах пытки в эпоху Возрождения и уже подходил к самому выдающемуся разделу своей устной диссертации, когда свет вдруг погас.

Мы оказались в полной и абсолютно непроницаемой темноте. Дамы завизжали, джентльмены стали ругаться, но гид попросил всех, сохраняя спокойствие, последовать за ним обратно в коридор. Я пошел было за остальными, но тут горло мне сжала чья-то мощная рука. Одновременно что-то твердое уткнулось мне в бок, под почки.

— Ни звука! — сказал нападавший. — И не двигаться!

В такие моменты предполагается, что разносторонне подготовленный секретный агент бросит напавшего через плечо, или врежет ему куда надо, или сделает еще что-нибудь этакое, чтобы сбить противника с ног и с толку, обезвредив его, прежде чем он пустит в ход нож. Но это все чистая теория. Я же не видел способа, как применить свои знания на практике. Я еле стоял на ногах, дыхание перехватило, а чужой нож уже на поддюйма вошел мне в бок. При сложившихся обстоятельствах я решил просто попытаться выиграть время.

Туристы уже покинули темницу, слышно было, как они смеялись и обвиняли гида в том, что он все это подстроил, чтобы попугать их. Потом захлопнулась первая дверь; затем, более глухо — вторая. В камере пыток остались только мы.

Вдруг стало очень тихо. Через несколько минут дверь со скрипом отворилась и по комнате протопали чьи-то тяжелые шаги.

— Можешь его отпустить, — послышался чей-то голос.

И тут зажегся свет. Беппо освободил мою шею из зажима и извлек нож из моего бока. Передо мной стоял мой старый приятель Форстер.

— Мистер Най, — сказал он, — я же вам предсказывал, что мы скоро опять встретимся! Хотя, конечно, я вовсе не предполагал, что это случится так скоро и в таком подходящем месте.

У меня не нашлось достаточно остроумного ответа, и я предпочел промолчать.

— Дворец закрывается в пять; последние группы туристов

уже выходят. При закрытых дверях в коридоре не слышно ни звука. Гиду и ночному сторожу уже заплатили. Так что, мистер Най, впереди у нас долгая ночь.

— До чего же вы умны, Форстер! — сказал я. — Признаю это без возражений.

— Очень мило с вашей стороны. Не угодно ли вам заодно избавить себя от некоторых неприятных моментов и сразу сообщить, где найти Кариновского?

— Я и сам хотел бы узнать, где он, — пожал я плечами. — Предполагалось, что мы встретимся здесь.

— Но он не пришел. А где было назначено запасное место встречи?

— Мы его вообще не назначали.

— А где живет Кариновский?

— Не знаю.

Форстер покачал своей крупной, красивой головой.

— Так дело не пойдет, мистер Най. Нет, это просто никуда не годится! У вас было вполне достаточно времени, чтобы выяснить, где находится Кариновский. Если он не пришел на встречу с вами сюда, значит, у вас есть запасное место встречи. Где?

Я с грустью покачал головой.

— Я не сторонник мер принуждения, мистер Най, но вы сами виноваты.

Я начал всюю убеждать его, что действительно ничего не знаю, но он слушать не стал.

— Все вы знаете и все нам скажете! — заявил он. — А раз вы не хотите проявить спортивный дух, мы можем продолжить нашу дискуссию вместе с моим коллегой, доктором Янсенем.

Форстер на минутку отвернулся. Я все думал, что бы ему такое сказать, но тут сзади кто-то шевельнулся, я вспомнил о Беппо, хотел было повернуться к нему лицом, получил страшный удар по голове и потерял сознание.

Глава 9

Очнувшись, я обнаружил, что играю одну из ведущих ролей в допотопном фильме ужасов. Запястья мои были скованы и прикреплены к поясу куском цепи, которая, в свою очередь, крепилась замком к массивной скобе, вбитой в стену. Я мог перемещаться не более чем на несколько футов в обе стороны — цепь была довольно короткой.

Диким образом изогнувшись, я ощупал правый карман пиджака. Револьвера Гуэски там уже не было. Я, в общем, так и предполагал, но все же расстроился.

Потом я осмотрел наручники — вполне современные и весьма прочные. А на такой цепи можно было бы тащить на буксире приличную баржу. Замок был крепкий и новенький, а скоба сидела в стене очень плотно.

— Ну как? Довольны ли вы нашими приготовлениями? — осведомился кто-то невидимый. Голос был низкий, сочный, но звучал зловеще. Так. Акт второй. Появляется сумасшедший ученый.

Я оглянулся по сторонам, но никого так и не обнаружил. Потом догадался посмотреть вниз.

— Меня зовут доктор Янсен, — сообщил тот же голос.

Доктор Янсен оказался карликом, фута в два с половиной ростом, с огромной головой прекрасной формы. За толстыми стеклами массивных очков прятались голубые глазки навывкате. На докторе был темный деловой костюм, а поверх него — резиновый фартук. Да, еще у него была борода! В общем, выглядел он как уменьшенная копия Пола Муни в роли Пастера.

Еще один человек сидел в тени возле самой стены, и лица его почти не было видно. Я сперва решил, что это Форстер, пришел поразвлечься. Но это оказался всего лишь Беппо.

— Я слышал вашу беседу с мистером Форстером, — заявил Янсен, — и у меня сложилось впечатление, что вы человек интеллигентный. Во всяком случае, я на это надеюсь. Видите ли, эффективность техники принуждения, так сказать, ее чистая эффективность, измеренная в затраченном времени и усилиях, напрямую зависит от интеллигентности субъекта.

Никогда не слышал ничего подобного. И поэтому никак не отреагировал. Доктор Янсен, впрочем, явно привык слушать собственные монологи.

— Интеллигентность, конечно, — только один из многих факторов, — продолжал он. — Не менее важна способность пациента переносить боль. А это, в свою очередь, зависит от воображения. А вы, между прочим, знаете, почему эти два качества имеют первостепенное значение?

— Нет, не знаю, — ответил я.

— Потому что человека нужно не просто пытаться, а сделать так, чтобы он истязал сам себя. — Доктор Янсен улыбнулся, обнажив мелкие, ровные белые зубки. Я дал себе обещание, что в один прекрасный день поупражняюсь на нем в практическом применении самых болезненных зубоврачебных технологий.

— Без этого феномена, — продолжал Янсен, — истинное искусство принуждения было бы невозможно. Резкая боль, бездумное сопротивление и потеря сознания — вот каков был бы цикл, лишенный истинной интеллигентности и гибкости восприятия.

Я твердил про себя: все это блеф; разумеется, никто не станет

пытать, да и вообще со мной вряд ли случится что-нибудь страшное... Но убедить себя оказалось трудно. Этот улыбающийся карлик с пухлыми белыми ручками уже начинал действовать мне на нервы.

— Вы, возможно, удивляетесь, — продолжал Янсен, — зачем я все это вам рассказываю. — Он чуть улыбнулся и погладил бороду. — А все для того, чтобы создать обратную связь, подогреть вашу внушаемость. Вы должны ожидать уготованной вам участи, думать над этим. Ваша интеллигентность и ваше воображение должны выпустить на свободу самого жуткого палача — того, который находится в вашей собственной душе.

Я кивнул, стараясь не особенно к нему прислушиваться. Я все пытался найти способ сбежать отсюда и спасти собственную шкуру. Я бы даже согласился на часть собственной шкуры. Может быть, дать Форстеру адрес Кариновского — любой адрес? Это позволит мне выиграть немного времени. Но может и существенно ухудшить мое положение.

— Мой метод, — вещал доктор Янсен, — основан на полной открытости. Я объясняю вам свою теорию и стараюсь ответить на ваши вопросы. Но, конечно же, мне никогда не сумею ответить на ВСЕ ваши вопросы.

— Это почему же?

— А потому, что они неизбежно будут сводиться к одной и той же неразрешимой проблеме. На самом деле, мистер Най, вам нужен ответ на единственный чисто метафизический вопрос: откуда берется боль? А поскольку я не в состоянии ответить на этот вопрос, то он, в соответствии с законами обратной связи, будет способствовать возникновению беспокойства, чувства опасности, а стало быть — усиливать боль.

Он все это время внимательно следил за выражением моего лица, видимо, пытаясь уяснить, какова моя реакция. (Расширение зрачков, нервный тик, сухие губы, дрожь и все такое прочее.)

— Желаете что-нибудь сообщить касательно мистера Кариновского? — спросил он.

— Я не знаю, где он находится.

— Очень хорошо, — сказал Янсен. — Тогда начнем. — И он не спеша достал из кармана пару резиновых перчаток и натянул их на руки. Потом повернулся, задумчиво посмотрел на инструменты, висевшие на стене, и наконец выбрал какие-то щипцы или клещи футов пяти длиной. Черные, ржавые, грубо сделанные и страшно тяжелые. Казалось, они приспособлены исключительно для того, чтобы выдирать ноги у быков. Янсен взялся за их ручки и для пробы открыл и закрыл их. Клещи негромко скрипнули и сомкнулись с жутким щелчком.

Он медленно приблизился ко мне, выставив это чудовищное орудие пытки перед собой. Я прижался к стене, все еще не веря в реальность происходящего. Янсен раскрыл клещи; они походили на уродливую квадратную пасть нападающей гигантской черепахи. Пасть эта раскрывалась все шире, неумолимо приближаясь к моему лицу; осталось три дюйма, потом два... Я попытался уклониться, вжимая голову в стену, словно надеясь пробиться сквозь нее. Потом от полной безнадежности хотел уже заорать, но горло перехватило от ужаса. К сожалению, я даже в обморок упасть не мог.

И тут я услышал, что кто-то барабанит кулаками в дверь и кричит: «Я поймал его! Поймал Кариновского! Беппо, скорей, помоги!»

Беппо вскочил на ноги, бросился к двери, распахнул ее, шагнул пару раз в коридор, вдруг охнул и ввалился обратно в камеру со странным изумлением на лице. Я не сразу заметил, что из груди у него торчит нож, всаженный туда целиком, по самую пластиковую рукоятку.

Из-за двери донеслись звуки перестрелки. Мой неведомый спаситель был явно все еще занят.

Беппо попытался вытащить нож из раны, но ему это удалось лишь наполовину, после чего он рухнул замертво, чуть не сбив коротышку Янсена с ног.

Янсен отскочил назад, пытаюсь избежать столкновения и не выпуская клещи из рук. Но все же он слегка утратил бдительность, и мне удалось выхватить у него проклятую железяку. Я что было сил потянул клещи к себе, и он, потеряв равновесие, выпустил их из рук. Я тут же врезал ему железом по ногам, и он упал. Подавшись вперед, я ухватил его за фартук. Он завизжал и стал вырываться. Фартук лопнул, и Янсен попытался отползти в сторону, чтоб я его не достал.

Я ловко перехватил клещи, развел рукоятки пошире и сделал выпад. Зубья, похожие на разинутую пасть черепахи, с лязгом сомкнулись на левом бицепсе Янсена, и я свел рукоятки вместе.

Янсен со свистом выдохнул, даже не успев закричать, и задергался, точно попавшийся на блесну лосось. Я нажал посильнее. Личико доктора стало изжелта-серым, глаза закатились. По подбородку обильно текла слюна.

— Давай ключ! — заорал я. — Ключ от наручников! Быстро! Или я сейчас фарш из твоей руки сделаю!

Звучало, пожалуй, чересчур мелодраматично, но я тоже решил использовать психологический подход.

Янсен вытащил из нагрудного кармана ключ и протянул мне. Я хотел было взять его, но тут вспомнил, что нас разделяет не-

сколько футов — длина клещей. Я подтащил Янсена поближе к себе, бросил клещи и схватил его за горло.

— Отопри замки, — велел я ему.

Он открыл наручники и снял с меня цепь. Освободившись, я как следует врезал доктору Янсену цепью в ухо, он тяжело рухнул на пол и больше не шевелился.

Я перешагнул через Беппо и поднялся по лестнице в коридор. Там было темно и я никого и ничего не увидел. Мне показалось, что я слышу слева чьи-то шаги — я повернул вправо и побежал...

Глава 10

Я бежал по бесконечным мраморным коридорам; стук моих каблучков эхом отражался от потолка. Мимо пролетали ряды узких средневековых окон — каждое из них было закрыто современными железными ставнями. Конца этим окнам не было, и я уже начал думать, что бегаю кругами. В боку закололо, ногу свело, но я все бежал и бежал, пока не наткнулся на деревянную дверь, оказавшуюся незапертой, и не выскочил прямо в пахнувший солью туман, на скользкие плиты мостовой. Я был на свободе.

Узкая боковая улочка тянулась параллельно каналу со стоячей водой. Слева в темноту уходил еще более узкий переулок, а справа и чуть впереди виднелись яркие уличные фонари. Я никак не мог понять, где нахожусь. Хотя, вероятно, вряд ли дальше, чем в нескольких кварталах от Сан-Марко и Рива дельи Скьявони. Но все равно — я не знал, как туда выйти.

Венеция — очень маленький город, но это только в том случае, если вам не нужно куда-либо попасть побыстрее. Если же вы спешите, ее запутанные грязные улочки, каналы и мосты начинают кружить вокруг вас, цепляться к вам, как приставучий старый нищий. Город проявляет свой дурной нрав. Все эти дурацкие маленькие площади, пьядетты, величиной не больше почтовой марки, от каждой из которых непременно расходится по пять-шесть улочек шириной не более шага, мелькают, точно в калейдоскопе, вместе с бесконечными калле, салиццадами, рио, фундаменте, моло, пересекающими друг друга, то сходящимися, то расходящимися, точно придворные кавалеры и дамы в грандиозном менуэте, всегда готовые замереть в бессмысленной, но изысканной позе. Венеция — типичный провинциальный город, который притворяется столицей; фантастический, неправдоподобный памятник, который всеми правдами и неправдами тщится доказать, что он самый настоящий город и всем абсолютно необходим... Приезжайте в Венецию, знакомьтесь с ее достопримеча-

тельностью, тратьте деньги, занимайтесь любовью — этим и нужно там заниматься, — но не пытайтесь в Венеции спрятаться, спасти свою жизнь! Этот эксцентричный старый город терпеть не может практичности.

Я прошел по маленькому горбатуму мостику и оказался в небольшом дворике, залитом бетоном. Со всех сторон высились мрачные стены зданий, задними фасадами обращенных ко мне. За этими стенами, украшенными лепниной, слышались звуки работающих телевизоров. Стоило мне остановиться, как я услышал, что рядом остановился еще кто-то.

Я быстро двинулся к проходу между домами. За спиной послышался резкий хлопок, и что-то ударило в стену. На меня сыпалась кирпичная пыль. Так. Кто-то стрелял в меня из пистолета с глушителем и попал в стену, хотя и совсем рядом с моей головой.

Я бросился по мосту через канал, миновал несколько переулков и выскочил на широкую площадь, над которой высилась церковь. Мне показалось, я узнал каменного монстра с глазами навывкате, украшавшего ее башню. Да, это была Санта-Мария Формоза. Я выбрал неправильное направление и оказался в совершенно незнакомом квартале. Сзади опять кто-то догонял меня.

Миновав площадь с церковью, я снова нырнул в паутину переулков. Колотье в боку прошло — видно, от страха. Я бежал вперед, как хорошо кормленный жеребец, и стук шагов преследователя постепенно затих вдали. Агенту Икс еще раз удалось уйти.

Впрочем, радоваться было явно рановато. В конце переулка я уперся в каменную стену, преодолеть которую было невозможно. Слева тоже была стена. Я чуть не завыл от отчаяния. Венеция, конечно же, приготовила мне очередной маленький сюрприз!

Справа над переулком, футах в десяти-двенадцати от мостовой, я заметил балкон с ажурными железными перилами. Я отошел назад, разбежался, взлетел над тротуаром, точно на соревнованиях по бегу с барьерами, ухватился за край перил и подтянулся. Перила тяжело заскрипели. Мне удалось перебросить через них одну ногу, и как раз в этот момент, находясь в чрезвычайно неудобном положении, я обнаружил, что некто, стоящий на балконе, пытается пырнуть меня в лицо ножом.

— Не надо! — попросил я.

— Убирайтесь прочь с моего балкона! — раздался в ответ женский голос. Я успел заметить черные волосы и развевающийся махровый халат; потом мне стало не до того — пытаюсь уклониться от ее ножа, я чуть не свалился на мостовую.

— А ну вон отсюда! — кричала женщина.

— Хорошо-хорошо, — с горечью сказал я. — Пусть меня убьют,

если вам так уж этого хочется! Не кричите, сейчас я слезу с вашего проклятого балкона.

Она перестала тыкать в меня ножом.

— О чем это вы?

— У меня неприятности, — кратко пояснил я. Девушка была явно американка, лет двадцати пяти, довольно симпатичная. С ножом она, правда, обращаться не умела.

— Я вам не верю! — заявила она.

— Ну еще бы! — сказал я. — Вы, наверно, думаете, что это у меня вечерняя разминка?

Она не обратила внимания на мою несколько истерическую шутовливость и заинтересованно спросила:

— А какие у вас неприятности?

— Серьезные. За мной кто-то гонится.

— Зачем?

— В данный момент я не могу вам этого объяснить.

Она задумчиво смотрела на меня. Очень даже симпатичная девочка. А без ножа была бы просто блеск. Наконец, она, видно, пришла все-таки к выводу, что я не убийца, не насильник и даже не грабитель. Я, конечно, мог оказаться и кем-нибудь похуже, но с такими-то девушкой, выросшая в Форест-Хиллз, штат Луизиана, справиться вполне сумела бы.

— Ну, я не знаю... — протянула она. — Все это как-то чересчур необычно...

— Да решайте вы наконец что-нибудь! — рассердился я. — Не могу же я тут всю ночь висеть!

Она нахмурилась, оттопырив нижнюю губу. Черт побери! Я оглянулся и уже приготовился прыгнуть обратно на улицу, как она все же смиловилась:

— Ладно, черт с вами. Залезайте.

Я перебрался через перила и вошел в комнату. Она последовала за мной, на ходу пытаясь запахнуть халатик поплотнее и по-прежнему держа нож наготове. Я добрался до ближайшего кресла и плюхнулся в него. Через некоторое время она тоже села на кушетку, поджав под себя ноги.

Из кресла мне была видна большая часть улицы. Но в поле зрения никто не появлялся. Может быть, я и впрямь оторвался от преследователей, а может, они по-прежнему ждали меня внизу. Я закурил сигарету и попытался решить, что делать дальше. Меня снова стали мучить сомнения относительно собственной пригодности к работе в секретной службе. Как-то так выходило, что я не получал от нее никакого удовольствия. И мне опять показалось, что зря я не бросил все это и не вышел из игры. Убраться бы сейчас в Париж...

— Ну? — не выдержала девица.

— Что — ну?

— Не хотите объяснить свое появление на моем балконе?

— Не могу, — ответил я честно. — Не имею права. — И только тут сообразил, что это действительно так. А даже если и не так — все равно мои слова, похоже, произвели на нее должное впечатление, и я был избавлен от необходимости давать утомительные и скучные объяснения.

Мы обменялись основными биографическими данными. Мэйвис Сомерс училась в Хантеровском университете. Я — в Нью-Йоркском. Она жила в однокомнатной квартирке на Шестьдесят первой Восточной, недалеко от Третьей авеню; я же обитал в Уэст-Вилидж. В конце февраля 1961 г. мы оба отдыхали в Майами. Школу она окончила в Саммите, штат Нью-Джерси; я же — в соседнем Саут-Орандже.

Мы немного поболтали, потом Мэйвис приготовила растворимый кофе, и мы поболтали еще; переменяли множество тем, никак одна с другой не связанных, и из всего этого в итоге возникла некая невидимая сеть взаимного согласия и понимания. Но я не стал сразу после этого заключать ее в объятия и, как всегда, сталкиваться сперва с сопротивлением, переходящим в покорность, когда руки женщины все крепче обвиваются вокруг твоей шеи, а гордые груди льнут к твоей груди. Черт, тогда мне и мысли такой в голову не приходило! Я был, правда, почти уверен, что именно так все это и произойдет — но не сейчас, а в следующий раз... или через раз. (Американцы запросто могут сразу переспать с той, что им нравится, но в целом склонны немного повременить и не затаскивать ее в постель, даже если страстно в эту женщину влюблены.)

Так и прошла эта ночь; потом за окном, в угольной еще черноте начали петь ранние птички; чуть позднее на крыши домов упал первый отблеск зари. Солнце, осветив наконец улицу, не выявило там ничего зловещего, и я воспользовался телефоном Мэйвис и попытался дозвониться до квартиры Гуэски. К моему удивлению, он мне ответил.

Гуэски уже знал, что его план провален. Узнал он это через полчаса после того, как мы с ним расстались. Он тут же помчался к Палаццо Дукале, чтобы отменить операцию. Кариновского он перехватил вовремя; но я к тому времени уже сидел в камере пыток.

Тогда они с Кариновским решили напасть на противника, чтобы отбить меня. Все было в лучшем духе командос: Гуэски заколол Беппо, пока Кариновский прикрывал его со стороны коридора. Потом, правда, им пришлось временно отступить, и мне была предоставлена возможность самому позаботиться о докторе

Янсене. А они в это время пробивались к выходу из Палаццо. Результат: огнестрельное ранение в бедро у Гуэски и ножевая рана в руку у Кариновского.

— Все сложилось крайне неудачно, — сказал Гуэски. — Особо для Кариновского. В таких делах всегда вступают в действие некие загадочные и неотвратимые силы: события начинают развиваться сами по себе и сами себе задают темп. Эффективность действий охотника возрастает пропорционально росту отчаяния дичи. Кариновского необходимо вывезти отсюда сегодня же ночью.

Я не разделял идей Гуэски. Я прекрасно понимал, что Венеция слишком мала для подобной игры в прятки и что у Форстера в распоряжении слишком много людей. Однако, даже если не принимать это в расчет, мы все равно слишком поспешно все делали и совершили немало ошибок. Поспешность до добра никогда не доводит. Если события будут развиваться так и далее, полученная сегодня в плечо пуля завтра вполне может угодить в голову.

— Может быть, лучше день-другой переждать? — предложил я.

— Абсолютно невозможно, — отвечал Гуэски. — Помимо всего прочего, сегодня ночью будет последний высокий прилив.

Это звучало так, словно имело особо важное значение. Мне лично так не казалось.

— И что из того? — спросил я.

— А то, что мы должны вытащить Кариновского отсюда нынче же ночью — весь мой план построен на высоком приливе.

— Это я понял. Но почему вам так важен этот прилив?

— Сейчас нет времени объяснять, — сказал Гуэски. — Кариновский расскажет вам все подробно. Вы с ним встретитесь в доме номер 32 по Виале ди Сан-Ладзаро, это возле пьядетта деи Леончини. Знаете, где это?

— Найду. Но хотелось бы понять...

— Сейчас нет времени. Вы должны быть там сегодня в 20.30 вечера. Не раньше, но и не позже.

— А если за мной будет слежка?

— Я учел такую возможность, — ответил Гуэски.

— Приятно слышать. И что же мне предписано делать в таком случае?

— Во-первых, вы должны действовать с особой осторожностью. Я подчеркиваю это. У Форстера поставлена на кон его репутация; возможно, даже его личная безопасность — если принять во внимание, на что способны его хозяева. Я настоятельно рекомендую вам избегать пустынных мест. Форстер, вероятно, не решится на такое безрассудство, чтобы убить вас у всех на глазах, хотя и такой возможностью тоже не следует пренебрегать. А во-

вторых, разумеется при учете всего вышесказанного, конкретные действия я могу оставить на ваше усмотрение.

— Спасибо, дорогой мой наставник! А где же вы сами-то будете находиться, пока я буду предпринимать эти «конкретные действия»?

— Я буду вас ждать на материке, недалеко от Мадзорбо. Кариновский знает, где это. Я сперва планировал сопровождать вас в течение всего побега, но полученная мною рана может нам помешать.

Я устыдился своего вопроса. И поспешно спросил снова:

— А как рука Кариновского?

— Довольно скверно. Сильные боли. Но у него достаточно сил и уверенности в себе. А кроме того, он очень верит в вас, мистер Най. Я надеюсь, вы его вытасчите отсюда.

— Я тоже надеюсь, — буркнул я.

— Извините, но мне пора заняться собственными приготовлениями к отъезду, — сказал Гуэски. — Желаю удачи!

Он повесил трубку. Я тоже. И тут только вспомнил, что забыл сказать ему, что выхожу из игры. Вполне в моем духе. Хотя теперь уже я так или иначе не мог сбежать и бросить этих ребят. На подобную трусость у меня бы просто не хватило мужества, как это ни парадоксально.

— Господи помилуй, вы, кажется, действительно, попали в передрагу, — сказала Мэйвис. Я с мрачным видом кивнул. — А выбраться-то из нее можно?

— Да, конечно. Все это через пару дней так или иначе кончится, — заверил я ее. Собственно, так оно и должно было случиться — вне зависимости от конечного результата.

Мы договорились встретиться в Париже через неделю. Она поцеловала меня, сообщила, что я полный кретин, и заставила пообещать, что я буду осторожен. Я тоже поцеловал ее... Ну и так далее. Агент Икс опять почти дозрел до того, чтобы бросить свою новую службу, и причем немедленно. Но тут Мэйвис, выглянув в окно, заметила какого-то типа, болтавшегося возле дома, и я узнал Карло. Итак, настало время опять бежать, как Жан Вальжан по крышам Парижа.

Глава 11

Мне удалось уйти через подходящий темный переулок, без труда обманув Карло. Было позднее утро, и времени у меня пока хватало. Я взял гондолу до моста Риальто, потом выпил кофе возле Центрального телеграфа. Немного побродил по улочкам и купил билет на дневной спектакль в театр Фениче. Большую часть «Аиды»

я проспал, а в половине пятого пошел чего-нибудь выпить. К пяти все вокруг было по-прежнему спокойно. И я почувствовал значительный прилив сил. Настроение тоже было приподнятое, и вследствие этого во мне проснулся волчий аппетит — впервые за последние два дня. Я отправился в ресторан «Леонарди», где уничтожил огромную порцию спагетти, суп и креветки по-венециански. В четверть седьмого я, расплатившись по счету, собрался уходить.

И тут заметил, что за столиком возле двери сидит человек. И улыбается мне. Я автоматически улыбнулся в ответ и только тут понял, что это не кто иной, как сам Форстер. Он, видно, тоже только что пообедал. Настроение у меня сразу испортилось. Он подошел ко мне и спросил:

— Мистер Най, не могли бы мы с вами немного побеседовать?

— Что вам угодно? — спросил я, стараясь сохранить между нами солидную дистанцию.

— Да бросьте вы, — сказал Форстер. — Я вас не съем. Или вы боитесь, что я вас расстреляю из пулемета прямо здесь, в ресторане?

— Пистолет с глушителем будет уместнее, — заметил я.

— Нет, только не здесь, — заверил меня он. — Только не у Леонарди. — И он широко улыбнулся, явно рассчитывая произвести впечатление своими изысканными прихотями. — В этом ресторане подают лучшие в Венеции скампи, поэтому все секретные службы договорились считать его нейтральной территорией, своего рода убежищем. К нам не присоединились лишь албанцы, но их в расчет принимать не стоит. Да сюда этих албанцев никто и не пустит.

— Приятно узнать некоторые местные традиции, — сказал я и снова сел.

— Мы стараемся сохранять внешние приличия. Бокал вина?

— Нет, спасибо.

— Вы очень осторожны.

— О чем вы хотели со мной говорить?

— О вашем отъезде.

— А разве я куда-то уезжаю?

Форстер достал из кармана длинный конверт и положил его на стол.

— Здесь пять тысяч американских долларов, — сообщил он. — А также билет на самолет «Алитали» до Парижа, рейс 307. Место для вас забронировано, самолет вылетает примерно через час.

— Весьма предусмотрительно, — заметил я, не прикасаясь к конверту.

— Мне доставляет удовольствие оказывать людям услуги, — сказал Форстер. — Характер у меня такой. Кроме того, от вас тоже потребуется кое-какая ответная услуга: вы сообщите, где найти Кариновского. Чем избавите нас от необходимости убивать вас.

— Пять тысяч не слишком большая плата за все это, — заметил я.

— А по-моему, более чем щедрая. Ваш отъезд большего и не стоит.

— В таком случае, думаю, мне лучше остаться, если вам это так уж безразлично.

Форстер нахмурился.

— Нет, к сожалению, не настолько, — сказал он. — И все-таки лучше всего для вас передать нам необходимую информацию и уехать отсюда. Но даже если вы и не уедете, особых затруднений у нас это не вызовет. Ваша роль в данном деле теперь сведена к минимуму, мистер Най.

— Минимум стоимостью в пять тысяч долларов? — заметил я.

— Ну, мистер Най, вы же понимаете, эти деньги — всего лишь любезность! Мы просто решили подсластить вам пилюлю. Мы ведь с вами профессионалы, нам следует воспринимать такие вещи спокойно, понимая, что война состоит из множества сражений. И умный солдат всегда отступит, если обстоятельства складываются не в его пользу. Профессионалы придерживаются логики, не поддаваясь эмоциям, и, кроме всего прочего, умеют смотреть фактам в лицо.

— Каким же именно фактам?

Форстер сделал глоток вина.

— Ваше положение с самого начала было безнадежным — мы знали, кто вы такой, на кого работаете, какова ваша цель. Заметьте, в течение суток мы дважды задерживали вас, причем без каких-либо затруднений. Мы знаем, что вы по-прежнему намереваетесь вывезти Кариновского из Венеции и что нынче ночью хотите предпринять такую попытку. Однако, смею вас заверить, у вас нет никаких шансов на успех.

— Боже, как мрачно! — сказал я.

— А будет еще мрачнее.

— Продолжайте.

Форстер наклонился ко мне; взгляд его был честным и открытым.

— Най, мы могли вас убить в любой момент, начиная с той минуты, когда вы появились в Венеции. Тот факт, что мы этого не сделали, проистекает исключительно из разногласий между разными департаментами. Служба безопасности не пришла к единому мнению с контрразведкой. С точки зрения службы безопас-

ности, вас следовало вывести из игры сразу после раскрытия. А по мнению контрразведки, вас нужно было оставить на свободе, чтобы вы сами вывели нас на Кариновского. И поначалу мнение контрразведки возобладало.

— А теперь?

— А теперь настало время это дело закрыть. Нам пора переключаться на другие вопросы. Мы не можем до бесконечности таскаться за вами по Венеции. Нам положительно необходимо выяснить, где Кариновский. И мы его найдем, сообщите вы нам о его местонахождении или нет. Ваш отказ лишь незначительно осложнит нашу задачу. И в конечном итоге обернется лишними затруднениями и неприятностями для вас же. А ответ мы от вас все равно получим. Но в таком случае единственной наградой за ваше упрямство будет смерть. Что скажете?

Форстер снова взял конверт со стола и протянул мне. Мне было жутко не по себе: он ведь действительно хотел, чтобы я взял конверт. Даже я понимал, что мой отказ — шаг безусловно наивный и самоубийственный. Однако я встал и молча покачал головой.

— Ну что ж, очень хорошо, мистер Най, — сказал Форстер. — Раз вы не хотите покончить дело миром, нам придется применить некоторые малопривычные способы для решения этой проблемы. Так сказать, не слишком цивилизованные. И весьма скоро вам снова будет задан вопрос о местонахождении Кариновского, но уже в значительно более жесткой форме.

Говорить было больше не о чем. Когда я вышел из ресторана, солнце уже садилось.

Глава 12

Да, подумал я, положение не из легких. Но почему-то трудно было в это поверить до конца. На старых домах лежал теплый отсвет заходящего солнца. Каналы так и сверкали, поблескивая синим и коричневым. Тысячи людей шли по узким улицам. Невбритый хмырь попытался всучить мне игрушечную гондолу, а мимо проплывали настоящие гондольеры. В воздухе стоял запах жареного кофе. Солнце, толпы людей, узкие улочки, сверкающая вода — от всего веяло опасным для меня миром и покоем.

Я немного прошел вперед и возле театра Малибан сел на речной трамвайчик; переполненный, как нью-йоркская подземка в час пик перед Рождеством. Мне удалось пробраться в центр трамвайчика и ухватиться за поручень.

Рядом со мной за тот же поручень уцепился приземистый рабочий с квадратным туловищем. Спереди, почти падая на меня,

стояла привлекательная блондинка в зеленом свитере с огромным этюдником. Все жутко толкались, глядя бессмысленными глазами вверх голов соседней.

Справа на меня навалился какой-то турист с красной от загара физиономией, в толстом твидовом спортивном пиджаке со множеством карманов и пуговиц. На шее у него висела тяжелая кинокамера, а в руках он сжимал потрепанный портфель свиной кожи. Рядом с ним, не в силах дотянуться до поручня, маялся маленький небритый человечек в черном костюме, со следами губной помады в углу рта. Около него пристроился высокий юнец, весь в веснушках и с огромным кадыком. Он все пытался пробиться сквозь толпу к юной блондинке. Но путь ему плотно загораживала могучая старуха в плаще.

Речной трамвай миновал Кампо ди Марс и повернул в Большой Канал. Толпа качнулась в сторону. Грудь блондинки на мгновение прижалась к моему пиджаку. Испачканный губной помадой человечек чуть не потерял равновесие. Рабочий же стоял как утес. Юнец с огромным кадыком попытался нырнуть в щель рядом со старухой, но ему помешал ее огромный зонт. Блондинка отстранилась от меня, а турист с красной физиономией переступил с ноги на ногу, стараясь утвердиться на занятом плацдарме.

И тут я почувствовал острую боль в левом боку.

И кто-то спросил меня шепотом на ухо:

— Где он прячется?

Это оказался турист; его красная рожа находилась всего в нескольких дюймах от моего плеча, а портфель был прижат к моему боку.

— Мне велел спросить вас об этом мистер Форстер, — добавил он.

— Не понимаю, о чем вы, — сказал я в ответ. Что-то острое снова вонзилось мне в бок. Трамвайчик снова повернул, и толпу еще раз сильно качнуло. Я успел опустить глаза и заметил, что в пиджаке у меня дыра, а по брюкам расползается кровавое пятно.

— Вы только скажите, где он находится, и все, — продолжал убеждать меня краснорожий турист. И снова что-то вонзилось мне в бок чуть ниже ребер.

Трамвай опять сделал поворот, и я обратил внимание на портфель этого «туриста». В складке свиной кожи в его нижнем углу все еще поблескивала капля крови. Я тупо уставился на нее. Кожаная складка подмигнула мне, и из нее сверкнула сталь — узкий клинок был спрятан в портфеле, наружу торчал лишь его кончик.

— Это пружинный нож, — пояснил краснорожий. — Длину лезвия можно регулировать. Я сейчас его выпустил примерно на дюйм.

— Вы с ума сошли! — возмутился я.

— Скажите, где он, — упорствовал краснорожий. — Скажите, или я вам весь бок изрежу!

Я оглянулся вокруг. Никто в толпе ничего не замечал. Блондинка пыталась вытащить свою левую грудь из кармана моего пиджака. Могучая старуха по-прежнему перекрывала путь кадыкастому юнцу. Испачканный губной помадой человек изучал описание самолетов. Рабочий упорно сохранял хладнокровие и оставался недвижим. А краснорожий действительно продолжал превращать мой бок в фарш.

— Я сейчас закричу, — предупредил я.

— Сколько угодно.

Я успел увидеть, как он нажал на ручку портфеля, и отшатнулся как раз в тот момент, когда узкое лезвие выскочило из складки в углу портфеля; при этом я натолкнулся на блондинку. Она тоже отшатнулась и посмотрела на меня с отвращением. Но маневр этот ничем мне не помог: краснорожий просто передвинулся вслед за мной на освободившееся пространство и опять пристроил свой портфель к моему боку. Но тут судно вильнуло, и он потерял равновесие. В бок он мне не попал, зато пропорол мой брючный ремень.

— Говорите же! — настаивал он.

Я еще раз попытался отодвинуться от него, но толпа была неколебима, как стена. Что же мне теперь? Так и стоять, пока этот тип кромсает мое тело? В Венеции, на борту речного трамвайчика, в самой гуще толпы?! Я чувствовал, что бок мой весь набух кровью. А этот тип все наваливался на меня, потев от напряжения. Вот он в очередной раз напрягся, готовясь пырнуть меня своим ножом, толпа по-прежнему ничего не замечала. Все глядели вдаль поверх голов друг друга или наблюдали за маневрами кадыкастого юнца, которому наконец удалось обойти старуху с ее зонтом.

Портфель придвинулся ко мне, и я отпрянул назад, но острие успело слегка задеть мои ребра. Кое-кто из пассажиров удивленно посмотрел на меня и тут же отвернулся, снова обратив все свое внимание на юнца.

И тут мною внезапно овладела жуткая и совершенно оправданная ярость. Я просунул руку вниз, нащупал в складках одежды ремень этого «туриста» и чуть нагнувшись, крепко ухватив его прямо за «интересное место».

Он заорал. Все дружно обернулись в его сторону. Я тоже обернулся, «недоуменно» хмурясь. «Турист» обеими руками держался за промежность.

— Что с вами? — спросил я.

Всеобщее замешательство способствовало тому, что юнец наконец достиг предмета своих вожделений и встал рядом с блондинкой. Однако теперь он вроде бы уже и не знал, что делать дальше.

Краснорожий опять заорал. Он прямо-таки задыхался от боли.

— По-моему, у него какой-то припадок, — предположил я вслух.

— Расстегните ему воротник, — посоветовала старуха.

Я потянулся к его шее. Он судорожно хватанул ртом воздух и вместе с портфелем метнулся вбок, при этом задев ножом рабочего. Тот подскочил и, недолго думая, врезал «туристу» в морду тяжеленным, бурым от грязи кулачищем. Пока они выясняли отношения, я что было сил наступил краснорожему на ногу.

Кадыкастый юнец, вновь обретя способность мыслить и пользуясь ситуацией, сообщил наконец блондинке: «Ну и дела!» Она притворилась, будто не слышит. Рабочий пытался извиниться перед краснорожим. Тот был бледен и весь дрожал. На ближайшее время он был, видимо, полностью выведен из строя.

Трамвайчик причалил, и я тут же рванул к выходу, прыгнул на пирс и, не оглядываясь, пошел прочь.

Глава 13

Левую ногу мою начинало сводить, в ботинке хлюпала кровь. Солнце только что зашло, но улицы еще были полны золотистым светом, делавшим густую толпу странно привлекательной. Венеция продолжала играть в свои любимые игры, подменяя реальность иллюзиями, а я был достаточно легкомысленно настроен, чтобы наслаждаться ими.

Вдруг я поскользнулся на мокрой мостовой — левая нога повернулась, и я чуть было не упал, но чья-то рука подхватила меня и помогла вновь обрести равновесие.

Мужчина, подхвативший меня, был высокого роста и мощного сложения. Лицо его казалось дружелюбным и одновременно жестоким. На нем был легкий тропический костюм, сидевший как перчатка. Изящный серо-голубой шейный платок — под цвет серых глаз — был повязан небрежно и заправлен под итальянскую шелковую рубашку. На запястье плотно сидел огромный, тяжелый «Ролекс-Ойстер», своим черным циферблатом, светящимися стрелками весьма походивший на тропического паука.

— С вами все в порядке? — спросил нежданный спаситель приятным голосом с явственным британским акцентом.

— Подпал под чары этого города и не поглядел под ноги, —

сказал я. — Спасибо большое, вы меня очень выручили! — Я сделал попытку освободиться от его хватки.

— Не за что, — ответил он и отпустил меня сам. Я, однако, успел заметить «беретту» 32-го калибра со «скелетной» рукояткой и утопленным прицелом, уютно сидевшую у него под мышкой в мягкой замшевой кобуре.

— Вы, кажется, ногу повредили, — заметил он.

— Да, поскользнулся, неудачно ступил, сходя с речного трамвая, — объяснил я.

Мужчина кивнул, изучая порезы на моем пиджаке и следы крови на обуви.

— В Венеции нужно быть очень осторожным. Особенно на причалах, — медленно проговорил он. — Там такие острые выступы — режут прямо как бритва, вы заметили?

Я растерянно пожал плечами. Незнакомец улыбнулся.

— Вы здесь в отпуске? — спросил он.

— Более или менее. Я разыскиваю дом своего приятеля и немного заблудился.

— Что ж, — сказал он, — я довольно хорошо знаю город. Может, сумею вам помочь?

В голове у меня тут же запиликал сигнал тревоги. Но я не обратил на это внимания и решил, что придется, видно, смириться с постоянной слежкой и с явно готовящимся нападением. Если этот незнакомец тоже из вражеских рядов, то ему была уже предоставлена прекрасная возможность сделать свой ход. Если же нет, его присутствие может заставить Форстера призадуматься и, возможно, даже изменить свои планы. Вряд ли, таким образом, от присутствия этого незнакомца я что-либо терял.

— Мне нужно на Виа ди Сан-Ладзаро, — сказал я.

— Кажется, я знаю эту улицу... — ответил он. — Дайте подумать. — Три вертикальные морщины собрались у него на лбу — он задумался. — Да, конечно. Это прямо позади пьядцаретта деи Леончини. Она потом идет до самого Моло. Можно пройти через площадь Сан-Марко; но короче будет мимо Базилики, затем до входа в «Мерсерию», а затем по довольно жалкому переулку, высокопарно именуемому здесь Салиццада д'Арлекино. Может, вас проводить?

— Мне не хотелось бы отнимать у вас время.

— Ничего страшного, я все равно его убиваю, — ответил он и коротко засмеялся. Смех у него был довольно приятный. — Я здесь в командировке по делам своей компании, но, кажется, уже в основном с делами покончил.

— А как называется ваша компания?

— «Бристол Бизнес Системз», — сообщил он, ведя меня по

направлению к «Мерсерии». — Да, кстати: Эдмондс; занимаюсь офисным оборудованием. Представляете, в последний момент выяснилось, что одна американская фирма перехватила у нас контракт.

— Интересно, — заметил я. — Я тоже занимаюсь офисным оборудованием.

Эдмондс кивнул.

— Мне почему-то так и показалось.

Я уставился на него. Офисное оборудование, неведомая фирма, контракт, «беретта» под мышкой... Может, это британский агент и работает он параллельно со мной? Подобное совпадение могло показаться удивительным где угодно, но не в Венеции, где механизм иллюзий и чар может привести к самому невозможному и неожиданному. За это, конечно же, приходится платить: умышленно искажая соотношение вероятностей, Венеция доводит самые банальные вещи до полного абсурда — причем, несомненно, в ущерб себе.

На жестком насмешливом лице Эдмондса прочесть что-либо было невозможно. Я сказал:

— Жаль, что вам так не повезло.

— В общем-то, это не так уж страшно, — отвечал он. — Здесь для всех найдется дело. А меня теперь направляют на Ямайку.

— Неужели там такой высокий спрос на офисное оборудование?

— Вполне достаточный — на те системы, которыми я торгую.

— Вероятно, что-то новенькое?

— Да, и я бы сказал, ассортимент достаточно разнообразный.

— Значит, вы скоро прекрасную Венецию покидаете?

— Мой самолет через три часа. Можно немножко «повибрировать» у столов.

Вид у меня, должно быть, был совершенно ошалелый, потому что Эдмондс улыбнулся и пояснил:

— У игорных столов, на Лидо. Баккара, железка — те игры, что так привлекают туристов. По правде сказать, я хочу попытать счастья в рулетку. Не всем это известно, но в нынешнем сезоне здешние казино снизили свои требования, пытаюсь обскатать Монте-Карло. Что открывает определенные возможности...

— Звучит весьма завлекательно, — сказала я.

— Не желаете присоединиться? Я как раз туда шел.

— Очень хотелось бы, но не могу.

— Понимаю, — сказал он. — Ну, вот мы и пришли. Вот ваша Виа ди Сан-Ладзаро во всем своем затхлом великолепии.

Я поблагодарил его, но Эдмондс лишь махнул рукой:

— Извините, но времени больше нет, не то показал бы вам

разные достопримечательности, а может, и уберег бы от некоторых неприятностей... на причалах.

И, махнув мне на прощанье рукой, он покинул меня, унося с собой свою явную уверенность в себе и компетентность. Я поглядел на часы. Было уже около восьми. Я медленно пошел по улице, разглядывая номера домов.

Глава 14

Слабый огонек замерцал вдруг меж двух темных зданий; потом исчез — видно, утонул в Лагуна Мурта. Ночной ветерок тревожно посвистывал в каминных трубах. Воды канала слабым беззубым ртом жевали потрескавшиеся камни набережной. Высокие сутулые здания жались друг к другу, словно ища утешения и поддержки. Видные деятели эпохи Возрождения бродили, казалось, по темным улицам в своих сумрачно-синих одеждах, притворяясь живыми. Меня эти призраки ввести в заблуждение не могли: пляску смерти я способен узнать с первого взгляда.

Я дошел до конца Виа ди Сан-Ладзаро, где она сливалась с Рио Терра Маддалена, в поисках номера 32, однако последний номер был 25. Я долго искал продолжения, но никакого номера 32 не обнаружил. По спине побежали мурашки.

Я вернулся назад и постарался мыслить трезво. К сожалению, мой мозг интересовали не номера домов — в голове у меня крутилось одно: отчетливое цветное изображение снайпера высоко под крышей, просунувшего винтовку в разбитое чердачное окно и уже поймавшего мою голову в перекрестье оптического прицела.

Я заставил себя думать о более приятных вещах. О том, как, например, удушить Форстера или четвертовать полковника Бейкера. О чудесном спасении из Венеции и дальнейшем проживании в течение всей оставшейся жизни в Южной Австралии в качестве простого пастуха.

Где же этот проклятый дом? Неужели я что-то перепутал? Номер 32, Виа ди Сан-Ладзаро. Или, может быть, Гуэски сказал Калле ди Сан-Ладзаро? Или Виале?..

Да, кажется, именно так он и сказал. Я спросил у прохожих дорогу и получил нужные указания. Виале ди Сан-Ладзаро находилась на некотором расстоянии от места, где я находился, в районе Каннареджио. Я поспешно двинулся сквозь сумерки и дым от каминов, пересек мост, несколько раз повернул направо и налево и наконец добрался до этого района. Но тут же запутался в паутине переулков, отходящих от Калле делла Массена.

Здесь туристов было гораздо меньше. Мимо проходили рабо-

чие и продавцы сувениров, потом проследовал закончивший смену гондольер. Какая-то толстуха с корзиной белья довольно путано объяснила мне дорогу, после чего я миновал шумную ватагу ребятишек под предводительством монахини. Потом мелькнул какой-то маленький мальчик в белом матросском костюмчике, за ним рыбак в высоченных резиновых сапогах.

Рыбак проследовал своим путем, а мальчик остановился и, пританцовывая на месте, поднес ко рту трубку для стрельбы горохом. И тут же я услышал сухой стук — горошины забарабанили по стене за моей спиной. Мальчик нежно улыбнулся мне, изменил прицел и обстрелял представительную женщину в черном с корзиной для покупок на руке. Женщина невольно охнула, схватившись за спину, и высыпала на мальчишку поток непереводаемых проклятий на местном диалекте. Маленький хулиган запрыгал от восторга, а женщина пошла дальше.

Мальчик огляделся, ища новую Жертву, и снова прицелился в меня. Я погрозил ему пальцем, услышал, что он все-таки дунул в трубку, и почувствовал, как что-то острое воткнулось мне в рукав. Я обследовал рукав и обнаружил маленькую оперенную стрелу, застрявшую в ткани; на один ее конец был накручен комочек ваты, а острие намазано чем-то синим, цвета индиго.

Тут зажглись уличные фонари. И в их желтом свете я разглядел лицо мальчугана, который по-прежнему улыбался мне, наморщив лоб под матросской шапочкой. Глаза у него были темные, веки припухшие, нос остренький, а щеки... изборождены глубокими морщинами, идущими от крыльев носа к углам рта, покрыты густой щетиной и напудрены! Это был не кто иной, как мой старый приятель, проклятый карлик Янсен!

Я уставился на него. Да, это был Янсен, правда без бороды. Он скалил зубы в зловещей ухмылке, переодевшись в детский костюмчик и прихватив трубку с отравленными стрелами вместо гороха. Янсен снова выстрелил. Я метнулся вбок. Отравленная стрела просвистела в паре дюймов от моей шеи. Интересно, подумал я, чем он ее намазал — кураре, стрихнином или какой-нибудь мерзкой отравой собственного приготовления?

Янсен пританцовывал и хихикал, довольно неумело изображая расхулиганившегося мальчонку. Редкие прохожие смеялись, глядя на него. Янсен зарядил свою трубку очередной стрелой.

Надо было сразу же швырнуть его в канал, а не дожидаться, пока он выстрелит, но вокруг уже собиралась толпа веселившихся зевак. Не смеялись лишь трое: Карло, краснорожий «турист» с портфелем — тот самый, с речного трамвая, — и толстяк, который перехватил у меня такси в аэропорту «Марко Поло».

Только тут я понял суть всего этого спектакля, несомненно

поставленного для меня Форстером, любителем подобных «живых картин». По его замыслу, я должен был вне себя от бешенства наброситься на карлика, прежде чем тот успеет утыкать меня своими синими стрелами, а толпа итальянцев, увидев, что бьют «ребенка», конечно же, отреагировала бы соответственно. И в этой суматохе Карло незаметно сунул бы нож мне под ребра.

Я с достоинством повернулся и пошел прочь. Люди Форстера следовали за мной, впереди всех Янсен. Я прибавил шагу, размышляя о том, на какое расстояние действует пневматическая трубка.

Я попытался оторваться от погони среди бесконечных улиц, каналов и мостов, но моя же собственная тень в свете уличных фонарей выдавала каждый мой маневр. Я ташил ее за собой как хвост. Я пробежал по мосту, нырнул в какой-то переулок и очутился в Гетто Веккьо, напротив маленькой синагоги. Конечно же, я заблудился! Однако, свернув за угол, я увидел, что это и есть Виале ди Сан-Ладзаро. Я не очень-то удивился. Трудно быстро найти нужное место в путанице венецианских улиц; но, в общем-то, и по-настоящему заблудиться здесь не менее трудно.

Номер 32 оказался в самом конце улицы, возле канала. Он прятался за высокой каменной стеной, весь верх которой был утыкан битым стеклом. В стене виднелась тяжелая железная калитка; она была заперта. Я потряс ее, услышал, как отодвинули засов, и калитка распахнулась. Чей-то голос произнес: «Быстро!»

Я прошел в калитку, в полной темноте сделал несколько шагов вслепую, наткнулся на что-то и упал. Поднявшись на ноги, я обнаружил, что это был каменный купидон.

Калитка закрылась, лязгнув засов. Возле меня стоял Кариновский, поддерживая меня под локоть.

— Най! — произнес он. — Дорогой мой, вы что-то припозднились. Я уж стал опасаться, что вы и вовсе не придете.

— Меня несколько задержали, — услышал я собственный легкомысленно-веселый ответ. — Но вам бы следовало знать: я ни за что не пропущу столь увлекательное приключение!

Моими устами говорило тщеславие — то самое свойство человеческого, которое может порой отлично заменить мужество и стать практически неотличимым от него.

Глава 15

Стеной был огорожен вытоптаный маленький садик, а за садиком стоял дом. Кариновский провел меня внутрь, усадил в кресло и предложил выпить.

— Честно говоря, сливовицу я вам не рекомендую, — заметил

он. — Гуэски, вероятно, пошутил, прислав ее сюда. А вот «Слезы Христовы», несмотря на свое название, — вино вполне приличное.

Я взял бокал и внимательно посмотрел на человека, которого должен был спасать. Левая рука Кариновского висела на перевязи из черного шелка. Если не считать этого, он выглядел таким же, как всегда — собранным и компетентным. Я уже успел подзабыть, что разрез глаз у него слегка монгольский, а волосы украшает благородная седина. Вид у него был чуть отрешенный, лицо иронично-веселое — такие лица бывают у людей, переживших резкие перемены судьбы, например, у южноамериканских президентов. Я был рад, что добрался сюда, и надеялся, что смогу ему помочь.

— Как ваша рука? — спросил я.

— Более или менее действует, — отвечал он. — К счастью, рана оказалась не слишком глубокой. Так, всего на полдюйма...

— Этого вполне достаточно, чтобы перерезать горло.

— Именно это он и хотел сделать, только я ему не позволил — прикрылся рукой, как щитом. Жаль, конечно, что у меня не было настоящего щита...

— А потом?

— А потом я решил, что этот малый слишком боек для такого старика, как я, — Кариновский развел руками, словно извиняясь, — вот я его слегка и успокоил, с помощью простейшего приема сломав ему шею.

Я кивнул. Я готов был ему аплодировать, но воздержался, поборов свою извечную склонность к красивым жестам.

— Однако у вас тоже как будто были неприятности? — спросил Кариновский, глядя на искромсанный левый бок моего пиджака.

— Пустяки, — уверенно заявил я. — Царапина. Я имел несчастье повстречаться с человеком в ботинках с исключительно острыми носами.

— В Венеции и не такое можно встретить, — заметил Кариновский, неторопливо усаживаясь и принимая величественную позу. Тоже, значит, имеет склонность к красивым жестам, подумал я. Но в данном случае подобные величавые манеры были излишни, ибо успех данной мизансцены зависел от того, насколько убедительно я сыграю роль перепуганного простака, обычного партнера любого комика.

Черт возьми! Да не стану я такое изображать! Я достал сигареты и предложил Кариновскому, закулив и сам.

Некоторое время мы молча курили, выпуская клубы синего дыма. Потом в саду послышались шаги, но Кариновский как ни в

чем не бывало налил мне еще бокал вина, и я решил все-таки сыграть роль простака.

— Ну, хорошо, — сказал я. — А теперь что вы предлагаете делать?

— Я предлагаю вам начинать спасать меня.

— И как, по-вашему, мне это сделать?

Кариновский стряхнул пепел с сигареты.

— Зная ваши неограниченные возможности, друг мой, ваши разносторонние таланты и богатый опыт, я не сомневаюсь: вы, несомненно, найдете выход из создавшегося положения. Если, конечно, не пожелаете следовать несколько сомнительному, на мой взгляд, плану Гуэски.

— Сомнительному?

— Возможно, я несколько несправедлив, — согласился Кариновский. — На самом деле план Гуэски совершенно гениален. Может быть, даже слишком. Вы меня понимаете?

— Нет. Я даже не знаю, в чем, собственно, этот план заключается.

— О, это весьма забавно! Его план основан, естественно, на использовании ваших разнообразных талантов.

Я внутренне содрогнулся, по спине поползли мурашки. Что этот Гуэски там навидумывал? И какое отношение его план имеет к талантам агента Икс? Я попытался припомнить, какие мне приписываются подвиги и свершения, но ничего так и не вспомнил. И решил, что настало время прояснить ситуацию.

— Кариновский, — сказал я, — что касается моих талантов...

— Да-да? — переспросил он радостно.

— Боюсь, слишком многое преувеличено при пересказе...

— Ерунда, быть такого не может! — сказал он.

— Нет, так и есть. Сказать по правде, я вообще не слишком богат талантами.

Кариновский рассмеялся.

— Все ясно! Вам свойственны внезапные приступы скромности, — сказал он. — Хроническая болезнь англосаксов, а также — особенность их менталитета. Теперь еще скажите, что вы вообще никакой не секретный агент!

Я сумел изобразить болезненную улыбку и неуверенно промямлил:

— Ну, это уж чересчур, пожалуй...

— Вот именно! — воскликнул Кариновский. — Ладно, перестаньте, друг мой! Хватит благородных жестов. Между нами это совершенно лишнее.

— Вы правы, — сказал я. Видимо, я выбрал неподходящий момент для выяснения истинного статуса агента Икс. — Но по-

мните: я... ну, может быть, несколько... утратил хватку... заржавел, что ли...

— Ладно, согласен. Еще вина?

— Нет, благодарю. Пора перейти к делу. Дом, по всей вероятности, уже окружен.

— В плане Гуэски предусмотрена такая вероятность.

— А в нем не предусмотрено, что мы выйдем отсюда, переодевшись разносчиками овощей?

— Ну зачем же так грубо!

— А какой же способ предполагается для нас?

— Давайте рассмотрим эту проблему в комплексе, — сказал Кариновский с беспечностью, вызвавшей у меня приступ бесильной ярости. — Как вы относитесь к полету над крышами?

— Форстер, по-моему, вполне к этому готов.

— Я тоже так думаю. Тогда, может, по воде? Как вы считаете, можем мы бежать на лодке?

Я покачал головой.

— Уж это-то Форстер предусмотрел наверняка. Каналы Венеции — это первое, что приходит на ум.

— Хорошо, — спокойно продолжал Кариновский. — Итак, будем считать, что очевидные пути побега блокированы. Следовательно, пользуясь логикой Гуэски, мы должны рассмотреть те, что лежат не на поверхности. Иными словами, искать то, что на первый взгляд представляется абсолютно иррациональным и неразумным. И чего Форстер никак не ожидает. Более того, ему это и в голову приходить не должно. Мы...

Полет фантазии и красноречия Кариновского был прерван звоном разбившегося оконного стекла где-то наверху. На мгновение стало тихо, затем мы услышали, как что-то с грохотом упало на пол.

— Тактика коммандос! — презрительно заметил Кариновский и преспокойно закурил еще одну сигарету. Мне жутко хотелось затолкать ее прямо в его болтливую актерскую глотку.

Было слышно, как наверху в темноте кто-то пробирается на ощупь, возможно даже несколько человек. Затем в саду загремела железная калитка: кто-то пытался ее открыть. Что-то взвизгнуло, точно электродрель, и калитка заскрипела, открываясь.

— Видимо, — заметил Кариновский, — нам все-таки пора уходить. — Он встал, вытащил левую руку из перевязи, глянул на часы, еще раз как следует затянулся сигаретой, бросил ее прямо на ковер и тут же затоптал. Затем, исчерпав весь свой арсенал красивых жестов, решительно повел меня из комнаты по темному коридору.

Мы остановились возле тяжелой дубовой двери. Возле нее

висел ручной фонарик. Кариновский взял его и отворил дверь. Мы вошли, и он задвинул на двери тяжелые засовы.

Потом мы спустились по пологой лестнице в пустой зал, каменные стены которого были пропитаны водой и ароматами седой древности — то есть вокруг попросту царила жуткая вонь, состоявшая из запаха чеснока, ила, заплесневевшего и рассыпавшегося камня и стоялой, гнилой воды. В дальней стене виднелась железная дверь, а возле нее было свалено в кучу какое-то снаряжение.

Кариновский направился прямо к этой двери и отворил ее. За ней я увидел отблеск света на поверхности воды: это был выход из дома в сторону канала.

Я хотел было выглянуть наружу, но Кариновский удержал меня.

— Нас могут заметить, — сказал он. — Я совершенно уверен: Форстер поставил наблюдателя и у этого входа.

— А как же мы доберемся до лодки?

— А никакой лодки и нет, — ответил он. — Мы же сами вычеркнули такую возможность, не так ли?

Я услышал шаги где-то над головой. Затем за дубовой дверью, ведущей в зал, раздались глухие удары.

— Ну, и что теперь? — спросил я. — Вплыв?

— Некоторым образом, — сказал Кариновский и указал лучом фонарика на кучу снаряжения возле двери. Я увидел ярко-желтые баллоны, здоровенные ласты, регуляторы давления и чудовищные маски из черной резины с одним овальным глазом, прямо как у циклопа.

— Мы уберемся отсюда действительно вплавь, — продолжал он, — но таким способом, который Форстеру и в голову прийти не мог. Извините, что сразу вам не сказал. Впрочем, все равно нужно дожидаться высшей точки прилива, иначе некоторые каналы будут для нас непроходимы. А теперь, друг мой, нам так или иначе придется быстренько переодеться и покинуть этот дом. Дверь, видимо, долго не выдержит.

Глава 16

Я не знал, смеяться мне или плакать, восхвалять этих умников за их гениальный план или проклинать за глупость. Впрочем, возможно к счастью, времени у меня на оценку этого плана не было. Мы быстро переоделись и натянули резиновые маски. Люди Форстера ломались в дверь, и петли уже начинали подаваться. Кариновский, закусив загубник, скользнул в темные воды канала. Я за ним. Уже входя в воду, я услышал чей-то яростный вопль

и успел заметить лодку буквально метрах в пяти от нас: Форстер действительно не забыл о втором выходе на канал.

Я едва различал ласты Кариновского впереди себя. Вода была теплая и на ощупь чуть слизистая. Воняло канализацией и болотным газом. Меня чуть не стошнило. Следом за Кариновским я опустился к самому дну канала. Здесь было около десяти футов глубины. Кариновский свернул влево, нащупал стену канала и быстро поплыл вдоль нее. Мне пришлось приналечь, чтобы не отставать.

Я примерно представлял, где мы находимся. Дом, откуда мы только что бежали, фасадом выходил на Рио Сан-Агостин — это недалеко от центра города. Потом Кариновский свернул налево, следуя течению канала под мостами на Калле Дона и Калле делла Вида. Если достаточно долго плыть в этом направлении и если удастся найти дорогу в сложной и запутанной системе каналов, можно выбраться за северные пределы Венеции прямо в лагуну, а переплыв ее, оказаться прямо на материке. Пока что план выглядел вполне разумно, хотя вряд ли годился для людей со слабым желудком.

Я плыл буквально в двадцати сантиметрах от ластов Кариновского, скользя над самым дном, покрытым вонючей черной грязью. Пальцы касались то липкого бока утопленной бочки, то воткнувшейся в дно доски, то корпуса затонувшей лодки. Каналы Венеции служат еще и неофициальной помойкой для окружающих домов. Данный канал явно давно уже не чистили и не промывали. Мы плыли в каком-то жидком отвратительном супе из апельсиновых корок, полусъеденных бананов, яичной скорлупы, клешней омаров и огрызков яблок, и я всюду старался убедить себя, что это куда лучше, чем убежать под пулями по темным переулкам.

Кариновский нащупал проем в стене и свернул направо; теперь над нами была Рио Сан-Джакомо далл'Орио. Стоило нам туда свернуть, как сверху раздался выстрел, и я увидел, как что-то сверкнуло и, прошив рядом со мной воду, вонзилось в песок. Я поглядел наверх и увидел длинную узкую тень, похожую на гигантскую барракуду; она скользила совсем рядом.

Я притормозил, пропуская тень вперед. Кариновский сделал то же самое. Лодка, видимо, преследовала нас от самого дома. По ее форме и длине я понял, что это гондола.

Мощный желтый луч фонаря, как длинный палец, вошел в воду. Было слышно, как переговариваются наши преследователи. Гондола остановилась, затем поплыла назад. Кариновский дернул меня за руку и махнул в сторону; я согласно кивнул. Мы стре-

мительно проскочили под днищем лодки и рванули в сторону моста Терра Прима. Я был почти уверен, что нам туда не добраться.

Гондола, увлекаемая длинным мощным веслом, могла двигаться раза в четыре быстрее нас. К тому же нас выдавали пузырьки выдыхаемого нами воздуха. Оглянувшись назад, я увидел, что узкая черная тень вновь догоняет нас. Луч фонаря уперся мне в спину, и опять раздался глухой выстрел.

Пуля прошла всего в нескольких дюймах от меня. Кариновский работал ластами, как бешеный; я тоже, стиснув зубы, изо всех сил старался уйти от прицепившегося ко мне желтого луча.

Потом я понял, что Кариновский обнаружил какое-то убежище — огромный черный прямоугольник прямо под мостом Терра Прима. Оказалось, что это большая плоскодонная баржа, причаленная здесь на ночь. Под ее обросшим днищем оставалось едва два фута до дна, покрытого липкой грязью.

Гондола проскочила мимо, затем остановилась. Луч фонаря заметался вокруг, пытаясь нас обнаружить. Гондола немного сдала назад, послышался треск трущегося дерева: лодка ударилась о борт баржи, с борта которой заспанный недовольный голос спросил, какого дьявола тут кому-то нужно.

Вскоре наверху разгорелась настоящая перепалка, и мы, воспользовавшись суматохой, тихонько выбрались из-под баржи и поплыли по Рио ди Сан-Бальдо. Пока те, кто был в гондоле, яростно спорили с владельцем баржи, мы успели выиграть несколько драгоценных мгновений. Однако спор вдруг прекратился, весло гондолы с плеском ударило по воде, и преследователи снова стали нагонять нас. Пузырьки воздуха из наших аквалангов по-прежнему служили им ориентиром.

На просторе Большого Канала гондола быстро нагнала нас, и Кариновский резко свернул направо, проплыл еще с десятков ярдов и снова повернул направо, как будто собираясь плыть к Рио Мочениго. Но он поплыл не туда, а к Рио делла Пергола. Гондола, точно сомневаясь, замерла у начала Рио Мочениго, пытаясь обнаружить на поверхности воды наши пузырьки.

Мы миновали мощные деревянные причалы Санта-Мария Матер Домини и свернули налево, в узкий, всего футов пять в ширину, канал. Я уже думал, что от преследования мы избавились, но, оглянувшись назад, снова увидел мечущийся желтый луч фонаря всего футах в тридцати.

Луч устремился следом за нами, в узкий канал, ощупывая стены набережных и неотвратимо приближаясь к нам. Стоявший на носу человек покрикивал, подгоняя гондольера. Похожая на барракуду тень скользнула мимо меня. Я хотел сообщить Кариновскому, что мы в ловушке, что лучше повернуть назад и проско-

читать под гондолой, и потянул его за ногу. Но он обернулся, улыбнулся мне, похлопал себя рукой по голове и снова поплыл вперед.

Я не понял, что это означает. Луч фонаря уже обнаружил нас, и преследователи опять принялись стрелять. И тут Кариновский вдруг пропал.

И я тоже — сразу за ним.

Вокруг была крошечная тьма. Левая моя рука наткнулась на камень. Распрямившись, я стукнулся головой о стену справа. Мне показалось, что сзади доносятся торжествующие крики. Я ободрал обо что-то левый бок. Проход тем временем сузился уже футов до трех. И тут я выплыл из него, попав в более освещенные воды канала.

Мы поднялись на поверхность. Ночное небо позади нас заполняли шпили церкви Матер Домини. Оказывается, мы проплыли по каналу, протекавшему прямо под церковью. Он проходим и для гондол, но только во время отлива; а сейчас вода стояла высоко и он был полностью заполнен.

— Надо двигаться дальше, — сказал Кариновский. — Они могут запросто дать крюк через Канал Мочениго. Им на это потребуется всего минут пять.

— Куда дальше-то? — спросил я.

Кариновский сделал артистически широкий жест рукой:

— Подобно лорду Байрону, мы переплывем Большой Канал. А потом, видимо, лучше всего плыть прямо к Каналу делла Мизерекардиа и в лагуну. Но мы не можем так рисковать: это чересчур очевидный маршрут. Для безопасности лучше выбрать путь подлиннее, через квартал Гримани. Я вас проведу по самому живописному маршруту.

— Спасибо. А у нас хватит воздуха?

— Надеюсь.

— Может быть, теперь лучше попробовать пешком?

— Не стоит. У Форстера, по крайней мере, десяток наблюдателей на земле, но лишь несколько на лодках. Так что водный путь дает нам больше шансов.

Я хотел было спросить, что мы будем делать, когда доберемся до лагуны, но тут заметил, насколько болезненно усталым выглядит Кариновский.

— Как ваша рука?

— Беспокоит значительно больше, чем я ожидал. Но, в общем, не слишком мешает. А сейчас хорошо бы...

— Эй, какого черта вам там надо? — заорал вдруг кто-то с набережной.

Мы нырнули, быстро миновали Сан-Стэ и поплыли через

Большой Канал. Переплыв его наполовину, Кариновский всплыл на минутку, сориентировался по Палаццо Эриццо и церкви Маддалены и снова нырнул. Мне показалось, что он теперь плывет медленнее и с большим напряжением.

Мимо проплыл речной трамвайчик, затем груженная баржа. Через двадцать минут все семьдесят ярдов, составлявших ширину канала, были позади, и мы повернули в извилистую Рио делла Маддалена.

Здесь, кажется, мы были наконец в безопасности и без помех поплыли вперед, потом свернули в Рио деи Серви и поплыли вдоль ее извивающегося русла в Рио ди Сан-Джироламо. Оставив позади Гетто Нуово, Кариновский свернул в соединительный канал, ведущий к Рио делла Санса. Над нами прошла гондола, но с нее никто не светил фонарем и никто никакой тревоги не поднял. Зато хриплый тенор запел неаполитанскую любовную песню, а в ответ раздалось женское хихиканье.

Канал сворачивал направо, и стена больше не могла служить нам ориентиром. Всплыл на поверхность, я увидел, что мы уже в Венецианской лагуне. Город остался позади; его сверкающие шпили и покосившиеся купола соборов вздымались в небо прямо из сверкавших вод, точно Атлантида на полотнах художников-романтиков. В миле от нас виднелся заболоченный берег области Венето; справа торчал остров Мурано, а слева, почти рядом вырисовывались очертания дамбы, связывавшей Венецию с Местре.

— Плыдем через лагуну? — спросил я.

— Нет, — отвечал Кариновский. — От этой необходимости мы избавлены. Нам нужно просто немного проплыть вдоль берега мимо Сакка ди Сан-Джироламо до условленного места возле Рикверто Пенитенти. Если доберемся, можно считать, что все беды позади.

Кариновский с трудом держался на поверхности; потом откинул голову назад и лег на спину, дыша часто и хрипло. Отдохнув, он развернулся и поплыл, довольно медленно и неуклюже, вдоль берега на запад. Через десять минут мы достигли низкого, плоского и совершенно пустынного мыса у входа в канал Каннареджо, почти напротив бойни. Рикверто был в пятидесяти ярдах от нас, полускрытый за каменными стенами.

— Вон, смотрите! — гордо воскликнул Кариновский.

И я увидел лодку, темную и узкую, причаленную к волнолому. Что-то в ее длинном низком корпусе насторожило меня, вызывая в памяти невнятные ассоциации. Мне вдруг захотелось никогда не видеть эту лодку, не иметь с нею ничего общего. Но чувство это было по меньшей мере нелогичным, даже абсурдным, и я, подавив его, поплыл за Кариновским к лодке.

Глава 17

На борту никого не оказалось. Мы сняли акваланги и пробрались по узкой палубе в кокпит. Посидели некоторое время, переводя дух, потом переоделись в сухую одежду, заранее приготовленную и спрятанную под сиденьем. Я ужасно устал от этого плаванья, а Кариновский, судя по его виду, был на грани обморока. Но отдохнуть было некогда. Мы оторвались от преследования — по крайней мере, на текущий момент — но надо было побыстрее использовать это преимущество, пока нас вновь не обнаружили.

Кариновский открыл бардачок рядом с приборной доской и достал оттуда карту и маленький фонарь. Это была карта северного побережья Венецианской лагуны от дамбы до Торчелло.

— Мы находимся вот здесь, — Кариновский ткнул пальцем в карту. — Дамба слева, Сан-Микеле и Мурано справа, материк впереди, на севере. Мы плывем главным фарватером — он здесь красным обозначен — мимо Исола Тессера, мимо аэропорта «Марко Поло», но не к причалу аэропорта.

— Ну, конечно, нет, — сказал я. — Это было бы уж слишком легко.

— Слишком опасно, — поправил меня Кариновский. — До подхода к причалу мы свернем на восток и пойдем каналом мимо Сан-Джакомо в Палуде почти до самого Мадзорбо. Видите, Мадзорбо обведен кружком?

— А я думал, муха нагадила. Что это за карта?

— Албанская. Копия с югославского военно-морского атласа.

— Что, Гуэски не мог раздобыть итальянскую?

— В государственной типографии кончился тираж, и сейчас готовится новое топографическое описание лагуны.

— Карта Британского адмиралтейства была бы лучше всего.

— Но не мог же Гуэски писать в Лондон с просьбой прислать ему английскую карту, не так ли?

— Полагаю, что не мог.

— В любом случае он заверил меня, что по этой карте может ориентироваться даже младенец. Посмотрите сами: все основные острова и каналы четко указаны. Нам нужно только сперва идти по направлению к аэропорту, а потом свернуть вправо у предпоследней вехи и плыть на Мадзорбо, а затем, у вехи номер пять, свернуть влево и плыть по каналу до Плауде дель Монте.

Кариновский яростно жестикулировал, доказывая, как это просто. Я не разделял его уверенности. Я имел некоторый опыт плаванья днем в проливе у Лонг-Айленда и знал, насколько это может оказаться затруднительным — плыть по морской карте ночью да еще в незнакомых водах.

Я изучил карту. Обозначения на ней были самые обычные. Каналы были указаны четкими пунктирными линиями. Навигационные знаки — белыми или красными точками. Болотистые или песчаные зоны заштрихованы синим; их было очень много. Глубина в лагуне при отливе доходила местами до шести футов, но это был максимум, а в среднем она не превышала трех футов. Тут было полно таких мест, где ничего не стоило сесть на мель, а сесть на мель сейчас, при начавшемся отливе, означало для нас полную катастрофу.

Кариновский начал было суетиться, но я решил сперва потратить какое-то время и как следует изучить лодку. Это было старое плоскодонное корыто с акульим носом, ободранное, в ключьях старой краски. На носу торчал капот двигателя, такой огромный, словно под ним был установлен движок от грузовика. Приборная доска была самой обыкновенной, ничего особенного, за исключением переключателя с обозначением «Трим. дифф.». Я не имел ни малейшего понятия, что это такое, и решил оставить этот переключатель в покое. Имелось также два тахометра — один показывал обороты двигателя, другой — компрессора турбонаддува. В центре располагалась бронзовая табличка с основными техническими характеристиками лодки: длина — 28 футов и 6 дюймов, ширина — 11 футов и 6 дюймов, водоизмещение 5200 фунтов, двигатель «Мерлин» фирмы «Роллс-Ройс» мощностью 2000 лошадиных сил.

Две тысячи?! Я протер глаза и прочел заново. Да-да, милая моя Вирджиния, две тысячи. И все — в этом замечательном движке «Мерлин» фирмы «Роллс-Ройс», а это, если припоминаешь, тот самый двигатель, что устанавливали во время Второй мировой войны на истребителях-бомбардировщиках «Москито»...

— Какой маньяк-самоубийца, — спросил я, стараясь говорить тихо и спокойно, — приготовил для нас эту ракету?

— Вы о лодке? Гуэски, конечно.

— Тогда пусть Гуэски на ней и плавает!

— Лодка как лодка, — отрезал Кариновский.

— Черта с два! Это не лодка. Это глиссер, черт бы его побрал!

Вы хоть понимаете, что означают эти цифры?

— Полагаю — у него довольно большая скорость.

— Да уж, это точно! Вполне достаточная, чтобы нас обоих угробить и избавить Форстера от необходимости за нами гоняться.

Кариновский заинтересованно спросил:

— И на какую скорость этот глиссер способен?

— Когда он был новым — 170 и даже 180! Но в нынешнем состоянии вряд ли вытянет больше 130.

— Километров или миль?

— Миль в час. Темной ночью, по югославской карте через лагуну размером с тазик для стирки белья, где к тому же больше мелей, чем воды...

— Мне все равно. Я абсолютно ничего не понимаю в лодках, — отмахнулся Кариновский беззаботно. — Кроме того, разве у нас есть выбор?

Выбора у нас, конечно, не было. Кариновскому явно не хватило бы сил переплыть лагуну. Времени для поисков другой лодки тоже не оставалось, а наземный транспорт исключался. Оставался только этот монстр с акульим рылом. Нужно было постараться вести его как можно медленнее и осторожнее, надеясь, что он не взорвется, не перевернется и не сядет на мель посреди лагуны.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Отвяжите швартов.

Кариновский отвязал глассер и оттолкнулся от причала. Я повернул ключ в замке зажигания и нажал на стартер.

Двигатель взвыл, но заработал. Двенадцать цилиндров модифицированного «Мерлина» грохотали, как горная лавина, а выхлоп напоминал звук пошедшего вразнос пулемета.

— Вы не могли бы сделать так, чтобы он работал потише? — прокричал Кариновский. — Мы же весь город разбудим!

— Он пока еще работает на холостом ходу, — прокричал я в ответ. — То ли еще будет!

Итак, агент Икс, демонический водитель самых быстрых гоночных машин в мире, откинулся на спинку и поплотнее вжался в водительское кресло. Его загорелое лицо освещала жестокая усмешка, чуть искажавшая его ястребиные черты, а мощные и умелые руки небрежно лежали на рычагах управления. С аккуратностью и точностью хирурга он включил сцепление и чуть нажал на газ.

Глассер ответил жутким ревом, который, вероятно, было слышно даже в Швейцарии. Стрелка тахометра дернулась и показала три тысячи оборотов в минуту. Глассер рванулся вперед, как ядро из пушки, и агент Икс, опасаясь за собственную шкуру, что было сил вцепился в поручень кокпита.

Глава 18

С глассером творилось бог знает что: он несся с огромной скоростью, и нос его при этом здорово уклонялся влево. Я повернул руль, и суденышко тут же скакнуло вправо. Ограждение шпирборта ушло под воду, а нос давно уже изображал субмарину.

— Сбросьте скорость! — завопил Кариновский.

Именно это я и пытался сделать. Я даже снял ногу с педали газа, но ее, видно, заклинило; глассер по-прежнему набирал ско-

рость. Тахометр показывал уже 3700 оборотов. Нас снова уводило влево; мы вполне могли вот-вот выскочить на дамбу.

Я опять крутанул руль вправо. И опять нос зарылся в воду, а корма начала упорно задирается, и тогда я выключил сцепление. Двигатель, лишившись нагрузки, взревел так, словно готов был взорваться. Вдруг педаль газа освободилась и выскочила назад. Рев движка несколько стих, превратившись в малоприятное рычание. Корма судна осела, и глиссер начал замедлять ход.

— Что это вы делаете? — спросил Кариновский.

— Педаль газа заедает, — объяснил я. — И с рулем что-то не в порядке. Глиссер все время заносит влево, а при правом повороте он зарывается носом в воду.

Кариновский вздохнул и потер ладонями лицо.

— Может, я попробую? — предложил он.

— Нет, лучше следите за курсом. Куда нам сейчас?

Кариновский сверился с картой:

— По главному фарватеру.

— Да где он, к черту, этот главный фарватер?! — заорал я.

— Не надо так волноваться, — сказал Кариновский. — По-моему, следует придерживаться вон тех вешек, видите?

— Это, кажется, рыболовные буйки.

— Вполне возможно... Тогда держите курс вон на ту треугольную шутовину справа.

— О'кей, — сказал я. — Смотрите в оба, может, еще такую увидите.

Я чуть прикоснулся к педали газа. Судно не отреагировало. Я надавил чуть сильнее. Педаль внезапно провалилась в пол, и глиссер рванулся вперед. Я подковырнул педаль газа ногой и вытащил ее. Двигатель тут же сбросил обороты почти до холостого хода, и судно чуть не остановилось. Мы уже миновали одну веху и быстро приближались к следующей.

Я повторил операцию, сперва утопив педаль в пол, потом вытащив ее обратно носком ботинка. Звук был такой, словно я веду огонь из 88-миллиметрового орудия. Если меня не слышали в Швейцарии, то только лишь потому, что не обращали внимания. Глиссер двигался вперед какими-то нервическими рывками, точно одержимый пляской святого Витта. Я все ждал, что ведущий вал винта вот-вот лопнет.

— А теперь, — сказал Кариновский, — по-моему, надо повернуть вправо.

Впереди, на пристани аэропорта, ярко горели огни.

— Куда — вправо? — спросил я.

— Просто вправо, в канал на Мадзорбо.

— Какой канал, идиот?! Где он?

— Думаю, надо идти вон по тем вехам, — важно отвечал Кариновский.

Он показал рукой, и я увидел настоящий лес вех справа от нас. Некоторые вполне могли оказаться вехами, отмечающими фарватер; остальные, по всей вероятности, служили обозначением зон рыбной ловли, песчаных отмелей, ловушек для крабов и даже закопанных сокровищ. Я был не в состоянии отличить одну веху от другой. Следовало, видимо, ломиться сквозь них наобум, в надежде, что вода все еще стоит достаточно высоко и можно будет проскочить над отмелями.

Я включил сцепление и стал осторожно маневрировать, выбирая путь мимо тех вешек, что были повыше, и держась к ним как можно ближе в надежде на лучшее.

Ну и, конечно, мы тут же сели на мель.

— Что нам теперь делать? — спросил Кариновский.

— Прыгать в воду и выталкивать лодку, — отвечал я.

— Надеюсь, это не займет много времени, — сказал он, перелезая вслед за мной через борт и плюхаясь в воду. Воды было по пояс. — Кажется, за нами погоня.

Я оглянулся в сторону Венеции. От берега отделился какой-то огонек и поплыл по направлению к нам.

— Может, это полицейский катер? — предположил я.

— Хотите пари?

— Нет уж, спасибо. Идите к носу лодки и подставляйте под него плечо. А я приподниму корму. Так, взяли!

Мы уперлись в тяжеленный корпус глиссера; ноги тут же по колено ушли в жидкую грязь. Огонек двинулся к нам со стороны Ospitale Умберто I, но не очень быстро — миль десять-пятнадцать в час, по моей оценке. Однако он ни разу не остановился и неуклонно приближался к нам.

Нам удалось столкнуть нос глиссера с мели назад, где глубина была фута четыре. Мы забрались обратно в лодку, и я быстренько огляделся, надеясь обнаружить хоть что-то, указывающее на фарватер, но ничего не обнаружил, включил сцепление, нажал на газ, и мы с ревом понеслись на восток. Умело управляясь с педалью газа, я провел глиссер мимо островов Сан-Микеле и Мурано, легко увеличив расстояние между нами и преследователями. Мы почти достигли траверза Сан-Джакомо в Палуде, когда вновь сели на мель.

На этот раз нам потребовалось гораздо больше времени, чтобы освободить глиссер. Преследователи значительно приблизились, и уже было видно, что у них слабенький катерок с очень малой осадкой. Он шел на нас прямо через мели. Когда он был от

нас на расстоянии ярдов пятидесяти, я снова услышал выстрелы и нажал на газ.

И мы с ревом понеслись прочь. За кормой веером вздымалась пена, а шума было столько, что пограничники на границе с Югославией могли бы насмерть перепугаться. Нас швыряло во все стороны, пока я лавировал между вехами, сбивая те, что не успевали достаточно быстро убраться с дороги, и молясь про себя, чтобы винт не напоролся на какое-нибудь бревно.

Мы были уже совсем близко от Мадзорбо; катер преследователей сильно отстал. И тут Кариновский хлопнул меня по плечу и прокричал, что надо свернуть налево. Я последовал его указаниям и тут же снова сел на мель.

— Безнадежно, — сказал Кариновский. — Давайте лучше поплывем прямо в Мадзорбо.

— Вы хотите сказать, пойдем вброд? — съязвил я. — В общем, вряд ли нам удастся туда добраться.

Катер между тем приближался; наши преследователи вновь подняли стрельбу.

— Перебирайтесь на корму, — велел я Кариновскому.

— Что вы намерены делать?

— Либо снять глиссер с мели, либо взлететь на воздух, — отвечал я.

Кариновский грустно покивал и перебрался на корму. Я сел в водительское кресло и включил задний ход. Кариновский, сидя на корме, вполне мог своим весом помочь глиссеру слегка приподнять нос и сняться с мели. Но мог и не помочь. Я надавил на газ.

Двигатель взревел, как раненый динозавр. Винт поднял в воздух не менее тонны воды. Водитель катера вполне мог решить, что мы взорвались; я и сам сперва так подумал. Катер резко свернул в сторону, замедлил ход и на несколько мгновений явно потерял управление. Потом ему снова удалось развернуться носом к нам. Рев двигателя заглушал выстрелы преследователей, но я заметил, что в небоющем ветровом стекле уже есть два свежих пулевых отверстия. Еще одна пуля расплющилась о панель приборов, вдребезги разбив указатель уровня топлива. Тахометр еще работал, показывая 5000 оборотов, причем стрелка плясала уже в аварийной красной зоне. Видимо, еще несколько мгновений, и двигатель слетит с креплений и взорвется, прошивая осколками капот.

Но тут глиссер съехал с мели и, набирая скорость, понесся задним ходом. Кариновский, цепляясь здоровой рукой за поручень, едва удержался, чтобы не упасть в воду. Я переключился на нейтраль, втащил Кариновского в кокпит и снова врубил двигатель.

Времени на всякие там фокусы не было. Следующая мель в любом случае станет для нас могилой. Я утопил педаль газа в пол и направил глиссер к Палуде дель Монте.

Это было явно не самое худшее направление — если уж вообще куда-то плыть. Компрессор турбонадува завывал дурным голосом, тяжелые поршни молотили так, словно пытались пробить цилиндры насквозь. Глиссер наполовину высунулся из воды, балансируя на двух спонсонах и нижней части винта. Нос вибрировал, точно судно пыталось взлететь. Увидев впереди длинную и топкую песчаную косу, я направил глиссер прямо на нее. Судно налетело на мель и птицей взвилось в воздух. Винт бешено завертелся, не встречая сопротивления, стрелка тахометра пыталась накрутиться на шпильку ограничителя. Потом мы упали обратно в воду, подскочили разок в воздух, упали снова, и глиссер наконец выровнялся. Пронесло. Берег был прямо перед нами, и я попытался как всегда вытащить педаль газа из пола носком ботинка.

И не успел.

Компрессор выбрал именно этот момент, чтобы пойти вразнос. Вращавшаяся с невероятной скоростью крыльчатка двигателя просто разлетелась на мелкие кусочки. Приводной валик компрессора развалился, за ним последовал и вал винта. Двигатель, лишившись нагрузки, начал пробивать поршнями стенки блока цилиндров. Искореженные куски металла кромсали крышку капота. Винт решил присоединиться к общему веселью, и от него во все стороны полетели лопасти.

А глиссер продолжал нестись вперед, лишь чуть снизив скорость.

Потом водное пространство кончилось, и мы вылетели на болотистый берег, но глиссер, видимо, этого не заметил и продолжал нестись прямо по бурой грязи, разбрасывая во все стороны части двигателя. Так мы пересекли всю прибрежную полосу, перевалили через узкую дорогу и продолжили движение по заросшей травой лужайке. Глиссер все скользил, подскакивая, с сумасшедшей скоростью, пока не добрался до непаханого поля.

Без каких-либо колебаний он направился прямо на купу деревьев. Огромный кедр врезал ему по скуле, заставив вращаться вокруг собственной оси. Глиссеру явно начинало все это надоедать, но он все же продвинулся вперед еще немного, ярдов на двадцать, и тут напоролся на камни. Остатки его днища мгновенно были растерзаны в клочья, но глиссер не сдавался и даже добился еще одной, последней победы: врезался в иву средних размеров и перевернулся. Вздрогнув, он наконец затих навеки.

Глава 19

— Вот мы и прибыли, — сообщил я; с юмором у меня в данный момент было плоховато.

Кариновский не ответил. Глаза его были закрыты, голова откинулась назад под каким-то неестественным углом. Мне стало страшно: неужели все мои блестящие акробатические этюды на воде оказались напрасными? «Операция прошла успешно, но пациент скончался».

Я приподнял ему голову и осторожно раздвинул веки пальцами.

— Будьте так добры, выньте свой палец у меня из глаза, — произнес Кариновский.

— Господи, я уж решил, что вы умерли!

— Даже мертвый я не желаю быть слепым, — заявил он и, поднявшись на ноги, внимательно осмотрел лагуну. Теперь она была ярдах в пятидесяти позади нас. Потом Кариновский изучил твердую землю по обе стороны от глиссера.

— Най, — сказал он с чувством, — я всегда считал вас гением! Но жалкие слова бессильны выразить все величие вашего подвига!

— Ничего особенного, — отвечал я. — Любой псих вел бы себя точно так же.

— Возможно. Но вы действительно совершили подвиг, друг мой! Вы спасли нас прямо из пасти неприятеля, готовой уже захлопнуться. Надеюсь, теперь вы побережете свою скромность для тех, кто еще способен в нее верить?

— Да ладно, — сказал я. — Честно говоря, мне куда легче было бы спасти нас на обычной гребной лодке.

— Пожалуй, вы правы. А Гуэски мог бы выбрать и более подходящую посудину. Хотя гребная лодка была бы просто оскорблением для его артистической натуры.

— Так или иначе, до материка мы доплыли.

— Это верно, но из опасной зоны пока еще не выбрались. Они все еще могут нас догнать.

— По всей вероятности, да. Их катер, наверное, уже пристал к берегу.

— Не забывайте еще и о пехотных подразделениях Форстера, — заметил Кариновский. — Нужно как можно скорее уходить отсюда.

Мне тут же представилась некая вечная гонка, непрекращающееся преследование. Видимо, мы выбрались из лабиринта Венеции только для того, чтобы очутиться в огромном лабиринте под названием Вселенная — игрушечные фигурки, обреченные держаться за место, заранее определенное для нас в этой захваты-

вающей игре фортуны; и нам суждено было вечно оставаться в роли беглецов.

— Интересно, сможем ли мы когда-нибудь оказаться в безопасности? — спросил я.

— Да, скоро, — ответил Кариновский. — Вот только добремся до Сан-Стефано ди Кадоре.

— А где он, черт бы его побрал?

— В северной части Венето, недалеко от границы с австрийской Каринтией, у подножья Карнийских Альп.

— Только не надо лекций по географии! Это далеко отсюда?

— Чуть меньше ста километров.

— И как вы предполагаете туда добраться?

— Гуэски должен был позаботиться об этом.

— Как о глассере? Слушайте, мне уже...

— Погодите. Кто-то идет.

Я разглядел в темноте человеческую фигуру, быстро и бесшумно двигавшуюся к нам через поле, и нырнул в кокпит глассера. Отыскав там револьвер Кариновского, я присел и положил ствол на левый локоть, целясь чуть впереди идущего к нам человека. Ветра не было.

Кариновский положил мне руку на плечо.

— Не стоит сразу так бурно реагировать, — заметил он. — Враг не стал бы действовать столь открыто.

Стрелять я не стал, но револьвер все же держал наготове. После только что пережитых приключений, мне не хотелось больше никаких неприятных неожиданностей. Ни с какой стороны. Я был готов на что угодно, лишь бы четко и ясно выразить это свое желание.

Темная фигура подошла к нашему разбитому глассеру вплотную. От нее разило потом и чесноком. Кто-то обнял меня за плечи:

— Это было просто потрясающе! — раздался голос Гуэски.

Одетый в темный костюм с черным шелковым шарфом, небрежно повязанным на шее, и в черных перчатках тонкой кожи, Маркантонио Гуэски прижал меня к груди, дыша мне прямо в лицо своим чесночным восхищением.

— Я все видел! — заявил он. — С того самого момента, как вы отошли от Сакка ди Сан-Джироламо. Я буквально не отнимал бинокля от глаз!

— Это нам здорово помогло, — заметил я, освобождаясь от его объятий.

— Ну, вам помощь и не требовалась. Скорость, с которой вы пересекли лагуну...

— ... была неизбежной, — закончил за него я. — Полагаю, вам не составило труда нас найти.

— Не составило, — отвечал Гуэски. — Лесной пожар всегда легко обнаружить. Можно было лишь пожелать, чтобы вы производили меньше шума, приближаясь к земле.

— Можно было также пожелать, чтобы на глассере был установлен глушитель, — сказал я.

— Да, это судно действительно оказалось чересчур шумным, — признал Гуэски. — Но теперь все уже позади. Вы и мистер Кариновский практически в безопасности.

— Практически?

— Ну, разумеется. Нужно еще выбраться с побережья Венето. Но это уже чисто техническая проблема. Мы перехитрили Форстера на всех этапах и теперь проведем его окончательно. Идемте же, нам надо вон в ту сторону.

Меня беспокоил Кариновский. Его раненой руке здорово досталось на глассере, и теперь рана вновь открылась и кровоточила. С пальцев капала кровь. Пришлось его даже поддерживать. Не думаю, что у него оставались силы еще куда-то тащиться.

— И как же мы проведем Форстера на сей раз? — спросил я.

— Самым великолепным образом! — с воодушевлением сообщил Гуэски. — Чтобы до конца оценить мой план, вам сперва следует проанализировать сложившееся положение.

— Я его уже проанализировал.

— Не до конца. Вы помните лишь о катере, который вас преследовал, но наверняка не знаете о том, что еще приготовил вам Форстер.

Я действительно этого не знал, и мне это было совершенно безразлично. Однако заткнуть этот сверкающий фонтан ненужной информации было совершенно невозможно. Мы, спотыкаясь, брели по мокрой траве, а Гуэски (достойный наследник Борджиа, такой страшный доктор Фу Манчу из американских комиксов) живописал нам создавшееся положение:

— Форстер, должно быть, предполагал, что вы все же выберетесь из Венеции; это единственный разумный вывод, который он мог сделать, столкнувшись с человеком вашего калибра. Поэтому он подготовил вторую линию обороны в районе дамбы Венеция-Местре. Его силы, расположенные на линии Чьоджиа — Местре, нас не касаются; мы уже покинули этот театр военных действий, выражаясь армейским языком. А вот на северном фронте, располагающемся под углом к линии Местре — Сан-Дона ди Пьяве, военные действия пойдут очень активно. Итак, рассмотрим топографические особенности этого театра...

— Гуэски, — перебил его я, — может, оставим это на потом?

Но мое замечание было попросту проигнорировано. Гуэски желал во что бы то ни стало продемонстрировать, сколь блестяще он владеет ситуацией и сколь инициативным командиром, обладающим нестандартным мышлением, он является.

— Итак, здешняя местность имеет следующие характерные особенности, — продолжал он, на наших глазах превращаясь в великолепного преподавателя тактики из военной академии. — Мы находимся в квадрате со сторонами примерно в две с половиной мили, равносторонность которого определяется Венецианской лагуной с юга, альпийскими предгорьями с севера, рекой Брентой с запада и рекой Пьяве с востока. Действуя в этом секторе и двигаясь к северу от лагуны, мы обязаны предположить, что Форстер будет охранять магистраль, соединяющую Местре и Сан-Дона ди Пьяве, а также пять второстепенных дорог, соединяющих городки Кадзори, Комплато и Церкато. Здесь есть еще железная дорога, но ее он скорее всего во внимание не примет, поскольку в ближайшие 30 часов никаких поездов там нет. Таким образом, его люди плотно окружают нас между лагуной и прибрежным шоссе. С первого взгляда такой боевой порядок неприятеля представляется совершенно непреодолимой преградой.

— Да, выглядит неплохо, — согласился я. — И как же мы станем отсюда выбираться?

Но у Гуэски явно не было желания выдать нам всю информацию сразу. Топая по болоту сквозь редкие деревья и покрытые стерней поля, он продолжал разъяснять нам общую ситуацию.

— Таким образом, передо мной стояла следующая проблема, — вещал он, напоминая С.Обри Смита в «Четырех перьях», только намного глупее, — все возможные варианты решения которой я рассмотрел: силы «северных» будут рассредоточены на большой протяженности по линии Местре — Сан-Дона. Поэтому я попробовал найти уязвимую точку в этой линии фронта, предполагая поставить все на карту и решиться там на внезапный прорыв...

— Отлично! — воскликнул Кариновский. — Одобряю! И предлагаю, чтобы мы...

— Но я отверг эту идею как чистое донкихотство, — продолжал Гуэски. — Нам следует принять во внимание, что Форстер наверняка имеет радиосвязь с силами «южных» и что, как только он выяснит наше местоположение, эти люди тут же будут быстро переброшены на заранее подготовленные позиции над прибрежным шоссе. Короче говоря, силы «южных» следует рассматривать как весьма мобильный резерв, из-за чего, следовательно, мы оказываемся в том же положении, в какое попали с самого начала: люди с катера догоняют нас сзади, действуя как одна из сторон

двойного охвата, стремятся прижать нас к укрепленной позиции Форстера на севере и раздавить. Я понятно объясняю?

— На редкость! — откликнулся я. — Вы проанализировали ситуацию просто превосходно!

Гуэски расцвел от удовольствия.

— Помимо всего прочего, мне не хотелось преуменьшать силы и возможности противника...

— Никто и не может обвинить вас в этом, — заверил я его. — Вы приняли во внимание все аспекты подготовленной нам ловушки; вот только, к сожалению, мы все еще из нее не вылезли.

— Я прекрасно это сознаю. — Гуэски совсем задрал нос. — Именно к этому я и стремился. Судите сами: Форстер готовит нам ловушку и ожидает, что мы постараемся ее обойти и, таким образом, угодим в новую, еще более опасную. А мы, взяв инициативу в свои руки, двинемся прямо в центр этой первой ловушки — как раз туда, где он нас никак не ожидает!

— Прекрасно! Но что именно мы должны делать?

— Бежать отсюда.

— Каким образом?

— Двигаясь вон к тем стогам сена на поле.

Гуэски, сдвинув манжет рубашки, озабоченно посмотрел на часы.

— Если я правильно все рассчитал, люди Форстера окружат нас в самое ближайшее время и именно в этом месте. — Он самодовольно усмехнулся. — Но у нас есть для них маленький сюрприз!

Это было уж слишком. Схватив этого садиста за шиворот, я стал трясти его так, что у него в карманах зазвенели монеты, и, оскалившись как волк, прорычал прямо в его изумленную физиономию:

— Слушай, трепло проклятое, если ты знаешь, как отсюда выбраться, говори немедленно!

— Пожалуйста! Только пиджак не рвите, — обиженно сказал Гуэски. Я отпустил его, и он стал поправлять на себе одежду. — Идемте вон туда, — показал он.

Оставалось только восхищаться его самообладанием — даже если всех нас в результате перестреляют.

Через поле мы добрались до трех больших стогов сена, и Гуэски небрежным жестом указал на тот, что был в центре:

— Вот, смотрите!

Я стал смотреть. Гуэски, оскалившись как гиена, подошел к стогу и начал охапками разбрасывать сено. Из-под сена показался длинный темный силуэт. Гуэски отбросил еще несколько охапок, и от изумления у меня во рту пересохло.

— Гуэски, — произнес я потрясенно. — Беру все свои слова обратно! Вы, несомненно, гений!

Перед нами стоял, сверкая как реальная надежда на спасение, весь в ключьях сена, как только что распакованная игрушка, предназначенная для какого-нибудь великана, моноплан с высоко установленными крыльями. Кончиков крыльев и хвоста, правда, еще не было видно, однако характерный изгиб его пропеллера прямо-таки возвещал грядущее освобождение. Я помог Гуэски окончательно очистить самолет от сена и отступил на шаг в немом восхищении.

— Впечатляет, не правда ли? — спросил горделиво Гуэски. — Пока эти бешеные собаки гоняются за нами по земле, мы воспарим в небеса; пусть себе щелкают зубами и воют на луну!

— Задумка, вполне достойная вас, друг мой, — сказал я, невольно подлаживаясь под высокопарный тон Гуэски и ощущая глубокую благодарность. — Итак, летим в Сан-Стефано?

— Совершенно верно. Аэропорта там, правда, нет, но я рассмотрел несколько мест, вполне удобных для посадки такого легкого самолета. Полковник Бейкер и его люди уже ждут нас там. Полет займет не более часа.

На востоке появились первые проблески зари, а по обе стороны поля я заметил какое-то движение. Залаяла собака, и раздался странный звук — точно металлом по кости — и собака внезапно смолкла.

— Кольцо сужается, — заметил Гуэски, улыбаясь. — Мой дорогой, не пора ли нам взлететь?

— Ваше предложение, — в тон ему ответил я, — вполне меня устраивает. Кариновский, вы как там?

— Я там ничего, — откликнулся Кариновский. — Стою себе, истекаю кровью, а вы все веселитесь...

— Я вас перевяжу в самолете, — сказал я. — Полетели!

Мы помогли Кариновскому подняться на борт и пристегнули его ремнями к сиденью. Заря быстро разгоралась; были уже хорошо видны фигуры людей Форстера, подползавшие к нам по полю. Я хотел было сесть в кресло второго пилота, но оказалось, что там уже сидит Гуэски.

— Вы не туда сели, — заметил я.

— Ничего подобного, — ответил он.

— Гуэски, — сказал я, — сейчас не время для шуточек. Противник рядом. Перебирайтесь-ка на место пилота и командуйте.

— О чем вы?! — вскричал Гуэски визгливо. — Я абсолютно ничего в самолетах не понимаю! Ничего! Это ваше дело!

— Слушайте, — сказал я, — вы же сами все это придумали! Вы же зачем-то приготовили этот чертов самолет, верно?

— Но я его приготовил для вас! — Кажалось, Гуэски сейчас заплачет. — Мистер Най, ну пожалуйста! Ведь отлично же известно, что вы прекрасный летчик и водите любые самолеты. Вы же знаменитость! Господи помилуй, да зачем же иначе я стал бы доживать для вас самолет?!

Так. Вот оно снова! Тень знаменитого и непревзойденного агента Икс, суперфантома чертова, моего двойника, опять восстала из небытия и настигла меня, чтобы, продемонстрировав всем мою жалкую сущность, уничтожить. Агент Икс, гнусно играющий чужими жизнями, взявший себе право убивать по своему выбору и усмотрению, рехнувшийся шпион, действующий с согласия и одобрения властей... О, как я его сейчас ненавижу! И какую ответную ненависть он, должно быть, питал ко мне! Но наконец-то его час пробил! Адский двойник нашел-таки способ угробить меня, своего самого заклятого врага!

Гуэски все дергал меня за руку. Потом он затащил меня в пилотское кресло, и я тупо уставился на совершенно незнакомую мне панель приборов. Мною внезапно овладело полное спокойствие: я понял, что вина за этот кошмар лежит исключительно на мне самом. Агент Икс, в конце концов, был всего лишь этикеткой, которую на меня налепили, руководствуясь минутными соображениями. Но каков Гуэски!.. Что ж, от человека, который разрабатывает планы бегства с помощью акваланга и глоссера, вполне можно ожидать, что он приготовит и спрячет где-нибудь и самолет.

— Най! — вскричал между тем Гуэски. — Они совсем рядом! Взлетайте же!

Я грустно улыбнулся и спросил:

— Кариновский, вы умеете водить самолет?

— Да вроде нет, — отозвался тот. — Во всяком случае, никогда не пробовал.

Мне уже отлично видны были восемь человек, крадущиеся по краю поля. Они двигались медленно, с предельной осторожностью, но удивительно целенаправленно — к нам.

Глава 20

Я все же несколько преувеличивал. Хотя мое знакомство с легкими самолетами было явно недостаточным, но кое-какое представление я все же имел. К примеру, я несколько раз летал на них в качестве пассажира. А однажды мне даже доверили управление планером «Пайпер Каб»; я немного пролетел по прямой, потом совершил несколько поворотов с легким наклоном и про-

явил вполне приличные способности. И, кроме всего прочего, я видел бесчисленное количество фильмов про летчиков.

Однако это был все же недостаточный опыт для решения стоявшей передо мной задачи. Впрочем, вряд ли у меня было больше опыта в том, что представлялось единственной альтернативой полета: в отступлении по открытому пространству под выстрелами как минимум десятка вооруженных людей. Крайняя необходимость заставила повернуться к приборной доске.

Я быстро нашел кнопку включения аккумуляторов. Под панелью справа обнаружился и топливный кран. Я открыл его и обратился к рычагу управления карбюратором. Под ним была табличка: «При прогреве двигателя открыть полностью». Так я и сделал. Потом повернул регулятор качества смеси в положение «Обогащенная».

— Что это вы делаете? — спросил с подозрением Гуэски.

— Готовлюсь вывезти нас всех отсюда.

— Да? — Он с минуту молчал. — А мне уж показалось, что вы не умеете летать.

— Вам правильно показалось. Но, по-моему, сейчас самая пора научиться.

— Видимо, да, — и он нервно засмеялся. — Только нельзя ли учиться побыстрее?

Я кивнул. Ноги уже удобно устроились на двух педалях, только вот я никак не мог вспомнить, какая из них для чего предназначена. Тормоза? Нет. Двух тормозных педалей не бывает. Я нажал правую и услышал легкий скрип в задней части самолета. Я высунулся в окно и увидел, что повернулся руль. Так. Значит, с помощью педалей управляют рулем. Я припомнил, что ручка, расположенная прямо передо мной, служит для управления элеронами и рулями высоты.

Что дальше? На панели было жуткое количество приборов: указатели высоты, направления, времени, температуры масла в двигателе, уровня топлива, давления масла, оборотов двигателя... Здесь же располагалось огромное количество кнопок, переключателей и циферблатов; под многими из них были сопроводительные или предупредительные надписи. Я быстро их прочитал, стараясь вспомнить, что когда-либо слышал о процедуре взлета. Кажется...

Тут Гуэски тронул меня за плечо.

— В чем дело? — окрысился я.

— Они уже стреляют! — закричал он. — Вы что, не слышите?!

Да, теперь я это услышал. Люди Форстера, правда, были еще на довольно большом расстоянии от нас, но уже в пределах досягаемости пистолетной пули. Времени размышлять об особеннос-

тях полета на легком самолете не оставалось. Пора было действовать или погибнуть, вернее — действовать и погибнуть. Такой порядок действий представлялся мне более вероятным.

— Поехали, — сказал я и нажал на кнопку стартера.

Ничего не произошло.

Я еще несколько раз нажал на кнопку — реакции никакой. Я снова лихорадочно обшарил глазами панель приборов в поисках причины неудачи. И обнаружил нечто, именуемое «Включенные магнето». Этот переключатель имел четыре положения: «Выкл.», «Л», «П» и «Оба». Я переключил его в положение «Оба» и снова нажал на кнопку стартера.

Двигатель жалобно кашлянул и с ревом заработал. Я перевел ручку в положение, соответствовавшее, как мне казалось, нейтральному, опустил ноги на обе педали и посмотрел, что показывают тахометр и указатель давления масла. Самолет содрогался, но с места не двигался.

Я приоткрыл сектор газа. Тахометр показывал 2400 оборотов. Выше этой цифры была красная аварийная зона. Самолет раскачивался, как ива на ветру, но по-прежнему стоял на месте.

И тут, вспомнив про ручной тормоз, я сбросил обороты до холостых и отключил ручник.

Мы покатались вперед, быстро набирая скорость. А я все больше открывал сектор газа.

Тут я еще припомнил, что самолет вроде бы должен взлетать против ветра. Только я ведь не знал, есть ли снаружи ветер, но даже если б и знал, то все равно не имел ни малейшего понятия, как им воспользоваться. И еще я вдруг вспомнил, что самолет должен бежать по земле достаточно быстро, прежде чем от нее оторвется. Поэтому я до отказа открыл сектор газа, как это делают настоящие воздушные асы. (Сейчас стоило бы еще выключить форсажную камеру, если бы она у меня была.)

Самолет бежал по земле со скоростью не менее 50 миль в час, хотя указатель воздушной скорости показывал только 20, и тут машина стала опасно забирать вправо. Я чуть нажал правую педаль, обнаружил, что стало только хуже, и быстренько нажал левую. Самолет на мгновение выровнялся и стал отклоняться влево. Я опять скорректировал курс.

Мы уже мчались со скоростью 60 миль в час. Впереди показалась низкая каменная стена и деревья за нею. Я едва справлялся с управлением, хотя и попробовал все же слегка изменить курс с помощью педалей. Но, видимо, перестарался. Сложными зигзагами мы неумолимо приближались к стене.

Сидевший сзади Кариновский наглухо умолк. Гуэски что-то пролепетал было и закрыл лицо руками. Я подавил желание сде-

лать то же самое. Подался вперед, чтобы открыть сектор газа до предела, и обнаружил, что он уже полностью открыт. Тогда я потянул ручку на себя — как множество раз видел в кинофильмах.

И самолет — что самое невероятное! — самым натуральным образом оторвался от земли. Я еще не до конца в это поверил, но теперь уже видел под собой землю, которая мчалась назад. Мы все выше поднимались в розовое от зари безоблачное небо. Потом двигатель вдруг стал издавать недовольные, жалобные звуки: перегрузка! Стрелка тахометра упала до 1900 оборотов. Я отпустил ручку вперед, уменьшив угол набора высоты.

Гуэски что-то говорил мне, но я его не слушал. Меня переполняло чувство полного триумфа. Я — я! — поднял самолет в воздух! И мы летели, черт побери!

Да, это был момент чистого восторга, которым следовало насладиться от души. Я решил пока не обременять себя еще одной интересной проблемой: каким образом и в каком режиме мне придется садиться. Хорошенького понемножку — вот единственный девиз для солдата удачи, особенно несколько склонного к истерикам.

Глава 21

Взлет задал нам страху, но в итоге привел меня в состояние эйфории. Стоило нам стремительно взмыть в небесную синеву, я решил, что летать в конце концов не так уж и трудно и эту профессию любой разумный человек может легко освоить (достаточно как следует собраться). Теперь мне казалось, что профессиональные летчики просто создали некий мистический культ вокруг своего мастерства, и таинственность эта что-то уж больно задержалась; скорее всего для них это просто способ защитить свой источник доходов, вот они и прибегали к хорошо рассчитанному обману.

Впрочем, продолжал размышлять я, есть и другая возможность: летать на самолете действительно непросто, но я, к счастью, оказался одним из тех немногих, кто все делает правильно по наитию.

Однако уже через несколько минут мне пришлось отвергнуть оба собственных объяснения. Я понял, что мне удалось поднять самолет в воздух только благодаря исключительному везению и «умным» приборам, встроенным в машину.

Это озарение пришло ко мне совершенно неожиданно, когда самолет без каких-либо видимых причин вдруг самостоятельно повернул налево.

Мы продолжали подъем. Тахометр показывал 2300 оборотов

в минуту, ручка была отведена назад, ноги мои едва касались педалей руля. Указатель воздушной скорости показывал 50 миль в час — стрелка была в опасной близости к предельным 40 милям в час, за которыми последовало бы падение. Мы были на высоте 500 футов — слишком близко к земле, но по-прежнему продолжали набирать высоту.

И тут самолет опять без каких-либо видимых причин повернул влево.

Я чуть выжал правую педаль. Самолет вернулся на прежний курс, но воздушная скорость упала до 45 миль. Двигатель жалобно завыл. Я попробовал прибавить газу, но дроссель и так был открыт полностью. Самолет качнулся вправо и стал снижаться; двигатель на мгновение заглох совсем. В полной панике я пнул левую педаль и отвел ручку вперед. Нос самолета выровнялся по горизонту, воздушная скорость сразу выросла до 60 миль, но стрелка тахометра приблизилась к опасной красной зоне, и самолет вновь резко свернул влево. Тут нужны были как минимум четыре руки и две головы.

Я вернул самолет на прежний курс и взял ручку чуть-чуть на себя. Обороты упали до безопасного уровня, как только самолет вновь начал подъем; но, конечно же, воздушная скорость снизилась до опасного предела. Я осторожно двигал ручкой то вперед, то на себя, пока не нашел такое ее положение, когда и обороты двигателя, и воздушная скорость оставались в безопасных пределах. Самолет очень медленно набирал высоту. Мне все время приходилось выправлять курс, чтобы не дать ему уклониться влево, и это меня беспокоило. Но через некоторое время все наконец пришло в равновесие.

— Что случилось? — спросил Гуэски дрожащим голосом.

— Небольшая турбуленция, — небрежно бросил я, решив, что нет смысла пугать пассажиров; на этом самолете вполне достаточно одного паникера — меня самого.

— Но вы ведь действительно умеете управлять самолетом, правда? — спросил Гуэски. — Вы, наверно, хотели над нами подшутить, да? — Его нытье начинало меня раздражать.

— Вы же сами видите: мы летим! — резко ответил я, снова корректируя уход влево и подавая ручку чуть вперед, чтобы не допустить сваливания и немного уменьшить обороты двигателя, чтобы стрелки не заходили в красную зону.

— Но, мне кажется, что-то все же не в порядке, — заметил он.

— Слушайте, — сказал я, — любому летчику нужно время, чтобы приспособиться к такому гробу, как этот. Особенно если человек привык летать на истребителях со сверхзвуковой скоростью. — Клянусь, я и сам не понимал, что несусь!

Гуэски яростно закивал в знак согласия. Ему страстно хотелось уверовать в мои опыт и умение, несмотря на некоторые свидетельства чего-то совсем иного. Среди людей, попавших в беду, вряд ли найдется хоть один атеист, особенно в небесах, на высоте тысячи футов над Северной Италией.

— А вам приходилось много летать на реактивных истребителях? — спросил Гуэски.

— Много. В основном на «Сейбрах» и «Банши», — отвечал я, по-прежнему без конца манипулируя ручкой и педалями, чтобы не допустить сваливания и снизить обороты. — Я вам не рассказывал, как у меня случился срыв пламени над водохранилищем Чангджин, в Корее?

— Нет... А что, вам там здорово досталось?

— Да, положение, надо сказать, было довольно скверное, — отвечал я и прикусил губу, чтобы не засмеяться. Но тут мое внимание снова привлек самолет, который опять требовалось вернуть на прежний курс, и я предложил Гуэски, чтобы он позаботился о Кариновском. Затем полностью отрешился от всякой болтовни и шуточек и сосредоточился на сложных попытках перехитрить неуправляемый самолет.

Мы летели со скоростью 105 миль в час и каким-то образом ухитрились подняться на высоту 3000 футов. Я сбросил газ, уменьшив скорость до крейсерской, и стрелка указателя замерла примерно на 90 милях. Судя по компасу, мы летели на юго-запад. Солнце уже взошло, и подо мною сверкала морщинистая шкура Адриатического моря. Цель же наша, Тольмеццо, располагалась в Альпах, а значит, где-то на севере. Я чуть отвел ручку вправо.

Самолет отреагировал, опустив правое крыло. Нос тут же задрался, воздушная скорость начала падать. Я был уверен, что проклятый двигатель вот-вот заглохнет, и резко вернул ручку в прежнее положение.

Это был неправильный ход. Самолет накренился, мотор закашлял, зарычал, как раненая пантера, и еще выше задрал нос. Я дал полный газ и скорректировал положение ручкой и левой педалью.

Самолет опять накренился, я его опять выправил, отдаленная линия горизонта качалась из стороны в сторону. Воздушная скорость упала до 60.

Тут до меня наконец дошло, что ручку надо было толкать вперед, а не к себе. Я так и поступил. Самолет нырнул, снова набрал скорость, и тут я заметил, что мое правое крыло наклонено к морю.

Я попытался выровняться. Правое крыло поднялось, зато

опустилось левое. Гуэски что-то кричал мне, даже Кариновский оторвался от изучения своей раны.

Да, мы попали в беду. Каждый раз, когда я пытался выровнять самолет, он кренился еще больше в противоположную сторону. Уже чувствовалось, как тяжело вибрирует хвост. Мы успели опуститься до 990 футов и продолжали падать. Казалось, мне никогда не выровнять машину: самолет-самоубийца явно желал либо перевернуться, либо оторвать себе крыло.

Тут Гуэски с криком бросился к панели приборов; я отбросил его назад, а Кариновский при этом орал на нас обоих. Мы с Гуэски сцепились, рыча и крича, и он попытался укусить меня за руку, а я врезал ему головой в нос. Это его несколько успокоило.

В течение нашей драки самолетом никто не управлял. Когда я повернулся к приборам управления, то обнаружил, что мы больше никуда не кренимся и не падаем. Стоило мне снять руку с рычага управления, как самолет выровнялся сам! Он сейчас летел по нисходящей траектории, совершая широкий поворот вправо.

Я получил чрезвычайно важный урок: если не уверен, как поступить, пусть самолет все сделает сам.

Я осторожно поводит ручкой, не мешая ему лететь самостоятельно. Мы поднялись до 4000 футов, курс наш лежал чуть восточнее заданной цели, скорость была 95 миль в час. Самолет летел, не теряя высоты и практически не требуя помощи с моей стороны. Когда все пришло в норму, я повернулся к Гуэски.

— Никогда больше так не делайте! — сказал я, холодно и строго на него глядя.

— Я ужасно перед вами виноват! — воскликнул он. — Я совершенно потерял голову, я не понимал, что вы делаете...

— Он просто проверял управляемость самолета, — заметил Кариновский. — И дураку должно быть понятно!

— Конечно, конечно! Теперь-то я понимаю... — бормотал Гуэски.

Нет на земле большей силы, чем жажда веры! Я и сам-то начал верить...

— Мистер Най, — произнес Гуэски, — мне действительно искренне жаль... Вы еще будете его проверять?..

— Это зависит от обстоятельств, — туманно ответил я.

Гуэски понимающе кивнул. Кариновский презрительно промолчал: каждому ясно, что проверять самолет следует в зависимости от обстоятельств.

— А как, по-вашему, сейчас у нас обстоятельства подходящие? — застенчиво осведомился Гуэски.

Я задумался, прежде чем ответить. Голова у меня разламывалась от боли, одежда была мокрой от пота, правый глаз жутко

дергался, а руки тряслись, словно у меня началось расстройство координации движений. Но факт оставался фактом: я по-прежнему вел самолет.

— Обстоятельства не самые плохие, — наконец сообщил я. — По правде говоря, на текущий момент у нас все в полном порядке.

Из чего дурак обычно строит для себя рай? Из рассыпающихся кирпичиков иллюзий на жиденьком цементе надежд. Так говорил Заратустра. А в данном случае — мистер Най.

Глава 22

Почти четверть часа мы летели точно на северо-восток. Адриатическое море осталось позади, под нами расстилалась северо-итальянская равнина. И я решил, что настала пора выяснить, куда нам лететь дальше. И спросил Гуэски, есть ли у него какие-нибудь карты.

— Конечно, — отвечал он. — Я все приготовил! — И он вытащил из-под сиденья карту под номером ONC-F-2. На ней была изображена Северная Италия и большая часть Центральной Европы, испещренные значками аэропортов, радиолокационных станций, запрещенных для полетов зон, городов, поселков, гор, болот, океанов, озер, линий электропередач, плотин, мостов, туннелей и многих других интересных объектов. Но, на мой взгляд, карта эта не имела совершенно ничего общего с зелено-коричневой равниной, простиравшейся под нами.

Я решил передать часть своих полномочий другим.

— Гуэски, — велел я, — определите наше местоположение, конечную цель полета и маршрут.

— Но я ничего не понимаю в полетных картах! — воскликнул он.

— Кариновский вам поможет. В конце концов, не могу же я делать все на свете!

Они занялись картой. А я решил использовать это время, чтобы еще хоть немного разобраться в управлении самолетом. Я выполнил несколько несложных виражей, несколько снижений и подъемов, попробовал лететь на разных режимах, то открывая, то прикрывая сектор газа и немного поэкспериментировал с триммером. У меня даже появилась кое-какая скромная уверенность в себе.

— Вы не могли бы опуститься немного ниже? — спросил Гуэски. — Я не вижу ни одного ориентира.

Я снизился до 2000 футов. Через некоторое время Гуэски сообщил:

— Все равно ни одного ориентира не нахожу! Безжизненный какой-то ландшафт.

— М-да, помощи, видно, от вас немного, — заметил я.

Гуэски снова уткнулся в карту. Потом спросил:

— Сколько минут назад мы пересекли береговую линию?

— Минут семнадцать.

— А скорость и направление какие были?

— Около 90 миль в час. Курс — северо-восток. Приблизительно, конечно.

Кариновский небрежно махнул рукой.

— Пусть будет 100 миль в час, так проще. То есть, мы пролетели примерно 25 миль. Если по-прежнему лететь на север, мы скоро пересечем реку Пьяве. Вот вам и ориентир, уж его-то не пропустишь!

— А что потом?

— А потом надо просто лететь по течению реки. Она нас приведет сперва к Беллуно, а дальше — к самому Сан-Стефано ди Кадоре.

— И вы сумеете его отличить с воздуха от других селений?

Гуэски с готовностью ответил:

— Там прямо перед городом гидростанция.

— Вы уверены, что узнаете ее?

— Не беспокойтесь. Ведите себе самолет, а мы будем следить за курсом.

Что-то мне в его заявлении очень не понравилось, но ничего другого все равно не оставалось — только продолжать полет.

И я его продолжил. И вскоре на севере мы заметили Пьяве. Я изменил курс и полетел вдоль реки на северо-запад, пересек две ее излучины, потом еще одну. Над Вальдобьяддене мы окончательно определили свое местонахождение. Приближались предгорья, и мне пришлось начать постепенный подъем.

Через несколько минут мы достигли предгорий Альп; высота их здесь достигала 2000 футов над уровнем моря. Река повернула на север, затем на северо-восток. Гуэски засек слева город Фельтре, а Кариновский — ветряную мельницу справа. Все совпадало. Мы были на высоте 9000 футов над уровнем моря, когда достигли Беллуно. Перед нами высились Альпы, похожие на ошетилившееся наконечниками копий войско. В самолете стало весьма прохладно.

Теперь управлять машиной оказалось труднее. Сильные вертикальные воздушные потоки раскачивали крылья, мотор надрывался в разреженном воздухе. Под нами долина Пьяве четким

зигзагом разрежала Доломитовые Альпы. Близость гор заставила меня подняться до 10 000 футов.

Я услышал, как вскрикнул Кариновский, и, обернувшись, увидел горный отрог, проплывший всего в сотне ярдов от правого крыла. Пик его был выше нас по крайней мере на милю.

— Еще такие поблизости есть? — спросил я.

— Пока нет, можно не волноваться, — ответил Кариновский. — Если не промажем мимо Сан-Стефано, конечно.

Долина Пьяве продолжала уходить к востоку; наконец Гуэски увидел гидростанцию, а потом справа, на высоте 8481 футов, показался и Сан-Стефано; мы начали постепенный спуск.

Стали видны отдельные дома, крошечные участки возделанной земли и просторные луга на крутых горных склонах; затем мы заметили одноколесную железную дорогу, пересекавшую часть города.

— А вон и конечный пункт нашего назначения! — воскликнул Гуэски.

И я тоже его увидел: это был охотничий домик. Небольшой, П-образной формы, примерно в миле от селенья. Перед домом виднелась узкая полоска открытого пространства — с воздуха она казалась не больше почтовой марки. Да мне никогда в жизни не приземлиться на такую маленькую площадку! Но вблизи не было ничего, что выглядело бы получше и попросторнее. Я решил продолжать спуск, облетая поле по кругу. Я надеялся, что вблизи посадочная площадка будет выглядеть не столь пугающе.

Облетев поле, я попытался приблизиться к ней, стараясь держаться носом к ветру. Убрал скорость и подал ручку вперед. Под нами скользнула назад купа деревьев, дом, и выплыл край поля. Я повернул самолет носом на северо-восток.

Все произошло даже слишком быстро. Внезапно я оказался совсем рядом с землей, однако продолжал нестись с ужасающей скоростью. Самолет летел слишком низко, чтобы это было безопасным, но слишком высоко для посадки. Если припомнить то, что я узнал от Улыбчивого Джека и прочих героев шпионских романов, сейчас нужно было дать газу, набрать высоту и идти на следующий заход. Но у меня не хватило пороха. Самолетом я управлял пока только «методом тыка», а земля, казалось, была уже в двух шагах. Стиснув зубы, я двинул ручку вперед, одновременно полностью убрав газ.

Футах в пятнадцати над полем самолет, потеряв скорость, вздрогнул и завибрировал, готовый нырнуть носом в землю. Половина поля уже осталась позади, и я потянул ручку на себя. Самолет тут же задрал нос, затрясся от негодования и тяжело уда-

рился о землю хвостовым колесом, а потом и передними колесами. Потом еще раз высоко подпрыгнул, но я по-прежнему тянул ручку на себя, буквально прижимая ее к животу, и наконец мы с грохотом рухнули на поле.

Левая стойка шасси лопнула, и самолет, тяжело ударившись фюзеляжем о землю, стал поворачиваться влево. Кончик левого крыла врезался в землю, следом за ним — пропеллер, тут же разлетевшийся на куски. Я изо всех сил нажал на правую педаль и включил тормоз, но самолет продолжал вращаться вокруг левого крыла, норовя снова взлететь и перевернуться. И это ему почти удалось, но не выдержала правая стойка шасси. Самолет неохотно прополз еще несколько футов на брюхе и замер в дальнем конце поля, футах в двадцати от низкого деревянного забора и растущих сразу за ним сосен. Я выключил зажигание. Все. Агент Икс в очередной раз справился с поставленной задачей.

Никто при посадке не пострадал, но разговаривать не хотелось. Мы молча обследовали то, что осталось от самолета, и направились к домику.

Я уже начинал ощущать упадок сил и грядущее разочарование. Как только я войду вон в ту широкую дубовую дверь, жизнь агента Икс будет кончена. Останется лишь весьма сомнительная личность: Уильям П. Най. Мне все это показалось вдруг ужасно несправедливым. Захотелось повернуться и убежать — подальше от этого альпийского охотничьего домика, от Италии, от Европы, чтобы спастись самому, затерявшись в неведомых просторах, и сохранить жизнь нелепому и абсурдному агенту Икс.

Мы поднялись на крыльцо, и Гуэски протянул руку к тяжелой бронзовой ручке. Мысли о бегстве и возрождении агента Икс оставили меня, и я даже придумал подходящую поговорку: тот, кто создает иллюзию, сам от нее первым и страдает. Впрочем, это не принесло мне особого облегчения.

Молодой человек с короткой стрижкой открыл нам дверь и сообщил, что нас уже ждут. Мы проследовали через небольшую прихожую в просторную гостиную с панорамным окном, обращенным в сторону Альп.

У противоположной стены, перед камином, сцепив руки за спиной, стоял мужчина. Его тень плясала на потолке. Мужчина обернулся к нам и с улыбкой произнес:

— Джентльмены, я чрезвычайно рад, что вам удалось долететь. Я уже начал волноваться.

Перед нами стоял Форстер, на лице его было написано безмятежное спокойствие. Дверь за нами захлопнулась.

Глава 23

Последовала немая сцена: встреча трех медведей с волком-оборотнем. Да, было от чего прийти в восторг, особенно если вам нравится горький вкус поражения! Но самое скверное — вспомнить, сколько сил я потратил, чтобы доставить всех нас прямо к Форстеру в пасть! Мне ведь даже в голову не приходило выбрать какое-либо другое направление. Я и не задумался над тем, что наша явка, возможно, провалена. Но мы снова попали в лапы противника, и снова я чувствовал, насколько все это ужасно и несправедливо...

Так вот как играют в эту игру, думал я, чуть не плача от жадности к самому себе. Бежишь, ускользаешь, придумываешь на ходу всякие увертки, добираешься в конце концов до желанного убежища, и тут обнаруживается, что правила игры изменились и убежище давно занято противником, а ты, по сути дела, глупейшим образом проиграл.

Ну да, конечно! Как же я мог позабыть об этом! Ведь в этой игре правил не существует!

Вернувшись к мрачной действительности, я обнаружил в гостиной еще двоих — они спокойно держали нас под прицелом своих револьверов. Третий тип обыскал нас, и, когда с этими формальностями было покончено, Форстер пригласил нас сесть. Мы вошли, точно зомби, уселись в кресла, взяли предложенные стаканы с выпивкой и закурили. Люди Форстера бесшумно исчезли в коридорах, а сам он вышел на середину комнаты и остановился прямо в розоватом пятне солнечного света, как в луче прожектора. Мы не сводили с него глаз; нам предстояло выслушать его речь, а потом, видимо, нас собирались просто пристрелить. Боевой дух в нас полностью увял, мы чувствовали себя глубоко несчастными.

— Во-первых, — начал Форстер, — позвольте мне ответить на вопрос, который вас, несомненно, мучает: как случилось, что я оказался здесь, а не барахтаюсь в болотах Венето?

Мы дружно промолчали, и Форстер продолжал:

— Я вам отвечу: ваши приготовления, Гуэски, ни для кого не были тайной, что бы вы на сей счет ни думали. А сбор сведений относительно лодок, самолетов и возможности снять охотничий домик в Сан-Стефано мгновенно стал известен мне. Большую часть своих людей я оставил в Венеции, приказав им захватить вас живыми или убить, а в случае неудачи — продолжать вас преследовать. Самому мне не было необходимости руководить столь заурядной операцией, и я отбыл в Сан-Стефано, решив дожидаться вас здесь и всецело полагаясь на то, что победит здравый смысл.

Естественно, сначала мне пришлось спровадить отсюда ваших коллег. Это оказалось нетрудно. Я послал им записку от имени Гуэски, назначив встречу в другом месте. Сейчас полковник Бейкер и его помощники сидят на вилле Сантини, милях в восемнадцати отсюда.

Форстер замолк, ожидая реакции с нашей стороны, но не дождался. Наше тупое молчание явно его раздражало.

— Я полагал, вас несколько развлечет беседа со мной, — сказал он разочарованно, — но, видимо, я ошибся. Вы слишком скучные люди, и я полагаю, не имеет смысла и дальше тянуть кота за хвост. — Он не спеша достал из кармана пиджака тяжелый браунинг.

Как раз в эту минуту я пришел к выводу, что умирать мне вовсе не хочется. Никоем образом. А хочется жить — по возможности, еще лет 30 или 40; или хотя бы еще 30—40 минут, если уж больше мне не положено. Я так сильно хотел жить, что сумел даже превозмочь ступор, в который погрузился, и вернулся к реальной действительности, которая явно пахла полным поражением. Чтобы жить, я готов был валяться в ногах, умолять, лгать, воровать, стать коммунистом или демократом, обратиться в арианство или в православие, притвориться агтеком или испанцем — все, что угодно, все, что от меня потребуется...

Я готов был даже снова стать агентом Икс, что, как оказалось, было труднее всего.

— Ну, и что теперь? — спросил я Форстера.

Он широко улыбнулся:

— Теперь я убью вас.

— Пуля в затылок?

— Возможно. Бойтесь, мистер Най?

— Конечно. Но куда больше разочарован.

— Вас вполне можно понять. Оказавшись в таком положении...

— Вы меня неверно поняли, — перебил я его. — Я разочарован вашим поведением.

— О чем это вы? — спросил Форстер.

— О вашей трусости, — отвечал агент Икс.

Я шкурой почувствовал, как вздрогнули его помощники. Форстер поднял пистолет и взвел курок.

— А вот за это вы получите пулю прямо в лицо.

— Какая, в сущности, разница? — равнодушно сказал я. — Все равно ничем не изменить тот единственный факт, что не дает вам покоя: даже мертвый, я для вас недостижим!

Форстер помолчал с минуту и сказал:

— Я понимаю, мистер Най, вы пытаетесь спровоцировать

меня на некие действия, способные дать вам возможность бороться. Получается у вас, правда, довольно неуклюже. К тому же все это бесполезно. Время нашего личного соперничества давно миновало. И мне пора как следует взяться за выполнение своих прямых обязанностей.

Я сумел-таки довольно нагло усмехнуться.

— Я так и знал, что вы постараетесь прикрыться своими «прямыми обязанностями», Форстер. Ваше счастье, что в руках у вас пистолет, не то я бы вас в бараний рог скрутил!

Моя наглость явно произвела на него впечатление; не потому, что он в мой угрозы поверил — нет, именно потому, что он в них не поверил. Он был уверен, что я полностью в его власти; его бесило одно: обстоятельства не позволяли ему доказать эту свою власть.

— Ваша тактика весьма неглупа. Это делает вам честь, мистер Най, — заметил он. — Впрочем, что вам еще остается при сложившихся обстоятельствах?

И это была чистая правда. Хотя Форстер обращался скорее не ко мне, а к своим людям, которых пытался убедить, что так и надо. Вообще-то ему бы следовало застрелить нас еще три минуты назад, оставив все объяснения на потом.

— Ваше поведение можно было бы понять, если бы вы были всего лишь мелким исполнителем, — сказал я. — Но тогда вам и не пришлось бы проводить сравнения между собой и мною. Хотя я лично считал вас человеком одного со мной калибра. — Я театральным жестом закурил, помолчал и продолжил: — Карьеры у нас с вами складывались практически одинаково. Но было и одно различие: я добился некоторой известности как боец, вы же заработали себе репутацию вполне компетентного чиновника.

От злости Форстер не мог произнести ни слова. Я, конечно, врал направо и влево, к тому же был абсолютно несправедлив по отношению к нему; но я всегда полагал, что человек, стоящий на пороге смерти, — самое несправедливое существо на свете.

— У вас, впрочем, немало хороших качеств, — не моргнув глазом вещал я. — Вы умны, беспощадны и достаточно интеллигентны. Но, к сожалению, вы начисто лишены способности радоваться честному поединку. Один на один.

— Все, с меня довольно! — заявил Форстер.

— Извините, что пришлось вам это высказать, но по-моему, лучше уж услышать это от меня, чем от ваших работодателей.

— Довольно, черт возьми! — окончательно разозлился Форстер и поднял пистолет.

— Да, наверное, вам лучше покончить со мной сразу, — посоветовал я ему. — Пока я вам еще гадостей не наговорил.

— Вы сущий параноик! — заорал Форстер. — Неужели вы действительно верите в свою репутацию?!

Я заставил себя лениво откинуться на спинку кресла, скрестить руки на груди и усмехнуться, хотя губы меня почти не слушались.

— Форстер, — сказал я, — я мог бы выйти против вас с любым оружием, в любое время и при любых обстоятельствах. И без труда убить вас. Да будь у меня даже консервный нож против вашей шпаги, я бы все равно первым порезал вас на куски. И вообще — лучше бы вы предоставляли боевую часть операции другим, не то кто-нибудь, будучи в дурном настроении, чего доброго успеет снести вам башку, пока вы будете ковыряться с предохранителем.

Один из людей Форстера не выдержал и улыбнулся. Вот и отлично; а еще лучше — что Форстер это заметил.

Гуэски и Кариновский смотрели на меня, открыв рот. Я быстро глянул в их сторону и снова перевел взгляд на Форстера.

— Эта мелкая скотинка, разумеется, не в счет, — сказал я, небрежно махнув в сторону своих товарищей. — Гуэски был и останется всего лишь любителем, да и Кариновский, в общем и целом, особой важности не представляет. Противостояние всегда было только между вами и мной. Как вам кажется, а, Форстер?

Он не сводил с меня глаз. Потом лицо его прояснилось, он даже приподнял брови и неторопливо проговорил:

— Мне кажется, вы блефуете.

— Да неужели?

— Да-да, блефуете! Все ваши слова ничего не стоят. Вы сейчас просто поняли, что вас загнали в угол.

— Ну, на вашем месте я бы не стал утверждать это с полной уверенностью.

— Хорошо, сейчас проверим.

Он осторожно поставил свой «браунинг» на предохранитель и сунул пистолет в карман.

Кто-то из его команды заметил:

— Простите, сэр, по-моему, вы поступаете неосторожно...

— Заткнись! — рявкнул Форстер. — То, что происходит между Наем и мной, никого более не касается. Да и что, собственно, изменилось? Если я проиграю, вы и без меня знаете, что делать, верно?

Тот кивнул.

Форстер повернулся ко мне:

— Как указано в вашем досье, вы неплохо разбираетесь в старинном оружии. Так?

— А вы сами попробуйте это выяснить.

— И попробую. Мне также послышалось, что вы хвалились, будто можете одержать надо мною верх с помощью любого оружия, так?

— Совершенно верно.

— Любого? Вы уверены?

— Выбирайте сами, — отвечал я, понимая, что попал в тактическую ловушку. Форстер очень хотел меня убить, но — на своих собственных условиях. Дуэль между нами должна была стать уроком для его команды и, безусловно, наглядным примером для его начальства. Она должна была выгодно оттенить достоинства Форстера. А я в своем стремлении оттянуть смерть сам поставил себя в такое положение, когда вынужден был согласиться на любое оружие, какое бы он ни выбрал.

— И все-таки я прошу вас изменить свое решение, — дружески улыбнулся мне Форстер. Он делал все, чтобы я не вырвался из ловушки. Чтоб никто и никогда не мог его обвинить, что он навязал мне свой выбор.

Я решил упорно сохранять хорошую мину при плохой игре:

— Я же вам повторил, Форстер: любое оружие. Может, мне вам заявление в письменном виде представить?

— Ну зачем же, — снова улыбнулся он. — Я просто хотел удостовериться, что правильно вас понял. Полагаю, у нас здесь есть вполне приличный выбор оружия.

Он кивнул на дальнюю стену зала. Я встал с кресла и подошел ближе. Стена была сплошь увешана кавалерийскими саблями, двуручными мечами, пуштунскими кинжалами, шипастыми булавами, метательными звездами и другими, менее распространенными видами оружия.

— Превосходная коллекция, вы не находите? — спросил Форстер и обратил мое внимание на несколько перекрещенных сабель, судя по виду турецких или арабских, с сильно изогнутыми клинками.

— Вполне подходящая, — не смутился я.

— Впрочем, это не слишком интересно... — задумчиво сказал он. — Может быть, что-нибудь другое... А как вы относитесь к крисам?

Я понял: он пытался выяснить, с каким из видов оружия я совсем не знаком. Мог бы не тратить времени даром — мои знания о саблях и фехтовании ограничивались романами Сабатини, прочитанными в весьма юном возрасте, да отрывочными эпизодами из фильмов с участием Эррола Флинна.

— Крис меня вполне устраивает, — сказал я.

— Нет, это, пожалуй, тоже не подойдет, — сказал Форстер,

двигаясь вдоль стены. — Очень интересны двуручные мечи крестоносцев, но они чересчур неуклюжи.

— Хотя и весьма опасны — в умелых руках, разумеется, — заметил я.

— Несомненно. А на булавах вы когда-нибудь сражались?

— Ну, это нетрудно. Принцип-то ясен.

— А как насчет вот этого?

Я колебался лишь долю секунды, но Форстеру этих мгновений хватило вполне.

— Великолепно, — выдавил я, пытаюсь скрыть ошибку. Но было уже поздно.

— Если не возражаете, — сказал он, — мы попробуем это. Возможно, будет забавно.

И он снял со стены боевой топор с двумя лезвиями и на короткой рукояти, к которой был привязан кожаный темляк.

— Берите второй, — сказал он. — Посмотрим, как вам это понравится.

Оружие было просто отвратительное. Оба его лезвия были изогнуты полумесяцем и остры как бритва — я специально попробовал.

— Оружие викингов, — сообщил Форстер. — Настоящее оружие берсеркеров. Не столь удобное, разумеется, как рапира, однако в опытных руках... Есть ведь особая школа фехтования на боевых топорах. В свое время викинг, вооруженный таким топором, не боялся выйти против любого меча. Берите щит, Най, — он входит в комплект снаряжения.

И опять я заколебался, дав Форстеру возможность первым выбрать себе щит из доброй дюжины развешанных по стене. Потом взял себе такой же — круглый, утыканный здоровенными бронзовыми заклепками, с петлей, чтобы крепить локоть, и ручкой для ладони. Он был на удивление легким; потом я понял, что он сделан из толстой кожи, натянутой на деревянный каркас, и усилен бронзовыми накладками.

— Ну что, попробуем? — спросил Форстер.

— Как вам будет угодно.

— Предупреждаю, у меня есть некоторый опыт обращения с этим оружием.

— Не имеет значения, — небрежно ответил я. И это было истинной правдой.

Форстер обернулся к своим приспешникам:

— В поединок не вмешиваться. Если я проиграю, это моя вина и моя беда. В таком случае вы знаете, что делать: ликвидировать всех троих и быстро убираться из Италии.

Затем он церемонно поклонился мне:

— Я весь к вашим услугам, мистер Най.

— Прекрасно, — сказал я. И улыбнулся. Это была еще одна попытка блефа с целью заставить Форстера думать, что он, возможно, и сам угодил в ловушку, выбрав не то оружие. Но пора блефов прошла. Форстер уже выставил вперед щит и поднял свой топор. Лицо его было совершенно бесстрастным. И мне предстояло драться, защищая всю ту жизнь, что у меня еще осталась.

Глава 24

Мы ходили кругами, выставив щиты и подняв топоры. Я старался сохранить позицию в центре зала, а Форстер двигался во круг, напряжив согнутые в коленях ноги. Тут до меня дошло — в первый раз за последнее время — что я в действительности никакой не агент Икс, владеющий всеми видами оружия и огромным боевым опытом, и вовсе не умелый стратег, не боец и не волшебник, имеющий в запасе тысячи фокусов, а просто Уильям П. Най, симпатичный, миролюбивый малый, который каким-то немыслимым образом ввязался в дуэль на боевых топорах с сильным и ловким противником, которого успел уже изрядно разозлить и который намерен во что бы то ни стало меня убить, что, по всей вероятности, ему и удастся.

Форстер сделал ложный выпад и быстро нанес мощный удар. Я отпрыгнул и хотел было тоже врезать ему как следует, но ничего не вышло — Форстер тут же вновь занял оборонительную позицию. От удара тяжелым топором, хотя и нанесенного вскользь, он даже не потерял равновесия и тут же снова подхватил свой выбитый из рук топор одним лишь ловким поворотом кисти. И снова пошел в атаку.

Я принял на щит подряд два удара, нанес Форстеру боковой удар, промахнулся и понял, что ударил чересчур сильно, а потому не успел отступить — топор Форстера уже падал на мою незащищенную руку.

Прыгнув вперед, я толкнул Форстера в грудь, он промахнулся, отскочил, молниеносно сделал обманное движение щитом и нанес еще удар. Он сбил меня с толку, но я все же успел парировать его выпад своим топором. Рука тут же онемела от страшного удара.

Я понял, что проигрываю схватку, чего, собственно, и следовало ожидать. Мне стало страшно. Агент Икс ни при каких обстоятельствах проиграть не мог.

Форстер опять наступал, делая обманные движения щитом и топором. Он улыбался. И где только этот ублюдок так научился владеть боевым топором?! Я нанес удар, он прикрывся, быстро

ответил выпадом, целясь мне в голову, а затем сделал еще один стремительный выпад, снизу вверх, стараясь проскочить под моим щитом. Я не успел вовремя парировать удар, и топор Форстера распорол мне левое бедро.

Боль отрезвила меня. Я заметил, что Кариновский и Гуэски сидят рядом на диване и с мрачным видом следят за боем. Три человека из команды Форстера стояли в дальнем конце зала, опустив пистолеты и наслаждаясь поединком. И мне вдруг нестерпимо захотелось выиграть! Пусть потом будет что угодно, но сейчас мне нужна была только победа.

Я нанес стремительный удар, заставив Форстера покачнуться. Я размахивал тяжеленным топором так, точно отмахивался от полчищ москитов; Форстер отступал; ему то и дело грозили удары — в голову, в живот, снова в голову... Однако он всегда успевал отбить мой удар топором или щитом. А потом и сам нанес мне удар, поднырнув под мою незащищенную правую руку, как боксер.

Парировать его выпад было поздно. Я бросился в сторону и ушел от удара, отделавшись длинной неглубокой раной поперек ребер. Мы разошлись и снова начали кружить, примериваясь к новому броску.

Пока что получалось у меня плоховато. Форстер же все время наносил мне небольшие раны. Достаточно плохо было уже то, что сам он отлично умел обращаться с боевым топором; но еще хуже — что он уже понял: мне это оружие совершенно незнакомо.

Форстер продолжал кружить возле меня, делая обманные движения, отступая и вновь делая выпады, прыгая то назад, то вперед. Я поворачивался вслед за ним, стараясь успеть; дышал я уже хрипло, с трудом; правая рука буквально отваливалась под тяжестью пяти или шести фунтов стали. Я чувствовал, как устала спина, а левое, раненое бедро начинало неметь и распухать.

Внезапно Форстер нанес рубящий удар, отколов кусок от моего щита, тут же высвободил топор и снова ударил — снизу вверх, чуть не отрубив мне левую руку. Я вывернулся и тоже ударил; может быть, я бы даже ранил его, если бы у меня хватило сил. Я, конечно, успел уже кое-что усвоить, но учился слишком медленно, да и проку от этого было немного. Мы еще раз обменялись ударами, и он успел ранить меня в бок.

Я по-прежнему желал победы, хоть и понимал, что мне ее не видать. Нет, я не сдамся! Этот Форстер надеется запросто порубить меня на куски, но агент Икс на такое поражение просто не имеет права. У агента Икс один девиз: «Победа!» А средства роли не играют. Годится все, любые приемы, честные и нечестные. Единственное условие — победить во что бы то ни стало.

Но была одна проблема: как достичь столь желанной цели?

Я пришел к выводу, что единственный для меня шанс — в самом Форстере. Ведь если бы он хотел просто убить меня, он бы давно уже это сделал. Но он почему-то стремился растянуть удовольствие. И мне следовало воспользоваться этой единственной возможностью.

Он снова ринулся на меня, и я отскочил, приняв наконец решение. Он нанес рубящий удар, словно взломщик, пытающийся выбить дверцу сейфа, и я снова отступил. А потом споткнулся и упал навзничь.

Я тут же попытался закрыться щитом, однако ноги остались незащищенными. Форстер легко мог искалечить меня, но не стал, а, засмеявшись, лишь потыкал меня в щиколотку кончиком топора.

— Вставайте же, мистер Най, прошу вас, — сказал он. — Мне так неинтересно. — И даже отошел на несколько шагов. Я так и думал, что он это сделает.

Я медленно поднялся на ноги, незаметно высвободив кисть правой руки из темляка топора. Отступив назад, я сделал ложный выпад, словно намереваясь ударить его в подбородок. Форстер машинально вскинул щит, открыв грудь и живот, и я, размахнувшись изо всех оставшихся у меня сил, метнул в него топор, отпустив его рукоять в самой крайней точке размаха.

Форстер все-таки успел догадаться о моем намерении и инстинктивно опустил щит. Его мастерскую защиту свела на нет лишь бездарность моего броска. Вовремя отпустив рукоять топора, я, к сожалению, зацепился большим пальцем за темляк, чуть изменив траекторию броска.

Форстер же, все сделав правильно, просто не учел мою неуклюжесть. И оказался совершенно неготов, когда брошенный мною топор рикошетом отскочил от пола футах в двух от него, подпрыгнул, точно атакующая кобра, и угодил прямо в него, пролетев как раз под щитом.

Он почувал опасность лишь в самый последний миг и быстро опустил щит. Послышался тяжелый лязг металла — это нижний край щита ударил по моему топору — и я понял, что окончательно проиграл.

Форстер по-прежнему улыбался. Вдруг его рука, державшая щит, упала, и я увидел, что топор вонзился ему в грудь по самый обух. Форстер все-таки не успел. Его щит ударил по рукояти моего топора, когда лезвие уже сидело в груди.

Все еще улыбаясь, он рухнул на пол. И тут же словно взорвался вулкан.

Глава 25

Все это время я был занят исключительно поединком с Форстером; мне и в голову не приходило, что Гуэски и Кариновский поджидают удобного момента, намереваясь что-то предпринять. А они, оказывается, были наготове. И как только мой топор вонзился Форстеру в грудь, перешли к решительным действиям.

Гуэски метнулся к увешанной оружием стене. А Кариновский — в противоположную сторону, к сервировочному столику возле камина. И они начали одновременно с двух сторон метать сабли, бутылки джина, булавы, банки с маслинами, ассегаи, шейкеры для коктейлей и все, что попадалось под руку, так что людям Форстера пришлось несладко.

Кариновский крикнул мне:

— Возьмите у него пистолет!

Я кинулся к упавшему Форстеру и обшарил его карманы. Охрана всю палила по нам, но тут я нашупал наконец здоровенный браунинг и тоже начал стрелять. Меня отчасти прикрывало тело Форстера, в которое то и дело впивались пули.

— Давайте скорей сюда! — крикнул Кариновский. Я увидел, что он, схватив тяжелый кофейный столик, метнул его через весь зал, а Гуэски в это время укрылся за диваном. Вскочив на ноги, я ласточкой перелетел через спинку дивана, грохнувшись всем телом об пол, но вне досягаемости для пуль противника.

Теперь мы все трое сгрудились за диваном. У нас был один пистолет на всех, в магазине которого из 13 патронов еще оставалось 9. Если бы люди Форстера бросились на нас все сразу, игра закончилась бы в одну минуту. Но они и сами прятались за тяжелой мебелью и, видимо, никак не могли решить, как им вести себя дальше. Было слышно, как они переговариваются. Похоже, они решили все же в атаку не ходить.

Ситуация сложилась тупиковая. Конечно, это была еще не победа, но и не поражение; во всяком случае, сидеть за диваном была куда лучше, чем погибнуть от удара топора или от дурацкой пули. Люди Форстера прятались за креслами и столами футах в двадцати. Широкое панорамное окно было как раз у них за спиной. А у нас сзади находился камин. Выйти из гостиной можно было лишь через дверь, находившуюся справа от нас. Но перед дверью пространство было совершенно открытым. Там проскочить не могли ни мы, ни люди Форстера.

— Что будем делать? — спросил Гуэски.

Ответ у меня был готов:

— Подождем.

— Может, в селении услышат выстрелы? — предположил Кариновский.

Гуэски пожал плечами:

— Возможно. Но сейчас ведь не сезон — во всех этих городках осталось максимум по одному полицейскому.

— Все лучше, чем ни одного, — мрачно заметил я. — Может, нас и вырчат.

— Рискуя собственной жизнью? — усомнился Гуэски. — Не стоит и рассчитывать. В лучшем случае полицейский может сообщить местным властям в Беллуно — это в 50 милях отсюда. Тогда, возможно, пришлют еще людей. Поездом.

Было слышно, как люди Форстера шепотом совещаются.

— Наши друзья на вилле Сантини тоже могут услышать стрельбу, — сказал я.

— Несомненно, — отвечал Кариновский. — В итоге они ее, конечно, услышат. Только вот как долго придется этого ждать?

Охранники Форстера перестали шептаться. Послышался скрип и грохот передвигаемого по полу тяжелого стола; я быстро выглянул из-за дивана.

— Они приближаются к нам под прикрытием мебели, — сообщил я.

Кариновский понимающе кивнул.

— Ага! — сказал он. — Старая военная уловка. С передвижными щитами воевали еще древние греки, если не их предшественники.

— А нам что предпринять?

— Очень просто: нам следует поливать нападающих с крепостной стены горящим маслом и расплавленным свинцом.

— Не годится, придумайте что-нибудь другое, — сказал я. — А вы, Гуэски, займите позицию на том конце дивана и будьте наготове.

«Передвижные щиты» были уже футах в десяти от нас. Выглянув из-за дивана, я выстрелил по ближайшему столу. С такого расстояния 9-миллиметровая пуля пробила его насквозь, и стол двигаться перестал. Противник сделал несколько выстрелов по дивану; я отпрянул назад и перебросил пистолет Гуэски.

— Только один выстрел, — прошептал я.

Он высунулся и выстрелил. Второй «щит» тоже остановился. Я взял у Гуэски пистолет, и вдруг мне в голову пришла блестящая идея.

— Стреляйте еще, Гуэски, — крикнул я, не возвращая пистолет ему. — Стреляйте же, стреляйте! — И, вскочив на ноги, я увидел их всех сразу. Они лежали плашмя за своими столами. Я вы-

стрелил три раза подряд, услышав, как кто-то завопил от боли, потом снова спрятался за диван.

«Передвижные щиты» замерли на месте. Люди Форстера опять принялись совещаться шепотом. Кариновский тихо сказал:

— Теперь они пойдут в атаку.

— Вряд ли, — откликнулся Гуэски. — Слишком опасно.

— А что им еще остается? — продолжал размышлять вслух Кариновский. — Если все это будет продолжаться достаточно долго, они рискуют попасть в руки полиции. Сознавая это, они все-таки вынуждены будут наступать.

— Думаю, вы правы, — поддержал я Кариновского. — А потому нам следует напасть первыми.

Я передал Кариновскому пистолет, сказал Гуэски:

— Пошли, — и пополз назад, по направлению к камину. Гуэски последовал за мной. На лице его легко читалось сомнение. Я снял пиджак, обернул им руку и дождался, пока Гуэски проделает то же самое. Потом мы дружно принялись вытаскивать горящие головни из камина, обжигая руки и страшно ругаясь. Кариновский время от времени обменивался выстрелами с людьми Форстера, по-прежнему прятавшимися за столами.

Скоро перед нами оказалась уже добрая дюжина горящих головней.

— Отлично, — сказал я. — Теперь попробуем поджечь гардины. — И мы стали метать в них свои зажигательные снаряды. Кариновский был начеку.

Гардины начинали дымиться. Люди Форстера поспешно двинули свои «щиты» назад. Потом сорвали гардины с окон и принялись их затаптывать.

Именно этого я и ждал. Схватив горящее полено, я стремительно вскочил — так воины с дротиками выскакивают из засады — и метнул горящее полено в панорамное окно. Стекло разлетелось вдребезги, и в гостиную ворвался холодный ветер с гор. Огонь, будто почувствовав прилив сил, принялся за ковер на полу, который начал шипеть и потрескивать, а гардины охватило уже яркое пламя.

Мы продолжали швырять поленья, а Кариновский успешно подстрелил еще одного охранника, чем сильно отвлек внимание остальных. Покрытая лаком мебель тоже начинала гореть; огонь явно выходил из-под контроля. Люди Форстера оказались в весьма плачевном положении: под нашими выстрелами пожар им было не потушить, а стрелять самим, будучи окруженными пламенем, было как-то неразумно.

Двое из них бросились к двери. Кариновский ранил первого и уложил второго. Последний оставшийся в живых попытался

выскочить в окно. Однако бедняга недостаточно высоко подпрыгнул. Завопив от боли, он застрял в центральной части окна, напоровшись на кучу острых осколков. Волосы его уже начинали дымиться. Кариновский прикончил его последней пулей.

Пора было и нам выбираться из горящего дома. По правде сказать, мы и так слишком задержались. Кариновский едва стоял на ногах. На полпути к двери он рухнул на пол. Я попытался его поднять, но сил уже не было и у меня. Левая рука почему-то совсем не повиновалась, и лишь теперь я обнаружил, что в ходе боя мне кто-то прострелил кисть.

Гуэски вскинул Кариновского на плечо, и мы стали продвигаться к двери, ничего не различая в дыму. В итоге мы наткнулись на стену и пошли дальше ощупью. У меня даже возникла абсурдная уверенность, что сейчас мы ввалимся в какую-нибудь кладовку. Я все убеждал Гуэски, что надо проверить, правильно ли мы идем. Мы почему-то все шли и шли; ощущение было такое, будто мы бродим кругами.

Потом моя левая нога окончательно отказала, и я упал, зная, что мне никогда больше не подняться. Гуэски остановился, и я заорал, чтобы не останавливался, а продолжал идти. Но он почему-то не двинулся с места, а опустил на колени и уложил Кариновского со мною рядом.

Странно: огонь оказался очень холодным. И почему-то мокрым!

Я немного поразмышлял на сей предмет и открыл глаза. Оглядевшись, я увидел, что лежу на мокрой траве, а охотничий домик весело пылает футах в пятидесяти от нас. Мне хотелось спросить Гуэски, как нам удалось выбраться наружу и жив ли Кариновский, но сил у меня совсем не осталось.

Через некоторое время мне показалось, что нас окружила толпа местных крестьян, среди которых был и один полицейский, крайне смущенный, а также — несколько американцев. Я узнал среди них своего старого приятеля Джорджа. И своего нового приятеля — полковника Бейкера.

— Най, — почему-то все спрашивал полковник, — с вами все в порядке? Мы, честное слово, спешили изо всех сил! Получив записку Гуэски, мы подумали...

— Меня не интересует, что вы подумали, полковник, — внятно произнес я, перебивая его. — Меня интересуют ваши конкретные действия, и я нахожу их абсолютно неэффективными, а ваше поведение — достойным всяческого сожаления.

Приятно было видеть, что Бейкер смутился. У меня имелось наготове еще несколько изысканных оценок его деятельности, однако высказать их я уже не успел: в этот самый миг меня покинули последние силы.

Глава 26

Придя в себя, я обнаружил, что лежу в удобной постели, а за окном просторной и светлой комнаты виднеются Альпы. Веселая и довольно моложавая медсестра сообщила мне, что это Карнийские Альпы, а я нахожусь в Австрии, в городке Котшах. Тело мое по большей части было обмотано бинтами.

Потом сестра вышла, и появился полковник Бейкер, который рассказал мне обо всех последних событиях.

Пока крестьяне возились с пожаром, он со своими людьми успел сунуть нас троих в машину и, мчась на бешеной скорости, переправил через границу. Надо сказать, вовремя: итальянские власти и пресса уже подняли весьма неприятную шумиху. Ответы на свои вопросы они, конечно, получили бы; необязательно правдивые, но вполне приемлемые.

Рана Кариновского, инфицированная за время наших с ним походов, сильно воспалилась, и по крайней мере с неделю он должен был провести в больнице.

Гуэски пребывал в состоянии нервного срыва. Но все считали, что после нескольких недель, проведенных на Ривьере, он полностью излечится от стресса.

Оба представили Бейкеру полный отчет о своей деятельности. А также и о моей. Тут полковник нервно прокашлялся.

— Говоря откровенно, если бы не показания этих двух свидетелей, я никогда бы не поверил в ваши подвиги. Нет, я вовсе не хочу вас оскорбить, Най, но в это действительно почти невозможно поверить! Все эти штуки — акваланги, глиссеры, самолеты, да еще и дуэль на боевых топорах — разве можно такое ожидать от обычного агента?

— От обычного — нет. Но ведь речь идет об агенте Икс, — напомнил я ему.

— Вот именно! — Полковник нахмурился, вытянул губы дудкой, потер щеку указательным пальцем, помолчал и, наконец, собрался с силами:

— Об этом-то я и хотел с вами потолковать. Ведь на самом деле агент Икс — чистая выдумка, одно из наших изобретений. Но теперь я понимаю, что очень плохо вас знал. Я, например, не знаю даже, чем вы занимались все эти годы после окончания колледжа и до встречи с Джорджем в Париже.

Он вопросительно и с надеждой поглядел на меня. Я улыбнулся и ничего не ответил.

— Видимо, у вас нет желания рассказывать мне об этом? — спросил он.

— Я предпочел бы не обсуждать свое прошлое, — туманно заявил я. — И мне неприятно, что меня до сих пор считают вашим

«изобретением». Меня больше привлекает версия о том, что вы меня открыли.

— Ну разумеется! — воскликнул Бейкер. — Я предвидел, что вы скажете что-нибудь в этом роде.

Он в растерянности забарабанил пальцами по краю моей кровати. Мне даже стало его немного жаль. Слишком долго этот далеко не самый умный паучок просидел в своем уютном гнездышке, плетя паутину и лелея вздорные замыслы о том, как заманить в нее ничего не подозревавших и неосторожных бедолаг. И вот теперь этот провинциальный фокусник стал жертвой собственного трюка. Ложь бумерангом вернулась к тому, кто ее создал.

— Больше всего меня беспокоит, — продолжал полковник, — вероятность того, что на самом деле вы никогда и не были тем, чем казались! Что вы были, да и сейчас являетесь, тайным агентом с огромным опытом и вас кто-то весьма хитроумным способом внедрил в нашу организацию. Кто-то из конкурирующего разведывательного учреждения.

— Зачем бы им это делать? — спросил я.

— Чтобы шпионить за нами, разумеется, — упавшим голосом сказал Бейкер. — Некоторые американские правительственные учреждения никак не желают мириться с нашей самостоятельностью.

— По-моему, это чересчур притянуто за уши, сэр.

— Возможно, — согласился Бейкер. — Но в таких делах все всегда выглядит притянутым за уши. А не могли бы вы помочь нам разобраться в сложившейся ситуации?

— Мне нечего скрывать, — заявил я. — И именно по этой причине нечего вам сказать.

— Ну, хорошо, — кивнул полковник. — Видимо, с этим мне придется смириться. Неопределенность — суть нашей службы. Итак, сообщаю вам: операция прошла чрезвычайно успешно. Вы проявили себя просто великолепно, Най! Поздравляю! Впрочем, восхищение вами, безусловно, примет и более... э-э-э... осязаемые формы.

— Вы очень любезны, сэр.

— Это первое. А теперь, по-моему, самое время обсудить ваше будущее, — сказал Бейкер.

— Мое будущее?

— Конечно. В мои обязанности вовсе не входит выяснение принципа работы тех инструментов, что имеются в моем распоряжении; моя задача — использовать их с максимальной эффективностью. И мне бы очень хотелось продолжать использовать вас, Най. Короче: я хотел бы, чтобы вы перешли к нам, так сказать, на полную ставку. Для оперативной работы, разумеется.

Я не спешил с ответом. Я подумал о Мэйвис, которая ждала

меня в Париже. О том, что неплохо было бы возобновить прежнюю беспечную жизнь... Игра в приключения закончилась, что бы ни думал по этому поводу полковник Бейкер. Игра, которую вел агент Икс и в которую невозможно сыграть еще раз. Настало время этому агенту потихоньку сойти со сцены, а Уильяму П.Наю вновь обрести свое настоящее лицо.

И все же это в высшей степени разумное решение представлялось мне не совсем удовлетворительным. Подобно большинству своих соотечественников, я был человеком робким, доброжелательным, в значительной мере провинциальным и склонным к идеализму. Но при этом я вполне разделял нашу национальную любовь к экзотическим видам опасных приключений. Незнакомые земли и таинственные женщины всегда манили меня. Я такой же, как все, и обычно веду себя как подобает, однако, шествуя по привычным городским улицам, я слышу, как океанские валы разбиваются о коралловые рифы, или мне чудится, что я пробираюсь по заросшим тропическим лесом улицам мертвого города, затерянного где-то в джунглях Амазонии.

Мы всегда склонны скрывать истинные мотивы своих поступков за срочностью, необходимостью и прочим, желая сохранить избранный имидж; не уронить собственного достоинства. В свое время я сделал выбор: решил подзаработать у Бейкера. Деньги, полученные у него, служили мне оправданием перед миром повседневности. Принимая их, я мог убедить себя, что делаю абсурдные вещи, но по вполне разумным причинам. С этим жить было легче, чем с детскими мечтами о затопленном мною родном городишке.

Но теперь игра была окончена. И действительность, какой бы отвратительной она ни была, оказалась все же лучше иллюзий. Моя заключительная речь была весьма краткой.

— Извините, полковник, — сказал я, — но это абсолютно невозможно.

— Подумайте немного, — сказал он. — Не рубите сплеча. У вас еще есть время — пока будете поправляться и набираться сил. Ну а вопрос об оплате решить будет совсем просто.

Я грустно улыбнулся и покачал головой.

— Это в высшей степени любезно с вашей стороны, — сказал я. — Но у вас же есть и другие агенты...

— Но ни одного, столь же подходящего для данной конкретной операции! Видите ли, Целебес, по сути дела, никогда не входил в сферу наших операций, хотя раньше у нас был свой человек на Малых Зондских островах...

— Хм-м-м-м, — я задумчиво нахмурился, стараясь припомнить, где расположены Малые Зондские острова.

— Но он погиб, — продолжал полковник Бейкер. — А наш

оперативник с Суматры бесследно исчез в городе Самаринда — это на востоке Борнео. Он, правда, успел переслать нам сообщение с одним нашим человеком — хозяином гонконгской джонки, доставившим его к нам на метеорологическую станцию в архипелаге Сулу.

— Так, так, понятно. — Я ничего не соображал, чувствуя, что во мне растет желание уступить искушению. Я никогда не был на Востоке. Мое знакомство с его тайнами ограничивалось несколькими вечерами в запутанных лабиринтах китайского квартала Нью-Йорка. И, конечно же, я видел множество фильмов и прочитал немало книг...

Однако я сумел взять себя в руки, хотя мне и потребовалось весьма значительное усилие воли.

— Вы чересчур спешите, сэр, — молвил я. — Объясните сперва, почему вам понадобился именно я?

— У нас просто нет другого агента, который свободно владел бы тагальским, а также знал бы южнокитайский диалект, — пояснил полковник.

Я обалдело уставился на него. Кто, черт возьми, понапихал подобной информации в мое досье? И куда теперь меня заведет вся эта ложь? А кстати, можно ли быть абсолютно уверенным, что это действительно ложь? А вдруг я действительно агент Икс, внезапно пораженный легкой формой амнезии? Такое заключение отнюдь не казалось мне более притянутым за уши, чем то, что на самом деле я был Уильямом П.Наем.

— Немаловажно и то, что вы умеете плавать на прау, — продолжал полковник.

Я машинально кивнул. И с еще большей твердостью заявил:

— Нет! Это не ко мне! И разговор окончен!

— А все же подумайте, — спокойно повторил полковник Бейкер и удалился, вполне довольный тем моральным ущербом, который мне причинил.

Я откинулся на подушку и велел себе сохранять спокойствие. Но уже понимал, что чары Востока непреодолимо влекут меня и я уже начинаю мечтать о неглубоких, прогретых солнцем морях, о погрязших в лени и неге городах, о деревушках, где духовная вялость периодически сменяется необъяснимыми припадками страсти. Я уже вдыхал пропитанный экзотическими специями воздух, чувствовал острые запахи керосина и древесного угля, гнили и разложения — мрачные ароматы джунглей, способные свести человека с ума, подчинить себе его мысли и тело...

В конце концов, с какой стати я должен жить в реальном мире? Не лучше ли существовать в мире иллюзий?

**ДЕТЕКТИВНОЕ
АГЕНТСТВО
«АЛЬТЕРНАТИВА»**

Часть I

1. ФРЭНКИ ФОЛКОН

Раздался стук в дверь. Меня он не взволновал. Кто-то по ошибке принял мой офис за черный ход в кабинет зубного врача, расположенный в этом же холле.

— Войдите, — крикнул я.

Появился коренастый крепкий парень в гавайской рубашке, твидовой спортивной куртке и в «левисах» с широким кожаным ремнем. На медной пряжке размером с десертную тарелку значилось: «Пожарная команда Ремингтона». У него были темные волосы, карие глаза и сильно загорелая кожа.

— Это детективное агентство «Альтернатива»? — спросил он, будто не совсем доверяя потрескавшимся золотым буквам на двери.

Признаю, что обстановка и вправду могла вызвать сомнение. Посредственная маленькая контора в ряду других посредственных контор, занимавших изрядно обшарпанное двухэтажное здание. Книжный шкаф с энциклопедией «Британника» за 1976 год. Пятый том, Кастер — Коул, отсутствует. Дубовый стол, испещренный шрамами. Позади него окно с видом на разворошенные витрины Стейт-стрит. Никакого ковра. Только вековые серые пятна на когда-то лакированном полу. Такие полы бывали в домах, наверно, лет сто назад, когда Снафс-Лендинг еще считался процветающим портом на реке Гудзон. На стене несколько плохих подражаний голландским мастерам. Их повесила Милар во время своего недолгого увлечения мной и агентством. Тогда она планировала помогать мне и даже сама собиралась стать детективом. Тогда у нас еще были мечты. Потом на сцене появился Шелдон.

— Знаю, не очень похоже, — сказал я парню. — Вам повезло. Вы попали к нам накануне большого расширения, а пока мы еще работаем по старым стандартам.

Это не произвело на него никакого впечатления. И даже не показалось забавным. Он прислонился к спинке кресла с потрескавшейся полировкой и облупившейся имитацией кожи.

— По-моему, офис знаменитого детектива Сэма Спейда выглядел похожим на этот. Но у него была секретарша, — немного спустя заметил он.

— Вы насмотрелись детективов по телевизору, — возразил я. — Так что именно, сэр, я могу для вас сделать?

— Похоже, вы меня не помните, мистер Дракониан, — начал он. — Я Фрэнки Фолкон, ваш племянник.

Значит, старший сын моей сестры Риты. Рита живет в Орего-не; естественно, я не слишком часто с ней встречаюсь. Должно быть, прошло лет шесть-семь с тех пор, как я видел Фрэнки. Это первый случай, когда Рита послала ко мне клиента, конечно, если парень клиент.

— Садись, Фрэнки. Как Рита?

— Прекрасно. Она прислала вам фотографию. — Он вытащил ее из рюкзака, который висел на плече.

На снимке был большой каркасный дом с длинной тенистой верандой. В одном углу веранды виднелся старый холодильник, в другом — диван-качалка. Из-за дома выглядывал обшарпанный грузовик, позади высокие деревья. На веранде справа налево стояли Рита, сам Фрэнки, ростом чуть ниже Риты, и рядом с ним девушка с нежным лицом и пушистыми короткими светлыми волосами. Они обнимали друг друга за талию.

— Это кто? — спросил я.

— Это Триш Джонсон, — ответил Фрэнки. — Мы поженились в прошлом году.

— А эти парни?

Два темноволосых усатых молодых человека — один высокий, худой, с серьезным взглядом, другой маленький, грудь колесом, на щеке шрам, наверно, оставленный ножом, — оказались Антонио и Карлосом Ордоньез, мексиканскими мастерами, которые работали у Фрэнки во время сезона виндсерфинга. За домом виднелись лес и горы. Позади на веранде на фоне обитой вагонкой стены выделялись два конических предмета, раскрашенных в яркие цвета, будто психоделические саркофаги.

— А это что? — спросил я.

— Две мои доски для виндсерфинга, — ответил Фрэнки. — То, чем я занимаюсь.

— Плаваешь на виндсерфере?

— Да. А еще я их проектирую и строю. «Фолкон Дубль Икс, серфборд для соревнований» — так они называются.

Этот толстощекий деревенский парень был дизайнером, строителем и предпринимателем. Я посмотрел на него с проснувшимся уважением.

— И в чем проблема? — спросил я, положив фотографию в ящик стола.

Фрэнки сел и стал рассказывать.

Окончив среднюю школу, он занимался самыми разными де-

лами. Заливал бензин в баки и приводил в порядок машины на бензозаправке местной компании. Водил грузовики фирмы Уэйрхаузера, пока она не прекратила операции на реке Гуд. Потом работал у Вергилия Сиббса, который делал лодки из фибerglassа для рыбаков. В один прекрасный день Вергилий обанкротился, упаковал вещи и смылся. Впрочем, люди подозревали, что с его бизнесом было не все гладко.

Фрэнки занялся работой по дереву и стеклопластику, потому что унаследовал от Сиббса кое-какое оборудование. Когда виндсерфинг начал приобретать популярность, он оказался на старте первым. Фрэнки любил это дело и хорошо разбирался в нем. Он начал строить доски с парусом. Триш помогала ему, изучая конструкцию виндсерфера и дизайн парусов. Выяснилось, что у Фрэнки есть интуиция, как эти маленькие корабли будут вести себя в различных морских условиях и при разном ветре. К полиуретану он относился как скульптор к камню. Очень скоро «Фолкон XX» стала известна как высококлассная доска. Никто не догадывался, что «XX» появилось в честь «Дос Экис», любимого пива Фрэнки.

Виндсерфинг в городе Колумбия Гордж, штат Орегон, стал самым модным занятием. Открывались школы плавания на доске под парусом. Пляжи заполнили спортсмены и любители. Сначала только по субботам и воскресеньям, а потом и все дни недели долгого лета. Виндсерфинг входил в жизнь, а Колумбия Гордж был лучшим в мире местом для этого дела. По правде говоря, здесь не удавалось добиться такого безукоризненного скольжения, как в Мои. Но почти каждый день в узком устье реки дул постоянный и надежный ветер со скоростью узлов двадцать-тридцать, а то и больше. На слишком стесненной берегами воде почти не возникало серьезных волнений. Потрясающее место для того, кто желает научиться справляться со скоростью и маневрировать на доске под парусом.

В строительстве виндсерферов началась жестокая конкуренция. Фрэнки считал, что совершил прорыв, когда испанская компания «Индустриас Марисол» заказала ему две доски, а потом еще две. Это приносило неплохие деньги и давало хорошую известность. До Колумбии Гордж стали доходить новости, что парни на «Фолкон XX» занимают первые и вторые места в соревнованиях на Женевском озере и в Пальма де Майорка.

И тут «Индустриас Марисол» попросила его сделать пять виндсерферов по специальному заказу, отдельно оговоренному. Они просили сделать доски срочно. И обещали оплатить, как только он выполнит заказ.

— Так я отправил «Индустриас Марисол» на остров Ибица в Испании пять виндсерферов для соревнований. Они получили весь ассортимент: короткую доску, скоростную, для слалома, для высокой волны и переходную. Все полностью оснащенные. Мачты, гики, блоки и тали, паруса, бортовые мешки. Они уже покупали раньше мои «Фолконы», так что я не ждал подвоха. Виндсерферы срочно требовались им для европейских соревнований, поэтому они предложили мне на треть больше, чем платили обычно. Я получил заказ вместе с условиями оплаты и отправил им доски. Агент «Индустриас Марисол» позвонил из Испании и сказал, что чек будет на почте на следующий день. Я получил извещение из корабельной компании, что доски прибыли и прошли таможенно. Прошло две недели. Никакого чека. Я позвонил в «Индустриас Марисол», там никто не ответил. Послал телеграмму. Ничего. Я не знаю, кто получил доски и забрал мои деньги. Цена этой партии больше десяти тысяч долларов.

— Как по-твоему, Фрэнки, что я могу для тебя сделать?

— Вернуть мне деньги. Мама сказала, что у вас там есть связи.

Я немного подумал. Теоретически случай Фрэнки и простой и сложный. Учítывая, что бумаги в порядке, он может обратиться с иском в испанский суд и потребовать свои деньги. Испанская юстиция бывает медлительной, но работает вполне прилично.

Хотя, может, и не стоит заходить так далеко. Может быть, достаточно найти человека, чтобы он поговорил с ребятами из «Марисол», и все станет на свои места. Никому не нравится вмешательство закона. Может, всего лишь нужен человек, который скажет им: «Отдайте парню его доски или вышлите деньги». Ведь люди в большинстве своем честные, просто рассеянные. И мне даже не придется заниматься этим самому. У меня есть Гарри Хэм, который за меня поработает на Ибице.

— Не могу дать никаких обещаний, — сказал я. — Но мы проводим на Ибице одну из наших операций. Я посмотрю, что могу для тебя сделать. Однако прежде чем я приступлю, мне нужен аванс.

— Сколько?

— Пара сотен будет хорошим началом.

— А если одна сотня, и пусть начало будет плохим?

Я согласился. Сто долларов едва ли покроют телефонные и телеграфные расходы. Но, черт возьми, мне нужен этот случай, чтобы поручить его Гарри. Если я оставлю Гарри без работы, то потеряю своего сыщика. И тогда весь мой план рассыплется.

Я записал суть информации, полученной от Фрэнки. Сегодня вечером он отправляется на съезд поклонников виндсерфинга в Филадельфию, а через два дня собирается вернуться в Орегон.

Я пообещал поддерживать с ним связь и просил передать привет Рите.

После ухода Фрэнки я долго и мучительно раздумывал. Неужели это долгожданный сигнал? Не пора ли мне бросить Америку с ее странностями и вернуться в МОЮ Европу сладостных воспоминаний? И это должна быть Ибица! Однако все же возврат казался невозможным. Дело Фрэнки не принесет больших денег. Их не хватит даже для полета в Испанию. Хватит тратить время на пустые фантазии. Это дело должно быть передано другому сыщику детективного агентства «Альтернатива».

Я вставил в машинку лист бумаги и напечатал письмо с инструкциями Гарри Хэму, моему человеку на Ибице. Но мысленно я был уверен, что он придет, мой день.

2. МАТЬ

Мама живет во Флориде. Ей нравится, что я частный детектив.

— Ну, кого ты на днях убил? — хихикает она, когда я, как обычно, раз в полгода приезжаю навестить ее в Центр для престарелых «Золотые Берега».

— Привет, Сэдди, познакомься с моим сыном, Хобартом, частным детективом, — представляет она меня своим друзьям.

Сэдди, тощая маленькая особа в бледно-желтом платье, испещренном пятнами, оглядывает меня с головы до ног.

— Привет, мама, ты же знаешь, что я не убиваю людей, — напоминаю я.

— Тогда из кого ты на днях вытряс мозги? — спрашивает она и задыхается от взрывов хохота. Моя мама, как любят здесь говорить, расторможенная, то есть не признает условностей. В чем-то подобном всегда упрекал ее отец. Когда я навещаю его в доме для престарелых «Стоянка южных ветров» в городе Кей-Ларго, тоже во Флориде, он каждый раз с надменным видом спрашивает о ней.

— Твоя мать, эта горлопанка, как она там? — говорит он.

— Подними трубку и узнай, — советую я ему. — Всего несколько сот миль отсюда, по дороге А1А прямо, никуда не сворачивая.

— Зачем ты мне говоришь, где она? Разве я не сам туда ее поместил?

— Ну и почему ты не хочешь позвонить ей?

— Послушай, бойчик, — ворчит он со своим фальшивым еврейским акцентом, — мне пришлось прожить с этой женщиной двадцать семь лет. Первые восемнадцать, или, наверно, больше, — чтобы вырастить тебя, а остальные — чтобы заботиться о ее воспаленных лодыжках. И наконец милостивый бог благословил меня идеей о доме для престарелых.

На самом деле все было вовсе не так. Это мама наконец решила оставить его, заявив, что двадцати семи лет ядовитого остроумия и постоянного «я-предвидел-все-неприятности» достаточно, большое спасибо, больше не надо. Особенно после того, как они так и не пришли к согласию, какой дом для престарелых выбрать. Маме нравились «Золотые Берега», потому что там у нее было несколько подруг. К примеру, миссис Салазарри, которая прежде управляла гастрономическим магазином в Эстерионе, штат Нью-Джерси, где мы тоже жили много лет. Миссис Салазарри решила уехать в дом для престарелых после того, как ее мужа, Пепа, случайно убили во время потасовки двух молодежных банд. И к тому же «Золотые Берега» расположены недалеко от Центра престарелых граждан Северного Майами, где вечером по средам бывают лотереи, соревнования по пинг-понгу, викторины и прочие танцы-шманцы.

— Мне позвонить ей? — кричит папа. — Ты, наверно, спятил! Только начни разговаривать с этой женщиной — и снова попадешь на крючок.

Папа говорит рыболовными терминами. Он выбрал Кей-Ларго потому — вы уже догадались, — что хотел ловить рыбу. Серебристую мелкую бонфиш, остроносую макаиру и желтохвостку. Отец — высокий худой старик с очень загорелым лицом и широкой ухмылкой. Каждые два дня шеки у него обрастают белой щетиной. Во все времена своей трудовой жизни портного и меховщика он брился каждый день. А теперь считает, что уже достаточно.

Симпатичные родители. Но они не очень-то помогли мне, когда я вернулся в Америку после почти двадцати лет жизни за рубежом. Однако это не их вина. Никто не смог бы помочь.

Очень трудно и обидно быть новичком в собственной стране. И чуть ли не из чувства самозащиты я основал «Корпорацию альтернативных услуг» (КАУ). Я создал ее после провала в Стамбуле, приехав в Америку в 1979 году и не зная, чем же заняться, снова оказавшись в этой стране.

Я один из тех, кто жил в Европе в шестидесятых и семидесятых. Там, помимо прочего, я занимался оптовой торговлей одеждой и всевозможными украшениями. Продавал свой товар в основном хиппи. И тут я решил использовать свои связи с организациями хиппи и отдельными людьми по всей Европе, для того чтобы начать снабжать их инструментами и орудиями для мастеров-ремесленников и фермеров. Своими потребителями я видел коммуны хиппи и группы «Новый век». Так я стал основателем и владельцем «Корпорации альтернативных услуг».

Если вы и вправду мечтали поставить на земле своей коммуны в Сьерра-Неваде безводный туалет, или вам нужна керосино-

вая лампа Аладдина для хижины на Ибице, где нет электричества, или сеялка с приспособлениями для культивации экологически чистого огорода в Экс-ан-Провансе, или набор пылевыбивалок для мебели, обитой домотканым вечным холстом, или даже маленький литейный цех для адептов примитивной жизни из Западного Уэльса, то я был именно тем человеком, к кому вам следует обратиться. Я выполнял все эти и еще множество других запросов, добавляя десять процентов к цене в прейскуранте производителя, вы к тому же оплачивали почтовые расходы. Но ведь я доставал для вас товар. Я звонил и тормозил производителей до тех пор, пока они не отрывали от стула свои задницы, не шли на склад, не находили нужный вам предмет и не грузили его на самолет. Некоторые вещи, вроде закрепителя красок, требовались особенно часто, и я держал небольшой их запас на складе позади станции Флайн А, это следующий за Снаффс-Лендингом город к западу от Нью-Йорка.

Многим из своих заказчиков я также служил чем-то вроде коммуникационной сети. Время от времени я звонил, чтобы найти кого-то, кому могут быть полезны мои услуги, но он не знает об их существовании. Сообщество людей, рассыпанное по всей земле, не обращается сразу в полицию. Не ходит оно и к частным детективам. А я был одной из аватар¹ новой породы.

Так я и жил, управляя своей сетью из Снаффс-Лендинга, штат Нью-Джерси. Неплохая жизнь, скажу вам. Но вы подумали, откуда доходы, которые поддерживали мое существование? Дело в том, что я оказался в Снаффс-Лендинге потому, что мне в наследство от дяди Марва достался дом на улице Вязов. Я переехал туда с моей самой последней женой, Милар. Теперь я жду, пока Милар завершит последние акты медленного, чуть ли не величественного распада нашего брака и куда-нибудь уедет. Может, назад в Луизиану. Заберет свои чемоданы книг с философией Веданты, которых она никогда не читала. Заберет свои клипы, оставшиеся после двух лет жизни в Париже, когда она была фотомоделью. Или когда наконец будет так добра, что переместит свои золотистые кудрявые волосы, нежную улыбку и многодневное угрюмое молчание куда-нибудь в другое место, чтобы я мог продать дом дяди Марва и уехать жить в другой город классом чуть выше.

Однако Милар не собиралась уезжать. Не собиралась даже после того, как Шелдон объявил о своей любви к ней. А я не рискнул покинуть дом из страха, что он будет каким-нибудь образом продан без моего участия. И, кроме того, я еще не надумал, куда ехать. Вернувшись из Европы, я очутился между раем и адом, в

¹ В индуистской мифологии воплощение божества в смертное существо.

состоянии оцепенения. Попав в Америку после почти двадцати лет жизни в Европе, я не понимал и не симпатизировал культуре, ошеломившей меня. Люди говорили о вещах, о которых я никогда не слышал. Я пропустил два десятилетия телевидения. Я чувствовал себя иностранцем, хотя по своей речи мог бы вполне сойти за местного жителя.

Тогда, конечно, я не понимал, в чем заключается основная беда. Если бы меня спросили, я бы, наверно, не сумел объяснить, почему я так ужасно несчастлив. Я был слишком подавлен даже для иронических жалоб на свою депрессию. Я опустился до того, что начал печальную игру, мысленно повторяя обрывки моральной философии студента-новичка и таким путем пытаюсь свернуть в сторону от пропасти, открывшейся у меня под ногами. И тут я обнаружил, что моя новая жизнь совершенно не имеет смысла.

Я мрачно жевал бодренький афоризм, мол, жизнь прекрасна везде. Я вбивал его себе в голову, шагая под чахлыми деревьями с закопченными птицами по низким, болотистым, вонючим берегам Нью-Джерси. Я закаливал себя, глядя в глаза правде: жизнь не очень хороша, но другой у тебя нет. И все это время, хотя я и не подозревал об этом, приближались перемены.

3. ЖЕНЩИНА ИЗ ДОМА МОРМОНОВ

И прямо на следующий день ко мне в Снаффс-Лендинг, штат Нью-Джерси, пришла особа, известная как Женщина из Дома Мормонов.

Снаффс-Лендинг — один из приходящих в упадок городов на реке Гудзон, выстроившихся в линию вдоль унылого побережья между Хобокеном и Форт-Ли.

Я сидел, как всегда, в своем пропыленном офисе на Сисэл-стрит и, помню, как раз добрался до страницы 666 в книге Мотли¹ «Взлет и падение Нидерландской республики». Это книга именно того сорта, какую читаешь, когда у тебя бизнес вроде моего — с длинными провалами между волнующими или вообще любыми делами. И вот тогда-то мой первый клиент в этом году, не считая Фрэнки, тихо постучал и вошел в дверь.

Это было очень кстати, так как шел уже июнь.

Высокая стройная девушка с выгоревшими на солнце светлыми волосами. Губы у нее чуть дрожали, и рот говорил о ранимости. Глаза темно-серые с необычными маленькими огоньками на радужной оболочке. Она пришла в строгом темном костюме,

¹ Джон Лотроп Мотли (1814—1877) — американский историк. (Здесь и далее прим. перев.)

не скрывавшем ее форм — счастливого сочетания пышности и стройности, которым фортуна награждает избранных женщин.

— Вы Хобарт Дракониан? — спросила она.

— Как и говорит вывеска на дверях, — согласился я. — А вы?

— Мужчины называют меня Женщина из Дома Мормонов, — ответила она. — Я приехала из Монтклэра, Нью-Джерси, где растут гранаты. — Она улыбнулась, и локон соблазнительно скользнул ей на один глаз. Это придало ее лицу выражение актрисы Вероники Лейк, против которого, как я обнаружил, очень трудно устоять.

— Необычное имя, — заметил я, оценивая ее прекрасные ноги, когда она села в кресло для клиентов лицом к столу.

— Это не настоящее мое имя, — пояснила она. — Так надо мной шутят. Потому что, когда я нервничаю, я что-то такое делаю. На самом деле я Ракель Старр с двумя «р». И первое, что я должна спросить, значит ли для вас что-нибудь слово «Ведро».

Ведро — необитаемый остров в стороне от побережья Ибицы, один из четырех Балеарских островов, которые лежат на западе Средиземного моря между Францией и Испанией. Ведро — то место, куда мы плавали смотреть закаты. Миллион лет назад. Когда я жил с Кейт на Ибице и мы занимались подобными вещами.

— Что вы знаете о Ведре? — спросил я.

— Я знаю, что одно лето вы и Алекс жили вместе недалеко отсюда в одном доме.

— Алекс? Вы имеете в виду Алекса Синклера?

Она кивнула.

Уже много лет назад я потерял след Алекса. Когда-то мы с ним были очень близки.

— В чем проблема? — спросил я.

— Алекс сказал, если с ним что-нибудь случится, мне надо найти вас.

— И что случилось?

— Он пропал.

Я кивнул. Следовало ожидать чего-то в этом роде. Поэтому они и приходят ко мне.

— Где его видели последний раз? — продолжал я допрос.

— В Париже.

— Что он там делал? — Я выпрямился в кресле.

— Играл в рок-группе. По-моему, на пятиструнном электро-банджо. Он уехал из Амстердама, чтобы присоединиться к своей группе.

— Минутку. — Я сбросил ноги со стола, нашел блокнот и шариковую ручку. — Как называлась его группа?

— «Проклятые монстры».

— Правильно, название в духе Алекса. Продолжайте.

— Я знаю, что он приехал в Париж. Он прислал мне телеграмму из аэропорта де Голля и обещал позвонить из отеля.

— По-видимому, не позвонил.

— Не позвонил. Больше я ничего о нем не слышала. Это было три недели назад.

— Я не хотел бы быть грубым, — сказал я, — но нет ли такой возможности, что он вас бросил?

— Не думаю, — возразила Ракель. — Он дал мне доверенность как своему адвокату снять деньги с его банковских счетов и продать кое-какую собственность. У меня на руках сейчас около восьмидесяти тысяч долларов, принадлежащих Алексу. Это, мой друг, не цыплячья печенка.

— Согласен, вероятно, он не пытался вас бросить, — успокоил я ее. — Есть у вас кто-нибудь, кому можно позвонить и спросить о нем? Общий друг?

— Алекс по-особенному относился к этому, — покачала она головой. — Если что-то случится, говорил он, я ни к кому не должна обращаться, кроме вас.

— Вы пришли, куда надо, — подтвердил я. — К нужному вам человеку, это я имею в виду. Определенно, ваш случай непосредственно относится к моей работе.

Казалось, я не убедил ее. Ракель смотрела на меня, и сомнение заволакивало ее большие серые глаза.

— Какое оружие вы носите? — спросила она.

— Я не ношу оружия. Я убежден, что у американского гражданина есть неотъемлемое право не носить оружия. Кстати, я член американской ассоциации, выступающей против огнестрельного оружия.

— Вы качок, да? — Она оценивающе изучала меня с ног до головы. — Карате или что-то в таком роде?

— Я обхожусь без насильственных действий, — пожал я плечами. — К тому же мой доктор настоятельно советовал избегать ударов по голове.

— Тогда что вы делаете в минуты опасности?

— Я доверяюсь моментальным интуитивным импульсам, которые подсказывают мне, как справиться с ситуацией.

— Вы имеете в виду, что плюете на нее?

— Плюю, — кивнул я. — Этот термин использовал Пол Симон, один из моих самых любимых философов. Да, именно это я и делаю.

— Ну и ну, — пробормотала Ракель. — Можете вы назвать хоть одну причину, по какой человек найдет именно вас, а не берет любое другое имя в справочнике.

Я пожал плечами и одарил ее полуулыбкой.

— Потому что, леди, я могу добить любое дело. — Это слова из «Гэд», одного из моих любимых фильмов. — Но есть еще несколько более веских причин. Безусловно, вы заметили, что я не ношу костюма. Частные детективы, которые носят костюмы, предъявляют счет по меньшей мере на двадцать пять процентов больше, чем детективы в джинсах.

— Но вы хотя бы сильный? — Она все еще сомневалась. — Может, знаете какие-нибудь особенные приемы? Или метко бросаєте нож?

Надо улыбаться. Она судит обо мне по внешнему виду, как и многие. В духовном плане я высокий, стройный, холодный супермен с длинными волосами, перетянутыми лентой, как у плотников. Но вы, наверно, еще не знаете, что в физическом отношении я ниже среднего роста с легкой склонностью к полноте.

— Я стараюсь избегать насилия, — втолковывал я ей. — Пожалуйста, Ракель, я именно тот человек, который может найти Алекса. Вы думаете, можно нанять парня с ежиком на голове, в костюме-тройке и послать его шататься по Баррио Чайна¹ в Барселоне? И он не схватит свои девять граммов свинца в первый же вечер? Или заставить его отираться среди сенегальских дилеров травы в Ле Алле? Или предложить ему с нюхачами на Млечном пути в Амстердаме?

— А вы знаете, как вести себя в этих местах?

— Леди, эти места мой дом родной, — заявил я.

— У меня не слишком-то денег, — сообщила она.

— Чтобы мне взяться за дело, много и не надо. Перелет, скудное содержание и сто долларов в день на булавки. При таком раскладе мне придется спать в молодежных общагах. Однако, черт возьми, это же ради Алекса.

— Ладно, — согласилась она. — Вы немного странный, но Алекс велел доверять вам. Мы, наверно, сможем позволить чуть выше класс, чем молодежные общежития.

— Мы?

— Я собираюсь с вами.

— Почему?

— Чтобы быть уверенной, что вы не убежите с моими деньгами. И чтобы найти Алекса. А еще потому, что я никогда не была в Европе.

Вот чертовщина. Она оказалась хитрой. А я как раз собираюсь назад в Европу.

¹ Китайский квартал.

4. ГАРРИ ХЭМ

Я послал информацию от Фрэнки Фолкона моему человеку на Ибице, Гарри Хэму. Гарри — бывший коп, который двадцать восемь лет прослужил в полиции Джерси. Это было еще при жизни Мадж. Теперь Гарри ушел в отставку и поселился на острове Ибица. Он владел небольшим домом, или, как тут говорят, фазендой, выращивал две разновидности миндальных деревьев и умел общаться со своими соседями на местном диалекте.

Хотя как отставной полицейский он и получал небольшую пенсию, Гарри не возражал время от времени брать работу. Люди знали к нему дорогу. Конечно, не официально. Испанская полиция не дает иностранным детективам лицензию на проведение операций на своей территории.

Однако на Ибице зачастую случаются дела, в которые полиция не может или не хочет вмешиваться: разборки между соперничающими бандами наркоторговцев; кража одним вором картины эпохи Ренессанса ценой в сотню тысяч долларов, принадлежащей другому ворю и не зарегистрированной испанскими властями; возврат выкупа в миллион долларов, заплаченного за попытку спасения, которая провалилась.

Гарри ничего об этом не знал, пока я не объяснил ему все в Пенья-ин-Ибица в тот день, когда реально начало существовать детективное агентство «Альтернатива».

Гарри ушел в отставку в прошлом году и поселился на Ибице. Первый раз он приезжал на остров, чтобы помочь сыну, которого упрятали в тюрьму во время бесславного бунта хиппи в 1969 году. Гарри приехал и взял его на поруки под залог. Это заняло немного больше времени, чем обычно, потому что Гарри не знал, кому и как дать взятку. Дело в том, что в Испании даже взятка должна быть соответствующей весомости и предложена в установленной форме. За то время, пока Гарри осваивал правила игры и выручал сына, в нем затеплилась любовь к острову. К хребту поросших соснами гор, к морю, где нет приливов и отливов, к людям. Такова уж магия Ибицы.

С тех пор Гарри возвращался на Ибицу каждый год. Сначала он приезжал летом во время бешеного сезона. Но это было не в его вкусе. Ему надоели придурковатые любители жаркой погоды. Он стал брать отпуск зимой: в это время Ибица предстает в своем лучшем виде. Он приметил маленький дом, фазенду. И когда Мадж умерла, а двойняшки переехали в Кливленд, Гарри ушел на пенсию и поселился на Ибице.

Там я его и встретил. Это было незадолго до того, как Кейт и я расстались. Мы с Гарри обычно встречались в баре Маноло в Фигуэратах, чтобы пропустить маленький сверкающий бокал бренди, такого дешевого, что с трудом можно было удержаться, чтобы

не стать алкоголиком. Когда Гарри услышал, что я открываю детективное агентство, он решил, что я рехнулся.

— Ты? — спросил он. — Детективное агентство?

— Я, — подтвердил я, потирая не слишком убедительный бичепс на левом предплечье.

— Но ты же в этом ни черта не понимаешь! — воскликнул Гарри.

— Послушай, что я тебе скажу, — начал я. — По-моему, специальным знаниям вообще придают излишнее значение. Несколько лет назад я читал о парне, который пришел в больницу и заявил, что он хирург по мозгам. Он делал потрясающие операции, брался за безнадежные случаи. Потом, когда его начальству стало известно, что, вообще-то, он ветеринар, он просто ушел и нашел другую больницу. И, кстати, прекрасно работает там до сих пор.

— Что за белиберда, какое это имеет отношение к нашему разговору? — удивился Гарри.

— Совершенно очевидно, чем должен заниматься частный детектив. Это даже легче, чем операции на мозге. Есть книги. И есть книги, которые исправляют ошибки, допущенные в первых книгах. Так в чем же проблема?

— К примеру, получить лицензию.

— Я не собираюсь официально объявлять себя частным детективом. Я хочу открыть исследовательское учреждение, — объяснил я. — Это то, чем на самом деле занимается детектив. Он исследует людей или ситуации, для того чтобы раскрыть обстоятельства и вытащить на свет некоторые детали. Чтобы быть частным исследователем, не нужно никакой лицензии.

— Тогда как люди узнают, что ты вообще-то частный детектив?

— Из уст в уста, — пояснил я.

— Это чепуха на постном масле, — заявил Гарри.

— Если тебе кажется это странным, послушай, что я скажу. Я хочу, чтобы ты вошел со мной в дело.

— Я? Вали отсюда! — проворчал Гарри. Но я заметил, что он доволен. Нет ничего равного паре месяцев пенсионной жизни на веселом острове среди веселых бездельников, окружающих вас со всех сторон, что вызывало бы такое желание заняться хоть чем-нибудь, лишь бы дело не обещало веселья. И это особенно справедливо, если вы невысокий квадратный лысый парень с тяжелой челюстью, как Гарри, которого никто и никогда не примет за веселого лодыря. Хотя, конечно, по-своему он был похож на всех нас.

Мы пошли ко мне, в мою квартиру в Пенья. Гарри вошел, снял шляпу, бросил ее на плетеный стул и развалился на кушетке. Увален в полосатых шортах из хлопчатобумажной ткани. Он прикуривал сигарету и разглядывал меня с головы до ног, будто прицениваясь.

— Ты серьезно думаешь этим заняться?

— Гарри, посмотри на дело с такой стороны, — начал я. — Людям нужно детективное агентство. Не обычное, которое обслуживает богатых или, во всяком случае, обеспеченный средний класс. Нет. А как быть бедным, к примеру хиппи? Разве у них нет никаких прав? Как быть американским изгнанникам, которые живут за границей и фактически не защищены местными законами? Ведь, если что-то случится, у них нет никого, к кому они могли бы пойти.

— А что плохого в полицейских? — спросил Гарри. — Разве нельзя обратиться к ним?

— В полицейских нет ничего плохого, — успокоил его я. — Но ты не хуже меня знаешь, если к вам в участок в Джерси приходил парень и говорил на ломаном английском, много ли внимания вы ему уделяли? Ради бога, он ведь даже не избиратель.

— По-моему, тут ты прав, — согласился Гарри.

— Эта штукавина может сработать, — продолжал я.

— Ладно, предположим, она сработает, — буркнул Гарри. — Только я знаю все о детективах, преступниках и полицейских. Зачем ты мне нужен? Почему бы мне самому не начать дело?

— Это просто, Гарри, — улыбнулся я. — Если ты сделаешь так, ты будешь одиноким. Что значат для тебя деньги? Ты в отставке, тебе всего лишь надо занять руки каким-то делом. Позволь мне быть твоим напарником. Твоим управляющим. Твоим боссом. Попробуй, тебе понравится.

— Знаешь, Хоб, — усмехнулся Гарри, — ты похож на этих парней, хиппи, с которыми якшался мой сын, когда жил здесь.

— А что твой сын делает сейчас? Все еще ходит с длинными волосами?

— Нет, Скотт управляет массажным салоном в Вихаукене.

— Во всяком случае, он не хиппи, — заметил я.

Гарри нетерпеливо замотал головой. Он уже достаточно поговорил о сыне.

— Ну, — вернулся он к нашей теме, — это дурь, однако я подумаю.

Так я получил своего человека на Ибике. Это было почти так же хорошо, как жить там самому. Почти, но не совсем.

5. ИБИЦА

Если вы подтянете район развлечений Нью-Йорка Кони-Айленд к пляжам Биг-Сэр в Калифорнии и отдадите все под правление Мексики, получится Ибика.

Ибика и соседний остров Форментера лежат к югу от Майорки и Минорки, приблизительно на линии, соединяющей Валенсию с Марселем.

У острова давняя репутация международного курорта, где собираются богатые прожигатели жизни. В шестидесятые и семидесятые он стал одним из мировых центров альтернативной культуры. Многие люди приезжали на Ибицу, чтобы жить мечтой. Большинство из них и их дети все еще живут здесь, хотя бы мысленно. Я один из таких.

Есть много причин, придающих Ибице особое очарование. Тесное переплетение различных слоев общества. Постоянные приезды и отъезды несчитанных тысяч людей, которые превратили остров в свой временный дом. Здесь чувствуется благоденствие. Отчасти потому, что Ибица одно из лучших в мире мест, куда можно привезти нечестно добытые деньги и устроить себе приятную жизнь. Для определенного типа людей иметь приличный доход и жить на Ибице — это два синонима рая.

Люди приезжают и уезжают. Прилетают и улетают. Добираются на автобусах, на такси, на взятых напрокат машинах и разбредаются по острову. Некоторых ждут машины с шофером. Каждый день из Барселоны и Пальма де Майорка приходят корабли с новыми туристами и их машинами, «Ягуарами» и «Порше», которые быстро изнашиваются на каменистых дорогах Ибицы.

Остров имеет примерно тридцать пять миль в длину и восемь или чуть больше в ширину. Испанского населения, живущего здесь круглый год, тысяч пятьдесят. Летом приливы и отливы туристов превышают миллион.

Ибица также один из важнейших перевалочных пунктов в международной героиново-кокаиновой паутине. Марихуану и гашиш не стоит даже и упоминать. Мы говорим лишь об основных наркотиках. Ибица удобное место для разгрузки товара, доставляемого морем из лабораторий на юге Франции, на Корсике, в Италии, и отправки его в Северную Европу или Северную Америку.

Некоторыми самыми красивыми в городе домами владеют торговцы наркотиками. Они — элита Старого города, узких, извилистых, узорно вымощенных камнями улочек Пеньи, сбегających вниз к берегу. На десять или около того кварталов набережной приходится сотня баров, ресторанов и бутиков, теснящихся друг к другу.

На Ибице процветает бизнес, связанный с модой. Здесь много денег. Если человек занят преступным бизнесом, то соперничество идет во всем. Преступление, наверно, самое волнующее занятие на острове. Преступники — единственные люди, которые постоянно и напряженно работают. И убивают.

Ибица прекрасное убежище для разного рода нелегальных и полупелегальных беглецов, начиная от бывших комендантов фашистских концентрационных лагерей и кончая мастерами высо-

кого полета, подделывающими предметы искусства. Здесь любят останавливаться люди с богатством, приобретенным в других частях света. Находятся деятели, которые приезжают вслед за ними для того, чтобы обирать первых. Это самостоятельный вид преступности, далекий от нарковойи.

Здесь много отдельных миров. Бывшие нацисты, содержанки, гомосексуалы, фермеры, выращивающие миндаль, полицейские, владельцы ресторанов, хиппи, бывшие и настоящие.

В Средиземном море много красивых островов. Что же делает Ибицу особенным? Стиль жизни. Какой стиль жизни? — спросите вы. Смесь традиционных привычек местных жителей и непринужденности хиппи. И покой. На Ибике не только есть, чему радоваться. Но и есть возможность учиться радоваться. Это очень важно для всех сортов людей, включая и гангстеров, которые хотят уйти на пенсию и заняться самосовершенствованием.

Однако Ибица совсем не такой остров, где полностью затерты местные жители. Они все еще владеют большей частью собственности на острове. Некоторые из них богаты. Это сплоченное общество, практичное, доброжелательное, страстное и вдобавок ко всему терпимое. Они единственный в истории замечательно великодушный народ. Они крестьяне. Но кто-нибудь слышал о крестьянах, которые интересуются чужаками, охотно разговаривают с ними, становятся их друзьями, женятся или выходят за них замуж, что-то бескорыстно делают для них? Пойдите в деревню где-нибудь в Оверни или в Марше — и вы увидите, как там вас примут. Или в испанскую деревню, или даже на Майорке, на соседнем острове. Крестьяне Ибицы не такие. Они прекрасно справляются с нашествием туристов.

И, тем не менее, Ибица остается Ибицей, а не аванпостом Англии или Канады.

Еще надо разобраться в различии жителей Ибицы и испанцев. Конечно, островитяне — тоже испанцы, но они не похожи на другие испанские народы. Фактически очень трудно выделить единый испанский тип, поскольку Испания чрезвычайно разнится по регионам. Ее можно разделить по меньшей мере на пять особых областей, вероятно, с множеством подобластей. Испанцы не однородная нация. Это группа племен с некоторыми общими чертами, которые живут бок о бок, но никогда не отрываются от «своих» и не смешиваются с «другими».

Жители Ибицы — часть народа Каталонии. Но первостепенна для них не преданность Каталонии. Они сначала патриоты собственного острова, а уж потом каталонцы. Ибица — отдельная и особая цивилизация. Одна из самых прекрасных, какие только знал мир.

Я мог бы догадаться, что для меня самое лучшее никогда снова не приезжать туда.

Часть II**6. КЕЙТ**

Я позвонил моей бывшей жене Кейт, чтобы рассказать ей новость. Ответила Соня, моя дочь. Ей четырнадцать, она хорошо учится. Она живет в Вудстоке, штат Нью-Йорк, и я не вижу Соню и ее младшего брата, Тодда, так часто, как надо бы. Все потому, что мне трудно встречаться с Кейт, хотя мы уже давно разошлись и я женился на Милар.

— Привет, малышка, — сказал я. — Как дела?

— У меня прекрасно, папа. Я опять получила «отлично» в табели успеваемости.

Мы поболтали несколько минут. И тогда я решил, что надо сообщить ей новость.

— Послушай, солнышко, кажется, я не смогу приехать через неделю на твою выпускную церемонию.

— Ох, папа! А что случилось на этот раз?

— Работа, птичка моя. Нам всем надо каждый день есть. Я уеду через день или через два.

— А когда ты вернешься?

— Возможно, недели через три или через месяц. Мне очень жаль.

— Я знаю, папа. Удачи тебе. Подожди минутку. Мама хочет поговорить с тобой.

И потом голос Кейт, немного встревоженный:

— Хоб? Что там насчет работы?

— Дела детективного агентства. Большого сказать не могу.

Но уйдет несколько недель.

— Тебе хоть что-нибудь заплатят?

— Есть договоренность о гонораре. Могут заплатить довольно хорошо.

— Было бы замечательно, если бы ты помог Соне с зубами. Я знаю, это не входит в соглашение, но у меня нет денег. Она хорошенькая девочка, Хоб, было бы стыдно не выпрямить ей зубы сейчас, когда это относительно легко.

— Конечно. Я помогу.

— Спасибо. Куда ты едешь?

— В Париж.

— Не на Ибицу?

— Нет. Если удастся.

— Но и в Париже тоже может быть опасно. Ты уверен, что тебе стоит заниматься этим делом?

— Все неприятности остались в прошлом, — сказал я, надеясь,

что это действительно так. — Я позвоню тебе, когда вернусь. Как поживает твой пьющий ирландский муж?

— У Кевина все прекрасно. Он просил спросить у тебя, почему ты больше не приезжаешь в Вудсток?

— Скажи, что я не могу вынести, когда вижу тебя рядом с другим мужчиной.

— Кевин будет очень доволен, когда это услышит. Он думал, что тебе все равно.

— Кэти, почему бы тебе не избавиться от этого парня и не вернуться ко мне?

— Ты так говоришь только из галантности. Во-первых, потому, что ты все еще с Милар.

— Это временно, — убеждал я ее. — Пока Шелдон не примет глобального решения и не заберет ее. Кейт, я тебе уже говорил, для меня существуешь только ты.

— Хобарт, когда ты будешь воспринимать жизнь серьезно? — Она засмеялась. — Ты же прекрасно знаешь, стоит мне только проявить легчайшее намерение вернуться к тебе, и ты убежишь, как вор, в ночь.

— Но ты можешь сделать что-то другое. Сказать тебе что? Почему бы нам с тобой не предпринять последнюю попытку. Я знаю в Майами маленький отель.

— Конечно, если мне можно привезти с собой Кевина.

— Я не знал, что он извращенец.

— Он не извращенец. Он просто любит поговорить. Наверно, ему много есть чего сказать на тему вроде этой.

— Кейт, по-моему, ты опять издеваешься надо мной.

— Дорогой мой, ты забыл, что я жила с тобой десять лет. Теперь мне уже полагается знать, когда не принимать тебя всерьез.

— А когда и вовсе не понимать меня.

— Этому я тоже научилась у тебя, — вздохнула Кейт. — Ты и вправду собираешься в Париж?

— Да.

— Хоб, будь осторожен. Постарайся никому ничего не доказывать. И ради собственного спасения попытайся держаться подальше от Ибицы.

— Я всего лишь хочу заработать на жизнь, — повторил я. — Ты помнишь, я выплачиваю тебе поддержку, несмотря на быстро растущее богатство твоего мужа, адвоката по темным делам.

— Прекрати, — скомандовала Кейт. — Деньги на детей не имеют никакого отношения к Кевину. И неважно, сколько он зарабатывает. Дети твои и мои.

— Я знаю. Просто шучу. Я позвоню тебе, когда вернусь.

— Хоб, — смягчилась она, — как у тебя дела с Милар?

- Так же, — ответил я.
- Шелдон все еще живет у тебя?
- Да.
- По правде, Хоб, это кошмар. Тебе не следует терпеть.
- Что я могу сделать? Они любят друг друга.
- Тогда они должны уехать из твоего дома и найти себе квартиру.

— Беда в том, что ни один из них не знает точно, чего хочет. Я не уверен, готова ли Милар вести домашнее хозяйство, живя с Шелдоном. А он не собирается подыскивать жилье, пока она не скажет, что готова.

— Бездна история, — вздохнула Кейт. — Ради бога, как ты ухитрился связаться с женщиной, у которой такое имя.

— В то время мне это показалось хорошей идеей.

Надеюсь, именно эти слова выгравированы на моем могильном камне.

7. ШЕЛДОН

Моя квартира на Стейт-стрит занимает половину дома, покрашенного в такой цвет, который трудно определить и который забываешь, едва от него отойдешь. Я вошел и с минуту постоял в темном узком коридоре.

— Милар? — позвал я.

— Ее здесь нет, — донесся голос из гостиной.

Это один из тех домов, где есть гостиные-залы и окно в эркере. Спальню наверху мы с Милар сдавали. Шелдон сидел в гостиной. Маленький сильный плотный мужчина южного типа с густой шапкой темных вьющихся волос. Тяжеловатые черты лица. Немного унылый рот. На лице застывшая улыбка. Не того типа человек, с которым я хотел бы иметь личные отношения. И, естественно, не я его выбирал.

— Куда она пошла? — спросил я.

— Она сказала, что сейчас вернется. — Было что-то подозрительное в том, как он это сообщил.

— Ладно, но куда она хотела пойти?

— В частности, никуда, — проговорил Шелдон и, сделав паузу, выпалил: — Она хотела дать нам немного времени побыть вдвоем.

— Ради бога, зачем нам нужно быть вдвоем? — Я вытаращил на него глаза.

— Чтобы попытаться прояснить дела, — объяснил Шелдон.

— Ох, нет, Шелдон, — чуть ли не взвыл я. — Не сейчас. Я устал. У меня появился клиент. Первая беседа отняла много сил.

— Богатый клиент? — спросил Шелдон, моментально просияв.

— Нет. Нормальный, загнанный в угол клиент, какие обычно у меня бывают.

Шелдон встал, прошелся взад-вперед по комнате, ударяя кулаком правой руки в ладонь левой. Уверен, он изображал отчаянную злость. Или, может, злобное отчаяние. В любом случае через минуту он повернулся ко мне и произнес:

— Проклятие, Хоб, так продолжаться не может.

— Точно такое же мнение и у меня. Значит ли это, что ты собираешься уйти? — Шелдон жил с нами благодаря стечению обстоятельств, слишком нелепых, чтобы установить их последовательность во времени. И к тому же не имеющих отношения к событиям моей истории. Но теперь вижу, раз уж я упомянул о них, то должен объяснить.

Я встретил Шелдона пять лет назад, когда международная финансовая служба устроила мне проверку. После обмена бумагами они прислали из офиса в Ньюарке Шелдона посмотреть мои отчеты. Я потратил несколько часов, роясь в мешках, полных бумаг, и потом вывалил все ему на колени. Некоторые отчеты были абсолютно неубедительными листочками с оборванными краями. Такими обрывками пользовались лавочники Ибицы в те дни, когда я жил там и собирал эти листки как документы. Он с раздражением посмотрел на меня.

— Мистер Драконян, — на том этапе у нас были чисто формальные отношения, — у вас нет лучших отчетов, чем эти?

— Я не большой специалист по обрывкам бумаги, — ответил я. — Поэтому стараюсь сохранить все. Я же знаю, Дядя Сэм хочет, чтобы я все хранил. Но они теряются, понимаете, приятель, что я имею в виду? Правда, вы можете спросить мою жену, Милар, наверно, у нее есть какие-то старые гроссбухи по расчетам наличными. По-моему, у нее сентиментальное отношение к таким вещам.

И тут очень своевременно вошла Милар. Пяти футов девяти дюймов, тонкая, с выступающей вперед грудью, со стройными ногами, лучистой улыбкой и голубыми фарфоровыми глазами. Шелдон увидел (как он потом мне рассказал) в этой леди невероятной красоты в обтягивающих, как кожа, джинсах, в расшитой блестками блузе, в сапожках из змеиной кожи, в ковбойской шляпе, с гроыхающими украшениями, с безумным макияжем и пурпурной прядью в волосах воплощение своей самой неисполнимой мальчишеской мечты. Это была любовь с первого взгляда, как он признался мне месяцы спустя после бесчисленных кружек пива у Макджинти на Грит-стрит, недалеко от Мэкэдэма.

Чтобы быть честным, скажу, внезапный интерес Шелдона к моей жене не вызвал у меня недовольства. Я давно раздумывал,

как бы отделаться от Милар. Не то чтобы в ней меня что-то не устраивало. Просто у нее крыша поехала в одну сторону, а у меня в другую, и мы так далеко отдрейфовали друг от друга, что только космическая взаимосвязь всего в мире давала нам нечто общее. И тут появляется симпатичный парень с высокими моральными принципами, с постоянной работой, который готов забрать ее и развязать мне руки. Тогда я могу отделаться и от других обязательств, продать дом и воплотить в жизнь мою недостижимую мечту, то есть вернуться в Европу и снова погрузиться в ее магию. Говорят, что нельзя дважды в точности повторить одно и то же. Еще говорят, что если однажды вы все получили и вам не понравилось, то снова не стоит и пытаться. Но имею я право мечтать или нет?

Однако возникла одна трудность. Я стал «делом» Шелдона, на которое он поставил свою репутацию и гордость. Его исключительно отточенное чувство этики могло бы удовлетвориться только одним — успешным завершением моего дела. А это значило для него собрать в пользу Дяди Сэма все монетки до единого динара, которые мне кое-как удалось раскидать вилами по предыдущим годам, еще менее удачным, чем этот. Только тогда он почувствовал бы моральное право и УВЕРЕННОСТЬ (убежден, он называет это именно так), что он может позволить себе без чувства вины забрать мою жену.

Ладно, все это вздор. Я неплохой парень и обязательно заплатил бы правительству сполна, только у меня нет денег. Вот и все. Я должен платить Кэти и детям. Я должен платить за аренду офиса. Я должен туда, я должен сюда. А на все никогда не хватает денег.

Но я помнил время, было это очень давно, когда я жил без денег и без заботы о них. Я жил на волшебном острове, где никто не голодал. И там никого нельзя было вышвырнуть вон, потому что это был ДОМ, самое потрясающее место, где каждый заботился о другом.

Конечно, это фантазия, или, вернее, иллюзия. Но что я могу поделать, если так вижу СВОЙ остров. Каждому человеку нужна мечта, даже если это химера.

У меня, конечно, еще сохранялись некоторые чувства к Милар, на которой я обнаружил себя все еще женатым после безуспешной попытки с помощью наркотика достичь Высшего Союза, объединяющего Кажущиеся Разности. Эти новые галлюциногенны иногда могут перенести тебя в самые удивительные места. К примеру, вдруг оказываешься в Лисвилле, штат Северная Каролина, стоишь перед мировым судьей и вопрошаешь, а есть ли у вас хоть какой-то собственный опыт в таких делах? Да? Но ведь вы, проснувшись, наверняка не обнаруживали, что женаты на жен-

щине, которая называет себя Милар и в волосах у нее покрашенная в пурпурный цвет прядь. К тому же она совершенно невозможно паясничает и смеется. Особенно невозможно для человека, чье любимое времяпрепровождение жалеть себя.

Это случилось шесть месяцев назад. Сейчас мы в симпатичной маленькой мышеловке собственного изобретения. Шелдон съехал с квартиры в Хобокене и, когда стало возможным, снял нашу спальню наверху. Совесть Шелдона немного тяготило, что он и Милар так долго живут врозь. Но спать вместе они тоже не могут. Во всяком случае, с точки зрения Шелдона. Иначе приятная душещипательная трагедия превратилась бы в бытовой фарс. Нет смысла рваться на роли идиотов в обзорах, которые с благодарностью публикуют газеты, не дав героям даже хлеба с фрикаделькой. Поэтому Шелдон и Милар живут без секса в состоянии распаленного желания. Такое часто замечаешь при обстоятельствах, принуждающих к целомудрию, пока наконец сами стены не начинают дымиться от сдерживаемой и подавляемой страсти. Поэтому я много времени проводил у себя в офисе или в кино. Но, несмотря на мои самые лучшие намерения, я все равно оставался не ПОЛНОСТЬЮ исключенным наблюдателем.

— Теперь послушай меня, — начал Шелдон. — Ты должен наконец решить эту штуковину. Тебе надо собрать немного денег и заплатить правительству, чтобы я мог закрыть дело и забрать с собой Милар на место моего нового назначения.

— Что за новое назначение?

— Разве я не говорил тебе? Я первый в списке на должность старшего аудитора нашего отделения в Морристауне.

— Поздравляю, — сказал я. — Ты будешь потрясающим аудитором. А Милар будет потрясающей миссис аудитор. Полагаю, у тебя по-прежнему честные намерения по отношению к ней?

— Конечно, честные, — воскликнул Шелдон. — Я хочу, чтобы Милар развелась с тобой, тогда я женюсь на ней и возьму с собой в Морристаун. Но я не могу ничего предпринять, пока не закрою твоего дела.

— Не понимаю, почему не можешь, — удивился я. — Министерство внутренних дел никогда не поставит тебе в укор одно малюсенькое незакрытое дело.

— Меня не волнует министерство, — возразил Шелдон. — На самом деле, пока я не сдал твою папку в архив, только совесть не позволяет мне взять должность с повышением и твою жену. Понимаю, я старомодный, живущий по собственным принципам парень, но с этим ничего не поделаешь. — Он засмеялся с фальши-

вым самоосуждением человека, довольного собой. Мне захотелось его ударить.

Однако все же лучшая сторона характера Шелдона давала мне шанс избавиться от опостылевшего существования с Милар. Заплатив деньги, Драконьян, ты завоеуешь свободу. Но где найти деньги?

— Может, я что-нибудь придумаю с деньгами, — обнадежил я его. — Через пару дней я уезжаю в Париж.

— Ты уезжаешь в Париж? — переспросил Шелдон.

— Да, конечно, — подтвердил я. — Так нужно по делу моего клиента. Пока меня нет, вы с Милар хорошенько повеселитесь, слышишь? — Я искоса послал ему многозначительный взгляд. Не то чтобы я надеялся на такого рода выход из мышеловки. Нет, я просто хотел подбодрить его.

8. МИЛЛИ

Я поехал к Милли, в ее голубятню на Уотер-стрит, потому что она могла устроить билеты на самолет. Милли старый друг с Ибицы. Я открыл дверь своим ключом. Она спала, лежа на спине, и громко храпела, напоминая розового детеныша кита в голубой ночной рубашке. Кроме большой шляпы с обвисшими полями, какую носят на Форментере, и пары сандалий из бутика в начале Дэлт-Вильи, она привезла с Ибицы отвратительную привычку — пристрастие к кваалюдину.

Я стараюсь вовлечь в деятельность детективного агентства «Альтернатива» всех своих друзей. Международная организация, которую я создал, состоит главным образом из друзей разных периодов моей жизни. Некоторые из них бывшие хиппи. Большинство занималось и множеством других дел. Наши тропинки пересеклись на Ибице, пожалуй, главной конечной остановке круговращения изгнанников.

Одно из главных преимуществ жизни за границей состоит в том, что вы с друзьями где-нибудь заканчиваете скитания. Единственная трудность — попытаться придумать способ, как задействовать друзей. Я придумал: буду оказывать социальные услуги, предлагая занятие людям, у которых обычно его не было. Покончите с крупными мошенниками, но позвольте мелким не уходить со сцены. Позвольте нашей гаитянской бригаде раскрасить ваш дом.

Нам нужна работа, нам, изгнанникам. Мы представители «третьего мира» западной цивилизации. Поверьте, не обязатель-

но быть черным или латиноамериканцем, чтобы чувствовать себя лишенным наследства и прав в Америке последних лет XX века.

И дело тут не в политике, расе или религии. Есть множество ярких личностей, которые оказались придавленными к земле, потому что они не соответствовали, потому что не стали частью убаюкивающегося старения всего, что имело какую-то ценность.

В этом смысл и причина создания детективного агентства «Альтернатива». Мы своего рода коммуна. Хотя, конечно, не называем его так. Ведь для большинства людей слово «коммуна» вызывает в памяти образ симпатичных длинноволосых девушек, занимающихся отвратительным сексом с бритоголовыми подонками, у которых под ногтями серая пыль от наркотиков. Тогда как наша организация пытается представить образ нормальных американцев, занимающихся общенациональной игрой: «Делай Деньги Любым Способом, Каким Сможешь».

Детективное агентство «Альтернатива» для меня и моих людей — холдинговая компания. У нас есть отделения во всех уголках мира, где случалось жить моим старым друзьям с Ибицы. Они помогают мне распутывать мои дела, а я включаю их в распределение прибыли, если она бывает. А если нет, мы получаем кайф, болтая о старых временах.

Они мой народ, и они населяют мою настоящую родину, туманное королевство изгнанников, вытесненную на обочину страны воспоминаний. Сбившиеся с пути и бродяги, художники и будто бы художники, мошенники и живущие на деньги, присылаемые с родины, студенты вечно обучающего университета, дрейфующее англоговорящее общество, которое летом устремляется к югу, на Ибицу и в Сен-Троpez, а зимой перебирается в Париж, Лондон и Амстердам. Так во время оледенения пересекали Европу стада благородных королевских оленей.

Каждый слышал о людесе, так для краткости называют кваалюдин, об этих маленьких белых таблетках, которые дают прекрасное настроение, убивая вас. Но не каждый знает, что на самом деле делает кваалюдин. Во-первых, вы должны принять его натошак, тогда маленькая белая таблетка быстро растворится и через стенки желудка попадет в кровь. Если вы плотно поедите, то не ждите кайфа.

И, конечно, людес не всегда действует как надо. Обычно таблетка срабатывает, но иногда что-то идет не так, может, что-то происходит в организме, и людес дает осечку. Вот тогда дело паршиво, потому что тут начинаешь дуреть.

Когда-то у меня тоже была такая привычка. Примешь таблетку, и лицо становится будто резиновым. Это первое, что замеча-

ешь. А потом чувствуешь себя на седьмом небе. Хотя и платишь за это частичкой собственной жизни. К несчастью, наркотик надолго остается в организме, не меньше двадцати четырех часов, так что на следующий день после таблетки ты не в себе и ни на что не годишься. А если каждый вечер принимать по одной или даже больше таблеток, как это обычно делал я, то ты всегда не в себе и всегда ничего не можешь делать. Другой побочный эффект кваалюдина — камни в почках у тех, кто регулярно им пользуется. Выход камня у мужчины по болевым ощущениям равносителен трудным родам у женщины.

Я тряс Милли, чтобы она очнулась. Милли крупная женщина с семью прядями в длинных, до плеч, каштановых волосах. Все еще привлекательная и к тому же деловая, несмотря на пристрастие к таблеткам. Мне довольно легко удалось заставить ее понять, чего я хочу. Два билета в Париж, туда и обратно с открытой датой возвращения и самые дешевые, какие только возможно. Надо попробовать получить их в одной из курьерских служб. Потом я все это записал, чтобы она вспомнила, когда опять проснется, потому что, как только я уйду, она неизбежно снова заснет.

Закончив с Милли, я направился к себе в офис. Проходя мимо обувного магазина Тома Макэна, я случайно бросил взгляд в витрину и мне показалось, что за мной следят. На противоположной стороне улицы околачивался без какого-либо дела представительный мужчина в темно-синем костюме. Подумав о слежке, я вспомнил, что видел его и раньше.

Я пошел дальше и, незаметно ловя отражение в стеклах машин и в витринах магазинов, убедился, что он все еще идет сзади. Неторопливым шагом и с демонстративно беззаботным видом я перешел Аргилл-стрит и быстро обогнул квартал, надеясь выскочить позади моего преследователя. Но когда я снова оказался на углу, он исчез.

Я пытался вспомнить всех людей, кто мог бы выслеживать меня. После пятнадцати имен бросил. Однако мое беспокойство не уменьшилось. Прошло десять лет, как я был последний раз в Европе. После турецких событий мне казалось мудрее держаться от нее подальше.

Но, черт возьми, это же было так давно и не по моей вине, во всяком случае, не совсем по моей вине. И нельзя же из-за одной-единственной неудачи провести всю оставшуюся жизнь, избегая Европу. Можно, но если вы не Хоб Дракониан.

Париж — король городов. И остальной Европы. Европы Хоба: Ибица, Майорка, Барселона, Лондон, Амстердам, Афины и острова центральной Циклады. И Рим. Несравненный Рим.

Как я мечтал вновь увидеть мою Европу. А на пути к ней сто-

яло всего лишь воспоминание десятилетней давности о том злощастном дне в аэропорту Анкары.

День был жаркий, как в аду. Август в Турции. Аэропорт переполнен, множество туристов. На это мы и рассчитывали. Мы делали так и раньше, и все проходило как по маслу.

Тогда почему такое предчувствие, почему такая обжигающая паника, почему такое состояние, будто меня укусила холодная как лед жаба? Что со мной случилось? Какой тонкий ключ настроил мою систему защиты? Почему у меня в голове мелькали картины турецких тюрем?

Подходя к будке пограничника, я увидел лейтенанта Ярославика. В накрахмаленном хаки он возвышался над толпой, черные усы темнели аккуратным треугольником на нежно-оливковой щеке. Моя реакция была бессознательно-автоматической. Я повернулся, как марионетка, заметив, что он еще не выхватил меня из толпы. Не оглядываясь, направился прямо к выходу из аэропорта и сел в такси. Я приказал ехать в порт и успел на последний паром через Босфор на Европейскую сторону.

Я и правда не могу объяснить, почему так поступил. У Ярославика ничего на меня не было. Но он не принадлежал к тому сорту людей, которые бы просто так болтались в аэропорту, проверяя туристов, проходивших мимо пограничников. Я догадался: что-то пошло наперекосяк, кто-то заговорил. Я понял: Ярославика вызвали потому, что он знал в лицо меня и еще Жан-Клода и Найджела.

В Европейской части Турции я тогда присоединился к туристской экскурсии на развалины Адрианополя, или Эдирны. Потом нормально через пограничный пункт перешел в Грецию. На такси доехал до Комотины, а затем поездом и автобусом в Афины.

Два дня спустя, когда я пил пиво в отеле «Георг V» на площади Синтагмы в Афинах, на пятой странице «Интернэшнл Геральд Трибюн» я увидел сообщение. Таможня аэропорта Стамбула задержала француза и британца.

Конечно, они нашли гашиш. Двойное дно, которое я сделал в чемоданах, не может успешно выдерживать таких методов проверки, какие применяют таможенники, когда знают, что искать.

Суд состоялся в конце того же месяца. Жан-Клоду и Найджелу дали пожизненное заключение. Потом его сократили до двух лет, когда адвокаты доказали, что они всего лишь невинные носильщики чемоданов третьего лица, мистера Большой... в интересах следствия имя не называется. Он, как предполагалось, должен был лететь в этом же самолете, но, по-видимому, в последний момент сумел улизнуть.

Какие-то деньги поменяли хозяев, и мои друзья через год

вышли из тюрьмы. Но, как мне говорили, они сердились. Всю вину за провал они возложили на меня. Они осыпали меня оскорблениями и даже угрожали. Однако это было десять лет назад.

Я пытался по-прежнему тянуть лямку. В те дни я стал профессиональным игроком в покер. Не первого ранга, но вполне хорошим для конкуренции, какую можно встретить в Европе. Главное правило — никогда не играть в казино, хотя и там можно заработать на жизнь. Настоящее поле для профессионала покера — домашние вечеринки и номера богатых отелей в Канне, Ницце, Риме. Выигрывать было легко. Труднее заставить себя проигрывать, чтобы не перестали приглашать.

Это требует определенной тактики. Вам приходится КАЗАТЬСЯ человеком, который не выигрывает чересчур много. Вы стараетесь привлечь к каждому проигрышу максимальное внимание окружающих — это обязательное условие. Но в какой-то момент наркотики начинают поглощать все ваши деньги, не делая разницы между выигрышами и проигрышами. Тогда вы ставите вместо денег бумажки и молитесь богу, чтобы все сошло благополучно. И если выигрываете, то делаете ставки реальными деньгами.

Это тоже своего рода хождение по проволоке, но, мне казалось, я знал, как сохранять равновесие. Пока не начал проигрывать. Я напрягся, стал делать неправильные жесты, посыпались ошибки в расчетах. Уже невозможно было что-то исправить, и мои попытки выиграть становились все более беспомощными. А наркотики больше не помогали.

Вот тогда все начало разваливаться на части.

Паника, паранойя, холодный пот, дурные мысли и Страх.

Так я вернулся в Америку. А теперь снова собираюсь в Европу.

После Турции я понял, что жизнь — это не мечта. Понял, что имею дело с опасным товаром. В те дни почти каждый занимался контрабандой. По правде, я не верил, что меня поймают. Не верил, потому что привык к ощущению тепла, безопасности и неуязвимости, которое дают наркотики, особенно людес. Сладкая апатия затопляет вас, лицо немеет, и вы погружаетесь в сумеречную нереальность, которая называется Путь, Который Тебе Нравится.

Но это было тогда, а сейчас — это сейчас. Я очистился, никаких наркотиков, прошлое похоронено вместе с моим кумиром Джимом Моррисоном¹ на кладбище Пер-Лашез, и я возвращаюсь в Париж.

¹ Джим (Джеймс Дуглас) Моррисон (8.12.1943 — 3.7.1971) — лидер рок-группы «Дуорз».

9. МАРИЯ ГУАШ

В то утро, когда моя детальная телеграмма попала к Гарри Хэму, он не испытывал особого удовлетворения жизнью. Он чувствовал, что ему скучновато. Первый прилив радости от того, что он живет на замечательном острове, прошел. Он привел в порядок дом, подал заявление для получения бумаг, которые нужны, чтобы находиться в Испании на положении постоянного жителя. Сад выглядел прекрасно, он уже завел кое-каких друзей. Но чего-то не хватало, и Гарри сам точно не знал чего.

Он сказал мне, что обрадовался, получив мою телеграмму, потому что в тот момент был готов на что угодно, лишь бы заняться чем-нибудь.

Он оторвал зад от кресла, или, как он говорил, завел свою «мадам сижу», и совершил двадцатиминутную поездку до порта Ибицы. Гарри долго расхаживал по пристани, разыскивая «Индустриас Марисол». И наконец нашел. Маленькую лавку, торгующую скубами, популярными здесь аквалангами, и мелочами для подводного плавания, приткнувшуюся в конце аллеи Калледель-Виржен. Лавка была закрыта.

Гарри обошел вокруг, заглянул в окно, раздумывая, что же делать дальше. День стоял прекрасный, порт гудел, был июнь, отличная погода, каждую неделю прибывали туристы, с июля начинался большой сезон.

Немного спустя старик, сидевший через дорогу в лавке, где чинили ботинки, заметил, что Гарри пытается заглянуть в окно «Индустриас Марисол».

— Вы ищете Вико?

— Это его магазин?

— Да, Вико и его брата Энрике.

— Где их можно найти?

— Прошлой ночью Энрике уехал с острова. Как я слышал, он полетел в Сан-Себастьян. А Вико отправился на рыбалку с братьями Гуаш.

— Они скоро вернуться?

— Кто знает? — пожал плечами старик.

— Разве рыбацьи лодки обычно на закате не возвращаются домой?

— Которые нанимают туристы, да. Но братья Гуаш торгуют рыбой. Никто не знает, сколько времени они пробудут в море.

— Есть способ, каким я мог бы связаться с ними?

— Можете попросить морских чаек, — засмеялся старый сапожник.

Продолжая улыбаться, он отвел глаза — сама хитрость. Гарри знал этот взгляд островитян: ничего не говорить чужому.

— А как же их бизнес? Кто ведет дела, когда их нет?

— Мария Гуаш, конечно. Их сестра.

Гарри записал адрес и отправился в Санта-Гертрудис к домику Марии.

Мария жила на маленькой, тщательно ухоженной ферме на холмах недалеко от Санта-Гертрудис. Низкий каменный дом представлял собой одну из старомодных фазенд. Обычно их размеры зависели от величины конькового бруса, для которого брали самую длинную часть закаленного морскими ветрами дуба. Вокруг дома два поля миндальных деревьев. Несколько акров овощей, таких, как капуста и картошка. Небольшой участок в середине полей засажен *algorobos*, рожковыми деревьями, стручки которых местные жители сушат, размалывают и этой мукой зимой кормят животных. О приближении Гарри объявила собака. Одна из тех длинных, худых, желтоглазых гончих, которых можно считать частью истории острова со времен карфагенян.

Гарри остановился на ответвлении тропинки перед самой фермой. Женщина вышла, встала на пороге веранды и, закрывая глаза от солнца рукой, смотрела на Гарри.

— Разрешите? — спросил он. И когда она кивнула, открыл ворота и пошел к дому.

Хотя хозяйка явно принадлежала к местным, ее одежда не была монотонно черной, как у большинства стареющих женщин острова. Она еще носила длинную пышную юбку, блузку с длинными рукавами и маленький жакет. Женщины Ибицы одеваются так уже много столетий. Но ее юбка была не из черного материала, а украшена коричнево-белыми узорами. И на кремовой блузке тоже виднелись мелкие фигурки. Черты ее лица были строгие и красивые. Волосы, черные, прямые, блестящие, стянуты узлом на затылке.

Для островитянки она была высокой и стройной. В ней чувствовалось спокойствие, что Гарри очень понравилось. Он подумал, что ей под сорок или чуть больше.

Гарри представился. Как принято на Ибице, он рассказал женщине, где живет и как давно поселился на острове. Потом объяснил, что выполняет поручение друга. А проблема у друга такая: он послал сеньору Вико в «Индустриас Марисол» партию товара и не получил оплаты. А он, Гарри, только что узнал, что сеньор Вико ушел рыбачить вместе с братьями Гуаш. И Гарри подумал, не знает ли она, куда они отправились и когда вернуться.

— Об этом они мне ничего не говорили, — ответила Мария. —

Но иногда Пабло и Сезар уходят рыбачить и остаются в море несколько дней кряду. Иногда они заходят в порт на главной земле, чтобы заправить баки, и тоже остаются там на несколько дней. Они могут отсутствовать неделю или даже больше.

— И вы не знаете, куда они отправились в этот раз?

— Нет, — ответила она. Однако Гарри заметил, что она обеспокоена. С ними поехал Вико. И, видимо, Мария, так же как и Гарри, подумала: что он мог прихватить с собой в эту поездку? Может быть, пять полностью экипированных виндсерферов, чтобы продать их где-нибудь на Лазурном берегу Франции?

— Есть человек, знающий, куда отправились ваши братья?

— Рыбаки все знают друг о друге, — проговорила она. — Вы можете поспрашивать в доках. Но вам все равно ничего не скажут.

— Да, — вздохнул Гарри. — Спасибо за помощь, но, как я понимаю, мне, наверное, стоит попытаться.

Мария колебалась. С любопытством разглядывала его. Потом спросила, не хочет ли он выпить стакан воды. Гарри ответил, что был бы очень рад. Она предложила ему сесть в тени на веранде под виноградной лозой. А сама вошла в дом и принесла стакан воды.

— Ого, — воскликнул Гарри, сделав несколько глотков, — что за необыкновенная вода?

— Она из колодца на ферме моего деда, — Мария выглядела очень довольной, — на другой стороне за Сан-Хуаном. Это лучшая вода на острове.

— Да, просто замечательная. Спасибо. — Он допил стакан, поставил его на перила и встал.

— Мои братья не попадут в беду? — спросила Мария.

— Насколько я знаю, нет, — ответил Гарри. — Но если они контрабандой вывозят из Испании украденные товары, то у них могут быть неприятности.

— Вы думаете, Вико украл эти доски и использует моих братьев, чтобы куда-то их доставить?

— Похоже на это, — согласился Гарри.

— Подождите минутку, — попросила она. — Братья могут привезти контрабандой немного виски или сигарет, как и все рыбаки. На этих островах контрабандой промышляют столетиями. Но мои братья никогда не станут заниматься перевозкой краденых товаров.

— Наверно, они не знают, что эти доски краденые, — заметил Гарри. — Наверно, они везут их для Вико как обычный груз.

Мария с минуту подумала, потом вошла в дом. Через мгнове-

ние она вышла в черной косынке, накинутой на волосы, и в ша-
ли, закрывающей плечи.

— Я пойду с вами и поговорю с мужчинами в доках. Иначе вы
ничего не добьетесь от них. Кто-нибудь наверняка знает, куда от-
правились мои братья.

10. ПОЛЕТ В ПАРИЖ

Во время полета в Париж Рабель немного рассказала о себе. Она говорила, что родители у нее невысокого роста, а она, един-
ственная дочь, выросла до пяти футов девяти дюймов и получи-
лась самой высокой в семье почти за сто лет. Она ходила в школу
в Уокегене, штат Иллинойс, и живо описывала, какие у них там
бывают холодные зимы и как однажды в феврале одичалые сосед-
ские собаки начали сбиваться в стаи и покусали случайного до-
ставщика посылок. Она рассказывала, как ее отец, священник
англиканской церкви, превратился в рабочего, ремонтирующего
жатки фирмы «Маккормик», когда вся его конгрегация, двадцать
три семьи, переехала из Литтл Доркинга в Гемпшире на Гавайи.

Мы развлекали друг друга наполовину выдуманными расска-
зами и двусмысленными взглядами, а самолет устало тащился на
восток над гофрированной серой Атлантикой. Солнце ушло за
горизонт, и начали показывать кино. Комедию, в которой Джордж
Бернс играл Тамерлана. Я надолго погрузился в раздумья, вспо-
миная лица в толпе провожающих и задаваясь вопросом, не заме-
тил ли я среди них вчерашнего представительного мужчину.

Немного позже кино кончилось, и стюардессы принесли
кофе. Рабель заснула, едва опустив чашку на пластмассовый под-
нос, выданный пассажирам. Я отставил его в сторону и тоже уснул.
Проснулся я, когда прозвучало объявление «застегните ремни
безопасности». Мы делали последний заход на посадку в аэро-
порту де Голя.

Часть III

11. ПРИВЫТИЕ В ПАРИЖ

На Рабель все производило огромное впечатление, особенно,
что все говорят по-французски и выглядят иностранцами. Что
касается меня, то я чувствовал себя так, будто вернулся домой.
У меня был мой собственный Париж. Рю Муффетар, рю дю Ба,
рю дю Синь. Кафе вдоль Сен-Жермен-де-Пре с их накрахмален-
ными белыми льняными скатертями, отражавшимися в черede

янтарных зеркал. Одетые в смокинги официанты скользили среди хрустальных канделябров, и все купалось в розовом сиянии Бель Эпок. Таинственные каменные ландшафты Шателе-ле-Аль, хай-фай секция в моем любимом магазине на Монпарнасе. Ресторан «Текс-Мекс» в узорно выложенном камнями дворе под студией танца на рю дю Тампль. Американская библиотека недалеко от Эйфелевой башни. Магазин научной фантастики на бульваре Сен-Жак.

Мы прошли таможенную и пограничный контроль. Вежливый французский полицейский чиновник с безразличной благожелательностью проштамповал наши паспорта: ваши бумаги в порядке, вы — в Париже. Все идет как надо.

Такси в городе очень дорого, но какого черта, это же деньги Ракедь. Я назвал таксисту адрес в седьмом округе. Французский мой подзаржавел, но я благополучно справился. Французы достаточно интеллигентный народ, чтобы понимать почти любую вашу попытку заговорить на их языке. Конечно, водитель оказался алжирцем, звали его Могаммед бен-Амук, так что, возможно, с тех пор, как я жил здесь последний раз, мало что изменилось.

Дорога в Париж из аэропорта де Голля была знакомой и успокаивающей. Две полосы современного бетонного шоссе шли мимо одинаковых полей и домиков фермеров. Вот уже главное шоссе стало впитывать в себя артериальные дороги, мы приближались к Порт де ля Шапель и въехали на кольцевую дорогу, идущую вокруг Парижа.

Было еще утро. Я планировал, что сначала мы все разузнаем у моего старого приятеля Руса. Рус довольно светлокожий негр с Карибских островов, то ли с Ямайки, то ли с Барбадоса. С годами меняются его истории о своей судьбе. Вот как Рус об этом рассказывает. Еще мальчишкой он ухитрился перебраться в Америку. Какое-то время жил в Кей-Уэсте и Майами. Во время Второй мировой войны ему удалось поступить на службу в армию. Он пережил высадку в Нормандии и демобилизовался уже в Париже. Там встретил девушку, Розмари, хорошенькую блондинку из Дании, которая изучала историю искусств. Они поженились. После этого Рус никогда не покидал Францию, за исключением летнего отпуска на Ибице. По моему скромному мнению, датские девушки становятся самыми лучшими женами для мужчин любой национальности. Розмари говорила по-английски лучше, чем Рус, и с заметным акцентом Нью-Джерси. Но если как следует прислушаться, можно заметить, что в звуке «th» у нее проступает твердое «д», рудимент произношения родного языка.

Такси влилось в движение на бульваре Сен-Жермен и сделало правый поворот на рю де Бельшас.

— Ну-ну, — сказала Розмари, когда, открыв дверь, увидела меня, — смотри-ка, кота тянет домой. Перерыв между двумя рюмками тянулся слишком долго, да, Хоб?

Она провела нас через крохотную кухоньку.

Квартира у Руса темная, малюсенькая и заставлена мебелью. На королевского размера постели лежало яркое мексиканское одеяло, днем кровать служила кушеткой. Недалеко от нее поблескивал медный, украшенный орнаментом стол из Марокко с высоким медным кальяном на нем. В углу виднелся маленький чертежный стол с лампой на гибкой ножке, на котором Рус делал свои рисунки. И рядом с ним радиоприемник. На стенах висело несколько оригинальных набросков, работы друзей Руса. В комнате стоял устойчивый домашний запах вина, хорошего табака и воскресного ростбифа.

С тех пор как я видел ее последний раз, Розмари стала полнее, но все еще была очень привлекательной леди. Пышной, с открытым лицом, и хотя льняные волосы немного начали сесть, улыбка оставалась такой же сердечной, как всегда.

— Розмари, я хотел бы познакомить тебя с моей клиенткой, мисс Рабель Старр, — сказал я.

— Привет, — улыбнулась Розмари, — любой клиент Хоба Драконяна — мой друг. Как поживает твое детективное агентство, Хоб?

— Я здесь как раз по делам агентства, — объяснил я. — И всем моим друзьям предстоит поучаствовать в расследовании.

— По правде, это не очень большое расследование, — вмешалась Рабель. — Большое я не могу себе позволить. Хотя, наверно, мы можем рассчитывать на гонорар в конце, если все пойдет как надо.

— Никто и не ждет какой-либо прибыли от агентства, — заметила Розмари. — Зато оно дает нам пищу для разговоров.

Рус и Розмари жили в маленькой квартире в доме номер шесть на рю де Бельшас, недалеко от Дворца Инвалидов и Палаты Депутатов. Это была одна из тех парижских квартир, где арендная плата контролируется городом. Такие квартиры, словно в поощрение тем, кто не переезжает, существуют и теперь, даже в районах, где обычная плата неизмеримо высока. Ходили слухи, что в этом здании жила сама Лесли Карон, хотя на самом деле никто ее не видел.

Рус остался таким же, как всегда. Огромный добродушный мужчина с большими маслянистыми глазами цвета жженого сахара. Он горбился над своей чертежной доской в углу гостиной, весь день рисуя карикатуры под аккомпанемент джазового шепота из своего приемника. Он встал, приветствуя меня, и заключил

в жаркое объятие, каким обмениваются изгнанники, жившие когда-то на Ибице.

Мы сели и за парой кружек пива «Стелла д'Артуа» обсудили старые и новые времена. Рус был средоточием новостей и сведений об Ибице и ее далеко разлетевшихся изгнанниках. Рус и Розмари каждое воскресенье устраивали открытый дом, французы это называют «приход на одну порцию». А Рус, ловкий и изобретательный повар, прославился своей миниатюрной мексиканской пищей и поросячьими ребрышками.

Рус и я знали Алекса в былые дни на Ибице. В то время он был молодым адвокатом, решившим на время забросить карьеру, почувствовав вкус к «дольче вита»¹ в стиле Ибицы. Немного позже он вернулся к своей практике в Вашингтоне, округ Колумбия. Это последняя новость, какую я о нем слышал.

От Ракель я узнал, что в недавнее время Алекс работал в «Селуин Групп», компании, занимающейся созданием всевозможных фондов для различных целей. Некоторые из этих фондов были законные. В этот период Алекс и встретился с Ракель. Они планировали вместе поехать в Европу, Алекс отправился первым. С группой «Проклятые монстры» он играл в Париже. Для него это было что-то вроде хобби. Алекс любил парижскую дешевую музыкальную сцену. Вскоре после приезда он исчез.

Рус давно уже ничего не слышал об Алексе, и тот не выходил на Руса после того, как снова появился в Париже.

Начинать поиски придется с музыкального ансамбля. Они играли в кафе «Эль Манго Энкантадо», на рю Грегори Ланжевен, недалеко от Центра Помпиду. Розмари, у которой французский гораздо лучше моего, заказала мне комнату в одном из моих любимейших маленьких отелей, в «Синь», на рю дю Синь, рядом с Бебором. А для Ракель мы заказали отдельный номер в «Крийоне», знаменитом шикарном отеле. Несмотря на ограниченность в средствах, она делала все правильно. Ведь первый приезд в Париж надо провести с роскошью. Отель близко к Лувру, пояснила она мне. Там она собиралась коротать время, пока я буду искать Алекса.

12. «ЭЛЬ МАНГО ЭНКАНТАДО»

Ракель и я идем на восток по бульвару Сен-Жермен, потом на север по бульвару Сен-Мишель, переходим Сену по мосту Сен-Мишель и пересекаем остров Сите, на минутку останавливаемся, чтобы посмотреть на Нотр-Дам, и затем попадаем на Севастопольский бульвар на правом берегу Сены.

¹ Сладкая жизнь (итал.).

«Эль Манго Энкантадо» — один из южноамериканских кафе-ресторанов, недавно открытых, чтобы обслуживать бесчисленное множество южноамериканских студентов и беженцев, которые стали частью образа современного Парижа. Маленькое, тускло освещенное помещение, где можно со стаканом вина просидеть весь день. Рядом Бебор, величайший музей искусства, и библиотека, основанная Помпиду¹. Это очень смешанный район, соединение древности и модерна, или, говоря словами Бодрийера, гипермодерн.

Музыкальный ансамбль как раз устраивался на сцене. Лидер, Марчелло, мне его показали, курчавый уругваец, играет на фортепиано. Я спросил, можно ли угостить его.

За бокалом чинзано Марчелло сказал, что Алекс обычно останавливался в квартире на бульваре Огюст-Бланки в тринадцатом округе.

— Вы знаете тринадцатый? — спросил он. — Там есть большая торговая аллея на площади Италии. Обычно мы встречались с Алексом в ресторане, он называется «Рочес». Алекс всегда опаздывал. Я ждал его, гулял по торговой аллее, разглядывал старых дам с собачками,пил аперитив. Но так получилось, что я не видел Алекса в последний раз, когда он приехал из Амстердама. Хотя с ним был Хуанито. Эй, Хуанито, можешь что-нибудь сказать этому парню об Алексе?

Хуанито, барабанщик, маленький, широкогрудый, с чертами индейца, в очках с тяжелой роговой оправой, был сыном чилийского дипломата до прихода к власти Пиночета.

— Конечно. Когда он приехал из Амстердама, я встретил его на Северном вокзале. Мы пошли вместе на ленч в кафе «Транквилите» на рю Симон-ле-Фран. Вы знаете это место, недалеко от площади Непорочных, где околачиваются торговцы наркотиками?

Я знал это место. Студенты, изучающие искусство в Беборе, часто рисуют там. И, конечно, туристы. Эти улицы закрыты для движения транспорта, хотя иногда там появляются случайные машины и, будто гиппопотам, идущий на цыпочках среди тюльпанов, прокладывают себе путь в толпе.

— По-моему, Алекс кого-то ждал, — продолжал Хуанито. — Он почти каждую минуту опускал газету и смотрел то вправо, то влево. Потом к нему подошел какой-то парень, я прежде его не видел, что-то прошептал и ушел.

После этого Алекс извинился и сказал, что должен кого-то повидать. Я никогда раньше не видел, чтобы Алекс так себя вел. В тот полдень мне нечего было делать, и я пошел за ним.

Он направился к Голденбергу по рю Вей-де-Тампль. Это та-

¹ Хоб имеет в виду Жоржа Помпиду, в 1962—1968 гг. премьер-министра, в 1969—1974 гг. президента Франции.

кое место, где можно найти кошерную переваренную говядину с хреном, как в Нью-Йорке или Варшаве. Я не хотел, чтобы Алекс заметил, что я за ним слежу, так как он немного помешан на такого рода вещах. В одной из еврейских лавочек я купил фалафель, знаете, такой сэндвич, и стал ждать. Я очень удивлялся, потому что, по правде говоря, это место не во вкусе Алекса. Он чаще всего ходит в такие забегаловки, как салун «Крейзи Хорс» или «Текс-Мекс» на бульваре Монпарнас. И он любит пить чай в кафе «Де Маго» на Сен-Жермен. Это то кафе, где Сартр обычно устраивал свои знаменитые ссоры с Симоной де Бовуар¹.

Замечание Хуанито о «Де Маго» напомнило мне историю, которую рассказывала одна американская девушка, о том, как она встретила Жан-Поля Сартра.

Она говорила, что специально зашла пить коку в «Де Маго», потому что это такое знаменитое место, и узнала Сартра, так как видела его расплывчатый портрет на обложке одного из американских изданий его книги «Бытие и ничто». Она говорила, что он выглядел как жаба, одетая в черное, но все равно красивый.

Девушка была из Калифорнии, и подойти к его столу попросить автограф — для нее привычное дело. Сартр пригласил ее присоединиться к нему и мисс де Бовуар. Моя приятельница рассказывала, что ей не хотелось огорчать мисс де Бовуар, что безусловно бы случилось, если бы она под села к их столику. Она судила по мученическому выражению ее лица, которое появилось, едва Сартр пригласил девушку. Но какого черта, ведь это будет анекдот мирового класса, а мистер Сартр и его подруга, вероятно, все время сталкиваются с такими эпизодами. Она села, Сартр угостил ее кокой и все спрашивал, весело ли она проводит время в Париже, а сам щупал ее под столом. Моя приятельница подумала, что он по-своему милый, и решила посидеть подольше в этом кафе, чтобы повеселить его. А у нее будет анекдот супермирового класса. На самом деле она не была такой крутой, какой хотела выглядеть. Просто ей иногда нравилось пугать себя.

Ее история имела для меня потрясающее значение. Это то, что я называю человеческой стороной философии.

Между тем Хуанито продолжал:

— Алекс вышел от Голденберга и поймал такси. Я немедленно взял следующее. Это был день, созданный для наблюдения. «Следуйте за тем такси!» — сказал я водителю. «За преследование

¹ Жан-Поль Сартр (1915—1980) — французский писатель, философ и публицист, основоположник французского экзистенциализма. Идеолог леворадикального экстремизма. В 1964 году ему была присуждена Нобелевская премия по литературе, от которой он отказался.

Симона де Бовуар (1908—1986) — французская писательница, жена Сартра.

с вас плюс двадцать франков», — буркнул таксист, отъезжая от обочины. Он решил познакомить меня с местными правилами. «Идет!» — согласился я, и мы поехали. Мы держались за Алексом до кафе «Монпарнас». Там я его потерял. Вот и все, что я могу вам рассказать.

Я поблагодарил Хуанито и спросил Марчелло, не знает ли он кого-нибудь еще, с кем я мог бы поговорить об Алексе.

— Конечно, — тут же откликнулся Марчелло. — Человек, который обязательно поддерживает с ним контакт, это Джерард Кловис.

— Кто это? — спросил я.

— Кинорежиссер. Вы, конечно, слышали о нем?

— Ох, это Жерар Клови, — понял я.

— Правда, за пределами Франции он не так известен, но здесь у него большой авторитет. Как говорят, Кловис пошел выше там, где Годар¹ остановился.

— А что у него общего с Алексом?

— Я думал, вы знаете. Алекс у него работает.

— В качестве кого?

— Актера. Алекс и Кловис встретились на вечеринке, и Кловис решил, что Алекс в совершенстве подходит для его нового фильма.

13. АРНЕ

Мне не потребовалось много времени, чтобы узнать, что Жерар Клови работает на киностудии «Гомон» в северной части Парижа. Я позвонил из телефонной будки на углу улицы. Никто не ответил. Я забыл, что было время ленча — священный час для Парижа. Тогда я решил поспрашивать в залах Бебора. Это территория Алекса. Город внутри города.

Я оставил Рагель в кафе недалеко от входа в Бебор, где она могла видеть пожирателей огня и стекла, дававших представление перед фасадом музея в чуть опущенном ниже уровня улицы и выложенном плиткой дворе. Она планировала поесть в кафе, потом провести несколько часов в Беборе, чтобы посмотреть выставку Дали², и затем вернуться в свой отель. Я обещал ей, что позвоню туда.

Приятно гулять по Парижу в солнечный июньский день по улицам, полным туристов и влюбленных. Я зашел на ленч в

¹ Жан-Люк Годар — французский кинорежиссер, представитель «новой волны».

² Сальвадор Дали (1904—1989) — испанский художник-сюрреалист.

«Диск Блэ», студенческое кафе на рю Рамбюто. Луковый суп сам по себе хорошая еда, а я дополнил его сэндвичем — паштет из индейки на хрустящем французском хлебе. В заключение кофе со сливками — и я продолжил свою прогулку.

Миновал Ле Эспас Балтар, где строился новый спортивный комплекс, затем Форум де Алль и так дошагал до фонтана Непорочных, вокруг которого африканцы в вышитых шапочках продают кожаные барабаны и медные украшения. У этой части Парижа всегда карнавальный вид. Потом я заметил мима, который работал, окруженный толпой, понаблюдал за ним с минуту и вспомнил, что знаю его.

У Арне, мима, классическое набеленное лицо Марселя Марсо¹, черные линии от лба к щекам и вокруг глаз, раскрашенный, как бутон розы, рот. Он использовал простой, но эффективный прием. Когда мимо проходили люди, погруженные в разговор, он сзади подстраивался к их шагу и повторял каждое движение, подчеркивая и преувеличивая его. Делал он это с юмором, но без злобы. Когда люди, которых он пародировал, понимали, что он идет сзади, Арне устраивал немой спектакль, приглашая их следовать за ним. Иногда он так собирал человек пять-десять, шедших за ним, как в латиноамериканском танце конга, и имитировавших все его движения. Арне очень хороший мим, и, когда он протягивал шляпу, зрители не скупилась. Он умел делать веселые представления, этот датчанин. На вид ему было лет тридцать с небольшим, маленький, просто клубок мышц, он двигался с грацией танцора.

Он заметил меня, подошел и сел за мой столик на тротуаре. Мы обменялись «за ва», мол, как жизнь. Я заказал чинзано, он попросил лимонад.

— Так ты снова приехал, — сказал Арне. — Хоб, ты считаешь, это разумно?

— Брось, — возразил я. — Та история случилась много лет назад. И не по моей вине.

— Впрочем, это не мое дело. — Арне пожал плечами, привычка, подхваченная им во Франции. — Что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь найти парня, — ответил я. — Ты тоже его знаешь по тем временам на Ибице. Алекса Синклера.

— Да, он бывал здесь. Но я не видел его несколько недель, может, дольше.

— Ты знаешь кинорежиссера по имени Жерар Клови?

¹ Марсель Марсо (р. 1923) — французский актер-мим, создал лирический образ Била с традиционным гримом.

— Конечно. Люди говорят, он новый Феллини.

— Я слышал, что Алекс играет в одном из его фильмов.

Арне вскинул брови. Еще одна французская привычка, которую он приобрел здесь. Бусинки пота бежали по его белому лицу и скатывались на голубую бандану, узлом завязанную на шее.

— Да, — подтвердил он. — Алекс снимается у Клови. Возможно, «играет» — слишком сильное определение того, что надо Клови. Он любит создавать ситуации и без подготовки бросать туда людей. Иногда он дает определенное направление и ход действия одному-двум актерам. Но всем — никогда. И он не раскрывает, кто идет по заданному направлению, а кто, как предполагается, должен свободно импровизировать.

— Я никаких подробностей о нем не слышал, — признался я.

— Здесь, во Франции, он считается Эриком Сати¹ кинематографии.

— Это и правда так хорошо?

— Для Франции действительно очень хорошо.

— Симпатичный парень?

— По-своему. Саркастичный, непредсказуемый и любит сюрпризы. Вроде Феллини выходит на улицы с камерами и своей командой. Делает «Синема Веритэ»². Сюжет фальшивый, но лица реальные.

— Не знаешь, о чем это кино?

— Никто не знает, даже Клови. Он любит работать свободно. Не планируя, не продумывая, спонтанно. Для Клови самое большое очарование в экспромте. С самого начала он выступал против культа актера и против системы Станиславского. Фактически он полностью против создания актером образа, против любого идеала. Ему нужно кино ансамбля, коллаж из лиц, движений и последовательности сцен.

— Когда он начинает снимать?

— Наверно, через неделю. Ты хотел бы встретиться с ним? Приходи завтра на репетицию, я представлю тебя. Клови любит иностранцев.

Мы договорились о времени встречи в кафе «Непорочных». Я заплатил за выпивку и вернулся в отель.

Я заметил, что частные детективы в романах склонны к гораздо большей активности, чем их коллеги в реальной жизни. Полагаю, что в тот день я должен был бы провести еще несколько расследований. Но откровенно говоря, я устал и лег спать.

¹ Эрик Сати (1866—1925) — французский композитор.

² Кино правды, одно из направлений европейского кино 60-х годов.

14. ТОНИ РОМАНЬЯ

В тот вечер, когда я вышел из отеля, чтобы встретиться с Ракель, я увидел его снова. В этом просто не могло быть сомнений. Та же представительность, темно-синий костюм, ярко-красная гардения в петлице пиджака, круглое загорелое добродушное лицо. Тот же человек, что следил за мной в Снаффс-Лендинге, был теперь здесь, в Париже.

Парень остановился недалеко от входа в магазин и доставал сигару.

— Ну-ну, какой маленький мир, не правда ли? — спросил я его.

Он намеренно долго раскуривал сигару, потом окинул меня холодным взглядом.

— Мы прежде встречались? — спросил он на хорошем английском с выговором жителя Нью-Джерси.

— Скорей всего нет, — ответил я. — Но, уверен, вы меня знаете.

— Почему? — Он выглядел удивленным.

— Потому что вы следили за мной в Штатах и следите за мной здесь.

— Совпадение, — проговорил он, глядя прямо на меня и усмехаясь. Он словно сообщал мне всем своим видом: «Разумеется, я слежу за вами, и что вы собираетесь с этим делать?»

— Всего лишь облегчить вам работу, — ответил я на немой вопрос. — Меня зовут Хобарт Дракониан, и я остановился здесь недалеко, в отеле «Синь» на рю дю Синь. Вероятно, вы уже это знаете, но я решил подтвердить, что вы на правильном пути.

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Дракониан. Я Тони Романья. — Он продолжал улыбаться.

— Чем вы занимаетесь, Тони? — спросил я.

— Я инвестор.

— Могу я узнать, инвестор чего и куда?

— Вы мне нравитесь, — засмеялся он. — По-моему, у нас с вами все будет в порядке. Но это неважно. У меня есть интересы в Лас-Вегасе, Майами и в Атлантик-Сити. Здесь, в Париже, я в небольшом отпуске. Кроме того, присматриваю за интересами друга.

— Какого друга? Почему вы следите за мной? Или это Ракель?

— Мне нравится ваш подход к делу, — заметил Тони. — Не устраиваете песен и плясок, мол, вы совсем не испугались. Сказать вам одну вещь? Я собираюсь дать вам маленький совет.

— Я готов, — живо откликнулся я, ввязываясь во что-то неизвестное.

— В этом городе лучший итальянский ресторан «Дольче Вита»

на авеню де Терн. Скажите там, что вас прислал Тони Романья. Поняли?

Я кивнул, удивленный. Тони подмигнул, повернулся и, налетев на урну, чуть не потерял равновесие. Он оглянулся, еще раз кивнул мне, а потом зашагал по улице и скрылся из вида. Я посмотрел ему вслед и решил, что самое время выпить.

У Романьи я заметил одну смешную вещь. Принято считать, что толстяки намного шустрее, чем кажутся. Поэтому нас даже удивляет, когда они действительно неуклюжи. Народные приметы редко вводят в заблуждение. Вот и Романья, если и был неуклюж, то не в том смысле, что способен грохнуться вверх тормашками, чересчур сильно наклонившись в одну сторону. Нет, вы тотчас же обращали внимание, что в его неуклюжести не было ничего непродуманного, никаких нескладных движений. В его осторожной неловкости чувствовалось мастерство, умысел, внушающий опасение. Что-то жуткое можно было прочесть и в его глазах. Темные, сверкающие, зелено-желтые, невероятно внимательные. Нечеловеческие глаза существа, которое ничего не выпускает из рассмотрения. В каждом движении Романьи присутствовал точный расчет. И в его покачивающейся походке я ощутил мрачную ясность рассудка, что еще больше подтверждало мои опасения, потому что это была явная пародия. Все, вместе с маленьким подбородком и небольшим крепко жатым ртом, придавало ему скорее зловещий, чем слабый вид. У Романьи была гладкая розовая внешность толстого человека, но под внешним слоем здоровья чувствовалась трупная бледность, словно он симулировал само здоровье.

Теперь я понимал, что Романья, вероятно, лучший мим, чем Арне. Он изображал гротескного мафиози из Нью-Джерси, чтобы под шутливым покровом спрятать свои истинные цели. Если только их он тоже не симулировал.

Несколько часов спустя Ракель нашла меня в «Нью-Йорк Гарри», недалеко от «Гранд-Оперб». Бар «Гарри» — темное полированное дерево и американские голоса. Это такого рода заведение, где до тех пор терпят вдрабадан пьяных, пока они не начинают приставать к другим посетителям. Я был очень спокойным пьяным. Они, наверно, подумали, что я сбрендил, когда попросил sake. Но японская водка действует на меня как психоделическое снадобье, и я знал, что трудно предаваться тревожным мыслям, когда ты до краев полон этой штуковиной.

— Вы пьяны, — сказала Ракель.

— Никто не совершенен, — возразил я.

— Вы узнали что-нибудь о том типе, который, как вы говорили, следил за вами?

— Его зовут Тони Романья.
 — Почему он следит за вами?
 — Мистер Романья, кажется, не собирался просветить меня на этот счет. Мистер Романья сказал, что он приехал в Париж, чтобы насладиться коротким отпуском и понаблюдать за интересами друга. Что-нибудь из этого имеет для вас значение?

— Это не может иметь отношения ко мне, — покачала она головой.

— А к Алексу?

— Откуда мне знать? Этот Романья не сказал, чего ему надо?

— Ни звука.

— Что мы должны теперь делать? — спросила Ракель, нахмурившись и нежно закусив нижнюю губку.

— Идти обедать, — сообщил я, — в «Дольче Вита» на авеню де Терн. Романья сказал, что это лучшая итальянская еда в Париже.

— Великая новость, — фыркнула Ракель. — Ради бога, я не для того в Париже, чтобы есть спагетти.

— Это единственная зацепка, какая у нас есть, — объяснил я. — Если, конечно, это та зацепка, которая нам нужна.

Кстати, еда в «Дольче Вита» оказалась довольно вкусной, хотя на сей раз я избавлю вас от пересказа меню, упомяну только, что канеллони — трубочки из теста, начиненные мясом, — были исключительные. Вечер, созданный для признаний. Однако никто не подошел к нашему столу, накрытому красной клетчатой скатертью, не наклонился над свечой, отражавшейся в бутылке кьянти, и не предложил: «Я хочу рассказать вам сказку». Впрочем, нечего было сказать друг другу и нам. Ракель казалась озабоченной и подавленной. Она весь вечер явно нервничала и время от времени грызла заусеницы на левом мизинце.

Мы вышли примерно полдевятого и сели в разные такси, потому что они везли нас в разные стороны. Ракель в «Крийон» на площадь Согласия, меня на остаток вечера в кафе, а затем в «Синь» и в постель.

15. КЛОВИ

Когда я вышел из отеля, направляясь на сбор съемочной группы в студию «Гомон» на верху Монмартра, стояло яркое прекрасное утро. Я решил, что надо бы побереечь деньги Ракель, и поэтому вместо такси спустился в метро на станции «Шатле», проехал в вагоне второго класса до «Опера», там сделал пересадку, а затем еще одну на вокзале Сен-Лазар и, наконец, поднялся на поверхность на «Ламарк Коленкур».

Идя по улице Коленкур, я на минутку остановился, чтобы по-

любоваться красивой базиликой Сакре-Кер, и потом зашагал ко входу в старую студию «Гомон». Как я слышал, самую старую в Европе.

Снаружи здание студии напоминало что-то среднее между крепостью и складом товаров. Оно стояло на вершине холма. Вы оставляете тенистую аллею бульвара и взбираетесь по чередеступенек к стальной сетке моста для пешеходов, нависающего над собственностью «Гомон».

Клерк спросил у меня фамилию и рассказал, где должен быть сбор съемочной группы. Я долго шел по коридорам, в которых эхом отдавались мои шаги, миновал занятых техников, совершавших тайнственные манипуляции с бобинами пленки, и наконец попал туда, куда, как предполагалось, я и шел.

Или по крайней мере я думал, что попал туда, куда, как предполагалось, шел. Я стоял на огромной глубокой сцене, которую освещали низкие прожекторы. Занавеси кулис были отодвинуты, и там виднелись разбросанные декорации и реквизит: дверь собора в натуральную величину, нарисованный деревенский луг с рекой позади, кафе с настоящими стульями и цинковым баром на переднем плане.

Когда я пересекал сцену, над головой возник луч прожектора, «поймал» меня и вел до тех пор, пока в конце сцены к нему не присоединился второй луч.

Каким-то образом я почувствовал, что мне брошен вызов, поэтому вернулся на середину сцены и поклонился. Прожекторы светили мне в лицо, и я не мог решить, есть ли кто-нибудь вокруг. Но я предполагал, что кто-нибудь услышит меня.

— Мсье и мадам, — начал я, — большое спасибо, это такое удовольствие веселить вас. А как насчет дружных аплодисментов оркестру?

Из темного зала донесся звук аплодисментов, хлопал один человек. Включился обычный свет, прожекторы потухли. В зале и правда сидел один человек. Он встал и направился к сцене. Медленно, нарочито театральным шагом.

Когда он поднялся на сцену, я увидел, что он одет в синий блейзер с белым свитером под ним. Ему было, наверно, лет сорок. Высокий мужчина с подчеркнуто интеллигентным видом. Мне не надо было его представлять — я знал, что это и есть знаменитый Жерар Клови, инфант террибль или, если хотите, шалопай французского кино.

— Отлично, — сказал он. — Вы американец? Поздравляю вас с вашим показом замешательства. Мне особенно понравилось, как вы зацепились за электрический кабель. На вашем лице присутствует выражение мужской наивности, что характеризует вас

как очень доверчивого парня. Короче говоря, вы совершенный тип, который может родиться лишь в голове distinguished Джима Томпсона.

— Кого? — спросил я.

Нижняя губа Клови изогнулась в неопишимо насмешливой гримасе печали.

— Вы даже не знаете работ лучшего американского автора детективов, знаменитого Джима Томпсона?

Я мгновенно почувствовал к Клови неприязнь вместе с острожным восхищением его наглостью.

— Нет, я не знаю Джима Томпсона, — подтвердил я. — Я пытаюсь найти следы моего друга, который исчез. Мне сказали, что вы наняли его для вашей картины.

— Как его фамилия?

— Алекс Синклер. Американец.

— Ах, конечно, — лицо Клови просветлело, — мое новейшее открытие. Он само совершенство. Вы принесли мне новости от него?

— Я надеялся, что вы знаете, где он.

— Он начал у меня работать несколько недель назад. На прошлой неделе он не пришел на репетицию. Он не отвечает на телефонные звонки. А я послезавтра начинаю съемки. Откровенно признаюсь, меня это очень беспокоит.

— Мне тоже печально это слышать. Я позвоню вам, когда что-нибудь узнаю.

Клови кивнул, но как-то рассеянно. Его мысли были уже далеко от Алекса. Потом он окинул меня пронизывающим взглядом.

— Могу я узнать ваше имя?

— Хобарт Дракониан.

— У вас есть, мистер Дракониан, какой-нибудь опыт актерской работы?

— Нет, боюсь, что нет. Актерская работа совсем не мой профиль.

— Превосходно. — Клови произнес «пхревосходно». — В этом бизнесе я презираю так называемых профессионалов. Большие тупые лица и жующая дикция. Антонен Арто¹ показал единственно верное направление. Я первый, кто пошел по этому пути. Мистер Дракониан, я бы хотел снять вас в своей картине.

— Вы очень добры, — ответил я, — но об этом не может быть и речи.

¹ Антонен Арто (1896—1948) — французский поэт, театральный деятель, сюрреалист, создатель Театра абсурда, старался возродить магическую функцию драматического зрелища.

— Никогда не обвиняйте меня в доброте, — возразил Клови. — Меня называют прагматиком сверхъестественного. И почему об этом не может быть и речи? У вас на следующей неделе есть что-то более неотложное или важное, чем участие в фильме, который определенно войдет в историю кинематографа?

— Ну, понимаете, мне, конечно, хотелось бы, — проговорил я, — но я и правда должен найти Алекса. Это не только дружба, это работа.

Клови задумался.

— Алекс дружил с моей командой операторов. Кто-то из них может что-то знать. И вам определенно надо поговорить с Иветт, девушкой, которая занимается сценарием.

— Прекрасно. Где я могу их найти?

— Это будет трудно, — протянул Клови. — Они разбросаны по Парижу, в тех местах, где в данный момент я предполагаю вести съемки. Но вы встретитесь с ними, когда будете работать в моем фильме.

— Мистер Клови, я восхищаюсь вашей настойчивостью, но не собираюсь участвовать в вашей картине.

— Ну конечно, вы будете, — не отступал Клови. — Вы кажетесь мне рациональным человеком. Работа в моем фильме даст вам доступ ко всем последним парижским слухам. Вы встретите несколько человек, которые хорошо знают Алекса. Я сам буду помогать вам в вашем расследовании. И есть еще одно, над чем стоит подумать. Когда картина выйдет, какой-нибудь агент или продюсер увидит ваше лицо и сделает вам предложение дальнейшей работы. Это может стать для вас началом новой блестящей профессии.

— У меня уже есть профессия. Я занимаюсь расследованиями в международном масштабе.

— М-м-м, несомненно, но разве она столь блестящая?

Мне пришлось признать справедливость его слов.

— Больше того, — продолжал Клови, — я плачу реальными деньгами, франками, которые вы сможете потратить здесь, в Париже, хотя бы на то, чтобы улучшить свой гардероб.

Это звучало как настоящее оскорбление. Правда, мои джинсы еще чуть-чуть — и превратятся в лохмотья, а голубая рабочая рубашка села, и я не могу застегнуть пуговицы на рукавах. Поэтому мне пришлось закатать манжеты, чтобы вежливый взгляд принял это за небрежность. И мои ботинки для прогулок по пустыне видали лучшие времена. Но все равно это не дает оснований так беспардонно меня оскорблять.

Что же касается моей карьеры в кино, то это была самая без-

умная идея, какую я слышал за долгое время. Такая безумная, что я просто оцепенел, услышав собственные слова.

— О'кей, вы меня уговорили. Когда приступать?

— Послезавтра я начинаю снимать. Мне надо, чтобы на расвете вы были в бистро на углу бульвара Массена и Порт д'Итали. Ровно в семь.

— О'кей, босс, — сказал я, надеюсь, иронически.

16. НАПАДЕНИЕ

Я вернулся на метро в Шатле-ле-Аль. Там ниже уровня улицы есть кинотеатр, где показывают новые и экспериментальные фильмы. Я спустился к кассам и посмотрел программу, чтобы узнать, когда там появятся картины Клови. Оказалось, через неделю я смогу посмотреть целых два его фильма: «Плоть, желание и нищета», где снималась Симона Синьоре, и «Оранжевый закат» с Аленом Делоном. Свою новую профессию я начинаю в весьма хорошей компании.

Я встал на эскалатор, чтобы подняться на уровень улицы. Вот тогда-то это и случилось.

Парень спускался по эскалатору вниз. Высокий блондин, стриженный «ежиком», с загорелыми бицепсами и неестественно белыми зубами. На нем был жилет, как для серфинга, резиновые «вьетнамки» и гавайская рубашка. Вид не более бандитский, чем у любого другого в кинотеатре «Форум де Аль». И я тут же забыл о нем. Это было ошибкой.

Едва поравнявшись со мной, парень перепрыгнул через барьер между эскалаторами, едущими вверх и вниз, и набросился на меня с кулаками. Он что-то бормотал, однако в тот момент его слова плохо доходили до меня. Я был слишком увлечен поисками выхода из этой ситуации.

Как я уже говорил, я не из тех, кто в совершенстве владеет боевыми искусствами. И вообще я не очень верю в правильность силового решения проблем. Но все же, если люди настойчиво навязывают мне драку, я считаю вполне справедливым использование любой, в том числе самой неблагородной тактики.

Когда он прыгнул на меня, я выставил вперед обе руки, чтобы дать ему отпор, и потом пнул носком ботинка для прогулок по пустыне прямо в пах, или, как англичане говорят, в промежность, аккуратно попав в гениталии, спрятанные несколько в глубине. Точно, как учил меня в давние студенческие годы старый Лао Дзы в школе «пинков в пах» на острове Хоккайдо.

Парень рухнул головой вниз на ступеньки эскалатора, будто кастрированное животное. А я получил одобрительные аплоди-

сменты от наблюдавшей публики, но тут же поспешно отступил. Потому что по Лао Дзы движение, следующее после «пинка в пах», — «отступление на полной скорости». В особенности если вы промахнулись и не попали в уязвимое место или наткнулись на правильно поставленную защиту. Отступление — всегда лучшая тактика после того, как вы ударили человека в пах, если, конечно, вы не намерены идти дальше и убить его. В таком случае лучше это сделать там же и тогда же до того, как противник придет в себя. Получившие «пинок в пах» мужчины после «воскрешения» всегда очень обижены и склонны к невероятной жестокости.

Какое удовольствие снова выйти на улицу. Вдруг до меня дошло, что я в Париже. Я был так свержзанят Алексом, что забыл немедленно обдумать остроту моей нынешней ситуации. Я бродил по улицам, заполненным дружелюбными искателями удовольствий, иногда плечом к плечу с вездесущими французскими полицейскими, которые попадались то здесь то там. Копы, как мы их называли, разгуливали парами, их короткие черные пелерины развевались на полуденном ветру. Со всех сторон меня окружали кафе — бесконечно цивилизованные учреждения. Некоторые пытались привить их в Соединенных Штатах. Результат получился весьма посредственным. Светловолосый студент колледжа, общающийся по дороге к столику: «Привет, я Харли», совсем не то, что профессиональный французский официант, поведение которого — сплошное достоинство, с обеих сторон на мили отдаленное от презрения.

Нет, атмосфера Парижа не поддается трансплантации. Если вы хотите создать в Срединнограде США точно такую же обстановку, как в вашем парижском кафе, то вам для начала нужно привезти туда пару марокканцев в длинных белых одеждах, передвигающихся от стола к столу и продающих сувенирные барабаны. И вам придется объяснять всем посетителям, что на самом деле никто не покупает сувенирные барабаны, потому что продавцы субсидируются мэрией для создания местного колорита.

Забавно, как мы всегда стараемся приобрести добродетели в очаровательном заграничном месте, то есть ТАМ, а использовать их ЗДЕСЬ, в скучном родном старом городе. Современная жизнь состоит из прозябания ЗДЕСЬ и импортирования самого важно-го из ТАМ: любви, моды, стиля жизни.

ЗДЕСЬ и ТАМ — вечные категории, которые никогда не будут отменены или включены одна в другую. Как бы далеко вы ни уехали, вы всегда живете ЗДЕСЬ. А место, куда вы хотите попасть, ТАМ, где любовь и приключения и культура. Но ТАМ недостижимо.

Когда вы физически перевозите себя из ЗДЕСЬ в ТАМ, возникает любопытное состояние. Первое время вам всюду сопутствует иллюзия, мол, наконец-то вы попали в ТАМ, где есть все хорошее. Вам даже удастся наслаждаться, однако очень недолго. В этот период ТАМ сохраняет в ваших глазах свои истинные качества и окружающее предстает во всей своей уникальности. Но постепенно зарождается загнивание непривычности, восприятие тускнеет, начинается привыкание. И скоро то, что вы видите, уже больше не очаровательное, а просто необычное. Слишком скоро. И ТАМ превращается в еще одно ЗДЕСЬ.

Но происходят и хорошие изменения. ЗДЕСЬ, если вы долго уезжали, приобретает качества ТАМ. Это случается автоматически. Точно так же, как ТАМ превращается в ЗДЕСЬ, если вы становитесь его постоянным жителем.

ЗДЕСЬ и ТАМ. ВЫ и ОНО. Вечные категории, противоположности, борьба. ВЫ против ОНО. ВЫ завоевываете ОНО, которое становится ВАМИ, и ВЫ превращаетесь в ОНО... Вечные законы, по которым непривычное превращается в знакомое.

Я размышлял над этими и похожими вопросами, когда шел по тротуару внутреннего города, расположенного в центре Города Света. Для уточнения скажу, район, который я называю Шаттле-Алле, находится между рю де Риволи и рю Этьен-Марсель, и дальше восток с западом связывает Севастопольский бульвар и рю дю Тампль. Этот миниатюрный город представляет собой гипермодерн, где древность и современность брошены в постоянное грубое сопоставление. На маленьком пространстве, не больше нескольких акров, удаленные друг от друга эпохи взаимопроникают друг в друга. Здесь перед вами разворачивается во всей красе главный музей современного искусства. Вокзал и станция метро, улица секс-шопов, фонтан, полный огнеглотателей и поедателей стекла (сурового вида джентльменов сопровождают их подружки, которые несут ленч и бутылку с бензином). Каменные фасады как древних, так и современных зданий соединены на различных уровнях. Есть открытые и закрытые пространства, и все они связаны воедино извивающейся бетонной стеной, которая проникает то здесь, то там в древние дома. В этом квартале у латиноамериканцев есть свои кафе, места, где встречаются все вновь прибывшие беженцы. Это судьба современной Южной Америки. Они приезжают в Париж со своими песнями и со своей политикой. И ни одна волна не бывает последней. Здесь же вы встретите и других беженцев: из Магриба и Черной Африки, из Ирана и Арабских стран — отовсюду, где инакомыслие наказывается долгим тюремным заключением или смертью.

Погруженный в собственные мысли, я пообедал в маленьком

ресторане на рю де Блан и вернулся к себе в номер. Сначала я планировал освежиться и выйти снова, чтобы насладиться ароматом ночного Парижа и, возможно, подцепить одну-две ниточки, ведущие к Алексу. Но потом решил лечь в постель и предаться меланхолии. Когда я нащупывал на стене выключатель, голос из глубины номера произнес:

— Не затрудняйтесь, старина, не надо света. В темноте гораздо уютнее.

Часть IV

17. НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Хотя голос ничего такого не сказал, я понял, что у его обладателя есть пистолет. Окажись я на его месте, я бы на всякий случай прихватил оружие. Поэтому я решил не делать резких движений и вообще ничего такого, что могло бы встревожить голос (хотя он звучал вполне спокойно) и вызвать преждевременную или, скажем так, ошибочную стрельбу. Кроме принятого решения, у меня в настоящий момент не оставалось никакого эффективного хода. Я уже закрыл за собой дверь. Бежать было некуда.

— Могу я сесть? — спросил я.

— Устраивайтесь поудобнее, — ответил голос. Он говорил по-английски, но с французским акцентом, как и следовало ожидать. Лунный свет струился через высокие с белыми шторами окна, рисуя на полу тропинку желтого цвета и создавая во всей комнате призрачное освещение. Шкаф прижался к углу комнаты, словно сказочное чудовище. Из темноты выступало кресло, и я плюхнулся в него.

Выдержав подходящую паузу, я заговорил:

— О'кей, вы собираетесь сказать мне, что все это значит, или будем сидеть в темноте и молчать?

— Я действую в интересах некоторых моих друзей, — ответил голос.

— И как это надо понимать? — спросил я.

— В поле нашего внимания попало то обстоятельство, что вы ищете Алекса Синклера.

— Правильно, — подтвердил я.

— Вероятно, мои друзья могут помочь.

— Прекрасно. Я плачу за информацию. Передайте вашим друзьям, пусть они позвонят мне. Завтра утром лучшее время. Или, когда будете уходить, оставьте мне их телефон, я позвоню сам.

— По-моему, самое лучшее, если мы встретимся с ними прямо сейчас.

— Я был бы счастлив, — почти согласился я, — но фактически у меня через несколько минут назначено свидание. Почему бы нам не договориться о встрече? Ленч завтра — подходит? Я угощаю.

— Симпатичное предложение, мсье Об¹, но не подходит. Мои друзья настаивают — они хотят видеть вас сейчас. Вы пойдете тихо и культурно или предпочитаете устроить себе и мне неприятности?

— Это полностью зависит от того, вооружены вы или нет, — ответил я.

— Остерегайтесь ошибки, — предупредил голос, — я вооружен.

— Сказать легко, — возразил я. — Разве я должен верить вам на слово?

— Ладно, — фыркнул голос. — Включите свет.

Я выполнил распоряжение. При верхнем свете обнаружился мужчина средних лет и мрачного вида. Землистое лицо в следах оспы. Синяя щетина выступала из желтоватой кожи, будто иглы стальной щетки, проткнувшие серовато-зеленую простыню. Длинный черный плащ и черный котелок дополняли картину. Он выглядел как интеллеktуал, загримированный под гангстера тридцатых годов. С таким маскарадом французы справляются очень хорошо. В правой руке зловеще мерцала синяя сталь автоматического пистолета.

— Принимаю на веру, что он заряжен, — буркнул я. — Есть такое понятие, как слишком далеко зашедшее доверие. Куда мы отправимся, и собираетесь ли вы тыкать в меня этой штукой на улице?

— Он будет у меня в кармане, — сказал мужчина, пряча пистолет. — Не заставляйте меня стрелять, иначе будут испорчены два пиджака, не говоря уже о вашем здоровье.

Итак, мы вышли в июньскую ночь.

Париж широко известен как город, вызывающий сильное сердечное волнение. Особенно когда вы идете по улице, а пистолет упирается вам в ребра. Мысли о побеге носились у меня в мозгу, как маленькие серые кролики. Что помешает мне неожиданно рвануть, забежать в аллею, или в театр, или в бар, или в секс-шоп, или даже нырнуть в жандармерию, мимо которой мы как раз проходили? Я с сожалением отбросил эту мысль. Черные лебеди осторожности вернули мне здравый смысл. Любое внезапное движение могло вызвать у этого центуриона неизвестной мне вражеской армии приток адреналина в кровь и обострение соот-

¹ Французский вариант произношения имени Хоб.

ветствующих рефлексов. Если его настороженный палец лежит на спусковом крючке, то резкое движение с моей стороны может заставить его выстрелить раньше, чем он поймет, что этого делать не стоит. И, конечно, после этого он вполне мог скрыться, потому что в Париже никто не обращает внимания на шум, если он не такой громкий, как взрыв средних размеров бомбы, и не такой дробно-назойливый, как автоматная очередь.

Так я и шел. И пока я шел, я думал. Одно из преимуществ вечерней прогулки с пистолетом, упирающимся в ребра, в том, что она способствует истинно высокой оценке даже самых незначительных радостей. Таких, как появление на тротуаре старого друга с белым раскрашенным лицом, имитирующего походку прохожих.

— Привет, Арне, — бросил я, когда мы поравнялись с ним. Я надеялся, что он уловит в моем голосе ноту отчаяния.

Арне сделал преувеличенно низкий поклон, засунул правую руку в карман, подражая моему похитителю, и сбоку чуть позади пристроился к нам. Самое время разыгрывать дурака! Лицо Арне приняло озабоченно-злое выражение. Глаза бегали взад-вперед. Он в совершенстве изображал вороватую подозрительность, и моему похитителю это не понравилось. Он сделал угрожающий жест в сторону Арне. Арне с преувеличением повторил его.

Вот он, мой шанс. В те несколько мгновений, пока разыгрывается это двойное представление, я сумею улигнуть.

Или, вернее, я бы сумел улигнуть, если бы не заметил в толпе бесспорно представительную фигуру в темно-синем костюме с красной звездикой. Мистер Тони Романья.

Я решил, что тут слишком много загадок и будет лучше, если я немедленно разгадаю хотя бы одну из них.

— Уберите этот дурацкий пистолет, — бросил я своему похитителю. — Ведите, куда вам приказано меня доставить.

— Вы хотите сказать, что я могу доверять вам?

— Конечно.

Он иронически посмотрел на меня, но вынул правую руку из кармана.

— Знаете, мне говорили, что раньше вы были немного другим.

— Полагаю, что я совсем не изменился.

— О чем они не упомянули, так это о том, что вы ужасно глупый. Меня зовут Этьенн. Пошли, ребята уже заждались.

И мы зашагали дальше в ночь, полную тонкой иронии и легких прозрачных экстазов, в парижскую ночь звуков аккордеона и запахов жареных каштанов.

18. ЭТЬЕНН

Этьенн немного нервничал. Наверно, это было его первое похищение человека. Но он изо всех сил старался оставаться спокойным.

— Пошли, — бросил он, — мы возьмем такси. И не пытайся шутить со мной. У меня все еще есть пистолет.

Такси остановилось, мы сели, и Этьенн назвал водителю адрес в тринадцатом округе, недалеко от Порт д'Итали. Но только мы отъехали, как услышали с переднего пассажирского сиденья какое-то рычание. Оказалось, там сидит большой черный французский полицейский пудель. Он недоброжелательно смотрел на нас собачьими глазами, в которых сверкала готовность к нападению, и издавал пугающие звуки, как это делают собаки, когда оттягивают губы назад, обнажают зубы и становятся похожими на Кинг-Конга, схватившего Жертву.

— Что с собакой? — спросил Этьенн.

— Наверно, — объяснил водитель, — у кого-то из вас, джентльмены, есть оружие.

Собака между тем довела себя до такой истерики, что у нее изо рта пошла пена. Шерсть встала дыбом, будто наэлектризованная, желтые капли, выглядевшие как средство для очистки ржавчины, сбегали с клыков, глаза вспыхивали то зеленым, то красным огнем, точно светофор дьявола.

Этьенн быстро принял решение и сказал:

— Да, у меня есть пистолет, и что дальше?

— Мне все равно, — ответил водитель и пожал плечами, — но собака, ей это не нравится.

— Вы не можете объяснить ей? Человек имеет право носить оружие, собаке до этого нет дела. Понимаете? — рассердился Этьенн.

— Это умная собака, мсье, — вступился за пуделя водитель. — Мне очень жаль, но я должен признать, что, хотя ваши доводы имеют смысл, ваш подход, в сущности, несовершенно. Собаку нельзя осуждать. При всем ее очевидном упрямстве она абсолютно верно реагирует на требования беспощадной окружающей среды. Чтобы упростить дело, скажем так, собаке будет приятно, если вы осторожно положите свой пистолет на переднее сиденье. Я верну вам его в конце поездки, и все будут удовлетворены.

Этьенн так не считал, но ему нечего было возразить, особенно парижскому таксисту с полицейским пуделем.

Этьенн отодвинулся от ошетинившейся клинообразной собачьей головы, однако сверкающие дикие глаза все время следили за его рукой, и мягко положил пистолет на переднее сиденье.

Он откинулся назад, но собака по-прежнему не спускала с него глаз.

Этьенн терпел сколько мог, но в конце концов не выдержал и спросил таксиста:

— Я все сделал, как вы предложили, она что, должна все время так смотреть на меня?

— Не обращайтесь внимания, мсье, — успокоил таксист. — Она ничего не имеет в виду, просто у нее такая манера.

Пока мы ехали по освещенным ночным улицам города парадоксов, Этьенн напряженно смотрел прямо перед собой и чуть покачивал головой. Я слышал, как он бормотал: «Долбаная собака, черт ее возьми. А как насчет этого?»

Наконец мы приехали по нужному адресу. Этьенн расплатился и получил назад свой пистолет. Мы стояли на тротуаре, а такси уехало.

Этьенн смотрел ему вслед даже тогда, когда машина скрылась из вида. Я еще немного подождал, потом спросил:

— Ну а сейчас что случилось?

— Не знаю. — Этьенн уставился на меня, как человек, только что пробудившийся ото сна или, может, только что погрузившийся в сон.

— Что вы имеете в виду под «не знаю»?

— Я имею в виду, что не могу вспомнить адрес. Давайте пойдем выпьем. Мне надо прийти в себя.

19. ЖАН-КЛОД

Мы нашли быстро недалеко от Тольбьяка. Там я взял Этьенну коньяк, а себе джинку с апельсиновым соком. На самом деле Этьенн не забыл, куда мы идем. Просто он хотел таким образом выиграть немного времени, чтобы успокоиться и привести в порядок нервы.

В сигаретном дыму «галуазок»¹, в бистро, наполненном смехом и звуками аккордеона, я немного узнал о нем. Он корсиканец, но в отличие от многих своих соплеменников не жестокий. Благодаря его внешности и репутации острова ему всегда дают задания вроде этого. Сам он такого бы не выбрал, но, впрочем, у кого из нас большой выбор в подобных вопросах?

Мы миновали несколько домов на рю Массена, затем повернули налево на авеню де Шуази, прошли еще несколько домов и вступили в Чайнатаун, который расположен внутри этих кварталов. Позади ряда высоких домов, названных именами композиторов и художников — Пуччини, Пикассо, Рембрандт, Сезанн, —

¹ «Галуаз» — популярные французские сигареты.

расползлись бесчисленные маленькие лавчонки и рестораны, где можно отведать вьетнамскую, лаосскую и камбоджийскую кухню. Правда, там почти у всех блюд вкус, как в китайском ресторане, в особенности если добавить рыбьего жира. По соседству с ними маленькие рынки под открытым небом завалены овощами странных очертаний и невероятного цвета фруктами. А высокие современные здания заполнены «лодочным народом» (людьми, живущими в своих джонках на реках и в заливах Индокитая). В «высотки», как я слышал, французы помещают тех, кто имеет право требовать французское подданство, потому что раньше жили во французских колониях. Говорят, что полиция держится в стороне от этого района. Индокитайцы (или есть какой-то другой общий родовой термин, каким их называют) сами себе полиция. Иногда тело падает с одного из верхних этажей, обычно Жертва — игрок-неплательщик. В Чайнатауне это называется Правосудие небоскреба.

Мы прошли переулками к авеню д'Иври, миновали скопление забегаловок с восточной кухней и ресторанчиков, где подают кускус, алжирские и вообще арабские блюда. Потом Этьенн провёл меня аллеей в узорно выложенный камнями двор. Двери квартир выходили на три стороны двора. Мы направились к одной из них, и Этьенн постучал.

Дверь с размаху распахнулась. На пороге стояла фигура, освещенная со спины. И после десяти лет даже по силуэту я узнал Жан-Клода.

— Были какие-нибудь неприятности? — спросил Жан-Клод.

— Да, кое-какие, — ответил Этьенн. — Но не по его вине.

— Входи, Об, — пригласил Жан-Клод. — Нам нужно поговорить. Я рад, что ты не пытался бежать.

— Ты мог бы не прибегать к театральным выходкам. Фактически я сам пытался найти тебя.

— Конечно, пытался, Об, — проговорил Жан-Клод. — Пройди, садись.

Мы были в студии скульптора, среди материалов самого всевозможного рода: ведер с глиной и кусков мрамора разной величины. На стенах висели аккуратные коробки с инструментами, которыми пользуются скульпторы: кувалды, зубила, долота, всякие другие режущие и колющие штуковины. Жан-Клод жестом показал мне на стул и сел сам.

— Ну, Об, — проговорил он, и улыбка искривила его узкое лицо, — много времени прошло.

Костюм на Жан-Клоде был синий в белую узкую полоску, покрой превосходный, скорее итальянский, чем наш американский

с неподложенными плечами. Маленькие, тщательно подщипанные черные усики тоже могли многое рассказать о нем. Они совершенно не походили на большие пушистые усы, которые носят мачо и которые так любят отращивать многие американцы, соревнуясь со своими обожаемыми футбольными нападающими. Внешне Жан-Клод был антимачо, но по его виду у вас не возникло мысли, что он игнорируемый женщинами человек.

Мы немного поговорили о старых и новых временах. Жан-Клод только что прилетел из Каира, где провалилась сделка, в которой фигурировало небольшое количество смолистой субстанции. У него тоже дела шли не слишком успешно. В прошлом месяце в Биаррице его жизнь потерпела крушение. Он порвал с Сьюзи, ушел от нее в порыве раздражения, не подготовив заранее почвы, то есть не найдя женщины, с которой мог бы жить.

Я заметил в буфетке его пиджака маленькую черную ленточку и спросил, кто умер. Оказалось, его дядя Гаспар. На прошлой неделе его выловили в Сене у моста Александр. Гаспара завернули в длинный черный плащ с норковым воротником. Руки ему связали впереди, а сзади на затылке обнаружилось пулевое отверстие. Гангстеры, убивающие в Париже, имеют склонность к плюмажам и перьям.

У современного французского преступника самое развитое в мире чувство стиля. Шик парижского «дна» скопирован с романов Уита Барнетта и Джеймса М.Кэйна. Большинство костюмов — прямое подражание тому, что Эдвард Дж. Робинсон носил в своих фильмах тридцатых годов. Каждый уважающий себя бандит на Монмартре или в Бельвиле одет в соответствии со стилем. Если человек становится саро таfioso, начальником мафиози, или, не знаю, как называется его корсиканский эквивалент, стиль становится особенно важным. Ходили слухи, что дядя Гаспар превысил собственные полномочия.

Жан-Клод ростом пяти футов девяти дюймов, весит примерно сто двадцать фунтов, носит вытянутые в ниточку усы и коротко стрижет черные курчавые волосы. По вашим представлениям он являет собой типично франко-итальяно-испанский тип мужчины, безусловно нервный, легковозбудимый, несомненно умный, особенно в запутанных, таинственных вопросах, и полный множества маленьких причуд. Этот тип не сравним с прямолинейно мыслящими гражданами Северной Америки, включая и Мексику.

— Об, — наконец приступил к главному Жан-Клод, — какого черта, что ты опять делаешь в Европе?

— А почему мне не быть в Европе? Я не сделал ничего постыдного.

— Об, ты продал нас в Турции. Я долго ждал, чтобы расплатиться с тобой за это.

— Черта с два, ничего подобного, — возразил я. — В тот день я увидел в аэропорту Яросика, повернулся и ушел. У меня не было возможности предупредить тебя или Найджела.

— А я слышал по-другому. Ты подставил нас. Продал Яросику и туркам.

— Это неправда. Когда я вернулся в Париж, я сделал все, что мог. Нанимал адвокатов, организовывал взятки...

— Велико дело, — фыркнул Жан-Клод, скривив губы в характерной ухмылке. — Сколько тебе заплатили турки?

— Если бы я это сделал, разве я бы сидел сейчас здесь? Ведь я не сопротивлялся, когда шел на встречу с тобой, — убеждал я его. — Спроси у Этьенна.

Этьенн в подтверждение кивнул.

— Мы взяли такси, и там была собака...

Жан-Клод жестом велел ему молчать.

— Какого черта, откуда мне знать, почему ты сейчас здесь? Может, у тебя еще больше поехала крыша, чем обычно?

— Говорю тебе, я не подставлял тебя и Найджела. Я сижу здесь перед тобой и говорю все как было. Если ты мне не веришь, тут уж я ничего не могу поделать. Тебе решать, Жан-Клод.

Он уставился на меня и долго не отводил глаз. Наконец проговорил:

— Проклятие, Об, ты поставил меня в дурацкое положение. Все знают, что ты нас продал, и все ждут, когда я отомщу. Теперь ты пытаешься сыграть на моей симпатии к тебе. Из этого ничего не выйдет, Об.

— Ты так думаешь?

— Да, именно так я думаю.

— Ну и прекрасно, — согласился я. — Тогда убей меня, если ты так решил, только прекрати эту смертельно скучную бодягу.

— Все тот же прежний Об, — он чуть улыбнулся.

Я тоже чуть улыбнулся. Я был тем же прежним Хобом. Но теперь я лучше знал себя.

— Что это за история о том, что ты ищешь Алекса?

— Мне нужно найти его для клиента. Я пытался разыскать тебя и Найджела. Я хочу, чтобы в этом деле вы работали со мной.

— Это правда, Об? Ты серьезно хочешь, чтобы мы работали с тобой?

— Ты знаешь мое правило, — начал я. — Все мои старые друзья — часть моей организации. Когда вы помогаете мне в деле, вы получаете часть гонорара. Конечно, до тех пор, пока не убьете меня. Тогда все меняется.

— Там и вправду есть какие-то деньги? — спросил Жан-Клод. Я сел поудобнее и приготовился к небольшой приятной беседе. Как только он заговорил о деньгах, немедленная опасность миновала.

Часть V

20. КЛОВИ

— Ах, доброе утро, мистер Драконян, — приветствовал меня Жерар Клови. На нем были серые твилловые¹ бриджи для верховой езды, ботинки «Фрай», клетчатая рубашка сзади на кокетке, как в вестернах, с пуговицами из природного жемчуга. Позже я узнал, что это костюм в стиле американского режиссера Джона Хэстона. У Клови есть костюмы и в стиле многих других режиссеров. В том числе Федерико Феллини, включая черную шляпу с отвислыми полями.

Было всего лишь четверть восьмого. Мы стояли перед большим складским помещением в районе Кремлэн-Бисетр тринадцатого округа, недалеко от того места, куда меня прошлой ночью привел Этьенн. Вблизи припарковались два грузовика с реквизитом. Над одним возвышалась стационарная камера на кране и пара переносных. Большую часть прожекторов и реквизита уже внесли в помещение. Нас окружало совсем немного людей, несколько техников и актеров.

— Мне не надо взять копию сценария? — спросил я.

— Сценария вообще нет, — ответил Клови и постучал себя по голове. — Все здесь. Генеральный план. Общая концепция.

— Это потрясающе, — согласился я. — Но что, предполагается, должны делать актеры? Копаться у вас в уме?

— Все, что вам надо знать, скажут потом, — объяснил он. — Мне важно, чтобы вы представляли себе только общую идею. Тогда вы даете мне ваше собственное толкование момента, вашу реакцию. Я хочу, чтобы вы — вы все — что-то добавляли к сцене, действуя спонтанно. Не беспокойтесь о диалоге, мы будем его дублировать потом. В итальянском стиле.

Клови сказал, что я должен войти в склад и подняться на платформу, образующую вроде как второй этаж. Я так и сделал. Склад — это огромное помещение с отдельными кладовками, или комнатами (не знаю, как их назвать), построенными над полом. Часть его заполняли мешки с овощами. Вдоль одной стены штабелями

¹ Твилл — плотная хлопчатобумажная ткань.

лежали деревянные подпорки, а на них стояли ровными рядами упаковочные клетки. Немного пахло дизельным маслом и картошкой. На втором этаже я обнаружил огороженное пространство для офиса, вошел и обменялся рукопожатиями с командой операторов. Потом меня повели к будке с костюмами и представили Иветт. Она оглядела меня с головы до ног и посоветовалась с леди, занимавшейся гардеробом. После краткого совещания они придумали, во что меня одеть. Белый полотняный костюм и шляпа-панама, ковбойские сапоги в стиле героя вестернов, будто бы отделанные кожей ящерицы, рубашка в коричневую клетку, тоже как носят в вестернах, и коричневый платок.

— Иветт, — начал я, — насколько мне известно, вы знаете моего друга Алекса Синклера?

— Да, мсье, — ответила она с очаровательной интонацией, которая так шла ее аккуратной фигурке, черным чулком и крестьянской юбке. Прелестная малышка, темноволосая и темноглазая, с природным дружелюбием, которое больше обещало, чем, похоже, давало. Но, конечно, никогда нельзя быть уверенным.

— Когда вы видели Алекса последний раз? — спросил я.

Она приняла задумчивый вид, еще одно выражение, которое хорошо у нее получалось.

— Мсье Об, — проговорила она со своим восхитительным акцентом, — Алекс просил меня никому не рассказывать о его делах. Понимаете, я должна оправдать его доверие.

— Да, понимаю, — согласился я, — и одобряю. Алекс говорил мне то же самое. Это его манера. Хотя, естественно, по отношению ко мне он сам неоднократно нарушал свое правило.

— Ах, вы говорите слишком сложно для меня, — пролепетала Иветт с самым обворожительным смехом, какой я в жизни слышал. Фантазия моментально нарисовала картину: я живу в студии вдвоем с этой маленькой гризеткой, у нас много вина и достаточно денег.

— Я имею в виду только одно, — объяснил я. — Дело в том, что у меня деньги для Алекса. Очень много денег. И я хотел бы отдать их ему.

— Как только Алекс позвонит, — лицо ее прояснилось, — я могу связать вас с ним.

Мне пора было отправляться в местный «Голливуд», я нахмурился и заговорил более грубым тоном.

— Вы не понимаете, бэби. Алексу необходимы эти деньги, а мне нужны быстрые ответы. Что-то может обломиться и вам, крошка.

Она вытаращила на меня глаза. Я понял, что попал в какую-то цель.

— Мсье Дракониан, вы нужны нам немедленно, — донеслось с улицы.

— Мне надо об этом подумать, — пробормотала Иветт. Глаза вытаращены, полные губки чуть раздвинулись и открыли маленькие белые зубки, предназначенные для того, чтобы в ближайшем будущем нежно покусывать меня. По крайней мере, я надеялся.

— Об! Какого черта? Где вы? — В этот раз кричал сам Клови, и голос звучал раздраженно.

Я зашагал к выходу, чтобы начать свою актерскую карьеру.

21. ОПАСНЫЕ СЪЕМКИ

Когда я вошел в коридор, где-то за спиной раздались отдаленные звуки барабана, которые перешли в стаккато. Кто-то всунул мне в руку пистолет, кажется, я изображал какого-то полицейского, но трудно говорить с уверенностью при таком режиссере, как Клови. В конце концов, пистолет мог быть и символом, хотя и в этом я не уверен.

Из-под пола поднимался дым от сухого льда. Прожекторы, расставленные вдоль коридора, начали последовательно пульсировать то оранжевым, то зеленым, не мои любимые цвета. По правде говоря, размышление об окружающем довольно занудное дело.

— Продолжайте идти, не останавливайтесь! — услышал я сзади крик Клови. И я шел. По обе стороны от меня виднелись открытые двери, и парень в берете с ручной камерой следовал за мной и делал панорамную съемку помещения, находящегося за очередной открытой дверью. Я тоже делал панорамную съемку, конечно, собственными глазами, потому что камеры мне никто не дал. За каждой дверью открывалась сцена или то, что они называли картиной. Я видел позирующих окаменевших людей, уставившихся друг на друга сквозь боевые доспехи; азиатов, застывших в позах игроков с широко разинутыми от возбуждения ртами; сцены откровенной сексуальности, чуть прикрытые небеленой марлей. И я вспомнил, как пел Джим Моррисон: «Прежде чем я впаду в самый главный сон, я хочу, чтобы вы здесь... и потом стон бабочки...»

А потом я увидел в дальнем конце коридора лицо, женское лицо, и протянутые ко мне руки.

— Диалог, — прошипел Клови, и я начал импровизировать.

— Привет, бэби, ты тоже играешь в этом маленьком эпизоде? Ты ждешь, красотка, именно меня, а я спешу к тебе по этому коридору, спешу сломя голову.

Естественно, я имел в виду, что это просто те слова, которые приходят в голову, потому что они запишут диалог потом, но я как-то увлекся и не заметил, что подошел к краю коридора. Дальше пол обрывался. Впрочем, этого я и не мог заметить, потому что дым, покрывая поверхность пола, доходил мне до лодыжек.

Публика считает, что, когда профессионалы снимают кино, они предвидят каждое движение. Вот и я смело шагал вперед, и вдруг я уже ни на чем не стоял, а куда-то падал.

22. ДОКТОР ДАДА

Париж полон мест для любого настроения. К Эйфелевой башне я шел по авеню де Сюфрэн, мимо Военной Академии и затем по Марсову полю. В парке я нашел скамейку и сел.

Чистота и упорядоченность французских парков настраивают на логическое мышление. Красиво подстриженная зелень, пляшущие в лучах полуденного солнца пылинки и девочки в белосерой школьной форме. Здесь можно поверить, что бог говорит по-французски, и стать склонным к иронии.

Несмотря на погруженность в собственные мысли, я постепенно начал осознавать присутствие старого джентльмена, сидевшего на скамейке рядом со мной. Это было удивительно, но, по правде говоря, меня не поразило, когда я обнаружил на его напудренном парике черную фетровую шляпу старинного фасона. Он был одет в двубортное бежевое пальто с двумя рядами блестящих пуговиц, серебряных или оловянных. Еще один мимолетный взгляд подтвердил, что на нем зеленые атласные бриджи до колен, а ниже — сизо-серые шелковые чулки, ухидившие в забавные черные туфли с квадратными пряжками из белого металла.

— Да, смотрите как следует, Хоб, — проговорил старый джентльмен. — И потом избавьтесь от меня с помощью одного из своих искусных умозаключений.

Я вздрогнул, потому что знал: наступило время испытания, и пришло оно раньше, чем я успел по-настоящему подготовиться. Я медленно выдохнул и повернулся к нему.

— Всегда рад встретиться с настоящей аномалией, — сообщил я. — Я сам недавно чувствовал себя немного нереальным. У вас есть имя?

— У меня много имен, — ответил он поддразнивающим тоном. — Но я дам вам ключ — назову два из них. Иногда я известен как доктор Дада, и я близкий друг Зигфрида Сюрреала. Вы сами прекрасно знаете, что Второй Сюрреалистический Манифест все еще заставляет упражняться мозги мужчин. Вы вполне обосно-

ванно подозреваете, что истинная природа бытия с трудом поддается изучению таким туповатым инструментом, как разум англосаксов. В прозаическом мире ваш собственный здравый смысл осуждает вас и ваши поступки, но вы знаете, что здравый смысл — главный враг, и вы приехали во Францию, чтобы найти оружие для своей великой борьбы с реальностью. Признайтесь, Хоб, вы приехали сюда, чтобы поговорить со мной.

— Да, но кто вы?

— Кроме многого другого, я тот, кто уничтожит паутину вашего рационализма.

Он улыбнулся с вольтеровской пронизательностью. Я чувствовал себя на пороге некоего важнейшего открытия, некоего проникновения внутрь, которое объяснит мне, что я здесь делаю, некоего знания, которое поможет собрать воедино разорванные нити моей жизни.

Затем образ начал дрожать, у меня появилось головокружение, и, удивительно, без всякого перехода я обнаружил, что лежу на спине и смотрю в небо. Голова покоилась на чем-то мягком, покрытом длинной черной хлопчатобумажной юбкой.

— Об! С вами все в порядке?

Я посмотрел вверх, в темные глаза Иветт. Я и правда лежал на спине на полу склада. Мелькнуло воспоминание: я был где-то наверху, шел по коридору, и потом что-то случилось. И тут я вспомнил, как пол под моими ногами кончился, и я ухватился за электрический кабель. Это затормозило падение, но кабель не выдержал моего веса, и я рухнул вниз.

— Об! — Это Клови, склонившийся надо мной. — С вами все в порядке?

Я осторожно встал на ноги. Мне ужасно не хотелось покидать теплые удобные колени Иветт. Я сделал несколько шагов, разминая мышцы, и обнаружил, что в разных местах есть ушибы, но переломов нет.

— Слава богу, — вздохнул Клови. — Я намерен расследовать это происшествие. Не понимаю, как все случилось. Там в коридоре оказалась дыра в полу, Хоб, и кто-то закрыл ее куском картона. Непростительная преступная халатность.

Я услышал знакомый двухтоновый вой машины французской полиции. Лучше бы Клови не вызывал ее. Конечно, начнутся неприятности, когда они узнают, что я снимаюсь в фильме без зеленой карты с разрешением на работу. Вполне возможно, что они вышлют меня из страны.

Ну, как будет, так и будет, не стоит беспокоиться. Разумеется, я не мог знать, что встречу с инспектором Фошоном.

23. ЭМИЛЬ ФОШОН

Инспектор полиции Эмиль Фошон — невысокий, коренастый, с насмешливым живым галльским взглядом, который составляет чуть ли не главную часть великого галльского наследства. Курчавые черные волосы он стриг под «ежик». Еще надо добавить большие сверкающие карие глаза, оливковую кожу и густую щетину, недавно сбритую и попудренную. Лохматые черные брови срослись на переносице, нос костистый и слегка крючковатый. Губы тонкие, уголки опущены книзу. Он приехал на обыкновенном «Пежо», осмотрел место происшествия и, пока Клови объяснял, что произошло, кивал и что-то ворчал. Фошон почти ничего не говорил, лишь время от времени делал пометки в маленьком черном блокнотике, который хранил в нагрудном кармане темного костюма-тройки. Удовлетворенный осмотром, он повернулся ко мне.

— Мсье Дракониан, вы были очень близки к последнему звонку. Вы полностью пришли в себя?

— Да, совершенно, — ответил я.

— Тогда, вероятно, вы согласитесь сопровождать меня в кафе «Селект», тут недалеко за углом. Мы можем выпить коньяку, и я сниму ваши показания.

«Селект» — кафе рабочего люда, очень популярное в своем квартале. Белый кафельный пол, цинковый бар. На маленькой полке телевизор, игра в сокер в полном разгаре, европейцы трепетно называют ее футболом, потому что не знают ничего лучшего. Нам в Америке этого не понять.

Утро уже кончалось, и мы без труда нашли столик у задней стены. Я заказал кофе с молоком и круассаны, Фошон — коньяк и эспрессо. Воздух в кафе загустел от запаха кофе, цикория, черного табака, белого вина и перно. Фошон задавал мне вопросы скорее как человеку, с которым хочет поближе познакомиться, чем как полицейский подозреваемому. У меня не было ни малейшего представления, имею ли я право заниматься во Франции расследованиями, поэтому я сказал, что я старый друг Алекса Синклера, что было правдой, и что я ищу его отчасти ради собственного интереса, отчасти по просьбе друга.

Фошон время от времени делал пометки в блокноте, но главным образом слушал, глаза под тяжелыми веками шурились от дыма его «галузки», темная, недавно бритая челюсть опиралась на пухлый кулак. Он сделал пометку, как правильно произносится «Синклер», и сказал, что, вероятно, через день-два сообщит

мне какую-нибудь информацию, касающуюся моего падения, а, заодно, и об Алексе.

Мы пожали друг другу руки, Фошон снова сел в машину и вернулся в префектуру, так я думаю, иначе что же делает французская полиция, когда не занимается происшествиями. А я вернулся на склад, к Клови.

Клови уже снимал другую сцену. Он казался подавленным и задумчивым.

— Слава богу, что вы не получили повреждений, — проговорил он. — Этого не должно было случиться. Но я убежден, Фошон доберется до дна.

— До дна чего? По-моему, это просто несчастный случай.

— На моих съемках возможны только те несчастные случаи, которые планирую я, — покачал головой Клови. — Могу заверить вас, что этот спланирован не мною. Идите сюда, позвольте, я вам кое-что покажу.

Я последовал за Клови на верхний этаж. Мы шли по коридору к тому месту, откуда я упал. Клови показал мне, на чем держится пол, по-моему, это называется подпорочные брусья. Они были подпилены у основания, а потом аккуратно соединены. Сверху набросали всякого барахла. Самая аккуратная западня, какую я только видел.

— Но кто это сделал? — удивился я. — И зачем?

— Интересные вопросы, — согласился Клови. — Надеюсь, у вас найдутся какие-то ответы.

— Почему у меня?

— Только вы можете знать, кто бы хотел видеть вас мертвым.

— Но я не знаю.

— Тогда, наверное, вам стоит это узнать.

24. ПОСЛЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Я заметил, что частные детективы не тратят много времени на обсуждение своих ушибов и ран, полученных при исполнении долга, или работы, как там они называют свое занятие. У них у всех вроде бы есть баснословная способность, будучи серьезно избитыми, иногда даже тяжелыми тупыми предметами, отряхнуться и мгновенно прийти в норму. Примечательно, что после горячего душа и расслабляющего массажа они испытывают на следующий день всего лишь легкое стеснение при движении, но не обращают на него никакого внимания.

У такой выносливости, конечно, есть причина. Большинство частных детективов обычно бывают обладателями основательной мускулатуры. В их представлении занятия на тренажерах вместе с

друзьями в местном гимнастическом зале — единственное по-настоящему стоящее времяпрепровождение. Я слышал о такого сорта людях, которые, когда им скучно, например, играют в гандбол, вместо того чтобы спокойно лежать на кушетке и терпеливо ждать, когда пройдет плохое настроение, как это делают все нормальные разумные создания. Они просто стойки, а не частные детективы.

Я не похож на них. Меня легко выбить из седла. Контузия, которую я получил при падении на складе, оставила безобразные желто-багровые пятна на моем теле и голове. Наверно, они не пройдут несколько месяцев. И они болят. Больше я об этом не упомяну, но хочу, чтобы вы тоже знали.

Я вернулся в свой номер в отеле и долго отмокал в ванне, потом часа два поспал. После этого я чувствовал себя почти готовым пойти на свидание с Иветт, назначенное на вечер.

Почти, но не совсем. Я просто не мог заставить себя выйти в надушенный декаданс парижской ночи, даже ради Иветт. Я все еще размышлял о том забавном старике, привидевшемся мне утром во время галлюцинации. И я размышлял о деле, в которое втянули меня Ракель и Алекс. Смутные мысли. Неопределенные мысли. Я размышлял о том, что мне очень плохо заплатили за расследование, обернувшееся сложной и опасной работой. Я размышлял о том, что всего случившегося уже больше чем достаточно, чтобы остановиться. Я приближался к критическому моменту, и сам это чувствовал: всегда знаешь, когда вот-вот войдешь в штопор. Я размышлял о том, какого черта меня снова занесло в Европу. В смятении я начал понимать, что повторил все снова: как дикарь попался на обманчивый блеск стеклянных бус. Погрузился в сложности и опасности из-за романтического заблуждения — ради мечты о Париже. О Париже, какого никогда не существовало. Ради мечты о себе, какого тоже никогда не существовало. Я пытался сделать вид, будто хочу заработать на жизнь без романтического ореола, без теплого сияния утраченного времени, которым окутаны мои воспоминания, без опоры на королевство ностальгии и жаркого воздуха. И, будто забыв, до чего отвратительными были мои годы в Европе, я пытаюсь повторить все снова.

Обратили ли вы внимание, что в детективных романах кризис могут переживать любые персонажи, кроме самого детектива? Вспомните прочитанные романы, и вы увидите, что это первый, в котором детектив решительно отказывается от свидания с очень ценным информатором. Вместо свидания я пошел вниз и спросил консьержку, может ли она отправить мою телеграмму.

Она могла. Я написал: «Дорогая Ракель. Я ухожу. С любовью, Хоб», и послал телеграмму в «Крийон».

Вы можете сказать, что я перегнул палку. Но дело в том, что я терпеть не могу падать через несколько этажей. Особенно когда это не приносит никакой выгоды.

25. СНОВА РАКЕЛЬ

Два часа спустя, когда я спал, в комнату вошла Ракель.

— Что значит, вы находите? — спросила она.

— Дайте посмотрю, — сказал я и взял у нее листок бумаги. Это была моя телеграмма. — Я написал «я ухожу», а не «нахожу», — объяснил я. — Проклятые лягушатники, все делают с ошибками.

— Но разве сегодня вы уже не в восторге от Европы?

— Мой энтузиазм начал таять точно в тот момент, когда я свалился со второго этажа в Кремлэн-Бисетр.

— Кстати, вам вообще не следовало сниматься в кино. Я нашла вас найти Алекса, а не начинать новую карьеру.

— С теми деньгами, что вы мне платите, мне необходима вторая работа, чтобы как-то существовать, пока я занимаюсь вашим делом. Вы знаете, девиз моей гильдии: «Не рисковать жизнью за так».

— Я не понимаю, что значит «за так». Однако, мне кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, — проговорила Ракель. — Я хочу, чтобы вы продолжали. Что вам нужно?

— Во-первых, немного честности.

— Какое вы имеете право обвинять меня во лжи? — ледяным тоном спросила Ракель.

— Нет, не совсем так. Просто я хочу, чтобы вы сказали мне правду.

— Вы противоречите сами себе, — возразила Ракель. Уже не так холодно. — Что вы хотите знать?

— Почему вам нужно найти Алекса?

— Ну, я вам уже говорила, — начала она. — Он мой друг. Он исчез. Я беспокоюсь о нем.

— Дальше, — сказал я.

— Куда дальше?

— Какая цена?

— Я правда не понимаю, о чем вы говорите.

— Ракель, — снова начал я, — вы мне нравитесь. Но если то, что вы сказали, правда, вся правда и ничего, кроме правды, тогда нам лучше договориться и уехать. Я вернусь в Штаты на выпускной вечер дочери.

— Почему вы вдруг решили таким образом отказаться от дела?
 — Потому, Ракель, что оно становится опасным. Похоже, в нем участвует очень много народа и в нем есть какая-то загвоздка, или, может быть, несколько загвоздок, о которых я не знаю. Это ставит меня в невыгодное положение: любой вокруг знает больше, чем я. А я знаю только одно. — Я сделал драматическую паузу.

— Что? — спросила она.

— Я знаю, Алекс не просто исчез, чтобы убежать с быками на корриду в Памплону. Я думаю, он участвует в чем-то сложном и, вероятно, нелегальном. И у меня есть ощущение, что в этом замешаны большие деньги.

— Почему вы так считаете?

— Слишком много людей участвует в этом. Обычно такого рода интерес возникает, когда замешаны большие деньги.

— Понимаю, — проговорила она, немного подумав над моими словами.

— Хорошо. И что теперь вы хотите сказать мне?

— Хоб, вот лучшее, что я могу придумать в этот момент: найдете Алекса — получите пять тысяч долларов.

— Это реальные деньги или новая игра?

— Вы опять называете меня лгуньей? — Она покраснела.

— Вовсе нет. Я только хочу показать вам, что у меня есть расходы, мне надо нанимать людей, на каждом шагу давать взятки плюс мои собственные траты, когда я встречаюсь с информаторами.

— Я могу дать тысячу долларов прямо сейчас. — Она открыла сумочку и смотрела на меня.

— Скажу вам вот что, — ответил я, — давайте мне две тысячи сейчас и еще восемь, когда я его вытаску.

— Но это десять тысяч долларов!

— Да.

— С вашей стороны не очень хорошо так поступать: в середине дела ставить мне ультиматум.

— Вы можете подать жалобу в гильдию. Но поверьте, это совсем не много, учитывая, что вы до сих пор не сказали мне ничего полезного.

— Ладно, — вздохнула она. — Как вы думаете, скоро вы сможете его вытаскать?

— Если ваши деньги готовы, я рассчитываю через три дня, самое большее через неделю, — пообещал я, — и тогда это дело можно будет закрывать.

Впоследствии я пришел в восторг от своего провидения.

Часть VI

26. ГАРРИ, МАРИЯ

Гарри Хэм был немного смущен, вышагивая к пристани порта Ибицы рядом с Марией Гуаш. Хотя и был доволен. Мария красивая женщина, в ней чувствовался класс, и он радовался прогулке с ней. Он даже начал надеяться, что они не слишком быстро узнают о братьях Гуаш и, может, вместе пойдут на ленч.

Но тут Антонио Планнеллс сказал Марии, что видел, как отчалило судно ее братьев. Миновав волнорез, они взяли курс на Барселону.

Услышав это, Мария нахмурилась. Воды, где они обычно ловили рыбу, находились далеко от Барселоны.

— Зачем они туда пошли? Антонио, ты не мог бы попытаться вызвать их по радио?

— Они вне досягаемости моего передатчика, — объяснил Антонио, однако согласился попробовать. Он предложил Марии и Хэму подождать на причале, а сам спустился в захлавленную и набитую вещами маленькую каюту и принялся искать братьев на короткой волне.

Стоял прекрасный солнечный день. Ветер играл легкими темными локонами, выбившимися из-под косынки Марии. Белый круизный корабль с Майорки только что пристал к острову Тагомага. Гарри обнаружил, что он невероятно счастлив, хотя не мог сообразить почему.

Потом вернулся Планнеллс.

— Я не поймал их. Но поговорил с Диего Туром. Он видел их перед тем, как повернул к дому.

— Где они были? — спросила Мария.

— Милях в двадцати к востоку от Кадаке.

— Это где? — спросил Гарри.

— Севернее Барселоны, — объяснила Мария, — почти в Лионском заливе.

Она повернулась к Антонио Планнеллсу и задала несколько вопросов на огненно-быстром диалекте Ибицы. Затем снова обратилась к Гарри:

— Вроде бы они идут на север. В направлении Монпелье или Марселя.

Гарри довез Марию до ее фермы. Он хотел пригласить ее на ленч, но не знал, как подойти. Даже и не вздумайте предложить женщине с Ибицы пойти куда-нибудь выпить.

В конце того дня Гарри сидел в кафе на Санта-Гертрудис и читал газету. На пятой странице «Интернэшнл Геральд Трибюн»

он наткнулся на статью. Гарри перечитал ее дважды и решил, что лучше позвонить Хобу.

Международный телефонный звонок с Ибицы — такое серьезное предприятие, что может занять большую часть дня. Гарри поехал в Санта-Эюлалиа, третий крупнейший город острова. Там продолжалось что-то вроде фестиваля. По улицам разгуливала веселая толпа, и место для парковки найти не удалось. Сделав два круга по улицам, Гарри поехал в отель «Сес Рокес», в четверти мили от города, где его друг Карлитос сторожил обширную стоянку и позволил ему припарковаться бесплатно. Гарри по дорожке отправился в город пешком, обмениваясь с друзьями и знакомыми, которых встречал на пути, добродушными любезностями. Он не спешил, потому что на Ибице, где время измеряется неделями и месяцами и вряд ли минутами и часами, ни одно дело не делается в спешке. Но он чувствовал себя немного напряженно, так как у него было сообщение, которое нуждалось в отправке. Праздное очарование Ибицы стояло у него на пути и мешало выполнить работу.

Гарри подошел к заставленной машинами площадке для парковки на окраине города, миновал ее, срезал дорогу между домами и выбрался на центральный променад, Калле-дель-Киоско. Улица так называлась потому, что ее верхний конец представлял собой кафе на открытом воздухе, где вы сидели и видели своих друзей или своих врагов или просто каких-то людей. Ибица место такого сорта, где можно встретить кого угодно.

В тот момент у Гарри не было времени на любезности, хотя ему приходилось придерживаться этой традиции. На Ибице даже самое чрезвычайное и потрясающее происшествие, к примеру, пожар в доме, не оправдывает пренебрежения обменом любезностями. Он кивнул сеньоре, шившей ему рубашки, обменялся приветствиями с ирландцем Алеком, который управлял «Эль Кабальо Негро», баром, где Гарри постоянно торчал. И наконец добрался до телефонной будки.

Телефонная будка появилась недавно и стала признаком модернизации Санта-Эюлалиа. Еще несколько лет назад на Ибице не было телефонов-автоматов. Если вы хотели позвонить, вам приходилось просить разрешения в баре, ресторане или отеле. Но потом «Ла Компанья Телефонико де Эспанья» поставила телефонные аппараты в кабины заводского изготовления размером с маленький фургон. Шесть телефонных будок приставили к двум стенам. Слева от входа стоял стол, за которым вы заказывали разговор. А на противоположной стороне — деревянная скамья, где вы ожидали соединения.

Не утруждайте себя покупкой телефонной карточки. У этих

аппаратов нет даже отверстия, куда опускать монеты. Здесь разговоры на длинные расстояния проходили старомодным путем. Ваш оператор советовался с другим оператором, и они между собой решали, могут они соединить вас с собеседником или нет.

Летом, когда интенсивность телефонных разговоров достигала пика, международные звонки превращались в высокую комедию. Международная телефонная связь принесла в Санта-Эулалиа страшный стресс и современную жизнь. Находились люди, главным образом иностранцы, которые весь долгий день выкрикивали Хосе непонятные звуки своих неизвестных языков. Хосе, низкорослого, грудь колесом, широколицего, веселого, но серьезного мужчину, отнюдь не пугала эта ситуация. Подобно многим испанцам, он любил чрезвычайные положения и вполне мог моментально взять их под контроль и выполнить нужную работу. Было только одно условие: вам не следовало ставить под сомнение способ, каким он выполняет свое дело, и самое главное — не говорить, что он выполняет его слишком медленно.

Хосе справлялся, разрешая каждую проблему по мере ее поступления. Он не говорил ни на одном языке, кроме испанского, но ведь ни одному испанцу это не мешало заставить себя понимать. Так или иначе, все звонки проходили. Временами Хосе посылал своего маленького сына Хоселито принести ему вафельный конус мороженого. Жаркая работа — пробивать из Эюлалиа международные звонки в июне.

Гарри и Хосе были друзьями. Гарри говорил на примитивном испанском, пользуясь глаголами только в настоящем времени или исключительно в инфинитиве. Понимали его все.

Гарри не упомянул о неотложности своего звонка. Он уже достаточно прожил в Испании и понимал, что такое заявление ни к чему не приведет. Стоит сказать испанцу, что дело срочное, и его разум тут же уходит в отпуск. Срочно? Кого-то убили? Для испанца это единственная причина поспешности.

— Париж, — сказал Хосе, глядя на номер, который Гарри написал ему. — Должно быть, важно, нет?

Гарри пожал плечами, чтобы показать, мол, звонок, по правде, для него не имеет значения и он просто не понимает, почему так утруждает себя, что даже встал с постели, чтобы сделать его. Потом он задумался: хотя, может быть, кое-какую важность он имеет.

— Bastante, — ворчливо проговорил Гарри.

«Bastante» означает «более-менее», «довольно». Это вроде бы ничего не выражающее короткое слово может оказывать огромное влияние в некоторых уголках испаноговорящего мира. Гарри знал, что это слово в испанском языке более убедительно, чем

«urgencias»¹ или «rapidos»². И когда Хосе сказал, мол, «muy caro»³, то Гарри понял: разговор будет не таким дорогим, как если бы было «bastante caro».

— Для тебя я это устрою сейчас же, — объявил Хосе, разъединяя леди, которая уже долго разговаривала со своим мужем в Копенгагене. Он положил руку на рычаг — да, у этих телефонов такие же рычаги, как у старых полевых аппаратов армии США, — и забормотал: — «Pues, a ver»⁴. — И аппарат закричал.

И он тут же, точно по волшебству, получил Париж. Вот так оно и бывает. Гарри взял трубку. Только бы Хоб нашелся на другом конце.

27. Я И ГАРРИ ХЭМ

Я только лег отдохнуть после тяжелого дня, когда меня терзали Жан-Клод с друзьями, как вдруг зазвонил телефон. Гарри Хэм.

— Гарри? Как ты там?

— Жарко и устал, Хоб, но весь в делах. Добыл для тебя кое-какие новости.

Меня так поглотили сиюминутные заботы, что я начисто забыл, что моя жизнь не состоит лишь из одного дела, как это бывает в книгах у многих частных детективов, которые, похоже, между одним и другим делом живут в состоянии забытого в камере хранения чемодана. Они не находят лучших занятий, чем потакать своим алкогольным увлечениям и поглощать убийственные обеды, состоящие из дешевой еды и неновых острот. Настоящие детективы, такие как я, всегда одновременно ведут больше чем одно дело.

— Да, — сказал я, — жду твоих новостей.

— Насколько я сумел раскопать, — начал Гарри, — твои виндсерферы сейчас на рыболовном судне спешат во Францию.

Гарри сообщил, что фирмой «Индустриас Марисол» управляют Энрике и Вико. Энрике уехал в Сан-Себастьян, а Вико покинул остров на рыбацьем судне. И оно вроде бы направляется во Францию. Гарри почти убежден, что у него на борту пропавшие виндсерферы.

— Не думаю, что ты знаешь, куда во Францию?

— Точно не знаю, — согласился Гарри. — Рыболовные скор-

¹ Неотложность (исп.).

² Срочность (исп.).

³ Весьма дорого (исп.).

⁴ Итак, посмотрим (исп.).

лупки предварительно не заполняют маршрутные листы. Но я сегодня видел в «Интернэшнл Геральд Трибюн» статью. Страница пятая в нижнем правом углу. Похоже, что завтра во Франции в заливе Гонфлер начинаются соревнования по виндсерфингу. На что ты хочешь спорить, что эти доски с парусом плывут туда?

— По-моему, ты действительно что-то раскопал, — решил я. — Хорошее начало, Гарри! Так ты летишь в Гонфлер и проверешь, там ли они?

— Хоб, я не могу выехать из Испании, — оглоушил меня Гарри.

— Тебя за что-то разыскивают во Франции?

— Ничего похожего. Просто я подал заявление на *регтапенсия*.

— *Merde*¹, — рассердившись, я проглотил готовое сорваться с языка ругательство. «Регтапенсия» — разрешение на постоянное проживание в Испании. Оно дает определенные привилегии и накладывает несколько обязательств. Для того чтобы его получить, надо заполнить соответствующие анкеты, сдать паспорт и прожить в Испании полгода. Потом паспорт возвращают, и вы можете приезжать и уезжать сколько вам угодно.

— Когда думаешь, твоя *регтапенсия* будет готова?

— Недель через шесть.

— Чертовское неудобство, — признался я. — Ты не можешь попросить своего приятеля Беласко раздобыть твой паспорт и отдать тебе?

— Без капли пота, если бы дело было на острове, — объяснил Гарри. — Но ты же не хуже меня знаешь, что все бумаги уходят в Мадрид.

Заскрежетав зубами, я кивнул. Проклятая сверхцентрализованная Испания. Сам я убежденный сторонник региональной автономии.

— Ладно, — сказал я, — придется проверить мне.

28. ГОНФЛЕР

Я поехал на вокзал Монпарнас и сел на поезд в Гонфлер.

Гонфлер находится в двух часах пути от Парижа. Это старый порт в Бретани на берегу Английского канала, как говорят англичане, или Ла-Манша, как говорит весь остальной мир. Порт играл важную роль во время наполеоновских войн.

Сняв в отеле «Арен» номер с прекрасным видом на залив, я моментально почувствовал себя лучше. Из окна виднелись узкие, красиво выложенные камнями улицы, шпили церковных колоколен и каменный узор спуска к заливу. Я заметил на улицах не-

¹ Дерьмо (фр.).

сколько плакатов: «Добро пожаловать, виндсерфингисты». Кроме этого, местные жители вроде бы особого интереса к соревнованиям не проявляли.

В Гонфлере особенно делать было нечего. И это мне нравилось. Я прогуливался по улицам и вдоль набережной, восхищался водными лыжами, которые выглядели так же, как на знаменитых современных французских рисунках морских пейзажей. То тут, то там я заходил в кафе, пил кофе или аперитив. Я бездельничал, наслаждался и баловал свою душу.

Вернувшись в отель, я не особенно удивился, узнав от старшего коридорного, что меня спрашивал джентльмен и что теперь он ждет моего возвращения в гостиную.

Заглянув в бар, я увидел знакомую большую и сильную спину, затянутую в хлопчатобумажный твид, и львиную голову майора Найджела Уитона.

— Привет, Найджел, — сказал я, проскользнув на соседнюю табуретку.

Как я уже упоминал, я человек не мускулистого сложения. Когда речь идет о грязной работе, я не участвую. Зачем делать ее самому, когда под рукой есть специалисты, которые вечно нуждаются в деньгах.

Найджел Уитон — бывший доброволец «красных беретов» и бывший полковник плохо кончившей армии Моиса Чомбе¹. До этого он хорошенько набил руку в различных неприятностях в Малайзии, Кении, Брунее и Афганистане. Уитон — высокий и, когда забывал втягивать живот, полный человек с густыми буйными каштаново-рыжими кудрями, с курчавой бородой и усами. Он немного походил на льва и немного на белокожего ребенка, слишком надолго оставленного на солнце. Лицо Найджела — памятник тропическому солнцу и беспробудному пьянству. Он был сложным человеком, одновременно состоявшим из нескольких типажей. Одна из его лучших ролей — чуть ограниченный бывший офицер Британской армии. Это типаж комичный. Но были и другие. Никто, даже сам Найджел, не знал, какой же из них истинный Уитон.

— Жан-Клод сказал, что у тебя есть для нас работа, — начал Найджел.

— Откуда ты узнал, что меня надо искать здесь?

— Я вспомнил, что в старые дни ты часто приезжал сюда, когда Париж уже стоял костью в горле, а для возвращения на Ибицу ты еще не созрел.

¹ Моис Чомбе в борьбе за власть в Заире, пользуясь услугами наемников, поднял мятеж, который был подавлен.

— Вы изучили мои привычки, Ватсон, — заметил я. Он кивнул.

— Кстати, как Кейт?

— Прекрасно, — ответил я.

— Она не вспоминает меня?

— По правде говоря, нет. У Кейт добрые старые дни остались далеко позади.

— Очаровательная женщина Кейт, — вздохнул Найджел. — Как дети? Все в порядке?

— Да, прекрасно. Они тоже тебя не вспоминают, Найджел.

— Ну, все равно здорово хорошо поговорить о добрых старых временах. А что случилось теперь, Хоб?

— Алекс Синклер. Помнишь его?

— Даже очень хорошо, — сказал Найджел. — В те времена его домик на Ибице стоял рядом с моим. Дьявол Алекс, золотоволосый мальчик. Наверно, помнишь, я был шафером на его второй свадьбе. Сейчас не могу вспомнить, на ком он женился, на Маргарет или на Кэтрин?

— Что ты еще о нем помнишь?

— Он изготавливал подделки с Раулем Фонингом, предметы искусства. Потом работал с Берни Корнфилдом, они продавали воображаемые поместья как реальные. Потом вернулся в Штаты. Добровольно отказался от широко расхваленной свободы и пошел работать в какую-то большую адвокатскую фирму в Вашингтоне, округ Колумбия. Последнее, что я слышал, он жил в Джорджтауне и как сыр в масле катался.

— Тем же заканчиваются и мои сведения. Меня наняли найти его. Вроде бы он приехал в Париж с месяц назад и исчез.

— Кто тебя нанял? Если этот вопрос не кажется тебе нескромным.

— Нет, ты ведь теперь тоже в деле, так получается. Разыскивает его леди по имени Ракель Старр. По крайней мере, так она назвалась, когда пришла ко мне.

— Никогда не слышал о ней, — проговорил Найджел. — Наверно, не из тех, что были в старые времена?

Я покачал головой.

— Я представил ее Русу, он ее не знает. А если Рус не знает, значит, она на самом деле никогда не появлялась на сцене.

— Почему она хочет найти Алекса?

— Она мне не сказала. Кажется, личный интерес.

— С Алексом всегда так, — улыбнулся Найджел. — Что ты хочешь, чтобы сделали мы с Жан-Клодом?

— По-моему, это очевидно. Попытаться что-то раскопать. Особенно что Алекс на самом деле задумал, как и почему он исчез, где он сейчас.

— Выглядит вполне разумно, — согласился Найджел. — Когда ты возвращаешься в Париж?

— Скоро, — я неуверенно пожал плечами.

— Что ты здесь делаешь?

— Еще одно дело, — ответил я.

— Ну, старина, мы ведь теперь партнеры. Включи меня, — предложил Найджел.

Так я рассказал ему о Фрэнки и о том, что открыл Гарри.

— Ты хочешь здесь пересечься с парнем? — спросил Найджел.

— Да, если правда, что он и виндсерферы действительно приехали сюда. Надеюсь, что дело можно будет легко уладить.

— Много легче, чем пытаться действовать через суд, ага? — заметил Найджел. — Ну, полагаю, ты знаешь, что делаешь.

Я кивнул, хотя, по правде говоря, не очень-то знал.

— Можешь ты немного авансировать меня и Жан-Клода? — спросил Найджел. — По-моему, вы, американцы, относитесь к любому делу как к прогулке за деньгами.

Я дал ему пять тысяч франков на двоих с Жан-Клодом и список людей, с которыми хотел бы в дальнейшем поговорить. Он дал мне номер телефона, куда можно позвонить и оставить сообщение для него и Жан-Клода.

— Ты поедешь поездом? — спросил я.

— У меня все еще есть старая «Испано-Суиза», — покачал головой Найджел. — Увидимся в Париже.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Кстати, Найджел... — проговорил я.

— Да, Хоб? — Он обернулся, великолепная военная фигура с небольшим животом.

— Насчет Турции. Я не подставлял тебя и Жан-Клода.

— Знаю, — ответил Найджел.

— Жан-Клод вроде бы не поверил мне. Откуда ты знаешь, что я говорю правду?

— Я давно отработал эту версию. Если бы я действительно думал, Хоб, что ты нас продал, мы бы сейчас не вели этот разговор.

— Почему не вели бы?

— Потому что ты лежал бы на дне канала Сен-Мартен с моими гантелями, привязанными к лодыжкам. Встретимся в Париже, Хоб.

29. ВСТРЕЧА С ВИКО

В тот вечер я взял такси и отправился на маленький аэродром, который обслуживал также Гавр и Пэ-де-Ко. Стоял ранний вечер. На востоке в районе Парижа висела хорошо занятая серая

дымка. Вечерний рейс из Антиба опаздывал на двадцать минут. Когда пассажиры выходили, я стоял почти у самых ворот. Прибыло много людей. Но совсем мало мужчин интересующей меня возрастной группы. Остальные — женщины, дети, священники и военные. Я также заметил несколько латиноамериканцев, тотчас привлекающих внимание яркими шальями и туфлями с подошвой из пробки.

Я довольно легко нашел наблюдательный пункт, где мог сидеть и все видеть, не будучи замеченным. В кафе-баре напротив ворот, откуда выходили пассажиры, висело большое зеркало, в которое я мог разглядывать всех прибывших.

Вот прошли два священника и большая стайка девочек в школьных свитерах, наверно, волейбольная команда. Средняя школа «Всех Звезд» в Ницце против «Нырков» из Камарге. А может быть, и нет.

И тут я увидел мужчину. Он вышел из самолета и огляделся вокруг с таким видом, будто попал на Землю обетованную. Затем я увидел багаж. Пять ярких цветных виндсерферов и паруса в разноцветных парусиновых сумках.

Они плыли по багажной карусели, мужчина снимал их и аккуратно складывал рядом. Подошел носильщик, забрал сумки и отнес к лимузину с надписью: «Отель «Риц», Гонфлер». Вико уже собирался сесть в машину, когда по радио сообщили, что для него есть телефонограмма. Он пошел забрать ее. Когда он вернулся, лимузин уехал.

— Простите, — подошел я к нему, — могу я предложить подбросить вас в город?

— Не помню, чтобы мы встречались, — ответил он, — но буду очень благодарен. Мой багаж уехал без меня.

Он сел в машину. Я тоже.

— Мы с вами не встречались, — начал я, — но у нас есть общий знакомый. Мы оба знаем Фрэнки Фолкона.

— Кто вам сказал? — Он вытаращил на меня глаза.

— Мы знаем Фрэнки Фолкона, — повторил я. — Мое имя Хоб Дракониан, я его управляющий и друг, а также частный детектив.

— Так вы знаете мистера Фолкона? — удивился он.

Вико, молодой человек между двадцатью и тридцатью годами, маленький, грудь колесом. Он выглядел как настоящий крутой парень. Но что-то в нем было не так. Что-то пробежало по лицу, и будто по камню расползалась трещина, какая-то слабость, даже не спрятанная в глубине, внешний изъян, отражающий внутренние угрызения совести. Глядя на это лицо, ни о чем не удавалось думать, кроме драмы, отраженной на нем. Какой драмы? Слабость против силы, привычка против непосредственности, житейские

принципы против жизни в фантазиях. Я подумал, как много спря-
тано в этих маленьких темноволосых людях, выпячивающих грудь
колесом, и на мгновение он стал для меня таким же загадочным,
как житель Явы или Барсума.

Вико долго пялил на меня глаза, и его намерения не показались мне чистыми.

— Вы приехали ко мне от великого мистера Фолкона?! — наконец восторженно воскликнул Вико. — Первого мастера Америки по изготовлению досок для виндсерфинга?

— Да, это верно.

— Но, пожалуйста, это же замечательно, позвольте мне пригласить вас что-нибудь выпить! За встречу с самим мистером Фолконом! Надеюсь, в следующий раз. Это будет самое большое удовольствие, какое я только могу вообразить. Мистер Дракониян, вы не можете представить, какое для меня значение имеют виндсерферы Фолкона. Пойдемте в бар. Я сейчас же должен угостить вас, и мы поговорим.

Иногда людям трудно приспособиться к моему методу работы. Они сжимаются, ничего не говорят. Но иногда они раскалываются. Особенно когда беседую с ними я. Я частный детектив, не склонный терроризировать людей, у которых хочу получить информацию. Совершенно напротив. Преступники говорили мне, что в моем присутствии они чувствуют взрыв божественно вдохновленной внутренней силы и уверенность, что будут вечно преуспевать в мире, населенном такими типами, как я. От сознания собственной грандиозности и в благодарность они часто раскалываются до самого ядра.

Но бывает, что встречаешься с типом вроде Вико. Всю беседу со мной он взваливает на себя. С нелегким чувством я шел с ним в бар. Такое чувство возникает, когда собеседник не хочет полностью сотрудничать. Или когда готов сотрудничать чересчур скоро.

Вико заказал коктейль с шампанским для нас обоих. Уставившись на меня черными глазами, похожими на бусинки, он начал свой рассказ.

— Вы не можете представить, каким был для меня прошедший год. Моя жена, Мария, как раз потеряла рассудок. Она страдала от бреда, вообразив, будто я летучая мышь-вампир. Она даже не позволяла мне близко подойти к ней. Вы можете представить, в каком я был отчаянии. Я поссорился с Энрике, моим старшим братом и партнером по бизнесу. Мы занимались сдачей в аренду оборудования для подводного плавания. Это было до того, как я что-то узнал о виндсерфинге. Я все время возился с одним и тем же старым скучным оборудованием, давал акваланги мускулистым немцам или французам, чтобы они могли нырнуть в глубины

моря возле нашего возлюбленного острова Ибица и на кончике своего копья вытащить последние остатки его быстро оскудевающей подводной жизни. Если вы спросите, я скажу, дурных ныряльщиков с аквалангом ужасно много, а железное правило нашего бизнеса обслуживать главным образом их. Не хочу докучать вам подробностями, как я попал в такой противный бизнес, только скажу, что так получилось в результате завешания моего дяди Льянта. Это история уже вошла в фольклор острова.

Не имеет значения, как я попал в этот презренный бизнес, я в нем. И потом в один прекрасный день я услышал о виндсерферах. Фактически они окружали меня, мелькали то тут, то там. Но когда вы становитесь жертвой врожденного консерватизма, что часто бывает с человеком в католической стране с сильными семейными традициями, где ничего не делается вне семьи, вы топчетесь на месте, потому что сбились с пути. Много важных вещей проходило мимо меня. В течение пяти лет я ничем не интересовался, не мог бы вспомнить названия ни одной музыкальной группы, ни одного фильма. Это такая ужасная хандра, у нас говорят, что вызывает ее, или, по крайней мере, побуждает к ней южный ветер сирокко, или левантинец, или хамсин, как называют его в Израиле. Этот ветер, приносящий болезни, время от времени посещает наши берега, это жаркий, пыльный, темный ветер, когда песок скрипит на зубах и раздражение ударяет в голову, он дует из Африки и приносит с собой ужасные суеверия и предсказания, все ждут прихода плохих времен. Именно так и было со мной, и тут несколько запоздало, но чисто и ясно меня стукнуло сенсацией. Виндсерфинг. В ту же минуту я увидел, что эти маленькие суденышки, такие легкие, такие простые могут стать настоящей находкой для меня, решить все мои накопившиеся за годы проблемы.

Я выставлял виндсерферы у себя в магазине, сегодня пробовал один проект, завтра другой, пока наконец не пришел к бесподобным доскам несравненного Фрэнки Фолкона с Гуд-Ривер, штат Орегон. К этому моменту я уже стал вполне компетентным специалистом по виндсерфингу, человеком, способным идти вместе с остальной группой и с наветренной стороны, и против ветра, какой бы он ни был, но никогда не финишировавшим первым. Однако все изменилось, когда я попробовал свою первую доску Фолкона. Я начал занимать места в числе победителей.

Я попробовал вторую доску Фолкона. Успех стал еще грандиозней. Я вдруг понял, что следует сделать: собрать необходимые четыре или пять досок и оборудование и поехать на международные соревнования. Всего несколько побед — и я могу освободиться от бесчувственного смеха брата Энрике, ревнивого презрения отца,

освистывания ровесниками, которые знали имена поп-идолов, но забыли собственные души. Поддерживаемый деньгами за победу, я мог бы подняться над этим. И все, что мне нужно, — доски Фолкона под ногами.

Следующий шаг был неизбежен. Я никому не сказал о своих намерениях.

Конечно, дорого, но я должен был получить эти виндсерферы. Это самая большая игра моей жизни, и я послал заказ. Когда они прибыли, я собрал все свое мужество и оставил остров, оставил жену, брата, родителей, теперь есть только я, доски и смена белья. Так я вступил в новую жизнь.

Еще один коктейль, сеньор Хобарт! Пусть это будет наш сигнал к началу новой жизни, подальше от всех печалей и поражений прошлого.

Вико закончил и откинулся назад, сияющий и вспотевший, человек, прекрасно себя почувствовавший после исповеди, человек, трепетавший на пороге перехода в новую жизнь. Я понимал его. Так что можете представить, каким я казался себе подонком, когда спросил тоном прагматика, презираемого мною. Однако жизнь всегда есть жизнь:

— Все это очень хорошо, мистер Вико, и я желаю вам удачи в вашей новой жизни. Но что насчет оплаты этих пяти виндсерферов?

Момент возмездия, призыв к расплате! Именно частный детектив усилил острогу ситуации.

30. ВИКО

— Прошу прощения? — удивился Вико.

— Деньги за виндсерферы. Деньги сеньору Фолкону.

— Ах, деньги! Да, я платить!

— Вы заплатили? Когда?

— Простите. Я не имел в виду, что я УЖЕ заплатил. Я имел в виду, что я НАМЕРЕН заплатить. Простите, мой английский не очень хорош.

— Вы можете заплатить сейчас, мистер Вико? — Я не обратил внимания на его извинения.

— Да, конечно. Именно так. Полагаю, что могу. Но это, наверно, потребует немного времени. Вопрос дней. Тогда, конечно, я собираюсь заплатить.

— Вико, я не полицейский и, даже если бы был полицейским, не мог бы арестовать вас в этой стране, — объяснил ему я. — Во Франции против вас дела нет. Но у нас есть свои способы заста-

вить таких халявщиков, как вы, заплатить или захотеть заплатить. Вы слышали о газетной обработке?

— Нет, а что это такое?

— Мы даем объявление в вашу местную газету, чтобы оно печаталось несколько недель подряд, сообщаем о вашем долге и спрашиваем, когда вы собираетесь заплатить. Если это не действует, мы определяем, какой ущерб вы нанесли нашему клиенту, и потом устраиваем вам много неприятностей.

— В моем случае в этом не будет необходимости. У меня есть деньги прямо здесь. — Вико вынул небольшой бумажник, достал из него чек и показал мне.

Я рассмотрел его и увидел, что это чек банка «Де Бильбао» на два миллиона песет с какой-то мелочью. Чек был выписан на имя Фрэнки Фолкона.

— Я вижу чек, — подтвердил я. — Почему вы не хотите отдать его мне для Фрэнки, и мы в расчете?

— Если бы я только мог! — воскликнул Вико. — В настоящий момент у меня нет денег на счете. Но через несколько дней они будут. На этой неделе я дам их вам, чтобы вы передали их своему клиенту. Время оплаты — после субботы.

— Почему надо ждать до тех пор?

— Потому что суббота — день главного события в соревнованиях по виндсерфингу в заливе Гонфлер. Премии наличными. За первое место выходит почти двадцать тысяч долларов. Я могу выиграть эти деньги, сеньор Хобарт. Я уже брал два первых места на Майорке и одно в Барселоне. Я знаю, что у меня не самое лучшее время, но хорошее. Я знаю, кто соревнуется здесь, я могу побить их.

— Не знаю, — пожал я плечами. — Все это очень неопределенно.

— Конечно, неопределенно. Я человек, который живет, переводя фантазии в реальность. Взлет какого-то бедного парня, который хочет стать знаменитым матадором, или жокеем, или виндсерфингистом, всегда окружен ореолом невозможного.

На такую сентенцию у меня не было ответа. Я не собирался утверждать, что такого никогда не бывает.

— И подумайте, какая слава для досок Фолкона, — продолжал Вико. — Когда я выиграю, виндсерферы Фолкона появятся на мировой карте соревнований. Мистеру Фолкону придется нанимать целую фабрику народа, чтобы справиться со всеми заказами. Как вы можете проходить мимо такого шанса?

И правда, как? И какой еще у меня есть здесь шанс? Я мог найти местного адвоката и возбудить судебное дело против Вико. Но к чему бы это привело? К тому времени, когда закон начнет действовать, Вико и доски будут уже далеко.

- В субботу я буду в Париже, — сказал я.
 — Для меня самое большое удовольствие прийти и увидеть вас.

Итак, я написал название отеля и отдал ему листок. И правда, мне пора было возвращаться.

31. ГОНФЛЕР, РОМАНЬЯ

Мой следующий собеседник не заставил себя долго ждать. Это случилось в тот же вечер, несколько часов спустя после отъезда Найджела. Рейс Пальма — Орли¹ задерживался. Я закончил le grand plateau des fruits de mer, также известный как обед из даров моря, вышел из отеля, чтобы совершить вечерний моцион, и направился вниз к порту. Меня не особенно удивило, что кто-то из сидевших за столиком в кафе на тротуаре помахал рукой и окликнул меня с несомненным акцентом Нью-Джерси, матери коррупции.

— Эй, Хоб! Иди сюда, давай выпьем.

Тони Романья. Он избавился от темно-синего мафиозного прикида, и теперь на нем был легкий бежевый костюм с красными кантами на лацканах. В Нью-Джерси такого рода вещи продают богатым туристам в «Шорт Хиллс Трэвел Бутик». В этом костюме Романья выглядел как бежевый кит с красными кантами на плавниках.

— Привет, Тони, — сказал я, садясь за его столик. — Что привело тебя на опушку этого леса?

— Я слышал, что это исторический город, — ответил он, беззаботно улыбаясь.

— Ты выбрал хорошее место, — подтвердил я. — Знаешь, Гонфлер известен с одиннадцатого века. Особенно я тебе рекомендую церковь святой Катерины и алтарь Нотр-Дам-де-Грейс.

— Очень приятная информация, — одобрил Романья. — На самом деле я надеялся натолкнуться здесь на тебя.

— Как ты узнал, где меня искать?

— Тебя не так трудно найти, Хоб, — признался Романья. — Ты ведь раб привычек, правда?

— Когда-то был им, — согласился я, исподтишка разглядывая его. — Чего ты хочешь, Романья?

Широкое лицо Романьи приняло серьезное выражение. Он постучал по бокалу, усилив впечатление о собственной неуклюжести.

¹ Аэропорт в Париже.

— Ты ищешь Алекса Синклера. — Слова прозвучали скорей как утверждение, чем как вопрос.

— Я ничего не признаю, — предупредил его я. — Но что, если ищу? Зачем это тебе?

— Я тоже ищу Алекса, — объявил Романья.

— Почему-то, мистер Романья, это не так сильно меня удивило, как вы могли бы ожидать. Довольно много людей вроде бы заинтересованы в Алексе.

— Ты знаешь, где он?

— Я бы не сидел в Гонфлере, если бы знал это. И ты бы тоже не сидел здесь.

— Но ты надеешься найти его?

Я кивнул.

— Детективное агентство «Альтернатива» всегда находит человека, которого ищет.

— Как бы тебе понравилось работать на меня?

— Не знаю, — ответил я. — Сколько ты платишь? Обеспечиваешь ли медицинскую страховку? Планируешь ли пенсионные отчисления? Что ты хочешь, чтобы я делал?

— Это очевидно. Я хочу, чтобы ты нашел Алекса.

— Я это и делаю.

— Да, но для другого клиента. Когда ты его найдешь, я хочу, чтобы ты сказал мне первому. Конечно, я мог бы выловить эту рыбу сам, у меня много связей в столице, но зачем нам дублировать усилия?

— Это будет несправедливо по отношению к моему нынешнему работодателю, — возразил я.

— Может, и несправедливо. Но я хорошо тебе заплачу. И спасу тебя от множества неприятностей.

— Как «хорошо» и каких «неприятностей»?

— Я дам тебе чистых пять тысяч долларов, когда и если ты скажешь мне, где найти Алекса.

— Мне нравятся круглые цифры вроде этой, — заметил я. — А теперь скажи мне о неприятностях.

— Вообще никаких неприятностей, если будешь играть по правилам. — Романья улыбнулся. И на мгновение стал похож на потрепанного рубенсовского ангела с синими щеками.

— Мистер Романья, мне правда надо знать больше, чем вы говорите. Кто вы, кого представляете, почему заинтересованы в том, чтобы найти Алекса?

Романья поднялся, бросил на стол, особо не считая, пригоршню банкнот, и одернул свой китовый костюм.

— Пять тысяч долларов, если будешь сотрудничать, — напомнил он, будто надо было напоминать. — Бесконечные счета от

врачей, если не будешь. Найдешь меня в «Рице». Сделай себе любовь. Не умирай. — Он зашагал прочь.

Я проследил, как он пересек площадь и сел в «Пежо-404» с шофером. Проследил, как он отъехал. Заметил номер машины, хотя не имел представления, что мне с ним делать. Потом допил кофе. Когда подошел официант, заплатил за себя, помимо банкнот Романья оставил приличные чаевые, остальное положил в карман. Никаких напрасных трат. Никаких желаний.

Часть VII

32. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАРИЖ: ХУАНИТО

На следующий день утром я вернулся поездом в Париж, вполне удовлетворенный тем, как идут дела. Я не особенно продвинулся вперед в поисках Алекса и не вызволил для Фрэнки деньги за виндсерферы. Но, по крайней мере, появилась перспектива, что дела сдвинулись с мертвой точки и даже могут принести некоторые денежные поступления.

Когда я брал такси от вокзала Монпарнас к Форуму де Аль, обещанные Романья пять тысяч долларов плясали у меня перед глазами.

Стоял один из тех дней, которые время от времени бывают в Париже. Голубое небо потрясающей прозрачности. Мастером-Дизайнером здесь и там с безупречным вкусом разбросаны несезонные белые облака. Под элегантными мостами Мирабо, де Гренель, де Бир-Жаким, д'Йена течет искрящейся серебристой змеей Сена, разделенная этими мостами на сегменты.

День был великолепный. Толпы переполняли улицы. На Форуму и на широкой террасе перед Бебором соперничали две музыкальные группы, стараясь завоевать внимание публики. Одна в национальных костюмах Бретани исполняла фольклорные танцы. Другая, южноамериканская, состояла из двух ведущих гитар, бас-гитары и сопрано-гитары.

Я балдею от хорошей хуапанги, поэтому подошел, чтобы послушать их музыку, и узнал Хуанито, парагвайца, лидера группы из «Эль Манго Энкантадо». На нем была белая рубашка с оборочками и с широкими, надутыми воздухом рукавами.

— Об, встречай меня после выступления. — Засунув маракасы под ремень, он вспыхнул широкой улыбкой. — У меня есть для тебя новости об Алексе.

— А, у тебя новости. Я буду в «Ле Пер Транкиль», выпью чего-нибудь.

Удивительно, как легко подцепить информацию, если зна-

ешь, где ошиваться. По-моему, без преувеличения можно сказать, что я самый искусный в западном полушарии охотник за информацией. Конечно, это талант такой же, как и другие, и его главная составляющая — терпение.

— Привет, ты здесь, парень, — двадцать минут спустя сказал мне Хуанито, оставив своих приятелей обходить со шляпой слушателей. — Как поживаешь, а?

Вдобавок к рубашке с рюшами на Хуанито были обтягивающие, как собственная кожа, штаны тореадора, спортивные туфли «найк» и белая с синим косынка в горошек, небрежно завязанная вокруг шеи, как у Джона Фойта в «Полночном ковбое». На этот раз он одарил меня мальчишеской улыбкой вместо обычной мрачной ухмылки апаша¹.

— Послушай, Об, ты все еще хочешь увидеть Алекса?

Радостная улыбка и сияющие глаза Хуанито сказали, что это будет мне чего-то стоить. Наверно, дорого. Никто так не любит вас, как парень, который собирается ополовинить ваш кошелек.

Я помедлил.

— Понимаешь, — начал я, — нельзя сказать, что я ищу его. Я имею в виду, что рад бы повидаться с ним, раз уж я в Париже. Но, если не повидаюсь, тоже не велика беда. Понимаешь, что я имею в виду?

Лицо Хуанито увяло. Я наблюдал, как счетная машинка в его мозгу сбросила тридцать процентов с цены, которую он собирался запросить за свою, возможно фальшивую, информацию.

— Брось, Об, — воспрянул он, снова натянув улыбку. — Я знаю, что ты должен найти Алекса, а это ведь чего-то стоит, правда?

Я признал, что, вероятно, несколько франков, пожалуй, мог бы заплатить. Потому что ничего особенно волнующего от Хуанито не жду, так, пустяки.

— А сколько будет стоить, если я, допустим, отведу тебя прямо к нему?

— Можешь отвести? — спросил я.

— Ну, не прямо сейчас, но скоро. Однако сначала ты должен сказать мне, сколько это будет, по-твоему, стоить.

— Хуанито, если ты можешь отвести меня прямо к Алексу без крохоборства и мелочной торговли, — я наградил его тяжелым взглядом, — то получишь двести американских долларов, и я сделаю тебе любезность.

— Какую любезность?

— Я не скажу жандармам, что у тебя нет разрешения на работу во Франции.

¹ Апаш — во Франции — бродяга, вор.

- Как ты об этом узнал? — Его будто стукнули алебардой.
- Я не выдаю своих источников. — И своих счастливых догадок тоже.
- Пусть будет пятьсот, о'кей? У меня есть люди, чтобы позаботиться о справке для жандармов.
- Я хотел было стоять насмерть, но потом решил, какого черта. Если это чьи-то деньги, потому что взятка и подкуп входят в расследование и оплачиваются клиентом, а возможно, и двумя клиентами, то пусть так оно и будет.
- Ладно, — согласился я. — Когда мы это сделаем?
- Встречай меня сегодня ночью перед Сент-Осташ. Знаешь, где это?
- Конечно, знаю. Ты что, принимаешь меня за туриста? — Я всегда могу найти любую точку в МОЕМ Париже.
- О'кей, там и увидимся.
- Подожди минутку, в какое время?
- Давай, Об, сделаем это в полночь?
- Прекрасно, — сказал я. — Только окажи мне одну любезность, о'кей?
- Конечно, Об. — Он улыбнулся, но выглядел немного озадаченным.
- Перестань называть меня «Об». Ты южноамериканец, а не француз, у тебя нет оправдания в придыхании. Попытайся — Х-О-Б.
- ...О-Б, — повторил Хуанито.
- Гораздо лучше, — одобрил я. — *Nasta mas tarde*. Не опаздывай. — И я ушел, погрузившись в размышления: полночь, гм-м. Интересно, что бы это значило.

33. ВИКО В ПАРИЖЕ

В тот же день ближе к вечеру я сидел на скамейке возле Сены, ожидая увидеть кого угодно, кроме Вико. Он сел на другой конец скамьи, но ничего не сказал.

Сегодня было воскресенье. Я вспомнил, что вчера он участвовал в соревнованиях по виндсерфингу в Гонфлере. Как предполагалось, сегодня, в случае, если он выиграет, Вико должен заплатить мне деньги Фрэнки Фолкона за доски. Глядя на него, я не мог определить, что произошло. Он не казался победителем с сияющими глазами. Но он не выглядел и как опущенный в воду проигравший. При таких обстоятельствах лучше всего спросить.

- И как прошли соревнования по виндсерфингу?
- Меня не интересуют ваши шутки, — буркнул он.
- О чем вы говорите?
- Вы прекрасно знаете.

— Нет, не знаю, — возразил я. — Что, по-вашему, я должен знать?

— Вы знаете, что я не участвовал в соревнованиях в Гонфлере. — Вико помрачнел.

— Откуда мне это знать?

— Оттуда, что вы украли доски, — почти крикнул Вико. Лицо его сморщилось. Он зарыдал. — Ох, подонок! Мой самый большой шанс! А вы не могли доверить их мне на несколько паршивых часов!

— Кто-то украл у вас доски? Как? Когда?

— Я думал, что их доставили из аэропорта в отель. А они туда так никогда и не прибыли.

— Но кто их взял? Не сомневаюсь, что люди видели.

— Большой мужчина в шоферской форме. Так сказал мне носильщик.

— Очевидно, что не я. У меня даже нет шоферской формы.

— Вы могли нанять человека, чтобы он украл мои доски, — заявил Вико.

Я не стал утруждать себя, объясняя ему иронию ситуации: он обвиняет меня в том, что я украл у него виндсерферы, которые он сам украл у моего работодателя. Парень, похоже, был не в том состоянии, чтобы понимать иронию. Вместо этого я спросил:

— Зачем бы я украл их?

— Для того, чтобы вернуть своему клиенту Фолкону.

— Хорошая идея, — согласился я. — Мне бы надо было подумать об этом вчера. Но ведь я уже согласился подождать оплаты. Разве вы не помните?

Вико пожал плечами.

— Вико, проснитесь, — сказал я. — Я не крал ваших досок. До вас дошло?

— Не имеет значения, дошло до меня или нет, — снова начал Вико. — Проблема не в том, что я думаю, проблема в том, что подумают мои партнеры.

— Первый раз слышу о ваших партнерах. Я считал, вы один против всего мира пустились в приключение на виндсерфинге.

— Ну, я чуть преувеличил, — признался Вико. — Дело в том, что у меня есть партнеры, а им не понравится такое развитие событий. Пропустить соревнования в Гонфлере уже очень плохо. Ну а как быть с другими европейскими событиями в виндсерфинге? На следующей неделе Амстердам, потом Гармиш, озеро Констанс, Маджиоре. Очень важно, чтобы я там тоже поднимал парус.

— Сочувствую, — проговорил я. — Но вам бы следовало сначала заплатить за доски. А вместо этого вы на рыбацьем судне ввезли их контрабандой во Францию.

— Вы и об этом знаете? Мистер Драconiан, моя большая ошибка, что я это сделал. Но я был вынужден. Еще на Ибике я доверил брату, Энрике, который также бухгалтер «Марисол», послать сеньору Фолкону чек. Но вместо этого Энрике поехал в Сан-Себастьян, где, наверно, проиграет все деньги.

— Как бы то ни было, вы не заплатили. Вы украли доски.

— У меня паника, — Вико совсем разучился говорить по-английски. — И я не мог связаться с моими партнерами, которые путешествуют по Европе, наблюдая, как я соревнуюсь.

— Партнеры? Вы прежде не упоминали о них.

— Да, у меня есть партнеры, я разговаривал с ними, и мы решили заплатить вашему клиенту, мистеру Фолконе, за виндсерферы. Сейчас, немедленно.

— Правда? А я думал, вы не можете выделить и су, пока не выиграете гонку.

— Технически это правильно. Но у моих партнеров есть кое-какие деньги. К счастью. Мы не проклинали вас, мистер Об, за то, что вы забрали наши виндсерферы. Но теперь они мне и правда нужны. Следовательно, вуалья, плата.

Из внутреннего кармана он вытащил толстый коричневый конверт и вручил мне. Внутри лежала пачка купюр. Я быстро просмотрел их. Там были американские и французские деньги и несколько фунтов стерлингов. Всего понемногу.

— Сколько здесь? — спросил я.

— Двадцать пять тысяч долларов. Вы можете заплатить мистеру Фолкону, а остальное взять себе.

— Вико, почему вы решили дать мне такой гонорар?

— Потому что вы мне нравитесь, мистер Об. И потому что мне нужны эти доски, а вы, кажется, и есть тот ключ, который вернет их мне.

— Я уже говорил, что ничего не знаю о том, кто взял ваши, или, вернее, не ваши, виндсерферы.

— Так, все понятно, — проговорил Вико с убийственной мягкостью, которая иногда появляется у испанцев перед тем, как они взрываются и штурмуют баррикады. — Я не ставлю обвинений. Только найдите человека, который доставит доски по следующему адресу, — он вынул листок бумаги и протянул мне, — в течение сорока восьми часов, и все будут удовлетворены.

— Сделаю все, что смогу, — согласился я, пряча деньги в карман. — Но я ничего не обещаю.

— Пожалуйста, проследите, чтобы виндсерферы прибыли по этому адресу, — повторил Вико. — Ради собственного спасения.

Он поднялся, чтобы уйти. Я тоже встал.

— Вы мне угрожаете?
— Не я. Я не люблю насилия. Это мои партнеры, которых мы оба должны опасаться. — Он ушел.

На листке бумаги был указан адрес в окрестностях Парижа. Я спрятал его в бумажник. Потом позвонил Найджелу Уитону и договорился с ним о встрече в баре «Нью-Йорк Гарри».

— Понимаю, в чем проблема, — сказал он, когда я передал ему разговор с Вико.

— По-твоему, кто-то украл доски, кому нечего делать с остальной экипировкой? Или это просто случайность?

— Трудное положение, старина. Но я посмотрю, что можно сделать.

Уитон улыбнулся, и колокола тревоги забили у меня в голове. Я склонен верить, что мои друзья остались точно такими, какими были десять лет назад, когда я видел их последний раз. И я всегда ошибаюсь. Я не тот, каким был десять лет назад, почему же они должны остаться прежними?

— Найджел, — пробормотал я, — у тебя нет случайно шоферской формы?

— Конечно, нет, старина, — возразил Найджел. — Скоро увидимся. — Он дошел до двери и обернулся. — Но, естественно, я знаю, где ее достать. — С этими словами он ушел.

Я ничего не знал о том, что все эти десять лет делал Найджел. Я примчался в Париж убежденный, что время застыло, все и всё осталось неизменным. Однако оказалось, что это совсем не так. Да так и не могло быть. Чем занимался Найджел, когда не работал на меня? И от кого я мог это узнать?

Когда я вернулся в «Синь», консьерж сообщил, что мне звонили. Некий Жан-Клод просил, чтобы я связался с ним как можно скорее. Я поднялся к себе в номер и позвонил.

Телефон ответил голосом, который звучал так, будто по-французски говорила обширная рыжеволосая женщина с сильным испанским акцентом. Испанцы — это негры Франции. Из них берутся консьержи второ- и третьеклассных парижских отелей. На социальной лестнице они на одну ступеньку выше алжирцев, которые по ночам метут улицы метлами, сделанными из пучка прутьев. Я перешел на испанский и услышал обычные испанские жалобы на холодность французского народа и на пресность их пищи. Убедившись, что я никого не знаю в Альбасете, она сообщила, что Жан-Клод ушел, но очень хотел со мной поговорить. Я дал ей свой номер в отеле.

До встречи с Хуанито оставалось еще полтора часа. Поэтому я принял ванну и лег вздремнуть. Вы, наверно, подумали, что я

слишком много сплю. На самом деле это не так. Другие детективы тоже много спят. Они просто об этом не рассказывают. Но я твердо решил писать только правду обо всем, что касается моего расследования. Так позвольте мне придерживаться правды.

Я поставил свои «Касио» на запястье на 11.45, лег и почти сейчас же заснул. Будильник зазвенел чересчур скоро, и борьба с программой часов — надо же остановить проклятый колокольный звон — приятно разбудила меня. Я надел темно-синюю хлопчатобумажную спортивную рубашку, невесомый спортивный пиджак цвета хаки с множеством карманов и вышел в журчащую и теплую парижскую ночь.

34. СЕНТ-ОСТАШ

После краткого совещания консьерж отеля рассказал все, что мне надо знать о местоположении Сент-Осташ. Фактически это оказалось за углом. Я вышел из отеля «Синь» и зашагал по рю Рамбюто мимо Форум де Алль к Сент-Осташ недалеко от Биржи. Когда-то этот огромный готический собор построили, соперничая с Нотр-Дам. Поднимаясь над мясными и рыбными лавками квартала, его парящие портики и розовые окна были хорошо видны в полной света парижской ночи. Когда я подошел, как раз наступила полночь. Я слышал бой гигантских уличных часов высотой четыре метра и весом больше тонны. Звук доносился из соседнего крытого перехода.

Через секунду после моего появления пришел Хуанито. Или, наверно, он был там раньше и поджидал меня. Он не сменил костюм испанского музыканта, который носил утром, только добавил к нему элегантную, длиной до талии темно-синюю пелерину, что придавало ему легкое сходство со студентами военной академии Сен-Сир.

— Ах, амиго, пойдем со мной, — воскликнул Хуанито и повел меня в Сент-Осташ.

Собор немного не дотягивал до пламенеющей готики¹, хотя сводчатый неф с нависающим замковым камнем был высокий. Мимо придела Богоматери, гробницы Кольбера мы приближались к алтарю, одновременно совершая краткий обзор французской истории. Здесь проходил обряд крещения Ришелье, Мольера, мадам де Помпадур. Здесь Людовик XIV принял первое причас-

¹ Готическая архитектура пламенеющего стиля возникла во Франции в конце XIII — начале XIV в., отличается обилием декора.

тие, и здесь похоронили Лафонтена, Мирабо и уже упоминавшегося Мольера¹.

— Куда мы идем? — прошептал я.

— Когда ты последний раз был на исповеди? — прошелестел в ответ Хуанито.

— Ого, я еврей, мы не делаем вещей такого рода, — пояснил я.

— Ну тогда это будет для тебя новый опыт. — Он подвел меня к исповедальной кабине. Я с отвращением разглядывал ее.

— В чем дело? — спросил я. У южноамериканцев иногда прорезывается странное чувство юмора.

— Входи, — сказал Хуанито, показывая на кабину. — Увидишь.

Мне это не понравилось, но черт с ним, я вошел внутрь. Штора загораживала вид на церковный зал. Наклонившись вперед, я обнаружил люк, его открывают, чтобы говорить со священником. Я отодвинул дверцу и открыл люк. С другой стороны донеслись шуршащие звуки, будто священник поправлял свою сутану, или что он там носит.

— Oui, mon fils?² — немного спустя проговорил мягкий голос.

Я нетерпеливо пожал плечами. Ситуация определенно выводила меня из себя. Огромная полутемная церковь, фантастические очертания, бесчисленные свечи, величественные скульптуры, аромат ладана и благочестия — все вместе моментально вызвало у меня нервное несварение желудка. Это явно не мой Париж. Но все же мне удалось на этой сцене восстановить некоторую часть здравомыслия, и я произнес обычным разговорным тоном:

— Привет, я Хоб Дракониан, кому имею удовольствие исповедываться?

— Мне сказали, что вы немного дурак, — проворчал совсем несвященнический голос по другую сторону перегородки.

— Но все же не такой дурак, чтобы назначать встречу в исповедальной кабине, — заметил я. — Что это для вас, какое-то извращенное удовольствие? И, кстати, кто вы?

— Разговаривая с вами, я должен оставаться невидимым, — сообщил голос. — Это место мне кажется самым безопасным из всех, какие я мог за короткое время придумать. И его преимущество в том, что оно рядом с вашим отелем.

¹ Жан Батист Кольбер (1619—1683) — государственный деятель, финансист; Ришелье, Арман Жан дю Плесси (1585—1642) — кардинал, государственный деятель; Мольер, Жан Батист Поклен (1622—1673) — комедиограф; Помпадур, Жанна Антуанетта де Пуассон (1721—1764) — фаворитка короля Людовика XV; Жан де Лафонтен (1621—1695) — писатель, баснописец; Мирабо, Оноре Габриель Рикети (1749—1791) — деятель Великой французской революции.

² Да, сын мой? (фр.)

— Да, рукой подать, — согласился я. — Конечно, вы могли бы прийти ко мне в номер, я бы поставил несколько бутылок вина, и мы бы обо всем переговорили в цивилизованной манере. Я полагаю, это место безопасно до тех пор, пока священник не заинтересовался, во что мы играем в его кабине.

— Священник в Маракеше, он в отпуске, — возразил голос. — По-вашему, мы не умеем устраивать такие дела?

— Не знаю. А кто вы?

— Вам нет необходимости этого знать.

— Вы правы, — согласился я. — Но у меня также нет необходимости быть здесь. — Я встал. — Если вы захотите продолжить разговор, то найдете меня в «Пье дю Кошон», это рядом. И, наверно, я закажу гратинэ.

— Не так быстро, — зашипел предполагаемый эрзац-священник. — Сколько вы заплатите за информацию об Алексее?

Я снова сел. Наконец мы вернулись к реальности.

— Я должен сначала услышать информацию, потом буду судить, сколько она стоит.

— Моя информация потребует минимальной платы в пятьсот американских долларов, если вы решите, что она ценная. Это подходит?

— Да, — согласился я, — но только если ценная.

— Можете вы дать мне сейчас сто долларов, чтобы показать свои добрые намерения?

— Не будьте смешным, — фыркнул я.

— Ладно. Идите за мной.

35. ЭСТЕВАН

Мы вышли из Сент-Осташ, фальшивый священник и я, и промаршировали по рю де ля Трюандери и затем по рю Сен-Дени. Снэк-бары, бутики, секс-шопы, кафе — все работало в полную силу. Я покосился на своего компаньона. Высокий, с желтовато-зеленым цветом лица, хищными глазами и усами Панчо Вилья¹. То, что я принял за сутану, оказалось пончо.

— У вас есть имя? — спросил я. — Или к вам можно обращаться как к фальшивому священнику?

— Зовите меня Ишмаэль, — ответил он. — Нет, впрочем, не зовите меня Ишмаэль, это только нервный рефлекс от литературных курсов в Новой школе в Нью-Йорке, на которые я ходил в прошлом году.

¹ Панчо Вилья, настоящее имя Доротео Аранго (1877—1923) — участник мексиканской революции 1910—1917 годов.

— Это были хорошие курсы? — проговорил я, считая, что надо что-то сказать.

— Мне, в частности, нравилась грудастая молоденькая еврейская девушка, которая их посещала, — признался он. — Что же касается остального, то я буду счастлив, когда наконец перестану думать о белых китах по имени Моби Дик¹. Вы можете звать меня Эстебан.

Мы еще немного прошли в приятном молчании.

— Куда вы меня ведете? — наконец спросил я.

Мы как раз подходили к тенистым аллеям, окружающим фонтан Непорочных. Это место связано с плохими воспоминаниями. Во время осады Парижа Генрихом Наваррским в 1590 году мертвые покидали кладбище, расположенное в этом районе, и, как рассказывают, танцевали на улицах. Сейчас днем это туристская достопримечательность, а ночью место, где заключаются подпольные соглашения и небольшие контрабандные сделки.

— По-моему, здесь будет так же хорошо, как и в любом другом месте, — объявил Эстебан.

Две фигуры отделились от бродяг, окружавших фонтан. Мне не понравилось, как они подошли прямо ко мне, отрезав меня от прохожих с одной и другой стороны. И мне не понравилась манера, с какой Эстебан попятился, его рука полезла в карман накидки и вновь появилась с чем-то блестящим. Это была не гармоника.

— Эстебан, у меня создалось о вас ложное впечатление, — проворчал я.

— Неужели?

— Я принимал вас за честного мошенника, а вы оказались момцером самого дурного полета.

— Момцером! — захихикал Эстебан. — Я забыл экзотический диалект Нью-Йорка. Как я хотел бы научиться говорить с идиомами.

— Если мы провернем нашу сделку, я бы мог стать вашим учителем идиша.

— Я моментально почувствовал к вам расположение, Хоб. — Эстебан без усилий произнес «Х» в моем имени. — Мне жаль, что я должен поставить вас в такие условия, какие вы себе и вообразить не можете. Политика — жестокая любовница.

— Перестаньте разыгрывать из себя злодея, у вас ничего не выходит, — усмехнулся я. — Послушайте, Эстебан, серьезно, давайте вы и я где-нибудь сядем и поговорим. Нет ситуаций, из которых нет выхода.

¹ «Моби Дик» — роман американского классика Германа Мелвилла (1819—1891). Белый кит, Моби Дик, символизирует рок, от которого никому не уйти.

— Если бы дело было во мне, — протянул Эстебан с тем меланхолическим выражением, которое иногда появляется на лице южноамериканцев, когда они вынуждены расправиться с человеком, который им на самом деле нравится. — Но мои руки связаны. Приказ об этой акции идет прямо от «Эль Группо Бланко».

— Ох, идет прямо от «Эль Группо Бланко», — повторил я за ним.

— Да, это так.

— Черт, — возмутился я, — почему вы не сказали мне с самого начала? В таком случае вам позволено делать со мной все что угодно, раз уж «Группо Бланко» берет ответственность на себя. А теперь, Эстебан, честно признайтесь, разве это не дурацкая позиция?

По-видимому, мои слова пролетели над их головами. Даже не осмыслив, что я сказал, два оруженосца Эстебана, или как их еще назвать, соединились в одной точке, и этой точкой был я.

Я сделал свою игру. В широкую брешь между моими тремя следователями я прорвался в сторону Севастопольского бульвара. Страх прибавлял скорости моим мелькающим ногам.

К несчастью, я этого не сделал.

Они были наготове. Когда я рванулся, один подставил ногу, а другой размахнулся. Похоже, будто они отрепетировали заранее. В мозгу у меня взорвались квазары. Ноги превратились в мыльные пузыри. В голове я услышал высокое пронзительное пение. Я так и не почувствовал, когда ударился о мостовую.

36. ВУЛОНСКИЙ ЛЕС

Любопытно, как испанский мир продолжает вторгаться в мою жизнь, хотя я уже давно оставил Ибицу. Должно быть, есть что-то в менталитете, что притягивает меня, заставляет разыскивать тоскливый дух древнего испанизма. Страны существуют как модели для нашего разума и дают нам окраску независимо от наших индивидуальных особенностей. Моя связь с Испанией была глубокой, ироничной и такой же обманчивой, как приключения великого Дона Кихота, моего прародителя.

Такие мысли кружились у меня в голове, когда я лежал, брошенный на одну сторону кузова просторной вроде бы экскурсионной машины. Я решил пока притворяться, будто потерял сознание. Сквозь бахрому ресниц сощуренных глаз я мог различить у себя за спиной двух крупных мужчин, которые следили за мной с откидных сиденьев. Отдельно от них рядом с водителем сидел Эстебан. На водителе была шоферская фуражка. Легко заметить, что у южноамериканцев в любых обстоятельствах сохраняется чувство стиля. Конечно, способ, каким они меня похитили, не

вписывался даже в длинный ряд моих самых фантастических ассоциаций. И что такое, черт возьми, «Эль Групо Бланко»? А, кстати, чего они хотят от меня?

Двое мужчин на откидных сиденьях тихо переговаривались между собой. Они говорили на языке, которого я никогда не слышал. Один из них время от времени обращался к Эстебану, и тот отвечал на том же языке. Мне вдруг пришло в голову, что они все и не латины. Их язык показался мне немного похожим на албанский. Или, может, это один из македонских диалектов, которые после Александра Великого остались разбросанными по всем районам, где он прошел.

Мы уже миновали центр Парижа и направлялись к кольцевой дороге, которая окружает город. Потом свернули к Порт де ля Вийет и поехали на запад. Здесь движение стало не таким интенсивным. Мы обогнули северную границу города и свернули на юг мимо Порт Майо, проехали милю или чуть больше и оказались у Порт Дофин. Теперь мы были в Булонском лесу, большом, тщательно ухоженном месте для прогулок в западной части Парижа.

Когда мы катили по тенистым аллеям, я видел многочисленных проституток, выстроившихся, как на параде, вдоль тротуаров. Они все носили меха и ничего под ними. Мы приблизились к Алле де Лоншан, где слоняются мужчины-проститутки, затем мы пересекли территорию Гоночного клуба Франции, еще немного проехали и остановились прямо за высотами Прэ Катела на заболоченной земле недалеко от озера Инфьерье. Как говорят, сюда парижские банды притаскивают тела своих жертв.

— Отлично, Хоб, — произнес твердый, с хорошим произношением буквы «Х» голос Эстебана. — Это конец маршрута, как говорите вы, американцы.

Притворяться потерявшим сознание больше не было смысла. Все выглядело так, будто очень скоро меня ждет неотвратимая реальность: Большой Сон, о котором пел Джим Моррисон.

— Пожалуйста, выйдите из машины, — сказал Эстебан.

Я молча подчинился, на этот раз без неумных острот. Меня встревожило, что Эстебан не предупредил, чтобы я не пытался бежать. Вероятно, его не беспокоит, буду я пытаться бежать или нет. У него уже есть план, что со мной делать.

Эстебан и его помощники образовали круг, замкнули меня в нем и повели глубже в лес, где рос кустарник. Стояла ясная ночь. Сквозь ветви я мог видеть над головой Орион. Когда мы шли по газонам, наши ступни издавали высокий чавкающий звук. Один из мужчин был отвратительно простужен. Он без конца сморкался в белый платок. Я не сумел придумать, как мне использовать

это преимущество, но, во всяком случае, хотя бы еще не отказался от таких мыслей.

Наконец мы вышли на небольшую поляну. Остановились.

— Теперь давайте поговорим, — предложил Эстебан.

Он сделал жест рукой. Два его помощника чуть попятились.

От этого у меня улучшилось настроение. Не то чтобы я и правда поверил в восстановление наших отношений, но определенно начало было положено.

— Друг мой, — проговорил Эстебан, — может, это не самая лучшая идея — искать Алекса.

— Забавно, что это сказали вы. Я как раз начал думать о том же самом, — заметил я.

— Правда?

— Да, я так и эдак прокручивал эту мысль, — подтвердил я. — Алекс — штука *roquito complicado, verdad?*¹ Занятие вовсе не в моем вкусе. Я как раз подходил к решению написать, что выхожу из игры, и поехать домой к моим бывшим женам.

— Очень хорошая идея, — согласился Эстебан.

— Он не такой тупой, каким выглядит, — вмешался один из оруженосцев.

Я пропустил его реплику мимо ушей.

— Дело в том, что, если я брошу работу, у меня не хватит денег вернуться домой.

Эстебан уставился на меня. Потом издал короткий то ли рык, то ли смешок.

— Сеньор Дракониан, вы меня удивляете. Неужели вы пытаетесь заставить меня заплатить вам за то, чтобы вы бросили это дело? Я бы скорее подумал, вы будете благодарны, если уйдете отсюда живым.

— Конечно, буду благодарен, — не стал возражать я. — Не поймите меня неправильно. Но, откровенно говоря, я не считал, что вы всерьез собираетесь меня убить.

— Как вы пришли к такому заключению?

— Только по одной причине. «Эль Группо Бланко» не одобрит. Никак не одобрит. Вы же знаете, как часто они меняют свои решения. В данный момент осторожность — приказ дня. Не взбивать волну. Иначе вы поставите под угрозу множество тщательно выношенных планов.

— Что вы знаете об «Эль Группо»? — спросил Эстебан.

— Что я знаю — мое дело. Я не собираюсь открывать то, что знаю, ни вам, ни кому-то еще. Для вас это тоже безопаснее, понимаете.

— У вас против нас много шансов, — пробормотал Эстебан. —

¹ Довольно сложная, правда? (исп.)

Даже не знаю. Наверно, нам все же безопаснее, если вы будете мертвым.

— Вы ошибаетесь. Только по одной причине: убив меня, вы скомпрометируете Хуанито. Инспектор Фошон из полиции Парижа следит за каждым моим шагом. Он держит меня под постоянным наблюдением. Не думайте, что это маленькое похищение прошло незамеченным. Фошон и его люди готовы в любую минуту двинуться по моим следам.

— Однако никто не преследовал нас, — возразил Эстебан, хотя голос его звучал неуверенно. И кто бы мог быть уверен?

— Они не должны буквально висеть у вас на хвосте, — пояснил я. — Насколько я знаю Фошона, он вмонтировал «жучок» в вашу машину, едва только заметил, как разворачиваются события. Он мастер, этот Фошон. Но, по-моему, вы ждали, что во Франции столкнетесь с такими вещами.

Эстебан повернулся к своим помощникам, и они поговорили на языке, которого я не понимал. Слушая более внимательно, я решил, что это не албанский. Для меня он звучал как турецкий, может, азербайджанский. Только потом я узнал, что это был гуарани, основной язык индейцев Парагвая.

— Вы собираетесь прекратить поиски Алекса? — спросил Эстебан.

— Я подумаю. А тем временем перекрестите мою ладонь серебром или бумажными банкнотами, и я постараюсь облегчить вашу участь, когда этот восковой шарик растечется.

— Смешно, — сказал Эстебан. — Вы не в том положении, чтобы выдвигать требования.

— Мне дело представляется по-другому, — настаивал я. — Послушайте, Эстебан, заплатите. Ведь это не ваши деньги. Они принадлежат «Эль Группо Бланко». Там даже не заметят потери нескольких тысяч долларов, если вы проведете их как незначительную трату наличными.

— Несколько тысяч? Это невозможно. Мы действуем с очень ограниченным бюджетом. Для южноамериканцев ужасно дорого жить в Париже.

— Ладно, это ваши проблемы, — проговорил я. — К черту, ведь я у вас не взятку просил. Делайте что хотите. Но, пожалуйста, поскорей кончайте. Фошона, наверно, уже тошнит от лазания по кустам. И у меня есть более важные дела, чем торчать всю ночь с вами в Булонском лесу.

Эстебан провел еще одну краткую конференцию. Потом вытащил бумажник.

— Я дам вам десять тысяч франков, но вы должны прекратить поиски Алекса, — поставил он условие.

Я взял деньги и сунул в карман.

— Вообще-то, Эстебан, для вас лучше искать его вместе со мной, чем с кем-то другим. Я ищу Алекса, потому что это моя работа. А кроме того, я его друг и постараюсь сделать, как для него лучше.

— Вы сказали, что перестанете его искать, — почти закричал Эстебан. В его голосе прозвучало искреннее возмущение. Типы, которые похищают людей, трогательно верят, что сами они могут лгать, сколько угодно, а все другие обязаны держать слово.

— Я должен продолжать поиски, но я не буду особенно стараться.

Видимо, Эстебан понял, что встретил равного себе в искусстве напускать туману. Ответный удар оказался слабым.

— Запомните, вас предупреждали. Берегитесь. В следующий раз, когда нам придется говорить с вами, это может быть последний разговор. — Жалкая угроза, но я понял: он пытался спасти лицо.

— Эй, а как насчет того, чтобы отвезти меня в Париж? — закричал я им вслед, когда Эстебан и его друзья направились к машине.

— Поедете назад с вашим другом Фошоном, — ответил Эстебан.

Вскоре я услышал, как заработал мотор и машина отъехала.

Потом раздался треск веток. Из кустов выбрался инспектор Фошон и рядом с ним детектив в штатском.

— Очень хорошо, Об, — сказал Фошон. — Мы не спускаем глаз с этих парней. Но откуда вы узнали, что я совсем близко?

— По правде говоря, я не знал. Однако именно этого желал больше всего на свете, — признался я.

— Приятно, когда мечты сбываются, — согласился Фомон. — Десять тысяч франков можете отдать мне.

— Ну уж бросьте! Чтобы получить их, я прошел через кучу неприятностей!

— Мы вернем их, когда закончится следствие. Марсель, напиши расписку, — распорядился Фошон.

Второй полицейский в штатском, высокий, бледный, постриженный «ежиком», достал из кармана блокнот, что-то нацарапал и вручил листок мне. Я отдал ему деньги. Легко пришли, легко ушли.

37. ЖАН-КЛОД И НАЙДЖЕЛ; ОБ АЛЕКСЕ

Когда я подъехал на «Пежо» Фошона, перед отелем меня ждал Жан-Клод. Пока мы с Фошоном обменивались прощальными любезностями, он из осторожности шагнул в тень.

— Да, инспектор, — сказал я, — большое спасибо, что спасли меня. Вообще-то я держал ситуацию под контролем. Но поддержка со спины всегда приятна.

— Будьте осторожны, Об, — Фошон пожал плечами и состроил гримасу. — По-моему, вы, как говорят у вас в Америке, играете с мечом, подвешенным над головой.

— Да, так мы говорим, правильно, — согласился я. — Наверно, вы хотите, чтобы я через определенное время регулярно сообщал вам все, касающееся Алекса? Что я видел, слышал или сделал.

— Ох нет, — Фошон усмехнулся, хихикнув. — Только будьте осторожны, когда что-то делаете. Вы не жесткий человек, чтобы заниматься преследованием. И этим отличаетесь от нас, для которых это обычная рутина.

— Вы не могли бы сказать, что такое в Алексе привлекло внимание полиции Парижа? — спросил я. — За ним что-то есть, раз его разыскивают?

— Насколько мне известно, ничего нет, — ответил Фомон. — Но, конечно, кто знает, что принесет нам завтра.

И зашагал к машине, насвистывая «У моей блондинки» в собственной неподражаемой манере.

Когда Фошон уехал, Жан-Клод вышел из своего укрытия. Челюсть отвисла, брови взлетели к волосам. Я понимал, что сейчас стану объектом неприятной французской иронии, поэтому опередил его, пожав плечами и предложив:

— Пойдем в номер, выпьем по бокалу вина и обменяемся слухами, не против?

Жан-Клод тоже пожал плечами и вошел следом за мной в отель.

Найджел Уитон уже сидел у меня в номере и угощался здоровой порцией «Хайг энд Хайг», которое я купил в самолете. Найджел любил шутки вроде этой. Он заявлял, что такие проделки и умение открывать замки дают ему практику и держат в форме для более серьезных вещей. В тот вечер он надел свой твидовый пиджак от «Харриса», хлопчатобумажные твилловые офицерские брюки и прекрасно начищенные испанские ботинки.

— Ах, это ты, дорогой мой! Вижу, случилось что-то похуже твоей маленькой прогулки в Гонфлер.

— Об этом мы и должны поговорить.

— Послушай, Об, — начал Жан-Клод, — я пытался предупредить тебя. Я звонил тебе, просил передать, что дело неотложное.

— А потом, когда я перезвонил, тебя не было.

— Я спустился в кафе за пачкой сигарет. Почему ты не позволил еще раз?

Я не сумел найти убедительную отповедь его словам и решил побаловать себя глотком виски. Налив скотч в стакан для зубной щетки, я с минуту сердито покрутил его и устроил маленький водоворот. Потом попробовал.

— Так-то лучше, — крикнул я и раздражающе закашлялся. Я кашлял, а Жан-Клод хлопал меня по спине.

— Убери свои грязные когти, — прорычал я, — я всегда кашляю, когда пью. Жан-Клод, что за чертовщину ты собирался сказать мне по телефону?

— Я хотел предупредить тебя, чтобы ты не садился в машину ни с какими южноамериканцами.

— И как ты узнал, что меня надо предупредить?

— Вчера после полудня я кое-что обнаружил. Разве нет, Найджел?

— Да, я бы сказал, что ты определенно сделал очень много, — поддержал его Уитон. — У тебя ничего нет пожевать к твоему великолепному виски? Сырные палочки очень бы подошли.

Не понимаю, что происходит в Париже. Никто палец о палец не ударит без того, чтобы не напихать в себя еду.

— Послушай, — сказала я, — сырными палочками у меня и не пахнет. Жан-Клод, почему бы тебе не позвонить в «Ле Цинк» на этой же улице и не попросить их прислать нам сэндвичи.

— Французские кафе не занимаются доставкой еды на дом! — Жан-Клод смотрел на меня, будто я сошел с ума.

— Однако Мегрэ они обслуживают! — возразил я.

— Ох, не имеет значения, — вмешался Найджел. — Когда-то у тебя был лучший стол на Ибице.

— Это было, когда мне готовила Кэти.

— Как эта девушка стряпала свиные ребрышки по-китайски! — воскликнул Уитон.

Мне не хотелось углубляться в эту тему. Я повернулся к Жан-Клоду.

— Что ты узнал?

— У меня есть друг, — начал Жан-Клод. — Он официант в «Эль Манго Энкантадо» и подслушал разговор группы этих гаучо. Он сказал, что они обсуждали Алекса.

— Что они говорили?

— Он не мог понять. Они говорили на языке, которого мой друг не знает.

— Ему удалось выяснить их отношение к Алексу?

— Да, конечно. Мы обсуждали это. Он считает, что у них неопределенное отношение.

— В этих сведениях столько же смысла, сколько и во всем другом в данном деле.

Я потянулся за сигаретой из пачки Найджела, а потом вспомнил, что бросил курить несколько месяцев, или, вернее, несколько недель назад. Но все равно взял. В данный момент это не имеет значения, потому что мне не верится, будто я так долго прожил, что у меня успеет развиться рак легких.

— У меня для тебя чуть больше информации, — вступил Найджел. — Ты знаешь, что Алекс делал последние несколько лет?

— Продавал подводные поместья во Флориде, так мне представляется.

— И ты совсем не прав. Алекс работал у Аарона, Мерфи, Стейнмеца и Френкена.

— У адвокатов?

— Да, в юридической фирме. Они создавали фонды.

— Создавали фонды? Ты имеешь в виду для политических кампаний и прочего такого?

— Да. Но последний год или два они работали над специальным проектом. Он был связан с недавним разоблачением фондов для Ирана и никарагуанских контраст.

— Мне что, надо вытягивать из тебя по слову? — разозлился я. — Найджел, забудь о драматической подаче своих новостей. Назови мне только факты.

Найджел рассказал, что Алекс оставил Европу лет пять назад. С помощью своей семьи в Вирджинии, уважаемой в обществе, он попал в «Селуин Групп». Эта фирма профессионально занимается созданием фондов. Несколько других групп тоже участвовали в усилиях частных лиц собрать деньги для никарагуанских контраст. Алекс там был самым младшим клерком. По мере того как развивались события, он начал беспокоиться. Ему казалось, что все происходящее выходит за рамки законности.

Потом генеральный прокурор Мис дунул в свисток, правда с опозданием. Сформировали комитеты для расследования, вызывали свидетелей. Свое положение Алекс оценивал весьма критически. Ему все не нравилось с самого начала. Слишком много людей с видом заговорщиков приходило и уходило из офиса. Правда, непосредственный босс Алекса, Том Огден, прямо сказал, что у них все в порядке, концы спрятаны в воду, ни у кого не будет неприятностей. Но потом началось расследование в конгрессе. Попросили дать свидетельские показания Кейси, Норта и Пойндекстера. Кейси получил инсульт и больше не поправился. Макфарлейн попытался совершить самоубийство. Тут Алекс с опозданием понял, что пора спасать собственную шкуру.

Конечно, он выполнял приказы Тома Огдена. У следствия не

было ничего, что можно было предъявить ему как обвинение. Ничего, пока свидетельские показания давал Селуин.

Потом Селуин лег в больницу на шунтирование сердца. Он вышел после операции в хорошем состоянии, быстро поправлялся и вдруг три недели спустя умер.

После смерти Селуина все тут же изменилось. У Селуина было много друзей на высоких постах, однако теперь это не улучшало положения Алекса. Комитеты, созданные для расследования, обнаружили законспирированные структуры, получавшие деньги, и теперь искали людей, входивших в них. Алекс почувствовал, что земля начинает гореть под ногами.

Конечно, документы Огдена могли бы полностью очистить Алекса. Но они внезапно перестали поступать. Через свои тайные связи Алекс узнал, что с ними что-то, видимо, делает вдова Селуина. Она предпринимала нужные шаги, чтобы защитить честное имя и значительную пенсию мужа, которую после его смерти выплачивали ей.

«Селуин Групп» распустили. Алекс получил чек с уведомлением об окончании контракта и долго и трудно размышлял, что же делать дальше. Создалась такая ситуация, что если бы комитет пришел к мысли, что надо заслушать Алекса, ему, вероятно, грозило бы уголовное дело. Как юрист он подсчитал, что может получить от двух до пяти лет за преступный сговор и по другим статьям.

Он обсудил положение со своим секретарем. Она работала с ним с самого его прихода в «Селуин Групп» и посоветовала ему исчезнуть из города. Конечно, ничто не предвещало, что комитет обязательно будет его разыскивать. Но, безусловно, им было бы приятнее, если бы он оставался в Вашингтоне. Поэтому ему было лучше уехать сейчас, пока никто им не интересуется, и устроить себе длительный отпуск где-нибудь за границей. К примеру, в Париже.

Алекс решил исчезнуть немедленно. Он полностью очистил свой банковский счет. Денег было немного, потому что правительство наложило арест на его основной счет. У него еще лежали деньги в «Кредит Сюиз», в Парижском отделении банка, но немного, всего несколько сотен долларов. На первое время этого бы хватило. Он подписал доверенность своему секретарю, чтобы она взяла деньги, когда будет снят арест с его счета. И уехал.

Найджел сделал паузу, чтобы снова налить себе виски.

— Откуда ты все это узнал? — спросил я.

— Мне рассказала Ракель. Как ты уже понял, она и есть секретарь Алекса.

— Мне она не говорила об этом, — протянул я.

— Потому что, старина, тебе не хватает интимного подхода. — Найджел выглядел чрезвычайно довольным собой. — В былые дни Кейт часто жаловалась мне.

Я не стал останавливаться на этом.

— Когда Ракель рассказала тебе эту историю?

— Прошлой ночью, когда я заехал к ней в отель, чтобы побеседовать. Она довольно милая малышка.

— Проклятье! — рассердился я. — Ей следовало бы с самого начала все рассказать мне. За какого рода балбеса она меня принимает? По-моему, Ракель и мне лучше сейчас же расчистить завалы.

Я потянулся к телефону.

— Если хочешь позвонить ей в отель, — лениво промурлыкал Найджел, — боюсь, ты ее там не застанешь.

— Где она?

— Я решил, что у меня ей будет уютнее. Ты еще не видел мою берлогу рядом с Пантеоном? Прямо возле Сен-Мишель, дорогое маленькое гнездышко. Она пожаловалась, что, с тех пор как прилетела в Париж, ни разу сносно не ела. И правда, Хоб, ты пренебрегал ею.

С минуту я в ярости тарасил на Найджела глаза. Однако потом мне пришлось расхохотаться. Я забыл о тяге женщин к Найджелу. Может, действовал сочный акцент британского высшего класса, или военная выправка, или веселая поглощенность земными заботами. Но как бы то ни было, женщины всегда вешались на Найджела.

— Отлично, Найджел, — сказал я. — Ты хорошо поработал. Но ты не узнал главного, что мне и вправду необходимо знать. А именно, где Алекс теперь?

— Что касается ЭТО, — заговорил Жан-Клод на своем своеобразном английском и с супернадменным видом провел пальцем по усам, — то надеюсь иметь для тебя один ответ за двадцать четыре часа.

— Расскажи, что ты раскопал, — попросил я.

— Но только я имею. Ты же не думай, что я собираюсь говорить тебе имена моих информантов, а?

— Нет, конечно, нет, глупый вопрос. Но, Жан-Клод, это серьезно, или ты снова втираешь мне очки?

— *Qu'est-ce que c'est*¹ — «втираешь очки»?

— В данном случае это значит говорить неправду и надеяться, что она сойдет за правду.

¹ Что это значит (фр.).

— Я так не буду делать, — запротестовал Жан-Клод. — Поверь мне, Об. Завтра вечером я смогу отвести тебя к Алексу.

— Прекрасно, — согласился я.

— Конечно, я буду требовать аванс, чтобы позаботиться о моих информантах.

— Мне тоже надо немного денег, Хоб, — вмешался Найджел. — Я почти что обещал Рабель угостить ее лучшим в Париже казулет, ты же знаешь, мясным ассорти с бобами в горшочке.

— Тогда позволь ей заплатить самой.

— Перестань, Хоб, не будь таким. Разреши мне заплатить. А потом добавь это к счету, который ей предъявишь.

С нескрываемым неудовольствием я заплатил им обоим. Мы расстались, подчеркнуто проявляя взаимное уважение, хотя с моей стороны и без особого энтузиазма.

После их ухода я снова позвонил Иветт. Мы договорились встретиться завтра за ленчем. Она тоже могла мне кое-что рассказать. Во всяком случае, меня радовало, что Найджел не увидел ее первым.

Часть VIII

38. ГУРМАН В ТЮРЬМЕ

Если вы считаете, что во Франции плохие отели, то вам стоит испытать их тюрьмы. Наконец мне дали одиночную камеру. Я испытывал больше, чем легкую тревогу, когда стражник вел меня по коридору с узорно выложенным камнями полом, где вдоль одной стороны злобно выглядывали из камер и свистели заключенные. Французские тюрьмы очень старые. Их строили и перестраивали еще в те времена, когда в Северной Америке жили только индейцы. В старых европейских тюрьмах есть что-то мистическое. Сотни лет террора и страданий проникли в поры камней моей камеры. Согласитесь, что в местах, которые так долго предназначались для заточения людей против их воли, есть своя аура. Нахождение в старой тюрьме, наверно, отравляет хуже, чем любой другой яд, потому что это духовное отравление. Ядовитые испарения сломенного духа лишают воли даже самого храброго заключенного.

А я уж точно не самый храбрый. По-моему, я уже объяснял, что к мацо, великолепным усатым мужчинам, не имею никакого отношения. И я не привык, чтобы перед рассветом меня вытаскивали из постели трое мрачнолицых полицейских из Парижских сил специального назначения, которые выглядели так, будто готовы отвоевывать назад Алжир, лишь бы раздобыть мое тело.

Они дали мне время, чтобы поспешно сходить в туалет, но ни минуты, чтобы застегнуть «молнию» на брюках и завязать шнурки. Двое стояли у меня по бокам, третий открывал двери. Так мы промаршировали по отелю. В холле стояли процветающие буржуа с их жеманными девочками в сверхтесных платьях и проводжали меня неодобрительными взглядами. А меня полунесли — наполовину я касался ногами пола — в раннее парижское утро. Не сомневаюсь, что в сознании зрителей я выглядел виновным, иначе зачем бы меня уводила полиция? Разве жандармы вытаскивают невинных людей из постели? Вспоминая синевато-серые лица с выравненным на них осуждением, я испытываю страстное желание окунуть их в грязь. В тот момент я мечтал о революции пролетариата с такими острыми зубами, каких мир еще никогда не видел.

Они втолкнули меня в зловещий синий фургон «Ситроен» с высокой крышей, который всегда появляется во время студенческих демонстраций. Двое из них сели со мной, глазами предупреждая — никаких жалоб или протестов, потому что любое движение или жест оправдывал бы их «вбивание в меня немного здравого смысла». Я сидел молча, понурился, приняв позу, которую любой опытный физиономист, каким себя считают все французы, определил бы как «положение тела», доказывающее виновность.

Мы подъехали к внешним воротам «Ла Сенте», большой тюрьмы в центре Парижа. Полицейские часовые отсалютовали и потянули вовнутрь железные ворота с извилистой позолотой наверху. Мы въехали и остановились во внутреннем дворе. Меня потащили в битком набитую и пахшую потом комнату, полную полицейских. У сержанта за столом возник короткий спор с моим стражником. По-моему, на корсиканском, потому что я различил только одно слово «Ессо!», сказанное сержантом, когда он взметнул в воздух руки. А тем временем мои стражники крутили, толкали и вытягивали наружу все мое нутро.

И поэтому я сижу здесь, одинокий, бледный, торчу без дела, будто осока, вырванная из почвы, и никаких адвокатов, чтобы позвонить. Извините, это была истерика. Но я и правда хотел видеть адвоката. Я хотел французского адвоката, который бы защитил меня, если французская юриспруденция вместо habeas corpus, неприкосновенности моей личности, решила выдворить меня отсюда, выдворить меня отсюда, выдворить меня отсюда...

Простите, это снова истерика. Она находит на меня даже здесь, в относительно безопасном месте, где я пишу эти воспоминания и вновь переживаю те дни. Моя камера примерно четыре фута в длину и ширину, толстые каменные стены, маленькое зареше-

ченное окно на высоте футов двенадцать, грязное ведро (позже я узнал, что в этом квартале часто отказывает канализация). И еще маленькая скамейка, которая выглядела так, будто ее сделали шимпанзе в начале времен. И больше ничего, кроме нескольких посланий, нацарапанных на стене. Я сумел разобрать только одно из них, самое простое: «МУЖАЙСЯ!». Подпись — Франческо Иссазага. Наверно, баскская фамилия. Но какое это имеет значение?

С высокого потолка на длинном потрепанном шнуре свисала единственная лампочка в проволочной сетке. Я усталился на нее, но никаких идей она мне не подкинула. Больше всего раздражало, что нечего было читать. Забавно, что это одна из первых потребностей, о которой думает человек, оказавшийся в тюрьме. У меня на этот счет есть своя теория. Вкус к чтению развивается в некоторых из нас наравне и в таких же масштабах, как истинный аппетит к еде, ко сну, внебрачным отношениям, как сиденье на скамейке и смакование жалости к себе. Большинство из нас никогда не страдает реальной потерей способности к чтению. Даже если мы не активные читатели, мы осознаем изобилие материала для чтения, которое окружает нас со всех сторон — газеты, журналы, книги, доски объявлений, меню, визитные карточки, надписи на телефонных столбах и тому подобное. Ежедневно мы купаемся в море напечатанных слов и стараемся обеспечить себя чтивом, когда отправляемся в воздушные, железнодорожные или автобусные путешествия или когда нам приходится проводить много времени в очередях в специальных агентствах, где ставят штамп визы в паспорта. Тюрьма — это тоже форма путешествия, вероятно, что-то вроде репетиции Великой Комнаты Ожидания перед грядущим путешествием на Небо, которое, можно сказать, давно уже предназначено большинству из нас. Да, это мрачные мысли, но que voulez-vous? Чего вы хотите? Я в тюрьме, я не обязан быть веселым.

Делать мне было нечего, только сидеть и приводить мысли в порядок. По-моему, еще Паскаль¹ заметил, что большинством ошибок человек обязан своей неспособностью долгое время спокойно сидеть в комнате. Теперь у меня появился шанс попытаться разрешить мировые проблемы, по крайней мере в микрокосмосе.

Для начала я привел в порядок туфли и одежду, снял пиджак, сложил его, положил на скамейку и сел сверху. Но не успел я этого сделать, как тяжелый старомодный замок с наружной стороны

¹ Блез Паскаль (1623—1662) — французский математик, физик, религиозный философ и писатель.

двери скрипуче щелкнул, и дверь распахнулась. Я вскочил с излишней поспешностью, потому что ужасная мысль мелькнула у меня в голове. Во французской литературе и фильмах есть знаменитая сцена, которая рисует преступника в камере, ждущего решения, будет ли он казнен или помилован. Он ждет, глаза застыли на двери. Вдруг она распахивается. Врывается полицейский, хватая его и, несмотря на вопли и сопротивление, тянет к гильотине. Прощение отменено!

Да, во Франции они еще пользуются гильотиной. Не то чтобы мне немедленно грозила эта опасность. Обычно здесь довольно долго тянется сложный процесс, прежде чем эта штукovina входит в игру. Но я об этом забыл. Вернее, я как раз размышлял об этом, и у меня появилась мысль, а вдруг ОНИ забыли.

Итак, я приготовился действовать так же, как и мои предшественники, все осужденные, все равно, виновные или невинные, которых хватают и тянут под сводами коридоров, чтобы они встретили свой конец путем одной из самых стильных в мире казней, еще и сегодня существующей на нашей планете. Но, естественно, то, что случилось, не имело ничего общего с моими предположениями.

Мой визитер оказался стражником, одетым, как и все другие, но с одним исключением. Вместо круглой полицейской фуражки на нем был высокий, безукоризненно белый, щегольски заломленный набок колпак шеф-повара.

— Добрый день, мсье, — сказал он. — Я Анри, представитель Обязательного питания кухни «Ла Санте». Я могу сейчас, мсье, принять у вас заказ на обед.

— Что вы порекомендуете? — Я хотя и был ошарашен, но ухитрился сохранить *sang froid*¹. Французские и английские слова смешались у меня в голове.

— Пища у нас простая, но мы выиграли награду «L'Incarceration»², международного журнала тюрем. Для начала парижский суп и к нему порция паштета из гусиной печенки с трюфелями, затем задняя ножка ягненка с гарниром из свежей спаржи, смешанной с мелкопорезанным красным перцем, и сверху все украшено сверкающим раввином из тончайшего оливкового масла. Конечно, мсье, если вы предпочитаете домашнюю птицу, то сегодня у нас есть прославленная утка в утонченном соусе из вишен Монморанси.

— Вот это я возьму. Я имею в виду утку. Если вас не затруд-

¹ Хладнокровие (фр.).

² Заключение в тюрьму (фр.).

нит, — бормотал я. — Хотя ничего не имею против бараньей ножки. Я понимаю, вы упомянули ее первой. Так что если вы предпо...

Я старался быть осторожным, не привередничать. Я совершенно не представлял, что означает поведение шеф-стражника. В конце концов, Франция — чудная страна, особенно если вам приходится иметь дело с французами.

— Выбор полностью предоставлен вам, — перебил меня Анри. — Могу ли я предложить вам малоизвестный «Строительный мусор-82», который мы сумели сохранить с прошлой недели?

— Что-нибудь среднее, — кивнул я. — Но скажите мне... если я могу задать вопрос.

— Конечно, мсье, — ответил Анри.

— Что все это значит?

— Мсье? — явно озадаченный, спросил Анри.

— Куда я попал? — произнес я свой вопрос. — Заключенные не должны выбирать пищу гурманов с помощью стражника в колпаке, шеф-повара с винным меню в кармане. Я всегда знал, что Франция суперцивилизованная страна, но это уже слишком!

— Нам нравится, мсье, думать о себе как о цивилизованных людях, — признался Анри. — Но могу уверить вас, что такое не каждый день случается в системе парижских тюрем. Дело в том, что в настоящее время мы празднуем Год Заключенного. Нет-нет, я не имею в виду, что это последний год. Я просто немного пошутил, мсье. Фактически я не свободен открыть вам, откуда поступает эта превосходная пища. Тюремная еда удовлетворит и императора. В течение курса очищения все будет раскрыто, не бойтесь, мсье.

Улыбаясь и кланяясь, Анри оставил мою камеру, не забыв запереть за собой дверь. Я снова сел на скамью и позволил себе расслабиться только на крошечную долю градуса. Трудно объяснить, почему я почувствовал облегчение. Но я попытаюсь, потому что оно прямо связано со странными событиями, ждавшими меня впереди.

Мое убеждение, или, давайте скажем, моя теория, что тут, в тюрьме, действуют люди, которые с большого расстояния управляют Духом Места. Что я имею в виду под «Духом Места»? Я говорю об особенностях, которые придают индивидуальность определенным географическим районам. Другими словами, Дух Места — это сочетание ассоциаций и взаимосвязей, объединяющих прошлое и будущее района. Очертания его границ определяют поведение граждан и даже дают окраску приключениям, которые переживают посетившие данный район.

Посмотрим на это еще проще: в Венеции случаются венецианские приключения, в Хабокене — хабокенские, и можно дер-

жать пари, что среди каменистых горных пейзажей Чирикахуа случаются приключения апачей.

Так же и с Парижем, городом, который быстро втягивает приехавшего в дух переживаемого времени. Конечно, у Парижа не один аспект. Многообразный и многослойный, он представляет множество лиц, возможностей и настроений. Все зависит от того, в какой Париж вы приехали. Или, точнее, какой Париж проходит через вас. Париж Жана Вальжана, Виктора Гюго, или Париж Осмена, или Париж Дантона, или Париж Комеди Франсез? Возможностей много, но любой выбор будет французским, а все вместе представят коллективную судьбу галльской сущности, по-прежнему развивающейся совокупности тенденций, что и есть Франция.

И пока я думал, мне пришло в голову, что после того как Анри, шеф-коп-повар, кланяясь, оставил меня, появилась серьезная возможность, чтобы реальные правила моей ситуации стали меняться. Мы оставили зыбкий мир разоблачений и вошли в новое царство фарса, французского фарса, глупей которого ничего нет. По крайней мере, так я думал.

39. ФОМОН

— Иветт! — воскликнул я. Только что я думал о ней, и вот она стоит передо мной. Со СВОЕЙ улыбкой на лице. С соответствующей улыбкой. Знаете, что я имею в виду? Улыбка, которая говорит вам, что вы приняты в игру. — Привет, бэби, — хрипло проговорил я. — Мне приятно думать, что это ты.

— Правда? — так же хрипло произнесла Иветт.

— *Vraiment!*, — ответил я. — Правда, что это ты, та самая одна-единственная, давным-давно обещанная мне в другой стране?

— Больше не ищи, — посоветовала Иветт. — Я здесь, вечная женственность, поселившаяся в невечной женщине.

— Я люблю слушать, как ты говоришь, — признался я. — Где ты научилась этому?

— В Барбизонской школе метафизической чепухи.

— Лэндсмен! — воскликнул я.

— Ваймеранер, — ответила она.

Я подошел ближе и коснулся ее лица. Почувствовал щетину. Открыл глаза. Узрел инспектора Фошона, терпеливо улыбавшегося, выпятив нижнюю губу, и с похвальным милосердием ждавшего, пока я полностью проснусь и приду в себя.

— С вами все нормально? — спросил он.

¹ Правда (фр.).

— О, конечно, прекрасно, — ответил я. — Приговор уже утвержден? Куда собираются меня выслать? На остров Дьявола? В Новую Каледонию? Если у меня есть выбор, мне бы приятнее было отбывать срок в замке Иф. Знаете, я большой почитатель Дюма.

— Возьмите себя в руки, — с отеческой строгостью проговорил Фошон. — Пойдемте со мной в офис. Произошла нелепая ошибка.

Мы зашагали по коридорам, сделанным не по меркам человека, поднялись на второй этаж в офис, куда не заглядывало солнце, в мрачное чистилище галлов, где меня лишили свободы. Фошон предложил мне поудобнее устроиться в большом кресле, которое он держит только для уважаемых посетителей, и послал за кофе с молоком и круассанами.

— Очень любезно с вашей стороны, — поблагодарил я. — А как там обед гурмана, который я раньше заказал Анри, шеф-стражнику?

Фошон озадаченно уставился на меня, потом с явным удовольствием разулыбался.

— А, вы шутите! Прекрасно! У вас, наверно, была галлюцинация. Простите, но у нас нет службы изысканных обедов для заключенных. Однако я бы с удовольствием сегодня вечером пригласил вас в первоклассный ресторан, чтобы отчасти искупить глупейшую ошибку моих подчиненных. Понимаете, я сказал Жаку Лефевру, младшему офицеру, если это правильно звучит по-английски, заглянуть по пути в отель и попросить вас прийти и встретиться со мной. Жаку самому этого сделать не удалось, и он, уходя, оставил поручение, которое по странным обстоятельствам попало на рю Морг. Его ординарец, не знаю, правильное ли это слово, и помощники поняли так, что им поручено доставить вас. И они, считая, что вы обычный преступник, использовали обычные методы: грубо ворвались в ваш номер в отеле. Еще раз повторю, *je suis désolé*¹ и прошу прощения.

— Ничего страшного не случилось, — пробормотал я, пожимая протянутую руку Фошона. У меня мелькнула мысль, что вся эта история, арест и потом извинения, могла быть полностью инсценирована для того, чтобы я оценил преимущества сотрудничества.

— Для чего вы хотели меня видеть? — спросил я.

— Моя новость доставит вам большое удовольствие. Мы все узнали о вашем друге Алексе Синклере. Неплохая работа парижских топтунов, а?

¹ Я огорчен (*фр.*).

— Нет, — согласился я. — Вернее, да, и вправду очень хорошая. Когда я смогу его увидеть?

Фошон поднес зажигалку к «галуазке». С сигаретой в середине выцветшего рта «бантиком», сощуриив французские голубые глаза от табачного дыма, он наклонился вперед, ближе ко мне, и сказал:

— Ах! Что касается встречи, то боюсь, там есть трудности.

40. АРНЕ; АЛЕКС НАШЕЛСЯ

В «Ле Пер Транкиль», как обычно, толпился народ. В кафе под открытым небом в защищающих от солнца очках сидели поклонники парижских улиц. Я заказал омлет и бутылку оранжада и ждал, глядя на мир пожелтевшими увядшими глазами. В этот момент вслед за Гамлетом я мог сказать: нет ни мужчин, восхищающих меня, ни женщин.

Появился мим Арне, с набеленным лицом и покрашенным «бантиком» клоунским ртом. На нем были черные мешковатые штаны и клетчатая куртка с надписью: «W.C. Fields». Он некоторое время показывал свой номер, а потом подошел к моему столу и сел.

— Как жизнь? — спросил он.

Я сделал итальянский жест, означающий ничего нового.

— Плохо, как всегда? — сказал Арне.

— Недавние приключения с твоим другом Эстебаном не сделали ее лучше. — Я коротко пересказал ему события предыдущей ночи в Булонском лесу.

— Я никогда не говорил, что он мой друг, — внес поправку Арне. — Впрочем, может, он шутил. Эти южноамериканцы великие шутники.

— Я это заметил.

— Не беспокойся, — проговорил он. — Скоро что-то произойдет.

— Именно этого я и боюсь.

Арне вернулся к своему представлению и оставил в темноте незнания меня и мир. Я сидел и пытался вычислить, в какой момент в игру вошли южноамериканцы и какой смысл заключался в том, что рассказал мне Фошон. В таком настроении и нашел меня Найджел, когда прогулочным шагом, поигрывая ротанговой¹ тростью и геройски выпятив вперед подбородок, подошел к

¹ Ротанг (ротанговая пальма) — лианы рода каламус, идут на изготовление мебели, стройматериалов и т. п.

столику. Он был в безукоризненно белом летнем костюме и франтовато надвинутой на один глаз панаме.

— Скучаешь? — приветствовал меня Найджел, воплощение отвратительного добродушия.

— Твое «скучаешь» пачкает меня, — буркнул я.

— Ах, сегодня в полдень мы немного сварливы, так? — Найджел сел и с легкостью поймал взгляд официанта, еще одно неприятное открытие: мне это никогда не удавалось. Он заказал джин с тоником.

— Ладно, какие новости?

— Немного, — ответил я. — Если не считать, что Алекс нашелся.

— Значит, дело закончено?

— Не совсем. Я еще должен увидеть его и отдать деньги, которые привезла Рабель.

— Ну это просто деталь, — заметил Найджел. — Почему бы нам сейчас не пойти и не встретиться с ним?

— Потому, я цитирую инспектора Фошона, там есть трудности.

— Минуточку. — Найджел долго потягивал свой джин с тоником, нашел в серебряной узорной коробке начатую манильскую сигару и прикурил. Потом откинулся на спинку стула и скрестил ноги. — О'кей. Я готов ко всему.

— Инспектор Фошон сказал, что он знает, где Алекс. А трудность в том, что он пообещал Клови никому об этом не говорить, пока Клови не закончит съемку фильма.

Найджел заворчал и сделал еще один долгий глоток джина с тоником.

— К этому я не готов. Почему он дал Клови такое обещание?

— Алекс нужен Клови в фильме. Алекс две недели участвовал в дорогостоящих съемках. Снимать все заново будет еще дороже. Но еще хуже то, что Клови на это не пойдет. Ты же знаешь его репутацию. Или он снимает фильм с начала до конца, или отказывается от него.

— Однако какое это имеет отношение к Алексу? То есть почему люди не могут его увидеть?

— Фошон сказал, что Клови озабочен, потому что Алекс уже дважды исчезал и срывал расписание съемок. Задержки в работе стоили больших денег и поставили под вопрос весь проект. Теперь, когда Алекс снова появился, Клови держит его затворником, пока не будут сняты финальные кадры фильма.

— Затворником где?

— В этом и заключается обещание Фошона: он никому не должен говорить где. Во всяком случае, до тех пор, пока не будут закончены съемки.

— Но почему Фошон оказывает Клови такую любезность?

— Это требует некоторого разъяснения. Ты же знаешь, что французское правительство путем различных гарантий и льгот вкладывает средства в большинство отечественной кинопродукции. Фильм Клови уже стоил около десяти миллионов долларов. Расходы окупятся, когда он выйдет на экраны, если, конечно, с Клови все будет в порядке и он закончит работу. Министр культуры хочет видеть этот фильм завершенным. И, кстати, его дочь участвует в производстве.

— Иветт? — спросил Найджел.

— Конечно, Иветт. Вот так обстоит дело. Важные персоны хотят, чтобы Клови закончил свой фильм. Алекс необходим Клови. За Алексом не числятся никаких преступлений. И поэтому Фошон рассуждает так: если американец хочет покинуть родину, то нет закона, запрещающего ему это сделать.

— Но он сказал тебе, что с Алексом все в порядке?

— Именно так и сказал. «Целый и невредимый» — его точные слова. У французской полиции нет причины брать на себя заботу, если разыгрывается какая-то дурацкая интрига. Если человек хочет отгородиться от мира и не отвечает на телефонные звонки, хорошо, это его дело. Ведь полиция не арестовала американского миллионера Говарда Хьюза, который несколько лет сидел запершись, правда? Это пример Фошона, не мой.

— Так какой у нас следующий шаг?

— Я вот что думаю, — ответил я. — Ты и Жан-Клод похитите Клови и будете угрожать ему кошмарными пытками, пока он не откроет, где прячет Алекса.

— Для этого нам понадобится машина, — задумчиво протянул Найджел. — И стоить это будет немало.

— Забудь об этом, — оборвал я его. — Это только гипотеза, и притом недействующая.

— Хорошо. Но что мы должны делать?

— Я немедленно пойду позвоню Клови и потребую от него объяснений, — объявил я.

— Да, — согласился Найджел, — по-моему, ты должен это сделать.

— Увидимся позже, — бросил я и пошел внутрь кафе, чтобы воспользоваться телефоном.

Я подошел к столу размена и попросил жетон, маленькую круглую железку, которая приводит в действие аппараты, запрограммированные на жетоны. Привлечь внимание девушки, сидевшей за кассой, оказалось довольно трудно. Она была увлечена спором с одним из официантов, маленьким парнем с глупым лицом и длинными поэтическими волосами, некий местный вари-

ант циника-нигилиста. Разговор они вели такой скучный, что его не стоило переводить. Наконец мне удалось вытребовать жетон, и я направился вниз. Там в подвале находятся туалеты, телефонные будки и неизбежная консьержка.

У этой туалетной сторожихи были глаза василиска, нос гарпии, плоские седые волосы и бескровные губы. Я бочком пробирался к телефонной будке, как немедленно раздалось угрожающее: «Мсье?» Она протягивала мне маленькое полотенце для рук. Я тут же понял, что она решила, будто я иду в туалет. Конечно, я мог бы объяснить, что всего лишь хочу воспользоваться телефоном. Но эта публика не любит объяснений, им нужны только деньги. Поэтому я взял полотенце, дал ей десять франков и вошел в телефонную будку.

Я видел, как она следит за мной через цветное стекло, и опять начал чувствовать, что меня окружают некие таинственные силы. Часы, проведенные в камере «Ла Санте», и правда не очень полезны для душевного равновесия. А у меня оно и в хорошие времена довольно шаткое.

— Да, алло, кто говорит?

Меня озадачил неожиданно зазвучавший возле уха голос Клови. Хотя ответ донесся из трубки после того, как я набрал номер.

— Клови? Это Хоб.

— Кто?

— Об!

— А, почему вы сразу не сказали? Где вы? Почему не держите со мной связь? Вы пропустили вчерашнюю съемку. Вы знаете об этом?

Я было собирался устроить ему черт-те что за то, что он скрывает от меня Алекса, но, подумав, решил, что сначала лучше объяснить причину моего отсутствия.

— Я хотел позвонить вам сегодня утром, но пришли полицейские и вытащили меня из постели...

— Стойте, — прервал меня Клови.

— Пардон?

— Я хочу, чтобы вы сберегли эту историю. На следующей съемке вы расскажете ее перед камерой.

— Простите, Клови, но, кажется, я не совсем вас понимаю.

— Сегодня вечером мы снимаем ключевую сцену, — стал объяснять Клови. — Во время съемки вам надо что-то говорить. Что вы скажете, не имеет значения, мы потом сделаем дубляж в нашей собственной манере. Продублируем после того, как поймем, о чем, собственно, получилась сцена. До вас доходит?

— Нет. Простите, я хотел сказать «да».

— Будьте в десять ноль-ноль. Без опоздания. Присутствует вся труппа. Это большое дело, мальчик. Мы рассчитываем на вас.

— Ох, не беспокойтесь, — заверил его я (что было глупо, как я теперь понимаю).

— Кстати, Алекс шлет привет, он не дожидается встречи с вами. Так в десять!

Он повесил трубку. Я сидел в телефонной будке, держал трубку в руках и с отвисшей челюстью смотрел на свое отражение в стекле. С минуту я сомневался в реальности происходящего, но потом взял себя в руки. Да, он это сказал. Алекс! Сегодня в десять!

Раздался злой стук в дверь. Консьержка. Я встал и вышел.

— Мадам? — спросил я.

— Полотенце, — буркнула она, вырывая его из моих рук. — Никто не берет полотенце в телефонную будку.

Я подумал, надо бы попытаться объяснить ей, но это было слишком трудно. Легче сунуть еще десять франков и ускользнуть по лестнице вверх.

«Подожди, пока об этом услышит Найджел», — подумал я, и скромное торжество нарастало у меня в груди.

Потом я остановился на полшаге и хлопнул себя по лбу ладонью правой руки. Я не удосужился спросить у Клови адрес, где будет съемка.

Часть IX

41. ТЕЛЕФОНЫ В КАФЕ

Взглянем мельком на Париж. Бело-синие прямоугольники названий улиц. Грили самообслуживания. Люди, несущие длинные батоны французского хлеба, известного как багет. И рядом продуктовые рынки под полосатыми навесами или зонтами. Величественная красота сделанного людьми, осознающая себя этапом вечной живописи жизни. Длинные низкие баржи на Сене — ле бату. И по соседству рыболовы. Японские туристы в аккуратных деловых костюмах, обвешанные фотоаппаратами. И всюду — любовь. Любовь, разлитая в воздухе. Пары, гуляющие, держась за руки. Или обвив руки вокруг талии друг друга. То здесь, то там они останавливаются, чтобы обменяться бесконечным поцелуем. Взглянем мельком на ориентиры. Эйфелева башня, Нотр-Дам, башня Монпарнаса, Сакре-Кер, Дворец Инвалидов, Пантеон, Люксембургские сады, завихрения машин вокруг площадей Этуаль и Конкорд. И дизельные грузовики, пыхтящие вдоль бульвара Сен-Мишель.

У частных детективов есть пословица: прежде чем повернуться к изощренному, не забудь об очевидном. Поэтому я повернул-

ся и снова спустился по затянутым ковром ступенькам к телефонным будкам, туалетам и назойливой консержке.

Когда я оказался в наблюдаемом ею пространстве, она нахмурилась. И я заметил, как ее рука, защищая, легла поверх стопки бесценных полотенец. Я мельком кивнул ей — делового человека не может беспокоить бессмысленность полотенец в телефонной будке. И тут я понял, что израсходовал свой единственный жетон на предыдущий звонок.

У меня не было времени, как идиоту, возвращаться назад. Я выудил из кармана стофранковую купюру.

— Силь ву пле, пять жетонов, а сдачу оставьте себе.

Эти слова вызвали улыбку поджатых и бескровных губ. Мое необычное поведение подкреплялось хорошей французской валютой, поэтому теперь она, наверно, ничего против меня не имела.

Зажав в кулаке жетоны, я бросился к телефонной будке, которую как раз занимала обширная блондинка средних лет с продуманным макияжем. Она устроилась там так, будто собиралась весь день провести в болтовне с матерью, живущей где-то в парковой зоне, то ли в Пасси, то ли в Сен-Жермен-ан-Лай.

Я постучал жетоном по стеклу, надеясь запугать ее. Я забыл, что это Париж, родина Невозмутимых. Она бросила на меня взгляд, который яснее ясного говорил: «Убирайся к своей бутылке в сточную канаву, санкюлот». Потом она снова повернулась к телефону, очевидно решив говорить, пока не закроется кафе или не замерзнет пекло, в зависимости от того, что случится раньше.

В отчаянии я обернулся к консержке, наблюдавшей за происходящим с обычной иронической ухмылкой.

— Мадам, — сказал я, — мне нужно сделать звонок по обстоятельствам чрезвычайной важности. Будьте добры, помогите мне. — Пока говорил, я положил ей на стол еще одну стофранковую купюру.

— Мсье доктор? — спросила она с немедленно смягчившимся при виде денег выражением.

— Exactement!¹ — воскликнул я. В конце концов частный детектив — это своего рода врач болезней социального организма. Или что-то в этом смысле, я готов спорить, если возникнет необходимость.

— Идите за мной, мсье. — Она поднялась из-за стола, собрала в блюдце монеты и положила в карман своего темного бумажного платья. Потом провела меня через дверь с надписью «Выхода нет» в длинный, тускло освещенный крохотными лампочками коридор к двери с надписью: «Входа нет». Тут она отперла дверь и вошла. Я следовал за ней по пятам.

¹ Точно! (фр.)

Мы попали в своего рода кладовку. Вдоль одной стены до потолка висели стальные полки с выстроившимися рядами бокалов. Посередине сгрудились старые столы. На одном из них лицом вниз лежал маленький лысый мужчина в штанах, спущенных до лодыжек. Когда мужчина поднял голову, под ним оказалась совсем крохотная женщина с искусно завитыми волосами и в юбке, задранной до бедер. Я подумал, что снова влез в очередной акт дурацкой пьесы.

Последующий спор троицы персонажей начался с пронзительного крика и продолжался в более спокойных тонах. Я обнаружил телефон и тотчас направился к нему. А консьержка в это время объясняла, что мсье доктор должен сделать звонок по обстоятельствам чрезвычайной важности и почему бы мсье Альберту и мамзель Фифи для своих совокуплений не поискать дешевой отель.

На этот раз по телефону Клови ответила секретарша. Понимая, что вся троица навестила уши, о чем я буду говорить, я начал так:

— Это доктор Дракониан. Мне надо немедленно поговорить с мсье Клови.

— Но вы не постоянный доктор мсье Клови, — возразила девушка. — Что случилось с доктором Амбруазом?

— Речь идет о хирургии. Мне надо немедленно поговорить с мсье Клови.

— Это имеет отношение к его анализам?

— Может быть, — ответил я.

— Позитивное или негативное?

— Я сообщу это только самому мсье Клови.

— Можете сказать мне. У мсье Клови нет от меня секретов.

— Тогда он сам вам скажет. У меня есть ясные инструкции на этот счет. Мадемуазель, пожалуйста, не отнимайте у меня времени. Соедините меня с мсье Клови.

— Ах, мне очень огорчительно, но я должна сказать вам, что мсье Клови оставил указание никому не говорить, где он. По секрету я могу сказать, что он сегодня вечером снимает кульминационную сцену своего нового фильма. На ней не разрешено никому присутствовать, кроме актеров и технического персонала. Но как только мсье Клови вернется...

— По-моему, вы не поняли, — перебил я ее, — я тоже появляюсь в этом фильме.

Потребовалась минута, чтобы она восприняла сказанное.

— Вы ДОКТОР мсье Клови, и вы также актер?

— Да, конечно, я играю роль иностранного доктора.

Ей это не понравилось.

— Вы совершенно уверены...

— Конечно, уверен! — снова перебил я. — Там требуется мое

присутствие. Мадмуазель, если я не появлюсь, произойдет ужасный провал.

— Хорошо, я скажу вам, но, надеюсь, у меня не будет неприятностей, — после некоторого колебания наконец решила она. — Сегодняшняя ночная съемка будет проходить в «Клозери де Ли́ла» на Монпарнасе. Или, вернее, сначала съемочная группа встречается там на обеде. Потом они поедут туда, где проходит заключительная часть сцены.

— Где?

— Я сама, мсье, не знаю. Мсье Клови намерен объявить об этом на встрече съемочной группы.

Я от души поблагодарил ее и повесил трубку. Обернувшись, я обнаружил, что маленький лысый мужчина и малюсенькая женщина с тщательно сделанной прической уже в полном порядке. Аккуратно застегнутые, они вместе с консьержкой стояли в ряд и пялили на меня глаза.

— Большое спасибо, мадам, — сказал я консьержке, поклонился двум другим и направился к двери.

— Если вы будете так любезны, мсье, один момент, — обратился ко мне лысый мужчина.

— Да? — ответил я в легком замешательстве от их напряженных взглядов.

— Мы не знали, что вы актер, — проговорила консьержка.

— Полагаю, не знали, — ответил я, задумавшись, не считается ли преступлением перевоплощение в кинозвезду.

— Не будете ли вы возражать дать нам автограф?

— С величайшим удовольствием, — согласился я.

Мужчина протянул мне большое меню. Я написал наискось свое имя и вернул ему.

Он взглянул, потом озадаченно посмотрел на меня.

— Возможно, мсье будет так любезен, что окажет нам честь своим сценическим именем?

— Ну конечно! — Я снова взял меню. Быстро, смело, вдохновляемый чем-то вроде рокового каприза, который кажется таким логичным в Париже, я написал над своим именем: «С наилучшими пожеланиями от Алена Делона».

— Я его каскадер, — объяснил я, прежде чем они успели бы заметить отсутствие сходства.

42. ПЕРЕД КАМЕРОЙ

Я пропустил обед в «Клозери де Ли́ла», но за соответствующие чаевые мэтр вспомнил, что он подслушал слова, сказанные таксисту, когда группа Клови уезжала. Они отправились в отель «Лозан» на острове Сен-Луи. Я взял туда такси.

Сен-Луи — маленький островок на Сене, расположенный чуть выше острова Сите, почти в географическом центре Парижа. Это заповедник узеньких, узорно выложенных камнями улиц и безмолвных рядов архитектуры без претензий. В отеле «Лозан» когда-то жили некоторые из самых знаменитых французских поэтов и художников. Сейчас парижская мэрия, владеющая отелем, великолепно обновила его, и он стал превосходным задником для исторических драм.

Все в порядке. Итак, я вошел в сцену, где люди в напудренных париках под ослепительным светом прожекторов шипели друг на друга, произнося свой текст. Заметив Клови, я стал пробираться к нему.

— Рад, что вы здесь, — бросил мне Клови. — В этой сцене вы играете Бодлера¹.

— Неужели? — удивился я. — Вы и правда хотите, чтобы я играл Бодлера?

Мне хотелось выразить, что я по-настоящему польщен. Но удержать внимание Клови было очень трудно. Как раз в этот момент в другом конце помещения он увидел старого друга, высокого парня с оливковой кожей и в пальто из верблюжьей шерсти. Может, французского гангстера, или актера, исполняющего роль французского гангстера, или даже кого-то совершенно другого, играющего актера, исполняющего роль французского гангстера. Ведь они в Париже любят такие игры, по крайней мере в том классе, который может разрешить себе несколько смен одежды.

Я повернулся к Иветт, стоявшей рядом со своим пюпитром, полным листов сценария и инструкций осветителям.

— Да, — сказала Иветт, — очень большая честь, даже если это сложная шутка со стороны Клови. Тут раскрывается часть его метода нахождения актера, который очень противоречив. Пойдемте со мной в костюмерную. Нам лучше, если вы будете одеты и подготовлены.

Я проследовал за ней через переполненную маленькую комнату. Мы миновали коридор и подошли к двери с надписью «Гардероб». Там Иветт сказала гардеробщице, чье имя я так и не уловил, что вот, мол, самый новый Бодлер Клови.

— Что вы имели в виду под самым новым Бодлером? Сколько их у него было? — спросил я у Иветт, пока гардеробщица пошла подбирать мне костюм.

— Вы третий. — Она обратилась к гардеробщице: — Не забудьте о туфлях!

— О каких? — крикнула в ответ гардеробщица. — О полоса-

¹ Шарль Бодлер (1821—1867) — французский поэт; самое известное произведение — «Цветы зла».

тых, которые чередуются во сне, или об огорчительно-нормальных черных и серых?

— Черных и серых.

— Что случилось с другими двумя Бодлерами? — продолжал я расспросы.

Гардеробщица вернулась с охапкой, тяжелой на вид, темной одежды, с белой рубашкой и с черными и серыми туфлями. Иветт показала, чтобы я все забрал, и повела меня снова в коридор.

— С двумя другими, — повторил я. — Что с ними случилось?

— Одного из них арестовали за попытку ограбления банка в Ницце. Как вы можете догадаться, он оказался человеком двух профессий, хотя, конечно, Клови не мог об этом знать, когда приглашал его.

— А другой?

— Его сбила машина. Два месяца в больнице.

— Не очень счастливая роль. Интересно, почему Клови выбрал меня.

— Потому что вы подходящего размера, — объяснила Иветт. — У нас нет времени заказывать новые костюмы. Особенно туфли. Их трудно достать за два-три часа.

— А что такого особенного в этих туфлях?

— У Клови есть теория о Шарле Бодлере и туфлях. Для Клови туфли — главный символ перемен настроения, которые испытывает Бодлер.

— Это фильм о Бодлере?

— Не совсем, — возразила Иветт. — Трудно сказать, о чем фильм Клови. Никто ничего не знает, пока Клови не закончит редактировать, и переснимать, и переснимать. Вы можете переодеться здесь. — Иветт показала на дверь.

— Иветт, — сказал я, — простите, но я не знал, где сегодня была назначена съемка.

— Ничего не случилось, — ответила она с таким видом, который ясно показывал, что очень даже случилось. И на минуту мне стало приятно. Она сердилась из-за моего опоздания, а это предполагало, что у нее что-то ко мне есть. Но, немного подумав, я понял, что любой был бы раздраженным, если бы ему пришлось простоять в течение всего обеда, встречая опоздавшего. Так что это не обязательно личное.

— Что-то произошло? — спросила Иветт.

— Нет, а почему вы спрашиваете?

— Потому что вы стояли здесь и очень долго смотрели в потолок, и я подумала, что у вас приступ или что-то в этом роде.

— Назовите это озарением, — предложил я. — Правда, что Алекс здесь?

— Ох, да. Он где-то здесь.

— Вы сказали, что я его ищу?

— Я сегодня с ним не разговаривала. Но я уверена, что мсье Клови сказал ему. Вам лучше начать переодеваться.

Я открыл дверь и вошел в маленькую прихожую. Иветт осталась на пороге. В дальнем углу стояла ширма, за ней я и начал переодеваться.

Когда я застегивал пуговицы на длинном черном пальто Бодлера, меня охватило жуткое чувство. В смятении я вышел из-за ширмы, чтобы заняться усами и гримом. Иветт стояла у дверей и выглядела легкомысленной и привлекательной в джинсах «луи» и белой рубашке. Темные волосы она собрала в «конский хвост». Над верхней губой выступили крохотные капельки пота, щеки зарумянились. Она выглядела такой свежей и полной жизни, как сама весна. Тут я резко оборвал поток своих мыслей. Потому что и вправду не знал, в какую катастрофу на этот раз втянет меня моя роковая ментальность.

— Мне хотелось бы встретиться с вами, когда закончится съемка, — сказал я.

Она одарила меня милой улыбкой, улыбкой, которая может ничего не означать. Улыбкой, которая появляется, когда все перед вами открыто и мир кажется полным надежды.

Затем из коридора донесся голос Клови, он звал ее. Иветт подошла ко мне и прижала к ладони что-то волосатое.

— Ваши усы, — сказала она. — Желаю удачи.

43. ОТЕЛЬ «ЛОЗАН»

Отель «Лозан» находится на набережной Анжу на северной стороне острова Сен-Луи, почти на равном расстоянии от мостов Мари и де Сюлли. Когда я был Бодлером, то обычно жил здесь в маленькой комнатухе под карнизом крыши. Отсюда я смотрел на Сену, горделиво несущую свои воды, и находил, что контраст между многообразной изменчивостью реки и застывшими линиями набережных и мостов — это символ самого искусства. Дело было очень давно, до несчастного приключения с Жанной Дюваль.

И оно было несколько лет назад. А теперь, поскольку я, Бодлер, наслаждаюсь одним из все более редких периодов нормальности, я решил прийти сюда снова. Сегодня вечером регулярное собрание знаменитого Гашиш Клуба, куда приходит так много благородных особ, конечно, не потому, что одобряют курение гашиша, а просто очарованные нашей привычкой к нему, жаждущие поговорить с нами, поудивляться нашему бесстыдству, поклониться алтарю нашего разума.

Я поплотнее завернулся в свой длинный плащ, ночь стояла холодная, пригладил несколько торчавшие усы и вошел в отель.

Камера проводила меня по лестнице. Там стояла наш лидер, Президент, как мы ее называли, и приветствовала меня. Миновав ее, я поднялся по лестнице и вошел в тесную восточную комнату. Воздух в ней сгустился от дыма горевшего в камине угля и табака в трубках джентльменов из высшего общества и от множества свеч. Собравшиеся сидели на софах с длинными элегантными трубками в зубах, отдыхали на легких стульях, покрытых травчатым шелком и атласом. Между затяжками болтали, смеялись, спорили. Я наблюдал за ними, и мне казалось, будто они слегка дрожат, будто сами стали галлюцинацией, которую искали.

Я заметил моего дорогого друга Теофиля Готье¹, почему-то он оказался выше, чем я ожидал.

— Как дела? — спросил я его.

— Вечер только разогревается, — ответил он. — Обычная толпа. Вот на этой кушетке ты можешь увидеть Делакруа, Буассара с дурацкой шляпой на голове и братьев Гонкуров², которые, как всегда, щеголяют надменным видом.

— А кто этот толстяк с чашкой кофе?

— Мсье Бальзак³. Он приходит только ради беседы. Он говорит, что столько выпивает кофе и алкоголя, что у него развился иммунитет к воздействию Черного Дыма.

Краем глаза сквозь свет прожекторов я заметил, что Клови делает круговые движения рукой. Я истолковал их значение так, мол, он хочет, чтобы Готье и я походили по кругу, чтобы камера могла следить за нами. Я взял Готье под руку и медленно повел через комнату.

— А кто эти двое вон там? — спросил я, потому что двое мужчин только что вошли и суровым взглядом смотрели на происшедшее.

— Тот, что слева, конечно, Вагнер, ты можешь определить это по его небрежному галстуку. А другой — восходящий молодой поэт по фамилии Рильке⁴.

¹ Теофиль Готье (1811—1872) — французский поэт, писатель, критик.

² Эжен Делакруа (1798—1863) — живописец и график, глава французского романтизма; Жозеф-Фердинанд Буассар де Буаденье (1813—1866) — французский художник, романтик, друг Бодлера; Гонкуры: Эдмон (1822—1896), Жюль (1830—1870) — французские писатели, по завещанию Эдмона в 1896 году основана Гонкуровская премия.

³ Оноре де Бальзак (1799—1850) — французский писатель.

⁴ Рихард Вагнер (1813—1873) — немецкий композитор-новатор; Райнер Мария Рильке (1875—1926) — австрийский поэт. В подборе собравшихся тоже проявляется «метод Клови». Рильке не мог встретиться, к примеру, с Бодлером, потому что родился после смерти поэта.

Вагнер и Рильке подошли к нам. Камера повернулась к ним.

— Алекс, ведь это ты под бородой, правда? — почти не шевеля губами, прошептал я Готье.

— Кто бы говорил, — ответил Готье. — Черт возьми, как поживаешь, Хоб?

— Я? Я прекрасно. Но, черт возьми, как ты? И, дьявол тебя побери, куда ты исчез?

— Позже поговорим, — сказал Алекс. — Откровенно, старина, я очень рад тебя видеть.

44. ДЕЛО ЗАКРЫТО;

В ОДНОЙ РАКУШКЕ С АЛЕКСОМ

Вскоре Клови закончил съемку. Внизу в зале приемов устраивалась вечеринка для съемочной группы, это один из автографов Клови. Я снял костюм, избавился от грима и спустился вниз, постепенно теряя привилегии, какие были у Шарля Бодлера. Но я напомнил себе, что совсем не так ужасно быть добрым старым Хобом Драконианом, особенно когда он на грани завершения дела.

Я ждал, что Алекс бросит меня и снова улизнет. В конце концов, это было бы в духе того, что уже случилось. Но вышло совсем по-другому. Он разыскал меня в зале приемов, предложил удрать, где-нибудь выпить и поговорить. Мы ушли с вечеринки и взяли такси. Алекс знал студенческую забегаловку недалеко от Пантеона, и мы пошли туда. Не помню, как она называлась. Помоему, «Позолоченная ракушка», потому что все в Париже если не золотое, то, по крайней мере, позолоченное.

Там на маленькой, залитой светом площадке очень медленно танцевали пары под звуки барабана, электрогитары и коктейльной палочки. Они танцевали слишком медленно. Должны были так танцевать, контролируя свои движения. Старая игра с силой воли. Мы уже видели такое и раньше. Танцующие носили туалеты, показанные в этом году в салонах моды, и, наверно, имели какое-то отношение к моде в творчестве Клови. Почему кого-то могут интересовать нелепые идеи Клови насчет туфель Бодлера? Меня раздражала его заикленность на важности этого символа. Кто, по его мнению, он такой? Нелепый позер, похлопывающий по спине дух времени и проповедующий с несуществующей кафедрой.

Оркестр был именно такой, какой и можно ожидать в подобном претенциозном месте. Мандолина и деревянная флейта играли народные песни Бретани. Мы заказали кувшин горького бельгийского пива и блюдо мидий в пряном соусе и начали разговор.

Алекс не очень изменился за те десять лет, что я не видел его. Он выглядел хорошо, высокий, мускулистый блондин. Однако он казался немного запуганным, тщательно выбирал столик, сел спиной к стене, чтобы видеть всех входивших и выходявших.

— Так что нового? — спросил Алекс.

— Что может быть нового? — пожал я плечами. — Я теперь частный детектив, по-моему, это ново.

— Полная перемена по сравнению со старыми временами, — заметил Алекс. — Ты больше не играешь даже в покер?

— Редко.

— А как продвигается детективный бизнес?

— Неплохо. Я нашел тебя.

— Да, ты нашел. Но это не в счет. Фактически я все время пытался встретиться с тобой.

— Ты? Почему?

— Хоб, мне нужна помощь. Конечно, я готов заплатить за нее.

— В каком деле?

История Алекса началась несколько лет назад. Как и я, он оставил Европу, вернулся в Соединенные Штаты и начал искать работу. Адвокатский экзамен он сдал несколько лет назад в Вашингтоне, округ Колумбия. Теперь с помощью одного из дядей он пошел работать в корпорацию Селуина, в группу основателей фондов. Шел 1985 год. В 1986-м Алекс обнаружил, что находится в центре интересной ситуации: собирает деньги в фонд помощи никарагуанским контраст и для секретной операции в Иране, которую Белый дом пропагандировал в те годы. Тогда за махинации при сборе денег для этих фондов кое-кто попал в газеты. Хотя Селуин и другие были замешаны в этом деле не меньше.

Как раз в то время Алекс встретил Ракель, одного из секретарей группы Селуина. Она и Алекс начали встречаться. Через месяц они переехали в маленькую квартиру в Джорджтауне. Алекс продолжал работать у Селуина.

Прошло еще несколько месяцев, и Алекс помимо воли стал замечать, что собрано очень много денег для различных проектов, касавшихся никарагуанских контраст и Ирана. Но сколько бы денег ни поступало, борцам вроде бы перепадало все меньше и меньше. Создалась любопытная ситуация. Все совершалось под лозунгами патриотизма. Однако трудно было отделаться от впечатления, что некоторые люди делали на патриотизме очень большие деньги.

Потом пришел 1987 год, и вдруг Иран и никарагуанские контраст попали в газеты. Фонды помощи оказались связаны, их окрестили «Иран-Контрас», а дело получило название «Ирангейт». Кейси, одному из шефов проекта, сделали операцию на мозге, здоровье к нему не вернулось, и вскоре он умер. Полковника Оливера Норта

застрелили. Адмирал Пойндекстер, старший над Алексом, попал под подозрение. Многие попадали под подозрение еще до того, как их выуживало правосудие.

Алекс понимал, что его дни на этой работе сочтены. Фактически и дни фирмы Селуина тоже.

Именно тогда, в те финальные дни, Алекс увидел на стене роковые слова, как и в мифе, предвещавшие гибель¹. Не требовалось много времени, чтобы сообразить: его начальство впуталось в дело, которое, каким бы благородным ни казалось, когда его начинали, сейчас выглядит чертовски противозаконным.

Расследование все шире и шире забрасывало сеть, и в нее попадалось множество мелкой рыбешки. Политика была такой же, какой бывает всегда, в этом можете не сомневаться. К тюремному заключению собирались приговорить гораздо больше мелких рыбешек, чем крупных рыб. И Алекс очутился совсем не в лучшем положении. Хотя и ни в чем не виноватый, он все же участвовал в общей работе «Селуин Групп».

Серьезными неприятностями грозило и доверие Селуина, который, узнав, что у Алекса есть счет в банке Швейцарии, время от времени переводил на него деньги, собранные для контраст, или для того, кто их получал вместо них. Алекс от этих операций никакой выгоды не имел, но дело выглядело так, что могло заинтересовать следствие.

Он обсудил положение с Ракель. Она через свои секретарские связи узнала, что следователи из офиса специального прокурора намерены заняться проверкой участия Алекса в сделках Селуина.

— Нельзя сказать, что я не смог бы доказать свою невиновность, — заметил Алекс. — Я мог доказать, но это потребовало бы уйму времени и денег. Хотя главное было в другом. Пока тянется вся эта волокита, мне пришлось бы торчать в Вашингтоне. А вот этого выдержать я не мог. Ты же знаешь меня, Хоб.

Я кивнул. Этого я бы тоже не смог выдержать, если к тому же был запасной вариант.

— И что ты сделал?

— Я решил, что пора паковать вещи и уходить. Фактически похоже, что я спохватился слишком поздно. До Ракель дошли слухи, что мне уже выписана повестка явиться на допрос. Я уехал в тот же вечер. Ракель осталась, чтобы позаботиться о разных мелочах. Избавиться от квартиры, сдать вещи на хранение и тому подобное. Предполагалось, что мы встретимся в Париже.

¹ Имеется в виду миф о вавилонском правителе Валтасаре, который пировал во время осады Вавилона персами, как вдруг увидел кисть руки, висевшую на стене слова: «Мене, мене, текел, упарсин». Пророк Даниил истолковал эти слова как гибель царства Валтасара и его самого. См. Библия, Книга пророка Даниила, 5—25.

— Эту часть я знаю, — кивнул я. — Но потом ты исчез. Во всяком случае, так сказала Рабель.

— Да, я исчез, — согласился Алекс с веселой улыбкой. — Или, по крайней мере, казался исчезнувшим. Насколько знала Рабель, я будто сквозь землю провалился.

Я опять кивнул.

— А что случилось на самом деле?

— Я на время скрылся из вида, — пояснил Алекс. — В тот момент лучшего не пришло в голову. Я услышал кое-что о Рабель, и это встревожило меня.

— Что именно?

— Похоже, она разговаривала с одним из следователей прокурора по особым делам. Парнем по имени Романья. Наверно, ты видел его где-нибудь здесь.

— Он где-то здесь, — кивнул я. — Но почему Рабель это сделала?

— Она иногда ведет себя будто Женщина из Дома Мормонов. Ты видел ее такую? — Алекс с мрачным видом долго смотрел на меня.

— Да, когда она первый раз пришла ко мне в офис.

— Иногда она делает странные вещи, Рабель. Знаешь, она и в самом деле из мормонов. А среди них вырастают люди с причудами. Никогда не знаешь, что придет ей в голову, вдруг она решит, будто должна что-то сделать. Возможно, с ней все в порядке, а параноя у меня. Но, по-моему, мне лучше убраться из Европы.

— А что насчет Романья?

— Я не знаю, есть ли у него ордер на мой арест. Но он крутится слишком близко, чтобы мой разум оставался в покое. Я решил пока все бросить, а потом посмотрим, как обернется дело.

— Ты уже нагляделся вдоволь?

— По-моему, да. Я созрел и готов к следующему шагу.

— И какой это будет шаг?

— Вот для этой части плана мне нужна твоя помощь.

— Нет, — ответил я.

— Хоб, ты только выслушай.

Все тот же прежний Алекс. И я выслушал его. Все тот же прежний Хоб.

Часть X

45. ЛЯ ВУЛЬ

Пожалуйста, не просите меня объяснить, как Алекс перетащил меня из таверны в центре Парижа, где мы что-то ели и что-то пили, на сиденье взятого в аренду «Ситроена», который, оста-

вив позади огни столицы, мчался по темным пригородам Парижа к побережью Атлантического океана. Должно быть, я сошел с ума. Алекс умел воздействовать на меня. Это не та дружба, какой бывает добрая старая дружба. И так же, как у некоторых других мужчин, у которых множество жен и взаимозаменяемые семьи, не спрашивайте у меня, кто для меня дороже — семья или друзья.

Я чувствовал себя очень виноватым из-за того, что сидел рядом с Алексом в «Ситроене», мчавшемся через ночь, будто мы и раньше много времени проводили вместе, из-за того, что смеялся его шуткам, будто привык это делать. Мы оба были немножко пьяны, и ландшафт был темный, огромный, пустой, таинственный, и, насколько хватало глаз, мы были единственными представителями человечества, Алекс и я под звездами Матери Ночи. Такой я сентиментальный, застрелите меня.

Наконец мне удалось убедить себя, и не без оснований, что фактически я исполняю свои обязанности, сопровождаю Алекса, куда бы он ни направлялся, и что я могу сообщить Ракель, моему работодателю (которая может быть в сговоре с Романья), местонахождение Алекса. Конечно, я также расскажу и Алексу о том, что мне придется сделать, чтобы он мог принять меры предосторожности. Черт возьми, ведь в моем соглашении с клиентом не говорится о том, как мне поступить со старым приятелем.

Алекс пообещал, что он все объяснит, и я позволил ему вытащить меня из безопасной таверны рядом с Пантеоном, где на длинных деревянных скамьях сидели студенты французских колледжей со своими кувшинами пива и где бегали с блюдами мидий и сине-черных перламутровых ракушек веселые потные официанты в рубашках.

Наконец мне удалось создать иллюзию, будто я все еще работаю для Ракель, моей клиентки, и мчусь через ночь с Алексом для того, чтобы узнать его местонахождение и потом сообщить о нем Ракель, а она, вероятно, сообщит Романья. Только сначала я предупредил Алекса, что собираюсь сказать ей.

Но, пожалуй, я и сам, черт возьми, не знал, о чем думал. В арендованном «Ситроене» с откидным верхом продырявился глушитель, и я не мог слышать даже собственных мыслей, не то что разговаривать с Алексом и понять, что происходит. Он, наверно, сам пробил дыру в глушителе, чтобы не пришлось разговаривать со мной. Никто ничего мне не говорит. Даже для меня это уже слишком. Хватит.

- Алекс, — сказал я.
- Что, дружище?
- Останови где-нибудь машину.
- Что случилось?
- Нам надо поговорить.

Он посмотрел на меня. Я посмотрел на него. Он понял.

— Хорошо, дружище, — согласился он. — Кстати, недалеко отсюда есть симпатичный маленький ресторан, совсем близко к Анжеру. Надо сделать перерыв.

Он сделал, как я просил, но ничем не поделился. Я всегда восхищался Алексом. Но это не обязательно означает, что я всегда буду делать то, что он захочет.

Я слишком поздно вспомнил, что у Алекса есть склонность к самым худшим в мире местам, где можно поесть. Лучше бы я подумал об этом до того, как мы свернули на стоянку машин возле маленькой гостиницы на шоссе номер 23 чуть к югу от Ле Мана, тогда бы я съел больше мидий в Париже.

Это был один из тех ресторанов с соломенной крышей, к которым всегда надо подходить с подозрением. Так и вышло: он оказался чрезмерно дорогим и с плохой едой, что редко бывает во Франции. Надо отдать должное Алексу, он сумел найти исключение из правила.

Ладно, это преувеличение, видимо, там было не так уж плохо, но я вдруг вспомнил, что ни разу не поел прилично с тех пор, как приехал в Париж. И, буду откровенным, из-за этого я испытывал большое недовольство. А вы бы не испытывали?

Вам может показаться, что я выбрал довольно неподходящее место для жалоб — середину безумного броска к французскому взморью. Если быть точным, к Ля Булю, расположенному в нескольких милях от не очень знаменитого (если не считать удара немецких подводных лодок во время Второй мировой войны) порта Сен-Назер. Но как есть, так и есть. Я жалуясь, когда доволен. Хотя я и согласился помочь Алексу, движимый, наверно, каким-то слепым импульсом, теперь я задумался. Я думал, и думал, и думал, и потом мысли помчались с безумной скоростью.

После нескольких чашек скверного кофе, но с приемлемым коньяком, сопровождавшим его, я попросил Алекса объяснить, что за черт, что он сейчас делает и почему счел необходимым взять меня в это путешествие.

— Все очень просто, — улыбнулся Алекс. — Я должен исчезнуть.

— Ты уже это делал, помнишь?

— В тот раз это была игра. Сейчас пришло время для настоящего.

— О чем ты говоришь?

— Хоб, они посадят меня в тюрьму. Эти люди, на которых я работал. Они загнали меня в угол. Хотят все повесить на меня.

— О чем ты говоришь?

— О деле с пропавшими фондами для «Иран-Контрас».

— Но разве они могут это сделать?

— Они собираются заявить, будто я обжулил их, перевел ключевые фонды на свой собственный счет. Мне не стоило позволять им использовать мой счет. Но я считал себя очень ловким. Коротче, как бы то ни было, теперь я должен на несколько лет покинуть этот мир и дать делу шанс отстояться.

— Покинуть? Куда? Как?

— Старый фокус с опознанием.

— Новый паспорт?

— И все бумаги тоже. Я покидаю свою старую личность. Люди, с которыми я должен встретиться, могут это устроить.

— Это туда мы едем? Чтобы встретиться с какими-то фальсификаторами?

— Это безопасно, — успокоил меня Алекс. — Но все же я немного нервничаю. Поэтому мне и нужно, чтобы ты поддерживал меня.

— Зачем тебе вообще пачкаться, связываясь с какими-то жуликами? Если тебе и правда нужны фальшивые бумаги, я найду надежного человека в Париже.

— Эти парни делают первоклассные документы. У них есть именно то, что мне нужно. Все пройдет нормально. Особенно когда они увидят, что я не один.

Я замолчал и не смог удержаться от циничной мысли. Если Алекс надеется на мою помощь в случае перестрелки, то он даже не представляет, каким будет одиноким. Не знаю, что, по его мнению, делают частные детективы, но многие из нас прекрасно обходятся без оружия, как бы скучно это ни казалось читателям.

— Ты имеешь в виду, что у тебя нет оружия?

— Конечно, нет. За кого ты меня принимаешь? За разновидность гангстера?

Алекс покачал головой, вынул что-то из кармана и постучал по моим коленям. Штуковина была металлической и массивной. Не для моих колен.

— Что ты делаешь? — чуть раздраженно спросил я.

— Возьми, — посоветовал Алекс, — положи в карман.

Я рассмотрел предмет под столом. Он вложил мне в руку большой, еще немного в масле автоматический пистолет.

— Постой минутку... — начал я.

— Хоб, вообще-то тебе не придется его использовать.

— Проклятье, я и не собираюсь его использовать. Я не возьму. Забирай назад.

Я протянул ему под столом пистолет.

— Хоб, — попросил он, — пожалуйста, не устраивай сцены.

— Проклятье, — фыркнул я, — забирай назад эту штуковину.
 — Хоб, послушай...
 — Нет, это ты послушай. Забирай назад эту богом проклятую штуковину.

— Я пытаюсь объяснить тебе, что заплачу две тысячи долларов только за то, чтобы эта штуковина лежала у тебя в кармане.

— Две тысячи долларов? — повторил я.

— Да, я так сказал.

— Только лежала, без использования?

— Держи ее в руке и, если понадобится, покажи.

— Две тысячи долларов? — опять повторил я.

Он кивнул.

— Сказать легко, — проворчал я.

— Протяни руку под столом, — попросил он.

— Подожди минуту, — сказал я. — Мне надо освободить ее от твоей штуковины. — Я ухитрился всунуть тяжелый пистолет в карман пиджака, где он лег невидимой шишкой и, наверно, оставит неотстирывающиеся полосы. Потом я снова протянул под столом руку.

— Пересчитай, — посоветовал Алекс и что-то передал мне.

Это был конверт.

Конверт, чем-то полный.

Чем-то, толщиной с полдюйма.

Я заглянул. Очаровательные французские тысячефранковые купюры. Я перебрал их пальцами. Наверно, довольно близко к двум тысячам американских долларов. Я положил конверт в карман.

— Теперь позволь объяснить тебе основные правила, — начал я. — Прежде всего, я не собираюсь ни в кого стрелять. Не знаю, что ты читал о частных детективах, но мы перестрелок не устраиваем.

— Не беспокойся, — повторил Алекс, — пистолет только для того, чтобы показать.

— Он заряжен?

— Конечно.

— Почему, ведь его надо только показать?

— Невозможно правдоподобно блефовать с незаряженным пистолетом. Брось, Хоб, давай лучше уедем отсюда.

Мы расплатились и забрались в «Ситроен» Алекса. Потом, наращивая скорость, помчались по темной дороге с высокими заборами с каждой стороны, отгораживавшими низинную плоскую местность.

— Какой следующий шаг?

— Анжер.

Мы были в сердце ничего на пути в никуда. Ужасное предзнаменование. Но у меня в кармане лежали неожиданные две тысячи долларов.

46. УДАР

Примерно в полночь мы миновали Анжер. Улицы без тротуаров, вдоль них вытянулись плечом к плечу здания. Высокие узкие дома с крутыми карнизами. Прямоугольники кварталов, похожие на окаменевшие внутренности средневекового чудовища. Европа — наше прошлое, мы должны возвращаться в него и время от времени эксгумировать, физически проникая в слои, ведущие к нашему нутру. Серые, коричневые и иногда вспыхивающие под светом звезд.

Но тогда, проехав всего несколько сотен ярдов по спящему городу, мы увидели указатель: «Нант — Ренн — Лаваль». Свернули туда и миновали пригороды и маленькие городки вдоль берегов Луары — Сен-Жорж-сюр-Луар, Варад, Энсени — и наконец въехали в Нант. Фирменное блюдо этого района — лягушачьи лапки, однако у нас не было времени остановиться и попробовать. Мы продолжали следить за указателями на Ванн и Ренн. Потом по двухполосной дороге обогнули их, пробрались через множество строек и наконец оказались на шоссе номер 165. Миль пятнадцать мы промчались по открытой местности и перед самым Савеннэ свернули на шоссе номер 171. Вскоре мы уже катили по темному промышленному центру Сен-Назера и, оставив его позади, дальше к маленькому городу Ля Буль, всего в нескольких милях от Сен-Назера.

Время приближалось к четырем утра. Мы миновали Ля Буль, нагромождение бретонских домов, и выбрались на дорогу, идущую вдоль побережья. В конце концов мы подъехали к докам, расположенным почти у самого устья Луары, но защищенным с севера от Атлантического океана извилистым берегом.

— Ты знаешь, как пользоваться пистолетом? — Алекс припарковал машину близко к докам и повернулся ко мне.

Я вынул пистолет из кармана и при свете маленького фонарика Алекса осмотрел его. Это был автоматический «браунинг» 45-го калибра: Я плохо помнил, как действует предохранитель. Как я уже говорил, стрельба — не мое хобби и мне удавалось большую часть времени вполне прилично жить, обходясь без нее. Минуту или две Алекс наблюдал за моими неловкими попытками, потом взял у меня «браунинг».

— Вот так, — сказал он, вынимая обойму и вкладывая ее в гнездо барабана. Он показал мне, как снова вставить обойму, за-

жать патрон и как действует предохранитель. Наконец он вернул мне пистолет.

— «Браунинг» на предохранителе, — пояснил он, — чтобы выстрелить, оттяни курок вниз. Потом подними, прицелься и нажми. Вот и все.

— Поскольку я не собираюсь ни в кого стрелять, — проворчал я, — мне вообще-то и не надо знать всю эту чепуху.

— Хоб, в роли частного детектива ты пустое место. Я плачу тебе две тысячи долларов за то, чтобы ты выглядел опасным. Или хотя бы компетентным. По крайней мере, ты мог бы внимательно меня слушать, когда я показываю, как работает эта штуковина.

— Ладно, — буркнул я, взял пистолет и повторил все манипуляции Алекса. В конце концов, раз уж я занялся детективным бизнесом, то надо быть готовым. Никогда не знаешь, какого рода умения могут тебе пригодиться.

— Готов? — через несколько минут спросил Алекс.

— Не сомневайся, готов, — подтвердил я. Если быть совершенно откровенным, никакого безграничного энтузиазма я не испытывал. Только две тысячи долларов во французской валюте несколько подкрепляли меня. Кроме того, мне всегда нравился Алекс, а теперь был шанс помочь ему удрать.

Мы вышли из машины и пошли к докам. Ярдов через двадцать Алекс нашел место встречи: пристань, принадлежавшую фирме «Морские перевозки. Дюпон и сыновья». Ворота оказались незапертыми, так что мы вошли без труда и направились к главному зданию, обошли его и очутились у моря возле причалов. Мы продолжали свой путь, пока не подошли к длинному пирсу, ухажившему в воду. В дальнем его конце горел яркий свет, и Алекс объяснил, что именно там должна произойти смена его личности.

— Хоб, — обратился он ко мне, — мне надо, чтобы ты оставался здесь, в стороне. Только никому не позволяй пройти на пирс.

— А что мне делать, если кто-нибудь попытается?

— Скажи, чтобы убирались к черту, и все.

Мне это не нравилось, но что я мог поделывать? Я нашел высокую железную бочку с дизельным топливом и скорчился за ней. Алекс вытащил из кармана маленький револьвер, по-моему, 32-го калибра, проверил затвор, посмотрел на меня и сказал:

— Пожелай мне удачи, старина.

Повернулся и зашагал по пирсу.

Еще до того, как он ушел, я услышал в море тарыхтение лодочного мотора, совсем близко к пирсу. И прежде чем Алекс дошел до яркого света, я уже мог различить очертания судна, черное пятно на фоне умеренно серой темноты неба и воды. Стусок черноты прижался к причалу, не зажигая огней.

Я видел силуэт Алекса, стоявшего далеко в море у конца пирса. Судно заскрежетало, ткнувшись в пирс. Я вынул «браунинг» и снял с предохранителя, хотя все еще не собирался его использовать. Но оставаться беззаботным было вовсе не разумно.

Двое мужчин перелезли из судна на пирс. Я видел их силуэты, низкорослые мужчины резко контрастировали с высокой фигурой Алекса. Затем у меня за спиной раздался шум.

Я оглянулся, но никого и ничего не увидел. Я снова повернулся к воде. Теперь на пирсе было уже трое мужчин, все ниже Алекса. Они начали спорить. Я не мог разобрать, что они говорили, но голоса звучали все громче, и один из мужчин ругался.

После этого началась драка. Алекс вырвался из рук нападавших, и я услышал звук револьверного выстрела. Один из низкорослых схватился за плечо и сыпал проклятиями. Затем все закрутилось невероятно быстро. Алекс вихрем носился по пирсу, и я слышал выстрелы. У меня создалось впечатление, что стрелял Алекс. Потом раздались автоматные очереди, безобразный звук в тишине ночи. Шляпа Алекса взлетела в воздух, и я увидел, как разлетелась его голова.

Тело Алекса рухнуло на пирс. Низкорослые подняли его и бросили в свое судно. Оно отчалило.

Я стоял с заряженным пистолетом в руке и, как мне казалось, очень долго смотрел в море.

47. ФОМОН

Не могу вспомнить, как я вернулся в Париж. По-видимому, я вел машину Алекса. Только совершенно не помню, как я это делал. Большая часть меня действовала автоматически. Просто я делал то, что должен был делать. Потом мне даже не удалось вспомнить, где я припарковал машину. Несколько часов того утра для меня так и остались белым листом. Затем я обнаружил, что сижу в кафе на Елисейских Полях и пью коньяк. Как только я попытался восстановить, что же произошло, мои мозги тотчас отключались. Если я все же заставлял себя думать об этом, перед глазами возникала картина: темный пирс, светло-серая вода, силуэты людей, вспышки револьверных выстрелов и сверкающая очередь автомата. Алекс падает на спину, голова разлетается...

Не помню, как я попал из бара на Елисейских Полях в офис Фошона. Меня давили усталость и чувство вины, ведь каким-то боком я тоже ответствен за случившееся.

Я рассказал инспектору Фошону все, что видел. Он слушал меня, и выражение его лица не менялось. Не взлетали вверх брови, ни разу, даже чуть, не дернулся рот. Он был плотным человеком, Фошон, и, сгорбившись, сидел там, на своем деревянном

стуле с прямой спинкой, и делал пометки в маленьком черном карманном блокноте.

Когда я закончил, он спросил, есть ли у меня что-то еще в дополнении. Я ответил, что ничего нет. Он извинился и пошел к столу в дальней части комнаты. Позвонил и с кем-то недолго поговорил, потом вернулся ко мне.

— Я звонил в жандармерию в Сен-Назере, — пояснил он. — У них нет сведений о происшествиях в Ля Буле прошлой ночью. Они проверят этот район и перезвонят мне. Вы уверены, что ничего не упустили в своем рассказе?

— Нет, так все и было, — подтвердил я. — На вас вроде бы это не произвело впечатления. Наверно, потому, что не очень интересное убийство.

— Пока, — объяснил мне Фошон, — у нас есть только ваши слова о том, что убийство совершено. И все.

— Вы хотите сказать, что не принимаете мои слова в расчет? — Я вытаращил глаза, не способный поверить в такое отношение.

— Не думаю, что вы пытались солгать мне, — возразил Фошон. — Но я заметил, что вы эмоциональный человек и, вероятно, у вас время от времени бывают галлюцинации. Вы тот склонный к фантазиям и имеющий видения тип, который подробно описан Юнгом¹. И, кроме того, последнее время вы жили под высоким напряжением.

— Психоанализ как раз то, что мне нужно, — произнес я тоном, перегруженным сарказмом и жалостью к себе. — У вас есть еще какие-нибудь мнения насчет меня?

— Только одно. Ради дружбы вы попадаете в нелепое положение.

— Может быть, и попадаю, — согласился я. — А что мне тем временем делать?

— Я бы хотел, чтобы вы в следующие несколько дней оставались в Париже. Если мы найдем доказательства, указывающие на преступление, нам нужно будет еще раз побеседовать с вами.

48. РОМАНЬЯ

Я понял, что мне нужно. Нечто американское. Место, где можно выпить в американском стиле. Начать с маргеритас и начос и кончить блевотиной в ванной. Я знал такое место. Такси доставило меня в «Ковбой», техасо-мексиканский ресторан на втором этаже, на площади 18 июня 1940 года, напротив железно-

¹ Карл Густав Юнг (1875—1961) — швейцарский психолог и философ, основатель аналитической психологии.

дорожного вокзала Монпарнас. «Ковбой» моментально переносит вас в южные штаты. На одной стене — карта Республики Техас, на другой — мексиканское пончо. Пол выложен испанским кафелем, а официантки носят короткие юбки, как у студенческого капитана болельщиков, и ковбойские сапоги.

Я уселся за стойкой бара, но прежде чем успел начать свой генеральный план, меня нашел Романья. Я рассказал ему об Алексе. Как и Фошон, он вроде бы не удивился, не пожалел и не совсем поверил.

— Значит, он наконец ушел из этого мира. — Вот и вся эпитафия Романья на смерть Алекса.

Я кивнул.

— Но Фошон не нашел доказательств?

— Пока нет.

— Тогда, наверно, нам еще рано сбрасывать его со счета.

Он сидел здесь, в баре, рядом со мной, крупный неуклюжий мужчина, сгорбившийся над глиняной кружкой пива.

— Ты случайно не из офиса прокурора по особым делам? — спросил я.

— Правильно, — улыбнулся он.

— И ты здесь, чтобы забрать Алекса и отвезти в Штаты?

— Этим занимаются американские судебные исполнители, — покачал он головой. — Я здесь по другим делам. Но мне также было поручено следить за Алексом.

— Почему бы вам не охотиться за крупной дичью, а Алекса оставить в покое?

— Невинного, незначительного Алекса, — хмыкнул Романья.

Не люблю, когда саркастичны другие. Сарказм — это моя привилегия. Самодовольное выражение Романья выдавало, что он обладает знанием, в которое я не посвящен.

— Алекс говорил тебе, что его счет использовался Селуином? — спросил Романья, сделав большой глоток пива.

Я опять кивнул.

— Тебе интересно услышать другую версию?

— Угу, — промычал я.

— Тогда давай сядем за столик и закажем кувшин маргеритас, — предложил Романья. — Не возражаешь, если я закурю сигару?

Шел последний день операции. Алекс и Селуин целые сутки стряпали бухгалтерские отчеты. Банковские счета находились в хаотическом состоянии. Ничего удивительного, потому что Селуин постоянно залезал в счета, жонглировал миллионами на счетах за границей, которые он контролировал.

К четырем часам они сделали все что могли. Но удовлетворительной картины не получилось. Селуин это понимал.

— Я в плохом положении, — признался он Алексу. — Федеральные власти собираются навесить на меня деньги, не указанные в отчетах. Но фактически мне оставалось от них очень мало. Фонды распределялись по другим счетам, к которым у меня не было доступа.

— Если до этого дойдет, видимо, вы сможете заключить сделку, — предположил Алекс.

— По правде говоря, это немудрое решение, — возразил Селуин. — Самое худшее, что меня ждет, это несколько лет тюрьмы. Для хорошего поведения уже нет времени. Но если я уйду, то останусь на высоте. Я сохраню веру в своих людей, и они сохранят веру в меня.

— Аминь, брат мой, — сказал Алекс. — Что касается меня, я на время покину эту страну. Поселюсь в Париже и буду писать мемуары.

— У меня семья, я не могу этого сделать, — с легкой завистью вздохнул Селуин. — Ну и последнее. — Он достал большой голубой чек и протянул его Алексу.

— От наших друзей в Персидском заливе, — пояснил он. — Положите его на счет «Арабко».

Чек был на десять миллионов долларов, самое крупное единовременное пожертвование из полученных фондом. Алекс положил его в свой кейс и в последний раз окинул взглядом стол. Он очистил его еще вчера. Потом взял кейс и направился к двери.

— В злые места Европы? — саркастически улыбнулась Эллайс Миллс, клерк, встречавшая посетителей в холле.

Алекс улыбнулся. Эллайс уже давно забронировала ему место в самолете. С тех пор она постоянно напоминала об этом и почти открыто намекала, что он мог бы склонить ее поехать с ним.

Однако Алекс не считал, что она именно та женщина, которая ему нужна. Он помахал ей на прощание рукой и вышел.

Он взял такси и поехал в Первый Национальный банк. Как человек Селуина, Алекс во всех законных и полузаконных операциях имел право подписи на чеках пожертвований. Для Селуина, который почти все время проводил с клиентами и дарителями, было удобнее, чтобы Алекс занимался движением и перемещением средств с одного счета на другой.

Алекс стоял перед зданием банка. Никогда раньше он не думал о пожертвованиях как о реальных деньгах. Ни когда разразился скандал по поводу сделки с оружием для Ирана, ни когда они направляли собранные для никарагуанских контраст средства на другие счета. Это касалось полицейских и грабителей, сидев-

ших на самом высоком уровне, а он развлекался от души, наблюдая за махинациями (и выполняя их). Ему также пришлось признать: он не ожидал, что дело придет к сегодняшней развязке. Хотя неожиданный крах «Селуин Групп», расследование в конгрессе — все случившееся было предсказуемо с самого начала. Да, его тяготило участие в нечистой возне, но он полагал, что люди, с которыми приходится работать, знают, что делают. При таких высоких ставках и так хорошо защищенных операциях трудно думать о неизбежности крушения.

Но в конце концов это произошло, и он стоит здесь с последним чеком. Еще одно звено к сотканной паутине...

А что, если он не добавит его? Что, если он оставит его себе?

Алекс никогда не был крупным мошенником, только однажды и недолго. Однако сейчас он стоял с чеком на десять миллионов баксов. Он знал, как положить деньги на свой швейцарский счет и как забрать их оттуда и перевести на запасный закодированный безымянный счет, который у него был в Лихтенштейне.

Крупные игроки хватали обеими руками. Наступило время для служащих подгрести оставшееся.

Паспорт лежал у него в кейсе. Он не стал утруждать себя возвращением в квартиру за одеждой. Когда в кармане лежат десять миллионов долларов, принадлежащих кому-то другому, наступает время действовать. В тот же вечер Алекс вылетел первым классом «Эр Франс» в Даллас.

— Это твоя версия, — сказал я Романья.

— Теперь меня это интересует не больше, чем крысиная задница, — усмехнулся он. — Я отстранен от этого дела и сегодня вечером отправляюсь домой. Но не потому, что я поверил, будто Алекс мертв. По-моему, он инсценировал всю эту историю.

— Зачем?

— Для того, чтобы ты мог засвидетельствовать его смерть. Его предполагаемую смерть. И когда власти примут эту версию, он полностью освободится и под своим новым именем будет понастоящему в безопасности и сможет тратить десять миллионов, как ему заблагорассудится.

— Какие десять миллионов? Ты, должно быть, говоришь об одном из главарей этой заварушки «Иран-Контрас».

— Нет, я говорю об Алексе. О нем и о его секретаре, известной тебе Ракель Старр. Я почти уверен, что это она втянула Алекса в историю с деньгами. А теперь приехала сюда, чтобы забрать свою долю. Как я представляю, подобие смерти, или что там случилось с Алексом, ставит крест на ее планах. Но я могу понять и точку зрения Алекса: устроить сцену смерти и сохранить несколько миллионов долларов.

— Алекс никогда такого не сделает, — почти автоматически пробормотал я.

— Не делает? — повторил Романья, вдруг разозлившись. — Что ты о нем знаешь? Тебе точно известно только одно: он старый приятель той поры, когда вы оба жили на Ибице как хиппи. У нас есть досье и на тебя. Ты пустое место, тебя мы не принимаем в расчет. Ты живешь в мире, который выдумал в мечтах. И если ты думаешь, что Алекс остался тем же самым босоногим парнем, каково ты знал, то ты и правда чокнутый.

— Вы можете доказать, что он присвоил десять миллионов долларов?

— Нет, не можем. Пока еще не можем. Но мы совершенно уверены.

— Счастливого пути домой. — Я оставил деньги за выпивку и встал.

— Я думаю, это многое изменит и для Нивес, — заметил Романья.

— Кто такая Нивес? — Я остановился, ухватившись пальцами за дверную ручку.

— Ты думаешь, что прекрасно знаешь своего старого приятеля. А сам даже не слышал о Нивес. — Он хихикнул. — Идите и проверьте, кто она, мистер Частный Детектив.

Часть XI

49. НИВЕС

В холле меня ждала леди.

Когда я вошел, она поднялась. Должно быть, Алекс показывал ей мою фотографию, потому что она без колебаний узнала меня. Высокая и красивая молодая женщина, в которой чувствовался класс. Такой отпечаток откладывает на людей рождение в семье, где много денег. Но чтобы быть справедливым, добавлю: в этом есть и что-то врожденное. Черная шелковая юбка, открытая шелковая блузка, высокие каблуки-«шпильки». В любом случае, я бы мог держать пари на что угодно, что ее имя Нивес. И я выиграл, хотя, естественно, ничего не получил за это.

— Мистер Дракониан? Я Нивес Тереза Мария Санчес и Иссага. Мне очень надо поговорить с вами.

— По-моему, нам обоим надо поговорить, — согласился я. — Пойдем в кафе?

— Лучше в ваш номер, — предложила она. — Мой самолет «Эр Франс» был полон, я устала и хотела бы снять туфли.

Так мы пошли в мой номер.

Нивес устроилась на кушетке в эркере окна, я — на обшарпанном вертящемся стуле. Сидела она очень прямо, одна из тех привычек, каким учат в школе, где готовят принцесс Латинской Америки. Волосы цвета воронова крыла, блестящие и свежие. На шее маленький золотой крест. Плетеный золотой браслет. Никакой губной помады, но от природы яркие, сочные, хорошо очерченные губы, широкий рот. На глазах легкие зеленые тени.

— Алекс рассказывал о вас, — начала она. — Вы были его другом в прежние времена, в Испании.

— На Ибике, — уточнил я.

— Да. Это что-то вроде клуба, правда?

Я кивнул.

— Откуда вы знаете Алекса?

— По Вашингтону, — ответила она. — Не думаю, что вам известно, но мы должны пожениться.

— Верно, об этом я ничего не знаю.

Мы немного посидели молча. Какого черта, я не знал, что сказать. Ее жениха только что убили, о чем тут говорить? Я надеялся, что она не захочет, чтобы я еще раз описывал подробности. Меня уже тошнило от этого, тошнило от Алекса, от его жизни и от его смерти, тошнило от этого дурацкого дела, которое началось для того, чтобы вызвать у меня невыразимую депрессию.

— Ладно, — наконец заговорила она. — Хочу рассказать вам об этом. Мне нужен ваш совет.

Она выбрала прекрасного советчика. Но что можно ответить в таком случае?

— Начинайте, я наострил уши, — сказал я. А тихий голос в голове добавил: «Ослиные уши, старина, ослиные».

50. АЛЕКС, НИВЕС

Алекс встретил Нивес два года назад на балу в посольстве, точнее, на приеме в посольстве Парагвая. Алекс любил надеть шелковый смокинг, зализать волосы и отправиться на такого рода сборище. И неважно, что они все без исключения скучные. Ему в них нравились помпезность и торжественность, утонченно украшенное окружение, самоуверенные, с сильными характерами люди, посещавшие такие мероприятия. Человеку, выросшему в Бронксе, приходится видеть много реальностей жизни. Блеск и великолепие Алексу нравились гораздо больше, чем реальная жизнь, если признать, что реальная жизнь — это грязь, боль и ложь.

Он, как обычно, прекрасно проводил время на приеме, когда вдруг столкнулся с Нивес. Ей было двадцать два, и она первый год жила в Вашингтоне. Ее отца назначили новым атташе по

культуре в посольство Парагвая. Она почти безукоризненно говорила по-английски, так же как по-немецки и по-французски. Она учила языки с детских лет. Культурная, но провинциальная девушка, полная благоговейного страха перед миром Вашингтона, такого отличного и в то же время схожего с замкнутым маленьким дипломатическим миром Асунсьона.

Алекс пригласил ее танцевать. Они хорошо смотрелись вместе. Он — высокий, широкоплечий блондин. Нивес — хрупкая, с шелковистыми волосами и лицом мадонны.

Тогда Алексу было года тридцать два. Связь началась очень скоро. Они с ума сходили друг от друга. Но возникли трудности.

Главная проблема — социальная. Алекс, младший адвокат в «Селуин Групп», вашингтонской фирме, создающей фонды, не выглядел человеком, которого ждет большое будущее и шикарные перспективы. Он всегда мог заработать двадцать или тридцать тысяч в год, может, даже добраться до пятидесяти. Но это еще очень далеко от тех денег, которые нужны, чтобы жить, как друзья и родственники Нивес.

Эта проблема раздражала Нивес. Она обыгрывала способы, как выйти замуж за Алекса, надеясь, что со временем семья смирится с ее браком.

Но он не хотел поступать таким образом. Он соглашался с семьей Нивес, что он ее не стоит. Алекс искренне верил, что богатство дает особые привилегии, накладывает особый отпечаток. Он не относился к богатству цинично. Как относительно бедный парень, он сознавал, что не имеет права жениться, чтобы таким путем войти в класс больших денег.

Конечно, был шанс, что со временем семья Нивес простит свою блудную дочь и у нее будет много ее собственных денег. Но такой вариант Алексу не подходил. Он не хотел жить на средства жены, не видел себя в роли альфонса. То, что было мечтой Жан-Клода — жениться на богатой женщине, Алексу представлялось кошмаром.

Он не смог бы жить на средства жены. Он хотел иметь собственные деньги. Алекс привык давать, а не брать.

Все это могло бы остаться теоретическим рассуждением, если бы Алекс не обнаружил, что попал в такое положение, когда можно сделать удачный ход. Как один из служащих, имеющих право подписывать банковские документы «Селуин Групп», он перемещал пожертвования со счета на счет, а потом еще на другие счета, и никто не мог бы сказать, кто в конце концов получает деньги. Однако создавалось впечатление, что в результате большая часть пожертвований не доходит до никарагуанских контраст. Так возникла идея.

Со счетов, которыми управляли Селуин и другие, очень много денег уходило на сторону. Это был грабеж и мошенничество. Алекс начал искать способ, как взять что-то и для себя. Задумывалось все просто так, в качестве теоретического упражнения. По крайней мере, вначале.

Операция выглядела достаточно легкой. Он мог перевести чек, на котором стояла его подпись, на один из швейцарских счетов, а затем переместить деньги на собственный швейцарский счет. Потом еще раз перевести, уже на другой свой счет, на котором даже не указана фамилия, а только код.

Постепенно идея все больше интриговала Алекса. Бросить все и открыть чистую страницу, но с большими деньгами. Начать новую жизнь как богатый человек с красивой женой в услужливом и коррумпированном Асунсьоне.

Он полагал, что сумеет направить в другое русло по меньшей мере сто тысяч долларов. Может быть, больше. При общей неразберихе и сокрытии поступлений пожертвований деньги, вероятно, можно долго крутить, переводя со счета на счет. К тому времени, когда они придут к нему, Алекс будет уже далеко, а деньги просто будут помечены как «неучтенные», что часто случается в делах подобного рода.

Ракель участвовала в этом плане. По-видимому, последняя искра, давшая идее движение, пришла от нее. Алекс и Ракель жили вместе чуть больше полугода. О любви они никогда не говорили. Алекс не любил ее, но подозревал, а вернее, боялся, что она его любит.

Ракель просто генерировала хорошие идеи и была необходима для выполнения плана. Очень скоро выяснилось, что без ее участия обойтись нельзя.

Все происходившее Алекс обсуждал с Нивес. Она очень рассудительная девушка и очень страстная. Необычное сочетание.

— При любых обстоятельствах я буду жить с тобой, — говорила она Алексу. — Даже если у тебя не будет денег. Я люблю тебя, и только это имеет значение. Но мне нравится жизнь, которую я вела дома. Тебе, Алекс, она тоже понравится. Однако я не думаю, что ты будешь счастлив, живя на мои деньги.

— Конечно, — соглашался Алекс.

— Это глупо, но я уважаю тебя за такое отношение. Тут все дело в твоей гордости. Значит, ты должен иметь собственные деньги, иначе ты никогда не будешь счастлив.

— Допустим, я смогу достать очень много денег, — отвечал Алекс. — В данный момент не имеет значения как. Выйдешь ли ты за меня замуж и будешь ли жить со мной в Асунсьоне?

— Да.

— Даже если у меня будет другое имя и слегка измененная внешность?

— О чем ты говоришь?

Алекс рассказал ей об оружии для Ирана, о никарагуанских контрах, о жертвованиях и о том, как он собирался воспользоваться довольно большой их частью.

Нивес молча слушала, пока он не закончил, потом рассмеялась.

— Сначала ты напугал меня. Я решила, что ты задумал ограбить банк или магазин «Север-Элевер». Но, Алекс, дорогой, то, что ты хочешь сделать, вовсе не квалифицируется в реальной жизни как преступление. Ты просто немного облегчишь воров от бремени их добычи. Они должны бы дать тебе медаль.

— Они дадут мне тюремное заключение, бесконечное, как ад, если поймают.

— Тогда, если ты собираешься это сделать, лучше украсть побольше, — посоветовала Нивес. — Потому что такой шанс тебе выпадет только раз в жизни, а приговор, наверно, будет один и тот же, возьмешь ли ты много или мало. Если тебя поймают. Но ты должен сделать так, чтобы тебя не поймали.

— А я и не планирую быть пойманным. В этом я рассчитываю на Ракель. Она во всем участвует. Мне нужна ее помощь, и мне придется дать ей какую-то часть полученного.

— Конечно, ты должен заплатить ей.

— Мы будем держать все в секрете. Никто не должен знать о наших отношениях. Никто, пока я не смогу жениться на тебе.

— Надеюсь, тебе не потребуется много времени.

— Меньше месяца. Но мне нужна помощь и некоторых твоих друзей. Ты сумеешь связать меня с полезными людьми в Парагвае?

— Конечно.

— Некоторые люди в Асунсьоне могут вычислить, кто я, — после минутного сомнения продолжал Алекс. — Будут проблемы?

— Конечно, нет. Они подумают, как умно ты поступил. Никто не сообщит американским властям.

— Наверно, парагваец не сообщит, но американец вполне может.

— Не наши друзья в Асунсьоне.

— А что, если один из них не совсем правильный американец?

— Не беспокойся, любовь моя. Не совсем правильный американец долго в Парагвае не задержится.

Нивес открыла сумочку и достала портсигар из панциря че-

репахи, потом прикурила длинную темно-коричневую сигарету «Нат Шерман».

— Алекс никогда не рассказывал мне о мелких деталях своих планов, — продолжала она. — Мы договорились, что он сделает то, что необходимо, а я буду ждать его в Асунсьоне. Ему потребовались имена парагвайцев в Париже, на которых он мог бы положиться. У меня здесь есть кое-какие друзья. Вы должны понять, я и правда не знала, что происходило. Я и правда не считала, что так уж плохо забрать деньги у напыщенных дураков, готовых всегда поддерживать заварушки с наемниками. Я думала только об одном: каким Алекс придет ко мне в Парагвай. Он будет по-другому выглядеть. По меньшей мере, усы. Или, может, небольшая пластическая операция на лице. Это было самое волнующее приключение, в каком я когда-либо участвовала. Такое романтическое. Я была безумно влюблена. Или без памяти увлечена. Помоему, поэтому я до сих пор ни о чем не задумывалась.

— Что значит, вы до сих пор не задумывались?

— Ну, над тем, что Алекс будет делать. Естественно, возьмет деньги. Придет в Париж. Затем исчезнет. Ракель наймет вас, чтобы найти его. Это то, что мы заранее запланировали. Вас выбрали потому, что вы хорошо знали Алекса, и потому, что Алекс считал, что вы будете... податливым.

— Податливым, — с горечью повторил я. — Вы имели в виду послушным. И в придачу легковверным.

— Это симпатичное качество, Хоб, — заметила Нивес. — Не теряйте его.

— Что еще вы знаете?

— Вы должны стать свидетелем смерти Алекса. И тогда под принятым после «смерти» именем он начнет новую жизнь со мной в Парагвае. Но, конечно, оставалась одна часть плана, одно совсем не безопасное дело. Дело, которое так и осталось висеть в воздухе.

— Ракель? — спросил я.

— Да, правильно. Ракель. Вот об этом я не хотела думать. Но в конце концов пришлось. И я поняла, хотя, надеюсь, не права, что единственный способ для Алекса реально быть в безопасности — смерть Ракель.

Да, конечно. И, видимо, Нивес не знает всего. Ракель планирует разделить с Алексом не только деньги, но и его жизнь. Она любит его и не собирается молча проглотить отрицательный ответ. Он должен быть ее или Нивес.

Если он уедет с Нивес, если он бросит Ракель, то можно рассчитывать на взрыв. И пока у Ракель хватит сил, пар будет выходить очень долго и очень громко.

Где теперь Рабель?

Я позвонил в отель. Ее номер не отвечал. Это ничего не доказывало, но у меня мелькнула мысль — я знаю, что случилось. Когда Рабель узнала о смерти Алекса, это стало для нее сигналом встретиться с ним. О встрече они договорились заранее, и она думала, что теперь они вместе исчезнут со сцены.

Для Алекса это был шанс убить ее.

Если бы я только знал, где назначена встреча.

— Алекс что-нибудь говорил, где он будет после всего? — Я обернулся к Нивес.

— Нет. Он только сказал, чтобы я ждала его в Асунсьоне. Но я не могла. Я имею в виду, что грабеж — это одно, но я не смогла бы вынести, если бы он и вправду убил эту несчастную женщину.

Я поднялся, стараясь почти физически стряхнуть с себя убийственную депрессию, которая навалилась на меня после того, как я видел «смерть» Алекса.

— Пошли.

— Куда мы теперь?

— Искать Алекса, — ответил я.

Часть XII

51. РЕАНИМИРОВАННЫЙ АЛЕКС

Я решил, что единственная надежда для нас — это Клови. Больше никого я не мог представить ни в Париже, ни в любом другом городе, кто мог бы знать, где Алекс собирался встретиться с Рабель. Если мы допускаем, что Алекс еще жив. А в тот момент мне пришлось это допустить.

Я окликнул такси и объяснил водителю, что мы сделаем несколько остановок. Водитель пожаловался, что на этом он теряет плату за проезд, тогда Нивес сунула ему тысячефранковую купюру. В ней есть класс, в этой Нивес. Конечно, тут помогает и то, что она богата.

В «Де Маго» Клови не оказалось. Мы проверили кафе «Флор» и пивную «Липп», пока еще ехали по бульвару Сен-Жермен. Следующая остановка «Дом» на Монпарнасе. Здесь Нивес взяла дело в свои руки. Управляющий превзошел себя в любезности. Он был безутешен из-за того, что пришлось сказать Нивес, что мсье Клови сидел здесь всего полчаса назад и ушел, не обмолвившись и словом, увы, куда он направляется дальше.

— Как досадно, — пробормотала Нивес, задумчиво постукивая по зубам сложенной бумажкой в тысячу франков. — Мне и правда очень важно найти его сегодня вечером.

Глаза управляющего бегали от купюры к шикарной особе, от денег к женщине, от Молоха к мадонне, назовите это как вам угодно. Алчность недолго боролась с осторожностью, которая в конце концов потерпела полное поражение.

— Я предполагаю, — неуверенно начал управляющий, — вы могли бы попытаться найти мсье Клови дома.

— И где это может находиться? — ласково промурлыкала Нивес.

Управляющий проявил верх любезности и написал на бумажке адрес, а она проявила верх щедрости и сунула ему тысячу франков. Затем мы опять сели в такси и назвали адрес: набережная Д'Орсе на берегу Сены.

Клови жил в большом старом многоквартирном доме с черными коваными железными решетками на окнах и коваными железными воротами, которые стояли, как опускающаяся решетка крепости, между улицей и парадным входом. Я нажал кнопку переговорного устройства.

Клови в вышитом красном шелковом халате сам открыл дверь. С проигрывателя звучало что-то приятное, но незнакомое мне. Позже я посмотрел на пластинку и прочел: «Камилл Сен-Санс, Первая симфония».

— Клови, — начал я, — мне ужасно неприятно беспокоить вас, но мы приехали по делу о жизни и смерти. — Мелодраматично, но, по-моему, очень точно.

— Тогда, я полагаю, вы должны войти, — довольно грубо, как мне показалось, предложил Клови. Но лицо его просветлело, и он превратился в само очарование, когда разглядел Нивес.

— Надеюсь, мадемуазель, вы еще некоторое время останетесь в Париже, — обратился он к ней. — Вы прекрасно подходите для моей следующей картины. Вы когда-нибудь играли? Это не имеет значения. Моя теория актерской...

Нивес не собиралась подхватывать игру Клови.

— Наверно, мы сможем обсудить это в другое время, — проворковала она с еще более ослепительной улыбкой, чем обычно. — Сейчас у нас неотложное дело.

— Ах да, знаменитое дело о жизни и смерти. Но сначала могу ли я предложить вам обоим по стакану вина? Немного ледяного «Антреша» 84-го года? И у меня также есть очень приличная маленькая...

— Клови, нам надо немедленно найти Алекса. — Нельзя позволять ему вести бесконечный винный монолог.

— Но, Об, вы сами видели его мертвым! — Совершенно бескураженный, он вытаращил на меня глаза.

— Я видел то, что должен был видеть. Но вы знаете, и я знаю, что Алекс не умер. Вы помогли ему в этом?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — ледяным тоном произнес Клови. — И кто эта молодая леди?

— Это невеста Алекса, — объяснил я. — Она из Парагвая. Ведь вы знаете о ней, Клови?

— Вы Нивес? — Он изучающе смотрел на нее.

— Нивес де Санчес и Иссасага, — произнесла она. Голос твердый и ясный, спина прямая, плечи квадратные, все точно так, как учили ее в школе предварительного покорения. — Как вы, наверно, знаете, после поддельной смерти Алекс хотел встретиться со мной в Парагвае.

— Ладно, — сказал Клови. — Садитесь. Поговорим.

Он повел нас в элегантную маленькую гостиную, полную бутылок, сделанных в кустарных мастерских, всевозможных безделушек и мягкой мебели с позолоченными ножками, которая стоила, должно быть, состояния, но выглядела ужасно неудобной.

— Узнаю вас по фотографии, — сообщил Клови Нивес. — Алекс показывал мне ту, которая сделана в Вашингтоне. Я так рад встретиться с вами. Да, Алекс обсуждал со мной свой план. Я нашел его весьма романтичным. И одновременно в нем есть политическое звучание. Я аплодирую искусству Алекса: он сумел отнять деньги у злых плутократов из Вашингтона. И я аплодирую его решению начать новую жизнь, помогая в Африке бедным. Это благородный жест. Я сам хотел бы его сделать. Но, увы, каждый владеет в искусстве чем-то одним. Несмотря на пример Рембо¹.

— В Африке? — удивился я. — Вы сказали в Африке? И что, по-вашему, Алекс будет там делать?

— Он подробно описал мне свою мечту, — проникновенно улыбнулся Клови. — Он намерен принять свою новую личность, взять деньги и основать в Африке клинику. Место для бедных, больных, бездомных. Он хочет взять за образец личность доктора Альберта Швейцера². По-моему, это замечательная идея.

— Конечно, замечательная, — согласился я. — А он не говорил вам, какое место займет там Ракель? И Нивес?

— О, безусловно! Это самая лучшая часть. Вы все вместе туда едете и вместе работаете. И живете все вместе в тройном браке. По-моему, это очень мужественно с его стороны, так пренебречь буржуазной моралью.

¹ Артур Рембо (1854—1891) — французский поэт, в девятнадцать лет отказался от литературной жизни, уехал в Африку и занялся торговлей в пустынях.

² Альберт Швейцер (1875—1965) — теолог, миссионер, врач, музыковед и органист, в 1913 году организовал госпиталь в Ламбарене (Габон). Исходный принцип его мировоззрения — «преклонение перед жизнью».

— Значит, вы знаете, где теперь Алекс? — спросил я.

— Может быть, да, а может, нет, — ответил Клови, не раскрывая своих карт.

— Это и правда чрезвычайные обстоятельства, — настаивал я. — Пожалуйста, скажите нам, где он собирался встретиться с Ракель.

— Ах, вы даже об этом знаете? — удивился Клови с хитрым выражением на лисьем лице. — Тогда вы, видимо, понимаете, как необходима осторожность. Мадемуазель Нивес, не думайте слишком плохо о нем, если он уедет с Ракель и без вас. Семья втроем по сути своей очень нестабильна, конечно, в этом часть ее очарования, но она эфемерна.

— Вы все неправильно поняли, — вмешалась Нивес. — Алекс собирается на мне жениться. Поверьте, это не иллюзия с моей стороны.

— А как же тогда Ракель? — спросил Клови.

— Предполагалось, что Алекс где-то встретится с ней и расплатится, — начал я. — Так считает Ракель. Но, по-моему, у Алекса другие планы.

— На что вы намекаете?

— Мы думаем, или, вернее, боимся, — продолжал я, — что Алекс собирается убить ее.

— Как мне кажется, это едва ли вероятно, — возразил Клови, однако было заметно, что он задумался. Потом вскочил и начал расхаживать по комнате, рассеянно пробегая пальцами по позолоченной мебели. Наконец он повернулся к Нивес.

— Вы уверены, что он планирует жениться на вас?

Нивес кивнула.

— Я помогала организовать его вылет из Франции.

Клови опять задумался. И по лихорадочному движению его бровей можно было видеть, как в нем идет логическая борьба с преклонением перед героем. В конце концов он задал ключевой вопрос:

— Вы богаты, мисс Нивес?

Она кивнула.

— Проклятие! — воскликнул Клови. — Тогда, видимо, это правда. Хотя я всегда аплодировал идеализму Алекса, у меня тоже возникали сомнения на этот счет. Слова чересчур легко слетали у него с языка. Да! Я обманывался.

— Где он? — спросил я.

Клови посмотрел на меня. Теперь он стал серьезным.

— Что он собирается делать, когда встретит Ракель, если не хочет взять ее с собой?

— Он планирует на долгое время избавиться от нее, — ответил я. — Сейчас он мертв, так что вполне может делать все что за-

хочет. И он достаточно богат, чтобы повернуть дело, не оставив следов. Все сойдет гладко. Рагель сейчас в пути. У меня нет доказательств, но я хотел бы встретиться с Алексом раньше, чем Рагель. Поехали, Клови!

Он стоял в центре комнаты с видом человека, не способного принять решение. Потом он что-то надумал, обернулся и пролаял:

— Подождите. Я сейчас вернусь. — И тут же выскочил из комнаты.

— Что это могло бы означать? — обратилась ко мне Нивес.

Я пожал плечами. Это было представление. Я имею в виду, позирование.

Вскоре Клови вернулся в гостиную. Он сменил халат на грубовато выглядывший кожаный пиджак, надел солнечные очки янтарного цвета и натянул на набалдашник трости водительские перчатки.

— Пошли, — бросил он, направляясь к двери.

— Куда мы идем?

— Глупый вопрос, — сказала Нивес, потянув меня к выходу вслед за Клови.

52. КЛОВИ

— Эй, послушайте, разве в самом деле необходимо так быстро гнать? — спросил я.

Мы все трое втиснулись в отделанную орехом пилотскую кабину машины Клови. Реставрированная «Испано-Суиза» со старомодным мотором переходила от надрывного кашля к паническим завываниям и делала это так громко, что мне пришлось выкрикнуть свой вопрос. Нотка страха прозвучала в нем сильнее, чем я бы хотел. Клови не обратил внимания на мои слова, а Нивес вела себя так, будто наслаждалась всем происходившим. Я бы тоже наслаждался, если бы не уверенность, что через секунду мы въедем в автобус и нас разотрет в лепешку или мы снесем собственными головами витрину магазина.

В Париже была поздняя ночь, два часа, движения почти никакого, что делало наше положение еще хуже, потому что позволяло Клови прибавить скорость. Подумав, я вспомнил, что он, наверно, ждал всю жизнь такого честного, как перед богом, настоящего чрезвычайного события. Но все равно, Клови мог бы подождать еще несколько минут и вести свою идиотскую спортивную машину на безопасной скорости и не пугать, черт возьми, пассажиров, не страдающих, как он, склонностью к самоубийству.

Мы пронеслись по Елисейским Полям, будто танковый дивизион с реактивными двигателями, с диким скрежетом на двух колесах обогнули Триумфальную Арку, пулей пролетели по авеню

Клебер. И каким-то чудом выскочили на кольцевую дорогу, никого не задавив.

Позади я слышал сирены полицейских машин. Мы их обогнали. Будь я проклят, если мы не обогнали радиоволны, на которых полицейские переговаривались друг с другом.

Затем мы оказались на шоссе номер 135 и покатали по прямой дороге под зыбкой тенью листьев между ровными рядами деревьев. За час мы оставили позади миль сто или больше.

— Куда мы едем? — удалось выдохнуть мне.

— Уже приехали! — крикнул Клови, сворачивая к вывеске «Аэровокзал Анненси».

Впереди мы увидели маленький аэродром, огороженный стальной сеткой, и сетчатые ворота, закрепленные цепью. Клови, даже не сбросив скорости, въехал в них, и при свете одной фары мы подкатили к низкому зданию аэропорта рядом со взлетно-посадочной полосой.

Клови резко затормозил. Чуть пошатываясь, я вылез из машины вслед за Нивес.

— Что здесь происходит? — спросил я. — Где Алекс?

Трое мужчин вышли из темного здания аэропорта. Приглянувшей на три четверти луне я сумел разглядеть, что они вооружены револьверами. Один из них Жан-Клод. Второй Найджел.

— Привет, ребята, — бодро бросил я, хотя особой бодрости не испытывал. — Не знаю, как вы догадались приехать сюда, но я, честно, рад вас видеть.

— Что будем с ними делать? — спросил у Клови Найджел.

Высокий и торжественный, Клови стоял в полутьме и стягивал перчатки.

— Они знали, — коротко бросил он. — И я подумал, лучше привезти их сюда.

— И ты, Клови, — сказал я.

— Я не обещал вам розовый сад, — пожал плечами Клови.

— Эй, эй, парни, давайте все проясним, — снова начал я. — Сделаем один гигантский шаг от края надвигающейся катастрофы, забудем об Алексе, пойдем куда-нибудь и пропустим пару бокалов. Для вас это о'кей?

— Возьми себя в руки, Хоб, — строго одернул меня Найджел. — Мы все сожалеем. Но разве ты не можешь хотя бы вести себя как мужчина?

Я вытаращил глаза. Найджел всегда был человеком со странностями, но это слишком даже для него. От Жан-Клода я мог ожидать любого предательства. Привыкаешь ко всему, когда имеешь дело с американцами иностранного происхождения. Но Найджел? Найджел Уитон? Мой старый приятель Найджел?

— Допустим, ты здесь немного посидишь, пока мы разберемся что к чему, — предложил Найджел, жестикулируя револьвером.

Третий шагнул к свету. Высокий, светловолосый, застенчиво улыбающийся. Это был Алекс.

У меня поехала крыша.

— Пошли вы все к черту! — заорал я. Если мне предстояло умереть за свой характер, то это означало бы, что я ушел как трус. Я закинул голову и издал вопль, который можно было услышать во всей Франции и даже, наверно, в части Испании. Но когда я начал вопить в полную силу, Клови ударил меня по черепу железным ободом.

53. СТОН ВАВОЧКИ

«Сказать по правде, с тобой могло бы получиться хуже. Ты мог не просто потерять сознание, ты мог умереть. А это не очень забавно, ты не находишь?» — так я рассуждал сам с собой. Вернее, одна часть моего разума предавалась рассуждениям, пока вторая часть плавала в ослепительном море света. Мне казалось, что я слышу накатывающие волны на берег, и это было странно. Париж стоит в глубине континента, а не на море. В тот момент, когда я обдумывал эту мысль, показалось несколько фигур, они словно выткались из тумана, и я приготовился к встрече с приятными видениями, или к галлюцинации, или называйте это, как хотите. И тут я почувствовал, как кто-то трясет меня. Грубо. Резко.

— Просыпайся, Хоб.

Какая-то адская ситуация, потому что я еще не знал, кто это. Я не знал, кто мне говорит «просыпайся», но я понимал, что этот кто-то вне меня чего-то от меня хочет. А я находился в одном из тех состояний, в какое впадаю, когда меня резко ударяют по черепу. Я будто бы всплывал и наполовину находился не здесь, и слух разыгрывал со мной странные шутки. Будто бы я плыл в туннеле и слышал пугающие голоса, которые искажались и менялись, отскакивая от стен.

Одно было ясно. Я неправильно оценил ситуацию. И не стоило особенно проклинать себя за это. Не моя вина, если люди лгут. Но вина или не вина, я попал в беду. И поскольку у меня не было плана, я решил, что пока лучше притворяться потерявшим сознание. Откровенно говоря, я бы предпочел зимнюю спячку, если бы знал, как в нее впасть. Весной всегда все кажется лучше, вы не согласны?

— Ну, старина, как ты себя чувствуешь? — немного спустя произнес знакомый голос.

Я узнал этот голос и открыл глаза. Возле меня на низком стуле

сидел Алекс. В руках у него маленький пистолет. Он не нацелил его в меня, но в то же время и не отвернул в сторону.

Я старался придумать, что бы сказать, и выдохнул лучшее, что пришло в голову:

— Привет, Алекс.

— Привет, старина, — с задумчивым выражением ответил Алекс. В его голосе я не услышал иронии. На нем был комбинезон из плотной хлопчатобумажной ткани и черная кожаная куртка, как у пилотов. Выглядел он очень мужественно. И еще солнцезащитные, отражающие свет очки. Это меня встревожило. Когда смотришь фильмы, то парни всегда надевают такие очки, если идут кого-то убивать.

Мы были в маленьком офисе, наверно, в здании аэропорта. Над головой флюоресцентный свет. До середины стены доходят светло-коричневые панели под дерево. Потолок кремовый. Под ногами серовато-зеленый линолеум. Несколько столов. Один пустой, на другом экземпляр газеты «Монд», полные пепельницы, телефон. Эти подробности не имеют значения, но я ухватился за них потому, что меня немного беспокоило: а вдруг это последнее, что я вижу? И когда дьявол спросит: «Как выглядела комната, в которой тебя убили?», мне хотелось бы быть способным дать ему приличный ответ.

— Знаешь, старина, — между тем говорил Алекс, — ты поставил меня в трудное положение. Почему тебе понадобилось заниматься расследованием?

— По-моему, из-за Ракель, — ответил я. — Разве я могу позволить тебе убить ее?

— Конечно, можешь, — возразил Алекс. — По-видимому, мне надо бы тебе объяснить. Но я был уверен, что ты понимал.

— Что понимал?

Алекс потер ладонью глаза и печально посмотрел на потолок.

— Невыносимая женщина, по-моему, ты сам понял. Она пришла в эту жизнь, чтобы многим людям, в том числе и себе, создавать какие только есть несчастья.

— Может, и так. Но это не оправдывает убийства.

— Нет, Хоб, вполне оправдывает.

— Алекс, не начинай снова.

— Хоб, мы много раз на Ибике обсуждали вопросы такого рода. Но тогда ты был более независимым мыслителем. Жизнь в Америке словно размягчила твои мозги. Хоб, проснись, ты превратился в моралиста из телевизионной драмы.

— Алекс, мне все равно, что мы тогда говорили. Человек за жизнь наговаривает много чепухи. Но ты не можешь убивать людей только потому, что они невыносимые.

— О, понимаю, у тебя нет такой привычки, — вроде бы обра-

довался Алекс. — Но если это происходит случайно, то не имеет большого значения. Правильно?

— Нет, неправильно, — возразил я.

— Ну конечно, неправильно. Однако давай оставим абстракцию. Человеку дается только одна жизнь. Ты можешь представить жизнь человека, которого преследует Ракель?

— Где сейчас Ракель?

— В дороге, едет сюда.

— И ты собираешься ее убить?

Алекс покачал головой и спрятал в карман пистолет.

— Перестань болтать глупости, Хоб. Я убиваю людей только теоретически. Я собираюсь ее купить.

— Думаешь, она позволит? Ведь она любит тебя, Алекс.

— Совершенно верно, — согласился Алекс. — И она чертовски разозлится, узнав, как в реальности обстоят дела. Но, по-моему, она практичная особа. Миллион долларов мелкими купюрами облегчит ей долгую дорогу к хорошему самочувствию.

— Она не собиралась расстаться с тобой? — спросил я.

— Нет, но это осталось в прошлом. Нынешняя ситуация такова: у нее в руках реальный миллион наличными, а это должно перевесить пять миллионов в здешней валюте.

— Ну, ты знаешь ее лучше, чем я.

— Она скоро появится. Не беспокойся, все будет нормально.

— Я видела огни со стороны города. — В комнату вошла Нивес. — Они приближаются. Думаешь, это она?

— Вероятно, — пробормотал Алекс.

Нивес выглядела великолепно. Латиноамериканская красавица. Такой место на сцене.

— Я подумала, — начала Нивес, — наверно, я слишком мягко относилась к делу. Ты и правда, Алекс, считаешь, что она устроит неприятности? Может, тебе надо убить ее?

— Нивес! — воскликнул я.

Она не обратила на меня внимания.

— Я имею в виду, только если ты считаешь, что так будет лучше. Ты больше знаешь о таких делах, чем я.

— Не беспокойся, — заметил Алекс. — Я никогда не планировал убивать ее. Ты все придумала сама.

— И все равно, это совсем неплохая мысль, — задумчиво протянула Нивес.

В комнату вошли Клови, Найджел и Жан-Клод.

— Алекс, я хочу задать вам один вопрос, — начал Клови. — Все эти слова, какие вы говорили о миссионерской работе в Африке, — вы лгали мне?

— Совсе нет, — запротестовал Алекс. — Я искренне верил сам. Это часть моей натуры. Альтруизм. Спросите любого, кто

знает меня. Спросите Хоба, он знает меня по Ибице. Но другая часть моей натуры не позволяет мне быть альтруистом. Эта алчная часть заболевает, когда я, будто тупица, наблюдаю, как другие парни захватывают богатства. Когда телевизионные комментаторы несут свою обычную морализаторскую чепуху, алчная часть говорит: «Хе-хе-хе». — Он повернулся ко мне. — Это, Хоб, национальная игра в мораль. Мы, люди, составляющие огромную аудиторию телезрителей, говорим «Хе-хе-хе», когда год за годом комментаторы показывают нам драму, где воруют дорвавшиеся до власти. Мы Народ Слепцов. По-моему, комментаторы просто визжат от восторга, когда в политике разыгрывается скандал. Такая штука, как «Ирангейт», должно быть, многим сделала состояние. Так вот, на этот раз я не хочу быть одним из зрителей, я хочу быть одним из берущих. Каждый выбирает свой путь. Это американский путь. Я хочу забрать деньги и девушку, поехать в Южную Америку и жить как принц мафии.

— Но больница! — воскликнул Клови. — Что будет с больницей?

— Всему свое время, старина, всему свое время.

— Но не сейчас?

— Правильно. Пока еще не до Африки. Я слышал, сейчас там жаркий сезон.

— Вы отправляетесь в Парагвай с этой женщиной, чтобы вести роскошную жизнь капиталистического бездельника?

— Правильно, Клови. По-моему, это верное обобщение. Пожалуй, я лгал вам. Но с хорошими намерениями.

— Самообслуживание! — фыркнул Клови.

— Вы знаете что-то лучшее? — усмехнулся Алекс.

— Нет, — сказал Клови. — Я не могу позволить, чтобы все так кончилось.

— А как вы хотите, чтобы кончилось? — спросил Алекс.

— По-моему, вы должны дать мне миллион тех долларов, которые вы украли, а я передам их в благотворительную организацию для африканских детей.

— Кстати, — вступил Найджел, — пока ты еще здесь, миллион для меня и для Жан-Клода тоже не будет ошибкой.

— А ты что хочешь, Хоб? — обернулся ко мне Алекс.

— Я бы хотел вернуть некоторые свои мечты, — ответил я.

— Как ты думаешь, дорогая? — Алекс посмотрел на Нивес.

— Дай им всем половину, — решительно заявила Нивес, — и пусть они сами разделят. Таким образом мы расстанемся с ними друзьями, и у нас еще будет пять миллионов. Но что бы ты ни решил, делай быстро, дорогой. Парагвайский «Боинг-707», пилотируемый Качем и Армадилло, приземлится с минуты на минуту.

— «Боинг-707»? — нахмурился Алекс. — Но ты же знаешь, я хотел истребитель.

— Я старалась угодить тебе, любовь моя, но у них нет истребителя на такое расстояние. Мы не сможем заправиться топливом раньше Тенерифа.

— Ты все прекрасно устроила, — согласился Алекс. — Как тебе удалось разрешить вопрос с французским воздушным пространством?

— Это совсем нетрудно, — пояснила Нивес. — Наш полет зарегистрирован как возвращение домой официального парагвайского наблюдателя за недавними маневрами НАТО.

Издали донесся звук мотора самолета.

И тут дверь с размаха распахнулась, в комнату ворвалась Ракель.

— Привет, Ракель, — улыбнулся Алекс. — Рад, что ты правильно установила связи. У нас с тобой есть дело, которым надо заняться.

— Кто эта Барби в черном варианте? — Ракель посмотрела на Нивес.

— Это Нивес, — ответил Алекс.

— Ах вот оно что, вот оно что? — Ракель окинула взглядом Нивес с ног до головы. — Алекс, ты пытаешься мне сказать то, что я думаю?

— Боюсь, что так, — подтвердил Алекс. — Прости, но по-другому не получается. Послушай, Ракель, у меня здесь для тебя миллион долларов. — Он полез во внутренний карман куртки.

— И у меня для тебя тоже кое-что есть, — сказала Ракель, открыла сумку и выстрелила в Алекса. Мне показалось, что звук похож на пистолет 38-го калибра. Потом она обернулась и всадила пулю в Уитона.

54. МЕКСИКАНЦЫ

Мне удалось выбить пистолет из руки Ракель, она повернулась и выбежала в дверь. Клови с потрясенным видом последовал за ней. Алекс, раненный, но не потерявший уверенности, стоял, держась за плечо, из которого несильно текла кровь. Найджел снял рубашку и обнаружил на боку царапину. Леди с маленьким пистолетом не отличалась точностью.

Затем вошли эти парни. Их было двое, маленькие мрачные парни с усами, как у бандитов, с широкой грудью и автоматами. Они походили на мексиканцев и правда оказались мексиканцами. Их появление выглядело в некотором роде забавно. Они будто выплыли из дымовой завесы, неизбежно наполнившей комнату после выстрелов. Помню, я сказал: «Черт возьми, услышали шум

в другой стране». И заметил, что Алекс, Найджел и Жан-Клод тоже вроде как поплыли к боковой двери, когда эти парни вошли с противоположной стороны. Таким образом я остался между ними посередине, единственный безоружный. Ничего хорошего пребывания в центре мне не сулило.

— Чего я хочу? — заявил один из мексиканцев. — Я хочу только виндсерферы. Они моя собственность. Вы говорите нам, где они, и никаких неприятностей. Поняли?

— Они у Хоба, — немедленно ответил Алекс.

— Ты что! — воскликнул я.

— Минутку, — начал мексиканец, но Алекс и другие, с оружием на изготовку, спиной продвигались к боковой двери.

— Одну минуту, — повторил мексиканец.

— Простите, мы опаздываем, — сказал Алекс.

Положение, которое вы, наверно, назвали бы настоящей мексиканской демонстрацией силы. Но огонь никто не открывал. Алекс, Найджел и Жан-Клод просочились в дверь и скрылись из вида. Остались только я и мексиканцы, которым не понравился поворот событий, но они ничего не могли изменить.

— Кто вы, ребята? — спросил я, прерывая довольно тяжелое молчание, наступившее после ухода троицы.

— Я Пако, — ответил тот, который и до сих пор вел переговоры. — Он Эдуардо. А вы должны быть Хоб Дракониян.

Я сообразил, что, конечно, «должен быть», но в данный момент это мне не доставляло удовольствия.

— Мы партнеры вашего друга Фрэнки Фолкона, — пояснил Пако.

— Я не знал, что у Фрэнки есть партнеры.

— Молчаливые партнеры, — продолжал Пако. — Мы вложили деньги в его бизнес. Это, парень, много денег.

— Так вы партнеры, — вроде как согласился я. — А что вы здесь делаете?

— Ищем наши инвестиции.

— Вы прилетели во Францию и теперь угрожаете мне оружием из-за пяти досок для виндсерфинга?

— Какой к черту виндсерфинг! — явно рассердился Пако. — Мы интересуемся содержимым, вот что нам надо.

— Разве они сделаны не из полиуретана? — удивился я.

— Парень, я должен говорить это громко? Внутри этих досок мы кладем наш товар.

— Наркотик? — Я вытаращил на него глаза. — Вы имеете в виду марихуану?

— Он думает, мы говорим «сигареты с марихуаной!» — Пако посмотрел на Эдуардо и засмеялся. — Мы обсуждаем, парень, чер-

ную героиновую смолу. Настоящий мексиканский продукт. Тончайший героин в мире.

Внезапно у меня в голове все сложилось в цельную картину: черная героиновая смола из затонувшего танкера, идущего в Орегон, будто нефть разливается по побережью. Яростное желание мексиканских банд распространить свой продукт по роскошным кафе европейского общества. Позже я узнал, что для них стало навязчивой идеей, вопросом статуса продавать свой героин под носом у наркобаронов Марселя и победить конкурентов. Они считали, что хотя французский героин и вполне ничего, но он старомоден, а мексиканский — продукт новый, он лучше и самое главное — он мексиканский. Странно: национальная гордость при торговле таким товаром. Но с другой стороны, мне кажется правильным и вполне естественным, что не только воры в военных мундирах, но и торговцы наркотиками могут быть патриотами.

— И как вы видите, сеньор, — продолжал Пако, — для нас важно получить свой груз. Деньги, конечно, тоже важно. Но мы хотим ввести наш продукт в международное героиновое соревнование, которое в этом году будет в Сан-Себастьяне.

С летного поля донесся звук самолета, заходящего на посадку. Он отвезет Алекса в Парагвай. Это интересно, но не имеет значения. В данный момент я в руках этих парней, и мне лучше бы думать о своих трудностях.

— Никогда не слышал об этом международном соревновании, — вытаращил я глаза.

— Конечно, о нем не печатают в газетах, — улыбнулся Пако. — Если вы не слышали о нем, сеньор, то, наверно, потому, что вы не из нашего круга.

Гордое презрение, как у всех людей «его» круга, с которыми я долго имел дело. Да, мне нравился этот человек с автоматом и в рубашке-гуябера. Мне нравятся мужчины, которые гордятся своим товаром.

— Но сейчас, сеньор... — Он снова вернулся к делу, помахивая автоматом с беззаботной небрежностью, никуда не целясь. Отблески стали танцевали у меня перед глазами, и я увидел, не прозорливо, не слишком ясно, что попал в мир неприятностей. — Сейчас нам больше всего нужно от вас одно: местонахождение досок для виндсерфинга.

— Мой друг, — начал я, — если существует что-то, чего я страстно хочу, то только одного: сообщить вам местонахождение досок для виндсерфинга. Но, увы, кто-то их украл, и мы все горюем об этом.

— Вы не скажете? — спросил Пако голосом ярмарочного злодея, более злобным, чем само зло.

— Омбре!¹ — закричал я, чувствуя приближение развязки. — Я не могу вам сказать того, чего не знаю!

— Очень плохо, — пробормотал Пако, покачивая головой. — Боюсь, нам нужен для вас мексиканский болезненный предмет.

— Не надо мексиканский болезненный предмет! — закричал я.

— Надо мексиканский болезненный предмет. Эдуардо! Принеси колющие ножницы и воздушный компрессор из багажника машины.

— Острый инструмент тебе тоже нужен? — спросил Эдуардо.

— Да, принеси острый инструмент тоже!

Они оба самодовольно усмехнулись, будто мексиканский болезненный предмет был чем-то очень комичным. Конечно, если за его действием наблюдать, а не испытывать на себе. И у меня возникло сильнейшее желание быть зрителем, хотя я вынужден был стать участником... Смятение охватило меня, и в этот момент я услышал собственные слова:

— Ладно, ваша взяла. Мы можем отложить мексиканский болезненный предмет. Я поведу вас к виндсерферам.

— Ты это сделаешь и предашь собственных друзей?

— Конечно, раз это для хорошего дела вроде спасения собственной шкуры. А я верю, что именно это и делаю.

— Да, ты ведешь нас к виндсерферам, а мы позволяем тебе жить. — Презрительная усмешка явно отрицала искренность слов, а скривившиеся губы предвещали неминуемое предательство, если нам так повезет, что дойдет и до этого.

— У тебя есть пять секунд сказать нам, куда идти, — поторопил меня Пако.

Великолепно. Мало того, что они поставили передо мной неразрешимую задачу, так еще добавили и лимит времени.

55. УИТОН

Не знаю, как бы я вел себя под пытками. К счастью, мне так и не пришлось этого узнать. Дверной проем вдруг заполнила впечатляющая твидовая громада Уитона.

— Отпустите его, — насмешливо бросил Найджел. — Ему ничего не известно о виндсерферах.

— Откуда вы знаете, что ему неизвестно о виндсерферах? — спросил Пако.

— Потому что я сам их забрал.

Мексиканцы искали возможность сделать с Найджелом нечто ужасное, но он встал за шкаф с картотеккой. К тому же они за-

¹ Человек! (исп.)

метили, что он вооружен легкой быстрострельной «коброй би стинг», новым индонезийским оружием, которое в прошлом году израильтяне показали на Бейрутской выставке зверств. В другой руке Найджел держал гранату с нервно-паралитическим газом, предназначенную для того, чтобы сосредоточить ваше внимание на небольшой утрате, всего лишь на потере зрения. Правда, только в том случае, если вы не успели вовремя закрыть глаза, когда она начала действовать.

— Сержант, — распорядился Уитон, обернувшись к мужчине в униформе, чья кепи французского полицейского смутно виднелась за его спиной, — уведите этих людей.

Появление сержанта сопровождалось еще четырьмя французскими полицейскими в форме и с автоматами «узи». Двое других полицейских выбили окна и вошли, выставив вперед автоматические пистолеты. Мексиканцы были обезоружены. Пришла пора бросить автоматы и положиться на адвокатов. Они не сопротивлялись, когда на них надели наручники и увели.

Потом, стряхивая капли дождя со светло-голубого плаща, в комнату вошел Фошон.

— Привет, босс, — обратился к нему Уитон.

— Хорошая работа, Найджел, — похвалил Фошон.

Так я получил первый намек, что мой старый друг, Найджел Уитон, работает в полиции.

— Полицейский информатор! — воскликнул я, окидывая его соответствующим гневным взглядом.

— Да, старина, — подтвердил Найджел. — Я работаю в полиции уже несколько лет. С тех пор, как инспектор Фошон помог мне выбраться из беды, в которую ты втянул меня в Турции.

Я пропустил его слова мимо ушей.

— Как к тебе попали виндсерферы?

— Проще простого, — усмехнулся Найджел. — После нашей встречи в Гонфлере я не вернулся в Париж, а поехал в соседний город, Сен-Луп, и пропустил там в баре пару рюмок. Когда приземлился самолет Вико, я позвонил ему из бара отеля. Пока он выяснял, кто ему звонит, я нанял такси, чтобы забрать его сумки с виндсерферами. Для этого очень пригодились твои пять тысяч франков. Я оставил сумки в камере хранения Сен-Лупа, где они и ждут до сих пор, пока мы с удовольствием их заберем.

— Ты мог бы сказать мне об этом, — фыркнул я.

— И ты мог бы хоть словом намекнуть мне в Турции, — пожал плечами Найджел. — Хотя я понимаю, вполне естественно отказаться от друзей, когда другого выхода нет.

Память перенесла меня к боли и пыткам в Стамбуле. Маленькая звуконепроницаемая комната позади таможни. Яросик, рас-

слабляющий галстук и закатывающий рукава: «Нет смысла, Хобб, продолжать игру. Мы знаем, что товар движется. Где он? Скажите нам, или все упадет на вас».

56. ФОШОН ЗАКОНЧИЛ ДЕЛО

Жандарм ввел в комнату Ракель, крепко держа ее за локоть. Фошон отнюдь не дружественным тоном обратился к ней.

— Мадемуазель, — начал он, — по вашему собственному признанию, вы совершили нападение с намерением убить. Только тот факт, что вы пытались убить человека, которого мсье Драконниан, как он заявил под присягой, несколько дней назад видел мертвым, мешает мне предъявить вам обвинение в соответствии с французским уголовным законодательством. По-моему, вы не совсем уравновешенны, мисс Старр. Это нехорошо, и я прошу вас обратиться за советом к психиатру, когда вы вернетесь в вашу страну.

— Большое спасибо, — проговорила Ракель. Она выглядела маленькой и жалкой. Правая рука висела на перевязи. Ее ушибло отдачей. — Я просила бога, чтобы мне удалось прикончить его. Но я его только ранила. И маленькая латиноамериканская шоколадка посадила его как ни в чем ни бывало в самолет. Вам не следует разрешать растратчикам вроде него летать в вашем национальном воздушном пространстве.

— Мы очень часто не разрешаем, — возразил Фошон. — В любом случае, ко мне это не имеет отношения. Это забота другого департамента. Полагаю, министерства финансов.

— Пошли вы все к черту, — буркнула Ракель.

— Хорошо, — продолжал Фошон. — По-моему, мы здесь видим счастливое завершение дела. Как вы, наверно, догадываетесь, Об, нас главным образом интересовала афера с виндсерферами. Мы знали, что в ход пущена такая схема. Но было трудно обнаружить, кто за ней стоит. Благодаря вам, хотя и косвенно, мы получили информацию. — Он обратился к Ракель: — Вы решили финансовую сторону? Я спрашиваю только из любопытства.

— Как бы вы ни спрашивали, это не имеет значения, — вздохнула Ракель. — Я не получила ни пенни. Алекс как раз говорил, что полностью расплатится со мной, когда я выстрелила в него. Наверно, стоило бы подождать. Если бы только я направила дуло на несколько дюймов влево... Ну, если я вам больше не нужна, инспектор, я собираюсь в Рим.

— Вы вольны ехать, куда вам угодно.

— Хобб? — Ракель остановилась у двери. — Хотите поехать вместе? — спросила она.

Я посмотрел на ее твердый подбородок, сильную шею, пра-

ведные глаза. Симпатичная леди, но, как говорил Алекс, она само зло. И к тому же у меня были другие планы.

— Нет, спасибо, — ответил я. — Как-нибудь увидимся.

57. ВИНДСЕРФЕРЫ

— Не нужно плохо думать о майоре Уитоне, — сказал мне позже Фошон. — Все случилось очень быстро, виндсерферы возникли совершенно внезапно. Нас не интересовал Алекс. Мы все время следили за этими досками. Когда Уитон наткнулся на них в Гонфлере, он понял — надо что-то делать, чтобы они снова не исчезли.

— Почему он не позвонил жандармам и не арестовал Вико?

Фошон покачал головой.

— Мы хотели добраться до людей, которые стоят за ним. У Найджела родилась гениальная идея — украсть виндсерферы и заставить мексиканцев думать, что это сделали вы.

— Они контрабандой вывозили наркотики в этих досках? Правильно? До меня это не доходит. Я думал, героин незаконно ввозят в США, а не вывозят оттуда. Кстати, мой племянник имеет какое-то отношение к этому делу?

— Некоторые детали этой истории еще нуждаются в подтверждениях. Мы ждем их от Фолкона. Но мы предполагаем, что замешан один из тех, кто работает вместе с ним на строительстве виндсерферов. Обычно люди считают, мол, контрабанду наркотиков проводят большие банды в Майами, это крупные операции, и в них участвуют быстроходные суда, самолеты. Нет, дело организовано гораздо сложнее. В нем намного больше граней. К примеру, распространение. Эта область заслуживает особого изучения. Вы представляете, насколько трудно доставить наркотик до конечного потребителя, до богатых людей? Особенно когда нужно обеспечить товаром множество мелких торговых точек, где просто продают прохладительные напитки во время крупных спортивных соревнований.

— Во время спортивных соревнований? Я слышал, что атлеты используют наркотики, неужели зрители тоже?

— Ох, Об, поверьте, зрители тоже. Теперь уже никто не едет на спортивное событие просто посмотреть. Люди, когда приезжают туда, хотят получить все по высшему разряду. — Фошон принял дидактическую позу. А я устроился поудобнее, чтобы выслушать лекцию. — Наркотик стал частью всех спортивных событий. Знаете, его используют лучшие люди, не только какие-то оборванцы. Для многих величайшие соревнования года — это только повод собраться с друзьями и как следует нагрузиться наркотиком. Но откуда он попадает к ним? Никто, будучи в здравом уме, не от-

правится путешествовать, храня в кармане или в чемодане героин. Они покупают его там, куда приезжают. Но у кого они покупают? Позвольте рассказать, как это происходит. Допустим, заезд в Монте-Карло. Вы не имеете дело с уличными цыганами. Вы знаете, что они агенты полиции. Кто может за них поручиться? Нет, вы обращаетесь к тому, с кем уже имели дело раньше, кому доверяете. Вы покупаете наркотик у одного из участников соревнования. У такого, как Вико.

— Он хорошо известен, Вико?

— Да, определенно. Он разъезжает по всем соревнованиям, участвует во всех гонках. И уже многие годы ведет дело со своими друзьями. Когда Вико привозит свой груз, он может получить за него более десяти тысяч долларов. И это не только его интерес, но и денежных людей, стоящих за его спиной. В этом причина и его споров с братом. Энрике узнал, что Вико начал заниматься сомнительным бизнесом. И тогда он задержал плату за виндсерферы. Он хотел, чтобы у Вико начались неприятности, стараясь таким путем заставить его, пока не поздно, бросить опасный бизнес. Иначе или его поймает полиция, или убьет какой-нибудь преступник. Энрике решил, что самый лучший способ — пустить ваше агентство по следам Вико. Вселить в него страх. Он точно не знал, что вы собираетесь делать. Однако ваше участие должно было оказать на Вико влияние. По мнению Энрике, этого, вероятно, хватило бы, чтобы заставить Вико отказаться от сделки.

— Но этого не хватило?

— Энрике неправильно представлял положение. Он думал, Вико способен сам определять свои цели. Но он уже не был способен. Он глубоко увяз в отношениях с партнерами. Это два мексиканских бизнесмена с криминальными интересами, они проводили отпуск на Ибисе и познакомились с Вико. Виндсерферы представлялись им идеальным средством не только для контрабанды, но и для распространения наркотиков по Европе. Доставить груз — это одно. Но включить его в товарооборот — огромные хлопоты.

Фошон собирался еще более углубиться в тему. Но я услышал уже достаточно. И постарался выбраться оттуда. Есть один человек, которого я должен был увидеть.

58. ПЕР-ЛАШЕЗ; В ОЖИДАНИИ СОЛНЦА

Я поехал на Пер-Лашез — последнее, что я сделал, пока было время до отправления самолета. Пер-Лашез — большое кладбище на востоке Парижа в районе, который называется Бельвиль.

Я медленно прогуливался по аллеям среди прославленных мертвых.

Здесь очень много мертвых. Близко к миллиону, как говорят путеводители. И именно здесь мы видим некоторые из крупнейших в культуре имен. Мы видим Марсея Пруста и Эдит Пиаф. Здесь Модильяни и Оскар Уайльд. Мы видим Бальзака, и мы видим Бизе. Колетт и Коро. Мы даже видим здесь Абеяра и Элоизу и мысленно возвращаемся в прошлое¹. Это великое время. Виктор Гюго сказал: «Быть похороненным на Пер-Лашез — все равно что иметь мебель из красного дерева».

Разумеется, он тоже здесь вместе со всей семьей.

Пер-Лашез — прекрасный символ того, чего может достигнуть иностранец в Париже. Мы видим здесь Эжена Ионеско, Айседору Дункан, Гертруду Стайн и Алису Б. Токлас².

Я кивнул им, мысленно, конечно. Но не их я пришел повидать. Тот, кто мне нужен, живет в блоке А, направо отсюда.

Привет, Джим. Леди и джентльмены, здесь лежит Джим Моррисон, поэт и певец определенной репутации, образец для подражания в дни моей молодости, который приехал в Париж с визитом и остался его постоянным обитателем.

Джим, говорю я, в первые минуты, вернувшись в Париж, я подумал, мне надо проведать тебя и сказать, какое прекрасное место ты выбрал, чтобы умереть, если тебе уж так надо умереть и ты сам не возражаешь против этого. Но потом что-то изменилось, и сейчас я пришел сказать, Джим, здесь и правда очень мило и, наверно, ты собираешься оставаться здесь столько, сколько возможно. Потому что теперь тебе никогда не позволят выбрать-

¹ Марсель Пруст (1871—1922) — французский писатель, автор цикла романов «В поисках утраченного времени», его опыт раскрытия внутреннего мира через «поток сознания» оказал влияние на литературу XX века. Эдит Пиаф (настоящая фамилия Гасьон) (1915—1963) — эстрадная певица. Амедео Модильяни (1884—1920) — итальянский художник. Оскар Уайльд (1854—1900) — английский писатель, близкий по духу французской поэзии символизма. Жорж Бизе (1838—1875) — французский композитор, автор опер «Кармен», «Искатели жемчуга» и других. Сидони Габриель Клаудин Колетт (1873—1954) — французская писательница. Камиль Коро (1796—1875) — французский художник. Абеяра и Элоиза — Вероятно, имеются в виду героини автобиографии французского философа и теолога Пьера Абеяра (1079—1142). В автобиографии описывается трагическая любовь Абеяра к Элоизе. Или это героиня романа в письмах «Юлия, или Новая Элоиза» Жан-Жака Руссо (1712—1778), французского писателя и философа.

² Эжен Ионеско (род. 1912) — французский драматург, один из зачинателей драмы абсурда. Айседора Дункан (1877—1927) — американская танцовщица, одна из основательниц школы танца модерн. Гертруда Стайн (1874—1946) — американская писательница, теоретик литературы. «Автобиография Алисы Б. Токлас» — ее биографическое произведение.

ся отсюда. Но это неправильно, Джим, ведь у тебя не было намерения оставаться здесь, ты просто проходил мимо. Джим, возвращаясь в Америку, там еще есть молодость и красота, талант и любовь. Конечно, там много всяких пакостей, но бывает и много хорошего. Как я хотел бы перенести тебя туда. Америка хорошее место, хотя прежде всего мне надо бы признать, что бит — музыка нашего поколения — трудно продолжить.

Почему я чувствую себя таким неприкаянным? Дело благополучно закончилось. Мне заплатили.

Потом я вспомнил, что забыл задать Джиму вопрос.

«Джим, если бы ты был на моем месте, что бы ты сделал?»

Но теперь уже слишком поздно. Мне все придется решать самому.

Я вышел на площадь Гамбетта и взял такси до аэропорта де Голля. И не оглянулся. Потом вошел в аэропорт и направился прямо к конторке «Трансуорлд Эрлайнс». Конец моей европейской мечты. Нью-Джерси, я возвращаюсь.

Нас соблазняет Париж нашей мечты. Мы, американцы, приезжаем сюда в поисках нашего прошлого, а если и не нашего, то хотя бы такого прошлого, с которым мы можем ассоциировать себя. Такого, про которое можем сказать: это мое, этот город, эта женщина, эта культура, эта цивилизация. Париж — родина изгнанников.

Увы, ведь мы не выбираем наши собственные архетипы. Они действуют внутри нас. Я говорил себе: лучше иметь Париж в сознании, чем под ногами. Лучше жить в Америке с памятью о Париже, чем в Париже с памятью об Америке. Прежняя грязная промышленная родина призывает нас вернуться, потому что, если быть точным, она не красивая, не древняя, не благословенная. Наша родина бросает нам вызов: вложить наши ценности там, где нуждаются в них, а не тратить наше время там, где они уже есть.

Я никогда не задумывался над подобными вещами, но каким-то образом знал, что это значит. До того как я уехал из Америки, я даже не подозревал, что существует американская цивилизация. И теперь я возвращался к ней.

Я стоял в очереди на регистрацию к конторке «Трансуорлд Эрлайнс».

— Привет, старина, — обратился ко мне человек, стоявший впереди. — Вы похожи на американца. Откуда вы?

— Из Нью-Джерси, — услышал я свои слова.

— Шутите? Я тоже. А там откуда?

— Снаффс-Лендинг.

— Шутите! Я живу в Хобокене, можно сказать, соседняя дверь. Это делает нас почти что родственниками, разве нет?

Он был общительным, симпатичным человеком, мне не хотелось его обижать. Легкий костюм цвета электрик с темно-бордовым кантом на лацканах принадлежал к тому сорту одежды, которую в маленьких городах торговцы товарами для мужчин продают отпускникам, едущим в Европу, как якобы туристическую. Во мне что-то поднялось, и я буркнул:

— На самом деле мы вовсе не родственники. На самом деле я живу не в Нью-Джерси. Я живу в Париже.

— Тогда почему же вы летите в аэропорт «Кеннеди»? — Мои слова явно озадачили его.

— А я и не лечу, — пробормотал я, поворачиваясь к выходу. — Я пришел посмотреть, как улетаєте вы. Всего хорошего.

Он окинул меня недоумевающим взглядом, но улыбнулся и помахал рукой. Потом он пошел к самолету. Минуту спустя я тоже ушел и вернулся к Русу и Розмари, чтобы переночевать у них, пока найду себе комнату.

Вы ведь знаете, в этой авиакомпании можно сдать билет и получить назад деньги в любое время.

Еще до того, как я покинул аэропорт, я услышал, как объявляют мою фамилию. В службе гостеприимства лежала для меня телеграмма. Она пришла от Гарри Хэма с Ибицы. Он сообщал: «ИНТЕРЕСНОЕ РАЗВИТИЕ. ПРИЕЗЖАЙ НЕМЕДЛЕННО».

Передо мной совершенно ясно встала картина, как это сделать. Через Луи я мог заключить сделку с Дядей Сэмми, и тогда меня снимет с крючка международная финансовая инспекция. Я мог передать дом в Нью-Джерси Милар и пожелать счастья ей и Шелдону. Мне надо послать немного денег Кейт и детям, и у меня останется еще достаточно, чтобы основать детективное агентство «Альтернатива» здесь, в Париже, в мировой столице печеночного паштета, и это тебе не цыплячья печенка. Хватит?

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИВДОЙ

Глава 1

Каша заварилась с *traspaso*, так что можно с него и начать — в один прекрасный день на Ибике под конец весны. Остров Ибица щедр на прекрасные дни, а уж этот был прекраснейшим из всех: бездонная синева небес, лишь подчеркнутая парой кудрявых облачков, сквозь ветви миндаля проглядывает яркое солнце. Толстые стены просторного деревенского дома сверкают побелкой. Сквозь небольшую арку, ведущую в мощеный дворик, виднеется виноградник. В такой день нельзя не радоваться жизни. И Хоб Дракониан наслаждался, лежа под пестрой сенью деревьев в перуанском гамаке, купленном на рынке хиппи в Пунта-Араби.

Он только-только чудесно расслабился, когда заметил вдали какое-то движение. Сев, увидел двух человек, шагавших среди миндаля. Выбрался из гамака и пригляделся. Кажущиеся издали крохотными фигурками незнакомцы в черных костюмах неспешно шагали вперед, беседуя между собой. Один из них нес сверкавшую на солнце алюминиевую планшетку, второй — большой портфель «дипломат». Оба были в черных очках.

Хоб сунул ноги в сандалии и отправился выяснять, за какой надобностью они сюда заявились. Обычно в середине июня, в самом начале сезона, к нему никто не вторгался. Наверняка это парочка иностранцев, англичан или французов, пребывающих в счастливом неведении о том, что пересекают частные владения, не испросив предварительно разрешения у хозяина.

Заметив его приближение, мужчины остановились, поджидая. Обоим за тридцать, испанцы, судя по виду, *peninsulares*¹, а не островитяне, и нимало не смущены тем, что вторглись в чужие владения.

— По нашим сведениям, эта земля выставлена на продажу, — сообщил обладатель планшетки — высокий, тощий, с волнистыми черными волосами.

— Нет, вы заблуждаетесь, — любезно возразил Хоб. — Это моя земля, и у меня нет ни малейшего желания ее продавать.

¹ Жители полуострова (*исп.*). (Здесь и далее примеч. пер.)

Испанцы быстро переговорили между собой на родном языке. Затем первый сказал:

— У вас есть купчая на эту землю?

— У меня имеется *traspaso*. А вам-то какое дело?

— Я адвокат Молинес, — поведал высокий и тощий с планшеткой. — А это архитектор Фернандес, — он указал на более низкого и более полного спутника, кивнувшего в знак согласия. — Нас наняли для осмотра этой земли с целью выяснения, приемлема ли она для покупателя.

— Я же вам сказал, она не продается.

— Вы не владелец, — уточнил Молинес и постучал по планшетке. — Вы арендатор. У нас имеется разрешение владельца.

— Вы имеете в виду дона Эстебана?

— Семейство дона Эстебана.

— Должно быть, вы перепутали, — предположил Хоб. — Пришли не на тот участок.

Открыв атташе-кейс, архитектор Фернандес извлек геодезическую карту Ибицы. Оба заглянули в нее. Затем адвокат Молинес заявил:

— Нет, тот самый. Ориентиры полностью совпадают.

— Повторяю, у меня *traspaso*. Никто не может продать эту землю.

— Мы понимаем, что у вас *traspaso*, — не унимался Молинес. — Но его срок скоро истекает.

— У нас с доном Эстебаном полное взаимопонимание. У нас с ним собственное соглашение.

— По моим сведениям, это не так. Вы не уплатили основную сумму своего *traspaso*. Срок наступает менее чем через месяц. Как мы понимаем, эта земля может быть выставлена на продажу после... — он сверился с бумагами, — пятнадцатого июля.

— Тут какое-то недоразумение, — стоял на своем Хоб. — Я сам все улажу с доном Эстебаном. Но пока что у нас июнь, а не июль, поэтому немедленно покиньте мою землю.

— Мы не причиним ни малейшего ущерба. Мы просто осматриваем участок согласно пожеланиям людей, которые станут его новыми владельцами.

— Вы испытываете мое терпение. Убирайтесь отсюда, или я вызову Гвардию.

Переглянувшись, испанцы пожали плечами.

— Вам бы следовало вести себя более сговорчиво. Новые владельцы намерены предложить вам компенсацию за преждевременный выезд.

— Вон! — рывкнул Хоб. Испанцы удалились.

Вилла Хоба называлась К'ан Поэта. Он поселился в этом доме пять лет назад, чуть ли не в день приезда на остров, сняв его у дона Эстебана — владельца К'ан Поэта и еще ряда земельных угодий. Хоб поладил со стариком при первой же встрече. Дон Эстебан обожал играть в шахматы перед дверями кафе «Киоско» в Санта-Эюлалиа, под ветвями раскидистого дуба, за стаканчиком терпкого красного вина, производимого на острове. В шахматах он поднаторел за годы службы на иностранных судах вдали от Ибицы.

Они с Хобом частенько отправлялись в долгие пешие прогулки; старик порой прихватывал дробовик, однако охотился редко. Прогулки давали им возможность немного поболтать и — со стороны дона Эстебана — чуточку пофилософствовать о неувядающей прелести общения с природой. На Ибице природа особенно очаровательна, так что слагать оды в ее честь — дело нехитрое. Будь ваша фазенда посреди холодной пустыни гор Ахаггар в Марокко, вы бы вряд ли уподобили матушку-природу благоуханной всеблаготворительной матери. Но на Ибице это излюбленное доном Эстебаном фигуральное выражение казалось вполне уместным и оправданным.

Хоб всегда питал слабость к выпретенному восхвалению природы. Потому-то он и увязывался за хиппи и представителями третьего мира. С ними, но не в качестве одного из них. Всякий раз ему рано или поздно прискучивала царящая среди хиппи атмосфера самодовольной экзальтации. Отчасти из-за этого ему так и не удалось стать одним из благополучных детей цветов, хотя он и пытался время от времени. В какой-то момент его здравый смысл непременно настаивал на возвращении, и тогда — не без сожаления — Хоб выпутывал из волос цветы и возвращался к прежней жизни.

Покупка и продажа земельной собственности на Ибице — дело непростое. Всякий раз тут разыгрывается целая драма. Дон Эстебан сказал, что с радостью продаст участок Хобу. Хотя испанский Хоб оставлял желать лучшего, а каталонский не намечался даже в зачатке, старик уже считал его сыном. Куда более близким сыном, чем два чурбана, живущие в его доме, интересующиеся не возделыванием земли, а иностранками и заключением сделок, занимающие у дона Эстебана деньги, чтобы потратить их на собачьих бегах, в барах, в охотничьем клубе, в ресторане и яхт-клубе — везде, где сыновья преуспевающих местных жителей прожигают свою версию «дольче вита».

Traspaso — соглашение, по которому в Испании продается и покупается земля. Что-то вроде закладной, только с латинской спецификой. Островитяне не самого высокого мнения о системе

traspaso и склонны к заключению собственных неофициальных договоров, таким образом избегая налогов и прочих официальных неприятностей. Когда Хоб проявил интерес к приобретению К'ан Поэта, здешние цены на землю были невысоки. Дон Эстебан согласился на песетный эквивалент шестидесяти тысяч долларов. За эту цену Хоб получил дом и четыре с половиной гектара земли на северном побережье острова с внесением небольшой ежемесячной аренды вплоть до погашения оговоренной суммы. Хоб даже не знал, сколько еще осталось платить. Но у них с дон-ом Эстебаном имелся договор. И хотя по закону Хоб должен был вносить определенные суммы к определенным датам, приватно дон Эстебан заверил, что он может жить там до самой смерти, если захочет. А после оной, если traspaso не будет погашен, фазенда будет возвращена семейству Эстебана.

Слово старик сдержал — выправил документ. Торжественно назначили и записали даты. И все это за серебряными чашечками лучшего вина дона Эстебана — белой анисовки, настоящей на двадцати одной траве, собранной в строго определенное время по старинному рецепту, передающемуся в семье из поколения в поколение. Но подписали в конце концов — после того, как дело рассмотрели адвокаты — типовую для Испании купчую на дом, предоставленную поверенным дона Эстебана Эрнаном Матутесом, почти все свои дела проводящим из отдельного кабинета бара «Бадеар».

Хоб со стариком знали, что письменный договор существует исключительно в качестве официального подтверждения на случай внезапной смерти дона Эстебана, каковой тот не ждал, но все же предпочел подстраховаться. Хоб и дон Эстебан руководствовались распылчатыми законами чести, ошущая их в присутствии друг друга. Суть частного соглашения сводилась к тому, что Хоб должен был платить, сколько может и когда может, а если и задолжает — что ж, кому какое дело?

— В чем дело? — спросил Гарри Хэм у Хоба в тот же вечер, встретившись с ним в «Эль Кабальо Негро» — баре в Санта-Эулалиа, где получала почту почти вся иностранная диаспора.

— Я тут напоролся на пару испанцев нынче днем, — сообщил Хоб и поведал об адвокате Молинесе и архитекторе Фернадесе.

Гарри Хэм — бывший полицейский из Джерси, штат Нью-Джерси — приехал на Ибицу в отпуск и женился на красавице Марии. Хоб подбил его на работу в детективном агентстве «Альтернатива», чтобы как-то скрасить жизнь пенсионера.

Детективное агентство «Альтернатива» Хоб открыл, желая получить работу, не привязанную к определенным часам и при-

носящую достаточный доход, чтобы можно было протянуть в Европе. Частная детективная практика казалась идеальным занятием для человека, не отличающегося особыми умениями, но весьма везучего и обладающего массой друзей. Это дало ему шанс дать работу друзьям — племени таких же, как и он, бездомных изгнанников, не способных назвать родиной ни одну страну мира и питающих преданность лишь к себе подобным. Друзей у Хоба было множество. С большинством из них он познакомился среди несметных тысяч, ежегодно накатывающих на Ибицу, как прилив и отлив, и, подобно ему, выискивающих Великий Благословенный Край и Налаженную Жизнь. Все они лишились корней и причастности к миру — этакие отбросы научно-технической революции, бессмысленные данные электронного века, лишние люди, и им вовсе не требовалось быть чернокожими или принадлежать к испанскому типу, чтобы вписаться в эту категорию.

Так что Хоб организовал детективное агентство «Альтернатива» в качестве своеобразной блуждающей общины, сосредоточенной вокруг Ибицы и Парижа, с вылазками в прочие места, когда дух гнал его с места или подворачивалась удобная возможность. Штат он укомплектовал людьми вроде себя — бродягами и неудачниками, художниками и богемой, прорицателями, чьи пророчества не обладали ни малейшей коммерческой ценностью, мошенниками, всякий раз попадающимися на горячем, и крутыми парнями, вечно получающимися по физиономии. Опыта у Хоба не было почти никакого, но и цены приемлемые. Неустрашимостью и силой он не выделялся, зато был наделен упорством. При весьма среднем интеллекте он отличался изворотливостью ума. Детективное агентство «Альтернатива» не процветало, однако позволяло сводить концы с концами Хобу и еще нескольким людям, да вдобавок хоть чем-то занимало его в те долгие ночи, когда он гадал, что делает на этой чужой ему земле.

— Что-то мне все это не нравится, — проговорил Гарри, крупный, солидный и полный мужчина с коротко подстриженными седыми волосами. — По-твоему, дон Эстебан что-то затевает?

— Ни в коем случае. Старик — человек чести.

— После болезни люди меняются, — заметил Гарри.

— О какой болезни ты толкуешь?

— Когда ты отлучался в Париж, с Эстебаном случился удар.

А ты не знал?

— Мне никто не сказал. — Хоб пробыл на Ибице всего неделю. Видно, придется многое наверстывать.

— Раньше я виделся с ним что ни день, — сообщил Гарри. —

Но после удара он больше не выходит. Ты заглядывал к нему в последнее время?

— Нет. Я только-только приехал.

— Наверно, заглянуть бы не помешало.

Глава 2

Назавтра Хоб навестил фазенду Эстебана. Жена Эстебана Ампаро, никогда не питавшая к Хобу особых симпатий, держалась недружелюбно, как всегда. Сказала, что Эстебан прихворнул и никаких посетителей не принимает. Этим Хобу и пришлось довольствоваться. Домой он вернулся в глубокой задумчивости. Хоть он так и не взял в толк, что же стряслось, но уже начал тревожиться.

А еще через день случайно столкнулся с Эстебаном в лавке Луиса. Эстебан заметно состарился. Волосы его поседел, руки тряслись. Он неуверенно кивнул Хобу, после чего сыновья затащили его в семейный «Сеат» — испанский вариант «Фиата» — и укатали прочь, позволив Хобу перекинуться со стариком едва ли парой слов. Голос Эстебана дрожал, а жидкие волосы еще больше поредели, придав ему неприятное сходство с новорожденным или — еще более неприятное — с только что освеженным кроликом.

Теперь Хоб встревожился по-настоящему. В тот вечер он обедал в ресторане «Ла Дучеса», возглавляемом Лианой — невысокой рыжеволосой франко-баскской дамочкой, вышедшей замуж за Моти Лала, известного индийского художника-парса, большую часть года проводящего в Париже, но на лето перебирающегося на Ибицу.

— О, Хоб, хорошо, что зашел, — сказала Лиана. — Гарри хотел с тобой повидаться. Он обедает в отдельном кабинете.

В числе прелестей Ибицы в те дни было полнейшее отсутствие телефонов в частных домах. Услуги телефонной связи распространялись лишь на коммерческие заведения и государственные конторы. Людям приходилось либо оставлять весточки для друзей в барах и ресторанах, либо полагаться на везение, либо, в случае крайней необходимости, ехать прямо к ним домой, если только было известно, как найти нужного человека в хитросплетении проселков, вьющихся среди крутых холмов, образующих хребет Ибицы.

Гарри всю уписывал свиные отбивные под коричневым соусом, каковые Лиана наделадила каким-то замысловатым каталонским названием. Сев рядом, Хоб заказал жареную ягнью ногу.

— Я рассмотрел это дело насчет дона Эстебана и твоей виллы, — сообщил Гарри. — Задал пару-тройку вопросов. Изрядную часть сведений подкинул мне Пако из лавки в Сан-Карлосе.

Хоб уже знал, что сыновья Эстебана нуждаются в деньгах и ярятся из-за консервативности старика. Еще Хоб ведал, что Ибица, после многолетних забвения при режиме Франко, выстроила международный аэропорт и ожидает невероятного наплыва туристов. Вокруг направо и налево заключали земельные сделки, выручая баснословные суммы за некогда бросовые участки. С каждым годом земли Ибицы росли в цене. Все это было Хобу хорошо известно. Но он не принял во внимание, как отчаянно сыновья Эстебана боятся, что цены упадут так же внезапно, как выросли, и у братьев на руках останется лишь полдюжины никуда не годных ферм, которые старик не продал из чистейшего упрямства, хотя не обрабатывает землю и не сдает ее в аренду. Фермы просто лежали в запустении — попусту растрчиваемое достояние, а растрчивать достояние в сельскохозяйственной экономике Ибицы просто невысказано.

Остальные земли после смерти дона Эстебана перейдут к сыновьям. Но этот участок, К'ан Поэта, из-за разногласий между письменными и устными соглашениями по его поводу, оказался в сумеречной зоне. И это Хоб тоже знал.

А в новинку для него оказалось, что как раз сейчас К'ан Поэта представляет значительный интерес, потому что мадридский синдикат вознамерился обратить дом и усадьбу в туристский отель, казино и диско-клуб.

Дон Эстебан отказал. Но потом у него случился удар. Ампаро с сыновьями застрашали его, вынудив показать копию *traspaso*. Прочитав контракт, они обнаружили, что большой окончательный платеж должен состояться 15 июля сего года. Платеж как раз такого рода, который легко пообещать и забыть. В прежние времена дон Эстебан нипочем не стал бы настаивать на соблюдении буквы соглашения. Но адвокат Матутес настоял, чтобы этот пункт был включен в текст. А если трактовать его строго по закону, в случае неуплаты Хоб может лишиться земли.

Поблагодарив, Хоб покончил с обедом и вернулся к себе. На следующее утро он отправился в кафе «Лос Альмендрос» в Сан-Карлосе, где имелся ближайший к нему телефон. Не без труда, но его все-таки соединили с отдельным кабинетом бара «Балеар» города Ибица, каковой адвокат Хоба, дон Энрике Гуаш, вкупе с большинством остальных адвокатов, обратил в свою контору, по-

тому что там можно целый день напролет заказывать вино и коньяк и лакомиться тапа, обрстая жирком, как и полагается каталонскому адвокату, да при том поддерживать прямой контакт с друзьями и врагами — остальными адвокатами и судьями.

После обмена соответствующими приветствиями, достаточно ухищренными, чтобы продемонстрировать, какие между ними существуют взаимоотношения, Гуаш перешел к делу, сообщив Хобу, что собирался вот-вот отправить за ним посыльного. И новости не сулят Хобу ничего хорошего.

— Выкладывайте, — сказал Хоб. — Это ведь насчет дома, не так ли?

— Боюсь, что так. — Гуаш с сожалением поведал американскому частному детективу средних лет, что тот задолжал миллион песет по закладной на К'ан Поэта, каковые обязан выплатить к 15 июля. Семейство дона Эстебана уведомляет его об этом, как того требует контракт, дабы он получил заблаговременное предупреждение, что в случае его неспособности внести означенную сумму упомянутый участок, сиречь К'ан Поэта, расположенный в округе Сан-Карлос на северном побережье острова, вернется к первоначальным владельцам, а именно к дону Эстебану и людям, выступающим от его имени.

Это никоим образом не соответствовало представлениям Хоба об уговоре, так что он поехал напрямик на ферму дона Эстебана в Сан-Лоренцо, чтобы расставить точки над «и». Ампаро — недружелюбная жена дона Эстебана — снова не пустила Хоба на порог, уклончиво сказав:

— Старик унче нехорошо. Сидит в своей комнате. Не хочет никого видеть. Ежели хотите оставить записку, уж я позабочусь, чтоб он ее получил.

Заглянув в дверной проем, Хоб узрел обоих сыновей — Хуанито и Ксавьера, развалившихся в мягких креслах и ухмыляющихся ему.

Двинувшись напрямик в город Ибица, Хоб отыскал своего адвоката дона Энрике, по-прежнему сидевшего в отдельном кабинете бара «Балеар» и игравшего в домино со старым приятелем. Дон Энрике позволил Хобу вытащить себя на противоположную сторону проспекта, в «Келлар Каталан», ради второго ленча и частной консультации.

Примерно полтора часа спустя Хоб вернулся на свою фазенду куда более печальным и мудрым человеком. Эстебаны застали его врасплох. Надо где-то добыть денег. К счастью, миллион песет по текущему курсу — около десяти тысяч долларов, а десять

тысяч долларов, хоть сумма и довольно кругленькая, но все-таки еще не конец света.

К несчастью, Хоб не располагал и этой относительно ничтожной суммой. А располагал практически пшиком. Да еще оставалось дополнительное осложнение: Милар¹.

Милар была женой Хоба в то время, когда он подписывал *traspaso*. Хоб вписал Милар в порыве благорасположения. Они с Милар пошли к адвокату Хоба — Энрике Гуашу, в порт Ибицы. Кажется, что-то было не в порядке с формальностями, и *traspaso* пришлось составлять заново. На самом деле надо было лишь уточнить кое-какие даты. Гуаш показал, где надо подписать.

— Вот тут. *Propietario*. И *propietaria*², если желаете.

Хоб заколебался. До сей минуты он и не предполагал, что впишет имя Милар в документ. К фазенде, приобретенной задолго до встречи с ней, Милар не имела ни малейшего отношения. Но она выглядела весьма привлекательной в то утро — великолепное, искрящееся утро Ибицы, когда довольно лишь вздохнуть полной грудью, чтобы ощутить себя бессмертным. К тому же они вдвоем очень славно ладили в последние дни. В тот день Хоб был влюблен, как уже несколько недель. Для него это рекорд.

А после, естественно, иллюзии развеялись. У Милар есть странная черта — она очаровательна, даже загадочна, пока не узнаешь ее поближе. А после — раздражает до невозможности. Их лучшим периодом было бессезонье, пока летнее солнце и карнавальная атмосфера острова не довели Милар (тогда еще звавшуюся Джени) до легкого помешательства — вернее, до более крутого, чем обычно. Это случилось еще до ее интрижки с Ребеккой, эрцц-баронессой из Голландии, когда Милар только-только начала открывать в себе лесбийскую сущность и разочарование тяжким грузом обрушилось на Хоба, отнюдь не поддерживавшего подобные вольности и все еще цеплявшегося за устаревший комплект: один мужчина и одна женщина.

Но все это пришло позже. А в тот момент, в кабинете адвоката Гуаша, были лишь остров Ибица и вечная юность, в целом мире лишь ты да я, деточка, и лети оно все к чертям, да, дорогая, поставь свою подпись вот тут, мы будем вместе владеть райским уголочком.

Теперь же прошли годы, и все это излагал Хобу за вторым ленчем в «Келлар Каталан» Гуаш — толстый, круглый, веселый, умуд-

¹ Торговая марка тонкой крепкой полиэстеровой пленки. Здесь: имя (см. ниже).

² Владелец и владелица (*исп.*).

ренный, женатый на хворой женщине и состоящий в связи со шведкой-алкоголичкой, владеющей лавкой сувениров в порту. Он подтвердил подозрения Хоба:

— Нет, дон Эстебан не мудрил с *traspaso*. Сомневаюсь даже, что он заглянул в документ, когда подписывал. Подобные раздутые в финале платежи уходят корнями еще в Древний Рим. Я бы не сказал, что это противозаконно, но ставит тебя в неловкое положение. Надо было тебе настоять, чтобы я вычеркнул пункт на счет раздутого платежа, а уж после подписывать. Конечно, тогда ты меня толком не знал, зато знал дона Эстебана. Вернее, считал, что знаешь. Видишь ли, они требуют уплаты миллиона песет точно в срок, пятнадцатого июля сего года. Или ты лишаешься земли.

— Я прожил там пять лет, — заметил Хоб. — Сделал массу усовершенствований. Неужто они и правда на такое пойдут?

— Весьма опасаясь, что да. Это их право. У тебя в запасе месяц без пары дней. Но что такое миллион песет для американца, а? Извини, я неудачно пошутил. Я же знаю твои обстоятельства. У тебя ровно двадцать семь дней, чтобы собрать деньги, заплатить и перевести все на свое имя. Все сводится к десяти тысячам долларов без малого. Есть они у тебя?

Хоб покачал головой.

— А одолжить можешь?

— Сомневаюсь. Вот разве что...

— Весьма сожалею, — жизнерадостно сообщил Гуаш. — А как думаешь, раздобыть сумеешь?

— Непременно раздобуду, — заявил Хоб куда более уверенно, чем чувствовал себя на самом деле.

— Постарайся раздобыть их до очередного витка девальвации, неважно, выиграешь ты от нее или проиграешь. Должен с прискорбием сообщить, что оттянуть платеж не удастся. Оттянуть, я правильно выразился? Разве что сумеешь убедить дона Эстебана передумать. Но я сомневаюсь, что это тебе удастся. Со времени удара он стал совсем слабоумным, попал под каблук к жене, жуткой Ампаро, ты еще не знаешь ее мамашу, этого костлявого священника из Сан-Хуана и двух сынишек. Знаешь, что они хотят продать землю «Спортклубу»? Тот предлагает им чертовски много денег. Тебе просто не повезло, что ты выбрал фазенду с лучшим видом на всем острове. Ужасно жаль, что ты не можешь продать вид и оставить себе все остальное. Добудь деньги, Хоб, и позаботься, чтобы Милар подписала отступную, это тоже крайне необходимо.

Хоб вернулся на фазенду. Не стал разговаривать ни с кем — даже с близнецами Рафферти из Лос-Анджелеса, друзьями его сестры, подстригавшими виноградную лозу, даже с Аmandой, по-

дружкой Моти, манекенщицей из Парижа, занимавшейся на кухне приготовлением карри. А направился напрямик к себе в комнату. В свою собственную, личную комнату, стоящую особняком от остальных комнат виллы, где время от времени оставалось до дюжины его друзей и подруг. Его комната представляла собой голый куб с чисто выбеленными стенами и небольшим балкончиком. Вид оттуда был замечательный. Открыв французские окна, через седловину между дальними горами можно было взглядеться и различить узкий синий проблеск моря, обрамленный цветами миндаля, благодаря деревьям, растущим под самым окном. Хоб критически оглядел этот вид и попытался убедить себя, что вид уж чересчур, ненатурально красивый, но не преуспел в этом. Пейзаж нравился ему как есть. Взор Хоба изучил каждую складку местности, каждое дерево и пригорок собственной земли, каждый *allogobo* в полях, каждое миндальное дерево в саду. Что ж, придется раздобыть десять тысяч и получить отступную.

К сожалению, в это самое время его финансы пели романсы. Вообще-то он никогда не греб деньги лопатой, но в это время с ними было особенно туго. Детективное агентство «Альтернатива» зарабатывало не слишком много. Правду говоря, оно работало в убыток. Хоб едва-едва сводил концы с концами, наскребая деньги на уплату налогов, взятки, канцприндажности и наличные для оперативников. В конце этого года все сложилось в чистый убыток, да и предыдущий был немногим лучше.

Ну, по крайней мере, с Милар будет проще. Она как раз домогается его возвращения в Америку, чтобы получить от него иудейский развод. Похоже на то, что родители Шелдона, ее будущего супруга, бухгалтера по налогам, — ортодоксальные иудеи — настаивают на ортодоксальном иудейском разводе, прежде чем дать свое благословение. А их деньги, хоть о них никто и не упоминал, идут в одном конверте с их благословением.

Когда она просила о приезде, Хоб отбивался. Они ведь и так разведены по закону, так к чему же разводиться еще раз? Вдобавок Хобу не хотелось возвращаться в Нью-Джерси и в Нью-Йорк. Во-первых, потому, что это стоит денег. А во-вторых, с ним в столичных городах вечно случается что-нибудь скверное. У него сложилось впечатление, что сейчас покидать остров неблагоприятно. Но его к этому вынудили.

Наскрести средства даже на авиабилеты оказалось нелегко, но он кое-как выкрутился, по мелочи задолжав всем друзьям и ссудившись целыми тремя сотнями долларов у богатого английского актера, жившего по соседству. Тому пришлось не по вкусу, что его так подоили, но ссуду он все же дал.

Затем Хоб заказал билеты до Иберии, послал Милар телеграмму, чтобы ждала его и приготовила все к разводу, после чего распрощался с островом и домом. При всем при том у него осталось курьезное ощущение, что это Ибица покидает его, а не наоборот.

Глава 3

Полет прошел без происшествий. Прибыв в аэропорт Кеннеди, Хоб подошел к стойке «Иберия Эрлайн», чтобы поинтересоваться, нет ли для него весточки — просто на случай, если Гарри Хэм выудил какие-нибудь ошеломительные новости касательно ситуации с *trasaso*. Никаких вестей не оказалось.

Покончив с этим, Хоб автобусом поехал в Снаффс-Лендинг, штат Нью-Джерси. В Джерси ему пришлось пересаживаться. Дорога от Кеннеди до Мейн-стрит в Снаффс-Лендинге отняла почти пять часов.

Снаффс-Лендинг — невзрачный городишко на западном берегу реки Гудзон, втиснувшийся между промозглым Хобокеном и вгоняющим в тоску Западным Нью-Йорком. В запасе у Хоба оставалось менее десяти минут, так что он двинулся напрямик в дом раввина на Западной Мейн-стрит, находившийся в трех кварталах от бывшей конторы Хоба и недалеко от его снаффс-лендинского дома, который он уступал Милар в обмен на отступную от К'ан Поэта.

Как только он переступил порог, жена раввина ввела его в приемную, пропахшую гуталином и картофельными оладьями, где дожидалась Милар — высокая, миловидная, облаченная в строгий деловой костюм и полинезийское ожерелье из акульих зубов поверх хлопчатобумажной майки с Микки Маусом — в стиле одежды она всегда довлела к оксюморонам. Экс-муж и экс-жена обменялись строго официальным рукопожатием, но с улыбками, демонстрирующими, что они не таят друг на друга никакой злобы. Настал момент для невзыскательных шуточек, банальностей вроде «Как я вижу, жизнь в разводе тебя устраивает», поскольку со времени настоящего гражданского развода прошло уже шесть месяцев. Однако Хоб не мог выдать ни единой остроуты — просто смешно, как они покидают тебя, когда нужны более всего, а Милар тоже не делала шагов навстречу, чувствуя себя неловко, потому что на иудейский развод ее вынудила мать Шелдона, твердившая, что без упомянутого действия не позволит сыну жениться на Милар. Единственное, что пришло Хобу в голову: «Ну вот, два года совместной жизни коту под хвост», но он предпочел воздержаться от подобной реплики. А вместо этого извлек

отступную, врученную ему Гуашем, и протянул ее Милар вместе с ручкой, проронив:

— Можно уж заодно покончить и с этим.

Милар одарила его выразительным взглядом, но она сама же согласилась поставить подпись в обмен на прилет Хоба обратно в Нью-Джерси ради этого развода. Да вдобавок он отдавал ей дом на Спрюз-стрит, хотя после пожара его цена значительно упала. Милар сняла с ручки колпачок, скрипнула зубами и уже собиралась отписать Хобу свою долю мечты об Ибице, когда жена раввина вошла в комнату и сообщила:

— Реб готов принять вас.

— Позже, — сказала Милар, вернув ручку и документ Хобу. Они последовали за женой раввина в кабинет.

Там их дожидались двое невысоких бородатых мужчин в черных широкополых шляпах и крупный мужчина в ермолке. Великан в вышитой израильской ермолке и был раввином, более тощий из двух других — писцом, а последний, с бородавкой на левой щеке, — свидетелем.

Как только Хоб вошел, писец взял лакированный ящичек красного дерева, в котором на стертом бархате лежало птичье перо и перочинный нож с перламутровой рукояткой и чернильницей из выдолбленного коровьего копыта. И вручил вместе с содержимым Хобу.

— Это зачем? — осведомился Хоб.

— Он дает это вам в качестве дара, — пояснила жена раввина. — Видите ли, вы должны были бы принести собственное перо, чернила и пергамент, как в древние времена, но сейчас так уже никто не делает. Кто в наши дни слышал о гусиных перьях, кроме профессиональных писцов? Так что он дает их вам, чтобы они были вашими, чтобы вы могли одолжить их ему, чтобы он мог написать «гет» — пергамент о разводе. А когда все будет закончено, вы подарите ему его ручки и чернила обратно.

— А если я захочу оставить перо себе? — осведомился Хоб.

— Не глумите, — возразила жена раввина. — Вот, наденьте ермолку. Ступайте, вас ждут.

— Драconiан... — произнес раввин. — Разве это еврейская фамилия?

— Мы получили ее на Элис-Айленде, — ответил Хоб. — То есть мой дед ее принял.

— А какова ваша настоящая фамилия?

— Драконивицкий.

— А почему он поменял ее на Драconiан?

— У нас в семье бытует мнение, что дедушка, наверное, встре-

тил армянскую иммиграционную служащую, не устоявшую перед искушением. Но это, конечно, только домыслы.

Раввин пожал плечами. Деньги уплачены, и, если эти люди желают вести себя как мешуга¹, это их личное дело.

— А вы Ребекка Фишковиц? — повернулся он к Милар.

— Я поменяла фамилию, — доложила та. — Меня зовут Милар.

— Это имя или фамилия?

— И то и другое. Или ни то, ни другое. — Она улыбнулась, в очередной раз сумев посеять замешательство.

— Милар — это ведь какой-то пластик, не так ли? — поинтересовался раввин.

— Очень симпатичный пластик, — ослепительно улыбнулась Милар.

Тут раввин решил, что хватит пустых разговоров, и перешел к делу. Спросил у Хоба, в самом ли деле он хочет развестись с этой женщиной. Хоб сказал, что да. «Но, — продолжал раввин, — нет ли возможности, что со временем вы передумаете?» — «Невозможно», — заявил Хоб. Раввин спросил в третий раз, и в третий раз Хоб отказался. Затем наступила та часть процедуры, в которой Милар должна была трижды обойти вокруг него. Она совершила эти три витка со своей обычной грациозностью. Хоб отметил, что в день развода она выглядит более лучезарно, чем в день свадьбы. «Наверное, примета времени», — решил он. Затем последовало возвращение серебра — древнего выкупа за невесту, представленного здесь пятью блестящими четвертаками, которые Милар приняла с ухмылкой. И, наконец, прозвучали слова, доставляющие счастье такой же массе народа, как и слова о заключении брака. «Я развожусь с тобой, я развожусь с тобой, я развожусь с тобой», — было произнесено и троекратно повторено Хобом. А затем раввин провозгласил, что по иудейскому закону они более не женаты, и передал им гет, каковой, согласно традиции, разорвал почти надвое.

Выйдя из дома раввина вместе, они зашагали по Западной Мейн-стрит туда, где Шелдон дождался Милар в своем «Форд-Рейнджере». В данный момент Хоб был не в настроении беседовать с Шелдоном, так что распрощался с Милар на углу. И только тут вспомнил о *traspaso*.

— Ах да, *traspaso*, — встрепенулся он, снова вручая документ и ручку Милар. Та взяла их, сняла колпачок с ручки и заколебалась.

— Вообще-то нам эта формальность не нужна. Я знаю, что земля принадлежит тебе, она ведь принадлежала тебе еще до на-

¹ Сумасшедшие (*идиш*).

шей встречи. Ты же не думаешь, что я собираюсь обратить это во вред тебе, а?

— Конечно, нет. Но ты же знаешь эти испанские суды. Просто формальность.

— Пожалуй, — Милар нацарапала свою подпись и вернула документ с ручкой Хобу. — Береги себя, Хоб.

— Ты тоже, Милар.

Она повернулась, чтобы уйти, но задержалась снова.

— А, кстати! Тебе звонил Макс Розен.

— Макс Розен? Кто это?

— Он сказал, что ты вспомнишь морских ежей на побережье Са-Коместилья.

— А-а-а! Точно. И чего же он хочет?

— Он хочет, чтобы ты ему позвонил. У меня тут где-то его номер.

Пошарив у себя в сумочке, Милар отыскала салфетку с нью-йоркским телефонным номером, расплывчато записанным лавандовой губной помадой, и вручила ее Хобу.

— До свидания, Хоб. Спасибо за развод.

— До свидания, Милар. Спасибо за *traspasso*.

Она радостно ему улыбнулась и зашагала к «Форд-Рейнджеру» Шелдона, стоявшему у обочины. Хоб проводил ее взглядом, не испытывая даже желания вздохнуть.

И все же... Два года совместной жизни коту под хвост.

Глава 4

Покинув Милар на углу Стейт- и Мейн-стрит, Хоб направился в свою бывшую контору, где занимал одну комнату в апартаментах дантиста. Прошло уже несколько лет с тех пор, как он прекратил выплачивать аренду, но помещение пока так никто и не занял. Табличка над дверью по-прежнему гласила: «Дракониян. Частный детектив. Специалист во всем. Конфиденциальность гарантируется». Вскрабкавшись по лестнице, он прошел по коридору мимо кабинета дантиста слева — «Гольдфарб, хирург-ортодонтолог, король прикуса» — к двери с декоративным стеклом в конце коридора. Снаружи было написано: «Дракониян, Ч.Д.». Хоб открыл ее своим ключом.

Сквозь окно, обращенное к Стейт-стрит и реке Гудзон, сочился серый осенний свет. В конце короткого коридорчика находилась тесная комнатуха с потрепанным дубовым столом и вертящимся стулом. Слева от стола стояло кресло, а справа — стул с прямой спинкой. У левой стены высился картотечный шкаф с четырьмя ящиками. На одной стене, крашенной пожелтой зеленой

краской, висела копия портрета Миннеаги, Дочери Смеющихся Вод. Как ни странно, с этой картиной у Хоба не было связано никаких воспоминаний. Он даже не помнил, откуда она тут взялась. Подозревал, что это Милар приложила руку — повесила, а он и не видел. А еще древняя портативная пишущая машинка «Смит-Корона» на сером войлочном коврике. Она тоже значила для Хоба очень мало — фактически говоря, даже меньше, чем картина.

Хоб уселся за стол, пожалев, что не носит фетровой шляпы, а то можно было бы повесить ее на стоящую у угла вешалку. К появлению вешалки тоже приложила руку Милар. Самочувствие Хоба колебалось где-то между опустошенным и дерьмовым. В отличие от первого, второй развод с Милар не вызвал у него приподнятого настроения. Настало время возвращаться в Европу, хотя он только-только прибыл сюда.

Но ему еще предстоит работа. Необходимо раздобыть деньги. Собственно говоря, ради этого он и вернулся в Соединенные Штаты. Дело с Милар было лишь попутным дополнением. Вот только где же раздобыть деньги?

Морские ежи. Разумеется, помнит. У побережья Са-Коместилья.

Макс гостил у Карло Луччи — ушедшего от дел текстильщика из Милана. Луччи поселил Макса в гостевом коттедже в своем поместье Сон-Ллуч, рядом со старым свинцовым рудником, неподалеку от Сан-Карлоса. Хоб познакомился с ним в «Эль Кабальо Негро», «приемном» баре в Санта-Эюлалиа. Конечно, все это было еще до Милар, когда Хоб жил с Кейт и детишками. В то лето Найджел Уитон отлучился с острова проворачивать какой-то безмозглый план в Белизе. Без Найджела лето выдалось совсем спокойным. Макс Розен, тогда работавший в Нью-Йорке театральным агентом, приехал на Ибицу провести отпуск, арендовал на месте яхту у Техасского Тома Джордана и приглашал кучи гостей провести денек в море; Хоб оказался в числе приглашенных. Яхта представляла собой тридцатифутовый катамаран, который Техасский Том построил собственными руками, потом отправился в Катманду и больше не возвращался. В то лето у Хоба времени было невпроворот. Так что в конце концов он решил частично убить его с Максом на катамаране.

Однажды они стояли на якоре неподалеку от пляжа в Са-Коместилья. Макс захватил готовый ленч из ресторана Хуанито — не Хуанито Эстебана, а Хуанито Альвареса из Барселоны. Холодная жареная курица, картофельный салат и зеленый салат. Макс лишь посетовал, что не хватает доброй закуски.

— Тебе нужна закуска? — уточнил Хоб.

— Спрашиваешь! Ну так что?

— Отложи ленч минут на десять. Я добуду тебе закуску.

Макс — дюжий здоровяк в белом пиджаке и слаксах, купленных в ряду бутиков в порту Ибицы, — встал и огляделся. От берега их отделяло футов пятьдесят воды.

— И куда же ты отправишься за этой закуской? — поинтересовалась одна из девушек.

— Не ломай над этим свою очаровательную головку, — отозвался Хоб, уже раздевшийся до плавок. Натянул маску, а с ластами возиться не стал — глубина не превышала десятка футов. Он не забыл прихватить авоську и пару брезентовых рукавиц. Затем прыгнул за борт и устремился ко дну.

В прозрачной воде песчаное дно сверкало белизной. По нему были разбросаны темные предметы величиной с блюдце. Нырнув пониже, Хоб разглядел их шипы, осторожно собрал с полдюжины и положил в авоську. Затем вынырнул на поверхность и поплыл к катамарану.

— Что это? — осведомился Макс.

— Морские ежи. Средиземноморский деликатес. Теперь нам нужны ножи, вилки и лимон.

— А на что это похоже? — спросила обладательница длинных каштановых волос.

— Сырой морской еж не всякому по вкусу. Не просите меня описать их. Отчасти вроде краба, отчасти — вроде черной икры.

Максу это пришлось по душе, и девицы возражать не стали. Девушки с Ибицы едят все, что подадут.

После ленча, нехась на палубе под лучами средиземноморского солнца, настоянными на коньяке, Макс заметил:

— Хоб, это замечательно. Все подряд. Море. Небо. Земля.

Перед ними из сверкающей глади моря возносился остров Ибица. Стоял прекрасный июльский день.

— Это лучшее лето в моей жизни, — продолжал Макс. — Если когда-нибудь будешь в Нью-Йорке...

Хоб набрал нью-йоркский номер, который дала ему Милар.

Глава 5

Ответил низкий, чистый, хорошо поставленный женский голос:

— «Макс Розен Ассошэйтс».

— Я бы хотел поговорить с мистером Розеном.

— Как вас представить?

— Скажите Максу, это тот мужик, что научил его есть сырых морских ежей около пляжа в Са-Коместилья.

— Продиктуйте по буквам, пожалуйста.

— Что именно?

— Последнее слово. Какой-то Сак.

Хоб продиктовал. Ей это все равно пришлось не по вкусу, но она была хорошо вышколена.

— Минуточку. — Она переключила его на фоновую музыку. В трубке запело множество скрипок, а за окном пара детишек играла в бейсбол с резиновым мячиком и палками вместо бит.

Внезапно в трубке зазвучали басовитые раскаты жизнерадостного мужского голоса:

— Это тот, кто я думаю?

— Да, это Хоб Дракониан.

— Хоб! Вот радость-то! Ты получил мое сообщение. Кстати, что ты подделываешь в Штатах?

— Вернулся уладить кое-какие дела.

— Как продвигается детективный бизнес?

— Лучше некуда, Макс.

— Нет, серьезно.

— Ни шатко ни валко.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Только если ты достаточно глуп, чтобы вложить деньги в американского детектива без лицензии, обладателя неоплаченного *traspasso* на прекрасную фазенду в Ибице.

— Возможно, сумею помочь. В чем суть сделки?

— Макс, предложение совершенно прямолинейное. Вложи деньги, а я потрачу их на *traspasso*. У меня там проблема. Если у меня будет хоть какая-то прибыль, ты получишь свои деньги с лихвой.

Макс поразмыслил над этим секунду-другую, повертел в голове так и эдак, опробовал идею на вкус и нашел ее симпатичной.

— Слушай, может, я и сумею помочь. А чёрта ли мне, ты ведь чуть ли не член семьи! Откуда звонишь?

— Из Снаффс-Лендинг, Нью-Джерси.

— Что ж, приезжай в Манхэттен. У меня тут места выше крыши. Надеремся до чертиков да потолкуем о прежних днях. Ты тут на выходные? Я тебя так приму — век не забудешь. Как там звали ту девицу на Форментере? А, выкинь из головы, потолкуем, когда подвалишь ко мне. Как будешь добираться?

— Автобусом «Трэйлвей».

— Не стоит, Хоб. Лови такси. Я оставлю деньги на вахте.

— От поездки в автобусе моя гордыня не пострадает.

— А моя пострадает. Впрочем, как знаешь. Я отправлю Келли встретить тебя у Портовой администрации.

— Ну, это ни к чему. Просто сообщи адрес. — Но Макс уже дал отбой. Хобу оставалось только гадать, кто такой Келли, будь ему пусто.

Глава 6

Пока Хоб шагал к автобусной остановке, лейтенант Джордж Глатц потирал указательными пальцами друг о друга. В последнее время этот бессмысленный жест становился все более и более навязчивым. Лейтенант откинулся на спинку сиденья облупившегося «Понтиака», выделенного ему штабом полиции Третьего округа на Далсимер, между Десятой и Джейд-стрит.

— Идеальная машина для наружного наблюдения, — сказал капитан Киркпатрик, когда Глатц попросил «Корвет». — На такую машину глядишь — и не помнишь, как она выглядит.

Глатц припарковался в специальной зоне, приберегаемой служащими аэропорта для офицеров полиции, ведущих слежку за личностями, отлетающими из Кеннеди. В данном случае Глатц должен был следовать за человеком по имени Сантос, дипломатом из карибского государства Сан-Исидро, недавно получившего независимость. Поскольку Сантос аккредитован в ООН, арестовать его Глатц не может, даже если тот что-то натворит. Так зачем же Глатц торчит тут? И, прежде всего, чего это вдруг нью-йоркский полицейский департамент заинтересовался Сантосом? А потому, что у неких личностей из казначейства — неделю твердили сплетни у большого автомата прохладительных напитков, рядом с доской объявлений, чуть дальше по коридору от кабинета сержанта штаба полиции Третьего округа Нью-Йорка — состоялась краткая, но насыщенная беседа с комиссаром Флинном в его замке в Райнбеке, штат Нью-Йорк, и в результате, пару дней погромыхав по сцепкам причин и следствий, дело пришло к выводу, и Глатц очутился в облупившемся «Понтиаке» на специальной, заповедной полицейской стоянке в зоне прибытия международных рейсов Международного аэропорта Кеннеди.

Глатц был не одинок. Рядом с ним на пассажирском сиденье находился представитель Агентства по Борьбе с Наркотиками (АБН) по имени Эмилио Вазари, в данный момент под прикрытием работавший над делом, касающимся Сантоса — по крайней мере, косвенным образом.

Глатц был высоким мужчиной с мертвенно-бледным лицом, редкими и седеющими коротко подстриженными волосами и длинным носом с горбинкой, оставшейся с тех времен, когда он играл центральным защитником за «Гэлик Страйдерс» и даже подумывал о переходе в профессиональную лигу. Однако неловкий взмах чужой биты не только сломал ему нос, но и повредил зрительный нерв, так что прошел целый год, прежде чем он смог снова видеть ту же вечную чепуху с прежней отчетливостью. Теперь, сидя в «Понтиаке», Глатц посасывал фильтр «Честерфилда».

И тут зазвонил мобильный телефон.

— Лейтенант Глатц? Это Энджело из таможни.

— Ага, лады, и чего?

— Тот мужик, про которого вы спрашивали, Сантос, он как раз проходит. Хотите, мы его тряхнем?

— Решительно нет, — отрезал Глатц. — У него дипломатическая неприкосновенность. Просто пропустите. Спасибо, Энджело. — Положив трубку, Глатц обернулся к Эмилио и сообщил: — Он здесь. Может, на сей раз нам повезет.

— Угу, — отозвался Эмилио. У него хватало собственных проблем, над которыми требовалось поломать голову.

Реактивный авиалайнер «Вэридж», вылетевший из Рио-де-Жанейро, сделал по пути ряд остановок в Карибском архипелаге и Майами, прежде чем приземлиться в аэропорту Кеннеди. Пассажиры начали выходить, первый класс — первым: у Денег есть Свои Преимущества. Первым классом летело всего пять человек. Четверо из них воплощали собой анонимный серокостюмный, атташе-кейсовый, золоточасный облик, дающий им право где угодно стать этаким столпом Богатства и Его Привилегий. Пятый — Сантос — тоже был тот еще субъект, хотя и не так чтобы очень: мелкий человечек с остроконечной бородкой, смахивающий на миниатюрного Роберта Де Ниро с матово-смуглым лицом и ясными глазами, в уголках которых затаились морщинки, возникающие при постоянном уклонении от дворцовых поворотов. На лацкане его дипломатского костюма, синего, в мелкую полоску, красовался радужный значок — орден Симона Боливар, врученный правительством Венесуэлы как символ признания заслуг Сантоса в роли посла острова Сан-Исидро. Пожалуй, ничего удивительного, что при этом он шеголял в модельных туфлях из патентованной кожи с эластичными боковинами. Горделивая осанка, на лице выражение бдительности, на губах — едва уловимая ироничная усмешка, должно быть, его обычное выражение.

Сантос вместе с остальными пассажирами прошагал по гулким коридорам Кеннеди к стойке иммиграционной службы и таможене. Кроме бороды, он носил небольшие усики, так называемые императорские, и во всем походил на дипломатов третьего мира, чувствуя себя скорее уроженцем Манхэттена, нежели Мисраки — столицы и главного порта Сан-Исидро. Вынув у стойки иммиграционной службы дипломатический паспорт, он продемонстрировал его чиновнику. Чутьочку поджатые губы чиновника не предвещали бы ничего доброго, не будь Сантос полностью аккредитованным дипломатом, имеющим право идти в Соединенных Штатах куда вздумается, не ожидая ни приглашений, ни

запретов. Ни его багаж, ни его персону не могут обыскать ни при каких обстоятельствах, даже подозрительных. Увидев, что этот субъект так и так неприкасаем, даже если бы не поступил прямой приказ от Глатца, сидящего на улице в облупившемся «Понтиаке», чиновник разжал губы, проштемпелевал паспорт Сантоса и проводил взглядом дипломата, идущего через зеленый коридор, из которого, не получив распоряжения открыть своей атташе-кейс, направился на выдачу багажа и к наземному транспорту.

Сняв трубку телефона, стоящего на стойке, чиновник набрал трехзначный номер и, услышав лаконичное «Ага?», выложил:

— Ваш тип только что вышел.

На краткосрочной стоянке Глатц положил трубку автомобильного телефона и погасил сигарету, а ведь Алиса только нынче утром сказала, что они его прикончат, вопрос только, когда. «И чем скорее, тем лучше, если хочешь знать мое мнение», — добавила она. Алиса вечно пребывает в дурном настроении с тех самых пор, как ее лишили метадона¹, сказав ей, что восьми лет ухода вполне достаточно. Глатц лишь вздохнул. Пожалуй, он получил то, что заслужил. Папаша всегда твердил, мол, не женись на наркоманке, даже ежели она католичка.

— Выходит, — сообщил Эмилио. Глатц завел старый облупившийся «Понтиак», и в жарком летнем воздухе зависла выжидательная пауза.

Глава 7

Как только Сантос через автоматические двери вышел из подъезда на улицу, к обочине подкатил посольский шофер Хосе в длиннющем старом «Кадиллаке». Лучший шофер, чем Хосе, на Сан-Исидро еще не родился. Лимузин остановился перед подъездом в тот самый миг, когда посол переступил порог здания аэропорта. Сантос всегда считал, что проделать этот трюк куда труднее, чем утрясти бюджет острова. Впрочем, никто особо и не пытался. Сантос уселся в машину, стараясь не наступить на Пако, лежавшего на полу под ковриком.

— Хорошо долетели, сэр? — осведомился Хосе с переднего сиденья.

— Да, сносно. Всегда приятно вернуться домой, даже если отлучался ненадолго. Как идут дела здесь?

— Обычная мыльная опера. Второй секретарь Хуарес снова выставил себя в дураках с дочерью посла Доминиканской Рес-

¹ Метадон — искусственный опиат, используется для лечения героиновой наркотической зависимости.

публики — вы не знаете, нельзя ли сказать это название покороче? — и, как обычно, об этом не знает только его жена. Первый секретарь Ширли Чомола беременна, мы полагаем, от садовника Фелюса. И еще несколько инцидентов.

— Словом, все идет, как обычно, — резюмировал Сантос. — Славно, славно. — Тут он вспомнил о человеке, лежащем под ковриком у его ног. — Пако, а ты как поживаешь?

— Добро пожаловать обратно, сэр, — сдавленным, но полным уважения голосом произнес Пако.

— Не вставай, — предупредил Сантос. — Подожди, пока мы не покинем зону аэропорта. Никто не видел, как ты садишься в машину?

— Нет, сэр. Меня тайком провели в гараж посольства, и с тех самых пор я лежу под ковром.

— Славно, славно. Потолкуем после.

Обогнув аппарат, они выехали на дорогу Белт-Паркуэй, ведущую в Манхэттен. Хосе уже определил, что их преследует старый «Понтиак». Вскоре слева показались кладбища Квинса, а за ними — уходящие под небеса здания Нью-Йорка.

— Ладно, Пако, — сказал Сантос. — Теперь можно и поговорить. Но не садись.

Откинувший коврик Пако оказался коренастым, смахивающим на штангиста индо-латинским парнем с бакенбардами в виде ятаганов, оканчивающимися у самого края бугрящейся узловатыми мускулами челюсти.

— Привезли? — поинтересовался он.

— Конечно, — подтвердил Сантос. — План должен выполняться.

Пако кивнул. При росте в пять с половиной футов в плечах у него были все три с половиной. Приехал он из провинции Мателоса, беднейшего района Сан-Исидро. Предки Пако уже две сотни лет возделывали землю имения Сантосов. Оба семейства связывали прочные отношения раб — хозяин, которые они берегли и лелеяли.

— Полагаю, вам следует знать, — сообщил Хосе с переднего сиденья, — что за нами следят.

— Ничего страшного, — отозвался Сантос. — Я допускал такую возможность. Пако, давай перейдем к делу.

Открыв свой «дипломат», Сантос отодвинул в сторону стопочку государственных секретов, служивших тут только прикрытием, и вытащил брезентовый мешочек, по виду весивший пару килограммов и стоивший на улице тысяч двести долларов, если предположить, что в нем содержится два килограмма почти стопроцентного (99,9) кокаина из поместья двоюродного брата

Сантоса — Октавиано Маррани из провинции Кочибамба в Боливии.

— Знаешь, что делать? — осведомился Сантос.

— Знаю. Не волнуйтесь, босс.

— Легко тебе говорить, ведь ответственность за успех много-миллионнодолларовой операции лежит не на тебе, правда?

— Я знаю, что вам приходится нелегко, — подтвердил Пако.

— И к чему мне это делать? В конце концов, я ведь и так богат.

— Вы делаете это ради Сан-Исидро. Ради своей — и моей — patria¹.

— Да, La Patria, — горько усмехнулся Сантос. — Ну, не странно ли, до каких крайностей может довести чувство патриотизма? Только подумать, что мы вытворяем!

Шофер Хосе свесился к ним через спинку переднего сиденья и поведал, шевеля усами:

— Эти люди по-прежнему следуют за нами.

— Я и не предполагал, что они отстанут, — ответил Сантос. —

Ты можешь оторваться от них?

— Здесь, в Мидтаун-туннеле?

— Извини, я забыл. Когда сможешь.

Они выехали из туннеля в Манхэттен. «Понтиак» отстал машины на четыре. Все трое следили за ним в зеркальце заднего обзора, напустив на себя беззаботный вид, хотя на самом деле были встревожены. Когда доехали до Седьмой авеню, Хосе улучил момент и резко свернул направо, на миг скрывшись у преследователей из виду. Пако распахнул дверцу и выскользнул на улицу, крепко прижимая к груди мешочек.

— Теперь вези меня к «Годфри», — распорядился Сантос, как только Пако удалился.

Если бы действие разыгрывалось в Калифорнии, лимузин тут же развернулся бы и покатыл прочь. Но поскольку дело происходило в Нью-Йорке, машина рывками поползла через город, потом снова в сторону центра, а на восемь машин позади повторял их изнурительные маневры лейтенант Глатц. Тем временем Пако, не замеченный пассажирами ни той, ни другой машины, подцепил нового преследователя. За «Понтиаком» от самого аэропорта следовал еще один автомобиль — коричневый «Форд-Фэрлейн» с помятой решеткой радиатора. У обоих его пассажиров обзор был не в пример лучше, и они видели, как из лимузина Сантоса выскочил Пако. Они сказали что-то своему водителю, и он затормозил. Выскочив из машины, они последовали за Пако на своих двоих.

¹ Родина (исп.).

 Глава 8

Поездка междугородным автобусом до здания Нью-Йоркской Портовой администрации оказалась весьма тоскливой. Сидевший рядом с Хобом пожилой мужчина в засаленной зеленой парке всю дорогу толковал ему о машине, которой владел всего семь часов, пока его бывший пасынок не утробил ее. Отгородившись от старческого лепета, Хоб мысленно пересмотрел список людей, которым собрался позвонить с просьбой об одолжении, как только окажется в апартаментах Макса; поглядел за окно, как автобус по спирали устремляется вниз, к туннелю Линкольна. Начал думать о Милар. Утром, в кабинете адвоката, она выглядела воистину очаровательно. Вспомнил ласковое выражение ее лица в то утро, отдалившееся всего лишь на два с половиной года, когда в британском консульстве в Гибралтаре зарегистрировал свой брак с ней.

Проехав сквозь туннель Линкольна, автобус зарулил в тупик автовокзала при Портовой администрации. Как только Хоб сошел, на глаза ему попался невысокий, коренастый пожилой мужчина с суровым бесстрастным лицом, следивший за выходящими пассажирами, держа в руках табличку с надписью: «Хоб Драконииан».

— Хоб Драконииан — это я, — сообщил Хоб, подходя к нему.

Встречающий тотчас перевернул табличку, с другой стороны гласившую «Добро пожаловать в Нью-Йорк».

— Я — Келли, — поведал коренастый. — Макс заслал меня захватить вас.

Крепко сбитый Келли был одет в накрахмаленную хлопчатобумажную рубашку с маленькими лошадами по белому полю, оливковые полушерстяные слаксы и основательно надраенные простые коричневые туфли. Его бледные, тщательно выбритые щеки успели покрыться густой пятчасовой щетиной. От него исходил аромат сиреневого одеколона. Хоб тут же припомнил, что сиреневый одеколон все еще можно отыскать в старых парикмахерских делового района и Маленькой Италии. На мизинце Келли сверкал бриллиантовый перстень, а на лице — маленькие, налитые кровью карие глаза. Хрипловатый голос с нью-йоркским акцентом звучал дружелюбно, но бесстрастно. Судя по виду, он принадлежал к числу людей, с которыми лучше не связываться. Впрочем, Хоб и не собирался.

Келли повел его к эскалатору. Поднявшись наверх, они вышли в сторону Девятой авеню. Под знаком «Стоянка запрещена» стоял сверкающий новехонький лимузин «Крайслер». Рядом, по-

качиваясь с пяток на носки и поигрывая резиновой дубинкой, стоял фараон.

— Спасибо, Дуган, — сказал Келли. — Я тебе очень признателен.

— Не за что, — отозвался фараон.

Келли открыл заднюю дверь лимузина для Хоба, заметив:

— Я и сам был фараоном. Сержант. Отдел убийств.

Они поехали в сторону центра, к одному из новых жилых домов около Линкольновского центра. Дверь им открыл швейцар в ливрее, за стойкой в холле сидел еще один человек в форме.

— Кого бы вы хотели навестить, сэр? — поинтересовался дежурный у Хоба.

— Это Хоб Дракониан, друг Макса Розена, — объяснил Келли. — Он тут малость поживет.

— Мистер Розен ничего не говорил мне про это, — возразил дежурный.

— Так звякни ему и спроси сам.

Поразмыслив, дежурный пожал плечами.

— Ежели говоришь, то все лады, Келли.

Келли повел Хоба к лифту, по пути ворча:

— Вот же долбаные греки!

Хоб ничего не понял и просто смотрел, как растут цифры в окошке. Они слились в стремительное мелькание, и после пятидесяти он утратил им счет. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они поднялись в пентхауз.

Келли первым зашагал по устланному ковровой дорожкой коридору к двери с табличкой: «Пентхауз» — будто без нее никто не догадался бы, что тут такое. Вынув ключ, Келли открыл дверь и вошел вместе с Хобом.

Глава 9

Хоб оказался в просторном помещении с белыми стенами и сверкающим паркетным полом. В дальнем конце через огромное, от потолка до пола, окно открывалась обширная панорама южного Манхэттена. У двери стоял антикварный письменный стол ручной работы, сидя за которым болтала по телефону женщина с каштановыми волосами, подстриженная под пажа. Лет двадцати шести, с круглым милостивым лицом, в коричневом твидовом спортивном жакете и узкой черной юбке, выгодно открывающей ее скрещенные ноги. Под жакетом — бледно-персиковая блузка. В ушах — металлические серьги в виде колец. На шее ожерелье из мелкого жемчуга.

— Слушай, я перезвоню, — сказала она, повесила трубку и

обернулась к вошедшим. — Привет, Келли. — Она одарила Хоба лучезарной улыбкой. — Вы Хоб?

— Он самый.

— Я Дорри. Макс вот-вот будет. Не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Спасибо, нет.

— Другое угощение раздает сам Макс. Присаживайтесь, почувствуйте себя как дома.

Хоб присел рядом со столом на кожаную кушетку. За ней десятифутовой стеной высились книжные шкафы. В каждом было по восемь полок, а каждая полка до отката заставлена, забита, упихана видеокассетами. Кассеты лежали и на приставных столиках, и даже на полу в тесном кухонном алькове.

Еще на Ибице Макс упоминал, что любит кино. Тут же находилось два видеомэгнифона: «Сони» и «Панасоник AG-6810», а рядом — тридцатидюймовый телевизор «Сони». Остальные стены покрывали оправленные в рамки фотографии манекенщиц с автографами. На стенах коридора красовалось несколько дипломов Института моды. Из колонок музыкальной системы раздавалась негромкая рок-музыка. В воздухе витали ароматы марихуаны и свежеподжаренного кофе.

Больше ничего Хоб разглядеть не успел, потому что в комнату ввалился Макс — крупный, еще более пополневший со времени последней встречи, в сером итальянском шелковом деловом костюме и красном твидовом галстуке, обутый в нечищенные пупырчатые башмаки. Его крупное багровое лицо обрамляли черные волнистые волосы, только-только начавшие сесть. Рукопожатие Макса оказалось крепким, да притом он положил другую ладонь Хобу на плечо и сжал его. Его крупные карие глаза влажно сверкали.

— Хоб! Будь я проклят, как я рад тебя видеть! Ты познакомился с Дорри? Без нее в этой конторе все застопорилось бы. Хоб, то лето на Ибице было лучшим в моей жизни.

— Для меня тот год тоже выдался удачным, — подхватил Хоб. Макс сграбастал его за оба плеча и игриво тряхнул.

— Знаешь, я все время собирался вернуться на Ибицу.

— Но так и не выбрался.

— Боялся, что застряну там основательно.

— Шутишь?

— Может, и нет. Я становлюсь богачом, Хоб, но радостей в жизни почти не вижу, — в его устах это прозвучало весьма патетически.

— Зато, по крайней мере, обзавелся массой фильмов.

Оглянувшись на шкаф, забитый кассетами, Макс ухмыльнулся.

— Да, и дури хватает, в смысле марафета, и вообще, выше крыше всего, кроме... — Он отвел взгляд. — Давай-ка обратимся к более приятной теме, а? Ты ел? Тут у нас есть заведеньице, где готовят лучшие свиные ребрышки по эту сторону от Гринвиля, Северная Каролина. Пожалуй, думаю, ты не прочь нюхнуть? — С этими словами он вынул из кармана двухграммовый стеклянный флакончик и вручил Хобу вместе с позолоченной опасной бритвой. — Можешь отмахнуть на стеклянной столешнице.

— Ну не сейчас же, — возразил Хоб.

— Да не стесняйся ты, наваливайся. Этот марафет — Синий Убивец из Боливии.

Открыв флакончик, Макс высыпал горку белого кристаллического порошка с голубоватым отливом, смахивающего на Первородный Кристалл, о котором вечно толкуют наркоманы, когда обсуждают баснословные поставки, никогда не доходящие до места назначения.

— Вот и нюхалка, конечно, — Макс вручил Хобу позолоченную соломинку с раструбом на одном конце.

— Макс, я больше не употребляю.

— Шутишь, что ли? — вытаращился Макс. — Хоб? Старина Хоб Демонический Дурила?! В религию ударился? Да ну же, деточка, отпусти гайки!

Хоб пожал плечами, улыбнулся и взял трубочку. Он не принимал сильных наркотиков уже более полугода. Парижский доктор убедил Хоба, что это не во благо его атеросклеротической артериальной системе. А собственный здравый смысл, как ни мало его осталось, подсказывал, что за каждым коротким кайфом наступает долгая, мрачная мутота.

Но отказаться было трудно. Дорри наблюдала за ним с циничным выражением в сияющих глазах. Сами знаете, как оно бывает со старыми наркоманами. Пальцы Хоба взяли трубочку и поставили ее на изготовку. Макс открыл ящик стола и вытащил шестидюймовую ониксовую плитку с двумя длинными, жирными волнистыми линиями белого порошка, идущими от одного конца к другому. В предвкушении пуская носом слюнки, Хоб наклонился и втянул в себя первую понюшку. Она прошла безупречно. Будто встретился со старым другом. Зелье взорвалось в его носовых пазухах, включив центр удовольствия, в груди пузырьками заискрилось радостное хихиканье. Чей-то (Хоб с сожалением констатировал, что его собственный) голос произнес:

— Только разочек, и все будет нормально.

Кокаин — вещество необычное, но считать его величайшим из наркотиков — просто смехотворно. Большинство людей ловит кайф лишь единожды. После этого быстро вырабатывается при-

вычка, и кокаин не дает тебе ничего, кроме усиления и без того неслабой склонности к самообману. Но было бы слишком огорчительно взглянуть в глаза правде о том, что после одной чуденькой вечеринки все твои клевые кайфы остаются в прошлом, а вместе с ними — и все благие намерения. На сей раз Хоб малость прибалдел, как балдеешь от первой за день сигареты. Но вместе с тем пришел и дурной привкус, где-то в глотке запершило, возник этаким нервным зуд, всегда идущий рука об руку с кокаином. Хоб принял вторую понюшку, чтобы погасить эффект первой, перевалить в приятную фазу, поймать кайф, а за ней и третью, потому что вторая не очень-то пробрала. Как обычно, самообман врубился на полную катушку.

Это рассеяло напряжение, если таковое вообще наблюдалось. Макс взял две долгие понюшки, затем Келли, приняв понюшку, отдрейфовал к кушетке и взял газету — под кайфом, но на посту. Дорри тоже чуток нюхнула, прежде чем ответить на телефонный звонок. А Хоб, раз начав, усердно продолжал, поскольку Макс все подсыпал и подсыпал на оникс драгоценный порошок.

Благие намерения Хоба вылетели в трубу (а может, в трубочку) еще до того, как ему представился шанс их сформулировать. Может, из-за Милар — хотя он и был рад, что с браком покончено, — может, из-за того, что без нее мир выглядел менее оптимистично. А может, он начал употреблять, так как ему в голову внезапно пришло, что идея провести выходные в компании Макса, которого знал лишь одно лето более десяти лет назад, не столь великолепна. А еще его расстроила ситуация с *traspasso* и вообще с Ибицей. Как мог дон Эстебан так с ним поступить?! Он почти ужасался возвращению на Ибицу и все же понимал, что должен вернуться как можно быстрее, чтобы постараться оттянуть неминуемую утрату К'ан Поэта, а вместе с ним, пожалуй, и образа жизни. То ли несмотря на марафет, то ли из-за него Хоб ощутил тревогу и депрессию. У него даже не было времени на перестройку биологических часов после перелета множества часовых поясов. Теперь нужно только держать себя в руках, пока не вернется сила воли. А тем временем еще чуток галаадского бальзамчика, клин клином, он все нацеливал нюхалку и втягивал в себя длинные волнистые понюшки Синего Убивца, или как там его кличут в этом сезоне.

Телефоны названивали, и Максусу пришлось вернуться в кабинет, чтобы поработать.

— Келли проводит тебя в твою комнату. Пока, деточка. — Макс удалился. Но Хоб ушел не сразу, налегая на кокаин, а Келли нагонял его понюшка за понюшкой, беседуя о каком-то спор-

те — кажется, о бейсболе, хотя уверенности в этом Хоб не испытывал.

За следующий час Хоб принял столько боливийского походного порошка, что мог бы сгонять с локомотивом на буксире до Олбани и обратно. И ни черта не почувствовал. А когда что и почувствовал, то лишь усталость.

Это называют обратным эффектом. Он знаком всем наркоманам, и заключается в том, что наркотик оказывает действие, как раз обратное тому, которое, согласно утверждениям всех окружающих, должен оказывать. Вроде как тебя охватила бессонница из-за того, что наглотался снотворного. Или глаза слипаются, потому что кокаин или амфетамин подействовали не с того конца.

В какой-то момент из кабинета вышел Макс. Хоб принял с ним несколько понюшек и, помнится, сказал:

— Мне надо позвонить кой-кому. Потом лягу.

— Отличная мысль, — одобрил Макс. — Мне надо было тебя предупредить насчет этого зелья. Бьюсь об заклад, у вас в Европе такого качества не сыщешь. Пошли, провожу тебя в твою комнату.

Он повел Хоба в глубь апартаментов. Там обнаружился еще ряд комнат — небольшая гостиная и примыкающие к ней спальня и ванная.

В углу гостиной стоял стеклянный кофейный столик, заваленный наркотиками: флакончиками кокаина, пластиковыми пакетиками с марихуаной, пузырьками с разнообразнейшими пилюлями. Тут же находился неизбежный оникс с полосками белого порошка, золотая бритва и золотая нюхалка. А также хрустальный графин, наполненный прозрачной жидкостью — возможно, водой, — и пара бокалов.

— Это риталин, — сказал Макс, показывая на пилюли, — на случай, если тебе надо сгладить эффект, а это перкодан. Вот эти маленькие зелененькие, с дырочками — мексиканская разновидность валиума, а вот эти, забыл, как называются, но, в общем, бразильский вид кваалюдина.

— Макс, межгород! — окликнула из другой комнаты Дорри.

— Наслаждайся, — сказал Макс и вышел.

Оставшись в одиночестве, Хоб разобрал чемодан, напевая под нос и внезапно ощутив себя очень хорошо. Повесив вещи в гардероб, устроил перерывчик, чтобы принять еще дозу-другую маррафетика. Затем уселся на кушетку. И вдруг почувствовал себя не так уж хорошо.

Но все равно, несмотря на это, принял еще понюшку, притом крупную, и начал названивать по телефону в виде Микки Мауса, стоявшему у дивана-кровати.

Полчаса спустя он уже позвонил всем знакомым и полузнакомым из Нью-Йорка и окрестностей, кого только смог припомнить. Большинство отсутствовало. Имевшиеся в наличии сочувствия не проявили. Я бы с радостью, Хоб, но сейчас такой сумасшедший период... Пять звонков, и ни единого цента. Срок *traspaso* приходится на 15 июля. Сегодня 19 июня.

Постучав, в комнату Хоба вошел Келли.

— Мне надобно забросить Макса к Шрайберу, он запаздывает на встречу. Вернется, как только сможет. Говорит, почувствуйте себя как дома. Вы в порядке?

— Да уж.

— Вам нехорошо?

— Чутьочку не по себе.

— Думаю, не привычный вы к этому дерьму, — указал Келли на кокаин. — Вот, примите вот это, враз оклемаетесь.

Вытряхнув из пузырька пурпурную в золотистую крапинку пилюлю, Келли вручил ее Хобу и налил из графина воды в бокал.

Привычка — вторая натура; Хоб проглотил пилюлю, даже не задумываясь. Потом спросил:

— А чего вы мне дали-то?

— Да просто спазмолитическое. Корейская формула. До скорого, парень.

Келли ушел.

А Хоб задумался о том, следовало ли принимать пилюлю. Однако через пару секунд лицо его расплылось в улыбке. Боль ушла. Стянув кроссовки, он прилег на диван. На расстоянии вытянутой руки стояла стереосистема, и Хоб включил ее. Комнату наполнила умиротворяющая музыка.

Откинувшись на спинку, он прикрыл глаза. Пора подремать.

Глава 10

Перед нами прекрасный старый дом из выветрившегося камня, прямоугольный, с элегантными пропорциями, основанными на золотом сечении. Классический средиземноморский облик. Во дворе виноградная лоза. За домом мы видим узенькую синюю полосу Средиземного моря. Раннее утро, воздух свеж и прохладен.

Открытые двустворчатые двери, очень высокие и широкие, ведут в сумрачное помещение. Это комната с коричневатым бетонным полом и высокой соломенной кровлей. Это гостиная той фазенды Хоба, где он жил до К'ан Поэта. Сбоку выцветший, но дорогой персидский ковер. У одной стены низкая кушетка, покрытая шерстяным покрывалом с вопиюще ярким, дисгармонирующим рисунком. На кушетке спят две кошки. Рядом с кушеткой

большой невысокий кованый бронзовый столик овальной формы. На столике высится трехфутовый кальян, а рядом — пластмассовая пепельница, украшенная логотипом отеля «Браун», Лондон. Вокруг стола три неудобных с виду набивных кресла веселенькой расцветки сгрудились, будто трое хулиганов в красных бархатных костюмах, получивших по пуле в живот. Комнату освещают две керосиновые лампы Аладдина из липовой бронзы, с матовыми стеклянными абажурами, украшенными крохотными синими васильками.

Слева лестница, ведущая к застекленной двустворчатой двери. За ней — кабинет Хоба. В кабинете, за некрашеным фанерным столом, сидит Хоб перед большой механической пишущей машинкой «Олимпия». Стол как попало завален стопками бумаги. Хоб лихорадочно печатает.

Снизу доносится голос. Это Кейт, только что вышедшая из кухни, — двадцатидвухлетняя и очень симпатичная, с ниспадающими на спину светло-русыми волосами — прямо-таки воплощение поколения цветов.

Кейт: «Обед готов!»

Хоб: «Сейчас подойду. Надо только выработать листаж».

Кейт: «Сколько страниц сегодня?»

Хоб: «Двенадцать. Уже заканчиваю».

Он снова утыкается взглядом в машинку и продолжает печатать. Мы приближаемся и заглядываем ему через плечо. Он печатает: «Настало время всем добрым людям прийти на помощь Хобу Дракониану». Снова и снова. Мы видим, что и другие страницы несут то же послание.

Сцена затуманивается, уходит в затемнение, выходит из затемнения, меняется. Мы свидетели чуда из чудес — снежного утра на Ибице. Вилла сияет белизной на фоне слегка припорошенной снегом земли. Миндальные и рожковые деревья рисуются четкими силуэтами на фоне блеклых небес. Все выглядит крайне нереальным. Хоб и Кейт уложили в машину — недорогой «Ситроен-Диан-6» — последние чемоданы. Лоза уже увяла, кошек нигде не видать. Машина, стоящая у стены сада, так загружена багажом, что просела на рессорах.

Хоб входит в дом и закрывает большие входные двери, после чего запирает их литым железным ключом, весящим не меньше фунта. Сев в машину, Хоб и Кейт съезжают вниз по каменистому проселку на асфальтовую дорогу. По обе стороны возносятся холмы Ибицы, дивный библейский пейзаж, пологие склоны, овцы и козы, сады, каменистая земля, невысокие каменные стены, каменные фермерские дома. Проехав милю, они сворачивают на проселок, подъезжают к дому и выходят из машины. Их встречает

супружеская пара — судя по одежде, испанские крестьяне. Хоб возвращает ключ. Фермер заходит в дом, затем выносит на пластмассовом подносе стаканчики и бутылку. Наполняет два стаканчика вином. Каждый пьет за здоровье остальных. Каждый обнимает всех остальных. Хоб и Кейт идут к машине. Когда она отъезжает, испанская чета начинает плакать. Увидев это, Хоб с Кейт тоже не могут удержаться от слез. Они медленно едут к порту Ибицы.

— Вот и все, — говорит Кейт.

— Все образуется, — говорит Хоб.

— О, Хоб! Я так хочу тебя! — говорит Кейт.

— А как же Найджел? — спрашивает Хоб.

— Мне всего лишь надо сказать ему, что между нами все кончено. Но ты на этот раз серьезно, Хоб? Ты в самом деле покончил с бегствами?

— Больше я тебя не покину, — обещает Хоб.

Тут внезапно мы перебрасываемся к прежней сцене — большая белая фазенда на крутом холме над главной дорогой на Фигуэрал. Камера дает панораму долины Морна, затем мы видим, чуть ниже мерцающей светлой полоски моря белый край пляжа Аква-Бланка.

Невероятно, но стоит весна. Кейт одета в воздушное, светлое платье, развевающееся на ветерке. Она улыбается. Ее медовые волосы обрамляют лицо. Цветут крохотные весенние цветочки — маленькие ирисы, карликовые орхидеи и ярко-алые маки. В недостижимой вышине, под самым куполом бездонной синевы небес, плывут два-три легчайших облачка. Хоб и Кейт стоят близко-близко, глядя друг другу в глаза. Вот она, кульминация, постижение невозможной мечты.

И тут мужской голос говорит:

— Простите, сэр.

Глава 11

Пако выскользнул из автомобиля, сунув брезентовый мешочек Сантоса под рубашку-гуаябера¹, плиссированную спереди. Ноша немного растянула складки, но Пако не придал этому значения. Хоть он и шеголеват, когда есть такая возможность, придирой он никогда не был. К хорошей одежде Пако привык за последние пару лет, с тех пор как дон Сантос привез его с семейной асиенды в провинции Мателоса на восточной оконечности Сан-Исидро и водворил в нью-йоркское посольство.

¹ Гуаябера — стиль рубашек с короткими рукавами, надеваемых на выпуск, с двумя парами накладных карманов — на груди и у пояса.

Пройдя в сторону центра по Седьмой, он перешел на Восьмую, добрался до Сорок первой улицы и вошел в здание Портовой администрации. Его чувства были обострены до предела. Он готовился к этому моменту и был готов давным-давно. Его роль тут мала, но жизненно важна. И притом он понимал, что является ключевым звеном в возрождении сан-исидрийской экономики. Да, он и люди, с которыми он работает, — Сантос и остальные на родине — последняя светлая надежда сан-исидрийского народа, его единственный шанс занять место под ярким солнцем прогресса, принадлежащее ему по праву.

Его преподаватель теории экокатастроф в университете Сан-Исидро — человек, которого слушали с пиететом, хотя заглазно и называли его Умберто Д., — первым открыл Пако глаза на злосчастье, постигшее страны третьего мира в силу неизбежной природы вещей.

— Не позволяйте Америке и России одурачить вас, — громко гласно вещал Умберто Д. со своей кафедры в главной аудитории университета Сан-Исидро. — Их идеологические баталии — лишь маскировка. Она скрывает то, ради чего идет истинное сражение, а именно кто получит деньги и как не дать их больше никому. Это игра в покер, друзья мои, и малые нации будут разорены. В Гарварде это называют экономической теорией покерного стола. Третий мир останется без гроша, а банк сорвет компания «Юнайтед Фрут» и ей подобные. Лучшее, на что мы можем надеяться, — это что какая-нибудь разлюбезная международная компания построит тут место сборищ и трудоустроит наш народ в роли официантов. Тенденция неизбежная, если только мы сами не направим ее в противоположную сторону. — Тут он воздевал свою скрюченную руку и горестно усмехался. — И эта задача — дать Сан-Исидро шанс — лежит на вас, молодежи нации.

Денег не хватает вечно. Но образование имеет наивысший приоритет. Плановики в Финансерии рассчитали, что начиная с базиса в пару сотен миллионов долларов можно превратить университет Сан-Исидро в первоклассное учебное заведение, а уж дальше все пойдет само собой. Поскольку население Сан-Исидро невелико, это позволит каждому взрослому жителю острова на три года, оплачиваемых правительством, уйти от прочих дел и за означенное время постичь основы современной истории, науки, литературы, искусства, геополитики, математики, древних языков и так далее.

— В будущем, — говорил профессор, — проблема выбора упрощается. Либо вы конструируете микросхемы, либо вы их собираете. Если не хватает мозгов, придется работать руками.

Как же Сан-Исидро набраться мозгов? Благодаря учебе. А как заплатить за учебу?

Как сказал бы национальный герой американского народа Клинт Иствуд, Любим Доступным Способом.

Одна из магистралей национального роста наметилась весьма быстро. Сан-Исидро удобно расположен для торговли наркотиками. Это небольшой остров в Карибском море, в 170 милях от Барранкильи. Здесь есть крупный аэропорт, не простаивающий благодаря тому, что служит большим перевалочным пунктом при низких тарифах. Еще один источник дохода не повредит, а сейчас самое подходящее время. Петля шмонов вокруг колумбийских поставок все затягивается. Из Медельина прилетали кое-какие важные люди, чтобы потолковать с президентом, доктором Сачс-Альваресом. В результате доктор Сачс предложил десятипроцентную скидку на оптовые поставки, и ему было позволено ввести на рынок собственный товар — Бледный Шарах Сан-Исидро, на который возлагаются немалые надежды. Если все пойдет как надо, скоро он будет пользоваться высоким спросом у разборчивых потребителей наркотиков.

Нелегкой ценой далось решение встать на путь международных преступлений Сачсу — лютеранскому проповеднику, начавшему биографию в Штокхаузене, где он работал портовым грузчиком, а на Сан-Исидро попал почти тридцать лет назад по маршруту, включавшему долгое пребывание в Шанхае и еще более долгое — в Американском Самоа. В конце концов Сачс поддался искушению улучшить положение своего бедного, полуголодного, истерзанного пеллагрой¹ народа, спорящего с населением Гаити за последнюю строчку в списке беднейших народов мира.

Сан-Исидро гол как сокол. Остров лишился своих деревьев три века назад, а его бедная полезными ископаемыми земля используется и для сельского хозяйства, и для горных работ. Рыба в его водах выловлена подчистую. Никто не хочет строить полупроводниковый завод в его убогих пригородах. Пару лет назад Всемирный банк ссудил острову миллион двадцать в качестве рождественского подарка, но теперь у него есть другие, более многообещающие кандидаты. Да и потом, все деньги без остатка ушли на вакцину для борьбы с инфекцией, принесенной инспекторами ООН, — так называемой «норвежской бело-голубой лихорадкой», болезнью, из-за которой зараженный умирает, что-то лепеча о фьордах. К тому времени, когда с ней было покончено, санисидрийцы вновь сидели у разбитого корыта. Что же тут оста-

¹ Пеллагра — заболевание, обусловленное недостатком в организме никотиновой кислоты и других витаминов группы В.

валось, кроме преступной дорожки? Счастье еще, что у страны есть хоть такая возможность, пусть даже предосудительная.

Президент Сачс поручил решение проблемы своей правой руке и представителю при ООН — Оливеру Сантосу-и-Манчеге. Сантос доставил первую, самую важную партию — первый образчик Снежной Чумы, Белого Лепетуна, Сан-Исидрийской Хихикающей Пыльцы, Бледного Шараха. Доставить его в страну было проще простого. Этот этап достаточно безопасен. Даже если власти что-то и подозревают, дипломатический багаж они вскрыть не могут, иначе растеряют всех своих друзей. А вот последующие этапы будут труднее. Потому что продажа сан-исидрийского кокаина отнюдь не сводится к поискам рынка сбыта. Надо помнить о международном картеле, а он куда опаснее федералов. И хотя президент заручился поддержкой картеля Медельина, парни из Кали придерживаются иного мнения. И все же Сачс считает, что все наладится.

— Помните две вещи, — сказал Сачс Сантосу перед его уходом.

— Какие же?

— Не позволяйте федералам заграбастать вас. И не позволяйте себя обобрать.

К несчастью, времени подмазать полицию и Агентство по Борьбе с Наркобизнесом в Нью-Йорке не было. Сантоса это огорчало, но тут уж ничего не поделаешь; договоренности существуют для давних игроков, а новички должны пытаться судьбу. Ситуация щепетильная. Сантос понимал, что нью-йоркская полиция любит коррупцию, но любит и скрупулезную эффективность. Заранее не угадаешь, на что именно из двух напорешься.

А Нью-Йорк — город контрастов, и это, разумеется, только усугубляет дело.

Сам Нью-Йорк — лишь перевалочный пункт. А новая зона распространения наркотиков находится в Европе.

Так что Сантос передал пробный мешочек Пако, верному семейному вассалу. Следующий этап за Пако.

Пако думал обо всем этом, как думал бы любой другой на его месте, шагая по Бродвею с парой килограммов товара в брезентовом мешочке, прижатом к смуглому животу с черной полоской волос посередке, и не обращал особого внимания на происходящее, поскольку окружавший его Нью-Йорк взялся за свое: обычные городские сценки, обычная мелочная возня. Во всяком случае, с виду.

Но минутой спустя Пако пришлось изменить свое мнение. Периферийным зрением, простирающимся гораздо дальше, чем у заурядного цивилизованного человека, его широко расставленные глаза уловили полунамеки, которые он и не думал высматривать. Внимание его привлекло движение, едва уловимо выпавшее

из общего ритма, на самом краю поля зрения. Пако пошел в сторону центра, потом свернул на Сорок седьмую улицу, при повороте бросив взгляд в витрину, и увидел тусклое отражение двух мужчин. Буквально излучаемая ими подозрительность и напряженная бдительность недвижимых, как у рептилий, близко посаженных глаз — все заявляло о том, что они преследуют Пако.

Глава 12

Хоб открыл глаза. Рядом стоял пожилой светлокожий негр с озабоченным выражением на кротком лице, одетый в аккуратные отглаженные джинсы и голубую рабочую рубашку. Серо-стальные волосы венчиком окружают лысину, на носу очки в металлической оправе, на шее тонкая золотая цепочка с маленькой золотой звездой Давида.

Хоб сел. Очевидно, уснул одетым. В окно струится солнечный свет, так что вряд ли спал так уж долго. Нос по всем статьям, вплоть до запаха, стал похож на гнилую картофелину. Носовые пазухи саднило после битвы, разыгранной на слизистой оболочке распадающимися кристаллическими веществами. В затылке застряла тупая боль, по ощущениям совершенно неотличимая от начальной стадии развития опухоли мозга. В остальном же Хоб чувствовал себя прекрасно.

— Вы кто? — поинтересовался он.

— Я Генри.

— Мы знакомы?

— Наверяд ли. Я Генри Смит, уборщик мистера Розена.

— Привет, Генри. Я Хоб Дракониан. Я друг мистера Розена.

— Да, сэр. Я так и подумал, что вы друг.

— Мистер Розен еще не появлялся?

— Его тут не было, когда я пришел, — озадаченно поглядел на него Генри.

— А когда вы его ждете?

— Я вообще его не жду. Мой чек он просто оставляет на холодильнике. Я прихожу каждую субботу. А он когда тут, когда нет.

Суббота? Забавно. Хоб пришел к Максусу в пятницу. Должно быть, Генри спутал дни недели.

— По-моему, Генри, сегодня пятница.

— Нет, сэр. Нынче суббота.

— Откуда такая уверенность?

— Потому как перед приходом сюда я каждую субботу хожу в шул¹, что на перекрестке Сто тридцать седьмой улицы и Ленокс-авеню.

¹ Синагога (*идиш*).

Хоб принялся шевелить извилинами, но мозг несколько парализовало. Ему было трудно уразуметь даже простейшее утверждение. Вернее, если предположить, что оно простое. Итак, суббота. Значит, он трупом пролежал целых двадцать четыре часа.

Что ж, он просто устал. Эти иудейские разводы выжимают человека, как лимон. Но на самом деле, конечно же, причина заключается в комбинации кокаина и той сиреневой пилюли в золотистую крапинку, подsunутого Келли стомегатонного релаксанта. Если мозг — мышца, то снадобье и вправду сработало.

— Вы что-то нестойкий, — заметил Генри, наблюдая, как Хоб поднимается на ноги. Хоб чувствовал себя, как новорожденный олененок, делающий первый в жизни шаг. А выглядел, как застреленный жираф. Подавшись вперед, Генри поддержал Хоба, чтобы тот не налетел на стену. — Может, принести вам чуток кофею, пока я не ушел?

Хоб чуть не отказался: «Черт, да все в порядке, я могу взять кофе сам, только поверните меня в сторону кухни и малость подтолкните». Но затем девственную целину его рассудка вспахали две мысли. Первая: «Отдам все на свете за чашку кофе, да чтоб ее вложили в мои трясущиеся руки». Вторая: «Как только Генри выйдет из комнаты, я смогу принять пару понюшек и взять себя в руки».

— Спасибо, Генри, если не слишком трудно, я бы с радостью выпил кофе.

Генри сходил в кухню и быстро приготовил Хобу чашку растворимого кофе, набрав горячей воды из-под крана. Подождал, пока Хоб отхлебнет, затем спросил:

— Теперь лучше?

— Замечательно, Генри. Мистер Розен не говорил, когда вернется?

— Он никогда мне ничего не говорит, — покачал головой Генри. — Я просто прибираюсь. Еще чего-нибудь?

Хоб покачал головой.

— Тогда я ухожу. До встречи в следующую субботу, если вы еще тут будете.

Как только Генри ушел, Хоб открыл ящик кофейного столика и нашел большой оникс, аккуратно убранный Генри. Кокаин по-прежнему был на камне, равно как бритва и нюхательная трубочка. Должно быть, Генри очень надежный служащий, если каждую субботу убирает подобное зелье и не теряет головы. А может, он просто религиозен.

Но если сегодня суббота...

Придется взглянуть правде в глаза: если этот мужик был в шутке, значит, и вправду суббота.

Тогда куда же подевалась пятница? Если уж на то пошло, в

какой день недели состоялся вылет с Ибицы? У кого-то съехала крыша — либо у него, либо у времени. Пожалуй, пока что об этом лучше не думать. День потерялся. Что потеряется в следующий раз? Отделив бритвой две коротких понюшки, Хоб втянул их носом. Кокаин опалил пазухи носа, их передернуло. Затем голова прояснилась. По деснам разлилось приятное онемение зарождающегося перитонита. Тут же стало намного лучше: ни одно средство не может так облегчить последствия злоупотребления кокаином, как сам кокаин. Секунду-другую Хоб боролся с искушением принять еще пару понюшек. И тут зазвонил телефон.

Хоб решил не обращать на него внимания. Однако не так-то просто позволить телефону просто названивать, даже если он не твой. Надрывающийся телефон требует, чтобы ему ответили. Но должен же у Макса быть какой-то автоответчик на время его отсутствия! А может, он просто не придает подобным звонкам никакого значения — дескать, перезвонят, если что-нибудь важное.

Телефон продолжал настойчиво трезвонить. Умолк только звонок после двадцатого.

Хоб допил кофе, открыл чемодан и разложил свой скудный гардероб — запасные джинсы, пара рубашек, смена белья и плотный свитер на случай внезапных заморозков в июле. Прошел в ванную и принял душ. Помогло. Побрился. Это помогло еще больше. Потом оделся и вышел в гостиную.

Оба видеомаягнитофона, ошетилившиеся крохотными красными и зелеными лампочками, переключателями и шкалами, выглядели ужасно сложными. Не годится ломать хозяйские игрушки. Хоб решил осмотреть их попозже, а пока есть и более насущная проблема: голод. Он уже собирался пошарить в кухоньке, когда телефон зазвонил снова, а за ним трель подхватил и другой, расположенный где-то подальше. Хоб не стал поднимать трубку ни на том, ни на другом, решив обследовать апартаменты на случай, если Макс лежит где-нибудь без признаков жизни или вообще без наличия таковой.

В спальне Макса, расположенной по ту сторону гостиной, Хоб наткнулся на открытый ящик бюро, где лежало полдюжины связок ключей. Под ключами обнаружили вездесущие пузырьки с марафетом и пилюлями. Но никакой травки, хотя Хоб предпочел бы именно ее. А под аптечным стеклом — тысячи полторы долларов сотенными купюрами, схваченные широкой синей резинкой. А под ними — вороненый револьвер «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра. Хоб не притронулся к нему и пальцем. Порой подобные штуковины срабатывают от легчайшего прикосновения. А насколько Хоб мог судить, пистолет заряжен.

Глядя на пистолет, наркотики и купюры, Хоб предавался сумрачным раздумьям, когда телефон снова зазвонил. И в тот же миг в замочной скважине входной двери заскрежетал ключ.

Глава 13

Чтобы открыть дверь апартаментов Макса, требуется три ключа. Хоб слушал, как замки шелкают один за другим. Затем дверь распахнулась, и в помещение вошла Дорри, секретарша Макса, с которой Хоб уже познакомился — двадцать четыре часа назад, если верить Генри. Но если уж не верить негру-уборщику иудейского вероисповедания, не воруящему марафет своего босса, то кому же верить вообще? Одетая Дорри была в твидовые брюки и черную водолазку.

— Вам известно, сколько занимает дорога сюда из Бруклин-Хайтс? — спросила она.

— Полчаса? — предположил Хоб.

— Кладите час двадцать, считая пятнадцатиминутную задержку под рекой.

— Прискорбно слышать, но я тут ни при чем.

— Очень даже при чем! Макс уже не первый час пытается дозвониться до вас, но там, откуда вы приехали, на телефонные звонки отвечать не принято. А может, вы даже толком не знали, что это за звон.

— На Ибиде мы слышали о телефонах, — сообщил Хоб, — но не доверяем им.

— Это очевидно. Одним словом, Макс позвонил мне и попросил приехать сюда, чтобы выяснить, живой вы или мертвый, и если живой, попросить вас взять чертову телефонную трубку, он хочет с вами поговорить.

Она уставилась на Хоба испепеляющим взором — прекрасная и разобитая, как раз такая, чтоб Хоб ощутил себя на знакомой территории: обвиняемым в том, что не сделал дело, которое предпочитал оставить несделанным. Едва-едва познакомился с Дорри, но со стороны все выглядит так, будто их не заладившийся брак уже балансирует на грани краха. Хоб мысленно отметил, что жениться на ней нельзя ни в коем случае; за глаза хватит и далеко идущих свиданий.

— Чего это вы на меня так смотрите? — не выдержала она. — У меня что, с макияжем что-то не в порядке?

— Знаете, вы прекрасны в бешенстве, — заметил Хоб.

Дорри вытаращилась на него. От этого оксюморона¹ ее наду-

¹ Стилистическая фигура, сочетание противоположных по значению слов.

тые паруса вдруг обвисли и заплоскались, как от встречного ветра. Она явно без ума от двусмысленностей. Хоб заметил, что ее нижняя губа поблескивает.

— Вы чокнутый, — наконец проговорила Дорри.

— Да нет, знаете ли. Просто я таким замысловатым способом приглашаю вас отобедать в моем обществе.

Она призадумалась, явно пробуя это предложение на вкус. Что-то между ними намечается. Во всяком случае, между ним одним уж точно. Сердце Хоба отчаянно колотилось. Побочное действие кокаина или искреннее человеческое чувство? Впрочем, какая разница?

И тут как нельзя более кстати зазвонил телефон, давно суливший вмешаться. Дорри и Хоб поглядели друг на друга, потом на телефон, уставившийся на них своим дебильным бежевым лицом, украшенным циферками. Он звонил и звонил — с мольбой и гневом; они ведь ведут себя так по-детски, эти телефоны. Хоб вознамерился переждать, пока тот утихнет. Я Тарзан, ты — Телефон. Но Дорри не выдержала и подняла трубку.

— Ага, он здесь, твой старый приятель с Ибицы. — Она передала телефон Хобу. — Вас. Пойду приготовлю кофе. — И направилась в кухню.

— Макс? — осведомился Хоб.

— Как делишки, деточка? — поинтересовался Макс.

— А что?

— Хоб, я имел честь задать тебе вопрос. — Голос его, несмотря на энергичный тон, казался слабым и далеким.

— Ты откуда звонишь-то?

— Из Парижа.

— Из Парижа, что во Франции?

— Черт побери, уж конечно, не из Парижа, что в Техасе.

— Он в Париже! — крикнул Хоб Дорри.

— Знаю, — отозвалась она. — Со сливками и сахаром?

— Черный.

— Прости, не расслышал, — сказал Макс.

— Макс, ты и вправду в Париже, во Франции?

— Хоб, Боже ты мой, да в Париже я, во Франции. Сажу в отеле «Синь» на углу Монпарнаса и Распай.

— Но как тебя занесло в Париж?

— Старым добрым авиалайнером, деточка. Доносит до Парижу, как раз плюнуть.

— Ну, ладно, — смирился Хоб. — Ты в Париже. Какие еще новости?

— Вот так-то лучше! Слушай, Хоб, внезапно выплыл деловой вопрос. Мне надо было быстренько смотаться сюда, чтобы за-

круглить сделку. Вхожу на паях в здешнее агентство «Дартуа». Крупное дело, деточка, очень крупное. Примерно через неделю я стану совладельцем величайшего и в Европе, и в Америке модельного агентства! А это, мой мальчик, не пустяк!

— Поздравляю, Макс.

— Спасибо. Я чего позвонил: мне позарез нужна тут одна из моих моделей. Зовут Аврора. Аврора Санчес. Думаю, вряд ли она звонила в мое отсутствие?

— Увы, нет.

— Ну, в общем, она нужна мне здесь. Я обещал Монморанси, что она озаглавит его новую весеннюю коллекцию. Она станет его моделью года. А это сделает ее одной из топ-моделей, что в свою очередь округлит мою сделку с «Дартуа».

— Великолепно, Макс.

— Ага, знаю. Но нужно ее сюда вытащить. Хоб, я хочу тебя нанять, чтоб ты разыскал ее и как можно скорее посадил на самолет до Парижа. И отправился с ней. Хочу, чтоб ты сдал мне ее с рук на руки. Это важно, Хоб. Сделаешь?

— Пожалуй. Но два дня вроде как маловато. Как мне достать билеты? Есть ли у нее паспорт? И где ее найти? И кстати, сколько ты мне за это платишь?

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать. Ты с этого поймешь десять тысяч долларов, Хоб. Как раз то, чего тебе недостает, деточка. Лучше и не скажешь, а? Но ты должен все бросить и прямо сейчас браться за дело.

— За десять тысяч долларов, — промолвил Хоб, — я вычеркну из своего ежедневника все встречи на неделю вперед. Черт, даже на две недели.

— Мне надо всего два дня, Хоб. Но ты должен доставить ее в Париж. Что же до билетов, то я уже заказал их на твое имя. Можешь забрать их в конторе «Эр Франс» в Кеннеди. Вылет утром в семь. Ты должен прибыть туда за час до вылета. Твой паспорт в порядке?

— За мой паспорт не волнуйся. А как насчет Аврориного?

— Я уж позаботился о нем, еще когда был в Нью-Йорке. Надеюсь провернуть это дельце.

— Ладно, так где мне ее найти?

— У тебя есть бумага и ручка? Лады, вот тебе кое-какие адреса и телефоны. — Макс принялся диктовать, а когда закончил, Хоб вслух зачитал названия и цифры. — Ну вот, дело на мази. В моей спальне на письменном столе есть записная книжка в кожаном переплете. Там есть номера Дорри и Келли. Деньги на расходы ты найдешь в левом ящике моего бюро. А также массу сам знаешь чего, если понадобится. Мой номер в здешнем отеле тоже

в записной книжке. Я тут всегда останавливаюсь, когда в Париже. Сделай это для меня, Хоб. Хватай Аврору и тащи ее сюда.

— А она не будет артачиться? — Ёстрепенулся Хоб. — Когда перед посадкой на международный рейс приходится ширять людей, я взимаю дополнительную плату.

— Ты что, сбрендил? Да она в лепешку расшибется, едва услышит про Париж. У тебя все пройдет гладенько, Хоб. Только сделай! Лады, деточка?

Когда Хоб клал трубку, руки его тряслись. Может, еще понюшечку? Нет! Надо сделать дело. Такого чудесного оборота колеса фортуны у него еще не бывало. Эта мелкая работенка может поставить агентство на ноги, оплатить *traspasso*, а с остатка от полутора тысяч долларов на накладные расходы можно выкратить что-нибудь для Гарри Хэма на Ибнице, что-нибудь для Найджела Уитона, уж бог весть где он там, и для Жан-Клода. А всего-то требуется найти девицу по имени Аврора и доставить ее в Париж. Что ж тут трудного?

Глава 14

Открыв свою вместительную сумочку, Дорри — воплощенная деловитость — извлекла скоросшиватель.

— Вот имеющиеся у меня сведения по Авроре. Заметьте, она проживает на Восточной Шестьдесят шестой улице, близ Ист-Ривер-Драйв, в противоположном конце города. Вот номер фотостудии, где она выполняет большинство работ. У нас есть номер и адрес ее тети в Бруклине, но она там не бывает. Кроме того, номер церкви, которую она посещает, тоже в Бруклине. Тут же ряд ее фотографий. Вот. Могу я вам помочь еще чем-нибудь, пока не ушла домой?

— Скажите, у нее были какие-нибудь основания выехать куда-нибудь из города?

— Насколько мне известно, нет. — Дорри посмотрела на часы. — Сейчас почти два часа дня. У вас на поиски остаток дня и вся ночь. Ваш рейс вылетает в Париж в семь утра из международного зала отправления в Кеннеди. Келли вас отвезет. Он должен вот-вот подъехать...

Она не договорила, услышав скрежет ключа в замке. Оба замерли в ожидании. Дверь распахнулась, и вошел Келли.

— Келли, — сказала Дорри, — не знаю, известно ли тебе насчет Парижа...

— Известно. Макс звонил мне в спортзал. Я тотчас поехал. — Келли поглядел на Хоба. — Вы с Авророй должны махнуть утрен-

ним рейсом из Кеннеди, верно? А я пока буду возить вас, куда потребуется. Лимузин внизу. Я готов ехать, как только вы будете готовы. Багажа много?

— Один чемодан, — ответил Хоб. — В спальне. Мне только надо покидать в него шмотки.

— Не беспокойтесь, я это сделаю за вас. И отнесу в лимузин.

— Мне еще надо найти Аврору, — заметил Хоб.

— Да с этим не будет никакого напряжения. Обычно она торчит дома, ежели не на съемке и не с Максом.

— Я как раз собираюсь это выяснить. Так что прошу прощения, мне нужно позвонить.

— Я пошла, — сообщила Дорри.

— Схожу на кухню, прихватчу пивка, — проговорил Келли. — Не знаете, Генри принес? Неважно, сам погляжу.

Келли вышел, и в коридоре послышался цокот его каблучков, удаляющийся по направлению к кухне. Дорри подхватила сумочку, небрежно сделала ручкой и удалилась, плотно закрыв за собой входную дверь. Хоб сел у телефона.

Набрал номер Авроры. Занято.

Глава 15

— Алло, Аврора? Это Макс.

— Черт, Макс, вчера ночью я из-за тебя глаз не сомкнула! Где ты?

— Ты не поверишь, деточка.

— А ты проверь.

— В Париже.

Пауза на том конце. Затем:

— Ты шутишь?

— Деточка, я серьезно. Я в отеле «Синь» рядышком с бульваром Распай. Помнишь это заведение, а?

Сделав глубокий вдох, Аврора заставила себя сохранять спокойствие.

— Что ты там делаешь? Я думала, что в следующий раз в Париж едем вместе.

— Именно это я сейчас и улаживаю. Слушай, деточка, помнишь то крохотное дельце, про которое мы с тобой толковали? Дельце, которое сделает тебя моделью года у «Дартуа»?

— Да, Макс, я прекрасно помню, что ты говорил.

— В общем, тут кое-что как раз наклонилось, и, думаю, я могу перевернуть это прямо сейчас.

— Макс, это чудесно! Когда мне приехать?

— Утром. Я все уладил. Тебя кое-кто проводит. Но на самом деле все не так-то просто.

— Так я и знала, что без проблем не обойдется.

— Ну, чтобы повернуть это дельце с «Дартуа», как ты помнишь, мне нужны деньжата.

— Макс, у тебя же есть деньги!

— Не такие, чтобы откупить долю в «Дартуа». Мне надо парой сотенок поболее.

— То же самое было и вчера, Макс. Не вижу, что могло измениться.

— А то, что у меня появился способ раздобыть денег. Помнишь то другое дельце, про какое я тебе толковал? Все на мази. Меня навестил дружок, Хоб Драконииан. Скоро он тебе звякнет.

— Чего это ради?

— Я велел ему разыскать тебя и привезти в Париж.

— Я все еще не улавливаю, куда ты клонишь, Макс.

— Он частный детектив. Я плачу ему за это.

— Но с какой стати?

— Слушай, деточка, мне что, по слогам повторять? Сантос звонил из аэропорта. Он только-только прилетел. У него для меня товар. Пако передаст его тебе.

— Макс, ты живешь в Нью-Йорке, ведущем мировом рынке наркотиков, а собрался тащить товар аж в Париж?

— Да, собрался. Это деловое соглашение. Нью-йоркский рынок уже забит. В Нью-Йорке у меня нет нужных связей, чтобы толкнуть все чохом. А торчать там и продавать осьмушками, как раньше, я не желаю. Здесь же я смогу повернуть дельце с «Дартуа» и сделаю тебя моделью года, что даст мне то, чего я хочу.

— Макс, ты не в своем уме, если думаешь, что я смогу провезти товар. Я же сказала, у меня проблемы с Эмилио.

— Тебе всего лишь надо избегать его.

— И протащить товар через таможеню? Пытаешься подставить меня под суд?

— Дорогуша, поверь, все улажено.

— Так чего ж ты не отвез сам?

— Потому что я в Париже, а не в Нью-Йорке.

— Да не стану я этого делать.

— У меня есть способ повернуть все без риска. Как я сказал, тебя будет сопровождать Хоб Драконииан.

— Ага, и что же?

— Я велю Келли сунуть товар ему в багаж. Все пройдет шитокрыто.

— А если нет, что станет с Хобом?

— С ним тоже ничего не будет. Если его поймают, он убедит легавых, что слыхом ни о чем не слыхивал, они его малость помурьжат и отпустят.

— Ты уверен?

— Это более чем вероятно.

— Чертовски хорошее отношение к друзьям.

— Модель года. А я стану совладельцем «Дартуа». Милая, на кон поставлено очень многое.

— Макс, не нравится мне это.

— Аврора, пожалуйста, перестань смотреть на вещи с темной стороны. Все будет путём.

— Ладно, Макс, чего там, это ж твой друг, а не мой. И что же мне делать, ждать его звонка?

— В том-то и дело. Отправляйтесь завтра утром. До скорой встречи, деточка.

Глава 16

Внезапно Пако рванул с места в карьер. Преследователи побежали за ним. Теперь они находились за Рокфеллеровским Центром, на Пятидесятой или около того улице, и Пако несся вперед, лавируя между прохожими и попрошайками, а его кеды на толстой подошве мягко шлепали по тускло-серой мостовой.

День выдался самый что ни на есть прекрасный для гонок по центру Манхэттена. Толпы, только что исторгнутые Радио-Сити, лишь мельком успевали взглянуть на эту бегущую троицу — галстуки двух преследователей развеваются у них за спинами, Пако впереди, его бочкообразная грудь вздымается, он ныряет из стороны в сторону, бежит, сворачивает, неуклонно продвигаясь в сторону центра, к неведомой цели.

— Стой, шельмец! — крикнул передний преследователь. — Я хочу с тобой поговорить!

— Нье понимай аньглейски! — отозвался Пако, потому что никогда ведь заранее не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Маленькая неправда в подходящий момент может подмазать застопорившиеся шестеренки, обратив самую отчаянную ситуацию в смехотворную. Во всяком случае, так считали в университетском курсе по Сведенборгу. Пако энергично потрянул волосами. Надо же, какая чушь взбрет иной раз в голову на бегу! И свернул на Пятьдесят третью улицу. Его ноги разгибались, отталкивались, сгибались и снова выпрямлялись, в точности отрабатывая все движения бегущего человека. Оглянувшись, он увидел наступающих преследователей — один большой, другой помельче. Вооружены,

тут и гадать нечего. Что за вшивое невезение — ни с того ни с сего подцепить эту парочку. Отправляться на randevу теперь нельзя. Надо как-то избавиться от погони. Но как?

Тут он оказался у здания с толпой народа перед входом, заметил пробвет и метнулся в Музей современного искусства.

Глава 17

Вообще-то Байрон, билетер Музея современного искусства, не хотел пускать Пако, потому что тот по виду смахивал на субъекта, чей интерес к картинам ограничивается их похищением или обезображиванием. С какой это радости типу с широченными плечищами и крохотными птичьими глазками любоваться картинами? А уж одет-то!

Байрону пришло в голову, что надо бы упредить одного из охранников, потому что субъект и вправду выглядел подозрительно. Билетер даже потянулся к кнопке звонка тревоги, но остановился, потому что Пако ему кого-то напомнил. Замешкавшись, Байрон пытался сообразить, кого же именно, и вдруг его осенило: дьявол, да ведь этот парень — вылитый Диего Ривера! А Ривера был великим и очень непонятым!

Посему, хоть Байрон толком и не понимал, что именно этим доказал, но все же воздержался от объявления тревоги, тем более что в этот самый миг к нему подошел высокий темноволосый симпатичный мужчина, купил билет и промолвил:

— Должно быть, работать здесь просто здорово. — И улыбнулся.

Пако же между тем шагал по первому этажу музея, даже не догадываясь о терзаниях Байрона. Как там преследователи? Заметили, что он вошел сюда? Пошли следом? Глаза его метались туда-сюда, будто напуганные черные кролики, съездившиеся в черные горошинки. Мельком выглянул на улицу, в садик скульптур. Смахивает на грудку лома, ожидающуюся, когда за ней придут мусорщики. Снова зашел и по мраморной лестнице поднялся на второй этаж. Немного выждал. Ни слуху ни духу. Настало время выйти и позвонить по телефону.

Позвонить по телефону... Вот как раз этого-то этапа Пако и боялся более всего. У него была телефонофобия. Его отец скончался от ушной инфекции после попытки по телефону упротить лейтенанта налоговой службы малость скостить налог, из-за невезучести и самоубийственного недомыслия. Старик уечно приходили в голову подобные идеи. Болезнь началась в виде какого-то

грибка, образовавшего вокруг уха идеальное кольцо. Потому-то он и догадался, что подцепил заразу от телефона, старого, грязного телефона в деревне Сан-Матео-де-лос-Монтеc в провинции Мателоса на Сан-Исидро, где жила семья Пако.

В своей телефонофобии Пако не признался никому и ни разу. Слишком уж важно ему было заполучить эту работу. Он хотел поехать в Соединенные Штаты, чтобы поработать над собой. Понимал, что в какой-то момент будет вынужден совершить нечто важное, что будет некая жизненно важная цель и придется преодолеть себя. Сама жрица, еще когда он был верным прихожанином церкви Духов Меньших, сказала ему: «Это неизбежно, знаешь ли, день испытания настанет, день, когда тебе придется преодолеть то, что прежде не удавалось».

«А вы можете хоть намекнуть, что именно?» — спросил он.

«Ты же знаешь, это не дозволено».

С той поры он передумал немало дум, но осознание никогда не приходило, то есть не напрямую, хотя, быть может, какими-то обходными путями... кто знает?

Покинув стены музея, Пако пошел по Пятьдесят третьей и увидел телефонную будку. Да, вот так вот быстро. Он нашарил в кармане пять четвертаков, которыми невольно поигрывал с той самой поры, как оставил посольство.

4 Сделав глубокий вдох, Пако шагнул в телефонную будку. Будучи в этих краях новичком, он не догадывался, что у телефонной будки есть дверь и что ее можно и даже нужно закрыть. Бросил монетку.

Когда она упала, Пако набрал номер, впечатанный в память благодаря постоянной зубрежке с Сантосом, настоявшим, чтобы Пако заучил номер даже задом наперед. Телефон выдал свой традиционный репертуар звуков. Пако еще ни разу не слышал звуков, издаваемых телефоном, поскольку еще ни разу не говорил по телефону и даже не слушал разговор, и все из-за фобии. Но Пако был настолько дальновиден, что попросил своего друга Рамона — парнишку из родной деревни — записать на кассету звуки, издаваемые телефоном, чтобы в нужный час, в час испытания не оказаться совсем беспомощным.

Было что-то чудесное в том, что телефон издал как раз те самые звуки, что были записаны на пленке Рамона, хотя здесь они звучали куда сочнее — как ни крути, это все-таки Соединенные Штаты.

А затем металлический голос в сопровождении помех проговорил:

— Привет, это Аврора Санчес. К сожалению, подойти к телефону сейчас я не могу...

Глава 18

Найджел Уитон, один из коллег Хоба по детективному агентству «Альтернатива», сидел в чем мать родила в парижских апартаментах, читая лондонскую «Таймс» месячной давности. Он присматривал за этими апартаментами Эмили Шумахер, пока сама Эмили проводила время в Провансе в художественном туре, включая специальное посещение сада Моне и постой в экзотической крохотной местной таверне. Чудесный шанс совместить живопись на пленэре с гурманством по цене всего пару тысяч долларов за десять дней. Гидом поехал сам мсье Гринет, знаменитый специалист по французскому импрессионизму. А его жена мадам Гринет — знаменитый очеркист из «Хонч энд Хуф», британского гурманского журнала.

Эмили может себе позволить подобное путешествие, потому как при деньгах. Эта долговязая нескладная пожилая вдова доверила Найджелу кормежку своих кошечек и выгул своей собаки Квиффи — подозрительной чау-чау, терпимой к кошкам, но на дух не переносящей людей, за исключением Найджела. У Найджела дар ладить с животными — дар совершенно бесполезный, если только он не надумает стать ветеринаром или открыть зоомагазин.

Чего у Найджела даже в мыслях не было. Не в его характере заниматься подобной работой. Не то чтобы он был лентяем. Найджел с удовольствием брался за дело, если только оно обеспечивало почти железную гарантию никогда не обернуться выгодой. Он собственноручно отремонтировал и перестроил почти без посторонней помощи свою виллу в Сан-Хосе на Ибице, прежде чем в порыве донкихотской щедрости отписать ее своей отвалившей жене Нэнси. Найджел просто не мог не разыгрывать из себя богача, хотя и сидел без гроша. Некогда род Уитонов располагал немалыми деньгами — достаточно большими, чтобы дать Найджелу и его брату Эдуарду первоклассное образование в Итоне.

Благоразумный Эдуард пошел в правительственные служащие и трудится в невзрачном правительственном здании в Бромли. Никто толком не знает, чем он занимается. Сидит в одном из иностранных отделов. Занимается каким-то занудством насчет торговых соглашений. Во всяком случае, официально.

На самом же деле он занят в одном из разведотделов, называ-

емом невинной аббревиатурой, варьирующейся от Эм-Ай-5 до Эм-Ай-16. Время от времени аббревиатуру меняют, просто чтобы не давать противнику расслабиться. На самом деле сей братец не покидает письменного стола, чтобы отправиться шпионить за границу. Внедрение, мокрые дела и полевые работы — все это бредни из шпионских романов, которые он даже не читает. Полевую работу он предоставляет искателям приключений вроде Найджела. Сам же он вполне доволен тем, что сидит в кабинете, переключая бумагу с места на место.

Из чего вовсе не следует, что Найджел принадлежит к Гильдии. Конечно, его бы это вполне устроило, потому что Найджел — рискованный бретерствующий малый, больше всего на свете обожающий мотаться по местечкам вроде Белиза или Мачу-Пикчу в поисках зарытых сокровищ. Тип вроде Джеймса Бонда, но питающий антипатию к правительству, к которому Джеймс был лоялен лишь на словах. Найджел недолюбливает все правительства до единого, и посему ему наплевать, чья сторона берет верх. Несмотря на это, он время от времени помогает брату, когда нужен человек вроде Найджела, а под рукой нет никого из обладателей подобных талантов, но при том лишенных его амбиций. Однако такое случается нечасто.

Уитоны были богаты, но с семейными деньгами что-то стряслось. Найджел промотал свою долю в период увлечения игрой покрупному. Для успешной игры он чересчур невозмутим. Тут чтобы преуспеть, надо пугаться в подходящий момент. Да и дом на Ибисе обошелся ему в кругленькую сумму, хотя Найджел проделал изрядную часть работ собственноручно. А в итоге лишился всего. Вернее, добровольно отдал своей бывшей женушке — красавице Нэнси; как ни крути, ей ведь еще нужно вырастить детей.

Так что когда все было сказано и сделано, Найджел сидел на мели, как старая баржа, и подрабатывал в детективном агентстве «Альтернатива», ожидая, когда подвернется что-нибудь еще.

В последнее время подвернулся лишь хомут с присмотром за парижскими апартаментами Эмили Шумахер. Эмили, старой подруге семейства, даже в голову не приходило, что она *нанимает* Найджела, как нанимают какого-нибудь работника. Разве можно *нанять* друга, чтобы тот пожил в твоих апартаментах, выгуливая твою собаку?! Ни в коем разе, как любит говаривать Эмили, подцепившая это выражение у своего первого мужа Барни — лысого шутника, торговца недвижимостью из Олбани, штат Нью-Йорк.

Как-то раз она наткнулась на Найджела, шагавшего мимо «Крийона», и пригласила его на чай.

— Что ты делаешь в Париже, Найджел?

— Да просто болтаюсь без дела в ожидании, когда начнется

сезон бегов. — Найджел скорее пошел бы на эшафот, чем признался, что просто не располагает деньгами, чтобы отправиться куда-нибудь еще. Если уж тебе не хватает средств, чтобы покинуть город, — ты настоящий банкрот.

— А где ты остановился?

— Как раз перебираюсь на новое место, — неопределенно ответил Найджел. На самом же деле он просто стыдился сознаться, что его как раз выставили из арабской гостиницы за отсутствие звонкой монеты.

— Да это же замечательно! — обрадовалась Эмили. — Значит, ты можешь пожить в моих апартаментах? — Она объяснила, что хочет отъехать на десять дней в художественный тур — она без ума от Моне, но никогда не могла толком подражать ему, а сейчас как раз предоставляется случай узнать, в чем тут хитрость, — однако оставить животных ей не на кого. А нанимать кого-нибудь через агентство она не хочет.

— Они воруют. Опять же, ты ведь знаешь, что Квиффи недолголюбивает чужаков. — (Квиффи — та самая чау-чау.) — Но тебя она обожает.

Найджел согласился. Эмили чуть ли не силком вручила ему деньги на корм животным, дала ключ и в тот же вечер укатила. Ликуя. Муж на том свете, единственный сын в Гарварде, животные в надежных руках, а впереди — десять дней с Моне и изысканной пищей. Можно ли желать большего?

В тот момент у Найджела в карманах ветер гулял вовсю. На его месте любой другой — во всяком случае, большинство других — взял бы щедрую горсть полученных от Эмили франков и купил бы себе основательный обед. А Найджел пошел и купил собачьих и кошачьих консервов, да притом наилучших — разве можно хоть в малом обделить животных, вверенных попечению Найджела? — а на остаток взял два французских батона и упаковку паштета. Никудышный из него экономя. К исходу третьего дня в апартаментах Эмили, поглотив свою провизию за полтора дня, Найджел совершил набег на холодильник и вернулся с пустыми руками. Эмили опустошила его загодя. Съела все свои запасы, а позволять продуктам портиться она не любила. Изыскания в кладовке выявили лишь две баночки рагу. Найджел употребил их на третий и четвертый день и оказался в том же положении, что и раньше, только проголодался еще сильнее.

Мысли о практических материях были непереносимы для Найджела, но пустой, урчащий желудок направил их в утилитарное русло. Оглядевшись, он увидел в апартаментах массу мелочевки, которую мог бы толкнуть на блошином рынке в Куленкуре. Но он не мог заставить себя сделать это. Предположим, обнаружится

пропажа омерзительного хрустального графина. В конце концов, она ведь подруга матери! Несмотря ни на какой голод, Найджел не мог вынудить себя украсть что-либо у Эмили, даже если наречь это временным заимствованием. Ему было бы куда легче схватить кого-нибудь за глотку в подворотне Монмартра, чем злоупотребить гостеприимством подруги семейства.

И все же голод не тетка, а голь на выдумки хитра. После ряда звонков — выудить франк-другой у Жан-Клода не удалось (тот оказался на такой же мели), остальные знакомые из Парижа выехали (небось тешатся за карточными столами в Дювиле да набивают себе животы в роскошном буфете) — Найджел уселся на софу, закурил (у него еще осталось семь штук «Диск Блэ») и смерил взглядом чау-чау Квиффи. Квиффи, не слишком умная даже для собаки, заковыляла к нему в ожидании ласки.

— Квиффи, дорогуша, — заметил Найджел, — ты что-то слишком раздобрела.

Решив, что это комплимент, Квиффи что-то курлыкнула.

— Посему, — продолжал Найджел, — с сегодняшнего дня ты на диете.

Квиффи отрывисто тьякнула два раза, но эти звуки ровным счетом ничего не означали.

— Но чтобы ты не чувствовала себя одиноко, я сяду на ту же диету. Полбанки тебе, полбанки мне — лучшие собачьи консервы во всем Париже.

И свое слово Найджел свято сдержал. Он уже давно подозревал, что в Париже человек преспокойно может выжить на лучших сортах собачьих консервов. А если и этого не хватит, можно стащить малую толику у кошек.

Чтобы чувствовать себя не так скверно, он напомнил себе, что ел и похуже во время той дурацкой авантюры в Эфиопии, а еще хуже в Новой Гвинее, когда сопровождал Эрика Лофтона, отправившегося добывать неуловимую райскую птицу, а в результате не сыскавшего даже чертовой цесарки.

Уж таков Найджел — никогда не оплакивает свой жребий и не предпринимает почти ничего, чтобы его улучшить. Стоик. Фаталист (не считая вопросов чести). Жан-Клод на его месте обчистил бы всю квартиру, вплоть до мебели и прочего, считая, что если человек дает Жан-Клоду такую возможность, когда тот голоден, значит, он свою участь заслужил.

Итак, обнаженный Найджел полулежал на диване в душных парижских апартаментах Эмили, созерцая древний номер лондонской «Таймс». Красно-золотая вспышка — золотая рыбка вильнула хвостом в аквариуме. Желтый чирик — канарейка в клетке. Уличный шум Парижа, но без аккордеона. Тянет подгоревшим

кофе. И вдруг ожил телефон на полированном приставном столике красного дерева на рю Андре Бретон близ Сакре-Кер в Париже. Дотянувшись до него с дивана, Найджел снял трубку и по-французски произнес:

— Квартира Шумахер, говорит Найджел.

— Найджел? Это Хоб.

Найджел перешел на английский.

— Мой дорогой друг, как приятно слышать твой голос. Полагаю, ты в Нью-Йорке?

— Да, но завтра утром вылетаю в Париж. Рейс триста сорок два, «Эр Франс». Найджел, дела принимают очень славный оборот. По-моему, я смогу оплатить *traspasso*.

— Вот уж действительно отличная новость, — согласился Найджел. — А то я высушил свои скудные мозги, пытаюсь измыслить какой-нибудь способ помочь делу. Но в текущий момент я пал до пожирания кошачьих консервов в апартаментах Эмили Шумахер, пока она ведет *la vie bohémienne*¹ в Жуан-ле-Пин.

— Если чуток повезет, я смогу внести что-нибудь на счет, когда вернусь. Кто знает, может, в этом году детективное агентство «Альтернатива» даже принесет какой-нибудь доход. Слушай, Найджел, ты можешь распорядиться телефоном там, где живешь?

— В разумных пределах, старина, я могу делать что заблагорассудится, кроме распродажи мебели.

— Я хочу, чтобы ты позвонил Гарри Хэму на Ибицу. Я пытался пробиться к нему, но не застал. Скажи ему, что я возвращаюсь на Ибицу с деньгами по *traspasso*, и если Богу угодно, то задолго до пятнадцатого июля, когда выходит срок.

— Скажу. Откуда столь внезапно свалившееся на тебя богатство?

— Помнишь Макса Розена? Агента по моделям?

— Да, помню.

— Ну, он заграбастал меня тут в Нью-Йорке. Ему нужно, чтобы одна модель была завтра в Париже. Что-то там насчет важной работы для нее. Модель года и все такое. Он платит мне десять тысяч долларов за ее доставку. Плюс бесплатный билет до Парижа.

Найджел присвистнул себе под нос.

— Тебе что, надо вытянуть ее из тюрьмы или что-то в том же роде?

— Просто она нужна ему в Париже, и он готов заплатить мне, чтобы я позаботился о ее доставке. Не наше дело, почему. Увидимся послезавтра, Найджел. Завтра я вылетаю рейсом «Эр Франс» из Нью-Йорка. Ты все понял насчет *traspasso*?

¹ Божемную жизнь (фр.).

— Можешь положиться на меня, старичок. До скорой встречи.

Найджел задумчиво оделся, гадая, не разберется ли в этом деле Жан-Клод. Надо позвонить ему, а потом сразу же браться за *traspaso*.

Позвонил Жан-Клоду. Тот поднял трубку после первого же гудка. Они договорились встретиться через полчаса. Затем Найджел набрал номер Гарри Хэма на Ибице, надеясь застать его в баре «Эль Кабальо Негро» в Санта-Эюлалиа. И пока ждал соединения, все поджимал губы, покусывал кончики усов и дергал себя за бороду, раздумывая о Максе Розене и о том, с какой стати тот раз в двадцать переплачивает за услуги Хобу, которого толком и не знает. Это надо обмозговать.

Глава 19

Аврора быстро собрала вещи, взяв чемодан из свиной кожи. Визит к стоматологу она уже отменила. За квартиру надо будет платить только через две с половиной недели. К тому времени станет ясно, сколько продлится пребывание в Париже. Тогда и решать, как быть дальше. А пока надо просто попасть туда.

Она стояла посреди своей прекрасно обставленной квартирки на Восточной Шестьдесят шестой улице близ Ист-Ривер-Драйв, одетая лишь в юбочку, лифчик и розовые шлепанцы, и прихлебывала обогащенный персиковый нектар, якобы восполняющий нехватку витаминов, утрачиваемых при злоупотреблении наркотиками.

Сквозь венецианские жалюзи пробивались косые лучи солнца. За окном пульсировал, рокотал и корчился Манхэттен на свой обычный и неповторимый лад. Аврора стояла перед окном — высокая и стройная даже в шлепанцах без каблука; длинные золотисто-рыжие волосы под Риту Хейуорт в «Даме из Шанхая» небрежно рассыпаны по смугловатым плечам. Она совершенно непроизвольно очаровательно надула полные губы, сказав себе: «Лады, деточка, теперь встает деликатный вопрос о том, как отделаться от Эмилио».

Эмилио — переодетый агент АБН, ухлестывающий за ней. С ним назначено свидание нынче вечером в восемь часов в баре «Карнавал» на Западной Семьдесят второй. А еще Эмилио звал ее съездить с ним на выходные в Манток на рыбалку. У него в распоряжении роскошный коттедж какого-то парня из мафии. Аврора уже более-менее согласилась сопровождать его, но затем одумалась. А теперь, в свете грядущей утрот поездки в Париж, необходимо отменить Манток и расстроить вечернее свидание. Надо еще сделать кое-какие дела. Кроме того, он принадлежит к

ее прошлой жизни, а с ней Аврора собралась покончить. Однако как расстроить свидание?

Позвонить ему? Но ей совершенно неизвестно, где искать его до самого свидания. Звонить ему в штаб-квартиру АБН нельзя, потому что Эмилио и невдомек, что Авроре известен настоящий род его занятий. Сам он отрекомендовался как ушлый малый с хорошими связями и без явных источников дохода. Может, заглянуть в спортклуб «Пять очков» и сказать ему? На самом деле ей не хотелось так поступать. В последнее время Эмилио держится очень по-собственнически, будто имеет на нее какие-то права. Авроре это пришлось не по душе. Все чаще и чаще она возвращалась мыслями к тому, что связь с Эмилио пора прекратить. Он был забавен на свой грубый, буйный, чуточку злобный манер, ну и хватит на том, как сказала бы ее подружка-еврейка Сара Дитер.

И чем больше Аврора об этом думала, тем неуютнее ей становилось при мысли, что придется лично сообщить Эмилио о своем отъезде. Он слишком дотошен. Слишком настырен. Ну и гори он синим пламенем, сделать это придется.

Наконец-то решившись, она подошла к гардеробу и начала выбирать наряд для встречи.

Глава 20

«Ля Пи Ажил» — небольшой, не слишком интересный парижский бар, пропахший типично парижскими ароматами опилок и черного табака, винного и пивного перегара. Внутри сидело с полдюжины человек — рабочих из этого квартала. Черно-белый телевизор показывал футбольный матч, но никто не проявлял особого интереса. Прибытие «Бужоле» нового урожая дало людям повод выпить; впрочем, они в таковом и не нуждались, жизнь сама по себе, а алкоголь сам по себе.

Найджел сел под открытым небом на террасе, подняв воротник пальто от резкого, неожиданно свежего ветра. Одет он был замечательно: в твидовый костюм «Сэвил Роу» той разновидности, которые с возрастом только выигрывают — настоящее благо для джентльмена, не имеющего возможности менять костюм каждый год или каждые десять лет. Притом он курил длинный окуроч, найденный здесь же в пепельнице. Когда подошел официант, Найджел заказал чашечку кофе и графин простой воды. На террасе было зябко, но он впервые за три дня покинул стены апартаментов Шумахер.

Не успел он докурить, как подоспел Жан-Клод, грея руки дышанием, — на костлявых плечах мешковатый сине-красный сви-

тер, черные волосы зализаны назад на латиноамериканский манер «жиголо», на губах — привычная ухмылка.

Сунув руки в карманы, Жан-Клод плюхнулся на металлический стул. А как только подошел официант, заказал черный кофе для себя и кофе с бренди для Найджела.

Жан-Клод тоже сидел на мели, но не так серьезно, как Найджел. Он мог позволить себе питаться, хотя в «Ле Ша Вер» подают, пожалуй, худшие блюда во всем Париже. Так называется ночной клуб в одном из зловещих переулочков в стороне от рю Бланш в Пигаль. Там Жан-Клода кормили один раз в день в обмен за усмирение клиентуры и исполнение роли телохранителя владельца-иракца, пребывающего не в ладах с каким-то людьми, посланными с родины батистской партией, чтобы вправить ему мозги. Чем он им насолил, давным-давно забылось. Никто даже смутно не догадывался, чем же нехорош аль-Тарги, зато все знали, что с ним еще предстоит посчитаться. Но только не во время дежурства Жан-Клода.

Жан-Клод даже отдаленно не напоминал могучего громилу — рост около пяти футов, вес сто двадцать фунтов, жилистый, с молниеносной реакцией.

— Да на кой мне мускулы? — бывало, говаривал Жан-Клод. — Побить женщину — сила не нужна. Что ж до мужчин — пистолет, нож... — Он разводил руками выразительным жестом апаша, изогнув уголки рта книзу.

Жан-Клод — тот еще субъект. Может, отдаленные перспективы для него не так уж радужны, но пока что репутация бешеного пса служила ему добрую службу. Как и Найджел, он поджидал, когда подвернется что-нибудь подходящее.

— Очень мило с твоей стороны, старичок, — промолвил Найджел, когда принесли напитки. — Получил наследство, что ли?

— Фифи настояла, чтобы я взял у нее небольшую ссуду, — пожал плечами Жан-Клод. — Но, боюсь, в последний раз. Она — как вы там, британцы, выражаетесь? — исчерпалась.

— Это американцы так говорят, — поправил Найджел. — Но вообще-то выражение универсальное. Хоб считает, что вскорости могут поступить небольшие дивиденды.

Жан-Клод выпятил нижнюю губу, что должно было означать: поверю, когда увижу, потом подмигнул, демонстрируя, что это только в шутку.

— Самое время агентству уплатить за нашу работу хоть что-то. Он нашел богатого инвестора?

— Что-то вроде того. Он конвоирует даму из Нью-Йорка в Париж, за что получает десять тысяч долларов и бесплатный билет.

Сделав типично галльский жест, Жан-Клод воскликнул:

— Peste!¹ Вот такая работа по мне! На кого он работает?

— Не думаю, что вы знакомы. Его зовут Макс Розен, он провёл лето на Ибице. А ты, по-моему, в то лето был в Норвегии с графиней.

— О да, с герцогиней! — Жан-Клод поцеловал кончики пальцев, закатив глаза, как человек, вспоминающий о славном былом. — Но я вернулся на Ибицу как раз вовремя, чтобы познакомиться с Розеном. Я остановился у Аллана Дарби и Сью, ты разве забыл?

— Конечно, старичок. А я — у бедного старины Эльмира.

— Разумеется, мне известно об агентстве Розена.

— В каком это смысле «разумеется»?

— Разве не очевидно, — растолковал Жан-Клод, — что, если человек питает интерес к дамам, ему не повредит водить дружбу с тем, кто трудоустраивает красивых юных манекенщиц? Я звонил Максу Розену как-то раз, когда навещал Нью-Йорк. Он — как бы это выразиться? — сосватал...

— Да, несомненно, именно это словечко ты и подыскивал, — подтвердил Найджел.

— Он сосватал ошеломительную черную девушку, показавшую мне достопримечательности Гарлема.

— Что ж, этот самый Розен нанял Хоба отыскать и эскортировать молодую даму в Париж. Насколько я понял, отыскать эту молодую особу отнюдь не трудно.

— И он платит за это десять тысяч долларов, — подхватил Жан-Клод.

— Да еще за билет до Парижа, который стоит пять сотен, а то тысячу с лишком, если первым классом, как я подозреваю.

Жан-Клод немного пораскинул умом.

— Это куча денег.

— Именно так я и подумал.

— Слишком много за эскорт. Слишком мало за ходока.

— Прошу прощения, старичок?

— Ходоком, — пояснил Жан-Клод, — называют человека, проносящего наркотики через таможду вместо другого человека.

— Да знаю я, кто такой ходок. Я же сам тебя научил этому термину. Ты что, утверждаешь, будто Хоб занялся контрабандой наркотиков за десять тысяч?

— Решительно нет. Я уверен, что Хоб больше не станет заниматься контрабандой наркотиков ни за какие деньги после того, что было в Турции. Но думаю, им могут воспользоваться. Сунуть

¹ Здесь: Черт возьми! (фр.)

что-нибудь в его чемодан перед таможенной. Такое делалось уже миллион раз.

— Хоб ни за что не попадется на столь дешевую уловку, — возразил Найджел, однако как-то неуверенно.

— Хобу нужны десять тысяч на *traspasso*, — указал Жан-Клод. — Дальше этого он мыслями не залетает, *n'est-ce pas?*¹

— *Certainement?*², — медленно проговорил Найджел. — Но есть ли у нас основания полагать, что этот Макс, этот модельный агент, занимается контрабандой наркотиков?

Жан-Клод снова пожал плечами — дескать, откуда мне знать.

— Мы можем сделать парочку звонков и поглядеть, что выяснится.

Одним глотком допив бренди, а за ним и кофе, Найджел встал.

— Пожалуй, именно так и поступим.

Глава 21

Аврора должна была встретиться с Эмилио в баре «Карнавал». Когда она вошла, Эмилио уже сидел там. Она облачилась в самый очаровательный из своих дорожных костюмов — короткий жакет, присборенный на бедрах, короткую юбочку, выгодно демонстрирующую чрезвычайно длинные стройные ноги манекенщицы, и шляпку с вуалеткой. Так хороша, что хоть съешь ее, но, как полагается модели, на тот холодный и бессердечный лад, который всегда заводил Эмилио.

Крупный он, этот Эмилио, мощный мужчина возрастом лет за тридцать, но притом блондин ирландского типа, вопреки своему испанскому имени. Одет не слишком изысканно, в коричневый габардиновый костюм из универмага Мэйси, а не из бутика.

Аврора не стала зря терять время, при необходимости она могла держаться крайне прямолинейно.

— Эмилио, мне очень жаль, непредвиденные обстоятельства. Мне придется ненадолго уехать.

Как ни странно, Эмилио ожидал чего-то в этом роде. И все же изобразил на лице соответствующее удивление.

— В самом деле? А что случилось?

— Еду работать в Париж. Меня только что вызвали.

— Во французский Париж?

— Именно. Улетаю утром.

— Завтра утром?

¹ Не так ли? (фр.)

² Определенно. (фр.).

— Да. Сумасшедший дом какой-то, правда? Но ты же знаешь Макса!

— Весьма внезапно, — заметил Эмилио. — Тебя кто-нибудь проводит?

— Фактически говоря, да. Макс подрядил частного детектива, чтобы тот сопровождал меня.

— Частного детектива? — Эмилио негромко присвистнул. — Смахивает на то, что ты и вправду очень нужна Максусу.

— Он такой дурачок! — улыбнулась Аврора.

— Ну что ж тут скажешь? Ужасно не хочется тебя отпускать. Все одно прими поздравления, детка. Как Макс провернул это дельце?

— Толком не знаю. По-моему, он давно работал в этом направлении.

— Это имеет отношение к слухам насчет слияния Макса с «Дартуа»? — поинтересовался Эмилио самым невинным тоном.

— А ты где об этом слышал? — воззрилась на него Аврора.

— Знаешь же, земля слухом полнится, — пожал Эмилио плечами.

— Я дел Макса не знаю, но это меня не удивило бы.

— Ну, ладно. На обед-то у тебя время есть? Или хотя бы на глоточек-другой?

— Ты же знаешь, я бы с удовольствием, — ответила Аврора, — но у меня и вправду еще масса дел. Позвоню, когда вернусь. А пока жди открытку из Парижа!

Она торопливо чмокнула его в щеку, грациозно помахала ручкой и упорхнула. Подозвав такси, швейцар усадил Аврору в машину и положил туда же ее чемодан. Эмилио проводил отъезжающее такси взглядом, улыбаясь, но отнюдь не от радости.

Эмилио осушил бокал, расплатился и направился к телефону в конце стойки, чтобы кое-куда позвонить. Поговорив пару минут, покинул бар и на такси поехал в офис АБН. По пути снял свой крикливо-яркий галстук и причесался по-другому, так что на Уорт-стрит из машины выбрался рядовой гражданин, а не уличный повеса с вульгарным вкусом, воспитанным на фильмах Микки Рурка.

Старший инспектор Аллан Вудроу — долговязый, с впалой грудью — праздно дождался приезда Эмилио в своем кабинете за письменным столом, заваленным бюллетенями о числящихся в розыске.

— Так что же стряслось, Эмилио? — он поднял глаза на вошедшего.

— Дело Макса Розена. Наконец-то наметился сдвиг. Его подружка едет в Париж.

— И?

— Ну, по-моему, затевается что-то крупное.

— Например?

— Макс — оптовик. Полагаю, он налаживает канал сбыта кокаина во Франции.

— Возможно. И?

— Эта его дамочка. Она наверняка доставит ему часть продукта.

— Что ж, не так уж сложно организовать ее обыск на французской таможне.

— Повезет не она, а тот тип, что будет с ней. Частный детектив. Он повезет. Яснее ясного, для этого его и взяли. В роли ходока. И для охраны, когда товар окажется в Париже.

— Может, ты и прав, Эмилио. Но это еще под вопросом. Это ведь лишь предположения?

— Думаю, достаточно основательные, чтобы предупредить Париж.

— Это не проблема. Мы с ними уже работали.

— Однако я не хочу, чтобы они сцапали этих двоих на таможне. Пусть пропустят и организуют за ними слежку. Нет смысла арестовывать всего-навсего ходока, когда мы столько времени убили, разрабатывая это дело. Даже от подружки торговца наркотиками проку мало. Нам нужен сам Макс, кое-кто из его коллег, а то и рыбка покрупнее, если мы сможем до нее добраться. Хотелось бы поглядеть на тех, кто сбыв наркотики Максусу.

— А ты уверен, что наркотики будут?

— Уверен. У меня свои источники. Так что насчет этого?

— Что насчет чего? Попросить Париж о сотрудничестве мы можем. Может, они даже организуют «хвост», если хорошенько попросить. Чего еще ты хочешь?

— Хочу отправиться туда лично. Я разрабатывал Макса Розена почти два года. Хочу поучаствовать в облаве.

— Эмилио, ведь ты даже не знаешь французского!

— Зато знаю, что делаю. Не верю я этим французам, они все провалят. Сколько уж раз они садились в калошу, забыл?

— Эмилио, мы и сами не раз садились в калошу.

— Я — нет. Я уж позабочусь, чтобы все прошло гладко. И хочу участвовать в финальной облаве.

— Извини, не могу санкционировать подобное.

— Тогда можешь дать мне отпуск?

— Что ты этим хочешь сказать?

- Я работаю под личиной довольно давно. Время брать отпуск. Полечу в Париж за свой счет.
- Эмилио, мысль явно неудачная.
- Просто подпиши мои бумаги, ладно? Я звоню в «Эр Франс».

Глава 22

В середине дня Найджел и Жан-Клод снова встретились в «Ля Пи Ажиль».

— Прежде чем перейти к дальнейшему, надо сделать пару вещей, — сказал Найджел. — Надо где-нибудь разжиться деньгами. У меня нет даже на метро. Зато есть идея.

— Какая же?

— Хоб прилетает завтра. Привезет товар с собой. Ясное дело, его подставили. Надо что-то предпринять.

— Позвони ему, — предложил Жан-Клод. — Ты ведь еще можешь пользоваться телефоном там, где остановился? Позвони ему и предупреди.

— Не пойдет. Ты же знаешь Хоба. Горячая голова. Он тут же вывалит все на того, с кем имеет дело с нью-йоркской стороны. Сделку аннулируют, и хорошо, если не аннулируют его самого. Давай обойдемся без него. А это припасем на другой раз с кем-нибудь другим.

— Ну и что? Зато Хоб будет в безопасности.

— Этого мало, старичок. Причина, по которой Макс платит ему так много денег за сопровождение женщины в Париж, заключается в том, что он, вольно или невольно, играет роль курьера. Весь смысл операции заключается в том, что Хоб должен доставить посылку во Францию. Если он этого не сделает, платы не будет.

— И мы останемся без денег, — задумчиво проронил Жан-Клод.

— Хуже того, глупая ты башка! Он не сможет оплатить свою фазенду. И потеряет ее.

— А-а, будет жаль, конечно.

— Жаль, да еще как жаль! И не только Хоба. Эта фазенда ведь и наша тоже.

— С чего ты взял?

— Ты же слышал, он довольно часто это повторяет. Эта вилла для всех друзей Хоба. Она принадлежит нам всем. Он понимает это совершенно буквально. Он считает, что обязан обеспечить место для жилья, но не считает его исключительно своей собственностью.

— Ну ладно, значит, вилла и наша тоже. И что с того?

— Эта фазенда — наша страховка, Жан-Клод, место, куда мы можем отправиться, когда пролетим по всем статьям, когда станем чересчур хилыми, чтобы нас наняли хоть на какую-то работу, и чересчур старыми и противными, чтобы привлечь хоть какую-нибудь женщину. Это место, где мы сможем бесплатно доживать свой век. Это наш дом престарелых, наши зимние квартиры, наша тихая гавань, единственное надежное пристанище, другого у нас никогда не будет. Наше место под солнцем. Наше! Вдолби это себе в голову. Не только Хоба. И наше тоже.

— Ты в этом уверен?

— Ты же знаешь Хоба. Ты довольно много раз слышал, как он говорит об агентстве и фазенде. И что же ты думаешь?

Склонив свою узкую голову с зачесанными назад, набриолиненными черными волосами, Жан-Клод задумчиво шевелил губами. Кончик его кинжального носа дергался. Присмотревшись, можно было бы разглядеть мысли, выскакивающие на шиферно-серые дисплеи глаз. Он принялся вслепую шарить ладонью, и Найджел вложил в его пальцы одну из последних «Диск Блэ». Настал критический момент.

Закурив, Жан-Клод выпустил сквозь ноздри две тоненькие струйки дыма. И выдохнул:

— Peste!

— Точно, — подтвердил Найджел.

— Думаю, ты совершенно прав в оценке характера Хоба. Это *наш* дом, хотя бы отчасти купленный на невыплаченную нам зарплату. И мы потеряем его, если Хоб не оплатит *traspasso*. Найджел, мы не должны лишиться своего места под солнцем!

— Согласен, — подхватил Найджел.

— Тогда все просто. Мы ничего не скажем, Хоб пронесет товар, все в порядке.

— Не так уж и просто, — возразил Найджел. — Этот Макс. Я его не знаю и после услышанного о нем ни капельки ему не верю.

— А что он, по-твоему, сделает?

— Да мне наплевать, что он делает. Я только боюсь, что он кинет Хоба.

— Comment?¹

— Не заплатит ему.

Жан-Клод поразмыслил. Его лицо приобрело даже более злое выражение, нежели обычно.

— Это будет неразумно с его стороны.

— В сложившемся положении мы не можем повлиять на си-

¹ Каким образом? (фр.)

туацию. Но, думаю, мы должны кое-что предпринять, чтобы взять бразды в свои руки.

— Что же?

— Нам потребуется помощь одного из твоих друзей со dna общества.

— А-а, — сказал Жан-Клод.

Парижское дно обычно не выставляется на обзор туристов, не считая традиционных притонов на Монмартре и Монпарнасе. Кроме знаменитых памятников и менее знаменитых желтых домов, по всему городу расположены региональные центры организованной преступности. Рю Рамбюто вошла в фавор со времени постройки Центра Помпиду. До того традиционным районом для наживающихся на мясе и промышленности был Ле Алле. Кафе «Валентин» на площади Италии — любимое местечко алжирских гангстеров. Их вьетнамские коллеги ошиваются в кафе «ОА» на безымянной улице неподалеку от Авеню д'Иври и станции метро «Тольбьяк». У китайцев несколько собственных кафе недалеко оттуда, рядом с бульваром Массена у перекрестка с Келлерман. Корсиканские бандиты держатся подальше от Тринадцатого, предпочитая собираться в баре «Поло» на Пляс де Возг. Это главные районы на нынешний момент. Вдобавок имеется несколько интернациональных кафе, где с распростертыми объятиями встречают злодеев всех национальностей. Из последних наиболее известен ресторан «Лак д'Ор» в Бельвиль. Здесь, среди душных ароматов китайской кухни, современных апашей и головорезов со всего света наверняка ждет теплый прием. Сюда порой заглядывают даже латиноамериканцы, бросая свои обычные насты в кабинке ресторана «Бразилия» близ Бурс. Именно в «Лак д'Ор» и направились Найджел с Жан-Клодом.

Официант узнал их, но по каким-то непостижимым причинам сделал вид, что видит их впервые. Был подан чай, после чего они заказали тарелку свиного шашлыка, чтобы перекусить и осмотреться. Большинство криминальных элементов заглядывает в «Лак д'Ор» хотя бы раз на дню. Это заведение представляет собой нечто среднее между школой-студией подонков и воровской биржей труда. Найджел не бывал тут еще ни разу, зато Жан-Клод чувствовал себя вполне уверенно. Даже не будучи преступником лично, Жан-Клод питал к ним симпатию и проводил в их компании массу времени, принадлежа к разряду людей, обожающих балансировать на краю пропасти.

— Помни, — сказал Найджел, — нам нужен человек, на которого можно положиться. Чтобы никакой самодеятельности. Он должен делать в точности то, что говорят. И, прежде всего, ни ма-

лейшего насилия. Я никогда себе не прощу, если с Хобом что-то случится.

— Да не волнуйся ты так, — огрызнулся Жан-Клод. — Я высматриваю вполне конкретного человека. Он сделает точно, как я скажу.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что он женат на моей кузине Сабине... Да вот он!

Субъект, упомянутый Жан-Клодом, оказался среднего роста. Он обладал арабской внешностью и аккуратно подстриженной черной бородкой. Оливковая кожа. Черные, выразительные глаза. Черный костюм и черный галстук. С равным успехом он мог бы рекламировать свою профессию неоновой вывеской. При виде Жан-Клода лицо его озарилось радостью. Он подошел, обменялись рукопожатиями, произнесли слова приветствий. Далее состоялось представление Найджела, после чего пришедший (звали его Хабибом) уселся и заказал чаю и тарелку фаршированных яиц. Перекинулись с Жан-Клодом семейными новостями. Затем Жан-Клод перешел к делу.

— Ты сейчас работаешь?

Хабиб многозначительно пожал плечами, скривив губы: дескать, бывали времена и получше.

— У меня есть для тебя работа.

Приподнятые брови изобразили сдержанный интерес.

— Ты на этом не заработаешь ничего, кроме того, что я тебе заплачу.

Кивок.

— Гоп-стоп.

— Это дороже, — автоматическиотреагировал Хабиб.

— Спокойствие, погоди, пока я доскажу, а уж после пытайся взвинтить цену.

Полуприкрытые веки показали, что Хабиб обратился в слух.

— Некая особа прибывает завтра вечером в аэропорт де Голля. Поздно. Нам также потребуются услуги твоего кузена в качестве водителя такси.

— Али обойдется в дополнительную цену.

— У тебя что, не хватает приличия подождать и дослушать до конца? Ты берешь этого пассажира в аэропорту. Будешь держать табличку с его именем. Кроме того, я опишу его тебе. С ним будет женщина.

Хабиб шелохнулся, будто собирался заговорить.

— Это уже дороже, — вместо него подкинул Найджел.

— Твой кузен, — продолжал Жан-Клод, — отвезет их в любую подворотню в Бельвиль или Порт-Руаяль, в какую захочешь. Ты знаешь район лучше, чем я. Ты отнимешь у мужчины багаж,

но его самого обыскивать не станешь. Из багажа вынешь только некий пакет, который я тебе опишу. Принесешь его мне, не распечатавая. За это я заплачу тебе пять тысяч франков.

Хабиб обдумал предложение, повертев его в голове так и эдак, затем сказал:

— Десять тысяч. И еще пять для Али.

Глава 23

В течение следующего получаса Хоб и Дорри по очереди названивали по домашнему номеру Авроры. И слышали автоответчик. Звонок в фотостудию, где она работала на этой неделе, тоже успеха не принес. Никто не знал, где она.

Наконец Дорри в голову пришла светлая мысль.

— Она говорила, что есть в городе еще местечко, где она трудится время от времени.

— Где в городе?

— В Чайнатауне.

— Где она трудится? Что вы имеете в виду под трудом?

— Упражнения. По-моему, это называется «хатха-йога».

По тону Дорри было ясно, что она ни за какие коврижки не стала бы подвергать свое тело столь тяжким и изнурительным испытаниям — во всяком случае, публично.

— А нельзя ли туда позвонить? — поинтересовался Хоб.

— Я толком не помню названия. Но знаю, что зал находится на Мотт, рядом с Каналом.

Они оставили Келли в апартаментах Макса. Сидя в кухоньке и потягивая пиво, он ждал телефонных звонков, на случай, если Аврора все-таки объявится. А Хоб и Дорри поймали такси в половине квартала от апартаментов.

Игровой клуб «Пять очков» располагался над большой китайской бакалейной лавкой на Канале, у перекрестка Мотт и Пелл-стрит. Хоб и Дорри прошли через лавку, мимо груд бок-чой и зимних арбузов, мимо китайских домохозяек в черных шелковых штанах и цветастых халатах с жесткими воротничками, расшитыми малиновым шелком, препирающихся из-за цены корня мандрагоры с жилистыми старичками, чьи лица напоминали морщинистые апельсины; а дети тем временем играли в проходах и жевали полоски вяленого мяса. Толстый китаец мел посыпанный опилками пол, а под потолком медленно вращались лопасти больших вентиляторов. Теплый, влажный летний воздух был напоен запахами соленых креветок и трепангов.

— А вы уверены, что мы пришли туда, куда надо? — осведомился Хоб.

Дорри развела руками.

— Вход в клуб вот тут позади.

Они прошли в глубь лавки, мимо бочек с акульными плавниками и ларей с зеленой капустой, испещренной белыми прожилками, мимо банок с соусом «хойсин» и длинношеих бутылок с соевым соусом, импортированным из Гонконга, к двери с табличкой: «Только для работников и членов клуба», выходящей к лестничному пролету. В конце пыльного коридора обнаружилась дверь с табличкой, гласившей: «Спортивно-игровой клуб «Пять очков».

За дверью, в центре просторного помещения, находился боксерский ринг, где проводили спарринг двое восточных мальчишек в красных перчатках. Хоб попытался вспомнить, были ли среди великих боксеров китайцы, но так и не вспомнил ни единого. Пахло потом и мандариновыми корками. В другом конце помещения стояло несколько столов для фэнтэна и маджонга. Вокруг столов сидели люди. Как Хоб и подозревал, игровой клуб «Пять очков» — всего лишь ширма для старомодного игорного заведения. За третьим столом четверо игроков (из которых двое были то ли кавказцами, то ли семитами, то ли смесью того и другого) играли в бридж.

Дорри и Хоб подошли к столу игроков в бридж. Те продолжали играть с натужным безразличием. Минут через пять один из них, китаец, поинтересовался:

— Можем мы вам помочи, друзя?

Таких длинных ногтей, как у него, Хоб в жизни еще ни разу не видел — только в фильмах Фу Манчу.

— Мистер Хорнер здесь? — спросила Дорри, пояснив для Хоба: — Это тот, кого велела мне спросить Аврора.

Китаец ткнул большим пальцем в сторону дальнего угла, где Хоб увидел белого мужчину в черных шортах и белой футболке, молотившего грушу. Хоб отнес его к средней весовой категории, хотя и не очень-то разбирался в подобных материях. Рост около пяти футов девяти дюймов, тяжелые покатые плечи и полнеющая талия. Лицо нью-йоркского бандита курносой разновидности. Хоб тут же почувал, что никогда не сумеет свести с боксером крепкую дружбу.

Подходя, Дорри с Хобом переглянулись. В момент взаимозарения, порой случающегося даже при самых плохих отношениях, они безмолвно решили, что будет лучше, если дело уладит Дорри.

С плетущимся позади Хобом она направилась к боксеру и прозвнесла:

— Мистер Хорнер? Я Дорри Тайлер из «Макс Розен Ассошэйтс». Это мистер Дракониан, мой коллега.

— Рад познакомиться, — без тени радости изрек Хорнер.

— Мы пытаемся отыскать мисс Аврору Санчес, — продолжала Дорри. — Ее ждет очень важная работа. Можно без преувеличения сказать, что эта работа сделает ее богатой и знаменитой. Но нам необходимо знать, хочет ли она получить эту работу, и ответ нужен срочно, иначе вместо нее возьмут другую модель. Вы не могли бы нам помочь найти ее?

Джек Хорнер поглядел тяжелым взором сперва на Дорри, потом на Хоба. Сосредоточенно нахмурился, сдвинув брови, будто сотворил вывеску «Посторонним вход воспрещен», выписанную волосатой клинописью.

— Мне надо в душ и одеться. После — лады, ага, по-моему, смогу помочь.

— Видите? — заметила Дорри, когда он отправился в душ. — Когда говоришь с людьми по-хорошему, обязательно своего добьешься.

Хобу всегда нравились женщины, не боящиеся сказать «Ага, я же говорила». Как оказалось, Дорри ошибалась. Впрочем, этого и следовало ожидать.

Джек Хорнер выглядел ничуть не более одетым, чем во время тренировки. На макушке у него сидела маленькая плоская шляпа на манер той, в которой щеголял Джин Хэкман во «Французском связном»; в такой шляпе будешь выглядеть идиотом, даже если ты Сократ и Эйнштейн в одном флаконе. Добавьте сюда вязаный черно-бело-оранжевый жакет, какой может прийтись по вкусу только кулачному бойцу-дальтонику, страдающему вдобавок крайней степенью вульгарности. Впрочем, конечно, на Кэнал-стрит подобный наряд выглядит не таким уж и нелепым.

— Куда мы идем? — поинтересовалась Дорри, как только все трое вышли из лавки.

— Вам Аврора нужна? — отозвался Хорнер. — Покажу вам кой-чего.

— Что?

— Слышите, я ж покажу, шо, нет?

В устах субъекта вроде Хорнера «шо» вовсе не кажется безграмотностью; скорее, это словечко из непостижимого языка племени, питающего к тебе лютую ненависть.

Хорнер поспешил с ними до Кэнал на Уайт-стрит. Потом свернул налево за сквером перед Ист-Ривер, вливающейся в залив Нью-Йорк. Этот залив, да и другие ему подобные — будто другая страна, туманный, болотистый мир акватории Нью-Йорка. Наконец

они вышли на Уайт-стрит, 125, к ресторану «У Гросетти», и Хорнер остановился.

— Вот тут. — Не проронив больше ни слова, он развернулся на пятке и затопал прочь.

Эндрю, официант из ресторана, вспомнил, что Аврора была здесь около получаса назад.

— Разумеется, я ее помню, — заявил этот высокий, хрупкий юноша с затейливой прической и выпирающим кадыком. — Она заходит сюда разок-другой в неделю, выпить текилы, встретиться с друзьями.

— А вы не знаете, куда она пошла? — поинтересовался Хоб.

Эндрю погрузился в долгие, напряженные раздумья, сосредоточенно наморщив лоб. В конце концов Хоб освежил ему память одной из двадцаток Макса.

— Наверное, отправилась на прием к Дорис Кастильо, — наконец поведал официант. — Такое событие она ни за что не пропустит.

— А где это?

— Двэн-стрит, сто один.

— А номер квартиры?

Эндрю лишь плечами пожал.

— Как попадете туда, сразу увидите, где та квартира.

Официант оказался прав: попасть на прием к Дорис Кастильо оказалось вовсе не трудно. В этой части Трайбека обычно пустынно, не считая рабочих консервной фабрики и их друзей. Зато сейчас автомобили и лимузины стояли вдоль всего квартала. Дорогу указывали рукописные таблички на фасаде здания. Присутствовала и бригада новостей одного из кабельных каналов.

До апартаментов Дорис Кастильо Дорри и Хоб поднялись в грузовом лифте вместе с двумя мужчинами в смокингах. Лифт доставил их в комнату размером с небольшое футбольное поле. Собралось около тысячи человек, плюс-минус пара сотен. Повсюду там и сям стояли верстаки, на коих высились скульптуры, пребывающие на разных стадиях изготовления — в диапазоне от проволочных каркасов до завершенных бюстов. Наблюдались вспыхивающие, мерцающие произведения люминесцентного искусства. Не обошлось без шестифутовых картонных карандашей и гигантских картонных пачек «Лаки Страйк». На столе с закусками чего только не было! Хоб тут же налег на бутерброд из черного ржаного хлеба с индюшатиной и авокадо. Отыскав «Негро Модело», Хоб наполнил себе бумажный стаканчик. Пока он был занят, Дорри

циркулировала по залу. И вскоре вернулась с рослой, очень привлекательной девушкой, наделенной пышной копной золотисторыжих волос и мягкой, заразной улыбкой.

— Хоб, — провозгласила Дорри, — позвольте представить вам Аврору Санчес. Аврора, это Хоб Драconiан.

На том поиски и закончились.

Глава 24

Аврора Санчес была одета в простое черное вечернее платье элегантного покроя, с открытыми плечами. Длинную — хотя и недостаточно длинную, чтобы удостоиться определения «лебединая», — стройную шею украшала золотая цепочка тончайшего плетения с маленькой нефритовой фигуркой. Хоб мельком заметил золотые сережки-бусинки. Юбка до середины икр — самая модная в этом году длина, тут и гадать нечего. На ногах — черные модельные лодочки на высоком каблуке. В руках — золотая ажурная сумочка. Ни одного перстня. Вблизи девушка выглядела куда симпатичнее, чем на фото из представительского портфеля. В ее чертах читалась искренность и чувство юмора, чего Хоб никак не ожидал. Если вам по душе золотистый загар, цвет кожи у нее безупречен. Прямая спина. Она оказалась выше, чем Хоб предполагал, — никак не менее пяти футов десяти дюймов, а благодаря изяществу и прямой осанке смотрелась еще выше.

— Это насчет работы в Париже? — с ходу заинтересовалась она бархатным голосом, чуточку скрашенным водкой и испанским акцентом.

Хоб передал ей слова Макса о работе в Париже и о необходимости прибыть туда утренним рейсом.

— Модель года! — воскликнула Дорри. — О, Аврора, это замечательно!

Аврора сияла. Девушки принялись обсуждать, какие вещи Аврора должна взять с собой в Париж. Хоб обнаружил, что слушать, как две очаровательные девушки щебечут о своих гардеробах, не так уж неприятно. И все же время дорого. Тут в голову Хобу пришла пустяковая, однако весьма тревожная мысль.

— А много ли времени надо вам на сборы? — спросил он у Авроры. — Нам вылетать в семь утра.

— Уложусь за полчаса, — ответила та. — Но сперва мне необходимо кое-что прихватить.

— Хотите, провожу? — предложил Хоб, не желая упускать из виду особую стоимость в десять тысяч долларов, если таковая будет доставлена завтра в Париж живой и здоровой.

— Разумеется. Буду признательна.

— Ладно, — сказала Дорри, — я возвращаюсь в апартаменты. Жду вас обоих там. Келли отвезет нас в Кеннеди.

— Мне надо звякнуть кое-кому, — сообщила Аврора. — Сейчас вернусь.

Дорри ушла. Хоб пристроился к одному из столов с закусками. Успел совершить набег на черную икру, отведать шведских тефтелек, полакомиться сырными палочками и запить все это бокалом белого вина. На душе у него было необыкновенно хорошо. Десять тысяч гонорара, считай, уже в кармане. Все-таки работа оказалась не такой уж трудной.

Минуты через три вернулась Аврора.

— Пошли!

Глава 25

Миниатюрный автомобиль Авроры — красный «Порше-911», не слишком новый, но еще свежий, ужасно пыльный и ужасно классный — стоял за углом на Западном Бродвее. Они сели в машину, и Аврора повела ее на север, по Шестой авеню, поинтересовавшись:

— Вы работаете на Макса?

— Я частный детектив, — пояснил Хоб.

— Вообще-то вы не очень похожи на частного детектива.

— У меня не было времени надеть свой детективный прикид.

— Вы давно знакомы с Максом?

— Около десяти лет. Познакомились на Ибице. Бывали там?

— С родителями лет двенадцать назад. Мы останавливались в доме друзей в Санта-Гертрудис. И один раз уже сама по себе, года четыре назад. В тот раз я останавливалась на Форментере. Форментера в счет?

На западе Средиземного моря, между Францией и Испанией, расположена четверка Балеарских островов. Майорка — крупный, Ибица — сумасшедший, Менорка — английский, а Форментера, расположенный всего в миле-другой от Ибицы, — остров солнцепоклонников, куда отправляются сумасброды, чтобы скрыться от других сумасбродов.

— Еще бы не в счет!

Хоб уже собирался спросить, как ей там понравилось и не хочет ли она навестить острова в ближайшее время — скажем, сразу после Парижа, быть может, в компании частного детектива, но тут она осведомилась:

— У вас есть пистолет?

— Пистолет? В смысле, собственный?

— Мне нет дела, собственный он у вас или чужой. Есть у вас с собой пистолет?

— Нет. А это важно?

— Наверно, нет.

— Вы считаете, нам понадобится пистолет?

— Не исключено.

— Что же навело вас на подобные выводы?

— А то, что нас преследуют.

Хоб оглянулся. Как раз в тот миг Аврора заметила просвет в потоке машин и бросила автомобиль туда. Никогда не предполагайте, как Хоб, что милашка, сидящая за рулем «Порше», ничего не знает о вождении. У милашек часто есть дружки-хулиганы, обучающие их основам гоночного искусства. Аврора прогнала коробку скоростей через все передачи — каковых было не так уж много, всего четыре или пять, а может, чуть больше. Развернувшись, она покатила к окраинам, обогнула Фултоновский рыбный рынок, как пилот на спортивном самолете, и снова понеслась к центру по Черч-стрит. «Порше» выл, как баньши¹, и льнул к дороге, как пиявка. Оглянувшись, Хоб заметил, что машина преследователей тоже проделала этот безумный разворот и мчится по горячему следу. Когда она проехала под фонарем, Хоб увидел, что это белый «Мерседес» последней модели. Сколько там людей, разглядеть не удалось. Расстояние быстро сокращалось.

— Черт, — буркнула Аврора, — мне говорили, что этого не будет.

Сбросив скорость, она неожиданно свернула за угол. Несмотря на ее мастерство, машину занесло. По счастью, движение было довольно жидким. «Мерседес» вылетел с Ганзеворт-стрит и помчался по Гринвич-авеню, быстро догоняя «Порше». Как всегда, когда попадаешь в затруднительное положение, полиции нигде не было и в помине. Аврора снова проделала головокружительный поворот на двух колесах на Восьмую улицу, подрезав бордюр, но водитель «Мерседеса» тоже знал свое дело и не отставал.

— Вы хотя бы умеете пользоваться оружием? — спросила Аврора.

— Смогу, когда придется.

— В бардачке есть пистолет. Возможно, придется.

Хоб вытащил пистолет, смахивающий на «люгер», — черный, с длинным тонким стволом. Держа его, он ощутил себя не в своей тарелке, тем более что не знал, как эта штука устроена. Даже не догадывался, сколько там предохранителей. И пока ломал над этим голову, «Мерседес» с воем понесся рядом. Грохот выстрелов

¹ В ирландской мифологии — дух, стоны которого предвещают смерть.

потонул в реве двигателей, а в ветровом стекле вдруг появились две аккуратные дырочки.

— Эй, — воскликнул Хоб, — во что это вы нас впутали?

— Не паникуйте, — бросила Аврора. — Смотрите.

Она держала «Порше» на низкой передаче — на второй или третьей, кто его знает, — на большой скорости мчась по Бродвею. «Мерседес» пытался снова поравняться с ними.

— Держитесь! — Аврора резко затормозила, вывернув руль, и тут же выжала газ, проделав такой великолепный полицейский разворот, какие бывают только в кино. «Порше» заскользил на всех четырех колесах, взрывая и подвывая двигателем, будто истеричный оратор, пытающийся что-то доказать, каким-то чудом развернулся ровно на 180 градусов и тут же понесся прочь от центра. «Мерседес» занесло, он снова сделал заход, Аврора аккуратно разминулась с ним и помчалась прочь, пока «Мерседес», стукнувшись о пару стоящих у обочины машин, вынужден был притормозить, чтобы восстановить равновесие. Они тут же пересекли площадь Святого Марка, скрывшись из виду, потом рванули на север по Первой авеню, мимо Бельвю. «Мерседес» не показывался.

Проехав на запад по Второй авеню, Аврора остановила автомобиль у бордюра на Шестнадцатой улице, поставила его на ручной тормоз и откинулась на спинку сиденья со вздохом облегчения.

— Отличная работа, — одобрил Хоб.

— Ага, — она невесело улыбнулась. — Что есть, то есть. Сигаретки у вас не найдется?

Конечно, после автогонки без сигареты просто никак. Фактически говоря, тогда-то Хоб закурил единственный раз с тех пор, как недавно бросил. Он выудил «Дукадо», одну из нескольких оставшихся испанских сигарет.

Аврора приняла ее трясущейся рукой, затянулась и, выдохнув дым, сказала:

— Послушайте, может, вам не помешает узнать, что у меня возникли проблемы.

Глава 26

Круглосуточное кафе Люка «Незабудка» располагалось на Шестнадцатой улице рядом со Второй авеню. Весьма яркое заведение — сплошь неон и цветные огни, зеркала и искусственные цветы. Огромный музыкальный автомат «Вурлицер» бубнил сентиментальные шлягеры сороковых годов — владелец Мойша отдавал этим мелодиям предпочтение, потому что слышал их в киб-

буце в Айн-Кляйн за год до эмиграции в Америку. Официантки сошли с того же конвейера, что и другие: крашенные блондинки, на губах жирный слой помады, поблескивающий во тьме, розовая униформа скрывает потные, бесформенные тела. Аврора заказала кофе и тост с маслом.

— Ну так что, — сказал Хоб, — растолкуйте, что, черт возьми, происходит?

— Долгая история. Даже не знаю, с чего начать. Даже не знаю, как подать Пако.

— Начнем с Макса. Это он меня подставил?

— Вы чересчур подозрительны, — возразила Аврора. — Уверяю вас, Макс ни о чем не знает.

— А кто такой упомянутый вами Пако?

Она заколебалась, чуточку выпятив нижнюю губу в очаровательнейшей гримаске года.

— Он вроде как замешан. Это ужасно запутанная история.

— И к тому же долгая, как вы уже отметили.

— Послушайте, — Аврора внезапно взяла деловой тон. — Мне надо кое-что кое у кого забрать и доставить кое-куда. Уклониться от этого нельзя, я просто обязана сделать это.

— А до после Парижа это не подождет?

— Я должна сделать это сегодня же вечером.

— С виду вполне разумно, — поддержал Хоб. — Но становится все более очевидным, что кто-то хочет вам помешать.

— Да.

— Если вы будете упорствовать, вас могут убить.

— Да.

— И меня тоже.

— Я не боюсь, — отважно усмехнулась она.

— А я боюсь.

Отважная усмешка утасла, сменившись куда менее очаровательным презрительным выражением.

— Вы и вправду трус?

— Да, хотя как-то не улавливаю, при чем тут это. Суть в том, что мне-то с какой стати ради вас совать голову в петлю? Моя задача — найти вас и доставить в Париж. Меня никто не предупредил, что за те же деньги мне придется иметь дело с «Мерседесом», битком набитым снайперами.

— Пожалуй, верно, — вздохнула она. — Вы сделали то, на что согласились.

— Не совсем. Мне еще предстоит погрузить вас завтра утром на самолет.

— А что будет, если вы этого не сделаете?

— Тогда я не получу гонорара.

— И большой ли гонорар?

Хобу пришлось в голову сказать, что гонорар не имеет значения. В конце концов, к чему говорить правду, если ложь сослужит куда более хорошую службу? И уже приняв такое решение, он с удивлением услышал собственный голос:

— Если десять тысяч — много, то гонорар большой.

Она поразмыслила над этим, черкая что-то на салфетке карандашом для бровей. Потом, не поднимая глаз, проронила:

— Хоб, мне нужна твоя помощь.

Эти слова заставили сердце Хоба заколотиться о ребра, но засушенный карлик в голове, рассматривающий все дела о сантиментах, держал его под контролем.

— Чего это ради я буду вам помогать? Да, вы и в самом деле красивы и желанны, но даже если вы собираетесь улечься со мной в постель, в чем я весьма сомневаюсь, мы просто не доживем до такой возможности.

— В постель я с вами не лягу. Однако если вы мне поможете, я вам заплачу.

— Солидно? — уточнил Хоб.

— Да, солидно.

— Ладно, а теперь забудем о солидности и поговорим о реальных деньгах. Сколько за помощь в вашей эскапале?

Она что-то прикинула в уме.

— Но дела-то всего на вечер!

— В течение которого меня могут укокошить, — напомнил Хоб.

— Как вы отнесетесь к пятистам долларам?

— Учитывая обстоятельства, это даже не солидно.

— Тысяча?

— Тысяча и исчерпывающее объяснение происходящего.

— А как насчет двух тысяч без объяснений?

— Скажем, две тысячи и объяснение, но вы можете врать, а я сделаю вид, что не замечаю.

— Две тысячи долларов! С вашей стороны просто неэтично так взвинчивать цену.

— Но ведь платить вы будете не из своего кармана?

— Это не имеет ни малейшего отношения к этике вопроса, — чопорно отрезала она.

— Боюсь, вы посмотрелись фильмов о частных детективах. Особенно тех, где крутые детективы помогают прекрасным девушкам только потому, что те нуждаются в помощи. На самом же деле, когда клиент пребывает в отчаянном положении, спрос на наши услуги достигает пика, и вполне логично соответственно поднять цены, согласно капиталистической экономической системе, вполне допускающей подобное.

— Остальные детективы разделяют ваши убеждения?
 — Наверно, нет. Но я пытаюсь задать общий тон.
 Она вздохнула. Возле Хоба женщины как-то много вздыхают.
 — Ладно. По рукам. Но вы ведь шутили, что не умеете пользоваться «люгером»?
 — Вы только покажите мне, как он заряжается и снимается с предохранителя, а уж остальное я и сам домыслию.
 — Ладно. По рукам. — Она протянула ладошку.
 Хоб несильно сжал ее.

— Прежде чем мы обменяемся рукопожатием, надо уладить еще крохотный вопросик о деньгах. С вашей стороны было бы очень мило, если бы вы смогли уплатить всю сумму, причем авансом, на случай, если кого-нибудь из нас сегодня убьют.

Деньги! Аврора поглядела на него, будто услышала похабное слово. Даже смешно, как женщины не любят раскошелиться, даже если кошелек в чужом кармане.

— Дорожным чеком примете?

— «Американ Экспресс» или «Барклай», — ответил Хоб.

Вытащив из сумочки изящный бумажник, она подписала четыре пятисотдолларовых чека. Хоб спрятал их в собственный бумажник. Их должно хватить, чтобы поставить на ноги детективное агентство «Альтернатива» — конечно, если Хоб проживет достаточно долго, чтобы их обналичить.

Тут порог переступил Пако, узнал Аврору и подошел к столику. Было уже довольно поздно, когда встреча наконец-то состоялась. Часов десять или около того. Вот как вспоминает обстоятельства этой встречи Дотти Сойерс, официантка из кафе Люка «Незабудка»:

«Двое парней и девушка. Красивая, просто ягодка. Я тоже раньше была ягодкой. Но это еще до того, как у меня возникли эти проблемы с водой. Наверно, вы про это слышали. Потому-то вы меня и спрашиваете, разве нет? Нет? Ну, не важно, эти трое, они были в последней кабинке, вон там. Отчетливо помню высокого мужчину, вообще-то не очень высокого, но повыше второго парня, того, которого вы называли Хобом Драconiаном. Он листал содержание музыкального автомата. Хотел что-то проиграть, но не мог найти. Там больше сотни штук, так что ему пришлось потратить порядком времени. Наконец, он нашел эту старую песенку Кросби Стиллз Нэш. «Наш дом» или еще какое-то сентиментальное дерьмо вроде того. Из тех, что вставляют в программу только для старперов. А этот самый Хоб вроде как отстранился,

пока девушка, эта Аврора, как вы говорите, беседовала с Пако, который смахивает на индейца. Думаю, они толковали довольно долго, потому как были все еще там, когда я глянула на них минут через пятнадцать. Я была занята с двойным маникотти, и с ним произошел смешной случай. Хотите, расскажу? Ладно, ладно, не надо на меня кричать. Нет, я не видела, как сверток перешел из рук в руки. Видела, как Пако вынимает что-то, но эта штука была завернута в шарфик, вроде бы кашемировый, а может, верблюжий, обернутый вокруг чего-то, чего-то прямоугольного, ну, в смысле продолговатого, а потом кто-то из них взял сверток. По моему, мужчина. Да, мужчина. Нет, погодите-ка, руку за ним протянула девушка.

А еще я слышала, как мужчина, Хоб, спросил: «Вы уверены, что за вами не было слежки?» А Пако ответил: «По моему, нет, а что?» А Хоб сказал: «А то, что этот серый «Олдсмобиль» со сломанной антенной объезжает квартал уже в третий раз». А Аврора поглядела на него вроде с восхищением и сказала: «Вы замечаете подобные вещи?» А Хоб сказал: «Такова моя профессия, леди». Я еще подумала, что, наверно, какая-то мужественная».

Дотти продолжала:

«Было железно за десять, когда Аврора оплатила счет, они покинули кухмистерскую и вышли в убийственную какофонию усталой блудницы — нью-йоркской ночи. Улицы были полны мишурного великолепия, в котором унылые ямайцы в шляпах-пирожках с тощими полями играли в три листика с бывшими в употреблении дамочками из сестринской общины нескончаемой ночи. Из окрестных баров и бистро доносились звуки диксиленда, жаркие и непристойные, в точности такие, какие несутся вверх по реке из Нового Орлеана или вниз по реке из Чикаго, смотря как стоишь. Торговцы рафинадом стояли в сумрачных, сатанинских подворотнях, продавая свой омерзительный наркотик гномикам с цветущими лицами. Переменчивый радужный поток людей тек, будто нескончаемый львиный прайд. Пако и Аврора встретились, сверток сменил хозяина. А затем все трое вышли из дверей, и началась пальба. Темные городские улицы. Огни фонарей. Длинноногие тени, бегущие в зловещем свете фонарей знойной блудницы ночи с легкой поволокой дождя, разливающихся в воздухе запахов увечий и тления, не покидающих королеву-блудницу всех городов-блудниц блудницы-вселенной. Разумеется, я видела двух мужчин, но для меня у них не было лиц, ибо они были ничем, просто чудовищными тенями, будто образы сновидений на холсте кошмара или нечто из «Третьего человека». Хоб бежал перед ними, а девушка рядом с ним. Ее высокие каблочки цокотали по мокрому тротуару, а огни с близлежащей стройки затеяли

изумительную игру бликов с затейливым хитросплетением ее волос. Пако бежал замыкающим, но вдруг нырнул в переулок. Двое преследователей не обратили на него ни малейшего внимания, преследуя Хоба с девушкой. Затем девушка откололась, бросив Хоба на произвол судьбы. Крикнула что-то ему, но я не расслышала. Может, «*Bonne chance*»¹.

Двое преследователей заколебались, переглянулись, обменявшись каким-то сигналом. Может, один что-то сказал другому. Если так, то Хоб не слышал этого, потому что в тот самый миг мимо с грохотом пронесся дедушка всех мусоровозов, а когда акустическая среда прояснилась, девушки уже и след простыл, не было слышно даже цокота ее каблучков. Так что Хоб остался один на один с двумя типами, с грозной неуклонностью настигавшими его, и продолжал бежать, пока не оказался в переулке, кончающемся тупиком. Он обернулся, а преследователи, узрев, что загнали его в угол, с бега перешли на зловещую поступь, неспешно надвигаясь. Хоб увидел блеск вороненой стали. Пистолеты, что ж еще? Я подалась вперед, изо всех сил напрягая слух, но так и не расслышала, что они говорили».

Глава 27

Западня. Податься некуда. Один субъект заходит с одного боку, другой с другого.

Все трое тяжело дышали. Вокруг раскинулась нью-йоркская ночь. Аврора скрылась. Беда.

— Кошелек или жизнь, — проронил Хоб.

— Что? — переспросил тот, что повыше.

— Так разбойники с большой дороги говорили тем, кого подстерегли. «Кошелек или жизнь». Значит, гони деньги или отправляйся на тот свет.

— Ну, не очаровательно ли? — заметил Высокий своему компаньону, щеголявшему, помимо прочего, красным галстуком-бабочкой.

— Чего только не узнаешь на этой работе, — отозвался Галстук-бабочка.

— Если вы не хотите, чтобы я отдал вам кошелек или жизнь, — сказал Хоб, — то у нас нет никаких общих дел и, с вашего позволения...

— Я Фрик, а он Фрак, — с улыбкой поведал Галстук-бабочка. — Мы разъездные мокрушники. Мы отличаемся от остальных.

¹ Удачи (фр.).

— В самом деле? — произнес Хоб. Не густо. Он надеялся тянуть время достаточно долго, пока не вернется его остроумие.

— О да, — подтвердил Фрик. — Или вы думаете, что профессиональные мокрушники живут в домах с газонами, женами и детьми, как заурядные граждане? Мы с Фраком живем в меблированных комнатах над затрапезными барами с неоновыми вывесками, вспыхивающими и гаснущими во тьме одиночества и убожества больших городов. Среда нашего обитания — непотребство, наше будущее — ничтожество, наши мечты — паскудство. С точки зрения эстетики это не настоящая жизнь. Но было бы достаточно справедливо сказать, что мы, мокрушники, — шакалы низов общества. Мы огребаем башли, отмеченные печатью уничтожения.

Фрак, высаящийся громадой рядом со своим злобствующим компаньоном, поглядел на Хоба сверху вниз и изрек:

— Ненавижу парней вроде тебя. Вы считаете себя хорошими только потому, что не молотите и не пыгаете людей, как мы. Слово это значит что-нибудь в эфирных сферах! А как насчет плохишей? Вы не думаете, что зло играет столь же важную роль во вселенской гармонии, правящей всем на свете?

— Ни разу не думал об этом в подобном ключе, — заявил Хоб, хотя на самом-то деле думал, и не раз. Но говорить им этого не намеревался.

— Ну что ж, подумайте, — продолжал Фрак. — Не бывает выходов без входов. Не бывает верха без низа. Не бывает добра без равной примеси зла.

Хоб спокойно слушал излияния, казавшиеся ему всего лишь рудиментарным манихейством. Вертя шеей, будто она затекла (собственно говоря, именно так оно и было), но не сводя гипнотического (хотелось бы надеяться) взгляда с лоснящегося от пота, бугристого лица Фрака, Хоб боковым зрением уловил образ обширного склада, в который его затолкали, смутно смахивающего на собор, украшенный дохлыми чайками и использованными презервативами.

— Отражение в средствах массовой информации философской позиции нарушителей закона весьма прискорбно, — вставил Фрик.

— Несимпатичный складывается образ? — осведомился Хоб.

— Хуже того, — Фрик выпятил нижнюю губу. — Они инсинуируют, что наша позиция с моральной точки зрения совершенно непростительна.

— Ну... только без обид, разве это не так?

— Нет, болван, существование зла необходимо для существо-

вания добра. Посему зло есть условие наличия добра и не может быть дурным само по себе. Уловил?

— О да! Да!

— Лжешь. Впрочем, какая разница? Трусость неотъемлема от вас, представителей добра.

— Будьте же рассудительны. Я вовсе не заявлял, что я хороший. И потом, что ж это за дискуссия под дулом пистолета?

— Ага, у меня пистолет, — Фрик пару секунд разглядывал оружие. — Для вящей строгости философской базы я должен бы передать пистолет тебе, дабы продемонстрировать, что твоя трусость — врожденное качество и не обусловлена тем, в чьих руках пистолет.

— Это была бы любопытная демонстрация.

— Но вообще-то я не настоящий философ. Я просто профессиональный мокрушник, любящий сохранять интеллектуальную бдительность. Полагаю, пора закругляться. Входит ли последняя молитва в твое культурное наследие, или обойдемся без антропоморфизма? — Он поднял пистолет.

— Эй, постойте! — воскликнул Хоб, путаясь в несовместимых чувствах тревоги и ярости. — Вы разве не дадите мне возможности помолиться?

— До определенных пределов, — ответил Фрак. — Мы тоже соблюдаем общепринятые условности. У тебя тридцать секунд. — Он поглядел на часы. Фрик нацелил пистолет. Но тут же как-то застеснялся.

— Вообще-то мы не собираемся убивать тебя прямо сейчас. Не гони лошадей, дружок. Просто пойдем с нами.

Глава 28

Хоб огляделся. Табличку «Сдается и продается» на этот полуразвалившийся склад повесили, должно быть, вскоре после того, как Хеопс возвел Великую Номер Один. Античность въелась в его стены, как клещ в собаку. С потолка свисали древние балки, ветхие стропила и прочие элементы конструкции, а вокруг, на бескрайних просторах грязного пола, валялось еще множество разных вещей, будто массивные игрушки извращенного ребенка. Потолок частично обвалился, и теперь чайки с засаленными крыльями влетали и вылетали, как вороны, стаями собирающиеся на висельника. Но даже при всем при том крайне трудно описать интенсивность ужаса, навеванного на Хоба этим местом; пожалуй, придется просто упомянуть, что по сравнению с этими страстями эмоции, обуревавшие его при первом прочтении «Колодца и маэтника», — сущий пустяк.

Они прошли во внутреннее помещение, более недавней постройки, судя по стружке на полу и запаху краски. Закрыв дверь, Фрик запер ее.

Теперь Хобу удалось получше разглядеть своих похитителей. Первый оказался крупным, толстым, с бледным сальным лицом, испещренным черными точками редкой щетины, одетым в коричневый бросовый костюм, а потрепанный, грязный воротничок рубашки был крепко стянут галстуком в жалкой претензии на элегантность. Его компаньон — худосочный негодяй с озлобленной физиономией и искривлением позвоночника — походил на преисполненного ненавистью нищего из «Дитяти Роланда» Браунинга, чей костыль чертит гибельные литеры.

— Где я? — спросил Хоб.

— Много хочешь знать, — отрезал Фрик, тощий злопыхатель. Странновато было видеть его без компаньона — высокого, крупного, наделенного бычьей шеей и гипертрофированными бицепсами человека-трицератопса, нареченного безобидным именем Фрак. Хоб отчаянно нуждался в добрых знаках, с каковыми дело пока что обстояло не ахти как хорошо. Ничуть не способствовал благодушию и вид комнаты с гнетуще низким потолком — этакое подобие камеры смертников. Какой-то подвал с литым бетонным полом. Но, может, бетон липовый и на самом деле произведен микроскопическими моллюсками, а вовсе не макроскопическим процессом укладки бетона.

Должно быть, Хоб произнес что-то вслух, потому что Фрик скривился, а Фрак изрек:

— Можешь не прикидываться чокнутым, все равно отсюда не вырвешься.

— Я разве вел себя, как чокнутый? — безумно осклабился Хоб. — Я и не догадывался. Прошу прощения, ничуть не бывало, хи-хи.

— Довольно! — оборвал Фрик. — А то назначу какое-нибудь прискорбное наказание.

— Отлично сказано! — промолвил Хоб. — Всякому с первого же взгляда ясно, что вы намного выше разряда обычных бандитов. Не будете ли вы любезны дать мне капельку воды? Трудновато перебрасываться с вами шуточками, когда в горле пересохло.

Фрик принес стакан воды. Фрак подтащил стул и сел. Фрик воинственно надвинул на глаза шляпу-котелок. Его узкое личико надвое расщелось тонкими усиками. Похоже, его что-то тревожило.

— Сейчас вернусь, — бросил он и поспешил к двери.

— Хватит шутить, — буркнул Фрак. — Где пакет?

— Какой пакет?

— Ах, вот так вот, да? Слушай, у нас нет времени на глупости. Нам нужен пакет, который Пако дал Авроре.

— Тогда почему бы вам не выяснить это у них? — поинтересовался Хоб.

— Мы намерены. Где нам найти Аврору?

— Понятия не имею. Вы не дали нам времени назначить свидание.

— Как-то не верится. Где она?

— Не знаю, — ответил Хоб, от души надеясь, что с убеждением произнес это заявление, в самом деле констатирующее самую незатейливую истину.

— Ты ведь знаешь, что будет, когда сюда доберется Асис, да?

И тут дверь открылась. Вошел, сдвинув брови, мелкий, встревоженный Фрик, видом напоминающий Тулуз-Лотрека из кошмара. В руке у него был сотовый телефон.

— Пойдем со мной, — сказал он Фраку. — Надо кое-что выяснить.

— А как быть с ним? — Фрак ткнул пальцем в сторону Хоба.

— Подождет. Это важнее.

— Мы позаботимся о тебе позднее, умник, — бросил Фрак, выходя из комнаты вслед за Фриком. Дверь закрылась, донесся ляг задвигающегося засова.

Глава 29

В комнате было хоть шаром покати, не считая сломанной лопаты в одном углу и ведра с горкой белого пепла — в другом. Единственная дверь сделана из котельного железа. Замочная скважина отсутствует. Да и петель не видно. Хоб решил приберечь свои дарования по части побегов до другого раза. Огляделся. Письменный стол, календарь на стене, стулья, на потолке мерзко мигающая люминесцентная лампа. Открыл стол.

В нижнем правом ящике обнаружился сотовый телефон.

Хоб взял трубку. Гудок! Ага. Аккуратно положил ее на место.

Итак, теперь имеется телефон. Но кому позвонить? Джерри Рейнтри? Джерри почти компетентный адвокат по разводам. Но чтобы вытащить Хоба из подобной дыры? И думать нечего.

О Милар не может быть и речи, даже если она все еще в городе.

Можно позвонить 911. Сообщить о пожаре, ограблении, катастрофе и убийстве, вместе взятых. Убийство произойдет позже, когда фараоны выяснят, что он создал им столько головной боли всего-навсего из-за того, что, по их мнению, как-то заперся в подвале. А если поведать им всю правду, тут и без адвоката ясно, что

на него навесят все преступления, которые эти злодеи как раз совершали. Да и у него у самого рыльце в пушку.

Если вызвать фараонов, в лучшем случае предстоит промедление на много месяцев, пока его будут держать в Нью-Йорке. Расследуя дело, его могут обвинить в преступлении. Черт, а ведь он может оказаться и в самом деле повинным в том или ином преступлении. Надо следить за каждым своим шагом, а то все кончится тюрьмой. И как же тогда поездка в Париж, гонорар, *traspaso*?

И тут Хоба осенило. Повинуясь импульсу, он метнулся к телефону и выстучал серию цифр. Если он что-то и знает, то код автоматической связи с Ибицей. Наконец на том конце мужской голос произнес:

— «Эль Кабальо Негро», говорит Сэнди.

— Это Хоб Дракониан.

— Хоб, ты даешь! Очень мило! Ты знаешь, что сейчас пять утра?

— Так чего ж ты до сих пор там?

— Семейство Мозли сняло бар для частного приема, тут полгорода собралось.

Хоб мысленно увидел Сэнди — высокого, ужасно тощего ирландца с длинным носом и лучшей коллекцией свитеров на всех Балеарских островах.

— Мне вроде как некогда, — проговорил Хоб. — Гарри Хэма там, случаем, нет?

— Дай-ка огляжусь. — Из трубки доносился рев кассетного магнитофона Сэнди и многоязычный шелест бесед у стойки. Хоб вообразил заведение. Двухэтажное побеленное здание. Снаружи вывеска: «Эль Кабальо Негро» на черных двустворчатых дверях. За порогом надо спуститься на две ступеньки. Посреди помещения большая колонна, делящая бар на две неравные части. Справа лестница, ведущая в квартиру Сэнди — две комнаты с кафельными стенами и ванная. Внизу справа стойка, за ней ряды бутылок. Тут и там раскиданы ротанговые и плетеные стулья, низкие лакированные столики. На стенах фотографии друзей, сейчас по большей части разбегавшихся. Хобу захотелось оказаться там, на одном из хлипких табуретов у стойки, с бокалом коки в руке, битком набитым льдом, болтая с какой-нибудь английской пташкой, находящей этот маленький островок невыразимо диковинным и чудесным.

— Хоб? — снова послышался голос Сэнди. — Его тут нет. Оставишь записку?

Хоб попытался мысленно сформулировать. «Меня держат пленником в подвале какого-то жуткого здания в Нью-Йорке». Скажи он что-нибудь эдакое, и Сэнди сочтет слова шуткой.

— Скажи Гарри, что у меня есть большущие деньги для него.

Только чтобы получить их, он должен проделать нечто сверхбыстрое.

— Ладно, Хоб, понял. — Крупными новостями Сэнди не смущай.

— А нет ли кого поблизости, кто может найти Гарри?

— Дай-ка посмотрю... Хвостатый Чарли тут.

— Он трезв?

— Не особо.

— А кто еще там есть?

— Эдди Банс, и довольно трезвый. Мойра как раз заходит.

Минуточку, легок на помине...

Затем в трубке зарокотал хриплый говор Джерси-сити.

— Хоб? Это ты?

— Гарри, я должен тебе кое-что сказать.

— Ты должен мне кое-что сказать? Это я должен тебе кое-что сказать. Я увольняюсь.

— Гарри, в чем дело?

— Так вести детективное агентство не годится. Так не годится вести даже психушку, на которую твои операции смахивают все больше и больше. Какого черта ты болтаешься в Нью-Йорке? Дело надо делать. Когда ты подговорил меня на свой план...

— Гарри, — перебил Хоб, — я с удовольствием выслушаю все до конца, но как-нибудь в другой раз. Прямо сейчас мне надо сказать тебе две вещи. Слушаешь?

— Хоб, возвращайся. У меня есть кое-что важное для нас. Когда ты сможешь вернуться?

— Гарри, может так сложиться, что вообще никогда. В таком случае детективное агентство «Альтернатива» — твое. Бумаги ты найдешь в коробке из-под конфет на письменном столе у меня на ферме. Надеюсь, ты позаботишься о Найджеле и Жан-Клоде.

— Хватит пороть горячку. Куда ты вляпался?

— Трудновато объяснить. Начал с того, что пытался найти одну особу, рассказать ей о работе и посадить в самолет.

— Пока что довольно прямолинейно, — отметил Гарри.

— Я везу на Ибицу кое-какие деньги, чтобы наше агентство могло стронуться с места.

— Отлично. Там почему же ты еще не здесь?

— Я как раз к этому подхожу. Меня держат в плену на складе в Нью-Йорке, на Рид-стрит, 232А. Усек?

— Ты не шутишь, Хоб? Скажи такое кто другой, я бы решил, что это шутка, но ты...

— Да не шучу я, положи руку на сердце. Мне надо говорить быстро, Гарри. Меня оставили в этой комнате с действующим телефоном, но я не знаю, много ли у меня времени в запасе до их возвращения.

- И что они сделают, когда вернуться?
- Если повезет, просто избьют так, что я останусь калеккой на всю жизнь. Конечно, может статься, что мне не удастся отделаться настолько легко.
- А что ты им сделал?
- Говорят, что я украл у них на миллион долларов товара.
- Так верни.
- Все чуточку сложнее. Поверь, если бы имелся какой-то способ возместить, я бы ухватился за него обеими руками. Но у меня в руках его нет.
- А что у тебя в руках?
- Этот телефон. Больше ничего.
- Хоб, это происходит на самом деле, а?
- Проклятье, Гарри, это не шутка и не розыгрыш.
- Ладно. Секундочку. Ладно. Повтори-ка сведения еще раз.

Где этот склад?

Хоб повторил.

— Хорошо, — проронил Гарри. — Пожалуй, сейчас не время выслушивать всю историю. Просто постарайся как-нибудь продержаться.

— Что ты собираешься предпринять?

— Вот я как раз об этом и думаю. Трудновато принять решение, когда нас разделяет три тысячи миль. Но, по-моему, у меня есть идея. Ты пленник в этом складе, верно?

— Именно это я и пытаюсь сказать.

— Лады, у меня есть идея.

— Лады, — повторил Хоб. Тут послышался лязг засова открываемой двери. Хоб бросил в трубку: — Все, пора. Гарри, спаси меня!

Дал отбой, убрал телефон в ящик и встал, чтобы встретить судьбу так, как прожил жизнь: развернув плечи и гордо скуля.

Глава 30

Дверь распахнулась. Вернулись Фрик и Фрак.

— Расслабься, — сказал Фрак Фрику, — об этом я позабочусь.

И внезапно вырос перед Хобом. Ухмыляясь. Разминая мускулы. Предвкушая удовольствие от перемалывания костей Хоба в мелкую серую труху. Медля, чтобы мысленно упиться подробностями, складывающимися в сказочное расчленение столь садистского свойства, что о нем можно упоминать лишь намеками. Впрочем, Хоб его не винил. Ницше как-то раз сказал, что ненавидит слабаков, считающих себя хорошими только потому, что у них мягкие лапки. По отношению к Фраку лапки Хоба вполне мягки. Естест-

венно, душой он был на стороне проигравшего, потому что сам этим проигравшим и являлся. Если отвлечься от личностей, нет никаких оснований отдавать предпочтение его интерпретации перед интерпретацией Фрака. Но, разумеется, даже у слабаков с мягкими лапками бывают удачные дни.

В этот отчаянный миг Хоб вспомнил о своем гуру — невысоком бельгийце с большой головой и несообразными усами, учившем Хоба карате и прочим искусствам. Происходило это в «Большом доджо» на Ибице, лишенном отопления и кондиционирования, побеленном одноэтажном здании на обращенном к морю склоне холма. Занятия посещало человек десять постоянных учеников, бивших лбами кирпичи и беседовавших на эзотерический лад. Еще было двое подростков из города, желавших научиться карате, чтобы участвовать в соревнованиях. Да еще Хоб, пытавшийся постичь искусство, призванное спасти его от смерти или мордобоя в избранной им профессии детектива.

Он так и не ухватил сути. Ни в чем.

После одного особенно изнурительного занятия на татами, убедившись, что ему не суждено превзойти белый пояс начинающего, Хоб поинтересовался у инструктора:

— А нет ли какого-нибудь боевого искусства, не требующего учебы?

Гуру улыбнулся.

— Есть чудеснейшее из искусств, превосходящее карате и айкидо, превосходящее нинджитсу — сан-ли, искусство непредумышленного нападения. Оно не требует учебы. Правду говоря, учеба вредит его результативности.

— Похоже, это мне подойдет, — заметил Хоб.

— Чтобы воспользоваться им, сердце человека должно быть чисто, а разум пуст.

— Мой разум всегда пуст, но чистое сердце... Тогда я за бортом. Разве что взамен сгодится наивность.

— Ты не понял, что я имею в виду под чистотой. Это не оценка твоей жизни. Речь идет лишь о твоём состоянии в момент действия. Чистота — отсутствие идеи первенства.

— То есть?

— То есть: «я сумел то, я сумел это». Как только у тебя возникает подобная мысль, спонтанность действий исчезает, а с ней и твоё искусство. Тебе остается лишь бесполезный жест эго. Когда вступаешь в поединок, твой противник может потерпеть поражение, но не от тебя.

— Я запомню, — сказал Хоб.

Фрак наступал. Хоб прищурился; уж лучше не смотреть. Тело его оцепенело в явно неуклюжей позе, предвещающей прибли-

жение сан-ли. Фрик надвигался слева, Фрак — прямо. Его фигура, освещенная сзади лампочкой, покачивающейся на конце провода в белой пластиковой изоляции, отбросила тень на Хоба за долю секунды до появления самого противника. Тем временем Фрик, ссутулившись и подогнув колени, чтобы уменьшить свой и без того ничтожный рост — отброшенная в сторону тень стала куда выше владельца, — семенил к Хобу, как громадный паук, куда более грозный в нападении благодаря своей внешней никчемности.

И в этот критический момент тело Хоба отключилось от его рассудка. Голова с плавным изяществом дернулась сама по себе, позволив похжей на окорок ручище Фрака безвредно просвиснуть в доле дюйма от виска Хоба. В тот же миг нога Хоба коротко, экономно сместилась, Фрик пронесся мимо, крепко врезался в стену и сполз по ней с ошеломленным выражением на лице, будто злобный карлик, пораженный упырем.

Конечно, Хоб заметил это лишь уголком глаза, потому что его внимание было поглощено более крупным и грозным Фраком. Небольшое перемещение, прекрасно устранившее Хоба с дороги Фрика, никак не повлияло на его местоположение прямо по курсу сокрушительного натиска Фрака. Для последующего маневра роль играл только момент маневра, который будет санкционирован в додждо будущего, но в наши дни не слыхан и не видан: Хоб выставил локоть, позволив Фраку напороться на него носом и остановиться, словно налетев на стену.

В этот миг, прекрасно восстановив равновесие, Хоб в мощном прыжке налетел на тяжеловесного, но на секунду притихшего Фрака, врезавшись плечом в кадык громилы. Фрак дважды моргнул, вытаращив глаза, будто голубоватые яйца вкрутую, и грудой рухнул на пол на манер какого-нибудь бронтозавра, чей крошечный мозг вышибла пуля охотника из будущего, вооруженного слобной винтовкой и неутоленной жаждой крупной дичи.

Хоб отступил на шаг. Губы его сами собой растянулись в ликовую ухмылку. Враги повержены и обездвижены.

— Я сумел! — воскликнул он.

И тут, конечно же, искусство сан-ли покинуло его. Восторг перед собственным умом, неизбежная идея первенства притупили его чувства. Он не слышал звука шагов позади, но позднее, в минуту сухой ретроспекции, понял, что по логике вещей этих звуков не могло не быть, поскольку они обязаны были сопровождать продвижение того, кто подобрался достаточно близко, чтобы ударить его по затылку.

Без натяжки можно сказать, что перед глазами Хоба вспыхнули звезды. Он обнаружил, что лежит на бетонном полу, а рука его тянется к блестящему черному предмету, лежащему в удобной близости, но так и не сыгравшему спасительной роли, потому что он оказался всего-навсего галошей, да притом стоптанной. Авроре легко было говорить об этом позже, когда неприятности остались позади. Но откуда Хобу было знать в тот миг, что это резиновая галоша, а не резиновая дубинка? А если на то пошло, откуда ему было знать о том, что было очевидно для нее с момента возвращения с пистолетом в руках: что доносящийся сверху скрежет сулит кому-то беду. Потому что под стропилами висел бункер, набитый чугунными чушками, одна из которых пролетела не далее фута от Хоба, а другая, отскочив от гнилой балки, врезалась во Фрака с изрядной силой, напомнив обладателю одутловатой физиономии, что котлету можно получить и без хлеба.

Хоб понял, что сие вывело упомянутого мокрушника из боевых действий, ППП — пришел полный писец, как говаривали в Радужном дивизионе, и вынудило Фрика, оставшегося соло, мгновенно изменить план операции. Худосочный мокрушник в длинном черном пальто, смахивающий на усеченную версию Уильяма Барроуза, наполненную ядовитым зеленоватым желе, пощечинной привел напарника в чувство, после чего оба устались на Аврору, целившуюся в них из «люгера».

— Хоб, возьми пистолет, — распорядилась она.

Хоб послушался, не преминув отметить, что оружие вроде бы снято с предохранителя и вполне готово к стрельбе.

Затем оба мокрушника вскарабкались на ноги и побежали — громадный, колышущийся Фрак, несущийся довольно быстро для толстяка с миниатюрными ножками танцора, и семенящий рядом Фрик, ядовитый человек-паук. В мгновение ока они растворились в сумраке склада.

Хоб и Аврора остались одни, а вокруг царило безмолвие, не считая стрекота мотоцикла, несущегося вниз по улице.

Вел его невысокий мужчина в обширной кожаной куртке, лысый и лопухий. Спешившись, он поставил мотоцикл на подножку, заглушил мотор и осведомился:

— Хоб Дракониан?

— Собственной персоной, — подтвердил Хоб.

— Хорошо. Гарри Хэм позвонил мне. Сказал, что стряслась беда. Я приехал сюда из Квинса на своем «Би-Эс-Эй». Что за беда?

— Она уже позади, — промолвил Хоб. — Вы опоздали. Но все равно спасибо.

Глава 31

В кабинете Фошона на Ки-де-Уверев в Париже зазвонил телефон.

— Фошон, — сказал старший инспектор Радон, — мне звонят из Нью-Йорка. Мистер Эмилио Вазари, спецгент отряда по борьбе с наркотиками. Инспектор, я уже говорил с начальником бюро Паскино, и тот рекомендовал оказать всяческую поддержку. Приставил к работе с мсье Вазари вас, потому что вы говорите по-английски.

— Да, я немного говорю, — подтвердил Фошон.

— Переключаю его на вас.

Фошон подождал. В трубке раздался шелчок, потом прозвучал голос американца:

— Это Эмилио Вазари.

— В чем проблема, спецгент? — осведомился Фошон.

— Перехожу прямо к делу. Завтра утром рейсом «Эр Франс» в Париж прилетает женщина. У нас имеются основания полагать, что либо она, либо, что более вероятно, ее спутник, американец, провезут в своем багаже большую партию кокаина.

— Весьма неразумно с их стороны, — отозвался Фошон. — Хотя таможенники в аэропорту частенько зевают. И все же мы можем об этом позаботиться. Если желаете, я позвоню своему коллеге суперинтенданту Гарпно в таможду де Голля, а он заставит своих людей провести досмотр с особой тщательностью и арестовать преступников, если ваша информация подтвердится.

— Нет, как раз этого я и не желаю, — возразил Эмилио.

— Не желаете?

— Решительно нет. Меня не интересует арест какого-то ходока, то есть курьера. Я уверен, что эти люди занимаются всего лишь доставкой. Мне нужен тот, кому они доставят груз.

— И вам известно, кто это?

— Строго между нами?

— О да. Я осознаю, что пока не видел улик.

— Мы полагаем, что груз будет доставлен мистру Максу Розену. Это агент по моделям, в настоящее время прибывший в Париж по делу. У нас уже есть пара зацепок по делу мистера Розена. Он оплачивает перелет этих двоих из собственного кармана. Они отправляются из его апартаментов. Хотя у нас нет прямых улик, я уверен, что мистер Розен собирается организовать сбыт наркотиков.

— Возможно, вы правы, — согласился Фошон. — Этим делом определенно стоит заняться.

— Да, но скажите-ка мне вот что, старший инспектор. Вы мо-

жете пропустить этих людей через таможеню, а потом сесть им на хвост, чтобы мы знали, куда они отправились из аэропорта?

— А когда мы доберемся до источника, когда они вручат подразумеваемый кокаин мистеру Розену — или кому-то еще, — тогда-то арестовывать?

— Нет, я только хочу, чтобы вы проследили за ними, узнали, кому они доставят груз. Я хочу сам взять их с поличным. Я разрабатываю это дело уже почти два года.

— Понимаю ваши чувства, — промолвил Фошон. — С радостью встречу вас по приезде. Вы еще не бывали в Париже? У вас есть адрес полицейского управления? Хорошо. Скажите мне номер рейса и фамилии.

— «Эр Франс», рейс триста сорок два, прибывает послезавтра в двадцать два тридцать.

Фошон нацарапал цифры в блокноте.

— И фамилии.

— Аврора Санчес. И мужчина — Хоб Драконниан.

— Прошу прощения? — приподнял бровь Фошон.

— Драконниан. Продиктовать по буквам?

— Нет нужды, — отозвался Фошон. — Я прекрасно знаю, как это пишется.

Позже, сидя в одиночестве за письменным столом, Фошон гадал, с чего это Хоб взялся за такое дело. Инспектору казалось, что при предыдущем знакомстве с Хобом по поводу пропавших виндсерферов у него сложилось довольно четкое представление о его характере. Пусть он человек нескладный, но ни в коем случае не преступник.

Чем больше Фошон об этом раздумывал, тем сильнее тревожился. Этот бестолковый американец пришелся ему по душе. В характере Хоба угадывается простодушие, которое не могут скрыть никакие потуги казаться крутым парнем. Так что же случилось?

Поломав голову еще пару минут, Фошон решил попытаться выяснить, что к чему. Позвонил другу и деловому партнеру Хоба Найджелу Уитону и попросил заглянуть в полицейское управление для беседы. Найджел с непревзойденным апломбом заявил, что будет польщен.

Глава 32

Найджел явился через полчаса, одетый в старый, но очень изысканно скроенный костюм от одного из знаменитых британских мужских модельеров. Борода его была недавно причесана, а

буйные золотисто-рыжие кудри кое-как приглажены. Войдя, Найджел уселся на деревянный стул с прямой спинкой лицом к столу Фошона.

— Кофе? — предложил инспектор и, не дожидаясь ответа, надавил на кнопку звонка. Как только новичок Сосьер просунул голову в дверь, Фошон отправил его в ближайший ресторанчик за кофе и круассанами.

— Это будет славно, — одобрил Найджел. — Вы недурно выглядите, инспектор.

— Внешность обманчива. Недавно у меня был... как вы это называете? — Фошон указал на живот. — Une crise de foie¹.

— Печень болела, — подсказал Найджел. — Знаменитая французская печень.

— Да. Точно.

— Прискорбно слышать. Могу ли я вам чем-то помочь, инспектор?

— О, нет-нет! Просто время от времени у меня возникает желание поболтать с друзьями. Скажите-ка, Найджел, вы в последнее время не поддерживали связь с Хобом?

— Говорил с ним всего пару часов назад. Он сегодня возвращается в Париж, как вам, конечно, уже известно.

Фошон кивнул.

— У него все в порядке? Нет ли у него в последние дни каких-то особых забот?

Поглядев на него, Найджел мысленно опробовал несколько ложных версий и в конце концов решил сказать правду. Судя по всему, инспектору и так уже все известно.

— У Хоба имеется недвижимость на Ибице, как там говорят, фазенда. Дом и несколько гектаров земли. Внезапно выяснилось, что срок уплаты по закладной вот-вот настанет. Хоб пытается раздобыть деньги, чтобы оплатить ее.

— Ему что, поставили какой-то крайний срок?

— Боюсь, весьма строгий. Пятнадцатое июля.

— А если Хоб не достанет денег?

— Тогда он неизбежно лишится дома.

— А она много для него значит, эта фазенда?

— Боюсь, что так.

— Но почему? — поинтересовался Фошон. — Насколько я понимаю, Ибица — всего лишь дешевая курортная зона. Этаким грошовый Майами-Бич в Европе, n'est-ce pas?

— Весьма вероятно, инспектор, — согласился Найджел. — Однако для некоторых, особенно из числа перебравшихся туда в

¹ Приступ печеночной колики (фр.).

шестидесятые годы, Ибица представляет собой нечто совершенно иное.

— Иное? Что же?

— Для многих она олицетворяет ритуал обращения.

— Пожалуйста, растолкуйте мне, что такое ритуал обращения.

Поразмыслив пару секунд, Найджел поведал:

— В англосаксонских странах всякому известно, для чего компания мужчин собирается вместе и целый вечер колотит в барабаны. Это как бы ритуал обращения. Они хотят принадлежать к некоей общности.

Как и многие англосаксонские обычаи, эта традиция показала Фощону почти непостижимой, но он все равно кивнул.

— Мы можем заключить, что они не нашли никакой общности, чтобы принадлежать к ней, потому что если бы нашли, то уже принадлежали бы, — продолжал Найджел. — Поскольку они ее не нашли, то выражают веру в то, что она где-то существует. Что есть некое деяние, заслуживающее свершения. Нечто такое, за что имеет смысл бороться. Ради чего стоит жить. Для них владение небольшим наделом земли на Ибице — часть этой мечты. Как говорится, я не перекасти-поле без роду и племени. У меня есть корни.

— Любопытно, — заметил Фощон. — И вы полагаете, что этот анализ касается и Хоба?

Найджел пояснил, что людям вроде Хоба стоит немалых сил выяснить, ради чего стоит жить. Дом. Мать. Родина. Вот краткий типовой список. Для многих, в том числе и для Хоба, все эти понятия лишены смысла. На самом деле Хоб любит только Ибицу. Притом не сам остров, а свою мечту о нем.

Далее Найджел растолковал, что остров мечты существует лишь в платоническом виде, но именно его Хоб и любит. Для него Ибица — золотая мечта о вечной юности, лучшей жизни, личный кусочек утопии. Не идеальной, нет, но уже сами ее недостатки наделяют ее правдоподобием.

Дать более толковое объяснение Найджел не смог бы, и Фощон решил удовлетвориться имеющимся. Когда принесли кофе, они еще немного поболтали об упадке Парижа. На эту тему всегда можно говорить без опаски.

Эмиль-Мари Батист Фощон родился в Кань-сюр-Мер. Отец его служил полковником-кавалеристом во Французском Иностранном Легионе. В период формирования личности Эмиля семья почти не виделась с Жан-Филлипом-Огюстом Фощоном. В те годы полковник обретался по большей части в Сиди-бель-Аббе в

Алжире, где заправлял квартирмейским складом. Мать Фошона Корин была младшей из сестер Лаба из Грасса — города, славящегося парфюмерией. Первые десять лет Фошон прожил в Кань-сюр-Мер. После ухода отца на пенсию семья перебралась в Лилль, где полковник Фошон устроился работать директором Эколь Суперьор. Там, не считая периодов отдыха в родовом доме в Нормандии, Фошон прожил до самого поступления в Парижский политехнический. По окончании он отбыл положенный срок в армии, где сначала погостил в Тонкине в качестве охранника французской миссии, а после служил во французской военной полиции. К тому моменту сердце Фошона уже было отдано полицейской и военной службе. Вскоре после демобилизации он вступил в парижскую жандармерию и, постепенно поднимаясь по службе, дошел до старшего инспектора.

Жил он в большой квартире на рю де Токувиль в Шестнадцатом округе, всего в квартале от Эколь дез Афэр де Пари. Его жена Марбель — полденькая, уютная женщина с веселым взглядом черных глаз, отдающая предпочтение светлым кисейным платьям, бесплодная из-за какого-то врожденного дефекта — изливала свои нерастраченные материнские чувства на одноглазого рыжего кота по кличке Тюсон и возделывала небольшой, но пышный огородик, выращивая овощи в горшках на крыше дома. Унаследовав два небольших виноградника близ Вильнев-сюр-Ло под Гиенью, она сдала их в аренду местным земледельцам. Доход с аренды, пусть и небольшой, оказался полезным дополнением к зарплате французского инспектора полиции.

Эмиль Фошон каждое утро просыпается в 7.00, в том числе и по воскресеньям, хотя любит порой поваляться в постели. Как правило, когда он открывает глаза, комнату наполняет студеной ясный белый свет: логичный, прозрачный, прохладный французский рассвет. Фошон встает, стараясь не разбудить Марбель, поднимающуюся вскоре после его ухода, чтобы заняться собственными повседневными делами. Сюда входит посещение полудюжины магазинчиков на узкой улочке по соседству, три часа работы в неделю для Красного Креста и так далее.

Работа заставляет Фошона удаляться от собственной квартиры — на метро он добирается до Пятого округа в управление полиции на площади Малерб. Здание полиции — неприглядная гранитная коробка с несколько нелепыми мраморными колоннами — занимает целый квартал. Оно спроектировано и построено в 1872 году архитектором Герце. Внутри — бесчисленные конторы и коридоры, ярус за ярусом связанные лестницами, установленными в самых неожиданных местах. Во время нацистской оккупации интерьер здания был спешно перепланирован под нужды

нового Министерства рудников и гаваней Сены и Луары. Десятки больших контор преобразовали в сотни крохотных. И когда в 1947 году здание передали под управление полиции, обнаружилось, что бесчисленных кабинетиков и клетушек ничуть не больше, чем нужно для бюрократического аппарата, для инфраструктуры, для постоянных кадров, под архивы и прочая и прочая.

Обязанности детектива спецподразделения, каковым Фошон является на самом деле, могут забросить его в любую точку Парижа и даже в любой из крупных городов Франции. Французы попустительствуют своим чиновникам в этом отношении, хотя любые необычные действия и, главное, необычные растраты должны быть после обоснованы. Специальные офицеры вроде Фошона обязаны видеть всю картину в целом, расследуя не столько отдельные преступления, сколько постоянно видоизменяющиеся хвори общественного организма. Они вовсе не должны выезжать на расследование: они изучают, где и при каких обстоятельствах могло произойти злодеяние. Их работа — улавливать переменчивые тенденции преступности. Эти инспектора спецподразделения объявляются в снобском баре «Клюзери де Лиля» и вульгарном развлекательном заведении «Ля Канебьер». Инспектора спецподразделения можно узреть у канала Сен-Мартен, где он сидит, скажем, покуривая трубку или шелкая арахис и швыряя скорлупки в радужную от нефти воду. Или, к примеру, его можно увидеть заказывающим тунисский сандвич в одном из маленьких кафе на бульваре Сен-Мишель или шагающим в глубокой задумчивости по Иноземному кварталу кладбища Пер-Лашез, где он, наверное, приобретает к Дюпену, своему духовному праотцу, — разумеется, того здесь вовсе не хоронили, ведь он никогда и не жил на свете, а если и жил, то лишь в фигуральном смысле, что делает его еще более реальным.

Инспектор Фошон не был бы человеком, если бы не пользовался свободой передвижения по городу, чтобы пить кофе в любимом кафе и питаться в заведениях, пришедшихся ему по душе. Для парижанина выбор ресторана, достойного регулярного посещения, — и серьезный вопрос, и своего рода развлечение. И дело тут вовсе не в хорошей кухне. Конечно, в ресторане, где ты стал завсегдатаем, должны подаваться приличные блюда, поскольку в один прекрасный день у тебя может возникнуть желание пригласить сюда начальника или возлюбленную. Но пять раз в неделю завтракать деликатесами не станешь — разве что это твое единственное занятие. Фошон упростил свои запросы до предела, стремясь изо дня в день употреблять на второй завтрак исключительно омлет. В Париже, где омлет — одно из величайших достижений экспресс-кулинарии, добиться этого весьма легко. Хрустящий, золотис-

тый, быть может, чуточку пригоревший по краям, поблескивающий капельками растаявшего масла, с малой толикой расплавленного швейцарского сыра сверху или чуточкой жареного картофеля и кусочком бекона... Словом, сами видите, какие тут открываются возможности. Фошон видел их ежедневно в «Омлет д'Сибари», омлетной на десять посетителей на рю де Расин, чуть севернее перекрестка рю де Риволи и Севастопольского бульвара. Там он ел охотнее всего. А еще удобнее, что порой это заведение чуточку сближало его с преступным миром, давая прекрасное оправдание ежедневным посещениям.

По крайней мере, в одном отношении Фошон не походил на типичного французского инспектора полиции. Остальные предстатели его касты спешили чуть ли ни каждый день, пешком, украдкой из-за смехотворности ситуации, к одному ответвлению от рю Сен-Жермен (кстати поименованной в честь великого мистика графа Сен-Жермена, в середине XVIII века выигравшего ряд дуэлей, потому что было обнаружено, что он — женщина и исключительно одаренный мистик). Фошон направлялся в этот тупик, но на полпути подходил к двери, неряшливо выкрашенной блекло-голубой краской, с металлической ручкой. Дверь никогда не запиралась. Фошон открывал ее и поднимался по двум коротким лестничным маршам. Звонил в звонок, подвешенный на шнурке в дальнем конце, и ждал с угрюмым, непроницаемым лицом, часто покуривая «Галуаз», а порой нетерпеливо притопывая ногой.

Покинув заведение с голубой дверью, Фошон возвращался на работу, и его повседневные поступки становились более предсказуемыми. Он шел в «Ля Пти Кревис» на рю Руаяль, чтобы отведать чаю по-английски и переждать первый наплыв вечернего часа «пик», когда вокруг некоторое время бурлят потоки людей, одновременно стремящихся к центру и в пригороды. Затем ехал на метро домой до «Ле Гренуаль», по пути останавливался у киоска на углу своей улицы, чтобы купить одну из скрученных сигарок, пропитанных ромом, которые в середине XIX века скручивали на Мартинике каторжники и которые национальный табачный картель «Режи Франсез» откупил в 1953 году, назвав «Ле Пти Кюрльен». Прятал сигарку в нагрудный карман, чтобы выкурить ее после обеда. И поднимался в свою квартиру, где мадам Фошон уже накрыла стол к обеду — как правило, не жалея телятины и скупясь на овощи. Далее Фошоны вечером смотрели телевизор. Заметки касательно того, какие передачи они смотрели, где-то затерялись, но поскольку во Франции всего два канала, а передачи похожи одна на другую, как горошины в стручке, это не играет

ни малейшей роли. Одним словом, они смотрели нечто просвещенное, насыщенное чистотой, чуточку сдобренное иронией и ужасно скучное, на лад девятнадцатого столетия.

А затем в постель. Постель — вот уж воистину неизбежный итог всех наших дней, ведь большинство из нас — и те, кто спит на открытом воздухе под мостами, и те, кто поживает в роскошных особняках, — связаны одной и той же цикличной необходимостью еженощно отбывать в путешествие, которое Бодлер называл зловещим приключением.

В спальне Фошонов приятно пахло лавандой и пачулиями. Сон закругляет сутки, укутывает нас в покрывало забвения, чтобы мы могли позабыть дневные заботы, невинный день, неузнаваемо преобразившийся в греховную ночь. И порой во тьме мы поворачиваемся чуточку дальше, нежели обычно, натываемся на знакомое бедро и шепчем:

— Ты спишь?

И слышим желанный ответ:

— Нет.

Глава 33

Наконец-то наступила пора покинуть Нью-Йорк. Хоб и Аврора сидели на заднем сиденье лимузина, а Келли — на переднем, за рулем. Маленькие часы на приборном щитке показывали 5.45 утра. Машин на дороге было немного. По земле стлался легкий туман, наползающий с Атлантического океана.

Хоб мысленно пребывал далеко-далеко, на Ибисе. Его разум наполнился обрывочными видениями тамошних людей и мест: вид моря со скалы в Са-Коместилья, хмуро-радостное лицо Гарри Хэма, печальная красота Марии, с вклинивающимися в эти видения образами ярко разодетых хиппи на еженедельном базаре в Пунта-Араби. Красной нитью через все это проходило натуральное видение Авроры, молча сидящей рядом, а ее точеный профиль время от времени очерчивался мерцающими огнями панорамы города, открывающейся со скоростного шоссе Ван-Вик.

А поверх всего этого голос Келли, повествующий о том, как славно было жить в Манхэттене до комиссии Кнаппа, в чьих предубежденных глазах общепринятая полицейская практика вдруг обратилась в акты вопиющего злодейства, и весь личный состав полиции должен был пройти переаттестацию, отрицая то, что делал так долго. Конечно, кто-то должен был погореть за эти делишки, и козлом отпущения выбрали Келли, человека прямого и цельного, никогда не стучавшего на товарищей, даже ради спасения собственной шкуры; Келли, чьи годы на боевом посту вылетели в трубу, когда крючкотворы Кнаппа выперли его с работы в жестокий

мир и пришлось искать новую синекуру взамен старой. Рассказ Келли был одобрен вереницей апеллирующих к человеческим чувствам вроде: «Разумеете, о чем я?», «Слышали, чего я говорю?», «В смысле, что мне еще оставалось?» и тому подобных.

Аврора оделась в чудесно скроенный синий дорожный костюм, туфли на среднем каблуке и прихватила большую сумку через плечо из патентованной кожи. На Хобе были его обычные джинсы, теннисные туфли, желтая футболка с выписанной черными буквами Буддагосой, а поверх — темно-коричневый твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях, призванными продемонстрировать всему миру то общее, что объединяет писателей планеты Земля.

У международной секции аэропорта Кеннеди Келли припарковался рядом с вереницей машин, стоящих у обочины, и понес чемоданы в здание. Сонный клерк за стойкой «Эр Франс» проштамповал их билеты, бросил взгляд в паспорта и дал входные талоны.

— До свиданьяца, — сказал Келли, покидая их у рентгеновских аппаратов. Аппараты они прошли без инцидентов и проследовали через остальные системы безопасности в зал вылета. Здесь Хоб едва успел пробежать глазами первую полосу «Нью-Йорк таймс», пока Аврора обдумывала седьмую главу джебрановского «Пророка»¹, как объявили посадку. Они пристегнули ремни, и вскоре самолет взмыл в воздух.

В вынужденной близости самолета, под тусклыми лампочками, под вкрадчивые голоса стюардесс, разносящих напитки, под трепетный гул, прошивающий тебя насквозь, становящийся частью тебя и заставляющий поверить, что ты пребываешь во времени, отстоящем от остальных времен, вневременном времени, вневременной атмосфере близости, Хоб и Аврора неминуемо вступили в беседу, становившуюся все непринужденнее благодаря вспыхнувшей между ними симпатии, неосознанной и оттого еще более сильной.

Аврора первая рассказала о своей жизни, как она родилась и выросла на острове Сан-Исидро у Атлантического побережья Южной Америки, неподалеку от Арубы и Кюрасао.

— Это маленький тропический остров, очень милый, очень дружелюбный и — как бы получше выразиться? — очень безнадежный.

Ее мать Фаэнс была учительницей начальной школы и возлагала большие надежды на детей — очаровательную малышку Ав-

¹ Знаменитый роман «Пророк» американского живописца и писателя Халила Джебрана, сирийца по происхождению, в котором ярко описывается философия духовного спасения посредством любви.

рору и аккуратиста Калеба, родившегося на четыре года раньше сестры. Аврора выросла на острове, в обстановке пасторальной бедности, одинаковой по всему миру, без отца — то ли сбежавшего, то ли безвестно умершего, никто толком не знает, — но под заботливой опекой многочисленных тетушек и дядюшек. Скоро она стала высокой, стройной, миловидной, светлокожей девушкой, в четырнадцать лет снимавшейся для островной газеты, а в шестнадцать победившей на конкурсе красоты Малых Антильских островов и получившей бесплатную поездку в Майами.

Там она без особого труда нашла работу фотомодели. Но обстановка пришлась ей не по нраву. Пережив американский идеал, она стала сама выбирать друзей, отсеивая тех, кто ей не нравился. Тянулась к культуре, о которой читала в школе. В Майами культура сводилась к латиноамериканским танцевальным ансамблям и центральноамериканским поэтам. Музыка была великолепна, но поэты оказались не на высоте. В итоге любовной истории отправилась в Нью-Йорк.

— Нашла работу. Познакомилась кое с какими людьми. Встретила Макса. Это произошло года два назад. И вот я здесь.

Теперь подошла очередь жизнеописания Хоба, и он вкратце осветил узловые события. Вырос в небольшом поселке в Нью-Джерси. Отец был страховым агентом, мать — библиотекаршей. Окончил высшую школу, служил в Корее, после демобилизации поступил в Нью-Йоркский университет. Вскоре после окончания с расплывчатым дипломом неоперившегося юнца, не знающего, чем хочет заниматься, отправился в Европу. Но когда ступил на Ибицу, картина прояснилась. Край его мечтаний. Следующие пятнадцать лет провел там и мотался по Европе.

И, конечно, фазенда. На этом предмете он задержался, рассказал о проблемах с платежом, расписал ее многочисленные достоинства.

— Должно быть, чудесно так любить хоть что-то, — заметила Аврора.

— О, это не совсем любовь, — возразил Хоб и тут же подвергся жесткому нажиму с требованием объясниться. — Ну, я имел в виду, да, я люблю это место, но не потому, что оно так притягательно, а потому, что это дом, родина.

— Мы в чем-то похожи, — промолвила Аврора. — Вы избрали собственную родину. А я свою еще не нашла.

На этой высокой ноте они перешли на «ты» и обменялись адресами и номерами парижских телефонов. Потом было кино, потом завтрак, потом еще кино, потом тихий час, а потом объявили:

— Пожалуйста, пристегните ремни. Через десять минут самолет приземляется в аэропорту де Голля.

Глава 34

Они сонно проковыляли в аэропорт — было уже 22.34 по парижскому времени, — прошли через иммиграционную службу, затем таможенник махнул им, чтобы не задерживались. В просторном зале за таможей толпились встречающие, в том числе люди с табличками. Одна из них гласила: «Хоб Дракониан — Аврора Санчес». Они подошли к человеку с табличкой. На нем была шоферская фуражка, но вместо традиционного темно-синего костюма профессиональных водителей — бежевый. Чуть за двадцать, черные курчавые волосы, на щеках густая щетина, усы торчком. На щеке большая родинка, да вдобавок с верхней губой что-то не в порядке — похоже, скверно сшитая заячья губа. То ли араб, то ли уличный апащ откуда-то из южной Европы.

— А где мистер Розен? — спросила Аврора, озираясь.

— У себя в отеле.

— Почему он не приехал встретить нас? — не унималась Аврора.

— Про это я ничего не знаю. — В голосе шофера сквозил арабский акцент Магриба. — Они в агентстве просто велели мне вас забрать.

— И куда отвезти?

— В отель мистера Розена. Или куда вы сами захотите.

— Это в духе Макса, — заметила Аврора. — Сам не показывается. Зато всегда машину присылает, и то ладно.

Вслед за шофером они вышли из центральных дверей аэропорта. Автомобиль — довольно потрепанный «Мерседес» не первой молодости — стоял у тротуара. Хоб вспомнил, как Келли встречал его в Портовой администрации. Похоже, профессиональные водители могут припарковать машину где только пожелают.

На переднем пассажирском сиденье находился еще один человек, помоложе шофера, смуглый, усатый, облаченный в темный бесформенный костюм.

— Это мой кузен Али, — пояснил шофер. — А я Халил.

Энергично кивнув, Али выбрался из лимузина, подхватил чемоданы и уложил их в багажник. Потом что-то быстро, заискивающе проговорил по-арабски.

— Он надеется, что вы будете не против, если он останется здесь, — пояснил Халил. — Он любит слушать радио. Он только что приехал сюда из Таманрассета. — Халил закатил глаза, чтобы показать, что Али то ли темный, то ли слабоумный, то ли, как порой бывает, и то и другое сразу. Все четверо уселись в «Мерседес» и скоро уже мчались по шоссе в сторону Парижа.

Глава 35

Недавно пробило одиннадцать. Хоб следил, как наплывают знакомые дорожные знаки, указывающие направление на различные пункты назначения, среди которых Париж — самый видный. На шоссе царил оживленный движение, изрядную часть транспортного потока составляли грузовики дальнего следования из Бельгии и Голландии. Сидевшие впереди Халил и Али хранили молчание, наблюдая за дорогой. Из приемника шелестела арабская музыка. Откинув голову на спинку сиденья, Аврора прикрыла глаза. Машина гипнотически скользила в коконе быстрого потока дорожного движения. Успокоительное покачивание убаюкало Хоба, и внезапный стремительный рывок «Мерседеса» вперед стал полнейшей неожиданностью.

Хоба вдавило в сиденье. Не без труда сев прямо, он спросил: — В чем дело?

Аврора охнула. Али, обернувшись с пассажирского сиденья, продемонстрировал небольшой вороненый автомат, нацеленный не совсем на них, но и не совсем в сторону. Они будто стали участниками театрального представления, ситуация двусмысленная и, судя по всему, склоняющаяся в зловещую сторону.

— Спокойно, — с акцентом по-английски выговорил Али. — Мы имеем компания.

Заметив уголком глаза что-то цветное, Хоб обернулся и увидел ярдах в тридцати позади красно-синюю мигалку полицейской машины. Секунду-другую его рассудок просто отказывался принять вытекающие отсюда выводы.

— Притормозите, — раздраженно бросил Хоб.

Халил продолжал разгоняться, затем резко вывернул баранку вправо. Машина метнулась по выездной эстакаде, ведущей на бульвар Обервильер. Шедший позади полицейский автомобиль резко затормозил и, грохнувшись о бордюр, ухитрился последовать за ними на эстакаду, завывая сиреной.

«Мерседес» на всем ходу вылетел на бульвар, пронзительным сигналом требуя уступить дорогу, чем заставил проезжающие машины резко брать в сторону. Впереди стеной стояла дорожная пробка, однако Халил сумел выскочить на противоположную полосу, виляя между встречными автомобилями, как между стоячими вешками, и на квартал опередив полицейских. Затем он с визгом повернул направо, потом еще раз. Вой сирены затих вдали. Сбросив скорость до неприметного в городе уровня, Халил повел машину дальше.

— Что происходит? — поинтересовалась Аврора у Хоба.

— Не знаю, — признался он, — но в данный момент ситуация выглядит не очень благоприятно.

— Пожалуйста, — Али помахал с переднего сиденья пистолетом, — не говорить.

Они молча смотрели, как Халил петляет по переулкам. В конце концов автомобиль выехал на бульвар де Бельвиль и покатил мимо североафриканских ресторанов, подающих кускус и восхитительный таджин, мимо мерцающих неоновых вывесок ресторанов расцветающего Китайского квартала, затем в темный переулок, а там в еще один — тесный, с мелькающими с обеих сторон домами, — потом быстро налево и снова направо, в совсем узкие проулки — пустынные, без тротуаров и без прохожих, нуждающихся в таковых.

В одном из подобных кварталов Халил остановил машину.

— Больше не станем вас задерживать, — поведаль он, тоже извлекая автомат, и что-то быстро проговорил по-арабски своему напарнику. Али выбрался из машины и открыл пассажирскую дверцу. Подошел к багажнику, отпер его, извлек багаж и грудой свалил его на обочине.

— Открывай, — велел Халил Хобу.

— Не заперто, — ответил тот.

Отщелкнув замки, Халил открыл чемодан Хоба. Пошарив внутри секунд пять, он вытащил что-то завернутое в коричневую бумагу. Сорвал ее и достал круглый джутовый мешочек размером с батон хлеба, с набитой на боку через трафарет надписью: «Рис басмати. Произведено в Индии».

— Ты всегда путешествуешь с рисом? — осведомился Халил.

— Это отличный подарок, — нашелся Хоб.

Испутив нечто среднее между фырканием и угрюмым смешком, Халил сунул автомат в боковой карман пиджака. Нашарил во внутреннем кармане перочинный ножик, открыл его и аккуратно принялся вспарывать мешочек сверху по шву. Распоров примерно на дюйм, он ткнул указательным пальцем в дыру, и тот покрылся белым порошком. Лизнув палец, Халил расплылся в широкой ухмылке и сообщил Али:

— Да, это он. Дай-ка мне скотч.

Достав рулон черной пластиковой ленты, Али вручил его Халилу. Тот оторвал кусок, снова запечатал мешочек и вернул рулон Али. Затем повернулся к Хобу и Авроре.

— Ладно, можете идти.

Они двинулись вдоль по улице.

— Стойте! — окликнул Халил. — А багаж вам не нужен?

Вернувшись, Хоб с Авророй подхватили чемоданы.

- В конце квартала сверните направо и пройдите два квартала. Выйдете на бульвар де Бельвиль. Поймать такси будет нетрудно.
- Спасибо, — вымолвил Хоб.
- Не стоит благодарности, — Халил нажал на газ, и «Мерседес» унесся прочь.

Глава 36

Макс, одетый в цветастый халат, стоял на пороге своего номера, широко улыбаясь.

— Хоб! Аврора, деточка! Как дела?

Поджав губы, Аврора скользнула мимо. Сердитый Хоб последовал за ней, волоча оба чемодана, совершенно оттянувшие ему руки. Он позволил заботливому Максу довести себя до мягкого кресла и устало рухнул в него.

Бесстрастно оглядевшись, Аврора осведомилась:

— Где мой номер?

— Чуть дальше по коридору, — сообщил Макс. — Но сперва позволь угостить тебя глоточком спиртного. Тяжелый выдался полет?

— Хоб тебе все расскажет. — Аврора подхватила свой чемодан и скрылась в коридоре.

— Что это с ней? — поинтересовался Макс у Хоба.

Макс снял апартаменты в старинном отеле «Синь» на бульваре Монпарнас. Хотя прожил он тут всего пару дней, Макса уже окружали визуальные памятки великого театрального прошлого Парижа: старые афиши Жан-Пьера Омона в «Светловолосом моряке», плакаты Пиаф и прочие имена и прочие плакаты.

— Аврора малость на взводе, — пояснил Хоб. — Терпеть не может, когда ее грабят.

— Шутишь, что ли?

— Нет, — покачал головой Хоб. — Макс, нас тормознули.

— В аэропорту?

— Вскоре после. В лимузине, который ты прислал за нами. — Хоб изложил недавние события.

— Я не посылал никакого лимузина, — заметил Макс. — У меня пока не было времени наладить сервис.

— Шофер держал табличку с моим именем и с именем Авроры.

— Он получил ее не от меня.

— Мне показалось, он тебя знает.

— Хоб, задумайся на секунду. Если бы это подстроил я, разве я стал бы называть собственное имя?

— Может, и нет, — согласился Хоб. — Если только не пытался быть сверхумным.

— Я не настолько умен, — возразил Макс.
— Охотно верю.
— И чего же ты лишился?
— Ерунды. Всего лишь маленького пакетика кокаина, да и то не своего. Твоего, наверное. Около кило.

Мясистое лицо Макса мгновенно осунулось, отвисшая нижняя губа отвисла еще больше. Он вмиг состарился лет на десять и сгорбился в кресле.

Помолчав какое-то время, он наконец вымолвил:

— Хоб, насчет этого марафета...
— Ты подначил Аврору или Келли подкинуть его в мой багаж, — отрезал Хоб. — Это я и сам уже вычислил.
— Хоб, я все могу объяснить.

Невесело усмехнувшись, Хоб устроился поудобнее и скрестил руки на груди.

— Валяй, выкладывай.

Набрав полную грудь воздуха, Макс медленно выдохнул:

— Хоб, гоп-стоп я не подстраивал.

— Зато подстроил, чтобы я протащил кокаин через таможду. Макс кивнул.

— Прежде всего, тут не было ни малейшего риска. Тебя ни в коем разе не могли подловить.

— Раз это было так уж безопасно, что ж ты не провез его сам?

— Я хотел сказать, не было риска для тебя. А для меня был.

Может, и для Авроры. Видишь ли, все было улажено. Было запланировано, что эта партия пройдет через таможду без осложнений.

— Это не снимает вопроса, — стоял на своем Хоб. — Почему ты не пронес его сам?

— Боялся ножа в спину. Ты знаешь Эмилио, дружка Авроры?

— Вообще-то мы не сталкивались.

— Он переодетый агент по борьбе с наркотиками.

— Замечательно.

— Благодаря этому все и сработало. Он хотел, чтобы я доставил эту партию во Францию. Я должен был организовать продажу, затем он бы накрыл покупателя и пожал лавры за разоблачение большой международной сети.

— А ты?

— А мне бы сошло с рук.

— Значит, все подстроено. Тем более ты мог провезти его сам.

— Если бы не одно осложнение. Эмилио жутко ревнует Аврору ко мне, так что я боялся, что он заложит меня и я уйду за решетку. Он потеряет свое большое дело, зато уберет меня со сцены, касающейся Авроры.

- Тогда почему ты не дал провезти его Авроре?
- Эмилио настолько не в своем уме, что ведет себя непредсказуемо. Он мог просто из чистой мстительности загубить ее. Разве угадаешь, что может учудить влюбленный псих?
- Он мог загубить и меня.
- Маловероятно. Против тебя он ничего не имеет и знает, что ты тут вовсе ни при чем. С товаром в багаже у тебя или у кого-нибудь еще все превращалось в обычное деловое предприятие.
- Думаю, мне незачем утруждать себя, растолковывая, что ты не имел права так поступать.
- Макс потерянно развел руками.
- Да знаю я, знаю! Что ж я еще могу сказать? Мне казалось, десять тысяч долларов как-то сгладят ситуацию.
- Давай их сюда, и тогда я погляжу, как буду себя чувствовать.
- Макс посмотрел на него еще потерянное.
- Хоб, я бы дал, если б мог. Но беда в том, что деньги должны прийти ко мне в руки после продажи кокаина.
- Макс, что ты хочешь этим сказать?
- Я банкрот, Хоб, вот что я пытаюсь сказать.
- А этот номер? — огляделся Хоб.
- В кредит. Я рассчитывал, что сделка поправит мои дела. Подожди-ка минутку. — Макс встал и вышел в соседнюю комнату. Возвратившись с бумажником, открыл его и вынул оттуда четыре похрустывающих стодолларовых купюры, пятьдесят и две десятки. И отдал Хобу две сотни и пятьдесят. — Это все, что у меня есть, Хоб, и я отдаю это тебе. Я все еще должен десять тысяч. А теперь хочу задать тебе один важный вопрос. Кто-нибудь знал, что ты работаешь на меня?
- Это не было таким уж секретом. Мои компаньоны, и все. А что?
- Я пытаюсь вычислить, кто нас грабанул. Этот гоп-стоп явно затеял человек, знающий, что он ищет.
- Скорее уж это кто-то из твоих компаньонов.
- Знаю. Просто пытаюсь охватить все возможности. Слушай, Хоб, а ты не мог бы чуток поспросить народ?
- Ты хочешь, чтобы я выяснил, кто меня грабанул?
- Разумеется. Ты ведь частный детектив. Обращаться к полиции мне как-то не с руки. А когда мы вернем товар, я заплачу тебе твои десять тысяч.
- Кто тебя ограбил — не моя забота.
- Да, но я прошу, чтобы она стала твоей. Если вернешь товар, получишь еще пять сверху.
- Хоб обдумал предложение, подавив естественное желание

послать Макса куда подальше. Такой вариант сулит лишь долг, получить который вряд ли удастся. А *traspasso* истекает на будущей неделе.

— Ладно, Макс. Однако тогда мне понадобятся еще какие-то деньги. Того, что ты дал, в Париже хватит лишь на пару обедов и сигару. Без денег, как тебе известно, тут шагу не ступишь.

Макс кивнул.

— Попытайся наскрести для тебя тысячу к завтрашнему вечеру. Годится?

Все это никуда не годится, но выбора нет, остается лишь раскручивать это дело дальше. Хочешь не хочешь, а все зависит от Макса и украденного наркотика, во всяком случае, в ближайшее время.

Глава 37

Стрелки часов уже подходили к полуночи, когда Хоб покинул отель Макса и ступил на улицу. Доехав на метро до Порт д'Итали, пешком дошел до бульвара Массена, 126, где снимал квартиру на паях с Патриком, ирландским флейтистом с Ибицы, пытающимся добиться коммерческого успеха ретикулированной фотографии как средства предсказания характера и будущего человека. Патрика в Париже в тот момент не было — он недавно сошелся с французенкой, и они вдвоем поехали навещать ее родственников в По.

Хоб вошел в темную квартирку. Патрик оставил холодильник включенным, и там обнаружилось полбутылки белого вина, немного анчоусов и несвежая курица. Хоб налил себе выпить.

Даже при включенном свете в квартире было сумрачно, как у Хоба на душе. С улицы доносился рокот моторов больших грузовиков, приехавших из провинции или отправляющихся туда. Одну из четырех тесных комнаток занимало фотоснаряжение и специальные светильники. В воздухе стоял запах кошки, несвежего паштета и жареного картофеля. Поставив чемоданы, Хоб обозрел унылое окружение. Уезжая, Патрик не выключил радио, и оттуда доносился мягкий шепот джаза, какая-то печальная женщина пела блюз. Хоб уселся на раскладушку, служившую ему и кроватью и диваном. Она со скрипом уступчиво подалась под тяжестью тела, суля неудобную постель. Сбросив мокасины, Хоб швырнул пиджак на стул. Не будь он таким усталым, это обиталище с голыми лампочками и шелушащимися стенами повергло бы его в хандру. Из него будто выпустили весь воздух. Он уже задремывал прямо в одежде, когда зазвонил телефон.

Доковыляв до аппарата, Хоб снял трубку.

— Хоб, старичок, это ты? — послышался голос Найджела.

— Да, я.

— Мы с Жан-Клодом собирались встретить тебя, да не знали, во сколько ты прилетаешь. И рейса тоже, если вдуматься. Забыли записать, старичок. Хочешь, встретимся? Могу подскочить в два счета.

— Не сейчас, — ответил Хоб. — Давай за завтраком в «Драгстор» на Сен-Жермен в девять часов. Приводи Жан-Клода.

— Заметано, старичок. Все прошло гладко?

— Не совсем. Расскажу, когда свидимся. Спокойной ночи, Найджел.

Повесив трубку, Хоб лег, пытаясь решить, следует ли вставать, чтобы почистить зубы, для чего необходимо распаковать чемодан. Он все еще ломал над этим голову тридцать секунд спустя, уже погрузившись в сон, так что первым делом осуществил желаемое утром, когда проснулся.

Глава 38

Назавтра с утра Хоб сидел в «Драгстор», расположенном на втором этаже ресторана на Сен-Жермен, в толпе модно одетых людей, по большей части американцев, японцев и немцев, хотя изредка ради местного колорита попадались и французы. На тарелке рядом с ним лежал недоодеженный круассан. Хоб как раз налил себе из высокого белого кофейника вторую чашку кофе с молоком, когда по узкой спиральной лесенке взбежал Найджел, за которым по пятам следовал Жан-Клод. Оба втиснулись в кабинку.

— Ты какой-то утомленный, — заметил Найджел. — Что стряслось?

Хоб рассказал о прилете в де Голль, о поездке в Париж с Халилом и Али, об ограблении и последующей встрече с Максом.

— Так я и знал! — воскликнул Найджел, когда Хоб подвел черту. — Так и знал, что этот скользкий ублюдок что-нибудь припасет под занавес!

— Если знал, почему же не сказал мне?

— К тому времени, когда я все разложил в голове по полочкам, ты уже был в воздухе. Черт, мы даже подумывали ограбить тебя сами, правда, Жан-Клод?

Жан-Клод кивнул.

— Подумывали или поделывали?

— Мы думали об этом, ради твоего же блага, но не сделали.

— Найджел, ты уверен? Потому что, если, случаем, это организовали вы с Жан-Клодом, теперь самое время признаться.

Найджел прижал обе руки к своей обширной груди.

— Хоб, я этого не делал. Ясно же, что этот трюк провернул

Макс.

— А я в этом сомневаюсь.

— Если не он, то кто же?

— Это я и надеюсь выяснить.

— В толк не возьму, чего ты так беспокоишься. Неужто ты не сыт этим типом по горло?

— Все просто, — растолковал Хоб, — я не получу платы, пока Макс не получит деньги за марафет, который заставил меня прощадить контрабандой. Найджел, я делаю это ради фазенды.

Найджел разумел священность данной концепции. Сам он фазенду утратил. Очевидно, ничего другого не остается. Но с чего начать?

— По-моему, — предложил Хоб, — первым делом вы с Жан-Клодом должны расспросить своих друзей и информаторов, не знает ли кто чего. Мне как-то не с руки блуждать по Парижу, разыскивая человека с приметам Халила.

Но на самом деле именно этим Хоб и занялся. Как только все трое покончили с завтраком, Хоб описал Халила и Али и дал Найджелу пятьдесят долларов из денег Макса, чтобы тот поделился с Жан-Клодом. Затем Хоб на метро доехал до Бельвиль. Нелепо, но ничего другого ему в голову не пришло.

Само собой разумеется, никакого проку это не дало. Половина населения Бельвиль походила на Халила, а вторая на Али — конечно, не считая женщин, вероятно, похожих на жен этих типов. Зато Хоб получил славный таджин и первоклассный мятный чай.

Глава 39

Между тем сияющие дороги предначертания, невероятно походившие на конверсионные следы реактивных самолетов, вели в Париж. Мы можем закрыть глаза на все, кроме ведущих из Нью-Йорка, где плелась очередная нить паутины судьбы, крепко привязавшей Хоба к Максусу. Судьба эта предстала в облике грузного пожилого мужчины суровой наружности, облаченного в клетчатую спортивную куртку и слаксы цвета хаки, сошедшего в аэропорту де Голля с борта самолета «Эр Франс», рейс 170, вылетевшего из аэропорта Кеннеди, что в Нью-Йорке.

Пройдя через таможенную и иммиграционную службы, Келли поймал такси. Уже садясь в машину, он заметил еще одного пассажира другого рейса, тоже садившегося в такси, — Генри,

приходящего работника мистера Розена. Его Генри вроде бы не заметил, а вопить Келли не захотел.

В такси Келли назвал адрес отеля Макса. Такси Генри отъехало следом, и Келли не видел, куда тот направился. Ему пришло в голову, что надо бы сказать: «Притормозите и следуйте за тем такси», но в таком объеме Келли французским не владел. Он даже не догадывался, что его неразговорчивый, небритый, смуглый шофер — израильтянин, бывший огранщик алмазов из Тель-Авива, говорящий по-английски лучше самого Келли. Но таковы уж превратности времени, места и сюжета.

Глава 40

В самолете Генри Смита окружала развеселая компания, целых 137 человек пассажиров Мемориального спецрейса в честь парижского джаза Луиса Армстронга и ночных клубов. Курьезно, что он попал на подобный рейс, потому что Генри вообще не принадлежал к числу фанатов джаза. Рожденный и выросший в Вест-Индии под звяканье дебублдебопа и растафариийский¹ духовный рэп, он очень скоро — так же неожиданно для себя, как и для своей родни, — ощутил вкус к Равелю, Сати и прочим, населявшим сюрреалистический Париж его фантазий.

И вот сейчас он сидел, читая свой журнал «Черный израильтянин», пока со всех сторон от него болтали, напевали и даже приплясывали под звуки джаза. Кажется, он единственный на борту самолета не знал ничего прозвища. Его это вполне устраивало. Он-то отправился в путешествие отнюдь не ради чепуховых увеселений. Его цель куда важнее, мало не покажется. Когда же сосед по креслу — крупный светло-коричневый мужчина в бежевом костюме с зелеными бархатными вставками и галстук с желто-оранжевыми разводами — попытался затеять разговор, Генри приложил палец к поджатым губам. Это ничего не означало, но тот уставился на него, выпучив глаза, и обернулся к соседу, сидевшему с другой стороны.

Генри это вполне устроило. Больше всего в этом путешествии он нуждался в молчании и времени на раздумья. Он очень надеялся, что Халил получил его телеграмму и точно выполнил все инструкции. Братство отзывалось о Халиле крайне благоприятно, однако с этими арабами нельзя питать уверенность ни в чем.

Самолет приземлился в аэропорту Парижа в 7.10 утра. Генри

¹ Растафариийцы — религиозная секта, возникшая на Ямайке, почти тающая эфиопского императора Айли Селасси спасителем и считающая Африку, и Эфиопию в частности, Землей Обетованной.

сошел с двумя легкими дорожными сумками. Прошел таможенно и иммиграционную службу без инцидентов и взял такси. Такое расточительство шло вразрез с его бережливой натурой, но ставка уж больно велика. Либо денег после будет по горло, либо вообще ничего не будет.

Когда машина въехала за кольцевую в Куленкуре и покатила через сердце города, вокруг замелькали виды Парижа. Проезжая по мосту Сен-Мишель, Генри впервые увидел Нотр-Дам. Вскоре после того такси остановилось на Левом берегу по названному Генри адресу: рю де Пантеон, 5-бис. Сердце Парижа, детка. Все на высшем уровне.

Было почти восемь утра, когда Генри выбрался из такси у дома Халила. Пять-бис оказалось узкой лестницей между двумя зданиями. По пути Генри разминулся со многими людьми, в большинстве — с виду студентами. Черных совсем мало. Впрочем, Генри не придавал этому значения, не питая никаких предубеждений.

В слабо освещенном фойе он отыскал кнопку с карточкой «Х. Ибрагим, 3б». Нажал на нее, подождал, снова нажал, подождал, нажал снова. Наконец, послышался ответный зуммер. Затем раздалось жужжание, открывшее дверь, после чего Генри вошел и поднялся по лестнице.

В коридоре третьего этажа царил полумрак. Генри пришлось щелкнуть своей зажигалкой «ViG», чтобы отыскать дверь 3б. На стук отозвался мужской голос, сказавший что-то по-французски.

— Халил, это я, — окликнул Генри. — Говори по-американски. Я знаю, ты умеешь.

На пару секунд воцарилась тишина. Потом звякнула отодвигаемая цепочка. Дверь открылась. На пороге стоял высокий, тощий, бородатый юноша в купальном халате.

— Эй, человек, это ж я, — повторил Генри.

— Вы Генри? — с явным акцентом по-английски спросил Халил. Хоть они и говорили по телефону, видеться лично им еще не доводилось.

— Верняк. Ты мне дашь войти?

Посторонившись, Халил пустил Генри внутрь.

Тесную комнатку озарял тусклый свет солнца, рдевшего за закрытыми жалюзи, и единственная лампочка под потолком. Тут присутствовала незастеленная кровать, с которой, судя по всему, Халил только что встал, мягкое кресло, два деревянных стула, стол, с одного конца заваленный бумагами и книгами, а с другого — невымытыми тарелками. Имелась также раковина, набитая грязной посудой, небольшая газовая плита, но никаких признаков холодильника и туалета.

— Вы правдиво Генри? — спросил Халил.
 — Да я ж посылал тебе свою треклятую фотку. Как я, по-твоему, должен выглядеть, как фараон Египта, что ли?
 — Прощения, не так быстро. Мой английский не был много разговорный.

— Ничего, согдится. Ты получил мою телеграмму?
 — Да... да.

Подойдя к столу, Халил покопался в бумагах и выудил тонкий бланк телеграммы, сообщавшей: «Прибытие завтра. Будь на месте. Генри». Показал ее Генри.

— Да я знаю, что в ней говорится, я сам ее посылал, — отмахнулся Генри. — У меня и в мыслях не было, что ты живешь в такой куче дерьма. Что, на лучшее не тянешь?

— Я бедный иракский студент. Но я истинный воин Святого дела.

— Эй, нечего талдычить про Святое дело *мне!* Разве ж я не ломаю горб ради Святого дела? Главное ты взял?

— Comment? — не понял Халил.

— Ну, вагон дури, кокаин, в общем, хватанул, чего я велел, или нет?

— Я сделал все, что вы говорили, — угрюмо буркнул Халил.

— Были проблемы?

Халил покачал головой.

— Один из Братства одолжил мне такси на вечер.

— И ты сделал это в одиночку?

— Я думал, лучше взять напарника. Я взял своего кузена Али.

— Его могут выследить?

— Нет. Он сегодня уехал в Алжир.

— Ладно. А дурь у тебя?

— У меня есть то, что вы просили.

— Тогда дай-ка мне взглянуть, человек.

Халил вытащил из-под кровати два чемодана. За вторым обнаружился завернутый в бумагу пакет, вчера вечером изъятый из багажа Хоба. Халил вручил его Генри.

— Открой, — распорядился Генри. — Откуда я знаю, может, там сахарная пудра.

Взяв со стола ножик, Халил сделал надрез, после чего протянул пакет и ножик Генри. Тот вынул щепотку порошка на кончике ножа и втянул ее носом. И почти сразу же улыбнулся впервые за день.

— Он самый, браток! Настоящий снежок! Приму-ка еще капельку. Ночь выдалась трудная.

Приняв еще одну понюшку, уже покрупнее, Генри несколько секунд посмаковал ее, закрыв глаза и блаженно запрокинув голо-

ву. Затем вытащил еще щепоть порошка и втер в десны. И наконец, закрыв пакет, вернул его Халилу.

— Мне просто нужно было убедиться. Но сейчас не время балдеть. Запечатай и убери. А ты сам, случаем, не потешился этой штукой?

— Я не употребляю дьявольского порошка, — презрительно скривился Халил.

— Рад слышать. Ежели б мы с тобой сунули носы в этот мешочек мечтаний, скоро нечего было бы продавать. А смысл операции как раз в продаже.

— Когда мы это сделаем?

— Человече, я приехал, чтобы заняться этой маленькой подробностью лично. Расскажу тебе позже. А сейчас мне надо покемарить, а после изучить расклад местности.

Откинувшись на спинку кресла, Генри зевнул, потянулся и огляделся. На глаза ему попались груды одежды на полу, позади них стопки книг с арабскими названиями, а рядом — открытый чемодан, набитый какими-то циферблатами и выключателями.

— А это у тебя чего? Какая-то рация, что ли?

— Нет, это моя бомба, — ответил Халил.

— А ты мне лапшу на уши не вешаешь?

— Конечно, нет. Я никогда не шучу. Как вы говорите, это последнее слово техники, сделана в Германии из лучших материалов. С гарантией разнесет в пух и прах что угодно.

Встав, Генри подошел к чемодану, присел на корточки и внимательно взгляделся, не притрагиваясь ни к чему.

— Это и правда бомба?

— Да, уверяю вас.

— Тогда во имя двадцати крохотных демонов в розовых халатиках скажи-ка мне вот что, человече. Какого черта у тебя в комнате на полу стоит бомба?

— Мне дали инструкцию взорвать мсье Дюри, министра культуры, за то, что он говорил о нашей группировке плохие слова и вообще с пренебрежением отзывался об исламе. Но мне велели отложить взрыв, пока не сделаю дело с вами.

Генри встал и вернулся к креслу, в притворном изумлении покачивая головой.

— Человече, если взрывать всякого, кто тебя обложит, тебе надо целую кучу чемоданов.

— Мы не собираемся взрывать всякого, — возразил Халил. — Просто несколько человек для примера. Но эта миссия отложена.

— Тогда чего ж ты держишь бомбу здесь?

— Больше мне негде ее держать.

— С этим надо что-то делать, — покачал головой Генри. —

А что, если полиция придет проверить твои документы? Покажи мне, как обращаться с этой штуковиной.

— Все очень просто, — Халил двинулся к чемодану, Генри следом. — Видите этот толстый красный провод? Это предохранитель. Пока он на месте, бомба нейтрализованная. Чтобы воспользоваться бомбой, надо выдернуть этот провод. Тогда запускается механизм. Затем есть два варианта. Можно установить вот этот таймер, нажав эту кнопочку. Каждая цифра — минута. Можно установить любое время от минуты до двадцати трех часов пятидесяти девяти минут. Или нажимаете вот эту большую голубую кнопку. Как только вы закроете крышку, механизм взведен. Когда кто-нибудь откроет чемодан, он сработает.

— Лады, я ухватил. Очень просто, очень мило. Даже и не мечтай провернуть что-нибудь эдакое, пока я здесь. Я найду для нее более безопасный тайник. И для марафета тоже. — Зевнув, Генри вернулся к креслу. — В той чертовой таратайке я глаз не сомкнул. Я займу постель, а ты кресло. Не против?

Он устремил на юношу Устрашающий Взгляд Агрессора, но напрасно: Халил и без того совсем присмирел, прекрасно зная, кто тут главное.

— Да, конечно. Мне надо подготовиться к занятиям. — Халил принялся копаться в своих вещах.

Сидя в кресле, Генри дожидался, когда он оденется и удалится. Не квартира, а куча дерьма, что тут еще скажешь. Однако это ненадолго, пока не удастся огрести деньгу. Но первым делом надо поспать.

Глава 41

Телефон подал голос, и Макс снял трубку. Звонил портье.

— К вам посетитель, мистер Розен.

— Кто?

— Говорит, его зовут Келли.

— Минуточку. — Прикрыв микрофон ладонью, Макс поглядел на Аврору, читающую на софе «Эль». — Келли здесь. Что ты думаешь?

— Что сейчас, что потом — никакой разницы, — пожала она плечами.

— Пусть поднимется.

Оставив чемоданы у портье, Келли на маленьком лифте поднялся на третий этаж. Спутать номер Макса с другим было просто невозможно. Еще от лифта Келли услышал приподнятые голоса: сердитый принадлежал Авроре, а умоляющий — Максусу. Он прикинул, не имеет ли смысла выйти и прогуляться вокруг квар-

тала, чтобы переждать, когда буря уляжется; впрочем, какого черта — ему уже не впервой быть свидетелем перебранки Авроры с Максом, тем более что о нем уже доложено. Подойдя к двери, за которой разыгрывалась ссора, Келли нажал кнопку звонка.

Через секунду-другую дверь отворилась.

— Привет, Келли, — бросила Аврора, одетая в черные кожаные джинсы, несмотря на июльскую жару, и тащившая за собой чемодан. Она ураганом пронеслась мимо и вошла в лифт.

Келли взглядом проводил ее. Двери лифта закрылись, и он пошел вниз по забранной сеткой открытой шахте. Пожав плечами, Келли повернулся к двери.

Макс, ничуть не смущенный разыгравшейся сценой, стоял на пороге с веселым, приятным выражением лица.

— Келли! Черт побери, какой приятный сюрприз! Входи же, входи! Что ты подельваешь тут, в Веселом Пари?

Войдя, Келли огляделся. Макс снял просторный, вместительный номер. Белые шторы развеваются на ветру в распахнутых французских окнах. На стенах что-то наподобие шелковых шпалер, а на шпалерах — старые плакаты с портретами людей, о которых Келли ни разу не слышал. Мебель вроде бы антикварная. Приглушенный изысканный свет. В подобном жилье человек будет чувствовать себя как дома, пока не надумает, что делать дальше.

— Мило, Макс, очень мило.

— Просто временное лежбище, — развел Макс руками, — пока не найду постоянную квартиру. Как ты насчет выпивки? — Он обернулся к бару, где группа стаканов обступила три бутылки. — Шотландское сгодится? Что ты тут делаешь, Келли? Рад тебя видеть.

Взяв шотландское виски с водой, Келли направился к креслу со спинкой в виде лиры. Сел и, отхлебнув, одобрительно кивнул.

— Я ж говорил, Макс, что меня всегда тянуло глянуть на Веселый Пари, — промолвил он, решив не затрагивать вопроса о том, что произошло между Авророй и Максом. — Я ж говорил.

— Несомненно. Но почему именно теперь? Кстати, я собирался тебе звонить. Тут кое-что подвернулось, и мне пришлось уехать впопыхах, сам знаешь, как оно бывает.

— Верное дело, знаю. Ну, я ж не обижаюсь, что вы мне ничего не сказали. Мы квиты. Вы были щедры со мной выше крыши. Я здесь не за тем, чтоб на вас наезжать.

— Черт, я и не думал волноваться на этот счет. Ты да я, мы никогда ничего друг от друга не скрывали. Если тебе понадобится помощь, только дай мне знать. В данный момент мое финансовое положение оставляет желать лучшего, но очень скоро...

Келли прервал его, выставив открытую ладонь.

— Я вовсе не о том, Макс. Я здесь не затем, чтоб проехать вам плешь насчет денег. Когда вы эдак смылись, я просто остался не у дел. Я вас не виню, мы всегда понимали, что я работаю на вас там, а как съедете, так и кранты. Но я начал задумываться. Я ж серьезно насчет того, что хотел повидать Пари. Так что огляжусь, пока не подвернется еще чего. И еще одно.

— Выкладывай, — улыбнулся Макс.

— Я знаю, вы не рассчитывали на меня. Но я подумал, что все равно могу понадобиться. Чем бы вы там нынче ни занимались, недурно иметь под рукой человека, на которого можно положиться. Который прикроет вас с тылу. Или будет ходить по поручениям, как в Нью-Йорке. Или еще чего. Не отвечайте мне прямо с ходу. Может, вам надо это малость обмозговать. Я тут задержусь на недельку-другую. Поглядим, чего вы надумаете. Если нет, так я вернусь в Нью-Йорк без обид.

— Что ж, очень благородно с твоей стороны, — согласился Макс. — Я об этом поразмыслю, обещаю. Где ты собрался остановиться в Париже?

Келли постучал по карману плаща, оттопырившемуся из-за книги в бумажной обложке.

— У меня с собой путеводитель, мои вещи остались внизу, а место я как раз собираюсь подыскать.

— Я бы разместил тебя здесь, но сам видишь, как оно...

Келли кивнул.

— Да, еще одно. У вас нет телефонного номера этого вашего приятеля, этого самого Хоба?

— Разумеется, есть. — Нацарапав номер на полоске бумаги, Макс вручил ее Келли. — А зачем тебе понадобился Хоб?

— Да так, ни за чем. Просто симпатичный парень, а больше я тут никого не знаю, кроме вас. А вам, как погляжу, не до меня. Я дам о себе знать, Макс.

Глава 42

Двадцать минут спустя в дверь Макса снова позвонили. Он открыл. За дверью стоял Хоб, какой-то помятый и недовольный.

— А почему мне не позвонили снизу? — поинтересовался Макс.

— Я сказал, что ты меня ждешь.

— И вправду жду. Что ж, входи.

И тут зазвонил телефон. Макс схватил трубку.

— Да, это Макс. Кто это?

— Макс, это твой старый дружок Эмилио.

— В Париже?

— Совершенно верно, дружок. В Париже.

- Что ж... добро пожаловать в Город Огней.
- Большое спасибо. Макс, у нас с тобой имеется неоконченное дельце.
- Нет у нас никакого дельца. Тут Франция, а не Америка.
- А тебе не доводилось слышать об экстрадиции?
- О каком это дельце ты говоришь?
- То, о чем я говорю, обсуждению по телефону не подлежит. Я сейчас подъеду. Но сперва хочу побазарить с Авророй.
- Вставай в очередь. Я тоже.
- Нечего со мной шутки шутить, толстячок, я же знаю, что она там.
- Тогда ты знаешь больше, чем я.
- Ну, если врешь...
- Не веришь, подъезжай прямо сейчас, поедим чили и поглядим какую-нибудь французскую телепередачу. По-моему, через полчаса из Нормандии начнут транслировать конкурс эрудитов, наверно, будет интересно.
- Ладно. Если увидишь ее, скажи, что я хочу с ней повидаться. А этот твой частный легавый Хоб, он-то в Париже?
- Он прямо тут.
- Дай-ка мне его.
- Хоб взял трубку.
- Хоб слушает.
- Мне надо с тобой встретиться, — заявил Эмилио. — Знаешь подходящее место?
- Скажем, в пивной «Брассери д'Итали», на углу Порт д'Итали и Массена через полчаса.
- Где это, черт возьми? А, выкинь из головы, возьму такси. Лады. Дай-ка мне снова Макса... Максик, мы скоро с тобой потолкуем. У нас с тобой неоконченное дельце. — Он дал отбой.
- Положив трубку, Макс сообщил Хобу:
- Это Эмилио.
- Я догадался.
- Как, по-твоему, следует ли ему говорить, что наркоту умыкнули?
- Он ведь такой умник, вот пусть сам и узнает. Макс, что у него на тебя?
- Лет двадцать в федеральной тюрьме, если только я не пойду на сотрудничество. То есть надо подставить своего здешнего партнера, чтобы Эмилио мог его арестовать и заслужить лавры.
- И ты собираешься это сделать?
- Из-за него я между молотом и наковальней, — развел руками Макс. — Если я ничего не придумаю, настанет очередь мистера Игрека.

- Мне казалось, обычно его зовут мистер Икс.
- Так оно и есть, но я решил окрестить его по-новому. Так куда свежей.
- Береги себя, Макс, — сказал Хоб. — Поговорим после.

Глава 43

Стало жарко, Париж наконец-то распростился с непредсказуемостью весны, разнежился, стал теплым и стабильным. Воздух напоил аромат цветов: настала пора цветения кизила.

Но славная погода была Хобу до лампочки; его донимали какие-то астматические симптомы, да заодно он чувствовал себя не в духе и не в настроении выслушивать саркастические комментарии Эмилио об ограблении.

Само ограбление подействовало на Хоба с опозданием, став неожиданным потрясением для нервной системы.

Поначалу, стоя в темном переулке Бельвиля, пока Халил обыскивал чемодан в поисках наркотиков, о существовании которых Хоб даже не подозревал, он не чувствовал ничего, кроме досады, что при всем своем обширном опыте в данной области не предвидел хотя бы возможности подобного грабежа. Но досады притупленной, его будто укутывала защитная серая пелена. Однако вскоре она уступила место злости и стыду за то, что он, Хоб, умный, изощренный Хоб, не предвидел подобного, не предвидел и не догадался, что десять тысяч долларов за сопровождение красивой женщины в Париж смахивают на сказочную приманку, при помощи которой и разыгрывают мошеннические операции. Его собственное стремление к большим деньгам, вернее нужда в них, завлекло его в эту запутанную ситуацию, где он не только не ведает, что творит, но даже не ведает, хочет ли творить это вообще. В такие времена, времена предельного отвращения к самому себе, все мотивы, все причины любых действий кажутся дутыми.

При более глубоком проникновении в суть выясняется, что любые действия вообще лишены смысла. Таков край пропасти проникновения в суть, от которого испуганно отшатнулся Хоб.

И напомнил себе, что, слава богу, настроение всеобъемлющего нигилизма быстро уступает место настроению просветленного интереса к собственной персоне.

— В общем, более дурацкой истории я еще не слышал, — подавшись вперед и навалившись на пластиковую крышку стола, подытожил этот пустобрех Эмилио — обладатель мускулистого торса, облаченного в спортивную рубашку из Вайкики, украшенную Микки Маусом.

— Дурацкой там или нет, но так оно и было, — отрезал Хоб.

- Смаживает на то, что это было подстроено.
- Гениальное умозаключение.
- А ты не догадываешься, кто мог это подстроить?
- Идей множество, ответа ни единого.
- Ты, наверно, знаешь, что Келли в Париже?
- Еще бы! Я с ним недавно говорил.
- А Генри?

— Вот о нем я не знал. А тебе откуда о нем известно?

— Я нашел его имя в списке пассажиров. Кстати, этот инспектор Фошон тебя знает. Он помог мне собрать сведения о некоторых людях. Тебя мог обработать любой из них.

— Правда.

Поглядев на Хоба, Эмилио поднял брови, будто его только что осенило.

— Дьявол, да ты же сам мог себя обработать!

— Разумеется, мог, — согласился Хоб. — Должно быть, путем ментального осмоса я вычислил, что мне подсунули в багаж, а затем позвонил из самолета своей парижской шайке, чтобы проинструктировать ее, как меня грабануть.

— Выглядит маловероятно. Но может статься, я сумею свести концы с концами. Ты достаточно сообразителен, чтобы понять, что к чему.

— Это лучший комплимент, какой я слышал за сегодняшний день. Самое печальное, что это не так.

— Избавь меня от своего умничанья, — оборвал Эмилио. — Я отвечаю за наркоту, которую ты потерял.

— Ну, порой грабят даже невинных парней, — запротестовал Хоб. — Такое случается.

— Быть может. Я лишь хочу, чтобы ты понял, что я тебя взял на заметку. Пару лет назад ты попался на контрабанде в Турции.

— Пятнадцать лет назад. И вовсе я не попался, никаких улик против меня не было.

— Хочешь сказать, что просто болтался поблизости, когда дерьмо всплыло?

— Что-то вроде.

Эмилио встал.

— С тобой говоришь, будто с плохим комиком шестидесятых. — На мгновение задумавшись, он поинтересовался: — У тебя, слушаем, нет адреса Авроры? — Хоб тряхнул головой. — Я с тобой свяжусь. — С этими словами Эмилио выбрался из-за стола и пошел прочь, предоставив платить за пиво Хобу. Мелочь, но в глазах Хоба — вопиющая неотесанность.

Хоб заплатил и пешком двинулся к себе, не заметив серое такси «Мерседес», стоящее третьим с конца у пересечения Порт

д'Итали и бульвара Массена. А поскольку не заметил такси, то не разглядел в нем и Эмилио, читавшего «Геральд Трибюн» и следившего, как Хоб пересекает проспект, направляясь в свой дом, стоящий на противоположной стороне.

Глава 44

Недавно перевалило за полдень, пора вздремнуть. Установилась великолепная летняя погода, чуточку более жаркая, чем Хобу по душе. Но в квартире Патрика каменные стены и нехватка окон помогли сохранить прохладу.

Сев, Хоб снял кроссовки, стащил рубашку, от пота липнущую к спине, и вытянулся на раскладушке, служившей Патрику кроватью и потому всегда в раскрытом виде стоявшей у дальней стены. Матрас оказался твердым и комковатым. Хоб отлупил бесформенную подушку, придав ей форму, которая, по его мнению, понравится его затылку.

Работа детектива весьма недурна, но даже частный сыщик может устать. И если не всякий частный сыщик, то Хоб уж наверняка. Жизнью Хоба всегда заправляла энергия его чакр. Когда она находилась на высоком уровне, он чувствовал себя так, будто может уложить на лопатки весь мир. Но чакры слишком уж часто исчерпывались, его аккумуляторы не подзаряжались, его воззрения на мир не освежались. В такие времена Хоба терзали сумрачные сомнения и опасения, исходившие будто бы из самой сердцевины его бытия. Он не понимал, к чему все это может привести, не осмеливался хотя бы шепотом назвать назревающие возможности, из страха совершенно воздерживаясь от самокопаний, ибо влиял на себя столь пагубно, что, как выразился его психотерапевт, «был себе худшим врагом».

В подобные времена сон превращался в насущную необходимость. Даже пятиминутная дрема могла заштопать прохудившиеся рукава его потрепанного представления о себе. И вот, едва Хоб закрыл глаза с мечтой оказаться на Ибике и почти перенесся туда в зарождающемся сновидении, как зазвонил телефон.

подавив стон, Хоб перекатился в сидячее положение — недурное достижение для человека возрастом за сорок, предчувствующего утрату своей фазенды.

Звонил Найджел.

— Дорогой мой, ты же знаешь, что я не стал бы беспокоить тебя во время сиесты, если бы мы не разузнали нечто важное. Во всяком случае, сулящее оказаться важным.

— Мы? — переспросил Хоб. Всякий раз, когда Найджел вели-

чаво употреблял «мы», у Хоба возникало ощущение, что до него снизошла царствующая особа.

— Жан-Клод и я. Вообще-то на самом деле Жан-Клод. Но я настоял, что мы должны позвонить тебе незамедлительно.

— И что там такого важного?

— Возможность выяснить, кто тебя ограбил. В самом-то деле, старичок, неужели ты думаешь, что я позвоню тебе с новостями о твоём дядюшке Пите из Балтимора?

Хоб не потрудился оспаривать наличие в своем родстве дядюшки Пита из Балтимора. По какой-то лишь одному ему ведомой причине, наверняка имеющей отношение к классическим британским эксцентричным выходкам с серьезным лицом, Найджел вечно настаивал на существовании одного индивидуума и справлялся о его здоровье всякий раз, когда Хоб возвращался из Америки.

— И кого же вы подозреваете, ребята?

— Хоб, все не так-то просто. Имени у нас пока нет. Но, по моему, он у нас в руках.

— Отличная работа, ребята. Да, конечно, я хочу все услышать. Встречаемся через час в «Пье Ко».

— Хорошо. Жан-Клод сделает небольшой заказ, пока мы будем тебя ждать.

Хоб не стал протестовать и снова улегся. Телефон тут же зазвонил.

— Хоб? Это Аврора.

Хоб постарался сгрести остатки вежливости воедино. Выбравшись из манящих глубин дремы, пробормотал:

— Как дела, Аврора?

Риторический вопрос был задан лишь из вежливости, но Аврора восприняла его всерьез.

— Хоб, я попала в беду.

— Прискорбно слышать, — промолвил Хоб, оттягивая время, чтобы чувство сострадания успело вернуться к нему. — Что случилось?

— Эмилио в Париже.

— Знаю. Я только что пил с ним пиво.

— Он только что звонил. Пытается заставить меня встретиться с ним.

— Откажи ему.

— Конечно, я отказала. Но Эмилио не понимает, когда ему говорят «нет».

— Ему придется научиться. Здесь Франция, одна из немногих оставшихся на свете стран свободы.

— Типы вроде Эмилио добиваются своего любой ценой. Хоб, тебя можно нанять?

— Ради этого я и живу, — подтвердил Хоб. — А что ты придумала?

— Небольшая работа по сопровождению. Мне надо встретиться с модельером на авеню Монтень, а я боюсь выйти из квартиры. Я в самом деле не готова к сцене с Эмилио. Если можешь, просто проводи меня до рю Монтень, а потом заведи оттуда через час или около того.

— Это мне по плечу. Где ты остановилась?

— Бульвар де Терн, четыреста тридцать семь, в Шестнадцатом округе.

— А какое там метро?

— Понятия не имею. И потом, у нас нет времени на метро. Возьми такси за мой счет.

— Ты уверена? Я на другом конце Парижа.

— Сейчас не время считать сантимы, — ответила Аврора. — Скажи консьержке, что ты за мной. Приезжай быстрее, ладно?

Глава 45

Хоб представился консьержке — миниатюрной испанке — и сказал, к кому приехал. Позвонив по переговорному устройству у себя в будочке, та сообщила:

— Она спускается.

Хоб кивнул и вышел на улицу. Стоял чудесный летний день, без единого изъяна, ничем не выдающийся. Синее небо, пушистые белые облачка. По бульвару де Терн упорядоченно катили машины. Дальше по улице пивная «Лорен» бойко торговала своим ходовым товаром, террасы ее были заполнены хорошо одетыми людьми — сплошь представителями верхушки среднего класса, населяющего райский Шестнадцатый округ. Эмилио не показывался.

На вышедшей Авроре был элегантный темно-синий костюм и круглая шляпка в стиле тридцатых, в этом году снова вошедшем в моду. Помахав Хобу, она направилась к нему. Выглядела она свежей и отдохнувшей, однако с опаской стреляла глазами вверх и вниз по улице.

— Вряд ли ты его тут увидишь, — успокоил ее Хоб. — Полчаса назад я покинул его в Тринадцатом.

— Этот человек меня пугает, — призналась Аврора. — Если ты этого еще не понял.

Заметив свободное такси, Хоб подозвал его. Аврора назвала шоферу адрес на рю Монтень. По пути она то и дело поглядывала в окно.

— Ты в самом деле считаешь, что он тебя преследует? — поинтересовался Хоб.

— Ему палец в рот не клади. — Она со вздохом промокнула глаза. — Ты не поверишь, но он был такой милый, когда мы только-только познакомились.

Хоб кивнул. Какие ж тут могут быть сомнения?

— Я знаю, что он старается везде выглядеть крутым. Пожалуй, он и есть крутой. Но он был так нежен со мной. Так покровительственен. — Она на миг задумалась. — Может, эта покровительственность была напускной. Может, на самом деле он просто собственник. Но поди угадай! — Она снова вздохнула. — В каком-то смысле это вина Макса. Он подзуживал меня встречаться с Эмилио, чтобы я могла приглядывать за ним.

— А ему-то зачем это понадобилось? — удивился Хоб.

— Эмилио заставлял Макса заниматься нелегальными делами, Макс у этого совершенно не нравилось, но он никак не мог найти способ сорваться с крючка.

— Что у Эмилио есть на Макса? Или ты не хочешь об этом говорить?

Аврора хмыкнула.

— Ну, ты ведь мой частный детектив. Если я не могу открыть тебе, то уж никому не могу.

— Довольно верно, — подтвердил Хоб. Аврора явно соображает, что к чему.

— Это все из-за наркоты. Произошло около года назад. Постоянный источник Макса иссяк, и он купил у другого. У стопроцентно надежного человека, как ему сказали. Им оказался Эмилио.

— А ты не представляешь, как Эмилио вышел на Макса? Через Келли?

— Нет, Келли недолюбливал Эмилио и не доверял ему.

— Молодец Келли. Продолжай.

— А после второй покупки Эмилио накрыл Макса. Вытащил свой значок и пистолет. Показал Макс у маленький диктофон, где был записан весь разговор. Инкриминирующий, как он это назвал. «Теперь ты сядешь, Макс», — заявил он. Голос его был ужасен.

— Но Макс не сел.

— Нет. Он начал умолять Эмилио, сказал, что он всего лишь потребитель, мелкая рыбешка, что марафет — единственное противозаконное деяние в его жизни, что он даже в налоговой декларации никогда не лгал. А Эмилио выслушал, кивнул и пообещал: «Что ж, может, что-нибудь придумаем». А Макс попросил: «Я сле-

лаю что угодно, только не арестовывай меня». Тогда Эмилио сказал: «Я свяжусь с тобой через пару дней».

— И затем?

— Примерно через неделю Эмилио пришел и рассказал Максу, что у него на уме. Он хотел, чтобы Макс сделал большую закупку и организовал сбыт товара. Эмилио планировал схватить покупателей Макса. Так оно с тех пор и повелось.

Хоб подозревал, что все далеко не так просто, но считал, что сейчас не время докапываться до истины. Кроме того, лично его это никоим образом не касалось, во всяком случае, пока.

Такси остановилось по указанному адресу на рю Монтень. Хоб заплатил шоферу тысячефранковой банкнотой. Уговорившись, что Хоб заберет ее через два часа, Аврора вышла. Хоб убедился, что она спокойно вошла в «Ментено», и направил шофера на Сен-Дени.

Глава 46

Жан-Клод и Найджел сидели на террасе «Пье Ко», только что покончив с пищей и пивом в предвкушении того, что счет будет оплачен Хобом. Найджел выглядел исключительно rispettable в своем летнем твидовом пальто и мягкой шляпе. Бороду он только что подстриг, а волосы аккуратно причесал. Жан-Клод, как всегда, предстал в хулиганской ипостаси: облегающие синие джинсы с утыканным заклепками мотоциклетным поясом, тельняшка в красно-белую горизонтальную полоску, к нижней губе широкого тонкогубого рта прилеплена сигарета. Хоб обрадовался, увидев, что его команда выглядит так благополучно.

Не теряя времени, Жан-Клод перешел к делу.

— Хоб, по-моему, у меня есть зацепка по поводу того, кто приветил тебя давеча. Помнится, ты упоминал, что это был молодой араб с усиками и большой родинкой на левой щеке.

— Разве я так говорил? — удивился Хоб. — Ладно, продолжай.

— Ты еще сказал, что у него заячья губа.

— Не помню, чтоб я это говорил.

— Боже мой, Хоб! — не выдержал Найджел. — Ты же должен быть наблюдательным! Внимание к деталям должно быть *sine qua non*¹ частного сыщика.

— Только в книжках, — возразил Хоб. — Настоящий сыщик зачастую упускает мелкие детали. Если я сказал, что у него заячья

¹ Непременное условие (*лат.*).

губа, значит, наверно, оно и в самом деле так. Так как насчет этого парня?

— В общем, — ответил Жан-Клод, — негусто для начала, но я порасспросил тут кое-кого. Мои друзья говорят, что этот тип Халил — крупный мокрушник из Северной Африки, Ирака или что-то в этом роде. Мои друзья думают, что он приехал в Париж, чтобы отколоть номер-другой.

— А при чем тут я?

— Если бы я знал, я бы уже распутал дело, вместо того чтобы питать сильные подозрения.

— Что ж, это пока что лучшее, чем мы располагаем, — заметил Хоб. — Ну и где нам искать этого субъекта?

— Мои друзья не знают. Но они знают кое-кого, кто может знать.

— Кто же?

— Ее зовут Мимет. Молодая дама из провинции, из Нанта, что ли, учится быть дорогостоящей девочкой по вызову, специализируется на арабах.

— Я не знал, что для этого надо учиться, — прокомментировал Хоб.

— Ты будешь удивлен.

— Пожалуй. Где найти эту Мимет?

— Обычно она появляется у входа в «Бебор» примерно в это время, чтобы найти клиента.

Всего в паре кварталов от ресторана.

— Лады, — Хоб взял счет, как положено частному детективу, совещающемуся со своими оперативниками. — А как нам ее узнать? Ты с ней знаком, Жан-Клод?

Жан-Клод покачал головой.

— Мои друзья говорят, что ее ни с кем не спутаешь. У нее зеленые волосы.

— Серьезно?

— Да, серьезно. Она думает, что это последний писк американской моды.

Глава 47

Подойдя к фонтану под названием «Транкилите», они болтались там около получаса. Наконец Жан-Клод углядел худенькую девушку лет семнадцати с зелеными волосами, в черной кожаной мини-юбке и болеро в горошек.

— Мимет? — справился Жан-Клод, подходя.

— Чего? — откликнулась она.

— Ты Мимет?

— А что, если да?

— Мы хотим с тобой потолковать.

— Ну а я не хочу с вами толковать, — смерив Жан-Клода взглядом с головы до ног, отрезала девушка. И двинулась прочь, однако Жан-Клод преградил ей дорогу. Голос его, доселе нейтральный, стал откровенно мерзким.

— Ты поговоришь с нами, Мимет, или будешь несчастнейшей шлюхой в Ле Алле.

— А вам не кажется, что у проституток тоже есть права? — спросила она, но без убежденности.

— Мы хотим всего лишь задать пару вопросов, — подал голос Хоб.

— А я? Я хочу денег!

— Мы заплатим за разговор с тобой, — пообещал Хоб.

— Сколько?

— А сколько ты обычно берешь за разговор?

— Это зависит от того, надо ли говорить сальности или нет.

— Нам не нужны никакие сальности, — заверил Хоб.

Мимет обдумала ситуацию, помахивая черной модельной сумочкой у своего тощего бедра.

— Вы журналисты? Хотите смачный рассказ? Вам это дорого обойдется!

Тут в переговоры вступил Жан-Клод.

— Девочка моя, лучше прислушайся к доводам рассудка. Кто тебя водит? Жильбер? А, так я и думал. Это его район. Жильбер — мой большой друг.

— Вы вправду знаете Жильбера? Толстяка Жильбера с поросчяыми глазками и толстой задницей?

— Конечно, знаю. Мы вместе участвовали в беспорядках в Амьене.

Мимет поглядела на него с уважением, но и с вызовом — любимая комбинация, практикуемая французскими шлюхами, славящимися на весь мир своей несговорчивостью.

— Ладно, я поговорю с вами. Но сколько я получу за это? Мне сказали, что в Париже я стану богатой. Мне только хочется набрать на маленькую свиноферму. Я уже приглядела одну...

— Нас это не интересует, — перебил Жан-Клод.

— Не интересует? А я думала, вам нужна история моей жизни!

— Ни капельки. Нам нужна информация о человеке, в связи с которым ты состоишь.

— В связи?! В чем вы меня обвиняете?! Я честная женщина! В политику я не вмешиваюсь!

— Мимет, — вздохнул Жан-Клод. — Слушай внимательно. Мы отнимем совсем немного твоего драгоценного времени. Но нам нужно узнать о твоём дружке. Не заставляй меня прибегать к насилию, а то оно мне слишком нравится.

- О каком дружке?
- О недавнем. О клиенте.
- О котором? — с опаской поглядела на него Мимет.
- Я имею в виду, — пояснил Жан-Клод, — араба с родинкой на щеке и заячьей губой, возможно, именующего себя Халилом.
- А-а, вы о студенте!
- Вот именно.
- У меня для него специальный тариф, — сообщила Мимет. — Вы знаете, что он приехал из крохотной деревушки в Ираке?
- Даже не догадывался, — ответил Жан-Клод. — Я думал, он горожанин из Басры.
- А вот и неправильно! — рассмеялась Мимет.
- Но это не относится ни к родинке, ни к заячьей губе.
- Нет, про это вы правильно сказали. А еще вы не вспомнили про ножевой шрам у него на левом плече.
- Верно. Но я рад, что ты о нем упомянула. Ну что ж, Мимет, теперь скажи, где нам его найти, и можешь заниматься своим делом.
- Для дела еще рановато, — возразила Мимет. — Вообще-то я пришла выпить аперитиву. Вам не трудно купить мне его?
- Мы торопимся. Как-нибудь в другой раз. Ну, где же нам его найти? И кстати, как он себя называет?
- Если вы его друг, так почему ж не знаете, как его зовут?
- Вообще-то я не его друг. Я друг одного человека, который с ним дружит. Он забыл мне сказать, как его зовут.
- Он зовет себя Халилом, в точности, как вы и сказали. У него маленькая квартирка возле Пантеон. По-моему, номер пятьбис, рю де Пантеон. Меня он водил туда. Надеюсь, я не накликала на него беду.
- На этот счет можешь не тревожиться, — заверил Жан-Клод. — Ступай, малышка. Можешь не вспоминать о нашем разговоре. Правду говоря, у нас для тебя кое-что есть. — И поглядел на Хоба.
- Пошарив в кармане, Хоб нашел почти четыреста франков сдачи, полученных в такси. И отдал деньги Мимет.
- Большое спасибо! — сказала она и зашагала прочь.
- О, кстати, Мимет! — окликнул Жан-Клод.
- Да? — остановившись, обернулась она.
- Думаю, тебе стоит попытать удачу с оранжевыми волосами. Они тебе больше пойдут.
- Правда? Но это *au courant*?¹
- Определенно *dernier cri*², — заявил Жан-Клод.

¹ По моде? (фр.)

² Последний крик (фр.).

Глава 48

Хоб на такси вернулся на рю Монтень, прибыв в 14.25. Аврора дождалась его внутри «Ментено». Выйдя, она посмотрела вверх и вниз по улице, затем села в такси.

— Как дела сегодня? — спросил Хоб, как только машина тронулась с места.

— Недурно. Видела их последнюю коллекцию. Может, получу кое-какую работу.

— А я думал, этим должен заниматься Макс.

— Так и есть, но когда у меня появляется возможность, я тоже улаживаю дела. А как прошел твой день?

— Сама знаешь, как оно бывает, — развел руками Хоб. — Жизнь бьет ключом, и все по голове.

Аврора кивнула. Они посидели в дружелюбном молчании, пока такси петляло по Шестнадцатому округу. «Будто старая супружеская чета», — подумал Хоб. И начал строить домыслы на тему, каково быть женатым на Авроре. Куда более интересный предмет для размышлений, чем судьба девушки с зелеными волосами. Такси остановилось у тротуара по названному Авророй адресу.

— Хочешь, провожу? — предложил Хоб.

— Да нет, я уже в полном порядке. Спасибо, Хоб. Мне стало намного спокойнее. Я тебе позвоню, ладно?

— Отлично, — Хоб уселся обратно в такси и попросил отвезти к станции метро «Терн». Развозить в такси клиентов еще куда ни шло, но сам Хоб всегда отдавал предпочтение метро.

Зайдя в вестибюль, Аврора на маленьком лифте поднялась на второй этаж, открыла дверь, вошла и заперла за собой. Потом прошла через холл в солнечную гостиную.

И там, на одном из мягких кресел, почитывая журнал мод, сидел Эмилио.

— Привет, детка, — сказал он.

Глава 49

Только два часа второго дня пребывания в Париже, а Келли уже стало скучно. Он сидел в одном из маленьких кафе через улицу от своего отеля, прилебывая третью чашку кофе с молоком, а официанты смотрели на него, как на чокнутого. Ну и начхать на них. В Америке тебе доливают кофе, когда чашка наполовину пуста и не берут за это платы. В Париже с тебя берут полную цену

за каждую чашку и считают, что ты спятил, если берешь больше одной. Разумеется, местечко довольно миленькое — с красно-белыми скатертями в шахматную клетку, цветами на столах и официантами в смокингах, даже утром. Но Келли все это пришлось не по вкусу. Он открыл одну из печальнейших истин: американцу не счесть поводов невзлюбить Париж.

Но на самом деле он не знал, куда себя деть, и это терзало его больше всего. Он приехал в Париж, повинувшись импульсу, предполагая снова как-то завязаться с Максом. Он был правой рукой Макса почти два года и почему-то рассчитывал оставаться таким и дальше. Нет смысла твердить себе, что приехал сюда, ни на что не рассчитывая. Рассчитывал на многое, а ничего не вышло.

Однако тут возникли некоторые осложнения. Первое — марфет. Келли явно видел, что этот грабеж потряс Макса. Чьих же это рук дело? Ломая над этим голову, Келли пришел к убеждению, что ключ ко всему в грабеже и все это как-то связано с Генри. Келли собственными глазами видел, как Генри сошел с самолета в аэропорту де Голля. Этот мужик сейчас где-то в Париже. Но где? И что он затевает? Келли понял, что если сможет вычислить его, то сумеет уладить дело и опять стать полезным Максусу. А может, и себя не забыть.

Итак, начинать надо с Генри. Но где он? Где он может болтаться в Париже? Есть ли в Париже какое-то местечко, где болтаются нью-йоркские чернокожие? Джаз-клуб? Однако Келли тут же вспомнил, что Генри на джаз наплевать. Весьма странно.

И только в религию Генри ударился всерьез. Постигание черного иудейства, как он это называет. Вернее было бы сказать, личный бзик.

Затем Келли вспомнил, как Генри говорил о своей шул (духовная школа. — *Прим. пер.*) в Париже. «Я стал представителем этого народа», — сказал он Келли. А еще с пылом указывал, что это вам не белые американские иудеи, к которым он питает лишь глубочайшее презрение. А израильские иудеи, имеющие синагогу в Париже. Или принадлежащие к синагоге в Израиле. Келли это так толком и не понял. А еще Генри называл ее... Как же он ее называл? Что-то там связанное с вином. Портвейн? Нет. Шерри. Только записывается не совсем так. Шери. Точно! Но Шери и как? Начинается с Т. Тзурис? Тхилим? Теплее, теплее. Тефила! Вот оно!

— Эй, официант! — окликнул Келли высокого, разодетого в пух и прах молодого человека, снабжавшего его кофе. — У вас тут телефонная книга есть?

Конечно, все оказалось не так просто. В этом заведении нашелся какой-то там компьютер, который называли *ordinateur* или

что-то вроде того. И адреса нужно было добывать через эту штуковину. Справиться с ней Келли не сумел, но через некоторое время при поддержке официанта и метрдотеля и при помощи ручки и блокнота они все-таки отыскали название и адрес синагоги. Записали его для Келли, потому что произнести это было для него ничуть не легче, чем спеть «Argis de ma Blonde» на вульгарной латыни. Полчаса спустя он уже ехал на такси в синагогу.

Глава 50

— Да не дергайся ты, — сказал Эмилио, когда Аврора попятилась к двери. — Я не буду заниматься рукоприкладством. Я хочу только потолковать. Лады?

— Слушай, Эмилио, я не в настроении для больших разборок. Давай как-нибудь в другой раз.

Эмилио покачал головой. К этому случаю он оделся в бежевый спортивный пиджак, выглядевший так, будто куплен на дешевой распродаже в каком-нибудь заштатном магазинчике в Бруклине. Под пиджаком была цветастая гавайская рубашка. Его ипостась а ля Микки Рурк. Но Аврора считала, что он выглядит, как статист в кино про бандитов.

Эмилио гордился своей способностью перевоплощаться. Раньше Авроре это тоже нравилось. Сейчас же она гадала, не удастся ли опереть входную дверь и выскользнуть, прежде чем он доберется до нее. Весьма сомнительно, но ей хотелось все же попытаться.

Однако Эмилио, небрежно развалясь в кресле, даже не шелохнулся.

— Ну послушай же, детка, — негромко, безразлично проронил он. — Я хочу сказать тебе пару вещей. Прежде всего, Макс спекся. Я чертовски хорошо знаю, что он подстроил похищение этого марафета, чтобы обойти меня. А я навалюсь на него с такой силой, что он и не пикнет. Так что забудь про Макса в роли твоего покровителя. С этим покончено.

Эмилио замолчал, чтобы закурить. Огляделся в поисках пепельницы, но не увидел ни одной. Наконец, углядев маленькое китайское блюдо, стряхнул пепел туда.

— Далее, и не думай, что этот частный сыщик, этот Хоб, не подпустит меня к тебе. Я таких, как он, съедаю на завтрак. Ты осталась одна, детка, и тебе больше не на кого опереться, кроме меня. И я здесь ради тебя.

— По душе мне это или нет, — подхватила Аврора.

— Ну-ну, что ты. Не так уж давно ты была в восторге. Или забыла?

— Помню, но передумала.

— Тогда можешь снова передумать. Слушай, я не обманываю тебя. Ты да я, мы ж вправду славно ладили. Тебе нужен кто-то вроде меня, чтобы снабжать тебя всеми классными вещами, к которым ты привыкла, с тех пор как покинула родную хижину на Ямайке или где там еще.

— На Сан-Исидро, — отрезала Аврора. — И мы никогда не жили в хижине.

— Ладно, держу пари, что и не в особняке. Да ничего страшного, я сам выходец со дна Бенсонхарста. Я не называю ни тебя, ни твою семью никакими прозвищами. Я просто указываю, что мы вышли из одной среды. И мы подходим друг другу.

— Я подумаю. А теперь не будешь ли любезен удалиться?

— Минуточку. Я хочу только окончательно прояснить ситуацию. Ты отправляешься со мной, Аврора, или отправляешься в тюрьму. Ты да Макс занимались этим на пару. У меня масса улик на вас обоих. На Макса уж наверняка. Можешь поставить на нем крест прямо сейчас. Но ты дело другое, подумай об этом. Ты никогда от меня не избавишься. Крутнешь мне динамо, и я тебя прихлопну. Играй в моей команде, и никогда не будешь нуждаться ни в чем, чего только твое латинское сердечко не пожелает. Ах да, кажется, я не упомянул об этом, но я люблю тебя.

— Очень мило, что ты наконец-то дошел и до этого, — отметила Аврора. — Ладно, ты обещал, что все расскажешь и смотаться. Ты намерен сдержать свое слово?

Эмилио встал. Несмотря на свои крупные габариты, двигался он с угрожающей легкостью. Направился в обход Авроры, и она отпрянула в сторону.

— Эй, да не дергайся ты. Я не собираюсь тебя бить. Клянусь, что больше никогда тебя не ударю. Но я хочу тебя, Аврора, и ответа «нет» не приму, подумай над этим. Я предпочел бы, чтобы ты пришла ко мне по собственной воле. Но могу взять тебя и силой, если придется. Ухватила?

— Я понимаю, что ты говоришь, — дрожащим голосом проронила Аврора.

— Я оставил на столе свой запасной ключ. Под ним мой адрес на листке бумаги. Агентство содержит эту квартирку в Париже для своих агентов, когда мы сюда заглядываем. Там очень мило, и она в фешенебельном Пятнадцатом. У меня из окна видно Эйфелеву башню. И никакой пронырливой консьержки, чтобы совать нос. Поверь мне, детка, это классная квартирка — в точности как ты, но притом и практичная, тоже в точности как ты.

Обойдя Аврору, Эмилио открыл дверь и обернулся.

— Приходи ко мне, детка, и поскорее. Мы играли прекрас-

ную музыку. Можем сыграть еще. Не заставляй меня приходиться за тобой, потому что в этом случае папочка может очень рассердиться.

Ослабившись напоследок, он вышел, тихонечко прикрыв дверь за собой.

Подойдя к двери, Аврора снова заперла ее. Затем бросилась на диван и разрыдалась. Проплакала минут пять, более всего от ярости, чем от чего-либо другого. Затем села, нашла салфетку и утерла глаза. Встала, подошла к стулу, где сидел Эмилио. Ключ действительно лежал там поверх полоски бумаги, в точности, как он и сказал. И квартира оказалась на рю де Л'Эглиз, в Пятнадцатом округе. Аврора пару секунд задумчиво крутила ключ в пальцах, затем положила его в сумочку и отправилась в ванную, чтобы поправить макияж.

Глава 51

Нет ничего хуже, чем приходиться в себя после дневного сна. Телефон трезвонил. Генри сел, смаргивая сон. Халил еще не вернулся. Поначалу Генри не хотел снимать трубку, полагая, что в Париже телефон не сулит ему ничего доброго. И все-таки, может, что-то важное. Он поднял трубку.

— Ага?

На том конце слегка замялись, затем мужской голос произнес:

— Генри? Это ты?

Генри не знал, следует ли ему признавать этот факт или отрицать. Черт возьми, кто бы это мог звонить?

— Кто это? — спросил он.

— Ты меня знаешь, — сказал голос. — Это Келли.

— Келли из Нью-Йорка?

— Конечно.

— А-а. И давно здесь?

— Не очень. Но достаточно долго, чтобы узнать, что кто-то свистнул у Хоба сам знаешь что.

— Ага, я тоже об этом слышал, — подтвердил Генри. — Слушай, человек, у меня еще куча дел. Ежели хочешь, дай мне свой телефон, и я попробую звякнуть тебе как-нибудь на днях.

— Ну нет, — возразил Келли. — Так не пойдет. Нам с тобой нужно встретиться куда раньше, а то обоим хуже будет.

— Ну, уж теперь я наверняка совсем не понимаю, про что это ты.

— Ну, если переходить к прямой и вульгарной откровенности, по-моему, я прекрасно догадываюсь, кто взял марафет у Хоба.

— Это факт?

— Определенно. Думаю, мне не следует болтать языком про это с Максом и Хобом, пока я не перекинулся парой слов с тобой.

— Ты прав, — согласился Генри. — Нам надобно встретиться. Где?

— Я в этом граде ни ухом ни рылом. Единственные места, которые я тут знаю, это мой отель и Нотр-Дам.

— Козлу понятно, что в твой отель я не приду. Скажем, за Нотр-Дам через час?

— А почему так долго и почему позади?

— Долго, потому что мне надо сперва кой-чего сделать. А позади Нотр-Дам, чтобы нам не дышали в затылок пятьдесят тысяч шалопаев с фотоаппаратами.

Глава 52

Хоб пробудился от стука в дверь. На нем были одни трусы, так что он накинул плащ и открыл дверь. На пороге стояла консьержка в бигуди, а рядом с ней — полицейский.

— Инспектор Фошон шлет вам привет, — доложил полицейский. — И не будете ли вы любезны проследовать со мной?

— А в чем дело?

— Инспектор Фошон вам все объяснит, — пожал плечами фараон.

Фараон то ли не знал, в чем дело, то ли, что более вероятно, не желал говорить. Хоб попросил подождать минуточку, оделся и под пристальным взглядом консьержки и половины жильцов дома в сопровождении фараона проследовал к полицейской машине.

Хоб был даже чуточку разочарован, когда они поехали через Париж без сирены — через Сену по мосту Сен-Мишель — и подкатили сзади к Нотр-Дам. Здесь обнаружился кордон полицейских, сдерживавший зевак.

Вдоль дороги через каждые полсотни футов стояли фонари. Слева, примерно в двухстах футах, вспыхивала полицейская мигалка.

Группа полицейских — и в форме, и в штатском, — сунув руки в карманы, переминалась с ноги на ногу возле какой-то груды на земле. С утрюмого неба начала сеяться мелкая водяная труха, окрашенная в оранжевый цвет фонарями Парижа. Звуки уличного движения доносились сюда приглушенно, будто издалека.

Подойдя поближе, Хоб разглядел коренастую фигуру инспектора Фошона.

— Привет, старший инспектор!

— Привет, Хоб. Поглядите, не сможете ли вы опознать этого парня?

На земле под фонарем, в окружении полиции, накрытая черным брезентом лежала фигура размером в человеческий рост. Фошон что-то буркнул, и один из полицейских откинул брезент. Хоб наклонился, чтобы приглядеться получше, но спутать это лицо ни с чьим другим было невозможно.

— Келли. Имени не знаю.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Вчера вечером. Мы вместе пили пиво на площади Италии.

— Расскажите мне о нем.

— Да я его толком не знаю. Он работал шофером у Макса Розена в Нью-Йорке.

— А какой у мистера Розена адрес?

— Он из Нью-Йорка, но сейчас здесь, в Париже, — сообщил Хоб и назвал адрес отеля Макса.

— А вам известно, что мистер Розен делает здесь?

— Насколько мне известно, он тут по делу.

— По какому делу?

— Он ведет модельное агентство. Почему бы вам не спросить у него самого?

— Не бойтесь, спрошу. Вы работаете на мистера Розена?

— Я сопровождал одну из его моделей из Нью-Йорка в Париж. Мы приехали вчера вечером.

— Ее имя и адрес?

Хоб назвал.

— А вы не знаете, знакома ли мисс Аврора Санчес с мистером Келли?

— Полагаю, знакома. Но лучше поговорите с ней самой.

— Да-да, знаю, — не без раздражения отозвался Фошон. — Однако в данный момент я говорю с вами. Вам известно, что мистер Келли делал в Париже?

— По-моему, приехал посмотреть на город, но толком не знаю.

Фошон кивнул.

— Возможно, позже у меня возникнут к вам еще вопросы. Вы не собираетесь покидать Париж в ближайшее время?

— Нет, в ближайшее время не собираюсь, — покачал головой Хоб.

— После этого я отправляюсь на Ибицу.

— На знаменитую фазенду?

— Если еще не лишусь ее.

— Свяжитесь со мной перед отъездом. Вы живете по тому адресу, который у меня записан? На бульваре Массена?

Хоб кивнул.

— Вы не хотите добавить еще что-нибудь?

— У меня вопрос. Как был убит Келли?

— Двумя пулевыми ранениями. Одно в шею, перебило левую сонную артерию. Второе в сердце. И то и другое оказалось бы смертельным.

— Его убили здесь?
— Помощник медэксперта считает, что нет.
— А что навело вас на мысль обратиться ко мне? Или вы будете обращаться ко мне по поводу любого американца, найденного в Париже мертвым?

Фошон пошарил в кармане куртки и извлек обрывок бумаги.

— У него было ваше имя и телефонный номер.

— Это я ему их дал. Но что вы еще нашли?

Фошон приподнял обе брови.

— Вы хотите поиграть в детектива?

— Я и есть детектив.

— Верно, а я забыл. Его не грабили. Его часы по-прежнему на запястье, его бумажник в левом заднем кармане. Из чего вы заключаете?..

— Что либо Келли был левшой, либо у него болело правое бедро.

— Великолепно. В бумажнике обнаружены обычные американские пластиковые карточки, пара сотен долларов и пара тысяч франков.

— Так что ограбление не было мотивом преступления, разве что он нес свои настоящие деньги в пакете из оберточной бумаги.

— Вы соображаете довольно быстро. Было еще вот это.

Фошон вынул из кармана полиэтиленовый мешочек и вытащил из него карточку, приподняв, чтобы Хоб смог прочесть.

Это была карточка из «Кошерной пищи Шлоима» на рю Тессо. Хоб кивнул.

— Нечасто встретишь американца ирландского происхождения, питающего пристрастие к кошерной пище.

— В точности так же подумал и я. Вам известно это заведение?

— Не имел удовольствия.

— Конечно же, я допрошу владельца и буду очень удивлен, если это нам что-нибудь даст.

— Еще есть вопросы?

— Нет, — ответил Фошон. — Можете идти. Разве что захотите признаться в этом преступлении прямо сейчас. Избавите нас от кучи проблем.

Хоб покачал головой.

— Был рад повидаться, инспектор.

— Я тоже, Хоб.

Как оказалось, Хоб увиделся с Фошоном снова куда раньше, чем ожидал. На следующий день, около одиннадцати утра, Фошон позвонил ему на квартиру и спросил, не сочтет ли Хоб за труд заглянуть в управление. Хоб прибыл туда за полчаса и был отве-

ден через угрюмое серое здание в кабинет Фошона на третьем этаже.

Фошон повел себя откровенно, деловито и невраждебно.

— Вчера вечером мы забрали пожитки из комнаты мистера Келли, уже после вашего отъезда. Ничего особо замечательного, кроме вот этого. Я решил поинтересоваться у вас, не говорит ли это вам о чем-либо.

Он протянул Хобу зеленую папку с печатью Нью-Йоркского полицейского департамента. Внутри было краткое досье на человека по имени Этьен Идальго-Браво, уроженца Ямайки, натурализованного в Нью-Йорке, возраст сорок четыре года, профессия повар. Задержаний в Нью-Йорке не было. В кратком рапорте, отпечатанном на машинке, говорилось, что Идальго-Браво подозревается в связи с Исламской Военной Организацией, штаб которой располагается в Боро-Холл, Бруклин. Данная группировка находится под наблюдением службы генерального прокурора; полагают, что она связана с подрывом синагоги в Буэнос-Айресе в 1992 году. К делу прилагалась фотография светлого негра с прической сосульками и короткой бородкой.

— Вы когда-нибудь видели этого человека прежде? — спросил Фошон.

Хоб некоторое время пристально разглядывал фотографию, потом сказал:

— Если его постричь по-другому и сбрить бороду, я бы сказал, что это Генри.

— А кто такой Генри?

— Генри Смит. Он из прислуги мистера Розена в Нью-Йорке.

— А что его досье делает среди вещей мистера Келли?

— Понятия не имею.

— Не был ли мистер Келли, случаем, нью-йоркским детективом, работавшим под прикрытием?

— Сомневаюсь, — ответил Хоб, — хотя не исключено. Насколько я слышал, его выставили из полиции за какой-то скандал. После чего он работал на мистера Розена.

— Все опять сходится на мистере Розене, — заметил Фошон.

— Вам бы следовало задать эти вопросы ему.

— Задам, и спасибо за ненужный совет. Но я могу сказать заранее, что при этом выяснится: мистер Розен не покидал своего отеля с самого приезда в Париж, и у него найдутся свидетели, которые это подтвердят.

— Для него же будет лучше, если найдутся, — согласился Хоб. — Иначе он по уши в дерьме.

— И касательно этого Генри Смита. Вы не знаете, где мне его найти?

— Я бы с радостью вам сказал, инспектор, если бы знал.

— Надо справиться в аэропорту. Как вы говорите, я ставлю доллары против пончиков, что он в Париже.

— В этом споре я поставил бы на то же самое, — отозвался Хоб.

Фошон лишь кивнул.

— Ну, как бы то ни было, спасибо, Хоб. Так вы смогли разобрататься со своей фазендой?

Хоб покачал головой.

— Что ж... *Вонне chance!*

Глава 53

— Да, старичок, я живу просто отлично, — проговорил Найджел в трубку, потянулся за «Диск Блэ» и обнаружил, что пачка пуста. Огорчительно. Он терпеть не мог клянчить без сигареты в руке. А Квиффи тарасилась на него с дальнего конца дивана. Хотела получить свой корм, бедняжка, — как и сам Найджел.

— Эстон, дорогой друг, как дела в Белизе, а? Да, это Найджел! Сыро и душно, а? Как всегда. Славно, славно! Бар Хоселито все еще там? Я там едал чертовски хорошее жаркое из моллюсков. Передай ему мои заверения в любви. Экспедиция идет хорошо? Вот-вот вклинится в буш, великолепно! Рад слышать! Как бы я хотел быть с тобой! Затерянные города в джунглях — мой конек, ты же знаешь... Нет, ни малейшей возможности, дорогой мой человек. Я тут застрял в Париже на все обозримое будущее... *Les affaires*², знаешь ли, такая скучища. Да, здесь тоже довольно сыро... Эстон, я почему звоню, прямо даже стыдно сказать, ты уж меня пожалей... Дело в том, что мне нужны кое-какие деньги. Не для себя. У меня дела идут прекрасно, спасибо. Как говорится, не до жиру, но концы с концами свожу. Дело в том, что у меня есть друг Хоб Драконидан, ты слышал, я про него рассказывал... Да, детектив... Он вроде как связан по рукам и ногам закладной, которая обрушилась на него как гром с ясного неба, так сказать... И я подумал, что у тебя есть двадцать тысяч, которые я с таким восторгом одолжил тебе в прошлом году... Да... да... ушли в снаряжение? Конечно, это же суть экспедиции? Нет, ни малейших проблем, я могу обратиться еще куда-нибудь, просто подумал, что если у тебя случаем где-то под рукой... Умоляю, прости за то, что вообще побеспокоил из-за такой ерунды. Просто мне бы хотелось посодествовать Хобу...

¹ Удачи (фр.).

² Дела (фр.).

А в другой части Парижа, в отдельном кабинете «Ша Вер» Жан-Клод говорил в трубку после десятиминутных разговоров об общих друзьях:

— Слушай, Сезар, знаешь этот клочок земли, что у меня есть около Сен-Жермен-ан-Лай, где ты хотел построить ресторан? Ну, хоть он и принадлежит нашему роду уже не первый век, я подумал, чего за него цепляться? Дело в том, что у меня есть друг, который в данный момент находится в несколько стесненных обстоятельствах... Вот я и подумал, что могу дать тебе очень хорошую скидку за спешность, а заодно почту за честь удовлетворить твоё желание познакомиться окрестности Парижа с истинной кухней французских Пиренеев... Что ты говоришь? Твоя кухарка Таис умерла от желчного пузыря? Мой друг, я просто в отчаянии, но, конечно же, найти ей замену будет не слишком трудно... Ах. Налоговый инспектор! Забрал все? Мой друг, больше ничего не говори. Твоё состояние понятно любому, и даже слишком хорошо.

Глава 54

Раздался стук в дверь.

— Да, кто там? — подал голос Халил.

— Инспектор Дюпон, иммиграционная служба. Открывайте.

Халил со вздохом выключил маленький черно-белый телевизор. Он опасался этого визита, хотя бумаги его в полном порядке. Французская иммиграционная служба, как известно, в подобных вопросах далеко не беспристрастна. И все же уклониться от этого невозможно. Так что он отодвинул засов и открыл дверь. Внутрь сразу же втиснулся крупный бородатый мужчина в твидовом костюме, за ним — мужчина поменьше, с тонкими усиками. А следом за Найджелом и Жан-Клодом порог переступил Хоб Драконниан.

— Привет, Халил, — сказал Хоб.

— Я не знаю вас, сэр, — мгновенно отозвался Халил.

— Мы не были формально представлены, — бросил Хоб. — Но ты вез нас из аэропорта де Голля несколько суток назад. Ты со своим кузеном Али обобрал нас.

— Вы ошибаетесь, сэр, — стоял на своем Халил. — Я не шофер. Я студент Сорбонны. Ох!

Это восклицание вырвалось у Халила, когда Жан-Клод двинул ему кулаком под дых, а Найджел сопроводил к стулу.

— Мы не собираемся разводить долгие дискуссии, — Хоб подтянул стул и сел напротив. — Вы обобрали меня. Я узнаю твоё лицо где угодно. Все еще намерен отрицать?

Бросив взгляд налево, Халил увидел, что Жан-Клод вынул из

кармана перочинный ножик, открыл его зубами и опробовал лезвие, сбрав несколько волосков с тыльной стороны ладони.

— Да-да, я это сделал, — встрепенулся Халил. — Это было безумно глупо, мне ни за что не следовало так поступать. Сэры, поверьте мне. Я не обычный преступник, я политический, я не связываюсь с уголовными преступлениями.

— Тогда возвращай то, что взял, — потребовал Хоб. — И больше не будем говорить об этом.

— Если б я только мог! — заныл Халил.

Развернувшись, Найджел устроил в комнате обыск. В этой небольшой комнатенке стенных шкафов не обнаружилось, так что потребовалось не так уж много времени, чтобы заглянуть под кровать и порыться в стопках журналов. Поглядев на Хоба, Найджел тряхнул головой.

— Где товар? — спросил Хоб.

— Не знаю, — сказал Халил.

— Peste! — Жан-Клод воткнул нож на дюйм в плечо Халила и цапнул вдоль кости. Подбежавший Найджел зажал Халилу рот ладонью, чтобы не верещал.

Хоб, стараясь не подавать виду, что его вот-вот вырвет, проговорил:

— Халил, лучше скажи нам. Никакие деньги не стоят того, что мой друг собирается с тобой сделать.

— Послушайте меня, — заторопился Халил. — Я скажу вам все, что знаю. Я следовал приказам Генри. Вы знаете этого Генри? Он посылал мне указания из Америки, выступая от имени Организации, он говорил мне, что делать. Я привез ваш пакет сюда. Генри пришел и открыл пакет, сказал, что это кокаин, и оставил его здесь на одну ночь. На следующий день он его забрал. И мою бомбу тоже! Нет, не надо, больше не надо пускать в ход нож! Я говорю вам все, что знаю.

— Где Генри? — не унимался Хоб.

— О Аллах, если бы я знал, я бы вам сказал! По-моему, Генри на самом деле все-таки не из нашей Организации. Но он взял пакет и ушел. Пакет и бомбу. Это было вчера. Он не возвращался и не звонил. Я убежден, что больше никогда его не увижу. И не хочу его видеть! Это истинная правда!

Жан-Клод поглядел на Хоба.

— Будем ли проверять, не сменит ли он пластинку? — И сделал жест ножом.

— Нет, оставим его в покое. Пошли отсюда.

— Может, он врет! — с негодованием воскликнул Жан-Клод. — Я его лишь малость поцарапал!

— Нет, — отрезал Хоб. — Пошли. Сейчас же.

Они удалились под ворчание Жан-Клода: «И он еще называет себя частным детективом».

Глава 55

От станции метро «Порт д'Итали» до станции метро «Сите» можно добраться, пересев на другую ветку на «Площади Италии», а затем еще раз пересев на «Денфер-Рошере». Но быстрее и куда удобнее проехать мимо «Сите» до «Шателе», а затем пешком дойти до Л'Иль де ля Сите через бульвар де Пале; именно так Хоб Драconiан и поступил. Когда приходишь на остров, Дворец Правосудия высится по правую руку, а через улицу от него — впечатляющее здание Префектуры полиции. Свернув налево по короткой рю де Лютес, Хоб подошел к главному входу в громадное отгаликивающее строение Отель-Дью. Зайдя, он прошел по смрадному коричнево-охряному коридору мимо монашек в большущих крылатых головных уборах и по двум маршам мраморной лестницы спустился в подвал. Служитель в синей форме подсказал, как пройти в морг.

— А, Хоб, идите сюда, — позвал инспектор Фошон, стоявший рядом с группой медиков у входа в одну из холодильных камер, где возносящиеся под потолок ряды ящиков, напоминающих огромный картотечный шкаф, сохраняют тела недавно усопших. На Фошоне было легкое желтовато-коричневое пальто, выглядевшее в этом мрачном окружении весьма фривольно.

— Доктор Бюфордан, — сказал Фошон. — Нельзя ли взглянуть на объект?

Бюфордан — невысокий мужчина с черной бородкой клинышком, одетый в длинный белый халат и белый колпак, привязанный к голове, — дал знак двум служителям и что-то негромко сказал. Те свернулись со списком и выдвинули один из ящиков, совершенно вытащив его из шкафа. Затем они поднесли ящик к длинному столу и установили на нем; Бюфордан кивнул, и они отодвинули крышку. Бюфордан сам наклонился над ящиком и откинул серую прорезиненную ткань.

Под ней оказался труп мужчины — мелкого, с желтовато-коричневой кожей, закрытыми глазами, будто уснувшего. Бюфордан аккуратно повернул его голову, продемонстрировав огромную огнестрельную рану, теперь совершенно сухую, уничтожившую изрядную часть левой стороны головы, в том числе и ухо.

— Вам известно, кто это такой? — спросил Фошон у Хоба.

— Это человек, которого я знал под именем Генри Смит, — ответил Хоб. — И давно он мертв?

— Около двенадцати часов из-за единственного пулевого ра-

нения, вероятно, из оружия сорок четвертого калибра с близкого расстояния.

— Где?

— На канале Сен-Мартен близ рю де Реколье. Недалеко от больницы Сен-Луи, но, конечно, его доставили сюда.

— А мистер Розен его видел?

— Он опознал его несколько ранее. Сожалею, что побеспокоил вас, Хоб, однако мне было необходимо, чтобы его опознал кто-нибудь еще.

Хоб отошел. Фошон дал знак, и Бюфордан накрыл тело, а служители закрыли крышку и отнесли ящик обратно на свое место в шкафу. Взяв Хоба под руку, Фошон вместе с ним вышел из морга.

Они не обменялись ни словом, пока не покинули Отель-Дью. Потом Хоб спросил:

— У вас есть какие-либо предположения о том, кто это сделал?

— Никаких, которые я мог бы высказать в данный момент. А у вас, Хоб?

— Полагаю, у Генри был помощник по имени Халил. Его допрашивали?

— Мы пытаемся найти Халила. По всей стране разосланы бюллетени с его приметам.

— Может, он вам что-нибудь расскажет, — предположил Хоб.

— Надеемся. Нам бы хотелось знать, как он потерял вот это. — Пошарив в кармане, Фошон извлек полиэтиленовый мешочек, из которого вынул нитку голубых керамических бус с серебряной застежкой.

— А что это? — поинтересовался Хоб.

— Четки. По-моему, так их называют по-английски. Многие арабы, равно как многие греки и турки, носят их при себе. Упомянутые бусины дают возможность занять руки в ожидании, когда наконец улыбнется фортуна.

— А где вы их нашли?

— В мертвой руке мсье Генри. На застежке выгравировано имя Халила. Возможно, он даст нам объяснение — если нам удастся его найти.

Глава 56

— С его стороны было довольно глупо рассчитывать, что он сумеет улизнуть с этим, — сказал Эмилио. — Но он справлялся довольно хорошо, пока занимался этим делом. И все же. Это лишь вопрос времени. Я прав, инспектор?

— Вы имеете в виду Генри? — уточнил Фошон.

— Конечно. Все сходится на нем. Особенно в свете последнего открытия мистера Дракониана.

— Какого же? — поинтересовался Фошон.

Они сидели в гостиной Макса в отеле «Синь». Сонный, помятый и недовольный Хоб находился там же. Макс в своем халате выглядел так, будто вообще не собирается покидать отель. Собрались все, кроме Авроры, прибытия которой ожидали с минуты на минуту.

— Я раскрутил ту карточку, которую вы мне показали, инспектор, — пояснил Хоб. — Ту, которую вы взяли с трупа Келли. Она из закуской в Маре. Я отправился в ближайшую синагогу. Раввин сказал, что человек, соответствующий описанию Келли, заходил туда искать Генри. Я рассказал об этом детективу Вазари.

— А вам не пришло в голову рассказать об этом мне? — спросил Фошон.

— Как-то забыл. Я был малость ошарашен вереницей трупов, которую вы мне продемонстрировали.

— Всего два. Частный детектив в своей работе должен наткаться на десятки, а то и сотни подобных фатальностей.

— Должно быть, вы имеете в виду какого-то другого детектива, — заметил Хоб.

— Никогда бы не подумал на Генри, — вставил Макс. — Такой чудесный малый. Да вдобавок религиозный.

— Двойной агент, — прокомментировал Эмилио. — Притворялся иудеем, но работал на арабов.

— Вам по-прежнему неизвестно, кто убил Генри, — уточнил Хоб.

— Давайте разбираться шаг за шагом, — произнес Эмилио. — Все это предположение. Однако смахивает на то, что Келли вышел на Генри, и Генри его убил. Затем Генри был убит своим компаньоном, этим Халилом.

— Почему? — поинтересовался Хоб.

— Да откуда мне знать, — развел руками Эмилио. — Может, Халил выяснил, что Генри на самом деле работает не на исламистов. Может, он выяснил, что тот — тайный агент адвентистов Седьмого дня.

— Ну, тут уж вы выходите за пределы всякой вероятности, — возразил Фошон. — Во всяком случае, смею надеяться.

— Возьмите Халила, — предложил Эмилио, — и все дело раскрутится само собой.

— Во всяком случае, можно будет пришить ему дело, — подхватил Хоб.

Обернувшись, Эмилио бросил на него испепеляющий взгляд.

— У вас есть на примете кто-то более подходящий?

— Нет у меня никого на примете, и вы все еще не нашли ма-
рафет.

— Должно быть, Халил перепрятал его еще куда-нибудь, —
предположил Эмилио. — В его квартире нашли следы кокаина.
Вы же сами мне сказали, инспектор. Когда ваша полиция найдет
его, все сразу сойдется одно к одному.

— Дело, несомненно, возбудить можно, — пожал плечами
Фошон. — Что же до того, что случилось на самом деле... — он сно-
ва пожал плечами.

— Ну, с меня достаточно, — бросил Эмилио. — Слушайте, мне
надо выбираться отсюда. А еще необходимо вещи сложить.

— Вы возвращаетесь в Америку? — осведомился Фошон.

— В Нью-Йорк.

— А как насчет кокаина, который вы приехали выслеживать?

— Ну, сейчас он уже, наверное, разлетелся по паре сотен но-
сов. След простыл. Где-то выиграешь, где-то проиграешь.

— Смаживает на то, что вы жутко торопитесь, — заметил Хоб.

— Я не намерен торчать остаток моей жизни в кафе и хлебать
кофе, как вы. — Эмилио обернулся к Фошону. — Мне всего лишь
надо кинуть в чемодан пару вещей, и я еду в аэропорт. Инспек-
тор, был рад поработать в вашей компании. Если когда-нибудь
будете в Штатах, загляните ко мне.

— Уж будьте покойны, — натянутым тоном ответил Фошон.

— До свидания, Макс, — изрек Эмилио. — Будь паинькой.
Я снимаю тебя с крючка. — Эмилио помахал остающимся и вышел.

— Благодарение Господу, что этот человек ушел, — произнес
Макс. — Никто не хочет перекусить? Я могу заказать, чтобы при-
несли сэндвичи. Инспектор? Хоб?

И Хоб, и Фошон пожали плечами. Макс снял трубку и по-
французски попросил, чтобы в номер прислали ленч на четве-
рых. Потом с пристальным вниманием выслушал долгое, много-
словное объяснение и сказал:

— Вы можете прислать хотя бы кофе и круассаны? Велико-
лепно, спасибо. — И положил трубку. — Тут какой-то праздник.
Повар выходной. Но кофе прислать могут. Хоб, ты не мог бы зайти
со мной в спальню? Инспектор, вы не против?

Фошон снова пожал плечами, выглядя совсем подавленным.
Даже плечами он пожал как-то вяло.

— Хоб, — сказал Макс. — Дело обернулось не так, как мы на-
деялись. Но я по-прежнему должен тебе десять тысяч. Пока что
заплатить не могу. Но могу дать тебе это. — Он извлек из пись-
менного столика портмоне и вытащил оттуда четыре хрустящих
стодолларовых купюры. — Остальное отдам, как только смогу.
Лады?

— Разумеется, лады.

— Без обид?
 — Да какие тут обиды!
 — Макс, — окликнул из соседней комнаты Фошон. — Тут служащий отеля хочет с вами переговорить.

— Да скажите ему, пусть поставит поднос куда-нибудь.
 — Он хочет переговорить с вами лично.
 — Ну ладно, иду.

Макс вышел в гостиную, Хоб за ним. У двери дождался высокий молодой человек в темном костюме.

— Доброе утро, — сказал он. — Я мсье Лено, помощник менеджера в «Синь».

— Если это касательно счета, — ответил Макс, — то я позабочусь о нем сегодня попозже.

— Нет, сэр. Это не по поводу счета. Хотя вопрос о нем по-прежнему весьма актуален.

— Тогда чего же вы хотите?

— В отель было доставлено послание. Для вас, сэр. — Он вручил Максу фирменный конверт Агентства по Борьбе с Наркотиками. Макс взял конверт, и служащий удалился.

Вскрыв конверт, Макс вытащил единственный листок бумаги, просмотрел его, потом прочитал внимательнее и фыркнул.

— В чем дело? — поинтересовался Хоб.

— Прочти сам, — он передал бумагу Хобу.

— Вслух, если вы не возражаете, — попросил Фошон.

— «Дорогой Макс, — зачитал Хоб, — к тому времени, когда ты получишь это послание, я буду на полпути в Рим. Я заключила контракт с «Ментено» на демонстрацию осенней коллекции Ариосто. Извини, дорогой, но все случившееся весьма огорчительно, и думаю, нам лучше пока что каждому идти своей дорогой. Спасибо за все. Аврора».

— Угу, — произнес Хоб.

— Я тоже, — подхватил Фошон.

— Ага, и меня туда же, — подытожил Макс. Взял листок у Хоба, посмотрел на обороте — просто на случай, если там что-нибудь написано, затем положил на кофейный столик и снова уселся на диван.

— Поток новостей не иссякает, — прокомментировал Фошон.

— Любопытно, что дальше? — откликнулся Хоб.

Будто по подсказке, раздался стук в дверь. Все трое переглянулись.

— Я уже побаиваюсь продолжения, — изрек Макс.

Стук повторился.

— Входите, — крикнул Макс.

Дверь распахнулась. Официант вкатил сервировочный столик с кофе на четверых, круассанами, тостами и единственной розой в тонком бокале. Наполнив три чашки, он удалился.

— Комический антракт, — пробормотал Макс. — Кофе, инспектор?

— Будьте любезны, — согласился Фошон.

Некоторое время они в молчании прихлебывали кофе. В это время на улице поднялся страшный шум. Клаксоны и сирены. Они игнорировали шум, дожидаясь развития событий. И оно произошло. Зазвонил телефон.

— Вероятно, сообщают, что объявлена война, — предположил Макс.

— Ты не собираешься ответить? — спросил Хоб.

— Пожалуй, можно.

Макс снял трубку.

— Макс Розен. — Послушав пару секунд, поднял глаза. — Инспектор, вас.

Встав, Фошон пересек комнату и взял трубку.

— Фошон. — Послушал секунд пятнадцать, время от времени хмыкая, чтобы показать, что не теряет нити. Затем сказал: — Ладно, Эдуар, скоро буду. — Он повесил трубку и вернулся к своему кофе.

На некоторое время воцарилось молчание. Потом Фошон проронил:

— Вы не собираетесь спросить меня, что там еще такое?

— Это не наше дело, — отозвался Хоб. — Как по-твоему, Макс?

— Думаю, ты прав. Это дело парижской полиции. Мы-то тут при чем?

— Очень хорошо. Я вам скажу, — произнес Фошон. — Звонил мой подчиненный Эдуар. Я приставил его наблюдать за апартаментами мистера Вазари.

— А зачем? — осведомился Хоб.

— Поведение мистера Эмилио Вазари показалось мне несколькостораживающим.

— Вам нужна прямая реплика? — промолвил Хоб. — Ладно, я дам вам прямую реплику. Что ваш подчиненный Эдуар сказал вам только что?

— Извините, это дело полиции. Нет, прошу прощения, я пошутил. Глупая шутка, в свете того, что случилось.

Они молча ждали. Наконец Фошон продолжил:

— Эдуар проследил из своей машины, как Эмилио вышел из такси и пошел в свои апартаменты, выходящие окнами на фасад второго этажа. Эдуар прекрасно видел взрыв. Им вышибло окна. Мистер Вазари мертв. Вот уж день сплошных сюрпризов.

— Подорвался? — переспросил Хоб.

Фошон кивнул.

— Вы хотите сказать, что кто-то установил бомбу в его апартаментах?

— Смахивает на то.

— Что ж, — проронил Макс. — Он был довольно неприемлемым человеком. Не то что я хотел бы, чтоб он отправился на тот свет. Тут чувствуется рука Халила, разве не так?

— Почему бы и нет, — согласился Фошон. — Судя по всему, он наш по всем остальным статьям. — Он допил кофе и встал. — Мне надо идти, чтобы посмотреть все, что я могу посмотреть. Хоб, вас подвезти?

— Пожалуй, к ближайшей станции метро, — Хоб встал. — А что это за шум на улице?

С улицы доносилось громогласное пение труб и вопли возбужденной толпы.

— Это всего лишь праздник, — объяснил Фошон.

— Какой праздник?

— Конечно, День Бастилии.

— День взятия Бастилии, — повторил Хоб и на мгновение задумался. — Значит, сегодня четырнадцатое июля.

— День Бастилии приходится именно на четырнадцатое, — подтвердил Фошон.

Хоб подскочил, будто его током ударили.

— Что стряслось? — спросил Макс.

— Я завтра должен быть на Ибице! — вскричал Хоб.

— Это и есть день знаменитого *traspasso*? — поинтересовался Фошон.

— Да! Мне надо вырваться! Инспектор, прошу прощения...

Глава 57

Вы только попробуйте попасть во Францию или вырваться из нее где-нибудь в районе Дня взятия Бастилии. Хоб попросил Фошона высадить его у стоянки такси, откуда доехал до своих апартаментов на бульваре Массена. Бросил пару вещей в подвернувшуюся сумку, схватил паспорт и поспешил к своему турагенту на проспект д'Итали. Агент Хасан сказал, что сегодня попасть на Ибицу невозможно; невозможно даже на этой неделе, потому что все билеты раскуплены на месяцы вперед. Разве Хоб не знает, что Ибица — самое популярное место отдыха в Европе, а в День взятия Бастилии начинается великая миграция из Парижа?

Хоб попытался прибегнуть к древнему решению всех дорожных проблем: деньгам. Пообещал Хасану четыреста долларов, которые Макс только что дал ему, — размахивая веером из купюр перед носом агента, — моля доставить его на Ибицу или хотя бы куда-нибудь поближе. Вопрос жизни и смерти. Хасан подозревал, что это скорее вопрос непреодолимого порыва, но все-таки сел на телефон, беседуя, споря, увещевая, обманывая, угрожая,

очаровывая, умоляя — словом, пускаясь на все уловки, идущие в ход ради успеха, если в дело замешаны деньги. Наконец, пообещав своему другу из агентства Кука двести долларов (вдобавок к четыремстам своим), он добыл Хобу билет на чартерный рейс до Барселоны, а имя его было внесено в список очередников, ожидающих свободного места на вечерний рейс до Ибицы.

В аэропорту Орли разыгрывалось что-то вроде западной версии падения Шанхая. Хоб пробился сквозь сомкнутые ряды отпущников, прорвался в начало очереди, отыскал клерка, слухом не слыхавшего о его брони, и отказывался тронуться с места, пока клерк не обсудил этот вопрос со своим начальством и броня не была найдена. И, наконец, поднялся на борт самолета. За два с половиной часа полета до Барселоны у Хоба было время оценить свое финансовое положение. Итак, он взял полторы тысячи долларов на расходы в апартаментах Макса, две тысячи дала Аврора, дважды платил Макс — один раз двести пятьдесят долларов, а другой — четыреста. Итого 4150 долларов. Отдал Найджелу пятьдесят, а позднее Найджелу и Жан-Клоду по сто долларов каждому. Сам потратил в Париже около сотни. Затем четыреста долларов ушли к агенту Хасану, а еще двести — к другу Хасана из агентства Кука и почти две сотни на билет до Барселоны. В общей сложности тысяча сто пятьдесят, после чего на руках остается около трех тысяч долларов. Недостаточно, чтобы оплатить *traspasso*, но, быть может, удастся уговорить адвокатов допустить частичное погашение с частичной отсрочкой платежа или выпросить отсрочку хотя бы на месяц... Надежда жалкая, но не складывать же лапки заранее!

В Барселонском аэропорту царил обычное летнее сумасшествие. Тут удача покинула Хоба. Рейс, на который его поставили первоочередником, отменили из-за неисправности двигателя. Ближайший рейс, на который его могли посадить, вылетал только через четыре дня.

Но Хоб все-таки заказал билет. Пятнадцатиминутный полет стоил меньше сотни долларов. Затем Хоб пустился бродить по аэропорту, изможденный и небритый, стараясь что-нибудь придумать. И когда проходил мимо ряда служебных дверей, его взгляд вдруг уперся в надпись на одной из них: «Каталонский воздушный сервис. Заказные полеты».

Да! Он переступил порог.

Глава 58

Гидроплан «Сессна» вынырнул из солнечного сияния над городом Сан-Антонио-Абад, второго по величине селения на острове Ибица. День стоял прекрасный. Из Европы дул крепкий се-

верный ветер, отгоняя знаменитый мистраль и начисто выметая землю, будто исполинская метла. Ветер холодный, особенно для выходных в середине июля, в самый пик туристского сезона. В этом году народ потянулся на Ибицу тысячами, десятками тысяч. Из Франции и Германии, из Англии и Скандинавии. Появились даже туристы из Восточной Европы и России. Как ни смешно, теперь уже всякий может позволить себе отпуск под южным солнышком. Как ни странно, каждый всякий решил приехать именно сюда.

Царил самый разгар европейского сезона брачного безумия, когда молодежь всех стран укладывает свои вожеления в чемоданы и мчится на латинский юг, на Ибицу с ее песчаными пляжами, раскиданными по острову дискотеками и колоритными ресторанчиками, на Ибицу, где старый городской порт еженощно превращается в подобие салона мод, на остров столь живописный, что со дня на день непременно превратится в съемочную площадку целого ряда ностальгических фильмов.

Ибица, где воздух в июле буквально наэлектризован сексом, где журчат винные реки и наркотический туман воскуряется к небесам. Где процветают художественные галереи. Ибица, имеющая очень много общего с курортами всего мира, но абсолютно уникальная, подносящая собственный коктейль из больших денег и нищенского стиля хиппи.

Гидроплан, стрекотавший в воздухе над Сан-Антонио, начал снижаться по широкой пологой спирали. Прекрасные люди с бронзовой кожей на пляже Сан-Антонио не обращали на него особого внимания. В воздухе постоянно разносился гул самолетов — по большей части больших аэробусов из Франкфурта и Парижа, Амстердама и Милана, мчащих сюда искателей удовольствий. Но попадались и мелкие самолетики, потому что с появлением на острове заезжих миллионеров тут возник растущий флот одномоторных прогулочных машин. Маленький гидроплан не принадлежал к этому классу авиатехники: явно утилитарная модель, небесный трудяга, а не игрок, воздушное грузовое такси из Барселоны, готовое доставить вас куда угодно, от Альп до Сахары, с минимумом суматохи, уклоняясь от радаров, если необходимо, потому что порой несут ландскнехтов нового времени, готовых взяться за любую работу и не слишком настаивающих на том, чтобы она была легальной.

И все же вопрос оставался неразрешенным: почему именно этот самолет снижается над заливом Сан-Антонио? Если это вылазка контрабандистов, то они выбрали неудачное время. Контрабандисты высаживаются по ночам. Тогда что же он там делает?

Ну, сами посудите: гидроплан должен садиться на воду, а единственная вода, достаточно спокойная, чтобы позволить приземление, наличествует в заливе Сан-Антонио. Но не сегодня, потому что свежий ветер из Северной Европы поднял заметное волнение. Несмотря на это, машина снизилась к самым макушкам волн, летя параллельно линии буйков.

Тысяча двести — недурные деньги, если прикинуть. Но теперь, оказавшись на месте, Хоб обнаружил, что не может высадиться.

— Я не могу этого сделать, сеньор, — сказал пилот. — Море слишком беспокойное. Я же вас предупреждал о такой возможности, помните?

Поспешно, пока решимость не покинула его, Хоб проговорил:

— Знаете что, вы спуститесь пониже и сбросьте скорость над водой до минимума у самого пляжа, а последние пару футов я пройду пешком. То бишь прыгну.

Обдумав это предложение, пилот кивнул.

— Да, пожалуй, это я могу.

— Ладно, — промолвил Хоб, слегка расстроенный тем, что пилот даже не пытался хотя бы отговорить его.

Отдыхающие были внезапно вознаграждены видом непрошеного гидроплана, снижающегося над водой и направляющегося прямо к сгрудившимся купающимся.

На дощатой набережной за пляжем не счесть магазинчиков и закусовых валовой стоимостью в миллионы долларов. Если самолет и промахнется мимо отдыхающих, можно держать пари, он снесет что-нибудь из недвижимости.

Между пляжем и открытым морем в воде находилось 568 человек, подвергнутых неминуемой угрозе от надвигающейся на них маленькой «Сессны».

Находившиеся прямо по курсу, — где будет пропахана самая жуткая борозда, если самолет и дальше полетит в сторону суши, миновав некую границу, отмеченную линией белых буйков, — запаниковали. Они замахали на самолет руками, будто хотели отогнать муху. Стоны и вопли вырвались из пяти с лишним сотен глоток на семи разных языках и шестнадцати отчетливых диалектах.

Самолет все приближался — черной кляксой, заслонившей солнце, скользящей прямо над водой. Зрители заметили еще одну кляксочку, поменьше, отделившуюся от большой черной кляксы. И упавшую в воду. А самолет взмыл вверх над самыми головами отдыхающих.

Вздыхнув было с облегчением, люди вдруг вспомнили о второй черной кляксочке, свалившейся в море. А вдруг бомба?! Или кто-то избавился от мертвого тела?!

— Добыл! — крикнул мужской голос.

Все-таки кляксочка оказалась телом — но только живым, барахтающимся, сквернословящим и фыркающим. Телом, пытающимся растолковать что-то людям, не готовым его выслушать.

Отдыхающие окружили его, потрясая кулаками и пребывая в полной уверенности, что этот человек позволил, чтобы его превратили в метательное орудие некоей безумной террористической акции, направленной против них.

Из-за их гнева и уверенности в собственной правоте Хобу могло бы прийти туга, если бы высокий смуглый черноволосый обладатель черных усов и маленькой татуировки на левом плече, а также значка, прикрепленного к плавкам, властным жестом не положил бы ему ладонь на плечо. Толпа расступилась, не желая без каких-либо оснований вставать на пути у закона.

— Я полицейский, — заявил человек. — Сеньоры, пожалуйста, пропустите. Я беру этого человека под стражу.

Глава 59

До сих пор Хобу еще ни разу не доводилось обозреть испанскую тюрьму изнутри. Не такое уж большое достижение, как кажется, потому что испанцы в те ушедшие золотые дни сажали иностранцев отнюдь не так поспешно, как их европейские коллеги — быть может, благодаря знаменитой лени испанского закона в сочетании со стоворчивостью тех, в чью функцию входило его блюсти. И все же, стоило только кого-то посадить, как о нем напрочь забывали.

Каменный мешок, в котором очутился Хоб, видимо, сохранился еще со времен Инквизиции. Деревянная кровать. Единственный деревянный стул. Каменный пол — тускло-рыжий, хорошо вымытый. Сбоку столик с умывальным тазом. Биде. Окно высоко над головой, слишком узкое, чтобы из него мог выбраться хоть кто-нибудь, кроме лилипута с альпинистским снаряжением. Камера находилась в стенах тюрьмы Форталеса в районе Ибицы, называемом Дальт-Вилья. Это самая высокая точка города — над Римской стеной, над карфагенскими и арабскими древностями. На одну из стен падал ясный, яркий до осязаемости солнечный луч. Из звуков сюда долетали только отдаленные крики торговцев с находящегося внизу рынка.

Хоб ничего не делал — просто сидел. Он целые годы раздумывал о медитации и порой бывал близок к тому, чтобы заняться ею. В качестве концепции она весьма привлекала его. Особенно

он восторгался медитацией в випасане. Идея научиться созерцанию для него была просто бесценна. Хоб обожал созерцание. Он находил его все более и более желанным, поскольку умение созерцать — качество, которого ему ужасно не хватало. Хоб частенько пытался медитировать во многих городах и всяях, где жил, но в его попытки всегда вторгались суета и хлопоты повседневности.

В камере заняться было нечем. Полиция не дала ему даже дешевого романа, чтобы как-то убить время, не дала даже испанской газетенки. Хоб не мог постичь почему, но вынужден был признать, что его заключение под стражу — не официальный арест, а скорее требование, чтобы он поговорил с властями. Он не намеревался считать это арестом в буквальном смысле, во всяком случае пока. Постичь причины столь странного поведения невозможно. Кому же дано понять действия полиции даже в родной стране? А уж если мотивы ее поведения столь часто непостижимы, то что уж говорить о Гвардии Сивиль в стране с раздвоенной душой, в скорбной Испании? Быть может, помогло упомянутое Хобом сразу после задержания имя друга — лейтенанта Наварро, лейтенанта Гвардии Сивиль.

Хоб дошел до точки, где уже мог выбросить из головы мысли обо всем этаким. Он сидел со скрещенными ногами в углу, лицом к стене, сидел так уже почти три четверти часа. Его рассудок достиг благословенной опустошенности. Он наконец-то подобрался к сути медитации, вник, ухватил за хвост уловку созерцания, наконец-то достиг рубежа, за которым мирские заботы уже не занимали его. И надо ж было Наварре испортить все, открыв дверь камеры и войдя, громко топая своими черными кавалерийскими сапогами.

— Хоб! В чем дело?! Сержант Диас говорит, что тебя сбросили с самолета на невинных купающихся в Сан-Антонио-Абад.

— Меня не сбрасывали. Я спрыгнул с понтона. И вовсе я не пытался никого ранить. Как раз напротив. Я старался ни с кем не столкнуться и вполне в этом преуспел.

— Но зачем?! Зачем это тебе понадобилось?!

Хоб встал с пола и принялся разминать ноги.

— Рамон, ты же знаешь, зачем мне это понадобилось. Только так я мог оказаться на земле. Мне надо было на землю из-за *traspaso*.

Больше ему ничего говорить не потребовалось. На таком маленьком острове, как Ибица, не считая миллиона или около того народу, проездом бывающего на нем каждый год, а считая лишь более-менее постоянных жителей, о проблемах Хоба было известно каждому.

— Но, Хоб! Ты опоздал!

— Нет! Сегодня пятнадцатое июля, срок платежа.

— Хоб, — терпеливо промолвил Рамон, — тебе было послано уведомление. Поскольку день святого Франциска Ксавьера приходится в этом году на пятнадцатое, срок твоего платежа был передвинут на тринадцатое июля.

— Они не смели так поступать! — взвыл Хоб. Но сам понимал, что возражает лишь для проформы и проку от споров ни малейшего. Он проиграл.

Глава 60

Хоб и Рамон въехали вместе в долину Морна, сидя бок о бок в бронированном «Дю-Шевю» лейтенанта. Они мчались по главной дороге в сторону Сан-Карлоса на северной оконечности острова. Сразу за старым серебряным рудником съехали с главной дороги на проселок, петляющий между кукурузными полями и виноградниками. В огородах было хоть шаром покати, поскольку лето достигло самого пика. В каждом огороде посерединке росло дерево *algotobo*, а по периметру — оливы, очень старые и скрюченные. Сосна, *algotobo*, олива, миндаль — деревья Балеарских островов. Машина скакала по дороге, становившейся все более каменистой и поднимавшейся к центральной гряде холмов, бегущих вдоль Ибицы, как выпирающий хребет кабана. Хоб уже не в первый раз изумился тому, как велик этот маленький остров в категориях искривленного пространства. Он кажется бесконечным, когда едешь прочь от берега по извилистым проселкам, огибающим каждый поворот и складку местности и соединяющим любую точку острова с любой другой с самых древних времен. Хоб никогда не мог забыть, что Ибица — одно из древнейших мест на Земле, где люди непрерывно жили на протяжении тысячелетий. Народы половины мира правили этим островом, один за другим уходя в прошлое, чтобы уступить дорогу потомкам. Разнообразнейшие наплывы доисторических народов. Затем иберы, финикийцы, арабы, визиготы, карфагенцы, римляне, каталонцы и, наконец, испанцы. Но народ острова, простой люд, оставался более или менее неизменным на протяжении веков — крепкая ветвь каталонского народа, преспокойно владеющая прекраснейшим краем на Земле. Краем, который, по мнению Хоба, теперь обречен и неминуемо должен быть испоганен, чтобы держаться в ногу с человечеством.

Они вскарабкались по холмам на второй передаче, не обменявшись даже словом. Что тут говорить? Затем выехали на извилистую дорожку, с которой начиналась земля дона Эстебана. Свернув на дорожку, они покатали вдоль кирпичной стены и въехали во двор.

Там стоял целый ряд автомобилей, в том числе одно такси из Санта-Эюлалиа. Кто-то отвалил кучу денег, потому что обычно водители не соглашаются править свои «Мерседес-Бенцы» по этим тесным, ухабистым проселкам. Семейство дона Эстебана грелось на солнышке, сидя на стульчиках с плетеными соломенными сиденьями. В целом все смахивало на праздничный прием. Старик дон Эстебан помахал Хобу, выбравшемуся из машины. Оба его сына находились здесь же. Они выглядели угрюмыми, но пока что держались вежливо.

— Послушайте, — начал Хоб, — я знаю, что припозднился с платежом и по закону мне не за что ухватиться. Но я добыл деньги. Они уже у меня.

— Хоб, мой старый друг, — отозвался Эстебан. — Не волнуйтесь, все уже уплачено.

— Что?!

— Уплачено красивой молодой женщиной, сказавшей, что она ваша подруга.

— Какой женщиной?

— Она не назвалась. Но с деньгами все в порядке. Мы все свидетели. Разве нет, мальчики?

Оба сына кивнули, по-прежнему угрюмо. Однако Хобу показалось, что у них наметилась тенденция как-то смириться с фактом его существования, поскольку что сделано, то сделано, и можно обратить это в легенду. Он догадывался, что когда-нибудь станет членом семейства, пользующимся уважением. Однако пока...

— А эта женщина, где она?

— Возможно, на вашей фазенде, дон Хоб. В конце концов, она ведь за нее заплатила.

— Я загляну попозже, чтобы отметить это дело достойно, — промолвил Хоб.

Им уже ничего не оставалось, как снова усесться в машину Рамона, после чего они начали съезжать и подсакивать на ухабах вниз по склону. Вернулись на главную дорогу и покатали к северу, в сторону Сан-Карлоса и мыса Сан-Висенте. Рамон знал дорогу ничуть не хуже Хоба. Они немного поднажали и несколько раз по-дурацки попытали судьбу. Снова съехали с главной дороги и запетляли вверх по холмам. Машина буксовала, дергалась, ворчала и жаловалась, но катила вперед. Наконец они приехали на К'ан Поэта.

Глава 61

Хоб рысцой припустил к дому. И крикнул, переступив порог:

— Есть кто живой?

На зов вышли несколько человек — Одинокий Ларри, и Ми-

ловидный Гарри, и подружка Гарри, и девушка, которая всегда хвостом ходит за подружкой Гарри. Они сгрудились вокруг. Но у Хоба не было для них времени. Позже. Он огляделся. И тут появилась Аврора, сошедшая по лестнице, в прекрасном белом платье с множеством рюшек, оборочек и прочих симпатичных безделушек.

— Это ты оплатила мой *traspaso*? — напрямик спросил Хоб.

— Да, — сказала Аврора.

— Почему?!

— Мы с Максом решили, что должны сделать это для тебя. Макс обещал. Это во-первых. А во-вторых, без твоей помощи в Париже все могло обернуться куда хуже.

Место было неподходящее для продолжения беседы — в прихожей, в окружении гостей Хоба, пялящихся на них. Хоб провел Аврору в собственную комнату на втором этаже одного из крыльев.

Париж отступил куда-то в недостижимую даль. Но теперь Хоб все вспомнил и поинтересовался:

— Ты слыхала о смерти Эмилио?

Аврора кивнула.

— Об этом была заметка в сегодняшней «Геральд Трибюн». — Она содрогнулась. — Не стану притворяться, что горюю. Он был ужасно низким типом. Однако мне жаль, что его убили. Я вообще не хочу, чтоб убивали хоть кого-нибудь. Наверно, это работа Халила?

— Он подозреваемый номер один.

— Похоже на то. Надеюсь, он успел покинуть Францию.

— Ты в самом деле думаешь, что это сделал он? — уточнил Хоб.

— А ты нет?

— Давай вернемся на несколько шагов вспять. Есть довольно достоверные улики, что Келли пал от руки Генри. Есть улики, указывающие на то, что Келли выследил Генри через парижскую синагогу. Думаю, Келли догадался, что Генри работал на арабскую организацию.

— Как-то трудно вообразить Генри в качестве террориста, — заметила Аврора.

— Да я вовсе не думаю, что он был террористом. Думаю, он использовал арабов, чтобы те помогли ему умыкнуть марафет Макса.

— Какой ужасный поступок!

— Должно быть, огорчительно, — заметил Хоб, — узнать, что член семьи по уши в подобных преступлениях. Бьюсь об заклад, тебе это ни капельки не понравилось.

— Что ты хочешь сказать?! — вытаращилась она.

— Это лишь догадки, но у Келли были кое-какие бумаги, из

которых следует, что настоящее имя Генри Смита — Этьен Идальго-Браво, уроженец Ямайки, натурализован в Нью-Йорке, возраст сорок четыре года, профессия повар...

— Так что же?

— Аврора, Ямайка недалеко от Сан-Исидро. Думаю, если кто-нибудь потрудится проверить, то быстро выяснит, что твоя настоящая фамилия Идальго-Браво и что Генри — твой родственник. Он, случаем, не твой отец, а?

Аврора мгновение колебалась, потом ответила:

— Пожалуй, ты сможешь выяснить, если захочешь. Генри был моим дядей — братом моего отца.

— И Макс не знал этого?

— Нет. Я сказала, что он друг семьи с Сан-Исидро.

— Ты помогла ему получить работу?

— Да. Но я даже не догадывалась, что он собирается... сделать что-нибудь подобное! Я не имею к похищению ни малейшего отношения! Клянусь!

— Верю, — отозвался Хоб. — Но давай продолжим. Генри подстроил ограбление, не без помощи Халила. Халил был агентом исламской террористической организации. Согласно словам Фошона, у него на счету целый ряд взрывов. Вероятно, он планировал новые.

— Тогда логично предположить, что это он установил бомбу, которая разнесла Эмилио в пух и прах, — кивнула Аврора.

— Логично, но я сомневаюсь, что это дело его рук.

Она поглядела на него широко распахнутыми глазами, ожидая продолжения.

— Я должен был предположить, что операцией руководит Генри. В квартире Халила наркоты не нашли. Думаю, Генри перепрятал ее куда-то, в какое-нибудь более безопасное место. И раз уж он это сделал, по-моему, он мог заодно спрятать и бомбу, хранившуюся в квартире Халила. Сомневаюсь, чтобы Генри хотел оставить в квартире хоть что-нибудь — просто на случай, если что-нибудь пойдет не так.

— Все это вилами по воде писано, — заметила Аврора.

— Очевидно, Генри приехал в Париж впервые. Где он спрятал бы наркоту и, если мое предположение верно, бомбу? Думаю, он обратился бы к своей племяннице — особе, нашедшей ему работу у Макса и хранившей его секреты. Думаю, он позвонил ей и передал все это барахло ей на хранение.

— Ты меня обвиняешь? — спросила Аврора.

— Я просто составляю связный рассказ, — уточнил Хоб. — Просто пытаюсь удовлетворить собственное любопытство касательно случившегося. Думаю, Эмилио нашел тебя и не хотел по-

зволить тебе вырваться из его цепких рук. Ты поняла, что к чему, и обещала встретиться с Эмилио в его квартире. Полагаю, он дал тебе ключ. Ты отправилась туда, установила бомбу, затем позвонила ему и сказала, что ждешь его. Потом сунула кокаин в сумочку и упорхнула из Парижа. Я прав?

— О Хоб, — выдохнула Аврора.

— Знаю, это неприятно, но хочу, чтобы ты мне открылась.

— Ты весьма близок к истине, — призналась Аврора. — За исключением того, что я не умыкала марафет из Парижа. Я вернула его Макс, а он продал, как и собирался. А номер с тем, что я крутила ему динамо, был разыгран ради тебя. Чтобы ты не думал, что мы работали вместе. Он заплатил мне пятьдесят процентов с того, что получил. А я отправилась сюда и оплатила твой *traspasso*. Половину вложил Макс, а вторую половину — я. И что теперь?

— Теперь, — изрек Хоб, — полагаю, настало время выпить. А затем пообедать.

— А затем?

— Ибица — очаровательнейший остров, а у меня чудеснейшая ферма на этом острове. Предлагаю тебе провести лето здесь, в моей компании. Кто не провел лето на Ибице — считай, и не жил.

Аврора с облегчением рассмеялась.

— Хоб, боюсь, все лето здесь я провести не смогу. Но с удовольствием побуду с тобой недельку. После этого мне придется ехать в Рим. Там надо сделать кое-какую работу, чтобы организовать мой осенний показ мод.

— А Макс там будет?

— Конечно, он ведь заключил сделку с «Ментено».

— Неделя на Ибице лучше, чем целая жизнь где-нибудь еще, — заметил Хоб.

— Это уж мне самой судить. Ты ведь не станешь говорить об этом Фошону?

— По моим понятиям, разнести Эмилио в пух и прах — даже не преступление, — ответил Хоб.

СОМА - БЛЮЗ

Эта книга является чистым вымыслом. Все персонажи и события, происходящие в ней, вымышлены либо изменены.

Моей жене Гейл, с искренней любовью.

Часть I

ПАРИЖ

Глава 1

От Парижа до Гризона в Швейцарии — день езды на машине. Хоб захватил с собой свою подружку Хильду. Хильда была голландкой, получившей французское гражданство, работала в галерее «Рукс» в Париже и владела несколькими европейскими языками. Хоб боялся, что его французского в Швейцарии могут и не понять, а швейцарского варианта немецкого Хоб не знал. Он вообще не знал немецкого. К тому же Хильда была веселой и хорошенькой, с виду — типичная белокурая молочница. Короче, идеальная спутница для человека, собравшегося раскрыть темные и тщательно хранимые тайны одного из лучших санаториев и курортов Европы.

Хоб оставил свой взятый напрокат «Рено» на стоянке для посетителей, и они с Хильдой прошли в центральную приемную. Стояло летнее утро, прохладное и ясное, типичное для Швейцарских Альп. В такой день приятно жить, даже если ты не на Ибике.

У Хоба было множество вариантов, как обойти режим санатория — без сомнения, весьма строгий. Он решил начать с прямой атаки — просто чтобы прошупать оборону и посмотреть, насколько она серьезна.

По его просьбе Хильда подошла к столику дежурной и спросила разрешения встретиться с мистером Серторисом. Ей ответили, что мистер Серторис никого не принимает. Все это говорилось по-английски — мог бы обойтись и без Хильды.

— Но это же смешно! — воскликнула Хильда. — Мы приехали сюда из самого Парижа по личной просьбе дочери мистера Серториса. А теперь нам придется уехать, даже не поговорив с ним?

— Я здесь ни при чем, — ответила дежурная. — Это приказ самого мистера Серториса.

— Откуда мне знать, что это действительно так? — осведомилась Хильда.

— У нас есть документ с подписью мистера Серториса. Можете посмотреть, если хотите.

Хильда оглянулась на Хоба. Хоб чуть опустил веки. Хильда поняла его.

— Бумагу показать всякий может! Мы хотим повидать самого мистера Серториса.

— О, повидать — это пожалуйста!

— Простите? — удивилась Хильда.

— Мистер Серторис и прочие наши клиенты селятся здесь, как правило, именно затем, чтобы избавиться от родственников. Они отказываются встречаться с членами своей семьи, потому что не хотят, чтобы их беспокоили. И мы идем навстречу пожеланиям клиентов. А повидать... — дежурная взглянула на часы. — Идите.

Хоб с Хильдой прошли вслед за дежурной, поднялись по лестнице на несколько этажей, прошли по широкому коридору и оказались у стеклянной стены.

— Вон он, — указала дежурная.

За стеной был большой крытый каток, на котором кружились несколько десятков пожилых людей. Среди них выделялся высокий, жилистый старик в теплых брюках и бордовом свитере. Хобу даже не пришлось сверяться с фотографией — он сразу узнал мистера Серториса.

— До тех пор, пока наши пациенты ходят, катание на коньках является частью ежедневной терапии, — объяснила дежурная. — И мы показываем их всем желающим. Чтобы не возникало подозрений. Вы просто представить себе не можете, что начинают вообразать себе некоторые, когда им не дают встретиться с родственниками!

— Представить-то как раз могу, — сказал Хоб. — Мистер Серторис неплохо выглядит.

— О да, — кивнула служащая. — Он на удивление крепок здоровьем. По всей видимости, он проживет еще много-много лет.

Итак, Хобу пришлось вернуться в Париж несолоно хлебавши и передать неутешительные вести Томасу Флери, рассчитывавшему в скором времени получить наследство от дядюшки Серториса и наконец перебраться из своей роскошной, но тесноватой виллы в Сан-Хуане на острове Ибица в просторную роскошную виллу в Санта-Гертрудис. Томас уже присмотрел себе подходящий домик, где можно было бы так уютно разместить всех своих гостей и четырех афганских борзых... Но отчет детективного агентства «Альтернатива» положил конец его мечтам. И источнику доходов Хоба тоже. Это случилось как раз перед тем, как появилось новое дело.

Глава 2

После дела Серториса Хоб решил немного потусоваться в Париже и посмотреть, не подвернется ли что-нибудь новенькое. Он воспользовался приглашением Мариэль Лефлер, главного редактора издательства «Шарлемань», погостить у нее несколько дней. Несколько дней растянулись на несколько недель, деньги, как всегда, закончились, и терпение тоже потихоньку начало иссякать.

Мариэль вернулась с работы более усталой, чем обычно, и Хоб понял, что этот вечер будет для него не лучшим. Она швырнула на стул свой «дипломат», набитый рукописями и корректурами, подошла к окну и выглянула на улицу. Все это — ни слова не говоря Хобу.

Квартира на пятнадцатом этаже «Саль-дез-Арм», нового здания на бульваре Монпарнас. С балкона открывается изумительный вид на сортировочные пути вокзала Монпарнас. Небо белесое, как рыбе брюхо, с холодным отсветом огней большого города. Сама квартира — узкая, но со множеством комнат. На стенах — фотографии родственников и детей Мариэль. Дети были на каникулах в Бретани. И фотография самой Мариэль рядом с Симоной де Бовуар. Фотография сделана четыре года тому назад, когда издательство «Шарлемань» опубликовало книгу де Бовуар о путешествии по Америке в обществе белокурого итальянского фехтовальщика, о котором она так трогательно писала в «*Après de ma Blonde*»¹.

— Ну, что на этот раз? — поинтересовался Хоб.

— Я кой-кого пригласила посидеть, — сообщила Мариэль. Она снова курила свои крепкие сигареты «Житан». Мариэль курила их одну за другой, прикуривая от окурка. С утра до вечера, а иногда и полночи. Хоб, сам заядлый курильщик, возненавидел этот запах — крепкий черный табак в сочетании с кислым красным вином, запах, неразрывно связанный с Мариэль.

— Господи Иисусе! Кого на этот раз?

Она перечислила несколько имен. Все личности, имеющие отношение к издательскому делу — «куча блядей», как называл их про себя Хоб, неисправимый шовинист.

— Я им обещала, что ты приготовишь свое знаменитое чили.

— Ну нет! — заявил Хоб. — Никогда и ни за что. Никакого чили. Ваши здешние мясники так мелко рубят мясо, что получается не чили, а паштет.

¹ «После блондинки» (франц.).

— Объясни им это сам, — сказала Мариэль. — Ты же говоришь по-французски — вот и объясни.

— Французский меня подводит.

— А это потому, что ты им почти не пользуешься! Почему бы тебе не говорить со мной по-французски?

— Ну не могу я так язык выворачивать! У меня горло сводит.

Мариэль посмотрела на него с упреком.

— Ну что с тобой происходит? Ты сделался таким скучным!

Может, и сделался. А чего веселиться-то? Зачем он вообще живет здесь, в этой квартире, с этой женщиной? У него ведь есть своя квартира — унылая тесная квартирка на бульваре Массена, которую он делит с Патриком, флейтистом, своим приятелем с Ибицы. Недавно Патрик вернулся из поездки в По с Анной-Лаурой, француженкой, с которой он встречался уже давно. Они наконец сговорились поселиться вместе. Патрик должен был на днях переехать в ее маленькую муниципальную квартиру близ авеню д'Иври. Как только сын Анны-Лауры вернется в Институт музыкальной культуры в Риме. А пока что, с разрешения Хоба, Патрик поселил в квартирке на Массена родственников Анны-Лауры, чтобы они могли провести праздники в Париже. А Хоб переехал к Мариэль.

Это была не лучшая идея. Мариэль ему разонравилась. А нравилась ли она ему вообще? Когда-то — да, нравилась. Но это было до того, как они поселились вместе. Нет, ну почему она так боролась с сыром? Мариэль говорила, что в холодильнике сыры портятся. Сыр надо хранить при комнатной температуре. «Ага, чтобы он спокойно гнил», — заметил Хоб. В первый раз они поссорились по-крупному из-за сыра. Странно, из-за каких пустяков иногда ссорятся люди! Нет бы повздорить из-за чего-нибудь серьезного. Вот, к примеру — «Почему ты меня не любишь?» Вопрос в их случае абсолютно правомерный. А они — из-за сыра...

Конечно, дело не только в сыре. У них было множество причин не ужиться вместе, и к главной из них Мариэль никакого отношения не имела. Хоб сидел без денег. Честно говоря, он занимался тем же самым, чем Жан-Клод: жил на содержании у бабы.

Правда, денег ему Мариэль не давала. Зато кормила. А потому есть приходилось, что дают. Оба делали вид, что Хоб ждет чек из Америки. Вообще-то доля правды в этом была: иногда чеки из Америки действительно приходили, и некоторые из них действительно предназначались Хобу. Но немного и нечасто. А в последнее время их и вовсе не было.

Тем не менее оба тщательно поддерживали эту ложь. Мариэль была низенькой и толстой. К тому же она одевалась в широкие темные одежды, какие в Париже носят дамы бальзаковского

возраста. Благодаря чему выглядела еще толще, чем на самом деле. Голая она выглядела еще ничего. Хотя Хобу это было уже пофигу.

А потом зазвонил телефон. Трубку сняла Мариэль.

— Тебя! — сказала она.

Глава 3

— Хоб? Это Фошон.

— Привет, инспектор. Чем могу служить?

— Мне хотелось бы, чтобы вы немедленно подъехали сюда, — сказал Фошон своим педантичным тоном. — Если, конечно, вы сейчас не слишком заняты.

— Пожалуйста, — ответил Хоб.

— Сейчас около 21.00. Жду вас на площади у станции метро «Сен-Габриэль» в 22.00. Договорились?

— Ладно. А в чем дело?

— Мы надеемся, что вы сможете опознать интересующего нас человека.

Фошон прокашлялся и повесил трубку.

Инструкции инспектора Фошона были абсолютно ясными и четкими. На первый взгляд. Но... «Встретимся у станции «Сен-Габриэль» в 22.00». Замечательно. Во-первых, где она, та станция? Хоб долго изучал схему парижского метро, и наконец нашел: на восточной окраине Парижа, за городской чертой, в Нуий-сюр-Луар. Но почему в 22.00? Конечно, полицейские любят точность. Но 22.00, или, по-человечески, десять часов вечера — это же ужасно неудобно!

Французский Хоба становился все хуже по мере того, как они с Мариэль становились все дальше друг от друга. Хоб подумал, что это была бессознательная — и бессмысленная — месть с его стороны. Он любил заниматься самоанализом, неотделимым от жалости к себе.

Мариэль рассчитывала, что Хоб будет на вечеринке, и ему совсем не хотелось нарываться на очередной приступ ее гнева. Гнев Мариэль выражался по-разному: холодная ярость, безразличие, надменная любезность, убийственный сарказм. В любом случае, неприятно. С другой стороны, у инспектора Фошона была определенная власть над ним — хотя сам Хоб и не желал себе в этом признаваться. Недавняя деятельность Хоба в Париже от лица детективного агентства «Альтернатива» была связана с кое-какими не вполне законными действиями. И Фошон при желании вполне мог отобрать у него лицензию на занятие частными расследованиями. Правила выдачи лицензии таковы, что, если бы Хоб их

придерживался, это было бы все равно что быть художником, но иметь право писать картины исключительно в стиле импрессионизма, и ни при каких обстоятельствах не использовать оранжевого цвета.

Фошон и раньше обращался к Хобу за помощью такого рода, какую мог оказать нищий американец с расхлябанной, но быстрой походочкой, знакомый с половиной парижского полусвета. Что может произойти, если Хоб не явится на это randevу? Возможно — ничего. Но с другой стороны — все, что угодно. Фошон может отобрать у него удостоверение и даже вид на жительство: у инспектора, как и у любого крупного полицейского, свои контакты с иммиграционной службой и прочими ветвями власти. Хотя, может, оно и к лучшему... Какого черта! Пора положить конец этой проклятой неопределенности.

А что до Мариэль — пусть себе злится! Если Хоб с ней спит, это еще не значит, что он обязан готовить это проклятое чили для ее подружек.

К тому же чили — удовольствие дорогое, особенно если его подавать с кукурузными лепешками, острыми блинчиками и пирожками из кукурузной муки с мясом и специями, как полагается. Это дорого потому, что мексиканская еда продается тут, в Париже, только в консервированном или замороженном виде в магазинах деликатесов, по умопомрачительным ценам. Там почему-то думают, что консервированное чили — деликатес. Ну, и стоит он соответственно.

До «Сен-Габриэль» Хоб добирался почти час. Ну ничего. Надо же разобраться с Фошоном! К тому же ему стало интересно, почему Фошон избрал для встречи такое странное время и место. Чудит? На него не похоже — на работе Фошон всегда был серьезен.

На станции «Сен-Габриэль» не было ни души. Хоб вышел из вагона второго класса и зашагал по длинному, выложенному плиткой коридору, оклеенному рекламами «Голуаз» и «Прентан» и плакатами, приглашающими провести отпуск на «солнечной Мартинике». Вдоль стен стояли длинные деревянные скамьи. На одной из них спал бродяга, одетый в лохмотья опереточного клошара, с колючей рыжей щетиной на багровом от выпивки лице. Когда Хоб проходил мимо, бродяга что-то пробормотал, но Хоб не расслышал — а и расслышал бы, так, скорее всего, не понял. Может ли невнятное бормотание на иностранном языке считаться предзнаменованием? Хоб поднялся по длинной, замызанной лестнице и вышел на улицу.

В этой части Парижа ему еще не доводилось бывать. Здания выглядели убогими и запущенными. Низко висящая луна пряталась

лась в сизой дымке. Фонари светили сквозь туман рассеянным янтарным светом. Улицы были широкие. Несколько встречных прохожих смахивали на североафриканцев — невысокие люди в бесформенных серых и коричневых костюмах. Улицы располагались привычной парижской «звездой»: от центральной площади-ступицы расходится четыре-пять улиц-спиц. Наискосок через дорогу стоял полицейский микроавтобус. Рядом — два полицейских мотоцикла, с невыключенными красно-синими мигалками. Фошон должен быть там. Хоб двинулся к микроавтобусу, но при остановился, пропуская «Скорую», которая затормозила рядом с фургонами.

Подошел полицейский. Хоб сказал, что Фошон за ним послал.

— Подождите минутку, — попросил полицейский. — Он как раз заканчивает опрос.

— А в чем дело-то?

— Инспектор расскажет вам все, что сочтет нужным.

Фошону повезло: он нашел свидетеля убийства у метро «Сен-Габриэль». Даже двух: старого Бене, бывшего инспектора манежа цирка «Лемье», ныне на пенсии, и Фабиолу, гуттаперчевую девушку. На самом деле далеко не девушку: Фабиоле было за сорок. Но ее длинное, бледное лицо оставалось совершенно гладким, а волосы были заплетены в длинную девичью косичку. Она бросалась в глаза своей гибкой, бескостной, какой-то нечеловеческой грацией. Очень худая — вероятно, не более ста фунтов. Но при этом все ее движения, даже когда она просто закуривала сигарету, были так изящны и плавны, что Фошону она казалась похожей на змею. Прямые черные с маслянистым блеском волосы перевязаны яркой шерстяной резинкой. Голубые глаза, рот бантиком, острый подбородок. На среднем пальце правой руки — маленький бриллиант, несомненно, подарок Бене, хотя откуда старик взял такие деньги — черт его знает. Цирк «Лемье» отнюдь не славился щедростью по отношению к своим бывшим работникам. Бене был крупным пожилым мужчиной под семьдесят. Жидкие седые волосы со следами краски. Под прядями волос проглядывал веснушчатый розовый череп. Костюм в черно-белую клетку — не как у клоуна, но что-то вроде — старику немного тесен — видно, в последнее время Бене располнел. Картину дополняли огненные глаза с тяжелыми веками и седые усики, которые он то и дело поглаживал.

Бене вышел из метро «Сен-Габриэль» примерно в половине девятого. Вместе с Фабиолой. Был четверг, и они ездили к «Самаритянке», где вместе с другими пожилыми циркачами устраивали представление для детей в честь святого Эдуарда, покровителя

цирков. День был необычайно холодный для июня, и Бене надел твидовый костюм, а Фабиола — котиковый жакет, единственную вещь, которую ей удалось захватить с собой из Риги в 1957 году, когда она сбежала в Швецию, в Ставангер.

— Поначалу, инспектор, я не заметил ничего необычного, — рассказывал Бене. — Здесь, на Сен-Габриэль, про убийства и не слыхивали. Район у нас бедный, но приличный. Честные работники да пенсионеры, вроде нас с Фабиолой. Вы когда-нибудь видели нас на арене, а, инспектор?

— Увы, нет, — вежливо ответил Фошон.

— Ну, неважно. Я был очень неплох, можете поверить мне на слово. А вот Фабиола была настоящей звездой! Грация храмовой одалиски...

— И что же вы увидели потом? — спросил инспектор.

— Ну, сперва я услышал крики. Не то чтобы особенно испуганные. Просто обычная уличная ссора. То есть это я поначалу так подумал.

— Расскажи про лошадь, — встала Фабиола. Голос у нее был звонкий и нежный.

— Лошадь тут ни при чем, — возразил Бене, похлопав ее по руке. — Понимаете, инспектор, мы услышали крики, затем увидели бегущих людей, а потом по улице проскакала лошадь. Ну, мы, естественно, решили, что весь этот шум из-за лошади. Только потом мы узнали, что это Шарнапп, старьевщик, который живет на рю Сен-Габриэль и держит свою лошадь в маленьком тупичке — тупичок называется Фуржерель, — так вот, этот Шарнапп только распряг лошадь и собрался завести ее в стойло, вычислить, накормить, поговорить с нею — я и сам к нему туда захожу временами, в лошадях, знаете ли, есть что-то такое успокаивающее, особенно для человека, который всю жизнь провел на арене, рядом с животными. Так вот, эта самая лошадь пронеслась мимо нас, дико кося глазами, потому что ее зацепило машиной. Машина вылетела из-за угла, развернулась на двух колесах, ударила беднягу Шарнаппа правым крылом в спину и отшвырнула его на каменную стену. А перед тем эта машина врезалась в толпу — сам-то я этого не видел, но она сбила мадам Совье, что содержит магазин готового платья в конце квартала, и еще двух человек, которых я не знаю. Мне говорили, что они останутся живы, инспектор, и я этому очень рад. Настоящий кошмар: люди кричат, а троих из них сбила машина, которая гналась за человеком в соломенной шляпе. В соломенной шляпе с блестящей зеленой лентой. Странно, какие мелочи замечает глаз в такие минуты. Я достаточно отчетливо разглядел этого человека — я его пару раз

встречал. Но как его зовут, не знаю. Он не из нашего района. По-моему, иностранец.

— Понимаете, машина гналась за ним! — сказала Фабиола. — Сперва одна, «Пежо», а потом еще другая, такая маленькая немецкая легковушка. Как она называется, Андре?

— «Порш», — сказал Бене. — Девятьсот одиннадцатая. Они приметные. И скорость у них будь здоров! Наверно, когда тебя давит такая машина, это особенно жутко.

— «Порш» его не задавил, — заметила Фабиола.

— Зато ведь как старался! Но ты права, «Порш» его не задавил. Тот человек вышел из кафе «Аржан» на площади Сен-Габриэль, и тут-то на него и налетели эти машины. Он нырнул в канаву. Должно быть, плечо ушиб, потому что упал с размаху на булыжники, зато жизнь спас. Правда, ненадолго. Он, наверно, просто не успел подумать, что могут быть еще машины.

— Она примчалась с противоположной стороны, — сказала Фабиола. — Большая такая.

— По-моему, триста пятидесятый «Мерседес», — сказал Бене. — Водитель, наверно, видел, как тот человек нырнул под стоящий автомобиль, и поэтому направил свой «Мерседес» прямо туда. Он ехал, наверно, со скоростью километров сорок, и врезался в стоящий автомобиль. Не помню, какой марки — «Опель», по-моему. «Опель» от удара вылетел на тротуар, а человек в соломенной шляпе остался лежать на мостовой, точно черепаха, с которой содрали панцирь. Кстати, шляпа с него уже слетела. Когда он под машину прятался.

— Белокурый, в кожаной куртке — похоже, довольно дорогой, — вставила Фабиола.

— Несколько секунд он лежал, приходил в себя. Потом, наверно, увидел, как первая машина, «Порш», развернулась, потому что вскочил на ноги и бросился бежать. И все бросились бежать. Там было человек десять. Кое-кто вышел из кафе, посмотреть, в чем дело. Эти две машины погнались за ними. А потом, не помню уже как, машины оказались на площади Сен-Габриэль.

— Они выехали на тротуар, когда преследовали того, белокурого, — сказала Фабиола.

— Вы ведь знаете эту площадь, инспектор? Там еще посреди кафе, а рядом газетный киоск. Так вот, машины принялись кружить по площади, а на самой площади находится скверик со скамеечками. Так себе скверик, всего несколько платанов. И автобусная остановка. Тот человек туда и забежал. На площади были еще люди, но машины не обратили на них никакого внимания. Они попросту сбивали их с ног, потому что старались добраться до того, белокурого. Прямо как ковбои, пытающиеся отделить

одну корову от стада! Знаете, как в кино показывают. Они гонялись за ним, а он убегал, петляя между скамейками. А они неслись напролом и здорово покорежили машины. Но белокурый не терял мужества. Он попетлял между скамейками, а потом улучил минуту и попытался удрать через бульвар. Тут-то они его и достали!

В это время подошел жандарм, отдал честь инспектору и сказал:

— Вот, сэр. Я нашел эту штуку в кармане куртки убитого.

И передал Фошону записную книжечку в кожаном переплете.

— Пригодится, — кивнул Фошон, убирая книжечку в карман.

— И вот это, — продолжал жандарм. — Убитый держал ее в руке.

Он протянул Фошону маленькую зеленую бутылочку из чего-то, похожего на нефрит.

Глава 4

— А, Хоб! Рад вас видеть.

Фошон, как всегда, был одет безупречно и старомодно. Круглое лицо инспектора выражало абсолютную серьезность. Тонкая нижняя губа говорила о сдержанности, полная нижняя — о страстности, а может, о пристрастии к обжорству. Маленькие карие глаза были пронизательными и, казалось, светились изнутри.

— Не могли бы вы опознать одного человека? — спросил инспектор.

— А почему я?

— Потому что он иностранец и, похоже, живет на Ибице.

— С чего вы взяли?

— Что он иностранец? У нас есть его паспорт. Он англичанин. А что до Ибицы — у него с собой была соломенная сумка с вышитой надписью «ИБИЦА». А на шее у него был платок — похоже, испанский. И рубашка тоже испанская.

— Между прочим, на Ибицу каждый год приезжает не меньше миллиона туристов.

— Возможно, он постоянный тамошний житель, как и вы.

— Там тысячи жителей, инспектор, и большую часть из них я не имею удовольствия знать. Ладно, если хотите, могу взглянуть.

— Был бы вам очень признателен.

— Что у вас тут, дорожное происшествие? — спросил Хоб, только теперь заметив поспешно устанавливаемое полицейское ограждение. — Послушайте, если это не особенно важно — можно, я не буду на это смотреть? Сегодня вечером мне полагалось готовить чили, а если я правильно понимаю, то, что находится в этой «Скорой», совершенно испортит мне аппетит!

— Я думаю, Хоб, что для частного детектива вы слишком брезгливо относитесь к крови, — заметил Фошон. Инспектор говорил по-английски очень правильно, без малейшего акцента и весьма образно, но все-таки сразу было заметно, что он иностранец.

— Может, вам покажется странным, — ответил Хоб, — однако даже американским частным детективам не слишком-то нравятся бродить по колено в крови.

— «По колено в крови»... — задумчиво повторил Фошон. — Красиво сказано! Словно у Шекспира. Ладно, все равно. Идемте, Хоб. Это действительно важно.

Труп перенесли на тротуар и накрыли зеленым брезентом. Рядом стояли двое полицейских с дубинками на поясе. Начинало накрапывать. На брезенте бисером блестели капельки влаги. В воздухе висела вонь солярки и бензина. Сгушался туман, дождь с каждой минутой становился сильнее. Фошон постоял, раскачиваясь на каблуках, потом наклонился и выверенным жестом отвернул брезент.

Труп принадлежал белокурому мужчине лет тридцати пяти — сорока. Белая рубашка без галстука, грудь заляпана грязью и кровью. Желтовато-коричневые брюки, белые кроссовки. На шее — толстая золотая цепочка. Хоб наклонился, чтобы получше рассмотреть ее. На цепочке висела золотая монета с дырочкой. На монете были вычеканены два леопарда, готовящихся к прыжку. Наконец Хоб перевел взгляд на лицо. Оно было разбито, но узнаваемо.

Глава 5

Кабинет Фошона, маленький и тесный, находился в облицованном камнем здании, похожем на банк, занимавшем большую часть квартала между рю д'Анфер и авеню Клебер. В подъезде, между двумя застекленными бронзовыми дверьми, курили несколько полицейских. Большая часть ночных патрулей Парижа дежурила в старом полицейском участке рядом с Палатой Депутатов. Отделение Фошона не занималось обыденными уличными преступлениями — грабежами, мордобоями, семейными разборками. Это дело жандармов. Фошон и его люди охотились за дичью покрупнее. В Сюрте¹ направлялись дела, которые могли иметь международное значение. Многие из них позднее передавались соответствующим департаментам. Простыми дорожными проис-

¹ Сокращенное название Управления национальной безопасности Франции.

шествиями Фошон не занимался — тем более дорожными происшествиями в таком захолустном уголке Парижа, как Сен-Габриэль.

Хоб шагал рядом и чуть позади инспектора. Он был на голову выше Фошона — точнее, на полголовы, потому что немного сутулился. Они прошли по широкому центральному коридору, с кабинетами по обеим сторонам. Свет горел только в нескольких. Временами люди, сидевшие за столами в одних рубашках, поднимали головы и кивали инспектору. Фошон не кивал в ответ, а только бурчал что-то неразборчивое. Подошли к лифту, крошечная кабинка которого больше походила на шкаф. Он располагался рядом с роскошной двойной мраморной лестницей. Фошон давно жаловался, что лифт чересчур тесный и медлительный. Но министерство отвечало, что установить другой не представляется возможным, если не убрать две, а то и целых три мраморных колонны, украшающих холл первого этажа. А колонны убрать нельзя, потому что здание объявлено памятником архитектуры национального значения.

Пока они поднимались на четвертый этаж, Фошон молчал. Мурлыкал что-то себе под нос, раскачивался на каблуках, глядя в потолок, точно ожидая, что на нем вдруг проступит физиономия преступника. На четвертом этаже они вышли и свернули налево. Теперь впереди шел Хоб — он бывал тут прежде и знал дорогу. Этаж освещала одна-единственная лампа в конце коридора. Кабинет Фошона был последним налево. Дверь никогда не запиралась. На столе горела лампа под зеленым абажуром. Фошон бросил шляпу на полку рядом с зонтиком, сел за стол и указал Хобу на стул.

— Давно мы с вами не виделись, Хоб, — сказал инспектор. — Как поживает ваше агентство?

На самом деле Фошон знал о делах детективного агентства «Альтернатива» — или об отсутствии таковых — больше, чем любой из работников этого агентства, включая его владельца и главного сыщика Хоба Дракониана. И Хоб знал, что Фошон это знает.

— В агентстве все в порядке, у меня все в порядке, и вообще все чудесно, — ответил Хоб. — Ближе к делу, пожалуйста.

— К какому делу? — осведомился Фошон с самым невинным видом.

— Черт возьми! — сказал Хоб. — Эмиль, бросьте дурачиться. Вы вызвали меня на Сен-Габриэль, а потом притащили сюда. Пожалуйста, объясните, какого черта вам нужно, и отпустите меня домой.

— О, какие мы воинственные! — хмыкнул Фошон. — Что, вам так не терпится вернуться к своей Мариэль?

— Не то, чтобы очень, — признался Хоб. — Сегодня я должен был готовить свое знаменитое чили для толпы издательской публики...

— Так Мариэль вас ждет? Скажите ей, что вас задержали в полиции по важному делу. Это избавит вас от скандала.

— Плохо вы знаете Мариэль, — возразил Хоб, — если думаете, что такой пустяк может служить извинением.

— Мне бы следовало предупредить вас насчет этой дамы.

— Так какого ж черта вы меня не предупредили?

— Не ребячьтесь, — сказал Фошон. — Знаете, Хоб, что мне в вас не нравится? Вы не владеете искусством пустой болтовни. Вы, вообще, читали когда-нибудь романы про сыщиков? Коп и частный сыщик должны сперва побеседовать о всякой всячине. И полисмен вечно гонит пургу, прежде чем доберется до сути дела.

— Мне некогда читать романы про сыщиков, — сказал Хоб. — Я слишком занят сыском.

— А в свободное время?

— Предпочитаю Пруста.

— Кто был тот мужик под брезентом?

— Стенли Бауэр.

Лицо Фошона вытянулось.

— Хоб, ну что это такое! Вам полагалось сказать, что вы видите его первый раз в жизни — но я-то успел заметить, как расширились ваши глаза, когда вы его увидели, — потом вы должны были признаться, что, возможно, встречали его пару раз, и так далее, пока, наконец, вы не раскололись бы, что это — ваш брат, давным-давно пропавший без вести.

— Инспектор Фошон, кончайте валять дурака! А если уж вам так хочется подурачиться, отведите меня в ресторан и угостите хорошим обедом.

— Неужели Мариэль вас не кормит?

— Мы договорились, что расходы будут пополам. А у меня нет денег.

— А как же ваш знаменитый чек из Америки?

— Не пришел пока.

Фошон хмыкнул с насмешливым сочувствием.

— Так что, Мариэль содержит вас обоих?

— Ну! Это против ее принципов. Содержать молодого мужчину? Никогда в жизни! Мариэль покупает еду на одного и делает вид, что я питаюсь на свои.

— А вы что делаете?

— Жду, пока она уснет. А потом подьедаю, что осталось. Прележавшую три дня баранину или телятину в застывшем салате. Всегда приятно. А на десерт — лежалый сыр с зеленой плесенью.

— Дорогой мой, примите мои искренние соболезнования. Способность женщины унижать мужчину сравнима лишь со способностью мужчины мириться с унижением.

— Это кто сказал, Ларошфуко?

— Да нет, на самом деле, мой батюшка. Он, бывало, рассказывал замечательные истории об арабских танцовщицах, которые приходили к ним в лагерь под Сиди-Бель-Аббесом...

— Я бы с удовольствием их послушал, — сказал Хоб. — Особенно за стаканчиком белого вина в «Пье дю Кошон».

— Так вы говорите, Стенли Бауэр?

— Да. Это имя всплыло у меня в памяти, как только я его увидел. Жаль, что больше я ничего не помню.

— А где вы с ним встречались?

— Из головы вылетело! — сказал Хоб, постучав себя по лбу. — Говорят, от голода человек делается забывчивым.

— Хоб! — произнес Фошон. Его голос из шутового внезапно сделался угрожающим. — Не надо со мной играть!

— Это что, фраза из одного из ваших детективных романов? — поинтересовался Хоб. — А почему бы мне с вами и не поиграть? Я хочу жрать, и мне вовсе не улыбается возвращаться на бульвар Монпарнас и готовить чили. С чего это вы, французы, взяли, что чили — деликатес?

— Мы всегда путаем экзотическое с желанным, — ответил Фошон. — Это наш особый дар.

— О Господи! — Хоб уронил голову на руки.

— Как вам плохо! — сказал Фошон. — Ладно, не буду вас больше мучить. Идемте. Быть может, тарелка паштета освежит вашу память.

— Добавьте к этому утиное филе, — сказал Хоб, — и я расскажу вам, что произошло с судьей Крейтером.

— Comment?¹ — спросил Фошон, который вдруг ни с того ни с сего решил перейти на французский.

В «Пье дю Кошон» они не пошли. Фошон выбрал пивную «Липп» — ему вдруг захотелось choucroute garni². «Липп», собственно, только называлась пивной, а на самом деле это был знаменитый старый ресторан на бульваре Сен-Жермен, напротив «Де Маго». Настоящий дворец: старинные потемневшие зеркала, янтарный свет ламп, хрустальные люстры, официанты в смокингах и шикарная публика — правда, ее в последнее время становилось все труднее отличить от публики, которая только пытается быть шикарной. Ну и, конечно, неизбежные немецкие туристы, неиз-

¹ И что же? (франц.)

² Свинина с картофелем и кислой капустой, традиционное немецкое блюдо (франц.).

бежные английские туристы и прочие туристы, которые в свою очередь начинали становиться неизбежными — особенно японцы. Хоб тоже заказал choucroute. Ему принесли огромную тарелку вкусной и сытной свинины с гарниром, хорошо слобренной пряностями. Это, пожалуй, было лучшее, что подавали в «Липп». Когда и как французы успели возлюбить квашеную капусту и немецкие сосиски, оставалось загадкой. О таких вещах ни в одном путеводителе не говорится.

Фошон заказал белое бордо. Хоб возблагодарил Бога за то, что он создал Францию, где даже полицейские допросы ведутся за стаканчиком вина.

— Ну, так что там насчет этого Стенли Бауэра? — осведомился Фошон.

— Кого-кого? — переспросил Хоб.

— Человека, которого вы опознали.

— Опознал? Я? Слушайте, Эмиль, а вдруг я вообще все это сочинил? Специально, чтобы попасть в «Липп»?

— Хоб, это не смешно.

— Ну, я думал, вам хочется, чтобы я разговаривал более уклончиво, и почаще отвлекался на посторонние темы, как те частные сыщики в романах. А кроме циркачей, кто-нибудь еще хоть что-то видел?

— Свидетелей нет. Конечно, мы допросили народ в кафе «Аржан», где этот Стенли Бауэр сидел перед тем, как его убили. Поговорили с владельцем, который их обслуживал.

— Их?

— Перед самым убийством Бауэр разговаривал с каким-то типом.

— С каким типом? Как он выглядел?

— Он сидел в тени. Владелец его не разглядел. Просто мужчина. Он ушел. Вскоре после него Бауэр тоже вышел. Тут-то и появились машины.

— А про того, другого, ничего больше не известно? Цвет волос? Рост?

— Он сидел. И был в шляпе. Владелец даже шляпу описать не смог.

— Замечательно! — сказал Хоб. — И ради этого я пропустил вечеринку?

— А когда должны прийти гости? — поинтересовался Фошон.

— Простите?

— Ну, гости Мариэль, для которых вы собирались готовить чили.

— Да вот, наверно, как раз сейчас, — ответил Хоб, умело обматывая душистую, пропитанную вином капусту вокруг розового

куска свинины перед тем, как отправить ее в рот, заесть куском хрустящего батона и запить глоточком вина.

— Либо вы мне все расскажете, — заявил Фошон, — либо я вызову жандарма, и он под конвоем отведет вас домой. Вы еще успеете приготовить свое чили.

— Вы не сделаете этого, инспектор! Ведь правда же, не делаете?

— Жестокость французской полиции просто не укладывается в сознании англосаксов, — сказал Фошон с самодовольной улыбкой. Он положил салфетку на стол и начал подниматься.

Хоб схватил его за руку. Фошон немедленно опустился на место.

— Шутить вы любите, инспектор, а сами шуток не понимаете!

— Ну, так рассказывайте про Бауэра.

— Англичанин. Лет сорока. Мой шапочный знакомый. Мы встречались на Ибисе пару лет тому назад. У него там были приятели. Он у кого-то гостил... Погодите, дайте вспомнить. Ну да, у Элиота Тернера, актера.

— Вы знаете Тернера? — перебил Фошон.

— Да. А что?

— Я недавно смотрел ретроспективу фильмов с его участием в киноцентре на Монпарнасе. Что, он действительно такой сволочной, как его герои?

— Нет, гораздо хуже.

— Говорят, он жуткий бабник.

— Брешут. Отпетый педераст.

— Что, в самом деле? В фильмах он вечно увивается за чьей-нибудь женой.

— В жизни он вечно увивается за чьим-нибудь сыном.

— Так Стенли Бауэр был его приятелем?

— Наверно. Как я уже говорил, Бауэр жил на вилле Тернера в Сан-Хосе. В гостях. Я нечасто видел их вместе, но, полагаю, они либо были приятелями, либо же Бауэр шантажировал Тернера.

— Вы не знали, чем этот Бауэр зарабатывал себе на жизнь?

— Да он вроде бы ничем особо не занимался. Наверно, проживал семейное состояние. По крайней мере, сам Бауэр на это намекал.

— Намекал?

— Ну, если можно так выразиться. Бауэр частенько выставлял народу выпивку в «Эль Кабалло Негро» и хвастался своими семейными связями и тем, что его дед был близким другом Эдуарда Седьмого. Или еще какого-то Эдуарда, не помню. Но это он рассказывал американцам. Когда в кабачке присутствовал кто-то из Англии, Бауэр больше помалкивал. Не знаю, то ли он просто пус-

кал пыль в глаза, то ли это был их хваленый английский юмор, такой тонкий, что того гляди порвется.

— Вы знали, что Стенли Бауэр торговал наркотиками?

Хоб покачал головой.

— Тогда хоть понятно, с чего вы им так заинтересовались! Вы уверены, что эта информация верная?

— На трупе нашли бутылочку с наркотиком, который он распространял. Наркотик новый. Недавно был обнаружен в Нью-Йорке. Вы знаете, что такое «сома»?

— В первый раз слышу.

— И не вы один. Однако скоро он начнет расплодиться. Мне хотелось бы заняться им прежде, чем это случится. Вы виделись с Бауэром после того, как он был на Ибице?

— Нет.

— Даже во время ваших поездок в Лондон?

— Да говорю же вам, нет! Он мне не нравился. Один из этих высокомерных типчиков, которые имеют обыкновение заливис-то жрать во всю глотку. Настоящий герой Вудхауса¹. У нас с ним не было ничего общего.

— Но другие, несомненно, считали его славным малым?

— О вкусах не спорят. Особенно с некоторыми.

— Вот, к примеру, что думает о нем Найджел Уитон?

— А почему бы вам не спросить самого Найджела? А потом, какая разница? Вы ведь не собираетесь предъявить Найджелу обвинение в том, что он снабдил Стенли Бауэра новым наркотиком, а потом пристукнул?

Фошон сделал вид, что не услышал вопросов Хоба. Его взгляд рассеянно блуждал по ярко освещенному залу ресторана. Это была одна из самых неприятных привычек инспектора, по крайней мере с точки зрения Хоба. Привычка отвлекаться, когда речь заходит о чем-то действительно важном. Хоб чувствовал, что за этим стоит тонкий расчет. Одна из многих тщательно выверенных масок Эмиля Фошона. Настоящего своего лица инспектор не показывал никому. Да и есть ли оно у него, настоящее лицо?

— А что поделявает Найджел в последнее время? — поинтересовался Фошон. — Что-то давно его не видно.

Хоб с горечью взглянул на инспектора.

— Боюсь, сейчас мне представился случай предать одного из своих лучших друзей за миску немецкой тушеной капусты, съеденную посреди парижского шика. Сработать «подсадной уткой», как это, видимо, называется в ваших любимых романах. Что ж, рад вам служить. Найджел занимается тем же, чем и обычно: торгует

¹ Пелем Гренвилл Вудхаус — современный американский писатель.

наркотиками в Гонконге, грабит банки в Вальпараисо... Полагаю, он также приложил руку к политическому убийству, произошедшему месяц назад в Монпелье. Вы же знаете Найджела — он парень предприимчивый, на месте ему не сидится.

— Ваш юмор неуместен, но я его ценю, — сказал Фошон.

— Спасибо. Это я так, для поддержания разговора.

— Хотите чего-нибудь выпить, прежде чем мы станем обсуждать это дальше? Кофе эспрессо. Может, вам двойной?

— Ну вот, а теперь вы разговариваете, точно призрак Марли, — заметил Хоб.

Фошон призадумался.

— Да, это вполне уместно. Я показал вам Прошедшее Рождество в трупе вашего покойного друга Стенли Бауэра...

— А с кем я встречаюсь на Рождество Грядущее?

— Официант! — окликнул Фошон, останавливая лысеющего сутулого мужчину, пробегавшего мимо с подносом. — Два коньяка и два двойных эспрессо. И счет, пожалуйста.

— Никакого счета, инспектор! Заведение угощает!

— Передайте вашему заведению мою благодарность, — сказал Фошон, — а заодно скажите им, что за эту неуклюжую попытку подсунуть мне взятку я постараюсь в самом скором времени прислать сюда особенно вредного санинспектора. Пусть ждут.

— Инспектор! Мы просто хотели сделать вам приятное! Уверяю вас... Инспектор, если я это скажу, меня же уволят!

— Тогда просто принесите заказ, — сказал Фошон. — И счет, пожалуйста.

Маленький официант вздохнул с облегчением и убежал.

— Картина маслом: «Неподкупный инспектор Фошон сурово отвергает бесплатный обед!» — хмыкнул Хоб. — Изумительно. Я в восхищении. Так что там насчет Грядущего Рождества?

— Скоро покажу, — сказал Фошон. — Хоб, я рассчитываю на вашу помощь в этом деле. Более того, я настаиваю. Разузнайте о Стенли Бауэре все, что можно. Кому было выгодно его убрать? Дело, похоже, организовали весьма добросовестно. Разузнайте об этой «соме».

— Ладно. А что вы сделаете для меня?

— А я не стану отбирать у вас лицензию на занятие вашим никчемным ремеслом. Хотя мой начальник уже очень давно рекомендует мне это сделать. Хоб, я серьезно! У вас есть связи на Ибнице. Вы можете разузнать все, что необходимо. А пока что, не хотите ли вы позвонить Маризель и сообщить, что задерживаетесь?

— Да ну ее к черту! — сказал Хоб. — Пусть себе бухтит!

— Вы отважный человек, Хоб Дракониян! — улыбнулся Фошон.

Глава 6

На следующее утро, едва Фошон успел сообщить о смерти Бауэра его ближайшему родственнику, брату, живущему в Англии, инспектору позвонили из нью-йоркской полиции. Звонил лейтенант Гериг, с которым Фошон несколько раз уже разговаривал. Они обменивались информацией и сотрудничали в работе по борьбе с международным наркобизнесом, в обход Интерпола, о котором оба были весьма невысокого мнения.

Покончив с официальными любезностями, Гериг сказал:

— Фошон, я к вам вот по какому делу. Мне попался любопытный случай, и я хочу знать, не сталкивались ли вы с чем-то подобным. Поначалу я решил, что это опиум...

Если вы в Нью-Йорке, и вам нужен опиум, отправляйтесь в Чайнатаун. В начале XIX века Китай два раза воевал с англичанами именно затем, чтобы воспрепятствовать ввозу опиума в страну. Но англичане настояли на своем: надо же было куда-то сбывать продукцию индийских маковых плантаций! А простым китайцам опиум нравился. Поначалу столицей торговли опиумом был Кантон, потом Шанхай, позднее Гонконг. Но к семидесятым годам прошлого века ситуация переменялась. Зачем возиться с опиумом — раскуривать трубку, делать пару затяжек, потом выбивать трубку — и начинать сначала, — когда можно получить многократно усиленный эффект от героина? Сделать героин — раз плюнуть, а рынок куда шире, чем рынок опиума. Потом вошел в моду кокаин, и времена натуральных наркотиков кончились. В двадцатом веке десятки Чайнатаунов, разбросанных по всему миру, сделались главными рынками сбыта опиума. И прочих экзотических натуральных наркотиков. Поэтому лейтенанта Герига совсем не удивил тот факт, что в одной из дыр, которые растут как грибы в районе Четем-сквер — только успевай выщелкивать! — был найден труп неизвестного, скончавшегося от передозировки наркотика.

— Но это был не опиум, — сказал Геригу сержант, прибывший на место раньше лейтенанта. Они стояли на углу Восточного Бродвея и Клинтон-стрит, и лица их попеременно делались то синими, то красными в свете полицейских мигалок.

— Откуда вы знаете? — спросил Гериг.

— А вы взгляните на того мужика, — ответил сержант. — Зрелище малоприятное, но поучительное. Он в квартире 15-А.

Гериг вошел в подъезд, поднялся по лестнице в пять ступенек, по бокам которой красовались две переполненные урны, набитые гнилыми апельсинами и китайскими газетами. Входная дверь с разбитым стеклом, затянутым прочной металлической

сеткой, была отперта. За дверью — длинный коридор. Полопавшийся линолеум на полу, облупившаяся краска на потолке, тусклые лампочки свечей на сорок. У лестницы стояли две старые китайки. Они что-то залопотали, указывая Геригу наверх. Гериг начал подниматься по обшарпанной лестнице. Унылые этажи, китайчата с раскосыми темными глазами, выглядывающие из-за дверей, закрытых на цепочку. Желудок у Герига протестующе выворачивался — лейтенанту всего месяц как прооперировали грыжу. В такие минуты, как эта, он не находил в своей профессии решительно ничего романтического. Еще один этаж — четвертый, что ли? Смерть не считается с такими мелочами, как грыжа старшего лейтенанта полиции. Не говоря уж о варикозном расширении вен. На пятом этаже ждал китаец — мужчина средних лет в неопрятном белом костюме и панаме.

— Сюда, — сказал он Геригу, указывая на открытую дверь в конце коридора.

— Кто вы такой? — спросил Гериг.

— Мистер Ли, агент владельца здания. Мне позвонил жилец, и я сейчас же приехал.

— Откуда?

— Из Стайвезент-тауна.

— Надо же, вы добрались быстрее, чем я из первого участка!

Гериг направился к двери. Китаец в белом костюме последовал за ним.

— Лейтенант! — сказал он. — Можно вас на пару слов, прежде чем вы войдете?

Гериг обернулся. Могучий, крепкий мужчина, он был почти вдвое крупнее Ли, и, во всяком случае, на голову выше его.

— Что вы хотите, Ли?

— Я только хочу сказать, что ни владелец здания, ни жильцы не имеют никакого отношения к произошедшему.

— Не рановато ли вы начали выкручиваться? — поинтересовался Гериг. — По-моему, вам еще никто никаких обвинений не предъявлял.

— Пока нет, — вздохнул Ли. — Но ведь предъявят же!

Гериг вошел в дверь квартиры номер 15-А. Комната, где он очутился, явно отражала чье-то представление о рае. На полу — красно-синий турецкий ковер. Стены оклеены бумажными обоями под парчу с изображениями восточных мудрецов в высоких шляпах, переходящих реку по мосту. Вдоль двух стен тянутся низкие диванчики. На потолке — хрустальная люстра, рассеивающая по стенам яркие зайчики света. Комната была не очень просторная, но ее зрительно увеличивало огромное зеркало во всю стену. Два низких столика полированного ореха, богато украшенных резь-

бой. Рядом с одним из диванчиков — подставка для журналов. На подставке два свежих выпуска «Плейбоя», отвечающих на традиционный вопрос: чем вы занимаетесь, когда пробуете новый наркотик?

— Уютная квартирка, — заметил Гериг. — И много у вас таких?

— Эта — единственная, — ответил мистер Ли. — Но ведь нет никакого преступления в том, чтобы человек обставлял свою квартиру так, как ему нравится?

— Эта квартира принадлежала покойному?

— Он снимал ее у мистера Ахмади, владельца дома.

— Ахмади? Итальянец, что ли?

— Иранец.

— И что, он владеет домом в Чайнатауне?

— А что в этом удивительного? — пожал плечами мистер Ли. —

В наше время в Америке всем владеют иностранцы.

Гериг попросил показать, как пишется фамилия владельца, и записал ее и адрес в свой блокнот.

— Вы видели покойного?

— Видел.

— Это не мистер Ахмади?

— Нет, сэр. Определенно нет. Это жилец.

— У вас есть домашний телефон мистера Ахмади?

— Конечно. Только вы его не застанете. Он уехал в деловую

поездку.

— В Иран?

— В Швейцарию.

— Все равно давайте.

Гериг записал телефон, потом сказал:

— Значит, за старшего тут вы.

— Послушайте, лейтенант! Я всего лишь управляющий. Никто не нанимал меня, чтобы кого-то тут убивать.

— Как звали покойного?

— Ирито Мутинами.

— Иранец?

— Японец.

— С чего это японец поселился в Чайнатауне?

— Многие считают престижным жить здесь.

Гериг принялся осматривать квартиру. Ее уже обыскали, но посмотреть лишний раз никогда не мешает. В мусорной корзине валялся квадратик ярко-голубого целлофана, смятый так, словно он раньше был обернут вокруг шарика размером с мяч для гольфа. Обертка от шоколада? Бывают такие шоколадные шарики... Гериг сунул целлофан в пакет для вещественных доказательств и продолжил обыск.

В углу стоял электрокамин с искусственным пламенем. Гериг сунул туда руку, порывшись и нащупал что-то гладкое и прохладное. Бутылочка из чего-то зеленого и прозрачного, похожего на нефрит, дюйма четыре в длину, открытая, пустая. Гериг поднес ее к носу и понюхал. Сладковатый, затхлый запах, совершенно ему незнакомый.

— Что это, какое-то китайское благовоние? — спросил Гериг, протягивая бутылочку Ли.

Тот понюхал. Его гладкое лицо сделалось озадаченным.

— Впервые слышу этот запах, лейтенант.

— Это нефрит? — спросил лейтенант, поднимая бутылочку повыше, чтобы посмотреть ее на свет.

Ли пожал плечами.

— Понятия не имею. Мое хобби — бейсбол. Но я знаю одного мужика, у которого можно спросить.

— Я тоже знаю такого, — сказал Гериг. — А давно ли этот... — лейтенант заглянул в блокнот, — давно ли этот Мутинами тут поселился?

— Меньше года, — сказал Ли. — В моих записях он значится с начала февраля.

— Вы случайно не знаете, чем он зарабатывал на жизнь?

— Студент. По крайней мере, так он записался в документах.

— Кто у него бывал?

— Понятия не имею. Мое дело — собирать квартирную плату и ремонтировать дом. За жильцами я не шпионю.

Ли повернулся, собираясь уйти. Гериг схватил его за руку так внезапно, что невысокого китайца развернуло и он бы упал, если бы лейтенант не удержал его.

— Ли! — сказал Гериг. — Мне неохота вытягивать из вас сведения по кусочкам. Давайте так: вы выкладываете все, что знаете об этом Мутинами. Это избавит вас от ночи, проведенной в участке.

— Вам не за что меня задерживать, — возразил Ли.

— Не волнуйтесь, что-нибудь придумаем.

— Мы, китайцы, народ законопослушный. Вы не имеете права так делать.

— Мне ничего и не придется делать, потому что вы, как законопослушный гражданин, расскажете мне все, что знаете о Мутинами и его приятелях.

— Ладно. Отпустите.

Ли отряхнулся, снял панаму, поправил ее и снова надел. Гериг достал из кармана пакет с вещдоками, сунул туда бутылочку. Потом скрестил руки на груди и подождал, пока Ли поправит галстук и заодно, видимо, обдумает свою историю.

— Про Мутинами и его приятелей мне ничего не известно. Вам следует знать, что Чайнатаун пользуется большой популярностью у японцев. У нас тут жили и другие японские бизнесмены. Можно предположить, что это были знакомые мистера Мутинами. А возможно, знакомые мистера Ахмади. Мне никто ничего не говорил. Может, они снимали эту квартиру на двоих с мистром Мутинами. Откуда мне знать? Имен их я не знаю. У нас ведь не полицейское государство. По крайней мере, пока.

— Нет, но все к тому идет, — сказал Гериг. — Ближе к делу, Ли! Я расследую убийство. Неужели вы предпочтете, чтобы я арестовал вас и допросил в полицейском участке?

— Я же говорил, что вам не понравится то, что вы увидите, — вздохнул Ли. — Я действительно рассказал вам все, что знаю. Могу я идти?

— Оставьте свое имя, адрес и телефон сержанту, который ждет внизу. И не пытайтесь уехать из города, не сообщив нам. Вот моя карточка. Я — лейтенант Гериг. Вспомните что-то еще, буду очень обязан, если вы мне позвоните.

— Да, — сказал Фошон. — У нас тут был похожий случай. Вчера вечером. Мне надо дождаться результатов вскрытия, чтобы быть уверенным. Но зеленая бутылочка вроде вашей тоже имела место быть. Я позвоню, когда узнаю что-то еще.

Глава 7

В середине дня в квартире Мариэль раздался звонок. Хоб открыл. На пороге стоял высокий, белокурый англичанин.

— Мистер Дракониан?

Хоб с некоторой опаской ответил: «Да».

— Я — Тимоти Бауэр. Брат Стенли. Этот французский полисмен был так любезен, что дал мне ваш адрес. Он сказал, что вы помогаете ему вести это дело.

Хоб пригласил Бауэра в квартиру и усадил на неудобную кушетку из черной кожи с хромированными ножками.

— Насколько я понимаю, вы частный детектив?

Хоб кивнул.

— Вы хорошо знали Стенли?

— Мы были почти незнакомы. Пару раз здоровались на вечеринках. По-моему, даже не разговаривали ни разу.

— Хм... да, — произнес Тимоти. — Простите, я не хочу лезть не в свое дело, но, если вы были почти незнакомы, почему вы помогаете французской полиции в расследовании?

— Стенли жил на Ибице, — сказал Хоб. — Я тоже большую часть времени живу именно там. А помогаю полиции я потому,

что инспектор Фощон избегает вмешиваться в дела иностранцев, которые даже не живут в Париже, и потому предпочитает, чтобы этим занимался я.

— Хм... да. Полагаю, вам известно, что Стенли был гомосексуалистом?

— Да. То есть я не уверен, что это правда, но на Ибице все так говорили.

— Увы, это правда, — вздохнул Тимоти. — Из Итона Стенли вернулся отъявленным педерастом. Мне не хотелось бы осуждать его теперь, однако для семьи это было таким испытанием...

— Почему? — поинтересовался Хоб.

Тимоти снисходительно улыбнулся.

— Вы представляете себе, что такое Британия? Маленький тесный островок. Все про всех все знают. Особенно в семьях военных. Наш род восходит ко временам Ричарда Львиное Сердце...

— Который, насколько я помню, тоже был голубым? Была там какая-то история с неким Блонделем...

— Да, это так. Но об этом предпочитают не упоминать вслух. Я хочу сказать, что в Британии гомосексуализм не приветствуется — в отличие от тех же Штатов.

О том, что в США приветствуется гомосексуализм, Хоб слышал впервые, однако предпочел не возражать.

— Да, все это чрезвычайно интересно, — вежливо сказал он. — Так чем могу служить, мистер Бауэр?

Тимоти Бауэр поджал губы. Ему явно было не по себе. Довольно красивый, загорелый мужчина, лет сорока с небольшим. Он ерзал на кушетке и, похоже, не знал, куда девать руки. Наконец он положил их на колени, обтянутые серыми камвольными брюками с безукоризненной стрелочкой, и сказал:

— Понимаете, это ужасно выбивает из колеи — когда твой родной брат вдруг оказывается убит.

— Да, конечно, — согласился Хоб без особого сочувствия. — Но это все же лучше, чем наоборот, вы не находите?

Бауэр предпочел пропустить замечание Хоба мимо ушей.

— Французская полиция, похоже, понятия не имеет, кто это сделал. А вы?

— Я тоже. Да и вообще, это не мое дело.

— Я французам не доверяю, — сказал Тимоти. — Особенно когда речь идет об убийстве иностранца, да еще голубого.

Хоб пожал плечами. Нет, особого сочувствия он действительно не испытывал.

— Мы со Стенли никогда не были особенно близки, — продолжал Тимоти. — Я служу в армии. А вы ведь знаете, что такое британские военные. Офицеры — это своего рода клуб. И голубые в нем отнюдь не приветствуются. Поймите меня правильно.

Сам я человек без предрассудков. Я не особенно стыдился Стенли, но, должен вам признаться, мне не хотелось, чтобы меня видели в его обществе. Мои друзья не так воспитаны. Поймите меня правильно, они замечательные люди, но гомосексуалист для них — тема для анекдота. А Стенли не скрывал своих сексуальных предпочтений. Да и почему, собственно, он должен был их скрывать? На самом деле это отчасти следствие семейного воспитания. Pater¹ учил нас никогда ничего не стыдиться. Хотя, конечно, кто же знал, что в нашей семье вырастет педераст?

«Должно быть, их папаша имел в виду, что не следует стыдиться, если тебе стыдиться нечего», — подумал Хоб.

— И тем не менее мне жаль Стенли. Я к нему неплохо относился, хотя его образ жизни вызывал у меня отвращение. К тому же он был моим братом. Я не хочу, чтобы это дело просто тихо задвинули. По-моему, всем известно, что французская полиция занимается подобными случаями без особого рвения.

— Глупости, — сказал Хоб. — Французская полиция вполне добросовестна, они не имеют обыкновения «задвигать» дела об убийстве.

— Но что они могут? Судя по тому, что сказал мне Фошон, это не похоже на разборки местных голубых. Стенли мог убить кто-то с Ибицы. Если это действительно так, убийца наверняка уже вернулся на остров. Вы согласны?

— Похоже, Стенли убили не без причины.

— Вероятно, в этом деле замешаны и другие иностранцы. Но ведь этот полицейский инспектор, Фошон, не полетит на Ибицу, чтобы попытаться расследовать убийство, верно?

— Нет, конечно, — согласился Хоб. — Пока что у него и нет особых причин это делать. Но он проведет расследование, можете не сомневаться.

— Не сомневаюсь. А испанская полиция ответит, что да, конечно, мы этим займемся, тапапа², и если кто-нибудь забредет в полицейский участок и сознается в убийстве, мы его непременно арестуем — разумеется, если он придет не во время сиесты. Нет, этого мало. Мне хотелось бы, чтобы этим убийством занимались со всей серьезностью.

— Так чего же именно вы хотите? — поинтересовался Хоб.

— Вы — частный детектив. Я хочу, чтобы вы нашли убийцу.

— Ну что ж, давайте обсудим. Во-первых, нам известно так мало, что найти убийцу может оказаться невозможным. Во-вторых, если мне все же повезет и я узнаю, кто это сделал, это еще не

¹ Отец (*лат.*) — так часто называют своих отцов воспитанники английских частных школ.

² В ближайшем будущем (*исп.*).

значит, что я сумею все доказать. Я хочу сказать, может случиться так, что я найду убийцу Стенли, но арестовать его не смогу.

— Ну что ж, я уверен, вы сделаете все возможное, — сказал Тимоти. — Я понимаю, надежды очень мало. Но все же я чувствую, что следует хотя бы что-то предпринять.

— Я постараюсь, — заверил его Хоб.

Тимоти достал чековую книжку, ручку с вечным пером и выписал Хобу чек на пятьсот фунтов.

— Я вовсе не богат, — сказал Тимоти. — Это все, что я могу себе позволить. Больше денег я не дам. Уверен, за эту сумму вы сделаете все возможное.

— Что смогу — сделаю, — пообещал Хоб. — Куда отправить результаты расследования? И как их передать — по телефону или только письменно?

— Результаты мне не нужны, — ответил Тимоти. Хоб видел, что он, очевидно, решил, как действовать, еще в самолете, по дороге из Лондона. — Когда вы найдете убийцу — если найдете, — будьте так любезны, напишите мне на адрес моего клуба.

Он вручил Хобу свою визитную карточку.

— И, будьте так любезны, не указывайте на конверте своего обратного адреса. В моем положении следует прежде всего любой ценой избежать скандала.

Хобу все это не очень понравилось, но он согласился. Одна из обязанностей частного детектива — принимать деньги от людей, которые пытаются откупиться от своей совести, укоряющей их в том, что сами они ничего не сделали. С точки зрения детектива, дело было вполне законное.

Глава 8

На следующий день Хоб отправился в кафе «Аржан» на площади Сен-Габриэль. В другое время он взял бы с собой Найджела, своего главного помощника, но Найджел зачем-то умотал в Англию. Поэтому Хобу пришлось взять своего другого парижского помощника, Жан-Клода, тощего, жилистого мужичка лет тридцати с небольшим, с напوماженными черными волосами и тоненькими усиками. Жан-Клод, как всегда, выглядел человеком подозрительным и опасным, и вообще неприятным. Сегодня он надел полосатую рубашку апаш и черные брюки в обтяжку.

Когда к ним подошел официант, чтобы взять заказ, Хоб попросил позвать владельца кафе. Явился владелец — невысокий, коренастый, лысеющий человек, доброжелательный, но задерганный.

— Я был здесь вчера вечером, — сказал Хоб. — Я помогаю французской полиции вести расследование.

— Да, мсье.

— А это мой помощник, Жан-Клод.

Владелец слегка кивнул. Жан-Клод нехорошо прищурился.

— Нам хотелось бы побольше разузнать о человеке, который обедал с убитым.

Владелец широко развел руками.

— Я уже говорил инспектору, что обслуживал их лично. Все, что я успел заметить, я уже рассказал.

— Понимаю, — сказал Хоб. — Но мне пришло в голову, что это немного странно, когда владелец сам обслуживает клиентов, если на то есть официанты.

— Ничего странного, — возразил владелец. — Смена Марселя закончилась, поэтому я сам подавал то, что было заказано.

— А принимал заказ Марсель?

— Да, конечно. Он все записал, отдал бумажку мне, снял фартук и ушел. В наше время молодые люди очень строго придерживаются правил профсоюза, когда эти правила работают в их пользу.

— Инспектору Фошону вы этого не говорили.

— Просто из головы вылетело — я был совершенно не в своей тарелке. Да и к чему? Обслуживал их я, и я уже рассказал все, что видел — то есть почти ничего.

— Да, конечно. Не будете ли вы так любезны попросить Марселя подойти к нашему столику? Мне хотелось бы задать ему несколько вопросов. Быть может, он видел что-то, что ускользнуло от вашего внимания.

Хозяин кафе пожал плечами с таким видом, словно хотел сказать: «Ну и денек!» Однако тем не менее направился к стойке и подзвал молодого человека, обслуживавшего столик в дальнем углу.

Марсель оказался юным, худощавым, белокурым и симпатичным. Похожим на молодого Жан-Пьера Омона. И к тому же он, видимо, завивался.

— Да, заказ принимал я. Но ничего необычного не заметил. Они просто сидели и довольно мило беседовали. А когда все это случилось, я уже ушел, вы же знаете.

— О чем они говорили? — спросил Хоб.

Марсель вытянулся с оскорбленным видом.

— Я никогда не подслушиваю разговоры клиентов, мсье!

Тут вмешался Жан-Клод.

— Слушай сюда, mon vieux! Я с тобой не шутки шутить пришел. Ты ведь официант, n'est-ce pas?² А официанты все любят совать нос не в свое дело. Так что давай, выкладывай, что тебе уда-

¹ Старик (франц.).

² Не так ли? (франц.)

лось подслушать. Иначе я приду сюда еще раз, да не один, а с дружками. Не с такими, как мой коллега Хоб. Хоб — он джентльмен. А мои дружки умеют добиваться своего, понял, мальчик? Мы заставим тебя рассказать даже про то, чего не было. Так что лучше бы сказал нам все сейчас по-хорошему и избавил нас от хлопот, а себя — от неприятностей, понял?

Хоб поморщился, однако промолчал. Он не одобрял методов Жан-Клода, считая их чересчур грубыми. Но, следует признать, эти методы были действенными. Удивительно, до чего просто запугать человека!

— Мсье, вам незачем мне угрожать, — с достоинством ответил Марсель. — Повторяю, я не привык подслушивать. К тому же они говорили по-английски и по-испански, а я этих языков не знаю.

— Не испытывай мое терпение! — пригрозил Жан-Клод. — Ты что-то знаешь, провалиться мне на этом месте! Я это вижу по твоей глупой харе и по тому, как ты переминаешься с ноги на ногу. Кончай вилать! В последний раз говорю, рассказывай все, что может нам пригодиться.

— Я почти ничего не знаю, — сдался Марсель, — но, может, вам пригодится карта?

— Карта? Какая карта? Про карту хозяин ничего не говорил.

— Должно быть, они убрали ее прежде, чем он подошел.

— Ну, так что за карта?

— Они тыкали в нее пальцами и смеялись. Мсье, я действительно не понимал, что они говорят. Но вели они себя так, словно обменивались воспоминаниями и указывали на места, где произошли какие-то события.

— А что за карта?

— Дорожная карта, с расположением бензоколонок. Испанская.

— А какого места?

— Я не видел. Наверно, часть Испании.

— Оч-чень хорошо, — сказал Жан-Клод. — Ну, раз ты начал, так продолжай. Что еще?

— Больше ничего, мсье.

— Должно быть что-то еще! Как выглядел тот человек?

— Он сидел в тени. Но я заметил, что он очень загорелый. Похоже, средних лет. И на пальце у него было кольцо с изумрудом.

— Ты уверен, что это был изумруд?

— Может, и стекляшка, откуда я знаю? Но она была бриллиантовой огранки. Какой дурак станет так возиться со стекляшкой?

— Что еще ты можешь сказать про его внешность?

— Ничего, мсье.

- Ну, тогда насчет их разговора. Хоть что-то ты помнишь?
- Только «а votre sante»¹. Это они сказали по-французски.
- Когда чокались. Потому я и запомнил.
- Который это сказал?
- Другой. Не тот, которого убили.
- А тот, которого убили, что ответил?
- Он ответил: «И вам того же, сеньор».
- Сеньор — а дальше? Имя он назвал?
- Понятия не имею. Он издал такой странный булькающий звук. Возможно, это было испанское «р», мсье. Остального я не разобрал. Это все, мсье! Правда, все!
- Молодец, — сказал Жан-Клод, похлопав официанта по щеке. — Видишь, как хорошо получилось? Ну что, Хоб, пошли? Здесь мы больше ничего не раскопаем.
- Ну, и что это нам дает? — осведомился Жан-Клод, когда они вышли на улицу.
- Смуглый или загорелый мужчина. Родной язык которого, скорее всего, не французский, а, вероятно, английский либо испанский. И в его имени, возможно, есть двойное испанское «р».
- Не густо, — заметил Жан-Клод.
- И все же кое-что. Может, на Ибнице мне удастся узнать побольше.
- Хочешь, я поеду с тобой? — спросил Жан-Клод.
- Был бы очень рад. Но тебе придется самому оплачивать проезд и все расходы. Финансы агентства в плачевном состоянии.
- Ну, тогда я останусь тут, в Париже, столице мира. Я просто хотел помочь...
- Чрезвычайно любезно с твоей стороны.

Глава 9

Фошон показал Хобу записную книжку Стенли.

— Одолжение коллеге, — саркастично заметил он.

Единственное имя, которое что-то говорило Хобу, — Эрве Вильморен, молодой французский балетный танцовщик, который делил свое время между Парижем и Ибницей. Фошон уже допросил его, но теперь Хоб расследовал дело Стенли по поручению Тимоти Бауэра и потому решил, что лишний разговор с Эрве не помешает. К тому же Фошон не показал ему результатов беседы.

Эрве неохотно согласился встретиться с Хобом в своей квартире на рю де Пере, которую он делил с еще несколькими танцовщиками. Хоб явился часов в одиннадцать утра. Эрве был молод,

¹ За ваше здоровье! (франц.)

очень строен, мускулист. Русые волосы подстрижены под Ниджинского в «Послеполуденном отдыхе фавна». Он был одет в хорошо пошитые синие джинсы в обтяжку, подчеркивавшие крепкие бедра, и голубой кашемировый свитер с закатанными рукавами, обнажавшими безволосые смуглые руки.

— Я уже рассказал инспектору Фошону все, что знаю! — предупредил Эрве.

Хоб покачал головой.

— Позвольте уточнить. Вы рассказали инспектору Фошону все, что сочли возможным. Эрве, меня вы знаете. Я вас не заложу. Стенли продавал наркотики?

— Только не мне! — улыбнулся Эрве. — Я наркотиков не покупаю. Мне их и так дают.

— Я вовсе не обвиняю вас в том, что вы тратили на них свои деньги, — сказал Хоб. — Но ведь у вас куча друзей, которые их употребляют?

— На этот счет я ничего не знаю, — ответил Эрве.

— Да брось, Эрве! Мы же с тобой вместе ловили кайф. На тусовке у Джонстона. Ты пришел с Эльмиром де Ори, помнишь?

Все это время Эрве старался быть серьезным. Но теперь его точеные губы расплылись в невольной улыбке.

— Славный был вечерок!

— Да, и калифорнийская дурь неплоха. Послушай, Эрве, я вовсе не пытаюсь тебя подловить на чем-то незаконном. Я просто хочу узнать, почему убили Стенли. Я работаю на его брата. Я не стану доносить ни о чем из того, что ты мне расскажешь.

Эрве поразмыслил и, видимо, решил, что Хобу можно доверять.

— Он продавал новый наркотик. Сказал, он называется «сома». Стенли с него тащился. Говорил, что это ужасно дорогая штука, но совершенно забойная. Я дал ему несколько имен. Ты же знаешь парижан, вечно гоняются за последними новинками.

— А ты сам его пробовал?

Эрве покачал головой.

— Мы со Стенли собирались попробовать вместе. Сегодня вечером... — его лицо печально вытянулось.

— А эти люди, которым он его продавал, — кто они?

— Ну, Хоб, ты же знаешь, что имен я называть не стану! Даже тебе, мой дорогой. К тому же ни один из этих людей не мог быть замешан в убийстве Стенли. Богатые парижане не убивают тех, кто поставяет им наркотики. Ты это знаешь не хуже меня.

— Но ты можешь хотя бы сказать, с кем он виделся последним?

— Ах, Хоб, это тебе ничего не даст! К тому же я не знаю.

— Ну же, Эрве! Мне нужно хотя бы одно имя. Мне надо с чего-то начать. Перед тем как Стенли убили, он жил у тебя?

— Я уже говорил об этом Фошону.

— Значит, ты должен знать, с кем он встречался последним.

Эрве вздохнул.

— Ну ладно. Если тебе так уж важно, это был Этьен Варгас. Ты ведь знаешь Этьена? Высокий, хорошенький мальчик из Бразилии, который приезжал на остров несколько месяцев тому назад.

— Нет, не знаю. Он встречался со Стенли?

— Нет, мой дорогой. Этьен, к сожалению, стопроцентно гетеросексуален. Он встречается с Аннабель. Аннабель-то ты знаешь?

— Да. Немного. Она тут, в Париже?

— Насколько мне известно, нет. Этьен, похоже, приехал без нее.

— А где он остановился?

— Наверно, в каком-то отеле. Где именно — не знаю.

— Он был один или с кем-нибудь?

— Не знаю. Когда я его видел, он был один. Сказал, что у него свидание со Стенли.

— Как он себя вел?

Эрве пожал плечами.

— Бразилец! Чего от них ждать?

— В смысле, он не нервничал?

— Насколько я заметил, нет.

— Он приходил сюда, к тебе?

— Да. Сказал, что должен встретиться со Стенли. Я ему ответил, что Стенли ушел. Спросил, не передать ли чего. Он сказал, не надо. Мол, они назначили встречу позднее, но он проходил мимо и решил заглянуть. И ушел. Хоб, только никому ни слова! Я тебе этого не говорил!

— Не беспокойся. Не можешь ли ты сказать, кому еще Стенли продавал эту «сому»?

— Я дал ему с поддюжины имен. Купил ли кто-то у него, я не знаю. Правда не знаю, Хоб.

— А как насчет Этьена? Как ты думаешь, он мог ее купить?

— Ну, он достаточно богат для этого. Семейство Варгас занимает видное положение в Рио-Де-Жанейро. У его отца — вилла на острове, знаешь, недалеко от Сан-Хуана. Я тебе говорил, что эта штука довольно дорогая. Но кому он ее продавал — не знаю.

— А где Этьен теперь, ты, наверно, тоже не знаешь?

— Понятия не имею, дорогой. Наверно, вернулся на Ибицу.

Часть II

ИБИЦА

Глава 1

Хоб выглянул в иллюминатор и увидел далеко внизу, под тонкой облачной пеленой, остров Ибицу, неожиданно появившийся в разрыве облаков. Хоб сидел рядом с бизнесменом, грузным и надоедливым, который начал разговор с рассказа о том, что сам он из Дюссельдорфа, в Париже был по делу, управился быстро и решил провести выходные на испанском острове Ибица. А Хоб там бывал? Не дожидаясь ответа, бизнесмен сообщил, что у него есть приятель, который живет в новом кондоминиуме рядом с Санта-Эюлалиа — «Штурмкениг» называется. Хоб когда-нибудь слышал про это место? Про него писали в журнале «Европейская архитектура», что это «оригинальное нагромождение старых и новых стилей». Три плавательных бассейна, коринфская арка, эстрада в форме морской раковины и три ресторана, один из которых получил четырех поросят по рейтингу журнала «Международный гурман». В кондоминиуме есть свои магазины и продуктовые лавки и, что очень важно, свой немецкий мясник, который готовит колбасу, Schweinefleisch¹ и прочие хорошие мясные продукты, совсем как дома. Последовала небольшая лекция о колбасах, завершившаяся сообщением:

— Насчет колбас я очень разборчив! Настоящую колбасу умеют делать только немцы. Французские колбасы выглядят забавными, но в них слишком много чеснока, а так они совершенно безвкусны. Английские колбасы делаются тяп-ляп, и на вкус они как опилки — точь-в-точь как английская политика. Нет, колбасу по-настоящему умеют делать только в Германии. Особенно в Дюссельдорфе.

В продолжение всей речи Хоб лишь кивал. В наше время подобные старомодные шовинистические речи можно услышать так редко! А Хобу нравились махровые националисты. Он их коллекционировал. Европа представлялась ему большим Диснейлендом, где каждая страна одевается в свои национальные цвета и костюмы, поставляет свои продукты, имеет свои особые обычаи и своих типичных представителей, которые всегда рады поговорить о себе. Хоб находил очаровательным, что итальянцы так ревностно привержены своим макаронам, а скандинавы своему шнапсу, и так далее, вплоть до бельгийцев с их мидиями и ром-

¹ Свинина (нем.).

mes frites¹. Но, как правило, Хоб осуждал себя за подобный циничный и легкомысленный взгляд на вещи. Как может нормальный человек восхищаться этой кукольной эксцентричностью? Ну хорошо, пусть даже настоящей, неподдельной эксцентричностью, все равно. То, чего он ищет, не имеет отношения к современной реальности. Европа давно перестала быть Диснейлендом. Она предельно серьезна. Но не с точки зрения американцев — которые, на свою беду, даже японцев не способны воспринимать серьезно. Американцы ездят в Европу не затем, чтобы прикоснуться к реальности. Реальности им и дома по уши хватает. Они едут за местным колоритом. А где они его не находят, там выдумывают.

Самолет лег на крыло и развернулся. Внизу открылась вся Ибица. Островок крохотный, современный реактивный самолет пролетает над ним меньше чем за минуту. Посередине — горный хребет, к югу от него — долины, на севере — крутые утесы, обрывающиеся в море. Над горячей свалкой рядом с Санта-Каталиной виднелся столб дыма. Свалка полыхала круглые сутки. Это было бельмо на глазу для всего острова. А потом самолет пошел на посадку. Загорелась табличка «Пристегните ремни».

И вот наконец Хоб спустился на пыльный асфальт и зашагал к багажному отделению. За ограждением толпились люди, встречающие друзей и любимых. Ждет ли его кто-нибудь? Вряд ли. В последний раз он был на острове с полгода тому назад, когда приезжал на свадьбу Гарри Хэмма.

Хоб быстро покинул аэродром, сел в такси и наконец-то вдохнул знакомые запахи острова: тимьян и жасмин, апельсины и лимоны. Мимо пронеслись низенькие квадратные домики по дороге в Ибица-Сити. Впереди показалась Дальт-Вилья, нагромождение белых кубов, растущих из земли, мечта кубиста, старинный городок, напоминающий греческие Киклады.

Водитель пытался болтать с ним на своем зачаточном английском. Но Хобу разговаривать не хотелось. Он слишком дорожил этими первыми минутами на острове. Высматривал знакомые приметы вдоль дороги. Карта Ибицы усеяна памятниками местной истории. Вон то место, где испанские копы из отдела по борьбе с наркотиками арестовали Малыша Тони. У той кучи камней раньше стоял бар Арлен — Элиот Поль захаживал туда пропустить стаканчик, пока фашисты не сровняли забегаловку с землей. А вон то место, где ты встретился с Алисией в ваше первое золотое лето. А вон и опасный перекресток, где в один прекрасный вечер Ричард-Сицилианец слетел с дороги на своем здоро-

¹ Жареной картошкой (франц.).

вом бандитском «Ситроене», снес хибару местных жителей и задал брата с сестрой, которые там жили. Говорят, он застиг их в одной постели. Но он не успел никому об этом рассказать. Приехала гражданская гвардия и забрала его в больницу — Ричард сломал себе руку. А по дороге он умер по непонятной причине.

Первую остановку Хоб сделал в Санта-Эюлалиа. Вышел из такси у пункта проката, и нанял себе семисотый «Сеат». Выехал на нем на дорогу в Сан-Карлос, сразу за поселком уходящую в горы. У него поднялось настроение. Проезжая через Сан-Карлос, Хоб увидел полдесятка хиппи. Они пили пиво и пели под гитару за деревянными столиками у бара Аниты. Хоб проехал извилистое шоссе — на холме слева дом Робина Моэма — и свернул на каменистую дорожку, ведущую к его фазенде, К'ан Поэта. Поставил машину на площадку перед гаражами под большим рожковым деревом. Вид дома с его благородными пропорциями доставил Хобу несказанную радость. Архитектор говорил, что вилла выстроена в полном соответствии не то с золотой серединой, не то с золотым сечением, Хоб точно не помнил. Но, как бы то ни было, фазенда была хороша. Два крыла, соединенные трехэтажной постройкой, на которой сейчас сушилось белье. Хоб спустился по трем ступенькам к облицованной камнем калитке, витой виноградом. Дома оказалась только маленькая черноволосая девушка в розовом купальнике. Она лежала в гамаке и читала книгу Алистера Маклина в мягкой обложке. Хоб ее раньше никогда не видел. Девушка сказала, что ее зовут Салли и что она подружка Шоула. Шоул был израильский приятель Хоба. Еще девушка сообщила, что все ушли на пляж. А он кто такой? Хоб объяснил, что он хозяин дома. Девушка похвалила дом и Хоба — за гостеприимство.

Хоб зашел внутрь, бросил вещи в своей комнате на третьем этаже, переоделся в белые хлопчатобумажные шорты, серую футболку с тремя пуговицами и сандалии. Потом снова вышел и поехал по дороге на Сан-Карлос, обратно в сторону Санта-Эюлалиа, свернул у Сес-Пинес и направился в глубь острова, в долину Морна, вдоль миндальных плантаций. Скоро дорога начала подниматься вверх, к Седос-дес-Секвинес, горному хребту, который высился посреди острова. Маленькая легковушка преодолевала подъем без особых трудностей. Узкая асфальтовая дорога сменилась грунтовой и продолжала взбираться на кручи. Несколько раз приходилось объезжать скальные выступы, нависающие над дорогой. На Ибице при строительстве дорог предпочитали обходить препятствия, а не взрывать их. В конце концов Хоб проехал последний крутой поворот и увидел впереди, там, где дорога спу-

скалась в седловину, сложенную всухую каменную изгородь, которой была обнесена вилла Гарри Хэмма.

Хоб оставил машину на площадке, специально вырубленной посреди колючих зарослей кактусов, рядом с «Сеатом» Гарри. Прошел вдоль каменной изгороди и увидел дом, выстроенный на противоположном склоне холма. Маленький фермерский дом, которому было уже лет двести, а вокруг — четыре-пять гектаров расчищенной земли. Повсюду было удивительно чисто, как всегда на фермах Ибицы, за исключением тех, что принадлежали «людям с полуострова», — так именовали здесь испанцев с материка. По одну сторону тянулись амбары, все еще наполовину забытые вездесущими плодами рожкового дерева. Хоб отсюда уловил их характерный приторно-сладковатый аромат. Он не слишком любил этот запах, но он ассоциировался с островом, а потому все же был дорог Хобу.

Сам дом тоже был типичным — подобранные по размеру камни, скрепленные глиной, поверх обмазанные цементом и штукатуркой. Как почти везде на острове, размер главной комнаты определялся длиной ствола белого дуба, служившего центральной балкой. Когда балка ставилась на место, к ней присоединяли прямоугольные дубовые стропила, потом все это заваливали хворостом и утрамбовывали глиной. Крыша была плоская, с наклоном к середине, чтобы собирать дождевую воду. Вода попадала в водосток, затем — в подземную цистерну, откуда Гарри по мере необходимости перекачивал ее насосом в бак на крыше.

Даже окна оставались прежними, хотя Гарри собирался как-нибудь их обновить. Но все медлил. Он гордился старинными узкими окошками, которые в былые времена защищали жителей дома от зимних холодов и не пускали внутрь сарацинских пиратов из Алжира и Марокко, совершавших набеги на остров чуть ли не до середины XIX века. До побережья Северной Африки отсюда было меньше сотни миль, и сарадины занимались здесь разбоем в течение многих столетий. Так как до властей далеко, не дозвешья, жители Ибицы научились сами о себе заботиться. Каждая деревня, каждое отдельное строение были крепостью или, по крайней мере, укреплением, рассчитанным на то, чтобы не впускать пиратов, пока не явится подмога. Теперь вместо сарацинских пиратов остров посещали английские и немецкие туристы — а эти давали больше, чем брали. Хоб временами думал о том, на пользу ли пошли Ибице такие перемены. Борьба с пиратами развивала в жителях отвагу и независимость. А туристы принесли на остров страшную безвкусицу, «Макдоналдсы» и целые скандинавские, немецкие и французские «поселки», которые выглядели гротескно, потому что строители сознательно пытались воспроизвести

стили соответствующей архитектуры. Американских «поселков» пока не было, но этого явно недолго ждать.

Во дворе копалось в песке несколько кур. Наверняка Марии-на работа. Такие люди, как Гарри Хэмм, не созданы для того, чтобы держать кур. Но насчет жены Гарри ничего нельзя было сказать наверняка, кроме того, что она прекрасна, величественна и слишком хороша для него — грузного, лысеющего отставного копа из Джерси-Сити, штат Нью-Джерси, ныне — неоплачиваемого партнера Хоба Драconiана по детективному агентству «Альтернатива».

Хоб прошел дальше вдоль изгороди и окликнул:

— Эй, Гарри! Ты дома?

Его крик раскатился по двору, подхваченный гулким эхом соседнего утеса. Поначалу ответа не было. Потом из дома выбежал крупный лысеющий мужчина с брюшком в рабочих штанах цвета хаки, белой рубашке и мягких сандалиях на веревочной подошве, какие носили на острове.

— Хоб! Заходи!

Гарри распахнул калитку и провел Хоба во двор. Теперь Хоб увидел машину Гарри, «Ситроен» испанского производства, стоящий рядом с амбарами.

— Вовремя ты появился! — сказал Гарри. — А то уговорил меня работать в этом твоем агентстве, а сам смылся в Париж и оставил меня тут покрываться плесенью.

— В объятиях Марии! — напомнил Хоб.

— Ну, да, так-то оно так, — ухмыльнулся Гарри. — На самом деле, тут чудесно. И все-таки приятно иногда потолковать со своим братом американцем.

— А чем тебе местные не по вкусу?

— Ну, с ними-то я уживаюсь. А вот французы и англичане мне и впрямь не по душе.

Такова была судьба Гарри, что, ни в коей мере не будучи космополитом, он изумительно вписался в жизнь аборигенов Ибицы. Гарри вполне мог бы родиться ибисенцем — он разделял большую часть их предрассудков и обладал многими из их добродетелей.

— Все в порядке? — спросил Хоб.

— Ага, все чудесно. Но мне надо повидать Новарро. Он просил привезти тебя, если ты вдруг появишься.

Новарро был лейтенантом гражданской гвардии — то есть местной испанской полиции. Хоб не мог назвать его другом, но они много лет были хорошими знакомыми.

— А по какому делу?

— Да была у меня тут одна мелкая неприятность позапрошлой ночью. Ничего серьезного. Потом расскажу.

Гарри провел Хоба на кухню — большую и веселую, с цвет-

ными эстампами местных художников на беленых стенах. Тут стояли холодильник и плита. И то, и другое работало на газу из баллонов. Еще на кухне висела газовая лампа, горевшая, несмотря на то что на дворе стоял ясный день, — окно было только одно, и притом очень узенькое. Гарри вообще-то недолго любил газовую лампу — она шипела и распространяла слабый, но неприятный запах. Он предпочитал возиться с керосиновыми «лампами Аладдина». Ему нравился их мягкий золотистый свет, и он взял на себя обязанность их чистить и подрезать фитили, потому что Мария, со своей практичностью истинной жительницы Ибицы, не видела в керосиновых лампах ничего романтического. Зачем они, когда бутан куда дешевле и проще в употреблении? Да и вообще, зачем это все, когда можно за пару сотен долларов провести электричество от трансформатора на шоссе? Однако Гарри не соглашался. Ему нравилось, что на вилле нет электричества. Это тешило его романтическую натуру. Марии нравился его романтизм, но объяснить это ее сестрицам, не говоря уж о тетушках, дядюшках, кузенах, кузинах и прочей многочисленной родне, было куда как непросто.

— Он не любит электричества, — говорила им Мария. — У него вообще старомодные вкусы, хоть он и американец.

Семейство ставило ей на вид, что американцам такими быть не положено. «А мой — такой!» — отвечала Мария, и родственники затыкались, потому что других американцев в семье не было.

Гарри вычистил кофейник, налил воды и поставил на огонь. Откупорил две бутылки пива «Дамм», чтобы не скучать, пока варится кофе. Потом поискал в холодильнике ветчины — замечательной ветчины, которую постоянно жуют испанцы. Вот почему те из них, кто побогаче, обычно толстые.

— Расслабься, — сказал Хоб. — Позже съездим пообедать. У Хуанито сейчас открыто?

— Нет, только с той недели. Но «Ла Эстрелья» работает, к тому же открылся еще один новый ресторанчик, «Лос Аспарагатос», с итальянской кухней. Говорят, довольно приличный.

— Ну что ж, посмотрим. Как Мария?

— Мария — просто чудо! — сказал Гарри.

Они с Марией поженились всего полгода назад, в белой церкви Сан-Карлоса. Хоб был шафером. Мария была очаровательна в сшитом вручную бабушкином атласно-кружевном подвенечном платье. Хоб вспомнил, как бросалась в глаза разница между ее лицом — оливковым овалом — и квадратной, красной американской физиономией Гарри. Венчал их отец Гомес, духовник Марии, предварительно удостоверясь, что полузабытые устои католической веры Гарри еще не рухнули окончательно. Гарри пообещал в будущем почаще заглядывать в церковь. Отец Гомес от-

лично знал, что он не выполнит своего обещания, но формальности были соблюдены, а сам отец Гомес, каталонец из Барселоны, был не тот человек, чтобы ставить рогатки преумножению человеческого счастья.

— Что ж ты не предупредил, что приедешь? — упрекнул Гарри.

— Не успел, — объяснил Хоб. — Пять часов назад я и сам не знал, когда вылетаю из Парижа.

— А что стряслось-то? — спросил Гарри, вытряхивая сигарету из своей пачки «Румбос».

— Необходимо выяснить пару вещей.

— Например?

— Мне надо разузнать насчет мужика по имени Стенли Бауэр.

— Слышал про такого. Англичанин? Вроде как живет на острове?

— Он самый. Его грохнули в Париже три дня тому назад.

Гарри кивнул.

— А нам какое дело? Он что, был нашим клиентом?

— Его брат нанял меня, чтобы найти убийцу. И Фошон тоже хочет, чтобы я занялся этим делом. Он говорил насчет нашей лицензии на работу в Париже...

— По-оная, — протянул Гарри. — И что нужно разузнать про того мужика?

— Хотелось бы выяснить, чем таким он тут занимался, за что его могли грохнуть в Париже. С ним должен был встретиться человек по имени Этьен Варгас, который живет на острове. И еще такое дело: за несколько минут до того, как Стенли убили, он пил с каким-то мужиком. Не Варгасом. Мужик ушел. А буквально через несколько секунд Стенли сделали.

— А что тебе известно про того мужика, с которым он пил?

— Почти ничего. Средних лет, смуглый либо загорелый. Носит кольцо с большим камнем, похожим на изумруд. Они говорили по-испански и по-английски, рассматривали испанскую дорожную карту, возможно, карту Ибицы. А еще человеку, который нам это сообщил, показалось, что в имени того мужика есть испанское двойное «р».

— Замечательно, — сказал Гарри. — По этим приметам найти человека ничего не стоит. Ладно, попробуем. Сколько у нас на Ибице смуглых испаноговорящих людей? Всего около миллиона?

— Я и сам знаю, что это немного. Но попробовать можно. А еще такое дело. Мне надо поговорить с Кейт насчет кой-каких стеклянных бутылочек.

Гарри посмотрел на Хоба с подозрением.

— Кейт? Это ведь твоя бывшая жена?

Хоб кивнул.

— Хоб, ты говорил, что с этой дамой у тебя все кончено.

— Да, конечно. Но мне надо узнать у нее одну вещь.

— Какую?

— Это связано с убийством Стенли. Ты когда-нибудь слышал о наркотике, который называется «сома»?

Гарри подумал, потом покачал головой.

— Он новый, — сказал Хоб. — Дело международного масштаба. Возможно, очень серьезное.

— А Стенли Бауэр тут при чем?

— Слушай, я тебе все объясню сегодня вечером за обедом. Где Мария?

— На Майорку уехала. Какое-то семейное торжество. Хоб, объясни сейчас. В чем дело?

— На трупе Стенли нашли маленькую зеленую бутылочку.

— Ну и что? Тебе-то что до этого?

— Французская полиция этой бутылочкой очень заинтересовалась. Могут появиться и другие такие же. Они хотят знать, кому принадлежит бутылочка и где ее взял Стенли.

— Да, конечно. И все-таки...

— Гарри, в этой бутылочке была та самая «сома». А я почти уверен, что бутылочка — моя.

Гарри Хэмм прищурился.

— Твоя? Какого черта?.. Ты уверен?

— Думаю, да. У меня их была целая куча. Они очень приметные. Я привез сотни три таких из Индии вместе с сари в те времена, когда снабжал хиппи.

— И что ты в них наливал?

— Духи. Дешевые жасминовые благовония из Кашмира. Хорошо шли. Но эти бутылочки очень подходят и для гашиша.

— Хоб, Христа ради...

— Не дури, Гарри. Это было сто лет назад. Я уже давным-давно завязал. А про эти бутылочки и вовсе забыл. Но в свое время они были моей торговой маркой. Мне надо выяснить, кто их использует. Пока полиция не вышла на меня.

— А где ты их видел в последний раз?

— Они валялись в сарае у меня на фазенде.

— На которой, Хоб?

— На К'ан Доро, той, которой сейчас владеет Кейт.

— Да, пожалуй, лучше обсудить это с ней.

Глава 2

Фазенда Кейт была в Санта-Гертрудис. Покинув Гарри, Хоб спустился с гор на шоссе, а потом через долину Морна — на главную магистраль. Проехав через Санта-Эюлалиа, он свернул к

Ибице, затем повернул направо, на дорогу, ведущую к Сан-Антонио-Абад, а спустя милю, повернул к маленькой вилле в стороне от дороги.

Во дворе стояли две машины: одна — старенький голубой «Ситроен» Кейт, другая — довольно новый микроавтобус «Форд» американского производства. Хоб поставил свою машину рядом. У него уже начало сосать под ложечкой.

Не успел он захлопнуть дверцу, как Кейт уже выбежала из дома во двор.

— Хоб! Вот здорово!

Она выглядела по-прежнему хорошо. Точнее, она еще больше похорошела с тех пор, как Хоб видел ее в прошлый раз. Яркий сарафан, обнажающий плечи, белокурые волосы — темно-золотые, а ближе к концам почти белые, пушистые и развевающиеся на ветру...

Хоб затаил дыхание. Потом перевел дух. Спокойно, парень! Она ведь всегда сводила тебя с ума.

— Привет, Кейт. Я тут проезжал мимо и решил заскочить, посмотреть, как ты.

Кейт была женщиной среднего роста, лет тридцати с небольшим, с улыбкой, как солнечный луч. Теперь она чуточку располнела, но все равно была хороша. Ее странный аромат надолго задерживался в памяти — один из этих темных мускусных запахов, невероятных и неотразимых. Живое воплощение солнечного света — так он называл ее когда-то.

— Ну что ж ты стоишь, заходи!

Она повела его в дом — маленькое современное бунгало. На крылечко вышел мужчина — высокий, поджарый, мускулистый, с маленькими усиками, изящные небольшие ноги в кроссовках, шикарный белый костюм, на порочном смуглом лице — скучающее выражение.

— Хоб, это Антонио Морено. Не знаю, знакомы ли вы? Сеньор Морено — художник, приехал из Мадрида. Довольно известный. Я знаю, ты почти не следишь за событиями в мире искусства, но, может, ты все же слышал о его настенной росписи с убитыми лошадьми в галерее Монтьюич? Она наделала много шума. Сеньор Морено согласился показать мне кое-какие свои произведения. Я сейчас работаю агентом галереи «Мадрас» в Ла-Пене. Мы надеемся, что сеньор Морено разрешит нам выставить некоторые из его работ. Сеньор Морено, это Хоб Дракониан, мой бывший муж.

— Здравствуй, — зло буркнул Хоб.

— Encantado!¹ — насмешливо пропел Морено.

¹ Я в восхищении! (исп.)

— Мне на самом деле нужно поговорить с Хобом, сеньор Морено, — объяснила Кейт. — Может, вы пока съездите в отель за теми холстами, которые обещали мне показать, и вернетесь где-нибудь через полчаса?

— Да, конечно, — кисло ответил Морено. И уехал в своем американском «Форде».

Кейт провела Хоба на уютную заднюю веранду и налила ему и себе холодного чая.

— Дети в Швейцарии с Дерекком. Они ужасно огорчатся, когда узнают, что ты заезжал без них. Что-то у тебя вид такой усталый?

— Отсутствие преуспевания утомляет, — объяснил Хоб. Про Дерекка он расспрашивать не стал. И мужественно удержался от вопросов о том, есть ли между ними с Морено что-то, кроме убитых лошадей. Все равно ведь не скажет...

— Что, агентство в застое?

— Да нет, дела идут, только денег нет.

— Ну, может, все еще наладится, — сказала Кейт.

Хоб кивнул, глядя в сторону. Этот Морено испоганил ему целый день, если не целый месяц. Хоб терпеть не мог видеть рядом с Кейт других мужчин, даже Дерекка, с которым она жила уже почти пять лет. Глупо, конечно, надеяться, что у них с Кейт еще что-то может получиться. Пора делать свое дело да возвращаться в Париж. К Мариэль. Тьфу! «Пора менять свою жизнь», как сказал Рильке.

— Слушай, Кейт, мне надо спросить у тебя одну вещь. Помнишь те мои зеленые стеклянные бутылочки? Ну, которые я привез из Индии лет двадцать тому назад?

— А как же, конечно, помню, — сказала Кейт. — Ты в них еще гашиш продавал.

Хоб поморщился.

— Когда мы с тобой разошлись, я оставил уйму таких бутылочек, пустых, в заднем сарае...

— Ой, да ты там оставил кучу всякого барахла! И коровьи шкуры, и эти уродские вышитые кошелечки из Индии... И еще перья — у тебя были целые кипы этих перьев!

— Ничего удивительного. Я продавал это барахло хипповским торговцам для еженедельных ярмарок.

— В общем, полно всякого. И еще стеклянные четки — Господи, эти стеклянные четки! Что ж там еще-то было?

Кейт приняла задумчивую позу. Самая красивая женщина, какую он когда-либо встречал, и при этом никто лучше ее не умел выводить Хоба из себя. Каждый раз, как ему требовался ответ на

прямо поставленный вопрос, она вместо этого уносила за тридцать земель со своими воспоминаниями.

— Помнишь Филиппа? — спросила она. — Ну, которому ты еще подарил все свои трубки для курения гашиша?

— Помню. Он собирался написать нечто вроде исследования по курительным принадлежностям. Кейт, так насчет тех бутылок...

— Я думаю, — сказала Кейт. И посмотрела ему прямо в глаза. — Я думаю — как хорошо нам было вместе в старые добрые времена! Правда, Хоб?

Сердце Хоба подпрыгнуло от радости — и снова взялось за монотонную повседневную работу. Ну да, им было хорошо — пару недель. А потом два года ада. Вот и вся горькая история их семейной жизни.

— Да, нам было очень хорошо, — согласился Хоб. — Жаль, этот Питер Соммерс подвернулся не ко времени.

— Питер? Так ты считаешь, что мы разошлись из-за Питера?

— Я же застал тебя с ним в постели!

— Да, но это было после того, как я узнала про твою интрижку с Зорайей.

— Послушай, так ведь про Зорайю ты знала еще до того, как все началось!

— Это ведь было в тот год, когда мы решили предоставить друг другу полную свободу, помнишь?

— Ну, это все было чисто теоретически. Мы так никогда и не договорились на этот счет.

Хоб был в одной футболке, но ему сделалось жарко. Все эти стародавние дела он позабыл и предпочел бы их не ворошить. Нет, в разрыве была виновата она — а даже если это и не так, Хоб этого знать не желает.

— Чисто теоретически? — переспросила Кейт с тем коротким лающим смешком, который Хоб совсем забыл — а теперь вспомнил. — И что, Аннабель — тоже чистая теория?

— Аннабель? Кейт, да ведь у нас с ней ничего не было!

— Да? А тогда ты говорил иначе!

— Я просто хотел заставить тебя ревновать.

— Ну что ж, этого у тебя не получилось. Кстати, с Аннабель можешь попробовать еще раз. Она вернулась на остров. Живет тут неподалеку.

— Да плевать мне, где она живет! Я никогда не имел с ней дела, да и не хотел.

— Врать ты всегда умел, — заметила Кейт. — Ну ничего, у вас с ней еще будет время повспоминать старые добрые времена.

— Да о чем ты? Я вообще не собираюсь встречаться с Аннабель!

— А зря. Те бутылочки я отдала ей.

Хоб развернулся, чтобы уйти, потом остановился.

— Ты не знакома с человеком по имени Этьен Варгас?

— Пару раз встречалась на пляже. Приятный мальчик.

— Ты случайно не знаешь, где он живет? Мне говорили, у его отца на острове своя вилла.

— Да, я тоже об этом слышала. Но не думаю, что Этьен живет у отца. Наверно, он живет у Питера Второго.

Глава 3

Питер Второй был вторым по значимости торговцем наркотиками на Ибице. Специалист по гашишу, помешанный на качестве. Говорили, что у него в Марокко — собственная ферма и что он самолично следит за переработкой листа марихуаны на гашиш.

Раз он был Питером Вторым, предполагалось, что должен существовать и Питер Первый. Мнения островитян по поводу того, кто такой этот Питер Первый и существует ли он вообще, расходились. Многие полагали, что Питер Второй назвался так нарочно, в расчете на то, что полиция станет искать Питера Первого, а Второго оставит в покое. И, надо сказать, это действовало. Так что Питер Второй спокойно процветал.

Далеко не все фазенды на Ибице строились в согласии с традициями. У дома Питера Второго была крыша с широкими, загибающимися кверху карнизами, как у японских домиков из фильмов Куросавы. Восточный колорит виллы подчеркивался длинными тибетскими флажками на высоких бамбуковых шестах, которые весело развевались на ветру, никогда не утихающем на вершине холма близ Сан-Хосе. Внутри дома японские мотивы подчеркивались натертыми до блеска деревянными полами, скудостью мебелировки, создававшей простор, и раздвижными бамбуковыми перегородками между комнатами. Питер Второй мог позволить себе эту нарочитую простоту. Дзенский песчаный сад, который вы проходили по дороге от шоссе к главному зданию, был крайним воплощением этой изысканной бедности: три продуманно расставленных камня на засыпанной песком площадке в двадцать квадратных ярдов. Хобу этот садик очень нравился. Хотя себе он такого позволить не мог. Прежде всего у него не было ни времени, ни сил ежедневно разравнивать песок граблями и убирать каждый лист и прутик, упавший на него за ночь. Собственная фазенда Хоба была загромождена вещами. Тем более он ценил роскошную простоту жилища Питера.

В то утро, когда Хоб заехал к Питеру, вилла казалась пустой. Хоб покричал хозяев, как было принято на острове, когда заезжаешь в гости без предупреждения. Никто не ответил. Но машины Питера и Дэви стояли перед домом. Поэтому Хоб прошел за дом. Там он нашел Дэви. Она была в сиреновом сари, пышные темные волосы собраны на макушке. Дэви месила к обеду хлеб с цуккини.

— Привет, Хоб!

— Я покричал, а вы не отвечаетесь...

— Отсюда ничего не слышно. Говорила я Питеру, что надо установить систему внутренней связи, а он и слышать не хочет. Он ведь у нас стремится к единению с природой.

— Хозяин тут?

— Владыка в амбаре, беседует с духами.

— Ну ладно, тогда не буду его беспокоить.

— Да ничего, проходи. Питеру и его духам совсем не помешает новая компания.

Дэви была невысокая и хорошенькая. Черные волосы отливали медью — видимо, она красилась хной. Она выглядела диковинно даже на этом экзотическом острове. Дэви была дочерью английского инженера, строившего плотину в Раджаспуре, и светлокожей раджаспурской принцессы. По крайней мере, так утверждала она сама. Узнать о ком-то правду здесь, на Ибице, было довольно трудно: все рассказывали о себе то, что им было по вкусу.

Хоб поднялся по каменным ступеням, ведущим через бамбуковую рощицу, обогнул прудик-лягушатник, и вышел к амбару, расположенному на задах усадьбы. В таких амбарах местные жители держали плоды рожкового дерева, а Питер — марихуану, свое несравненное, собственноручно выращенное зелье. Торговля наркотиками была его профессией, а изготовление и потребление — хобби.

Когда Хоб вошел, Питер поднял голову и посмотрел на него. Он обрезал один из больших кустов марихуаны, сидящих в горшках, изящными вышивальными ножничками. На чистом шелковом платке рядом с горшком красовалась кучка золотисто-зеленых листьев. С ним был еще один человек — очень высокий юноша с кожей цвета кофе с молоком. Хоб уже встречал его на какой-то вечеринке. Юноша был из Бразилии. Говорили, что он богат — или, по крайней мере, отец его очень богат — и встречается с Аннабель, которая живет сейчас где-то в Ибика-Сити.

Хоб заехал спросить, собирается ли Питер начинать занятия по буддистской медитации, которые он спонсировал. На Ибике, где в те времена телефоны были только в конторах и офисах, если ты хотел что-то у кого-то узнать, приходилось приезжать к этому человеку лично либо надеяться, что в один прекрасный день ты

встретишься с ним в какой-нибудь кофейне, в ресторане или на пляже. Но последнее могло занять слишком много времени, так что, если ответ был тебе нужен в течение недели, приходилось ехать в гости.

— Да нет, надо еще обождать, — ответил Питер. — Солнечный Джим согласился вести занятия, но сейчас он уехал в Барселону, за мотоциклетными запчастями для своего магазина.

— О'кей, — сказал Хоб. — Тогда не будешь ли ты так любезен дать мне знать, когда они начнутся?

— Можешь на меня рассчитывать, — сказал Питер.

— Да, и еще хотел тебя спросить, — сказал Хоб. — Ты когда-нибудь слышал про такой наркотик — «сома»?

— А как же! Классический наркотик древней Индии. И еще бог такой. А что?

— Да вот, поговаривают, что его производят и в наше время.

— Сильно сомневаюсь, — сказал Питер. — Рецептов не сохранилось. Никто не имеет ни малейшего представления, из чего его делали. По-моему, тебе просто кто-то навешал лапши на уши, старик.

— Парижская полиция думает иначе, — возразил Хоб.

— Французы — все параноики, — сентенциозно заметил Питер. — Франция — родина теории заговора. Это началось еще с тамплиеров. Этьен, ты когда-нибудь слышал про такую штуку?

— Нет, — ответил Этьен. — Но если эта «сома» появилась в продаже, я хотел бы попробовать. Хоб, а при чем тут французская полиция?

— Ну, мне кажется, ни для кого не секрет, что на этой неделе в Париже грохнули Стенли Бауэра. Так вот, французы думают, что он распространял некий наркотик, именуемый «сома».

— Надеюсь, они ошибаются, — сказал Питер.

— Почему? — спросил Хоб.

— Эта новомодная штука может сильно навредить моему бизнесу.

— Пойду попрошу Дэви заварить мне чайку, — сказал Этьен. — Пока, ребята.

И вышел на залитый солнцем двор. Питер неторопливо свернул косячок из только что нарезанной марихуаны. Косячок он сворачивал так, как это принято в Вест-Индии — из пяти листов бумаги, так что в результате вышло нечто, похожее на сигару. Пока Питер возился с косячком, оба они молчали — забивание косяка было почти что священнодействием для Питера, одного из самых известных торговцев наркотиками на острове, не любившего распространяться о своем ремесле.

Завершив работу, Питер протянул косяк Хобу. Тот аккуратно

прикурил его от деревянной спички, затянулся раз пять, одобрительно кашлянул и передал Питеру. Питер затянулся. Оба уселись в деревянные кресла, стоящие в амбаре, и некоторое время молчали. Первый косяк дня — это священный момент.

Наконец Питер спросил:

— Как твое агентство?

— Нормально, — ответил Хоб.

После этого они курили молча. В разговорах нужды не было. Через полчаса Хоб поехал к себе домой, в состоянии приятного кайфа, с унциевым «храмовым шариком» в кармане. Питер делал эти шарики из отборного пакистанского гашиша и заворачивал в голубой целлофан — это был его фирменный знак. Ценный подарок. В последнее время дела Питера шли так хорошо, что ему уже не было нужды торговать своими «храмовыми шариками». Теперь он приберегал их в качестве сувениров для близких друзей.

Глава 4

Сложность расследования на Ибике зависит только от вас. Если интересующий вас человек проживает в поселке Санта-Эюлалиа, первое, что надо сделать, — это отправиться в «Эль Киоско», кафе под открытым небом в центре городка. «Эль Киоско» расположено в верхней части вымощенного плиткой прямоугольника, спускающегося к морю, рядом с памятником Абелью Матутесу.

Хобу не потребовалось много времени, чтобы разузнать о Стенли Бауэре. Этот мужик вечно жил в гостях у кого-то из англичан, вечно без гроша в кармане, но одевался весьма прилично: хороший костюм для профессионального «сеньора из общества» — такая же необходимая вещь, как гаечный ключ для автомеханика. И хорошие ботинки тоже. Стенли Бауэр запомнился обществу своей коллекцией туфель от Балли. И еще у него были золотые часы от Одмара Пике — скорее всего, гонконгская подделка, но ведь не станешь же ты заглядывать под крышку чужих часов, чтобы выяснить, настоящие они, или нет.

Хоб удачно выбрал время для расспросов — послеобеденное, незадолго до открытия магазинов после полуденной сиесты. В кафе сидела толпа аборигенов, у ног которых, точно собаки, теснились соломенные сумки, ожидающие, когда их наполнят вечерними покупками.

Томас-датчанин сидел за средним столиком, высокий, белокурый, в своей обычной синей капитанской фуражке.

— Стенли? А как же. Я его видел на той неделе. Говорят, в Париж уехал. А что, он тебе должен?

— Да нет. Мне нужна его помощь в расследовании.

Томас и его приятели дружно расхохотались. В те времена никто не принимал Хоба с его агентством всерьез. Зауважали его позднее, когда на остров явился старый итальянец, за поимку которого была назначена награда.

— Попробуй узнать у его старухи, — сказал Томас.

— А кто она? — спросил Хоб.

— Аннабель. Не француженка, а другая Аннабель, из Лондона. Ты ведь ее знаешь, верно, Хоб?

— Да, конечно. Но я не знал, что она жила со Стенли. Как она?

— Говорят, все еще на высоте, — сказал Томас. — Хорошенькая, как картинка, и хитрая, как лиса.

— А где она теперь живет?

— Провалиться мне, если я знаю. Не в Санта-Эюлалиа, это точно. Большая Берта должна знать. Ты знаешь, где живет Большая Берта?

— Наверно, в Далт-Вилле, если не переехала, — сказал Хоб. — Слушай, Томас, сюда чуть попозже собирался завернуть Гарри, выпить пивка. Скажи ему, что наш сегодняшний обед отменяется. Постараюсь поймать его попозже у Сэнди.

И Хоб отправился на своей взятой напрокат машине в Ибице. Машину он оставил на окраине, на стоянке рядом с автомагазином, дальше пошел пешком к стоянке такси на Аламеде. Ехать туда на машине не имело смысла — в Далт-Вилле все равно нет стоянок. Большое черно-белое такси-«Мерседес» провезло его по Ла-Калле-де-лас-Фармасиас, свернуло направо, и они очутились у римской стены Далт-Виллы. Это была самая высокая и самая старая часть города. Они проехали по узким, крутым улочкам без тротуаров, мимо музея, потом еще раз свернули — и здесь такси остановилось. Хоб заплатил, выбрался наружу и пошел дальше по переулкам, таким узким, что там с трудом можно было разойтись даже двум пешеходам.

Большая Берта жила в безымянном переулке в Далт-Вилле, в двух шагах от самой высокой точки Старого Города. На Ибице полно иностранцев, гордящихся своим местожительством и убежденных, что именно они живут в самом престижном районе. Чем меньше остров, тем разборчивей на этот счет живущие тут иностранцы. На Ибице каждая часть острова имела своих приверженцев, кроме разве что свалки и прилегающих к ней районов — шумного и вонючего места, более всего напоминающего дантов ад.

В Далт-Вилле было полно шикарных старых квартир в элитных старых домах. Между домами росли деревья, и воздух там был чистый. Единственная проблема заключалась в том, как туда добираться. Подъем крутой, автобусы не ходят, а в самый

центр и такси не проедет. Но Берта решила для себя эту проблему — она попросту почти не выходила из дому, разве что затем, чтобы сходить в соседний ресторан или на выставку в галерею Симса, расположенную на той же улице. Или если Берту приглашали на какой-нибудь прием. Для нее выбраться из дома было немалой проблемой. Большая Берта весила немногим меньше трехсот фунтов. Это была веселая, жизнерадостная американка. Говорили, что она в родстве с Дюпонами из Делавера. Она жила на Ибице с незапамятных времен — и при республике, и при Франко, и потом, когда Франко свергли и снова установили республику. Она знавала Элиота Поля, была общительна, любила людей, обожала музыку. И деньги у нее водились. Доходы Дюпонов — или, вероятнее, какого-нибудь другого, менее известного, но не менее процветающего семейства — позволяли ей жить со вкусом и принимать гостей с шиком. Большая Берта чуть ли не каждый месяц устраивала приемы, водила дружбу с артистами, музыкантами и художниками всех стилей и направлений, как талантливыми, так и бесталанными, кое-кому из них давала займы, другим разрешала пользоваться своей маленькой виллой в приходе Сан-Хуан. Говорили, что она лично знакома со всеми жителями острова. Ну, это, конечно, маловероятно. За туристский сезон через аэропорт Сон-Сан-Хуан проходило не меньше миллиона народу. Но она действительно была знакома с кучей народа, а про тех, кого не знала лично, могла при необходимости все разузнать.

Она встретила Хоба в своем цветущем палисаднике и провела к себе в квартиру. Квартира была большая и просторная, заставленная диванчиками, кушеточками, креслами с плетеными спинками, местными сундуками, столиками — и двумя разбитыми и склеенными римскими амфорами с остроконечным дном, на железных подставках. Берта вывела Хоба на обдуваемую ветерком террасу. Пол из темно-красной терракотовой плитки был залит золотым солнечным светом. Внизу простирался весь Ибиса-Сити, уступами белых квадратов и прямоугольников спускавшийся к гавани с несколькими туристскими лайнерами у причала и бесчисленными кафе.

— Ну так, — спросила Берта, поболтав минут пять о том о сем, — что же привело тебя в мое орлиное гнездо?

— Я ищу Аннабель, — сказал Хоб. — И надеялся, что вы мне подскажете, где ее искать.

— Могу разузнать, — сказала Берта. — Дай мне пару дней, я кое-кого порасспрашу. А что у тебя еще новенького? Ты здесь по делу или просто небо коптишь, как все мы?

— Я расследую убийство Стенли Бауэра. Вы про него слышали? Берта кивнула.

— Лоран звонил из Парижа. Прочитал об этом в «Геральд Трибюн». Он был в полной прострации.

— Я слышал, Аннабель много встречалась со Стенли?

— Да, они часто бывали вместе на вечеринках. Но Стенли не интересовался девушками, ты ведь знаешь.

— Слышал. Однако они были друзьями.

— Ну, это ведь не преступление, верно?

Хоб решил испробовать другую тактику.

— Берга, хотите работать на меня?

— Я? Частным детективом?!

— Нет, помощником частного детектива.

Большая Берта улыбнулась, покачала головой, но не сказала «нет». Она встала, подошла к буфету и сделала два джина с содовой. Хоб знал, что в деньгах она не нуждается. Дела Берты шли превосходно. У нее даже были кое-какие вложения, она владела какой-то собственностью... Но Берта была из тех, про кого говорят «каждой бочке затычка» — лезла во все дырки, любила все про всех разузнавать, любила посплетничать. А это даст ей повод сплетничать на законных основаниях...

Она вернулась с двумя бокалами, протянула один Хобу.

— Что мне надо будет делать?

— Да все то же, что и теперь. Встречаться с людьми. Давать приемы. Ходить на открытия выставок. Обедать в хороших ресторанах. Конечно, оплачивать все это я не смогу. Но ведь вы и так это делаете. А потом рассказывать мне то, что узнаете.

— Да, конечно. Это не проблема.

Хоб давно знал, что люди, даже самые болтливые, охотнее говорят тогда, когда им за это платят, даже если плата чисто символическая. Оплачиваемая болтовня становится уже не болтовней, а работой, то есть делом приличным, уважаемым и полезным. А даже самые бесшабашные и независимые не имеют ничего против приличий, если эти приличия оплачены.

— Звучит забавно!

Вот и Большой Берте понравилась идея сделаться полезным членом общества — если, конечно, это будет интересно, и к тому же не за бесплатно. Но много платить не придется. Что очень кстати: у Хоба много и не было. Все знали, что его агентство — скорее радужная мечта, чем солидное действующее предприятие. А что может быть привлекательнее радужной мечты, даже если ты не какой-нибудь декадент? Тем более что труда особого это не потребует, а все-таки оплачиваться будет.

— Так что же мне делать, Хоб? Я ведь уже не так легка на подъем, как в былые времена!

— Берта, вам не понадобится делать абсолютно ничего, кроме того, что вы и так делаете. В этом-то вся суть!

— А что именно ты хочешь знать сейчас?

— Мне нужно раздобыть сведения об одном человеке. Узнать, кто он такой, и вообще все, что можно.

И Хоб рассказал ей про человека, которого видели в Париже вместе со Стенли Бауэром перед тем, как того убили. Все, что знал.

— Не густо, — заметила Берта.

— Если кто-то и сумеет выяснить, что это за человек, то только вы!

— Хоб, ты мне льстишь. Однако ты прав. Если ни я, ни мои знакомые не знают, что это за человек, значит, его вообще не существует.

Она поразмыслила. Потом спросила:

— Так тебе нужны сведения? Но я люблю делиться сведениями. Почему ты должен мне за них платить?

— Полезные услуги следует оплачивать, — сказал Хоб. — А я люблю пользоваться услугами своих друзей. Это девиз детективного агентства «Альтернатива».

— Благородный девиз.

— Я тоже так думаю.

— Но чуточку дурацкий, как и большинство благородных девизов.

Хоб пожал плечами.

— Ну так что, вы согласны или нет?

— Согласна, черт возьми! — сказала Берта. — С удовольствием поработаю одним из твоих детективов. А что еще тебе надо узнать сейчас?

Хоб был озадачен. К подобной прямоте он не привык. Ему надо было подумать. Наконец он сказал:

— Ну, помимо того, где найти Аннабель и личности того таинственного испаноговорящего господина, мне надо знать, что вообще нового на Ибице. В смысле, не происходило ли в последнее время чего-нибудь новенького?

— Да здесь все время происходит что-то новенькое, — сказала Берта. — Новые выставки и бутики тебя интересуют?

— Да нет, вряд ли. А что-нибудь еще?

— Ты бы уточнил... А новый отель?

— А что, открылся новый отель?

— А ты не слыхал? Странно.

— Я только что из Парижа.

— А-а, ну тогда понятно. Возле Сан-Матео строят новый роскошный отель. Он вот-вот откроется. Недели через две. Говорят, в японском стиле. В следующую среду будет большой прием.

— Вы идете?

— Конечно. Я — в списке «Б».

— А разве существует несколько списков приглашенных?

— Дорогой мой, ну конечно! Ты что, не знаешь, как это делается? Сперва состоится огромный прием — во второй половине дня, на территории отеля. Там будет половина острова. Попасть туда может любой, даже без приглашения. Это список «В». Потом, вечером, когда всякая мелюзга уберется, будет прием для избранных — с обедом и танцами. Человек на сто.

— И это список «А»?

— Нет, дорогой мой, это список «Б». Он все еще довольно большой.

— А кто будет в списке «А»?

— А вот когда те, кто из списка «Б», уберутся, где-нибудь после полуночи, останутся только самые-самые — человек восемьдесят. Владельцы и инвесторы и, разумеется, их дамы — или их кавалеры, это уж у кого как. И они до утра будут сидеть, пить и ловить кайф. Но список «А» — не так занятно, как список «Б». Разве что с точки зрения сноба. К тому же в него не попадешь, если ты не инвестор и не любовник или любовница инвестора.

— А кто инвесторы-то? — поинтересовался Хоб. — Кто его строит, этот отель?

— Я знаю только по слухам. Вроде бы как несколько богатых японцев и несколько богатых латиноамериканцев. Поговаривают, что основное финансирование идет от якудзы — знаешь, это японская мафия так называется? Ну конечно, знаешь. Денежки отмывают за границей. Интересно?

— Очень, — сказал Хоб. — А нельзя ли устроить, чтобы и нас с Гарри Хэммом включили в список «Б»?

— Устроим, — пообещала Берта. — Теперь я работаю на тебя. Мои связи — твои связи. Кстати, не то, чтобы это было очень важно, но все-таки — сколько ты мне собираешься платить?

— Не могу сказать, пока не узнаю, сколько сотрудников мне понадобится. Вы получите процент от доходов, зависящий от того, сколько времени вы на это потратите и какой степени риска будете подвергаться — если, конечно, такое случится.

— Ну, там видно будет, — сказала Берта. — Но я предпочла бы обойтись без риска. Я поговорю с одним латиноамериканцем, который дружил со Стенли. Да, кстати: Аннабель живет в Фигуэретак, в «Улье».

— Вы ведь вроде говорили, что вам надо еще порасспрашивать?

— Так ведь это было до того, как ты меня нанял, дорогуша! Я просто собиралась узнать у Аннабель, захочет ли она тебя видеть. Ну, а теперь это не играет роли.

 Глава 5

Хоб спустился с холма, на котором раскинулся город, и вернулся к стоянке, где оставил свою машину. Сел в нее, и поехал за город, мимо жутких новостроек, в сторону Фигуэрет.

Он выехал из города и направился вдоль моря по ухабистой немощеной дороге. По одну сторону дороги шумело море, по другую возвышались отели пастельных цветов. Это была новая Иббца. В отличие от Далт-Виллы вокруг Фигуэрет не было древней римской стены. Они стояли сами по себе на дороге к Салинам, соляным пустошам, разрабатывавшимся еще римлянами и использовавшимся до сих пор.

Фигуэреты обошло стороной нынешнее процветание Иббцы. Это был городок захудалых мелких баров, крошечных лавчонок и второразрядных ресторанчиков, населенный неудачниками, наркоманами, алкоголиками, эмигрантами, живущими на деньги, присылаемые с родины, перегоревшими музыкантами, состарившимися карточными шулерами, разорившимися бизнесменами и прочей публикой того же разбора.

«Ульем» назывались три ветхих четырехэтажных здания с внешними лестницами, соединенных дорожками и веревками для сушки белья. Из окон открывался красивый, но чересчур удаленный вид на мол и море.

Аннабель жила на *tercero piso*¹ строения *dos*². Хоб поднялся по лестнице мимо задних дверей, у которых громоздились кучи мусора и старые детские коляски. Ребятишки орали на кошек, мужики — на своих старух, старухи рыдали, вспоминая прошлое, а нетрезвые поэты перелагали все это в неудобоваримые стихи, отмеченные натужным полетом фантазии. Короче, сценка из «Порги и Бесс» в европейском стиле.

— А, Хоб! — сказала Аннабель. — Заходи и падай. Пива хочешь?

— А как же!

Квартирка была маленькая и неухоженная. Лучшее, что в ней было, — это вид на низенькие домики на берегу и лазурное море. Большое окно распахнуто настежь. В него влетал легкий ветерок, полощущий белье, которое Аннабель развесила на балконе. Пахло кошкой. Сантана, старая черепаховая кошка Аннабель, сидела на спинке одного из шатких мягких стульев и недружелюбно смотрела на Хоба. Кошачья вонь смешивалась с запахами оливкового масла, чеснока и хозяйственного мыла. Сама Аннабель

¹ Третий этаж (*исп.*).

² Два (*исп.*).

была в шелковом кимоно — а может, и нейлоновом, Хоб слабо разбирался в таких вещах. Во всяком случае, оно было ало-оранжевым. Ворот отвисал, приоткрывая полные, заостренные, чуть отвисшие груди Аннабель. Когда Аннабель закинула ногу на ногу, пола кимоно сползла вниз, обнажив кусочек загорелого бедра. Аннабель была, пожалуй, самой хорошенькой наркоманкой на острове. Родилась она в Лондоне, где-то в районе Свисс-Коттедж. Ей было лет под тридцать, и лицо ее смутно напоминало Хобу молодую Джоан Коллинз. Впервые она приехала на Ибицу еще подростком и связалась с Черным Роджером, торговцем героином из Детройта. Они очень славно жили вместе, пока Роджера не замели во время первой большой чистки, устроенной полицией. Тогда копы похватали многих торговцев наркотиками, наркоманов и прочего нежелательного элемента. Но Аннабель всегда могла бросить наркотики, если хотела. Увы, в последнее время эта способность начала ее покидать. Правда, на руках у нее все еще не было следов от шприца — Аннабель гордилась своим маленьким, ладным телом и вводила себе наркотик между пальцами ног.

— Чем ты теперь занимаешься? — поинтересовался Хоб.

Аннабель пожала плечами.

— Работаю официанткой у Чумазого Доминго. Сучья работа, но это только до тех пор, пока я не смогу продать несколько картин.

Помимо всего прочего, Аннабель была еще и художницей. Ее ребячья мазня, которую она гордо именовала «примитивами», изображающая работающих в поле местных старух и овец на заднем плане, при полном отсутствии перспективы, некоторое время пользовалась шумным успехом у картинных галерей острова, пока ее не вытеснили другие художники, еще более примитивные, с еще более вопиющим отсутствием перспективы. Художники-примитивисты Ибицы все время состязались между собой — кто примитивнее.

— А ты как? — спросила Аннабель. Она встала, подошла к холодильнику и достала две бутылки пива «Сан-Мигель». Из холодильника донеслась могучая вонь тушеной баранины с турецким горохом, приготовленной явно еще на той неделе. Хоб пожалел, что согласился выпить пива. — Все еще занимаешься своим детективным агентством?

Хоб кивнул. Выходцы с Ибицы так редко заводили собственное дело где-нибудь за границей, что все подобные случаи были известны наперечет, и островитяне внимательно следили за успехами своих земляков, чтобы успеть занять у них денег во время коротких периодов процветания.

— Что, расследуешь какое-нибудь новое дело?

Хоб кивнул.

— Помогаю французской полиции вести расследование.

— А, так ты к нам по делу?

— Да, по поводу Стенли Бауэра. Не могла бы ты рассказать мне о том, чем он занимался в последнее время?

— Ой, Хоб, какой же ты олух! Славный, но глупый. Ну почему я должна что-то рассказывать тебе про Стенли, даже если бы я что-то знала? Тем более что я ничего не знаю.

— А что, есть причины не рассказывать?

— Наверно, нет. Но я не хочу неприятностей.

— Аннабель, мы же старые друзья! Расскажи мне все. Я никому не стану доносить и, в случае чего, заступлюсь за тебя.

— Конечно, заступишься, Хоб. Если сумеешь. Но почему бы тебе не спросить у самого Стенли?

— Не могу. Его убили.

Аннабель уставилась на него расширенными глазами.

— Убили?! Что, правда?

Хоб кивнул.

— Как?

Хоб рассказал ей, как погиб Бауэр.

Аннабель призадумалась, потом покачала головой.

— Хоб, я бы с удовольствием рассказала тебе все, что помню. Но не здесь. Своди меня пообедать в «Эль Оливо», и я запою, как канарейка. Только погоди минутку, я переоденусь.

* * *

— Ты пробовал эти блины с икрой? — спросила Аннабель часом позже, когда они сидели на балконе «Эль Оливо», на одной из крутых улочек Старого Города. — Это настоящая икра, Хоб, а не какая-нибудь жуткая датская подделка из трескового фарша.

Хоб отметил, что она чрезвычайно быстро оправилась от шока при известии об убийстве Стенли.

— Икра настоящая? — переспросил Хоб. — Хорошо. А то я беспокоился на этот счет.

Оба успели поприветствовать с десяток знакомых, пробежавших мимо «по делам», которые занимают большую часть суток любого жителя Ибицы. После пары рюмок домашней водки Аннабель, наконец, разговорилась.

— До прошлого месяца я проводила со Стенли Бауэром довольно много времени. Мы вместе ходили на вечеринки. Это было после того, как я порвала с Этьеном. Между нами ничего не было — он ведь был голубой, ты же знаешь. А теперь его убили... Мне не особенно хочется о нем говорить.

Хоб ждал. Аннабель улыбнулась и заказала у нависшего над столиком официанта коктейль с шампанским.

— Что, и все? — спросил Хоб. — Это я мог бы узнать у первого встречного, и обошлось бы мне это в рюмку коньяка.

— Ну, а я чем виновата? Спроси еще о чем-нибудь!

— Когда ты виделась со Стенли в последний раз?

Аннабель прикусила длинный алый ноготь и призадумалась.

— Думаю, вечером накануне того дня, когда он улетел в Париж. Мы обедали у Арлен.

— Он не говорил, зачем едет в Париж?

— Сказал, что ему надо разобраться с каким-то делом, но с каким — не говорил.

— А потом?

— Наверно, он собирался вернуться сюда. Точно не знаю.

— Он не выглядел нервным, озабоченным, что-нибудь в этом духе?

— Стенли? У него был такой вид, словно у него вообще нет проблем и никогда не было.

— Замечательно... — буркнул Хоб. — А не встречала ли ты его с темнокожим или смуглым мужчиной, по всей видимости, испаноговорящим, вероятно, испанцем или латиноамериканцем, который носит кольцо с большим изумрудом и в имени которого встречается двойное испанское «р»?

— Не припомню такого.

— Слишком уж быстро ты ответила! — заметил Хоб.

— В смысле?

— Ты даже не дала себе труда подумать. Это заставляет меня прийти к выводу, что ты знаешь, о ком идет речь.

— Да нет. Я просто знаю всех знакомых Стенли. Это в основном французы и англичане. Ни одного латиноамериканца среди них нет.

— Может, ты хочешь еще коктейль с шампанским?

— Я его закажу, не беспокойся. Официант!

— Ты знала, что Бауэр собирается делать в Париже?

— Хоб, я вообще его довольно мало знала. Мы просто хорошо веселились вместе. Почему ты меня об этом расспрашиваешь?

Хоб закурил «Румбо», закашлялся и отхлебнул глоток своего «Сан-Мигеля».

— Жаль, что ты спросила. Я-то рассчитывал заманить тебя в ловушку и вынудить во всем сознаться!

— Ну, раз уж не вышло, скажи, зачем тебе все это?

— Да вот, французская полиция интересуется.

— В самом деле? И что, награда назначена?

— Аннабель, если бы за это была назначена награда, я бы тебе

так сразу и сказал. Если за это заплатят, я выделю тебе твою часть. Но все-таки, расскажи мне о Стенли. Ты ведь любишь бывать в Париже?

— Конечно. А что?

— А то, что инспектор Фошон, мужик, который ведет это дело, позаботится о том, чтобы ты познакомилась с традиционной французской вредностью. Если ты не согласишься нам помочь. Как только ты появишься в Париже, тебя возьмут и допросят по всем правилам. Он может даже организовать тебе неприятности.

Аннабель спокойно поразмыслила над этим.

— Ну, тогда я просто не поеду в Париж.

— Но почему тебе отказываться от поездок в Париж, если тебе нечего скрывать?

Аннабель поколебалась...

— Хоб, я недостаточно хитра, чтобы водить тебя за нос. На самом деле я просто ничего не знаю. Господи! Убили Стенли! Стенли убили! Вот невезение!

— По-моему, невезение здесь ни при чем.

— Да нет, я имею в виду, что это мне не повезло. Стенли-то, он вообще был невезучий. Не надо мне было давать ему взаймы триста фунтов на эту дурацкую поездку.

— Собирайся, Аннабель, — распорядился Хоб. — Нам пора идти.

Ему подали счет на сто семьдесят три доллара, не считая чаевых, которые Хоб дать позабыл. И не считая шампанского.

Глава 6

У ресторана, на маленькой площади с хипповским обувным магазином на углу, была стоянка такси. Хоб усадил Аннабель в такси и сунул ей тысячу песет на проезд. На сегодня он был сыт ею по уши. Потом прошел узким переулком, ведущим на стоянку позади ресторана, где он оставил свой наемный «Сеат». Стоянка представляла собой неправильный прямоугольник, огороженный белеными каменными столбиками. Подойдя ближе, Хоб увидел, что на капоте его машины сидит какой-то мужик и курит сигарету. Мужик затынулся в последний раз и отшвырнул окурочок. Огонек сигареты прочертил огненную линию в темноте.

— Эй, — сказал мужик, — это ты — Хоб Дракониан?

— А вы кто такой? — осведомился Хоб.

— На твоём месте я бы не стал этим интересоваться, — сказал мужик, поднялся и пошел навстречу. В его движениях было нечто, что не понравилось Хобу. Он медленно начал отступать, жалея, что не из тех детективов, которые носят пистолеты. Правда, в Европе не так-то просто получить разрешение на ношение оружия,

но ведь мог бы заpastись хотя бы ножом или кастетом! А так у него не было ничего, кроме шариковой ручки. Да и та во внутреннем кармане, так сразу не выхватишь. А мужик шел вперед, и вид у него был угрожающий. Хоб обернулся. Позади никого не было, да даже если бы там и были люди, вряд ли он разглядел бы их во тьме тропической ночи. А из «Эль Оливо» несся грохот рок-музыки, который наверняка заглушит любые отчанные крики.

Хоб отступил на пару шагов, готовясь развернуться и бежать обратно в ресторан. Но слева донесся какой-то звук. Он обернулся. В проходе между двумя машинами показался другой мужик, застегивающий ширинку.

— Послушайте, — сказал Хоб, — у меня неприятности.

— Знаю, — сказал новоприбывший.

Хоб не был тормозом. Он сразу сообразил, что эти двое работают вместе.

— Мужики, вы чего? — спросил он, надеясь, что голос у него не дрожит.

Первый мужик, более высокий, был одет в темный костюм и дурацкую тирольскую шапочку с лисьим хвостиком, пристегнутым серебряной пряжкой. Он сказал:

— Нам стало известно, что ты суешь нос не в свое дело. Вот мы и пришли с тобой побеседовать.

Он говорил с акцентом, похоже, латиноамериканским.

Его приятель, низенький и злобный, с мелкими беличьими зубками, блестящими над черной рубашкой с белым галстуком, в ботинках с металлическими носами, добавил:

— Мы будем изъясняться грубым физическим стилем, которым владеем лучше всего.

Еще один латинос, похоже, необразованный, но с претензиями.

Во время предыдущих реплик мужики деловито оттесняли Хоба в угол. Они загнали его в узкий проход между машинами. В конце прохода была каменная стена в десять футов высотой, за ней — обрыв. Хобу некуда было податься, кроме как вперед, прямо к ним в лапы. А в лапы ему не хотелось. Да, вот уж неприятности так неприятности!

И тут Хоб услышал, как открылась дверца машины. Обернувшись, все трое увидели, как из большого пыльного старого «Мерседеса» выбрался еще один мужик. Поначалу Хоб разглядел только, что он одет в темные брюки и темную рубашку. Когда он подошел ближе, Хоб увидел, что у него вьющиеся белокурые волосы — единственное светлое пятно вокруг. Подойдя вплотную, человек осведомился:

— Мистер Дракониан?

— Я с удовольствием побеседую с вами как-нибудь в другой

раз, — сказал Хоб. — А пока почему бы вам не сбегать за полицией? Возможно, «Скорая» тоже не помешает.

— Вот именно, парень, — поддержал здоровый латиноамериканец. — Почему бы тебе не убраться к чертовой матери?

— Мне надо поговорить с мистером Драконианом, — возразил незнакомец. — И мое дело не терпит отлагательств.

Невысокий рассмеялся — противный короткий смешок противного коротышки.

— Не терпит, говоришь? Придется потерпеть, детка! А то шас как...

Он направился к белокурому незнакомцу, стоявшему в узком пространстве между машинами. Теперь его освещали слабые лучи убывающей луны, лениво выглянувшей из-за облаков.

— Завтра приезжает мистер Варгас, — сообщил незнакомец небрежным тоном.

Двое остановились, но всего на секунду.

— А нам какое дело? — спросил здоровяк.

— Он хочет, чтобы все было тихо-мирно.

— К тому времени, как он приедет, все и будет тихо-мирно, — сказал здоровяк. — А теперь иди к черту. Нам надо поговорить с этим мужиком.

— Нет, — лаконично ответил белокурый. — Убирайтесь отсюда.

Латиноамериканцы снова пошли в атаку, на этот раз на белокурого, заходя с двух сторон. Хоб уже собирался броситься на помощь — как только уйдет противную дрожь в коленях. Незнакомец стоял на носках, легонько покачиваясь, а потом двинулся в сторону здоровяка легким танцующим шагом. Коротышка с крысиной физиономией достал что-то из кармана — пистолет, нож или бритву, что именно, Хоб в темноте не разглядел. Однако это было неважно, потому что незнакомец внезапно развернулся на одной ноге и ударил носком, легким изящным движением футболиста, забивающего гол. Предмет, который коротышка достал из кармана, улетел куда-то во тьму, и с металлическим звоном упал на крышу какой-то дальней машины.

— Ни фиги себе! — сказал здоровяк, нагнул свою круглую башку и ринулся вперед. Но белокурый уже снова развернулся, сделав странный балетный пируэт, нырнул в сторону и выбросил вперед руки. Раздался странный треск — это руки незнакомца соприкоснулись с плечом и головой верзилы. Верзила остановился, пошатнулся, неуклюже замахнулся на белокурого — но тот был уже вне пределов досягаемости. Пританцовывая на носках, он устремился на коротышку, пролетел мимо и с размаху врезал локтем ему в брюхо. Коротышка взревел и замахал кулаками. А незнакомец опять развернулся и выбросил назад ногу. Нога врезалась ко-

ротышке в солнечное сплетение. Тот сдавленно ухнул, упал на спину и принялся ловить ртом воздух. А незнакомец тем временем снова приблизился к здоровяку, размахивая руками с такой скоростью, что их было почти не видно, и нанося удары ногами. Верзилу внезапно подбросило в воздух. Некоторое время он повисел горизонтально, перпендикулярно белокурому незнакомцу, а потом рухнул на асфальт, треснувшись затылком. Там он и остался лежать, стеная сквозь окровавленные зубы, точно огромный жук с латиноамериканским акцентом, которого перевернули на спину и раздавили ногами.

Белокурый незнакомец обернулся. Здоровяк полежал-полежал, с трудом поднялся на ноги, но попыток напасть уже не возобновлял — а бросился бежать. Через пару секунд следом за ним уковылял и коротышка.

— Ну, полагаю, с этим мы разобрались, — сказал незнакомец.

— Спасибо, — произнес Хоб, с трудом сдержав порыв броситься в ноги незнакомцу и поцеловать его туфли на мягкой подошве. Как-никак тот спас ему если не жизнь, то, по крайней мере, шкуру. — Нельзя ли узнать, как вас зовут?

— Конечно. Мое имя Хуан Брага, хотя обычно называют меня Вана.

Брага! Испанское «р»! Правда, кольца с изумрудом нет, но ведь он мог его снять, когда принимал душ, и забыть надеть обратно... Нет, не будем делать поспешных выводов. Испанских имен с «р» — до черта. Тем более что у этого «р» не двойное. И вообще, «р» — один из популярнейших звуков во всех языках, если не считать японского.

— Я вас никогда не видел, — заметил Хоб.

— Это потому, что я большую часть своего времени провожу на фазенде.

— На какой?

— К'ан Соледад. Она принадлежит Сильверио Варгасу, моему патрону.

— Варгас... Нет ли у него сына по имени Этьен?

— Есть.

— Мир тесен! — сказал Хоб. Впрочем, это утверждение было само собой разумеющимся — Ибица действительно очень тесный мирок, хотя когда на ней живешь, об этом временами забываешь.

Глава 7

В ту ночь Хоб замечательно выспался — в своей собственной постели, в своей собственной спальне, на своей собственной фазенде. И ветки миндального дерева убаюкивающе шуршали за

окном. Утром он побрился, надел чистые джинсы и голубую футболку с тремя пуговками и спустился на кухню, приготовить себе чего-нибудь на завтрак. Газовый баллон оказался пуст, наполнить запасной тоже никто не потрудился. Хоб сунул большие оранжевые баллоны в багажник и поехал завтракать к Аните. Он устроился в открытом дворике, под сенью виноградных лоз, оплетавших выступающие концы балок низенькой крыши. Потом обменял пустые баллоны на полные напротив, в универсальном магазинчике Пабло. Но домой решил пока не возвращаться. Доехать, что ли, до Гарри Хэмма? Да нет, лучше повидаться с ним в «Эль Киоско» в Санта-Эюлалиа. Хоб поехал в город, нашел место для машины на стоянке у «Гамбургеров» Умберто, и пошел в «Киоско». Гарри действительно был там. Он доедал свою яичницу с ветчиной и читал позавчерашнюю «Париж Геральд Трибюн». Хоб подсел к нему, и они заказали себе по *café con leche*¹.

— Ну, что новенького? — спросил Гарри.

Хоб рассказал про вчерашний вечер, про Аннабель, про двух мужиков на стоянке и про своего белокурого спасителя.

— Сказал, что его имя Хуан Брага, но обычно его называют Вана. Тебе это что-нибудь говорит?

— В первый раз слышу.

— Он сказал тем двоим, что Сильверию Варгас должен сегодня приехать на остров. Должно быть, это что-то значит, хотя на них и не произвело особого впечатления. Слышал про него?

Гарри покачал головой.

— У меня новостей никаких, кроме письма от Марии. Она развлекается на Майорке. Послезавтра должна приехать. Ну, что будем делать?

Хоб старался сосредоточиться, однако царящая на острове всеобщая лень уже начинала брать свое.

— Думаю, стоит подождать развития событий. Как там говорил Фриц Перл? «Не подгоняй реку!»

— Это мог бы быть девиз нашего острова, — заметил Гарри. — Пошли сегодня на Агуа-Бланка?

— Пошли, — согласился Хоб. — Я уж и не помню, когда в последний раз был на пляже. Перекусим прямо там, в «Ла Терраса».

— Отлично! — сказал Гарри. — Давай встретимся на дороге на Агуа-Бланка и поедем на одной машине, чтобы не гонять обе по этой козьей тропе.

— Возьмем мою, — предложил Хоб. — Она все равно прокатная. Ну, через пару часиков увидимся. У меня есть еще дела.

— Какие? — поинтересовался Гарри.

¹ Кофе со сливками (*исп.*).

— Надо забрать белье из прачечной, купить газировки и отвезти домой газовые баллоны. Столько хлопот!

Управившись с домашними делами, Хоб приехал на дорогу на Агуа-Бланка и подождал Гарри. Тот привез с собой одеяла и несколько книжек в мягких обложках. Они перенесли их в машину Хоба и поехали по ухабистой грунтовке, которая вилась по предгорьям и кончалась у автостоянки над пляжем Агуа-Бланка. Они собрали вещи, зашли в ресторан, чтобы заказать столик, попросили подать ланч через час и спустились на пляж. День был чудесный: лазурное небо, небольшие облачка, сине-зеленое море и загорелые тела отдыхающих, разбросанных по пляжу длиной в две мили. Они устроились под соломенным зонтиком, дав монетку мальчишке, который его стерег, расстелили полотенца и улеглись загорать. Потом пошли искупались, потом позагорали еще. Повторили эту процедуру еще два раза, а тут и время ланча подошло. В «Ла Террасе» им подали рыбное ассорти, куда было намерено все, что вылавливали рыбаки у берегов острова, с серым местным хлебом, оливковым маслом, маслинами и парой бутылок «Сан-Мигеля», чтобы запить все это. Потом они вернулись на пляж, окунулись еще разок и несколько часов подремали под зонтиком. Это был один из тех изумительно бестолковых дней, которые и составляют всю прелесть летней жизни на Ибице — для иностранцев. Местные жители спускаются к морю лишь затем, чтобы наловить рыбы.

Хоб отвез Гарри туда, где бывший коп оставил свою машину, и договорился встретиться с ним позднее за обедом. Вернулся к себе на виллу, по-быстрому принял душ (бак на крыше уже давно никто не наполнял), побрился и переоделся к обеду. Потом вернулся в Санта-Эюлалиа и зашел к Сэнди. Просматривая почту, он обнаружил записку от Большой Берты, которую передал один из ее знакомых, заезжавший сюда. «Есть разговор. Приезжай завтра утром». Хоб свернул записку и сунул ее в карман. Есть надежда, что до его прихода ее прочитало не больше двух десятков любопытных. Вскоре прибыл Гарри. Они выпили по паре стаканчиков, потом пошли обедать к Хуанито вместе с несколькими знакомыми. У Хуанито подавали очень вкусных омаров под майонезом. Напоследок завернули в «Черную кошку» и разошлись по домам.

Глава 8

— Хоб, — сказала Берта на следующее утро за завтраком, когда Хоб вернулся к ней, — будешь ли ты выдавать мне деньги на расходы?

— Зачем?

— Я уже успела потратиться.

— Упомяните об этом в своем отчете. Шучу, шучу. На что?

— Я дала взятку. Ведь помощникам детектива положено давать взятки, верно?

— Ну, это смотря что вам удалось узнать.

— Это обойдется тебе в две тысячи песет. Именно столько я выложила за напитки для Долорес.

— Кто такая Долорес?

— Официантка. Работает у Чумазого Доминго. У нее квартира рядом с Аннабель.

— Без проблем, — сказал Хоб, доставая из кармана пару тысячных купюр. — И что же вы узнали?

Берта сунула деньги в свою сумку с надписью «Ибица». Старушка просто сияла.

— Ну вот, теперь я чувствую себя настоящим детективом! Самое потрясающее ощущение с тех пор, как я первый раз кололась ЛСД!

— Ужасно рад слышать, — сказал Хоб. — Ну, а теперь, если вы уже закончили похвалиться, может, все-таки расскажете, что именно вы узнали?

— Да ничего особенного! — обиженно сказала Берта. — Всего лишь имя того человека, которого ты пытался выследить. Ну, того, которого видели со Стенли Бауэром в Париже.

Берта изложила Хобу то, что рассказала ей Долорес. Официантка была на своем балконе, развешивала белье после стирки, когда к Аннабель пришел посетитель. Это было на следующий день после того, как Стенли улетел в Париж. Незнакомец был не очень высокий, но коренастый, смуглый, загорелый, и у него был, как выразилась Долорес, «дурной глаз», хотя что это значит, она не объяснила. Аннабель его, похоже, не знала, однако впустила. Долорес вышла на другой балкон с остальным бельем и услышала, как они разговаривают. Слов она не разобрала, но тон был явно недружелюбный. Мужчина повысил голос. Он говорил по-испански. Аннабель отвечала по-английски, похоже, возражала. Долорес была уверена, что слышала звук пощечины и плач Аннабель. Потом они снова заговорили, на этот раз тихо, но напряженно. Долорес уже думала, не сходить ли позвать на помощь — в полумиле от их дома находятся казармы гражданской гвардии, — но тут мужчина ушел, хлопнув дверью. Он сел в машину, оставленную на углу, и уехал к Сан-Антонио, в противоположную сторону от Ибица-Сити.

— Она не говорила, было ли на нем кольцо с изумрудом? — спросил Хоб.

— О кольцо она не упоминала. Но когда я спросила про кольцо, она сказала, что да, оно вроде бы было.

— А имя?

— Единственные слова, которые сумела разобрать Долорес, — это когда Аннабель произнесла «Арранке, пожалуйста, не надо!» Это после того, как он ее ударил.

— Арранке?

— Это то, что она слышала. По крайней мере, ей так показалось.

— Вы молодец! — сказал Хоб. — До окончательной идентификации, конечно, еще далеко, но, по крайней мере, тут есть за что ухватиться.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросила Берта. — Мне буквально не сидится на месте!

— Кофе, если можно.

Хоб прошел вслед за ней на кухню, выложенную кафелем. Пока Берта наполняла кофейник, Хоб сказал:

— Аннабель мне говорила, что встречалась с Этьеном. Вам об этом что-нибудь известно?

— А то как же! — сказала Берта. — Тебе с молоком? Садись, я сейчас расскажу. Этьен — имя французское, но этот мальчик из Бразилии. Он живет на острове. Первое, что тебе скажет любой, кого ни спроси, — это что он красивый.

— А второе?

— Что он богат. Или, скорее, что ему светит большое наследство. Дай сигаретку, я все расскажу.

Когда Аннабель и Этьен встретились на вечеринке в новом доме Урсулы Олгторп близ Санта-Гертрудис, между ними вспыхнула похоть с первого взгляда. Эти двое красивых людей без предрассудков были созданы друг для друга — по крайней мере, на ближайший месяц точно. На Ибике была весна, время, когда все, устав от зимних холодов, ищут приключений на лето. Этьен только что прилетел из Рио-де-Жанейро. Они с Аннабель взглянули друг на друга поверх узких бокалов с шампанским — и игра началась.

Они прошли весь круг удовольствий — ходили на дискотеки, устраивали пикники на пляже и попойки в старинных погребках Старого Города, лазили в пещеру Танит, любовались закатами над Ведрой, гуляли вдоль древней римской стены, глядя сверху на игрушечные теплоходы, стоящие в гавани на фоне зеленого моря.

Когда наслаждения острова начали им приедаться, они воспользовались авиабилетом Этьена на неограниченное число рейсов и отправились путешествовать. Биарриц, Сантандер, Хуанлес-Пинс, а потом за Атлантику — на Ямайку и даже в Гавану. Но когда они вернулись, что-то между ними изменилось. Такому

опытному глазу, как у Берты, сразу было заметно, что в их отношении вкралось разочарование. Аннабель ей не говорила, что именно получилось не так. Но через неделю после возвращения она порвала с Этьеном и начала встречаться со Стенли Бауэром. Вскоре Стенли улетел в Париж. А Этьен уехал на отцовскую виллу в горах над Сан-Хуаном, и в последнее время его было почти не видно. Вот как обстояли дела.

Глава 9

Приняв душ и переодевшись в свободный белый костюм, какие было принято носить летними вечерами, Хоб покинул свою ферму и поехал в Санта-Эюлалиа. Не без труда найдя место для парковки, он направился к Сэнди, любясь по дороге лиловым закатом. У Сэнди, как всегда, яблоку негде было упасть. Магнитофон играл барочные мелодии эпохи Возрождения. В бокалах с «Кровавой Мэри» и джином с содовой позвякивал лед. Зал был освещен рассеянным светом, льющим из-под соломенных корзин, брошенных на слабые лампочки вместо абажуров.

Хоб протолкался сквозь толпу и проверил почту, сваленную на стойке рядом с баром. Писем он не ждал, но кто его знает! Он с удивлением обнаружил полупрозрачный голубой конверт, пришедший из Парижа. Распечатав его, Хоб удивился еще больше. Там был чек на десять тысяч франков и записка от Жан-Клода. В ней с обычной лаконичностью Жан-Клода говорилось следующее: «Это часть оплаты за последнюю сделку агентства. Найджел уже должен был тебе все рассказать. Он обещал также заняться другим делом».

Найджел в Париже? Какая еще сделка? Какое «другое дело»? У Хоба голова пошла кругом. Нет, деньги получить приятно, спору нет — это вообще одно из наивысших наслаждений, знакомых современному человеку, — но все удовольствие портило неприятное ощущение, что происходит нечто важное, а он не в курсе.

Хоб еще раз пересмотрел всю почту, надеясь найти письмо с объяснениями. Ничего! Он окликнул Сэнди и спросил, не звонили ли ему в последнее время.

— Дорогой мой, — ответил Сэнди, — если бы звонили, я бы тебе сказал, ты же знаешь! погоди, спрошу у бармена.

Он обернулся.

— Филип, Хобу никто не звонил?

— Никто, — ответил Филип. — А то я бы сказал.

— А можно позвонить? — попросил Хоб. — Дело, понимаешь, довольно важно...

В то время Сэнди был одним из немногих обладателей теле-

фона в Санта-Эюлалиа, и не очень любил разрешать пользоваться им клиентам. Однако Хоб — это особый случай. Местные жители немного гордились его детективным агентством.

— Конечно. Только постарайся не занимать его слишком долго. И не забудь спросить у оператора, сколько ты проговорил и сколько это стоит, если будешь звонить за границу.

Хоб поднялся наверх, в маленькую, выложенную кафелем комнатку, где обычно ночевал Сэнди, когда бар бывал открыт допоздна и ему не хотелось ехать на свою виллу в Сиесте. Хоб позвонил оператору в Ибице и попросил набрать номер квартиры Эмили Шумахер, где ныне обитал Найджел. Номер не ответил. Хоб попытался найти Найджела в его собственном доме в Кью-Гарденс в Лондоне. Безрезультатно. Тогда Хоб позвонил в Париж, в бар «Кит-Кэт», где принимали звонки для Жан-Клода. Но владелец сказал, что Жан-Клод сейчас в отъезде и куда уехал — неизвестно. Может, что передать? Хоб назвал себя и сказал, что ему *срочно* надо найти Жан-Клода. Не знает ли владелец бара хотя бы приблизительно, где он сейчас может быть? Владелец ответил: «Может, вы и в самом деле его начальник, мсье, но для меня вы — только голос в телефонной трубке. Возможно, вы действительно знаете Жан-Клода. В таком случае вы должны знать, что, если я вам скажу, где он сейчас, он меня убьет. Тем более я все равно этого не знаю, клянусь».

Хоб не забыл записать время и стоимость переговоров. Спустившись вниз, он попросил Сэнди прибавить эту сумму к его счету. Потом заметил только что вошедшего Гарри Хэмма и показал ему письмо Жан-Клода.

— Ты мне не раз говорил, что Найджел — человек рассеянный, — сказал Гарри. — Вот тебе доказательство. Как ты думаешь, Аннабель может что-то знать?

— Может, — ответил Хоб. — Она — единственный известный мне человек, который знает и Найджела, и сеньора Арранке. Надо заехать к ней и узнать.

— Хочешь, я поеду с тобой? — предложил Гарри. — Мне все равно делать нечего.

Они отправились в Ибицу на машине Гарри, обогнули город, приехали в Фигуэреты и остановились около «Улья», дома Аннабель, примерно в десять вечера. В квартире Аннабель было темно, и на стук она не ответила. Но из соседней квартиры выглянула ее соседка, Долорес, в купальном халате, с головой, замотанной полотенцем.

— Вы не Хоб Дракониан? — спросила она.

Когда Хоб ответил утвердительно, Долорес сказала:

— Аннабель так и думала, что вы заедете. Она оставила вам записку.

Девушка сходила за запиской и вручила ее Хобу.

В записке говорилось: «Хоб, дорогой! Произошли важные события. Я еду в Лондон. Если мне повезет, я, возможно, разузнаю то, что тебя интересует. Если решишь приехать — а это было бы неплохо, — я остановлюсь у Арлен». И номер телефона в Южном Кенсингтоне.

Вернувшись в машину, Хоб сел и задумался. Гарри подождал, потом спросил:

— Ну, и куда теперь?

— В аэропорт! — сказал Хоб.

— Ты же без вещей!

— Ничего, паспорт, деньги и записная книжка при мне. А бриту и лишнюю пару джинсов можно купить и в Лондоне.

Часть III

ЛОНДОН

Глава 1

Самолет поднялся в воздух согласно расписанию, полет проходил без приключений. Погода была пасмурной, но самолет компании «Иберия» быстро набрал высоту и вырвался из-под облаков. Вскоре под крылом распростерлась зеленая Англия. Около полудня прибыли в Хитроу.

Пройдя таможенную и иммиграционную службу, Хоб сел в автобус и доехал до вокзала Виктория. Нашел телефонную будку и попытался еще раз разыскать Найджела в Париже, у Эмили Шумахер. Номер не ответил. Позвонил в Кью-Гарденс — просто на всякий случай. И там никто не ответил.

Хоб перекусил в пиццерии рядом с вокзалом, потом позвонил еще в несколько мест — на этот раз искал, где бы остановиться. Никого из знакомых в городе, похоже, не было. Видимо, придется потратиться на гостиницу, чего Хоб обычно избегал, наполовину из экономии, наполовину из принципа. Он достал свою записную книжку в коричневом переплете из кожзама и нашел телефон Лорне Атены, музыканта из Вест-Индии, с которым познакомился на вечеринке в Париже. Позвонил. Лорне оказался дома и сказал, что переночевать у него можно, если Хоб не имеет ничего против ударных инструментов и согласится спать на диване. Хоб не одобрял ни того, ни другого, но дареному коню в зубы

не смотрят, даже если ты частный детектив. Он решил сегодня заночевать у Лорне, а назавтра поискать что-нибудь получше.

Лорне жил на Вестборн-Гроув, в самом сердце района, населенного выходцами из Вест-Индии. Это была длинная, широкая, несколько запущенная улица, известная своими антикварными лавками и стычками на почве межнациональной вражды. Хоб позвонил по домофону, и Лорне впустил его в подъезд. Квартира Лорне была на пятом этаже без лифта. Когда сильно запыхавшийся Хоб вошел, Лорне приветствовал его, пожалуй, с излишней экспансивностью. Лорне был довольно светлокожим негром и отращивал буйные локоны, потому что считал, что ему это идет. Он был саксофонистом, и хорошим саксофонистом.

— О, привет! Как я рад тебя видеть! Заходи, стряхни со своих плеч бремя белых!

Лорне был маленьким и подвижным. Он в мгновение ока сунул Хобу бутылку пива, сэндвич с курицей и здоровенный косяк, из тех, которые сворачиваются из газеты и отрубают тебя на весь день до вечера. От косяка Хоб с сожалением отказался. Мозги ему сегодня еще понадобятся.

Лорне дал ему запасной ключ от квартиры. Хоб принял душ, побрился и переоделся в чистую одежду, одолженную у Лорне: джинсы, шерстяная рубашка и куртка на теплой подкладке. Потом уселся в викторианской гостиной Лорне, закурил «Дукадо», разыскал рабочий телефон Джорджа Уитона, записанный на клочке газеты, и позвонил.

Трубку взяла секретарша Джорджа, попросила подождать, пошептала с кем-то и передала трубку Джорджу. Хоб начал было представляться, но Джордж, оказывается, помнил, как они встречались несколько лет тому назад. Хоб сказал, что ищет Найджела и что дело срочное.

— Я думал, он в Париже, — сказал Джордж.

— Я думал, он в Лондоне, но мне передали, что он в Париже. И теперь я вообще не знаю, где он, а мне очень надо его найти.

— Вообще-то я и сам его ишу, — сообщил Джордж. — Ничем помочь не могу. А вы не пробовали заехать в галерею Дерекка Посонби в Вест-Энде? Загляните туда. Я им звоню, но никак не могу дозвониться. Знаете, что я вам скажу? Заезжайте-ка сегодня вечером ко мне, где-нибудь часов в семь, обсудим, как обстоит дело, и, может, вместе что-нибудь придумаем. Надеюсь, Найджел не пустился во все тяжкие, как бывало.

— Я тоже надеюсь, — сказал Хоб и записал адрес Джорджа.

Потом попытался найти Аннабель по лондонскому телефону Арлен. Арлен сняла трубку и сказала, что Аннабель ушла.

— По магазинам, — добавила она без всякой надобности, — но она ждала твоего звонка. Нельзя ли тебе перезвонить?

Хоб оставил телефон Лорне и сказал, что попробует сам перезвонить через несколько часов.

Затем он попытался разыскать Жан-Клода в Париже, но снова попал на вчерашнего мужика, и тот снова отказался сообщить, где сейчас может находиться Жан-Клод.

В конце концов Хоб позвонил Патрику. Трубку сняла его невеста Анна-Лаура, которая сообщила, что Патрик на несколько дней уехал к друзьям в Амстердам.

— Тебе пришло письмо, — сказала Анна-Лаура, — но на той неделе приходил Найджел и забрал его с собой. Письмо пришло с оказией.

— А как оно было надписано?

— Тебе, через агентство, по нашему адресу.

— Найджел его при тебе не распечатывал?

— Распечатал и прочел.

— Он тебе ничего не говорил, о чем шла речь в письме или от кого оно?

— Нет. Он быстро прочитал, поджал губы, сказал «Ага» — таким тоном, словно имел в виду: «Как интересно!» или «Ну надо же!» — вот такое «ага». Потом сунул письмо в конверт, положил в карман, поблагодарил меня и ушел.

— А письмо было длинное?

— На одной страничке. Это я точно помню.

— Обратного адреса на конверте не было?

— По-моему, нет. Впрочем, я не помню.

— А не было ли в этом письме чего-то необычного? Ну, в смысле с виду.

— Ну, бумага была такая, шуршащая. Я обратила внимание, когда Найджел его распечатал. Дорогая, наверно. Это ведь дорогая бумага, которая шуршит?

— Да, вроде бы. А еще?

— Да ничего. Разве что герб...

— Герб? Точно?

— Я не уверена. Я вот сейчас роюсь в памяти, пытаюсь вспомнить что-то полезное. Возможно, я это просто придумала. Но, по-моему, на письме все же было нечто вроде выпуклой печати или герба. Помнится, красно-желтая.

Хоб с трудом удержался от того, чтобы переспросить: «Ты уверена?» Вместо этого он спросил:

— А на конверте герба не было?

— По-моему, нет. Ни печати, ни обратного адреса.

— О'кей. Спасибо большое, ты мне очень помогла. Больше ничего припомнить не можешь?

— Да нет. Только вот Найджел спросил, нельзя ли от нас позвонить.

— И ты, конечно, сказала, что можно?

— Конечно.

— И кому он звонил?

— Понятия не имею. Он попросил сварить ему кофе, и я ушла на кухню, а когда вернулась, он уже повесил трубку, и вид у него был очень довольный.

— А потом?

— Он сказал, что ему надо позвонить Жан-Клоду.

— И что он ему сказал?

— До Жан-Клода Найджел не дозвонился, сказал, что, наверное, он торчит в одном из кафе на Форуме, и ушел.

— И все?

— Все. Все, что я помню. На самом деле, боюсь, я могла еще что-то присочинить.

Глава 2

Отправляясь на остров Сан-Исидро в Карибском море, Найджел был счастлив и полон надежд. Но когда Европа осталась позади и под крылом «Фламинго-737» распоростерлась унылая гладь Атлантики, его хорошее настроение начало улетучиваться. Найджелу внезапно пришло в голову, что на самом деле ему вовсе не хотелось куда-то лететь. Больше всего ему хотелось как можно скорее вернуться в Лондон. Конец июня, на носу день рождения его матушки. Найджел и его брат, Джордж, на мамин день рождения всегда приезжали в ее усадьбу, Друз-Холл близ Эйршира в южной Шотландии. Найджел не любил пропускать мамин день рождения. А в этом году ей должно исполниться восемьдесят три. Для нее это важная дата. И, хотя старушка легко относилась к своим годам, Найджел знал, что она в душе все больше боится надвигающейся смерти. В последнее время она часто заговаривала об отце Найджела, Чарльзе Френсисе Уитоне, который погиб в Ливане восемь лет назад — подорвался в джипе вместе с двумя наблюдателями ООН, собирая материалы для статьи в «Гардиан». Чарльз и Хеста разошлись много лет назад и встречались только на больших семейных сборищах. Но когда Чарльза убили, Хеста, казалось, потеряла нечто важное. Старушка заговаривала о нем лишь тогда, когда чувствовала приближение собственной смерти — когда у нее разыгрывался артрит или начинало барахлить сердце. Найджел всегда был паршивой овцой в семье — и зеницей ока Хесты Уитон. Джордж был занудой, добросовестным чиновником, выполняющим какую-то унылую работу в отделе контр-

разведки, и вечно обжеывал вопрос, жениться ли ему на Эмили, с которой он был неофициально помолвлен вот уже три года.

Найджел хотел поехать туда ради Хесты. Не так уж много времени он уделяет своей семье. Четыре года назад Хеста перенесла чрезвычайно болезненную операцию на желчном пузыре в полном одиночестве, потому что Найджел торчал в Чаде, пытаясь встретиться с Санджем аль-Аттаром. Это был короткий период работы Найджела в комиссии по борьбе с рабством и не единственный случай, когда в семье что-то происходило, а его рядом не оказывалось. Уитоны были не особенно дружной семьей, но в них существовала эта мрачноватая шотландская преданность, угрюмая, суровая и надежная. И Найджел чувствовал, что вечно предает своих родичей. А ведь он был старшим. И полагал, что лучше их всех знает свет. У Найджела были золотые руки, и больше всего на свете он любил натянуть какие-нибудь старые джинсы и взяться за починку, которой Друз-Холл, усадьба его матери, требовал постоянно. Найджел особенно любил каменные изгороди. Изгороди были не очень древние, где-нибудь прошлого или позапрошлого века, но тем не менее представляли собой прекрасный образчик мастерства каменщика. Камни были тщательно подобраны — слава богу, чего-чего, а камней в Шотландии хватает — и выложены так искусно, что между ними и шила не просунешь. Найджел нигде в Европе не встречал такой хорошей кладки, даже на Ибице, где более древние каменные стены были выложены не хуже египетских пирамид или странных храмов на Мачу-Пикчу. И, как и они, каменные изгороди Чертога Друидов никогда не были повреждены пушечными снарядами.

Найджел любил хорошую старую кладку. Он сам был неплохим архитектором-любителем. Его фазенда на Ибице, близ Сан-Хосе, под Эскабеллами, была выстроена им самим, по собственному проекту. Да, конечно, он ее потерял по бракоразводному контракту. Но он имеет право выкупить ее за установленную цену. Если добудет денег — что с годами становилось все более и более сомнительным. Так что усадьба его матери в Шотландии — самое близкое к тому, что можно назвать домом. Дом в Кью-Гарденс Найджел домом не считал. Он приобрел его в короткий период своего процветания, больше как капиталовложение, а также затем, чтобы было где остановиться во время приезда в Лондон. Он сам переделал внутреннюю обстановку, что существенно увеличило стоимость здания. Дом стоял на Кинг-стрит, на полпути между станцией метро и главным входом в парк Кью-Гарденс. Хорошее место, хотя и немного запущенное, особенно после большого урагана, опустошившего Кью-Гарденс. И тем не менее выгодное капиталовложение — оно принесет кучу денег, если, конечно,

Найджел решит его продать. А пока что он жил в единственной комнате в подвальном этаже, потому что остальную часть дома приходилось сдавать: две квартиры, которые он устроил на первом, и три комнаты на втором и третьем этажах. Славный домик; но особой любви к нему Найджел не испытывал. Его сердце принадлежало камню, живому камню Шотландии и Ибицы, древнему камню, помнящему старые времена и традиции. Быть может, именно любовь к древностям и заморским диковинкам и заставляла Найджела мотаться по свету. Это чертово шило в заднице, интерес к новым лицам и чужим странам гнал его все дальше и дальше, и из-за этого-то Найджел вечно пропускал важные события, вроде маминого дня рождения.

Чем больше Найджел думал об этом, тем больше он злился. Что за наглец этот Сантос! Он, должен быть, думает, что Найджел — что-то вроде бродячего коробейника! И на хрена Найджелу случась его чертова сделка и эти чертовы пять сотен баксов задатка! А ведь наверняка придется заночевать на этом чертовом острове. В Лондон он вернется в лучшем случае послезавтра. И снова пропустит мамин день рождения! Это ужасно.

А может, ну его к черту? Может, стоит вернуться домой, побыть с семьей? Вот и сестре, Элис, требуется его поддержка — хотя, если поразмыслить над тем, что она рассказывает, пожалуй, стоит скорее ее мужа, Кайла. Но у Кайла своя семья есть, пусть они его жалеют — все эти Джо, Бобы и Мэри-Джи, с которыми Найджел виделся на свадьбе Элис в Далласе два с половиной года тому назад. Конечно, надо признать, Элис несколько сварлива, а единственное преступление ее мужа, похоже, состояло в том, что он надолго оставлял ее одну, уезжая по делам, — он занимался разными рискованными предприятиями, что позволяло Элис вести роскошную жизнь в большой деревенской усадьбе в ста восьмидесяти милях к югу от Амарильо. И теперь Элис чувствовала, что она этого больше не выдержит, — а ведь ей следовало бы знать, во что она ввязывается, когда выходила замуж за Кайла. К тому же они с Найджелом никогда особенно не уживались. И все-таки она его сестра, часть его семьи. И, опять же, мама...

— Не желаете ли освежиться, сэр?

Найджел вздрогнул и поднял глаза. Из-за своих размышлений он совершенно забыл, где находится. А теперь вспомнил, что он — в на три четверти пустом самолете, летящем через Атлантику. К нему обращалась стюардесса — стройная, подтянутая, с красивым бюстом, довольно хорошенькая, на вид — лет около тридцати. Золотистая кожа — похоже, евроазиатка, любимый тип Найджела.

— Освежиться? — переспросил Найджел. — А спиртные напитки у вас подают?

— Да, сэр. Что вам угодно?

— Шотландское виски. Неразбавленного, пожалуйста. «Гленливет», если есть. И еще, милочка, мне нужен совет.

— Совет, сэр? Какой?

— Что можно подарить на день рождения восьмидесятирехлетней леди, у которой есть все?

— Дайте подумать, — сказала стюардесса.

Она сходила в буфет и принесла Найджелу виски. Они разговорились. Сама она с Барбадоса, сейчас живет в Лондоне. И ей, похоже, не меньше нравились крупные, яркие англичане средних лет с рыжей бородой и ярко-голубыми глазами, чем Найджелу — хорошенькие евроазиатки с золотистой кожей и ясным взглядом. Они обсудили, что подарить на день рождения матушке Найджела, потом поболтали о том о сем — самолет был почти пуст, и работы у девушки было не слишком много. Ко времени прибытия в Сан-Исидро они уже договорились, что встретятся на рынке сегодня вечером. Эстер видела очень приятные примитивистские акварели в хорошеньких рамочках, принадлежащие кисти художника с Сан-Исидро, довольно известного на острове. Должно быть, это подойдет в качестве подарка.

Самолет зашел на посадку в Сан-Исидро вскоре после полудня. Посмотрев вниз, Найджел увидел плоский, каменистый, заросший пальмами островок. Вдали виднелся берег Венесуэлы. Над горизонтом висели пухлые облачка, солнце сияло ярко, как и положено в тропиках. Найджел уже совершенно оправился от приступа угрызений совести и теперь предвкушал встречу с Эстер, а потом с Сантосом.

Глава 3

На следующее утро Найджел поднялся рано, в самом радужном настроении. Стюардесса, стройненькая и подтянутая в своей униформе, как раз собиралась уходить. Ее самолет летел обратно в Лондон. Она послала Найджелу воздушный поцелуй от дверей номера.

Примитивистские акварели Найджелу не понравились. Но они с Эстер славно побродили по городу и пообедали в «Синей бороде», лучшем ресторане Сан-Исидро. Затем выпили и потанцевали в «Сумеречном гроте», баре отеля «Конгресс». А потом хорошо поразвлекались в номере. Теперь Найджел заказал себе кофе с круассанами и полез в душ. Надо будет позвонить Санто-

су, сказать, что он здесь. Жалко, что Эстер сегодня улетает. Впрочем, они договорились увидеться в Лондоне.

Приняв душ и позавтракав, Найджел вышел из «Конгресса» на главную улицу Пуэрто-Сан-Исидро. Вдоль гудроновой мостовой росли высокие пальмы. С лотков торговали фруктами и консервами. Улица была, как обычно, забита двух-, трех- и четырехколесным транспортом. Обычная карибская смесь нищеты, ярких красок и хорошего настроения.

На самом деле, если отместить в сторону местного колорита, Сан-Исидро производил угнетающее впечатление. Этот островок явно создавался как тропический рай и ничем другим быть не мог. А поскольку в современном мире потребность в тропическом рае сильно ограничена, Сан-Исидро пребывал в запустении.

В городке было всего несколько приличных зданий с жестяными крышами. Одно — с черепичной крышей, голландское, судя по пропорциям.

— Это банк, сер, — сообщил ему лысый таксист с акцентом, характерным для таксистов стран Карибского моря. — А вон там — Рамерия, там пират Морган жил, когда его сделали губернатором.

— Замечательно! — сказал Найджел. — А это что такое? — спросил он, заметив дальше по улице довольно приличный образец карибской архитектуры эпохи короля Георга: здание с двумя крыльями, центральным входом, колоннадой вдоль первого этажа и балконом вдоль второго. Перед домом был ухоженный газон с несколькими старыми деревьями.

— А это Дом Правительства, сер.

— А-а! — обрадовался Найджел. — Подвезите меня к центральному входу.

Найджела, похоже, ждали. Улыбающийся дворецкий признал его, как только он представился, и провел его внутрь, вверх по шикарной двойной лестнице в расположенный на втором этаже аудиенц-зал, завешанный алыми портьерами и уставленный мягкой мебелью. Большие окна до пола были очень хороши, но часть из них заколочена досками. Комната смотрелась впечатляюще, однако, похоже, там давненько не подметали.

Возможно, Сантос был разочарован, когда вместо Хоба появился Найджел Уитон, но вида не подал. Он выбежал из кабинета — невысокий смуглый мужчина с заостренной бородкой, сильно похожий на Роберта де Ниро в роли мистера Кифра из «Сердца ангела». На Сантосе был безупречно пошитый белый тропический костюм и коричневые туфли с заостренными носами. На пальцах — несколько колец. Он сердечно пожал протянутую руку Найджела обеими руками.

— Рад вас видеть, майор Уитон! Жаль, что мистер Дракониан не сумел приехать вместе с вами.

— Хоб просил передать вам свои извинения. Он хотел бы принять ваше любезное приглашение, но, к сожалению, завален работой. Он шлет вам свои наилучшие пожелания.

— Я так рад, что он направил ко мне вас, майор!

— Увы, всего на пару дней. У нас в агентстве работы невпроворот.

— Ну что ж, на пару дней, так на пару дней, — согласился Сантос. — Тогда, раз время у нас ограничено, пожалуй, стоит сразу взяться за дело. Для начала, пожалуйста, возьмите это, — он сунул Найджелу в руку сложенный чек. — И, разумеется, я распорядился, чтобы ваш счет из отеля переслали прямо ко мне.

— Вы очень любезны, — сказал Найджел, припомнив очень славный серебряный сервиз, который видел в торговых рядах. Пожалуй, он как раз подойдет в качестве подарка на день рождения восьмидесятитрехлетней леди.

Сантос повел Найджела показывать дом, демонстрируя многочисленные *objets d'art*¹, которые в нем хранились. Мебельные гарнитуры эпохи разных Людовиков, портьеры и гобелены замечательных периодов европейской истории и бесконечные стеклянные шкафы, набитые тем, что Сантос называл «сокровищами искусства».

— Славная вещица, — заметил Найджел, указывая на изящную бронзовую фигурку мальчика на дельфине.

— Да, — согласился Сантос. — Идемте, я покажу вам еще.

Он провел Найджела по длинному мрачному коридору. Под потолком висели портреты, каждый из которых освещался отдельной лампочкой, льющей желтоватый свет на потемневшие масляные краски. Коридор был длинный, не меньше сотни футов. А вдоль него, под портретами, стояли шкафы со стеклянными дверцами, наполненные разными вещицами с аккуратными ярлычками. Коллекция яиц Фаберже, которую Найджел на глаз оценил в пятьдесят тысяч фунтов. Уйма драгоценностей, определить стоимость которых Найджел затруднился, но которые, очевидно, обладали по меньшей мере немалой исторической ценностью. Один шкаф был целиком заполнен карфагенскими монетами, похоже, золотыми. Оценить их стоимость было непросто, но явно не меньше сотни тысяч фунтов.

Гуляя по дому, Найджел производил в уме подсчеты. Когда сумма перевалила за миллион фунтов по самым скромным прикидкам, Найджел остановился.

¹ Произведения искусства (франц.).

— Сеньор Сантос, ваша коллекция действительно замечательна. Полагаю, вам должно быть известно, что она к тому же обладает огромной стоимостью.

— Я не специалист в таких вещах, — ответил Сантос. — Но я всегда полагал, что это так и есть.

— Скажите, Бога ради, как вам удалось собрать под одной крышей столько уникальных предметов?

— О, эта коллекция не моя, — сообщил Сантос. — То есть не моя личная. Вы видите перед собой официальные национальные сокровища Сан-Исидро, и они доверены мне от имени нации. Все, что вы видите на этих стенах и в этих шкафах. А в запасниках хранится значительно больше — немалая часть сокровищ еще не распакована.

— Кто же все это собрал? — поинтересовался Найджел.

— О, это скопилось за последние двести лет, — объяснил Сантос. — На Сан-Исидро перебивало немало правителей, и большинство из них вносили свою лепту. Не говоря уже о пиратах. Некоторые становились губернаторами острова. И тоже добавляли к этой сокровищнице немало предметов, которые в то время не представляли особой ценности, а теперь сделались антиквариатом.

— Блестящая коллекция! — сказал Найджел. — Насколько я понял, вы заинтересованы в том, чтобы кое-что продать?

— Вы совершенно правы.

— Именно для этого вам и понадобилось наше детективное агентство?

— Именно так, — согласился Сантос. — Надо сразу добавить, чтобы между нами не возникло недоразумений, что я продаю эти предметы не с целью личного обогащения. Я сам достаточно богат, на жизнь мне хватает. Я думаю о своей несчастной стране.

— Да, конечно, — Найджел постарался, чтобы в его голосе не было заметно иронии.

Но Сантос, похоже, говорил серьезно. Он продолжал:

— Нам нечем торговать с зарубежными странами. У нас нет ни нефти, ни минералов, ни даже развитой туристской индустрии, поскольку наш остров, хотя и довольно красив, все же не сравнится с Ямайкой или Багамами. На деньги, которые я рассчитываю выручить от продажи этих сокровищ, я намереваюсь открыть училища и колледжи для населения.

— А нельзя ли спросить, что именно вы собираетесь продать?

— Ну, что до этого, я намерен распорядиться большей частью того, что вы видите, — ответил Сантос, небрежно махнув рукой. — По крайней мере, наиболее ценными предметами.

Найджел прикинул, сколько может стоить вся коллекция. Если

то, что в других комнатах, не хуже того, что он уже видел, и если внизу сложено вдвое, а то и втрое больше того, что находится наверху, то это будет... Сколько? Десять миллионов фунтов? Двадцать миллионов?

Найджел внезапно почувствовал себя ребенком, который забрел в пряничный домик. «Бери все, что хочешь! — говорит ему старая ведьма. — Это все для тебя!» И он надеется до отвала. Но когда он хочет уйти... Нет, все это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Вы были очень любезны, — сказал Найджел. — Видимо, мне следует объяснить вам, как это обычно делается. Свяжитесь с одной из крупных галерей, скажем, «Кристи» в Лондоне или «Парк-Бернет» в Нью-Йорке. Отправьте им каталог того, что у вас хранится, — с кратким описанием и, по возможности, с фотографиями. Попросите прислать оценщика. Это общепринятая процедура.

— А не могли бы вы оценить их для меня? — спросил Сантос.

— Я могу определить примерную стоимость, но вообще-то я не эксперт.

— Однако вы работаете на группу дельцов, торгующих произведениями искусства?

— Да, мне приходится время от времени иметь дела в этой области. Но, повторяю, я не эксперт.

— Эти эксперты от «Кристи»... Полагаю, что их приезд сюда наделает много шума?

— Оценка может быть проведена без лишнего шума, — возразил Найджел. — Но специалисты от «Кристи» потребуют точно установить происхождение этих произведений. Понимаете, им это требуется для каталога.

— Да, я так и думал, — сказал Сантос. — Видите ли, все сделки, связанные с продажей этих вещей, должны производиться тайне.

— Все крупные торговые дома помешаны на тайне сделок.

— Но если я укажу им, с какой сложной процедурой придется столкнуться при продаже этих сокровищ, они могут начать возражать. Видите ли, мистер Уитон, никто не должен знать о том, что я их продаю. Они ведь, в сущности, мне не принадлежат. Это достояние нации. Я всего лишь хранитель, а не владелец.

— Но вы ведь имеете право их продать?

— О, давайте о правах не будем! С правами пусть разбираются юристы. Скажем так: я имею возможность продать их, чтобы взамен приобрести для моего народа что-нибудь получше. Новые рыбацкие лодки им нужнее, чем старые европейские мастера. Обучение современным технологиям земледелия для них важнее,

чем вазы венецианского стекла. Казино, которое привлечет сюда туристов, требуется больше, чем яйца Фаберже в стеклянном шкафу.

— Я вас понимаю, — кивнул Найджел.

— Если бы я попросил вас продать кое-что из этих вещей, — продолжал Сантос, — что бы вы предприняли?

— С документами или без?

— Ну, скажем, без документов. Это что-то из ряда вон выходящее?

— Ну что вы! К торговцам каждый день являются люди с различными более или менее ценными предметами. Откуда они их берут — никто не знает. Некоторые дельцы от искусства не слишком шепетильны насчет происхождения. Конечно, к крупным фирмам, таким, как «Кристи», это не относится.

— А вам известны подходящие фирмы?

— Вообще-то да, — сказал Найджел. — Но должен вас заверить, мистер Сантос, что, если вы выставите на продажу предметы с законным образом оформленными документами, вы выручите куда больше.

— На этот счет могут возникнуть сложности, — вздохнул Сантос.

— Я так и думал, — заметил Найджел.

— Понимаете, эти вещи — часть национального достояния Сан-Исидро. Они копились веками на радость народу Сан-Исидро. Правда, за весь год на эти сокровища приходит поглядеть не больше пяти-десяти человек. Так что нашему народу было бы куда больше пользы, если бы эти вещи удалось продать и на вырученные деньги провести в жизнь какие-то программы, направленные на благо нации, создать новые рабочие места...

— Несомненно, — согласился Найджел. — Я вижу, вы преследуете благородные цели, мистер Сантос. Нельзя ли спросить — вы что, намерены попросту похитить эти предметы? Я ничего не хочу сказать, но образ действий, который вы предлагаете, кажется весьма двусмысленным...

— Нет, воровством это назвать нельзя, — возразил Сантос. — Хотя я согласен, что подобная сделка может показаться двусмысленной.

— И вы всерьез думаете, что детективное агентство «Альтернатива» заинтересуется таким предложением?

— Всерьез, — кивнул Сантос. — За время общения с мистером Драconiаном у меня сложилось впечатление, что вы — люди, которым стоит доверять, но при этом не слишком придерживающиеся буквы закона.

— А вам не кажется, что одно другому противоречит? — поинтересовался Найджел.

— Истинная мораль строится на противоречиях, — ответил Сантос.

— Интересно... — сказал Найджел. — Позвольте мне немного расширить вопрос. Вот мы с вами в Доме Правительства, и вот эти сокровища. На дверях стоит охрана. Сокровища, как вы сами признаете, не ваши.

— Не мои, — согласился Сантос. — Но я могу брать отсюда все, что захочу.

— Так это же и есть воровство!

Сантос криво улыбнулся.

— Эти произведения искусства — достояние народа Сан-Исидро. А я — его президент.

Найджел взглянул на Сантоса в упор. Не шутит ли он? Да нет, Сантос не шутил.

— Вы что, правда президент? — переспросил Найджел.

— Заверяю вас, что это так и есть.

— Интересно, а почему вы не упомянули об этом в своем письме?

— Я хотел, чтобы вы сперва увидели то, что у нас есть. И еще я хотел оценить вас, пока вы оцениваете сокровища. Я доволен вами — надеюсь, взаимно. Может, нам стоит продолжить обсуждение в аудиенц-зале за стаканчиком шерри?

Найджел согласился. Он лихорадочно соображал. Возможно, что Сантос просто вешает ему лапшу на уши и что он попросту намерен обокрасть собственный народ. Но, с другой стороны, насколько Найджел мог судить, Сантос говорил искренне. А потом, сама эта идея «национального достояния» выглядела дурной шуткой. Это же все равно, что подарить человеку роскошное поместье, в котором он будет подыхать с голоду, или заставить его любоваться шикарным пейзажем и одновременно умирать от жажды.

— Насчет этих вещей, — сказал Найджел. — Если я правильно понял, вы хотите взять отсюда отдельные предметы так, чтобы люди об этом не знали, и продать их на международном рынке.

— Примерно так, — подтвердил Сантос. — Вы же понимаете, я это делаю ради блага нации. Мы очень маленький народ, майор Уитон. Наш остров славится самым худшим климатом во всем Карибском море. Согласитесь, слава эта сомнительна. У нас нет ни индустрии, ни природных ресурсов. Вы можете счесть мой замысел циничным, майор Уитон. Но я заверяю вас, что девяносто центов с каждого доллара пойдут на помощь моему народу.

— А кто это проверит? — спросил Найджел. Ему начинало становиться не по себе.

— Майор Уитон, — сказал Сантос, — я взял на себя труд разузнать кое-что о вашем прошлом. Мне кажется, у вас были какие-то проблемы в Стамбуле...

Найджел уставился на Сантоса.

— Черт возьми, откуда вы знаете?!

— Что-то связанное с контрабандой, не так ли?

Найджел понял, что влип. Он спокойно выпрямился в кресле, готовясь защищаться. Он никогда не терял уверенности в себе, но на этот раз дело действительно пахло жареным. Черт возьми, как неудобно оказаться на краю света, в этой Богом забытой стране, в мрачном старом доме, во власти этого мелкого латиноамериканца! Найджел снова, уже в который раз, почувствовал, как все-таки тесен мир. И как все повторяется! Нет, идея бесконечности все же ошибочна. Жизнь — это пьеса, в которой актеры делают вид, что не знают друг друга. А на самом-то деле они всю жизнь знакомы! И никуда от них не денешься. «Я бродил по улицам Города Невежества, ища хоть одно незнакомое лицо». Найджел вычитал эту фразу в рассказе американского писателя О'Генри, и она запала ему в душу.

— А мои записи посещаемости колледжа вы, случаем, не добили? — осведомился Найджел. — Полагаю, вам известно даже то, что я изучал историю?

— Но так и не защитились, — закончил Сантос. — А не хотите ли выслушать историю вашей семейной жизни?

— Нет, спасибо, — поспешно отказался Найджел. — Я ее и так неплохо помню. Должно быть, вы обратились в чрезвычайно толковое агентство, раз сумели раздобыть эти сведения за столь короткий срок.

— Вам виднее, насколько оно толковое, — сказал Сантос. — Мы сотрудничали с детективным агентством «Альтернатива». Вы ведь когда-то там работали, майор Уитон?

— Я уже вышел в отставку, — буркнул Найджел. Он был потрясен. — Так что с меня хватит и «мистера». Они что, прислали вам мое досье?

— Ну что вы, майор! Эти факты раскопать не так сложно.

Это он так говорит. Но... В Найджеле вновь пробудилось старое подозрение, что любовь всегда кончается смертью. Стамбул... Черт, надо же, как не повезло! Или — как его подставили... если Хоб действительно продал его капитану Кермаку, как предполагал Жан-Клод. Арест, допрос, его с Жан-Клодом сунули в кутузку и выпустили только через девять дней. Девять дней — не так уж долго. Но хватило, чтобы их имена занесли в банк данных Интерпола. И чтобы его потом задерживали и шерстили при каждом

удобном случае. В конце концов Джорджу пришлось употребить все свое влияние, чтобы Найджела убрали из компьютерных списков, потому что его только арестовали, но не предъявили никаких обвинений, и под судом он не был. Так что официально к банку данных о контрабандистах он не принадлежал. Однако тем не менее его имя каким-то образом там застряло. А с таким пятном в биографии ему никогда не получить визы в США, никогда не жить в Нью-Йорке. В Нью-Йорке Найджел никогда не бывал, но этот город всегда казался ему воплощением современного мира в миниатюре, городом двадцать первого века. Конечно, в Америку можно проехать и незаконным образом, но ведь всегда есть опасность, что в один прекрасный день его заметут и выпрут, и тогда весь Нью-Йорк к черту... И все это из-за Хоба! Если, конечно, это Хоб его заложил. Хотя кто говорит, что это Хоб?

— Я просто хотел разобраться, что к чему, — сказал Сантос. — Ну так что, согласитесь вы взяться за эту работу? Разумеется, на том условии, что мистер Дракониан тоже будет участвовать. Если многоуважаемый мистер Дракониан окажется в стороне, в наших планах появится серьезная брешь.

— Ну, это не проблема, — напряженно сказал Найджел. Он улыбался, но мысли у него были самые непечатные. «Какая тварь вывела их на агентство? С кем таким знаком этот Сантос, кто может знать и Хоба, и меня? Неужели Хоб действительно прислал ему мое досье? Да что ж это за чертовщина?»

Сантос предоставил ему комнату. Найджел позвонил в Париж Жан-Клоду и обсудил, как можно ввезти во Францию крупную партию произведений искусства, минуя таможенную и иммиграционную службы. Жан-Клод посоветовал отправить их через Шербур: у него там есть друзья, которые за соответствующее вознаграждение закроют глаза на что угодно.

— Мне нужно будет только отобрать то, что пойдет на продажу, — сказал Найджел Сантосу. — Упаковкой и перевозкой займутся ваши люди.

— Замечательно!

— А ваши инсинуации меня мало волнуют, — заметил Найджел. — В этом не было никакой необходимости. Я перешлю ваш товар в Париж и пришлю деньги, за вычетом десяти процентов, которые пойдут на уплату посредникам. То есть агентству.

— Меня это вполне устраивает, — сказал Сантос. — И у меня есть еще кое-что, что может вас заинтересовать. Работа. Речь идет о том, чтобы помочь некой организации приобрести произведения искусства. Европейскую живопись. Так что вам придется немедленно вернуться в Лондон.

— Без проблем, — согласился Найджел. — Рассказывайте.

Глава 4

Хоб ушел от Лорне, доехал на метро до Берлингемских торговых рядов в Вест-Энде и разыскал там галерею Посонби. Галерея была шикарная. Полированное дерево, рассеянный мягкий свет и картины, не обязательно хорошие, но, безусловно, дорогие. Повсюду расставлены огромные хрустальные пепельницы, но они так сверкали, что Хоб нипочем бы не решился осквернить их низменными окурками. Дерек Посонби был мужчиной среднего роста, пухлым, круглолицым, в круглых очках в золотой оправе. Он был одет в костюм, сшитый по моде времен короля Эдуарда, — серый в скромную полоску, на ногах красовались начищенные до блеска черные кожаные ботинки. Редеющие волосы зачесаны так, чтобы прикрыть макушку. Возможно, в качестве компенсации за лысину Дерек отрастил себе пышные бачки. Из-за этого его круглая, рыхловатая физиономия была похожа на яйцо, лежащее в гнездышке из волос. Вид у Дерека был самый простодушный. Он смахивал на воробушка, отыскивающего крошки. Мягкий, безобидный джентльмен. Такой облик весьма полезен в торговле искусством, где невинная внешность и мягкое обращение могут принести существенную прибыль.

— А зачем вам Найджел? — переспросил Дерек в ответ на вопрос Хоба.

— У меня есть для него работа, — сказал Хоб. — Нашему агентству нужны его таланты.

— Он может за нее и не взяться, — предупредил Дерек. — Вы же знаете Найджела: заведется у него в кармане двадцать фунтов — он и слышать не хочет ни про какую работу, пока деньги не кончатся. Дитя цветов, последний из хиппи!

— В последнее время он работал на вас? — осведомился Хоб.

— Ну да, сбывал кое-что от нашего имени, — небрежно согласился Дерек.

— Похоже, в последнее время он провернул для вас несколько крупных сделок, — не отставал Хоб.

— Да, было дело. Но эта информация строго конфиденциальна. Секреты бизнеса, знаете ли.

— Послушайте, — сказал Хоб, — мне действительно нужно знать, что произошло. Боюсь, Найджел встрял в неприятную историю. Ею интересуется парижская полиция. Я провожу расследование от их имени.

Дереку это не понравилось. Он, конечно, бахвалился своим профессионализмом, однако на самом деле был таким же простодушным, как и половина его лондонских коллег. Неприятный народ, с точки зрения Хоба, но Дерек был одним из лучших. Он дейст-

вительно хорошо разбирался в искусстве, особенно в голландских и французских мастерах четырнадцатого века. Хотя не сказать, чтобы он их так много видел. Дерек был не менее честен, чем любой из его собратьев. В конце концов, ценность произведения искусства во многом субъективна, и, в конечном счете, картина оценивается во столько, сколько торговец намерен за нее выручить. Дерек не хотел рассказывать о своих делах, но, с другой стороны, поговорить о них ему, безусловно, хотелось. Ведь между собой эти торговцы только об этом и толкуют: собираются в кофейной «Эсквайр» на Кингс-Роуд и хвастаются друг перед другом удачными сделками. Не будет большим преувеличением сказать, что любая сделка в лондонском мире искусств очень недолго остается тайной. Толпа болтливых кумушек. Так что Хобу не пришлось особенно долго уговаривать Дерек поведать ему всю историю. А начав рассказывать, делец так разошелся, что даже вызвал к себе в кабинет юного Кристофера, который присутствовал при том, как Найджел совершил эту сделку века. И вот, под комментарии Дерек и шум вентиляторов, юный Кристофер начал свое повествование.

— Я хочу купить картины, — сказал темноволосый латиноамериканец. — Меня зовут Арранке.

Это был смуглый, черноволосый, коренастый мужчина среднего роста, в верблюжьей спортивной куртке американского покроя. Куртка стоила, должно быть, больше, чем его авиабилет первого класса из Каракаса. Служащие галереи Посонби даже не сразу разглядели самого сеньора Арранке, потому что все их взоры обратились на куртку. Куртка сия была тем более примечательна, что ее можно считать одним из первых образцов мужской одежды, исполненных в сиреневато-розовато-желтовато-коричневых тонах. На самом деле такого сочетания цветов в Лондоне не выдвали со времен Томаса-Портняжки, о котором говорится в недавно обнаруженном отрывке из «Кентерберийских рассказов» Чосера.

А между тем сам сеньор Арранке заслуживал не менее пристального внимания, чем его куртка. Ну, во-первых, куртка все же принадлежала ему, а значит, он имел доступ к образцам высокой моды. К тому же у Арранке была широкая и угрюмая физиономия, украшенная тонкими усиками. Ботинки его были пошиты из кожи вымирающего вида рептилий. На руке, поверх расплюсценных костяшек, сверкал изумруд. И вообще, сеньор Арранке привнес в темную и чопорную картинную галерею свежее дыхание вульгарности.

Первые слова посетителя, адресованные нервному юному клерку, который осведомился, что ему угодно, были опять же:

— Я хочу купить картины.

— Пожалуйста, сэр, — сказал Кристофер. — Какие картины, сэр?

— Это не принципиально. Мне нужно пятьдесят пять ярдов картин.

Кристофер уронил челюсть так, что ему позавидовал бы любой театральный комик.

— Я боюсь, сэр, у нас, в галерее Посонби, картины на ярды не продаются.

— В смысле? — удивился Арранке.

— Видите ли, сэр, картины — это произведения искусства, и поэтому...

Вот тут-то и появился Найджел. Он только что вернулся с Сан-Исидро и прямо с аэродрома приехал сюда. Бросил свой легкий чемоданчик у дверей и величественно вошел внутрь.

— Ступайте, Кристофер, — распорядился Найджел. — С сеньором Арранке я поговорю лично.

— Хорошо, сэр, — поспешно согласился Кристофер. — Спасибо, сэр! — добавил он, только теперь сообразив, что чуть было не погубил сделку, за что его свободно могли выгнать с работы.

— Сеньор Арранке? — осведомился Найджел. — Простите, что задержался. Мой самолет только что прибыл. Кофе не желаете?

Найджел препроводил Арранке в кабинет Дерекка. Усадил гостя поудобнее. По счастью, Дерекков портвейн тридцатилетней выдержки оказался на обычном месте и коробка гаванских сигар лежала там, где положено. Найджел отправил Кристофера за кофе и пододвинул гостю большую итальянскую керамическую пепельницу.

— А теперь, сэр, — сказал Найджел, — давайте разберемся, что к чему. Мистер Сантос сказал мне только, что вам срочно надо приобрести большую партию живописи. В подробности он не вдавался. Нельзя ли узнать, что именно вам требуется?

— Хорошо, что вы вот так сразу берете быка за рога, — сказал Арранке. — Мне нужно ровно пятьдесят пять ярдов картин для моего нового отеля, и притом срочно.

И он повелительно взмахнул рукой.

— Замечательно! — порадовался Найджел. — Позвольте уточнить. Вам нужно пятьдесят пять погонных ярдов картин или же вы хотите приобрести картины, общая площадь которых составляет пятьдесят пять ярдов?

— Да нет, погонных ярдов, — сказал Арранке. — Понимаете, у меня там коридор длиной в пятьдесят пять ярдов, и мне нужно

повесить в нем картины. Не вплотную одна к другой, а так, чтобы от одной до другой была где-то пара дюймов. Сколько картин мне понадобится, чтобы заполнить пятьдесят пять ярдов коридора?

— Ну, это смотря как вешать, — рассудительно заметил Найджел. — Вам, разумеется, нужны картины в рамах?

— Конечно.

Найджел нарисовал какую-то бессмысленную закорючку в блокноте, валявшемся на столе у Дерека.

— И не впритык, а на некотором расстоянии?

— Ну да, на расстоянии нескольких дюймов, — согласился Арранке. — Думаю, так будет лучше. Хотя вам виднее, я не специалист.

— Зато у вас здоровая интуиция, — заметил Найджел. — Ну, давайте прикинем.

Он взял блокнот и карандаш и углубился в расчеты.

— Ну, скажем, на каждом ярде будет висеть по одной картине маслом шириной не более двух футов. Это позволит развесить их на некотором расстоянии друг от друга. Всего, значит, приблизительно пятьдесят пять картин. Хотя, возможно, вам стоит взять несколько штук сверху, чтобы хватило наверняка.

— Пятьдесят пять картин на пятьдесят пять ярдов... Да, звучит разумно, — согласился Арранке.

Найджел записал результаты расчетов.

— Вы уверены, что в коридоре ровно пятьдесят пять ярдов? А то обидно будет, если вы привезете картины в Латинскую Америку, а их вдруг не хватит!

— Ровно пятьдесят пять, — заверил его Арранке. — Я его сам шагами мерил. И повезу я их не в Америку, а в свой новый отель на Ибице.

Найджел вскинул бровь, но ничего не сказал.

— А вы берете в расчет обе стороны коридора?

Арранке хлопнул себя по лбу и произнес испанское ругательство, устаревшее еще в те времена, когда Симон Боливар только пачкал пеленки.

— Черт, а ведь и правда! Я забыл, что картины надо развесить по обеим стенам! А вы неплохо соображаете, сеньор.

Найджел поблагодарил его по-испански в самых изысканных выражениях. Потом вернулся к делу.

— А входят ли в это число картины в отдельных номерах?

— Carrambola! Про это я тоже забыл. В отеле двести двенадцать номеров. В каждый номер надо по две картины, одну в спальню, вторую в гостиную.

— Да, это как минимум, — сказал Найджел. — Ладно, значит, это будет еще четыреста двадцать четыре картины в номера. Верно?

Арранке кивнул.

— Значит, всего выходит пятьсот тридцать четыре картины. Если, конечно, они будут не шире двух футов.

— И во сколько мне это обойдется?

— Ну, сеньор Арранке, смотря какие картины. Полагаю, вам известно, что цены на картины могут быть очень разными.

— Знаю, знаю, — сказал Арранке. — И еще я знаю, что за десять-двадцать долларов можно купить копию в раме, такую, что и не отличишь. Я такие штуки видел в офисах в Каракасе. Но этого мне не надо. Я не собираюсь изображать из себя крутого спеца, но у меня свои требования. Я хочу, чтобы все эти картины были подлинниками европейских мастеров, упомянутых по меньшей мере в двух серьезных книгах по искусству. Не обязательно знаменитых, но тех, кто признан достойными — или как там у вас называются художники второго эшелона? В моем новом отеле все должно быть как полагается. И еще мне нужны на них документы, чтобы можно было ткнуть носом любого, кто засомневается.

— Разумный путь. Экспертам ведь платят именно за то, что они всегда правы.

— Я готов уплатить за все это пятьдесят тысяч долларов, при условии, что картины меня устроят.

Найджел кивнул и решил рискнуть.

— Откровенно говоря, боюсь, этого будет мало.

Арранке нахмурился.

— Ну, я не собираюсь сидеть тут и торговаться, как фермер на ярмарке! Я согласен дойти до ста тысяч, но ни центом больше! И картины должны быть переправлены в мой отель на Ибице немедленно. Там я их осмотрю. Если мне покажется, что они подходят, я за них сразу расплачусь.

— А если нет?

— Ну, увезете их обратно в Лондон.

Найджел покачал головой.

— Понимаете, если вы откажетесь их приобрести, то наши картины будут на длительный срок сняты с продажи, а ведь в это время их мог бы купить кто-нибудь другой. К тому же нам придется потратиться на страховку, перевозку и так далее.

— Хорошо, — согласился Арранке. — Я положу на депозит две тысячи долларов. Если хотите, могу две тысячи фунтов. Если я откажусь купить картины, эти деньги пойдут на покрытие ваших расходов.

— Ну, тогда все в порядке, — сказал Найджел.

В Европе вообще, и в Англии в частности, полным-полно масляных полотен художников, чьи имена встречаются по меньшей мере в двух справочниках или каталогах, имеющих в рас-

поряжении Посонби. Жуткую мазню этих «художников» можно приобрести по цене от десяти фунтов и выше — но, как правило, выше ненамного. Так что галерея Посонби должна была вырывать на этом кругленькую сумму.

Арранке встал.

— Мистер Уитон, в вас есть нечто, что выдает военного человека.

Найджел снисходительно улыбнулся.

— Что, неужели все еще заметно? Впрочем, это ничего не значит, старина. Я уже давным-давно вышел в отставку.

— И все-таки я чувствую в вас родственную душу. Не могли бы вы лично отобрать для меня картины?..

— С удовольствием! — сказал Найджел. У него как раз было на примете несколько Глюков, которые шли по пятнадцать фунтов за квадратный ярд, и парочка Меерберов — еще дешевле. Правда, настоящие Глюк и Меербер были не художниками, а композиторами, но это не так важно.

— ...И лично привезти их на Ибицу и развесить? Я вам доверяю.

Найджелу такое говорили не в первый раз. Люди ему доверяли. И, надо сказать, он почти никогда не обманывал их доверия. Он ведь заработает для агентства и для Хоба кучу денег на этой сделке с Сантосом — ну чего плохого в том, что он и для себя урвет кусочек?

— А потом? — спросил Хоб.

— А потом он отправился с картинами на Ибицу, — сказал Дерек. — Мы их упаковали в ящики, и он поехал с грузом в Саутгемптон и сел на теплоход, который идет в Бильбао и к Гибралтару, а оттуда на Ибицу. Полагаю, к этому времени они должны уже прибыть на место. Разумеется, все совершенно законно. Мы положились на удачу. Неизвестно, о чем думал Арранке, когда заключал эту сделку. Найджелу следовало бы взять деньги вперед. Если бы это было возможно. А то мы едва не отменили сделку. Слишком уж она рискованная. Но Найджел нас заверил, что упрavится, и мы отослали его с картинами. Верно, Кристофер?

— Именно так, сэр, — подтвердил Кристофер, откидывая со лба прядь белобрых волос. — Он даже настоял на новом гарде-робе!

— На случай, если он вдруг объявится, где ему вас искать? — спросил Дерек.

Хоб вновь ощутил отчаяние, которое столь часто вселял в него Найджел. Впрочем, агентству, кажется, светит крупная прибыль — это хорошо. Хоб надеялся только, что Найджел соображает, что

делает. Может ведь и не соображать — с ним такое часто бывает. Хоб дал Дереку адрес и телефон своего приятеля Лорне и ушел.

Время около трех. К Джорджу ехать еще рано. Что делает детектив, ведущий расследование, когда ему нечего делать? Хоб пошел на Пикадилли, смотреть американский детектив. В нем была уйма действия: погонь, драк и стрельбы, а игравшие в фильме актеры показались Хобу вроде бы знакомыми, хотя он никак не мог вспомнить, где их видел. У детектива, героя фильма, была уйма неприятностей из-за того, что каждый раз, как он бывал близок к разгадке тайны, ему на шею вешалась очередная женщина. У Хоба проблем с женщинами не бывало — по крайней мере, такого рода. Ну, зато в него и стреляли значительно реже, чем в героя фильма. А в остальном фильм был довольно близок к действительности.

Когда кино закончилось, Хобу как раз пришло время ехать к Джорджу.

Глава 5

Городок Фридмер-Бертон находился в Бекингемшире, в сорока милях к северу от Лондона. Ничего себе городок, живописный. Но Хоб приехал туда не достопримечательностями любоваться. Ему надо было поговорить с Джорджем Уитоном.

Джордж Уитон был младшим братом Найджела, работал где-то в разведке. Найджел про Джорджа почти ничего не рассказывал, только жаловался, что тот не в состоянии завязать приличный роман, что, с точки зрения Найджела, было главной целью человеческой жизни, хотя его собственные успехи на этом поприще оказались по меньшей мере сомнительны.

Последние семь лет Джордж поддерживал связь со Эмили Барнс, своей соседкой по Фридмер-Бертону. Эмили жила со своей прикованной к постели матерью в соседнем доме на две семьи по Ланкашир-Роу. Дом, где жил Джордж, был не таким уж удобным. Джордж получил его в наследство, и поселился там потому, что оттуда было удобно ездить в министерство обороны, которое недавно переехало в новое здание в северной части Лондона.

Эмили была красива несколько поблекшей красотой, одевалась дорого, но по большей части безвкусно, была хохотушкой, но отнюдь не дурочкой, и обладала хорошим чувством юмора. Работала она на какой-то технической должности в министерстве воздушного транспорта. Мужчины ухаживали за ней — не особенно навязчиво, но, во всяком случае, ее часто приглашали на свидания. Выдался один месяц, когда Эмили четырежды обедала в американском салуне «Последний шанс» на Глостер-Роуд близ

Старого Бромптона, каждый раз с новым молодым человеком. Неизвестно, какого мнения она осталась о довольно сомнительных мексиканских блинчиках, которые подавали в этой напыщенной забегаловке, разрекламированной на американский манер.

Эмили, безусловно, не была распущенной. Люди называли ее благоразумной. У нее была привычка нервно втягивать голову в плечи, когда ее неожиданно окликали, — что-то связанное с неприятным происшествием, которое случилось с ней в Шотландии в возрасте одиннадцати лет. Довольно странная история. Впрочем, это не имеет отношения к нашему рассказу, потому что Хоб ехал не к Эмили, а к Джорджу.

Джордж копался в саду. На его участке мало что росло, отчасти из-за густых деревьев, срубить которые было нельзя, потому что все липы в городке были наперечет, отчасти из-за того, что солнце, и без того редко появляющееся в тех краях, по каким-то известным лишь ему самому причинам предпочитало нырять за облака всякий раз, когда его лучи могли осветить «Сонгвейз», как окрестил усадьбу Джорджа последний приходской священник Малого Кенмора, деревеньки, расположенной в четырех милях от Фридмер-Бертон.

Маленький коттедж был выстроен по старинным обычаям тех краев: с высокой крышей, крытой снопами тростника, перевитыми соломенными жгутами. Ныне искусство делать тростниковые крыши почти забылось в Англии — любой деревенский парень предпочтет скорее смыться в Лондон и сделаться рок-музыкантом, чем обучаться безумно скучному и плохо оплачиваемому старинному ремеслу. Так что лет через десять тростниковые крыши должны остаться лишь в памяти местных жителей — последнему мастеру этого дела, Руфусу Блеккину, уже восемьдесят пять, и он давно не вставал с постели, помилуй Бог этого старого чудака. Джорджа огорчала утрата этого традиционного искусства. Он вообще был человеком чувствительным, но при этом слишком закомплексованным, чтобы позволить себе проявлять свои чувства внешне. И, однако, несмотря на то, что Джордж изо всех сил старался сохранять внешнюю невозмутимость, временами болезненная гримаса выдавала его чувства, когда происходило нечто, глубоко его задевавшее. Именно из-за того, что обычно лицо у Джорджа бывало абсолютно каменным, эти слабые проявления чувств особенно бросались в глаза, показывая, насколько сильно волнует его происходящее. Джордж, очевидно, сознавал это — об этом говорила нервная напряженность, с которой он встретил Хоба у дверей своего домика.

— Э-э... хм... Здравствуйте, как поживаете? Вы, должно быть,

Хоб, друг Найджела? Помнится, мы как-то раз встречались на дне рождения нашей матушки лет пять тому назад.

— Было дело, — согласился Хоб. — Я был очень рад познакомиться как с вами, так и с вашей мамой. Классная старушка — вы уж простите меня за американское словечко, но она действительно классная.

— Ничего, ничего. Проходите, пожалуйста. Чаю хотите? А может, вам пива? Или чего-нибудь покрепче? Джину?

— Я бы с удовольствием выпил чаю, — сказал Хоб. Хотя он предпочел бы кофе. Правда, во многих английских частных домах кофе водится. И, разумеется, кофе подают в большинстве ресторанов. В ресторане тебе что угодно подадут, лишь бы это приносило прибыль. Но этот «кофе» чаще всего оказывается растворимым. Англичане на удивление быстро пристрастились к растворимому кофе — что несколько противоречит распространенному мнению об их уме и хорошем вкусе. Впрочем, оставим это.

Джордж провел Хоба в дом. Они очутились в маленькой и темной гостиной, загроможденной столиками с фарфоровыми кошечками и прочим антиквариатом, притворяющимся стульями, кушетками, шезлонгами и иными предметами мебели. Короче, это была славная, типично английская комната. Это первое, о чем подумал Хоб, войдя. Особенно английской она выглядела сейчас, когда впереди шагал Джордж, высокий, худой, несколько сутулящийся, в окно заглядывал хитрым глазом-бусинкой скворец — непрменный обитатель любого английского садика, — и в камине пылало искусственное пламя — а может, и настоящее, поди отличи. Джордж провел Хоба на кухню с полосатыми занавесочками, пивными кружками в виде жизнерадостного толстячка и прочей типично английской утварью, поставил чайник и сделал другие приготовления, необходимые для того, чтобы заварить чашку — точнее, две чашки — чаю на английский манер.

Джордж был неплохим человеком, но не было в нем той искры, что в Найджеле. И все же фамильное сходство бросалось в глаза. Как и большинство из нас, оба брата были слегка чокнутые на общий, семейный манер. Миссис Уитон, их матушка, тоже была чокнутая, но иначе: она отличалась такой властью, что ее вечно просили выступать на собраниях женских клубов или в библиотеках с речами на тему о «важности стойких убеждений в наш век, когда теряются все нравственные ценности».

— Я как раз хотел связаться с вами, Хоб. Я собирался узнать у Найджела ваш адрес, но довольно долго не мог его разыскать.

— Знаю, — сказал Хоб. — Я надеялся, что вы мне подскажете, где его найти.

— О Господи! А я-то надеялся узнать это от вас! Сливок или лимон?

— И того, и другого, — ответил Хоб. — Нет-нет, погодите! Это я просто задумался.

— Я так и понял, — сказал Джордж с вежливой улыбкой. Он заварил чай — чайник закипел на удивление быстро благодаря усовершенствованию, придуманному самим Джорджем. Он на досуге баловался изобретательством, но из-за глубокой застенчивости никак не мог решиться запатентовать свои изобретения. Хоб положил себе сахару и взял лимон — чай со сливками он не очень любил.

Поскольку Джордж проявил интерес к происходящему, и к тому же волновался за брата, Хоб рассказал ему о последнем расследовании, которое вело детективное агентство «Альтернатива». Об убийстве Стенли Бауэра в Париже, о человеке с изумрудным перстнем, о том, как сам он разыскивал на Ибице того, кто мог последним видеть Бауэра, о «предупреждении», полученном от латиноамериканских мордворотов, о крупном чеке, присланном Жан-Клодом без каких-либо объяснений, о том, как с тех пор он пытался связаться с Жан-Клодом либо Найджелом, но не мог разыскать ни того, ни другого, о своем приезде в Лондон и о намерении встретиться с Аннабель.

Джордж в последний раз виделся с братом месяца полтора назад. Найджел в то время пребывал в унынии. Это понятно, поскольку и Джорджу, и Хобу было известно, что Найджела сильно расстроила потеря денег, которые он вложил в мавританское оружие. Кроме того, Джорджу, как и половине Лондона, было известно, что Найджел недавно удачно сплавил партию средненьких, но вполне себе подлинных европейских картин, не отличающихся ни особым мастерством исполнения, ни красотой, ни громкими именами авторов, невежественному, но толковому торговцу наркотиками из Венесуэлы, которому в данном случае его деловое чутье явно изменило. Что произошло после — оставалось неясным. Найджел вернулся на Ибицу, это точно, поскольку несколько дней назад он звонил брату из Брюсселя. «Извини, старик, сейчас мне разговаривать некогда. Передай мамочке, что на ее день рождения я непременно приеду и что у меня есть для нее замечательный подарок. Скоро буду!»

— А потом? — спросил Хоб.

— Потом — ничего, — ответил Джордж. Он немного поколебался, но все же решился: — Хоб, не сочтите за грубость, если я дам вам один совет. Я знаю, что это не мое дело и большая наглость с моей стороны, но я работаю в правительстве, и в моем секторе, как он ни незначителен, все же время от времени становится извест-

но о том, что происходит. Хоб, судя по тому, что вы рассказываете, вы забрались чересчур высоко. Это дело с «сомой», видимо, серьезное и чрезвычайно опасное. Умоляю вас, будьте осторожны!

— Стараюсь! — усмехнулся Хоб. — Главное, что меня сейчас тревожит, — роль Найджела в этом деле. Похоже, он работает на того самого человека, которого я подозреваю в убийстве Стенли Бауэра. И, похоже, понятия не имеет, что, собственно, происходит.

— Это и меня тревожит, — сказал Джордж. — Пожалуй, я приложу удвоенные усилия, чтобы разыскать Найджела. Когда вы свяжетесь с ним или он с вами, пожалуйста, дайте мне знать, хорошо? И если получите какие-то известия от Жан-Клода, тоже сообщите мне.

Хоб пообещал Джорджу держать его в курсе событий и ушел.

После ухода Хоба Джордж позвонил своему руководителю по специальному телефону, зарезервированному для срочных звонков. Телефон, для разнообразия, работал, и Джордж дозвонился сразу. Он представил себе длинное помещение с низким потолком, освещенное лампами дневного света, разделенное на множество кабинетиков и закутков. Начальство сидело на балконе. Там должен был находиться и его шеф.

— Ну, кто там еще? — раздался недовольный голос шефа.

— Это я, — ответил Джордж, как всегда, осторожный.

— А-а. Это тот, кто я думаю?

— Видимо, да.

— Джордж?

— Я попросил бы вас не называть моего имени по телефону.

— Эта линия абсолютно надежна.

— Надежных линий не бывает.

— Ну, может быть, — проворчал шеф. — Ладно, если вы не хотите со мной разговаривать, тогда зачем звоните?

— Нет-нет, хочу, — сказал Джордж. — Наверно, я, как всегда, перестраховываюсь.

Он прокашлялся.

— Сэр, я звоню по поводу этой «сомы», которой занимается наш Отдел Перспектив. Вы получили последние данные, что я высылал вам из Нью-Йорка и Парижа?

— Да, конечно. Чертовски интересно. Принято к сведению. А что, какие-то новости?

— На самом деле да. Торговцы «сомой» готовят полномасштабную операцию в ближайшем будущем. В дело оказалось замешано еще несколько людей, хотя только косвенно.

— Ну, и зачем вы мне это рассказываете? Могли бы сообщить в своем еженедельном докладе.

— Знаю, сэр. Но в данном случае я считаю необходимым предпринять немедленные действия.

— Джордж, да что вы такое говорите? Вам же прекрасно известно, что наш Отдел Перспектив занимается исключительно сбором информации и консультациями. Инструкции категорически запрещают нам какое бы то ни было вмешательство в события.

— Понимаю, сэр. Если помните, я сам помогал составлять основные положения инструкции. Иначе бы правительство вообще запретило нам действовать.

— Ну, так и что же?

— В данный момент ситуация несколько иная. Торговля «смой» начинает раскручиваться всерьез.

— Ну что ж, полагаю, вы можете анонимно сообщить об этом заинтересованным полицейским инстанциям.

— Нет, сэр. Я хочу действовать напрямую.

— Напрямую? Джордж, вы с ума сошли!

— Надеюсь, что нет, сэр: Понимаете ли, в это дело замешан мой родственник. Точнее, мой брат, Найджел. Сам он об этом и не подозревает, но тем не менее. Фирма, в которой он работает, детективное агентство «Альтернатива», готова ввязаться в серьезные неприятности, и Найджела это тоже затронет. Я хочу принять меры.

— Понимаю ваши чувства, — сказал шеф. Найджела он знал и, в общем, любил. — Но, боюсь, я не могу дать на это своей санкции.

— Сэр, речь идет о совсем небольшом вмешательстве. Практически незаметном.

— Джордж, я могу сказать вам только то, что вы и сами прекрасно знаете. Отдел Перспектив действует исключительно на условиях полного невмешательства. Мы следим. Даем рекомендации. И больше ничего. Иногда сердце жаждет действий. Особенно когда в дело замешан кто-то, кто нам особенно близок и дорог. Но это невозможно. Вы поняли?

— Да, сэр.

— Вы все поняли?

— Да, сэр. Извините за беспокойство.

Повесив трубку, Джордж отпер нижний ящик стола и достал записную книжку, исписанную совершенно непонятными закорючками и цифрами. Шифр Джордж выучил давным-давно, так что теперь без труда отыскал нужный телефон и набрал его. Ожидая ответа, он тихонько мурлыкал себе под нос. Приятно иметь такое взаимопонимание с шефом. Фраза «вы все поняли?», следующая за фразой «вы поняли?», была условным знаком, означа-

ющим разрешение действовать самостоятельно. И, что самое приятное, никто не догадается, что шеф только что дал ему добро, даже в том маловероятном случае, если эта насквозь проверенная линия была все же проверена хуже, чем следовало.

Поговорив по телефону, Джордж немного побродил по комнате, потом налил себе еще чашку чаю. И только тут вспомнил, вскочил и побежал отпирать дверь на чердак. Эмили спустилась вниз. Она была в клетчатом джемпере, черной юбке, белой блузке и темно-красных туфлях крокодиловой кожи.

— Извини, — сказал Джордж. — Но я подумал, что будет лучше, если он тебя не увидит.

— А кто это был?

— А, один приятель Найджела!

У него не было особых причин скрывать имя Хоба. Однако привычка к секретности взяла верх.

Глава 6

Поезд из Бертон привез Хоба на Паддингтонский вокзал. Хоб позвонил Аннабель. Она была дома. Он сразу узнал ее неуверенный голос с легким придыханием.

— А, Хоб! Я так рада тебя слышать! Откуда ты звонишь?

— Я в Лондоне.

— Замечательно! Я очень надеялась, что ты приедешь, но в записке об этом написать не решилась.

— Ну вот, я приехал. Так в чем дело? Зачем тебя понесло в Лондон?

— Хоб, мне надо очень многое тебе объяснить, но это не телефонный разговор. Ты свободен?

— Да.

— Прекрасно! У тебя есть где встретиться?

— Знаешь, где живет Лорне?

— Я у него была, но адреса не помню. Продиктуй, пожалуйста.

Хоб продиктовал адрес Лорне.

— О'кей. Слушай, у меня тут еще одно дело есть. Я приеду где-то через час.

Хоб согласился и повесил трубку. Пожалуй, у него еще есть время перекусить у Ло-Цу-Хунга на Квинсвей. В Лондон стоило приехать ради одной его утки по-пекински.

* * *

Он возвращался к Лорне пешком. Сейчас, вечером, Вестборн-Гроув выглядела еще более зловещей. В подъездах прятались темные фигуры, скорчившиеся, словно при игре на низком барабане.

чике. Небо над Лондоном отливало оранжевым. В ветвях чахлах вязов беспокойно шуршали крыльями вездесущие лондонские скворцы, словно с угрюмым терпением ожидали чего-то. По тротуару шел слепой, его белая тросточка с красной полосой поблескивала в сгущающемся тумане. Так что Хобу доставил немало радости раздавшийся впереди звук саксофона Лорне. Лондонские власти давно боролись с туманом, был даже принят специальный закон о борьбе за чистоту воздуха, но туман все равно наползал на пустынные тротуары и спускался в сточные канавы, заполненные грязной водой, шелухой от кукурузных початков и размокшими булочками, брошенными небрежными школярами. Хоб взбежал на крыльцо, отпер дверь подъезда, поднялся на пятый этаж, достал другой ключ и вошел в квартиру.

В квартире горел свет. Лорне в гостиной играл на саксофоне. Напротив сидели двое мужчин и внимательно слушали. Совершенно обыкновенные мужики лет тридцати с небольшим, один в светлом плаще, другой в темном. Плащи у обоих были расстегнуты, под ними виднелись темные костюмы. Молодые люди были при шляпах. Один положил шляпу рядом с собой на диван, другой, сидевший в продавленном кресле, пристроил ее на колено. Чисто выбритые, приятные молодые люди.

— Добрый вечер, сэр, — сказал тот, что в светлом плаще. — Вы случайно не мистер Дракониан?

Хоб признался, что это так.

— Мы — Эймс и Фильбин из Особого Отдела. Нам звонил мистер Джордж Уитон. Похоже, вам нужна наша помощь. Вы ведь ищете мистера Найджела Уитона?

— Да, ищу. Но при чем тут Особый Отдел?

— Мы просто оказываем услугу мистеру Уитону. Он время от времени помогает нам в работе, и мы стараемся отплатить чем можем. Он сообщил нам, что вы ищете мистера Найджела, и мы собираемся отвезти вас к нему.

— Он во что-то влип?

— Нет, сэр. Просто мистер Найджел сейчас работает на нас. Он хотел связаться с вами в конце недели, но, поскольку вы сказали мистеру Джорджу, что дело срочное, он готов встретиться с вами сейчас.

— Ну, прекрасно, — сказал Хоб. Он с трудом слышал, что говорил человек в светлом плаще, из-за того, что Лорне играл довольно громко. Честно говоря, не похоже это на Лорне. Обычно он деликатнее... — А когда он зайдет?

— А вот с этим небольшие проблемы, — сказал светлый плащ. — У мистера Найджела остались еще кое-какие неотложные дела.

Когда вы увидите, он все объяснит. Но он просил, чтобы вы приехали с нами. Мы вас к нему отвезем.

— Что, прямо сейчас?

— Да, сэр. Мистер Найджел говорил, что ему надо срочно по-видаться с вами. Что-то произошло, сэр, но что именно, мы не знаем. Внизу стоит наша машина, так что мы можем немедленно отправиться к нему.

Хоб кивнул, еле разбирая слова из-за воя саксофона. Лорне буквально надрывался. Странно. Обычно Лорне предпочитал рок. А сейчас он играл какой-то старый блюз. Хоб его знал, только названия не помнил.

Мужчины встали. Темный плащ раскачивался на каблуках, поглаживая усики. Светлый поправлял галстук. Саксофон Лорне ревел, точно труба архангела, возвещающая второе пришествие. И тут Хоб вспомнил, что это за блюз. Чей он? Фэтса Уоллера? Или Луи Армстронга? Ну да, старая любимая песня «Покинь град сей, пока не поздно».

Хоб взглянул на Лорне. Тот выпучил глаза, беря особенно высокую ноту. Хоб покосился на мужчин в плащах. Лица у них были каменные.

— Ну что, идем? — спросил светлый плащ, вежливо беря Хоба под локоток.

Хоб почувал неладное. На лбу у него выступил пот.

— Сейчас, только куртку возьму, — сказал он и двинулся к двери.

— Я с вами, — сказал светлый плащ.

— Ну ладно.

Внутренняя лестница была совсем рядом с входной дверью. Хоб направился к двери. Светлый плащ следовал за ним по пятам. Хоб резко остановился, светлый плащ едва не налетел на него, но тут же отступил на шаг. Хоб метнулся к двери, повернул ручку, дернул на себя. Рывок был хорошо рассчитан и заслуживал успеха. Черт бы побрал этот английский замок! Ручка повернулась, однако дверь осталась закрытой. Хоб услышал позади недовольное ворчание, протянул руку к замку, но тут в голове у него что-то взорвалось...

Глава 7

Мы не помним начала, мы не помним конца. Сознание — дурной сон, который мы видим, ненадолго пробуждаясь от прекрасных видений и того, что лежит за ними, великого, всеобъемлющего Небытия. Это было первое, о чем подумал Хоб, придя к себя. Его мысли все еще блуждали где-то вдали от происходяще-

го. Ему казалось, что он спал и видел во сне лесную поляну, девушку в белом платье и какую-то серую зверушку. Кажется, это был барсук, хотя Хоб никогда не видел барсуков. Но видение померкло, и Хоб ощутил пульсирующую боль в затылке и запах, резкий и отчетливый, смутно знакомый. Что это? Керосин? Нет, скипидар. Хоб открыл глаза.

Он был в тесной, загроможденной комнатке. Воняло краской и скипидаром. Над головой на черном шнуре с красными прожилками висела лампочка без абажура. Он лежал на темно-синей раскладушке.

В глазах все плыло. Через некоторое время зрение прояснилось, и Хоб понял, что находится в чем-то вроде кладовки. Вдоль стен стояли грубо сколоченные полки, забитые банками с краской и бутылками скипидара. В углу лежала куча всякого мелкого барахла, в другом углу стояли стертый веник и швабра.

Хоб скатился с раскладушки и не без труда поднялся на ноги. Постоял, пошатываясь, выжидая, когда к нему вернется равновесие. Комнатка была футов семь в длину. Дверь. Окон нет. Никаких других выходов тоже. И телефона тоже нет, так что на помощь позвать невозможно. Хоб был предоставлен самому себе.

Он немного походил по комнате, чтобы убедиться, что ноги его слушаются. Да, вроде все цело. Он подошел к двери и подергал за ручку. Дверь заперта. Впрочем, этого следовало ожидать. Что можно сделать с запертой дверью? Он потряс дверь за ручку. Раздался громкий стук. Хоб попробовал еще раз. Дверь тряслась, но не открывалась. Он прижался плечом к двери и толкнул. Толчок был не слишком сильный, но дверь затрещала. Вот, это уже лучше! По крайней мере, ему не попала одна из тех непреодолимых дверей, которые встречаются в детективах более экзотического сорта. Хоб утвердился на одной ноге и пнул дверь в середине. Она вздрогнула и застонала. Хоб уже собрался пнуть ее еще раз — на этот раз хорошенько, так, чтобы эта чертова фанера разлетелась в щепки, — но тут из-за двери послышался голос:

— Эй, там, потише! Вы мне всю дверь разнесете!

И в замке послышался скрежет ключа. Потом ручка повернулась, и дверь открылась. На пороге, покачиваясь на каблуках и глядя на Хоба, стоял невысокий, похожий на грушу человек в вышитом жилете, без пиджака, в серых камвольных брюках с остро заутюженной стрелкой, с прилизанными маслянисто-черными волосами. Мужчина курил маленькую сигару «Виллем-II»: Хобу показалось, что он различает пряный аромат голландского табака, его ни с чем не спутаешь. На указательном пальце правой руки мужчины сверкал крупный изумруд.

— Я имею удовольствие беседовать с сеньором Арранке? — осведомился Хоб.

— Верно, — сказал Арранке. — Ну что, пришли в себя? Проходите, познакомьтесь с ребятами.

Хоб осторожно вышел из кладовки и оказался в чем-то вроде гостиной какого-нибудь деревенского дома. Комната была довольно большой. Кое-как расставленная мебель: потертые мягкие диваны, словно прибывшие из второсортного отельчика на Гебридских островах, вперемешку с парой кресел, лучшие времена которых явно давно миновали.

«Ребятаки», о ком говорил Арранке, сидели в дальнем углу комнаты за карточным столом на стульях с деревянной спинкой. Похоже, играли в двойной пасьянс. Один из них поднял голову и небрежно махнул Хобу рукой. Второй продолжал созерцать свои карты.

Хоб не сразу сообразил, что это за парни. Потом он узнал их. Это были те самые мнимые работники Особого Отдела, которых он встретил у Лорне. Видимо, они скрутили его и привезли сюда. Куда «сюда» — неизвестно.

— Проходите, присаживайтесь, — предложил Арранке. Его голос был не особенно дружелюбным, но и враждебным его называть было нельзя. — Чайку не хотите? А аспиричку? Вот увидите, сразу все как рукой снимет!

Хоб проковылял по комнате. Почти рядом с дверью кладовки стояло мягкое кресло. В него-то Хоб и плюхнулся. Сиденье было продавленное, но Хоб был рад занять сидячее положение.

— Вид у вас ужасный, — заметил Арранке. Его тон сделался слегка озабоченным. Он обернулся к «ребяткам». Те, кстати, были без плащей.

— Эй, что вы сделали с этим мужиком? Мешком с кирпичами огрели, что ли?

— Да нет, — виновато сказал тот, что был в светлом плаще. — Я его всего разок стукнул по затылку.

— Черт возьми, я же говорил, что с ним надо обращаться бережно!

— Ну, так ведь надо же мне было его остановить, верно? Что бы вы сказали, если бы я не воспрепятствовал его отчаянному порыву к свободе? А?

— Ладно, — сказал Арранке. И обернулся к Хобу. — Извините, что так вышло. Я рассчитывал, что обойдется без рукоприкладства. Если бы вы просто пошли с ребятами, как нормальный человек, то и проблем бы не было.

— Я не хотел, правда, шеф, — обратился светлый плащ к Хобу. — Я ведь не костолом какой-нибудь. Но вы же так рванули,

что мне надо было немедленно вас остановить, а то я бы вас уже никогда не увидел. А Джо бы этого не одобрил.

— Что вы сделали с Лорне? — спросил Хоб.

— С этим черномазым? Да ничего. Небось до сих пор сидит, дудит на своем саксофоне и трясется. Мы ведь не убийцы какие-нибудь.

Темный плащ поднял голову и хмыкнул. Светлый плащ пожал плечами и уточнил:

— Ну, то есть обычно мы никого не убиваем. Без необходимости.

— О'кей, ребята, спасибо вам большое, — сказал Арранке. — А теперь подождите в передней, ладно?

Оба встали, вопросительно посмотрев на Арранке.

— Насчет него не беспокойтесь, — сказал Арранке. — С ним больше хлопот не будет. Верно ведь, радость моя?

Хобу, сидящему в перекошенном кресле с продавленным сиденьем, ничего не оставалось, как кивнуть. Поддельные работники Особого Отдела вышли, предварительно надев свои плащи. Когда они открыли дверь, Хоб увидел, что на улице действительно моросит.

— Извините за беспокойство, — повторил Арранке, — но мне действительно надо было срочно вас повидать.

— Могли бы позвонить и назначить встречу, — буркнул Хоб. — Кстати, а как вы узнали, где меня искать?

— Знать такие вещи — моя работа, — уклончиво ответил Арранке. — Мистер Хоб, знаете ли вы, что ваше поведение стало для меня проблемой?

— И не подозревал об этом, — сказал Хоб.

— Ну, по счастью, я могу этому воспрепятствовать. Но об этом позднее. А сейчас тут есть один человек, который хочет вас видеть.

Арранке открыл дверь и позвал:

— Входи, радость моя!

И вошла Аннабель.

Глава 8

На ней был новый костюм — цвета, среднего между красным и оранжевым, с блестящим поясом, подчеркивающим тонкую талию. На плечи наброшен черно-белый клетчатый шарф.

— Ах, Хоб! — сказала она с упреком, точно Хоб был сам виноват, что оказался здесь. Потом обернулась к Арранке, стоявшему в дверях позади нее.

— Вы его не ранили, надеюсь?

— С ним все в порядке, — сказал Арранке. — Весел и бьет хвостом, как говорят американцы.

— Дайте мне поговорить с ним наедине, — попросила Аннабель.

Арранке вышел, закрыв за собой дверь.

Аннабель огляделась.

— Боже, какая тут грязь!

Она обмахнула одно из кресел крохотным надушенным платочком и осторожно села.

— Как бы затычек на чулках не наставить! Ах, Хоб, ну зачем ты приехал в Лондон!

Хоб уже сидел. А то бы упал.

— Так ведь ты же сама этого хотела, разве нет?

— Да, конечно. Но в глубине души я надеялась, что ты разгадаешь мой план и постарайся держаться отсюда подальше. Хоб, ты ведь такой умный! Я всегда восхищалась твоим умом и сообразительностью, ты знаешь. Ну как же ты не догадался, что Арранке держит меня в руках, раз он не убил меня после того, как убил Стенли? Как же ты не понял?

Хобу не в первый раз приходилось сталкиваться с тем, что женщина всегда считает себя правой. Кейт была такой же. Она бросила Хоба, и он же оказался виноват. Вот и Аннабель: сама же заманила Хоба в ловушку и теперь обвиняет его в том, что он попался.

— Ну, если бы начать все сначала, теперь, когда мне известно больше, чем раньше, я бы, конечно, вел себя совсем иначе. Для начала я бы сразу тебя раскусил.

— Я с самого начала на это и рассчитывала! — сказала Аннабель. — Мне тебя ужасно жалко, но на самом деле я ни в чем не виновата. Нет, Хоб, моей вины в этом нет.

— В чем?

— В этой ситуации, которая возникла из-за того, что ты перся за мной в Лондон. И не моя вина, если тебя убьют. Ты уже большой мальчик и сам должен позаботиться о себе.

Хоб решил сделать вид, что не слышал ее последних слов. Может, она просто ломает комедию.

— Ну да, тебе незачем винить себя за то, что ты заманила меня сюда, — успокаивающе сказал он.

Однако Аннабель поняла его неправильно.

— Ах вот как? Теперь, значит, ты самый умный? Ошибаешься, Хоб! Ты не можешь винить в этом меня. Я не могла поступить иначе!

— Почему? — спросил Хоб.

— Ну, во-первых, под угрозой была моя собственная жизнь. Но дело даже не в этом. У меня есть свои обязанности! Я не та-

кая, как ты. Это ты можешь позволить себе мотаться по свету и рисковать собой ради собственного удовольствия. А у меня дочка в школе в Швейцарии. Совсем ребенок, ей еще и пятнадцати нет! И мужа у меня тоже нет! Так что, кроме меня, о ней позаботиться некому. Я должна жить — ради нее!

— Ну да, — заметил Хоб, — когда речь идет о благополучии дочери, дозволено все.

— Издеваешься? О, этот самодовольный мужской шовинизм! — обиделась Аннабель.

Хоб не понял, при чем тут мужской шовинизм, но счел за лучшее промолчать.

— Настоящая мать пойдет на все ради своего ребенка!

— Это очень трогательно, Аннабель, — сказал Хоб. — Твоя любовь к дочери делает тебе честь. Ты мать, и, разумеется, это все оправдывает. Ну, а теперь, если ты уже исчерпала свои шпильки, может, все-таки объяснишь, что, черт возьми, происходит?

Вместо ответа Аннабель взглянула на Хоба. В глазах у нее блестели слезы.

— Ах, Хоб! Тебя же предупреждали! Ну почему ты не бросил это дело?

— Я — частный детектив, — пожал плечами Хоб. — Меня наняли, чтобы найти убийцу Стенли.

— Но ведь твое детективное агентство — просто игра! Это все знают! Зачем же ты зашел так далеко?

— Игра? То есть как — игра?

— Ну, ты ведь занимался этим для самоутверждения. Все равно как половина народу на Ибице говорит, что они пишут картины, романы или музыку. Однако это все не всерьез. Просто тема для болтовни на вечеринках. Я думала, что для тебя это то же самое. Я и понятия не имела, что ты действительно попытаешься разыскать того, кто убил Стенли!

— Но ведь он был твоим другом, — заметил Хоб. — Разве тебе не интересно, кто это сделал?

Аннабель раздраженно замотала головой.

— Да знаю я, кто его убил! И за что — тоже знаю.

— Вот как? А мне не расскажешь?

— Стенли пытался загнать «сому», которую дала ему я. Это было до того, как я поняла, какую глупость свалила. Даже до того, как я познакомилась с Арранке и прочими. Все, что я знала, — это что Этьену привалила удача, а со мной он поделиться не желает.

— Так «сома» пришла от Этьена?

— Конечно! Я думала, ты знаешь.

— Наверно, я мог бы догадаться об этом, если бы подумал хорошенько. А где ее взял Этьен?

— На сборе в Гаване. Это была его доля.

— На каком сборе? Какая доля? Чего?

Аннабель попыталась устроиться поудобнее на перекошенном кресле. Юбка у нее задралась, выставив на обозрение великолепные колени. Она одернула юбку, но та снова задралась. Аннабель не обратила на это внимания.

— Это было пару месяцев назад. Мы с Этьеном некоторое время жили вместе — ну, ты знаешь. Он очень красивый мужик, действительно классный. И сначала мне казалось, что у него денег куры не клюют. Я думала, он богатый. Он вел себя так, словно очень богат. Я тогда не знала, что его отец содержит. И дает ему не так уж много. Но у Этьена был постоянный абонемент на самолет, в любую точку мира. На двоих. Он мог брать с собой меня или кого угодно. У него есть знакомые по всему свету. Мы могли останавливаться у его богатых друзей и обходиться вообще без денег. Так мы оказались в Гаване. Этьен узнал, что там что-то готовится. И захотел узнать что.

Аннабель расстегнула свою сумочку, порылась и достала мятую, почти пустую сигаретную пачку. Вытащила смятую сигарету, расправила ее и прикурила от зажигалки «Данхилл», на вид — литого золота.

— Ну вот, и оказалось, что это сборище в Гаване было чем-то вроде подпольного конгресса, собравшегося с целью разделения рынка.

— Рынка? — переспросил Хоб.

— Ну да, рынка сбыта нового наркотика. Этой самой «сомы». Понимаешь, она появилась буквально только что. Этьен услышал об этом сборище от людей, которые работают на его отца. Ну, на Сильверию Варгаса. У него просто сказочная вилла на острове, и он очень богат. Но Этьена держит на коротком поводке. Вот Этьен и решил организовать свое дело.

Она сделала паузу и театрально затянулась.

— Я-то на это особого внимания не обращала. Для меня Гавана была просто еще одним приятным местечком. Большую часть времени я проводила на пляже Варадеро. Ну, а потом Этьен получил свою партию — или как оно там называется, — и мы вернулись на Ибицу.

— И на Ибице ты стащила у него наркотик? — спросил Хоб.

— Ну, мне же были нужны деньги! Причем срочно. Я же тебе говорю, у меня ребенок учится в частной школе в Швейцарии. И мне, хоть тресни, надо вовремя оплачивать счета, иначе ее просто выставят. А я хочу, чтобы ее жизнь была лучше, чем у ее мамочки, понимаешь? И Этьен это понял с самого начала. Он знал, что я не могу жить с ним ради одного удовольствия. Я не могу себе этого позволить, когда у меня ребенок в частной школе. Он понимал, что мне нужны деньги. Не слишком много, но доста-

точно, чтобы оплачивать счета и заботиться о дочери. Этьен сказал: «Не тревожься, не суетись, все у тебя будет. Я организую». А сам и пальцем не шевельнул! Но тут мы возвращаемся из Гаваны, кругом все эти разговоры, а у него с собой партия наркотика, Однако ни цента наличными. А у меня счета просроченные. Мне надо было что-то предпринять. Этьен сел в свою «Монтессу» и укатил на другой конец острова к кому-то на день рождения. На два дня. И пока его не было, я взяла эту партию, и заключила сделку со Стенли.

— А почему со Стенли? — спросил Хоб.

— Ты, наверно, не знал его по-настоящему. Стенли был мужик правильный. Надежный. Он сказал, что у него в Париже куча знакомых, которые наверняка заинтересуются новым наркотиком. Мы договорились, что он загонит дурь, а выручку мы поделим пополам. Это была не первая наша сделка. Я знала, что Стенли можно доверять. Ну вот, а потом вернулся Этьен, увидел, что наркотиков нет, и устроил жуткий скандал. Я думала просто подождать, пока все уляжется, — я ведь не в первый раз уводила у мужика из-под носа лакомый кусочек, и обычно они потом всегда успокаиваются. Но на этот раз все оказалось сложнее. Из-за того, что «сома» — наркотик новый, все рынки сбыта уже поделены между торговцами, и они договорились не пускать его в продажу раньше уговоренного срока.

— А когда же его должны были пустить в продажу? — спросил Хоб.

— После открытия отеля. Ну и вот, Этьен ужасно разозлился и был к тому же здорово напуган, но я уже ничего не могла поделать. Стенли был в Париже, а я даже его телефона не знала. Этьен сказал, что между нами все кончено, и ушел от меня. И рассказал про все Арранке. Наверно, не мог не рассказать. Ну а тот явился ко мне.

— Когда это было? — спросил Хоб.

— На третий день после того, как мы вернулись из Гаваны. Не очень приятная встреча. Сперва я думала обвести Арранке вокруг пальца. Но он меня избил. Однако постарался, чтобы на лице следов не осталось. Я ему сразу приглянулась, но он сделал то, что и должен был. Мне было очень больно, Хоб, и я рассказала ему все, что знала про Стенли и про его знакомых в Париже. И, что самое странное, я не рассердилась на него за это, хотя больно было ужасно. Я понимала, что он прав, со своей точки зрения. Он ведь отвечает за всю торговлю «сомой», а я испортила ему сделку. Он в ответе перед людьми, а я в ответе перед ним. Удивительно, как это сближает! Когда он меня избил, он сам потом плакал — правда, плакал, Хоб! Я показалась ему такой красивой, что у него просто сердце разрывалось из-за того, что ему пришлось меня

ударить. И он очень старался не оставить следов там, где это было бы заметно. Ну вот, одно за другим, мы занялись любовью, и это была прекрасно! А потом он мне сказал, чтобы я держала язык за зубами, пока он не вернется, и уехал, а следующее, что я узнала, — это что они с Этьеном улетели в Париж, чтобы найти Стенли и вернуть наркотики. А потом я узнала, что Стенли убили. Думаю, он уже успел загнать наркотики, и Арранке старался хоть как-то заглядывать это недоразумение.

К концу рассказа Аннабель Хоб сидел совершенно ошеломленный и просто не знал, что сказать. Через некоторое время он выдал:

— Слушай, а мне-то ты зачем все это рассказала?

— Ну, надо же мне с кем-то поговорить! Мне ужасно неловко, Хоб. Из-за того, что ты попал сюда.

— И что теперь будет?

— А это уже не мое дело, Хоб. Это забота Эрнесто.

— Аннабель, ты не могла бы кому-то сообщить?

— Хоб, ну как ты не понимаешь! У тебя был шанс. Ты видел, как это все опасно. Ты мог бы это бросить, и тогда бы тебя никто и пальцем не тронул. Но ты не воспользовался своим шансом. И теперь тебе остается только смириться с тем, что будет.

— А ты, Аннабель?

— Ну, у меня своя жизнь, свои проблемы. Поверь, мне есть, о чем позаботиться. И я делаю куда больше, чем ты.

— Так это и есть твое представление об идеальной жизни?

Сделаться подружкой гангстера?

— Нет, Хоб, я рассчитываю на большее! Теперь у меня есть шанс проникнуть в действительно высокие сферы. Я не стану тебе говорить, что это за шанс. Я думала, ты настоящий друг, но от тебя сочувствия не дождешься. И я не позволю ни тебе, ни кому-то еще встать у меня на пути. Довольно меня пинали. С меня хватит. Теперь этому конец!

— Во блядь! — только и вымолвил Хоб.

— О! Ты не джентльмен! — воскликнула Аннабель и бросилась вон из комнаты. Эффект был слегка подпорчен: дверь оказалась заперта, и ей пришлось несколько раз постучать, прежде чем Арранке ее выпустил.

Глава 9

— Вот это девочка, а? — сказал Арранке, войдя в комнату и бросив восхищенный взгляд вслед Аннабель.

— Да, это уж точно! — согласился Хоб.

— Я скажу вам одну вещь, — продолжал Арранке. — Я вас,

конечно, убью, но хочу, чтобы вы знали: я сделаю это не из личной неприязни.

— Очень рад слышать, — заявил Хоб. — Это меня сильно утешает.

— Я на это надеялся.

— А может, сделаем еще проще?

— Как? — спросил Арранке. — Вы покончите жизнь самоубийством?

— Нет, избавлю вас от необходимости меня убивать.

— И как вы это себе представляете?

— Я дам вам слово, что, если вы меня отпустите, я забуду об этом деле. Аннабель права. Я откусил больше, чем могу прожевать.

— Вы что, серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Я бы очень хотел вам верить, — вздохнул Арранке. — Но я вам не верю. Боюсь, мне придется закрыть ваш счет.

— Простите?

— «Закрывать счет» — это американское выражение, означающее «прикончить кого-то».

— А-а! Да, давненько я не бывал в Штатах.

— Попробуйте встать на мое место. Предположим даже, я вам поверю. Но оставить вас в живых я все равно не смогу. Ваша смерть послужит примером. Я должен показать, что бывает с теми, кто встает на пути у торговцев «сомой». Это не какая-нибудь мелкая торговая сделка. Мы играем по-крупному. Нам нужно с самого начала заслужить авторитет. Как итальянской мафии. Понимаете?

Хоб кивнул. Какой смысл валять дурака теперь?

— С вами надо сделать что-то впечатляющее, — продолжал Арранке. — Что-то, что привлечет всеобщее внимание. Что-нибудь зрелищное или, по крайней мере, интересное.

— И что вы придумали? — поинтересовался Хоб.

— Да есть у меня тут парочка идей, — уклончиво ответил Арранке. — Но обсуждать их пока рано. Постарайтесь не дергаться, фарамун. Я скоро вернусь.

Хоб хотел сообщить Арранке, что полицейских обычно называют «фараонами», а не «фарамунами», но решил, что сейчас не время. Как бы то ни было, лишний раз раздражать его не стоит.

Арранке вернулся где-то через час.

— Отлично, — сказал он. — Свяжите его и отнесите на место.

Фальшивые работники Особого Отдела обмотали Хобу руки за спиной прозрачной пластиковой веревкой. Потом сделали то же с ногами. Один из них взял зажигалку и слегка подпалил узлы,

так, чтобы веревка оплавилась, но не загорелась, а узлы спаялись намертво.

— Ну вот, теперь фиг развяжешь, — сказал парень. Другой кивнул.

— Хорош. Понесли.

Они выволокли Хоба из комнаты, спустились по лестнице вслед за Арранке и оказались в заводском цехе. Под потолком на цепях висели лампы дневного света, а пол был загроможден останками некогда шумных машин. Цех выглядел ужасно старым. Хоб решил, что большая часть оборудования изготовлена где-то в начале века. Хотя наш детектив слабо разбирался в таких вещах.

— Положите его на транспортер, — распорядился Арранке.

Транспортер представлял собой металлический желоб на уровне пояса, со стенками где-то в два фута высотой. Он шел с наклоном через все помещение от отверстия в стене цеха где-то под самым потолком к большому металлическому кожуху размером с гараж. Что находится в кожухе — Хоб не знал, но боялся худшего.

Фальшивые работники Особого отдела положили Хоба на конвейер. Он почувствовал под спиной ролики. Арранке подошел к стене и сделал что-то, чего Хоб не видел. Раздался вой моторов. Он исходил от ремней, приводящих в движение ролики, и от того похожего на гараж кожуха, который был впереди, футах в пятнадцать.

— Эта машина — мельница для руды, — объяснил Арранке Хобу. — Куски руды доставляются этим транспортером и попадают в валки. Они прямо перед вами. Если вы чуть-чуть приподнимете голову, вы их увидите.

Хоб приподнял голову и увидел, что панель, закрывавшая вход в огромный кожух, отошла в сторону и впереди открылись два длинных стальных вала. Валы начали вращаться — сначала медленно, с жутким грохотом, а потом все быстрее и быстрее. Не надо было быть гением, чтобы догадаться, что лента транспортера поднесет Хоба прямо к этим валкам и его перемелет в муку, точнее, в кровавую кашу.

Появилась Аннабель. Она подошла к Хобу.

— Хоб... — сказала она. — Мне действительно очень жаль, что так вышло. Но я не виновата. Я тебя предупреждала.

Хоб никак не мог заставить себя поверить, что все это — всерьез.

— Брось извиняться, — сказал он, — лучше вытащи меня отсюда!

— Ах, Хоб! — воскликнула Аннабель и разрыдалась.

— Я на самом деле человек не жестокий, — сказал Арранке. — Но мне надо произвести впечатление на своих партнеров. Осо-

бенно на индусов. Когда они про это услышат, то поймут, что со мной следует считаться.

Лежа на спине на транспортере, Хоб почему-то не мог придумать никакого остроумного ответа. Он услышал еще один щелчок. Это Арранке нажал другую кнопку. Ролики под спиной Хоба начали медленно, очень медленно вращаться.

— Пошли отсюда! — приказал Арранке Аннабель и добавил: — И кончай хныкать, поняла?

— Мне просто неприятно видеть, как такое делают с человеком с Ибицы! — сказала Аннабель, вытирая глаза крохотным платочком.

— Его предупреждали, — ответил Арранке, словно это все объясняло. — Не волнуйтесь, мистер Дракониан. Я теперь на Ибицу. Ваш дружок Найджел, должно быть, как раз заканчивает развешивать мои картины. Когда он управится, я его тоже отправлю в ад, чтобы вам одному не было скучно.

Хоб услышал удаляющиеся шаги. А потом он остался один. Его несло транспортером прямо к вратам ада.

Глава 10

Когда Хоб остался один, первая его мысль была на удивление оптимистичной. Похоже, дела Арранке идут хуже, чем хотелось бы.

Доказательством тому — убийство Хоба не было спланировано с должной тщательностью. Видимо, у них просто не хватило времени продумать все до мелочей. Извернувшись и упершись ногами и головой в стенки транспортера, Хобу удалось остановить свое продвижение к страшным жерновам. Он закрепился в этом положении и попытался сообразить, что делать дальше. Не так-то просто было сконцентрироваться в этом шуме. За скрежетом шестеренок и ревом мотора мельницы ничего не было слышно, но Хоб выждал достаточно долго, чтобы дать Арранке и остальным сесть в машину и уехать отсюда. Потом настало время действовать.

Гарри Гудини, с его необычайной гибкостью, было бы раз плюнуть выбраться отсюда. Однако Хоб, к сожалению, был не Гарри Гудини. Он попытался перекинуть связанные ноги через борт транспортера, но не смог найти точку опоры, а тем временем лента конвейера протащила его еще на пять футов. Хоб сдался и снова уперся в стенки. Его продвижение к жерновам остановилось. Но, пока он так торчит поперек конвейера, он не может ничего сделать, чтобы отсюда выбраться.

Впрочем, по крайней мере, он в безопасности. Конечно, чтобы удержаться тут, требовалось некоторое усилие. Но зато это давало ему самое драгоценное: время подумать, изобрести какой-

нибудь блестящий план, который позволит выбраться из этой педеряги.

Увы, ничего толкового на ум не приходило. Хоб дышал грязным заводским воздухом, прислушиваясь к шуму машин. Сконцентрироваться оказалось просто на удивление трудно. Перед его мысленным взором проносились смутные образы: черно-белые моментальные снимки Ибицы, поблекшие виды Парижа, которого, быть может, он никогда больше не увидит... Странное состояние: Хоб был напряженным и взвинченным и при этом испытывал крайнюю усталость. Мышцы ног и спины дрожали от напряжения.

Минуты шли. Положение не менялось ни к худшему, ни к лучшему, но Хоб начинал уставать.

И проникаться тупой безнадежностью. Да, он нашел способ отсрочить смерть. Однако это требовало непрерывных усилий, а Хоб уже начал выдыхаться. Он ничего не имел против физических упражнений, но сколько он так продержится? Сколько ему придется продержаться? Кто еще знал о том, что Хоб здесь? Может ли кто-нибудь забрести сюда случайно? Сторож? Турист? Пацан, которому вздумалось полазить по заброшенному цеху? Да нет, вряд ли. По крайней мере, рассчитывать на это не стоит.

Задумавшись, Хоб и не заметил, как его тем временем утащило еще на несколько футов. Уставшие мышцы ног расслабились сами собой. Хоб тотчас же снова уперся в стенки, чувствуя, как ролики вращаются под спиной. До того, что он уже привык называть про себя пастью дьявола, оставалось около двадцати пяти футов.

Так, пора собраться и что-то придумать. Не может быть, чтобы не было никакого выхода! Хоб попробовал порвать веревки. Они были прочные. Узлов он не видел, но знал, что они расплавились, превратившись в комковатую массу. Свободных концов нет, не развяжешься.

Хоб лежал на спине на ленте конвейера, и его поле зрения было очень ограниченным. Он видел только собственные связанные ноги да блестящие металлические стенки транспортера. Он ухитрился немного приподняться, позволив ленте протаскать себя чуть дальше, чтобы разглядеть обстановку. Потом снова лег и уперся в стенки. Единственная полезная вещь, которую он заметил, — это что левый край транспортера был неровным. Должно быть, на него что-то упало, и футах в десяти впереди металл погнулся и надорвался. Если Хобу удастся перекинуть связанные руки через этот борт и позволить ленте тащить себя, возможно, зазубренный металлический край перережет пластиковую веревку.

Единственное «но» состояло в том, что, если это не сработает, если веревка не порвется, тогда его утянет прямо в жернова.

Насколько прочна веревка?

Наверно, стоит немного полежать и обдумать этот вопрос.

Но недолго. Утомленные мышцы то и дело расслаблялись, и Хоба тащило дальше — то на несколько дюймов, а то и на целый фут. Чем дольше он ждет, тем меньше шансов.

Ладно. Пан или пропал.

Хоб расслабил мышцы, почувствовал, как его поволокло в сторону вращающихся жерновов, попытался перекинуть связанные руки через борт, промахнулся на несколько дюймов, упал на спину, чувствуя, как его волочет дальше, извернулся, рванулся, выгнул спину, закинул ноги на край транспортера. Теперь он перенес как можно больший вес на ноги, чувствуя, как острый металлический край режет веревку, слыша, как грохочут металлические валки, ощущая, как одно за другим рвутся волокна, и понимая, что вовремя порваться веревка все равно не успеет. Изогнувшись, он увидел, что его ноги уже у самых валков. Он втянул ноги и снова уперся в стенки. До жерновов оставалось всего фута три. Его тело тряслось от усталости.

И в этот момент Хоб услышал самый приятный звук на свете: голос Джорджа Уитона, доносящийся откуда-то сверху и слева.

— Эй, Хоб! Держитесь, старина!

А потом — самый неприятный звук: тот же голос Джорджа прознес:

— Послушайте, вы не знаете, как выключается эта чертова машина?

Запыхавшийся Джордж в порванных брюках — он поскользнулся на грудке мусора у входа, — растерянно разглядывал огромный распределительный щит, висящий на стенке будки, расположенной на балкончике. На щите было штук двадцать маленьких рычажков, десяток кнопок и два больших рычага. И нигде ничего не написано. Джордж, поколебавшись, дернул за один из больших рычагов. Ничего особенного не случилось. Он дернул за другой. Опять ничего.

— Вот зараза! — пробормотал Джордж и нажал крайнюю левую кнопку. Ожил мотор подвесного крана. Джордж поджал губы и нажал другую. В цехе погасли все лампы, но машины продолжали работать. Джордж принялся лихорадочно давить на кнопки. В конце концов ему удалось включить свет обратно.

— Держитесь! — крикнул Джордж.

— Уйя-а-а! — заорал в ответ Хоб: подлые мышцы снова расслабились сами собой, и его потащило прямо в жернова.

И тут Хоб сделал открытие.

Его ноги, не особенно большие, тем не менее оказались слишком велики, чтобы пройти в двухдюймовую щель между валками.

Хоб принялся отталкиваться от валков связанными ногами. Валки крутились и гремели. Но втянуть его не могли.

Разве что зацепят штанину. Или шнурок.

Насчет штанин беспокоиться нечего. Пока Хоб кувырчался на транспортере, его брюки задрались выше колен. Но, посмотрев на ноги, он увидел, что левый шнурок развязался и концы болтаются, угрожая вот-вот попасть в валки.

— Джордж! — завопил Хоб. — Черт с ним, с выключателем! Вытащите меня отсюда!

— Иду! — крикнул в ответ Джордж и помчался к транспортеру.

Хоб продолжал отпихиваться от валков, приподняв голову и следя за шнурком. Только бы его не втянуло, только бы...

И тут шнурок, словно живой, сам пододвинулся к валкам и угодил точно в щель.

В этот самый миг Джордж ухватил Хоба под мышки, пытаясь стащить его с транспортера.

А валки захватили шнурок и принялись затягивать ногу Хоба.

Некоторое время Джордж играл с валками в перетягивание каната, причем канатом служил сам Хоб.

Тут Хоб вспомнил, что шнурок-то у него не простой, а плетеный. Ему казалось, что плетеные шнурки красивее...

Хрен тебе эта сволочь порвется!

И валки все-таки сжуют его, начиная с ноги.

Но тут с ноги Хоба сорвалась кроссовка. Ее сейчас же втянуло в валки, а Джордж ухитрился наконец-то сдернуть Хоба с конвейера, и оба полетели на грязный пол цеха.

Глава 11

Вернувшись домой, Джордж подыскал Хобу одежду.

— Это, конечно, всего-навсего старые тряпки для работы в саду, — сказал он извиняющимся тоном. — Но они пока сойдут. Потом подберем вам что-нибудь попроще. И, наверно, мои ботинки будут вам по ноге...

— Можно от вас позвонить? — спросил Хоб.

Он еще раз попытался дозвониться в Париж Жан-Клоду. И каким-то чудом поймал его с первого же звонка.

— Что происходит? — спросил Хоб. — Где тебя носило?

— А я думал, Найджел тебе уже давно все объяснил.

— Нет, я потому и звоню! Где Найджел? Что происходит?

— А-а, — сказал Жан-Клод, — так ты не знаешь про письмо?

— Про письмо я знаю, но не знаю, что в том письме было. Рассказывай, черт возьми!

И Жан-Клод рассказал, что, вскоре после того, как Хоб уехал на Ибицу, ему пришла телеграмма. В телеграммах всегда бывает

что-то срочное, поэтому Найджел ее вскрыл. Насколько помнил Жан-Клод, она была от Сантоса и послана из его островного государства Сан-Исидро. В телеграмме делались комплименты Хобу по поводу его недавнего дела, связанного с Авророй и Максом. Сантос был тогда на противоположной стороне, но его лично действия Хоба особо не затронули. За участие ему заплатили заранее, так что он мог наблюдать за событиями с философским спокойствием. В любом случае, в телеграмме речь шла не о том. Сантос выражал восхищение отличной работой Хоба и его агентства. Ему недавно подвернулось собственное небольшое дельце. Он не хотел обсуждать его ни в телеграмме, ни в письме, ни даже по телефону. И приглашал Хоба или кого-то из его людей на Сан-Исидро, обещая продемонстрировать традиционное местное гостеприимство и обсудить данное дело. Если даже Хоб откажется от сотрудничества, то, по крайней мере, приятно проведет несколько дней на замечательном солнечном острове. Далее Сантос сообщал, что в «Агентстве путешествий Кука» в Париже лежит обратный билет до Сан-Исидро с открытой датой. Он, Сантос, очень рассчитывает на приезд Хоба.

— Замечательно! — сказал Хоб. — А почему мне ничего не сказали?

— Мы пытались до тебя дозвониться, — сказал Жан-Клод. — А ты мотался по Ибице, разыскивал убийцу Стенли Бауэра. Мы звонили в бар Сэнди, но тебе, видимо, не передали. Так что мы с Найджелом это обсудили и наконец решили, что ему надо поехать туда и узнать, в чем дело.

— Значит, Найджел уехал на Сан-Исидро, — подытожил Хоб. — И что?

— Если бы я знал! — сказал Жан-Клод.

Хоб подозревал, что он знает. Наверняка это Сантос организовал сделку с Арранке.

Джордж заварил ему хорошего чая. И объяснил, что его Отдел Перспектив следил за развитием этой истории с «сомой» почти с самого начала. Это было крупное дело, из тех, что могут сильно повлиять на будущее. Но Джорджу полагалось лишь вести наблюдение. Закон открыто воспрещал ему любое вмешательство. После нескольких крупных провалов британской разведки группе, просчитывающей отдаленные перспективы, разрешалось работать только так.

— Однако когда я увидел, как развиваются события, я взял на себя смелость что-то предпринять, — сказал Джордж. — Я сделал это даже не столько ради вас, сколько ради Найджела. Я установил за вами наблюдение. И, узнав, где вы находитесь, явился за вами лично.

— Большое спасибо, — сказал Хоб.

— Официально считается, что ничего не произошло. Нам не положено вмешиваться. Только наблюдать.

— И что же мне теперь делать? — спросил Хоб.

— Лучшее, что вы можете сделать, — это вернуться на Ибицу, — сказал Джордж. — Я рассчитываю, что вы вытащите Найджела из этой переделки.

— А Найджел там?

— Именно так. Он наблюдает за развешиванием картин. Завтра состоится торжественное открытие отеля. Хоб, я хочу его вытащить. Я звонил ему, но не смог дозвониться. По официальным каналам сделать ничего не удалось. Испанская полиция и слышать ничего не желает. Но вы можете его найти и предупредить.

Хоб кивнул. Хотя ему ужасно не хотелось снова лезть в эту заваруху.

— Я сам отвезу вас в аэропорт, — сказал Джордж.

— Благодарю вас, — ответил Хоб. Манеры Джорджа ужасно заразительны.

Часть IV

ИБИЦА

Глава 1

Хоб умылся в маленьком туалете на борту самолета компании «Иберия», летящем из Лондона на Ибицу. У стюардессы даже нашлась бритва. Правда, крема для бритья не оказалось, пришлось воспользоваться крохотным кусочком мыла. А вот со старыми тряпками Джорджа сделать ничего было нельзя. Везде, кроме садика Джорджа, они смотрелись вопиюще неуместно. Хоб решил обзавестись новым гардеробом при первой же возможности.

Самолет приземлился на Ибице около часа по Гринвичу. Поздновато для того, что задумал Хоб. Он хотел пробраться на прием в честь открытия отеля, но приглашения у него не было. Что-то подсказывало ему, что эти ворота штурмом не возьмешь. Хоб надеялся только на Большую Бертю. У нее было приглашение — и привычка всегда опаздывать.

Он взял такси из аэропорта до Ибица-Сити. Такси с ревом пронеслось по шоссе, запруженному, как всегда в летнее время, покружило по улочкам Дальт-Вильи, и наконец высадило его в квартале от дома Берты. Хоб бегом добежал до ее квартиры и постучал в дверь тяжелым железным молоточком. Никто не ото-

звался. Он постучал еще несколько раз, потом вышел на улицу и принялся кричать в открытое окно:

— Берта! Вы дома? Это я, Хоб!

Когда он крикнул это в пятый раз, из соседнего рестораника выглянул лохматый подросток и сказал:

— Хоб вы или не Хоб, а ее нет дома.

— А ты откуда знаешь?

— Потому что я видел, как она уехала. Вы ее чуть-чуть не застали.

— Сагаи! — воскликнул Хоб. Это было обычное местное восклицание, означающее, что что-то идет не так, и не по вине говорящего.

— Да вы небось видели ее машину, когда сюда шли, — сказал парнишка. — «Симка» горчично-желтого цвета. Приметная такая.

Теперь, когда парень сказал, Хоб вспомнил, что и вправду видел эту машину. Но он был так занят, мысленно подгоняя такси, огибавшее крутые повороты по дороге к Берте, что не узнал ее машины.

— Ах, твою мать! — сказал Хоб. Он присмотрелся к парнишке повнимательнее и узнал его. Это был Ральфи, второй сын Сандры Ольсон. Выглядел Ральфи лет на четырнадцать. Хоб вспомнил, что с этим что-то не так: то ли на самом деле ему двенадцать, и он выглядит старше своих лет, то ли, наоборот, ему семнадцать, и он выглядит моложе.

— Ральфи! Что ты тут делаешь?

— Помогаю на кухне. Устроился подработать на каникулы.

— Мне очень надо поймать Берту! — сказал Хоб.

— У вас есть машина? Она довольно медленно ездит. Если вы знаете, куда она поехала, вы ее догоните.

Хоб покачал головой.

— Нет у меня машины. Придется вернуться на Пену и взять такси.

— А куда она поехала?

— На открытие отеля в Сан-Матео.

— Если бы у вас был мотоцикл-вездеход, — сказал Ральфи, — вы могли бы перехватить ее по дороге.

— Что за вездеход?

— Ну, такой, на котором можно ездить везде, не только по дороге. Вы могли бы срезать напрямик через горы.

— Нет, вездехода у меня нет.

— А у меня есть! Могу подвезти.

— А как же твоя работа?

— А, Пабло управится! Тысяча песет. Идет?

— Давай!

Ральфи шмыгнул обратно в ресторанчик. Послышался быстрый разговор на местном диалекте. Потом Ральфи появился снова и вывел огненно-красный «Бултако-Матадор» с двигателем на 250, кроссовыми шинами и высокими крыльями. Он ткнул ногой в педаль, мотоцикл взревел. На узенькой гулкой улочке рев был совершенно оглушительный.

— Залезайте! — скомандовал Ральфи.

Хоб на миг усомнился, разумно ли доверять свою жизнь пацану-старшекласснику — а может, еще и не старшекласснику, — который знает, что надо спешить. Но что ему оставалось делать? Он уселся позади Ральфи — и едва успел вцепиться ему в плечи, когда мотоцикл рванул с места.

Они понеслись по крутым, узким, мощенным скользким булыжником улочкам Старого Города, срезая путь через какие-то немыслимые проулки, кренясь на поворотах, точно яхта, попавшая в шквал. Гудка у Ральфи не было, но прохожие разбегались от одного пронзительного рева мотора. Дважды ноги Хоба слетали с подножек, и он с трудом удерживался в седле. Под самой ногой у него оказалась выхлопная труба, и ему стоило немалых усилий не поджариться. Но наконец они проехали через город, каким-то чудом не разбившись сами, никого не сбив и даже не задавив ленивого местного пса, нежившегося на солнышке на тротуаре, куда они свернули, огибая встречный поток машин при выезде на шоссе.

На шоссе стало чуть полегче. По крайней мере, оно было ровное. Ральфи вдавил педаль переключения скоростей до упора и там и оставил, так что мотоцикл летел на полной скорости. Впрочем, «Бултако» не давал больше восьмидесяти миль в час, так что на самом деле было не так страшно, как могло показаться.

— Круто, а? — бросил Ральфи через плечо.

— Следи за дорогой! — крикнул в ответ Хоб.

Так они мчались минут пятнадцать, пока не доехали до развилки. Направо шла дорога на Санта-Эюлалиа, налево — на Санта-Гертрудис, Сан-Матео и Сан-Хуан. Ральфи свернул налево. Через несколько минут он сбросил скорость и повернул на грунтовку, которая шла напрямик через горы, в отличие от шоссе, петляющего, как змея. Дорога оказалась довольно приличной, и если не задумываться о том, что за поворотом может попасться навстречу повозка, запряженная лошадьми — а Ральфи подобные мелочи не волновали, — то ехать можно было довольно быстро. Дорога поднялась на вершину, и тут они снова свернули, пролетев насквозь редкую сосновую рощицу и обогнув здоровенный валун, который природа, видимо, нарочно оставила здесь для любителей мотоциклетного слалома. Они поднялись на другую гору, и на вершине Ральфи резко затормозил. И указал вниз, налево. Хоб

увидел в нескольких сотнях футов под ними дорогу, ведущую к отелю, и горчично-желтую «Симку» Берты — или другую машину, очень на нее похожую, — которая только что остановилась перед воротами в высокой каменной стене. Хоб увидел, как охранник в форме проверил что-то — должно быть, приглашение Берты — и махнул рукой, разрешая проехать.

— Эх, чуть-чуть не успели! — воскликнул Ральфи. — Я мог бы спуститься вниз за пару минут. Ну чо, рискнем?

Хоб окинул взглядом склон, который был, пожалуй, чересчур крут даже для горнолыжника, и от души порадовался, что они не приехали пятью минутами раньше.

— Нет, — сказал он. — Теперь, пожалуйста, отвези меня к тому месту, где дорога на отель ответвляется от шоссе на Сан-Матео. Только медленно, понял? Берту я все равно уже не поймаю, но, может, подвернется кто-нибудь еще.

Ральфи выехал обратно через горы на шоссе и доехал до того места, где начиналась дорога на отель. Парень, похоже, был разочарован, что приключения так быстро кончились. Впрочем, тысяча песет — и еще пятьсот сверху — его слегка утешила. Ральфи удалился, взметнув за собой тучу пыли и ливень гравия, а Хоб уселся на камушек у дороги и принялся ждать.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя после этих мотогонок. Но вскоре пульс Хоба снова пришел в норму, и он обрел способность наслаждаться чудесным деньком — замечательным летним днем на Ибнице, теплым, но не жарким, с легким ветерком, несущим соленый запах близкого моря.

Мимо проехало такси, наполненное людьми, которых Хоб не знал. Он порылся в карманах, нашел смятую пачку «Дукадо», которую успел переложить из карманов своей одежды, оставшейся в Лондоне, нарыл коробок, в котором оставалось всего три спички, закурил и позволил себе расслабиться. Здесь было так тихо, а ночь у него выдалась беспокойная. Он всего на минутку прикрыл глаза...

— Эй, Хоб!

Хоб вздрогнул и очнулся. И сам удивился, как это он ухитрился заснуть. Впрочем, от теплого здешнего солнышка и шелеста листвы кого хочешь сморит. Хоб поднял голову и увидел потрепанный микроавтобус «Ситроен», остановившийся рядом с ним на обочине. Из окна выглядывала добродушная физиономия его приятеля Хуанито, владельца и шеф-повара одноименного ресторанчика в Санта-Эюлалия.

— Привет, Хуанито! — обрадовался Хоб. — А ты что тут делаешь?

— Везу закуски на прием в отель, — сказал Хуанито. — Мы с ребятами уже второй заход делаем.

На заднем сиденье микроавтобуса сидели двое официантов из ресторана. Хоб их обоих знал в лицо. Они кивнули друг другу.

— А ты что? — спросил Хуанито.

— Расследую одно дело.

Глаза Хуанито округлились, и он медленно кивнул. То, что кто-то из постоянно живущих на острове иностранцев занялся чем-то, хотя бы отдаленно напоминающим бизнес, уже само по себе было достаточно примечательно, а тут еще такой бизнес...

— И тебе надо попасть в отель? — догадался Хуанито. — То есть ты не думай, я в твои дела лезть не собираюсь...

— Все в порядке, Хуанито, — успокоил его Хоб. — Да, я расследую дело, и для этого мне необходимо присутствовать на приеме. К сожалению, приглашения у меня нет. Меня обещала взять с собой Берта, но мы разминулись.

— Не, без приглашения тебе туда не попасть! — сказал Хуанито. — У ворот проверяют довольно строго. Но если я могу чем-нибудь помочь...

— Ты можешь сделать для меня одно из двух, — сказал Хоб. — Когда окажешься в отеле, разыщи Большую БERTу и скажи ей, что я жду здесь, на дороге. Может, она придет за мной и проведет в отель.

— Ну, это легче легкого, — сказал Хуанито. — А второе?

— Ну, на это я не смею рассчитывать, — сказал Хоб. — Однако если бы ты согласился захватить меня с собой в качестве официанта...

Хуанито понимающе кивнул.

— А что, Хоб, дело важное?

— Очень.

— Ну, тогда я тебя сам провезу. Только вот одежды у тебя подходящей нету...

Хуанито пристально оглядел Хоба, облаченного в поношенные тряпки Джорджа, которые на Ибице смотрелись еще эксцентричнее, чем в Англии. Потом обернулся к одному из официантов на заднем сиденье.

— Энрике, вы с Хобом вроде бы одинакового роста. Ты бы не согласился обменяться с ним одеждой и не ходить на прием?

— А как же мои сверхурочные?

— Ну, Хоб наверняка тебе заплатит.

— Вдвое! — пообещал Хоб. — А тебе, Хуанито...

Хуанито замахал руками.

— Нет, мне платить и не вздумай! Это самое интересное приключение, которое мне довелось пережить с тех пор, как я уехал из Солт-Лейк-Сити!

Они переоделись за подходящим кустиком. Официантский костюм Энрике пришелся Хобу почти впору, если не считать

того, что пояс брюк оказался дюйма на три шире, чем требовалось. Но Хоб подпоясался, и все сошло нормально.

— Энрике, — сказал Хуанито, — не пройдешься ли ты пешком до Сан-Матео? Я тебя подберу на обратном пути.

— В такой денек — с удовольствием прогуляюсь. Ищите меня в баре «Легион».

А Хобу Энрике сказал:

— Постарайтесь не заляпать мой костюм кровью, мистер детектив!

Хоб пообещал сделать все, чтобы избежать этого. И они поехали в отель. Охранник даже не взглянул ни на Хоба, ни на другого официанта. Он уже видел Хуанито, когда тот приезжал в первый раз, и теперь просто махнул рукой, приказывая проезжать дальше.

— Ну вот, приехали, — сказал Хуанито. — А что теперь?

Он подогнал «Ситроен» к двери на кухню на задах отеля.

— Я был бы очень признателен, если бы ты дал мне какую-нибудь несложную работу. Мне надо осмотреться и найти Найджела. Кстати, ты его не видел?

Хуанито покачал головой.

— Но я почти все время был на кухне. Закуски разносить возмешься?

— Это как раз то, что нужно, — ответил Хоб.

Хуанито еще у себя в ресторане приготовил с полдюжины лотков с разными закусками. Теперь они с Хобом и еще одним официантом, которого звали Пако, перенесли их на кухню. Там Хуанито разложил их вперемешку на большом подносе. И Хоб отправился в центральный вестибюль отеля, неся с собой *rimientos rellenos de merluza*, *canelones de legumbres*, *gambas con huevos rellenos*, *gambas al ajillo* и фирменное блюдо Хуанито, позаимствованное у знаменитого Грегорио Камареро, *boqueones rellenos de jamon y espinaca*¹.

Снаружи отель выглядел большим зданием, расположенным на нескольких уровнях, наполовину из дерева, наполовину из дикого камня. Главное крыло было в три этажа, с балконами, выходящими на небольшую долину, также принадлежащую отелю. В долине располагались теннисные корты, площадка для гольфа на девять лунок, два плавательных бассейна под открытым небом, площадка для игры в джай-алай², единственная на Балеарских островах, и прочие сооружения, которых Хоб не успел рассмотреть, — среди них, кстати, была и конюшня. Внутри, в цент-

¹ Перчики, фаршированные мерланом, бобы с корицей, яйца, фаршированные креветками, яйца с чесночным соусом... анчоусы, фаршированные ветчиной и шпинатом (*исп.*).

² Традиционная баскская игра вроде лапты.

ральном вестибюле отеля, горел мягкий гостиничный свет и толпились люди с бокалами в руках, ведущие ту остроумную, веселую болтовню, которой по праву славятся обитатели Ибицы.

Туда-то и явился Хоб в своем костюме официанта: черные брюки с атласными лампасами, которые были велики ему на два, если не на три размера, поддерживаемые алым поясом, раз пять обернутым вокруг талии и затянутым достаточно туго, чтобы брюки не спадали — то есть туговато для того, чтобы чувствовать себя комфортно, — и дурацкая коротенькая курточка а-ля матадор. Хоб нес свой поднос обеими руками — изящно балансировать им на ладони одной руки он даже не пытался, — неуклюже пробираясь сквозь толпу беззаботно болтающих гостей в главном балльном зале, или как он там называется.

Оглядевшись, Хоб увидел, что все мужчины одеты по последней моде в костюмы из бутиков «Омбре» или «Йес!», а дамы облачены в пышные белые платья со шлейфами — «последний крик» здешних модниц в этом году. Хоб не в первый раз пожалел, что при нем нет ни пистолета, ни ножа, ни какого-нибудь другого оружия. Их последняя встреча с Арранке в Лондоне была еще слишком жива в его памяти. Впрочем, какого черта! Ему уже удалось одержать победу без всякого оружия, и, если повезет, он одержит ее еще раз. Главное, ему до сих пор не пришлось столкнуться ни с кем из своих старых знакомых — и в первую очередь с самим Арранке, который, по-видимому, был хозяином приема. Но, конечно, долго так продолжаться не могло — где угодно, только не на Ибице. Внезапно Хоб обнаружил, что протягивает поднос с закусками человеку, которого он знает: Луису Карлосу, владельцу ресторана «Нулевой километр» на дороге в Сан-Лоренцо.

Луис Карлос уставился на него, но не признал. Конечно, он был не вполне трезв. Его замешательство было вызвано в первую очередь тем, что на Ибице все определяется антуражем. Луис вежливо взял *huevos duros con atun*¹ на салфеточке и пошел дальше, похоже, так и не узнав Хоба.

На другом конце зала появился Арранке, и Хоб поспешно отвернулся, боясь быть узнанным.

Ему становилось интересно. Удивительно, как костюм официанта влияет на менталитет! Он отметил, что в его манерах появилось нечто угодливое, решил восстановить равновесие и начал вести себя напористо и нагло. В этом-то расположении духа он и столкнулся с Бертой.

— Хоб! — воскликнула Берта. — Что ты тут делаешь в таком костюме?

¹ Яйца вкрутую с тунцом (*исп.*).

— Выдаю себя за официанта, разносящего закуски, — шепнул Хоб. — Возьмите-ка одну для вида.

Берта взяла с подноса какой-то бутербродик и с любопытством воззрилась на него.

— Это что, настоящие закуски?

— Не более чем я — официант. Не ешьте, а только делайте вид. Послушайте, вы Найджела не видели?

Берта покачала головой столь энергично, что ее большие вишечные серьги зазвенели.

— А что, должна была?

— Ищите его. Когда увидите, скажите, что он в опасности и чтобы убирался отсюда как можно скорее.

Берта посмотрела на него с любопытством. Похоже, она уже собиралась спросить, а почему он сам не скажет об этом Найджелу. Но, по счастью, вспомнила, что не разбирается в частном сыске, кивнула и пошла дальше.

Глава 2

Найджел был в галерее на третьем этаже. Галерея была зенитной ока Арранке. Он намеревался продемонстрировать высший класс. Коридор длиной в сто шестьдесят пять и шириной в двадцать футов освещался скрытыми лампами, которые создавали уют, но не слишком хорошо подсвечивали картины. Впрочем, подсвечивать там было особенно нечего. Картины были из тех, про которые говорят: «Отвортаясь не насмотришься». Но зато все это были подлинники, написанные маслом, и Арранке весьма гордился своим удачным приобретением.

А вот Найджел не слишком гордился своей ролью в этом приобретении. Эти картины, залежавшиеся в запасниках галереи Посонби, при соответствующем освещении и в рамах, достойных шедевров, дома, в Англии, казались не более чем забавным приколлом. Но здесь, на Ибице, где каждый второй разбирался в искусстве, а половина иностранцев воображала себя художниками, это так не выглядело. Найджел внезапно сообразил, что по этим картинам станут судить не об Арранке — с Арранке что взять! — а о нем, Найджеле.

Найджелу помогали трое людей Арранке. Один лазил на стремянку и подвешивал картины, другой поддерживал их снизу, а третий ходил за ними с тряпкой и метелочкой из перьев, смахивал пыль. Найджел развешивал картины со своей обычной тщательностью, с помощью линейки и угольника, заботясь о том, чтобы все смотрелось ровненько. Он взглянул на картину, которую подвешивал сейчас, и сердце у него упало. Это был роскошный итальянский пейзаж, исполненный согласно лучшим канонам дур-

ного вкуса. Фонтаны, горы, кипарисы, пастушок, пастушка, да еще и фавн в придачу.

— Чуть правее! — сказал Найджел. По крайней мере, он позаботится о том, чтобы эти картины хоть висели как следует.

— Послушайте, — сказал Найджел своему третьему помощнику, — сходите-ка вытрясите тряпку в окошко. А то вы просто переносите пыль с одной картины на другую.

Парень угрюмо кивнул и не шелохнулся.

Тут явился Арранке. На нем было нечто вроде полуофициального костюма, купленного в Майами: зеленый вечерний пиджак в клеточку, причем зеленый цвет чересчур яркий, и даже черные клетки казались слишком яркими. На ногах — причудливые итальянские сандалии, каких на острове отродясь никто не носил. Из нагрудного кармашка пиджака торчал нежно-лиловый платочек с красным узорчиком. Покрой пиджака был, может, и неплох, но на пузатой фигуре Арранке смотрелся ужасно — впрочем, на этой фигуре смотрелась бы разве что большая грелка для чайника. Кроме того, в правом кармане виднелась небольшая, но приметная выпуклость. Возможно, это был всего лишь пакетик печенья, но Найджел почему-то сильно сомневался на этот счет.

— А, Найджел! Я вижу, вы уже почти управились?

— Да, Эрнесто. Осталось всего две картины. Как вы думаете, неплохо смотрится?

— Великолепно! — сказал Арранке. — Я, знаете ли, бывал в музее Прадо, так многие тамошние картины этим и в подметки не годятся.

Разумеется, это было самое ошибочное суждение о произведениях искусства за последнее десятилетие — если не за весь двадцатый век, — но Найджел не занимался учить его хорошему вкусу.

— Да, мне тоже кажется, что смотрится недурно, — сказал он, имея в виду скорее то, как были развешаны картины, чем художественные достоинства самих произведений.

— Когда управитесь, зайдите ко мне в кабинет. Ребята вам покажут. У меня для вас сюрприз.

— Очень приятно, — ответил Найджел, полагая, что речь идет о премии за проделанную работу.

— Да, кстати, — сказал Арранке, — тут на приеме присутствует ваш хороший знакомый.

— В самом деле?

— Да. Сеньор Дракониан решил нанести нам визит.

— Очень приятно, — повторил Найджел. — Я давно хотел с ним поговорить. А где он?

— Внизу, в центральном вестибюле. Угощает гостей закусками. Уверен, он будет очень рад вас видеть.

И Арранке удалился. Найджел про себя подумал, что он, конечно, малость неотесан, но по-своему очень славный малый.

Впрочем, Найджел никогда не славился умением разбираться в людях.

Глава 3

Когда Хоб вернулся на кухню, Хуанито подогревал горячие закуски и остужал холодные.

— А, Хоб! Ну как?

— Все отлично, — сказал Хоб.

— Послушай, не мог бы ты сделать одну вещь? Помоги Пако и Пепе достать вино из подвала. Нам нужен «Шато-Икем» шестьдесят девятого года.

— Пожалуйста! — сказал Хоб. — Мне все равно надо туда заглянуть.

Он взял у Хуанито ключ и фонарик и направился вслед за Пако и Пепе по короткому коридору к ступенькам, ведущим к еще одной двери. Хоб отпер ее и первым спустился в подвал.

Подвал, похоже, был довольно старый — видимо, он принадлежал еще фазенде, которая раньше стояла на месте отеля. Вдоль стен расположилась цепочка голых лампочек. Хоб нашел выключатель и включил свет. В тусклом отсвете можно было разглядеть, что стены подвала грубо высечены в известняке и даже неотшлифованы. Внутри было прохладно и сухо. Очень приятно после царящей снаружи жары.

Пробравшись в глубину подвала, Хоб увидел, что он переходит в естественную пещеру в скале. Вдоль стен стояли ящики с винами и шампанским. Хоб прошел мимо последнего и посветил фонариком в глубь пещеры. Проход уходил вниз, и конца ему видно не было.

— Ребята, вы беритесь за дело, — сказал Хоб официантам. — Найдите тут «Шато-Икем» и достаньте несколько бутылок. А я сейчас.

И он продолжил спускаться в пещеру, раскинувшуюся под отелем. Футов через пятьдесят пещера начала сужаться. Там-то Хоб и обнаружил ящики, накрытые зеленым брезентом. Они сливались со стеной, и Хоб чуть было не прошел мимо.

Брезент был притянут к ящикам веревками. Хоб отвязал один из углов и заглянул под брезент. Там оказались деревянные ящики. Он достал свой швейцарский армейский нож, не без труда отковырнул одну дощечку, едва не порезавшись в процессе. Внутри ящик был набит какими-то зелеными штучками, упакованными в стружку. Хоб достал одну и посветил фонариком. Ну да, конечно. Его зеленая бутылочка. Она была наполнена густой, прозрач-

ной жидкостью. Хоб встряхнул ее. Жидкость переливалась медленно, почти угрожающе. Что, пробник духов? Да нет, вряд ли. Это «сома».

Хоб сунул бутылочку обратно в стружку и приладил дощечку. Потом прикрыл ящик брезентом, оставив все более или менее как было. Взял последние полдюжины бутылок «Шато-Икема» и побежал обратно на кухню.

Вручив бутылки Хуанито, Хоб схватил другой поднос с закусками и снова вышел в зал.

Гости начинали разъезжаться. День клонился к вечеру. Настоящий праздник, предназначенный только для владельцев отеля и их личных гостей, должен был начаться примерно через час. А Найджела он так и не нашел. В конце концов Хоб заметил Берту.

— Уезжаете? — спросил он.

— Через несколько минут. Что, подвезти?

— Нет, мне придется остаться. Но я попросил бы вас заехать в казармы гражданской гвардии, к Рамону. Скажите ему, что здесь имеет место быть незаконное собрание и нам нужна помощь его мужиков.

— Хоб, ты пьян? Или накурился?

— Нет, просто вошел в роль. Пожалуйста, сделайте то, о чем я прошу. Вы ведь работаете на агентство.

— Ну да, конечно. А потом, честно говоря, прием ужасно скучный. Можно, я положу этот бутерброд обратно?

Глава 4

Хоб продолжал шататься по отелю, по-прежнему высматривая Найджела. Он забрел в Сиреневую комнату и встретил там Вану, того самого, который спас его от громил Арранке несколько дней тому назад.

— Рад вас видеть, сеньор! — сказал Вана. — Тут один человек хочет с вами встретиться.

Вана указал на опаленного солнцем лысеющего мужчину, сидевшего в удобном кресле в углу и курившего сигару.

— Позвольте мне представить моего хозяина, сеньора Сильверию Варгаса.

Мужчины обменялись рукопожатием. Варгас указал Хобу на кресло. Вана вежливо отошел в сторонку, так, чтобы находиться достаточно близко, если что-то случится, и все же достаточно далеко, чтобы не подслушивать.

— Давайте сразу к делу, — сказал сеньор Варгас. — Скажите, мистер Драконидан, какие интересы вы преследуете в этой истории с Арранке?

— Одного моего знакомого, Стенли Бауэра, убили в Париже. Его брат нанял меня, чтобы найти убийцу.

— И вы подозреваете сеньора Арранке?

Хоб кивнул.

— Можно сказать, что да.

Варгас улыбнулся и задумался. Наконец он заговорил:

— Надеюсь, вы не собираетесь сделать себе имя, разрушив крупный синдикат по торговле наркотиками?

— Нет, — ответил Хоб. — Я уже сказал, что связывает меня с этим делом. Кроме того, тут может быть замешан еще один мой друг. Не по своей воле. Я хочу вытащить и его тоже.

— А если вам удастся это сделать, обязуетесь ли вы держаться в стороне от нашего синдиката?

— Обещаю.

— Чем вы можете это гарантировать?

— Да вы посмотрите на меня! — воскликнул Хоб. — Мое лицо — зеркало моей души.

Варгас некоторое время изучал Хоба. Потом снова улыбнулся.

— Хорошее лицо. Типичный американец. Толковый. Решительный. Наивный идеалист...

— Вот я такой и есть! — сказал Хоб.

— И нахальный. Но это неважно. Мистер Дракониан, я полагаю, что тут наши интересы сходятся. Я думаю, мы сможем помочь друг другу.

— Нет, к вашей компании я присоединяться не собираюсь, если вы об этом.

— Ну что вы! Нет, мистер Дракониан, вы в самом деле восхитительны. Впрочем, возможно, вы по-своему способны добиваться результатов. Давайте выложим на стол часть карт. Вы, вероятно, знаете, что скоро должна начаться большая операция с наркотиками.

— Да, у меня сложилось такое впечатление.

— Между нами говоря, у меня тоже есть свой интерес в этом деле.

— Я никому не скажу.

— Спасибо. Но в данном случае важнее то, что мой сын, Этьен, оказался замешан сюда. Причем без моего ведома. И это начинает становиться опасным.

— Расскажите, — сказал Хоб. — То есть если хотите, конечно.

— Полагаю, мне действительно стоит это сделать. Вана сказал, что вы достойны доверия. А Вана не ошибается. Ладно, давайте-ка выпьем, закурим по сигаре, и я начну.

Варгас встал, налил по рюмке себе и Хобу. Потом открыл ящик кедрового дерева и предложил Хобу гаванскую сигару, такую,

какими полагалось быть гаванским сигарам в былые времена. Теперь таких американцам не продают. Оба закурили.

— На самом деле, — начал Варгас, — мой сын ввязался в это дело по моей вине. Вана мне так и сказал, и следует признаться, что это правда. Я держал мальчика на чересчур коротком поводке. Давал ему слишком мало денег. Я полагал, что абонемента на самолет на неограниченное число рейсов в любую точку мира и довольно щедрого содержания, которое я ему назначил, будет достаточно. Я хотел, чтобы мальчик встал на ноги, сделался чем-то большим, чем просто сынок богатого папы.

Варгас раскурил свою сигару и некоторое время задумчиво созерцал тлеющий кончик.

— Я рассчитывал, что он сделается адвокатом, войдет в высшее общество, воспользуется теми возможностями, которых у меня никогда не было. Я ведь пробивал себе путь тяжким трудом, мистер Дракониан, в жестоком мире, где все, чего ты хотел, надо было выгрызть зубами...

Хоб откинулся на спинку кресла. Одна из сложностей частного сыска состоит в том, что разные богачи вечно рассказывают тебе про свою жизнь. Хотя, пожалуй, история этого богача могла оказаться небезынттересной. К тому же сигара была очень хороша.

— Дело в том — но это между нами! — продолжал Варгас, — что у меня есть свой финансовый интерес в этой операции. Однако когда я услышал, что в это дело ввязался Этьен и что из-за его подруги, Аннабель, у него возникло недоразумение с сеньором Арранке и некоторыми другими заинтересованными лицами, я был шокирован.

— Еще бы!

— Семья для меня прежде всего. Этьен теперь в безопасности, у меня на вилле, под охраной моих телохранителей. Но мне не нравится, как пошло все дело. То, что поначалу казалось совершенно безопасной торговой операцией, теперь становится опасным. Сегодня вечером состоится окончательное голосование по поводу того, стоит ли продолжать все это. Я намерен проголосовать против. Это, конечно, рискованно, но я предпринял свои меры. А вот вы, мистер Дракониан, похоже, находитесь в опасности.

— Я и сам начинаю так думать, — согласился Хоб.

— Вот видите, что бывает, когда пытаешься играть в одиночку! Я рассчитываю, что на сегодня вы присоединитесь к нам с Ваной. Так будет безопаснее для вас.

— Спасибо, — сказал Хоб. — Но у меня есть еще кое-какие дела.

— Ну, будьте осторожны. Если нам всем удастся выйти отсюда целыми и невредимыми, считайте, что нам очень повезло.

Глава 5

Хуанито укладывался, собираясь уезжать.

— А ты не едешь? — спросил он Хоба.

— Не могу. Я еще не нашел Найджела.

Хуанито поколебался, не зная, как лучше выразить то, что он хочет сказать.

— А тебе не опасно оставаться?

Хоб угрюмо пожал плечами.

— Опасно. Но для Найджела тут тоже опасно. Ты не мог бы дать мне поднос с бутылкой шампанского и парой бокалов?

— Ладно, — сказал Хуанито. Он достал Хобу красивый подносик, пару охлажденных бокалов и бутылку лучшего шампанского в отеле. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

На самом деле Хоб этого не знал. Но он всегда придерживался точки зрения, что немалая часть искусства частного детектива состоит в том, чтобы делать умный вид, когда не знаешь, что еще можно сделать.

Он вышел из кухни с подносом, на котором красовались бутылка шампанского и два высоких бокала на белой салфеточке. Конечно, Хоб понимал, что эта маскировка шита белыми нитками, но он старался смотреть на происходящее с положительной стороны. Люди, которые его не знают, примут его за официанта, ищущего кого-то из гостей, а знакомые просто решат, что Хоб Дракониян проворачивает какую-то очередную хохму. Негусто, конечно; но это лучшее, что он мог сделать сейчас, когда прием кончался, а Найджела нигде видно не было. А найти его просто необходимо.

Большая часть народа уже разошлась, однако гостей оставалось еще немало. Хоб пробирался между ними, надеясь найти Найджела раньше, чем Арранке найдет его самого. Он искал глазами знакомую широкоплечую фигуру. Но в главном вестибюле Найджела, похоже, не было.

Хоб заметил лестницу, по которой поднимались и спускались беседующие люди с бокалами в руках. Он поднялся наверх. Там был коридор. С одной стороны находились пронумерованные двери — номера отеля. В другой стороне красовалась скромная табличка: «Картинная галерея».

Хоб прошел сквозь вращающиеся двери и оказался в коридоре, увешанном картинами в рамах. Должно быть, теми самыми, что Найджел купил по дешевке, потому что за все годы своего общения с живописью Хоб еще никогда не видел подобного убожества. Лучшим в этих картинах были, несомненно, рамы. Сами же картины были не просто плохи — они были отвратны. Даже не просто отвратны: на них плюнуть — и то не хотелось. Эти карти-

ны казались карикатурой на представление невежд об искусстве. Они могли бы служить объяснением того, почему простые люди по всей Европе с таким пренебрежением относятся к живописи семнадцатого-восемнадцатого веков. Эти картины относились к западному искусству, как сатир к Гипериону¹ — если вывернуть наизнанку знаменитый образ Шекспира. Или как шарманка к реквиему Монтеверди² — если привести собственное сравнение.

Хоб прошел весь коридор и добрался до дверей в дальнем его конце. Вид этих дверей ему чем-то сильно не понравился. В голове у него зазвучали пророческие рубаи:

Вот дверь, а что за ней — не знаю я.
Напрасно целый век гадаю я.
Нас смерть подстерегает на пороге,
А что за ним — потом узнаю я.

За дверью, видимо, картинная галерея заканчивалась и снова начинался реальный мир. Хоб поколебался и уже хотел было повернуть обратно, подобно некой новой Эвридике, не решившейся последовать за Орфеем, когда дверь распахнулась, и из нее вышли двое мужчин.

Вот справа скала и слева скала,
Терновник и груды песка...
И трижды шелкнул затвор ружья,
Но нигде он не видел стрелка³.

В опасные моменты у Хоба часто возникали такие странные поэтические ассоциации. Мужчины были одеты как гости, но было в них нечто — то ли черная шерсть на руках, то ли шрамы на скулах — явно следы ножа, то ли низкие лбы и квадратные челюсти, — что выдавало в них охранников.

— Простите, господа, не знаете ли вы, где можно найти сеньора Найджела Уитона? — осведомился Хоб на безупречном испанском.

Двое переглянулись. По их взгляду Хоб ничего разгадать не сумел. Тот, что выглядел покрупнее и пострашнее, сказал:

— Да, сеньор. Мы только что помогали ему развешивать картины.

Что-то тут было не так, но Хоб решил не обращать на это внимания.

— Один гость прислал ему бутылку шампанского. Вы не знаете, где его можно найти?

— Конечно, — ответил тот, что поменьше. — Сеньор Уитон

¹ В греческой мифологии отец Бога Солнца.

² Итальянский композитор.

³ Р. Киплинг. «Баллада о Востоке и Западе», перевод Е. Полонской.

собрался уезжать. Он отправился за чеком. Если вы пойдете с нами, полагаю, вы успеете его поймать прежде, чем он уедет.

Хоб прошел в дверь вслед за двумя охранниками. На самом деле нельзя сказать, что он шел следом за ними. Тот, что поменьше, шел впереди, а большой замыкал шествие, так что Хоб чувствовал себя куском колбасы в сэндвиче. Тут и менее подозрительный человек мог бы догадаться, что дело неладное. «А, черт с ним! — подумал Хоб. — Пропадать, так с музыкой!» Может, оно все еще и обернется к лучшему.

Эта часть отеля выглядела на удивление пустынной. Они прошли по коридору и оказались перед еще одной дверью.

— Проходите, пожалуйста, — сказал тот, что поменьше. Выражение его лица при этом сильно напомнило Хобу коварного калеку из старинной баллады «Наехал на Черную Башню Роланд», который направил юного рыцаря навстречу опасности. Впрочем, раздумывать о литературных ассоциациях было некогда. Невысокий охранник открыл дверь, и Хоб вошел. Большой ввалился за ним следом.

За дверью Хоб встретился лицом к лицу с сеньором Эрнесто Арранке, восседавшим за большим столом красного дерева. Сеньор Арранке явно был ужасно доволен собой.

— Проходите, проходите, мистер Драконииан! — радушно пригласил он. — Мы вас как раз ждали!

Хоб огляделся, чтобы узнать, кто это «мы». В комнате оказался Найджел. Хоб почему-то так и подозревал. Найджел мешком сидел на диване. Он был без сознания, и на лбу у него красовался здоровенный кровоподтек.

Похоже, начало этого маленького приема «только для своих» Хоб пропустил. Впрочем, скорее всего, на его долю развлечений хватит.

Найджел внезапно пошевелился и открыл глаза.

— А, Хоб! И ты здесь? Ты с собой никого не захватил?

— Кого именно? — поинтересовался Хоб.

— Ну, к примеру, Жан-Клода с его суровыми друзьями. Да нет, можешь не отвечать, я и так вижу, что ты явился один.

Найджел, похоже, был на него за это в претензии.

— Что очень жаль, — попытокжил Найджел. Он посмотрел на Арранке. — И вовсе не обязательно было стучать меня по башке, да еще так сильно!

Он осторожно потрогал кровоподтек на лбу.

— Извиняюсь, — сказал Арранке. — Джейм у нас новичок. Не выучился еще благородному обхождению.

Те двое, что привели Хоба, ухмыльнулись. Похоже, слова Арранке их не сильно смутили. Арранке и в самом деле был в радуж-

ном настроении, и двое его помощников, похоже, разделяли его радость.

— На самом деле я не понимаю, что вы имеете против меня! — обиженно сказал Найджел. — Конечно, надо признаться, картины — не первый сорт. Но что вы хотели за такие деньги — по двадцать фунтов за штуку?

— Да нет, картины меня устраивают, — ответил Арранке. — Проблема — собственно, ваша проблема, а не моя — состоит в том, что вы связаны с мистером Драconiаном. Когда мистер Сантос рекомендовал мне вас, я этого не знал.

— А-а! — протянул Найджел. — Так я и думал, что это что-нибудь в этом роде. Вы что-то имеете против Хоба?

— Боюсь, что да, — ответил Арранке. — Он сунулся в мои дела.

— Опять волну гонишь, Хоб? — вздохнул Найджел.

— Ну, если расследовать убийство означает «гнать волну», то да, — ответил Хоб.

— Вот видите? — спросил Арранке. — Он называет это «расследовать убийство». А я это называю — совать нос в мои дела. Этого я допустить не могу. Я полагал, что избавился от мистера Драconiана еще в Англии. А он вдруг появился здесь. И к тому же мне стало известно, что вы — сотрудник его так называемого детективного агентства.

— То есть что значит «так называемого»? — возмутился Хоб. — Если это не детективное агентство, что же это, по-вашему?

Ему и в самом деле было любопытно.

— Мне прекрасно известно о вашей связи с МИ-6¹, — ответил Арранке.

Вот это новости!

— В первый раз о них слышу! — искренне удивился Хоб. — А ты, Найджел?

Найджел мотнул головой, поморщился и предположил:

— По-моему, это название какой-то автомагистрали в Англии, нет? Ах нет, то М-16!

— Все это очень забавно, — вмешался Арранке. — И, полагаю, мы могли бы еще некоторое время побеседовать на эту тему. Но у меня тут срочные дела. Так что извините, мистер Уитон, мне надо поговорить с вашим шефом наедине.

— Пожалуйста, пожалуйста! — сказал Найджел, поднимаясь с некоторым трудом. — А я пока пойду. Схожу в деревню, выпью пивка. Идет?

— Боюсь, я имел в виду не совсем это, — возразил Арранке. —

¹ Одно из подразделений Британской разведки.

Впрочем, я одобряю то, как легко вы к этому относитесь. Ребята проводят вас в отведенное для вас помещение.

В руках у «ребят» неожиданно оказались пистолеты. Хоб не успел заметить, когда они их достали. Тот, что побольше, махнул рукой Найджелу. Найджел посмотрел на него, на Хоба, приподнял бровь и пошел к двери.

— Нет-нет, не туда! — остановил его Арранке. — Для вас выход особый.

Он обошел стол и нажал на кнопку. Панель дальней стены отошла, открыв потайной ход.

— Сюда, пожалуйста. Мы не хотим тревожить гостей. Правда, они по большей части уже разошлись, но кое-кто все еще остался.

Невысокий двинулся вперед. Большой махнул Найджелу своей пушкой. Найджел пошел в проход следом за невысоким, потом обернулся и сказал Хобу:

— Ну что ж, старик, надеюсь, ты уже придумал, как из этого выпутаться!

— Говорить об этом сейчас было бы преждевременно, — ответил Хоб.

Большой охранник снова помахал Найджелу пистолетом, уже более настойчиво. Найджел хмыкнул и вошел в проход. Большой последовал за ним. Панель мягко закрылась.

— Ну вот, — сказал Арранке. — У нас с вами есть несколько минут, чтобы побеседовать с глазу на глаз.

— Да, верно, — согласился Хоб, снова обернувшись к Арранке. У него была мысль броситься на этого типа, но с нею пришлось расстаться. У Арранке тоже был в руке пистолет. Ну что это такое: все при оружии, кроме порядочных людей! Впрочем, наверно, так оно всегда и бывает...

Глава 6

— На самом деле, — сказал Арранке, — я рад, что у меня не вышло расправиться с вами в Англии. Я тогда не знал, что вы можете пригодиться мне для важного дела тут, на Ибице.

— Очень рад, — сказал Хоб. — Чем могу быть полезен?

— Вы можете умереть с пользой для меня.

— Это мы уже проходили в Англии.

— Да, но тогда это было не ко времени. А теперь мы все повторим, только на этот раз мы сделаем вовремя и как следует. Так хочет Картель.

— Что за Картель? — удивился Хоб.

— «Кали-Картель». Не латиноамериканский «Cali-Cartel», а

индийский. И мы оба слова пишем через «k», а не через «c»: «Kali-Kartel». Видите разницу?

— Похоже, вам ужасно нравится это мрачное название, — заметил Хоб.

И тут раздался осторожный стук в дверь. Дверь отворилась. В комнату вошел Сильвериио Варгас.

— Сеньор Арранке, — начал он, — я хотел вам сказать...

Тут он заметил Хоба.

— Здравствуй, друг! — с надеждой воскликнул Хоб.

— Боюсь, что нет, — вздохнул Варгас. — Они взяли Этьена. Похитили его с виллы.

Он обернулся к Арранке.

— Я хотел вам сказать, что вы можете рассчитывать на мое сотрудничество. Только не причиняйте вреда моему сыну.

— Я и не собираюсь, — сказал Арранке. — При условии, что вы продолжаете работать с нами.

— Ну конечно! — согласился Варгас. Он посмотрел на Хоба, замялся, потом пожал плечами и вышел, мягко притворив за собой дверь.

— Внезапное избавление в последний момент отменяется, — сказал Хоб. — Послушайте, не могли бы вы сказать мне одну вещь? Зачем вы убили Стенли Бауэра?

— Это была самозащита, — сказал Арранке. — Мистер Бауэр не имел права торговать «сомой» без разрешения Картеля. Аннабель сразу поняла, как только я ей все объяснил. Мало того, что Бауэр продавал наш продукт нелегально, он еще попытался всех обскакать, выпустив «сому» на рынок до наступления официального срока начала продажи, когда настоящие торговцы были еще не готовы взяться за дело. Я указал ему на это в Париже, но мистер Бауэр только посмеялся надо мной.

— И вы его убили.

— Он не принимал меня всерьез! Он смеялся надо мной, мистер Дракониан! А я этого не терплю!

Хоб с трудом подавил иррациональную потребность захихикать. Даже он видел, что это сейчас явно не вовремя.

— Ну, и что теперь? Когда я отсюда выберусь?

— Зависит не от меня. Это придется обговорить с вашими новыми хозяевами.

— И кто же это такие?

— Идемте. Увидите.

Арранке встал и махнул Хобу маленьким пистолетом. Держался он любезно, но настойчиво. Похоже, никаких выходов со стороны Хоба он терпеть не намерен. Хоб решил быть хорошим мальчиком.

Они вышли через потайную дверь, прошли по длинному коридору и оказались в большой комнате с высоким сводчатым потолком. На полу лежали толстые ковры. В курильницах, развешанных по стенам, дымились благовония. Освещение было рассеянным и слабым, но не настолько слабым, чтобы Хоб не смог различить невысокого человека в белом, стоявшего у дальней стены. Арранке подвел Хоба к нему и остановился футах в пяти.

— Мистер Селим, — сказал Арранке, — этот тот самый Хоб Дракониан, о котором я вам рассказывал.

— Очень хорошо, Эрнесто, — сказал Селим. — Пристегни его наручниками к этому креслу и оставь нас.

Арранке послушался: приковал руку Хоба к подлокотнику кожаного кресла с никелированными ручками, потом достал другую пару наручников, но Селим жестом остановил его.

— Одной руки будет довольно. И оставь мне ключ. Спасибо, Эрнесто.

Глава 7

— Наш продукт, «сома», — сказал Селим, — имеет два аспекта. Об одном из них — наркотике, употребляемом для развлечения, — скоро узнает весь мир. Если его принимать орально, он не вызывает физического привыкания — хотя психологическая тяга возникает довольно быстро. Он дарит ощущение блаженства, которое длится очень долго и сходит на нет постепенно, без внезапного спада. Он не имеет побочных эффектов других, более известных наркотиков — таких, как опиум и его производные, кокаин и его химический аналог, крэк, метамфетамин и другие. Вы не впадаете в прострацию, как от опиатов, не испытываете раздражения и склонности к паранойе, вызываемых кокаином и подобными ему наркотиками.

— Звучит замечательно, — сказал Хоб. — Может, я его как-нибудь попробую, когда вернусь домой.

Селим улыбнулся.

— Нет, мистер Дракониан, вы попробуете его прямо сейчас.

— Да нет, спасибо, — сказал Хоб. — Мне что-то не хочется.

— Я еще не рассказал вам о другом аспекте «сомы». С одной стороны, как я уже говорил, это наркотик, сулящий огромные прибыли. Наркотик, к которому существующие преступные сообщества — разные мафии, якудза, триады и прочие — не имеют ни малейшего доступа. Мистер Арранке и его коллеги позаботились об этой стороне дела. С другой стороны, для некоторых из нас, тех, кто принадлежит к внутреннему кругу, «сома» является основой религиозного обряда, чрезвычайно важного и весьма древнего.

— Это правда? — спросил Хоб, поскольку Селим сделал паузу, явно ожидая ответной реплики.

— Да. Я не рассчитываю, что торговцы наркотиками, которых мы здесь собрали, разбираются в подобных вещах. Но мы, члены внутреннего круга, служители культа Кали, считаем главным именно этот аспект.

— Все это очень интересно, — вежливо согласился Хоб. — Однако на самом деле мне больше всего хотелось бы знать, что вы собираетесь делать со мной?

— Я именно к этому и веду, — ответил Селим. — Очевидно, никто не хочет, чтобы вы путались под ногами во время открытия отеля и при последующей торговле «сомой». Поэтому, по нашей просьбе, мистер Арранке передал вас нам. Вы понадобятся нам для торжественного обряда в честь бога Сомы.

— А, это пожалуйста! — сказал Хоб. — Если вы хотите, чтобы я подержал свечку или спел в хоре — у меня, кстати, довольно хороший голос, — я к вашим услугам.

— Нет, вам предназначена значительно более высокая роль. Вам знаком греческий термин «фармакос»?

— Кажется, я с ним не встречался, — сказал Хоб. — Это вроде бы значит «почетный гость»?

— Отчасти да. Слово это греческое, но сам обычай пришел из Индии. Буквально это означает «священная жертва».

Хоб улыбнулся, давая понять, что оценил шутку. Но Селим не улыбался. Его лицо оставалось серьезным, и он смотрел на Хоба с легкой жалостью.

— Поверьте мне, — сказал Хоб, — в жертвенные тельцы я не гожусь. Мои вопли испортят всю торжественность обряда.

— Ну что вы, заставляя вас никто и не думает! — возразил Селим. — Жертва должна быть добровольной.

— Тогда я тем более не гожусь, — сказал Хоб.

Селим нажал кнопку под столом. Дверь открылась, и вошли двое высоких мужчин. Они подошли к Хобу и крепко взяли его под руки. Селим открыл ящик стола и достал блестящий шприц, наполненный зеленоватой жидкостью.

— Обычно «сому» принимают орально, — сказал Селим. — Но это когда она используется для развлечения. При инъекциях эффект куда сильнее.

— Нет! — взвыл Хоб. Наверно, можно было бы выдумать что-нибудь пооригинальнее, но Хобу было некогда. Селим воткнул иголку ему в предплечье и медленно ввел наркотик. Потом отступил назад, и двое мужчин отпустили Хоба.

— А теперь, — сказал Селим, — вам, наверно, стоит вздремнуть. У нас есть еще немного времени до начала церемонии. Возможно, вам еще захочется перекусить...

— По доброй воле я на это не пойду! — выкрикнул Хоб.

— Если вы действительно откажетесь, когда придет время, — ответил Селим, — мы попробуем придумать что-нибудь другое.

Хоб не нашелся, что ответить. Комната поплыла у него перед глазами. Вспыхнули огоньки, и Хоб услышал пение невероятно низкого органа. И отрубился.

Глава 8

Когда Хоб пришел в себя, он обнаружил, что с ним произошла удивительная метаморфоза. Он сделался богом. Ничего приятнее он в жизни не испытывал. Наручники с него кто-то снял. Что ж, это избавило его от труда просочиться сквозь них. Он поднялся — или, точнее, взлетел на ноги. Взлетел не спеша, с достоинством. Тело его на вид осталось прежним, но Хоб знал, что теперь оно сделалось потрясающе мощным и гибким. В центре его существа, в том месте, которое древние греки называли *thumos*¹, вместо внутренностей появился компактный, но мощный генератор. Он был способен не только вырабатывать неограниченное количество энергии, но и преобразовывать пищу в самые потрясающие субстанции.

Как там назвал его этот глупец, Селим? *Pharmakos*! Воистину так! Он был «фармакосом», ибо его «тумос», эта машина, гудящая от переполняющей ее мощи, способна была создать бесчисленные яды, наркотики и фармацевтические препараты, поднимающие настроение и придающие небывалую мощь разуму.

Внимание Хоба переключилось на собственный разум, воспользовавшись аполлоническим искусством самосозерцания. Хоб сразу понял, что, пока он спал, эта фармацевтическая фабрика в его теле непрерывно накачивала его мозг всем, в чем он нуждался, чтобы начать работать на полную мощность. Например, теперь Хоб мог мгновенно, молниеносно производить любые вычисления. Сколько будет 4442,112 умножить на 122234,12? Конечно, 4005686002311! Проще простого! А квадратный корень из 34456664? 456,22! Ответы приходили немедленно. Даже проверять не надо. Они верны просто потому, что ошибаться он не может.

Помимо огромных физических и интеллектуальных способностей Хоб обрел также огромное, невозмутимое блаженство богов. Ему было достаточно просто стоять здесь, в этой комнатушке, и созерцать себя — одно это даровало ему радость, какой он не ведал никогда прежде, какой не ведал ни один из смертных! И эта радость принадлежала ему — не на час, не на день, не на год, а навеки. Как хорошо говорится об этом в той старой песне!

¹ Дух, душа (греч.).

Хоб помнил, что его бывший друг Найджел и бывший знакомый Этьен захвачены в плен. Они находятся в ситуации, которую мирские люди называли бы опасной. Но это все такие пустяки... Он обошел комнату, стараясь не взлетать в воздух. Настоящий бог должен быть сдержанным. И Хоб не собирался подвергать опасности свою божественную сущность какими-нибудь дурацкими выходками.

Ведь у него есть важное дело. Эти добрые люди, служители культа Кали, главным представителем которого является он сам, хотели, чтобы он стал их «фармакосом», их священной жертвой. И он с удовольствием сделает это, потому что ведь это, в конце концов, празднество в его честь, лучшее празднество из всех возможных.

Они оказали ему высшую честь. Они хотят принести его в жертву. Это было так любезно с их стороны, что вернуло ему веру в смертных. Возможно, они назовут это убийством — но разве бог может умереть?

Думать об этом было очень приятно, но у Хоба не было времени на подобные размышления, ибо его разуму представилось все то, что он сможет создать, когда у него дойдут руки. Ибо теперь он понял, что является творцом по сути своей. В ушах у него звучали отрывки великолепнейших симфоний — не просто симфоний, а целых симфонических циклов, обладающих таким величием и глубиной, что бедняга Бетховен о таком и помыслить не мог. Хоб видел, что его таланты распространяются и на живопись. Он сможет закончить то, что начал Рембрандт, свершить то, к чему Микеланджело лишь подступался, изобразить полностью то, на что Блейк только намекал.

Ах, как приятно было размышлять обо всем этом, жить, по словам Шелли, «как бард, который светом мысли скрыт, гимны шлет в просторы, будит тех, кто спит, ждет ли их надежда, страх ли им грозит»¹. Бедный, глупый Шелли! Он, Хоб, сумеет осуществить эту его мечту и сотворит стихи, которым и Шекспир позавидовал бы...

Он не слышал, как открылась дверь его комнатухи, но когда Хоб внезапно увидел перед собой человека, он не удивился. Ведь это он сам пожелал, чтобы этот человек явился сюда, чтобы он находился здесь и сейчас, ибо иного времени нет и не будет.

— Государь, — спросил человек, — как ты себя чувствуешь?

— Хорошо! — ответил Хоб глубоким, звенящим голосом. —

Очень хорошо, слуга мой Селим.

— Я так счастлив, господин мой!

— Я знаю, что ты счастлив, Селим. И я тоже счастлив, ибо

¹ «Жаворонок», перевод В. Левика.

счастье бога состоит в счастье, которое он дарует низшим существам, его окружающим.

— Уберите это! — резко приказал Селим, и человек, стоявший позади него, сунул пистолет в карман и принялся рыться в поисках ручки. — Я же сказал вам, что оружие не понадобится. Не так ли, государь?

— Нуждается ли добрая воля в принуждении? — ответил Хоб вопросом на вопрос и улыбнулся собственной тонкости.

— И ручку тоже уберите, — сказал Селим. — Где ваш диктофон? Нельзя упустить ни одного слова из тех, что будут произнесены богом. О царь мой, как я рад видеть тебя таким!

— Разве я мог бы быть иным? — мягко ответил Хоб, продолжая сиять лучезарной улыбкой. — Но скажи мне, не пришло ли время обряда?

— Ты заговорил об этом собственными устами, о государь! Да, время близко. Твои почитатели завершают последние приготовления. Алтарь уже готов, и скоро можно будет начинать.

— Тогда оставь меня и ступай завершать свои приготовления, — сказал Хоб, думая, сколь забавно будет после вспоминать о том, как его убили! Помнится, раньше его еще никто не убивал. Быть может, это именно то, чего ему не хватает, чтобы сделаться полноценным богом.

Глава 9

Хоб снова остался один. Ему было очень хорошо. Он спокойно и сосредоточенно ожидал начала церемонии. Но он был готов ко всему. Бог всегда готов к любым событиям. Поэтому он вовсе не удивился, когда дверь отворилась и на пороге появился его приятель Питер Второй, торговец наркотиками. Питер оглянулся, вошел и закрыл за собой дверь.

— Ах, Хоб! — сказал он. — Как это ужасно!

— О чем ты? — спросил Хоб.

— Да об этом жертвоприношении! Я и понятия не имел, что в жертву собираются приносить тебя. Мне только что сказали. Я-то думал, они обойдутся петухом или козлом. Но они всерьез намерены сделать это. Какой ужас, Хоб!

— В чем дело? — удивился Хоб. — Разве они намерены принести в жертву и тебя тоже?

— Да нет, что ты!

— Тогда что ты тут делаешь?

— Ну, я ведь тоже участвую в обряде! — объяснил Питер. — Можно сказать, что это жертвоприношение некоторым образом посвящено мне. То есть не мне лично, а мне как представителю бога Сомы.

— Довольно лестно, — сказал Хоб. — Как же вышло, что они избрали для этого именно тебя?

— Ну, ты знаешь, я ведь некоторым образом и заварил всю эту кашу...

Хоб ждал.

— Это ведь я изобрел «сому», Хоб. Потому я и здесь. Я, если можно так выразиться, отец-основатель этого культа в его нынешнем виде. Но, поверь мне, я не предполагал, что дойдет до такого.

— Как интересно, — сказал Хоб. — А я думал, что ты имеешь дело только с гашишем.

— Ну, раньше я специализировался только на гашише, — согласился Питер. — И гордился тем, что я — лучший торговец гашишем на острове, а может, и во всей Европе — если не во всем мире. Никто так не заботился о качестве, как я.

— Я знаю, — сказал Хоб. — У тебя была хорошая репутация. Но как вышло, что ты занялся «сомой»?

— Это долгая история, — сказал Питер.

— Ничего, у меня есть время.

— Не знаю, много ли у нас времени до того, как они захотят начать. Но я постараюсь покороче.

Он уселся в одно из кресел, и слегка охрипшим голосом принялся рассказывать историю того, как он занялся «сомой».

Питер вязался в это дело в Карачи, в Пакистане, почти за два года до того, как Ирито Мутинами скончался в Нью-Йорке, в Чайнатауне. Питер уехал с Ибицы в деловую поездку, и направился сперва в Индию, а потом в Пакистан. Обычно он получал гашиш из Марокко, но в последнее время тамошнее сырье перестало его устраивать. Питер был фанатиком своего дела. Он использовал только сырье высшего качества, и лично наблюдал за последней стадией приготовления наркотика на своей ферме близ Джербы в Марокко. Однако в этот год качество марокканского гашиша оставляло желать лучшего. И по всему Магрибу было то же самое. И Питер решил — какого черта! Он поедет в Пакистан, где выращивают самое лучшее сырье.

Он встретился с Гасаном, своим старым знакомым, торговцем гашишем, в его уютном доме в предместье Карачи. Вдоль глинобитных стен стояли охранники с автоматами, что создавало ощущение надежности, столь важное для торговли наркотиками. Питер с Гасаном сидели в окруженном высокой стеной саду Гасана, курили изумительный гашиш, доступный лишь торговцам, через кальян, как и полагается. Прекрасные и соблазнительные женщины приносили им подносы со сладостями; ледяной шербет и настоящий индийский чай.

Они обсуждали возросшие сложности торговли наркотика-

ми. Как хорошо было несколько лет назад! Это было занятие для истинных джентльменов. Семейное ремесло, переходящее из поколения в поколение. А теперь?

— Чем будет заниматься мой сын? — вопрошал Гасан. — Я лично не стал бы советовать ему перенимать мое дело. Это начинает становиться слишком опасным. Всякие чужаки со стороны постоянно норовят пробиться и расчистить себе место.

Питер кивнул, слегка убаюканный привычной, давно приевшейся темой.

— Да, друг мой, у нас с тобой дело налажено, но все грозит рухнуть. Становится опасно. Нас вытесняют. Все захватили триады и прочие мафии. Вот если бы завести свое дело, в котором не участвовал бы никто, кроме нас! Что-то чисто свое.

— Ах, — вздохнул Гасан, — если бы у нас была «сома»!

— А что это такое? — поинтересовался Питер.

— «Сома» — главный наркотик древности у индоевропейских народов. Он упоминается в Упанишадах. Был даже специальный бог Сомы.

— А что с ней случилось?

— Секрет был утрачен несколько тысячелетий назад. Но пока «сома» существовала, равных ей не было.

— А никто не пытался ее восстановить? — спросил Питер.

— Насколько мне известно, нет, — ответил Гасан.

— А почему бы не попробовать? Нам ведь известен требуемый эффект! Не вижу причин, почему нельзя синтезировать «сому» или нечто, ей подобное.

— А ты мог бы?

Питер пожал плечами.

— Возможно. Но на это потребуется уйма денег. Придется снять лабораторию, найти толкового биохимика... При нынешнем уровне науки мы вполне могли бы попробовать.

Через несколько дней Гасан свел Питера с Селимом. Селим был индусом: хрупкий, темноглазый бомбеец, с усами, загибающимися кверху на концах. Судя по тому, как обхаживал его Гасан, Питер догадался, что Селим, должно быть, важная шишка.

Завершив обычный обмен любезностями, Селим перешел к делу.

— Мой друг Гасан сказал, что вы считаете возможным создать «сому».

— Я сказал — может быть, — уточнил Питер. — Заранее никогда ничего не известно. И обойдется это очень дорого. Лаборатория, мое жалование, жалование биохимику, прочие расходы...

— Предположим, мы можем себе это позволить, — сказал Селим. — Согласитесь ли вы попробовать?

— Ну да, конечно, мне было бы очень интересно. Но вы должны понимать, что риск потерпеть неудачу очень велик.

— Если вы обещаете сделать все, что в ваших силах, — ответил Селим, — остальное меня мало волнует. Я могу одолжить вам необходимую сумму. Если ваше предприятие окажется чистой химерой, я просто спишу ее со счетов. И разойдемся без обид, как говорят у вас в Америке.

— Вы хотите подписать контракт?

— Я не вижу смысла подписывать контракт там, где результаты непредсказуемы. Наше соглашение будет устным, и основывается оно на том, что мы понимаем, чего хотим. Но прежде всего мне нужно знать, чего хотите вы. Вы действительно желаете попробовать?

— Очень хотелось бы, — сказал Питер.

— Мне придется послать с вами одного человека. Чисто из предосторожности, понимаете ли.

— Да, пожалуйста, — сказал Питер. — А кто он?

— Не он, а она. Моя дочь, Дэви.

Когда Питер впервые встретился с ней два месяца спустя на Ибице, он тут же потерял голову.

Вот так все и началось. О. А. Клайн вышел на сцену только полгода спустя, когда Питер ненадолго вернулся в Нью-Йорк.

Первым делом он навестил своего старого приятеля по колледжу, Отто Альберта Клайна, или просто О. А., как тот предпочитал себя называть.

Они встретились в двухуровневой квартире О. А. в Тинекке, штат Нью-Джерси. О. А. растолстел и оброс очками. Его жена, Мэрилин, оказалась сухопарой филологиней, которая неохотно сидела дома с двумя детишками, шести и семи лет, а по вечерам вела курс английской литературы в Тинекском муниципальном колледже. В молодости О. А. был толковым парнем. Но таких, как он, было пруд пруди. Административными талантами он не обладал. Поэтому лучшее, что ему удалось найти, была унылая работа в заводской лаборатории, где О. А. проверял качество синтетического волокна — монотонное занятие, которое могла бы выполнять и обезьяна.

Когда Мэрилин отправилась исполнять свой долг перед обществом, Питер приступил к делу.

— А наркотиками ты больше не занимаешься?

Бывали времена, когда О. А. был выдающимся подпольным химиком.

— Нет, — ответил О. А. — Но с удовольствием бы взялся.

Питер описал свойства «сомы», как о них рассказывается в литературе: ощущаешь себя богом, не теряя при этом связи с реальностью, не имеет последствий ни для тела, ни для разума, не

создает привыкания, порождает прилив энергии, не вызывает спада настроения и ломки и, самое главное, никаких геморроев с властями, потому что в ней не используется ни одного из компонентов, которые наше унылое общество запрещает употреблять.

— Звучит классно, — согласился О. А. — А что, разве есть такой наркотик?

— Пока нету. Я предлагаю его создать.

О. А. отнесся к делу скептически, пока Питер не упомянул, сколько он может заплатить: семьдесят тысяч в год для начала, плюс оплата всех расходов и доля в доходах от нового (то есть хорошо забытого старого) наркотика, когда — если — он будет создан.

— Звучит классно, — сказал О. А. — И на сколько лет вы рассчитываете?

— На год, — ответил Питер. — За год ты должен сделать хоть что-нибудь. Если мы с моими партнерами сможем это использовать, мы удвоим плату. Если нет — а за год это должно стать ясно, — что ж, тогда разойдемся без обид.

— Год — это немного, — заметил О. А. — Мне потребуется полгода только на то, чтобы организовать лабораторию, просмотреть необходимую литературу и взяться за дело.

— Ну, пусть будет полтора года.

— Пусть будет два.

— Два так два, — согласился Питер. Денежки-то все равно не его, а Селима.

Потом взялись за устройство лаборатории. О. А. нужно было хорошее или хотя бы удовлетворительное прикрытие. Лучше всего купить какое-нибудь существующее мелкое предприятие, из тех, что недавно откинули копыта и идут за бесценок. Пришлось посоветоваться с Мэрилин. Мэрилин было сказано, что О. А. поручено воспроизвести существующую пищевую добавку, чтобы обойти патент. Если он сумеет воссоздать эту добавку, ее приобретет швейцарская фирма, которая сейчас платит бешеные деньги за оригинальный продукт. Мэрилин подумала, что дельце с душком, но, похоже, все законно. К тому же такие деньги... Это позволит ей бросить работу в колледже и целиком посвятить себя дописыванию давно заброшенного романа о еврейской девочке, которая росла среди китайцев в маленьком городишке в Южной Каролине.

— Ну, как дела? — осведомился Питер Второй пять месяцев спустя. Он вернулся с Ибицы, чтобы посмотреть, как продвигается дело у О. А. Вид у О. А. был замученный. Глаза красные, как у кролика. Он проявлял всевозможные признаки нервного расстройства — только что крокодильчиков на себе не ловил.

— Похоже, что-то наклеывается, — сообщил О. А. — Результаты последнего опыта весьма многообещающие.

— Ты скверно выглядишь, — заметил Питер. — Ты ни на что не подсел?

О. А. хрипло расхохотался.

— А ты как думал? Должен же я на ком-то проверять все то, что получаю? Мэрилин я просить не могу. На детях испытывать — невозможно. Не давать же в газете объявление — мол, приглашаю добровольцев для испытаний нового крутого наркотика на стадии разработки! Приходится проверять на себе.

— И голос у тебя какой-то странный...

— Ну да, конечно! А ты чего ждал? Это ведь тебе не «сома»! Ее еще создать надо. А тем временем мне приходится испытывать всю ту дрянь, которая не работает — или работает, но имеет мощные побочные эффекты: от одной — дикая головная боль, от другой сердце скачет, от третьей конечности леденеют, от четвертой... И так все время!

— Плохо дело, — сказал Питер, отметив, что, когда О. А. выходит из ступора, он немедленно впадает в истерику. — Должно быть, это сильно мешает тебе сосредоточиться...

— Это ты мне рассказываешь? — взвизгнул О. А., перекрыв гул голосов в кофейне.

— Вот что я тебе скажу, — продолжал Питер. — Поостынь-ка малость. Я тебе найду кого-нибудь вместо морской свинки.

— А это не опасно?

— Это куда безопаснее, чем то, что ты делаешь теперь.

Питер сдержал слово. В тот же вечер он пришел к О. А. и привел с собой коренастого молодого человека, судя по внешности — японца, подстриженного ежиком, с открытым и честным лицом.

— Это Ирито Мутинами. Мой старый приятель с Ибицы.

Мужчины пожали друг другу руки.

— Я там был в шестидесятом и шестьдесят первом, — сообщил Ирито. — Класснейшее место! Какие девочки! Какие наркотики! Не, мужик, там круто! А вы там бывали?

— Только одно лето, в семьдесят четвертом, — ответил О. А.

Одного лета, конечно, маловато, но и этого было достаточно, чтобы присоединиться к клубу любителей Ибицы. Они поговорили об общих знакомых, о пляжах, где загорали, о ресторанах, в которых обедали, о девочках, с которыми оба имели дело, — короче, обменялись воспоминаниями, как и подобает безутешным изгнанникам. Оба остались чрезвычайно довольны друг другом.

— Я рассказал Ирито, как обстоят дела, — сказал Питер. — Он с удовольствием будет испытывать на себе твои наркотики. Живет он в Чайнатауне, так что ему будет удобно ездить к тебе и поглощать твои изделия. Об оплате я позабочусь.

— Отлично, отлично, — сказал О. А., но из честности счел нуж-

ным добавить: — Ирито, я надеюсь, вы понимаете, во что ввязываетесь?

— Зовите меня Томом. Меня дома так зовут. Мужики, но это ж круто! Пробовать на себе крутые наркотики да еще деньги за это получать! Слушайте, да я бы сам за такое еще приплатил, если надо! Это ж прям как в сказке! Как там у Хайяма? «Скажи, ви-ноторговец, что ты купишь ценней того, что нам ты продаешь?» В смысле, это ведь то же самое!

— Вы японец? — спросил О. А.

— Иммигрант в третьем поколении.

— А нельзя ли спросить, почему вы живете в Чайнатауне?

— Мне повезло найти однокомнатную квартиру на Клинтон-стрит. Слышь, мужик, там кругом рестораны, где кормят, как в раю! Прям как в сказке!

— А местные вас не трогают?

Ирито, он же Том, пожал плечами.

— С чего им меня трогать-то? Я для них просто еще один иностранец.

— Можете начать прямо сегодня? — спросил О. А.

— Да хоть сейчас!

— Том, это может оказаться не так круто, как вы думаете.

— Без проблем. С ломкой я как-нибудь справлюсь.

— Ну, я пошел, — сказал Питер, вставая. — Похоже, эту проблему мы решили. Я с тобой еще свяжусь, О. А.

Питер ушел. О. А. сходил в лабораторию и вернулся с пробиркой, наполненной вязкой голубой жидкостью.

— А как она называется? — спросил Ирито, приподнимая пробирку и глядя сквозь нее на свет.

— Пока никак. Это просто «проба-342А».

— Классное название! — сказал Ирито. — Мне уже нравится.

Так и пошло. Теперь, когда у О. А. появился Ирито в качестве испытателя, химику сделалось куда проще жить. Ирито был из тех почитателей наркотиков, про кого говорят, что они любят играть в прятки со смертью. Когда он ловил кайф, ему это нравилось. Когда наступала ломка, его это забавляло. Единственное условие, которое поставил ему О. А., — не употреблять никаких других наркотиков и алкоголя, чтобы не путать результаты опытов. Ирито отказался от своей марихуаны с некоторой неохотой. Она здорово помогала ему в изучении бухгалтерского дела в Нью-Йоркском университете. Но он пообещал и сдержал слово. Как потом оказалось, Ирито прекрасно обошелся без марихуаны. Плоды трудов О. А. доставили ему немало головокружительных часов, некоторые из которых были приятными и все — исключительно интересными.

Глава 10

Жертвенные одеяния Хобу понравились. Его облачили в них вскоре после того, как Питер удалился, клянясь, что он сделал бы все, что в его силах, но решительно не знает, что можно сделать. Почитатели Хоба принесли ему чистые брюки, рубашку и длинную куртку, все из отличного японского крепа. Когда он оделся, его окропили алым сандалом и киноварью и надели на шею гирлянду из бархатцев.

Хоб так заинтересовался рассказом Питера, что совсем забыл, что ему предстоит важное дело. Но ведь и бог может быть рассеянным, не правда ли? На самом деле, у кого на это больше права, чем у бога? Однако когда вернулся Селим, Хоб вспомнил о своем деле.

Невысокий, подвижный индус переоделся в длинное одеяние и надел тюрбан. Он привел с собой двоих спутников, тоже в тюрбанах. Они проводили Хоба в маленькую прихожую, сказали, что скоро вернутся за ним, низко поклонились и вышли, тихонько прикрыв за собой дверь.

Хоб увидел открытое окно. Он подошел к нему и вдохнул полной грудью свежий воздух. Внизу находилась покатая крыша. Как легко было бы сейчас выпрыгнуть на крышу, спуститься по водосточной трубе и скрыться в лесу! Обо всем они позаботились, а вот такую мелочь упустили! В делах людей всегда так. Люди стараются предусмотреть все, и обязательно о чем-нибудь забывают. Хоб выглянул в окно, потом закрыл его и запер на задвижку. Что-бы он, бог, сбежал? Нет, он не хотел бы пропустить того, что будет сейчас, ни за что на свете!

Он немного посидел в медитации. И, когда за ним пришли, был полностью готов.

Хоб знал, что пришло время обряда, и с нетерпением ждал его начала. Он был весь проникнут древним религиозным чувством. Добровольная жертва! В наше время такое нечасто увидишь.

Стараясь ступать по земле, а не парить над головами своих спутников — хотя ему бы это ничего не стоило, — Хоб вслед за Селимом и еще несколькими людьми вышел из прихожей, прошел по коридору к двери, за которой оказался еще один коридор, и наконец очутился в большом зале, похожем на аудиторию. Зал был наполнен молящимися. Одни мужчины. Примерно половина из них, сидящие по одну сторону, были индусами в белых одеяниях и белых тюрбанах. По другую сторону расположились по большей части европейцы или латиноамериканцы, все в деловых костюмах. Они сидели на складных стульях, разделившись на две группы, точно родственники жениха и невесты на свадьбе.

Когда Хоб вошел, раздались аплодисменты. Хоб кивал, шагая через зал к маленькому возвышению впереди. Он кивал дружелюбно, хотя и чуточку снисходительно — ибо он уже решил, что будет не каким-нибудь суровым, надменным божеством, а милостивым и дружественным богом, который готов сделать все для своего народа. Селим шагал рядом, чуть позади, у правого локтя, как и положено главному служителю культа.

Селим запел какой-то гимн, и прочие люди в тюрбанах подхватили напев. Это был низкий, монотонный антифон, прерывавшийся речитативом, во время которого начинал говорить сам Хоб, голосом звонким и величественным, подобным гулу бронзового гонга, произнося слова нового, неведомого языка, которыми он обучит их позднее, когда возродится.

По одну сторону возвышения стоял длинный и низкий мраморный алтарь, застеленный белоснежным руном. Поверх руна лежал длинный нож с черным клинком, которому и предстояло совершить заклятие. Висящий над алтарем прожектор заливал его белым сиянием. Хоб знал, что его место — на алтаре. Он подошел к нему — и все затаили дыхание. Разглядывая алтарь, Хоб увидел, что мрамор покрыт искусной резьбой и выглядит очень древним. Резьба изображала две фигуры по сторонам чего-то вроде древа жизни. Фигуры были выполнены рельефно, выступали из камня, в то время как древо, напротив, было вырезано бороздками. Хоб не сразу понял, почему это так. Потом сообразил, что канавки эти должны служить кровостоком, что по ним стечет его кровь, когда его принесут в жертву. Он с радостью увидел, что внизу стоит подобающий сосуд из оникса. Ни одна капля его драгоценной крови не пропадет втуне.

Теперь к нему присоединились юные прислужники в элегантных темно-алых плащах с капюшонами, с кадилами, в которых курились благовония. Ладан и мирра — именно то, что нужно! Нет, в синагоге, куда раньше захаживал Хоб, было совсем не так! Ароматный дым клубами восходил к потолку.

В зале было темно — не совсем темно, а, скорее, сумрачно. Когда глаза Хоба привыкли к полумраку, он узрел за спинами поющих прислужников целое стадо фантастических животных: львы с телом зебры, носороги со змеями вместо ног... Как же называются эти твари? Химеры! Химеры — это символические существа, и современная наука утверждает, что их не бывает и быть не может. Много она понимает, эта наука! Вот же они!

Его всеведение сообщило ему, что в течение многих веков на земле жили самые разные твари: не одни только люди и животные, но и химеры, и, конечно, духи и боги. Хобу было приятно со-

завать, что его добровольное согласие на эту жертву поможет вновь вызвать к жизни древних богов.

А сцена продолжала меняться. Это было чудесно, хотя и слегка сбивало с толку. Пейзажи, которые могли бы принадлежать кисти Дали, сменялись зданиями, которые мог бы построить Гауди. По правую руку от себя Хоб увидел открытый гроб. Гроб был пуст. Хоб сперва удивился, потом понял, что этот гроб — для него. Туда они положат его тело после того, как принесут в жертву. Его тело — но не его самого: ведь он умереть не может. Расставшись с прежним телом, он просто тотчас же создаст себе новое.

Еще раз оглядев зал, Хоб увидел новое зрелище, которое поначалу озадачило его, так что он даже подумал, не галлюцинации ли это. Но, конечно, это не могли быть галлюцинации. По залу шло что-то плоское. Ходячая камбала! А за ней шел теленок о двух головах, одна из которых жалобно мычала, призывая матку, а другая тупо глазела на пухлого гермафродита, который вел теленка на веревке.

Короче, это были всякие чудеса, кои можно увидеть только на берегах Ганга. И это не могло не радовать.

Потом к нему подошел человек в золотом головном уборе искусной работы.

— Готов ли ты? — спросил он. Это был Селим.

— Всегда готов! — беспечно ответил Хоб. Он понимал, что ему следует относиться к делу серьезнее, но это было не так-то просто — очень уж хорошо ему было, очень уж забавным казалось все вокруг. Хоб только надеялся, что не испортит им всю церемонию своей заратустрианской легкостью.

Люди принялись мягко подталкивать его к алтарю. Наконец-то! Пришел его час! Когда Хоб оказался у самого алтаря, ему надавили на плечи. Вот глупцы! Им всего-то и было нужно — сказать, чтобы он преклонил колени. Он так и сделал и опустил голову туда, куда ему указали. Теперь все готово. Хоб понял, как они собираются все устроить. Ему надо будет только поднять голову, и кто-то перережет ему горло этим длинным, острым, извилистым ножом. «Как тушеное мясо!» — подумал Хоб и с трудом удержался, чтобы не захихикать.

Зазвучала музыка. Странно, никакого оркестра он не видел. Быть может, они сидят где-то за стенкой. Восточная мелодия — пение флейт и перезвон колокольчиков. А может, это вообще запись... Пение молящихся перекрыло оркестр, делаясь все громче. Мелодии Хоб разобрать не мог.

Потом вперед вышла жрица и взяла в руки нож с черным клинком. На жрице была маска птицы — что-то вроде коршуна, — топ-маечка, украшенная самоцветами, и газовые шаровары, собранные у шиколотки. Очень привлекательное тело, казавшееся

ослепительно белым в свете прожектора. И вроде бы знакомое... Хоб протянул руку и осторожно снял маску. И не слишком удивился, узнав Аннабель.

Глава 11

— Я же тебе говорила, что меня ждет действительно высокое положение! — заявила Аннабель. Маска чуть размазала ее косметику, но она все равно выглядела чудесно.

— Я и понятия не имел, что ты об этом! — ответил Хоб. Он все еще улыбался, но ему было уже не так хорошо, как прежде. На самом деле он начинал чувствовать себя чуточку странно.

— Мне жаль, что это оказался ты, — сказала Аннабель. — Однако, говоря объективно, ты, как друг, мог бы порадоваться за меня! Быть верховной жрицей новейшей в мире религии — это что-то, верно?

— Твои папа с мамой могут тобой гордиться, — сказал Хоб.

И тут из глубины зала послышался чей-то возглас, звонкий и отчетливый:

— Так нечестно! Я этого не потерплю!

И на сцену поднялась еще одна женщина. Она тоже показала Хобу знакомой.

Это была Дэви, в длинном белом платье, с лицом разъяренным и решительным. Следом за ней на сцену взбежал Питер. Он выглядел несчастным и не в своей тарелке.

— Дэви, пожалуйста! — проблеял Питер.

— Сукин сын! — ответила ему Дэви. — Ты ведь мне обещал, что верховной жрицей буду я! Что тут делает эта английская сука?

— А ну-ка, погоди, сестренка! — сказала ей Аннабель. — Мне это обещал сеньор Арранке, а главный тут он. Это все вообще стало возможным только благодаря мне!

— Благодаря тебе? А хрен в жопу не хочешь? — отпарировала Дэви, продемонстрировав блестящее знание английского, почерпнутое из романов Стивена Кинга. — И вообще, кто такой этот Арранке? Самый обычный преступник! А я — дочь Селима, главного служителя культа, и жена создателя «сомы»!

— А ну-ка, все, заткнитесь на минутку! — рявкнул Хоб голосом, сделавшим бы честь любому постовому полицмену. — Помоему, я тоже имею право голоса в этом деле!

Из аудитории послышались крики:

— Пусть скажет жертва!

— Послушайте, что скажет Фармакос!

И тут наступил конец света: задняя дверь отворилась, и в зал вошли высокий англичанин и еще более высокий темнокожий человек.

Глава 12

По рядам присутствующих пронесся недовольный ропот. В левой половине зала сидели представители исконных служителей культа Кали. Их было человек семьдесят, и все они приехали из Индостана. Многие из них вообще впервые покинули родину Индию. Европа представлялась им странным, безбожным местом, а Ибица, сердце сибаритского Средиземноморья, — самым безбожным из всех. Это были серьезные люди, по большей части — ультрарелигиозные брамины, патриоты Индостана, недовольные сравнительно скромной ролью Индии на международной арене и в особенности тем, что в индийской преступности столь заметную роль играют криминальные группы других стран. Потому они и позволили Селиму втянуть себя в это предприятие, где главную роль будут играть индусы — первая индийская мафия с начала времен.

Селим сделал это возможным, создав с помощью Питера единственный в своем роде продукт — «сому», царицу наркотиков. Но ему пришлось пойти на компромисс. Чтобы вывести «сому» на международную арену, чтобы она не осталась всего лишь местной экзотикой, как кват в Йемене или необработанный лист коки в Перу и Боливии, ему пришлось заключить пакт с иностранными криминальными элементами.

И эти последние, сидящие в правой половине зала, сделались равноправными участниками обрядов в честь богини Кали.

Их было пятьдесят семь — матерых преступников, съехавшихся со всей Европы, из Штатов, из Латинской Америки и из Азии. Всем им очень не нравилась необходимость подчиняться старым картелям по торговле наркотиками, существующим в их собственных странах, и они были готовы вступить в союз с индусами, с их новым наркотиком, и пустить его в продажу в любой момент.

Но две эти группы не питали особой любви друг к другу.

Индусы считали европейцев отбросами общества, подонками, не сумевшими преуспеть у себя дома.

Европейцы считали индусов замшелыми традиционалистами, которым посчастливилось наткнуться на золотую жилу — а теперь они рассчитывают воспользоваться чужим опытом и предпримчивостью, чтобы разбогатеть.

Враждебность между двумя группами постепенно нарастала. Когда у них на глазах две женщины, европейка и индианка, в самый торжественный момент перегрызлись из-за черного ножа, напряжение сделалось близким к взрыву.

И последней каплей послужило неожиданное появление двух мужчин, высокого, краснощекого англичанина с львиным лицом

и рыжевато-русой шевелюрой, и высокого темнокожего воителя из Бразилии.

И, словно бы затем, чтобы сделать эту сцену еще более загадочной, англичанин запел. Никто из присутствующих не знал этой песни. Единственным, кто узнал напев, был, похоже, Хоб Драко-ниан, которого собирались принести в жертву. И песня запоздало подтолкнула его к действиям.

Он уже достаточно протрезвел, чтобы сообразить, что боро-датый англичанин — это Найджел, а высокий, худощавый темно-кожий юноша рядом с ним — Этьен. Но почему Найджел поет? И, еще важнее, — что именно он поет?

Он сумел разобрать слова сквозь нарастающий шум — даже ссорящиеся женщины на миг умолкли и прислушались. Что-то насчет того, что дом англичанина — это его крепость...

Песня, мелодия которой была ему удивительно знакома, при-водила на ум мысль о героизме человека, одетого в хаки, перед яростью орд фанатиков в тюрбанах и набедренных повязках, в подземелье, озаряемом лишь полыханием факелов...

Ну да, конечно! Это же песня Кэри Гранта «Мой дом — моя крепость», которую он поет в фильме «Гунга Дин», там, где орды слугителей культа Кали загнали его в ловушку в подземельях храма Кали, а он отвлек их, чтобы дать Гунга Дину время бежать, предупредить полковника, чтобы тот привел отряд...

Но почему Найджел ведет себя так по-дурачки? И Этьен то-же! Хобу и в голову не пришло, что они оба тоже могли отведать «сомы».

— Найджел! — окликнул Хоб.

— Держись, старик! — ответил Найджел. — Помощь идет!

— Полковник с отрядом?

— Нет, лейтенант Новарро со своей верной гражданской гвар-дией! Хватит с тебя и их.

Тут Арранке, сидевший среди европейцев, вскочил на ноги.

— Убейте его! — воскликнул он, указывая на Хоба.

— Это жертва! — возразил Селим, тоже вставший со своего места среди индусов. — Никто не смеет прикасаться к нему, кро-ме верховной жрицы!

— Верховная жрица — это я! — воскликнула Дэви, вырывая нож у Аннабель.

— Иди в жопу, сука! — взвыла Аннабель и вырвала нож обратно.

— Верховной жрицей должна была быть моя дочь! — прогре-мел Селим.

— Нет! Мои люди вложили в это свои деньги! Это работа для моей подружки! — прогремел в ответ Арранке.

На миг все застыли. Получилось нечто вроде немой сцены.

И Хоб оценил ее по достоинству, несмотря на то что пик его блаженства уже миновал.

В этом большом зале, с лампами, моргающими под потолком, точно блуждающие огоньки; когда Аннабель и Дэви готовы были вцепиться друг другу в глотки; когда Найджел и Этьен с застывшим на лицах волчьим оскалом смотрели в лицо многочисленной толпе; когда Хоб сорвал свою маску и вспомнил наконец о самосохранении; когда Арранке и Селим замерли, уставясь друг на друга, точно два попавших в ловушку ягуара в джунглях, где восходит огромная желтая луна, а вдали слышится грохот тамтамов; когда гости, как индусы, приверженцы традиций, так и насквозь современные космополиты, потянулись к пистолетам, спрятанным под одеждой, — в этот миг, когда обстановка угрожала взорваться, точно бочка пороха, брошенная в жерло вулкана, не хватало только последней искры.

И Сильверию Варгас, быть может, невольно, бросил эту искру. Он вскочил со своего стула рядом с верным Ваной и крикнул:

— Этьен! Иди сюда! Я выберусь отсюда!

Он говорил по-португальски, но это было неважно. В этот миг наивысшего напряжения все его отлично поняли.

Сейчас пришло время, когда каждый за себя — и пусть дьявол, Кали или еще какой-нибудь адский демон, заберет неудачников!

Внезапно зал наполнился свистом пуль.

Тут были пули всех калибров — маленькие, но смертельные пульки двадцать второго калибра, которые нежно пели на лету, точно железнокрылые колибри, пули среднего калибра — суровые, деловитые тридцать вторые и тридцать восьмые, искавшие свои жертвы настойчиво и вроде бы даже с некоторым достоинством, в то время как большие — царственные девятимиллиметровки и широкоплечие триста пятьдесят седьмые, как и почти легендарные сорок четвертые и сорок пятые, гремели, как кастаньеты Красной Смерти, что привела с собой свое Пороховое Воинство. Пули, большие и малые, отлетали рикошетом от стен и пола, разносили вдребезги лампы и вазы с заморскими цветами и врезались в трепещущую человеческую плоть, проливая потоки крови. Эти пули не разбирали ни расы, ни нации, ни вероисповедания, летя через зал слепыми посланцами смерти. Пули ломали стулья, за которыми пытались укрыться многие из сражающихся, как мексиканские бандиты в кульминационной сцене «Дикой стаи» Сэма Пекинпа, и люди складывались вдвое со стонами и проклятиями, а потом перезаряжали оружие и продолжали стрелять.

И как раз в тот момент, когда сцена достигла своей невообразимой кульминации, раздался грохот, перекрывший гром вы-

стрелов. Этот грохот привлек внимание ошалевших бойцов и заставил их обернуться, чтобы посмотреть, откуда он доносится. Это произошло в момент, когда люди падали, точно мухи, опрысканные самым крутым инсектицидом, и повсюду слышались шипящие и гортанные проклятия на половине языков мира.

Звук доносился от запертых двустворчатых дверей этой несчастной аудитории.

Кто-то пытался в нее вломиться.

Наступило зачарованное молчание. Все следили, как двери прогнулись под тяжелыми ударами снаружи. Начинаящий приходиться в себя Хоб подумал, что это похоже на финальную сцену «Глаза идола» лорда Дансени, когда гигантская варварская статуя, у которой воры вырвали драгоценный камень, вставленный ей в глаз, возвращается, бездушный демон, стремящийся лишь к разрушению.

Остальные присутствующие, однако, не стали размышлять о литературных аллюзиях. Они просто смотрели: запыхавшиеся, некоторые окровавленные. И вот наконец дверь подалась и распахнулась.

В зал вошел лейтенант Рамон Новарро в сопровождении полудюжины своих верных гвардейцев — все, как предсказывал Найджел!

Внезапно воцарилось гробовое молчание. Потом Новарро громко произнес стальным голосом:

— Поскольку представитель испанского правительства и его сил охраны порядка, высший по рангу офицер гражданской гвардии на острове, полковник Санчес, уехал в Мадрид для получения срочной консультации, сим объявляю, что испанское правительство в настоящий момент не имеет определенной позиции по отношению к иностранцам, владеющим собственностью на территории нашего острова. Однако мы предоставляем всем испанским подданным и постоянным жителям Ибицы возможность немедленно покинуть данное владение, с тем, чтобы его владельцы могли беспрепятственно улаживать свои дела.

Пятеро или шестеро испанских официантов, застигнутых врасплох пальбой, поспешно пробились к гвардейцам. Найджел сделал то же самое. Немного погодя Хоб последовал его примеру. Он уже достаточно пришел в себя, чтобы хотеть выжить. Этьен слегка поколебался, потом пересек комнату и присоединился к гвардейцам.

— Папа! — громко окликнул он. — Пожалуйста, иди с нами!

— Нет! — прохрипел Варгас. — Я останусь здесь до конца!

Питер тоже подошел к гвардейцам.

— Дэви, а ты?

— Я остаюсь, — стальным голосом ответила Дэви. — Я — истинная жрица!

Аннабель хотела что-то возразить, потом подумала, прошла через зал и присоединилась к группке людей, окружавших Новарро.

— Ну, раз ты жрица, значит, я, наверно, нет.

— Детка, куда же ты?! — воскликнул Арранке.

— Извини, Эрнесто, — сказала Аннабель. — Я было решила, что это и есть мой звездный час, а оказалось — снова пшик. Не везет мне, что ж поделаешь?

— Я сделаю тебя верховной жрицей! — заорал Арранке.

— Спасибо, не надо. Я не могу позволить, чтобы меня тут угрохали. У меня ребенок в частной школе в Швейцарии!

Небольшая группка выбралась из зала под пристальным взором ручных пулеметов гвардейцев. Они прошли по коридору отеля, сейчас — безмолвному и пустынному, и вышли на улицу через большие стеклянные двери. Когда они уже подходили к стоянке, к «Лендроверу» гвардии, Найджел остановился, нахмурился и повернул было обратно. Хоб поймал его за рукав.

— Куда тебя несет?

— Мне надо вернуться, — сказал Найджел. — Я забыл одну вещь.

— Что ты там забыл?

— Мамин подарок на день рождения. Серебряный сервиз, очень славный. Он в гардеробе.

И тут снова разразилась пальба.

Найджел постоял, послушал — и пожал плечами.

— Жалко, ценный был сервиз... Впрочем, вряд ли незаменимый.

Глава 13

Когда все более или менее «порядочные ребята» выбрались из отеля, они некоторое время стояли в растерянности.

— И что теперь? — спросил Хоб у Новарро.

Тот пожал плечами.

— Я и так превысил свои полномочия. Впрочем, ситуация этого требовала.

— Вы имеете в виду, что мы свободны и можем идти? — уточнил Хоб.

— Да идите хоть к черту, если вам угодно! Вот что бывает, когда иностранцам позволяют владеть собственностью в твоей родной стране!

— Ну, в таком случае как насчет выпить? — предложил Найджел.

— Без меня, — сказал Новарро. — У меня до черта бумажной работы. Но, может, завтра пообедаем вместе?

— Пошли в «Са-Пунта»! — предложил Найджел. Это был лучший ресторан в Санта-Эюлалиа. — Я угощаю.

— Надеюсь, — хмыкнул Новарро и направился к ожидающей его полицейской машине.

— Ну, старик, а как ты насчет выпить? — поинтересовался Найджел.

— «Эль Кабальо Негро», должно быть, еще открыта, — сказал Хоб. — Как ты думаешь, «Кровавая Мэри» сумеет отбить вкус «сомы» у меня во рту?

— Со временем, — ответил Найджел.

Они сели в одно из такси — эти черно-белые стервятники вечно слетаются туда, где пахнет поживой, — и в дружеском молчании доехали до Санта-Эюлалиа и присоединились к веселой и шумной толпе в «Эль Кабальо Негро».

— Ну что, старик, — сказал Найджел после второй рюмки, — не так уж плохо вышло, а?

— Для тебя, — ответил Хоб. — Ты, должно быть, и в самом деле неплохо нажился на заказе Арранке.

Найджел только небрежно махнул рукой.

— А, я не о том! Я о той работе, которую раздобыл для агентства.

— О какой еще работе? — удивился Хоб.

— Как! Разве Жан-Клод тебе не сказал?

— Он наговорил мне кучу таинственной ерунды.

— Ну как же! Мы, то есть наше агентство, являемся единственными посредниками по продаже довольно крупной партии произведений искусства с Сан-Исидро.

— Это и есть то дело, которое хотел уладить Сантос?

— Конечно! Эта авантюра с Арранке — так, небольшая халтурка.

Хоб усталился на своего сотрудника. Его обуревали самые дикие предположения, но среди них явственно маячили крупные суммы денег. И тут к ним подошел Сэнди, хозяин заведения, с клочком бумаги в руках.

— Хоб, тут тебе телеграмма пришла, вчера еще. А может, и позавчера.

Хоб взял телеграмму и прочел: «Груз принят в Шербуре. Пока без проблем. Жду дальнейших инструкций». Телеграмма была от Жан-Клода.

— По-моему, тебе следует кое-что объяснить, — сказал Хоб.

— Конечно! Но не думаешь ли ты, что для начала нам стоит

заняться приготовлениями к отъезду? Нельзя же бросать груз стоимостью в десять-двадцать миллионов фунтов гнить на складе в Шербуре!

— Двадцать миллионов фунтов?!

— Ну, может, я малость преувеличил. Эти безделушки должны пойти за хорошие деньги в Париже и Брюсселе. А десять процентов — наши. Но я ведь снова остался без подарка для мамы!

Телеграмма Жан-Клода окончательно перебила вкус «сомы» во рту у Хоба, заменив его сладким привкусом грядущих барышей.

Глава 14

Обедая с Фошоном в Париже месяц спустя, Хоб, разумеется, не стал упоминать о сокровищах с Сан-Исидро. Но все остальное он инспектору рассказал.

— Значит, тем все и закончилось? — спросил Фошон, сидя с Хобом на улице за столиком на двоих у ресторана «Де Маго».

— Ну, не совсем, — ответил Хоб. — Можно сказать, что тот момент, когда лейтенант Новарро нас спас, был кульминацией действия. Но после этого случилось кое-что еще.

— А ваш приятель Новарро меня прямо-таки удивил, — заметил Фошон. — Взять на себя такую ответственность...

— *Au contraire*¹, — возразил Хоб. — Он просто выполнял приказ своего начальника, полковника Санчеса. Санчес был — и остается по сей день — старшим офицером гражданской гвардии на острове. И все преступные группы, принимавшие участие в этом действе, неплохо ему заплатили. Так что, если бы он арестовал в отеле кого-то из торговцев «сомой», наружу выплыла бы его собственная неблагоприятная роль. Чиновники в Мадриде, конечно, получили свой кус пирога, но в этом случае им ничего не оставалось бы, как бросить его волкам в качестве отступного.

— «Бросить волкам в качестве отступного»... — задумчиво повторил Фошон. — Это американское выражение?

— Американское, — кивнул Хоб. — Я его сам только что сочинил к случаю.

— А полковник Санчес действительно был в Мадриде?

— Да нет, конечно! Он был в казармах гражданской гвардии. Но когда полковник услышал, что происходит, он приказал Рамону сообщить всем, что его нет, и действовать по собственному усмотрению.

Фошон покачал головой.

¹ Напротив (франц.).

— Во Франции такое было бы невозможно!

— Еще как возможно! — возразил Хоб. — У французской полиции те же замашки, что и у испанской. Либо смотреть на что-то сквозь пальцы, либо, наоборот, вмешаться чересчур энергично и наломать дров.

— Может, вы и правы, — согласился Фошон. — А что, в Америке не так?

— Полагаю, так везде, — сказал Хоб.

— Ну, так и как же разрешилось все дело?

— Да как обычно. Полдесятка человек были убиты в той перестрелке в отеле. Еще с десяток или около того получили ранения. Оставшиеся помирились и перedelили территорию. Все вышло тем проще, что Аннабель отказалась от права быть верховной жрицей.

— А Арранке? И Сильверно Варгас?

— Возможно, вам будет приятно знать, что оба они выжили.

— А Этьен?

— Жив и здоров. Он получил небольшую рану, которая позволяет ему носить руку на черной шелковой перевязи. Ему очень идет.

— Послушайте, а что Этьен вообще делал в отеле? Я так и не понял...

— Люди Арранке захватили его на вилле Варгаса и привезли в отель, чтобы обеспечить согласие его отца. Этьен положил охрану — я не говорил, что у него черный пояс карате? — и сумел освободить Найджела.

— Понятно, — протянул Фошон. — Ну, а папа с сыном тоже все уладили?

— Полагаю, что да, — сказал Хоб. — Правда, сам я при этом не присутствовал.

— А что с Аннабель? Она помирилась с Арранке или вернулась к Этьену?

— Ни то, ни другое. Уехала в Голливуд. Сумела ли она продать свой сценарий — пока неизвестно. Но агента себе уже нашла.

— А как насчет убийцы Стенли Бауэра? — спросил Фошон.

— Убийцей был Арранке, — сказал Хоб. — Но вряд ли вы когда-нибудь сможете пришить ему это дело. Такова жизнь, инспектор.

— Брат Стенли, наверно, будет страшно разочарован.

— Я сообщил Тимоти обо всем, что сумел узнать, как он и просил. Он мне ничего не ответил.

— Видимо, удовлетворен, — предположил Фошон.

— Да, видимо.

— А та «сома», которую вы нашли в подвале?

— Гвардия про нее и слышать не хотела. Насколько мне известно, теперь она продается на улицах крупных городов Америки и Европы. И хорошо продается, говорят! Впрочем, вам про это известно больше моего.

— Конечно, — кивнул Фошон. — Вы совершенно правы. «Сома» действительно продается. Но более старые криминальные группы — коза ностра, якудза, триады и прочие — недвусмысленно заявляют о том, что им не нравится, когда им перебегают дорогу. В Америке уже началась открытая война между двумя организациями — «Кали-Картелем», что через «к», и «Кали-Картелем», который пишется через «с». Видимо, либо тем, либо другим придется подбирать себе новое название. Очень похоже на Чикаго в старые добрые времена. Торговцы наркотиками мрут как мухи. Откровенно говоря, это избавляет нас от уймы работы.

— Рад слышать, — сказал Хоб. — Это было вовсе не мое дело. И я очень рад со всем этим развязаться.

— Поздравляю, — сказал Фошон. — Ну, а что теперь? Есть у вас на примете какое-нибудь новое дело?

— Да нет пока, — ответил Хоб. — Я тут получил немного денег от дядюшки из Флориды и теперь ремонтирую свою фазенду. Фошон кивнул.

— Ну вот, значит, со всеми разобрались. Кроме Найджела, разумеется. Он так и не получил назад свой подарок для мамы?

— Мы купили для нее другой в «Растро» в Барселоне, — сказал Хоб. — Тоже серебряный сервиз, еще лучше прежнего. Если верить Найджелу, старушка осталась довольна.

— Замечательно, — сказал Фошон. — Ну, и какие же у вас планы на будущее?

— Я возвращаюсь на Ибицу, — ответил Хоб. — Скоро осень. Там это лучшее время года. Туристы расползаются по домам. Есть время подумать...

— Осень — вообще лучшее время года, — вздохнул Фошон. — Жаль, что ее нельзя растянуть на весь год.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕСЯТАЯ ЖЕРТВА. Роман <i>Перевод И. Почиталина</i>	7
ПЕРВАЯ ЖЕРТВА. Роман <i>Перевод С. Коноплева</i>	87
ОХОТНИК-ЖЕРТВА. Роман <i>Перевод С. Коноплева</i>	225
АГЕНТ X, ИЛИ КОНЕЦ ИГРЫ. Роман <i>Перевод И. Тоговой</i>	379
ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО «АЛЬТЕРНАТИВА». Роман <i>Перевод Д. Прошуниной</i>	483
МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ. Роман <i>Перевод А. Филонова</i>	647
СОМА-БЛЮЗ. Роман <i>Перевод А. Хромовой</i>	801

Литературно-художественное издание

Роберт Шекли

ДЕСЯТАЯ ЖЕРТВА

Ответственный редактор *В. Мельник*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *С. Кладов*

Корректоры *Л. Фильцер, С. Горшкова*

В оформлении переплета использована работа художника *Д. Матингли*

ООО «Издательство «Эксмо».

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00.*

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.

Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

Книжные магазины издательства «Эксмо»:

Супермаркет «Книжная страна». Страстной бульвар, д. 8а. Тел. 783-47-96.

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».

Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети:

Книжный супермаркет на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Подписано в печать с готовых монтажей 14.07.2004.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бум. тип.

Усл. печ. л. 50,4. Уч.-изд. л. 59,3.

Доп. тираж 1 5100 экз. Заказ № 1118

ISBN 5-699-03906-6

9 785699 039067 >

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.